3 1761 04010 7427

S 4 170/II

Дръ Ст. Гаковски....

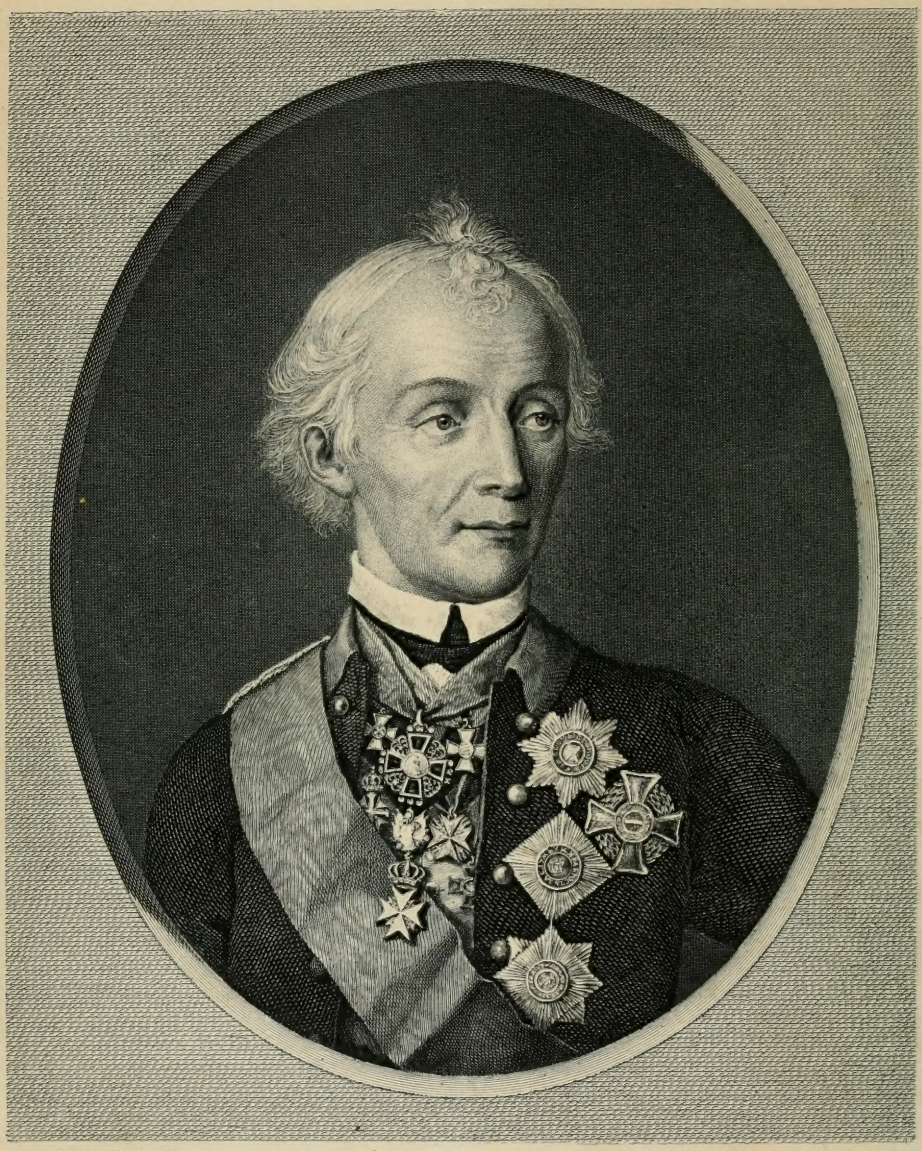
14/II - 29., Просл. IX...

750

Памяти Суворова,

къ столѣтію со дня его кончины,

6 мая 1800—1900.



С. М. Голицынъ Г. Сенаторъ Римскій

1800 г.

1794 г.

Возвышающеся ослабѣваетъ возвышенныхъ понисеніемъ.
понизя не даетъ имъ возрости, ничтожитъ ихъ здравоанит.
Фанцаонной тогда лишъ согласенъ съ патриотомъ когда лич-
ная пользы его къ тому побуждаетъ, иначе они всегда
въ несмѣнной паралаксе. Фортуна вертитъ щастьемъ какъ
колесо спящами и

Долгои мне не воити въ мои Сверу?. въ непрестанной
мечтѣ: пани я не въ Польше, тамъ бы я въ сорокъ дней
кончилъ, здесь войны отнюдь нѣтъ, Крѣпости Анскевра?
тутъ претецтъ Финляндской, могусь вездѣ обращенъ-
бать по почтѣ. ласкоость позлащенная пилюля.

Натащѣ вамъ и домашнимъ боеше благословѣние!

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА, С.П.Б.

ГЕНЕРАЛИСИМУСЪ

КНЯЗЬ СУВОРОВЪ.

А. ПЕТРУШЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ НА-НОВО.

Съ портретомъ и факсимиле.

(Первое изданіе удостоено Императорской Академіей наукъ большой Макарьевской преміи).

519779
22. 3. 51

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1900.

2879

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Ко второму изданію. стран.

Глава 1. Суворовъ въ подготовительномъ періодѣ своей жизни; 1730—1762 1

Глава 2. Командованіе полкомъ; 1762—1768 20

Глава 3. Первая Польская война; Ланцкорона; 1768—1771 . . . 33

Глава 4. Первая Польская война; Сталовичи, Краковъ; 1771—1772 53

Глава 5. Первая Турецкая война; Туртукай, Гирсово, Козлуджи; 1773—1774 74

Глава 6. Въ Заволжьѣ, на Кубани и въ Крыму; 1774—1779 . . 100

Глава 7. Въ Астрахани, на Кубани и въ Кременчугѣ; 1780—1787 122

Глава 8. Въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, семейныя дѣла; 1775—1796 145

Глава 9. Вторая Турецкая война; Кинбурнъ; Очаковъ; 1787—1788 178

Глава 10. Вторая Турецкая война; Фокшаны, Рымникъ; 1789. . . 204

Глава 11. Вторая Турецкая война; Измаилъ; 1790 225

Глава 12. Въ Петербургѣ и Финляндіи; 1791—1792 253

Глава 13. Въ Херсонѣ; 1792—1794 280

Глава 14. Третья Польская война; Крупчицы, Брестъ; 1794 . . . 304

Глава 15. Третья Польская война; Кобылка, Прага; 1794 319

Глава 16. Третья Польская война; Варшава, обезоруженіе; 1794 . 347

Глава 17. Въ Польшѣ послѣ войны; 1794—1795 374

Глава 18. Суворовъ и его дочь; 1784—1795 398

Глава 19. Въ Петербургѣ и Тульчинѣ; 1796 412

Глава 20. Екатерина и Павелъ Петровичъ; 1754—1797 434

Глава 21. Въ Тульчинѣ и Кобринѣ; 1796—1797 456

Глава 22. Въ селѣ Кончанскомъ; 1797—1798 472

Глава 23. Въ Петербургѣ и селѣ Кончанскомъ; 1798—1799 . . . 490

Глава 24. На пути въ армію; 1799 506

Глава 25. Итальянская кампанія; Адда, Миланъ; 1799 534

Глава 26. Итальянская кампанія: Басиньяна, Маренго, Туринъ; 1799 551

СТРАН.

Глава 27. Итальянская кампанія; Треббіа; 1799 575
Глава 28. Итальянская кампанія; Нови; 1799 596
Глава 29. Итальянская кампанія; лагерь при Асти; 1799 627
Глава 30. Швейцарская кампанія; С. Готаръ, Чортовъ мостъ; 1799 651
Глава 31. Швейцарская кампанія; Муттенталь, Кленталь, Рингсикопфъ; 1799 671
Глава 32. Разрывъ союза и возвращеніе въ Россію; 1799—1800 . 699
Глава 33. Болѣзнь Суворова, вторичная его опала и кончина; 1800 723
Глава 34. Суворовъ историческій и легендарный 747
Примѣчанія и поясненія 785
Дополнительные источники 803

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Первое изданіе этой книги имѣло значеніе изслѣдованія, такъ какъ было первой полной монографіей о Суворовѣ, притомъ составленной значительною долей по источникамъ малоизвѣстнымъ или вовсе неизвѣстнымъ. Хотя книга эта къ настоящему времени не совсѣмъ еще разошлась (остается менѣе сотни экземпляровъ), но столѣтняя годовщина кончины Суворова дѣлаетъ новое изданіе своевременнымъ, при условіи измѣненія самаго характера труда, какъ историческаго изслѣдованія. Своевременность новаго изданія подкрѣпляется еще накопленіемъ въ 16 лѣтъ новаго матеріала, правда, ни въ чемъ не измѣняющаго общей характеристики Суворова, но дающаго иное освѣщеніе нѣкоторымъ частностямъ и обогащающаго фактическую сторону предмета, хотя бы въ мелочахъ. Сверхъ того, въ первомъ изданіи много спеціально-военныхъ особенностей и военно-техническихъ подробностей, а также оно довольно богато дидактическимъ элементомъ. Все это желательно въ новомъ изданіи нѣсколько измѣнить, т.-е. одно умѣрить, другое съузить, третье сгладить, неизбѣжныя въ изслѣдованіи длинноты сократить. Иначе говоря, требовалось переработать всю книгу и сдѣлать ее болѣе прежняго литературною, конечно ни на волосъ не измѣняя ея строго-историческаго характера и не допуская ничего похожаго на апологію, или панегирикъ, обыкновенно присущихъ юбилейнымъ произведеніямъ. Такъ и сдѣлано, въ мѣрѣ личныхъ средствъ автора; чрезъ что, между прочимъ, достигнуто сокращеніе текста, а

съ перемѣною еще шрифта и исключеніемъ разныхъ къ тексту приложеній, значительное уменьшеніе издательскаго расхода, что позволило замѣнить три тома однимъ и удешевить книгу въ $2^1/_2$ раза.

Такимъ образомъ книга, предлагаемая нынѣ русской образованной публикѣ, военной и не-военной, есть мѣстами дополненное, мѣстами сокращенное, а вообще измѣненное въ вышеобъясненномъ смыслѣ жизнеописаніе Суворова, впервые появившееся въ 1884 году. Въ концѣ книги сдѣлано указаніе на дополнительные источники и помѣщены примѣчанія, выдѣленныя изъ текста въ особую рубрику, для удобства чтенія. Съ появленіемъ этой книги, первое ея изданіе становится для публики ненужнымъ; но смѣемъ думать, что по количеству историческаго матеріала и указаній на источники, оно сохранитъ свое значеніе—подспорья для занимающихся исторіей той эпохи, а слѣдовательно для библіотекъ лишнимъ не будетъ.

А. П.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Суворовъ въ подготовительномъ періодѣ своей жизни.

1730 — 1762.

При московскомъ великомъ князѣ Семенѣ Ивановичѣ Гордомъ, выѣхали изъ Швеціи въ Московскую землю «мужи честны» Павлинъ съ сыномъ Андреемъ и тутъ поселились [1]). Потомство ихъ росло, множилось и разселялось; одинъ изъ этихъ потомковъ назывался Юда Суворъ; отъ него пошелъ родъ Суворовыхъ.

Дѣдъ генералиссимуса, Иванъ Григорьевичъ Суворовъ, служилъ при Петрѣ Великомъ въ Преображенскомъ полку генеральнымъ писаремъ, былъ дважды женатъ и умеръ въ 1715 году; отъ первой жены онъ имѣлъ сына Ивана, отъ второй (Марфы Ивановны) Василія и Александра. Всѣ три сына Ивана Григорьевича были женаты и оставили по себѣ потомство; Василій Ивановичъ имѣлъ сына Александра (будущаго генералиссимуса) и дочерей Анну и Марію.

Василій Ивановичъ Суворовъ родился въ 1705 году; крестнымъ отцомъ его былъ Петръ Великій, къ которому онъ поступилъ въ 1722 году денщикомъ и переводчикомъ, при Екатеринѣ I выпущенъ лейбъ-гвардіи отъ бомбардиръ сержантомъ, два года спустя пожалованъ въ прапорщики Преображенскаго полка, гдѣ и оставался до капитанскаго чина. Въ началѣ 40-хъ годовъ Василій Ивановичъ былъ генералъ-бергъ директоріума

прокуроромъ въ чинѣ полковника, въ декабрѣ 1753 года получилъ генеральскій чинъ и назначенъ членомъ коллегіи.

Василій Ивановичъ Суворовъ былъ человѣкъ вообще хорошій, съ образованіемъ, ретивый, исполнительный служака, способный администраторъ, особенно по части хозяйственной; но во всякомъ случаѣ изъ ряда не выступалъ и никакими военными качествами не отличался. Съ сыномъ онъ имѣлъ очень мало общаго; главною точкою соприкосновенія ихъ характеровъ была бережливость или скупость, но и то совершенно различнаго свойства. Въ Василіѣ Ивановичѣ, при его несомнѣнно-твердомъ характерѣ, не было однако ничего похожаго на ту поражающую энергію и необыкновенное развитіе воли, которыя оказались потомъ отличительными чертами его сына. О матери А. В. Суворова извѣстно только то, что имя ея было Авдотья Федосѣевна и что вышла она замужъ за Василія Ивановича въ концѣ 1720-хъ годовъ. Отецъ ея, Мануковъ, былъ дьякъ, въ 1737 году находился на службѣ петербургскимъ воеводой и въ концѣ года состоялъ подъ судомъ за служебныя злоупотребленія. Дочь его, мать А. В. Суворова, жила не менѣе 15 лѣтъ послѣ рожденія своего знаменитаго сына, значитъ могла вліять на его воспитаніе, но до насъ не дошло о ней никакихъ свѣдѣній.

Родился А. В. Суворовъ въ 1730 году, 13 ноября, но гдѣ именно — неизвѣстно [2]). Одни говорятъ, что въ Москвѣ, другіе, что въ Финляндіи, но ничѣмъ своихъ словъ не подтверждаютъ. Принадлежа къ дворянскому роду, хотя не знатному, но старому и почтенному, онъ появился на свѣтъ при матеріальной обстановкѣ не блестящей, однако безбѣдной, ибо отецъ его владѣлъ въ то время приблизительно тремя стами душъ. Но В. И. былъ порядочно скупъ, даже до скаредности; это сильно тормозило первоначальное образованіе его сына и могло бы привести къ плачевнымъ послѣдствіямъ, если бы не служили противовѣсомъ отцовской скупости врожденныя способности ребенка и необыкновенная его любознательность. Къ числу изучаемыхъ имъ предметовъ относились между прочимъ языки французскій, нѣмецкій и, въ меньшей степени, италіанскій; другіе, какъ польскій, арабскій, турецкій, финскій, онъ изучилъ впослѣдствіи, въ зрѣлые и даже преклонные годы. Слѣдуетъ однако замѣтить, что не только

эти послѣдніе, но и первые онъ усвоилъ далеко не совершенно, качественно и количественно, и хотя позже въ двухъ первыхъ очень напрактиковался и выражался свободно и бойко въ разговорѣ и на письмѣ, но все-таки далеко неправильно. Впрочемъ, неправильность эта бьетъ въ глаза и въ его русскомъ языкѣ; она происходила столько же отъ дурного первоначальнаго обученія, сколько свидѣтельствовала живой темпераментъ, нетерпѣливость и энергію Суворова, отличавшагося по его собственному выраженію, «быстронравіемъ». Неправильности его русской рѣчи и письма скорѣе даже увеличились, чѣмъ уменьшились къ его старости.

Изученіе языковъ было однако не цѣлью, а средствомъ; цѣль заключалась въ будущей дѣятельности и соотвѣтственномъ къ ней приготовленіи. Василій Ивановичъ былъ военнымъ только по званію, вкуса къ военному дѣлу не имѣлъ и сына своего къ военной службѣ не предназначалъ, тѣмъ паче, что тотъ былъ малъ, тощъ, хилъ и некрасивъ. Василій Ивановичъ рѣшилъ пустить его по службѣ гражданской, быть можетъ дипломатической. Но призваніе его ребенка — сына было совсѣмъ другое. Ознакомившись кое-какъ съ нѣсколькими языками и принявшись за дѣтское чтеніе, онъ сталъ останавливаться на книгахъ военно-историческаго содержанія, потомъ искать ихъ и ими зачитываться. Въ числѣ такихъ книгъ, въ библіотекѣ его отца имѣлись нѣкоторыя, оказавшіяся ребенку по силамъ; онѣ сильно горячили его воображеніе, исполняя роль масла, подливаемаго въ огонь. Занятія принимали усиленный ходъ и спеціальный характеръ; мальчикъ, отъ природы подвижной, веселый и живой, сталъ засиживаться за книгами, убѣгалъ компаніи сверстниковъ, пренебрегалъ дѣтскими играми, старался не выходить къ гостямъ, или тайкомъ уходилъ отъ нихъ въ свою свѣтелку. Къ этому присоединились нѣкоторыя странности или неровности характера: бросивъ книги, маленькій Суворовъ скакалъ верхомъ, возвращался усталый, промоченный дождемъ, пронизанный вѣтромъ. Вообще начинала кидаться въ глаза какъ будто ненормальность ребенка. Отецъ дѣлалъ ему замѣчанія, выговоры, — мальчикъ сталъ все больше замыкаться въ своемъ любимомъ мірѣ, питаться мечтами и грезами; препятствія

только вырабатывали въ немъ волю, безъ того упругую, и дѣло продолжало двигаться своимъ путемъ. Василій Ивановичъ махнулъ на сына рукой, а посторонніе окрестили мальчика какой-то насмѣшливой кличкой.

Александру Васильевичу Суворову исполнилось 11 лѣтъ; къ его отцу заѣхалъ старый знакомый, генералъ Ганнибалъ, негръ, питомецъ Петра Великаго. Василій Ивановичъ, бесѣдуя съ гостемъ, коснулся и своего сына, разсказавъ о его занятіяхъ и причудахъ. Ганнибалъ разспросилъ отца, поговорилъ съ сыномъ, пересмотрѣлъ его книги. Дѣло было до того ясно, наклонности мальчика въ такой степени опредѣлительны и любовь къ занятіямъ военными науками имѣла такой страстный характеръ, что колебаться было нечего. Ганнибалъ посовѣтовалъ Суворову-отцу не препятствовать сыну, а поощрять его въ предпринятыхъ занятіяхъ и сказалъ, что блаженной памяти Петръ Великій непремѣнно поцѣловалъ бы мальчика въ лобъ за его настойчивые труды. Совѣтъ былъ добрый, отецъ ему послѣдовалъ и, кромѣ того, уступая желанію сына, записалъ его въ 1742 году въ гвардію, въ Семеновскій полкъ, рядовымъ, по обычаю того времени; туда онъ поступилъ, впрочемъ три года позже. Затѣмъ мальчикъ продолжалъ свое образованіе дома, по прежнему безъ системы и постояннаго руководительства, почти самоучкой. Онъ познакомился мало по малу съ Плутархомъ, Корнеліемъ Непотомъ, съ дѣяніями Александра, Цезаря, Аннибала и другихъ знаменитыхъ полководцевъ древности, съ походами Карла XII, Монтекукули, Конде, Тюренна, принца Евгенія, маршала Саксонскаго и многихъ иныхъ. Изученіе исторіи и географіи у него шло кромѣ того по Гюбнеру и Ролленю, а начала философіи по Вольфу и Лейбницу. Артиллерію и фортификацію онъ изучалъ подъ руководствомъ своего отца, который былъ знакомъ съ инженерною наукою больше, чѣмъ съ какой-либо другой и даже, по утвержденію нѣкоторыхъ, перевелъ на русскій языкъ Вобана. Позже, въ перепискѣ и бесѣдѣ, А. В. Суворовъ часто вспоминалъ высокочтимыя имъ имена великихъ полководцевъ древности и называлъ ихъ своими учителями, особенно Цезаря. Очень вѣрно замѣтилъ одинъ изъ лучшихъ писателей о Суворовѣ, что военный его геній, несмотря на всю свою оригиналь-

ность, выработался подъ вліяніемъ классическихъ впечатлѣній. Весьма важную роль въ образованіи Суворова занимала еще религіозная сторона; онъ отличался набожностью и благочестіемъ, любилъ сидѣть надъ библіей и изучилъ въ совершенствѣ весь церковный кругъ.

Съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ увлеченный примѣрами военныхъ знаменитостей, онъ ими только и жилъ, ими только и дышалъ; никѣмъ не направляемый, онъ не могъ добровольно дѣлить свое время между занятіями военными и не военными и послѣднимъ удѣлялъ свой трудъ лишь въ размѣрѣ крайней необходимости. Только утоливъ въ извѣстной степени жажду, могъ онъ перейти къ занятіямъ общеобразовательнымъ, и совершилось это тогда, когда сталъ онъ человѣкомъ зрѣлымъ, хотя по лѣтамъ и очень еще молодымъ. Во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что общее образованіе Суворова выросло на спеціально-военной основѣ, долженъ быть принятъ во вниманіе при его характеристикѣ.

Находясь въ полку и продолжая работать надъ своимъ образованіемъ, Суворовъ въ это время посѣщалъ кадетскій корпусъ, но это обстоятельство едва-ли имѣло большое вліяніе на качество и объемъ его образованія и развѣ внесло въ запасъ его знаній нѣкоторую систематичность. Корпусными уроками онъ не ограничивался и продолжалъ усиленно заниматься дома, на небольшой наемной квартирѣ. Все это время, безъ малѣйшаго исключенія, уходило на службу, на посѣщеніе классовъ кадетскаго корпуса и на домашнія научныя занятія; онъ рѣшительно не бывалъ нигдѣ больше. Получая отъ отца извѣстную сумму на свое содержаніе, конечно очень небольшую, Суворовъ однако ухитрялся дѣлать экономію и все скопленное употреблялъ на покупку книгъ; но такъ какъ остатки были не велики, то доставалъ книги на прочтеніе отовсюду, откуда только могъ, въ томъ числѣ вѣроятно и изъ кадетскаго корпуса. Такъ проходило его время въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ.

Каковъ онъ былъ въ занятіяхъ научныхъ, таковъ и въ службѣ. Поступивъ въ полкъ на 15 году отъ роду, онъ тотчасъ же сдѣлался дѣйствительнымъ солдатомъ. Онъ учился службѣ съ увлеченіемъ, знакомился съ нею во всѣхъ подробностяхъ, для него даже необязательныхъ; несъ на себѣ обязан-

ности солдата въ служебныхъ положеніяхъ важныхъ и неважныхъ, легкихъ и трудныхъ. Для него это было *нужно*, какъ нужны были научныя занятія; передъ нимъ въ неопредѣленной дали свѣтилась едва видимая точка, дойти до которой онъ задался во что бы то ни стало. Эта отдаленная цѣль показалась бы для другихъ абсурдомъ, бредомъ больного воображенія; но Суворовъ должно быть чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для того, чтобы добиваться этой якобы несбыточной мечты и обдумалъ для того программу. Въ программу входили развитіе ума и укрѣпленіе тѣла, что онъ уже дѣлалъ; входило въ нее и рѣшеніе — ознакомиться съ солдатскою средою вполнѣ, безъ оглядокъ и компромиссовъ. Къ этой части программы онъ и приступилъ тотчасъ, какъ попалъ въ полкъ.

Въ бытность свою солдатомъ, онъ изучилъ во всей подробности воинскіе уставы и постановленія, бывалъ постоянно на строевыхъ ученьяхъ и ходилъ въ караулъ; самъ чистилъ ружье, называя его своей женой; раздѣлялъ съ нижними чинами всѣ ихъ служебные труды. Въ немъ не было и тѣни дилетантскаго верхоглядства или резонерства; все было для него достойно вниманія и строгаго исполненія; онъ ничего не дѣлалъ на половину или кое-какъ, а все заканчивалъ; всякую обязанность свою или служебное требованіе исполнялъ съ величайшею точностью, граничившею съ педантствомъ. Его уму былъ присущъ духъ критики, но онъ далъ ему волю только впослѣдствіи; теперь онъ *учился*,—и критикѣ мѣста не было. Такого разбора солдатъ не можетъ быть зауряднымъ служакой, и дѣйствительно Суворовъ былъ образцомъ для всѣхъ. Между тѣмъ это не могло доставаться ему легко; въ полку застигъ его тотъ возрастъ, когда здоровье требуетъ особеннаго о себѣ попеченія. Но Суворовъ вышелъ и тутъ побѣдителемъ, продолжая начатую дома закалку своей натуры. Это былъ цѣлый прикладной курсъ гигіены, обдуманный и съ большимъ терпѣніемъ исполняемый. Суворовъ положительно укрѣпилъ свое здоровье и, будучи съ виду щедушнымъ и хилымъ, лучше иныхъ здоровяковъ переносилъ усталость, голодъ, ненастье и всякаго рода лишенія.

Почти никакихъ подробностей о его службѣ въ нижнемъ званіи до насъ не дошло, кромѣ одного случая, который онъ

самъ потомъ разсказывалъ. Изъ числа военныхъ занятій мирнаго времени, караульная служба имѣетъ наиболѣе важности и исполняется почти безъ измѣненій, совершенно также, какъ и въ военное время, чего про многое другое сказать нельзя. Поэтому строгое, педантическое исполненіе всѣхъ мелочныхъ требованій караульной службы есть непремѣнное условіе солдатскаго воспитанія и образованія. Именно въ этомъ солдату-Суворову и пришлось однажды выдержать испытаніе. Будучи въ Петергофѣ въ караулѣ, онъ стоялъ на часахъ у Монплезира. Императрица Елизавета Петровна проходила мимо; Суворовъ отдалъ ей честь. Государыня почему-то обратила на него вниманіе и спросила, какъ его зовутъ. Узнавъ, что онъ сынъ Василія Ивановича, который былъ ей извѣстенъ, она вынула серебряный рубль и хотѣла дать молодому Суворову. Онъ отказался взять, объяснивъ, что караульный уставъ запрещаетъ часовому брать деньги. «Молодецъ», сказала Государыня: «знаешь службу»; потрепала его по щекѣ и пожаловала поцѣловать свою руку. «Я положу рубль здѣсь, на землѣ», прибавила она: «какъ смѣнишься, такъ возьми». Крестовикъ этотъ Суворовъ хранилъ всю свою жизнь.

Долго тянулъ Суворовъ солдатскую лямку. Въ 1747 году былъ онъ произведенъ въ капралы, черезъ $2^1/_2$ года въ подпрапорщики, въ 1751 году въ сержанты. Въ своемъ прошеніи въ Московское дворянское депутатское собраніе онъ говоритъ, что состоялъ въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ съ исправленіемъ разныхъ должностей и трудныхъ посылокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на него возлагались порученія, требовавшія распорядительности, но изъ нихъ намъ извѣстно только одно: сержантъ Суворовъ былъ посланъ въ Дрезденъ и Вѣну съ депешами въ 1752 году, гдѣ и находился съ марта по октябрь. Причиною выбора Суворова для такой командировки было конечно, кромѣ его служебной репутаціи, также и знакомство его съ иностранными языками.

Наконецъ 15 апрѣля 1754 года Суворовъ былъ произведенъ въ офицеры и поступилъ въ Ингерманландскій пѣхотный полкъ поручикомъ. Поздно дослужился онъ до офицерскаго чина; ему тогда шелъ уже 25 годъ, а въ этомъ возрастѣ многіе въ то время бывали полковниками, даже генералами. Но производство въ чины можно было наверстать впослѣдствіи, что онъ и сдѣлалъ,

а долгая, заправская солдатская школа никакимъ дальнѣйшимъ опытомъ не замѣнялась. Кто въ ней не былъ, для того этотъ недостатокъ оставался невознаградимымъ. Суворовъ это хорошо понималъ и позже говаривалъ: «я не прыгалъ съ молоду, за то прыгаю теперь». Онъ не былъ скороспѣлкой, какъ многіе другіе, за то успѣлъ развить въ себѣ качества, искуственному росту не присущія.

Первые годы его офицерской службы извѣстны еще меньше солдатской. Въ Пигерманландскомъ полку прослужилъ онъ около двухъ лѣтъ, причемъ бывалъ часто у отца и, по его довѣренности, хлопоталъ въ присутственныхъ мѣстахъ по разнымъ хозяйственнымъ дѣламъ. Въ январѣ 1756 года его повысили въ оберъ-провіантмейстеры и послали въ Новгородъ; въ октябрѣ того же года сдѣлали генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ, съ состояніемъ при военной коллегіи; въ декабрѣ переименовали въ премеръ-маіоры. Слѣдовательно первые годы по производствѣ въ офицеры, онъ только временами несъ строевую службу и, по всей вѣроятности, ротой не командовалъ. Въ чемъ именно заключались его обязанности въ Новгородѣ и при военной коллегіи,—не знаемъ; но судя по его взглядамъ и вкусамъ позднѣйшаго времени, надо полагать, что занятія эти приходились ему не по нутру.

Въ эту пору Суворовъ продолжалъ ревностно заниматься своимъ умственнымъ образованіемъ, которое приняло теперь болѣе общее развитіе. Онъ не хотѣлъ быть только ремесленникомъ военнаго дѣла и именно потому, что ставилъ его выше всякаго другого. Изъ предметовъ общаго образованія, исторія и литература стояли у него на первомъ планѣ, но не исключали никакихъ другихъ знаній. Литературныя знаменитости послѣдняго времени были ему хорошо извѣстны, и онъ любилъ ихъ впослѣдствіи цитировать при каждомъ удобномъ случаѣ. Онъ теперь не только много читалъ, но пробовалъ и писать. Въ Петербургѣ, при кадетскомъ корпусѣ, составилось въ царствованіе Елизаветы Петровны первое Общество любителей русской словесности и первый русскій театръ. Находясь по временамъ въ Петербургѣ, Суворовъ посѣщалъ это общество и читалъ тамъ свои литературные опыты. Они написаны въ любимой формѣ

того времени, именно въ видѣ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. Бесѣдуетъ Кортецъ съ Монтецумой и Александръ Македонскій съ Геростратомъ. Монтецума доказываетъ Кортецу, что благость и милосердіе необходимы героямъ. Во второмъ разговорѣ авторъ, сопоставляя подвиги Александра съ поступкомъ Герострата, старается показать разницу между истинною любовью къ славѣ и тщеславной жаждой извѣстности. Суворовъ читалъ оба разговора въ Обществѣ любителей русской словесности, и въ 1756 году они были напечатаны, въ издававшемся при Академіи наукъ первомъ русскомъ журналѣ подъ заглавіемъ «Ежемѣсячныя сочиненія». Подъ первымъ разговоромъ подписано С., подъ вторымъ А. С. [3]). Они не обнаруживаютъ ни богатства мыслей, ни литературнаго таланта, написаны искуственнымъ языкомъ и вообще ничѣмъ не замѣчательны. Быть можетъ даже, что эти произведенія не оригинальныя, а переводныя. Но и въ этомъ случаѣ они имѣютъ цѣну, указывая на направленіе мыслей Суворова, выраженное въ словахъ Монтецумы и Александра.

Тѣмъ временемъ открылась Семилѣтняя война, вызванная Пруссіей. Пруссія сдѣлалась лишь въ XVII столѣтіи государствомъ независимымъ и только въ началѣ XVIII вѣка возведена на степень королевства. При вступленіи на престолъ Фридриха Великаго, государство его состояло все-таки изъ территоріи небольшой, населенной 4 милліонами жителей и хотя было далеко не богато, но отличалось сравнительнымъ благоустройствомъ и обладало хорошо организованною военною силой. Это доброе наслѣдіе не осталось въ рукахъ Фридриха мертвымъ капиталомъ; вмѣшавшись въ споръ Австріи съ Франціей, онъ присоединилъ къ Пруссіи Силезію. Честолюбивые замыслы Фридриха и его способность приводить ихъ въ исполненіе стали очевидны; поэтому старые счеты были отложены въ сторону, прежніе враги соединились, и противъ Пруссіи составилась могущественная коалиція. Австрія, Франція, Польша, Саксонія, Швеція, большая часть германскихъ князей, а потомъ и Россія, — таковъ былъ искуственный союзъ, грозившій самому существованію Пруссіи. Война разгорѣлась и не замедлила выразиться положительными фактами.—Саксонскій курфюрстъ бѣжалъ въ свое

Польское королевство, Дрезденъ занятъ, Австрійцы разбиты,—а Русскіе все какъ будто чего-то выжидали. Армія ихъ готовилась не торопясь, главнокомандующій еще не былъ назначенъ, вообще при дворѣ не спѣшили. Мало хорошаго сулила эта медленность въ виду такого противника, какъ Фридрихъ.

Преміеръ-маіору Суворову открылась возможность вступить наконецъ на боевое поприще, къ которому онъ такъ усердно готовился и хотя въ армію онъ попалъ въ 1757 году, но все-таки получилъ не то, чего желалъ. Онъ туда направился въ званіи оберъ-провіантмейстера, но былъ оставленъ въ тылу, въ Мемелѣ, гдѣ ему поручено было завѣдываніе продовольственнымъ пунктомъ, т.-е. организація подвозовъ, сборъ подводъ, покупка запасовъ, отправка ихъ въ армію и т. под. Возложили на него еще одно порученіе—препровожденіе къ нашей арміи, въ Пруссію, вновь сформированныхъ въ Лифляндіи и Курляндіи третьихъ батальоновъ. Но отъ всего этого до боевого дѣла было еще далеко.

Нѣкоторое время спустя ему однако удалось добиться своего, благодаря протекціи отца: въ 1759 году, въ чинѣ подполковника, онъ получилъ новое назначеніе и поступилъ сперва подъ начальство князя Волконскаго, а потомъ опредѣленъ къ генералъ-аншефу графу Фермору дивизіоннымъ и затѣмъ генеральнымъ дежурнымъ, т.-е. назначенъ къ исправленію должности въ родѣ начальника штаба.

Тѣмъ временемъ военныя дѣйствія Русскихъ шли не важно. Первая ихъ кампанія, 1757 года, велась подъ главнымъ начальствомъ графа Апраксина. Медленно, черепашьимъ шагомъ пришла русская армія, одержала побѣду при Гросъ-Егерсдорфѣ, простояла цѣлую недѣлю безъ дѣла и ушла назадъ. Движеніе впередъ показало неспособность русской арміи къ быстрымъ маршамъ, а обратный походъ послѣ побѣды, въ осеннюю распутицу, былъ для войскъ бѣдственнѣе всякаго пораженія и кромѣ того свидѣтельствовалъ о неподготовленности къ войнѣ арміи и ея главнокомандующаго. Этотъ результатъ одержанной побѣды былъ до того неожиданъ, что даже явилось несправедливое подозрѣніе въ измѣнѣ Апраксина. Да и самая побѣда была гораздо больше плодомъ храбрости русскихъ войскъ, чѣмъ искуства ихъ вождя.

Апраксина смѣнили, назначили Фермора. Въ 1758 году онъ занялъ покинутое королевство Прусское и медленными переходами двинулся въ Бранденбургскую мархію. Фридрихъ искусными маневрами оттѣснилъ его и при Цорндорфѣ атаковалъ съ ожесточеніемъ. Побѣда Пруссаковъ была нерѣшительная; каждая армія сохранила свою часть поля сраженія и обѣ на второй день отступили, боязливо наблюдая другъ за другомъ. Въ Петербургѣ опять были недовольны; назначили главнокомандующимъ графа Салтыкова, но предложили Фермору остаться въ арміи корпуснымъ командиромъ. Онъ согласился. Армія двинулась къ Одеру вмѣстѣ съ Австрійцами Лаудона, при Кунерсдорфѣ произошло въ августѣ 1759 года жестокое сраженіе. Фридрихъ былъ совершенно разбитъ, войска его бѣжали въ безпорядкѣ, потеря съ обѣихъ сторонъ оказалась громадная, но результата опять недостигнуто почти никакого. Въ рукахъ Салтыкова находилась судьба Пруссіи и Фридриха: перейдя въ энергическое наступленіе, онъ могъ окончить войну въ эту кампанію, но не сдѣлалъ ничего. Фридрихъ Великій чрезъ нѣсколько недѣль снова принялъ грозное положеніе. А Салтыковъ въ конецъ разссорился съ имперскимъ главнокомандующимъ Дауномъ, отступилъ на зимнія квартиры и уѣхалъ въ Петербургъ.

Легко понять, какое впечатлѣніе все это произвело на молодого, даровитаго подполковника Суворова. Въ этомъ 1759 году онъ прибылъ къ арміи; въ полѣ на его глазахъ происходило первое для него военное дѣло—занятіе Кроссена въ Селезіи, а въ августѣ онъ въ первый разъ принималъ участіе въ сраженіи, именно подъ Кунерсдорфомъ. Онъ не командовалъ еще никакою частью войскъ, слѣдовательно не былъ погруженъ въ интересы своей собственной, маленькой сферы; на его глазахъ двигались главные рычаги войны, и онъ имѣлъ возможность, въ качествѣ заправлявшаго штабомъ, критически относиться ко всему происходившему. Будучи къ этому склоненъ по самому свойству своего ума, онъ такъ и поступалъ; но мы можемъ привести лишь одинъ дошедшій до насъ случай, подтверждающій такое предположеніе. Когда, послѣ Кунерсдорфской побѣды, Салтыковъ остался стоять на мѣстѣ и даже не послалъ казаковъ для преслѣдованія бѣгущаго непріятеля, Суворовъ сказалъ Фер-

мору: «на мѣстѣ главнокомандующаго я бы сейчасъ пошелъ на Берлинъ». Что сдѣлалъ бы Суворовъ на мѣстѣ Салтыкова, того именно и боялся Прусскій король. Онъ писалъ королевѣ, чтобы она торопилась выѣзжать изъ Берлина съ королевскимъ семействомъ и приказала бы вывозить архивъ, такъ какъ городъ можетъ попасть въ руки непріятеля. Къ счастію Фридриха, онъ имѣлъ передъ собой не Суворова, а Салтыкова.

Салтыковъ вернулся съ чиномъ фельдмаршала и съ строгимъ повелѣніемъ—вести энергическую наступательную войну. Но несогласіе Дауна и Салтыкова пустило ужъ слишкомъ глубокіе корни и воспрепятствовало единодушному дѣйствію. Послѣ разныхъ передвиженій, Русскіе удалились и размѣстились по зимнимъ квартирамъ въ Польшѣ, ознаменовавъ кампанію 1760 года лишь смѣлымъ партизанскимъ набѣгомъ на Берлинъ, подъ начальствомъ Чернышева, авангардомъ котораго командовалъ Тотлебенъ. Въ набѣгѣ участвовалъ и Суворовъ, но участіе его не было выдающимся и ничего замѣчательнаго не представляетъ. Сохранился только одинъ эпизодъ, свидѣтельствующій человѣколюбіе Суворова и его шутливость. При нападеніи на Берлинъ, казаки захватили красиваго мальчика. Суворовъ взялъ его къ себѣ, заботился о немъ въ продолженіе всего похода и, по прибытіи на квартиры, послалъ вдовѣ, матери мальчика, письмо такого содержанія: «Любезнѣйшая маменька, вашъ маленькій сынокъ у меня въ безопасности. Если вы захотите оставить его у меня, то онъ ни въ чемъ не будетъ терпѣть недостатка, и я буду заботиться о немъ, какъ о собственномъ сынѣ. Если же желаете взять его къ себѣ, то можете получить его здѣсь, или напишите мнѣ, куда его выслать». Мать конечно пожелала получить сына обратно.

Есть также извѣстіе, что Суворовъ посѣщалъ прусскія масонскія ложи. Можетъ статься, такъ какъ онъ былъ человѣкъ любознательный; но сомнительно, чтобы онъ самъ былъ когда либо масономъ.

Въ этомъ же году отецъ его былъ отправленъ за границу, для устройства продовольствія арміи во время похода, и порученіе это исполнилъ успѣшно; затѣмъ назначенъ сенаторомъ, а въ декабрѣ губернаторомъ занятаго королевства Прусскаго, на

мѣсто генерала Корфа. Въ этой должности онъ состоялъ до марта или апрѣля 1762 года, правилъ провинціею умно, успѣшно заботясь объ увеличеніи доходовъ, самъ же жилъ скромно, давая иногда балы для двухъ своихъ дочерей. Наѣзжалъ къ нему въ Кенигсбергъ на короткое время и сынъ.

Салтыкова замѣнили Бутурлинымъ; при немъ дѣла пошли чуть ли не хуже прежняго; по крайней мѣрѣ Русскіе, при своихъ значительныхъ силахъ, сдѣлали въ 1761 г. не больше, чѣмъ въ предшествовавшіе годы. Прежде Салтыковъ препирался и ссорился съ Дауномъ, теперь то же самое происходило у Бутурлина съ Лаудономъ. Въ это время былъ, между прочимъ, сформированъ Бутурлинымъ летучій отрядъ генерала Берга и по просьбѣ послѣдняго къ нему назначенъ подполковникъ Суворовъ, какъ офицеръ, обладающій особенными способностями. Такимъ образомъ Суворовъ разстался съ Ферморомъ. Они сдѣлались близкими людьми, и подчиненный пользовался особеннымъ расположеніемъ начальника. Даже въ старости Суворовъ хранилъ благодарную память о Ферморѣ. Почти 30 лѣтъ спустя, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ князю Потемкину, онъ вспомнилъ про давняго своего начальника съ чувствомъ неостывшей признательности и сказалъ: «у меня было два отца—Суворовъ и Ферморъ».

Корпусъ Берга тронулся на Бреславль, прикрывая отступленіе русской арміи. Тутъ Суворову впервые привелось командовать небольшимъ отрядомъ въ бою, и онъ при помощи одного артиллерійскаго огня отбилъ непріятеля при дер. Рейхенбахѣ и заставилъ его ретироваться. Въ другой разъ, близъ Лигница, онъ успѣшно командовалъ крыломъ Бергова корпуса въ 2000 человѣкъ въ дѣлѣ, продолжавшемся цѣлый день. Подъ Швейдницомъ онъ безпрестанно тревожилъ прусскій лагерь, отличаясь замѣчательною неусыпностью и настойчивостью. Когда прусскій генералъ Платенъ направился къ Кольбергу лѣвымъ берегомъ Варты, Суворовъ съ сотнею казаковъ переправился вплавь черезъ рѣку Нетцу, сдѣлалъ ночной переходъ болѣе, чѣмъ въ 40 верстъ, подошелъ къ Ландсбергу на Вартѣ, разбилъ городскія ворота, захватилъ до 30 прусскихъ гусаръ и сжогъ половину моста (больше не успѣлъ), такъ что Платенъ долженъ былъ наводить

понтоны и собирать мѣстныя лодки, чрезъ что потерялъ много времени, а это и требовалось. Послѣ того Суворовъ, въ половинѣ сентября, прорвалъ прусскіе аванпосты, побилъ больше 100 человѣкъ и взялъ въ плѣнъ до 70. Въ этихъ мелкихъ дѣлахъ Суворовъ обнаружилъ такую отвагу, быстроту и умѣлость, что о немъ было доведено до свѣдѣнія главнокомандующаго. Бутурлинъ представилъ его къ наградѣ, донося Императрицѣ, что Суворовъ «себя передъ прочими гораздо отличилъ», а отцу его, Василію Ивановичу, написалъ любезное письмо, свидѣтельствуя, что его храбрый сынъ «у всѣхъ командировъ особливую пріобрѣлъ любовь и похвалу».

Какъ бы поддерживая лестные отзывы главнокомандующаго, Суворовъ продолжалъ отличаться смѣлостью и даже дерзостью своихъ дѣйствій. Однажды во время лихой атаки онъ завязъ въ болотѣ вмѣстѣ съ конемъ и выбрался благополучно лишь благодаря подоспѣвшему драгуну. Въ другомъ дѣлѣ, также при дерзкой атакѣ, онъ съ горстью людей былъ окруженъ, но пробился, сохранивъ даже прежде взятыхъ плѣнныхъ и бросивъ лишь пушки. Въ третій разъ ночью, проѣзжая чрезъ густой лѣсъ съ двумя казаками и проводникомъ, онъ былъ застигнутъ грозою съ ливнемъ, проплуталъ всю ночь, такъ какъ проводникъ бѣжалъ и на разсвѣтѣ чуть не наткнулся на непріятельскіе аванпосты. Суворовъ нетолько не растерялся, но даже извлекъ изъ своего положенія выгоду, высмотрѣвъ расположеніе непріятеля и сосчитавъ его силы, а затѣмъ, никѣмъ не замѣченный, отыскалъ свой отрядъ. Въ происшедшемъ вслѣдъ затѣмъ дѣлѣ, Суворовъ опрокидывалъ нѣсколько разъ прусскую кавалерію, заставилъ положить оружіе два батальона пѣхоты, захватилъ въ плѣнъ фуражировъ и взялъ открытой силою городокъ Гольнау, причемъ былъ дважды раненъ. Еще ярче выказалъ Суворовъ свои боевыя качества при преслѣдованіи Бергомъ принца Виртембергскаго, командуя временно Тверскимъ драгунскимъ полкомъ, такъ что Бергъ счелъ нужнымъ снова рекомендовать его главнокомандующему.

Очень тяжела была эта зимняя кампанія. Тверской драгунскій полкъ дѣлалъ ее по распоряженію Суворова безъ обозовъ, ради большей подвижности, но отъ этого нисколько не пострадалъ и даже больныхъ имѣлъ очень мало.

Къ концу года сдалась важная крѣпость Кольбергъ, благодаря настойчивости Румянцева, который хотя давно получилъ отъ Бутурлина приказаніе—снять блокаду, но продолжалъ ее на собственный страхъ. Кампанія 1761 года была окончена. Командиръ Тверского драгунскаго полка выздоровѣлъ, вернулся и принялъ отъ Суворова свой полкъ обратно. Суворову было поручено командованіе Архангелогородскими драгунами, и въ общемъ представленіи объ отличившихся, Румянцевъ помѣстилъ его какъ кавалерійскаго штабъ-офицера, который хотя и числится на службѣ въ пѣхотѣ, но обладаетъ свѣдѣніями и способностями прямо—кавалерійскими. Перемѣна рода службы Суворова почему-то однако не состоялась. Генералъ Бергъ тоже отозвался о немъ съ большою похвалой, какъ объ отличномъ кавалерійскомъ офицерѣ, «который быстръ при рекогносцировкѣ, отваженъ въ бою и хладнокровенъ въ опасности». Румянцевъ и Бергъ были только отголоскомъ русской арміи, въ которой Суворовъ пріобрѣлъ уже лестную репутацію.

Въ декабрѣ 1761 года Императрица Елизавета скончалась; Фридрихъ былъ спасенъ. Борьба съ слишкомъ неравными силами становилась ему съ каждымъ годомъ все труднѣе, а послѣдняя кампанія была уже напряженіемъ отчаянія, ибо прусскія боевыя силы спустились до какихъ-нибудь 50,000 человѣкъ новонабраннаго, кое-какъ обученнаго, неопытнаго войска. Катастрофа видимо была не далеко. И въ это-то время на русскій престолъ всходитъ Императоръ Петръ III, безграничный, экзальтированный поклонникъ Прусскаго короля. Петръ III заключилъ съ нимъ сначала перемиріе, потомъ союзъ и почти вслѣдъ затѣмъ былъ смѣненъ на престолѣ Императрицей Екатериной. Русская Государыня объявила себя нейтральною и предложила всѣмъ мириться. Утомленіе было общее и крайнее, миръ состоялся.

Вступая въ 1759 году въ ряды дѣйствующей арміи, Суворовъ жаждалъ практической боевой школы, добивался настоящей военной службы. Что же она ему дала?

Для военнаго успѣха нужны — хорошая армія и даровитый полководецъ. Второе условіе даже важнѣе перваго, потому что отличная армія не въ состояніи возмѣстить своими положитель-

ными качествами отрицательныхъ качествъ плохого полководца и можетъ только уменьшить нѣкоторыя изъ послѣдствій дурного начальствованія. Она есть орудіе, а полководецъ—рука; умѣлая рука сдѣлаетъ дѣло и съ дурнымъ инструментомъ. Во всякомъ случаѣ, гармоническое цѣлое представляется только совокупностью этихъ двухъ условій. Посмотримъ же, въ какомъ видѣ могли представиться Суворову элементы этого цѣлаго во время Семилѣтней войны у обѣихъ воюющихъ сторонъ.

Русскіе главнокомандующіе были всѣ четверо люди рядовые, самые обыкновенные; по своимъ военнымъ качествамъ они стояли или на уровнѣ посредственности, или еще ниже. Въ каждомъ изъ нихъ были и хорошія особенности, напр., въ Ферморѣ любовь къ порядку, въ Салтыковѣ личная храбрость и попечительность, но все-таки они были не полководцы. Выдвинули ихъ качества придворныя, связи, милость, благоволеніе; сдѣлались они главнокомандующими такъ, какъ дѣлались гофмейстерами, гофмаршалами. Преданность ставилась выше способности, угодливость выше годности. Принципы Петра I забылись или покрылись тѣмъ наноснымъ слоемъ, который обыкновенно является результатомъ дѣятельности неумѣлыхъ преемниковъ великаго мастера. Основное Петровское правило—назначать государственныхъ дѣятелей по годности ихъ и способностямъ, совершенно затерлось; почти все дѣлалось по указаніямъ связей и покровителей. Оттого Семилѣтняя война мало отмѣтила у насъ людей, которые завоевали бы себѣ блестящее мѣсто въ исторіи будущаго. Кромѣ того была принята свыше мѣра, которая могла подчасъ парализовать, и дѣйствительно парализовала, то немногое хорошее, что̀ проявлялось въ главномъ начальствованіи. А именно, образована была при дворѣ конференція для руководительства военными операціями, такъ что главнокомандующіе низводились до степени агентовъ, обязанныхъ исполнять кабинетныя измышленія, присылаемыя за тысячи верстъ. Это былъ тотъ же гофкригсратъ, который процвѣталъ у Имперцевъ, только въ Петербургѣ онъ былъ еще курьезнѣе, какъ растеніе искуственное.

У союзниковъ нашихъ главное начальствованіе было немногимъ лучше, особенно у Французовъ, гдѣ высшіе военные чины

были доступны одному сословію и притомъ не по справедливой оцѣнкѣ каждаго лица, а по проискамъ и покровительству. Въ Священной Римской имперіи, на высшихъ ступеняхъ военной іерархіи, тоже царила по обыкновенію бездарность; исключеніемъ служили весьма немногіе, больше всѣхъ Лаудонъ, который заслужилъ себѣ особенное уваженіе со стороны Фридриха и Суворова. Но и такія лица не имѣли свободы дѣйствій, надъ ними тяготѣлъ гофкригсратъ, и даже удачныя дѣла, совершенныя безъ предварительнаго разрѣшенія, могли навлечь *на виновныхъ* строгій приговоръ военнаго суда, что̀ едва и не случилось съ Лаудономъ. Къ сказанному надо прибавить взаимное недовѣріе союзниковъ, затаенную зависть, мелочное соперничество и въ довершеніе всего боязливость, даже страхъ предъ Прусскимъ королемъ.

Какъ ни плохо было само по себѣ союзное высшее начальствованіе, но оно представлялось еще болѣе жалкимъ при сопоставленіи съ существовавшимъ въ прусской арміи. Во главѣ всѣхъ военныхъ силъ и средствъ королевства стоялъ король, одаренный военнымъ геніемъ, смѣлый, рѣшительный, настойчивый, владѣвшій рѣдкимъ даромъ—вѣрно оцѣнять своего противника и на этой оцѣнкѣ строить свои планы и операціи. Онъ дѣлалъ иногда грубыя ошибки, зная, что противникъ не сможетъ, а чаще не посмѣетъ его накрыть и не ошибался. Съ другой стороны, онъ рѣдко упускалъ, безъ извлеченія прямой для себя пользы, ошибки союзниковъ, особенно самую крупную изъ нихъ — безплодную потерю времени. Наконецъ, будучи государемъ, онъ не боялся отвѣтственности, какъ союзные генералы и, небогатый матеріальными способами, былъ неодолимъ по своимъ духовнымъ средствамъ.

Не чета союзнымъ были и главные сподвижники Фридриха. Нельзя сказать, чтобы они всѣ отвѣчали своему назначенію; многіе изъ нихъ сильно мѣшали своему верховному предводителю, дѣлая частыя и грубыя ошибки. Но между прусскими генералами все-таки находилось много даровитыхъ и способныхъ, служившихъ королю настоящими помощниками; такихъ генераловъ въ немногочисленной прусской арміи было больше, чѣмъ въ союзныхъ войскахъ, вмѣстѣ взятыхъ. Не капризъ, не личное благоволеніе или милость возводили ихъ на высокій постъ, а

справедливо оцѣняемое личное достоинство и дѣйствительная заслуга.

Союзныя войска были неповоротливы и неудобоподвижны, плохо и несоотвѣтственнымъ образомъ обучены и, вслѣдствіе неспособности къ маневрированію, отъ всякаго продолжительнаго движенія приходили въ безпорядокъ. Вооруженіе у нихъ было большею частью плохое, стрѣльба весьма слабая. Военная часть у Австрійцевъ была нѣсколько лучше другихъ, хотя и незначительно; во Франціи же ниже, чѣмъ гдѣ либо.

Въ Россіи военная служба была для податного сословія пугаломъ, отъ нея отдѣлывались всѣми способами, требованія службы были тяжелыя, обращеніе съ нижними чинами жестокое, разлука съ семьей предстояла рекруту почти навсегда. Оттого побѣги были чрезвычайно многочисленны и вели за собой постоянный некомплектъ войскъ. Но дѣло этимъ не ограничивалось. Послѣ Петра Великаго стали принимать въ ряды войскъ бѣглыхъ и бродягъ, умножились тѣлесныя наказанія за мелочныя погрѣшности въ строю, отчего дисциплина стала понижаться и отчасти измѣнять свой смыслъ. Да и вообще послѣ Петра Великаго движеніе военной части книзу произошло во многомъ, а движеніе кверху почти ни въ чемъ. Нравственный элементъ не получилъ никакого развитія; увлеченіе огнемъ сдѣлало нежелательный успѣхъ въ ущербъ штыку; довольствіе войскъ дошло до жалкаго состоянія; въ управленіи войсками развилась канцелярщина. Обученіе было неудовлетворительное и по программѣ, и по исполненію. Послѣдній строевой уставъ (1755 года) рѣзко отличался въ основныхъ положеніяхъ отъ Петровскаго, выдвигая пассивный элементъ въ ущербъ активному. Обозы были огромны и мало подвижны; въ маневрированіи массами армія была совсѣмъ неискусна; развѣдывательная служба пребывала во младенчествѣ. Грабежи сопровождали русскую армію всюду; грабили не одни иррегулярныя войска, а всѣ безъ исключенія. Наконецъ націонализмъ, т.-е. узкая національная исключительность, вслѣдствіе предшествовавшаго преобладанія нѣмцевъ въ государственномъ управленіи, возросъ и обратился въ невѣжественное самомнѣніе, ровно ничѣмъ не оправдываемое; стали пренебрегать иностранными порядками, даже хорошими, только за то, что они не русскіе.

Всѣ эти недостатки русской арміи выкупались однакоже въ извѣстной степени ея прирожденнымъ достоинствомъ—стойкостью. Качества этого не отрицали даже ея непріятели. Такое неоцѣненное достоинство не только выкупало значительную долю недостатковъ самой арміи, но отчасти и изъяны главнаго начальствованія, зачастую спасая отъ плачевныхъ слѣдствій неумѣлаго предводительства. Такъ было тогда, въ Семилѣтнюю войну, такъ случалось неоднократно и послѣ.

Армія Фридриха Великаго отличалась отъ союзныхъ армій хотя не въ той мѣрѣ, какъ онъ самъ отъ союзныхъ предводителей, но все-таки существенно. Она была лучше вооружена; строевое обученіе ея было доведено до тонкости, можетъ быть излишней, но этотъ излишекъ сталъ замѣтенъ гораздо позже, а тогда онъ наглядно увеличивалъ разницу между войсками хорошо обученными и плохо обученными. Пѣхота стрѣляла гораздо лучше всякой другой; кавалерія производила атаки быстро, холоднымъ оружіемъ; армія маневрировала очень хорошо и имѣла съ собой лишь самый необходимый обозъ, что̀ дѣлало ее поворотливою и подвижною внѣ сравненія съ другими. Слѣдуетъ еще замѣтить, что прусская армія была сплочена чрезвычайно строгою дисциплиной, безъ чего невозможно было достигнуть педантической точности обученія. Въ солдатѣ буквально исчезалъ человѣкъ; отъ него требовалась только механическая исправность дѣйствія въ однажды опредѣленномъ направленіи. Военные законы изобиловали самыми варварскими наказаніями, и вообще дисциплина была доведена до степени, о которой въ нынѣшнее время трудно составить себѣ понятіе. Всѣ эти элементы, и худые и хорошіе, имѣли свой raison d'être при духѣ, оживлявшемъ Фридрихову систему; оттого она и достигла въ рукахъ великаго полководца, своего создателя, такихъ блестящихъ результатовъ.

При такихъ-то внутреннихъ и внѣшнихъ данныхъ развернулась война и лицомъ своимъ, и изнанкой предъ пытливымъ взоромъ молодого Суворова, завершивъ собою подготовительный періодъ его жизни. Онъ оставилъ армію въ 1762 году, въ Петербургѣ представился Императрицѣ и 26 августа произведенъ въ полковники съ назначеніемъ командиромъ Астраханскаго полка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Командованіе полкомъ.

1762 — 1768.

Производство Суворова въ полковники съ назначеніемъ командиромъ Астраханскаго полка состоялось передъ самымъ отъѣздомъ Екатерины II въ Москву, на коронацію; полкъ остался въ Петербургѣ вмѣстѣ со своимъ командиромъ, продолжая содержать городскіе караулы. По возвращеніи Государыни, Астраханскій полкъ былъ смѣненъ на петербургской стоянкѣ Суздальскимъ пѣхотнымъ, и Суворовъ назначенъ командиромъ этого послѣдняго полка въ 1763 году, 6 апрѣля. Къ тому времени былъ проектированъ новый строевой уставъ по указаніямъ послѣдней войны, и до изданія его во всеобщее руководство, приказано было Суворову обучать Суздальскій полкъ по новымъ правиламъ въ смыслѣ предварительнаго опыта. Суворовъ это исполнилъ и въ томъ же году, осенью, Императрица произвела Суздальскому полку смотръ, осталась имъ чрезвычайно довольна, пожаловала офицеровъ полка къ рукѣ, а нижнимъ чинамъ повелѣла выдать по рублю.

Еще годъ оставался полкъ въ Петербургѣ, потомъ до лѣта 1765 года пробылъ въ Новой Ладогѣ, затѣмъ опять прибылъ въ Петербургъ, находился на красносельскихъ маневрахъ и лишь въ половинѣ того года возвратился на свои непремѣнныя квартиры, на

которыхъ оставался уже безотлучно три года кряду. За это время имѣются о Суворовѣ очень скудныя свѣдѣнія; главное изъ нихъ заключается въ его письмѣ къ знакомой дамѣ, 27 января 1764 года. Это есть первое, по времени, письмо Суворова, дошедшее до насъ въ подлинникѣ. Изъ него видно, что Суворовъ не отличался тогда хорошимъ здоровьемъ, былъ очень худъ и, по его словамъ, уподоблялся «настоящему скелету, лишенному стойла ослу, бродячей воздушной тѣни». На него производила очень дурное дѣйствіе невская вода; онъ страдалъ болями въ головѣ, въ груди и особенно мучился желудкомъ, но въ постели не лежалъ и вообще болѣзни не поддавался, ибо хотѣлъ умереть не иначе, какъ на полѣ брани. Приглашая знакомую даму въ Петербургъ, онъ соблазняетъ ее спектаклями и маскированными балами, которыми пользуется и самъ, на сколько дозволяетъ его здоровье. Письмо любезнаго содержанія, но видно, что адресовано не къ предмету страсти или нѣжной привязанности, которыхъ Суворовъ ни раньше, ни позже вообще не имѣлъ и даже подобнаго рода связей боялся. Написано оно плохимъ французскимъ языкомъ; видно, что Суворовъ не владѣлъ еще имъ въ той мѣрѣ, какъ впослѣдствіи, т.-е. продолжалъ еще свое самообразованіе.

Въ мартѣ 1765 года Суворовъ снова пріѣзжалъ въ Петербургъ по какимъ-то дѣламъ и съ этого времени сталъ лично извѣстенъ наслѣднику престола, которому былъ представленъ. Въ іюнѣ онъ прибылъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ полкомъ для принятія участія въ красносельскихъ маневрахъ, совершивъ этотъ походъ форсированными маршами.

Съ самаго почти вступленія своего на престолъ, Екатерина обратила вниманіе на заброшенныхъ дѣтей Петра Великаго — войско и флотъ. Въ манифестѣ Государыни по случаю воцаренія прямо говорится, что войска не получали жалованья 8 мѣсяцевъ, флотъ въ упадкѣ, армія въ разстройствѣ, крѣпости разваливались. Вниманіе Екатерины къ этому дѣлу выразилось между прочимъ въ смотрахъ и маневрахъ, которые производила она лично. Къ числу крупнѣйшихъ изъ такихъ сборовъ войскъ принадлежалъ лагерь невдалекѣ отъ Краснаго Села, куда сосредоточились дивизіи фельдмаршала графа Бутурлина, князя Голицына и Панина, всего до 30.000 человѣкъ. Войска выступили въ лагерь 15 іюня. Имне-

ратрица прибыла 18-го; въ ея армію вошли дивизіи Бутурлина и Голицына, противоположной стороной командовалъ Панинъ. Для прикрытія лѣваго фланга и отчасти фронта Государыниной арміи былъ сформированъ легкій корпусъ подъ начальствомъ бригадира Измайлова, въ составъ котораго вошли одинъ батальонъ и двѣ гренадерскія роты Суздальскаго полка. Маневры производились до 27 числа включительно, а 28 іюня, въ день вступленія Екатерины на престолъ, генералитетъ устроилъ балъ съ ужиномъ, пригласивъ Государыню съ ея дворомъ; приглашеніе было принято благосклонно. Празднество дано въ большомъ полотняномъ домѣ, 30 саженъ въ длину и 8 въ ширину, и удалось вполнѣ; за ужиномъ сидѣло 365 человѣкъ. Войска распущены по квартирамъ 1 іюля. Суздальскій полкъ отправился въ Ладогу опять ускореннымъ маршемъ и совершилъ оба пути, не оставивъ ни одного больного.

До сей поры Суворовъ, при постоянныхъ передвиженіяхъ своего полка и условіяхъ столичной службы, не имѣлъ возможности систематически, по всѣмъ частямъ и во всѣхъ отношеніяхъ, заняться устройствомъ и обученіемъ своего полка и могъ дѣлать это лишь отрывочно, неполно и съ компромиссами. Теперь ему уже не мѣшали никто и ничто, и все, что раньше было начато или только задумано, получило въ 1765—68 годы осуществленіе, развитіе и законченность. И хотя это было дѣятельностью не боевою, прославившей Суворова, а только учебною, военно-педагогическою, но между ними постоянно и неизмѣнно существовала у него такая тѣсная связь, что раздѣлять ихъ нѣтъ возможности. Суворовъ—военный учитель и особенно воспитатель, былъ очень крупною величиной, и побѣдныя свойства его боевой дѣятельности вытекали (по его многократному заявленію) именно изъ его военно-педагогической системы. Такимъ образомъ, хотя командованіе полкомъ представляется ничтожною величиной сравнительно съ сферою Суворова-фельдмаршала, но они однородны и потому дѣятельность полковника Суворова уже не можетъ относиться къ подготовительному періоду его военной жизни.

Онъ выстроилъ, во-первыхъ, полковую церковь, затѣмъ зданіе для школы и открылъ двѣ школы — для дворянскихъ и

для солдатскихъ дѣтей, раздѣлилъ на классы и самъ сдѣлался въ нихъ преподавателемъ. Онъ училъ начальнымъ правиламъ арифметики и написалъ учебникъ; быть можетъ онъ же училъ и закону Божію, ибо составилъ молитвенникъ и коротенькій катехизисъ. Курсы въ обѣихъ школахъ были разные; въ чемъ именно заключалось это различіе,—неизвѣстно; знаемъ однако, что школьники-дворяне, въ интересахъ общаго развитія и внѣшней полировки, знакомились съ началами драматическаго искуства и однажды, при посѣщеніи Новой Ладоги губернаторомъ, разыграли въ его присутствіи какую-то пьесу. Кромѣ церкви и школьнаго дома, Суворовъ выстроилъ конюшни для полковыхъ лошадей и развелъ садъ на безплодной песчаной почвѣ.

Расходы, какъ видно, производились не малые, какими же средствами они покрывались? Прямого отвѣта нѣтъ. Едва ли однако можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что все или почти все дѣлалось изъ полковой экономіи, ибо при взглядѣ Суворова на свои обязанности, не могло образоваться въ хозяйствѣ полка сбереженій, которыя принадлежали бы не полку, а командиру. А въ полкахъ сбереженія не только бывали, но и не могли не быть при мало-мальски сносномъ хозяйствѣ; существовали онѣ несомнѣнно и въ Суздальскомъ полку. Рессурсы Суворова на благо полка увеличивались еще тѣмъ, что онъ ненавидѣлъ праздность и постоянный трудъ солдатъ считалъ непремѣннымъ условіемъ для достиженія высшихъ требованій службы. Поэтому, несмотря на то, что во время его командованія полкомъ, солдату приходилось много работать не надъ тѣмъ, такъ надъ другимъ,—Суворовъ, безъ всякаго сомнѣнія, не затруднялся приложить солдатскія руки и къ постройкѣ церкви, школы или конюшни, и къ разведенію сада, можетъ быть даже съ нѣкоторымъ отягощеніемъ своихъ подчиненныхъ.

Какова бы впрочемъ ни была заслуга Суворова по матеріальному благосостоянію полка, она ничтожна сравнительно съ тою, которую онъ оказалъ своею воспитательною въ полку дѣятельностью. Гдѣ же искать ея источникъ? Во-первыхъ, въ прирожденныхъ его дарованіяхъ, а затѣмъ въ теоретической его подготовкѣ и въ боевой школѣ Семилѣтней войны.

Мы видѣли, что такое была эта война и какой учебный ма-

теріалъ она въ себѣ заключала. Мы могли придти къ убѣжденію, что въ высшихъ слояхъ союзнаго командованія война мало давала положительныхъ указаній и много отрицательныхъ. Но для такого ученика, какъ Суворовъ, все шло на пользу и не приводило къ смѣшенію понятій положительныхъ съ отрицательными... Грандіозная Семилѣтняя война не могла остаться безъ вліянія на военное искуство и на его высшихъ дѣятелей. Русское военное искуство оказалось послѣ войны въ прямомъ выигрышѣ. Суворовъ вышелъ изъ боевой школы тоже не съ пустыми руками и всѣ свои выводы свелъ въ своеобразную систему воспитанія и обученія войскъ, гдѣ философскій взглядъ на военное дѣло проходитъ рука объ руку съ глубокимъ пониманіемъ національныхъ особенностей русскаго солдата.

Эта Суворовская система не могла имѣть въ самомъ началѣ той цѣльности и той отчеканенной формы, какими отличалась 30 лѣтъ спустя, при всей своей тождественности за оба періода. Но для изложенія первообраза, прямыхъ данныхъ нѣтъ: никакихъ документовъ 1760-хъ годовъ этой категоріи не отыскано. Требуемый матеріалъ имѣется лишь за годы, непосредственно слѣдовавшіе за ладожскимъ обученіемъ, когда Суворовъ дѣйствовалъ подъ живымъ воспоминаніемъ своего командованія полкомъ. Такимъ образомъ данныя, заключающіяся въ документахъ 1770—72 годовъ, восполняютъ въ нѣкоторой степени пробѣлъ 1760-хъ годовъ и даютъ понятіе о первообразѣ Суворовской военной теоріи.

Предполагаемое на войнѣ невозможнымъ по теоріи, на практикѣ оказывается сплошь и рядомъ исполнимымъ, и именно оттого, что считается за невозможное. Это въ особенности вѣрно тогда, когда удалось вселить въ непріятеля вѣру въ нашу непобѣдимость, а свои собственныя войска воспитать такъ, чтобы они имѣли твердую увѣренность въ своей силѣ и не допускали возможности пораженія. Въ такомъ убѣжденіи заключается дѣйствительная сила; боязливое отношеніе къ непріятелю составляетъ дѣйствительную слабость. Эти общія истины были по преимуществу Суворовскими истинами и играли роль краеугольнаго камня его боевой теоріи. Изъ всѣхъ его приказаній и наставленій въ 1770—72 годахъ, во время Польской конфедератской войны.

видно, что основнымъ условіемъ военнаго успѣха онъ считалъ *смѣлость*. Онъ предписывалъ смѣлость во всякомъ случаѣ; если нельзя дѣло сдѣлать, то хоть доказать непріятелю несомнѣнную, осязательную готовность къ энергическому дѣйствію; убѣдить его въ своей смѣлости. Развитіе въ подчиненныхъ подобной душевной силы онъ обставляетъ всѣми способами и ревниво оберегаетъ ихъ отъ прикосновенія понятій противоположнаго характера, запрещая даже употребленіе на офиціальномъ языкѣ такихъ словъ, какъ *опасность*, *сикурсъ* и др. Дѣйствуя на нравственныя силы подчиненныхъ разными воспитательными пріемами, Суворовъ однако не только не пренебрегаетъ строевымъ обученіемъ своихъ людей, но придаетъ ему особенную важность, и тогдашнему своему начальнику, генералу Веймарну, надоѣдаетъ указаніями и ссылками на Петра Великаго, Юлія Цезаря и другихъ. А отряднымъ начальникамъ подтверждая «обучать въ праздное время команды въ тонкость» и давая разныя по этому предмету наставленія, взаключеніе говоритъ: «хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всѣхъ случаяхъ потребны, только тщетны они, если не будутъ истекать изъ искуства».

Эти два основныя правила, воспитаніе духовной природы человѣка въ смыслѣ наибольшаго развитія военныхъ боевыхъ качествъ и тщательное обученіе его механизму военнаго дѣла, сливались у Суворова въ одно, и второе вполнѣ служило первому. У него механическая часть обученія велась исключительно по указаніямъ боевого нравственнаго элемента. Бюжо, одинъ изъ лучшихъ французскихъ маршаловъ, сказалъ, что между войсками, обладающими высокимъ нравственнымъ чувствомъ, храбрыми и проникнутыми правильными понятіями о боѣ и между устроенными и обученными такъ, какъ большая часть войскъ европейскихъ, существуетъ такая же разница, какъ между взрослыми и дѣтьми. Суворовъ приготовлялъ въ Ладогѣ взрослыхъ.

Самый короткій и вѣрный путь къ пріученію человѣка смѣло смотрѣть въ глаза опасности состоитъ въ томъ, чтобы не выжидать ее, а идти ей на встрѣчу. Этого принципа Суворовъ и держался, проводя его съ помощью исключительно наступательныхъ экзерцицій и давая атакѣ холоднымъ оружіемъ преобладающее значеніе надъ прочими частями строевого устава. Атака

въ штыки есть дѣйствіе, требующее большого напряженія воли; потому Суворовъ, вѣрный своему принципу, придалъ штыку первостепенное значеніе и сдѣлалъ его своимъ главнымъ военно-воспитательнымъ средствомъ. Поступая такимъ образомъ, онъ разрабатывалъ благодарную почву и прибѣгалъ къ пріему, сродному русской національности. Драгоцѣнная особенность русской арміи, замѣченная имъ въ Семилѣтнюю войну, *стойкость* — была элементомъ, обѣщавшимъ Суворову богатую жатву. Предстояло дорогой, но сырой матеріалъ—*пассивную стойкость* обработать, усовершенствовать и развить до степени *активной настойчивости и упорства*. Воспитаніе и обученіе Суздальскаго полка и поведены были Суворовымъ именно въ этомъ направленіи.

Все это шло у Суворова въ связи съ дѣломъ, которое онъ поставилъ во главѣ своей системы: развитіе религіозной стороны и нравственнаго чувства солдата. Въ 1771 году писалъ онъ Веймарну: «нѣмецкій, французскій мужикъ знаетъ церковь, знаетъ вѣру, молитвы; у русскаго едва знаетъ ли то его деревенскій попъ; то сихъ мужиковъ въ солдатскомъ платьѣ учили у меня нѣкіимъ молитвамъ. Тако догадывались и познавали они, что во всѣхъ дѣлахъ Богъ съ ними и устремлялись къ честности». Дѣйствуя на религіозное сознаніе своихъ людей, Суворовъ считалъ необходимымъ внушать имъ и благородныя побужденія, преимущественно честолюбіе. Веймарну онъ говоритъ: «Безъ честолюбія, послушанія и благонравія нѣтъ исправнаго солдата». Въ другомъ письмѣ къ нему, того же 1771 года, Суворовъ, вспоминая свое командованіе полкомъ, говоритъ, что у него «всякій имѣлъ честолюбіе». Два приведенныя обстоятельства составляютъ, каждое порознь, цѣлую программу дѣйствій; программы эти Суворовъ и разработывалъ. Къ сожалѣнію, подробности остаются неизвѣстны.

Воспитывая и обучая свой полкъ въ смыслѣ наибольшаго развитія въ немъ смѣлости и отваги, Суворовъ конечно долженъ былъ выбросить изъ военно-учебной программы все, что̀ принадлежитъ оборонѣ и отступленію. Отступаетъ хорошо тотъ, кто отступаетъ съ наибольшимъ упорствомъ; упорствомъ же отличается не тотъ, кто обученъ отступательнымъ движеніямъ, а кто привыкъ смотрѣть на бѣгство, какъ на позоръ. Эти-то взгляды

на отступленіе и оборону Суворовъ и внушалъ своему полку. Въ одномъ изъ приказовъ его 1771 года читаемъ: «*Сикурсъ, опасность* и прочія вообразительныя въ мнѣніяхъ слова служатъ бабамъ, кои боятся съ печи слѣзть, чтобы ноги не переломить, а лѣнивымъ, роскошнымъ и тупозрячимъ — для подлой обороны, которая по концѣ, худая ли, добрая ли, разсказчиками тако-жъ храброю называется». Въ другомъ приказѣ онъ внушаетъ, что «одно званіе обороны уже доказываетъ слабость, слѣдственно наводитъ робость». Но онъ отрицалъ оборону только въ смыслѣ воспитательнаго пріема, а на самомъ дѣлѣ умѣлъ цѣнить даже хорошее отступленіе и нисколько не затруднялся ставить его въ примѣръ.

Точно также напирая постоянно на атакѣ холоднымъ оружіемъ, онъ, несмотря на ничтожность тогдашняго ружейнаго огня, нетолько не пренебрегалъ стрѣльбой, но требовалъ самаго тщательнаго ей обученія. Особенно онъ ненавидѣлъ поговорку— «пуля виноватаго найдетъ» и въ приказѣ объявлялъ, что она порождена «неискуствомъ подлаго и большею частью робкаго духа». Подобныхъ неискусныхъ въ стрѣльбѣ солдатъ онъ называлъ «малеваными мужиками въ солдатскомъ платьѣ; сей мужикъ на кулачный бой—пуля виноватаго найдетъ».

Одно изъ характерныхъ особенностей Суворовскаго обученія заключалось еще въ томъ, что экзерциціи его полка производились въ примѣненіи къ самой разнообразной мѣстности—ровной, холмистой, лѣсистой, болотистой, пересѣченной. Въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, сказывался строго-боевой методъ его учебной системы. А непремѣнное свойство боевого обученія есть простота, немногосложность, такъ какъ на войнѣ хитросплетеніямъ нѣтъ мѣста. Именно такъ смотрѣлъ Суворовъ на свою военно-учебную задачу и разныя искуственныя измышленія на учебномъ полѣ называлъ «чудесами». Конечно онъ былъ человѣкъ еще маленькій и не могъ дѣйствовать при обученіи полка съ полной и безусловной свободой; но во первыхъ, полковые командиры пользовались въ то время большою въ этомъ отношеніи самостоятельностью, а во вторыхъ, можно держаться одного и того же устава, но примѣнять его къ дѣлу совершенно различно. Способъ примѣненія уставныхъ правилъ, вмѣстѣ съ характеромъ практическихъ требованій и составляютъ силу всякаго устава.

Труды Суворова по обученію полка были бы не полны и достигали бы цѣли лишь частію, еслибъ онъ не включилъ въ свою программу отдѣла военно-походнаго. Въ походахъ достается людямъ переносить наиболѣе трудовъ и лишеній; походы служатъ главнымъ испытаніемъ военныхъ качествъ войскъ; кромѣ того, мирныя упражненія въ походныхъ движеніяхъ могутъ быть производимы такимъ образомъ, что не представятъ почти никакого различія съ походами военнаго времени, чего нельзя сказать о строевыхъ ученьяхъ. Учебные походы развиваютъ привычку къ настоящимъ военнымъ походамъ, ибо обстановка мѣняется безпрестанно и войскамъ представляются неожиданности и затрудненія почти такъ, какъ въ военное время. Вырабатываются разныя сноровки для облегченія марша, для лучшаго пользованія отдыхомъ, для уменьшенія вліянія погоды; пріобрѣтается практика бивуакированія, приготовленія пищи, переправъ черезъ рѣки, переходовъ черезъ гористыя, болотистыя и другія мѣстности.

У Суворова походныя упражненія велись паралельно съ боевыми. Что онъ придавалъ имъ первостепенное значеніе, лучше всего убѣждаютъ слова одного изъ его позднѣйшихъ приказовъ: «памятовать то, что побѣда зависитъ отъ ногъ, а руки только орудіе побѣды». И дѣйствительно, походныя движенія онъ производилъ въ Ладогѣ безпрестанно. Ударятъ тревогу, полкъ соберется и выступитъ въ походъ; Суворовъ водитъ его по нѣсколько дней сряду, бивуакируетъ, переходитъ рѣки разными способами, производитъ по пути боевыя ученья. Время года, а тѣмъ паче погода, въ соображеніе не принимались. Будучи въ Семилѣтнюю войну свидѣтелемъ крайней медленности движеній русской арміи, чему въ особенности способствовалъ непомѣрный обозъ, Суворовъ дѣлалъ учебные походы съ самымъ незначительнымъ числомъ повозокъ и самъ былъ всегда верхомъ. По всей вѣроятности онъ пріучалъ полкъ исподоволь, начиная съ обыкновенныхъ переходовъ и кончая форсированными, потому что иначе число отсталыхъ и больныхъ росло бы быстро. А у него въ полку было правило—нормальное число больныхъ считать между 8 и 20 (на 1.500 человѣкъ), и если цифра больныхъ подходила къ 20, то назначалось нѣчто вродѣ слѣдствія. Какъ

велики были его учебные переходы—неизвѣстно; но въ 1770-хъ годахъ, въ Польшѣ, онъ назначалъ постоянно и часто подтверждалъ для суточныхъ поисковъ партій, разстояніе отъ 50 до 85 верстъ, въ оба конца, смотря по погодѣ и дорогѣ. Вѣроятно приблизительно этихъ цифръ онъ держался и въ Ладогѣ.

Суворовъ производилъ обученіе полка не только днемъ, но и по ночамъ. Въ ночномъ бою не видно, кто изъ противниковъ сильнѣе; огнестрѣльное оружіе значитъ очень мало; движеніе въ ночную темноту можно произвести скрытно. Но за то въ ночномъ бою иногда ничтожное обстоятельство производитъ переполохъ, сумятицу и ведетъ къ страшному безпорядку; движенія ночью утомительны, медленны; соблюденіе порядка крайне затруднительно. Дурныя особенности ночныхъ движеній и дѣйствій далеко перетягиваютъ выгодную ихъ сторону, а потому ночные переходы и особенно ночныя дѣла практикуются рѣдко и большею частію случайно. Но именно потому, что они рѣдки и трудны, Суворовъ посвятилъ имъ все свое вниманіе и сдѣлалъ изъ нихъ спеціальный отдѣлъ обученія полка. Онъ не могъ упустить выгоды—владѣть оружіемъ, которымъ владѣетъ рѣдкій противникъ.

Весь кругъ Суворовскаго обученія происходилъ не только на его глазахъ, но веденъ былъ непосредственно имъ самимъ, или подъ его надзоромъ, въ его присутствіи. Обученіе обнимало итогъ солдатскихъ обязанностей, къ какому бы предмету онѣ ни относились, начиная съ молитвъ и кончая показомъ — какъ чиститься, мыться, обшиваться. По его собственному свидѣтельству онъ все дѣлалъ самъ и былъ маіоромъ, адъютантомъ, ефрейторомъ. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ подобное вмѣшательство не нужно, даже вредно; но Суворовъ дѣйствовалъ въ условіяхъ исключительныхъ. Онъ ставилъ полкъ на свою Суворовскую ногу, по системѣ, требовавшей педантской логичности и послѣдовательности, и ему приходилось быть самому вездѣ, все видѣть, всѣхъ и всему учить. Еслибы полагаться на адъютантовъ и ефрейторовъ, то его учебный курсъ утратилъ бы всю свою жизненную силу. Для этого надо было бы, такъ сказать, перелить себя въ другихъ, что невозможно уже въ силу оригинальности Суворовскихъ воззрѣній. Приведемъ примѣръ. Первымъ качествомъ солдата должна быть храбрость; какъ развить ее въ

мирное время? Суворовъ держался такого взгляда: солдатъ будетъ храбръ, когда въ него вселятъ увѣренность въ самого себя. Съ этою цѣлью онъ старался влить въ солдатское сознаніе немногое и дать солдату внѣшнее военное образованіе несложное, но при непремѣнномъ условіи, чтобы то и другое было усвоено солдатомъ въ совершенствѣ. «Каждый шелъ чрезъ мои руки», писалъ Суворовъ: «и сказано ему было, что болѣе ему знать ничего не осталось, только бы выученное не забылъ. Такъ былъ онъ на себя и надеженъ—основаніе храбрости... Четвертаго гренадерскаго полка люди бодры, мужественны, да не храбры; что тому причина? Они на себя не надежны».

Дисциплина въ русской арміи была внѣшняя, держалась страхомъ наказанія; наказанія же были суровыя, и назначеніе ихъ, до высокаго размѣра, предоставлялось власти ближайшихъ начальниковъ, въ видѣ дисциплинарныхъ взысканій. Полковникъ имѣлъ право, безъ суда, по собственной оцѣнкѣ вины, прогнать солдата сквозь строй до трехъ разъ. Правда, законъ ставилъ рекрута подъ особое свое покровительство, но это было сдѣлкой законодателя съ совѣстью, ибо такой уступкѣ противорѣчило все—и общее направленіе законодательства, и традиціи, и воззрѣнія общества, и предоставленіе начальнику широкаго усмотрѣнія, т.-е. произвола. Суворовъ былъ военный человѣкъ до мозга костей и потому поддерживалъ у себя въ полку строгую дисциплину. Вѣкъ былъ суровый, нравы жестокіе, армія состояла изъ крѣпостныхъ да притомъ худшихъ по выбору и была склонна къ грабежамъ, что указывало на необходимость ежовыхъ рукавицъ. Суворовъ не былъ поклонникомъ палки, даже остерегалъ другихъ отъ увлеченія ею, особенно по отношенію къ рекрутамъ; но въ военной службѣ считалъ строгость необходимой и баловство въ высшей степени вреднымъ. При всемъ томъ къ шпицрутенамъ онъ заурядъ не прибѣгалъ и, для развитія въ нижнихъ чинахъ нравственнаго чувства, обращался къ пособію религіи и училъ ихъ катехизису и молитвамъ. Въ письмѣ къ Веймарну онъ прямо поясняетъ, что это дѣлалось дабы «они познавали грѣхъ и наказаніе, коимъ 99 противъ сотаго правятся нынѣ, что тяжело и излишне». Не задумываясь подвергать солдатъ взысканіямъ не только за важные проступки, но и за «прегрѣшенія», онъ все таки не былъ жестокъ. Это

провѣряется послѣдующимъ временемъ, когда при большомъ произволѣ высшихъ начальниковъ, въ русской арміи образовалось три типа дисциплины: очень строгая, средняя и слабая; середину занималъ именно Суворовъ.

Такъ велись учебныя занятія въ Суздальскомъ полку. Они представляли цѣлую систему или уставъ, извѣстный у Суворова и у его подчиненныхъ подъ именемъ «Суздальскаго учрежденія». Система эта заключала въ себѣ много необычнаго, рѣзко отличавшагося отъ общепринятыхъ тогда взглядовъ и порядковъ, и большая часть этого различія коренилась въ томъ, что Суворовъ готовилъ свой полкъ исключительно для военнаго времени. Существуетъ надежное свидѣтельство, что въ Ладогѣ онъ училъ своихъ солдатъ перепрыгивать широкіе рвы, что люди обучались у него плаванію, что нерѣдко послѣ ученья онъ подводилъ полкъ къ берегу Волхова, приказывалъ всѣмъ раздѣться, раздѣвался самъ и производилъ переправу вбродъ и вплавь. Затѣмъ, онъ дѣлалъ маневры; вызывалъ полкъ по тревогѣ во всякое время года, днемъ и ночью; производилъ форсированные учебные марши также во всякое время; однажды показалъ своему полку примѣрный штурмъ на монастырѣ, мимо котораго привелось идти,— вотъ что̀ бросалось всѣмъ въ глаза, удивляло и забавляло. Не была понята основная его мысль, и потому озадачивали пріемы исполненія, которые и пошли за оригинальничанье чудака-полковника. Такой невѣрный взглядъ перешелъ въ литературу и дожилъ даже до нашего времени. Суворовъ былъ дѣйствительно чудакъ, но только не въ этой сферѣ. Если въ немъ замѣчались выходки эксцентрика, то изъ этого никакъ не слѣдовало, что только одни такія выходки онъ и дѣлалъ. А между тѣмъ глубокое по своему смыслу дѣло окрестили чудачествомъ, огласили искуственнымъ оригинальничаньемъ [4]).

Чтобы кончить съ обученіемъ Суздальскаго полка, замѣтимъ, что никакихъ Суворовскихъ афоризмовъ, получившихъ впослѣдствіи такую извѣстность, мы въ эту пору еще не встрѣчаемъ. Не попадаются въ его наставленіяхъ, приказахъ и переписке ни «глазомѣръ, быстрота, натискъ», ни «пуля дура, штыкъ молодецъ», ни «немогузнайство» и проч. Но все это существовало по духу, если не по формѣ, и Суворовымъ переводилось въ

дѣло совершенно въ томъ самомъ смыслѣ и значеніи, какъ и впослѣдствіи, въ концѣ его поприща. На подобномъ единствѣ можно настаивать тѣмъ паче, что Суворовъ отнюдь не былъ полковымъ пѣхотнымъ командиромъ въ тѣсномъ смыслѣ, а имѣлъ точныя понятія и заявлялъ опредѣленныя требованія къ боевой подготовкѣ кавалеріи и артиллеріи. Наши свѣдѣнія по этому предмету очень отрывочны, но они совершенно соотвѣтствуютъ и «Суздальскому учрежденію», и позднѣйшей Суворовской «Наукѣ побѣждать». Во главѣ совокупнаго дѣйствія всѣхъ трехъ родовъ оружія точно также стоитъ, и тогда и потомъ, «жестокое и поспѣшное нападеніе»; «удары простые, но поспѣшные и храбрые». Это его альфа и омега.

Прошло слишкомъ пять лѣтъ со времени назначенія Суворова командиромъ Суздальскаго полка, пять военныхъ лѣтъ мирнаго времени. Осенью 1768 года сказанъ полку военный походъ; послѣ учебнаго курса наступалъ боевой экзаменъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первая Польская война: Ланцкорона.

1768—1771.

Конституція Польскаго государства, получившая полное развитіе въ послѣдній періодъ его существованія, зародилась давно. Въ удѣльное время начало усиливаться значеніе дворянства, при Казимірѣ Великомъ получило опредѣленную форму и затѣмъ продолжало быстро рости. Съ той поры внутренняя исторія Польши состоитъ въ непрерывной цѣпи захватовъ дворянства изъ сферы королевской власти. Оставляя въ удѣлъ народу тяжкое иго, шляхта добивалась для самой себя вольности, какая можетъ существовать только въ абстрактномъ понятіи, и результатомъ такихъ усилій явилось *liberum veto*, дающее право одному члену представительнаго учрежденія парализовать рѣшеніе всѣхъ остальныхъ. Всякая законодательная власть была какъ бы уничтожена; въ государственные сеймы внесено зерно ничѣмъ неустранимаго раздора, и въ теченіе ста лѣтъ 47 сеймовъ разошлись безъ всякаго толка. Наступила эпоха паденія, распространилось религіозное невѣріе и легкомысліе; пронырство, подкупы, женскія милости сдѣлались рычагами государственныхъ дѣлъ. Сеймъ не имѣлъ надъ сеймиками рѣшительнаго перевѣса, а на сеймикахъ собиралась мелкая шляхта, грубая, невѣжественная не меньше крестьянъ; она знала только свою деревню и дальше интересовъ этой де-

ревни ничего не видѣла и не понимала. Это невѣжество и было причиной упорныхъ отказовъ почти на всякія общегосударственныя повинности. До полнаго хаоса не доставало одного—иноземнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла. И за этимъ не стало дѣло: сосѣдніе государи стали держать въ Польшѣ на жалованьѣ своихъ приверженцевъ, имѣли свои партіи, травили ихъ одну на другую. Хроническая смута укоренялась, Польша быстро двигалась по наклонной плоскости книзу, не стѣсняясь говорить, что существуетъ благодаря постоянной неурядицѣ: nierządem Polska stoi.

Преступный эгоизмъ шляхетства подточилъ и внутреннюю силу государства, и внѣшнее его значеніе, низведя то и другое до полнаго ничтожества. А сосѣди тѣмъ временемъ росли и крѣпли. Польша могла бы уцѣлѣть лишь на какомъ нибудь дальнемъ островѣ, безъ сосѣдей, безъ постороннихъ вліяній и происковъ, а въ семьѣ государствъ ей грозила неизбѣжная гибель. Особенно опасна была Россія, которая начала съ нею соперничать еще съ X вѣка, а съ Петра Великаго положеніе Польши относительно Россіи стало уже мало по малу просто зависимымъ. Въ XVII вѣкѣ зародился проектъ раздѣла Польши между Шведскимъ королемъ, Бранденбургскимъ курфюрстомъ и Седмиградскимъ княземъ, но помѣшалъ Московскій царь. Янъ Казиміръ, отрекаясь отъ престола, сказалъ пророческое слово о возможности раздѣла Польши въ будущемъ, между Россіей, Австріей и Пруссіей. Нѣкоторые изъ Поляковъ схватились подъ конецъ за умъ, но было уже поздно; паденіе Польши стало неминуемымъ, и она дошла до него собственной виной, которою сосѣди только воспользовались. Задержка катастрофы заключалась не въ Польшѣ, а именно въ ея сосѣдяхъ, ревниво слѣдившихъ другъ за другомъ; Польша была уже добычей, трудность состояла лишь въ дѣлежѣ.

Въ эпоху, къ которой мы подошли, разложеніе Польши было полное: король съ однимъ призракомъ власти; могущественные магнаты, ставившіе свою волю выше и короля, и закона; фанатическое духовенство съ огромнымъ вліяніемъ и съ самымъ узкимъ взглядомъ на государство и на религію въ государствѣ. Народа не существовало, онъ былъ исключительно рабочей си-

лой, не имѣлъ никакихъ правъ, находился подъ вѣчнымъ гнетомъ; ничтожное сословіе горожанъ равнялось нулю. Внутренняя рознь дошла до апогея; вездѣ царилъ мелочной духъ, себялюбіе отождествлялось съ патріотизмомъ. Только великій государь могъ бы вывести государство изъ такого положенія, но его въ Польшѣ не было. Станиславъ Понятовскій, достигшій польскаго престола при поддержкѣ русскаго правительства, былъ типомъ поляка той эпохи. Онъ обладалъ живымъ воображеніемъ, блестящимъ, но не глубокимъ умомъ, годнымъ развѣ для гостиной; красно говорилъ, зналъ много языковъ. Характера онъ былъ мягкаго и кроткаго, умѣлъ обворожать и привлекать къ себѣ людей, но не умѣлъ ихъ къ себѣ привязывать; очень легко поддавался чужому вліянію и убѣжденія свои мѣнялъ также часто, какъ любовницъ. Онъ постоянно колебался, никогда ничего не рѣшалъ разъ навсегда и мало-по-малу потерялъ довѣріе всѣхъ. Онъ не въ силахъ былъ предотвратить взрыва, ибо не управлялъ событіями, а событія имъ правили. Въ настоящемъ же случаѣ двигателемъ событій явился религіозный фанатизмъ— слѣпая, анти-государственная сила, справиться съ которою было бы не въ мочь и человѣку покрупнѣе.

Духовенство распаляло эту слѣпую силу во имя вѣры; папскій нунцій возбуждалъ Поляковъ всячески въ томъ же направленіи, а между тѣмъ въ донесеніяхъ своихъ отзывался о нихъ съ презрѣніемъ и называлъ ихъ развращенною и глупою націей.

Диссиденты, добившіеся когда-то почти полной равноправности съ католиками, спустились потомъ до степени терпимыхъ, а затѣмъ и еще ниже. Пошли обиды, притѣсненія, угнетенія. При Станиславѣ Понятовскомъ диссиденты потребовали удовлетворенія своихъ жалобъ и были поддержаны Россіей и Пруссіей. Въ Варшавѣ собрался сеймъ. Люди благоразумные и умѣренные были не прочь уступить, но фанатики не соглашались, разражались огненными рѣчами и тормозили ходъ преній. Русскій посланникъ, князь Репнинъ, рѣшился прибѣгнуть къ мѣрамъ крайнимъ. Это былъ человѣкъ умный, образованный, но очень крутой. Въ Варшавѣ онъ оказывалъ могучее вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ Польши и, какъ членъ одной изъ первыхъ фамилій Россіи, къ тому же человѣкъ вполнѣ свѣтскій, игралъ первую

роль въ высшемъ обществѣ Варшавы. Польская молодежь самыхъ знатныхъ фамилій увивалась около него, безмѣрно ему льстила и выказывала изысканное вниманіе, не подозрѣвая на какіе деспотическіе поступки онъ способенъ. Теперь подошло время съ этимъ познакомиться. Репнинъ приказалъ арестовать ночью четырехъ изъ противниковъ русскихъ требованій, самыхъ ярыхъ и вліятельныхъ, и отправилъ ихъ въ Россію. Сторонники арестованныхъ примолкли или разбѣжались, и законъ, возстановлявшій прежнія права не-католиковъ, прошелъ успѣшно.

Поступокъ Репнина представляется нынѣ изумительнымъ, невѣроятнымъ, потому что, вмѣстѣ съ другими подобными, выражалъ явное презрѣніе къ націи, при дворѣ которой Репнинъ былъ акредитованъ. Такой поступокъ былъ немыслимъ нигдѣ, кромѣ Польши. Неудовольствіе и негодованіе быстро распространились и произвели взрывъ. Нѣкто Пулавскій, служившій повѣреннымъ въ дѣлахъ у разныхъ вельможъ и тѣмъ снискавшій себѣ состояніе и связи, проектировалъ планъ всеобщей конфедераціи. Втайнѣ пріобрѣтая приверженцевъ и средства, онъ отправился въ мѣстечко Баръ, близъ турецкой границы, и тутъ первые конфедераты, въ числѣ восьми человѣкъ, подписали актъ конфедераціи 29 февраля 1768 года. Вѣсть объ этомъ разнеслась быстро; число конфедератовъ возросло до 8000; маршалами конфедераціи избраны Пулавскій и графъ Красинскій. Движеніе распространялось, образовались конфедераціи и въ другихъ мѣстахъ. По полученіи изъ Петербурга приказанія, русскія войска атаковали конфедератовъ всюду, взяли много важныхъ пунктовъ, прогнали непріятеля въ лѣса. Но у конфедераціи было много тайныхъ единомышленниковъ въ средѣ мирнаго населенія; она обнаруживала большую живучесть и даже росла какъ гидра. Понадобилось усилить малочисленныя русскія войска въ Польшѣ; съ этою цѣлью было назначено собрать подъ Смоленскомъ корпусъ изъ 4 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ полковъ подъ начальствомъ генералъ-поручика Нуммерса. Въ составъ отряда вошелъ и Суздальскій полкъ.

Суворовъ былъ тогда бригадиромъ; чинъ этотъ онъ получилъ 22 сентября 1768 года, но продолжалъ командовать полкомъ и лишь въ мартѣ 1770 года сдалъ его вновь назначен-

ному командиру. Въ маѣ 1768 года онъ получилъ-было годовой отпускъ «для исправленія домашнихъ нуждъ», но или уѣзжалъ на короткое время, или вовсе отпускомъ не воспользовался, ибо въ ноябрѣ двинулся съ полкомъ въ походъ. Стояло самое дурное осеннее время; дороги въ этой полосѣ Россіи ужасныя, болотъ множество, переправы частыя, ноябрьскій день коротокъ, ненастныя ночи непроглядны. Казалось, всѣ неблагопріятныя обстоятельства соединились противъ Суворова; но для него онѣ были истинной находкой. Практикуя свой полкъ въ походныхъ движеніяхъ, онъ не могъ уходить очень далеко отъ полковыхъ квартиръ и только однажды сдѣлалъ 150 верстъ въ Красное Село. Теперь представился случай совершить походъ продолжительный, при самыхъ благопріятныхъ учебныхъ условіяхъ. Суворовъ воспользовался случаемъ и познакомилъ свой полкъ со всѣми периферіями военно-походнаго продолжительнаго движенія. Пространство, превышавшее 850 верстъ, было имъ пройдено въ 30 дней; въ Ладогѣ на квартирахъ онъ не оставилъ ни одного больного; во все это время захворало шестеро, пропалъ одинъ.

По приходѣ въ Смоленскъ, Суворовъ получилъ въ командованіе бригаду, въ составъ которой вошелъ и Суздальскій полкъ. Зима 1768—69 годовъ прошла въ усиленныхъ занятіяхъ; онъ училъ бригаду тому же, чему прежде обучалъ полкъ, особенно движеніямъ и дѣйствіямъ въ ночную пору. Весною Нуммерсъ двинулся впередъ, авангардомъ его командовалъ Суворовъ, но изъ Минска былъ отряженъ спѣшно въ Варшаву съ Суздальскимъ полкомъ и двумя эскадронами. Суворовъ раздѣлилъ свои силы на двѣ колонны и прибѣгнулъ къ сбору обывательскихъ подводъ. Пѣхота ѣхала на повозкахъ въ полномъ вооруженіи, съ примкнутыми штыками, дабы никакая нечаянность не застала ее въ расплохъ, такъ какъ край находился въ сильномъ волненіи. Половина драгунъ тоже была посажена на подводы, другая ѣхала верхомъ, ведя лошадей своихъ товарищей. Походъ совершенъ благополучно; чрезъ 12 дней по выступленіи изъ Минска, обѣ колонны были уже въ Прагѣ, подъ Варшавой; одной изъ нихъ пришлось пройти 560 верстъ, другой больше 600.

Передъ этимъ временемъ главное начальствованіе надъ русскими войсками въ Польшѣ было поручено генералъ-поручику

фонъ-Веймарну, а посолъ князь Репнинъ замѣненъ Волконскимъ. Эта перемѣна, въ смыслѣ русскихъ интересовъ, была не къ лучшему, ибо Репнинъ былъ незамѣнимъ: многіе его ненавидѣли, но всѣ боялись. Что касается Веймарна, то онъ былъ человѣкъ умный, ловкій и въ военномъ дѣлѣ не безъ опытности, но педантъ и мелочно самолюбивъ. Въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ конфедератовъ онъ тотчасъ же ввелъ единство, котораго дотолѣ не было. При немъ русскія войска хотя были очень разбросаны и слабы, но могли другъ друга поддерживать; подвижныя колонны ходили по всѣмъ направленіямъ; когда оказывалось нужнымъ, сосредоточивались довольно значительныя силы. Конфедераты превосходили Русскихъ числомъ, но имъ не доставало именно этого единства, не говоря уже про дисциплину, такъ что въ результатѣ Русскіе оказывались болѣе сильными.

Какъ только Суворовъ прибылъ въ Прагу, Веймарнъ тотчасъ же, ночью, потребовалъ его къ себѣ. Въ Варшавѣ ходили тревожные слухи, опасались нападенія обращавшагося вблизи маршала Котлубовскаго съ 8000 конфедератовъ, а такъ какъ тайныхъ конфедератовъ въ Варшавѣ было много, то тревожился и Веймарнъ. Онъ приказалъ Суворову собрать вѣрныя свѣдѣнія о Котлубовскомъ. Это было въ августѣ 1769 года. Суворовъ тотчасъ же выступилъ съ ротою гренадеръ, эскадрономъ драгунъ, 50 казаками и однимъ орудіемъ. Открывъ въ скоромъ времени слѣды банды, онъ пошелъ къ ней на встрѣчу, атаковалъ и разсѣялъ. Захвативъ нѣсколько плѣнныхъ, онъ отъ нихъ узналъ, что партія Котлубовскаго не превышаетъ нѣсколькихъ сотенъ; съ ихъ же словъ составилъ списокъ ближайшихъ конфедератскихъ бандъ, мѣстъ ихъ нахожденія, именъ предводителей и проч. Вернувшись въ Прагу, онъ представилъ Веймарну собранныя свѣдѣнія, и тревога въ Варшавѣ улеглась. Вслѣдъ затѣмъ ему пришлось сдѣлать и другой поискъ, въ продолженіе котораго онъ прошелъ больше 100 верстъ.

Вскорѣ пришло извѣстіе, что двое Пулавскихъ, сыновья маршала барской конфедераціи, ходятъ съ большими силами по Литвѣ, волнуютъ шляхту и набираютъ приверженцевъ. Въ подкрѣпленіе русскимъ войскамъ, находившимся въ Литвѣ, былъ посланъ Суворовъ, въ послѣднихъ числахъ августа, съ 2 ба-

тальонами, эскадрономъ, 50 казаками и 2 полевыми орудіями. Усиленными переходами двинулся онъ къ Бресту, гдѣ удостовѣрился, что вѣсть о Пулавскихъ справедлива, что конфедераты приближаются и на одной высотѣ съ ними, по флангамъ, слѣдуютъ туда же два русскіе отряда, Ренна и Древица, въ 1500 и 2000 человѣкъ. Впослѣдствіи Суворовъ издѣвался надъ Ренномъ и Древицемъ, говоря, что «вблизи мятежниковъ обращались разные наши краснорѣчивые начальники съ достаточными отрядами». Удерживая Брестъ въ видѣ опорнаго пункта, онъ оставилъ тамъ часть своихъ силъ, самъ же съ отрядомъ, не доходившимъ до 400 человѣкъ при 2 пушкахъ, выступилъ, шелъ цѣлую ночь, присоединилъ къ себѣ встрѣчный патруль Ренна въ 50 коней и около полудня настигъ конфедератовъ въ числѣ около 2000 человѣкъ.

Они были расположены въ лѣсу, близъ деревни Орѣхова, на тѣсной полянѣ; партія состояла изъ одной кавалеріи съ двумя орудіями. Суворовъ атаковалъ ее, но потомъ самъ былъ атакованъ Поляками четырекратно, отбилъ всѣ атаки вполнѣ успѣшно и нанесъ непріятелю большой уронъ, причемъ погибъ и молодой Казиміръ Пулавскій, человѣкъ съ замѣчательными душевными качествами. Въ это время произошло какое-то замѣшательство и дежурный при Суворовѣ майоръ нѣсколько разъ крикнулъ «мы отрѣзаны». Суворовъ арестовалъ майора и рѣшилъ покончить съ конфедератами однимъ ударомъ, тѣмъ паче, что приближалась ночь. Онъ зажегъ гранатами деревню Орѣховъ, находившуюся въ тылу польской позиціи и затѣмъ атаковалъ конфедератовъ съ неудержимой стремительностью. Поляки понесли тутъ полное пораженіе и потеряли до 200 человѣкъ, въ томъ числѣ только 40 плѣнныхъ, такъ какъ по малочисленности своего отряда Суворовъ не велѣлъ давать пардону.

Изъ подъ Орѣхова Суворовъ отправился прямо въ Люблинъ, гдѣ ему вмѣсто случайныхъ порученій было дано теперь опредѣленное назначеніе—командовать тамошнимъ райономъ. Районъ этотъ состоялъ изъ холмистой, даже гористой мѣстности. Рѣки и ручьи тамъ широки и глубоки, имѣютъ горный характеръ, лѣсовъ много, болотъ тоже, дороги либо песчаныя, либо болотистыя и очень дурныя. Обработанной земли сравнительно мало, деревни

небольшія, города похожи на селенія, монастыри и многіе дворянскіе замки укрѣплены и годны къ оборонѣ. Все это, вмѣстѣ съ близкимъ сосѣдствомъ австрійской границы, дѣлало люблинскій районъ чрезвычайно выгоднымъ для конфедератовъ театромъ войны, а для Русскихъ особенно затруднительнымъ. Люблинъ лежитъ между Вислой и Бугомъ, почти на одинаковомъ разстояніи отъ Варшавы, Бреста и Кракова. По серединному своему положенію и вслѣдствіе соединенія въ этомъ мѣстѣ путей почти со всѣхъ сторонъ края, Люблинъ былъ весьма важнымъ военнымъ пунктомъ. Тутъ Суворовъ собралъ артиллерію, устроилъ амуничные склады, продовольственные магазины, учредилъ главный свой постъ—резервъ. Отсюда какъ паукъ распустилъ онъ паутину по всей странѣ; замки и укрѣпленныя мѣстечки занялъ постами и вошелъ въ связь съ важнѣйшими пунктами въ родѣ Кракова и Сандомира. Его корпусъ былъ немногочисленъ; никогда и впослѣдствіи не доходилъ онъ до 4000, а въ началѣ былъ и того меньше. А на долю собственно люблинскаго поста досталось всего три эскадрона, 5 ротъ, сотня казаковъ и 6 орудій.

Война заключалась въ набѣгахъ партій, въ небольшихъ стычкахъ, въ усиліи конфедератовъ—завербовать себѣ новыхъ приверженцевъ, а противниковъ ихъ—помѣшать этому. Конфедераты были вооружены довольно порядочно, состояли исключительно изъ кавалеріи, продовольствіе находили себѣ безъ особеннаго труда всюду. Они ходили по всѣмъ направленіямъ; дремучіе лѣса и трудно-проходимыя топи были имъ знакомы какъ свои пять пальцевъ; ихъ тайные приверженцы и доброжелатели находились на каждомъ шагу и извѣщали ихъ о всякомъ движеніи Русскихъ. Разбитая конфедератская партія исчезала казалось безъ слѣда, но черезъ нѣсколько дней собиралась снова и появлялась за 100, за 200 верстъ. Суворовъ зорко слѣдилъ за ними изъ своего гнѣзда, крѣпко держа важнѣйшіе пункты и главныя переправы. Едва появлялась гдѣ партія, онъ летѣлъ туда, настигалъ ее и разбивалъ; въ другомъ мѣстѣ показывалась другая — онъ устремлялся туда, разсѣявалъ, истреблялъ. Онъ былъ олицетвореніемъ непрерывной дѣятельности, содержалъ въ страхѣ безпокойныхъ, въ послушаніи нерѣшительныхъ и сохранялъ край въ своей власти. Такимъ образомъ прошелъ

годъ; для крупныхъ дѣлъ, для рѣшительныхъ ударовъ русскія войска были слишкомъ малочисленны, а усилить ихъ не было возможности потому, что все, чѣмъ могло располагать правительство, было выставлено противъ Турціи.

Герцогъ Шуазель, управлявшій во Франціи министерствами военнымъ и иностранныхъ дѣлъ и очень ревниво смотрѣвшій на развивавшееся могущество Россіи, старался поставить ее въ затруднительное положеніе и съ этою цѣлью вошелъ въ переговоры со Швеціей и Турціей. Въ Стокгольмѣ онъ потерпѣлъ неудачу, но въ Константинополѣ успѣлъ. Возбуждаемая совѣтами бѣжавшихъ конфедератовъ и подстрекаемая Франціей, Порта потребовала у Петербургскаго двора немедленнаго очищенія Польши, а потомъ, не дождавшись отвѣта и схватившись за случайное сожженіе пограничнаго своего мѣстечка Балты русскими войсками, преслѣдовавшими конфедератовъ, объявила Россіи войну. Поляки возликовали, но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать съ удвоенною энергіей, они возложили всѣ свои надежды на Турцію, больше прежняго стали держаться выжидательнаго положенія и вели войну вяло. Наступило нѣчто въ родѣ затишья, очень выгоднаго для Русскихъ, по малочисленности ихъ силъ. Затишье отразилось и на Суворовскомъ районѣ, и такъ прошелъ весь 1769 годъ.

Весною 1770 года Суворовъ, произведенный 1 Января въ генералъ-майоры, съ отрядомъ изъ 400 человѣкъ при двухъ орудіяхъ перешелъ Вислу у Завихвоста, направился на Климантовъ и при дер. Наводищѣ атаковалъ конфедератовъ Мощинскаго и Коробовскаго. Они были совершенно разбиты и потеряли до 200 человѣкъ, артиллерію и весь обозъ. Въ срединѣ лѣта онъ вторично побилъ Мощинскаго подъ Опатовымъ, а осенью на третьемъ поискѣ чуть не погибъ. Онъ упалъ въ воду, былъ съ трудомъ вытащенъ за волосы и, карабкаясь на понтонъ, такъ ударился грудью, что потерялъ сознаніе и не могъ совершенно поправиться въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ этомъ же году одинъ изъ его отрядныхъ начальниковъ, поручикъ Веденяпинъ, потерпѣлъ у м. Франполя пораженіе и сдался конфедератамъ, потерявъ до 40 человѣкъ, т.-е. больше половины отряда. Негодованіе Суворова было такъ велико, какъ будто дѣло

имѣло первостепенную важность. «По своему разслабленному безумію», писалъ онъ: «Веденяпинъ съ 80 почти человѣками не съумѣлъ разбить 300 бунтовщиковъ. Всѣмъ внятно внушено, что на нихъ можно нападать съ силами, въ 4 и 5 разъ меньшими, но съ разумомъ, искуствомъ и подъ отвѣтомъ. Будучи окруженъ, онъ сталъ безпорядочно отстрѣливаться, а на сильный и храбрый прорывъ не пошелъ». Изъ этихъ, такъ сказать, обвинительныхъ пунктовъ видѣнъ характеръ требованій Суворова отъ его подчиненныхъ.

Такъ прошелъ 1770 годъ. Суворовъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ. Еще въ январѣ онъ писалъ одному своему знакомому въ Варшаву: «здоровьемъ поослабъ, хлопотъ пропасть почти непреодолѣваемыхъ, трудности въ будущемъ умножаются, во всѣ стороны наблюденіе дистанціи почти безмѣрной, неуспѣваемый перелетъ съ одного мѣста на другое, неожидаемое въ необходимой нуждѣ подкрѣпленіе, слабость силъ, горы, Висла, Варшава... Коликая бы мнѣ была милость, если бы дали отдохнуть хоть одинъ мѣсяцъ, т.-е. выпустили бы въ поле. Съ Божьей помощью на свою бы руку я охулки не положилъ». Въ апрѣлѣ онъ съ горечью пишетъ Веймарну, что ему приходится только содержать комуникацію съ главной арміей (дѣйствующей противъ Турокъ) и препровождать курьеровъ, «когда младшіе приставлены къ дѣламъ рѣшительнымъ и безъ дальняго искуства, но съ хвастовствомъ, своимъ сильнымъ войскомъ возмутителей побѣждали». Онъ особенно не любилъ подполковника Древица и указывалъ Веймарну, что онъ иностранецъ, не привязанный къ Россіи; что его интересъ въ продолженіи, а не въ прекращеніи войны; что напрасно онъ хвастаетъ своими побѣдами, ибо ихъ одерживали русскія войска. «Какая такая важная диспозиція съ бунтовщиками? Только поспѣшность, устремленіе и обрѣтеніе ихъ. Знатное и сильное свое войско онъ содержитъ совокупно, которое должно не поражать, а ихъ топтать и раздавлять, ежели имъ пользоваться благоразумно, съ желаніемъ окончанія здѣшнихъ безпокойствъ. Употребляемъ онъ есть главнодѣйствующимъ въ стыдъ нашъ, степенями его высшихъ, якобы не имѣющихъ ни качествъ, ни достоинствъ, ни заслугъ ему подобныхъ; въ стыдъ Россіи, лишившейся давно такихъ варварскихъ

временъ... Наша всемилостивѣйшая Монархиня довольно имѣетъ вѣрноподданныхъ, которые угрожаемый имъ его абшитъ замѣнить могутъ и которые прежде его высшими талантами прославились. Присемъ я только ставлю въ образецъ мое усердіе и службу, знакомую его сіятельству послу и инымъ высшимъ моимъ генераламъ».

Это письмо, заканчивающееся яснымъ намекомъ насчетъ самого Веймарна, есть только отчасти продуктъ того честолюбія, которое не давало Суворову покоя. Иностранецъ Древицъ дѣйствительно пользовался покровительствомъ Веймарна, который находилъ въ немъ выдающееся дарованіе. А между тѣмъ Древицъ отличался такою жестокостью по отношенію къ конфедератамъ, такимъ грабительствомъ и неразборчивою жаждой наживы, что былъ главнымъ виновникомъ дурной славы, которою нѣкоторые современные и позднѣйшіе писатели очернили огуломъ русскія войска. Впослѣдствіи, одинъ изъ главныхъ руководителей польской революціи 1794 года, арестованный и содержавшійся въ Петербургѣ, далъ между прочимъ показаніе, что, будучи ребенкомъ, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ Древицъ отрѣзывалъ кисти рукъ у нѣкоторыхъ конфедератовъ, попавшихъ въ плѣнъ. Произведенный впослѣдствіи въ генералы и награжденный деревнями, Древицъ, сдѣлавшись Древичемъ, зажилъ спокойно въ отставкѣ съ туго набитымъ въ конфедератскую войну карманомъ. Не даромъ говорилъ въ письмѣ своемъ Суворовъ про возвращеніе въ Россіи варварскихъ временъ.

Неудовольствіе Суворова, безъ сомнѣнія раздутое его самолюбіемъ и неудовлетворенной жаждой дѣятельности, питалось еще извѣстіями съ турецкаго театра войны, особенно послѣ славныхъ дѣлъ 1770 года: Ларги, Кагула, Чесьмы. Онъ сталъ добиваться перевода въ Турцію и чуть не добился, такъ что въ октябрѣ 1770 года собирался уже уѣзжать къ новому мѣсту службы. Дѣло однако не состоялось, и Суворовъ остался при прежней дѣятельности, мелкой и невидной. Приходилось принимать мѣры противъ занесенія чумы изъ Турціи, опровергать квитанціями жалобы монаховъ на обиды и беззаконія, вести скучную переписку о шпіонахъ и т. под. Все это ему надоѣдало и раздражало его до того, что онъ сдѣлалъ Веймарну внушеніе

за недостатокъ вѣжливости въ офиціальной перепискѣ, т.-е. сорвалъ на немъ свое сердце: «осмѣливаюсь просить, дабы меня по нѣкоторымъ ордерамъ вашимъ частыхъ суровыхъ выраженій избавить приказать изволили; можетъ быть сами когда-нибудь оправдаете мою грубую истину». Наконецъ, неизвѣстно по какому поводу, въ одномъ письмѣ Суворовъ говоритъ о своемъ безкорыстіи, о томъ, что для него тяжеле всего названіе корыстолюбиваго лжеца и проситъ къ этому предмету болѣе не возвращаться.

Нѣтъ сомнѣнія, что на Суворова бывали нареканія именно въ этомъ отношеніи. Война была такого рода, что и соблазновъ представлялось много, и частнымъ начальникамъ не трудно было прикрывать свои грѣхи, когда постъ отъ поста отстоялъ на десятки верстъ, поиски и налеты почти не перемежались, все дѣлалось второпяхъ и для дѣйствительнаго контроля не было даже почвы. Мирнымъ обывателямъ приходилось расплачиваться либо съ Русскими, либо съ конфедератами, а при несчастьи и на обѣ стороны. Разореніе было ужасное, жалобы многочисленныя и постоянныя. Съ самаго начала войны былъ изданъ высочайшій манифестъ и подтверждался затѣмъ нѣсколькими распоряженіями о сохраненіи войсками добрыхъ отношеній къ населенію, но претензіи не уменьшались, а скорѣе увеличивались. Зло было слишкомъ сильно и примѣръ такихъ начальниковъ, какъ Древицъ, соблазнителенъ; приказы и подтвержденія оставались мертвой буквой.

И по долгу, и по нравственному чувству, Суворовъ боролся съ этимъ зломъ неутомимо и за грабежи, незаконные поборы и обиды наказывалъ виновныхъ жестоко, но все-таки смертную казнь замѣнялъ почти всегда батожьемъ и шпицрутенами. Во время поисковъ за конфедератами, онъ предписываетъ никому изъ людей нигдѣ не останавливаться; строго наблюдаетъ, чтобы современныя постановленія насчетъ добычи исполнялись буквально и дополняетъ ихъ своими собственными правилами. Съ большимъ запасомъ доброй воли онъ принимаетъ и проводитъ въ подчиненныя ему войска указанія высшей власти на счетъ соблюденія справедливости и человѣколюбія. Онъ внушаетъ, что добрымъ обхожденіемъ съ раскаявающимися мятежниками (такъ

офиціально назывались конфедераты) лучше всего можно ввести у нихъ дезертирство, а это для нихъ страшнѣе пораженія. Онъ охотно отмѣняетъ всякія крутыя противъ конфедератовъ мѣры, когда дозволяютъ обстоятельства. Онъ даже беретъ на себя контролированіе другихъ, ему не подчиненныхъ, въ интересахъ справедливости. Такъ онъ доноситъ однажды Веймарну, что присланные для дальнѣйшаго отправленія арестанты кажутся ему невинными или сомнительными и, ради человѣколюбія, проситъ на будущее время для такихъ случаевъ указанія.

Съ наступленіемъ 1771 года дѣятельность конфедератовъ оживилась, благодаря французской помощи. Не ограничиваясь поднятіемъ Турціи противъ Россіи, Шуазель еще въ 1769 году послалъ въ Польшу заслуженнаго офицера де-Толеса съ немалою суммою денегъ, который однако вернулся домой съ деньгами, потому что, въ этой странѣ «не нашелъ ни одного коня, годнаго для королевской конюшни, а клячъ покупать не хотѣлъ». Вмѣсто Толеса Шуазель послалъ полковника Дюмурье, человѣка способнаго, проницательнаго, энергичнаго, но имѣвшаго слишкомъ безпокойную голову и потому впадавшаго въ фантазерство. Дюмурье прибылъ въ Эперіешъ, въ Венгріи, гдѣ былъ собранъ верховный совѣтъ конфедератовъ, конечно съ дозволенія австрійскаго правительства. Вмѣсто зрѣлыхъ государственныхъ и военныхъ людей, онъ нашелъ тутъ общество знатныхъ кутилъ, занимавшихся только попойками, бѣшеною игрой и волокитствомъ. Разочарованіе его еще увеличилось, когда онъ познакомился съ положеніемъ конфедератскаго дѣла. Даже на бумагѣ численность войскъ не превышала 16 или 17.000 человѣкъ, а на дѣлѣ едва доходила до 10,000. Не было ни пѣхоты, ни артиллеріи, ни крѣпостей; предводителей насчитывалось до восьми, но каждый изъ нихъ былъ независимъ отъ другихъ; между ними царствовали раздоръ и рознь; въ войскахъ не существовало тѣни дисциплины. Привести эперіешскихъ агитаторовъ къ соглашенію было для Дюмурье дѣломъ невозможнымъ, и онъ прибѣгнулъ къ графинѣ Мнишекъ, женщинѣ умной, образованной, ловкой и хитрой, которая пользовалась между конфедератами большимъ вліяніемъ. Только при ея искусномъ содѣйствіи, ему удалось кое-какъ добиться соглашенія и провести свои планы.

Прежде всего требовалось единство начальствованія; Дюмурье предложилъ принца Карла Саксонскаго, который обѣщалъ выставить 3,000 саксонскихъ войскъ. На это всѣ согласились, кромѣ Пулавскаго. Затѣмъ онъ выписалъ отъ Шуазеля офицеровъ всѣхъ родовъ оружія и озаботился устройствомъ опорныхъ пунктовъ для будущихъ военныхъ дѣйствій; сверхъ того, особенное вниманіе было приложено къ созданію и образованію пѣхоты, съ помощью привлеченія австрійскихъ и прусскихъ дезертировъ, а также польскихъ крестьянъ; на послѣднее паны согласились съ большимъ трудомъ, опасаясь давать крестьянамъ оружіе. Ружья были закуплены въ Венгріи и Силезіи, и большой ихъ транспортъ, до 22,000, ожидался изъ Баваріи. Съ помощью этихъ и другихъ мѣръ, Дюмурье надѣялся собрать до 60.000 конфедератовъ къ открытію кампаніи 1771 года.

Планъ его дѣйствій предполагался слѣдующій: двумя отрядами угрожать Варшавѣ, третьимъ Подоліи; четвертымъ, литовскимъ, идти на Смоленскъ и угрожать Москвѣ; пятымъ, самымъ сильнымъ, подъ начальствомъ Дюмурье, взять Краковъ, идти на Сандомиръ и оттуда по указанію обстоятельствъ дѣйствовать по направленію или къ Варшавѣ, или къ Подоліи. Этотъ химеричный планъ конфедераты съумѣли сохранить въ тайнѣ. Въ продолженіе всей зимы они не выходили изъ горъ, гдѣ укрывались, и за выходами откуда наблюдали Русскіе; потомъ стали обманывать и утомлять Русскихъ ложными тревогами. Ночью 18 января 1771 года атакованные на всѣхъ пунктахъ превосходными силами, русскія войска краковскаго округа были отброшены за Вислу съ значительными потерями, и вся равнина перешла во власть конфедератовъ. Дюмурье немедленно укрѣпилъ многіе выгодно расположенные пункты. Но Поляки не выдержали: пошли пиры, танцы, картежная игра; на аванпосты посылались крестьяне; между предводителями возобновились раздоры; грабили города и били крестьянъ; евреевъ подвергали всякимъ насиліямъ. Дюмурье наказывалъ, разстрѣливалъ, но ничего не могъ сдѣлать; онъ самъ не былъ въ безопасности и только присутствіе 220 Французовъ обезпечивало его отъ насилія. Въ это время обрушился на конфедератовъ Суворовъ.

Онъ быстро двинулся изъ Люблина, на пути разбилъ нѣ-

сколько партій, подошелъ къ Ланцкоронѣ, въ 28 верстахъ отъ Кракова, захватилъ это мѣстечко и также скоро хотѣлъ завладѣть и замкомъ, но штурмъ не удался. Неудача эта не имѣла сколько-нибудь важнаго значенія, но Суворовъ былъ ею глубоко огорченъ, потому что причиною тому была «безпрестанная, ненужная пальба» Суздальцевъ. Не трудно себѣ представить, какъ тяжело было Суворову написать Веймарну слѣдующія строки: «ланцкоронское происшествіе зависѣло отъ Суздальцевъ, кои нынѣ совсѣмъ не тѣ, какъ при мнѣ были. Сихъ героевъ можно нынѣ уподобить стаду овецъ. Какъ можно, надлежитъ мнѣ приблизиться къ сандомирской сторонѣ и выучить ихъ по прежнему, ежели предуспѣю... Не упрекайте меня, милостивый государь: я думалъ съ Суздальцами побѣдить весь свѣтъ».

Можетъ быть, Суворовскія традиціи въ самомъ дѣлѣ успѣли уже ослабѣть въ Суздальскомъ полку, хотя со времени сдачи полка полковнику Штакельбергу прошелъ всего одинъ годъ; но причина неудачи заключалась не въ Суздальцахъ. Привыкнувъ одерживать надъ конфедератами легкіе успѣхи, Суворовъ разсчитывалъ на тоже самое и въ настоящемъ случаѣ, но встрѣтилъ упорство и энергію, къ которымъ не приготовился, а потому и понесъ неудачу. Повторить свою попытку онъ не могъ, потому что къ Кракову подступало нѣсколько конфедератскихъ партій, которыя намѣревались занять затѣмъ Люблинъ и послѣ того двинуться въ Литву. Суворовъ выступилъ въ походъ, подошелъ 16 или 17 февраля къ Рахову и немедленно его атаковалъ. Въ результатѣ былъ полный успѣхъ, сотня плѣнныхъ и весь конфедератскій обозъ. Затѣмъ надо было спѣшить къ Краснику, гдѣ отбивался отъ Поляковъ, по словамъ Суворова, «капитанъ Панкратьевъ съ сотнею людей и со своей храбростью». Большая часть пѣхоты выѣхала изъ Рахова на коняхъ. Обозъ и плѣнные до такой степени обременяли Суворова, что онъ «въ Красникъ шелъ на прорывъ; было уже не до атаки, а только бы плѣнныхъ съ рукъ сжить въ Люблинъ». Суздальцы съ капитаномъ Панкратьевымъ удержались до его прихода, отбивъ многія атаки; съ приближеніемъ же Суворова, Поляки ретировались. Русскіе лишились въ этихъ дѣлахъ больше 50 человѣкъ убитыми и ранеными. Суздальцы возстановили въ глазахъ Суворова свою репутацію не

только въ Красникѣ, но и въ Раховѣ. «Пѣхота поступала съ великою субординаціею, и я съ нею помирился», писалъ онъ Веймарну. Достойно, между прочимъ, вниманія, что здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, раньше и позже, казаками начальствовали пѣхотные офицеры младшихъ чиновъ постоянно одного и того же Суздальскаго полка, и Суворовъ былъ ими очень доволенъ.

Вскорѣ послѣ этого былъ взятъ въ плѣнъ одинъ изъ конфедератскихъ предводителей, казакъ Савва и затѣмъ убитъ, по утвержденію нѣкоторыхъ, русскими солдатами, за измѣну. Одинъ изъ иностранныхъ писателей обвиняетъ въ этомъ Суворова. На это можно только сказать, что Суворовъ находился въ сотняхъ верстъ отъ Саввы, занимался совсѣмъ другимъ дѣломъ и кромѣ того не могъ отдавать приказаній въ войска, ему не подчиненныя.

Возвратясь тѣмъ временемъ въ Люблинъ, Суворовъ засталъ тутъ предписаніе Веймарна — идти къ Кракову, гдѣ сосредоточивались главныя силы конфедератовъ. Выступивъ изъ Люблина, онъ по дорогѣ разбилъ одну конфедератскую партію, за Краковомъ отбросилъ другую и двинулся чрезъ Скавину къ монастырю Тынцу. Движеніе это произведено чрезвычайно удачно; Суворовъ засталъ конфедератовъ совершенно въ расплохъ. Дюмурье спокойно ужиналъ въ Заторѣ и тутъ узналъ, что Русскіе уже въ Краковѣ; онъ поскакалъ въ Скавину—Суворовъ былъ уже тамъ. На пути Дюмурье, въ деревняхъ, конфедераты спокойно спали, лошади ихъ были разсѣдланы, никто и не подозрѣвалъ близости непріятеля.

Подойдя къ монастырю Тынцу, обнесенному стѣною и рвомъ и усиленному двумя редутами, Суворовъ велѣлъ атаковать одинъ изъ нихъ. Редутъ былъ взятъ, но вслѣдъ затѣмъ отнятъ Поляками или, лучше сказать, Австрійцами, такъ какъ почти вся пѣхота, сидѣвшая въ Тынцѣ, состояла изъ австрійскихъ дезертировъ. Суворовъ приказалъ взять редутъ вторично, что и было исполнено; но непріятель выбилъ его снова. Дальнѣйшею настойчивостью можно было потерять и много людей, и много времени, въ особенности невознаградима была бы потеря послѣдняго. Суворовъ бросилъ Тынецъ и потянулся къ Ланцкоронѣ подъ огнемъ выстроившихся на высотахъ конфедератовъ. Подъ Тынцомъ и въ предшествовавшихъ стычкахъ мы потеряли 90 человѣкъ

убитыми и ранеными; непріятель же—75 плѣнными и около 100 убитыми; кромѣ того изъ тынецкаго редута взято у него 2 пушки.

Еще ранѣе къ Суворову присоединился отрядъ Древица, силою въ 2,000 человѣкъ, такъ что къ Ланцкоронѣ онъ подходилъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ около 3,500. Этого Древица, своего любимца, Веймарнъ навязывалъ Суворову если не въ руководители, то въ совѣтники, «для пользы службы», однако безуспѣшно. Приблизительно такія же силы успѣлъ собрать Дюмурье, или немногимъ больше, но почти все изъ конницы. Онъ требовалъ къ себѣ и Пулавскаго, имѣвшаго до 1,500 человѣкъ, но тотъ отвѣчалъ, что не намѣренъ получать приказанія отъ иностранца и желаетъ вести войну самостоятельно. Дюмурье выстроился на гребнѣ высотъ, скатъ которыхъ спускался къ сторонѣ приближавшихся Русскихъ. Лѣвый флангъ позиціи упирался къ Ланцкорону; въ городѣ и замкѣ находилось 1,200 человѣкъ съ 30 орудіями; центръ и правый флангъ были прикрыты двумя рощами, занятыми двумя сотнями французскихъ егерей; правую рощу защищали кромѣ того два орудія. Доступъ съ фронта къ центру и лѣвому флангу былъ очень затруднителенъ, особенно для кавалеріи, и находился подъ выстрѣлами артиллеріи съ крѣпости и зàмка; правый флангъ, съ обрывистыми скатами, былъ совсѣмъ неприступенъ.

Дѣло происходило 10 мая. На небольшихъ высотахъ, впереди лежащихъ, показался русскій кавалерійскій авангардъ; пріѣхалъ и Суворовъ для обозрѣнія непріятельской позиціи. Окинувъ ее взглядомъ, онъ велѣлъ авангарду, составивъ изъ себя лѣвый флангъ русскаго корпуса, атаковать центръ непріятельскаго расположенія, не ожидая пока подойдутъ остальныя силы. Казаки понеслись врассыпную, не тревожимые огнемъ стрѣлковъ, которымъ приказалъ молчать Дюмурье, увѣренный въ побѣдѣ и опасавшійся одного — какъ бы Суворовъ не отмѣнилъ свою якобы безразсудную атаку. Поляки должны были атаковать Русскихъ лишь въ тотъ моментъ, какъ эти послѣдніе вступятъ на гребень высотъ, въ неизбѣжномъ разстройствѣ. А если запрещено было стрѣлять егерямъ, то ради той же цѣли конечно должна была молчать также и артиллерія зàмка и города.

Разсчетъ Дюмурье оказался фальшивымъ. Казаки, взобрав-

шись на высоты, мигомъ выстроились въ лаву и понеслись на центръ и правый флангъ, гдѣ находились войска Сапѣги и Литовцы Оржевскаго; за ними скакали карабинеры. Конфедераты сразу дали тылъ. Примчался Дюмурье, чтобы ободрить ихъ и устроить; Сапѣга ударами сабли обращалъ бѣглецовъ на непріятеля, но ничто не помогло: Сапѣга былъ заколотъ своими; Оржевскій и нѣсколько храбрецовъ, его сопровождавшихъ, пали подъ казачьями пиками. Дюмурье бросился къ гусарамъ Шюца, чтобы съ ихъ помощью поправить дѣло, но и они вмѣсто встрѣчной атаки, дали залпъ изъ карабиновъ и показали тылъ. Тѣмъ временемъ подошла русская пѣхота съ остальною кавалеріей, выбила изъ центральной рощи французскихъ егерей, взобралась на высоты и тотчасъ же устроилась. Міончинскій, предупреждая ея атаку, понесся ей на встрѣчу и храбро врубился въ ея ряды, но и это не принесло пользы: Міончинскій былъ сбитъ съ коня, раненъ и взятъ въ плѣнъ, кавалерія его отбита и прогнана. Все бросилось затѣмъ въ разбродъ; одинъ Валевскій, занимавшій лѣвый флангъ позиціи, да Дюмурье съ небольшимъ отрядомъ Французовъ отступили въ порядкѣ. Русская конница преслѣдовала спасавшихся бѣгствомъ нѣсколько верстъ и нанесла имъ большой уронъ.

Ланцкоронское сраженіе продолжалось всего полчаса. Конфедераты потеряли около 500 убитыми и 2 орудія; плѣнныхъ взято мало, но въ числѣ ихъ 2 маршалка. Потеря Русскихъ была ничтожна. Дюмурье отступилъ въ Бялу, пограничное мѣстечко и оттуда чрезъ нѣсколько недѣль уѣхалъ во Францію, совсѣмъ отказавшись отъ дѣла Поляковъ. Суворовъ донесъ Веймарну 13 мая: «Мурье, управясь дѣломъ и не дождавшись еще карьерной атаки, откланялся по французскому и сдѣлалъ антрепатъ въ Бѣлу, на границу». О Древицѣ онъ донесъ такъ: «полковникъ Древицъ все дѣло сдѣлалъ; онъ атаковалъ съ искуствомъ, мужествомъ и храбростью и весьма заслуживаетъ императорской отличной милости и награжденія».

Впослѣдствіи Дюмурье охуждалъ распоряженія Суворова подъ Ланцкороной, утверждая, что они должны были навлечь на него неминуемое пораженіе. Это можетъ быть, но только при другихъ условіяхъ. Суворовъ поразилъ подъ Ланцкороной По-

ляковъ внезапностью и дерзостью, избравъ способъ дѣйствій, котораго они (и Дюмурье съ ними) не ожидали, считая его невозможнымъ, и вотъ невозможное сдѣлалось возможнымъ. Въ нихъ, конфедератахъ, было очень мало духовной силы и очень много впечатлительности; Суворовъ принялъ это въ соображеніе и на немъ построилъ свой разсчетъ. Послѣ долгихъ усилій, при иностранной субсидіи и при энергическомъ веденіи дѣла знающимъ и способнымъ иностраннымъ офицеромъ, конфедерація въ послѣднее время преобразилась и выступила во всеоружіи; такъ по крайней мѣрѣ казалось. Надо было озадачить сразу эту якобы преображенную, переродившуюся силу, чтобы она не подняла головы и не притянула къ себѣ всю Польшу,—и Суворовъ озадачилъ ее подъ Ланцкороной. Сила разсыпалась, оказалась призракомъ.

Въ своей автобіографіи Суворовъ говоритъ про ланцкоронское пораженіе, что оно «произошло отъ хитрыхъ маневровъ французскою запутанностью, которою мы пользовались; они хороши для красоты въ реляціяхъ». Надо думать, что подъ запутанностью и хитрыми маневрами Суворовъ разумѣлъ плохой разсчетъ Дюмурье—не стрѣлять въ кавалерійскую атаку, такъ что лучшія его войска, обѣ группы французскихъ стрѣлковъ, оказались для боя потерянными вмѣстѣ съ артиллеріей лѣваго фланга.

Конфедераты были разбиты, но оставался самый опасный изъ нихъ по дарованіямъ и популярности — Пулавскій, который собирался идти въ Литву. Суворовъ погнался за нимъ, разгоняя и сметая съ своего пути встрѣчныя партіи и совершая весь походъ форсированными переходами. Подъ Замосцьемъ онъ разбилъ Пулавскаго, потерявшаго тутъ свыше 200 человѣкъ и горячо преслѣдовалъ. Пулавскому приходилось отступать по дорогѣ къ Люблину. Пробраться въ Литву стало дѣломъ невозможнымъ, и онъ рѣшился снова вернуться къ венгерской границѣ. Оставивъ въ виду Суворова свой аріергардъ и приказавъ ему продолжать отступленіе по прежнему направленію, Пулавскій съ большей частью своей партіи обошелъ Суворова фланговымъ движеніемъ и, выйдя въ тылу его на прежнюю дорогу, прибылъ къ Ланцкоронѣ. Такимъ образомъ онъ искусно провелъ Суворова, который этого и не отрицалъ, съ большой похвалой отзы-

ваясь о его мастерскомъ отступленіи и, въ знакъ своего уваженія, послалъ ему на память небольшую фарфоровую табакерку.

Такъ окончилась экспедиція Суворова. По неутомимости, по смѣлости и рѣшительности ударовъ и вообще по энергіи исполненія она представляетъ собою цѣлую военную поэму. Разсчитываютъ, что въ 17 сутокъ Суворовъ прошелъ около 700 верстъ; форсированные переходы постоянно перемежались битвами; не проходило двухъ сутокъ безъ боя. Когда же восхищались ему въ глаза замѣчательною быстротою его движеній, онъ отвѣчалъ: «Римляне двигались шибче, прочтите Цезаря».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Первая Польская война: Сталовичи, Краковъ.

1771—1772.

Несмотря на жестокій ударъ, нанесенный конфедератамъ Суворовымъ подъ Ланцкороной, они не потеряли еще надежды на улучшеніе своего положенія и именно съ помощью литовскаго великаго гетмана графа Огинскаго. По мѣрѣ неудачъ конфедератовъ, надежды эти росли и наконецъ Огинскій сдѣлался какъ бы единственнымъ якоремъ спасенія для всѣхъ и каждаго, ибо всѣ Поляки, за рѣдкимъ исключеніемъ, принадлежали конфедераціи: меньшинство словомъ и дѣломъ, большинство помышленіемъ и сочувствіемъ. Возвышенію его значенія много способствовалъ одинъ изъ конфедератскихъ предводителей, молодой предпріимчивый Косаковскій. Съ партіею въ нѣсколько сотъ человѣкъ онъ пробрался изъ Ченстохова въ Литву кружнымъ путемъ, возбуждая дворянство къ вооруженному дѣйствію и уговаривая всѣхъ на согласіе и единодушіе для спасенія отечества и для упраздненія престола. Стало во всѣ стороны распространяться глухое броженіе, давала себя чувствовать назрѣвавшая гроза. Поляки подняли голову.

Огинскій пользовался большимъ уваженіемъ и вліяніемъ главнымъ образомъ потому, что имѣлъ собственное войско и начальствовалъ надъ литовскимъ коронным.ъ. Отличительною его

чертою было непомѣрное честолюбіе; онъ даже помышлялъ о польской коронѣ, такъ какъ нерасположеніе къ Станиславу Августу было почти всеобщимъ. Но этому честолюбію не соотвѣтствовалъ характеръ Огинскаго, нерѣшительный, колеблющійся, даже робкій. Не держась открыто стороны конфедератовъ, онъ оказывалъ имъ помощь и покровительство втайнѣ, все выжидая болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Даже когда Дюмурье далъ дѣлу конфедераціи счастливый оборотъ, Огинскій не могъ рѣшиться на смѣлый шагъ. Войско его сосредоточилось подъ Телешаномъ числомъ до 3—4000 человѣкъ; ожидалось еще 2000 изъ Курляндіи, разсчитывалось на нѣсколько мелкихъ отрядовъ изнутри Литвы, была даже надежда на всеобщее возстаніе. Сила складывалась внушительная.

Къ этому времени, въ началѣ 1771 года, опять произошла перемѣна въ русскомъ представительствѣ. Волконскій постоянно тяготился своей миссіей, неоднократно просилъ объ отозваніи и наконецъ былъ замѣненъ Сальдерномъ. Новый посланникъ былъ человѣкъ энергическій, но раздражительный, вспыльчивый и вообще неуживчивый. Онъ сразу забраковалъ все и всѣхъ; написалъ въ Петербургъ, что съ годами число конфедератовъ не уменьшается, а увеличивается; что система оборонительной войны никуда не годится; что большей части нашихъ военачальниковъ она на-руку, ибо они грабители; что за исключеніемъ двухъ-трехъ (въ числѣ которыхъ и Суворовъ), всѣ ограничиваются даваніемъ конфедератамъ щелчковъ, собираніемъ добычи и бражничаньемъ на квартирахъ, а если что и бываетъ хорошаго, то благодаря исключительно доблести русскихъ солдатъ. По мнѣнію Сальдерна, болѣе всѣхъ виноватъ въ этомъ Веймарнъ, котораго совершенно необходимо замѣнить Репнинымъ или Бибиковымъ. О конфедератахъ отзывы Сальдерна еще суровѣе. По его мнѣнію если нѣкоторые изъ русскихъ начальниковъ позволяли себѣ жестокости съ плѣнными, то это потому, что конфедераты, давшіе на себя реверсы и отпущенные на волю, зачастую не держали даннаго слова и съ благословенія ксендзовъ снова поступали въ банды. На этомъ основаніи Сальдернъ издалъ грозную прокламацію, объявилъ въ ней конфедератовъ разбойниками и предупреждалъ, что русскія войска будутъ плѣнныхъ вѣшать.

Сальдернъ нагналъ на Поляковъ такую тревогу, смущеніе и даже страхъ, что когда онъ потребовалъ отъ Огинскаго категорическаго отвѣта—за кого или противъ кого тотъ готовилъ войска, то это произвело дѣйствіе мгновенное. Въ ночь на 30 августа 1771 года Огинскій внезапно поднялся и напалъ на полковника Албычева, командира части Петербургскаго легіона, разбилъ его, большую часть взялъ въ плѣнъ (Албычевъ былъ убитъ) и издалъ манифестъ о своемъ присоединеніи къ конфедераціи. Мелкіе отряды потянулись къ нему изъ Литвы и Польши; онъ выступилъ къ Несвижу. Собравшіеся противъ него русскіе отряды дѣйствовать не рѣшались, а только наблюдали. Время наступало серьезное.

Еще 23 іюля Веймарнъ прислалъ Суворову предписаніе: въ виду двусмысленности поведенія Огинскаго, быть готовымъ къ выступленію изъ Люблина, по полученіи ордера, туда, куда обстоятельства потребуютъ, а до тѣхъ поръ никуда не отлучаться. Другимъ предписаніемъ, 31 іюля, онъ сообщаетъ Суворову, какіе именно отряды получили назначеніе наблюдать за Огинскимъ, и выражаетъ надежду, что этихъ мѣръ будетъ достаточно. Затѣмъ 29 августа подтверждается Суворову быть въ готовности, но безъ особаго приказанія никуда не выступать. Наконецъ 1 сентября, послѣ открытія Огинскимъ военныхъ дѣйствій, Веймарнъ сообщаетъ Суворову принятый имъ обще съ Сальдерномъ планъ. Главныя дѣйствія поручаются полковнику Древицу; подъ его команду назначается сильный сборный отрядъ изъ разныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ и отъ Суворова; отрядъ собирается къ м. Минску, въ 30 слишкомъ верстахъ отъ Праги. А такъ какъ Огинскій можетъ или пойти на Варшаву, или направиться въ краковское воеводство съ нападеніемъ на посты Суворова, или же остаться въ Литвѣ, то надо быть ко всему готовымъ. Поэтому Суворову предписывается немедленно снять всѣ посты, людей собрать въ Люблинъ и держать ихъ вкупѣ. Если Огинскій пойдетъ къ Варшавѣ, то туда же поспѣшить и Суворову, дѣйствуя ему во флангъ или въ тылъ, въ связи съ Древицемъ, который встрѣтитъ его съ фронта. Если Огинскій направится къ сторонѣ Люблина, то Суворовъ долженъ пресѣчь ему путь и поставить его, вмѣстѣ съ Древицемъ, между двухъ огней. Если

Огинскій останется въ Литвѣ, то приказано Древицу слѣдовать за нимъ по пятамъ и разбить его; Суворову же оставаться въ Люблинѣ до полученія новаго ордера.

Что отвѣчалъ Суворовъ Веймарну на первыя его предписанія, неизвѣстно; вѣрнѣе всего, что ничего не отвѣчалъ. Очевидно онъ не могъ быть доволенъ ролью, которая доставалась ему по волѣ Веймарна, и не могъ одобрять того выжидательнаго бездѣйствія, которое составляло сущность сообщенныхъ ему распоряженій. Сообщеніе 1 сентября тоже не могло его удовлетворить, ибо излагало мѣры запоздалыя, робкія, оставлявшія иниціативу въ рукахъ Огинскаго, да и отдавалось предпочтеніе Древицу, младшему и притомъ недругу Суворова, а самому Суворову назначалась второстепенная роль. Все-таки онъ вѣроятно исполнилъ бы предписаніе 1 сентября, если бы оно послѣдовало нѣсколькими днями раньше: съ его стороны было бы слишкомъ большимъ рискомъ дѣйствовать вопреки общему плану. Но предписаніе опоздало. Между тѣмъ опасность отъ Огинскаго была несомнѣнна и угрожала большой бѣдой, если пропустить время. Поэтому Суворовъ рѣшился, на свой рискъ и страхъ, принять мѣры, хотя противорѣчащія *прежнимъ* распоряженіямъ изъ Варшавы, но соотвѣтственныя *новому* положенію дѣлъ, внезапно разоблачившемуся. Не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы отказаться отъ всякой иниціативы единственно потому, что не получилъ еще новой инструкціи.

Онъ доноситъ 1 сентября, что получилъ офиціальный рапортъ о катастрофѣ, случившейся съ Албычевымъ; что Огинскій въ числѣ 6—7,000 слѣдуетъ къ Бресту: «уповательно, что и въ Бялу будетъ, чего ради я соберу по возможности войска въ Коцкъ и выступлю». Въ тотъ же день Суворовъ выступилъ изъ Люблина въ Коцкъ и на другой день донесъ изъ Коцка, что послалъ нарочнаго въ Брестъ и патруль до Бялы, что завтра или послѣ-завтра онъ надѣется собрать достаточно войскъ безъ обнаженія мѣстъ. Вѣроятно въ это же время онъ получилъ ордеръ Веймарна отъ 29 августа (подтверждающій предписаніе 23 іюля), потому что упоминаетъ о немъ въ своемъ рапортѣ отъ 3 сентября и говоритъ, что «когда особенныя обстоятельства, по причинѣ слуховъ объ Огинскомъ, минуются, въ точ-

ности исполненіе чинено быть имѣетъ». Въ тотъ же день онъ пишетъ, что прежде полученныя извѣстія объ Огинскомъ подтверждаются; что онъ, генералъ-майоръ Суворовъ, за долгъ службы почитаетъ туда отправиться и сегодня съ передовыми войсками выступитъ. Затѣмъ изъ Бялы онъ доноситъ 5 сентября, что туда прибылъ и изъ находящихся тамъ войскъ взялъ 107 человѣкъ пѣхоты, 71 кавалеріи, 10 казаковъ и принялъ намѣреніе выступить къ Бресту, а понадобится, то и къ Пинску. Наконецъ, 6 сентября онъ рапортуетъ изъ Бреста, что ордеръ отъ 1 сентября получилъ, «и во исполненіе онаго, какъ стремленія Огинскаго къ Варшавѣ и къ сторонѣ Люблина не слышно, я буду стараться, не пропуская его, гетмана, въ тѣ мѣста, съ помощью Божіею упреждая всѣ намѣренія и покушенія его, уничтожить». Къ этому онъ прибавляетъ, что снесется съ Древицемъ и другими отрядными начальниками, чтобы ему, Суворову, обо всемъ сообщали и его приказанія исполняли.

Такимъ образомъ оказывается, что своимъ самовольнымъ выступленіемъ въ дальнюю экспедицію, Суворовъ нетолько не нанесъ ущерба общему дѣлу, но даже не прибѣгъ къ тѣмъ крайнимъ мѣрамъ, о которыхъ писалъ ему Веймарнъ, именно— не прервалъ комуникаціи съ 1-й арміей и не опорожнилъ ни одного поста, продолжая держать конфедератовъ своего раіона въ уздѣ.

Выступивъ изъ Бреста въ Березу и оттуда двигаясь къ Несвижу, Суворовъ, не доходя 35 верстъ до этого города, получилъ достовѣрное извѣстіе, что Огинскій находится въ м. Мирѣ, а полковникъ Дирингъ въ 20 отъ него верстахъ. Рѣшивъ соединиться съ Дирингомъ для удара на непріятеля, Суворовъ выступилъ къ Несвижу въ ночь на 12 число, но отойдя нѣсколько верстъ, услышалъ, что гетманъ перешелъ въ м. Сталовичи. Суворовъ тотчасъ послалъ къ Дирингу и въ Слуцкъ къ подполковнику Хвабулову, чтобы подкрѣпили его въ предстоящей атакѣ, самъ же пошелъ прямо къ Сталовичамъ, хотя имѣлъ подъ командой всего 822 человѣка. Вѣрный своимъ принципамъ, онъ предпочелъ атаковать со своимъ ничтожнымъ, истомленнымъ отрядомъ несоразмѣрно сильнѣйшаго непріятеля, лишь бы воспользоваться выгодой внезапности.

Въ совершенной тишинѣ приближались Русскіе къ Сталовичамъ. Небо было покрыто тучами, ночь стояла черная; маякомъ для войскъ служилъ огонь, мерцавшій на монастырской башнѣ близъ Сталовичъ. Не доходя верстъ трехъ, Суворовъ построилъ свой отрядъ въ боевой порядокъ изъ двухъ линій съ резервомъ; фланги прикрывали казаки. Едва Русскіе вступили на плотину, которая вела къ непріятелю черезъ болото, какъ ихъ замѣтили и по нимъ открыли огонь. Огонь этотъ былъ впрочемъ такъ малодѣйствителенъ, а атака такъ энергична, что мѣстечко Русскіе живо захватили, вмѣстѣ съ находившеюся въ немъ непріятельскою артиллеріей. Озадаченные конфедераты частію бѣжали въ поле, частію засѣли въ строеніяхъ и производили безпорядочный огонь. Гвардія Огинскаго, состоявшая изъ 300 такъ называемыхъ янычаръ, упорно оборонялась въ нѣсколькихъ домахъ на площади, но была или переколота, или разогнана. Самъ Огинскій едва спасся, вскочивъ на коня и ускакавъ въ поле. Петербургскіе легіонеры отряда Албычева, взятые передъ тѣмъ Огинскимъ въ плѣнъ, находились тутъ же, въ Сталовичахъ, и были освобождены. Отъ бѣготни, криковъ, выстрѣловъ стоялъ такой хаосъ, что своихъ трудно было отличить отъ чужихъ. Прибывъ въ Сталовичи на зарѣ, Суворовъ замѣтилъ солдата, пробирающагося въ какой-то домъ; онъ принялъ его за грабителя и окликнулъ. Солдатъ отвѣчалъ по-польски и выстрѣлилъ въ него изъ ружья, но промахнулся; это былъ одинъ изъ гвардейцевъ Огинскаго.

Въ мѣстечкѣ стояла только часть войскъ Огинскаго; остальныя были расположены невдалекѣ, въ лагерѣ, на небольшихъ высотахъ; къ нимъ присоединились и бѣглецы сталовичскіе. Не давая времени конфедератамъ придти въ себя, Суворовъ тотчасъ по взятіи Сталовичъ повелъ атаку на лагерь. Было уже совсѣмъ свѣтло; стало видно, что конфедератовъ въ строю гораздо больше чѣмъ Русскихъ, ибо при выбиваніи непріятеля изъ мѣстечка, большая часть русскихъ карабинеръ увязалась за тѣми конфедератами, которые бѣжали не къ своему лагерю, а въ сторону. Такимъ образомъ изъ кавалеріи оказалось на лицо для новой атаки всего 70 человѣкъ, польской же конницы примкнуло къ лагерю не меньше 500. Но это не остановило Суворова, онъ

повелъ атаку одновременно кавалеріею противъ кавалеріи и пѣхотою противъ пѣхоты, которая занимала лѣвый флангъ непріятельскаго расположенія, причемъ 200 человѣкъ, неизвѣстно почему, стояли въ сторонѣ. Послѣ непродолжительнаго артиллерійскаго и ружейнаго огня, произведеннаго во время движенія впередъ, Русскіе бросились въ атаку. Слабый карабинерный эскадронъ мигомъ опрокинулъ сильную числомъ непріятельскую кавалерію; пѣхота потерпѣла ту же участь, а отдѣльно стоявшая ея часть, на которую особенно энергично велось нападеніе, почти вся сдалась въ плѣнъ. Дѣло кончилось въ 11 часовъ дня. Огинскій былъ совершенно разбитъ и съ десяткомъ гусаръ спасся бѣгствомъ въ Кенигсбергъ, въ Пруссію.

Большая часть русской конницы, ударившаяся въ преслѣдованіе, ушла довольно далеко впередъ, когда внезапно появился конфедератскій генералъ Бѣлякъ съ двумя комплектными уланскими полками силою въ 1,000 человѣкъ, пришедшій на помощь Огинскому. Онъ смялъ русскую кавалерію, но подоспѣли казаки, возстановили бой, и Бѣлякъ принужденъ былъ отступить.

Послѣдствія сталовичской побѣды были громадныя. Корпусъ Огинскаго пересталъ существовать, хотя въ немъ людей оставалось много; серьезная опасность, грозившая Русскимъ и ихъ дѣлу, была разрушена совершенно.

Потери обѣихъ сторонъ съ точностью опредѣлить нельзя. Конфедераты потеряли всю артиллерію и обозъ, много знаменъ, гетманскую булаву, убитыми 3 или 4 сотни, плѣнными нѣсколько меньше, ранеными очень много, но сколько именно—неизвѣстно. Сверхъ того освобождено изъ плѣна 435 человѣкъ съ двумя пушками. Потеря Русскихъ убитыми совершенно ничтожна, ранено около сотни, въ томъ числѣ почти всѣ старшіе офицеры. Войсками Суворовъ былъ очень доволенъ и выдалъ нижнимъ чинамъ изъ своихъ собственныхъ средствъ по рублю.

Достойна упоминанія одна изъ причинъ рѣшимости Суворова предпринять такую дальнюю и смѣлую экспедицію. Онъ объясняетъ это въ своей автобіографіи такъ: «я имѣлъ храбрыхъ офицеровъ, привыкшихъ часто сражаться вблизи».

Послѣ короткаго отдыха Суворовъ направился на Несвижъ, гдѣ оставилъ плѣнныхъ, взятый обозъ и проч. и угостилъ тутъ

плѣнныхъ польскихъ офицеровъ обѣдомъ. Въ Пинскѣ онъ захватилъ главный штабъ и свиту Огинскаго и возвратился въ Люблинъ къ 29 числу. Несмотря на то, что послѣ Сталовичъ онъ не оставался въ Литвѣ, а только пробылъ въ двухъ — трехъ пунктахъ самое короткое время, онъ успѣлъ словами и поступками милосердія и миролюбія нѣсколько успокоить край, склонить многихъ къ сложенію оружія, къ возвращенію въ дома, къ покорности. Онъ велѣлъ не трогать имѣній Огинскаго и оставить въ нихъ все по прежнему. Встрѣтивъ на дорогѣ къ Пинску конфедератскаго офицера, везшаго полковую казну, онъ не тронулъ денегъ и далъ еще офицеру пропускъ для него и казны до мѣста назначенія.

Веймарнъ былъ очень недоволенъ, и на Суворова обрушилась куча мелочныхъ непріятностей и булавочныхъ уколовъ, которыми было наполнено сердитое и колкое предписаніе Веймарна отъ 28 сентября. Взаключеніе онъ приказывалъ Суворову вернуться въ Люблинъ немедленно, и это приказаніе состоялось какъ разъ въ тотъ день, какъ Суворовъ туда пришелъ. Веймарнъ не былъ уже въ то время начальникомъ Суворова, ибо сдалъ свой постъ вновь назначенному генералъ-поручику Бибикову, собирался уѣзжать въ Петербургъ и еще двѣ недѣли назадъ предписалъ Суворову обращаться по дѣламъ службы къ Бибикову. И однако же, не довольствуясь укорительнымъ предписаніемъ отъ 28 сентября, Веймарнъ передъ самымъ своимъ отъѣздомъ послалъ Суворову 7 октября другое, еще болѣе оскорбительное и притомъ противорѣчащее первому, не посовѣстившись собрать нѣкоторыя справки на самомъ мѣстѣ, въ Сталовичахъ, у ксендза. Онъ предоставляетъ собственному Суворова разсужденію—согласно ли съ узаконенными порядками и субординаціею все то, что онъ, Суворовъ, сдѣлалъ, какъ выступленіе изъ Люблина въ Сталовичи, «такъ и произвольное безъ ордера изъ Литвы въ Люблинъ возвращеніе?» Онъ, Веймарнъ, передавая это дѣло разсмотрѣнію своего преемника и упоминая не о всѣхъ его, Суворова, неприличныхъ поступкахъ, ограничивается указаніемъ лишь на одно обстоятельство: «вы увѣряете, что непріятелей отъ 400 до 500 на мѣстѣ побито; неоднократно въ рапортахъ и письмахъ вашихъ вы съ сѣтованіемъ изъясняли неудо-

вольствіе, что наши деташементные командиры число убитыхъ безмѣрно увеличиваютъ; но нынѣ вы и сами напредѣльнѣйшимъ образомъ въ тотъ же самый казусъ повидимому поставились, ибо пробощемъ м. Сталовичи увѣряется, что всего всѣхъ имъ похоронено было 53 человѣка, въ томъ числѣ 8 съ нашей стороны». Дальше онъ ставитъ Суворову въ укоръ, что въ донесеніи его не упомянуто о полученной добычѣ, объ убыли отъ форсированныхъ маршей и т. под.

Суворовъ отвѣчалъ слѣдующее. Выступилъ онъ изъ Люблина, дабы не дать осуществиться намѣренію Огинскаго и защитить посты своего раіона, а въ Брестѣ принялъ намѣреніе— разбить гетмана. Движеніе изъ Люблина произведено безъ опорожненія постовъ. По разбитіи гетмана, Суворовъ счелъ обязанностью возвратиться въ Люблинъ, но далъ знать объ этомъ тамошнимъ отряднымъ начальникамъ, приказавъ имъ принять мѣры къ истребленію остатковъ войскъ Огинскаго. «Что жъ принадлежитъ до побитыхъ непріятелей отъ 400 до 500, то совершенная правда; поставляю не увеличивая, хотя ихъ и больше того побито. А съ чего пробощъ м. Сталовичъ, и по какому требованію, и кого, и на какомъ основаніи похороненныхъ имъ весьма малаго числа утверждалъ, я совсѣмъ не понимаю. Всему-ль моему изъясненію или пробощу повѣрить должно, истинно доношу, что несправедливо я тѣмъ обнесенъ». Въ реляціи написано о добычѣ подробно, и все, принадлежащее по закону коронѣ, оставлено въ Несвижѣ; были-ли въ казнѣ гетмана деньги, и если были, то кѣмъ онѣ захвачены—неизвѣстно; партикулярная добыча отдана войскамъ, хотя пропорціонально и не подѣлена. «Стараніе и успѣхъ состояли только въ томъ, чтобы единственно непріятеля разбить и истребить, а не о партикулярной добычѣ помышляемо».

Было бы странно предполагать, что въ такомъ дѣлѣ, какъ сталовичское, число убитыхъ конфедератовъ могло ограничиться цифрою 45, какъ указываетъ Суворову Веймарнъ. Суворовъ погрѣшилъ только въ подробностяхъ раздѣла добычи, что вполнѣ объясняется быстротою обратнаго выступленія его отряда; лично же на Суворова подозрѣнія допустить невозможно, потому что онъ на свою долю изъ добычи никогда ничего не бралъ, ни въ

эту войну, ни во всѣ послѣдующія. Легко быть можетъ, что по отношенію къ добычѣ вкрались тутъ какія нибудь злоупотребленія; такъ какъ напримѣръ гетманская булава, подлежавшая передачѣ Польскому королю, была продана, притомъ въ другой отрядъ, и ее пришлось разъискивать. Нѣкоторые историки упоминаютъ еще про гетманскую казну въ 50,000 червонныхъ; объ утраченной казнѣ пишетъ и самъ Огинскій, но Суворовъ о ней ничего не зналъ. Не была ли это та самая касса, которая нѣсколько времени спустя найдена у одного капеллана вмѣстѣ съ бумагами Огинскаго и отъ него отобрана?

Веймарнъ обнесъ Суворова и передъ военной коллегіей. Въ донесеніи своемъ, начиная съ представленнаго Суворовымъ награднаго списка, онъ говоритъ, что «со своей стороны иного сказать не можетъ, какъ то, что повидимому каждый свой долгъ исполнилъ». Далѣе онъ пишетъ, что Суворовъ ничего не доносилъ «о предъидущихъ обращеніяхъ и мѣроположеніяхъ къ согласному дѣйствію съ прочими» и обращаетъ вниманіе коллегіи на то, что Суворовъ, послѣ такого удачнаго дѣла, не преслѣдовалъ разбѣжавшихся, а предоставилъ это другимъ. Суворовъ даже помѣшалъ довершить побѣду полковнику Дирингу, ибо отошедъ отъ Сталовичъ, остановился и произвелъ побѣдный салютъ. И такъ далѣе, въ томъ же родѣ.

Этимъ дѣло и кончилось; никакого суда надъ Суворовымъ не было, вопреки утвержденію нѣкоторыхъ авторовъ. Суворовъ, получившій за свою службу въ Польшѣ до Сталовичъ орденъ св. Анны 1 степени и Георгія 3 класса, былъ награжденъ за сталовичскую побѣду въ декабрѣ 1771 г. орденомъ Александра Невскаго, котораго не имѣлъ еще тогдашній его начальникъ, Бибиковъ.

Суворовъ снова просился въ 1771 году въ армію Румянцова, утомившись отъ всѣхъ непріятностей и отъ своей кипучей дѣятельности; но переводъ опять почему-то не состоялся. Этотъ годъ былъ особенно богатъ дѣятельностью Суворова рѣшительно по всѣмъ отраслямъ. Распоряженія его касаются внутренняго обихода войскъ, содержатъ въ себѣ правила службы, разнообразныя наставленія для боевыхъ дѣйствій, подробныя инструкціи для обученія войскъ, мѣры противъ грабительствъ и

неправильныхъ поборовъ. Тогда всѣ смотрѣли на добычу, какъ на совершенно справедливое вознагражденіе войска за одержанный имъ успѣхъ и какъ на естественное послѣдствіе побѣды; такой взглядъ никѣмъ не оспаривался и былъ узаконенъ. Подобнымъ же образомъ смотрѣлъ на добычу и Суворовъ, но сознавалъ, что путь этотъ скользокъ и, не будучи регулированъ, ведетъ къ грабежу, насиліямъ и полной разнузданности. Поэтому Суворовъ постоянно напрягалъ усилія къ удержанію понятія о добычѣ въ законныхъ предѣлахъ, и переступившихъ этотъ предѣлъ наказывалъ со строгостью. Онъ приказываетъ содержать плѣнныхъ ласково и человѣколюбиво; кормить ихъ хорошо, «хотя бы то было и сверхъ надлежащей порціи»; поступать также и съ непріятельскими дезертирами; «ибо благопріятіе раскаявшихся возмутителей пользуетъ болѣе нашимъ интересамъ, нежели разлитіе ихъ крови». Да и нераскаянныхъ онъ защищаетъ отъ всякихъ жестокостей: «какъ бунтовщиковъ подлыми ни почитайте, но никакого злодѣя уничтожать не должно, а оружіе низложивши, оказывать всякое благоволеніе». Онъ часто рекомендуетъ поддерживать добрыя отношенія между войсками и жителями и не забывать, что русскія войска находятся въ Польшѣ только для успокоенія земли: «миръ на Израиля». Даже съ непріятельскими шпіонами Суворовъ, вопреки военнымъ обычаямъ, мягокъ и приказываетъ тоже самое своимъ подчиненнымъ.

Немало времени и трудовъ отнимала у Суворова и переписка его съ Веймарномъ. Онъ безпрестанно даетъ Веймарну непрошеные совѣты, осуждаетъ теченіе дѣлъ, указываетъ на разные недостатки въ войскахъ, особенно на дурное ихъ обученіе. Дѣлаетъ онъ это въ приличной формѣ, но все таки у него просвѣчиваетъ сарказмъ, проглядываетъ сатира, и совѣты его носятъ на себѣ печать авторитетности. Хотя Суворовъ и проситъ въ этомъ извиненія, приводя въ свое оправданіе, что его замѣтки совершенно «безъ желчи штиля», но оно несовсѣмъ вѣрно. Онъ возстаетъ противъ самой системы войны въ томъ же духѣ, какъ Сальдернъ; по его мнѣнію она должна быть наступательная; оборонительный способъ невозможенъ. «Въ Польшѣ надо имѣть 4 бригады съ генералъ-маіорами; они лучше управятъ, чѣмъ голодные псы съ ихъ отрядами». «Когда до нихъ дойду,

то сердце воротится... Право, имъ лучше скорѣе дать деньги и абшитъ; они ни зачѣмъ инымъ, какъ за деньгами... Успокоить бы сихъ рыночныхъ героевъ». Они должны быть партизанами, а не гордыми, мѣстничающимися панами; оттого все хвастовство и ложь, ибо потерявъ время, а иногда и важные посты, имъ нечего больше и дѣлать, избѣгая взысканія, какъ хвастать и лгать. Они только и дѣлаютъ, что идучи съ отрядами, заходятъ въ помѣщичьи усадьбы, пьютъ тамъ кофе и играютъ въ таблеи.

Еще безпощаднѣе онъ бичуетъ отступленія отъ воинскаго безусловнаго повиновенія, въ особенности по отношенію къ нему самому: «это значитъ много остроумія, а малый смыслъ». Короче говоря, нѣтъ почти предмета, котораго бы онъ не касался въ своихъ письмахъ и представленіяхъ къ Веймарну. Но рядомъ съ критическими выходками, онъ преподаетъ ему и свои наблюденія надъ конфедератами, способомъ ихъ дѣйствій въ бою, порядкомъ походныхъ движеній и другими характерными особенностями.

Преемникъ Веймарна, Бибиковъ, оказался человѣкомъ помягче и яснѣе понимающимъ достоинства Суворова. Между ними установились добрыя отношенія, которыя не измѣнились до конца совмѣстной службы начальника и подчиненнаго въ Польшѣ и продолжались по отбытіи Суворова на другой театръ войны.

Наступилъ 1772 годъ. Незадолго передъ тѣмъ прибылъ изъ Франціи на смѣну Дюмурье генералъ-маіоръ баронъ де-Віоменилъ съ нѣсколькими офицерами и съ порядочнымъ числомъ одѣтыхъ лакеями унтеръ-офицеровъ. Центръ конфедератской агитаціи перенесенъ изъ Энеріеша въ Бѣлицъ, на самой границѣ, а Бяла, противъ Бѣлица лежащая, избрана главнымъ опорнымъ пунктомъ. Открыть военныя дѣйствія предположено захватомъ краковскаго зàмка.

Въ Краковѣ начальствовалъ полковникъ Штакельбергъ, преемникъ Суворова въ командованіи Суздальскимъ полкомъ. Онъ былъ храбрый офицеръ, но слабохарактерный, большой и любящій покой человѣкъ. Суворовъ неоднократно въ запискахъ и бумагахъ дѣлалъ на счетъ Штакельберга разныя ироническія замѣчанія и еще недавно такъ атестовалъ его за его лѣность въ обученіи полка: «чего найти достойнѣе, правосуднѣе, умнѣе

Штакельберга, только у него на морозѣ, на дождѣ, на вѣтрѣ, на жарѣ болитъ грудь». Штакельбергъ былъ уже человѣкъ не молодой, но еще чувствительный къ женской красотѣ, или по крайней мѣрѣ очень къ прекрасному полу благосклонный. Кромѣ того, стараясь поддерживать съ населеніемъ города Кракова добрыя отношенія, Штакельбергъ слишкомъ сблизился съ обывателями, особенно съ монахами. Въ краковскомъ зàмкѣ хранился полковой обозъ, 4 пушки; тамъ же содержались плѣнные конфедераты вопреки приказанію Суворова, требовавшаго отправки ихъ въ Люблинъ. Суворову доносили о безпечности Штакельберга, но онъ не обращалъ на это вниманія, въ чемъ и сознался Бибикову послѣ катастрофы. По мѣткому выраженію Суворова, Штакельбергъ «былъ обремененъ ксендзами и бабами» и никого не хотѣлъ слушать. По просту говоря, Штакельбергъ находился въ Краковѣ не на своемъ мѣстѣ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кракова, въ Тынцѣ, командовалъ подполковникъ французской службы Шуази. Въ ночь съ 21 на 22 января 1772 года онъ посадилъ большую часть тынецкаго гарнизона на суда и переправился черезъ Вислу къ Кракову. Съ величайшею осторожностью подошелъ онъ къ зàмковымъ воротамъ. Передъ тѣмъ выпалъ большой снѣгъ, и люди отряда имѣли на себѣ поверхъ платья бѣлую ксендзовскую одежду, дабы не возбуждать вниманія часовыхъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ стѣны, въ томъ числѣ невдалекѣ отъ воротъ, находились внизу отверстія для стока нечистотъ, задѣланныя желѣзными рѣшотками; около воротъ рѣшотка оказалась по условію выломанной и часового не было. Французы пробрались внутрь замка по этому отверстію (а можетъ быть и по другимъ), кинулись на караулъ при воротахъ, закололи часового, захватили на платформѣ ружья и безъ выстрѣла перевязали всѣхъ людей, а потомъ направились къ главному караулу и сдѣлали тоже, послѣ безпорядочной стрѣльбы захваченныхъ въ расплохъ солдатъ. Вслѣдъ затѣмъ были завалены изнутри ворота и оставлена свободною лишь низкая калитка.

Для отвлеченія вниманія военнаго начальства отъ зàмка, въ эту ночь былъ назначенъ въ городѣ костюмированный балъ, на которомъ находился и Штакельбергъ. Вѣсть о взятіи зàмка

пришла къ нему на балу, и онъ рѣшился отнять зàмокъ тотчасъ же. Была произведена безсвязная атака, но отбита; за нею чрезъ полчаса другая, но также безъ успѣха; потеряно 42 убитыхъ и раненыхъ. Въ 3 часа пополудни пришло подкрѣпленіе со стороны Тынца, пѣхота пробралась въ зàмокъ, кавалерія же была отогнана. Ночью на 24 января опять подошла подмога и тоже прорвалась въ зàмокъ, потерявъ впрочемъ очень много людей.

Изъ слѣдствія, произведеннаго потомъ по распоряженію военной коллегіи видно, что съ самаго прибытія въ Краковъ полковника Штакельберга, существовали значительныя послабленія въ караульной службѣ, перешедшія мало по малу въ полную распущенность. Караулъ содержался съ ружьями незаряженными; караульную службу никто никогда не повѣрялъ; дальніе разъѣзды не посылались и свѣдѣнія о непріятелѣ не повѣрялись; ближніе конные патрули исполняли службу когда и какъ вздумается ихъ ближайшимъ начальникамъ, безъ повѣрки свыше; не было дано инструкціи ни плацмайору, ни караульному офицеру; къ отверстіямъ подъ стѣной, для стока нечистотъ, часовые не ставились, и эти отверстія никогда не осматривались. Отъ такого систематическаго небреженія, въ ночь на 22 января караулы оказались спящими; конные патрули не показались внѣ замка ни разу; стоявшій вблизи парома часовой казакъ самовольно отошелъ отъ своего поста на версту, за смѣной, и такимъ образомъ не замѣтилъ прибывшихъ отъ Тынца людей.

Въ этомъ печальномъ происшествіи былъ виноватъ отчасти и Суворовъ, не давъ вѣры сдѣланнымъ на Штакельберга доносамъ и не обративъ вниманія на секретное сообщеніе одного поляка, поставщика русскихъ войскъ, который предупреждалъ его, что будетъ на краковскій зàмокъ покушеніе. Суворовъ въ это время собирался въ Литву; подрядчикъ увѣрялъ, что въ Литвѣ задумана только демонстрація для отвлеченія вниманія Русскихъ отъ Кракова. Но Суворовъ этому не повѣрилъ, въ чемъ потомъ и каялся.

По полученной вѣсти, онъ съ небольшимъ отрядомъ двинулся изъ Пинчова къ Кракову, куда и прибылъ 24 января, въ 5 часовъ утра, соединившись съ Браницкимъ, командовавшимъ

5 польскими коронными кавалерійскими полками. Оба они произвели рекогносцировку и потомъ раздѣлили между собой дѣло. Браницкій принялъ на себя наблюденіе и оборону отъ конфедератскихъ шаекъ той стороны Вислы, а Суворовъ осаду зàмка.

Краковскій зàмокъ расположенъ на высотѣ, господствующей надъ городомъ; у подошвы холма протекаетъ Висла. Онъ обнесенъ крѣпкою стѣною въ 30 футовъ вышины и 7 футовъ толщины и окруженъ рвомъ; внѣшнихъ укрѣпленій не было. Выгодное его положеніе не давало надежды на успѣхъ штурма, безъ предварительнаго сильнаго обстрѣливанія и пробитія бреши, а у Суворова не было ни одного осаднаго орудія. Но по его приказанію, съ чрезвычайными усиліями втащили нѣсколько полевыхъ пушекъ въ верхніе этажи наиболѣе высокихъ домовъ и оттуда открыли по зàмку огонь, а королевско-польскій военный инженеръ повелъ двѣ минныя галлереи. Силы Суворова подъ Краковомъ (съ подошедшимъ подкрѣпленіемъ) были не велики и едва ли превышали 1700 человѣкъ, пополамъ пѣхоты и конницы.

Французы захватили краковскій замокъ съ порядочными, но неполными запасами; однихъ предметовъ было много, другихъ же мало, а слѣдственно въ итогѣ замокъ былъ снабженъ худо. Попало въ ихъ руки много пороху, свинцу, хлѣба въ зернѣ; не доставало мяса, ядеръ; совсѣмъ не было огнивныхъ кремней, врачебныхъ пособій и нѣк. др. Недостатки эти скоро сказались, такъ какъ гарнизонъ состоялъ безъ малаго изъ 1000 человѣкъ.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи Суворова, Шуази выслалъ парламентера. Онъ просилъ взять изъ зàмка сотню плѣнныхъ мастеровыхъ, дозволить выйти въ городъ 80 духовнымъ лицамъ и снабдить его лѣкарствами. Во всемъ было отказано, такъ какъ въ зàмкѣ уже чувствовался недостатокъ продовольствія, а лѣченіе раненыхъ офицеровъ Суворовъ бралъ на себя, если они дадутъ слово не дѣйствовать по выздоровленіи противъ Россіи и Польскаго короля. Несмотря на категоричность отказа, духовенство пыталось дважды выйти изъ замка; первый разъ его встрѣтили безвредными выстрѣлами, во второй разъ нѣсколько человѣкъ было ранено. Послѣ того попытки уйти изъ замка прекратились.

Дѣло однако подвигалось плохо; за неимѣніемъ осадной

артиллеріи брешь не могла быть готова въ близкомъ будущемъ, и нетерпѣливый Суворовъ, предвидя возможность штурма безъ бреши, сталъ производить ложныя ночныя тревоги, дабы утомить гарнизонъ и усыпить его бдительность. Февраля 18 дня 1772 года въ 2 часа ночи начался штурмъ, продолжался 4 часа и кончился полной неудачей, съ потерею 150 человѣкъ. Суворовъ увидѣлъ, что поторопился напрасно и потому съ этой поры ограничился блокадою замка, гдѣ уже ѣли конину и воронъ. По временамъ ему приходилось отправлять партіи въ окрестности, полныя конфедератами, которые задались цѣлью — заставить Русскихъ снять блокаду. Этимъ обстоятельствомъ отчасти и извиняется предшествовавшая попытка къ штурму; самъ Суворовъ находился нѣкоторымъ образомъ въ осадѣ и иногда лично долженъ былъ выступать противъ наиболѣе дерзкихъ бандъ. Разъ онъ отправился противъ Косаковскаго. Въ разгарѣ завязавшагося дѣла на него наскочилъ конфедератскій офицеръ, выстрѣлилъ изъ двухъ пистолетовъ, но мимо, и бросился съ саблей. Суворовъ отпарировалъ ударъ, но противникъ продолжалъ настойчиво нападать, пока не подоспѣлъ случайно одинъ карабинеръ и не выручилъ своего начальника, положивъ конфедерата выстрѣломъ въ голову.

Наконецъ, въ началѣ апрѣля прибыли орудія большого калибра и была возведена скрытно отъ непріятеля брешь-батарея. Она обрушила часть стѣны у воротъ, пробила брешь и произвела въ замкѣ нѣсколько пожаровъ; польскій инженеръ окончилъ тѣмъ временемъ минныя галлереи. Въ замкѣ сильно голодали, число больныхъ постоянно возрастало, дезертирство развилось до громадныхъ размѣровъ и въ довершеніе всего составился между солдатами заговоръ—сдать замокъ Русскимъ. Шуази разстрѣлялъ виновныхъ, но этимъ избѣжалъ только острой опасности, а положеніе дѣла оставалось по прежнему въ высшей степени критическимъ. Шуази послалъ объ этомъ въ Тынецъ письмо съ надежнымъ унтеръ-офицеромъ. Посланный вышелъ изъ замка ночью, но на переправѣ черезъ Вислу былъ захваченъ Русскими. Письмо расшифровали и прочли; Суворовъ убѣдился въ безнадежномъ положеніи гарнизона.

Завладѣть замкомъ значило нанести смертельный ударъ

конфедераціи, а потому Суворовъ, сознавая, что храброму гарнизону трудно было сдѣлать первый шагъ къ сдачѣ геройски защищаемой крѣпости, рѣшился взять починъ на себя. Онъ послалъ капитана Веймарна въ замокъ съ объявленіемъ, что все готово къ штурму и что если гарнизонъ не сдастся теперь, то будетъ весь истребленъ. Апрѣля 8 былъ присланъ для переговоровъ офицеръ Галиберъ; Суворовъ принялъ его ласково, вручилъ записку съ очень выгодными условіями и на слѣдующее утро получилъ отвѣтъ. Въ отвѣтѣ этомъ Шуази заявлялъ разныя возраженія въ расчетѣ на еще большую снисходительность Русскихъ, но сильно ошибся. Суворовъ рѣшился сразу положить конецъ пустымъ надеждамъ и безплоднымъ затяжкамъ. Онъ объявилъ Галиберу новыя условія, нѣсколько строже прежнихъ, прибавивъ, что если онъ, Галиберъ, явится еще разъ безъ полномочія на принятіе предложенныхъ пунктовъ, то получитъ условія еще болѣе суровыя. Срокомъ для полученія отвѣта Суворовъ назначилъ слѣдующій день.

Шуази понялъ свою ошибку, и Галиберъ прибылъ въ русскій блокадный отрядъ раньше срока съ полнымъ согласіемъ. Сущность заключенной 12 апрѣля капитуляціи состояла въ слѣдующемъ. Люди гарнизона сохраняютъ свое частное достояніе; все же остальное имущество, имѣющееся въ замкѣ, сдаютъ. Французы сдаются не военно-плѣнными, а просто плѣнными, такъ какъ войны между Россіей и Франціей нѣтъ, и размѣнъ невозможенъ (на этомъ пунктѣ настоялъ Суворовъ). Они будутъ перевезены въ Львовъ и Бялу, польскіе конфедераты въ Смоленскъ. Лица невоенныя отправляются куда хотятъ; больные и плѣнные, кои не въ состояніи выдержать дальній путь, получаютъ надлежащую помощь.

Рано утромъ, 15 апрѣля, обезоруженный гарнизонъ сталъ выступать изъ замка частями по 100 человѣкъ и былъ принимаемъ вооруженными русскими войсками. Шуази подалъ свою шпагу Суворову; за нимъ и всѣ остальные французскіе офицеры, въ числѣ восьми. Суворовъ шпагъ не принялъ, обнялъ Шуази и поцѣловалъ его. Затѣмъ офицеры были угощены завтракомъ, а Браницкій пригласилъ ихъ къ обѣду. Всего взято до 700 плѣнныхъ, которыхъ слѣдовало отправить какъ выше означено. На-

чальнику эскорта Суворовъ далъ 17 апрѣля предписаніе: «содержать ихъ весьма ласково» [5]).

Императрица Екатерина наградила Суворова за взятіе Кракова 1000 червонныхъ, а на подчиненныхъ его, участниковъ въ этомъ дѣлѣ, пожаловала 10,000 рублей.

Еще въ началѣ 1769 года австрійскія войска окружили кордономъ часть польской территоріи, а Пруссаки стояли по польскимъ границамъ подъ предлогомъ охраненія прусскихъ земель отъ конфедератовъ и отъ занесенія изъ Польши заразительной болѣзни. Въ концѣ 1770 года Австрія заняла герцогство Цпнское; Пруссія подвинула впередъ свои кордоны. У обѣихъ державъ очевидно были на счетъ Польши свои намѣренія, но онѣ маскировались приличною внѣшностью. Австрія кромѣ того, по своимъ традиціямъ, дѣлала одною рукою совсѣмъ не то, что другою, оказывала покровительство конфедератамъ, дозволяла имъ собираться на своей территоріи, допускала ихъ партіямъ укрываться отъ преслѣдованія русскихъ войскъ. Первая подавъ поводъ къ раздѣлу Польши, о чемъ уже и шли переговоры между тремя державами, она показывала видъ, будто приступаетъ къ раздѣлу неохотно. А между тѣмъ переговоры затягивались единственно потому, что Австрія предъявляла непомѣрныя требованія. Не дождавшись отвѣта, она двинула въ Польшу два сильные корпуса; вслѣдъ затѣмъ продвинулись дальше и прусскія войска. Въ началѣ мая 1772 года до 40,000 Австрійцевъ были уже въ движеніи къ Кракову, 20,000 Пруссаковъ заняли сѣверную часть Польши и столько же Русскихъ приближались къ границамъ Польши со стороны Литвы.

Пруссаки стали хозяйничать въ Польшѣ, не стѣсняясь ничѣмъ, даже присутствіемъ русскихъ войскъ, ибо захватывали продовольствіе и предметы другихъ потребностей, для Русскихъ заготовленные. Австрійцы были для населенія не такъ тяжелы и съ Русскими обходились по наружности приличнѣе, но это только по наружности, въ дѣйствительности же проявляли чрезвычайную наглость. Въ одномъ изъ своихъ писемъ въ 90-хъ годахъ Суворовъ говоритъ, что ему отъ Бибикова дано было приказаніе—не уступать Австрійцамъ ни шага земли, но соблюдать съ ними союзъ ненарушимо. Задача была трудная и хотя

всюду были Суворовымъ выставлены команды, но Австрійцы протискались сквозь нихъ «съ отличною вѣжливостью». Они завладѣли Ланцкороной и обнаруживали намѣреніе — оттѣснить Русскихъ отъ Тынца, который былъ обложенъ Суворовымъ. Австрійскій комиссаръ Дальтонъ сталъ ему предлагать — передать Тынецъ Австрійцамъ, въ томъ соображеніи, что конфедераты имъ сдадутся, а Русскимъ нѣтъ, значитъ придется проливать кровь. Суворовъ отказалъ. Австрійцы придвинулись еще ближе, и офицеры ихъ стали перебѣгать къ осажденнымъ. Суворовъ пригрозилъ, что съ такими перебѣжчиками будетъ поступать какъ съ непріятелями. Дальтонъ отодвинулся и обѣщалъ запретить, но обѣщанія не исполнилъ и однимъ утромъ прислалъ сказать Суворову, что въ Тынцѣ уже не конфедераты, а Австрійцы, а потому просилъ прекратить стрѣльбу и снять осаду. Суворовъ отвѣчалъ, что этому нельзя повѣрить, ибо Дальтонъ далъ слово никого туда не пускать, а по взятіи Тынца онъ австрійскихъ дезертировъ обѣщалъ Дальтону возвратить. Дальтонъ сталъ требовать свободнаго провоза въ Тынецъ продовольствія; Суворовъ опять отказалъ. Получивъ обо всемъ этомъ донесеніе, Бибиковъ испугался возможности вооруженнаго столкновенія и послалъ улаживать это дѣло генерала Романіуса. Тѣмъ временемъ Дальтону было сообщено изъ Варшавы однимъ австрійскимъ генераломъ, чтобы онъ дѣйствовалъ смѣлѣе, ибо у Суворова руки связаны Бибиковымъ. Дальтонъ съ улыбками и комплиментами прорвалъ русскій кордонъ и занялъ Тынецъ, а когда пріѣхалъ Романіусъ, сдѣлался еще щедрѣе на любезности и учтивости.

Суворовъ въ высшей степени тяготился своей новой ролью и съ негодованіемъ просилъ Бибикова вывести его изъ невыносимаго положенія, давъ ему «такое философское мѣсто, чтобы никому не было завидно..... Я человѣкъ добрый, отпору дать не умѣю;.... пора бы мнѣ на покой въ Люблинъ. Честный человѣкъ—со Срѣтеньева дня не разувался: что у тебя, батюшка, сталъ за политикъ? Пожалуй, пришли другого; чортъ ли съ ними сговоритъ».

Не одинъ Дальтонъ приводилъ Суворова въ раздраженіе и негодованіе; такое же непріязненное чувство, хоть и по другимъ причинамъ, возбуждалъ въ немъ еще полковникъ Реннъ, командиръ

одного изъ полковъ. Въ августѣ Суворовъ пишетъ своему начальнику: «Съ Ренномъ у насъ дойдетъ до худого; человѣкъ онъ извѣстный, вздорный, безпутный, худой души и, прямо сказать, присвоитель чужого... Его обиды превозмогаютъ мое терпѣніе; его образецъ весьма дуренъ для прочихъ... Я не прочь, чтобы мнѣ по росписанію вмѣсто Каргопольскаго достался иной какой полкъ; не только по его поступкамъ въ землѣ, да и по полку попадешь еще въ хлопоты, а у меня и такъ отъ оглядокъ голова болитъ». Какъ видно, разъигрывались варіаціи на прежнюю тему. Суворовъ не переваривалъ людей, неразборчивыхъ въ выборѣ средствъ для своей наживы, а Реннъ въ отместку роспускалъ про него разныя сплетни, клеветалъ въ письмахъ и, нарушая субординацію, дѣлалъ ему служебныя непріятности, вѣроятно косвеннымъ образомъ, такъ какъ прямая грубость или ослушаніе представляли много опасностей. Реннъ былъ временно-подчиненнымъ Суворова, и Суворовъ не хотѣлъ прибѣгать самъ къ крутымъ мѣрамъ, такъ какъ онѣ походили бы не на служебные, а на личные счеты. По изложенной выше жалобѣ, Реннъ былъ усмиренъ тотчасъ же.

Наконецъ развязка войны подошла; между Австріей, Россіей и Пруссіей былъ подписанъ договоръ о раздѣлѣ между ними части польскихъ земель. Суворовъ выступилъ въ октябрѣ для слѣдованія въ Финляндію, гдѣ предполагалась возможность войны. Изъ Вильны онъ прислалъ Бибикову прощальное письмо. Съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ онъ оставленный край и сожалѣетъ, что недолго и недовольно ему послужилъ. Отзываясь съ горечью о своихъ врагахъ и завистникахъ, въ числѣ ихъ о Реннѣ, Древищѣ и Дальтонѣ, онъ заключаетъ письмо такъ: «правда, я не очень входилъ въ сношеніе съ женщинами, но когда забавлялся въ ихъ обществѣ, соблюдалъ всегда уваженіе. Мнѣ недоставало времени заниматься ими, и я боялся ихъ; онѣ-то и управляютъ страною здѣсь, какъ и вездѣ; я не чувствовалъ въ себѣ довольно твердости, чтобы защищаться отъ ихъ прелестей».

Путь былъ длинный, войска шли не торопясь, Суворовъ скучалъ. Въ подобномъ положеніи горечь воспоминаній быстро исчезаетъ и въ памяти удерживается только хорошее. Въ Вильнѣ

онъ еще помнилъ непріятности недавняго минувшаго, но дальше не говоритъ о нихъ почти ни слова. Онъ спрашиваетъ у Бибикова новостей: «подлинно ли я долженъ покинуть васъ, или есть еще надежда для меня?» Отойдя еще дальше, онъ пишетъ: «люблю Вислу, потому что вы тамъ, а еще былъ бы приверженнѣе къ Невѣ, когда бы вы на ней находились». Одно изъ своихъ писемъ къ Бибикову онъ началъ словами: «вотъ я теперь совершенно спокоенъ». Говоря это, Суворовъ самъ себя обманывалъ; закабаливъ себя одной всепоглощающей мысли, онъ тѣмъ самымъ отказался отъ спокойствія моральнаго и физическаго; оно могло являться къ нему только какъ рѣдкій и дорогой гость.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первая Турецкая война: Туртукай, Гирсово, Козлуджи.

1773—1774.

Турція, втравленная въ войну съ Россіей близорукою политикой Франціи, не сразу сознала свою ошибку, такъ какъ кампанія 1769 года ведена была Русскими робко; лишь въ слѣдующемъ году Молдавія и Валахія были завоеваны, и въ Букарестѣ и Яссахъ развернулось русское знамя. Татарскія полчища, силою въ 80,000 человѣкъ, разбиты Румянцевымъ съ 30.000 Русскихъ при Ларгѣ; вслѣдъ затѣмъ 180,000-ная турецкая армія потерпѣла полное пораженіе при Кагулѣ, хотя боевыя силы Румянцева не превышали 17,000; турецкій флотъ почти совершенно истребленъ въ Чесменскомъ заливѣ. Затѣмъ слѣдующій 1771 годъ не былъ такимъ блестящимъ, но все таки князь Долгоруковъ завоевалъ Крымъ.

Кампанія 1770 года возбудила въ Европѣ безпокойство и опасенія. Стали ревниво слѣдить за военными дѣйствіями и отъискивать средства къ прекращенію дальнѣйшихъ успѣховъ Россіи. Франція поощряла и поддерживала польскую конфедерацію, настраивала во враждебномъ тонѣ Шведскаго короля. Прусскій король отъ активнаго воздѣйствія на Россію пока еще отказывался; но постоянно разсчитывать на такую его роль въ усложнявшихся обстоятельствахъ было нельзя. Австрія стала

вооружаться, собирала на границѣ войска, заключила съ Портою союзъ. Обстоятельства видимо обострялись, но болѣзненные симптомы разрѣшились въ другомъ мѣстѣ и другимъ дѣломъ— первымъ раздѣломъ Польши. Тѣмъ не менѣе Россія, имѣя на своихъ плечахъ двѣ войны и впереди ожидая еще столько же, находилась въ положеніи весьма затруднительномъ, изъ котораго надо было выйти во что бы то ни стало. Ее не могло выручить одно то, что принято называть «дипломатическимъ искуствомъ»; на этой аренѣ Фридрихъ Великій и австрійскій министръ Кауницъ были бойцами первой силы. Выручила Россію твердость ея Государыни, не напускная или показная, а дѣйствительная, которая не столько видится, сколько чувствуется и понимается. Эта-то твердость Екатерины вывела Россію изъ обстоятельствъ, грозившихъ сдѣлаться критическими, и дозволила окончить Турецкую войну безъ активнаго вмѣшательства европейскихъ державъ.

Русская Императрица желала мира съ Турціей и искала его. Открылись переговоры въ Фокшанахъ, потомъ конгрессъ въ Букарестѣ, но разбились на пунктѣ о независимости Крымскихъ Татаръ. Въ переговорахъ прошелъ 1772 годъ и часть 1773-го; затѣмъ приходилось снова браться за оружіе.

Въ это время появился на театрѣ войны Суворовъ. Прибывъ изъ Польши въ Петербургъ, онъ тамъ оставался до февраля 1773 года, когда ему дали порученіе—осмотрѣть въ военномъ отношеніи шведскую границу и развѣдать взгляды пограничныхъ жителей Шведской Финляндіи на происшедшую въ Стокгольмѣ государственную перемѣну. Суворовъ поѣхалъ къ границѣ, проживалъ на ней нѣкоторое время скрытно, разузнавалъ, наблюдалъ и съ запасомъ добытыхъ свѣдѣній возвратился въ Петербургъ. Отношенія Швеціи къ Россіи измѣнились, опасность близкой войны миновала, и его съ новой силой потянуло въ Турцію. Просить за него было некому, такъ какъ отецъ его вышелъ въ отставку; но теперь онъ имѣлъ возможность самъ позаботиться о себѣ. Послѣ его славной боевой службы въ Польшѣ, дѣло оказалось нетруднымъ. Въ апрѣлѣ военная коллегія опредѣлила: отправить Суворова въ первую армію, выдавъ ему высочайше пожалованные на дорогу 2,000 рублей.

Черезъ 4 дня Суворовъ получилъ паспортъ на проѣздъ и отправился на Дунай.

Пріѣхавъ въ Яссы въ самыхъ первыхъ числахъ мая, онъ представился Румянцеву, былъ назначенъ въ дивизію генералъ-поручика графа Салтыкова, получилъ отъ него въ командованіе отрядъ, расположенный подъ Негоештскимъ монастыремъ, силою до 2.300 человѣкъ при 9 орудіяхъ, и 5 мая былъ уже на своемъ посту.

Турецкое государство, нѣкогда страшное и грозное, къ этой эпохѣ значительно преобразилось. Грубая, но крѣпкая сила, связывавшая разнородныя части имперіи, ослабѣла, и государство стало являть признаки несомнѣннаго распаденія. Совершенное отсутствіе законности, безправіе, продажность въ самыхъ грубыхъ формахъ, деспотизмъ, доведенный до идеала, — вотъ изъ какихъ элементовъ состояла внутренняя жизнь Турціи. Такой разительный упадокъ произошелъ главнымъ образомъ отъ личныхъ свойствъ Турецкихъ государей. Длинный рядъ первыхъ правителей Турціи состоялъ, какъ на подборъ, изъ лицъ способныхъ, энергическихъ, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ своему положенію; послѣдующіе Турецкіе властители отличались свойствами противуположными. Они заперлись въ гаремахъ и предоставили правленіе визирямъ; начался застой, потомъ наступилъ упадокъ. Деспотизмъ, въ смыслѣ главнѣйшаго государственнаго принципа, остался, но утратилъ характеръ движущей силы и превратился въ эгоистическое самовластіе и тиранію.

Такая метаморфоза конечно должна была больше всего отразиться на военной силѣ и не столько на внѣшнемъ ея устройствѣ, сколько на ея духѣ. Войны, прежде безпрестанныя, происходили все рѣже; дисциплина упала; простая и суровая жизнь полудикаго воина измѣнилась; остались храбрость, фурія, но пропали стойкость и упорство. Побѣды надъ Турками участились; Турція стала терять одно за другимъ свои завоеванія. Однако пренебрегать Турками все-таки было нельзя, что они время отъ времени и доказывали своимъ противникамъ и блистательно доказали Австріи, принудивъ ее къ унизительному Бѣлградскому миру. Лишь во второй половинѣ XVIII столѣтія въ Европѣ окончательно пропалъ страхъ, внушаемый ей Турками, и этимъ она

была обязана исключительно Россіи, т.-е. двумъ турецкимъ войнамъ Екатерины II.

Въ описываемое время Турки сохраняли еще многія качества хорошихъ солдатъ. Если бы во главѣ ихъ явился человѣкъ, обладающій крупнымъ военнымъ дарованіемъ, то для успѣшной борьбы съ Турками потребовались бы и другія средства, и другія усилія. Но подобнаго человѣка не оказывалось, и свои качественные недостатки Турки возмѣщали количественно. Арміи ихъ составлялись изъ огромныхъ, недисциплинированныхъ и не имѣвшихъ правильнаго устройства массъ. Пѣхота сражалась безпорядочными толпами, отличаясь однакоже довольно мѣткой стрѣльбой; это же свойство принадлежало отчасти турецкой артиллеріи. Кавалерія дѣйствовала въ разсыпную; въ одиночномъ бою турецкіе кавалеристы были значительно лучше европейскихъ. Въ наступленіи Турки отличались страшною стремительностью и порывомъ, но не настойчивостью; для оборонительной войны предпочитали укрѣпленные лагери. Такъ какъ недостатокъ при атакахъ настойчивости есть недостатокъ капитальный, особенно при дѣйствіи противъ русскихъ войскъ, то, благодаря своей многочисленности, Турки прибѣгали къ ряду послѣдовательныхъ атакъ свѣжими частями войскъ. Это обстоятельство очень затрудняло полную надъ ними побѣду, ибо убѣгая послѣ неудавшагося удара, Турки не несли такой значительной потери, которую ведетъ за собою бой упорный. Черезъ нѣсколько дней послѣ понесеннаго пораженія, ихъ толпы являлись по прежнему многочисленными передъ непріятелемъ, который считалъ ихъ истребленными. Настойчивое и продолжительное преслѣдованіе представлялось единственнымъ условіемъ полнаго пораженія этихъ недисциплинированныхъ бандъ, которыя разбѣгались и сбѣгались съ одинаковою легкостью. Но трудность продовольствованія войскъ являлась серьёзнымъ къ тому препятствіемъ, и препятствіе это дѣлалось иногда необоримымъ вслѣдствіе полнаго разоренія, которому подвергали Турки путь своего бѣгства. Такимъ образомъ война должна была затягиваться надолго, истощая противника. Въ одномъ только случаѣ успѣхъ надъ Турками могъ быть рѣшительнымъ и потери ихъ тяжелыми,—это при удачныхъ штурмахъ занятыхъ

ими укрѣпленныхъ мѣстъ. Но штурмованіе укрѣпленій и крѣпостей нельзя возвести въ систему войны, и прибѣгать къ этому средству съ достаточною надеждою на успѣхъ можетъ далеко не всякій.

Съ подобнымъ-то противникомъ приходилось теперь драться Суворову. Онъ былъ въ Турціи человѣкомъ новымъ, но пріѣхалъ сюда совсѣмъ готовый на дѣло, не имѣя надобности учиться у кого-либо. Изъ вышеизложенной характеристики Турокъ видно, что именно въ Суворовскомъ образѣ дѣйствій заключался наиболѣе вѣрный залогъ побѣды, и дѣйствительно она не замедлила явиться подъ знамена Суворова.

Военныя дѣйствія на Дунаѣ должны были возобновиться, по требованію Екатерины, съ половины февраля, съ перенесеніемъ нашихъ дѣйствій за Дунай и съ занятіемъ края до Балканъ. Румянцевъ не видѣлъ возможности открыть дѣйствія раньше конца апрѣля, а рѣшительныя операціи за Дунаемъ считалъ неисполнимыми по малочисленности своей арміи. Въ ней было подъ ружьемъ всего 50,000 человѣкъ; она должна была охранять теченіе Дуная на 750 верстъ и защищать княжества. Отрядъ генералъ-майора Потемкина стоялъ на нижнемъ Дунаѣ противъ Силистріи; лѣвѣе его генералъ-майоръ баронъ Вейсманъ фонъ-Вейсенштейнъ въ Измаилѣ; правѣе генералъ-поручикъ графъ Салтыковъ; главныя силы въ Яссахъ. Но чтобы получить впослѣдствіи возможность перевести за Дунай главныя свои силы, Румянцевъ рѣшилъ развивать предварительно систему мелкихъ противу Турокъ предпріятій и приказалъ сдѣлать на правую сторону Дуная поиски. Главный изъ нихъ предназначался противъ Туртукая и выпадалъ на долю Суворова.

Верстахъ въ 10 отъ Дуная, на лѣвомъ берегу впадающей въ него рѣки Аржиша, находится монастырь Негоешти. Постъ этотъ занималъ оконечность лѣваго фланга дивизіи графа Салтыкова и служилъ связью съ отрядомъ генерала Потемкина. На р. Аржишѣ находились суда для переправы войскъ, но устье этой рѣки обстрѣливалось турецкими батареей и судномъ. Чтобы не открыть до времени своихъ намѣреній, Суворовъ рѣшилъ перевезти суда къ Дунаю на подводахъ. Сборъ подводъ, выборъ гребцовъ, заготовленіе веселъ, шестовъ и проч. производилось

дѣятельно; собирались свѣдѣнія о Туртукаѣ, требовалась отъ Салтыкова подмога пѣхотой. На все это выходило очень много времени, а въ присылкѣ пѣхоты было прямо отказано и вмѣсто нея обѣщано прислать кавалерію (совсѣмъ не нужную). Главнокомандующій тѣмъ временемъ ждалъ. Наконецъ 8 мая все было готово и кавалерійская подмога прибыла. Ночью назначено было сосредоточеніе войскъ и иныя распоряженія для переправы и нападенія. Войска стянулись къ урочищу Ольтеницѣ, не вдалекѣ отъ Дуная, въ ожиданіи разсвѣта. Суворовъ остался при аванпостахъ, завернулся въ плащъ и легъ спать недалеко отъ дунайскаго берега. Еще не разсвѣтало, какъ онъ услышалъ громкіе крики: «алла, алла»; вскочивъ на ноги, онъ увидѣлъ нѣсколько турецкихъ всадниковъ, которые съ поднятыми саблями неслись по направленію къ нему. Онъ едва успѣлъ вскочить на лошадь и ускакать. Немедленно послана была подмога въ помощь атакованнымъ казакамъ. Турки были опрокинуты, въ безпорядкѣ понеслись обратно къ рѣкѣ, въ страхѣ бросались на суда и спѣшно отваливали отъ берега. Ихъ было всего 900, изъ нихъ убито 85, потонуло еще больше; въ плѣнъ взято нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ начальникъ отряда. По показанію плѣнныхъ, въ Туртукаѣ находилось свыше 4,000 человѣкъ.

Суворовъ написалъ Салтыкову: «на здѣшней сторонѣ мы уже ихъ и побили; тяжело, пѣхоты у нихъ пополамъ». Въ запискѣ, приложенной къ рапорту, онъ говоритъ: «увы, пѣхоты мало; карабинеръ чрезвычайно, да что имъ дѣлать на той сторонѣ?» Пѣхоты дѣйствительно было мало сравнительно съ 4,000-ными силами Турокъ, всего 500 человѣкъ. А трудность исполненія возрасла, ибо Турки, побывавъ на нашей сторонѣ Дуная, имѣли случай удостовѣриться въ сборѣ отряда, и Суворовъ не могъ уже расчитывать на неожиданность. Но поискъ былъ рѣшенъ въ его головѣ безповоротно, съ тою лишь перемѣной, что назначенъ не на разсвѣтѣ, какъ было прежде, а ночью, дабы понадежнѣе скрыть недавно обнаружившееся большое неравенство силъ. Для вящшаго успѣха вся операція назначена въ тотъ самый день, какъ Турки были отбиты и конечно не расчитывали на такой скорый реваншъ. Диспозиціей опредѣлено прежде переправляться пѣхотѣ, потомъ конницѣ, людямъ на лод-

кахъ, лошадямъ въ поводу вплавь. На нашей сторонѣ батарея изъ 4 орудій. Ночная атака съ храбростью и фуріей на всѣ три турецкіе лагеря поочередно, резерва безъ нужды не употреблять. Туртукай сжечь, чтобы не было непріятелю пристанища; женъ, дѣтей и обывателей весьма щадить, мечети и духовныхъ тоже.

Передъ вечеромъ 9 мая Суворовъ объѣхалъ берегъ Дуная, указалъ мѣста для войскъ, самъ поставилъ батарею, далъ наставленія на разные случаи. Когда смерклось, лодки вышли изъ устья Аржиша (сторожевое турецкое судно было убрано) и подошли къ мѣсту амбаркаціи. Переправа происходила въ темноту. Непріятель ее замѣтилъ и открылъ огонь, который однакоже по темнотѣ не былъ дѣйствителенъ. Суда подошли въ порядкѣ къ турецкому берегу; ступивъ на берегъ, пѣхота быстро построилась въ двѣ колонны съ резервомъ и, не теряя времени, двинулась вверхъ по рѣкѣ. Въ довольно короткое время были взяты три батареи и два лагеря; оставалея еще третій лагерь, самый большой, по другую сторону Туртукая, и при немъ послѣдняя батарея, а также самый городъ, гдѣ въ домахъ засѣли бѣжавшіе изъ отнятыхъ лагерей Турки. Суворовъ двинулъ на лагерь резервъ майора Ребока, а на городъ колонну (первую) полковника Батурина. Лагерь съ батареею были взяты мгновенно и городъ очищенъ въ короткое время; Турки разбѣжались по разнымъ направленіямъ. Въ это время подоспѣли съ того берега 150 карабинеръ и 60 казаковъ и содѣйствовали совершенному разсѣянію непріятеля.

Атака велась горячо; офицеры находились впереди и первыми всходили на батарею. Возбужденіе людей было такъ велико, что они никому не давали пардону, и потому плѣнныхъ не было. Несмотря на трудности ночной экспедиціи и боя, все дѣло шло какъ по писанному, и лишь самое незначительное число людей и лошадей утонуло при переправѣ черезъ Дунай кавалеріи. Самъ Суворовъ дважды подвергался большой опасности: при атакѣ батареи разорвало турецкую пушку и осколками сильно ранило ему правую ногу; потомъ на него наскочилъ одинъ янычаръ съ поднятою саблей, такъ что Суворовъ принужденъ былъ парировать удары, пока подоспѣли и выручили свои.

Въ началѣ 4 часа ночи все было кончено; отрядъ занялъ

позицію на высотахъ за городомъ и послалъ въ городъ двѣ роты, чтобы вывести оттуда христіанъ на нашъ берегъ и затѣмъ порохомъ и огнемъ разрушить и сжечь городъ до основанія. Приказаніе было быстро исполнено, и роты вернулись, навьюченныя разной добычей, для дѣлежа съ оставшимися товарищами. Христіанъ выведено около 700 человѣкъ.

Трофеями побѣды были 6 знаменъ, 16 пушекъ, 30 судовъ, 21 небольшая лодка. Непріятелей легло много; съ нашей стороны выбыло изъ строя убитыми и ранеными больше 200. Возвратясь на свой берегъ, Суворовъ построилъ отрядъ въ каре и отслужилъ благодарственный молебенъ.

Еще до солнечнаго восхода, Суворовъ написалъ карандашомъ на маленькомъ клочкѣ бумаги и послалъ Салтыкову слѣдующее короткое донесеніе: «Ваше сіятельство, мы побѣдили; слава Богу, слава вамъ». А Румянцеву онъ послалъ коротенькое же донесеніе въ видѣ двустишія:

Слава Богу, слава вамъ,
Туртукай взятъ, и я тамъ.

На другой день послѣ туртукайскаго успѣха, Суворовъ пишетъ графу Салтыкову письмо, прикидывается простячкомъ и употребляетъ искалѣченную латынь: «подлинно мы были вчера *veni, vade, vince*, а мнѣ такъ первоучинка. Вашему сіятельству и впредь послужу, я человѣкъ безхитростный. Лишь только, батюшка, давайте поскорѣе второй классъ» (подразумѣвается св. Георгія). Два дня спустя, онъ возвращается къ тому же предмету, настраивая себя на наивный тонъ: «не оставьте, ваше сіятельство, моихъ любезныхъ товарищей, да и меня Бога ради не забудьте. Кажется, что я вправду заслужилъ георгіевскій второй классъ; сколько я къ себѣ ни холоденъ, да и самому мнѣ то кажется. Грудь и поломанный бокъ очень у меня болятъ, голова будто какъ пораспухла; простите мнѣ, что я съѣзжу въ Букарестъ на день-другой попариться въ банѣ»... На слѣдующій день опять письмо, по поводу производства Салтыкова въ генералъ-аншефы и комплиментъ на счетъ его отца, впрочемъ совершенно справедливый: «уповаю, что ваши милости ко мнѣ и впередъ отмѣнить не изволите. Будьте войсками такъ любимы, какъ вашъ родитель» [6]).

Удачный туртукайскій поискъ прошелъ однако почти безслѣдно, ибо Салтыковъ имъ не воспользовался, несмотря на настоянія Румянцова, и сообщенія Турокъ на Дунаѣ происходили свободно. Да и вообще война велась крайне вяло всюду; блестящимъ исключеніемъ служили только дѣйствія генерала Вейсмана.

Чтобы отвлечь отъ Вейсмана вниманіе Турокъ верхняго Дуная, Румянцевъ приказалъ Салтыкову произвести демонстрацію и приступить снова къ экспедиціямъ за Дунай. Въ это время Суворовъ, пользуясь своимъ досугомъ, исправлялъ негоештское укрѣпленіе, чинилъ и укомплектовывалъ артиллерію, приводилъ въ готовность флотилію и ревностно обучалъ войска. А туртукайскій турецкій лагерь тѣмъ временемъ росъ, войска прибывали. Больно было это Суворову; онъ вторично представлялъ Салтыкову о необходимости утвердиться на томъ берегу и просилъ подмоги, но Салтыковъ остался при своихъ взглядахъ и, готовясь начать движеніе съ цѣлью предписанной Румянцевымъ демонстраціи, приказалъ Суворову, въ случаѣ необходимости, обращаться за подкрѣпленіемъ къ Потемкину.

Томимый своимъ пассивнымъ положеніемъ, Суворовъ 29 мая снова писалъ своему начальнику, прося взять его, Суворова, съ собою въ готовившееся наступательное предпріятіе. Желаніе его осталось неисполненнымъ. Въ это время, или можетъ быть еще раньше, къ нему привязалась упорная мѣстная лихорадка; пароксизмы происходили каждый день. Онъ принужденъ былъ отпроситься 4 іюня у Салтыкова въ Букарестъ, но на другой день курьеръ привезъ отъ Румянцева приказъ—произвести вторичный на Туртукай поискъ, причемъ обѣщано было подкрѣпленіе изъ пѣхоты. Суворовъ почувствовалъ себя лучше и донесъ Салтыкову, что остается на своемъ посту; но черезъ день пароксизмъ снова его свалилъ. Однако, въ концѣ концовъ, онъ пересилилъ себя и остался, возложивъ приготовленія на своего подручнаго, полковника князя Мещерскаго. Поискъ былъ назначенъ ночью съ 7 на 8 іюня; войска двинулись съ наступленіемъ сумерекъ къ берегу Дуная; флотилія вышла изъ Аржиша. Князь Мещерскій и прочіе частные начальники выѣхали впередъ къ берегу, но увидѣвъ, что Турки на-сторожѣ и что силы у нихъ

большія, усомнились въ успѣхѣ и признали переправу невозможною.

Это было послѣдней каплей, переполнившей сосудъ; Суворовъ уѣхалъ въ Букарестъ. Оттуда онъ написалъ Салтыкову въ тотъ же день, 8 числа, письмо, говоря: «скверно упоминать о случившемся; ваше сіятельство сами догадаетесь, но пусть это будетъ между нами; я пришелецъ, не желаю дѣлать себѣ здѣсь враговъ»... На завтра онъ нѣсколько успокоился и пишетъ яснѣе: «Благоволите разсудить, могу ли я уже снова надъ такою подлою трусливостью команду принимать и не лучше ли мнѣ гдѣ на крылѣ промаячить, нежели подвергать себя фельдфебельствомъ моимъ до стыда—видѣть подъ собою нарушающихъ присягу и опровергающихъ весь долгъ службы? Г. Б. причиною всему; всѣ оробѣли. Можетъ ли быть такой полковникъ въ арміи россійской? Не лучше ли воеводой, хоть сенаторомъ? Какой это позоръ! Всѣ оробѣли, лица не тѣ. Бога ради, ваше сіятельство, сожгите письмо. Опять симъ напоминаю, что я здѣсь непріятеля (себѣ) не хочу и лучше все брошу, нежели бы его имѣть пожелалъ... Боже мой, когда подумаю, какая это подлость, жилы рвутся».

Суворовъ выносилъ тройную муку: и отъ лихорадки, и отъ поведенія подчиненныхъ, и отъ опасенія, что минуетъ надобность въ экспедиціи. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ пишетъ Салтыкову 10 іюня третье письмо: проситъ прислать еще одинъ батальонъ; говоритъ, что князь Мещерскій честный человѣкъ, но еще не имѣетъ привычки командовать; что Бат. тоже, но трусъ (пишетъ по французски и вмѣсто слова poltron ставитъ одну букву р.), и что это можетъ имѣть дурное вліяніе на войска. Іюня 11 новое письмо, которымъ сообщаетъ, что раньше воскресенья не можетъ приняться за дѣло, «да и то какъ Богъ изволитъ». Наконецъ 14 числа Суворовъ возвратился въ Негоешти, написалъ Салтыкову, что ему немного лучше и что онъ хочетъ сдѣлать попытку. Просимый батальонъ къ тому времени былъ присланъ; однако Суворовъ приказалъ вооружить карабинеръ пѣхотными ружьями изъ Букареста, обучать пѣхотному строю, стрѣльбѣ, атакѣ холоднымъ оружіемъ; обучались также усиленнымъ образомъ вновь прибывшіе рекруты.

Назначена была ночь съ 16 на 17 число для новаго поиска на Туртукай. Атаковать приказно взводною колонной, причемъ «заднимъ напихивать на переднихъ весьма». Конница идетъ въ хвостѣ пѣхотной колонны и дѣйствуетъ сама собою. Изъ пѣхоты выбираются 48 стрѣлковъ, отдаются подъ начальство одного офицера и дѣйствуютъ по егерски. Идти на прорывъ, не останавливаясь; голова хвоста не ожидаетъ; командиры частей колонны ни о чемъ не докладываютъ, а дѣйствуютъ сами собой съ поспѣшностью и благоразуміемъ. Атаковать двумя линіями, безъ замедленія, быстро и мужественно; на горѣ остается одно каре съ частью кавалеріи.

Всего въ отрядѣ было свыше 3,300, но на ту сторону переправлено немного больше 2,500 человѣкъ, въ томъ числѣ часть спѣшенныхъ карабинеръ. Турокъ было свыше 4,000, въ двухъ лагеряхъ, усиленныхъ укрѣпленіями и батареями.

Не задолго до наступленія ночи, отплыла первая линія судовъ, наша артиллерія открыла огонь и заставила Турокъ очистить противуположный берегъ. Не обращая вниманія на непріятельскіе выстрѣлы, первая линія высадилась и повела энергическое наступленіе. Турки были выгнаны майоромъ Ребокомъ изъ малаго лагеря, благополучно пройдены подъ сильнымъ огнемъ два глубокіе оврага, отбита встрѣчная атака, штыками взятъ ретраншаментъ, причемъ почти всѣ русскіе офицеры переранены, и Турки, несмотря на громадный перевѣсъ въ силахъ, опрокинуты. Батуринъ не поддержалъ Ребока, какъ слѣдовало и тѣмъ едва не испортилъ дѣло; помогъ Ребоку самъ Суворовъ, прибывшій со вторымъ отдѣленіемъ судовъ. Затѣмъ онъ принялся очищать лѣсъ отъ Турокъ и тревожить ихъ съ тыла, въ ожиданіи третьей линіи судовъ съ конницей и артиллеріей, которыя высадились благополучно и помогли быстро кончить дѣло. Турки принуждены были бросить свой второй, большой лагерь, находившійся у самаго берега Дуная, немного выше города, разными дорогами побѣжали къ Рущуку и были преслѣдуемы верстъ пять.

Такъ кончился бой, начатый Ребокомъ и довершенный кавалеріей; даже не вся пѣхота была введена въ дѣло. Русскимъ досталось 14 мѣдныхъ пушекъ и 35 разныхъ судовъ, кромѣ

большого количества харчевыхъ запасовъ, которые отданы войску. Турокъ легло 600—800 человѣкъ, въ томъ числѣ начальникъ ихъ Физулла-Сары-паша, котораго свалилъ ординарецъ Суворова, сержантъ Горшковъ. Потерю Русскихъ трудно опредѣлить съ точностію, по разнорѣчивости свѣдѣній; она во всякомъ случаѣ простиралась не меньше, какъ до 150 или до 200 убитыми и ранеными.

Войска вели себя прекрасно, несмотря на то, что и въ пѣхотѣ и въ казакахъ было много новобранцевъ. Суворовъ служилъ всѣмъ образцомъ энергіи; будучи крайне истощенъ лихорадкой, онъ могъ двигаться не иначе, какъ съ помощью двухъ человѣкъ, поддерживавшихъ его подъ руки, и говорилъ такъ тихо, что при немъ находился офицеръ, для повторенія отдаваемыхъ имъ приказаній.

Тотчасъ послѣ туртукайскаго дѣла, Суворову пришлось вслѣдствіе полученнаго приказанія, оставить временно свой постъ и идти къ Журжѣ съ флотиліею и своимъ отрядомъ на усиленіе Салтыкова. Но эта экспедиція продолжалась недолго, ибо безпокоясь за свой районъ и за Букарестъ, онъ отпросился у Салтыкова во-свояси, сказавъ въ заключеніи своего письма: «Вѣрьте, въ насъ вашему сіятельству прокъ не великъ, а во мнѣ и подавно, мнѣ надо выздоровѣть; придетъ чахотка—не буду годиться». Волей-неволей Салтыкову пришлось исполнить просьбу Суворова: одинъ изъ его полковъ понадобился на другія потребности и былъ взятъ въ тотъ самый день, 21 іюня, какъ Суворовъ вернулся къ устью Аржиша. Суворовъ получилъ приказаніе препятствовать сообщенію Турокъ по Дунаю и грозить имъ новою экспедиціей, чтобы хоть нѣсколько отвлечь ихъ силы отъ Силистріи. Онъ принялся съ обычною горячностью и рвеніемъ строить батареи, исправлять флотилію, обучать войска. Дѣла было много, ибо опасность возрасла вслѣдствіе расширившагося до Ликорешти Суворовскаго района; Турки могли легко прорваться во внутрь Валахіи, еще легче потѣснить Русскихъ за Негоенцти и сжечь на Аржишѣ флотилію. Суворовъ доносилъ объ этомъ Салтыкову, но безъ всякаго успѣха; приходилось положиться на самого себя.

Къ этому времени на другихъ мѣстахъ театра войны совер-

шились довольно важныя событія. Румянцевъ, незадолго передъ тѣмъ побѣдоносно переправившійся за Дунай, теперь былъ угрожаемъ Турками съ тыла, стягивалъ войска обратно къ дунайской переправѣ и отрядилъ противъ угрожавшаго корпуса генералъ-майора Вейсмана. Произошло 22 іюня сраженіе при Кучукъ-Кайнарджи; несмотря на огромный перевѣсъ, Турки были разбиты. Но побѣда стала Русскимъ тяжеле пораженія: герой Вейсманъ былъ убитъ. Онъ обладалъ крупными военными талантами и пользовался безграничнымъ довѣріемъ войскъ; имя его было самымъ популярнымъ въ рядахъ Румянцевской арміи. По складу своего военнаго дарованія, по неустрашимости, энергіи, вѣрности военнаго взгляда, онъ представлялъ много однороднаго съ Суворовымъ, и въ этой однородности лежалъ залогъ его славной будущности, еслибы Богъ продлилъ его жизнь.

Вскорѣ Румянцевъ перешелъ обратно за Дунай, вслѣдствіе изнуренія кавалеріи и затрудненій въ снабженіи ея фуражомъ. Стали ждать случая для рѣшительныхъ дѣйствій и принимали тѣмъ временемъ мѣры противъ наступательныхъ попытокъ непріятеля.

Укрѣпленія у Суворова росли, батареи воздвигались, флотилія увеличивалась и крейсировала частями по Дунаю; партіи казаковъ безпрестанно переправлялись на турецкую сторону для поисковъ; войска то работали, то дѣятельно обучались. Особенное вниманіе Суворовъ обращалъ на рекрутъ и старался не выпустить ихъ изъ своихъ рукъ; онъ пишетъ 22 іюня Салтыкову: «рекруты Мелина хороши, не замайте ваше сіятельство: у меня побудутъ, лучше научатся и жить будетъ не хуже». Въ другомъ письмѣ его, отъ 27 іюня, читаемъ: «ладно, что копорская рекрутская команда будетъ въ полку, только бы ее тамъ поберегли отъ палокъ и чудесъ. Апшеронская рекрутская команда у майора Теглева изъ 150 до 50 охворовала; онъ можетъ быть въ Букарестѣ за дѣвушками ходилъ, — изрядный подданный своей Императрицы».

Не мудрено, что Суворовъ такъ безцеремонно отзывался о Теглевѣ; здоровье солдатъ было его конькомъ. Но былъ онъ недоволенъ не однимъ Теглевымъ. Онъ проситъ Салтыкова замѣнить нѣсколько штабъ-офицеровъ другими, ибо «одинъ не-

искусный, баламутитъ; другой—недавно изъ колыбели»; Батурина тоже проситъ взять прочь. Батуринъ былъ имъ назначенъ комендантомъ въ Негоешти, отпрашивался по болѣзни въ Букарестъ и, не дождавшись разрѣшенія, уѣхалъ; Суворовъ требуетъ это дѣло изслѣдовать и «учинить сатисфакцію». Батуринъ оказался однако правымъ, ибо въ отсутствіе Суворова получилъ разрѣшеніе отъ старшаго по немъ, полковника князя Мещерскаго. Надо замѣтить, что Суворовъ пишетъ Салтыкову откровенно обо всемъ дурномъ, но не иначе, какъ письмами; въ офиціальныхъ же бумагахъ ничего подобнаго не говоритъ. Салтыковъ требовалъ отъ него формальнаго заявленія о негодности Батурина, но Суворовъ не согласился. Его понятія въ этомъ отношеніи мало отличались отъ ходячихъ, общепринятыхъ. Хотя въ позднѣйшую пору своей жизни онъ говаривалъ, что «служба и дружба—двѣ паралельныя линіи: не сходятся», однако и теперь и позже, незамѣтно для себя, не всегда держался этого положенія и часто шелъ на компромиссы. Въ настоящемъ случаѣ, явившись на Дунай человѣкомъ чужимъ, онъ старался утвердиться прежде всего на ногахъ и потому дорожилъ всѣмъ тѣмъ, что освоивало его съ новой средой. Батуринъ былъ временнымъ начальникомъ поста, куда Суворовъ прибылъ изъ Петербурга, и командиромъ полка; съ нимъ Суворовъ находился въ добрыхъ отношеніяхъ; Батурину удалось даже оказать ему кое-какія услуги. Оттого Суворовъ пишетъ 28 іюня Салтыкову: «Батурина формально представлять—отъ меня не станется: сердце не такое. Всякій полковникъ имѣетъ у себя многихъ пріятелей; такъ и онъ въ числѣ тѣхъ меня, что до партикулярности, по которой я имъ обязанъ; что же до субординаціи, я могу сказать, что онъ ее довольно наблюдалъ, кромѣ сего разу» (отъѣздъ въ Букарестъ). Въ результатѣ возни съ Батуринымъ оказалось, что въ августѣ 1773 года, когда вышло награжденіе отличившихся въ военныхъ дѣйствіяхъ орденомъ св. Георгія, 4 классъ этого ордена получили и Ребокъ, и Батуринъ. Изъ краткаго изложенія въ указѣ отличій, за кои жалуются ордена, можно заключить, что Батуринъ получилъ георгіевскій крестъ за первое туртукайское дѣло, а Ребокъ за второе. Получилъ и Суворовъ такъ горячо имъ желанный 2 классъ Георгія.

Іюля 7 послѣдовало новое росписаніе полковъ по отрядамъ; Суворова назначили къ Потемкину. Новость эта его поразила, онъ принялъ свое перемѣщеніе за знакъ неудовольствія главнокомандующаго и очень обезпокоился, но вслѣдъ затѣмъ получилъ отъ Румянцева извѣщеніе о назначеніи его въ главныя силы и распростился съ Салтыковымъ безъ особеннаго сожалѣнія. Отношенія ихъ, по наружности удовлетворительныя, не были искренни и дѣйствительно хороши. Суворовъ былъ требователенъ, неспособность Салтыкова била ему въ глаза, и онъ не сдерживалъ языка, не скупился на ироническія выходки. Многіе писатели упоминаютъ про одну его злую насмѣшку, передавая ее различно. Кажется сарказмъ состоялъ въ томъ, будто «Каменскій знаетъ военное дѣло, но оно его не знаетъ; Суворовъ не знаетъ военнаго дѣла, да оно его знаетъ, а Салтыковъ ни съ военнымъ дѣломъ незнакомъ, ни самъ ему неизвѣстенъ». Услужливые люди передавали Салтыкову подобные отзывы Суворова и черезъ то отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ конечно не выигрывали. Въ числѣ такихъ людей, генералъ-поручикъ Каменскій занималъ не послѣднее мѣсто. Не любя Суворова, онъ въ то же время кололъ имъ Салтыкова. Въ одномъ приличномъ, но ядовитомъ письмѣ къ послѣднему, онъ забавляется насчетъ второй туртукайской побѣды Суворова и бездѣйствія самого Салтыкова. Въ другомъ, по случаю состоявшагося перевода Суворова, Каменскій пишетъ, что вѣроятно онъ, графъ Салтыковъ, доволенъ этой перемѣной, «ибо не знаю, кто изъ васъ двухъ былъ въ Негоешти начальникомъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Суворовъ сталъ посылать донесенія прямо фельдмаршалу».

Уѣзжая, Суворовъ оставлялъ свой постъ въ превосходномъ состояніи. Флотилія доведена была до 101 судна разной величины, способныхъ поднять 5,500 человѣкъ пѣхоты и 1,500 конницы. Даже Каменскій не могъ не отдать ему въ этомъ отношеніи справедливости и еще въ половинѣ іюня писалъ Салтыкову, что нашелъ флотилію и укрѣпленія въ такомъ состояніи, что и не воображалъ, и что Суворовъ видимо очень много потрудился.

Немедленно отправиться къ Румянцеву, Суворову однако не удалось. Сходя по наружной лѣстницѣ негоештскаго монастыря,

мокрой отъ недавняго дождя, онъ, будучи нетвердъ на ногахъ отъ туртукайской раны, поскользнулся и упалъ на спину. Ушибъ и сотрясеніе были такъ сильны, что Суворова принуждены были отвезти въ Букарестъ; только послѣ двухъ-недѣльнаго лѣченія могъ онъ отправиться къ главнымъ силамъ.

Русскія войска занимали въ это время по ту сторону Дуная единственный постъ, Гирсово, который очень стѣснялъ Турокъ и потому былъ уже предметомъ двукратныхъ ихъ покушеній. Здѣсь предполагалось вторично перенести рѣшительныя дѣйствія на тотъ берегъ; по близости, при устьѣ Яломицы, расположились главныя силы Русскихъ. На этотъ то постъ и назначилъ Румянцевъ Суворова. Онъ писалъ Суворову 4 августа, что надѣясь на его извѣстное искуство, предоставляетъ ему охраненіе и оборону Гирсова, не стѣсняя подробною инструкціей, какъ генерала, отличающагося военными достоинствами. Почти во всѣхъ другихъ своихъ ордерахъ, Румянцевъ называетъ Суворова искуснымъ и благоразумнымъ генераломъ и доноситъ 8 августа Императрицѣ, что «важный гирсовскій постъ поручилъ Суворову, ко всякому дѣлу свою готовность и способность подтверждающему».

Повидавшись съ главнокомандующимъ и получивъ отъ него наставленіе, Суворовъ отправился въ Гирсово. Въ его распоряженіе была еще отдана бригада генерала Милорадовича, стоявшая при устьѣ р. Яломицы. Прибывъ въ Гирсово, Суворовъ осмотрѣлъ свой постъ и нашелъ, что онъ недостаточно обезпеченъ отъ турецкихъ покушеній. Первымъ дѣломъ онъ назначилъ мѣста для дополнительныхъ укрѣпленій и приказалъ ихъ насыпать, а также исправлять крѣпостные верки; затѣмъ составилъ планъ атаки Турокъ при Карасу, не одобренный однако Румянцевымъ и, во ожиданіи наступленія Турокъ, въ концѣ августа притянулъ къ Гирсову бригаду Милорадовича. Въ своемъ расчетѣ онъ не ошибся. Возводимыя укрѣпленія были еще далеко не окончены, какъ въ ночь на 3 сентября, въ 20 верстахъ отъ Гирсова, показалась турецкая конница, а къ полудню непріятель былъ уже на пушечный выстрѣлъ отъ Гирсова. Суворовъ не хотѣлъ его атаковать тотчасъ же, а думалъ приманить поближе, для чего и выказывалъ разные признаки своей слабости, но въ крѣпости не вытерпѣли, открыли огонь слишкомъ рано. Турки

понятились. Суворовъ выслалъ казаковъ, приказавъ имъ завязать перестрѣлку. Болѣе часа продолжалась перестрѣлка; Турки понемногу подвигались впередъ. Чтобы приманить ихъ, Суворовъ приказалъ казакамъ отступать, не торопясь, а потомъ вдругъ, какъ будто въ паническомъ страхѣ, удариться въ бѣгство.

Какъ только казаки очистили поле, Турки стали развертывать свои силы и строиться. Зрѣлище было необычное: сражавшіеся до сей поры нестройными толпами и кучами, мусульмане выстроились въ три линіи, на европейскій ладъ, и въ порядкѣ двинулись впередъ. Таковъ былъ результатъ недавшихъ уроковъ французскихъ офицеровъ. Суворовъ смотрѣлъ на маневрирующаго непріятеля и смѣялся.

Турецкая пѣхота подошла къ гирсовскимъ укрѣпленіямъ довольно близко, но русская артиллерія молчала; даже на передовомъ редутѣ, который могъ бы давно открыть пальбу, не было видно людей. Турки прибавили шагу, повернули направо, примкнули правымъ флангомъ къ рѣчкѣ Боруй и приняли положеніе, паралельное Дунаю. Тутъ они поставили батарею и открыли огонь по ближайшему изъ трехъ русскихъ укрѣпленій. Шанецъ, имѣвшій маскированныя амбразуры, не отвѣчалъ; Турки разсыпали часть своей пѣхоты и стали подходить. Окруживъ шанецъ со всѣхъ сторонъ, они приблизились на половину картечнаго выстрѣла и мгновенно бросились въ атаку. Нападеніе было такое быстрое, что Суворовъ, находившійся внѣ укрѣпленія для наблюденій, едва успѣлъ спастись внутрь. Атакующихъ встрѣтилъ жестокій картечный огонь, но они все-таки добрались до палисада и только послѣ того, невыдержавъ жаркаго огня, обратили тылъ и побѣжали къ своей батареѣ. Тогда была произведена на нихъ общая атака войсками изъ шанца и бригадой Милорадовича изъ-за рѣчки Боруй. Турки держались упорно, особенно на правомъ флангѣ; много понадобилось времени, усилій и потерь, пока ихъ удалось одолѣть и обратить въ общее бѣгство.

Русская пѣхота не могла догнать непріятеля, бѣжавшаго безъ оглядки и бросавшаго на пути всякую лишнюю тяжесть, даже одежду. Она возвратилась въ Гирсово, а преслѣдовать продолжали гусары съ казаками; они гнали непріятеля еще верстъ 30, и именно во время своего бѣгства Турки потеряли

особенно много людей убитыми и ранеными. Сколько было у нихъ раненыхъ—неизвѣстно; убитыхъ сосчитано свыше 1100, но сосчитаны не всѣ. Съ русской стороны потеряно убитыми и ранеными до 200; взятъ у Турокъ почти весь обозъ и 7 орудій. Русскихъ было въ строю 3000 слишкомъ; Турокъ гораздо больше, можетъ быть втрое.

Румянцевъ приказалъ отслужить во всей арміи благодарственный молебенъ и 5 числа написалъ Суворову: «за побѣду, въ которой признаю искуство и храбрость предводителя и мужественный подвигъ ввѣренныхъ вамъ полковъ, воздайте похвалу и благодареніе именемъ моимъ всѣмъ чинамъ, трудившимся въ семъ дѣлѣ».

Теперь Суворовъ надолго остался безъ дѣла, продолжая сидѣть въ Гирсовѣ даже съ наступленіемъ зимы. Румянцевъ, назначая его въ Гирсово, приказалъ заняться постройкою помѣщеній для войскъ, но въ ноябрѣ получилъ доносъ, будто Суворовъ только для себя построилъ землянку, а войска остаются безъ крова. Румянцевъ велѣлъ Потемкину изслѣдовать это дѣло; неизвѣстно, что нашелъ Потемкинъ; по всей вѣроятности доносъ оказался ложнымъ. Въ августѣ и можетъ быть въ сентябрѣ у Суворова была спѣшная забота о приведеніи гирсовскаго поста въ надежное оборонительное состояніе, но затѣмъ и начальникъ, и войска оставались безъ дѣла. Бездѣйствіе прямо противорѣчило бы основнымъ правиламъ Суворова, считавшаго постоянный солдатскій трудъ необходимостью, а заботливость о здоровьѣ войскъ, ему присущая, не дозволяетъ допустить мысли объ оставленіи солдатъ безъ крова.

Безцвѣтная и безплодная кампанія 1773 года окончилась. Суворову нечего было дѣлать въ арміи съ наступленіемъ зимы; въ ноябрѣ или въ началѣ декабря онъ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, уѣхалъ въ отпускъ въ Москву, на короткое время. Его однако задержало тутъ обстоятельство совершенно особаго рода — онъ женился, а потому поѣхалъ въ обратный путь лишь во второй половинѣ февраля. Впрочемъ къ началу кампаніи 1774 года онъ все-таки не опоздалъ; жена осталась въ Москвѣ.

Предположенія Румянцева на этотъ годъ состояли въ томъ,

чтобы перенести дѣйствія за Дунай и проникнуть до Балканъ. Императрица одобрила его мысли и указала ему на необходимость рѣшительныхъ наступательныхъ операцій, дабы какъ можно скорѣе окончить войну. Надо имѣть въ виду, что въ эту войну состоялъ при Екатеринѣ военный совѣтъ, или нѣкоторое его подобіе. Совѣтъ вѣдалъ стратегическими операціями, но большого вреда отъ его вмѣшательства въ кругъ дѣйствій главнокомандующаго къ счастію не произошло. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, хотя военный совѣтъ, а съ нимъ и Императрица, настаивали на раннемъ открытіи кампаніи, но это требованіе осталось неисполненнымъ: стояла сильная стужа, рекруты не прибыли, предметы обмундированія и снаряженія не успѣли дойти. А между тѣмъ султанъ умеръ, на престолъ вступилъ его братъ, Абдулъ-Гамидъ, и Турки, по полученнымъ свѣдѣніямъ, готовились перейти Дунай для наступательныхъ дѣйствій.

Суворову приказано было охранять Гирсово, наблюдать за кр. Силистріей и вступить въ сношеніе съ Каменскимъ, находившимся влѣво отъ него, для совокупныхъ дѣйствій. Румянцевъ предоставилъ имъ самимъ и время, и направленіе ихъ операцій, а также рѣшеніе вопроса—вмѣстѣ имъ дѣйствовать или порознь. Они съѣхались и положили: не дѣлая попытокъ ни на Варну, ни на Силистрію, постараться разбить непріятеля въ полѣ, для чего и произвести общее наступленіе къ Базарджику, а потомъ къ Козлуджи. Румянцевъ одобрилъ планъ, измѣнивъ лишь нѣкоторыя подробности; между прочимъ Каменскій долженъ былъ направиться отъ Карасу къ Базарджику, а Суворовъ идти паралельно съ нимъ, прикрывая его со стороны Силистріи. Впрочемъ Румянцевъ снова предоставилъ имъ дѣйствовать по усмотрѣнію, но съ тѣмъ, чтобы въ спорныхъ вопросахъ первенство принадлежало Каменскому, какъ старшему. Дивизія Репнина, расположенная вправо отъ Суворова, получила приказаніе—въ случаѣ требованія Суворова, идти къ нему на помощь за Дунай.

Каменскій выступилъ къ Базарджику; Суворовъ долженъ былъ выступить туда же 28 мая, но поджидая нѣкоторыхъ неприбывшихъ полковъ, тронулся лишь 30 числа, донеся Румянцеву о причинѣ замедленія. Пошелъ онъ не по условленной дорогѣ, а по другой, будто бы болѣе удобной, которая однако

оказалась очень дурной. Поджиданіе войскъ могло быть дѣйствительно резономъ для замедленія, но неувѣдомленіе Каменскаго объ измѣненіи маршрута было поступкомъ неизвинительнымъ. Каменскій донесъ Румянцеву, что Суворовъ неизвѣстно гдѣ находится, поступаетъ какъ независимый отъ него, Каменскаго, генералъ и его распоряженій не слушаетъ. Главнокомандующій послалъ отыскать Суворова и замѣтилъ Каменскому, что онъ, Каменскій, самъ имѣетъ всѣ способы заставить Суворова повиноваться. Во всемъ этомъ прежде всего виноватъ Румянцевъ, не подчинившій Суворова Каменскому прямо и безусловно; если же онъ сдѣлалъ это изъ желанія воспользоваться дарованіями Суворова, то не слѣдовало ставить его и въ условную зависимость отъ Каменскаго.

Каменскій, послѣ удачнаго дѣла, занялъ Базарджикъ 2 іюня и перешелъ въ деревню Юшенли 9 числа, чтобы вести оттуда наступленіе къ Шумлѣ; вскорѣ прибылъ туда и Суворовъ, выступившій съ ночлега въ часъ ночи. Онъ тотчасъ же отправился съ кавалеріею и арнаутами въ рекогносцировку, противъ воли Каменскаго. Одновременно съ наступленіемъ Русскихъ, но ничего про него не зная, визирь вздумалъ сдѣлать поискъ къ Гирсову, что и возложилъ на рейсъ-эфенди Абдулъ-Разака и на янычарскаго агу, съ 40.000-мъ корпусомъ. Они выступили изъ Шумлы и прибыли въ Козлуджи въ тотъ самый день, какъ Каменскій двинулся изъ Базарджика. Такимъ образомъ 9 іюня и Русскіе, и Турки находились невдалекѣ другъ отъ друга, сами того не подозрѣвая; ихъ раздѣлялъ густой лѣсъ, чрезъ который пролегала одна узкая, дурная дорога. Казаки и часть регулярной кавалеріи Суворова углубились по этой дорогѣ въ лѣсъ для развѣдокъ, наткнулись на турецкіе разъѣзды и взяли въ плѣнъ генералъ-квартирмейстера съ нѣсколькими офицерами; но затѣмъ должны были ретироваться. Ихъ подкрѣпили, и они снова вступили въ лѣсъ; слѣдомъ двинулся Суворовъ съ частью пѣхоты, но турецкій авангардъ опять опрокинулъ русскую кавалерію и съ большой горячностью, внезапно, атаковалъ пѣхоту. Самъ Суворовъ едва не попался въ руки непріятеля и, только благодаря быстротѣ своего коня, успѣлъ ускакать отъ гнавшагося за нимъ спага. Русскіе пострадали при этомъ по-

рядочно; Албанцы, захвативъ довольно значительное ихъ число, отрѣзали имъ головы и продолжали вести атаки съ яростью и громкими криками. Русскіе отступали, положеніе ихъ становилось опаснымъ.

Тѣмъ временемъ прибыла ко входу въ лѣсъ подмога, а именно два пѣхотные полка бригадира князя Мочебелова, въ томъ числѣ Суздальскій. Албанцы стали отступать, Суворовъ двинулся впередъ. Лѣсная дорога оказалась загроможденной брошенными турецкими обозами, волами, трупами убитыхъ людей. Стояла страшная жара, а войска Суворова съ ночлега ничего не ѣли, и лошади не были напоены. Турки останавливались и переходили въ наступленіе. Войска были въ изнеможеніи, многіе солдаты умирали на пути отъ истощенія силъ. Пройдя 9 верстъ, Русскіе достигли наконецъ выхода изъ лѣса. Въ этотъ моментъ разразился ливень, что нѣсколько освѣжило наши истомленныя войска, а Туркамъ послужило въ ущербъ, потому что ихъ длинная и широкая одежда намокла, стала для движеній тяжела и неудобна, и находившіеся въ карманахъ патроны подмокли.

На 8 или 9-верстной полянѣ, передъ Козлуджи, стояла на высотахъ турецкая армія и были устроены батареи, которыя тотчасъ же и открыли огонь. Суворовъ быстро построилъ войска нѣсколькими кареями, въ двухъ боевыхъ линіяхъ, съ кавалеріею преимущественно по флангамъ. Турки повели стремительную атаку, которая была отбита; затѣмъ повторена нѣсколько разъ, и всякій разъ безъ удачи. Суворовъ продолжалъ наступленіе, хотя полевая артиллерія не успѣла еще подойти, задержанная трудною лѣсною дорогой. На полянѣ находилось до 8,000 нашихъ войскъ; прочія, большая часть войскъ Каменскаго, еще не подошли и прибыли къ полю сраженія по окончаніи боя.

Поляна представляла собою мѣстность неровную, покрытую кустарникомъ; передъ фронтомъ турецкаго лагеря тянулась лощина. Подойдя къ этой лощинѣ, Суворовъ выставилъ подоспѣвшія къ тому времени 10 полевыхъ орудій, въ продолженіе нѣкотораго времени обстрѣливалъ лагерь и затѣмъ повелъ атаку, съ кавалеріею впереди.

Въ турецкомъ лагерѣ господствовалъ совершенный хаосъ, результатъ быстраго перехода отъ напряженнаго одушевленія

къ отчаянію. Рейсъ-эфенди старался привести свои разстроенныя войска въ порядокъ, но никто и не думалъ слушаться. Одни обрубали постромки у артиллерійскихъ лошадей, чтобы добыть себѣ коней для бѣгства; другіе съ этою же цѣлію стрѣляли во всадниковъ, одинъ выстрѣлилъ даже въ самого рейсъ-эфенди. Въ разгарѣ этой суматохи раздались выстрѣлы русской артиллеріи, и ядра стали ложиться въ лагерѣ. Тогда смятеніе мусульманъ дошло до послѣдняго предѣла; брошены палатки, орудія, обозъ, и все устремилось въ бѣгство въ разныя стороны.

При закатѣ солнца, Суворовъ безпрепятственно занялъ турецкій лагерь. Добыча досталась войскамъ очень большая, вмѣстѣ съ трофеями, состоявшими изъ 29 орудій и 107 знаменъ. Потеря Турокъ людьми исчисляется различно; самый умѣренный счетъ показываетъ 500 убитыхъ и 100 плѣнныхъ, но судя по упорству и продолжительности боя, истинная цифра должна быть выше. Уронъ Русскихъ опредѣляется слишкомъ въ 200 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, но это исчисленіе слѣдуетъ признать также ниже дѣйствительности.

Несмотря на крайнее утомленіе войскъ, Суворовъ съ кавалеріею и частью пѣхоты преслѣдовалъ Турокъ, пока пала ночь. Въ этотъ трудный день онъ былъ все время на конѣ, часто въ огнѣ и даже въ ручномъ бою.

Въ своей автобіографіи, по поводу дѣла при Козлуджи, Суворовъ говоритъ: «ни за реляцію, ниже за донесеніе свое я по слабости своего здоровья не отвѣчаю». Резонъ натянутый и даже забавный, но вѣрно то, что слава побѣды принадлежитъ Суворову. Каменскій только содѣйствовалъ успѣху и притомъ въ ограниченномъ размѣрѣ; главной роли, которая ему принадлежала по праву, не имѣлъ и былъ, такъ сказать, втянутъ Суворовымъ къ второстепенному участію въ дѣлѣ. Суворовъ видимо уклонялся отъ своего зависимаго положенія, тѣмъ болѣе тяготясь имъ, что недавно, въ мартѣ, былъ произведенъ въ генералъ-поручики, т.-е. состоялъ въ одномъ чинѣ съ Каменскимъ, который самъ получилъ это повышеніе лишь въ прошломъ году.

Едва ли нужно доказывать, что выходки Суворова по отношенію къ Каменскому заслуживаютъ полнаго осужденія. Онъ грѣшилъ противъ самого себя; его поведеніе прямо противорѣ-

чило принципамъ, на которыхъ онъ самъ строилъ образованіе и воспитаніе войскъ, и служило дурнымъ примѣромъ для другихъ. Если смотрѣть на дѣло глазами безпристрастнаго современника, но Суворовъ подлежалъ строгому осужденію, хоть не юридическому, ради одержанной имъ побѣды, но по крайней мѣрѣ нравственному. Однако такому приговору нѣтъ мѣста теперь, черезъ сотню слишкомъ лѣтъ. Столкнулись двѣ неподатливыя натуры. Крутой, горячій до неистовства, неуступчивый Каменскій обладалъ недюжиннымъ умомъ и военнымъ дарованіемъ; онъ не могъ въ глубинѣ души не признавать въ Суворовѣ большого надъ собою превосходства и чувствовалъ къ нему затаенную зависть. Суворовъ былъ одаренъ качествами, не только не смягчающими жосткія проявленія натуръ въ родѣ Каменскаго, но скорѣе ихъ раздражающими. Столкновеніе должно было произойти и произошло. Несправедливо говорятъ нѣкоторые, будто Суворовъ былъ увлеченъ въ самомъ началѣ своею запальчивостью; недостатокъ этотъ въ немъ несомнѣненъ, но въ настоящемъ случаѣ дѣйствовала не запальчивость, а желаніе найти, настигнуть и разбить Турокъ самому, не уступая этой славы Каменскому. Потомство не можетъ ставить въ укоръ Суворову такія побужденія. Если въ человѣкѣ есть непоколебимая увѣренность въ своемъ побѣдномъ призваніи и увѣренность эта подтвердилась всѣмъ его поприщемъ, то въ случаѣ, подобномъ настоящему, судъ потомства измѣняетъ критерій суда современнаго, и приговоръ выходитъ другой. Современники еще не видѣли и не могли видѣть, что Каменскихъ встрѣчается въ военной исторіи сотни, а Суворовыхъ — единицы. Мы это видимъ и потому прилагать къ первымъ и вторымъ одну и ту же мѣрку сужденія не можемъ; это было бы узкимъ доктринерствомъ, которое существуетъ во всѣ времена естественно и логично, но въ приговоры исторіи не переходитъ.

Легко себѣ представить, какъ недоволенъ былъ Каменскій самовольными поступками Суворова. Представляя реляцію о козлуджинской побѣдѣ и рекомендуя наиболѣе отличившихся, Каменскій въ особенности хвалилъ Суворова, но это только доказываетъ, что офиціальное изображеніе военныхъ дѣйствій иногда не излагаетъ, а скрываетъ истину. Да и какъ было Каменскому

не выставить Суворова, когда именно Суворовъ и одержалъ побѣду? Оборотная сторона медали осталась невидною и сказалась въ томъ, что Каменскій и Суворовъ сохранили на всю свою жизнь отношенія непріязненныя [7]).

Послѣ рѣшительной побѣды при Козлуджи, наступленіе къ Шумлѣ было самымъ естественнымъ шагомъ, особенно въ виду паники, которой отдавались Турки послѣ каждаго значительнаго пораженія. Къ тому же, какъ вскорѣ оказалось, изъ Шумлы были высланы къ Козлуджи почти всѣ наличныя силы, которыя и разсѣялись послѣ 9 іюня въ разныя стороны, и подъ Шумлой визирь оставался всего съ 1,000 человѣкъ. Но дороги были очень плохи, и провіанта имѣлось лишь до 1 іюля; Каменскій счелъ нужнымъ собрать военный совѣтъ изъ 6 подчиненныхъ генераловъ; въ числѣ ихъ былъ и Суворовъ. Совѣтъ постановилъ—дать на 6 дней войскамъ отдыхъ, въ ожиданіи провіанта, а потомъ отступить за позицію между Шумлой и Силистріей, чтобы отрѣзать послѣднюю отъ сообщеній со внутренностью страны и содѣйствовать переправившемуся тогда черезъ Дунай главнокомандующему. Каменскій такъ и поступилъ.

Графъ Румянцевъ былъ взбѣшонъ совѣтскимъ рѣшеніемъ и поступкомъ Каменскаго, что и высказалъ этому послѣднему довольно откровенно. Но дѣло поправить было уже нельзя. Остается недоумѣвать — какъ въ подобномъ рѣшеніи могъ участвовать Суворовъ. Его учебная и боевая дѣятельность въ Ладогѣ, Польшѣ и Турціи,—все это послѣдовательно и гармонично, а постановленіе военнаго совѣта при Козлуджи является диссонансомъ. Это подтверждается собственными словами Суворова, хотя не совсѣмъ прямо. Въ 1792 году, т.-е. 18 лѣтъ спустя, онъ говоритъ: «Каменскій помѣшалъ мнѣ перенесть театръ войны чрезъ Шумлу за Балканы». Около того же времени Суворовъ пишетъ записку, безъ адреса и числа, въ которой между прочимъ значится: «Семь батальоновъ, 3 — 4,000 конницы были при Козлуджи, прочіе вспячены Каменскимъ 18 верстъ,—отвѣсъ списочнаго старшинства. Каменскій помѣшалъ графу А. Суворову Рымникскому перенесть театръ черезъ Шумлу за Балканы». Конечно тутъ есть преувеличеніе: Каменскій не «вспячивалъ» при Козлуджи войска, а самъ Суворовъ ушелъ отъ него впередъ;

но и слова Суворова, и записка его свидѣтельствуютъ, что у него было предположеніе вести энергическія наступательныя дѣйствія послѣ Козлуджи. Правда, своихъ войскъ Суворовъ имѣлъ слишкомъ мало, и они были совершенно изнурены, такъ что дальнѣйшій немедленный съ ними походъ представлялся немыслимымъ. Суворовъ надѣялся, что ему удастся увлечь Каменскаго своими смѣлыми планами, подчинить его себѣ нравственно и фактически, распоряжаться его отрядомъ, какъ своимъ. Подобное подчиненіе принца Кобургскаго во вторую Турецкую войну Суворову удалось, и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого обстоятельства, онъ говорилъ и писалъ въ 90-хъ годахъ, какъ выше сказано. Но Каменскій былъ человѣкъ иного склада и не только не думалъ идти за Суворовымъ на помочахъ, но требовалъ отъ него самого повиновенія. Наступательное движеніе не состоялось.

Тотчасъ послѣ сраженія, Каменскій конечно высказалъ Суворову свое негодованіе и привелъ его, что называется, къ порядку. Суворовъ увидѣлъ ясно, что самостоятельность дѣйствій для него закрыта, что Каменскій на буксирѣ за нимъ не пойдетъ, а еслибы и удалось убѣдить его на дальнѣйшія дѣйствія по направленію къ Шумлѣ и потомъ за Балканы, то успѣха все-таки ждать нельзя, потому что руководителемъ дѣла будетъ не онъ, Суворовъ, а Каменскій. Послѣднее соображеніе совершенно въ духѣ Суворова; окончательную выработку оно получило позже, но существовало въ довольно ясныхъ очертаніяхъ и объ эту пору. Такимъ образомъ, опозиція Суворова въ военномъ совѣтѣ представлялась безцѣльною и ненужною; она могла только увеличить его обособленность, умножить число его недоброжелателей и завистниковъ, повести къ новымъ столкновеніямъ съ Каменскимъ, но хода военныхъ операцій измѣнить была не въ состояніи.

Послѣ Козлуджи Суворовъ не могъ уже находиться въ подчиненномъ у Каменскаго положеніи, а потому оставался при дѣйствующихъ войскахъ недолго, всего нѣсколько дней, и потомъ уѣхалъ въ Букарестъ. Какъ въ прошломъ году, такъ и теперь онъ страдалъ лихорадкой, временами не могъ ѣздить верхомъ и даже съ трудомъ держался на ногахъ. Мало того, лихорадка возвращалась къ нему и послѣ, въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Румянцевъ принялъ его сурово и потребовалъ объясненія — какъ онъ рѣшился оставить свой постъ почти въ виду непріятеля. Чтó отвѣчалъ Суворовъ—неизвѣстно. Нелады его съ Каменскимъ побудили Румянцева дать ему другое назначеніе, а именно опять подъ начальство графа Салтыкова, «во избѣжаніе излишняго въ переѣздахъ труда». Однако въ тотъ же день, 30 іюня, Румянцевъ сообщилъ Салтыкову, что Суворову дозволено, по его прошенію, уѣхать для лѣченія въ Россію. Суворовъ впрочемъ не уѣхалъ и оставался въ Молдавіи до вызова его для дѣйствій противъ Пугачева.

Сраженіе при Козлуджи въ конецъ сломило нравственныя силы Турокъ и отняло у визиря всякую надежду на успѣшный исходъ войны. Завязались мирные переговоры; Румянцевъ повелъ ихъ съ большимъ искуствомъ, и такъ какъ положеніе Турціи было безнадежное, то 10 іюля 1774 года заключенъ въ Кучукъ-Кайнарджи миръ. Русскіе добились независимости Крыма, уступки Кинбурна, Азова, Керчи и Еникале, свободнаго плаванія по Черному морю; Турки обязались заплатить $4^1/_2$ милліона рублей. Тяжелы были мирныя условія для Турціи, но могли быть еще тяжеле, если бы сама Россія не нуждалась въ мирѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ Заволжьѣ, на Кубани и въ Крыму.

1774 — 1779.

Въ то время какъ война съ польскими конфедератами едва окончилась, а съ Турціей еще продолжалась, на восточной окраинѣ Европейской Россіи встала смута и выросла въ грозный мятежъ.

На Яикѣ давно было неспокойно. Съ одной стороны историческая привычка казаковъ жить въ буйной, своенравной вольности, съ другой—притѣсненія и произволъ назначаемыхъ правительствомъ атамана и старшинъ, питали внутреннее недовольство. Въ началѣ 1772 года натянутость положенія дошла до крайности, вспыхнулъ открытый мятежъ. Мятежъ усмирили, но корень его остался; ожесточеніе и жажда мести подъ внѣшнимъ гнетомъ только крѣпли и пріобрѣтали упругость.

Въ это время появился на Яикѣ донской служилый казакъ Емельянъ Пугачовъ, назвавшись мнимо-умершимъ Императоромъ Петромъ III. Къ нему стали приставать злоумышленники, а слѣдомъ за ними повалили темные люди низшихъ сословій. Первую вооруженную попытку Пугачовъ сдѣлалъ на Яицкій городокъ, но удачи не имѣлъ; неудачи повторялись и впослѣдствіи, однако онѣ имѣли значеніе частное, а въ общемъ дѣло ширилось и росло. Пугачовъ бралъ одинъ за другимъ жалкіе укрѣпленные пункты азіятскаго рубежа, большею частью съ помощью измѣны;

казнилъ смертью начальниковъ и вообще дворянъ; присоединялъ къ своимъ шайкамъ казаковъ и нижнихъ чиновъ. Киргизы, Калмыки, Татары, Башкиры помогали ему либо прямо, либо косвенно. Всѣ страсти были пущены въ ходъ: крѣпостныхъ Пугачовъ заманивалъ обѣщаніемъ воли, казаковъ—удовлетвореніемъ ихъ жалобъ и неудовольствій, раскольниковъ — уничтоженіемъ нововведеній, кочевниковъ и всѣхъ вообще—грабежомъ чужого добра. Ужасъ и смятеніе забирались все дальше; восточныя губерніи чуть не до самой Москвы представляли собою почву надъ вулканомъ. Дворяне и люди имущіе тщетно ждали помощи: войска были стянуты къ дальнимъ европейскимъ границамъ, въ волновавшемся краѣ находились лишь разбросанныя, рѣдкія малыя команды, начальники отличались робостью или нерѣшительностью, въ ряды войскъ забралась измѣна.

Екатерина ввѣрила главное управленіе операціями противу мятежниковъ генералу Бибикову, котораго способности и распорядительность были испытаны не задолго передъ тѣмъ въ Польшѣ. Въ концѣ 1773 года Бибиковъ прибылъ въ Казань и умѣлою рукою взялся за дѣло; успѣхъ сталъ покидать Пугачова. Послѣ нѣсколькихъ побѣдъ кн. Голицына, Мансурова, Михельсона, Пугачовъ очутился въ положеніи почти безнадежномъ, но неожиданная кончина Бибикова въ апрѣлѣ 1774 года снова поправила его дѣла. Онъ даже усилился противу прежняго, расширилъ районъ своихъ дѣйствій и вліянія, добрался до Казани и хотя не взялъ крѣпости, но разграбилъ и сжегъ городъ.

Разбитый здѣсь полковникомъ Михельсономъ, Пугачовъ переправился на правую сторону Волги и взбунтовалъ все Приволжье. Духъ мятежа, какъ зараза, переносился отъ одной деревни къ другой; цѣлыя области подымались отъ появленія нѣсколькихъ агентовъ Пугачова. Прошло не мало времени, пока правительство убѣдилось въ необходимости снабдить широкими полномочіями новое лицо, для скорыхъ и энергическихъ мѣръ противу мятежа, и въ Іюлѣ это порученіе возложено было на графа П. И. Панина. Заключенный передъ тѣмъ миръ съ Турками дозволилъ усилить и дѣйствовавшія противу Пугачова войска, а также послать на театръ мятежа Суворова.

Назначеніе туда Суворова было предположено еще въ мартѣ;

выборъ палъ именно на него, надо полагать, не только вслѣдствіе пріобрѣтенной имъ противу Турокъ репутаціи энергіи, быстроты и распорядительности, но и по указанію Бибикова. Но Румянцевъ не счелъ возможнымъ откомандировать Суворова тогда же, ибо послѣдній находился на посту противъ непріятеля, и внезапный его отъѣздъ въ Заволжье далъ бы Туркамъ поводъ предполагать, что наша внутренняя смута весьма для насъ опасна. Зато съ заключеніемъ мира Суворовъ сдѣлался совсѣмъ свободенъ, и такъ какъ Панинъ просилъ себѣ въ помощь генерала, который бы могъ его замѣнить въ случаѣ болѣзни или смерти, — то послано Румянцеву приказаніе—какъ можно скорѣе отправить Суворова въ Москву. Суворовъ тотчасъ же поскакалъ на почтовыхъ, повидался въ Москвѣ съ женою и отцомъ, по оставленному Панинымъ приказанію сѣлъ на перекладную и въ одномъ кафтанѣ, безъ багажа, помчался въ село Ухолово, между Шацкомъ и Переяславлемъ Рязанскимъ.

Панинъ зналъ Суворова и цѣнилъ по достоинству, а въ началѣ августа получилъ еще письмо отъ брата, графа Никиты Ивановича, тогдашняго канцлера, который писалъ ему, что по словамъ прибывшаго изъ арміи князя Н. В. Репнина, Суворовъ для употребленія противъ Пугачова несравненно больше всѣхъ годенъ.

Онъ пріѣхалъ въ Ухолово 24 августа и въ тотъ же день, снабженный обширными полномочіями, отправился въ путь, по направленію на Арзамасъ и Пензу къ Саратову, съ небольшимъ конвоемъ въ 50 человѣкъ. Панинъ донесъ Императрицѣ о быстрой исполнительности своего новаго подчиненнаго, обѣщавшей въ тогдашнихъ обстоятельствахъ много хорошаго впереди и потому достойной вниманія. Въ сентябрѣ, 2 числа, Екатерина удостоила Суворова рескриптомъ: «вы пріѣхали 24 августа къ гр. Панину такъ налегкѣ, что кромѣ вашего усердія къ службѣ, иного экипажа при себѣ не имѣли, и тотъ же часъ отправились паки на пораженіе врага». Поблагодаривъ его за такое рвеніе и быстроту, Государыня пожаловала ему 2000 червонцевъ на обзаведеніе экипажемъ.

Край, лежавшій на пути Суворова, носилъ на себѣ свѣжіе слѣды пребыванія пугачовцевъ, особенно за Пензой. Вездѣ ша-

тались ихъ шайки, предаваясь всякимъ неистовствамъ; встрѣчались также партіи, съ цѣлью обороны или погони за бунтовщиками сформированныя помѣщиками; всюду валялись искалѣченные трупы, дымились пожарища. Суворовъ быстро подвигался впередъ, не подвергаясь нигдѣ нападеніямъ пугачовцевъ, которые благоразумно сторонились; за то и онъ самъ ихъ не трогалъ, не вдаваясь въ рискованныя дѣла со своимъ ничтожнымъ отрядомъ и не отвлекаясь отъ главной цѣли — погони за самимъ Пугачовымъ. Суворову приводилось даже иногда принимать на себя имя Пугачова, когда обстоятельства того требовали, въ чемъ онъ самъ и сознается; съ другой стороны не терялъ онъ случая миротворить гдѣ можно, дѣйствуя на заблуждающихся обѣщаніемъ царскаго милосердія. Прибѣгалъ онъ и къ крайнимъ мѣрамъ вразумленія непокорныхъ, преимущественно коноводовъ и подстрекателей, наказывая ихъ кнутомъ и плетьми, но смертью не казнилъ. Вообще этотъ опасный походъ требовалъ отъ Суворова большой энергіи вмѣстѣ съ осторожностью, находчивостью и присутствіемъ духа, и только благодаря этимъ качествамъ удался.

Добравшись до Саратова, Суворовъ узналъ, что неутомимый Михельсонъ, который какъ тѣнь слѣдовалъ всюду за Пугачовымъ и неоднократно его разбивалъ, снова нанесъ ему тяжелое и окончательное пораженіе. Усиливъ тутъ свой отрядъ, Суворовъ поспѣшилъ къ Царицыну, но множество лошадей было забрано Пугачовымъ, и Суворовъ принужденъ былъ продолжать путь водою. Разбитый Михельсономъ, Пугачовъ ускользнулъ; переправившись кое-какъ за Волгу съ небольшимъ числомъ оставшихся ему вѣрными, онъ скрылся въ обширной степи.

Поспѣшное прибытіе Суворова въ Царицынъ обратило на себя вниманіе Государыни, которая и объявила свое удовольствіе графу Панину. Но Суворовъ все-таки опоздалъ; Пугачовъ успѣлъ уйти отъ него впередъ на четверо сутокъ и теперь мудрено было за нимъ угнаться. Однако Суворова не остановило это соображеніе; онъ назначилъ въ свой отрядъ 2 эскадрона кавалеріи, 2 сотни казаковъ, пользуясь добычными лошадьми Михельсона посадилъ на-конь 300 пѣхотинцевъ, захватилъ 2 легкія пушки и, употребивъ на все это въ Царицынѣ не больше су-

токъ, переправился черезъ Волгу. Вѣроятно для развѣдокъ о мятежникахъ онъ двинулся сначала вверхъ по рѣкѣ, подошелъ къ одному большому селу, которое держалось пугачовской стороны, забралъ тутъ 50 воловъ и затѣмъ повернулъ въ степь.

Эта обширная степь, протянувшаяся на нѣсколько сотенъ верстъ, безлюдная, безлѣсная, безпріютная, представляла собою мертвую пустыню, гдѣ грозила гибель и безъ непріятельскаго оружія. Хлѣба у Суворова было очень мало; онъ приказалъ убить, посолить и засушить на огнѣ часть забраннаго рогатаго скота и ломти этого мяса употреблять людямъ вмѣсто хлѣба, какъ онъ дѣлалъ въ послѣднюю кампанію Семилѣтней войны. Днемъ держали путь по солнцу, ночью по звѣздамъ; шли по слѣдамъ; двигались такъ быстро, какъ было только возможно, не обращая вниманія ни на какія атмосферическія перемѣны, ибо укрыться отъ нихъ было все равно негдѣ. Въ разныхъ мѣстахъ Суворовъ нагналъ и присоединилъ къ себѣ нѣсколько отрядовъ, вышедшихъ раньше него изъ Царицына; 12 сентября пришелъ онъ къ рѣкѣ Малому Узеню, раздѣлилъ здѣсь свой отрядъ на четыре части и пошелъ къ Большому Узеню по разнымъ направленіямъ. Скоро наткнулись на пугачовскій слѣдъ; узнали, что Пугачовъ былъ тутъ утромъ, что люди его, видя за собой неотступную погоню, потеряли вѣру въ успѣхъ своего дѣла, взбунтовались, связали Пугачова и повезли въ Яицкъ, дабы выдачею предводителя спасти собственныя головы.

Опять такъ горячо-желаемая честь—захватить Пугачева—ускользала отъ Суворова. Спустя много лѣтъ онъ не могъ хладнокровно вспомнить про это обстоятельство и писалъ: «чего же ради они его прежде не связали? Почто не отдали мнѣ? Потому что я былъ имъ непріятель, и весь разумный свѣтъ скажетъ, что въ Уральскѣ Уральцы имѣли больше пріятелей, какъ и на форпостахъ онаго». Это правда, что у мятежниковъ были въ Яицкѣ и другихъ тамошнихъ мѣстахъ пріятели, но подобное косвенное обвиненіе отнюдь не могло относиться къ яицкому коменданту полковнику Симонову, который во все время мятежа честно и энергически исполнялъ свой долгъ. Да и не самъ Симоновъ схватилъ Пугачова, а сотникъ Яицкаго войска Петръ Харчевъ, произведенный за это въ полковники.

Собравъ свои партіи, Суворовъ по слѣдамъ бѣглецовъ направился къ Яицку, доводя скорость марша до предѣла послѣдней возможности. Надежда все еще не оставляла его. Однако путь былъ длинный, и не обошлось безъ новыхъ препятствій. Такъ, во время ночного марша, передовые наткнулись на Киргизовъ или Калмыковъ, съ которыми и произошелъ небольшой бой, съ убитыми и ранеными въ результатѣ. Послѣ того, для ускоренія марша, Суворовъ отобралъ изъ отряда доброконныхъ людей и съ ними отправился впередъ. Но и это не помогло; когда онъ прибылъ 16 числа въ Яицкъ, сдѣлавъ въ 9 сутокъ 600 верстъ, Пугачовъ былъ уже выданъ Симонову.

Сколотили нѣчто подобное большой клѣткѣ на 4 колесахъ; сформировали и снарядили конвой изъ 3 ротъ пѣхоты и 200 казаковъ, при двухъ пушкахъ; собрали небольшой гуртъ порціоннаго скота, такъ какъ Симоновъ не могъ удѣлить провіанта больше, какъ на двое сутокъ. Когда все было готово, Суворовъ тронулся въ путь и все время лично наблюдалъ за сохранностью Пугачова. Шли опять степью и опять не безъ происшествій. Кочевники постоянно тревожили отрядъ своими нападеніями и одного изъ состоявшихъ при Суворовѣ убили, а другого ранили. На дневкѣ, въ деревнѣ на р. Иргизѣ, произошелъ пожаръ по близости пугачовскаго помѣщенія, надѣлавшій много переполоху и безпокойства. Ѣзда въ клѣткѣ очень не понравилась Пугачову, и чтобы заставить его быть спокойнѣе, принуждены были и его, и его 12-лѣтняго сына посадить каждаго въ особую крестьянскую телѣгу и привязать къ ней веревками, а для лучшаго присмотра за ними ночью зажигали факелы. Такимъ образомъ прибыли 1 октября въ Симбирскъ, и Суворовъ сдалъ Пугачова Панину.

Октября 3 Панинъ доносилъ Государынѣ, что «неутомимость и труды Суворова выше силъ человѣческихъ. По степи съ худѣйшею пищею рядовыхъ солдатъ, въ погоду ненастнѣйшую, безъ дровъ и безъ зимняго платья, съ командами майорскими, а не генеральскими, гонялся до послѣдней крайности». Вслѣдъ затѣмъ Панинъ уволилъ Суворова по его просьбѣ на короткое время въ Москву, для свиданія съ женой. Вполнѣ оцѣняя энергическую службу Суворова, Екатерина писала Панину: «отпускъ

его къ Москвѣ, на короткое время, къ магниту, его притягающему, я почитаю малою отрадою послѣ толикихъ трудовъ». Строго говоря, Суворовъ почти ничего не сдѣлалъ; Пугачовъ попалъ бы въ руки властей и безъ его участія; своимъ энергическимъ преслѣдованіемъ Суворовъ только ускорилъ развязку на нѣсколько дней. Сама Екатерина какъ-то сказала, что Пугачовъ своею поимкою обязанъ Суворову столько же, сколько ея комнатной собачкѣ, Томасу.

Пугачовъ былъ казненъ въ Москвѣ въ началѣ 1775 года, но пугачовщина съ нимъ не кончилась. Весь обширный восточный край Европейской Россіи былъ расшатанъ безначаліемъ и разоренъ до такой степени, что ему грозилъ голодъ и моръ. У Башкиръ стояла смута; шайки грабителей и злодѣевъ бродили еще въ разныхъ мѣстахъ. Надо было залѣчить свѣжія раны, привести общественный и административный механизмъ въ нормальное состояніе. Трудъ предстоялъ медленный и долгій, но начать его надлежало неотлагательно. Государыня не хотѣла исключительныхъ, крайнихъ мѣръ; строгость требовалась лишь рядомъ съ милосердіемъ. Начало этого дѣла возложено было на Суворова; ему подчинили всѣ войска въ Оренбургѣ, Пензѣ, Казани и другихъ мѣстахъ, почти до самой Москвы, въ общемъ итогѣ до 80,000. Въ короткое время онъ усмирилъ башкирскія смуты и уничтожилъ обломки пугачовскихъ шаекъ. Къ силѣ онъ прибѣгалъ не какъ къ первому, а какъ къ послѣднему средству и старался дѣйствовать прежде всего кротостью и убѣжденіемъ. Въ этомъ отношеніи онъ поступалъ не только по инструкціи, но и по внутреннему своему внушенію.

Въ такихъ трудахъ прошла вся зима, кромѣ короткаго времени (до половины ноября), употребленнаго Суворовымъ на побывку въ Москвѣ, какъ ему было разрѣшено. Весною 1775 года онъ объѣхалъ важнѣйшіе пункты расположенія своихъ войскъ; былъ въ Самарѣ, въ Оренбургѣ, въ Уфѣ; выбралъ мѣста для лагерей. Лѣтомъ происходило въ Москвѣ торжественное празднованіе мира послѣ счастливаго окончанія войнъ Польской и Турецкой и усмиренія внутреннихъ смутъ. Екатерина съ обычною щедростью расточала вокругъ милости и награды, и Суворову пожаловала золотую шпагу, украшенную бриліантами. Въ это

время Суворовъ завязалъ переписку съ Потемкинымъ, не съ прежнимъ, а съ всесильнымъ Потемкинымъ, который сталъ быстро подниматься на недосягаемую для другихъ высоту. Изъ этой переписки видно, что Суворовъ продолжалъ жить въ Симбирскѣ, оттуда 18 августа 1775 года онъ просилъ увольненія въ Москву по случаю кончины отца. Пріѣхавъ туда, онъ представился Государынѣ и былъ назначенъ для начальствованія Петербургскою дивизіей. Подобное назначеніе было ему не по вкусу, такъ какъ послѣ смерти отца необходимо было заняться домашними дѣлами, а для этого требовалось присутствіе въ Москвѣ и въ деревняхъ. Поэтому онъ отпросился въ годовой отпускъ, а въ Петербургъ былъ назначенъ вмѣсто него другой.

Между тѣмъ на югѣ появились признаки безпокойствъ, прямое послѣдствіе Кучукъ-Кайнарджискаго мира.

Присоединеніе Крыма къ Россіи, при вызванномъ Петромъ Великимъ естественномъ ростѣ Русскаго государства, было событіемъ неизбѣжнымъ; вопросъ заключался только во времени. Безъ обладанія черноморскимъ прибрежьемъ, Россія оставалась бы государствомъ, географически не законченнымъ. Мысль о необходимости Крыма для Россіи впервые высказана все тѣмъ же Петромъ; полустолѣтіе, протекшее послѣ Петра, служило ей нѣкоторой подготовкой, а Кучукъ-Кайнарджискій миръ—первымъ рѣшительнымъ шагомъ къ осуществленію. Этотъ шагъ заключался въ признаніи Турціей независимости Татаръ и въ отдачѣ Россіи ключей отъ Крыма въ видѣ Керчи, Еникале и Кинбурна, черезъ что она пріобрѣла возможность сильнаго на крымскія дѣла вліянія и почти неустранимаго въ нихъ вмѣшательства. Между такимъ положеніемъ вещей и присоединеніемъ страны разстояніе было не велико; при счастіи можно было его пройти и безъ войны. Такъ поступило и Русское правительство, вручивъ непосредственное направленіе дѣла Румянцеву, тогдашнему малороссійскому генералъ-губернатору и главнокомандующему войсками на югѣ Россіи.

Съ 1771 года Крымскимъ ханомъ былъ Сагибъ-гирей, безсмысленный приверженецъ европейскихъ обычаевъ. Русскій резидентъ въ Крыму охарактеризовалъ его немногими словами: «самое настоящее дерево». Своею неумѣлостью, безтактностью

и отсутствіемъ сколько нибудь зрѣлой мысли, онъ поселилъ въ Татарахъ глубокую къ себѣ нелюбовь, которая въ началѣ 1775 года выразилась тѣмъ, что мурзы низложили Сагиба и избрали Девлетъ-гирея. Пошли смуты. Румянцевъ вызвалъ на Кубань изъ Абхазіи брата свергнутаго Сагиба, Шагинъ-гирея, калгу, т.-е. перваго сановника ханства. Это и былъ будущій претендентъ, представитель русской партіи, глава предполагаемаго правительства, послушнаго и покорнаго Россіи. Надо было навязать его ногайскимъ ордамъ, кочевавшимъ въ при-кубанскомъ краѣ и этимъ путемъ провести въ Крымскіе ханы. Пришлось прибѣгнуть къ разнымъ средствамъ, между которыми главнымъ были конечно деньги; не обошлось и безъ угрозъ.

Въ Крыму готовились къ войнѣ. Порта исподтишка подстрекала; турецкія войска, оставшіяся на полуостровѣ послѣ войны въ числѣ 10,000, не уходили; трапезонтскій паша снаряжалъ дессантъ; къ Дунаю, въ Акерманъ, Хотинъ и Бендеры подходили подкрѣпленія. Татары въ Крыму волновались, перерѣзали даже нашихъ казаковъ, везшихъ почту, но Девлетъ-гирей ни на что не рѣшался. Время проходило не безъ пользы для Россіи: мурзы стали терять довѣріе къ Девлету и многіе изъ нихъ перешли на сторону Шагинъ-гирея. Въ сентябрѣ 1776 года одни изъ нихъ ждали новаго хана съ Кубани, другіе продолжали вооружаться противъ Россіи.

Чтобы Турки не предупредили насъ въ Крыму, пришлось двинуть туда войска. Въ экспедицію назначены два корпуса: князя Прозоровскаго около 20,000 человѣкъ и графа де-Бальмена въ 5,000. Войска двинулись 1 ноября 1776 года, заняли Перекопъ, протянулись дальше, вошли въ сношеніе съ Крымскимъ правительствомъ и съ мѣстною аристократіею, всячески обходя Девлетъ-гирея и показывая ему полное пренебреженіе. Число приверженцевъ Шагинъ-гирея умножалось; на Кубани его избрали въ ханы и дѣлались приготовленія къ переѣзду его въ Крымъ.

Около этого времени прибылъ въ Крымъ Суворовъ. Командуя полками въ Коломнѣ и находясь въ Москвѣ, онъ въ концѣ ноября 1776 года получилъ отъ князя Потемкина приказаніе ѣхать въ Крымъ, къ тамошнимъ войскамъ. Суворовъ тотчасъ

выѣхалъ, поступилъ подъ начальство князя Прозоровскаго, получивъ въ командованіе пѣхоту, а 17 января 1777 года принялъ отъ заболѣвшаго Прозоровскаго временное командованіе отрядомъ. Въ половинѣ марта выѣхалъ въ Крымъ Шагинъ-гирей, былъ принятъ русскими войсками съ подобающей церемоніей и тотчасъ же избранъ мурзами въ ханы. Девлетъ-гирей бѣжалъ.

На всякій случай были приняты мѣры противъ высадки Турокъ. Суворовъ съ отрядомъ изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ и нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи стоялъ лагеремъ на р. Салгирѣ, близъ Акмечети. Онъ долженъ былъ наблюдать горы къ сторонѣ Бахчисарая и верхнюю часть Салгира, занять важнѣйшіе горные проходы и учредить постъ на морскомъ берегу, въ Алуштѣ.

Суворовъ скучалъ, хворалъ лихорадкой и вдвойнѣ тяготился своимъ положеніемъ, такъ какъ при бездѣльѣ принужденъ былъ жить врозь съ женой. А Варвара Ивановна, вмѣстѣ съ маленькою дочерью (родившеюся 1 августа 1775 года), проживала не очень далеко, въ Полтавѣ, куда вѣроятно Суворовъ завезъ ее, ѣдучи въ Крымъ. Сначала онъ попытался перемѣнить службу и написалъ Потемкину объ этомъ письмо, но отвѣта или не послѣдовало, или полученъ отрицательный. Тогда Суворовъ отпросился у Прозоровскаго въ отпускъ, въ Полтаву, по домашнимъ дѣламъ, и уѣхалъ туда въ іюнѣ. Когда прошелъ срокъ отпуска, Суворовъ все-таки въ Крымъ не поѣхалъ, а донесъ Прозоровскому, что по болѣзни не можетъ возвратиться и для перемѣны воздуха переѣдетъ изъ Полтавы въ Опошню. Такъ онъ прожилъ тамъ до самой зимы.

Нельзя здѣсь обойти молчаніемъ одного происшествія, случившагося съ Суворовымъ не задолго передъ тѣмъ. Въ 1777 году, 3 апрѣля, послѣдовало отъ графа Румянцева письмо къ генералу Вонну Васильевичу Нащокину, въ которомъ читаемъ: «получа два почтеннѣйшія ваши письма, весьма я сожалѣю о непріятномъ приключеніи, въ домѣ вашемъ случившемся, не менѣе и о происшествіи съ генералъ-поручикомъ Суворовымъ. Судя строгость дисциплины, видится нарушена тѣмъ субординація, и инако не можно было сего окончить, какъ слѣдствіемъ, къ разбору котораго назначенъ уже отъ меня генералъ-поручикъ князь Прозоров-

скій». Отъ того же числа прислано Нащокину предписаніе, въ которомъ Румянцевъ писалъ: «хотя указомъ государственной военной коллегіи и велѣно отправиться вашему превосходительству въ польскій корпусъ къ принятію тамъ команды, но по претензіи генералъ-поручика Суворова въ оказанныхъ ему грубостяхъ отъ васъ, вторичнымъ же изъ оной указомъ предписано о томъ изслѣдовать и до окончанія онаго оставаться вамъ въ прежнемъ мѣстѣ». Что же именно случилось?

Изъ нѣкоторыхъ печатныхъ источниковъ видно, что когда-то произошла ссора между Суворовымъ и Нащокинымъ; что послѣдній нанесъ первому личное оскорбленіе дѣйствіемъ; что съ той поры Суворовъ, увидя Нащокина, убѣгалъ отъ него, говоря: «боюсь, боюсь, онъ сердитый, дерется». Изъ за чего произошла ссора, и въ чемъ состояли подробности этого происшествія, — остается неразъясненнымъ; но изъ двухъ бумагъ Румянцева можно предполагать, что вѣроятно этотъ самый случай произошелъ въ описываемую пору, именно въ декабрѣ 1776 года, въ Полтавѣ. Для нѣкотораго освѣщенія этого туманнаго факта прибавимъ нѣсколько пояснительныхъ словъ о поссорившихся. Странности Суворова не дошли еще къ тому времени до полнаго развитія, тѣмъ не менѣе онъ былъ уже чудакомъ вполнѣ сформированнымъ. Что касается Нащокина, то онъ живя въ эпоху, богатую всякого рода чудаками и эксцентриками, все-таки былъ между ними замѣтнымъ, выдающимся самодуромъ. Онъ никого не признавалъ нетолько выше себя, но и равнымъ себѣ. Потемкинъ говаривалъ, что Нащокинъ отзывается о Богѣ хотя съ уваженіемъ, но все-таки какъ о низшемъ по чину, и когда былъ генералъ-майоромъ, то на Бога смотрѣлъ какъ на бригадира. А когда Нащокинъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики, Потемкинъ сказалъ, что теперь Богъ попалъ у Нащокина въ 4 классъ, въ порядочные люди. Нащокинъ отличался разнообразнѣйшими причудами. Собираясь куда-нибудь въ дорогу, онъ подымался цѣлымъ домомъ; нѣсколько каретъ было занято учителями, мадамами, няньками; огромную фуру наполняли шуты, карлики, араны; другая фура везла собакъ; буфетъ съ принадлежностями ѣхалъ на 16 лошадяхъ; впереди всего поѣзда красовался верховой, который приближаясь къ привалу, трубилъ.

Чтобы отучить свою жену отъ напраснаго страха. Нащокинъ сажалъ ее иногда на пушку, изъ которой и производилъ выстрѣлы. Въ довершеніе всего онъ отличался необыкновенною вспыльчивостью и горячностью. Если вѣрить одному свидѣтельству, когда Императоръ Павелъ звалъ на службу Нащокина, находившагося тогда въ отставкѣ, то получилъ отрицательный отвѣтъ, выраженный такимъ образомъ: «вы Государь горячи, да и я тоже».

Пока Суворовъ проживалъ въ Полтавѣ и Опошнѣ, состояніе дѣлъ въ Крыму обострилось. Шагинъ-гирей оказался реформаторомъ почти въ томъ же родѣ, какимъ былъ Сагибъ-гирей. Сверхъ того, пользуясь присутствіемъ русскихъ войскъ, онъ поступалъ круто и въ высшей степени неблагоразумно; отличался особенной надменностью со своими приближенными и казалось все дѣлалъ, чтобы раздражить подданныхъ и взволновать край. Наконецъ, въ началѣ октября, вспыхнулъ открытый бунтъ противъ хана, и такъ какъ Прозоровскій упустилъ первые моменты, не прибѣгнувъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, то мятежъ сталъ быстро развиваться. Произошло кровопролитное сраженіе между взбунтовавшимися Татарами и русскими войсками; мы потеряли до 450 человѣкъ убитыми и ранеными, Татары до 2,000. Но эта побѣда не прекратила ни мятежа, ни военныхъ дѣйствій.

Румянцевъ, дѣятельно переписываясь съ Прозоровскимъ, замѣтилъ, что князь нигдѣ въ своихъ донесеніяхъ не упоминаетъ имени Суворова и потребовалъ объясненія. Прозоровскій донесъ въ началѣ ноября, что Суворовъ въ отпуску, по болѣзни не возвратился и гдѣ находится нынѣ, неизвѣстно. Строгій Румянцевъ изъявилъ Прозоровскому свое неудовольствіе, запретилъ увольненіе въ отпуски изъ заграничныхъ войскъ, а Суворову послалъ предписаніе — немедленно явиться на службу къ своему мѣсту, замѣтивъ при этомъ, что ему, Суворову, должно быть извѣстно объ открывшихся военныхъ дѣйствіяхъ. Ноября 21 Суворовъ послалъ Румянцеву рапортъ и письмо. Въ рапортѣ говорилось коротко: «ордеръ вашего сіятельства, пущенный отъ 14 ноября, мною полученъ»; ничего больше. Письмо, немногимъ длиннѣе, объясняло, что болѣзнь препятствуетъ ему, Суворову, исполнить приказаніе немедленно, но чрезъ нѣкоторое время, когда въ со-

стоянiи будетъ ѣхать, онъ отправится къ своему мѣсту, только не на почтовыхъ. Суворову видимо не хотѣлось ѣхать въ Крымъ, подъ начальство Прозоровскаго; онъ 20 ноября написалъ Потемкину, ввернуть фразу: «благополучiе мое зависитъ отъ одной власти высокой особы вашей свѣтлости; не оставьте покровительствовать». Потемкинъ исполнилъ на этотъ разъ его просьбу, и Румянцевъ получилъ приказанiе о назначенiи Суворова для командованiя кубанскимъ корпусомъ. Поблагодаривъ Потемкина за покровительство и пообѣщавъ ему «полную точность въ исполненiи повелѣнiй, невозвратную преданность и правость души», Суворовъ не могъ однако, вслѣдствiе болѣзни, выѣхать тотчасъ же и прибылъ на Кубань лишь въ половинѣ января.

Прiѣхавъ въ Копыльское укрѣпленiе, главный постъ на Кубани, Суворовъ прежде всего позаботился о независимости своего положенiя, потому что хотя командующiй войсками въ Крыму и не имѣлъ возможности вмѣшиваться въ распоряженiя начальника на Кубани, но все-таки кубанскiй районъ считался въ его вѣдѣнiи. Съ этою цѣлью Суворовъ написалъ Румянцеву, что ему необходимо имѣть разрѣшенiе, «независимое отъ сторонняго распоряженiя, ибо излишняя переписка подвергаетъ иногда нужныя предпрiятiя медленности». Затѣмъ онъ отправился лично осматривать линiю постовъ, по берегу моря до Кубани и по Кубани до Копыла, изучая вмѣстѣ съ тѣмъ страну. Результатомъ объѣзда было топографическое описанiе края и любопытныя этнографическiя свѣдѣнiя, съ цифрами и опредѣлительными данными, въ которыхъ не забыты даже Некрасовцы, хотя ихъ считалось не болѣе 600 — 800 человѣкъ, способныхъ къ войнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Суворовъ обратилъ вниманiе на здоровье войскъ и на состоянiе госпиталей и, для уменьшенiя смертности, прибѣгнулъ къ средству широкаго расположенiя скученныхъ дотолѣ войскъ и къ эвакуацiи госпиталей.

Съ конца января онъ приступилъ къ постройкѣ новыхъ укрѣпленiй, несмотря на сильную стужу и набѣги хищниковъ, предположивъ нѣсколько сократить протяженiе всего кордона. Онъ съ замѣчательнымъ искуствомъ проэктировалъ распредѣленiе войскъ по линiи, не впавъ въ обыкновенную при подобныхъ условiяхъ ошибку — излишнее раздробленiе силъ. Несмотря на

работы по постройкѣ укрѣпленій, войска были упражняемы въ строевыхъ ученьяхъ и маневрахъ, примѣнительно къ характеру и особенностямъ мѣстной войны.

Заботясь о войскахъ и вообще о военной части, онъ старался вліять и на населеніе: ласкалъ начальниковъ и властныхъ людей въ ногайскихъ ордахъ, шутилъ съ ними, дарилъ ихъ вещами и деньгами, служилъ за нихъ ходатаемъ предъ Румянцевымъ. Меньше 100 дней пробылъ Суворовъ въ этомъ краю, т.-е. такой срокъ, который обыкновенно нуженъ, чтобы только осмотрѣться, а между тѣмъ край былъ уже изученъ, непріятель изслѣдованъ, построено больше 30 укрѣпленій, измѣненъ порядокъ службы на кордонѣ. Набѣги изъ-за Кубани прекратились; Татары, охраняемые отъ внушеній за-кубанскихъ эмиссаровъ и отъ набѣговъ хищниковъ, успокоились, принялись за мирныя занятія и, главное, стали убѣждаться въ томъ, что Русскіе дѣйствительно имѣютъ въ виду добрую для нихъ, Татаръ, цѣль. Умный, проницательный Румянцевъ не могъ не оцѣнить плодотворной дѣятельности Суворова на Кубани и отзывался о немъ съ похвалою. Въ свою очередь и Екатерина выражала удовольствіе, что Суворовъ принялъ команду надъ кубанскимъ корпусомъ и высказывала желаніе, чтобы на него же было возложено веденіе политическихъ дѣлъ.

Румянцевъ не могъ въ той же мѣрѣ быть довольнымъ княземъ Прозоровскимъ. Несмотря на одержанную въ октябрѣ 1777 года побѣду, возстаніе распространялось, и положеніе Русскихъ дѣлалось критическимъ. Правда, это продолжалось недолго, и въ декабрѣ восточная часть Крыма была уже очищена отъ мятежниковъ, но за то явился новый претендентъ на ханство, Селимъ-гирей; Турція послала въ Черное море, для поддержки возмутившихся Татаръ, 8 военныхъ кораблей; одинъ изъ отрядныхъ начальниковъ, генералъ-майоръ Райзеръ, дѣлая одни грубыя ошибки, въ заключеніе куда-то пропалъ со всѣмъ своимъ отрядомъ. Въ концѣ-концовъ мятежъ однако же все-таки былъ усмиренъ, и Селимъ-гирей бѣжалъ. Затѣмъ въ апрѣлѣ Прозоровскій получилъ двухгодовой отпускъ для излѣченія болѣзни, и на его мѣсто Румянцевъ назначилъ Суворова.

Когда Прозоровскій былъ уволенъ въ отпускъ, но еще не

уѣхалъ. Суворовъ сдалъ свой постъ, пріѣхалъ въ Бахчисарай и тамъ остановился, ничего не сообщая Прозоровскому о своемъ прибытіи. Чрезъ нѣсколько дней Прозоровскій однако узналъ объ этомъ; имѣя отпускъ въ карманѣ (можетъ быть даже вынужденный) и не желая тратить по пустому время, онъ извѣстилъ Суворова, что пріѣдетъ къ нему самъ для объясненій по сдачѣ корпуса. Суворовъ сообщилъ чрезъ нарочнаго на словахъ, что по болѣзни никого принять не въ состояніи. Тогда Прозоровскій чрезъ того же посланнаго просилъ извѣстить о часѣ, въ который онъ можетъ пріѣхать на слѣдующій день, но отвѣта и на завтра не получилъ. Изъ лагеря своего онъ послалъ въ Бахчисарай адъютанта; адъютантъ вернулся и доложилъ, что Суворова нѣтъ дома, что онъ ужинаетъ у резидента, а на другой день собирается ѣхать къ хану. Теперь Прозоровскій не могъ уже не догадаться, что Суворовъ рѣшительно не желаетъ свиданія съ нимъ, поэтому послалъ къ нему генерала Леонтьева для сообщенія нужныхъ свѣдѣній, а самъ отправился въ путь изъ Крыма. Впрочемъ, о послѣдней выходкѣ Суворова онъ не преминулъ донести главнокомандующему.

Суворовъ въ настоящемъ случаѣ нарушилъ основныя военныя приличія и даже простую европейскую вѣжливость, обязательную во взаимныхъ отношеніяхъ образованныхъ людей. Причины тому тѣ же, съ которыми мы познакомились раньше, только съ новыми оттѣнками. Прозоровскій былъ строгій блюститель всякаго воинскаго порядка, даже наружнаго, благоговѣлъ предъ Фридрихомъ Великимъ, любилъ кстати и некстати толковать о тактикѣ и не отличался личною самостоятельностью. Слѣдовательно, по свойствамъ своимъ Прозоровскій былъ антиподомъ Суворова. Въ добавокъ ко всему, онъ производилъ слѣдствіе по происшествію, въ которомъ Суворовъ игралъ видную роль (о чемъ только-что было сказано), и хотя результатъ неизвѣстенъ, но уже этого факта достаточно для натянутыхъ отношеній между людьми самолюбивыми. А такъ какъ ладить съ Суворовомъ было дѣломъ для всякаго труднымъ, то въ общемъ итогѣ и получился извѣстный результатъ.

Вступивъ въ командованіе, Суворовъ прежде всего приказалъ эвакуировать таврическіе госпитали, а отъ находившихся внѣ

полуострова отказался вовсе, представя объ этомъ Румянцеву. Возложивъ попеченіе о больныхъ на полковыхъ командировъ, какъ на прямыхъ отвѣтчиковъ, Суворовъ принялся собственно за военную часть. Онъ раздѣлилъ полуостровъ на округа, для удобнѣйшаго наблюденія за Турками; указалъ, какія укрѣпленія усилить и какія вновь возвести; протянулъ по морскому берегу линію постовъ; завелъ сигналы между сухопутными войсками и флотиліей. Чтобы устранить всякую возможность недоразумѣній, онъ издалъ подробную инструкцію, которая вмѣняла въ обязанность войскамъ соблюденіе согласія съ обывателями и отдалъ приказъ по войскамъ крымскаго и кубанскаго корпусовъ о порядкѣ службы вообще, гдѣ быть войскъ, ихъ хозяйство, сбереженіе здоровья, обученіе, движенія, дѣйствія, — ничто не упущено [8]).

Суворову было между прочимъ предписано Румянцевымъ— ни коимъ образомъ не допускать Турокъ высаживаться въ Крыму. Задача была довольно трудная, потому что мы находились съ Турціей въ мирѣ, и дѣйствовать слѣдовало мирными же средствами. Румянцевъ немного сомнѣвался въ способности Суворова къ такому способу дѣйствій, ибо писалъ Потемкину: «какъ господинъ Суворовъ не говорливъ и не податливъ, то не поссорились бы они, а послѣ и не подрались». Суворовъ вступилъ съ Турками въ переговоры, которые и завершилъ заявленіемъ, что насильственная высадка ихъ на берегъ повлечетъ за собой разрывъ, и Русскіе прибѣгнутъ тогда къ оружію. Скоро подошелъ случай, который могъ привести именно къ этой нежелаемой развязкѣ. Въ севастопольской бухтѣ стояло нѣсколько турецкихъ судовъ, съ которыхъ часть людей высадились ночью на берегъ и убили казака. Суворовъ вмѣстѣ съ ханомъ объѣхалъ на виду у Турокъ этотъ берегъ, намѣтилъ мѣста для укрѣпленій и приказалъ возводить ночью насыпи, а утромъ работу прекратить. Отъ Турокъ послѣдовалъ въ приличной формѣ запросъ; Суворовъ въ дружественномъ отвѣтѣ указалъ на убитаго казака. Слѣдующею ночью работа по возведенію укрѣпленій продолжалась, въ третью также. Укрѣпленія выростали, такъ что могли запереть турецкимъ кораблямъ отступленіе. Турки признали свое положеніе въ бухтѣ опаснымъ; 17 іюля, несмотря на противный вѣтеръ, они выбра-

лись изъ бухты на буксирѣ гребныхъ судовъ и бросили якорь въ морѣ, въ получасѣ отъ берега.

Въ началѣ сентября Турки однако появились снова и притомъ въ огромныхъ силахъ: около 170 судовъ оцѣпили часть Крымскаго полуострова, безпрестанно крейсеровали у береговъ и массами скоплялись вблизи нашихъ укрѣпленій. Суворовъ усилилъ цѣпь пикетовъ по морскому берегу и ввелъ въ Крымъ черезъ Перекопъ резервный корпусъ; отряды стали маневрировать по берегу соотвѣтственно съ демонстративными движеніями турецкихъ судовъ. Турки просили дозволенія сойти на берегъ для прогулки; имъ было отказано ласково и дружески, но твердо, подъ предлогомъ карантинныхъ правилъ, такъ какъ корабли прибыли изъ мѣстъ, заражонныхъ чумою. Турки просили позволенія налиться прѣсною водою и запастись дровами; но и эта просьба отклонена въ вѣжливой формѣ, подъ двойнымъ предлогомъ чумы и засухи, вслѣдствіе которой мы сами въ водѣ нуждаемся. Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ, турецкій флотъ отплылъ къ Константинополю и оставилъ Суворова въ покоѣ.

Кромѣ сказаннаго, на долю Суворова досталось еще одно очень трудное дѣло—исполненіе операціи по выселенію христіанъ изъ Крыма. Обладаніе Крымомъ въ эту пору еще далеко не представлялось за Россіей обезпеченнымъ. Надо было сдѣлать новые ходы, чтобы приблизиться къ цѣли и извлечь изъ Крыма что можно на случай неудачи. То и другое достигалось переселеніемъ изъ Крыма находившихся тамъ христіанъ, преимущественно греческой и армянской національностей. Въ ихъ рукахъ находились промышленность, садоводство и земледѣліе горной полосы, что составляло знатную долю доходныхъ статей хана. А ханъ былъ человѣкъ ненадежный по своему замѣчательному непостоянству; обезпеченный въ своихъ средствахъ, онъ могъ измѣнить интересамъ Россіи. Слѣдовало поставить его въ положеніе заискивающаго и получающаго милости. Съ другой стороны—представлялась выгода заселенія при-азовскаго края многочисленною колоніею трудолюбивыхъ, промышленныхъ людей. Выгода достигалась во всякомъ случаѣ, а въ пользу исполнимости переселенія говорило то обстоятельство, что крымскіе

христіане были обременены до послѣдней степени ханскими поборами, слѣдовательно предоставленіе имъ на новомъ мѣстѣ облегченія отъ налоговъ должно было ихъ склонить въ пользу задуманной Русскимъ правительствомъ мѣры. Такимъ образомъ дѣло это было рѣшено, и исполненіе его возложено на Суворова.

Суворовъ вошелъ въ сношеніе съ греческимъ митрополитомъ; тотъ призналъ переселеніе возможнымъ, но требовалось переселенцамъ пособіе въ переѣздѣ и перевозкѣ имущества, а также на новыхъ мѣстахъ разныя льготы. Суворовъ представилъ Румянцеву свои подробныя соображенія по всей операціи; между прочимъ нужны были 6,000 воловьихъ подводъ, покупка у переселяемыхъ неудобоперевозимой части ихъ имущества, постройка для нихъ домовъ на новыхъ мѣстахъ, защита христіанъ отъ ханскаго гнѣва, продовольствіе ихъ въ пути на счетъ казны и многое другое. За словомъ скоро послѣдовало и дѣло: въ іюлѣ началось переселеніе.

Ханъ пришелъ въ состояніе, близкое къ бѣшенству: подкапывался авторитетъ его власти, обнаруживалось полное ея безсиліе, отбирался отъ него важный источникъ дохода. Тщетно удостовѣряли его, что онъ ничего не потеряетъ, что Русское правительство назначитъ ему равносильное вознагражденіе. Фактъ былъ дѣйствительно очень рѣзокъ; ханъ прервалъ сношенія съ Суворовымъ и резидентомъ, грубо отказывалъ послѣднему въ аудіенціи, выѣхалъ изъ Бахчисарая въ лагерь. Съ совѣтниками своими онъ рѣшилъ—ходатайствовать въ Петербургѣ объ отмѣнѣ переселенія, а Суворова просить объ отсрочкѣ исполненія на 25 дней. Суворовъ отказалъ, такъ какъ многіе христіане уже изготовились къ выѣзду. Татары пытались сдѣлать возмущеніе, отговаривали христіанъ отъ переселенія, прибѣгали къ побоямъ. Суворовъ принялъ свои мѣры, держалъ войска на-готовѣ, не допускалъ Татаръ до скопищъ. У выходящихъ христіанъ онъ приказалъ снимать хлѣбъ подъ квитанціи; заготовилъ путевое довольствіе; подъ переселенцевъ употребилъ въ началѣ казенные обозы и офицерскія повозки, въ ожиданіи 6,000 подводъ отъ азовскаго губернатора. Видя, что ничего не помогаетъ, ханъ отказался отъ управленія дѣлами, сѣялъ между Татарами раз-

драженіе противъ Русскихъ, роспускалъ слухи, будто наши войска готовятся къ избіенію магометанъ и наконецъ вошелъ съ Суворовымъ въ переписку, полную колкостей, доходившихъ даже до оскорбленій, ибо не всегда бывалъ трезвъ. Суворовъ далъ Шагинъ-гирею отпоръ, но въ формѣ приличной и нисколько не враждебной. Волей-неволей ханъ долженъ былъ подчиниться.

Мы видѣли въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, какъ тяжела была Суворову обуза—вести дипломатическіе переговоры, изощряясь въ софизмахъ и діалектическихъ ухищреніяхъ. Въ Крыму тяжесть подобной непривычной работы усугублялась еще тѣмъ, что приходилось имѣть дѣло съ правительствомъ и народомъ не цивилизованнымъ, а пріемовъ надо было держаться европейскихъ. До какой степени удручала Суворова эта задача, свидѣтельствуетъ современная его переписка съ Потемкинымъ и его секретаремъ Турчаниновымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Суворовъ былъ подчиненъ Румянцеву, а не Потемкину, значитъ писать къ Потемкину ему не подобало. Но желаніе поддерживать связь съ такимъ могущественнымъ лицомъ, какъ Потемкинъ, перемогло, тѣмъ паче, что онъ опасался не угодить Румянцеву операціей по переселенію христіанъ и заранѣе себя выгораживалъ въ виду того, что затрудненія съ ходомъ дѣла множились. Разжигаемый ханомъ, Румянцевъ сталъ обращаться къ Суворову со строгимъ запрещеніемъ насильственныхъ дѣйствій, тогда какъ тотъ поступалъ всегда сдержанно, политично и человѣколюбиво. Суворовъ писалъ: «строгость сія постигла меня уже по выводѣ (почти всѣхъ) христіанъ; ну, а еслибъ прежде,—сгибъ бы Суворовъ за неуспѣхъ... Отъ фельдмаршала глотаю я что дальше, то больше купоросныя пилюли». Ко всѣмъ этимъ непріятностямъ присоединились и семейныя: «я боленъ и жена 8-й мѣсяцъ въ постели; снова напала на нее жестокая горячешная лихорадка. Изъ двухъ золъ принужденъ я избрать легчайшее; на сихъ первыхъ дняхъ ѣдетъ она къ Полтавѣ. Дочь же почти еще въ горшей опасности. Если Богъ дастъ благополучно, надо бы мнѣ къ женинымъ родинамъ (въ ноябрѣ) на краткій часъ пріѣхать къ ней».

Самолюбивая, впечатлительная натура Суворова ставила на-

чальству всякое лыко въ строку, оттого ему казались такими горькими «купоросныя шлюли» Румянцова. Дѣло вершилось сложное, шероховатостей и зацѣпокъ миновать было невозможно, ибо самое переселеніе было въ основѣ своей актомъ насильственнымъ и безъ сомнѣнія для переселяемыхъ христіанъ имѣло значеніе огромной «купоросной шлюли», хотя протестующихъ было ничтожное меньшинство. Но наконецъ, къ великому удовольствію Суворова, во второй половинѣ сентября переселеніе окончилось. Выселено свыше 31.000 душъ; Греки большею частью поселены между рѣками Бердой и Калміусомъ, по р. Соленой и по азовскому прибрежью; Армяне близъ Ростова и вообще на Дону. Румянцевъ доносилъ Императрицѣ, что «выводъ христіанъ можетъ почесться завоеваніемъ знатной провинціи». На перевозку и продовольствіе истрачено всего 130.000 рублей. Собственно продовольствіе обошлось очень дешево, такъ какъ Суворовъ скупилъ у тѣхъ же христіанъ 50.000 четвертей хлѣба, который поступая на мѣстѣ въ магазины, обошелся вдвое дешевле поставляемаго изъ Россіи, отчего и составилось слишкомъ 100.000 рублей экономіи. Распоряженія Суворова отличались замѣчательнымъ благоразуміемъ и расчетливостью, но онъ кромѣ ума, вложилъ въ это дѣло и свое сердце. Спустя больше полугода, когда операція переселенія было уже почти сдана въ архивъ, Суворовъ все еще чувствовалъ на себѣ какъ бы гнетъ нравственной отвѣтственности и писалъ Потемкину: «крымскіе переселенцы претерпѣваютъ въ нынѣшнемъ ихъ положеніи многіе недостатки; воззрите на нихъ милостивымъ окомъ, такъ много пожертвовавшихъ престолу; усладите ихъ горькое воспоминаніе».

Волненія въ Крыму улеглись, но наступило тревожное время на Кубани, куда Суворовъ счелъ нужнымъ назначить новаго начальника, генералъ-майора Райзера, который уже въ Крыму успѣлъ заявить свою неспособность. Почему онъ такъ поступилъ — Богъ знаетъ, можетъ быть изъ недовѣрія къ оцѣнкѣ князя Прозоровскаго. Въ результатѣ получилась смута и безполезное кровопролитіе; многіе изъ подчиненныхъ Райзера были преданы суду, а ему самому объявленъ выговоръ.

Прошелъ 1778 годъ. Суворовъ не успѣлъ побывать въ

Полтавѣ, какъ расчитывалъ, и долженъ былъ отсрочить свиданіе съ женою до января. Тотчасъ послѣ новаго года онъ поѣхалъ въ отпускъ и нашелъ свое семейство въ Полтавѣ въ самомъ жалкомъ положеніи. Разрѣшеніе Варвары Ивановны отъ бремени совершилось не благополучно, и она была сильно больна. Устроивъ кое-какъ домашнія дѣла и получивъ надежду на поправленіе здоровья жены, онъ пробывъ въ Полтавѣ едва десятокъ дней, отправился опять на службу, такъ какъ отпускъ ему былъ данъ короткій, на совѣсть, безъ срока, притомъ связанный съ экстреннымъ порученіемъ. Поѣхалъ онъ въ Астрахань, оттуда чрезъ Кизляръ и Моздокъ по астраханской и моздокской линіямъ на кубанскую, затѣмъ на бердянскую и чрезъ Арбатъ возвратился въ Крымъ въ концѣ февраля 1779 года. Онъ осмотрѣлъ все внимательно, видѣлся и бесѣдовалъ со многими ногайскими султанами, вникалъ въ наши къ нимъ отношенія и въ положеніе дѣлъ. Райзера онъ окончательно призналъ начальникомъ неспособнымъ, который никакъ не могъ понять, что «благомудрое великодушіе иногда болѣе полезно, нежели стремглавный военный мечъ» и потому просилъ Румянцева его смѣнить.

Холодныя отношенія между Шагинъ-гиреемъ съ одной стороны и Суворовымъ и резидентомъ съ другой — продолжались. Румянцевъ старался поправить дѣло, считая Шагина самымъ удобнымъ для Россіи ханомъ, но Суворовъ смотрѣлъ на него, какъ на жалкое созданіе, которое ничѣмъ не проймешь, кромѣ денегъ. Къ деньгамъ и пришлось прибѣгнуть, чтобы вознаградить за выселеніе христіанъ, за таможенные убытки, за послушаніе и наконецъ за полное подчиненіе ханской политики русскимъ интересамъ. Екатерина приказала подарить хану сервизъ, разныя другія вещи и деньгами 50.000 рублей, а братьямъ хана, беямъ, мурзамъ и вообще вліятельнымъ лицамъ другія 50,000. Результатъ получился желаемый.

Въ мартѣ 1779 года Порта подписала конвенцію съ утвержденіемъ Кучукъ-Кайнарджискаго трактата и признала Шагинъ-гирея Крымскимъ ханомъ. Военныя приготовленія въ Крыму и на Кубани прекратились, и Суворовъ получилъ приказаніе оставить въ Крыму 6,000 человѣкъ, подъ видомъ гарнизоновъ для

Еникале и Керчи, а остальныя войска изъ Крыма и съ Кубани выводить. Войска выступили, но Суворовъ остался для сведенія послѣднихъ счетовъ съ ханскими таможенными откупщиками по безпошлинному ввозу товаровъ для русскаго крымскаго корпуса. Окончить всѣ дѣла и выѣхать въ Полтаву ему удалось лишь въ концѣ іюля.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ Астрахани, на Кубани и въ Кременчугѣ.

1780—1787.

Тогдашняя остъ-индская война между Англичанами и Французами производила не выгодное вліяніе на морскую торговлю Индіи. Многіе крупные торговцы стали искать для своихъ операцій сухопутнаго направленія, чрезъ Персію и Каспійское море. Обстоятельство это обратило на себя вниманіе Русской Императрицы. Еслибы первоначальную, случайную и повидимому трудноисполнимую мысль удалось поддержать, содѣйствуя ея осуществленію всѣми зависящими отъ Россіи средствами, то знатная часть индійской торговли направилась бы къ нашимъ границамъ. Но для этого требовалось прежде всего устранить препятствія, заключавшіяся въ тогдашнемъ состояніи при-каспійскаго края. Лишь небольшая часть каспійскаго прибрежья принадлежала Россіи; югъ находился во владѣніи Персіи, терзаемой смутами и междуусобіями. Приходилось прибѣгнуть отчасти къ мыслямъ и предположеніямъ Петра Великаго, распространить наши предѣлы на счетъ Персіи, завладѣть на югѣ надежнымъ пунктомъ для склада товаровъ и проч. Только исполненіе такого подготовительнаго плана расчищало путь къ конечной цѣли — направленію остъ-индской торговли по внутреннему водному пути къ Петербургу.

Для разъясненія обстоятельствъ дѣла и исполненія вступительной части проекта, если это окажется возможнымъ, и былъ назначенъ Суворовъ. Онъ былъ потребованъ въ концѣ 1779 года въ Петербургъ, принятъ Государыней очень милостиво и даже, въ знакъ особаго высочайшаго вниманія, получилъ бриліантовую звѣзду св. Александра Невскаго съ собственной одежды Екатерины. Ему было объяснено, какое именно порученіе на него возлагается и даны Потемкинымъ ордеръ и инструкція; при этомъ цѣлью дѣйствій выставлено обезпеченіе комерціи безопаснымъ пристанищемъ, а поводомъ и средствомъ—усмиреніе прибрежныхъ хановъ Персидскихъ въ виду ихъ частыхъ дерзостей. Суворовъ отправился чрезъ Москву и Полтаву въ Астрахань, довольный и петербургскимъ пріемомъ, и порученіемъ. Вскорѣ однакоже оказалось, что въ его порученіи не было ничего живого: проектъ отвлеченія остъ-индской торговли на новый путь не прививался подъ вліяніемъ колеблющихся обстоятельствъ, а потомъ и совсѣмъ былъ брошенъ, такъ какъ англійскія дѣла въ Индіи приняли лучшій оборотъ, и Англичанамъ удалось обезпечить за бенгальскою торговлей прежній ея путь. Суворову приходилось заниматься переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, т.-е. находиться въ положеніи, тягостнѣе бездѣлья. «Свѣженькая работа», о которой онъ мечталъ въ Крыму, оказалась гораздо скучнѣе и унылѣе прежней, и Крымъ представлялся блестящей ареной сравнительно съ Астраханью.

Такъ прошло два года. За неимѣніемъ серьезнаго дѣла, нашлись въ пустой, безсодержательной жизни захолустья интересы мелкіе; появились на Суворова пасквили и доносы, которые его раздражали и вызывали въ немъ низменные инстинкты. На него, подъ именемъ Фехтъ-Али-хана, сложили пасквиль трое: сибирякъ, армянинъ и татаринъ, которыхъ онъ и называетъ «тріумвиратомъ». Сплетня касается преимущественно предшествовавшаго его пребыванія въ Крыму. Посылая пасквиль Потемкину, Суворовъ объясняетъ нѣкоторыя его мѣста такъ: «Будто бы я хвасталъ, что тотъ я герой, что идетъ завоевывать Персію». — Я только хвастаю, что близко 40 лѣтъ служу непорочно.—«Повѣщалъ хана (съ корыстною цѣлью) о контрибуціяхъ».—Просилъ у вашей свѣтлости денегъ, счелся съ моими

доходами, нынѣ они мнѣ не надобны, ни дѣтямъ моимъ.— «Требовалъ у хана, стыдно сказать, красавицъ».—Кромѣ брачнаго я не разумѣю, чего ради посему столько много вступаюся за мою честь.—«Персидскихъ аргамаковъ».—Я ѣзжу на подъемныхъ.—«Лучшихъ уборовъ».—Ящика для нихъ нѣтъ.—«Драгоцѣнностей».—У меня множество бриліантовъ изъ высочайшихъ въ свѣтѣ ручекъ.—Въ настроеніи глубоко оскорбленнаго, Суворовъ проситъ наказанія клеветниковъ и заключаетъ свое посланіе торжественнымъ обращеніемъ къ правосудію и добродѣтелямъ князя, какъ будто дѣло идетъ о предметѣ Богъ знаетъ какой важности.

Къ концу 1781 года Суворовъ сталъ еще впечатлительнѣе. Въ ноябрѣ пишетъ онъ записку въ родѣ письма, неизвѣстно кому, вѣроятно Потемкинскому секретарю Турчанинову, хотя обращается вообще къ «друзьямъ» своимъ. По его словамъ, Войновичъ (начальникъ флотиліи) хвастаетъ, что у него 40,000 человѣкъ и что онъ отопретъ опочивальню царь-дѣвицы, а Піерри (командиръ Астраханскаго полка), смекающій, что своя рубашка ближе къ тѣлу, ждетъ отъ Войновича на свою долю Японскаго ханства. У губернатора (генералъ-поручика Якоби) Піерри директоръ театра, ученый шутъ и инструментъ; атаковали они вдвоемъ Суворова аргументами изъ алгебры, что всякій прапорщикъ его умнѣе; Суворовъ пропѣлъ ученому (Піерри) стихи изъ декалога, которые у неученаго (Якоби) застряли въ носу. Итакъ далѣе, все въ подобномъ родѣ, совершенно не подходящемъ къ его личности. Тутъ онъ впервые выражаетъ свое неудовольствіе на Потемкина; излагаетъ предположеніе, что отъ Потемкина все зло и исходитъ; называетъ свое пребываніе въ Астрахани ссылкой; говоритъ, что оставить службу радъ бы, да грѣхъ, потому что на дѣло еще годенъ.

Положеніе Суворова дѣйствительно было довольно странное и, для такого человѣка какъ онъ, тягостное. Губернаторъ не былъ ему подчиненъ, каспійская флотилія также; надежды на экспедицію не придвигались, а уходили. Впослѣдствіи, въ Финляндіи, онъ правда вспоминалъ, что 10 лѣтъ не проводилъ время такъ весело, какъ въ Астрахани; но таково уже розовое свойство воспоминаній, а находясь въ Астрахани, онъ ощущалъ

только томленіе и тоску, которыя все увеличивались. Терпѣніе Суворова наконецъ лопнуло: въ концѣ 1781 года онъ прямо проситъ о своемъ перемѣщеніи въ другое мѣсто. Въ просьбѣ этой онъ излагаетъ нежеланіе возвратиться въ Казань, а предпочитаетъ или Полтаву, или Кизляръ, или куда-нибудь генералъ-губернаторомъ, или отпускъ въ деревню.

Декабря 31 послѣдовалъ ордеръ Потемкина съ указомъ военной коллегіи. Такъ какъ обстоятельства приняли другой видъ, и Суворову не нужно для порученнаго ему дѣла оставаться въ Астрахани, то предписывается ему немедленно отправиться къ Казанской дивизіи и принять ее въ свое начальствованіе. Такимъ образомъ сдѣлано то, чего онъ не желалъ наиболѣе. Впрочемъ въ Казани онъ пробылъ всего нѣсколько мѣсяцевъ и въ концѣ августа 1782 года получилъ предписаніе—отправиться немедленно къ уроч. Кизикирменю, что у Днѣпра, и принять крымскія войска отъ графа де-Бальмена.

Въ Крыму броженіе не прекращалось, поддерживаемое почти всеобщимъ неудовольствіемъ, которое Порта втайнѣ продолжала распалять чрезъ своихъ эмисаровъ, въ надеждѣ довести Татаръ до открытаго возстанія. Подъ вліяніемъ турецкихъ происковъ многіе изъ татарскихъ старшинъ отказали хану Шагинъ-гирею въ повиновеніи и избрали ханомъ старшаго его брата, Батырь-гирея. Другой его братъ, Арсланъ-гирей, прибылъ съ Кубани и присталъ къ новому хану; Шагинъ бѣжалъ изъ Крыма подъ покровительство Русскихъ. Русскія войска вступили въ Крымъ, въ Тамань и въ при-кубанскій край; Шагинъ-гирей снова водворился въ Бахчисараѣ; Батырь и Арсланъ-гирей были арестованы; зачинщикъ и глава возстанія, Махметъ-гирей, по приказанію хана побитъ каменьями и нѣсколько другихъ лицъ казнено. Русскія войска остались въ Крыму, подъ предлогомъ отраженія турецкихъ посягательствъ и уже его не покидали.

Суворовъ, призванный на замѣну графа де-Бальмена, получилъ однако по прибытіи на мѣсто другое назначеніе. Прежде всего онъ повидался съ Потемкинымъ, по его приглашенію, въ Херсонѣ и оттуда поѣхалъ въ кр. св. Димитрія, у устьевъ Дона, для командованія кубанскимъ корпусомъ, въ которомъ состояло 12 батальоновъ, 20 эскадроновъ и 6 казачьихъ полковъ.

Корпусъ его предназначался «какъ для огражденія собственныхъ границъ и установленія между ногайскими ордами новаго подданства, такъ и для произведенія сильнаго удара на нихъ, если бъ противиться стали, и на закубанскія орды при малѣйшемъ ихъ колебаніи, дабы тѣхъ и другихъ привесть на долгое время не въ состояніи присоединиться къ Туркамъ». Суворовъ сталъ стягивать войска, чтобы сильно занять линію ейско-таманскую, особенно самый Ейскъ, свою главную квартиру. Когда Ейскъ былъ достаточно обезпеченъ, Суворовъ, исполняя программу, принятую при совѣщаніи съ кн. Потемкинымъ, послалъ въ ногайскія орды приглашеніе на праздникъ по случаю своего прибытія. Собралось въ степи подъ Ейскомъ до 3.000 человѣкъ; Суворовъ, котораго Ногайцы знали и помнили съ 1778 года, принялъ ихъ какъ старыхъ знакомыхъ, обошелся весьма дружелюбно и радушно и угостилъ на славу. На другой день гости отправились обратно во-свояси, довольные и пріемомъ, и угощеніемъ. Доволенъ былъ и Суворовъ, положивъ такимъ образомъ начало развязки.

Развязка уже разрѣшилась дипломатическимъ путемъ, только не осуществилась еще на дѣлѣ. Вслѣдствіе дѣятельныхъ переговоровъ, ханъ отрекся отъ своихъ владѣтельныхъ правъ, могъ жить гдѣ хотѣлъ, удерживалъ при себѣ свой гаремъ и дворъ и получалъ денежное содержаніе. Екатерина издала въ апрѣлѣ манифестъ о принятіи подъ свою державу Крымскаго полуострова, Тамани и всей Кубанской стороны. Надлежало теперь привести Татаръ къ присягѣ на подданство и сдѣлать это подданство на сколько возможно фактическимъ.

Съ означенной цѣлью и въ виду грозившей отъ Турокъ опасности, Потемкинъ постоянно снабжаетъ Суворова обстоятельными инструкціями. Въ маѣ онъ рекомендуетъ вывѣдать наклонности татарскихъ ордъ, и если будетъ намѣреніе сопротивляться, то жестоко наказать. Онъ приказываетъ склонить ихъ на избраніе новыхъ мѣстъ для кочевокъ, именно въ уральской степи, въ тамбовскомъ, саратовскомъ или иномъ намѣстничествѣ. Въ іюнѣ и іюлѣ Потемкинъ сообщаетъ о признакахъ турецкихъ на Кубани вліяній; говоритъ, что приказалъ выступить съ Дона 17 казачьимъ полкамъ, что пора наказать злоумышленниковъ изъ

ногайскихъ ордъ, что ожидаетъ обнародованія на Кубани и въ Тамани высочайшаго манифеста; относительно же предполагаемаго переселенія Ногайцевъ подтверждаетъ двукратно, чтобы не было и тѣни принужденія.

Насчетъ объявленія манифеста о присоединеніи къ Россіи Крыма, Тамани и при-кубанскаго края и по предмету принесенія Ногайцами присяги на вѣрность, Суворовъ уже сдѣлалъ первый шагъ на данномъ имъ праздникѣ. Тамъ были многіе приверженцы Россіи, въ числѣ ихъ султанъ джамбулукской орды Мусабей, пріятель Суворова. Имъ удалось убѣдить многихъ на подданство Россіи и на принесеніе присяги, но общее на то согласіе не представлялось еще вполнѣ обезпеченнымъ, и Суворову предстояло какъ можно скорѣе разъяснить дѣйствительность, узнавъ кто другъ и кто недругъ.

Присяга назначена была на 28 іюня, день восшествія Екатерины на престолъ. Къ этому дню степь подъ Ейскомъ покрылась кибитками 6,000 кочевниковъ. Русскія войска держались на-готовѣ, но не выказывали и тѣни угрозы. Послѣ богослуженія въ православной церкви, были созваны въ одно мѣсто ногайскіе старшины; имъ прочтенъ манифестъ объ отреченіи Шагинъ-гирея, и въ присутствіи Суворова они безпрекословно принесли на коранѣ присягу. Затѣмъ старшины разъѣхались по ордамъ и приняли такую же присягу отъ своихъ подвластныхъ, безъ всякихъ затрудненій, спокойно и торжественно, причемъ многимъ мурзамъ объявлены чины штабъ и оберъ-офицеровъ русской службы. Затѣмъ начался пиръ. Ногайцы разсѣлись группами; вареное и жареное мясо, воловье и баранье, составляли главныя блюда; пили водку, такъ какъ виноградное вино запрещено кораномъ. Старшины обѣдали вмѣстѣ съ Суворовымъ; большой кубокъ ходилъ вокругъ; здравицы слѣдовали одна за другой при грохотѣ орудій, при крикахъ «ура» и «алла», Русскіе перемѣшались съ Ногайцами; не было и признаковъ чего-нибудь непріязненнаго. По окончаніи пира открылись скачки, казаки соперничали съ Ногайцами. Вечеромъ второе угощеніе, продолжавшееся далеко за ночь. Съѣдено 100 быковъ, 800 барановъ, кромѣ разныхъ второстепенныхъ припасовъ; выпито 500 ведеръ водки. Ѣли и пили до безчувствія; многіе Ногайцы

поплатились за излишество жизнью. Слѣдующій день, 29 іюня, имянины наслѣдника престола, ознаменовался новымъ пиромъ; 30 числа утромъ опять угощеніе. Гости, вполнѣ довольные гостепріимствомъ хозяевъ, простились съ ними дружески и откочевали во свояси, сопровождаемые русскими офицерами. Тамъ, въ присутствіи послѣднихъ, состоялась присяга народа, остававшагося дома.

Въ концѣ іюля послѣдовалъ благодарственный рескриптъ Екатерины на имя Суворова; Государыня пожаловала ему недавно учрежденный орденъ св. Владиміра первой степени.

Однако подчиненіе Ногайцевъ русской власти, достигнутое съ формальной стороны, нельзя еще было принимать за дѣйствительное. Въ этомъ не обманывали себя ни Потемкинъ, ни Суворовъ. Своеволіе, безпорядки и внутренніе раздоры ногайскихъ ордъ проявлялись такъ часто и такъ недавно (въ 1781 и 1782 годахъ), народъ этотъ былъ такъ воспріимчивъ къ подстрекательству извнѣ, и земли Донского войска такъ много страдали отъ Ногайцевъ, что надежда на внезапное перерожденіе ордынцевъ была бы чистой иллюзіей. Потемкинъ продолжалъ относительно ихъ прежнюю политику, до первой крупной съ ихъ стороны вины; приказывалъ обращаться съ ними ласково; оказывать особенное уваженіе ихъ религіи и подвергать жестокому наказанію, «какъ церковныхъ мятежниковъ», всѣхъ тѣхъ изъ Русскихъ, кто въ этомъ отношеніи провинится. Онъ велѣлъ Суворову внушить ордамъ, что они избавлены отъ рекрутчины и что поборы съ нихъ будутъ уменьшены. Съ удовольствіемъ видя, что благодаря стараніямъ Суворова, мысль о переселеніи въ уральскую степь дѣлаетъ между Ногайцами большіе успѣхи, Потемкинъ просилъ укрѣплять въ нихъ это намѣреніе, но не приводить его въ исполненіе до особыхъ указаній. Ослушниковъ, уходящихъ за Кубань, онъ предписывалъ не трогать, и переселенію туда не желающихъ оставаться въ русскомъ подданствѣ, не препятствовать.

Признаки непокорности и своеволія Ногайцевъ обнаружились скоро, даже скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Турки, избѣгая явно-враждебныхъ дѣйствій, сѣяли смуту исподтишка, и Шагинъ-гирей, каявшійся въ своемъ отреченіи, подстрекалъ на-

родъ къ возстанію. Видя это, Суворовъ, для сохраненія въ краѣ спокойствія, приступилъ къ переселенію покорившихся Ногайцевъ въ уральскую степь. Случилось такъ, что въ это самое время Потемкинъ прислалъ предписаніе—повременить переселеніемъ, но операція уже началась. Переселеніе совершалось подъ присмотромъ войскъ, малыми частями; самъ Суворовъ наблюдалъ за нимъ и ѣхалъ позади всѣхъ ордъ. Дабы отнять отъ переселяемыхъ возможность покушенія на донскія земли, протянута была цѣпь казачьихъ постовъ отъ Ейска до половины Дона.

Какъ и слѣдовало ожидать, большинство Ногайцевъ было переселеніемъ недовольно; уральская дальняя и незнакомая степь ихъ страшила, а ближнюю, лакомую манычскую степь имъ не давали. Іюля 31, отойдя отъ Ейска всего съ сотню верстъ, Ногайцы внезапно напали на русскую команду и на вѣрныхъ Россіи своихъ соплеменниковъ. Произошелъ бой съ большимъ числомъ убитыхъ и раненыхъ; раненъ былъ и Муса-бей, стоявшій за переселеніе. Суворовъ обратился къ Ногайцамъ съ увѣщаніемъ, но оно не подѣйствовало; тогда, слѣдуя инструкціямъ Потемкина, онъ далъ имъ волю идти куда хотятъ. Десять тысячъ джамбулуковъ повернули назадъ и бросились на встрѣчный постъ; постъ подкрѣпили; произошло жестокое сраженіе, одолѣли Русскіе. Ногайцы пришли отъ неудачи въ изступленіе, незнавшее предѣловъ; не въ состояніи будучи спасти свое имущество, они его истребляли, рѣзали женъ, бросали въ р. Малую Ею младенцевъ. Погибло до 3,000; въ плѣнъ попало всего 60 стариковъ, женщинъ и дѣтей; Русскихъ убито и ранено до 100. Добыча простиралась до 20,000 головъ лошадей и рогатаго скота. Разбитые бѣжали безъ оглядки; многіе изъ нихъ умерли потомъ въ степи отъ голода.

Такимъ образомъ операція переселенія не удалась, но она принесла не одни отрицательные результаты: пораженіе джамбулуковъ распалило злобу кочевниковъ, и между мурзами составился заговоръ, душою котораго былъ Тавъ-султанъ. Мятежъ запылалъ почти общій; нѣсколько русскихъ мелкихъ отрядовъ были или изрублены, или принуждены ретироваться; Тавъ-султанъ сдѣлалъ отчаянное нападеніе на Ейскую крѣпость, въ теченіе трехъ дней пытался овладѣть ею, но не имѣя ни пушекъ,

ни ружей и дѣйствуя одними стрѣлами, потерпѣлъ неудачу. Изъ опасенія ежеминутнаго прибытія Суворова, Ногайцы бросили Ейскъ и удалились за Кубань, причемъ лишь трое старыхъ мурзъ остались вѣрны Россіи, въ числѣ ихъ Муса-бей.

Потемкинъ былъ недоволенъ Суворовымъ за начатое имъ переселеніе Ногайцевъ въ уральскую степь, не преминулъ высказать ему свое неудовольствіе и велѣлъ тщательно наблюдать за Шагинъ-гиреемъ, который находился въ это время въ Тамани, куда бѣжалъ изъ Крыма. Затѣмъ Потемкинъ приказалъ Суворову отправиться въ Тамань и велѣть Шагинъ-гирею немедленно продолжать путь въ русскіе предѣлы, а если не послушается, то употребить силу. Суворовъ долженъ былъ вручить Шагину письмо Потемкина; въ письмѣ этомъ, сухомъ и довольно грозномъ, Потемкинъ говоритъ, что до тѣхъ поръ не дастъ просимаго Шагиномъ дозволенія послать курьера къ Императрицѣ, пока онъ, Шагинъ, не переселится внутрь Россіи; что сношенія его съ возмутителями извѣстны; что онъ ничего хорошаго этимъ не добьется и т. под. Въ бумагѣ къ Суворову, упоминая съ сильнымъ неудовольствіемъ про набѣги матежныхъ Ногайцевъ, Потемкинъ предписываетъ ему разъ на всегда пресѣчь такую дерзость разгромомъ и истребленіемъ мятежниковъ; желающихъ же переселяться за Кубань не насиловать ни коимъ образомъ. Онъ говоритъ рѣзко, что его предписанія не соблюдены съ должною точностью и что «тамошніе народы, видя поступки съ ними, не соотвѣтствующіе торжественнымъ обнадеживаніямъ, потеряли всю къ нашей сторонѣ довѣренность».

За невозможностью вникнуть въ подробности дѣла, трудно рѣшить, кто тутъ правъ и кто виноватъ. Если взять въ соображеніе, что Суворовъ никогда не годился въ слѣпые исполнители чужой воли и во всякое дѣло вносилъ свои собственныя воззрѣнія, то пожалуй Потемкинъ имѣлъ причины быть имъ недовольнымъ. Если же принять въ расчетъ, что Суворовъ близко зналъ при-кубанскій край и его жителей и всегда съ ними ладилъ; что онъ самъ постоянно держался человѣколюбивыхъ способовъ дѣйствія и внушалъ тоже самое своимъ подчиненнымъ, то едва ли въ этомъ отношеніи онъ могъ передъ Потемкинымъ провиниться. Потемкинъ былъ руководителемъ дѣла

издали, Суворовъ же орудовалъ имъ непосредственно; переселеніе было въ самомъ своемъ основаніи насиліемъ; замаскировать это основаніе до полнаго сокрытія истины и желать, чтобы все исполнилось якобы по доброй волѣ переселяемыхъ, значило желать невозможнаго. Подобное самообольщеніе есть удѣлъ высшихъ руководителей, хотя виноватыми въ разочарованіи остаются обыкновенно исполнители.

Поводы къ неудовольствію Потемкина продолжались. Шагинъ-гирей не выказывалъ готовности исполнить его волю; приходилось прибѣгнуть къ насилію, т.-е. арестовать его. Суворовъ, находясь въ то время уже на маршѣ въ закубанскую экспедицію, не могъ самъ этого исполнить, а поручилъ таманьскому начальнику, генералъ-майору Елагину. Курьеръ, посланный съ приказомъ, проѣзжалъ ночью черезъ Копылъ, гдѣ долженъ былъ получить конвой, но остался тамъ до утра, потому что комендантъ спалъ и не приказалъ себя будить ни для какого дѣла. Утромъ курьеръ получилъ конвой, но слабый, всего изъ 30 казаковъ; на него напала шайка Абазинцевъ въ сотню человѣкъ и принудила вернуться: новая потеря времени. Послѣ того отправился цѣлый казачій полкъ, но было уже поздно. Какой-то доброжелатель предупредилъ Шагинъ-гирея о готовившемся ему сюрпризѣ, въ ночь передъ пріѣздомъ курьера; Шагинъ со своею свитой вскочилъ на лошадей и поскакалъ къ Кубани. Тутъ онъ нашелъ готовыя лодки, не прибранныя потому, что Елагинъ не зналъ ничего, что уже было извѣстно Шагину. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ къ Елагину курьеръ; прочитавъ ордеръ, Елагинъ бросился съ казаками въ догонку за бѣглецомъ, но тотъ уже успѣлъ переправиться на другой берегъ и поскакалъ къ закубанскимъ горцамъ. Суворову снова досталось.

Исполняя приказаніе Потемкина о закубанской экспедиціи, онъ сформировалъ отрядъ изъ 16 ротъ пѣхоты, 16 эскадроновъ драгунъ, 16 донскихъ полковъ и 16 орудій артиллеріи. Большей части казачьихъ полковъ на лицо не было; Иловайскій получилъ приказаніе идти съ ними прямо къ одному изъ конечныхъ пунктовъ. Ногайцы были противникомъ не страшнымъ, и вся задача заключалась въ томъ, чтобы ихъ настигнуть прежде, чѣмъ они успѣютъ уйти въ горы. Успѣхъ экспедиціи зависѣлъ

исключительно отъ соблюденія ея въ тайнѣ, и потому Суворовъ прибѣгнулъ къ двумъ средствамъ: ночному скрытному походу и роспусканію ложныхъ слуховъ.

Экспедиціонный корпусъ выступилъ изъ Копыла 19 сентября. Пущенъ слухъ, будто Суворовъ уѣхалъ въ Полтаву; что большая часть войскъ кубанскаго корпуса обращена внутрь Россіи для близкой войны съ Нѣмцами, а меньшая часть назначена противъ Персіи; что приказано Императрицею закубанскихъ горцевъ не трогать и Ногайцевъ оставить въ покоѣ. Отрядъ пошелъ по правому берегу Кубани; двигался только ночью, соблюдая строгую тишину и не употребляя сигналовъ, ибо по ту сторону рѣки тянулись пикеты чуткихъ горцевъ. Днемъ войска отдыхали съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, въ скрытыхъ мѣстахъ. Походъ былъ очень утомителенъ; 130 верстъ едва успѣли пройти въ десять сутокъ. При всѣхъ принятыхъ предосторожностяхъ, Суворовъ все-таки не могъ пройти совершенно незамѣченнымъ. Комендантъ крѣпости Суджука, принадлежавшей тогда Турціи, провѣдалъ про движеніе отряда и послалъ о немъ разузнать. Суворовъ отвѣчалъ, что идетъ небольшая команда на помощь гарнизонамъ моздокской линіи. Въ другой разъ войска проходили открытымъ безлѣснымъ мѣстомъ, гдѣ рѣка не широка; Хатюкайцы открыли съ того берега пальбу. На пальбу не отвѣчали, но Суворовъ потребовалъ къ себѣ хатюкайскаго бея, сказалъ ему то же самое, что суджукскому турку и сдѣлалъ жестокій выговоръ, послѣ чего бей сталъ плетью разгонять своихъ стрѣлковъ. Однако и тотъ, и другой случаи остались Ногайцамъ неизвѣстны, или по крайней мѣрѣ не возбудили ихъ подозрѣній.

Сентября 29 отрядъ съ присоединившимися казаками Пловайскаго подошелъ поздно вечеромъ къ мѣсту, противъ котораго Лаба впадаетъ въ Кубань. На основаніи полученныхъ свѣдѣній Суворовъ предупредилъ войска, что будутъ 4 переправы: бродъ обыкновенный, бродъ въ 7 четвертей глубины, бродъ по быстринѣ и наконецъ переправа вплавь. Войскамъ отдыха нѣтъ до рѣшительнаго пораженія, истребленія или плѣна непріятелей. Пули беречь, работать холоднымъ оружіемъ. Драгунамъ и казакамъ съ коней не слѣзать для добычи; на добычу идетъ чет-

вертая часть, другая четверть прикрываетъ, остальная половина наготовѣ. Добыча дѣлится пополамъ: одна половина на Государя, другая—войскамъ; изъ этой половины казакамъ двѣ трети.

Чтобы захватить Ногайцевъ врасплохъ, необходимо было произвести переправу ночью; поэтому 30 сентября войска простояли на своихъ вчерашнихъ мѣстахъ и тронулись лишь въ 8 часовъ вечера. Броды были глубоки; пѣхотѣ пришлось раздѣваться до-нага; переходила она коченѣя въ холодной водѣ, которая мѣстами покрывала плечи. Для уменьшенія быстрины, конница переправлялась нѣсколько выше, везя на лошадяхъ одежду пѣхотинцевъ и артиллерійскіе заряды. Несмотря на многія препятствія, переправа совершена вполнѣ успѣшно, и Ногайцы остались въ полномъ невѣдѣніи близкой бѣды.

Пѣхота одѣлась и построилась; отрядъ тронулся дальше. Авангардъ наткнулся на ногайскій разъѣздъ и взялъ его живьемъ; плѣнные послужили проводниками. Пройдя 12 верстъ отъ Кубани, близь урочища Керменчикъ, накрыли Ногайцевъ совершенно для нихъ неожиданно. Они сначала оторопѣли, потомъ стали защищаться съ отчаяніемъ, но это продолжалось недолго. Русскіе были страшно утомлены, такъ что бой и преслѣдованіе возобновлялись два раза. Сѣча была жестокая и дѣло кровавое; съ обѣихъ сторонъ ярость и злоба доходили до крайняго предѣла. Казаки мстили хищникамъ, отъ которыхъ давно и много страдали ихъ земли, и никому не давали пощады. Ногайцы, хуже вооруженные, хуже предводимые, недисциплинированные, не могли противостоять Русскимъ и гибли въ огромномъ числѣ. Тягостное чувство безсилія доводило ихъ до изступленія. Одни убивали своихъ дѣтей и женъ; другіе при послѣднемъ издыханіи силились нанести какой-нибудь вредъ Русскимъ. Больше 4,000 ногайскихъ труповъ валялось на 10-верстномъ разстояніи; взято въ плѣнъ до 700 ясырей и немалое число женщинъ и дѣтей. Потеря Русскихъ немногимъ превышала 50 человѣкъ, а добыча досталась большая: рогатаго скота приблизительно 6.000 головъ, овецъ 15,000; на обратномъ пути отряда она еще увеличилась.

Впечатлѣніе этого разгрома на Татаръ было большое, но различное. Ногайскіе мурзы прислали Суворову, въ знакъ покор-

ности, бѣлыя знамена, каялись и обѣщали вернуться на прежнія кочевья, за исключеніемъ Тавъ-султана и нѣкоторыхъ другихъ, которые не надѣялись на искреннее прощеніе. На крымскихъ же Татаръ побоище при Керменчикѣ навело оцѣпенѣніе и ужасъ; опасаясь такой же участи, они стали тысячами переселяться въ Турцію.

Войска пошли на зимнія квартиры; Суворовъ съ небольшою частью отряда направился прямо степью на Ейскъ. Путь лежалъ длинный, безъ малаго 300 верстъ, и трудный; время стояло позднее; пришлось переправляться черезъ большое число рѣкъ, настилать мосты изъ чего попало, либо переходить въ бродъ по поясъ. На бѣду мурза съ нѣсколькими Ногайцами, служившіе проводниками, взяли направленіе слишкомъ къ сѣверу, такъ что прибавили нѣсколько десятковъ верстъ пути, и въ отрядѣ сталъ ощущаться недостатокъ продовольствія. Харчевого запаса достало въ обрѣзъ, въ послѣдній день похода все было съѣдено безъ остатка. Пришли въ концѣ октября.

Суворовъ посѣтилъ аулы окрестныхъ покорныхъ Ногайцевъ и свидѣлся тамъ со многими старыми знакомыми. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занималъ джамбулукскій мирза, столѣтній Муса-бей, бывшій врагъ Русскихъ, но съ недавняго времени ихъ приверженецъ. Онъ былъ человѣкъ хорошаго сердца, помогалъ бѣднымъ, отличался вѣрностью и постоянствомъ, ненавидѣлъ роскошь, наблюдалъ въ своемъ быту замѣчательную чистоту и европейскую опрятность, былъ лихой наѣздникъ и веселый собесѣдникъ, любилъ хорошо покушать и порядочно выпить; вдобавокъ ко всему оказывалъ Суворову расположеніе, похожее на отеческую любовь. Узнавъ по возвращеніи изъ экспедиціи, что бодрый, крѣпкій старикъ собирается обзавестись новой женой, Суворовъ купилъ у казаковъ молодую, красивую черкешенку и подарилъ ее ему.

Зиму 1783—1784 годовъ Суворовъ провелъ въ крѣпости св. Димитрія, гдѣ проживало и его семейство. Тутъ часто посѣщали его ногайскіе старшины, отсюда же онъ продолжалъ свою служебную переписку съ Потемкинымъ, который будучи закупленъ успѣхомъ закубанской экспедиціи, уже никакихъ неудовольствій и замѣчаній ему не заявлялъ.

Шагинъ-гирей продолжалъ скрываться за Кубанью. Если онъ не могъ оттуда приносить Россіи положительнаго вреда, то въ состояніи былъ причинять ей безпокойство и затрудненія. Надо было выманить его оттуда, и Потемкинъ возложилъ это на Суворова. Въ ноябрѣ Суворовъ получилъ рескриптъ Императрицы и письмо Потемкина для врученія того и другого Шагину. Еще весной Екатерина писала Потемкину, что сговорчивость Шагинъ-гирея заставляетъ ее, Государыню, согласиться на его желаніе—завоевать въ Персіи владѣніе не меньше Крымскаго полуострова и проложить ему, Шагину, дорогу на шахскій престолъ; до приступленія же къ этому дѣлу, назначается ему 200,000 рублей годового содержанія. Засимъ въ октябрѣ она писала эксъ-хану тоже самое, съ присовокупленіемъ, что для его временного жительства назначается Воронежъ. Это-то письмо Суворовъ и долженъ былъ доставить Шагинъ-гирею вмѣстѣ съ Потемкинскимъ, а также убѣдить его въ необходимости безпрекословнаго повиновенія. Шагинъ-гирей поддался убѣжденіямъ не сразу и выѣхалъ изъ-за Кубани лишь весною 1784 года. Онъ прожилъ въ Россіи не долго; его заѣдали грусть и тоска по прежней власти, по минувшемъ величіи. Съ дозволенія Екатерины онъ отправился въ Турцію, былъ принятъ по наружности приличнымъ образомъ, но въ Константинополь не пущенъ, а отвезенъ на островъ Родосъ, гдѣ его вѣроломнымъ образомъ задушили.

Въ февралѣ 1784 года Суворовъ получилъ отъ Потемкина извѣщеніе, что Порта торжественнымъ актомъ признала подданство Крыма и Кубанскаго края Русской Императрицѣ. Вслѣдствіе такого упроченія мира, войска получали новое распредѣленіе, и Суворову указано по сдачѣ войскъ ѣхать въ Москву, гдѣ онъ получитъ новое назначеніе. Въ апрѣлѣ Суворовъ отвѣчалъ, что выѣзжаетъ.

Послѣдующіе два года Суворовъ провелъ въ мирныхъ занятіяхъ или, по его выраженію, въ бездѣйствіи. По отъѣздѣ съ юга онъ получилъ въ начальствованіе Владимірскую дивизію и въ половинѣ года ѣздилъ по своимъ дѣламъ въ Петербургъ. Какъ ни велико было могущество временщика и какъ ни мелокъ казался передъ нимъ Суворовъ, но одинъ изъ сателитовъ По-

темкина счелъ своимъ долгомъ сообщить ему—зачѣмъ ѣздилъ въ Петербургъ Суворовъ и что онъ тамъ дѣлалъ. Турчаниновъ пишетъ Потемкину, что Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ никѣмъ неожидаемый и пожелалъ представиться Государынѣ, по случаю полученія ордена св. Владиміра. Его пригласили къ столу. Когда Екатерина вошла, онъ по своему обычаю двукратно поклонился ей въ землю, былъ принятъ милостиво и удостоенъ разговоромъ; по выходѣ изъ-за стола повалился снова въ ноги и откланялся. На другой день ѣздилъ въ Гатчину, къ наслѣднику, и сдѣлалъ тоже самое. Турчаниновъ слѣдилъ за Суворовымъ шагъ за шагомъ и допытывался у него настоящей цѣли его пріѣзда; Суворовъ отвѣчалъ, что пріѣзжалъ поблагодарить «матушку» да повидать свою дочь; онъ говорилъ только о своихъ семейныхъ непріятностяхъ (тогда онъ уже разстался съ женой), мѣстомъ службы былъ весьма доволенъ и т. п.

Можетъ статься, Суворовъ былъ на самомъ дѣлѣ доволенъ своимъ служебнымъ положеніемъ, только не надолго: дошли до него какіе-то слухи про неисправность отчетности кубанскаго корпуса; счетная экспедиція не присылала квитанцій и т. п. Сгоряча Суворовъ пишетъ чуть не отчаянное письмо въ Петербургъ: «истинно съ ума сойти; пожалуйста кончите сіе, я очень боюсь прицѣпокъ. Пусть бы уже сказали, коли какой начетъ; я его отдамъ черезъ нѣсколько дней, — деревню подъ закладъ; за что же казнить! Христа ради не жалѣйте денегъ». Но подъ конецъ письма онъ, освободившись отъ перваго остраго впечатлѣнія, самъ видитъ, что изъ мухи дѣлаетъ слона, и потому пишетъ уже другое. «Какой это вздоръ!... Но отъ важныхъ дѣлъ обращенъ будучи нынѣ къ праздности, пойдутъ такія мысли. Избѣгая худшее, готовьте меня лучше искать фортуны въ чужихъ странахъ». Тревога конечно была напрасная; ни начетовъ, ни чего либо подобнаго не существовало.

Въ декабрѣ 1784 года Суворовъ пишетъ Потемкину чрезвычайно характерное письмо: говоритъ про свою праздность, про свое безкорыстіе; замѣчаетъ, что для него есть другія, болѣе подходящія должности. Указывая на дивизіи, одною изъ которыхъ желалъ бы командовать, онъ прибавляетъ, что впрочемъ готовъ хоть въ Камчатку, лишь бы быть самостоятельнымъ

(подчиненнымъ одной военной коллегіи); что въ роскоши жить не можетъ; что ѣхать за границу—таже праздность. «Одно мое желаніе, чтобы кончить высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ. Долговременное мое бытіе въ нижнихъ чинахъ пріобрѣло мнѣ грубость въ поступкахъ при чистѣйшемъ сердцѣ и удалило отъ познанія свѣтскихъ наружностей; препроводя мою жизнь въ полѣ, поздно мнѣ къ нимъ привыкать. Наука просвѣтила меня въ добродѣтели: я лгу какъ Эпаминондъ, бѣгаю какъ Цезарь, постояненъ какъ Тюреннъ и праводушенъ какъ Аристидъ. Не разумѣя изгибовъ лести и ласкательствъ, моимъ сверстникамъ часто не угоденъ. Не измѣнилъ я моего слова ни одному изъ непріятелей; былъ счастливъ, потому что я повелѣвалъ счастіемъ».

Изъ этого замѣчательнаго письма между прочимъ видно, что скромность не входила въ число добродѣтелей Суворова; но онъ не хвастаетъ, а говоритъ искренно, въ полномъ сознаніи своей собственной цѣны. Такимъ образомъ его заключительныя слова о счастіи представляются изъ всего письма наименѣе скромными и наиболѣе справедливыми.

Потемкинъ или былъ недоволенъ требовательностью Суворова, или же руководился своими собственными соображеніями, но только въ 1785 году онъ перемѣстилъ назойливаго просителя въ Петербургъ и далъ ему въ командованіе Петербургскую дивизію. Время пребыванія Суворова въ Петербургѣ также мало извѣстно, какъ и предшествовавшее, даже меньше. Онъ выходитъ изъ глубокой тѣни и вступаетъ въ нѣсколько освѣщенную полосу лишь въ октябрѣ 1786 года, когда былъ произведенъ по старшинству въ генералъ-аншефы и отправленъ къ Екатеринославской арміи для командованія кременчугскими войсками, которымъ предназначена была видная роль при предстоявшемъ путешествіи Екатерины по Россіи.

Пріобрѣтеніе Новороссійскаго края и Крыма значительно раздвинуло границы Европейской Россіи, но стоило государству много крови и издержекъ. Еще болѣе Новороссійскій край требовалъ матеріальныхъ жертвъ впереди, потому что представлялъ собою почти сплошную пустыню. Заселеніе и устройство края, организація въ немъ военной и морской силы, зарожденіе и раз-

витіе торговли, созданіе всей системы управленія — были возложены Екатериною на Потемкина. Потемкинъ взялся за дѣло горячо; появились поселенія, зачатки городовъ, крѣпостей, флота. Прошли немногіе годы; дѣло находилось въ полномъ году, хотя ни до чего законченнаго еще не дошло. У Потемкина было много враговъ, которые старались колебать довѣріе къ нему Императрицы разными способами. Говорили объ упадкѣ арміи, о фиктивности южнаго флота, о невыгодности послѣднихъ земельныхъ пріобрѣтеній, о совершенно непроизводительныхъ затратахъ на ихъ заселеніе и устройство. Это сначала раздражало Екатерину, потомъ стало безпокоить, и она пожелала лично осмотрѣть новопріобрѣтенный край.

Григорій Александровичъ Потемкинъ, играющій въ жизнеописаніи Суворова видную роль, былъ сынъ небогатаго смоленскаго дворянина, родился въ 1736 году, предназначалъ себя первоначально въ духовное званіе, но перемѣнивъ намѣреніе, поступилъ въ военную службу. Обративъ на себя вниманіе Екатерины, онъ быстро пошелъ вверхъ и скоро добрался до высшихъ степеней, сдѣлавшись княземъ, намѣстникомъ всего южнаго края, президентомъ военной коллегіи, фельдмаршаломъ, временщикомъ и всемогущимъ властелиномъ. При большомъ ростѣ и крѣпкомъ, геркулесовскомъ сложеніи, онъ отличался мужественною, хотя нѣсколько топорною красотою, гордой осанкой, повелительнымъ видомъ, подъ которымъ скрывалась однако неловкость и даже нѣкоторая застѣнчивость — недостатокъ, досадный для такого человѣка, и чѣмъ менѣе замѣтный для другихъ, тѣмъ для него самого болѣе ощутительный. Въ сношеніяхъ со знатью и съ людьми чиновными онъ былъ надмененъ, недоступенъ, пренебрежителенъ, невѣжливъ, часто просто грубъ,—слѣдствіе быстраго возвышенія, въ которомъ важную роль играли конечно его способности, но еще важнѣйшую—личное расположеніе Государыни. Для людей средняго и низшаго слоевъ общества онъ представлялся болѣе доступнымъ и такъ сказать ручнымъ, да и вообще всякій, обращавшійся къ нему непринужденно, безъ страха и боязни, но скромно, встрѣчалъ большею частью хорошій пріемъ.

Потемкинъ былъ одаренъ богатымъ воображеніемъ, изуми-

тельною памятью, обширнымъ, впечатлительнымъ умомъ и большими организаторскими способностями. Солиднаго образованія онъ не имѣлъ, но по натурѣ ли, по расчету ли, былъ очень любознателенъ и, не имѣя расположенія къ чтенію, набирался обыкновенно познаній изъ личныхъ бесѣдъ съ людьми образованными или бывалыми и изъ распросовъ спеціалистовъ. Въ этомъ методѣ самообразованія Потемкинъ былъ неутомимъ и потому обладалъ массою самыхъ разносторонныхъ свѣдѣній, конечно безъ системы, зрѣлости и глубины. По одной только отрасли онъ былъ дѣйствительно и основательно свѣдущъ— по богословію, за то предпочиталъ богословскіе споры и бесѣды всякимъ другимъ, и архіерейскій санъ представлялся ему такимъ же заманчивымъ, какъ военная степень фельдмаршала. Однако богословскія познанія имѣли для него довольно поверхностное воспитательное значеніе; онъ былъ человѣкомъ вѣрующимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и суевѣрнымъ.

Недостатокъ подготовки къ государственной дѣятельности самаго обширнаго размѣра поддерживался природною измѣнчивостью характера Потемкина. Онъ былъ, во первыхъ, замѣчательно лѣнивъ. Состояніе лѣни находило на него внезапно: онъ надѣвалъ халатъ, ложился на диванъ, становился молчаливъ, несообщителенъ, угрюмъ; дѣла оставались безъ движенія, государственный интересъ страдалъ непоправимо, сотни тысячъ рублей гибли безслѣдно и безцѣльно. Иногда присоединялась къ лѣни тоска и гнетущее чувство человѣка, добравшагося до апогея высоты, имѣющаго все, что только можетъ быть дано извнѣ, которому нечего уже болѣе желать, некуда подыматься выше. А потомъ вдругъ, повидимому безъ всякаго повода, наступала пора усиленной дѣятельности. Работа кипѣла, курьеры летали во всѣ концы, подручные исполнители не знали покоя ни днемъ, ни ночью; самъ Потемкинъ скакалъ съ мѣста на мѣсто въ простой телѣгѣ. Затѣмъ опять бездѣйствіе, или перемѣна дѣятельности, или погруженіе съ головой въ удовольствія, наслажденія и роскошь. Только что курьеры развозили приказанія, касающіяся постройки городовъ, заселенія степей, вооруженія флота, сбереженія здоровья солдатъ; вслѣдъ затѣмъ они скакали за дамскими нарядами, за гастрономическими тонкостями,

за пѣвицами и танцовщицами. Но и въ забавахъ не было логическаго теченія, а все прыжки и неожиданности. Среди тонкаго обѣда Потемкинъ иногда требовалъ чернаго солдатскаго хлѣба, съ жадностью накидывался на простую соленую рыбу, упивался квасомъ. Было то не афектаціей, не напускною оригинальностью, а причудой пресыщенія, капризомъ распущенной воли.

Въ немъ все изумляло и поражало, особенно сплетеніе пороковъ съ добродѣтелями. Добрыхъ качествъ въ немъ было много, но дурныхъ еще больше: властолюбіе безъ мѣры; деспотизмъ, доходившій до отрицанія всякаго права, кромѣ своего собственнаго; отталкивающій эгоизмъ. Но и эти, и другія качества Потемкина, частію присущія его натурѣ, частію привитыя къ ней его быстрымъ возвышеніемъ въ средѣ общества, находившагося въ переходномъ состояніи, не представляли однакоже собою чего-нибудь твердаго, стойкаго. Отражаясь въ его поступкахъ, они безпрестанно видоизмѣнялись, переходя иногда въ свойства, совершенно противоположныя: добро становилось зломъ, зло добромъ. Происходило нѣчто въ родѣ переливовъ опала, которые ни предвидѣть, ни выслѣдить нѣтъ никакой возможности, а тѣмъ паче подвести подъ какой-нибудь законъ.

Капризныя свойства Потемкинской натуры выкунались его большими прирожденными дарованіями, но за то и парализовали ихъ въ значительной степени. Много сдѣлалъ онъ на благо Россіи, но въ своемъ положеніи могъ сдѣлать гораздо больше. Давая одною рукою, онъ другою отбиралъ данное; производя работу однимъ инструментомъ, онъ портилъ ее другимъ. По отзыву нѣсколькихъ выдающихся людей той эпохи, въ томъ числѣ и Суворова, для лучшаго успѣха дѣла, «Потемкину слѣдовало только проектировать, а исполнять другимъ».

Въ военномъ отношеніи Потемкинъ былъ тоже весьма крупнымъ дѣятелемъ. Какъ высшій предводитель, онъ представлялся посредственностью, даже ниже; но организаторскими талантами быть можетъ превосходилъ Румянцева. Не уступалъ онъ Румянцеву также въ наукѣ военнаго хозяйства и отличался рѣдкою, хотя не всегда практичною заботливостью о солдатѣ.

Въ началѣ января 1787 года Екатерина выѣхала изъ Петербурга; ее сопровождала большая свита, въ 14 каретахъ и болѣе

чѣмъ въ 120 саняхъ; на каждой почтовой станціи ожидало 560 лошадей. Ночью огромные костры зажигались близъ дороги на каждой сотнѣ шаговъ; въ городахъ и деревняхъ толпились жители, встрѣчали Государыню власти, раздавался колокольный звонъ, пальба изъ пушекъ. Останавливаясь въ разныхъ городахъ на короткое время, Екатерина прожила въ Кіевѣ безъ малаго 3 мѣсяца, но и этотъ долгій срокъ Потемкинъ постарался сдѣлать для нея незамѣтнымъ: блистательные праздники шли непрерывно. Весною Государыня выѣхала дальше, но уже водою, на большой, роскошно убранной галерѣ. Ее сопровождали слишкомъ 80 судовъ; на каждой галерѣ былъ свой хоръ музыки; каждое лицо изъ свиты имѣло въ своемъ распоряженіи двѣ комнаты, снабженныя всевозможнымъ комфортомъ. Государыня побывала въ Кременчугѣ, новопостроенномъ Херсонѣ съ адмиралтействомъ и кораблями; оттуда черезъ Перекопъ проѣхала въ Бахчисарай, въ Севастополь съ флотомъ изъ 15 кораблей, въ Симферополь, въ Кафу и затѣмъ черезъ Полтаву и Москву возвратилась въ Петербургъ.

Путешествіе Екатерины было какъ бы тріумфальнымъ шествіемъ. Въ пограничный городъ Каневъ выѣхалъ къ ней на поклонъ Польскій король и ожидалъ ее тутъ $1^1/_2$ мѣсяца; дальше она встрѣтилась съ императоромъ Священной Римской имперіи, который и сопровождалъ ее въ Крымъ; цѣлая толпа знатныхъ или извѣстныхъ иностранцевъ собралась въ Кіевѣ, представиться Русской Императрицѣ. При всякой остановкѣ Екатерина видѣла войска и мѣстами производила имъ смотры; всюду толпился народъ въ праздничныхъ платьяхъ. Потемкинъ превзошелъ себя; одаренный богатымъ воображеніемъ и близко знавшій Екатерину съ ея сильными и слабыми сторонами, онъ прибѣгнулъ къ декоративному искуству въ крупномъ масштабѣ и весь путь Государыни превратилъ въ полуволшебную панораму. Появились несуществовавшіе дотолѣ дворцы, дома, дачи, сады, парки, деревни, тріумфальныя арки; согнаны огромныя стада для оживленія пейзажа; въ лодкахъ сновалъ по рѣкѣ народъ, пѣвшій пѣсни; по ночамъ горѣли временами роскошнѣйшія иллюминаціи и на темномъ небесномъ сводѣ вырисовывались прихотливые узоры громадныхъ фейерверковъ, кончавшихся снопами изъ 100,000

ракетъ. Потемкинъ достигъ цѣли: Екатерина была въ полномъ удовольствіи, тѣмъ болѣе, что сдѣланное на нее впечатлѣніе не могли отчасти не раздѣлять и многочисленные иностранные гости.

Приготовляясь къ встрѣчѣ Императрицы, Суворовъ поработалъ въ Кременчугѣ порядочно по обмундированію, снаряженію и обученію войскъ. Вопросъ заключался не въ одной внѣшней картинности и эфектности ожидаемаго смотра; Екатерина была царствующей Государыней, на своемъ вѣку видала войскъ много, глазъ ея въ извѣстной степени былъ наметанъ, и понятія ея о военномъ образованіи не были *дамскими*. Кромѣ того, ее сопровождала огромная свита Русскихъ и иностранцевъ, между которыми находились настоящіе военные люди. Эфектъ требовался, но такой, который говорилъ бы за дѣйствительное, а не за кажущееся достоинство войскъ. Суворовъ обучалъ свою дивизію не для кременчугскаго смотра, а для представленія Государынѣ на кременчугскомъ смотру войскъ, обученныхъ для войны.

Потемкинъ поѣхалъ на встрѣчу Екатеринѣ въ Кіевъ; Суворовъ съ нимъ, гдѣ оставался довольно долгое время и вернулся въ Кременчугъ лишь передъ выѣздомъ Государыни изъ Кіева. Въ Кременчугѣ былъ построенъ для нея Потемкинымъ дворецъ и разведенъ садъ; императорская флотилія прибыла туда 30 апрѣля. Когда Екатерина отдохнула, Потемкинъ предложилъ ей посмотрѣть войска. Привычные люди были поражены щегольскимъ снаряженіемъ войскъ, ихъ видомъ и особенно небывалою точностью и живостью движеній и дѣйствій. Безъ преувеличенія, зрители были *озадачены*, не исключая самой Императрицы; одинъ изъ иностранцевъ сказалъ прямо, что на своемъ вѣку ничего лучшаго не видалъ. Эфектъ получился полный.

Конечно похвалы, комплименты и разные знаки удовольствія или удивленія отовсюду посыпались прежде всего на Потемкина, но и Суворовъ не остался въ сторонѣ. Онъ былъ уже человѣкомъ извѣстнымъ, а въ эту пору, благодаря присутствію двора и съѣзду иностранцевъ, сталъ извѣстенъ лично многимъ, доселѣ его не знавшимъ или не видавшимъ. Надо однако сказать правду, что обращалъ онъ на себя вниманіе не только

своею зарождавшеюся военною репутаціей, но и личными особенностями, между которыми самое видное мѣсто занимали странности и причуды. На него уже начинали смотрѣть съ любопытствомъ, какъ на какую-то загадку, и поведеніемъ своимъ онъ поддерживалъ этотъ взглядъ. Находясь съ Потемкинымъ въ Кіевѣ, онъ случайно встрѣтился съ французскимъ полковникомъ Александромъ Ламетомъ, будущимъ дѣятелемъ революціи. Видя незнакомое лицо иностранца, Суворовъ подошелъ къ нему и спросилъ отрывисто: «откуда вы родомъ?»—Французъ, отвѣчалъ Ламетъ, нѣсколько изумленный и неожиданностью и тономъ вопроса. «Ваше званіе?» продолжалъ Суворовъ.—Военный,—отвѣчалъ Ламетъ.—«Чинъ?»—Полковникъ.—«Имя?»—Александръ Ламетъ.—«Хорошо!» сказалъ Суворовъ, кивнулъ головой и повернулся, чтобы идти. Ламета покоробило отъ такой безцеремонности; онъ заступилъ Суворову дорогу и, глядя на него въ упоръ, сталъ задавать въ свою очередь такимъ же тономъ вопросы. «Вы откуда родомъ?»—Русскій, отвѣчалъ нисколько не сконфуженный Суворовъ.—«Ваше званіе?»—Военный.—«Чинъ?» — Генералъ.— «Имя?»—Суворовъ.—«Хорошо!» — заключилъ Ламетъ. Оба расхохотались и разстались пріятельски.

Въ Кременчугѣ, послѣ смотра, Суворовъ сдѣлалъ выходку другого рода и еще болѣе причудливую, притомъ въ присутствіи большого и избраннаго общества. Государыня, всегда щедрая, при настоящихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ обстановки и новыхъ впечатлѣній, отличалась особенною благосклонностью къ заслужившимъ ея вниманіе; милости ея лились широко. Раздавая награды въ Кременчугѣ, окруженная огромной свитой, она обратилась къ Суворову съ вопросомъ, чѣмъ можетъ выразить ему свою благодарность. Живой, подвижной какъ ртуть, Суворовъ отвѣчалъ кланяясь, что задолжалъ за квартиру нѣсколько рублей и просилъ бы заплатить.

Суворовъ сопровождалъ Екатерину въ дальнѣйшей ея поѣздкѣ, причемъ былъ представленъ Австрійскому императору Іосифу и бесѣдовалъ съ нимъ не разъ о предметахъ военныхъ и политическихъ. Изъ Херсона Императрица поѣхала въ Крымъ; Суворовъ вернулся къ своему посту и при д. Бланкитной сформировалъ лагерь войскъ. Онъ встрѣтилъ Екатерину на обрат-

номъ ея пути и проѣхалъ въ ея свитѣ до Полтавы. Тутъ Потемкинъ устроилъ маневры войскъ, воспроизводившіе знаменитую побѣду Петра Великаго надъ Шведами; по нѣкоторымъ извѣстіямъ Суворовъ принималъ въ нихъ тоже участіе. Въ Полтавѣ Потемкинъ и Суворовъ откланялись Императрицѣ, отъѣзжавшей въ Москву; Государыня разсталась съ Потемкинымъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, пожаловавъ ему титулъ *Таврическаго*, а Суворову подарила табакерку со своимъ вензелемъ. Суворовъ принялъ ее какъ знакъ милости, и одному изъ управляющихъ его имѣніями писалъ по этому случаю: «а я за гулянье получилъ табакерку въ 7,000 рублей».

Такъ кончилось блистательное мирное торжество Екатерины. Оно было кануномъ новой войны, новой жатвы лавровъ, львиная доля которыхъ досталась Суворову.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Въ помѣстьяхъ и вотчинахъ; семейныя дѣла.

1775—1796.

По условіямъ своей жизни и продолжительной службы, Суворовъ никогда не могъ быть помѣщикомъ и сельскимъ хозяиномъ въ настоящемъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе онъ всегда стоялъ, или старался стоять, на стражѣ своихъ интересовъ и давалъ, или пытался давать, своимъ хозяйственнымъ дѣламъ направленіе. Изъ 25 лѣтъ, протекшихъ послѣ смерти отца, въ первую половину непосредственное его участіе въ дѣлахъ было большее, во вторую меньшее. Такое подраздѣленіе зависѣло главнымъ образомъ отъ развитія его военной карьеры: въ 1789 году онъ вдругъ выдвинулся далеко впередъ и потому съ удвоенной силой отдался своему призванію, а остальное отошло на задній планъ.

Скажемъ предварительно нѣсколько словъ объ его отцѣ. Василій Ивановичъ Суворовъ былъ на государственной службѣ лицомъ довольно виднымъ. Онъ состоялъ членомъ военной коллегіи, былъ сенаторомъ; въ Семилѣтнюю войну имѣлъ важныя порученія и исполнилъ ихъ хорошо. Въ 1762 году, 28 іюня, въ день вступленія на престолъ Екатерины II, онъ назначенъ въ Преображенскій полкъ премьеръ-майоромъ, ибо игралъ роль при ея воцареніи; еще раньше, въ томъ же году, опредѣленъ губернаторомъ въ Тобольскъ, но туда не поѣхалъ; мы его на-

ходимъ въ числѣ лицъ, долженствовавшихъ ѣхать въ Москву, на коронацію; въ слѣдующемъ году онъ произведенъ въ генералъ-аншефы. Екатерина возлагала на него разныя порученія, какъ на лицо, пользовавшееся полною ея довѣренностью. Такъ, въ 1762 году ему были поручены разборка, опросъ и отправленіе во свояси Голстинцовъ, на что и отпущено въ его распоряженіе 7000 рублей. Василій Ивановичъ повершилъ это дѣло успѣшно и представилъ больше 3000 р. экономіи; Государыня подарила эти деньги ему. Затѣмъ онъ состоялъ предсѣдателемъ московской комиссіи по продажѣ засѣкъ и членомъ такъ называемой духовной комиссіи (по отобранію крестьянъ отъ монастырей) и вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ производилъ розыскъ по поводу непристойныхъ словъ о Государынѣ, слышанныхъ Еханинымъ и Кобелевымъ. Ему же Государыня довѣрила разслѣдованіе по двумъ дѣламъ, имѣвшимъ для нея первостепенную важность. У Екатерины были враги, которые при вступленіи ея на престолъ, старались протувупоставить ей соперниковъ или создать иныя угрозы. Такъ въ октябрѣ 1762 года, въ Москвѣ, была учреждена комиссія изъ фельдмаршала графа Разумовскаго, генералъ-поручика Водковскаго и Суворова для разслѣдованія дѣла, гдѣ выставлялись права на престолъ Ивана Антоновича и Павла Петровича, въ ущербъ Екатеринѣ. Рѣшено: одному Хрущову и одному Гурьеву вѣчная ссылка въ Камчатку, двумъ Гурьевымъ въ Якутскъ, другому Хрущову въ свои деревни. Затѣмъ въ маѣ 1763 года была учреждена слѣдственная комиссія изъ Суворова съ членами князьями Волконскимъ и Черкасскимъ, по распространившемуся слуху о вступленіи Екатерины въ бракъ съ Григоріемъ Орловымъ, что весьма осуждалось, такъ что предполагалось даже Григорія Орлова убить. При этомъ указывалось, что первоначально Екатерина соглашалась быть не императрицей, а только правительницей. Дѣло это производилось очень секретно; рѣшено административнымъ порядкомъ выслать Хитрова въ деревню, а Рославлева посадить въ крѣпость. Вообще Государыня относилась къ Василію Ивановичу Суворову доброжелательно, собственноручными записками благодарила его за хорошія распоряженія, за вѣрную службу, называла его «честнымъ человѣкомъ», «праведнымъ судьей». Такимъ образомъ,

на благосклонность Государыни и вообще на свою службу Василій Ивановичъ жаловаться не имѣлъ повода, и если въ 1768 году вышелъ въ отставку, то вѣроятно лишь потому, что былъ уже старъ и чувствовалъ потребность въ отдыхѣ.

На этотъ шагъ, быть можетъ, побуждали его и чисто экономическія соображенія. На службѣ онъ получалъ награды, въ томъ числѣ вѣроятно и денежныя, но случайно, на манеръ остатка отъ голстинской операціи. Ни про подарки большой цѣнности, ни про жалованныя деревни или земли нигдѣ не упоминается. А у Василія Ивановича время было деньги, такъ какъ всѣ служебные досуги онъ употреблялъ на устройство своихъ имѣній и на веденіе въ нихъ хозяйства; слѣдовательно оставить подъ старость службу былъ ему чистый расчетъ, при условіи полученія хорошей пенсіи. Онъ такъ и сдѣлалъ и пенсію получилъ хорошую, въ 3600 рублей. Такимъ образомъ онъ покинулъ службу вполнѣ обезпеченный, даже съ излишкомъ, потому что жены на свѣтѣ давно уже не было, обѣ дочери находились въ замужествѣ, а сынъ твердо стоялъ на своихъ ногахъ и у отца никогда ничего не просилъ.

Собирать, копить, наживать—было въ его натурѣ. Онъ началъ прикупать имѣнія съ 1732 года, будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Состояніе его росло не очень быстро, но очень прочно. Давая въ долгъ деньги одному, занимая ихъ у другого, зорко наблюдая за ходомъ деревенскаго хозяйства, Василій Ивановичъ къ концу своей жизни разбогатѣлъ замѣтно. Въ 1760-хъ годахъ онъ могъ уже купить село Кончанское за 22.000 рублей и дать обѣимъ дочерямъ приданое—одной 17,000 р., другой вѣроятно столько же, и все это въ продолженіе какихъ нибудь 3—4 лѣтъ. Умирая въ 1775 году, онъ оставилъ сыну весьма порядочныя и благоустроенныя имѣнія, въ которыхъ числилось 1,895 душъ мужского пола.

Эта же самая черта бережливости была присуща и Суворову-сыну; но такъ какъ отецъ и сынъ были люди совершенно другъ съ другомъ не сходные, то и въ общемъ ихъ свойствѣ существовала большая между ними разница. Василій Ивановичъ былъ всегда неизмѣнно скупъ; Александръ Васильевичъ иногда переходилъ отъ крайней бережливости къ широкой щедрости,

въ чемъ читатель убѣдится мало по малу впослѣдствіи. Временемъ наибольшаго развитія его хозяйственной дѣятельности въ имѣніяхъ была середина 70-хъ годовъ, когда послѣ смерти отца ему пришлось принимать наслѣдство, и затѣмъ середина 80-хъ годовъ, когда по условіямъ службы онъ могъ болѣе, чѣмъ когда либо, заняться своими собственными дѣлами.

Съ весны 1784 до осени 1785 года Суворовъ проживалъ въ своихъ имѣніяхъ Ундолѣ и Кистони (владимірскаго намѣстничества). Село Кончанское (новгородской губерніи), впослѣдствіи столь извѣстное, онъ посѣтилъ въ первый разъ почти черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти отца. Затѣмъ въ остальное время 70-хъ, 80-хъ и начала 90-хъ годовъ онъ посѣщалъ иногда то или другое изъ своихъ имѣній, весьма не на долго; подобные наѣзды имѣли легкое ревизіонное или контрольное значеніе и глубокаго слѣда по себѣ не оставляли.

Имѣнія Суворова были раскинуты по губерніи московской и намѣстничествамъ владимірскому, костромскому, пензенскому и новгородскому; кромѣ того онъ имѣлъ домъ въ Москвѣ, у Никитскихъ воротъ, а потомъ и въ Петербургѣ. Сначала онъ держалъ управляющихъ по отдѣльнымъ имѣніямъ, но въ 1779 году поставилъ надъ ними что то въ родѣ главнаго, отношенія котораго къ остальнымъ представляются впрочемъ нѣсколько темными. Это былъ довольно крупный московскій дѣлецъ, статскій совѣтникъ Терентій Ивановичъ Черкасовъ. Въ одномъ документѣ онъ названъ стряпчимъ, въ другомъ опекуномъ; вѣрющимъ письмомъ Суворова, 7 сентября 1779 года, поручено ему содержать въ своемъ присмотрѣ московскій домъ и деревни, распоряжать дворовыми людьми и крестьянами, подавать отъ имени Суворова челобитныя, покупать смежныя земли, занимать въ банкѣ деньги. Жалованье онъ получалъ очень значительное, 500 р. въ годъ, ибо Суворовъ взялъ его какъ великаго знатока приказныхъ дѣлъ. Черкасовъ всѣми силами старался удержаться на этой высотѣ во мнѣніи своего довѣрителя, забрасывая его своею дѣловою мудростью и опытностью, но не съумѣлъ выдержать роль. Сначала онъ маскировалъ тщательно правду и отводилъ глаза съ помощью разныхъ увертокъ и фортелей, но потомъ сталъ обманывать довольно открыто и безцеремонно. То

поддѣлываясь подъ Суворова, онъ увѣрялъ его, что по дѣламъ «обращается со стремительностью»; то внушалъ ему многозначительно, что у него, Черкасова, «есть при дворѣ хотя изъ небольшихъ, но хорошіе друзья»; то замѣтивъ въ Суворовѣ любовь къ литературѣ, писалъ ему стихами, ужасными по своей дубоватости и нескладицѣ, причемъ кадилъ его военнымъ достоинствамъ и, пользуясь случаемъ, просилъ «о возведеніи въ жребій счастливости своего сына Ивана». Въ то же самое время онъ бралъ у крестьянъ деньги и не давалъ росписокъ; прикупая для Суворова деревни, взималъ въ свою пользу крупный процентъ съ продавцовъ, а на Суворова насчитывалъ двойныя за купчую пошлины; дѣлая по его порученію въ Москвѣ покупки, ставилъ высокія цѣны, даже на предметы общеизвѣстные. Убѣждаясь въ недобросовѣстности своего повѣреннаго, Суворовъ рѣшился отъ него избавиться, но сдѣлалъ это далеко не сразу, а по прошествіи лишь 5 лѣтъ.

Такому рѣшенію предшествовала довольно длинная переписка съ управляющимъ московскимъ домомъ Кузнецовымъ и преподаніе ему разныхъ наставленій. Суворовъ говоритъ, что платитъ деньги «велерѣчивому юристу Терентію» только по давней привычкѣ; что въ сущности онъ совсѣмъ не нуженъ и даже вреденъ; что «у одной кости двумъ собакамъ быть нельзя»; что «невозможно стоять ради его всегда на караулѣ». Онъ приказываетъ рѣшительно отъ Черкасова сторониться, не допускать его къ деньгамъ, отбирать отъ него дѣла. Онъ предупреждаетъ Кузнецова, что Черкасовъ будетъ обѣщать, тонировать, пугать, мудрить, знахарить, оттягивать и утверждать его, Кузнецова, въ невѣжествѣ. «Отбери отъ него дѣла и узнаешь все колдовство; красны бубны за горами. По апеляціонному дѣлу тебѣ нужно было самому челобитную написать, т.-е. доброму приказному дать рубль, колпакъ водки, стопку пива, и тогда бы не было нужды въ Терентіѣ». Чтобы разстаться съ Черкасовымъ безъ большой непріязни, Суворовъ приказываетъ: «учини ему послѣдній подарокъ по твоему вкусу, рублей во сто какую-нибудь вещь, или деньгами отсыпь». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сильно побаивается дурныхъ послѣдствій такого рѣшительнаго шага и предупреждаетъ Кузнецова: «лишась знатныхъ отъ меня доходовъ,

онъ долженъ идти на мщеніе; буде отъ него неистовыя разглашенія будутъ, то объ его облупленіи меня ты и самъ всюду разглашай; только не начинай самъ, а лишь ему этимъ разглашеніемъ плати, доколѣ не уймется».

Впослѣдствіи, въ 90-хъ годахъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, самымъ довѣреннымъ лицомъ сдѣлался у Суворова его родственникъ Хвостовъ, хотя въ формальномъ смыслѣ управителемъ не былъ и вознагражденія не получалъ. До тѣхъ же поръ, послѣ Черкасова, у Суворова такого довѣреннаго лица не было, а посредствующимъ лицомъ между нимъ и его управляющими служилъ иногда зять его, оставной генералъ-поручикъ князь И. Р. Горчаковъ, жившій въ Москвѣ.

Новгородскими деревнями заправлялъ отставной военный, старый служака, А. М. Балкъ, одинъ изъ сосѣдей Суворова. Это былъ человѣкъ неглупый, съ образованіемъ, почтенный и честный, но характера деспотическаго. Онъ безпрестанно жаловался Суворову на Черкасова, на непослушаніе крестьянъ и ихъ ближайшихъ властей, заковывалъ недоимщиковъ въ желѣза, грозилъ другимъ провинившимся: «берегитесь, чтобы я не видалъ вашихъ спинъ». Суворовъ сдерживалъ слишкомъ энергическаго старика и запрещалъ ему крайнія мѣры. Балкъ объяснялъ, что поступаетъ такимъ образомъ лишь страха ради, что на руку не дерзокъ и держится пословицы—«замахнись, да не ударь». Но это мало успокоивало Суворова, тѣмъ болѣе, что по признанію самого Балка, крестьяне собирались его подстрѣлить. По этой ли причинѣ, или по какой другой, но Балкъ вскорѣ пересталъ фигурировать на страницахъ вотчинныхъ дѣлъ, и управляющимъ новгородскими имѣніями является другой сосѣдъ Суворова, отставной подполковникъ Р. Я. Качаловъ, а его подручнымъ—тоже сосѣдъ, отставной поручикъ изъ мелкопомѣстныхъ, С. Т. Румянцевъ; впослѣдствіи же вмѣсто Качалова является Н. А. Балкъ, сынъ перваго.

Качалова удостоивалъ Суворовъ большой довѣренности; называлъ его въ глаза и за глаза благоразумнымъ, честнымъ, добродѣтельнымъ человѣкомъ; говорилъ, что питаетъ къ нему полное довѣріе больше, чѣмъ къ себѣ, за его знанія, дарованія и честные нравы. Въ письмахъ своихъ къ нему, Суворовъ не

скупится на выраженія благодарности, проситъ распоряжаться всѣмъ съ полною свободою и совѣтуетъ не вѣрить «ни чьему суемудрію, ниже моему». Хороши были отношенія и къ Румянцеву, но не въ столь изысканно-любезной формѣ и не безъ довольно жосткаго тона, когда Румянцеву случалось крупно проштрафиться. Онъ былъ человѣкъ неподвижный, больной, а можетъ быть и лѣнивый, и исполнялъ свои обязанности плохо.

Контингентъ управляющихъ и вѣдающихъ хозяйственными дѣлами Суворова, особенно въ районахъ, близкихъ къ его мѣстопребыванію, состоялъ, въ серединѣ 80-хъ годовъ, преимущественно изъ офицеровъ, ему подчиненныхъ; переписку съ ними велъ одинъ изъ его адъютантовъ, племянникъ. Такіе порядки, хотя и незаконные, были тогда во всеобщемъ обычаѣ, ибо механизмъ управленія обходился сравнительно дешево, и кромѣ того обезпечивалась военная исполнительность.

Отношенія Суворова къ управляющимъ изъ подчиненныхъ были приличныя и человѣчныя, но болѣе фамильярны, чѣмъ съ посторонними. Образцомъ можетъ служить довольно обширная его переписка съ поручикомъ Кузнецовымъ, Степаномъ Матвѣевичемъ, вѣдавшимъ его дѣлами собственно въ Москвѣ. Суворовъ звалъ его просто *Матвѣичемъ*, писалъ ему *ты*, къ дальнимъ церемоніямъ и комплиментамъ не прибѣгалъ, отдавалъ приказанія категорическія, коротко, по военному. Нѣтъ такихъ дѣлъ, которыя не приходилось бы исполнять Матвѣичу, и исполнялъ онъ ихъ съ точностью и акуратностью. Будучи Матвѣичемъ доволенъ, Суворовъ иногда оканчиваетъ свои къ нему письма такимъ выраженіемъ удовольствія: «хорошо и здравствуй». Проскакиваетъ также при случаѣ и обычный Суворовскій юморъ. Матвѣичъ какъ-то задержалъ у себя въ Москвѣ нѣсколько коровъ, чтобы пользоваться онъ нихъ молокомъ и масломъ. Въ другой разъ онъ задержалъ лошадей. Суворовъ пишетъ ему: «Мнѣ подлинно мудрено, какъ ты по сіе время мою тройку лошадей съ повозкою сюда не отправилъ... Вѣдъ отъ лошадей нѣтъ масла».

У Суворова правили дѣломъ не одни управляющіе, а также и міръ; каждому была своя сфера. Съ міромъ онъ чинился меньше, чѣмъ съ управляющими, часто выражалъ свое неудо-

вольствіе, стращалъ, грозилъ. Поводовъ къ неудовольстію всегда было много, такъ какъ всякая новизна сильно смущала консервативный сельскій людъ, который почтительно, но настойчиво защищалъ установившіеся порядки, и сломить его пассивное упорство было не легко. Были и другія причины, сердившія часто Суворова; между ними не послѣдняя—нелюбовь міра къ бумагѣ, къ писанію, а между тѣмъ помѣщикъ требовалъ періодическихъ правильныхъ донесеній. Правда, онъ терпѣть не могъ многописанія и требовалъ донесеній короткихъ, точныхъ, безъ всякихъ пустяковъ, но это для міра было еще труднѣе. Грамотеевъ и писарей было очень мало, и если кто изъ нихъ возвышался надъ уровнемъ, то Суворовъ старался создать изъ такихъ рѣдкихъ людей своихъ собственныхъ дѣльцовъ. Таковъ былъ крестьянинъ Миронъ Антоновъ, который даже послѣ смерти Суворова продолжалъ вести нѣкоторыя довольно важныя дѣла по новгородскимъ имѣніямъ. Суворовъ цѣнилъ его, показывалъ большое къ нему довѣріе и награждалъ его по временамъ деньгами; награды эти впрочемъ особенною щедростью не отличались.

Старался онъ приспособить къ такой дѣятельности и своихъ управителей изъ офицеровъ, особенно Матвѣича, жившаго въ центрѣ приказныхъ дѣлъ, въ Москвѣ, — такъ какъ очень побаивался и не долюбливалъ лицъ, въ родѣ Черкасова, съ ихъ системою «облупленія» своего довѣрителя. Суворовъ увѣряетъ своего адъютанта, что ничего тутъ хитраго нѣтъ, стóитъ только вникнуть со вниманіемъ, и все мудреное окажется совершенно простымъ. «Юристамъ я не вѣрю, съ ними не знаюсь, они ябедники», такъ поясняетъ Суворовъ свое желаніе. «Апеляція только ябеда», говоритъ онъ по другому случаю и приказываетъ иногда идти на мировую во что бы то ни стало. При тѣхъ дѣлахъ, когда приходилось вѣдаться съ приказами и судами, неизбѣжны были посулы, задабриванья, подарки. Представляемые Суворову отчеты полны подобнаго рода издержками; онъ смотритъ на нихъ, какъ на расходъ неизбѣжный и даже самъ указываетъ на эти средства, какъ на пріемы самые вѣрные къ ускоренному рѣшенію дѣлъ. Такъ, онъ пишетъ Матвѣичу: «можешь подарить денегъ губернаторскому фавориту, коли хочешь, чтобы онъ его наклонилъ». Въ другомъ мѣстѣ совѣтуетъ тому подарить, дру-

гого угостить, третьему поднести. Онъ смотрѣлъ на все это, какъ на дѣло естественное, какъ на вознагражденіе посторонняго лица за лишній въ пользу его, Суворова, подъятый трудъ. Нравственное чувство Суворова сказывалось въ иномъ, гдѣ у другихъ оно молчало и донынѣ зачастую молчитъ. Онъ возмущался напримѣръ всякимъ предложеніемъ—обсчитать противника или казну съ помощью какого-нибудь приказнаго ухищренія, отбыть отъ установленныхъ пошлинъ или уменьшить ихъ цифру чрезъ написаніе документа въ меньшей противу дѣйствительнаго суммѣ.

Суворовъ покупалъ не мало; у него была наклонность къ пріобрѣтенію. Онъ пишетъ Матвѣичу прямо, что по примѣру отца хочетъ прикупать деревни, поясняя: «я не расточать, а собирать желаю». Разница однако въ томъ, что у сына не было жажды пріобрѣтенія, обращающей средство въ цѣль. Для себя самого ему требовалось очень немногое не потому, что одолѣвала страсть копить, а копилъ онъ потому, что на прожитокъ требовалось очень мало. Ограниченность потребностей дозволила ему начать свои сбереженія довольно рано. Въ 1767 году, будучи полковымъ командиромъ, онъ купилъ землю «200 четвертей въ полѣ, а въ двухъ потому жъ». Правда, еще раньше (1758) онъ имѣлъ уже свое собственное небольшое имѣніе, доставшееся ему по смерти его матери, слѣдовательно, сберегать было уже изъ чего. Въ 1775 году онъ наслѣдовалъ все состояніе скончавшагося отца, вскорѣ началъ прикупать имѣнія и въ продолженіе 9—10 лѣтъ успѣлъ пріобрѣсти до 1500 душъ, считая оба пола. Покупки онъ дѣлалъ въ районѣ своихъ имѣній, покупая значительною частью у небогатыхъ родственниковъ, плохо хозяйничавшихъ. Онъ наблюдалъ и своимъ управляющимъ приказывалъ наблюдать, не замотается ли кто изъ сосѣдей и не вздумаетъ ли продавать имѣніе; въ утвердительномъ случаѣ Суворовъ являлся покупщикомъ.

Суворовскія имѣнія были оброчныя; Суворовъ нѣсколько увеличилъ цифру оброка противъ существовавшей при Василіѣ Ивановичѣ, но зато уничтожилъ поборы натурой, какъ наиболѣе обременительные для крестьянъ. Лѣтъ черезъ 10 или 11 онъ повысилъ оброкъ еще на рубль, причемъ въ трехъ вотчинахъ добавочный рубль назначилъ на строеніе церкви и на содержа-

ніе причта. Изъ оброчныхъ денегъ кончанскаго имѣнія онъ опредѣлилъ на домашніе расходы по усадьбѣ, на дворовыхъ и проч. 500 рублей, и такимъ образомъ изъ 4000-наго кончанскаго оброка самъ получалъ всего 2,500 р. Излагая все это въ инструкціи «старостѣ со крестьяны», онъ между прочимъ говоритъ: «если же на домашніе расходы противъ полагаемыхъ 500 рублей чего, паче чаянія, доставать не станетъ, то можно употребить изъ церковной тысячи рублей, только то дурно и стыдно». Впослѣдствіи, къ концу жизни Суворова, оброки были: въ одной вотчинѣ (въ Кончанскомъ) 4 рубля, въ четырехъ 5 рублей, въ одной 6 рублей.

Такое возростаніе было явленіемъ всеобщимъ; Суворовъ не опережалъ общаго теченія, а скорѣе отставалъ отъ него, т.-е. бралъ со своихъ крестьянъ меньше, чѣмъ многіе другіе. И точно, въ первую половину царствованія Екатерины, средняя цифра помѣщичьяго оброка простиралась до 2—3 рублей съ души; въ 80-хъ годахъ она повсемѣстно доходила не менѣе какъ до 4 р., а во многихъ имѣніяхъ гораздо больше; въ 90-хъ годахъ она повысилась среднимъ числомъ до 5 р., мѣстами же взималось 10, 15 и даже 20 рублей. Суворовскій оброкъ дѣйствительно не былъ высокъ, ибо Суворовъ неоднократно возлагалъ на ту или другую изъ своихъ волостей разные сверхъ-оброчные расходы, съ зачетомъ въ счетъ оброка будущаго года, а иногда прямо требовалъ часть будущаго оброка, и все это исполнялось повидимому легко, безъ дурныхъ для крестьянъ послѣдствій.

Хотя поборы натурой были Суворовымъ уничтожены тотчасъ послѣ смерти его отца, но съ крестьянъ взималось натурой многое, когда владѣлецъ жилъ въ своей усадьбѣ; только все это зачитывалось въ счетъ оброка. По обычаю повсемѣстному, перешедшему и въ позднѣйшее время, крестьяне, отсылая оброки, преподносили своему господину въ видѣ гостинца грибы, рыбу, дичину. Дѣлали это и Суворовскіе крѣпостные, и Суворовъ гостинцы принималъ, но не иначе, какъ въ зачетъ оброчной суммы; несомнѣнно по крайней мѣрѣ, что порядокъ этотъ соблюдался въ серединѣ 80-хъ годовъ. Тѣмъ не менѣе встрѣчаются временами натуральныя повинности, въ родѣ наряда подводъ, чистки прудовъ, возведенія и починки строеній; невозможно добраться—

даровыя онѣ или платежныя; но во всякомъ случаѣ онѣ немногочисленны.

Очень многое изъ личныхъ указаній Суворова имѣетъ значеніе не столько дѣйствительно существовавшаго, сколько взгляда Суворова на предметъ и усилій его — дать дѣлу извѣстное направленіе. Для насъ впрочемъ это и есть самое важное. Въ этомъ отношеніи, изъ числа сохранившихся документовъ, заслуживаютъ вниманія двѣ записки; обѣ онѣ относятся, по всей вѣроятности, къ 1780-мъ годамъ.

Въ одной изъ записокъ онъ пишетъ, что лѣнь крестьянъ порождается излишкомъ земли и легкими оброками. Многія земли пашутся безъ навоза, земля вырождается, являются неурожаи. Приказывается пахать подъ посѣвъ по числу скота, а неунавоженную землю пускать подъ луга. Рогатый скотъ размножать, расплодившуюся скотину не продававать и не рѣзать. У крестьянина Михаила Иванова одна корова: слѣдовало бы оштрафовать старосту и весь міръ за то, что это допустили. На первый и на послѣдній разъ прощается; Иванову купить корову на господскій счетъ, но отнюдь не въ потворство другимъ, и никому впредь на это не надѣяться. Крестьяне богатые должны помогать въ податяхъ и работахъ неимущимъ; изъ послѣднихъ особенно почитать тѣхъ, у кого много малолѣтнихъ дѣтей; того ради Иванову купить на господскій счетъ еще шапку въ рубль. Лѣнь исходитъ также изъ безначалія; оттого старостѣ быть не на годъ, а на три года.

По другой запискѣ или инструкціи, тягло накладывается съ 16 лѣтъ, несутъ его до 60-ти. Земля по тягламъ дѣлится выборными отъ міра присяжными, извѣстными своей честностью. На каждое тягло назначается по $2^1/_2$ десятины въ полѣ, всего $7^1/_2$, да луговой $2^1/_2$. Если останется пустующая земля, то пасти на ней скотъ, не отдавая подъ пашню въ наемъ, иначе ее выпашутъ. Лѣсъ дѣлиться на 20 частей; каждая часть назначается всѣмъ крестьянамъ на годъ; заказной лѣсъ хранится для построекъ. Подушный окладъ уплачивается по тягламъ, чтобы было легче тяглецамъ, имѣющимъ много ребятъ и престарѣлымъ. Число бобылей надо уменьшать; если кто изъ крестьянъ возьметъ бобыля въ свою семью, усыновитъ или женитъ, то на

него дается земля по положенію со льготою отъ вноса оброка на годъ. Учреждаются запасные магазины, куда со всякаго тягла собираются осенью по четверику ржи и овса, пока запаса накопится довольно на случай недорода. Вѣдаютъ магазиномъ выборные цѣловальники, подъ смотрѣніемъ бурмистра; они же собираютъ, складываютъ хлѣбъ и даютъ взаёмъ. Ссуда дѣлается дѣйствительно нуждающимся и возвращается по уборкѣ хлѣба съ прибавкой гарнца къ каждому четверику. При недостаткѣ земли на всѣ тягла, надо выводить людей на переселеніе, сначала домашнихъ воровъ, лѣнтяевъ и пьяницъ, затѣмъ по жребію. Переселеніе дѣлается на счетъ помѣщика; переселенцы продаютъ все свое совершенно свободно, даже озимыя поля, кои ими обработаны. Объявляется о переселеніи въ ноябрѣ, чтобы было довольно времени до судоходства или подножнаго корма. На новомъ мѣстѣ выдаются отъ барина избы, сѣмена на озимое и проч.; два года переселенцы не платятъ подушнаго и не вносятъ оброка.

Какъ человѣкъ бережливый и притомъ ненавидящій праздность, Суворовъ не слѣдовалъ крѣпостной модѣ—держать безъ всякой надобности цѣлыя толпы дворовыхъ, тѣмъ паче, что въ имѣніяхъ своихъ онъ живалъ рѣдко. Среднимъ числомъ, дворовыхъ насчитываютъ у помѣщиковъ того времени отъ 5 до 10 на 100 оброчныхъ или тяглыхъ, а у вельможъ и того больше. У Суворова было ихъ меньше; наприм. въ с. Кончанскомъ ихъ числилось въ 80-хъ годахъ 22 человѣка (на 1,000 душъ), не считая ихъ женъ и дѣтей; кромѣ того, на богадѣленномъ призрѣніи находилось двое военныхъ, 6 инвалидовъ и 4 вдовы. По крѣпостнымъ обычаямъ, дворня обыкновенно соединяла въ себѣ людей всевозможныхъ профессій. Такъ какъ въ имѣніяхъ Суворова дворня была сравнительно не велика, то и профессіи дворовыхъ не отличались такимъ разнообразіемъ, какъ у другихъ; но все-таки встрѣчаемъ у него поваровъ, кучеровъ, лакеевъ, фельдшеровъ и проч., которые въ тоже время бывали музыкантами, пѣвцами, актерами, или по крайней мѣрѣ владѣлецъ пытался ихъ сдѣлать такими. Суворовъ любилъ музыку и пѣніе, имѣлъ также склонность и къ драматическому искуству; въ немъ была потребность художественныхъ наслажденій, но не было ни

эстетическаго развитія, ни художественнаго чутья. Легко поэтому понять, что его доморощенные артисты представляли собой нѣчто карикатурное, или по меньшей мѣрѣ топорное.

При московскомъ домѣ находилось въ началѣ не мало дворни, въ томъ числѣ пѣвчіе и музыканты, которые держались въ Москвѣ для усовершенствованія, причемъ образцомъ имъ служили знаменитые Голицынскіе пѣвчіе. На музыку Суворовъ обращалъ всегда вниманіе при посѣщеніи и другихъ своихъ имѣній. Въ Петербургъ отсылались музыкальные инструменты для исправленія, и на это однажды израсходовано разомъ 200 рублей — расходъ, для бережливаго Суворова огромный. Куплены гусли, и для обученія на этомъ инструментѣ взятъ мастеръ; «для поправленія пѣвчихъ на италіанскій манеръ» выписанъ пѣвчій изъ Преображенскаго полка на жалованьѣ. Пріобрѣтались ноты; разъ были куплены симфоніи Плейеля, квинтеты, квартеты, серенады Вангали, тріо Крамера, 12 новыхъ контрдансовъ, 6 полонезовъ, 3 менуэта, нѣсколько церковныхъ концертовъ. Церковную музыку Суворовъ любилъ особенно.

Обучались также драматическому искуству. «Сіи науки у нихъ за плечами виснуть не будутъ», пишетъ Суворовъ изъ-подъ Кременчуга Качалову, когда казалось бы ему вовсе не до «сихъ наукъ». «Васька комикомъ хорошъ», сообщаетъ онъ въ другое время:—«а трагикомъ лучше будетъ Никита; только должно ему поучиться выраженію, что легко по запятымъ, точкамъ, двоеточіямъ, вопросительнымъ и восклицательнымъ знакамъ... Въ рифмахъ выйдетъ легко. Держаться надобно каданса въ стихахъ, подобно инструментальному такту, безъ чего ясности и сладости въ рѣчи не будетъ, ни восхищенія». Парикмахера Алексашку онъ приказываетъ обучать исподоволь французской грамматикѣ, а четырехъ мальчиковъ вообще «словесному».

Суворовъ не ограничался одними артистическими требованіями отъ своихъ дворовыхъ. Его всегда озабочивала ихъ праздность, и по своему обыкновенію онъ старался вытѣснить ее производительнымъ трудомъ. Сначала онъ совѣтуетъ привлекать ихъ къ занятію земледѣліемъ и огородничествомъ, потомъ говоритъ объ этомъ категоричнѣе, указываетъ на работы въ саду, приказываетъ назначить мѣсто для огородовъ, пашню,

чтобы сами добывали себѣ хлѣбъ; сѣнокосъ тому, кто пожелаетъ имѣть корову; выдавать на первый разъ господскія сѣмена, дарить прилежнымъ бороны, сохи или косы, употреблять на ихъ работы господскихъ лошадей. По всему однако видно, что желаніе его не очень прививалось къ дѣлу. Въ 90-хъ годахъ онъ снова пишетъ: «дворовыхъ людей на легкій промыселъ отпустить, лишь бы не забурлачили; остающимся вокальнымъ инструментамъ невозбранно пахать и садить: земли излишество, мнѣ не служатъ, служи себѣ и меньше празднаго на пороки». Въ особенности его удручаетъ дворецкій Николай Ярославцевъ. Побывавъ лично въ Кончанскѣ предъ отправленіемъ въ Кременчугъ, Суворовъ «засталъ Николашку больше лжецомъ и льстецомъ, нежели заботливымъ дворецкимъ; онъ столько былъ не человѣколюбивъ, что отъ него и невинные младенцы пострадали; музыка въ упадкѣ, аптечныхъ травъ не собираетъ; варя пива прокисла; приказный Ерофеевъ при немъ забылъ грамотѣ». Суворовъ сильно не долюбливаетъ этого дворецкаго, называетъ его «франтомъ», но все-таки держитъ. Ярославцевъ былъ, что называется выжига, мастеръ на всѣ руки; онъ съумѣлъ сдѣлаться для Суворова и его управляющихъ человѣкомъ необходимымъ, а потому и держался на своемъ мѣстѣ, несмотря ни на что.

Не меньше принципа трудолюбія руководила имъ и бережливость; она отражается на послѣднихъ мелочахъ. Снабжая своего управляющаго наставленіемъ на счетъ дворни, онъ пускается въ подробности о сбереженіи новаго платья. Живя по временамъ въ Петербургѣ, онъ приказываетъ присылать туда лошадей, такъ какъ наемъ дорогъ. Онъ не хочетъ тратить денегъ и на лѣкарства, велитъ написать Матвѣичу, чтобы тотъ «нашелъ въ Московской дивизіи штабъ-лѣкаря, приласкалъ его и попросилъ по приложенному рецепту лѣкарствъ, ибо генералитету изъ главной казенной аптеки выдаютъ медикаменты даромъ». Наконецъ, тоже въ видахъ экономіи, онъ приказываетъ Матвѣичу «писать часто, но кратко и мелко, безъ дальнихъ комплиментовъ, чтобы на почту меньше денегъ выходило. За приносъ писемъ не давать, а лучше самимъ на почтѣ брать».

Тогдашній способъ комплектованія арміи отрывалъ крестьянъ отъ дома и семьи почти на всю жизнь и во всякомъ

случаѣ дѣлалъ ихъ, по отбытіи службы, негодными къ прежнимъ занятіямъ. Въ деревняхъ убыль человѣка изъ семьи была для нея истиннымъ бѣдствіемъ и иногда оставляла неизгладимый слѣдъ. Суворовъ постановилъ обязательнымъ для всѣхъ имѣній правиломъ—своихъ людей въ рекруты не отдавать, а покупать со стороны. Въ подобныхъ людяхъ недостатка не могло быть; торговля крѣпостными людьми считалась тогда дѣломъ довольно обычнымъ; ихъ даже возили по ярмаркамъ и выставляли на базарныхъ площадяхъ, а у многихъ неразборчивость въ выборѣ средствъ наживы доходила до того, что негодящихся въ рекруты отправляли въ Сибирь на поселеніе, взачетъ ближайшаго рекрутскаго набора, и зачетными квитанціями торговали. Цѣны на людской товаръ существовали различныя: парни, годные въ рекруты, стоили отъ 150 до 300 рублей и выше, смотря по спросу и по мѣстнымъ условіямъ. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовался Суворовъ. Онъ приказалъ покупать для рекрутства чужихъ людей, разверстывая цѣну рекрута по имуществу каждаго, всѣмъ міромъ, при священникѣ, и въ подмогу міру опредѣлилъ отъ себя по 75 рублей за каждаго.

Одна деревня поблагодарила за это распоряженіе, но въ остальныхъ поднялся вопль. Стали указывать, что при покойномъ родителѣ этого не водилось, и крестьянамъ было легче; что уже другой годъ неурожай, продавать нечего, отъ скудости крестьяне пришли въ упадокъ, и тому подобное. Одна вотчина объясняла, что въ ней есть бобыль, который податей не платитъ, не работаетъ и годами шатается невѣдомо гдѣ; того ради староста съ выборными проситъ милости, чтобы того бобыля за все крестьянство отдать въ рекруты. Суворовъ разсердился и приказалъ рекрута купить непремѣнно и впредь покупать, иначе грозилъ старостѣ и прочимъ розгами. Бобылю не слѣдовало дозволять бродяжничать: «въ сей же мясоѣдъ его женить и завести ему міромъ хозяйство; буде же замѣшкаетесь, я велю его женить на вашей первостатейной дѣвицѣ». Приказъ подѣйствовалъ, но крестьянъ нисколько не убѣдилъ.

Однимъ изъ поводовъ къ освобожденію вотчинъ отъ поставки своихъ рекрутъ натурою, былъ малый приростъ населенія, Суворовымъ замѣченный. Это же обстоятельство побуж-

дало его всячески поощрять браки и вообще способствовать увеличенію семей. «Крестьянинъ богатѣетъ не деньгами, а дѣтьми; отъ дѣтей ему и деньги», говорилъ и писалъ онъ постоянно. Прибѣгалъ онъ и къ другимъ резонамъ: «Богу не угодно, что не множатся люди; не весьма взирать на богатство, понеже у Бога богатый оскудѣетъ, а скудный обогатѣетъ». По крѣпостнымъ обычаямъ, онъ не долго раздумывалъ на счетъ браковъ крестьянъ и особенно дворовыхъ; если они не спѣшили, и напоминанія помѣщика не производили дѣйствія, то нерѣдко отдавался лаконическій приказъ: «женить такихъ-то на такихъ-то въ такой-то срокъ». Въ письмахъ его къ управляющимъ и міру безпрестанно встрѣчаемъ напоминанія или приказанія въ родѣ такого: «дворовые парни какъ дубы выросли, купить дѣвокъ»; «вдовцамъ такимъ-то надлежало бы первѣе всего жениться». При недостаткѣ своихъ невѣстъ и дороговизнѣ чужихъ, дѣлался иногда выводъ дѣвицъ изъ однѣхъ вотчинъ въ другія, на довольно далекія разстоянія, съ назначеніемъ отъ помѣщика подмоги до 200 рублей. «Лица не разбирать, лишь бы здоровы были. Дѣвицъ отправлять на крестьянскихъ подводахъ, безъ нарядовъ, однѣхъ за другими, какъ возятъ куръ, но очень сохранно». Оброчнымъ крестьянамъ тоже была отъ помѣщика подмога за невѣстъ со стороны, но только 10 рублей.

Практиковалось и нѣчто въ родѣ премій или наградъ за многоплодіе. Кухмистеру Сидору «съ его супругою» приказано выдавать на дѣтей провіантъ—до 5-лѣтняго возраста половинный, а послѣ того полный, какъ взрослымъ; на каждаго новорожденнаго кромѣ того по рублю единовременно, «для поощренія дѣтородства». Полякову, за многоплодіе, куплена и подарена хорошая господская шляпа, хозяйкѣ его хорошій кокошникъ. Дѣлалось это не въ видѣ единичныхъ случаевъ, а довольно часто.

Не только о количествѣ дѣтей Суворовъ заботился, но старался также наблюдать, чтобы уходъ за ними былъ внимательный и человѣколюбивый. Онъ очень любилъ «ребятокъ». Въ одной изъ своихъ записокъ онъ приказываетъ міру крѣпко смотрѣть за нерадивыми отцами и не дозволять младенцевъ, особенно въ осенѣ, носить по избамъ, «отчего чинится напрасная

смерть». Въ другомъ приказѣ онъ пишетъ: «ундольскіе крестьяне не чадолюбивы и недавно въ малыхъ дѣтяхъ терпѣли жалостный убытокъ; это отъ собственнаго небреженія, а не отъ посѣщенія Божія, ибо Богъ злу не виновенъ... Сіе есть человѣкоубійство, важнѣе самоубійства; порочный, корыстолюбивый постой проѣзжихъ тому главною причиной, ибо въ такомъ случаѣ пекутся о постояльцахъ, а дѣтей не блюдутъ». На томъ же самомъ основаніи онъ не допускалъ въ своей подмосковной деревнѣ (Рождественѣ) пріемъ питомцевъ воспитательнаго дома. Отвращая эксплуатацію дѣтей ихъ родителями, онъ ставилъ правиломъ, чтобы малолѣтнихъ ребятъ, не имѣющихъ 13 лѣтъ, никогда вмѣсто ихъ матерей на работу не посылать.

Впрочемъ его человѣколюбивое чувство не ограничивалось дѣтьми, а распространялось вообще на бѣдствующихъ и неимущихъ, если не пороки привели ихъ къ несчастью. Вновь прибавившимся покупкою отъ сосѣдей неимущимъ крестьянамъ онъ приказываетъ пособлять міромъ, рѣшая это дѣло собща, при священникѣ, но не иначе, какъ заимообразно, дабы тутъ не было никакого дара. Разрѣшая рубить и валить лѣсъ для пожоговъ и пашни въ извѣстныхъ мѣстахъ, онъ велитъ «удовольствовать прежде скудныхъ, а засимъ уже достаточныхъ, совмѣстнымъ разсмотрѣніемъ, при священникѣ». На этомъ же основаніи онъ запрещаетъ торговать солью перекупщикамъ, а покупать ее велитъ опять-таки міромъ и дѣлить купленную соль въ самый день ея привоза. Уважая и поддерживая постоянно значеніе міра, Суворовъ однако слѣдитъ зорко, или по крайней мѣрѣ старается слѣдить, за злоупотребленіями богатыхъ и вліятельныхъ людей, оберегая отъ нихъ бѣдняковъ и захудалыхъ. Онъ приказываетъ міру пособлять старымъ и увѣчнымъ вдовамъ, не дозволяя имъ нищенствовать и даетъ иногда пособіе отъ себя. Въ с. Кончанскомъ проживало постоянно, много лѣтъ сряду, 6 человѣкъ инвалидовъ; они получали по 10 руб. въ годъ, имѣли отъ помѣщика жилье и кромѣ того нѣкоторое содержаніе натурой. Временами на такомъ положеніи являются и другіе люди. Не забываетъ Суворовъ прежнюю службу даже 4-хъ лошадей своихъ.

Жила у Суворова въ имѣніи, на его пенсіи, и болѣе круп-

ная пенсіонерка, вдова капитана Мейера, въ продолженіе лѣтъ 10, а можетъ быть и больше. «Мейерша» жила въ Кончанскомъ, въ помѣщичьемъ домѣ, имѣла 3 дочерей; на нее расходовалось въ общемъ итогѣ до 200 р. въ годъ, кромѣ такихъ единовременныхъ издержекъ, какъ постройка новой избы, поѣздка въ Петербургъ и др. Наконецъ она вздумала совсѣмъ перебраться въ Петербургъ; пенсіонъ ей продолжался и тамъ. По какимъ побужденіямъ Суворовъ ей благодѣтельствовалъ, остается неизвѣстнымъ, только это не было послѣдствіемъ сердечной связи или чего нибудь подобнаго. Другой крупный пенсіонеръ, по обязательству, былъ троюродный его братъ, «малоумный» Никита, имѣніемъ котораго Суворовъ владѣлъ на условіи—выплачивать ему ежегодный пенсіонъ въ 224 рубля. Первые годы пенсія выплачивалась именно въ этой цифрѣ, но потомъ Суворовъ увеличилъ ее сначала до 360, затѣмъ до 500 рублей. Не была забыта и служба камердинера Суворова, Прохора. Въ 90-хъ годахъ велѣно производить его отцу, дворовому человѣку, годовую пенсію во сто рублей, а самому Прохору обѣщаны вольная и сумма въ 5000 рублей, что и было исполнено по смерти Суворова его сыномъ.

Выше мы видѣли, что Суворовъ удерживалъ отъ слишкомъ крутого обращенія съ крестьянами одного изъ своихъ управляющихъ. Однако онъ крестьянъ не баловалъ и иногда поступалъ съ ними довольно круто. Въ донесеніи къ нему міра одной изъ вотчинъ читаемъ: «Денисъ Никитинъ пойманъ въ полѣ съ чужими снопами, за что на сходѣ сѣченъ». Суворовъ пишетъ сбоку: «очень хорошо, впредь больше сѣчь». «Иванъ Сидоровъ пойманъ съ рожью въ гумнѣ и за это сѣченъ». — «И впредь не щадить». «Въ чужой деревнѣ пойманъ нашъ мужикъ Алексѣй Медвѣдевъ съ сѣномъ и за это сѣченъ». — «Ништо, и впредь хорошенько сѣчь». «Онъ же убоясь солдатства, топоромъ себѣ руку отрубилъ». — «Вы его грѣха причиной, за то васъ самихъ буду сѣчь; знать онъ слышалъ, что отъ меня не велѣно вамъ въ натурѣ рекрутъ своихъ отдавать». Въ приказѣ Суворова одной изъ вотчинъ значится: «крестьяне деревни Федорихи (двое), хотя исполняютъ таинства и обряды, но держатся суевѣріевъ, раскольническихъ правилъ, проклятыхъ св. отцами.

Если правда, высѣчь ихъ въ мірскомъ кругу розгами, какъ глупыхъ ребятишекъ. Если же будутъ являться бродяги, кои станутъ совращать въ расколъ, то ихъ ловить и метлами и вѣниками выгонять міромъ вонъ за свою межу».

Безусловныя приказанія о тѣлесныхъ взысканіяхъ встрѣчаются рѣдко; Суворовъ больше грозитъ и стращаетъ; да и отъ самихъ крестьянъ онъ не скрывалъ, что до тѣлесныхъ наказаній не охотникъ. Затѣмъ у него вовсе не практикуются такія наказанія, какія бывали у другихъ явленіемъ зауряднымъ: заковываніе въ цѣпи, надѣваніе рогатки на шею, батоги, плети и даже кнутъ. Графъ Румянцевъ былъ по тогдашнимъ понятіямъ помѣщикъ строгій, но вовсе не жестокій; сличеніе же его системы наказаній крестьянъ съ Суворовскою доказываетъ, что Суворовъ поступалъ со своими крѣпостными гораздо мягче.

Часто онъ прибѣгалъ къ наказаніямъ особаго рода. У крестьянина Калашникова умерла отъ оспы малолѣтняя дочка, и отецъ при этомъ сказалъ: «я радъ, что Богъ ее прибралъ, а то она намъ связала руки». По этому поводу Суворовъ приказываетъ: «Калашникова, при собраніи міра, отправить къ священнику и оставить на три дня въ церкви, чтобы священникъ наложилъ на него эпитемью... Старосту за несмотрѣніе поставить въ церковь на сутки, чтобы онъ молился на колѣняхъ и впредь крѣпко смотрѣлъ за нерадивыми о дѣтяхъ отцами». Встрѣчается даже такой случай: двое крестьянъ были изобличены во лжи; Суворовъ приказываетъ справить съ одного 5. съ другого 10 к. и отдать на церковь. Ложь и лесть онъ преслѣдуетъ постоянно; въ градаціи пороковъ онѣ занимаютъ, по его понятіямъ, едва ли не первое мѣсто, ибо подъ ними онъ подразумѣваетъ крайнюю людскую испорченность.

Въ трехъ изъ имѣній Суворова находились при усадьбахъ барскіе дома, которые впрочемъ были *барскими* только по назначенію, а не въ смыслѣ комфорта, или тѣмъ менѣе роскоши. Лучше другихъ былъ домъ въ Удолѣ, но и это случилось отчасти противъ воли Суворова. Онъ назначилъ на постройку дома 200 руб., а когда Черкасовъ сталъ доказывать, что такой малый домикъ «фамильной вашей особѣ неприличенъ», то Суворовъ согласился на 400 руб. Вышелъ домъ однако въ 800 руб.,

причемъ Черкасовъ увѣрялъ, что «самое существо съ моей стороны здѣсь безпорочное». Были при господскихъ домахъ и кое-какіе сады, но не важные; Суворовъ обратилъ на это вниманіе, велѣлъ садить сады, разводить фруктовыя деревья, исправлять огороды, заводить цвѣтники. Въ подмосковномъ селѣ Рождественѣ существовали оранжереи и поддерживались исправно.

Постоянною заботою Суворова были церкви. Значительная часть оброковъ шла на исправленіе старыхъ и на сооруженіе новыхъ. Въ новгородскомъ имѣніи, въ Сошинскомъ погостѣ, строилась каменная церковь, и строилась долго; хотя Суворовъ и торопилъ, но она при его жизни не была еще совершенно окончена. Воздвигалась также небольшая деревянная церковь въ Кончанскѣ, въ господскомъ саду. Паралельно съ заботами о церковныхъ зданіяхъ, утвари и вообще благолѣпіи, отдавались распоряженія о помѣщеніяхъ для причта и о его содержаніи; Суворовъ лишняго не давалъ, но въ необходимыхъ потребностяхъ церковный причтъ обезпечивалъ.

Какой же однако былъ конечный результатъ Суворовскаго хозяйства въ имѣніяхъ?

Если принять въ соображеніе, что Суворовъ находился въ своихъ имѣніяхъ и былъ въ нихъ непосредственнымъ дѣятелемъ лишь короткое время, то обобщая его распоряженія, слѣдуетъ признать его помѣщикомъ хорошимъ. Все остальное зависѣло отъ управляющихъ и довѣренныхъ лицъ; они въ свою очередь, въ большинствѣ случаевъ, были или порядочными хозяевами, или акуратными исполнителями воли помѣщика. Такъ по крайней мѣрѣ стояло дѣло въ 80-хъ годахъ. И если кто прилачивался лишнимъ, то скорѣе самъ владѣлецъ, чѣмъ крестьяне.

Правда, крестьяне по временамъ вопили міромъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ распоряженій Суворова, напримѣръ о рекрутахъ; жаловались на разореніе, на всеобщее оскудѣніе и молили своего «государя» придержаться порядковъ его родителя. Но все это было не болѣе, какъ непривычка къ новому и попытка выторговать въ свою пользу какъ можно больше всяческими способами. Суворовъ сердился и конечно настаивалъ на своемъ, отдавая приказы чисто военнаго характера. У подневольнаго, крѣпостного

люда, который совершенно также жаловался на свою долю при Василіѣ Ивановичѣ, — оставались другіе пути. Кормя на мірской счетъ лошадей своего помѣщика, подавали счетъ, въ пять и въ десять разъ превышавшій дѣйствительность. Въ подмосковной рубили господскій лѣсъ, лупили бересту, возили дрова въ Москву, якобы «изъ непотребнаго лѣса», и потомъ, для скрытія истины, остатки поджигали и тѣмъ портили лѣсъ нетронутый. Недоимщики слезно жаловались на безъисходную нищету и денегъ не платили. А между тѣмъ недоимщики являлись на сходы съ готовыми деньгами за пазухой и уносили ихъ опять домой; господскій лѣсъ воровали и портили люди зажиточные; несостоятельными при взносѣ оброчныхъ денегъ объявлялись крестьяне, имѣвшіе по четыре коровы и по нѣскольку лошадей. Если въ связи съ этими документальными данными припомнить случай, когда Суворовъ пришелъ въ ужасъ, что у крестьянина Иванова всего одна корова, и принять въ соображеніе, что оброки иногда требовались и вносились за полгода и за годъ впередъ, безъ замѣтнаго отягощенія плательщиковъ, то истинное состояніе Суворовскихъ крестьянъ представится очень удовлетворительнымъ. Когда Суворовъ купилъ имѣніе во владимірскомъ намѣстничествѣ, то стали возвращаться во-свояси крестьяне, бѣжавшіе при прежнемъ владѣльцѣ. Приходили они даже изъ дальнихъ мѣстъ, изъ-подъ Астрахани и изъ земли Донского войска, ибо про новаго помѣщика шла хорошая слава.

Внутреннее убранство деревенскихъ домовъ Суворова было приличное и не выдѣлялось изъ общепринятой обстановки того времени, также какъ и домашній обиходъ, преимущественно въ Удолѣ, гдѣ онъ однажды прожилъ довольно долго. Тутъ мы находимъ занавѣсы дверные съ подзорами, стѣнныя зеркала въ золоченыхъ рамахъ, довольно много серебра, картины, портреты и проч. Въ Кончанскомъ обстановка проще и бѣднѣе, какъ въ мѣстѣ мало жиломъ. Въ московскомъ домѣ находимъ парадныя ливреи и даже такія барскія затѣи, какъ арабскій и скороходскій уборы. Надо думать однако, что многое перешло къ Суворову по наслѣдству отъ отца, а въ купленныхъ имѣніяхъ отъ прежнихъ владѣльцевъ. Суворовъ только подчинялся общепринятымъ порядкамъ, потому что того требовало приличіе,

но воспитавшись въ солдатской обстановкѣ, роли своей не выдерживалъ. Надо было прикупить мебели—онъ покупалъ простые некрашеные стулья, которые и употреблялись при золоченыхъ зеркалахъ. Посуда пріобрѣталась тоже не дорогая и красовалась на столѣ рядомъ съ серебряными мисами и подносами. Общій характеръ получался оригинальный: неровность, несоотвѣтственность частей, богатое около бѣднаго, хорошее около худого. Изъ разныхъ статей имущества, насчитывается больше всего сѣделъ, уздъ и другого конскаго прибора. Между вещами туалета значится между прочимъ халатъ, батистовые галстуки, голландскаго полотна рубашки.

Живя въ деревнѣ, Суворовъ посѣщалъ сосѣдей не часто, а больше принималъ у себя; онъ любилъ и пообѣдать въ компаніи, и позабавиться, особенно потанцовать или, какъ онъ выражался, «попрыгать». Разсѣянной, что называется *открытой*, жизни онъ однако не любилъ, большихъ и частыхъ пріемовъ не дѣлалъ. Излишества, роскоши на его пріемахъ и угощеніяхъ конечно не было; столъ у него былъ простой, обыкновенный, не ограничиваясь однакоже похлебкой и кашей; выписывались изъ Москвы анчоусы, цвѣтная капуста, формы для приготовленія конфетъ, разные напитки. Вино онъ пилъ разное, но выписывалъ въ небольшомъ количествѣ и содержалъ запасы самые незначительные; больше всего любилъ англійское пиво. Требователенъ былъ Суворовъ больше всего въ чаѣ и неоднократно убѣждалъ Матвѣича не экономничать на этой статьѣ расхода.

Времяпрепровожденіе его дома видно изъ кореспонденціи съ Матвѣичемъ. Требовались камеръ-обскура, ящикъ рокамбольной игры, канарейный органъ, ломберный столъ, марки, карты, шашки, домино, музыкальные инструменты, ноты, наконецъ гадательныя карты, «для рѣзвости» прибавляетъ Суворовъ, какъ бы въ свое извиненіе. Забавлялся также онъ охотой за птицей, но не особенно, и ничего похожаго на охотничій штатъ не содержалъ. Не былъ онъ и карточнымъ игрокомъ, а держалъ карты для гостей, такъ какъ уже и въ то время это развлеченіе было многими превращено въ занятіе. Табаку не курилъ, но нюхалъ, и по этой части былъ очень разборчивъ.

Вставалъ Суворовъ со свѣтомъ и обыкновенно самъ поды-

малъ крестьянъ на работу; церковь посѣщалъ усердно. Путь въ церковь велъ черезъ рѣчку; въ весеннее половодье, какъ говоритъ мѣстное преданіе, онъ переправлялся черезъ рѣчку въ винокуренномъ чанѣ, приспособленнымъ подобно парому. При хорошей лѣтней погодѣ онъ иногда обѣдывалъ съ гостями на берегу рѣки, не вдалекѣ отъ господскаго дома, на какой-нибудь уютной лужайкѣ. Если гости жаловали не въ пору или приходились ему не по вкусу, то отправившись съ ними на послѣобѣденную прогулку, онъ незамѣтно скрывался и ложился въ рожь спать, оставляя всю компанію на долгое время въ недоумѣніи.

Зимою Суворовъ любилъ кататься на конькахъ, устроивалъ у себя ледяную гору и на масляной забавлялся на ней вмѣстѣ съ гостями. На зиму же онъ устроивалъ у себя нѣкоторое подобіе зимняго сада или, говоря его словами, «птичью горницу». Для этого отводилась одна изъ самыхъ большихъ комнатъ; съ осени сажались въ кадки сосенки и елки, отчасти березки, и кадки эти ставились въ отведенную комнату. Получалось нѣкоторое подобіе рощицы; налавливались синицы, снигири, щеглята и пускались въ эту рощицу на зиму, а весной, преимущественно на Святой недѣлѣ, выпускались на свободу. Птичья комната содержалась въ большой чистотѣ; тутъ хозяинъ прогуливался, сиживалъ, даже иногда обѣдалъ.

Въ періодъ долговременнаго пребыванія своего въ деревнѣ, въ срединѣ 1780-хъ годовъ, Суворовъ читалъ много и одно время даже имѣлъ на жалованьѣ чтеца. Но это чтеніе отнюдь не имѣло значенія военно-спеціальныхъ занятій; его привлекало знаніе вообще, въ смыслѣ расширенія умственнаго кругозора. Въ инвентаряхъ его имущества 1780-хъ годовъ значатся порядочныя массы книгъ, преимущественно русскихъ, но были и французскія, а также много современныхъ плановъ и картъ. Каталоги не сохранились. Въ 1785 году Суворовъ выписывалъ слѣдующія періодическія изданія: Московскія Вѣдомости съ Экономическимъ Магазейномъ; Петербургскія нѣмецкія Вѣдомости и Энциклопедикъ де-Бульона, какъ онъ самъ называетъ; всего на 50 руб. Послѣднее изданіе имѣло заглавіе «Journal encyclopédique, par une société de gens de lettres, à Liège», и выходило съ

1756 по 1793 годъ. Эту энциклопедію Суворовъ любилъ особенно. Кромѣ періодическихъ изданій онъ купилъ въ этомъ году нѣсколько книгъ, заглавія которыхъ въ документахъ стерлись или испортились, между ними была: «О лучшемъ наблюденіи человѣческой жизни», которую онъ выписалъ для себя и для управляющихъ имѣніями. Онъ приказывалъ Матвѣичу отъискать и прислать къ нему книгу Фонтенеля: «О множествѣ міровъ», которую онъ перечитывалъ неоднократно. Затѣмъ ни о дальнѣйшихъ покупкахъ книгъ въ 1785 году, ни о томъ, что именно онъ выписывалъ и читалъ раньше или позже, никакихъ свѣдѣній нѣтъ, кромѣ только подписки его на 1792 годъ, о чемъ говорится ниже.

Чтеніе тѣмъ болѣе было необходимо Суворову для заполненія досуговъ въ деревнѣ, что въ домашней его жизни случился важный переворотъ, котораго онъ не могъ перенести равнодушно: онъ разъѣхался съ женой.

Суворовъ женился въ началѣ 1774 года. Произошло это внезапно, и въ жизнь Суворова врѣзалось въ видѣ совершенно посторонняго клина. Для такого исключительно-военнаго человѣка, какъ онъ, и притомъ задавшагося очень отдаленной цѣлью, было лишнимъ усложненіемъ задачи все то, что не сближало его прямо или косвенно съ этой цѣлью. Едва ли отрицаніе семейной жизни входило въ его программу, но еще менѣе онъ могъ признать ее для себя необходимою или даже полезною. Еще въ конфедератскую войну онъ считалъ женщину вообще и связь съ нею помѣхою для своего призванія; не могла не быть такою же помѣхою ему и жена. Но внѣ-брачная связь не согласовалась со складомъ понятій Суворова, ни съ его религіозно-нравственнымъ чувствомъ, а брачная, если и шла въ разрѣзъ съ однимъ, то ни мало не оскорбляла другого. Суворовъ не былъ неуязвимъ со стороны чувства, какъ онъ самъ въ томъ сознавался. Онъ могъ заглушить, подавить въ себѣ проявленіе не только чувства, но даже инстинкта, благодаря огромному запасу энергіи, которымъ обладалъ; но не могъ ихъ уничтожить въ зародышѣ. Когда-нибудь, при благопріятныхъ условіяхъ, они непремѣнно должны были заявить себя и повліять на строй его жизни.

Суворовъ могъ познакомиться со своей будущей невѣстой лишь во время переѣзда изъ Петербурга черезъ Москву въ Турцію, въ началѣ 1773 года, или еще позже, въ декабрѣ, когда пріѣхалъ изъ подъ Гирсова въ отпускъ, въ Москву же. Въ томъ и другомъ случаѣ женитьба его состоялась значитъ безъ продолжительныхъ размышленій. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что дѣло было подготовлено его отцемъ, который, по выходѣ въ отставку, жилъ въ Москвѣ и въ своихъ имѣніяхъ. Василій Ивановичъ самъ женился рано, не имѣя 25 лѣтъ отъ роду; въ 1773 году ему было 68 лѣтъ, а сынъ все еще оставался холостымъ, несмотря на свои 43 года. Такіе собиратели и скопидомы, какъ Василій Ивановичъ, склонны къ семейной жизни, желаютъ имѣть потомство и видѣть дѣтей своихъ такимъ же образомъ устроенными, какъ они сами. Обѣ дочери Василія Ивановича были уже замужемъ, — отрѣзанные ломти, — съ которыми онъ конечно считалъ себя совершенно квитъ, тѣмъ болѣе, что снабдилъ ихъ приличнымъ приданымъ. Продолжалъ жить одинокимъ лишь сынъ, единственный сынъ, съ которымъ бы прекратился родъ; сынъ этотъ былъ не мотъ, не кутила, не любилъ роскоши и въ арифметической сторонѣ жизни отчасти держался направленія своего родителя. Какъ же было Василію Ивановичу, дожившему до преклонныхъ лѣтъ и понимавшему, что смерть близка, не потребовать для себя, старика, послѣдняго отъ сына утѣшенія—женитьбы?

Василій Ивановичъ былъ отецъ строгій, что конечно не имѣло прямого значенія въ ту пору, когда онъ рѣшился сына женить; но память объ отцовской строгости остается въ дѣтяхъ и въ зрѣломъ возрастѣ, иногда оказывая вліяніе на нѣкоторые ихъ поступки. Александръ Васильевичъ былъ почтительный сынъ и любилъ своего отца искренно; позже, когда ему приходила на умъ мысль объ оставленіи службы, онъ говорилъ, что удалится поближе *къ мощамъ* своего отца. Онъ долженъ былъ признать отцовскіе доводы уважительными; его человѣческая натура подсказывала ему тоже самое. Хотя предначертанный путь жизненной дѣятельности разстилался передъ нимъ еще очень длиннымъ, очень далекимъ до цѣли, но Суворовъ не могъ въ тоже время не чувствовать сухости пройденной жизни, нѣкотораго

нравственнаго утомленія отъ чрезмѣрнаго однообразія влеченій и дѣлъ. Онъ былъ старый холостякъ, человѣкъ способный обманываться въ извѣстномъ направленіи скорѣе и легче, чѣмъ юноша, тѣмъ болѣе, что велъ жизнь строго-нравственную, женщинъ не зналъ, въ тайны женскаго сердца никогда не вникалъ и нисколько этимъ предметомъ не интересовался. Понятно, что онъ не сталъ противиться просьбамъ отца, и это важное въ жизни каждаго человѣка дѣло повершилъ съ обычною своею рѣшимостью и быстротой.

Нѣкоторые объясняютъ женитьбу Суворова иначе, утверждая, что онъ смотрѣлъ на брачный союзъ, какъ на обязанность каждаго человѣка: «меня родилъ отецъ, и я долженъ родить, чтобы отблагодарить отца за мое рожденіе». Но это взглядъ старческій, который могъ образоваться у него послѣ неоправдавшихся надеждъ на семейное счастье. Если Суворовъ такъ думалъ въ молодые годы, то почему же онъ не женился раньше, а дотянулъ до пятаго десятка лѣтъ? Очевидно, что его толкованіе есть не причина, а послѣдствіе его женитьбы.

Одно обстоятельство заслуживаетъ еще вниманія. Василій Ивановичъ любилъ деньги и долженъ бы былъ рекомендовать сыну невѣсту богатую. Между тѣмъ Александръ Васильевичъ взялъ за своею женою приданое небольшое, которое, за исключеніемъ вещей ея туалета, быть можетъ не превышало 5 или 6.000 рублей. А женихъ имѣлъ уже такую извѣстность, что могъ считаться такъ сказать удочкой для невѣстъ, особенно въ Москвѣ. Но за то имѣлся и противовѣсъ скромнымъ средствамъ невѣсты: она принадлежала по своему рожденію къ первостатейной московской знати. Одно другого стоило, особенно для Василія Ивановича, который былъ хотя старой и почтенной, но незнатной фамиліи, самъ собою вышелъ въ люди и потому не прочь былъ отъ именитаго родства. Сверхъ того невѣста, кромѣ связей, обладала преимуществами молодости и красоты; на всемъ этомъ можно было помириться и успокоиться.

Если женитьба устроилась въ послѣдній пріѣздъ А. В. Суворова изъ Турціи, то надо полагать, что ей предшествовала переписка между Суворовыми, отцомъ и сыномъ. Переписка эта не сохранилась, какъ вообще не дошло до насъ никакой корес-

понденціи между отцомъ и сыномъ ни за какой періодъ ихъ жизни, кромѣ немногихъ писемъ дѣлового характера, касающихся имѣній, денегъ и т. под.

Подъисканная невѣста, Варвара Ивановна, была дочь отставного генералъ-аншефа князя Ивана Андреевича Прозоровскаго. Она родилась 28 августа 1750 года, слѣдовательно была моложе своего жениха на 20 лѣтъ. Помолвка состоялась 18 декабря 1773 года, обрученіе 22-го, свадьба 16 января 1774 года. Суворовъ написалъ 23 декабря 1773 года Румянцеву: «вчера имѣлъ я неожидаемое мною благополучіе—быть обрученнымъ съ Варварою Ивановною Прозоровскою», и просилъ извиненія, если долженъ будетъ замѣшкаться въ отпуску дальше даннаго ему термина.

Первые годы супруги жили въ согласіи, или по крайней мѣрѣ никакихъ крупныхъ непріятностей между ними не происходило. Разлучались они часто, по свойству службы Суворова, но при первой возможности снова соединялись. Мы встрѣчаемъ Варвару Ивановну въ Таганрогѣ, въ крѣпости св. Димитрія, въ Астрахани, въ Полтавѣ, въ Крыму,—вездѣ, гдѣ Суворовъ могъ доставить ей нѣкоторую осѣдлость и необходимѣйшія удобства. Не видно ея лишь въ Турціи и въ Заволжьѣ, во время погони за Пугачовымъ; ни тутъ, ни тамъ ей не могло быть мѣста при мужѣ.

Было бы однако же дивомъ, если бы они ужились до конца. Въ мужѣ и женѣ ничего не было однороднаго: онъ былъ старъ, она молода; онъ очень неказистъ и худъ; она полная, румяная русская красавица; онъ ума обширнаго, просвѣщеннаго наукой и начитанностью; она недалека, неразвита, ученья старо-русскаго; онъ—чудакъ, развившійся на грубой солдатской основѣ, обязанный всѣмъ самому себѣ; она изъ знатнаго семейства, воспитанная на внѣшнихъ приличіяхъ, на чувствѣ фамильнаго достоинства; онъ—богатъ, но весьма бережливъ, ненавистникъ роскоши, мало знакомый даже съ требованіями комфорта; она таровата, охотница пожить открыто, съ наклонностями къ мотовству. Не обладали они и самымъ главнымъ условіемъ для счастливой семейной жизни — характерами, которые бы дѣлали одного не противорѣчіемъ другого, а дополненіемъ. Суворовъ былъ нрава

нетерпѣливаго, горячаго до вспышекъ бѣшенства, неуступчивъ, деспотиченъ и нетерпимъ; онъ много и постоянно работалъ надъ обузданіемъ своей чрезмѣрной пылкости, но могъ только умѣрить себя, а не передѣлать, и въ домашней жизни неуживчивыя качества его характера становились вдвойнѣ чувствительными и тяжелыми. Варвара Ивановна тоже не обладала мягкостью и уступчивостью, т.-е. тѣми именно качествами, съ помощью которыхъ только и могла сдѣлать ручнымъ такого мужа, какъ Суворовъ. Вся эта нескладица должна была привести рано или поздно къ плачевному исходу, а когда ко всему сказанному присоединилось еще легкомысленное поведеніе Варвары Ивановны, нарушавшей иногда свой долгъ и забывавшей святость супружескаго союза, то разрывъ сдѣлался неустранимымъ.

Въ сентябрѣ 1779 года Суворовъ подалъ въ славянскую консисторію прошеніе о разводѣ, а жена его уѣхала въ Москву. Консисторія отказала за недостаточностью доводовъ. Суворовъ апелировалъ въ синодъ, который приказалъ архіепископу славянскому и херсонскому пересмотрѣть дѣло. Вѣроятно подъ вліяніемъ родительскихъ совѣтовъ, а можетъ быть и по собственному побужденію, Варвара Ивановна возвратилась къ мужу и упросила его помириться. Въ январѣ 1780 года Суворовъ подалъ въ этомъ смыслѣ заявленіе, и дѣло осталось безъ дальнѣйшаго движенія.

Неудовольствія однако снова возникли вскорѣ; Суворовъ, какъ человѣкъ искренно религіозный, прибѣгнулъ къ посредничеству церкви. Въ это время онъ находился на службѣ въ Астрахани. По заранѣе сдѣланному соглашенію, онъ явился въ церковь одного изъ пригородныхъ селъ, одѣтый въ простой солдатскій мундиръ; жена его въ самомъ простомъ платьѣ; находилось тутъ и нѣсколько близкихъ имъ лицъ. Въ церкви произошло нѣчто въ родѣ публичнаго покаянія; мужъ и жена обливались слезами, священникъ прочиталъ имъ разрѣшительную молитву и вслѣдъ затѣмъ отслужилъ литургію, во время которой покаявшіеся причастились св. тайнъ.

Миръ опять возстановился, но только наружный. Супруги жили вмѣстѣ до начала 1784 года и тогда разстались окончательно. Суворовъ, находясь въ одномъ изъ своихъ имѣній, по-

далъ въ маѣ прошеніе прямо въ синодъ опять о разводѣ же. Синодъ отвѣчалъ, что не можетъ дать дѣлу ходъ, потому что «подано доношеніе, а не челобитная», какъ требуется закономъ; что для развода не имѣется «крѣпкихъ доводовъ»; что Варвара Ивановна живетъ въ Москвѣ, слѣдовательно и просить надо московское епархіальное начальство, а не синодъ [9]).

На этомъ и кончилась попытка Суворова развестись съ женой, но шла дѣятельная переписка съ Матвѣичемъ и другими довѣренными лицами въ Москвѣ, съ цѣлью совершенно разлучиться съ Варварой Ивановной. Онъ послалъ между прочимъ письмо Платону, московскому архіепископу, заявляя, что поднимать снова разводное дѣло не намѣренъ, а пишетъ только для отстраненія клеветъ. Не безъ колебаній онъ назначаетъ женѣ 1,200 р. въ годъ и намѣревается возвратить приданое или его стоимость; переписывается же по этому предмету не съ женою, а съ тестемъ, очень сухими письмами, прибѣгая къ посредничеству разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и преосвященнаго Платона. Матвѣичу дано порученіе—переговорить лично съ преосвященнымъ, и сообщены доводы противъ возможности опять сойтись съ женой, такъ какъ владыко несомнѣнно будетъ на этомъ настаивать. «Скажи, что третичнаго брака уже быть не можетъ и что я тебѣ велѣлъ объявить ему это на духу. Онъ сказалъ бы: «того впредь не будетъ»; ты: «ожегшись на молокѣ, станешь на воду дуть»; онъ: «могутъ жить въ одномъ домѣ розно»; ты: «злой ея нравъ всѣмъ извѣстенъ, а онъ не придворный человѣкъ».

Возвратить приданое было трудно, такъ какъ тесть повидимому этого не желалъ. Суворовъ приказываетъ Матвѣичу настаивать: «неистовою силою изъ меня сдѣлать не можно»; «приданое я не столько подлъ, чтобы во что-нибудь зачесть, а съ собою въ гробъ не возьму». Тестю онъ пишетъ о томъ же и убѣждаетъ взять приданое, такъ какъ оно тлѣетъ, не принося никому пользы. Кажется эта статья наконецъ сладилась по желанію Суворова. Впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, женину пенсію онъ увеличилъ до 3,000 рублей.

Нельзя сказать, чтобы это деликатное дѣло Суворовъ велъ съ тактомъ и приличіемъ, которыхъ оно требовало. Вмѣсто того, чтобы замкнуться въ самомъ себѣ и не допускать не только по-

сторонних рукъ, но и глазъ до своего семейнаго несчастія, онъ сдѣлалъ свидѣтелями и участниками его цѣлую массу лицъ. Послѣ первой попытки получить разводъ въ 1779 году, онъ пишетъ Потемкину письмо, излагаетъ въ общихъ чертахъ сущность дѣла и проситъ предстательства у престола. Испрашивая вторично разводъ въ 1784 году, Суворовъ входитъ въ переписку объ этомъ со множествомъ лицъ, преимущественно изъ своихъ подчиненныхъ, пускаясь въ подробности и не заботясь объ ограниченіи круга участниковъ и сферы огласки. Пріѣхавъ въ томъ году на короткое время въ Петербургъ, онъ только и говоритъ о своихъ семейныхъ непріятностяхъ, нисколько не сдерживаетъ себя и доходитъ чуть не до бѣшенства. Впрочемъ справедливость требуетъ пояснить, что Суворовъ имѣлъ очень строгій взглядъ на бракъ. Логическимъ послѣдствіемъ такого взгляда являлось понятіе о неразрывности освященнаго Богомъ союза, а потому если бракъ разрывался, то для стороны невиноватой было непремѣннымъ дѣломъ чести и долга очистить себя отъ обвиненія въ такомъ беззаконіи. Поэтому онъ считалъ своею *обязанностью* снять съ себя вину въ расторженіи, если не брака, то совмѣстной съ женою жизни, требуемой бракомъ; по той же причинѣ онъ не скрывалъ и отъ другихъ этого дѣла со всѣми его обстоятельствами.

Убѣдившись разъ въ необходимости разстаться съ женой, Суворовъ не могъ простить ей этой необходимости и на первыхъ же порахъ чуть не поссорился со своими ближайшими родственниками, подозрѣвая ихъ въ поддерживаніи прежнихъ отношеній къ Варварѣ Ивановнѣ. Они нашли нужнымъ передъ нимъ оправдываться. Зять, князь П. Р. Горчаковъ, пишетъ ему, что не видался съ княземъ Прозоровскимъ, который съ нимъ вовсе и не знается; что Варвару Ивановну они (Горчаковъ съ женою) тоже не видятъ и никакой переписки съ нею не ведутъ: «и такъ ваши подозрѣнія на сестеръ вашихъ и на меня неправильны». Сестра Суворова, Анна Васильевна, приписываетъ на письмѣ мужа: «батюшка братецъ, вы были въ Петровскомъ, а у насъ не побывали; подозрѣнія ваши истинно напрасны на насъ». Это острое непріязненное чувство со временемъ въ Суворовѣ улеглось, такъ какъ другая его сестра, Марья Васильевна Олешева, при-

нимала у себя, въ вологодскомъ имѣніи, въ 1799 году Варвару Ивановну, которая прогостила у нея нѣсколько дней. Марья Васильевна не поступила бы наперекоръ брату, потому что всѣ близкіе родные Суворова очень его чтили, и каждое его слово, обращенное къ кому-либо изъ нихъ, принималось въ соображеніе.

Дѣтей у Суворова было двое. Дочь его, Наталья, родилась 1 августа 1775 года. Отецъ очень ее любилъ и даже нѣкоторымъ образомъ потомъ прославилъ своими къ ней письмами. О первыхъ годахъ ея жизни и воспитаніи въ домѣ родительскомъ почти ничего неизвѣстно; въ октябрѣ 1777 года Суворовъ пишетъ изъ Полтавы одному изъ своихъ знакомыхъ, что дочка вся въ него и въ холодъ бѣгаетъ босикомъ по грязи. Послѣ того Варвара Ивановна была трижды беременна, но два раза разрѣшеніе отъ бремени было преждевременное; третій разъ, 4 августа 1784 года родился сынъ Аркадій. Онъ оставался при матери 11 слишкомъ лѣтъ, только по истеченіи этого длиннаго срока перешелъ на попеченіе отца и былъ тогда же назначенъ камеръ-юнкеромъ къ великому князю Константину Павловичу. Что касается дочери Суворова, то она находилась при своихъ родителяхъ, правильнѣе сказать при матери, 5 лѣтъ съ небольшимъ. По всей вѣроятности отецъ отдалъ ее затѣмъ на чужія руки, въ такомъ раннемъ возрастѣ, вслѣдствіе раздоровъ своихъ съ женой и полнаго къ ней недовѣрія. Произошло это такимъ образомъ. Зимою 1779—80 годовъ Суворовъ былъ въ Петербургѣ (передъ назначеніемъ въ Астрахань) и очень хлопоталъ о принятіи его дочери во вновь учреждаемое Общество благородныхъ дѣвицъ (Смольный монастырь). Старанія его увѣнчались успѣхомъ; Потемкинъ доложилъ Императрицѣ, и Екатерина приказала исполнить просьбу Суворова немедленно. Высочайшее повелѣніе было сообщено въ Москву, Варварѣ Ивановнѣ, съ тѣмъ, чтобы 5-лѣтняя Наташа была передана капитану Корицкому для доставленія въ Петербургъ. Офицеръ этотъ находился при Суворовѣ, пользовался его довѣріемъ и былъ употребляемъ въ разныхъ домашнихъ дѣлахъ. Получивъ дѣвочку 31 декабря 1779 года, онъ въ тотъ же день выѣхалъ съ нею въ Петербургъ, гдѣ и сдалъ ее madame Лафонъ, начальницѣ Смольнаго монастыря. Однако въ спискахъ

воспитанницъ не видать Наташи Суворовой; надо полагать, что она состояла на особомъ попеченіи начальницы.

Такъ распалась семья Суворова, и онъ на долгіе годы, почти до смерти, остался одинокимъ. Обстоятельство это не могло пройти безъ всякаго на него вліянія. Какъ бы ни расходился онъ въ своихъ взглядахъ и вкусахъ съ женой, но присутствіе ея (особенно съ дѣтьми) въ домѣ должно было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ производить на него благое, умѣряющее вліяніе. Именно такой своеобразный человѣкъ, какъ онъ, въ этомъ и нуждался. Но Варвара Ивановна не обладала на столько сильными личными средствами, чтобы уразумѣть и оцѣнить своего мужа со всѣхъ сторонъ; она понимала его слишкомъ узко, именно съ той стороны, откуда онъ представлялся самымъ невыгоднымъ образомъ, и разлука совершилась. Не одинъ разъ конечно она себя въ томъ упрекала, положимъ хоть бы по тому только поводу, что имя, ею носимое, болѣе и болѣе облекалось ореоломъ славы, съ гордостью повторялось изъ конца въ конецъ обширной Русской земли, а напослѣдокъ гремѣло во всей Европѣ. Но минувшее было уже невозвратимо. Суворовъ все больше спеціализировался, по мѣрѣ возроставшихъ успѣховъ все глубже погружался въ свою задачу. Остальное отодвигалось на задній планъ; къ этому *остальному* принадлежала и жена, нелюбимая, покинутая. Ѣдкаго, горькаго чувства къ ней почти уже не было; оно смѣнилось равнодушіемъ, забвеніемъ. Одинъ изъ историковъ говоритъ, будто Суворовъ никогда про жену въ послѣдующей своей перепискѣ не вспоминалъ. Это невѣрно. Въ своей кореспонденціи Суворовъ весьма часто употреблялъ вмѣсто собственныхъ именъ прозвища, или клички; приближенныя лица, съ которыми велась переписка, эти клички понимали и даже сами ихъ употребляли въ отвѣтахъ. Такими кличками были: фаготъ, мусье, Полифемъ, зайчикъ, Кузьма-Федоръ-Иванычъ, мусье-мадама, гоцъ-гоцъ и др. Одно изъ подобныхъ прозвищъ (мусье-мадама) дано было Варварѣ Ивановнѣ; прозвище это попадается въ дѣловой перепискѣ Суворова довольно часто. Но тутъ идетъ рѣчь почти исключительно о денежныхъ дѣлахъ; нѣтъ ничего, что говорило бы сердцу или шло отъ сердца. А близкія Суворову лица, особенно послѣдующаго времени, не считали

нужнымъ дѣлать попытки къ измѣненію такого положенія дѣлъ: перемѣна была бы не въ ихъ интересѣ.

Послѣ того именно времени, какъ Суворовъ разошелся съ женой и остался одинокимъ, онъ пріобрѣтаетъ громкую извѣстность своими странностями и причудами. Нельзя конечно давать разлукѣ его съ женой значеніе событія, отъ котораго ведется лѣтосчисленіе его чудачествъ и выходокъ, но внимательное изученіе Суворова не дозволяетъ и отвергать вліянія на него означеннаго обстоятельства. Оно, это вліяніе, только не имѣетъ точной фактической формы; больше понимается само собой, чѣмъ доказывается. Нѣтъ ежедневной, ежечасной сдерживающей силы,— и человѣкъ свободнѣе отдается своему влеченію. А велика-ли сдерживающая сила или мала,—отъ этого зависитъ лишь степень ея успѣха.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Вторая Турецкая война: Кинбурнъ, Очаковъ.

1787 — 1788.

Въ Кучукъ-Кайнарджискомъ мирѣ трудно было видѣть дѣйствительное, прочное замиреніе; скорѣе онъ былъ только роздыхомъ, особенно для Турціи. Недоразумѣнія возникли тотчасъ же и съ годами увеличивались, такъ что понадобилось въ 1779 году заключить новую, объяснительную конвенцію. Трактатъ нарушали обѣ стороны. Турецкія нарушенія были постоянныя и выражались въ довольно рѣзкой формѣ; т.-е. самые факты нарушенія, будучи довольно мелкими, такъ дурно маскировались, что Турція ловилась съ поличнымъ. Она была слишкомъ раздражена и озлоблена, оттого и не выдерживала роли. Россія дѣйствовала обдуманнѣе и искуснѣе. Отъ прямыхъ нарушеній трактата она воздерживалась; въ поступкахъ ея не было страсти, а одинъ расчетъ; за то подъ приличными формами проводилось содержаніе, которое нарушало трактатъ существеннѣе турецкихъ выходокъ и капризовъ, но безъ возможности явной улики; уликою являлись лишь результаты и послѣдствія. Эти результаты и послѣдствія сложились наконецъ въ одинъ крупный фактъ: Крымъ вошелъ въ составъ Русской имперіи.

Чѣмъ ближе становилась связь Крыма съ Россіей, тѣмъ настоятельнѣе дѣлалась у Турціи потребность—возвратиться къ

прежнему положенію, которое коренилось на историческомъ прошломъ и на значеніи Турецкаго султана въ качествѣ калифа. Тутъ былъ вопросъ не о клочкѣ территоріи, а о нравственномъ авторитетѣ преемниковъ Магомета. Потеря Крыма наносила большой ущербъ этому авторитету, а впереди грозила еще большимъ зломъ, такъ какъ составляла вступительную главу «греческаго проекта» князя Потемкина. Этотъ проектъ, заключавшійся въ изгнаніи Турокъ изъ Европы и въ возстановленіи Греческой имперіи, имѣлъ весьма мало жизненнаго начала и весьма много мечтательнаго, что впрочемъ ясно видно лишь теперь. Но въ то время онъ не казался фантазіей, особенно Турціи. Дѣло слишкомъ близко до нея касалось и задумано было опаснымъ сосѣдомъ, въ пору наибольшаго его государственнаго роста и военнаго развитія, въ эпоху, богатую способными людьми, начиная съ Государыни.

Еще болѣе поддержала въ Портѣ эти опасенія поѣздка Русской Императрицы во вновь пріобрѣтенныя области. Вся обстановка путешествія, свиданіе Екатерины съ Римскимъ императоромъ, сборы и смотры войскъ и флота, — все это помимо ея воли имѣло если не вызывающій, то по крайней мѣрѣ подозрительный и нѣсколько оскорбительный для Порты характеръ. Неудовольствіе росло и громко высказывалось въ Константинополѣ; народъ роптал противъ пассивнаго, недѣятельнаго правительства; появились разные угрожающіе признаки національнаго и религіознаго возбужденія. Порта и сама была возбуждена; она не колебалась въ принятіи рѣшенія, но только выжидала времени.

Рѣшимость эту поддерживали и укрѣпляли Англія и Пруссія. Вооруженный нейтралитетъ, объявленный Россіею въ 1780 году, къ которому скоро пристала почти вся Европа, нанесъ сильный ударъ Англіи, воевавшей тогда со своими американскими колоніями, съ Франціей и Испаніей; послѣ этого удара она долго не могла оправиться и потому возбуждала противу Россіи Турцію. Пруссія, потерявъ своего великаго короля, умершаго въ 1786 году, интриговала противъ Россіи за сближеніе съ Австріей, ея всегдашней соперницей. Подстрекательства Англіи и Пруссіи имѣли успѣхъ тѣмъ паче, что запутывались отношенія Россіи съ Шве-

цiей и являлась для Турцiи нѣкоторая надежда на диверсiю со стороны Польши. Порту удерживало лишь опасенiе союза Австрiи съ Россiей, но ей внушали, что союзъ этотъ надо предупредить немедленнымъ объявленiемъ Россiи войны; что въ Россiи голодъ, а въ Австрiи внутреннiя смуты; что пропустить время, значитъ имѣть дѣло съ двумя врагами вмѣсто одного, давъ имъ возможность приготовиться и вооружиться.

Екатерина предвидѣла, что колебанiя Турцiи разрѣшатся войной и въ этомъ смыслѣ предупреждала Потемкина заблаговременно, особымъ секретнымъ рескриптомъ 16 октября 1786 года. Несмотря на это Россiя не была приготовлена къ войнѣ, по крайней мѣрѣ къ близкой войнѣ, ибо хотя на югѣ возводились города и крѣпости, строились корабли, преобразовывалась армiя, но все это дѣлалось лишь вслѣдствiе необходимости устроить и обезпечить вновь прiобрѣтенную территорiю. Турцiя была болѣе готова, такъ какъ съ самаго Кучукъ-Кайнарджискаго мира не покидала мысли о возобновленiи войны, хотя эта цѣль представлялась ей нѣсколько отдаленной, да и производить систематическiя, дѣятельныя военныя приготовленiя она не могла, не возбудивъ въ Россiи подозрѣнiя и не побудивъ ее къ тому же. Однако подъ конецъ Порта не выдержала и, отдавшись страстному влеченiю, повернула дѣло круто, неожиданно для самой себя. Она внезапно предъявила русскому посланнику Булгакову нѣсколько неимовѣрныхъ требованiй и дала для отвѣта всего мѣсяцъ сроку. Потомъ, не дождавшись истеченiя этого термина, она выступила съ новыми требованiями въ видѣ ультиматума, несообразнаго до нелѣпости: возвращенiе Турцiи Крыма и признанiе недѣйствительности трактатовъ, начиная съ Кайнарджискаго. Булгаковъ отказалъ и былъ тотчасъ же засаженъ въ Семибашенный замокъ. Ослѣпленiе Порты было до того велико, что всѣ представленiя и совѣты иностранныхъ посланниковъ она оставляла безъ всякаго вниманiя; не согласилась даже сдѣлать нѣсколько предупредительныхъ любезностей въ пользу Австрiи, чтобы удержать ее отъ немедленнаго союза съ Россiей и тѣмъ выиграть время. Если Порта при этомъ на что-нибудь расчитывала, то расчитывала очень плохо: въ концѣ 1787 года австрiйскiя войска двинулись къ турецкимъ границамъ.

Августа 13 Турція объявила Россіи войну; сентября 7 Екатерина издала манифестъ о принятіи дерзкаго вызова.

Формировались двѣ арміи, Украинская и Екатеринославская. Первой назначалась второстепенная, наблюдательная роль: охранять безопасность нашихъ границъ и покой въ Польшѣ, прикрываясь съ ея стороны и прикрывая ее отъ турецкихъ покушеній; а также служить связью между назначенными къ наступательнымъ дѣйствіямъ арміями—Австрійской и нашей Екатеринославской. Послѣдняя должна была овладѣть Очаковымъ, перейти Днѣстръ, очистить весь районъ до Прута и, въ соединеніи съ Австрійцами, подойти къ Дунаю. Украинская армія отдана была подъ начальство Румянцева, Екатеринославская Потемкину, который уже былъ тогда фельдмаршаломъ. Къ ней же причислялись корпуса войскъ въ Крыму и на Кубани. Большая часть черноморскаго флота находилась въ севастопольской гавани; меньшая—близъ Очакова и въ Херсонѣ. Важнѣйшимъ райономъ при открытіи военныхъ дѣйствій былъ херсонско-кинбурнскій, какъ прикрывавшій Крымъ; районъ этотъ былъ порученъ Суворову съ 20 батальонами и 38 эскадронами. Засимъ находился еще одинъ отдѣльный корпусъ на Кавказѣ, подъ начальствомъ генералъ-аншефа Текелли.

Пошли спѣшныя распоряженія по укомплектованію войскъ, по вооруженію кораблей, по заготовкѣ и подвозу всякаго рода довольствія, по формированію парковъ и т. п. Турки тоже готовились къ войнѣ усиленно и спѣшно.

Съ начала августа Суворовъ находился на своемъ посту, въ Херсонѣ. Отношенія его къ Потемкину были наилучшія и сношенія съ нимъ безпрестанныя, особенно по ихъ обоюдному коньку—здоровью войскъ. Потемкинъ даже обратился къ нему съ такимъ комплиментомъ: «мой другъ сердечный, ты своею особою больше 10.000 (человѣкъ); я такъ тебя почитаю и ей-ей говорю чистосердечно». Суворовъ разъѣзжалъ изъ Херсона въ гавань Глубокую, изъ Глубокой въ Кинбурнъ, «сондировалъ» броды, давалъ инструкціи, наблюдалъ за турецкимъ флотомъ, строилъ укрѣпленія. Такого рода дѣятельность была ему совершенно понутру и нетолько не тяготила его, а еще придавала духу и веселости. Онъ усердно переписывался съ разными лицами,

особенно съ начальникомъ Потемкинской канцеляріи В. С. Поповымъ, только по своему обычаю немногословно. Напримѣръ: «я чрезвычайно слабѣю на желудокъ и гемороиды, избави Богъ на предки»; или: «да подари мнѣ, братецъ, рулю табаку, нечего нюхать; я тебѣ деньги хоть вдвое отдамъ, вѣрь честному моему паролю». Итакъ далѣе, о разныхъ разностяхъ.

Турки имѣли обыкновеніе ежегодно высылать эскадру въ очаковскія воды; на этотъ разъ выслали сильнѣе прежняго. Русскій флотъ, находившійся въ лиманѣ, частію еще не вооруженный, уступалъ турецкому и числомъ и составомъ, ибо огромное большинство судовъ были мелкія и гребныя. Два судна, фрегатъ и ботъ, стояли отдѣльно отъ другихъ, ближе къ Очакову; съ нихъ Турки и рѣшились начать.

Между Очаковымъ и Кинбурномъ происходили въ мирное время постоянныя сношенія. Такъ какъ разрывъ предполагался, но 18 августа еще не произошелъ, то въ этотъ день былъ посланъ въ Очаковъ изъ Кинбурна за какимъ то дѣломъ офицеръ, не разъ туда ѣздившій и знакомый очаковскому пашѣ. Выславъ своихъ людей и оставшись съ посланнымъ наединѣ, паша спросилъ у него, что новаго. Когда офицеръ отвѣчалъ, что новаго ничего нѣтъ, то паша объяснилъ ему, что объявлена война и что нашъ посланникъ въ Константинополѣ арестованъ. Затѣмъ онъ далъ офицеру чауша для охраны, который и вывелъ его благополучно за крѣпостную черту. Повѣрили ли Русскіе предупрежденію паши или нѣтъ, но только слова его сбылись на другой день. Сильная эскадра изъ легкихъ турецкихъ судовъ атаковала фрегатъ и ботъ; оба судна выдержали бой успѣшно, отходя по направленію къ гавани Глубокой; отбились отъ Турокъ и потопили двѣ турецкія канонирскія лодки, но и сами понесли довольно значительныя аваріи. Это неудавшееся нападеніе, произведенное до полученія Русскими объявленія войны, и было началомъ военныхъ дѣйствій.

Около 22 августа Суворову опредѣлительно поставлена его задача — прикрывать Херсонъ, оборонять берегъ отъ Буга до Перекопа и тамъ поддерживать связь съ Крымскимъ корпусомъ. Онъ еще усилилъ свою дѣятельность и, для защиты гавани Глубокой и Херсона съ его верфями отъ турецкихъ покушеній,

заложилъ 6 земляныхъ батарей и вооружилъ ихъ орудіями. Тѣмъ временемъ Турки придвинулись отъ Очакова къ Кинбурну и открыли по немъ бомбардировку, которая продолжалась нѣсколько дней почти безъ перерыва. Вредъ однако нанесенъ былъ ничтожный. Сознавая неудовлетворительность результата, Турки два раза пытались сдѣлать высадку, но оба раза были отбиты, причемъ одинъ изъ ихъ кораблей сильно пострадалъ, а другой взлетѣлъ на воздухъ съ 500 человѣкъ экипажа. Изъ русской эскадры, стоявшей въ Глубокой, было отдѣлено нѣсколько судовъ для противодѣйствія Туркамъ; но суда эти не рѣшались подойти къ Кинбурну въ виду несоразмѣрности силъ. Хватило рѣшимости только у одной галеры, командуемой мичманомъ Ломбардомъ, уроженцемъ острова Мальты. Пользуясь хорошимъ попутнымъ вѣтромъ, Ломбардъ смѣло направился на турецкую эскадру и атаковалъ группу судовъ, стоявшихъ отдѣльно. Эта дерзкая атака достигла цѣли; Турки приняли русскую галеру за брандеръ, а потому дѣйствовали противъ нея издали; затѣмъ оставили свою позицію и придвинулись къ Очакову. Ломбардъ былъ въ огнѣ $1^1/_2$ часа, не понесъ никакой потери въ людяхъ и гордо сталъ подъ Кинбурномъ на якорь. Спустя 5 дней, 15 сентября, Ломбардъ снова вздумалъ попугать Турокъ и атаковалъ ихъ канонирскія лодки, которыя тотчасъ дали тылъ и отошли подъ защиту своихъ линейныхъ кораблей. Поклонникъ и почитатель смѣлости и рѣшительности, Суворовъ доносилъ Потемкину о Ломбардѣ, какъ о героѣ. Но смѣлость молодого мальтійца переходила въ дерзость, онъ бросался на непріятеля, очертя голову; даже Суворовъ призналъ его предпріятія слишкомъ рискованными и запретилъ ему предпринимать что-либо безъ особеннаго разрѣшенія.

Такъ, къ прямой пользѣ Русскихъ, проходило время въ робкихъ и неудачныхъ попыткахъ со стороны Турокъ. Открывъ военныя дѣйствія внезапно, они не съумѣли воспользоваться выгодами своего положенія, потеряли $1^1/_2$ мѣсяца безъ пользы и лишь послѣ того рѣшились на энергическія предпріятія противъ Кинбурна. Возобновилось бомбардированіе крѣпости; Суворовъ, предвидя со стороны Турокъ нѣчто серьезное, поручилъ генералъ-поручику Бибикову командованіе войсками въ Херсонѣ, а

самъ перебрался въ Кинбурнъ. Въ день 30 сентября бомбардированіе усилилось; объѣхавъ кинбурнскую косу, Суворовъ замѣтилъ по движеніямъ въ турецкомъ флотѣ, что готовится что-то и приказалъ артиллеріи оставлять турецкій огонь безъ отвѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ Суворовъ потребовалъ себѣ на помощь флотилію Мордвинова, а до тѣхъ поръ приказалъ Ломбарду не выходить изъ подъ огня крѣпостной артиллеріи.

На длинной песчаной косѣ, вдающейся насупротивъ Очакова въ море, верстахъ въ восьми отъ ея оконечности, лежала крѣпость Кинбурнъ, занимавшая всю ширину косы отъ сѣвера къ югу, такъ что высадка возможна была только съ востока и запада. Крѣпость была незначительная, представляла очень мало условій къ упорной оборонѣ и только съ восточной стороны верки ея заслуживали нѣкотораго вниманія. Между тѣмъ положеніе Кинбурна было важно; онъ очень затруднялъ входъ въ Днѣпръ и не допускалъ прямого сообщенія Очакова съ Крымомъ. Надо было ожидать серьезнаго противъ него предпріятія, такъ что Государыня очень озабочивалась его участью, а Суворовъ сосредоточилъ на косѣ довольно значительныя силы. Сентября 23 Екатерина пишетъ Потемкину: «молю Бога, чтобы вамъ удалось спасти Кинбурнъ»; 24 сентября: «хорошо бы для Крыма и Херсона, если бы можно было спасти Кинбурнъ»; 9 октября, до полученія извѣстія о кинбурнской побѣдѣ: «пиши, что съ Кинбурномъ происходитъ; въ двухъ письмахъ о немъ ни слова; дай Боже, чтобы вы предуспѣли въ защищеніи». Екатерина указывала Потемкину на недостаточность пассивныхъ мѣръ, на необходимость наступательныхъ операцій для спасенія Кинбурна и Крыма. Допуская возможность взятія Кинбурна Турками, она въ одномъ письмѣ говоритъ: «не знаю, почему мнѣ кажется, что А. В. Суворовъ въ обмѣнъ возьметъ у нихъ Очаковъ». Впрочемъ всѣ эти указанія, пожеланія и намеки нисколько не ограничивали волю Потемкина, и онъ во всю эту войну пользовался вообще такою свободою дѣйствій, которой раньше его не имѣлъ никто.

Вся надежда сосредоточивалась теперь на Суворовѣ, ибо Потемкинъ находился въ какомъ то нравственно и физически разслабленномъ состояніи. Онъ просто потерялся въ виду лежавшей на немъ задачи; обширный государственный умъ тутъ не

имѣлъ уже приложенія, требовались чисто-военныя качества: самообладаніе, быстрая рѣшимость, энергическое исполненіе. Избалованный почти неограниченной властію, которая доселѣ была въ его рукахъ, привыкшій къ исполненію нетолько своихъ приказаній, но и малѣйшихъ желаній, онъ теперь сдѣлался главнымъ распорядителемъ на аренѣ, гдѣ нетолько желанія не исполняются, но и событія складываются наперекоръ приказаніямъ. У баловня фортуны опустились руки, упало сердце, заныла душа.

Такое угнетенное состояніе Потемкина началось около половины сентября. На Черномъ морѣ былъ передъ тѣмъ сильный 5-дневный штормъ; севастопольскій флотъ, отплывшій подъ начальствомъ Войновича къ Варнѣ, былъ разметанъ бурей, всѣ суда потерпѣли аваріи, одинъ корабль утонулъ со всѣмъ экипажемъ, другой былъ занесенъ въ Константинопольскій проливъ и взятъ Турками. Уцѣлѣвшія суда собрались послѣ бури и были атакованы Турками, но выдержали натискъ и успѣли добраться до Севастополя. Эта-то неудачная экспедиція и подорвала нравственныя силы Потемкина. Завязалась переписка съ Екатериной; Потемкинъ предлагалъ оставить временно Крымъ для сосредоточенія силъ, послѣ разгрома эскадры бурей; просилъ дозволенія сдать команду Румянцеву, сложить съ себя всѣ свои званія, пріѣхать въ Петербургъ и тому подобное. Екатерина уговаривала и ублажала его съ замѣчательнымъ терпѣніемъ. «Не унывай и береги свои силы. Богъ тебѣ поможетъ, а Царь тебѣ другъ и подкрѣпитель; и вѣдомо, какъ ты пишешь и по твоимъ словамъ проклятое оборонительное состояніе; и я его не люблю; старайся его скорѣе оборотить въ наступательное, тогда тебѣ да и всѣмъ легче будетъ... Оставь унылую мысль, ободри свой духъ, подкрѣпи умъ и душу;.. это настоящая слабость, чтобы, какъ пишешь ко мнѣ, снисложить свои достоинства и скрыться... Не запрещаю тебѣ пріѣхать, если видишь, что пріѣздъ твой не разстроитъ тобою начатое... Приказаніе Румянцеву для принятія команды, когда ты ему сдашь, посылаю къ тебѣ; вручишь ему оное какъ возможно позже... Ничто не пропало; сколько буря была вредна намъ, авось либо столько же была вредна и непріятелю; неужели вѣтеръ дулъ лишь на насъ?» Государыня не считаетъ возможнымъ выводить войска изъ Крыма: «ты нетерпѣливъ, какъ

пятилѣтнее дитя, тогда какъ дѣла, тебѣ порученныя, требуютъ непоколебимаго терпѣнія».

Это же уныніе и упадокъ духа выказывались въ каждой строчкѣ переписки Потемкина съ Румянцевымъ. Нельзя было ждать ничего хорошаго отъ человѣка съ подобнымъ настроеніемъ. Ему нужна была внѣшняя подталкивающая сила или по меньшей мѣрѣ толчки, которые бы, такъ сказать, выбивали его изъ глубины унынія и безнадежности. Такимъ толчкомъ послужила побѣда, одержанная Суворовымъ подъ Кинбурномъ.

Октября 1, послѣ усиленнаго бомбардированія, произведеннаго наканунѣ, съ зарею снова началось обстрѣливаніе Турками крѣпости, сильнѣе прежняго. По приказанію Суворова Русскіе не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ. Около 9 часовъ непріятель подошелъ къ косѣ съ двухъ сторонъ: на западъ отъ Кинбурна, на самой оконечности косы, стали высаживаться съ кораблей Турки; восточнѣе Кинбурна, верстахъ въ 12, пытались высадиться Запорожцы, бѣжавшіе въ Турцію. Запорожская высадка была демонстраціей, для отвлеченія Русскихъ отъ главнаго пункта атаки. и Запорожцы были прогнаны. Высадка же Турокъ на оконечность косы производилась безпрепятственно, подъ руководствомъ французскихъ офицеровъ; кромѣ того, для прикрытія судовъ, Турки вбивали въ морское дно, невдалекѣ отъ мыса, рядъ толстыхъ свай. Суворовъ находился въ это время у обѣдни, по случаю праздничнаго дня; онъ запретилъ стрѣлять и чѣмъ бы то ни было препятствовать высадкѣ Турокъ. «Пусть всѣ вылѣзутъ», пояснялъ онъ и только распорядился сближеніемъ резервовъ, стоявшихъ къ востоку отъ Кинбурна довольно далеко.

Турки высаживались съ шанцевымъ инструментомъ и мѣшками и тотчасъ же принимались съ поспѣшностью рыть неглубокіе ложементы, наполняя мѣшки пескомъ и выкладывая изъ нихъ невысокіе бруствера. Ложементы велись поперекъ косы, отъ Чернаго моря къ Очаковскому лиману, до котораго однако не доходили, ради безпрепятственнаго движенія войскъ, причемъ свободное пространство загораживалось переносными рогатками. Ложементы вырывались почти паралельно одинъ другому, по мѣрѣ движенія Турокъ впередъ; всѣхъ ихъ было 14 или 15. При десантѣ Турки имѣли всего одну пушку, взятую когда-то у Русскихъ.

Для встрѣчи непріятеля, Суворовъ распредѣлилъ войска такимъ образомъ. Въ первую линію, подъ командою генералъ-майора Река, назначено 2 батальона и 5 ротъ; во вторую линію — 3 батальона, въ томъ числѣ одинъ находился еще въ 14 верстахъ за Кинбурномъ. Кавалеріи указано мѣсто влѣво отъ пѣхоты, по берегу Чернаго моря; во главѣ ея казаки. Въ крѣпости оставлено двѣ роты, въ вагенбургѣ за крѣпостью—тоже.

Послѣ полудня Турки сдѣлали омовеніе, совершили обычную молитву на глазахъ у Русскихъ и потомъ стали приближаться къ крѣпости. Въ 3 часу дня, по знаку Суворова, данъ сигналъ къ бою — залпъ изъ всѣхъ орудій, обращенныхъ къ западной сторонѣ косы. Первая линія быстро двинулась изъ крѣпости и вмѣстѣ съ конницей погнала Турокъ. Эти послѣдніе однако за десятымъ ложементомъ опомнились, дали сильный отпоръ, несмотря на поддержку Русскихъ второй линіи опрокинули ихъ и выгнали изъ всѣхъ ложементовъ.

Суворовъ находился въ переднихъ рядахъ, пѣшій, такъ какъ лошадь его была ранена. Увидѣвъ двухъ Турокъ, державшихъ въ поводу по добычной лошади и принявъ этихъ людей за своихъ, такъ какъ высадившіеся Турки кавалеріи не имѣли, сильно утомившійся Суворовъ крикнулъ имъ, чтобы подали ему лошадь. Турки бросились на него вмѣстѣ съ нѣсколькими другими; но къ счастью мушкатеръ Новиковъ услышалъ зовъ своего начальника, бросился на Турокъ, одного закололъ, другого застрѣлилъ и обратился было на третьяго, но тотъ убѣжалъ, а съ нимъ и остальные. Отступавшіе гренадеры замѣтили Суворова и по крику: «братцы, генералъ остался впереди», — ринулись снова на Турокъ. Бой возобновился, и озадаченные Турки стали снова быстро терять одинъ ложементъ за другимъ. Успѣхъ Русскихъ былъ однако непродолжителенъ, ибо и спереди производился по нимъ сильный ружейный огонь, и справа турецкій флотъ осыпалъ ихъ градомъ бомбъ, ядеръ и даже картечи. Правда, флоту отвѣчала крѣпостная артиллерія; она потопила двѣ непріятельскія канонирки, полевая артиллерія истребила двѣ шебеки, а лейтенантъ Ломбардъ атаковалъ своею галерою лѣвый флангъ флота и сбилъ фланговыя суда. Но всего этого было недостаточно, и Русскіе снова принуждены были

ретироваться къ крѣпости, бросивъ нѣсколько полковыхъ орудій.

Солнце стояло низко; генералъ Рекъ былъ еще при первой атакѣ раненъ и вынесенъ изъ боя; убыло изъ строя много и низшихъ начальниковъ; ряды порѣдѣли. Въ довершеніе несчастья самъ Суворовъ получилъ картечную рану въ бокъ, ниже сердца, и на нѣкоторое время потерялъ сознаніе. Онъ еще раньше послалъ въ Кинбурнъ и въ вагенбургъ приказаніе — прислать на подмогу все что можно. Прибыло немного; пришла еще легко-конная бригада по утреннему призыву верстъ за 30. Свѣжія войска повели третью атаку съ бурнымъ порывомъ, выгнали Турокъ изъ всѣхъ ложементовъ и стали тѣснить ихъ сзади и съ боковъ. Непріятель очутился какъ въ тискахъ и нигдѣ не видалъ себѣ спасенія, потому что суда, высадивъ десантъ, отошли въ море по приказанію паши, который думалъ такимъ способомъ вдохнуть въ свои войска больше рѣшимости и храбрости. Скоро они были сбиты на пространство полуверсты; русская артиллерія громила ихъ картечью, нанося страшный уронъ. Турки бросались въ море: одни укрывались за бревенчатой эстакадой, другіе искали спасенія вплавь и гибли въ водѣ сотнями. Дѣло было для нихъ проиграно безвозвратно.

Спустилась ночь; Суворовъ велѣлъ войскамъ отходить къ Кинбурну. Въ концѣ дѣла онъ былъ снова раненъ, ружейною пулею въ лѣвую руку на вылетъ. Онъ подъѣхалъ къ берегу, есаулъ Кутейниковъ омылъ ему рану морскою водой и перевязалъ своимъ галстукомъ. Суворовъ очень страдалъ отъ ранъ и большой потери крови и хотя держался на ногахъ, но часто впадалъ въ обморокъ, что продолжалось больше мѣсяца.

Уцѣлѣвшіе остатки турецкаго десанта провели ночь въ водѣ, за эстакадой. Рано утромъ прибыли къ косѣ турецкія суда за живыми и мертвыми. Посыпались русскія ядра и гранаты и много шлюпокъ потопили; пошло ко дну и одно транспортное судно, слишкомъ нагрузившееся бѣглецами. Суда отошли, успѣвъ забрать живыхъ и часть мертвыхъ; первыхъ было не больше 6 или 700; турецкихъ труповъ осталось на косѣ свыше 1,500.

Побѣда была рѣшительная, но она могла быть еще полнѣе,

если бы русская эскадра, стоявшая въ Глубокой, приняла хоть подъ-конецъ участіе въ дѣлѣ, о чемъ Суворовъ просилъ заблаговременно и потомъ упомянулъ въ своемъ донесеніи. Но эскадра оставалась бездѣятельнымъ зрителемъ, исключая одной галеры лейтенанта Ломбарда, а между тѣмъ, вслѣдъ за кинбурнской побѣдой, адмиралъ Мордвиновъ нашелъ возможнымъ сдѣлать попытку къ сожженію турецкаго флота. Попытка не удалась, и одна пловучая батарея попалась Туркамъ въ руки; находившійся на ней въ качествѣ охотника храбрецъ Ломбардъ хотѣлъ ее взорвать, но былъ удержанъ другими, и Турки взяли его со всѣми прочими въ плѣнъ.

Октября 2 происходило побѣдное торжество. Войска Суворова выстроились на косѣ лицомъ къ Очакову, отслушали молебенъ, произвели побѣдные залпы: большая часть раненыхъ была въ строю. Очаковскіе Турки высыпали на берегъ, смотрѣли и слушали. Они уже не осмѣливались безпокоить Кинбурнъ: впечатлѣніе понесеннаго пораженія было слишкомъ сильное. Долго послѣ того морскія волны выкидывали на окрестные берега турецкіе трупы; въ одинъ день 28 октября ихъ было выброшено на кинбурнскую косу до 70.

Кинбурнское сраженіе отличалось особеннымъ, необычнымъ упорствомъ Турокъ. «Какіе молодцы, съ такими я еще не дирался», писалъ Суворовъ Потемкину. Всего высажено на кинбурнскую косу 5.300 человѣкъ, перевезено обратно на другой день не больше 700, въ плѣнъ попалось мало. Русскихъ войскъ было нѣсколько меньше, именно 4.267, а если не принимать къ счету тѣ части, которыя подоспѣли къ концу сраженія или еще позже, то окажется, что выдержавшихъ на себѣ всю тяжесть боя не наберется и 3.000. Убитыхъ, умершихъ отъ ранъ и искалѣченныхъ сосчитано до 250, да раненыхъ (большею частью легко) 750, всего 1.000 человѣкъ, такъ много потому, что пришлось три раза вести атаку, вслѣдствіе запозданія резервовъ, притянутыхъ Суворовымъ слишкомъ поздно.

Не обошлось и безъ преступившихъ свой долгъ. Потемкинъ пишетъ Суворову: «прошу тебя для Бога, не щади оказавшихъ себя недостойными»; можетъ быть это служило отвѣтомъ на письмо, гдѣ Суворовъ говорилъ: «не оставьте, батюшка, буду-

щихъ рекомендованныхъ, а грѣшниковъ простите». Ходъ дѣла показываетъ, что главный «грѣхъ» произошелъ при первой атакѣ и заключался въ ея неудачѣ, причемъ Суворовъ чуть не остался одинъ передъ Турками. Кромѣ того, въ одномъ изъ писемъ Суворова къ В. С. Попову, читаемъ, что Рекъ надавалъ многимъ похвальные атестаты несправедливо; что нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ «слѣдовало бы разстрѣлять», и что «потворство научитъ впредь шире заячьи капріоли дѣлать». Но это были частные случаи; главное же обстоятельство, затруднившее побѣду, по позднѣйшему заявленію Суворова состояло въ недостаткѣ обученія войскъ. Суворовъ былъ такъ занятъ приготовленіемъ своего района къ войнѣ по всѣмъ частямъ, что у него не достало времени собственно на войска, и это породило «бѣду подъ Кинбурномъ», какъ онъ свидѣтельствуетъ въ одномъ частномъ письмѣ спустя шесть лѣтъ. Да и въ перепискѣ его съ Потемкинымъ зимою 1787—88 годовъ имѣются указанія на недостаточное обученіе войскъ за совершеннымъ недосугомъ. Напримѣръ: «и отъ барабана отвыкли, лишь кричатъ, какъ въ трактирѣ; только бы басурманы дали время».

Кинбурнская побѣда произвела большое впечатлѣніе. Въ Константинополѣ распространилось всеобщее смущеніе, а въ Петербургѣ всѣ были въ восторгѣ, начиная съ Государыни. «Побѣда совершенная», говорила она: «но жаль, что старика ранили». Она разсказывала приближеннымъ подробности сраженія, во дворцѣ былъ большой выходъ, Безбородко читалъ реляцію, Екатеринѣ приносили поздравленія, отслуженъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и съ пушечной пальбой. Отслуженъ благодарственный молебенъ и въ Казанскомъ соборѣ; реляцію читалъ губернаторъ внутри церкви и наружу, въ оградѣ, по требованію предстоявшихъ четыре раза. Потемкинъ оживился и повеселѣлъ.

Въ офиціальной бумагѣ онъ пишетъ Суворову, что побѣдою подъ Кинбурномъ онъ, Суворовъ, «подтвердилъ справедливость тѣхъ заключеній, которыя Россія всегда имѣла о его военныхъ достоинствахъ». Въ другомъ письмѣ Потемкина Суворову читаемъ: «не нахожу словъ изъяснить, сколь я чувствую и почитаю вашу важную службу; я такъ молю Бога о твоемъ здо-

ровьѣ, что желаю за тебя самъ лучше терпѣть, нежели бы ты занемогъ».

Награды были щедрыя: георгіевскіе кресты, золотыя и серебряныя медали, повышеніе чинами, денежныя выдачи солдатамъ по 5, по 2 и по 1 рублю. Государыня сама укладывала въ коробочку орденскія ленточки. Назначеніе награды самому Суворову Государыня рѣшила не сразу: «я разсудила написать Суворову письмо, которое здѣсь прилагаю», писала она Потемкину: «если находишь, что это не лишнее, то отошли... Ему думаю деньги, тысячъ съ десятокъ, либо вещь; подумай и напиши... Не послать ли ленту Андреевскую? Но старше его князь Долгорукій, Каменскій, Миллеръ и другіе... Не могу рѣшиться и прошу твоего дружескаго совѣта, понеже ты еси во истину совѣтодатель мой добросовѣстный». Рескриптъ Государыни Суворову былъ собственноручный, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ; Екатерина, умѣвшая любезностью своею покорять сердца, написала: «чувствительны намъ раны ваши». Потемкинъ, поддержанный побѣдою Суворова и дѣйствительно ему благодарный, отослалъ рескриптъ по принадлежности и посовѣтовалъ Государынѣ не стѣсняться старшинствомъ другихъ надъ Суворовымъ. «Я поставляю себѣ достоинствомъ отдавать вамъ справедливость», писалъ онъ между прочимъ Суворову, подчеркивая эти слова. Екатерина прислала орденъ Андрея Первозваннаго при вторичномъ рескриптѣ; Потемкинъ съ видимымъ удовольствіемъ сообщилъ Суворову о наградѣ, изъявивъ сожалѣніе, что не могъ вручить ее лично.

Суворовъ былъ совершенно очарованъ милостивыми словами рескрипта. Благодаря письменно Государыню за ея рескриптъ, онъ между прочимъ говоритъ: «Вашего Императорскаго Величества высочайшее собственноручное начертаніе награждаетъ меня свыше моихъ малыхъ заслугъ. Блистательные знаки вѣры и вѣрности утверждаютъ меня къ непомраченному соблюденію сихъ отечественныхъ добродѣтелей обоимъ Богамъ» (вѣроятно небесному и земному). Въ другомъ письмѣ къ Екатеринѣ онъ пишетъ: «великій мой начальникъ, имѣя признательность къ малымъ заслугамъ, самыхъ невѣждъ направляетъ къ большимъ и обладаетъ успѣхами». Къ самому Потемкину онъ обращается

съ такими словами: «великая душа вашей свѣтлости освѣщаетъ мнѣ путь къ вящшей императорской службѣ;.. цѣлую ваше письмо и руки, жертвую вамъ жизнью и по конецъ оной... Ключъ таинства моей души всегда будетъ въ вашихъ рукахъ».

Настало глухое зимнее время. Суворовъ сдѣлалъ распоряженія на случай непріятельскаго нападенія, приказавъ между прочимъ скалывать ледъ у береговъ косы и снабдилъ войска инструкціей почти на весь кругъ службы. На зиму онъ остался въ Кинбурнѣ. Здоровье его поправлялось медленно, черезъ 4 мѣсяца бокъ еще болѣлъ и нельзя было въ правой рукѣ держать поводья. Это однако не мѣшало ему, вскорѣ послѣ, сдѣлать въ 6 дней 500 верстъ верхомъ и быть въ отличномъ расположеніи духа.

Въ январѣ 1788 года Австрія объявила войну Турціи, но не очень ее этимъ испугала. Съ нашей стороны дѣлались большія приготовленія; Потемкинъ обнаруживалъ заботливость о войскахъ изумительную. Онъ дѣятельно поддерживалъ переписку съ Суворовымъ, сообщалъ политическія новости, посылалъ образцы измѣняемаго вооруженія и снаряженія, поздравлялъ съ праздниками. Однажды онъ послалъ ему свою шинель, прося носить ее вмѣсто шлафрока. Видно, что между ними существовали очень хорошія отношенія. Онъ между прочимъ подчинилъ Суворову гребныя суда, командованіе коими поручилъ принцу Нассау-Зигену. Въ эту зиму прибылъ къ Суворову его племянникъ, князь Алексѣй Горчаковъ, сержантъ Преображенскаго полка, старшій сынъ его сестры Анны Васильевны (впослѣдствіи военный министръ). Потемкинъ просилъ Императрицу назначить этого Горчакова флигель-адъютантомъ къ дядѣ, и такъ какъ отвѣта не было, то повторилъ просьбу по собственному побужденію. Со своей стороны Суворовъ старался поддержать благосклонность всесильнаго временщика и начальника; переписывался съ нимъ по обыкновенію въ самыхъ почтительныхъ, даже льстивыхъ выраженіяхъ; называлъ его благодѣтелемъ, великимъ человѣкомъ, мысленно цѣловалъ его руки, а иногда, дабы не безпокоить его самого, обращался къ правителю его канцеляріи Попову. Къ Попову же онъ направляетъ своего племянника при такомъ письмѣ. «Посылаю моего мальчика; сдѣлайте милость, представьте его свѣтлѣйшему князю; повелите ему, чтобы

онъ его свѣтлости поклонился пониже и, ежели можетъ быть удостоенъ, поцѣловалъ бы его руку. Доколѣ Жанъ Жакомъ мы опрокинуты не были, цѣловали мы у стариковъ только полу... Прикажите моему мальчику исполнить какъ приличнѣе».

Къ марту 1788 года были сформированы обѣ арміи. Екатеринославская и Украинская; въ первой состояло на лицо 82.000 человѣкъ, кромѣ казаковъ, во второй 37,000, т. е. по штату, а въ дѣйствительности только 24.000. До комплекта было далеко и въ Екатеринославской; тамъ больныхъ насчитывалось почти 10.000, да въ разныхъ отлучкахъ состояло 31.000; но она была снабжена лучше Украинской, благодаря положенію и силѣ своего главнокомандующаго. Австрійская армія по численности равнялась обѣимъ русскимъ, но была растянута отъ Днѣстра до Адріатическаго моря, такъ что рѣшительныхъ дѣйствій не обѣщала. Да и отъ Потемкина ихъ нельзя было ждать; онъ предположилъ осаждать Очаковъ всѣми своими силами и такимъ образомъ отодвигалъ на годъ наступательныя операціи. Турки успѣвъ усилить гарнизоны Очакова и другихъ пограничныхъ крѣпостей и выславъ къ Очакову флотъ, положили атаковать сначала главныя силы Австрійцевъ, а затѣмъ обратиться противъ Русскихъ.

Подойдя къ Очакову 20 мая, турецкій флотъ сталъ на якорь въ 29 верстахъ отъ берега. Русскій флотъ далеко уступалъ силою турецкому и состялъ преимущественно изъ легкихъ судовъ. Гребною флотиліею командовалъ храбрый, предпріимчивый принцъ Нассау-Зигенъ, а парусным флотомъ Поль Джонсъ, извѣстный борецъ за независимость Америки; послѣдній находился у перваго въ подчиненіи. Турецкимъ флотомъ начальствовалъ капитанъ-паша Гассанъ, человѣкъ съ крупными достоинствами и отважный морякъ.

Обѣ русскія эскадры, парусная и гребная, вышли изъ Глубокой и стали въ 5 верстахъ отъ турецкаго флота. Неравенство силъ было видимое, и 7 іюня Турки повели атаку. Завязалось жаркое дѣло, которое кончилось поздно ночью совершенною неудачей Турокъ. У нихъ 2 судна были взорваны, третье загорѣлось, 18 были повреждены. Наши потери были ничтожны, и все дѣло ведено исключительно гребной флотиліей.

Суворовъ понялъ, что это дѣло было первое, но не послѣднее и оцѣняя важность положенія кинбурнской косы, положилъ тотчасъ же вооружить ее батареями. Возведены были двѣ батареи на 24 пушки, устроена ядро-калительная печь; между батареями поставлены два батальона для ихъ обороны. Положеніе этихъ батальоновъ было чрезвычайно тяжелое, не по свойству службы, а потому, что они стояли на мѣстѣ прошлогодней битвы. Трупы, зарытые въ песокъ, гнили медленно вслѣдствіе фильтраціи морской воды и издавали отвратительный запахъ. Явились признаки заразы, нѣсколько человѣкъ умерло. Суворовъ предписалъ частыя купанья въ морѣ и какъ можно больше движенія, испытавъ пользу этихъ мѣръ на самомъ себѣ. Находясь весьма часто на косѣ, онъ былъ доведенъ однажды трупнымъ запахомъ почти до обморока и только выкупавшись немедленно въ морѣ, избавился отъ дурноты.

Предусмотрительность Суворова насчетъ постройки батарей оправдалась послѣдствіями. Гассанъ-паша дѣятельно готовился къ новому бою и черезъ 10 дней атаковалъ Русскихъ вторично. Турокъ опять постигла неудача; одинъ корабль ихъ взорванъ, другой взятъ; началось безпорядочное бѣгство. Пала ночь; турецкіе корабли медленно двигались къ выходу въ море, но едва поровнялись съ кинбурнскими батареями, какъ открылся по нимъ огонь до того сильный, что Гассанъ сталъ опасаться,—вѣрно ли онъ взялъ курсъ и не попалъ ли въ темнотѣ подъ пушки кинбурнской крѣпости. Въ часъ ночи показалась луна; стало такъ хорошо видно, и турецкіе корабли находились на такомъ недалекомъ разстояніи, что каждый почти снарядъ попадалъ въ цѣль. Вдобавокъ, суда безпрестанно натыкались на мели и слѣдовательно обращались въ цѣль неподвижную. Поднялась суматоха неописанная; одни суда горѣли, другія—тонули, люди бросались въ воду. Такимъ образомъ съ Суворовскихъ батарей было разбито 7 судовъ.

Потери непріятеля за все дѣло 17 іюня были огромныя. Истреблено кораблей и другихъ судовъ—15, одинъ корабль взятъ; убито, ранено и потонуло до 6.000 человѣкъ, около 1.800 попало въ плѣнъ. Потеря Русскихъ оказалась ничтожной и не доходила до 100 человѣкъ. Рѣшительнымъ исходомъ дѣла тѣмъ болѣе

можно было гордиться, что это, по выраженію Суворова, было побѣдой «жучекъ надъ слонами».

Восторги Потемкина не знали границъ; ему казалось, что Очаковъ, свидѣтель такого погрома, долженъ немедленно сдаться, хотя не былъ еще обложенъ. Съ этою цѣлью онъ поручилъ Суворову попытаться переговорить съ Очаковскимъ пашей, обѣщая сохраненіе жизни и цѣлость имѣнія. Надежды его однако не оправдались, Очаковъ вовсе не намѣренъ былъ сдаваться, несмотря на назначенный ему 24-часовой срокъ. Потемкинъ какъ будто ждалъ чуда, не дѣлая со своей стороны ничего. Еще въ прошломъ году, тотчасъ послѣ кинбурнской побѣды, Суворовъ настойчиво совѣтовалъ сдѣлать на Очаковъ покушеніе, но Потемкинъ призналъ это рискованнымъ. Затѣмъ весною Суворовъ опять предлагалъ штурмовать Очаковъ и брался исполнить это дѣло. Потемкинъ опять не согласился въ ожиданіи того времени, когда онъ придетъ къ городу. Въ этихъ предложеніяхъ и отказахъ заключается основное различіе двухъ военныхъ людей, и если взять въ расчетъ ихъ личные характеры и особенности положенія каждаго, то станетъ ясно, что взаимныя добрыя ихъ отношенія могли бы сохраниться до конца только чудомъ.

Черезъ нѣсколько дней Гассанъ-паша снова вступилъ въ лиманъ, для спасенія оставшихся подъ Очаковымъ судовъ, но Суворовъ прогналъ его огнемъ своихъ батарей.

Миновалъ іюнь мѣсяцъ, и Потемкинъ подошелъ наконецъ къ Очакову. Разстояніе около 200 верстъ потребовало 5-недѣльнаго похода, и хотя вслѣдствіе разлива рѣкъ, недостатка корма и другихъ препятствій, армія не могла двигаться быстро, но подобная медленность все-таки остается непонятной, такъ что она вызвала протестъ со стороны Австрійцевъ и объясняется единственно неровнымъ, капризнымъ характеромъ Потемкина. Одинъ изъ знатныхъ иностранцевъ, находившихся при главной квартирѣ, принцъ де-Линь, иронически замѣчаетъ, что главнокомандующаго задерживала мѣстами вкусная рыба. Если этого и не было буквально, то все-таки Потемкинъ велъ себя не какъ полководецъ, а какъ большой баринъ, сибаритъ. Кромѣ того въ немъ снова появились колебанія, а вмѣстѣ съ ними желаніе —

очистить временно Крымъ и притянуть къ себѣ находившіяся тамъ войска. Но Екатерина рѣшительно этому воспротивилась, какъ и въ прошломъ году, объясняя своему баловню самыя элементарныя соображенія, по которымъ его желаніе представлялось неисполнимымъ. «Ради Бога не пущайся на сіи мысли, кои мнѣ понять трудно», говоритъ она въ письмѣ 27 мая; «когда кто сидитъ на конѣ, тогда сойдетъ ли съ онаго, чтобы держаться за хвостъ», поясняетъ она съ естественнымъ оттѣнкомъ досады. Дѣлать нечего, Потемкинъ покорился необходимости и ужъ къ этой темѣ не возвращался.

По прибытіи къ Очакову, онъ немедленно сдѣлалъ рекогносцировку и приказалъ истребить остатки турецкой флотиліи, стоявшей подъ крѣпостью, что и было исполнено 1 іюля съ полнымъ успѣхомъ. Въ тотъ же день армія обложила крѣпость, расположившись отъ нея верстахъ въ пяти, дугою, причемъ правый флангъ примыкалъ къ Черному морю, а лѣвый къ Очаковскому лиману. Правымъ крыломъ командовалъ Меллеръ, центромъ князь Репнинъ, лѣвымъ крыломъ Суворовъ, призванный сюда въ половинѣ іюля изъ подъ Кинбурна съ Фанагорійскимъ полкомъ и нѣкоторыми другими войсковыми частями.

Крѣпость Очаковъ имѣла видъ неправильнаго четыреугольника, состоявшаго съ сухого пути изъ низкихъ бастіоновъ съ сухимъ рвомъ и гласисомъ, а съ моря изъ простой каменной стѣны. Съ сухого пути тянулись кромѣ того позже построенные 10 передовыхъ люнетовъ, а съ моря усиливалъ оборону фортъ Гассанъ-паша. Въ моментъ открытія осады, крѣпость представляла собою ограду прочную, но не въ состояніи была долго противустоять дѣятельной, энергической атакѣ. А Потемкинъ именно на это и не рѣшался. Въ теченіе 25 дней онъ ограничивался незначительными рекогносцировками, проектированіемъ плана осады и приготовленіями къ ней. Его тревожили нарочно распущенные Турками слухи о минахъ, заложенныхъ французскими инженерами, и онъ поджидалъ изъ Парижа подробныхъ плановъ крѣпости со всѣми минными галереями. Ему досаждали кромѣ того иностранцы, которыми наполнена была главная квартира и которые внимательно, а слѣдовательно и критически, слѣдили за ходомъ дѣла. Онъ сталъ хандрить, сдѣлался скученъ, угрюмъ,

капризенъ и съ досадою называлъ Очаковъ «проклятою крѣпостью».

Людямъ противуположнаго закала такой способъ веденія войны не могъ придтись по вкусу, особенно Суворову, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ предлагавшему овладѣть крѣпостью штурмомъ. Настаивать на томъ же нынѣ, было очевидно напрасною тратою словъ; подобныя попытки только увеличивали упрямство Потемкина. И хотя Суворовъ очень дорожилъ благосклонностью къ себѣ всемогущаго временщика и хорошо зналъ его слабыя стороны, но не могъ удержать себя отъ критики и сарказмовъ. «Не такими способами бивали мы Поляковъ и Турокъ», говорилъ онъ въ близкомъ кругу: «однимъ глядѣньемъ крѣпости не возьмешь. Послушались бы меня, давно Очаковъ былъ бы въ нашихъ рукахъ». Но энергическій, даровитый, вѣрившій въ себя Суворовъ не могъ ограничиться одними словами; онъ уже пріобрѣлъ привычку—не отдѣлять на войнѣ слова отъ дѣла. Чувство самосохраненія, въ смыслѣ поддержанія добрыхъ отношеній къ главнокомандующему, не дозволяло ему рѣшиться заранѣе, обдуманно, на что либо противорѣчащее плану Потемкина; но чувство это не на столько было сильно, чтобы сдержать Суворова отъ подобныхъ дѣйствій неожиданно для него самого, по вдохновенію, по требованію минуты. Въ этой возможности заключалась для него личная опасность.

При бездѣятельности Потемкина Турки, набравшись смѣлости, рискнули на крупное предпріятіе и 27 числа сдѣлали большую вылазку на крайній лѣвый флангъ осаднаго расположенія. До 500 человѣкъ турецкой пѣхоты выйдя изъ крѣпости въ 2 часа дня, стали тихо пробираться вдоль берега лимана; пѣхотѣ открывалъ путь небольшой кавалерійскій отрядъ, человѣкъ въ 50. Они пробрались незамѣтно лощинами, внезапно ударили на пикетъ изъ бугскихъ казаковъ, сбили его и двинулись дальше. Суворовъ находился на лицо; онъ послалъ команду стрѣлковъ Фанагорійскаго полка, которая огнемъ своимъ пріостановила Турокъ; на подкрѣпленіе этой командѣ подоспѣлъ еще гренадерскій батальонъ при генералѣ Загряжскомъ. Люди такъ рвались къ бою, что удержать ихъ было невозможно, хотя Суворовъ и пытался это сдѣлать чрезъ посредство нѣсколькихъ

нарочныхъ, посланныхъ поочередно. Завязалась жестокая схватка; Турки, пользуясь пересѣченною мѣстностью, держались упорно и росли въ числѣ, благодаря сикурсамъ изъ крѣпости, такъ что наконецъ дошли до 3,000. Затѣмъ приспѣлъ Фанагорійскій батальонъ и ударилъ въ штыки; бой разгорѣлся еще сильнѣе.

Наканунѣ бѣжалъ изъ русскаго лагеря молодой крещеный турокъ, знавшій Суворова въ лицо. Этотъ бѣглецъ примѣтилъ Суворова въ бою и указалъ на него турецкому стрѣлку; тотъ приложился, пуля пронизала Суворову шею и остановилась у затылка. Суворовъ ощупалъ рану, призналъ ее опасною и передалъ начальство генералъ-поручику Бибикову. Такъ какъ поддержки не прибывало ни откуда, и продолженіе боя не обѣщало успѣха, то Суворовъ приказалъ Бибикову отводить войска изъ подъ огня турецкихъ укрѣпленій. Но или приказаніе было дурно понято и исполнено, или отбытіе Суворова произвело на войска дурное впечатлѣніе, только вмѣсто того, чтобы отводить батальоны исподоволь и отступать въ порядкѣ, былъ данъ отбой. Люди смѣшались, бросились назадъ и пустились въ безпорядочное бѣгство, потерявъ при этомъ лишнюю сотню убитыми и ранеными. Въ итогѣ съ нашей стороны убито и ранено около 450 и до 50 попало въ плѣнъ; потеря Турокъ не можетъ быть меньше. Рана Суворова оказалось потомъ неопасной.

Принцъ де-Линь, замѣтивъ какъ въ разгарѣ боя турецкіе значки потянулись къ своему правому флангу, и лѣвофланговыя укрѣпленія оставались почти безъ защиты, предложилъ немедленно ихъ штурмовать. Потемкинъ отказалъ. Онъ четыре раза посылалъ Суворову приказаніе прекратить бой и отступить, а въ послѣдній разъ послалъ исправлявшаго должность дежурнаго генерала съ грознымъ вопросомъ: какъ онъ, Суворовъ, осмѣлился безъ повелѣнія завязать такое важное дѣло? У Суворова въ это время извлекли пулю изъ шеи и перевязывали рану. Выслушавъ посланнаго, онъ дерзко отвѣчалъ:

Я на камушкѣ сижу,
На Очаковъ я гляжу.

А на другой день Потемкинъ прислалъ грозный запросъ: «будучи въ невѣдѣніи о причинахъ вчерашняго происшествія,..

я требую, чтобы в. в-во немедленно меня о немъ увѣдомили». Прямого донесенія Суворова на этотъ запросъ не найдено.

Послѣ всего произшедшаго, Суворову нельзя было оставаться на своемъ посту подъ Очаковымъ, тѣмъ паче, что и состояніе его здоровья того не дозволяло. Черезъ пять или шесть дней онъ уѣхалъ въ Кинбурнъ, какъ самъ объясняетъ, чтобы имѣть наблюденіе за непріятельскимъ флотомъ и, по взятіи Очакова, не пропускать его въ лиманъ. Онъ пріѣхалъ туда совсѣмъ больной: обморокъ слѣдовалъ за обморокомъ, лихорадило, дыханіе было очень затруднено, появилась желтуха. Собрали консиліумъ, осмотрѣли снова рану и сдѣлали вторичную перевязку, такъ какъ первая была второпяхъ наложена не хорошо. Рана оказалась воспаленная, нечистая; изъ нея вынули нѣсколько кусочковъ сукна и подкладки. Затѣмъ началось улучшеніе, и чрезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, послѣ усерднаго лѣченія, Суворовъ поправился довольно удовлетворительно.

Надо удивляться, что выздоровленіе шло быстро, потому что кромѣ физическихъ страданій, Суворовъ выносилъ мучительное душевное безпокойство. Онъ старается умилостивить Потемкина; пишетъ ему туманно, намеками и полуфразами, видимо сдерживается и ищетъ словъ; но это ему удается лишь отчасти, и мѣстами проскакиваетъ настоящій Суворовъ. Онъ называетъ Потемкина великимъ человѣкомъ, благодѣтелемъ своимъ; удивляется перемѣнѣ, въ немъ произшедшей; говоритъ, что «безвинно страждетъ», что желаетъ уѣхать лѣчиться «для поправленія здоровья отъ длинной кампаніи, но что возвращеніе расположенія со стороны Потемкина подѣйствовало бы успѣшнѣе... Всякій имѣетъ свою систему, такъ и по службѣ я имѣю мою... мнѣ не переродиться и поздно... Коли вы не можете побѣдить свою немилость, удалите меня отъ себя; есть мнѣ служба въ другихъ мѣстахъ по моей практикѣ, по моей степени; но милости ваши, гдѣ бы я ни былъ, вездѣ помнить буду». Письма его къ Потемкину довольно часты, но коротки; онъ благодаритъ за письма, за милости къ племяннику, поздравляетъ съ чѣмъ-то, цѣлуетъ руки. Дѣловая его переписка съ Потемкинымъ идетъ по прежнему, въ ней только меньше прежняго отступленій неслужебнаго характера и изъ нея не видно, чтобы произошла большая пере-

мѣна въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. А между тѣмъ перемѣна произошла несомнѣнно, только не на долго.

О неудачномъ дѣлѣ 27 іюля было донесено конечно и Императрицѣ. Передавая эту непріятную новость одному изъ своихъ статсъ-секретарей, она сказала: «спалилъ Суворовъ; бросясь безъ спроса, потерялъ съ 400 человѣкъ и самъ раненъ; онъ конечно былъ пьянъ». Государыня ошибалась или была введена Потемкинымъ въ заблужденіе, какъ можетъ быть самъ Потемкинъ былъ введенъ въ заблужденіе недоброжелателями Суворова [10]). Вина Суворова 27 іюля неоспорима, и оправдывать его нельзя, но нельзя также оправдать Потемкина, не поддержавшаго атаку, которая, если взять во вниманіе общность обстоятельствъ этого дня, изложенныхъ выше, могла повести къ успѣху, такъ дорого впослѣдствіи доставшемуся. Одинъ обнаружилъ военное дарованіе, военный глазомѣръ, сдѣлавъ совершенно неожиданный, не разсчитанный раньше шагъ; поведеніе же другого удостовѣряетъ въ его предводительской несостоятельности. Екатерина была слишкомъ строга въ своемъ сужденіи о Суворовѣ; изъ предшествовавшихъ страницъ видно, что онъ дѣйствовалъ совершенно такъ, какъ указывала Государыня Потемкину неоднократно. Въ отзывѣ Екатерины о Суворовѣ ясно сквозитъ ея пристрастіе къ Потемкину. Кромѣ того фактъ искуственно — возбужденнаго состоянія Суворова сомнителенъ и самъ по себѣ. Изъ послѣдовавшей переписки Суворова съ Потемкинымъ видно, что первый просто не сознаетъ за собой вины, а это было бы невозможно при наличности винныхъ паровъ въ головѣ Суворова во время атаки. Не мѣшаетъ также припомнить, что Суворовъ обѣдалъ въ 9 часу утра; съ чего же проявилось въ немъ алкогольное возбужденіе послѣ обычнаго послѣобѣденнаго сна? Въ долгой боевой жизни Суворова встрѣчается столько внезапностей и экспромптовъ, что объяснять одинъ изъ нихъ дѣйствіемъ вина по меньшей мѣрѣ не логично, а всѣ—невозможно.

Одна бѣда не приходитъ. Суворовъ сталъ уже поправляться, какъ 18 августа, утромъ, раздался въ Кинбурнѣ ужасный ударъ и потомъ грохотъ отъ множества другихъ ударовъ меньшей силы. Это былъ взрывъ лабораторіи, гдѣ въ то время снаряжались бомбы и отпускались на флотилію. Снаряженныя бомбы

и брандкугели разнесло въ разныя стороны, и онѣ послѣдовательно разрывались. Но все это Суворовъ узналъ послѣ, а въ моментъ взрыва онъ не могъ сообразить, что такое случилось. Вскочивъ со стула, онъ несмотря на слабость побѣжалъ къ двери; въ этотъ моментъ влетѣла бомба въ комнату, разорвалась, своротила часть стѣны и разбила кровать; кусками оторванной щепы ранило Суворова въ лицо, грудь, руку и ногу. Онъ выбѣжалъ черезъ сѣни на лѣстницу, а такъ какъ она тоже была разбита, то спустился по периламъ во дворъ.

Густая туча порохового дыма нависла надъ Кинбурномъ и на нѣкоторое время превратила почти въ ночь стоявшій тогда ясный день. Въ крѣпости поднялось смятеніе; всѣ были въ ужасѣ, и большое число людей пострадало, въ томъ числѣ нѣсколько лицъ, жившихъ съ Суворовымъ подъ одной кровлей. Убитыхъ и раненыхъ насчитали 87, вмѣстѣ съ работавшими надъ бомбами, такъ что причина взрыва осталась неизвѣстной. По рѣдко встрѣчающейся случайности, бочки съ порохомъ, находившіяся въ томъ же помѣщеніи, остались цѣлы, иначе пострадала бы вся крѣпость. Все таки эфектъ отъ взрыва былъ такъ великъ, что турецкій флотъ далъ нѣсколько залповъ, да и послѣ обѣда открылась вторичная съ кораблей пальба, которая продолжалась не малое время. Кромѣ того начальствовавшій въ Очаковѣ паша послалъ къ Гассану-пашѣ приглашеніе—воспользоваться случаемъ, сдѣлать на кинбурнскую косу высадку. Капитанъ-паша однако отказался; онъ понималъ, что успѣхъ отъ подобнаго предпріятія былъ болѣе, чѣмъ сомнителенъ.

Осада пошла своимъ чередомъ, черепашьимъ шагомъ. Турки сберегая снаряды, стрѣляли рѣдко, а сами очень страдали отъ канонады; частые пожары совершенно опустошили городъ. Но всего этого Потемкину было мало. А Гассанъ-паша успѣлъ тѣмъ временемъ подкрѣпить очаковскій гарнизонъ 1500 человѣкъ и ушелъ съ флотомъ лишь въ началѣ ноября.

Наступила осень. Прежде бывало кипѣла въ лагерѣ и главной квартирѣ жизнь; общество было многочисленное, пріѣзжихъ дамъ много; давались пиры и балы, гремѣла музыка, привозилась отовсюду нарочно посланными гонцами разная рѣдкостная провизія къ столу Потемкина. Онъ самъ по цѣлымъ днямъ ле-

жалъ на диванѣ, по мѣсяцамъ не писалъ писемъ, даже Императрицѣ. Вокругъ него толпилась цѣлая орда праздныхъ людей, до 600 офицеровъ-курьеровъ и ординарцевъ, до 200 музыкантовъ, балетъ въ полномъ составѣ и проч. и проч. Теперь это миновало; ненастная погода разогнала однихъ, долгое ожиданіе развязки — другихъ; физіогномія главной квартиры измѣнилась. Потемкинъ съ каждымъ днемъ становился угрюмѣе и мрачнѣе. Затѣмъ мокрая, холодная осень перешла въ лютую зиму, которая надолго осталась въ памяти народной подъ названіемъ *очаковской*. Съ начала октября подули, перемежаясь, холодные вѣтры, въ первой половинѣ ноября стали морозы, вѣтеръ потянулъ прямо съ сѣвера, начались снѣжные бураны. Кругомъ на далекое разстояніе лежала голая степь, въ которой не было нетолько дровъ, но и бурьяну, а тѣмъ паче корма для скота. Цѣны на всѣ харчи повысились неимовѣрно, такъ что 50—рублевая лошадь продавалась за 5 рублей, даже за 3. Снѣга выпали чрезвычайно глубокіе, морозы переходили за 20°, солдаты коченѣли въ своихъ землянкахъ, терпя во всемъ нужду и даже голодъ; съ первыхъ чиселъ октября начались побѣги въ Очаковъ, которые все усиливались. Офицеры страдали не меньше солдатъ; нѣкоторые изъ нихъ по увѣренію очевидца просили милостыню; многихъ кормилъ генералъ князь Репнинъ на свои средства. Тѣмъ временемъ въ турецкихъ крѣпостныхъ веркахъ произведены огромныя поврежденія, какъ бы приглашавшія осаждающихъ къ штурму; но Потемкинъ все таки продолжалъ осаду, которую Румянцевъ язвительно называлъ *осадой Трои*. Смертность развилась чрезвычайная, отъ одной стужи убывало по 30—40 человѣкъ въ день; во время посѣщенія Потемкинымъ лагеря, солдаты взяли смѣлость лично просить его о штурмѣ, но и это не подѣйствовало. Наконецъ между всѣми чинами арміи пошелъ глухой ропотъ.

Лишь дойдя до безъисходнаго положенія, когда отступленіе, невозможное нравственно, сдѣлалось почти невозможнымъ и физически, вслѣдствіе совершеннаго израсходованія главныхъ жизненныхъ потребностей,—Потемкинъ рѣшился на штурмъ, назначилъ его на 5 декабря и приказалъ готовиться. Но 4 числа былъ такой сильный вѣтеръ и мятелью намело столько снѣга, что штурмъ пере-

несли на 6 число. Предпринятый послѣ такой цѣпи тяжкихъ испытаній, штурмъ былъ кровавый, безпощадный въ полномъ смыслѣ слова. Онъ продолжался всего часъ съ четвертью, при морозѣ въ 23°; по истеченіи этого времени, Очаковъ сталъ громадной свѣжей могилой. Грабежъ продолжался трое сутокъ, согласно данному заранѣе войскамъ обѣщанію. Съ русской стороны число убитыхъ и раненыхъ на штурмѣ превышало 2000 человѣкъ, за все же время осады погибло до 20.000 и почти всѣ лошади.

Суворовъ послалъ Потемкину поздравительное письмо. Войска для штурма онъ отправилъ больше трехъ недѣль назадъ, какъ вѣроятно было приказано, но самъ остался въ Кинбурнѣ, «ибо чувствовалъ отъ раны слабость во всемъ корпусѣ».

Императрица въ это время была нездорова; она выздоровѣла отъ радости, получивъ донесеніе о взятіи Очакова. Награды были щедрыя; Потемкинъ получилъ давно желанный имъ Георгій 1 класса съ бриліантовою звѣздою, шпагу, усыпанную бриліантами и 100,000 рублей. Въ представленіи къ наградамъ былъ помѣщенъ и Суворовъ. Потемкинъ положилъ противъ него такую атестацію: «командовалъ въ Кинбурнѣ и подъ Очаковымъ, во время же пораженія флота участвовалъ не мало дѣйствіемъ со своей стороны». Его же отмѣтка: «перо въ шляпу». Суворовъ получилъ дѣйствительно бриліантовое перо большой цѣнности, съ буквою К.

Взятіемъ Очакова кончились дѣйствія русской главной арміи въ 1788 году. Немного было сдѣлано при средствахъ, которыми обладалъ и распоряжался Потемкинъ, но все же больше, чѣмъ Австрійцами. Украинская армія Румянцева выполнила свою пассивную задачу вполнѣ.

Суворовъ продолжалъ жить и лѣчиться въ Кинбурнѣ, но потомъ, по приглашенію Потемкина, переѣхалъ въ Херсонъ, а затѣмъ въ Кременчугъ. Вѣроятно ненормальность его отношеній къ Потемкину скоро сгладилась, ибо Потемкинъ не отличался злопамятностью. И хотя онъ, Суворовъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ, что ему тогда готовилась «Уріева смерть», но подобныя преувеличенія были свойствомъ его темперамента.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вторая Турецкая война: Фокшаны, Рымникъ.

1789.

Въ январѣ 1789 года Потемкинъ поѣхалъ въ Петербургъ и былъ принятъ съ почетомъ и тріумфомъ, въ которыхъ благосклонность къ нему Государыни играла гораздо большую роль, чѣмъ дѣйствительныя его заслуги. Кромѣ благосклонности, дѣйствовало тутъ и соображеніе: тогда восходила новая звѣзда, Платонъ Зубовъ, которая могла угрожать Потемкину въ будущемъ; слѣдовало ублажить стараго любимца, успокоить его тревожныя чувства и опасенія. Послѣ непрерывной цѣпи празднествъ, всеобщаго славословія, поклоненія и безчисленныхъ знаковъ вниманія Императрицы, онъ отправился къ арміи въ началѣ марта 1789 года.

Екатеринославская армія была укомплектована до 80,000, Украинская до 35,000. Первая долженствовала занять линію Днѣстра, вторая прикрывать операціи первой и содержать связь съ Австрійцами. Военныя дѣйствія начались въ Украинской арміи. Турки предприняли наступленіе на Австрійцевъ со стороны Фокшанъ и на Русскихъ со стороны Пуценъ. Австрійскія передовыя войска отступили, русская же дивизія генерала Дерфельдена по приказанію Румянцева двинулась къ Бырладу и дважды разбила Турокъ на голову. Затѣмъ, въ послѣднихъ числахъ апрѣля,

Дерфельденъ занялъ наблюдательное положеніе у Бырлада, куда вскорѣ прибылъ Суворовъ и принялъ у Дерфельдена дивизію. Осмотрѣвъ мѣстность, онъ выбралъ впереди Бырлада хорошую позицію и перевелъ туда свои войска [11]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнилось у него начальство. Подъ вліяніемъ Потемкина, Екатерина перестала относиться съ прежнею благосклонностью къ Румянцеву, чему отчасти способствовалъ онъ самъ, сильно наскучивъ Государынѣ жалобами на разные недостатки въ его арміи. Екатерина рѣшилась устранить его отъ командованія и подчинить обѣ арміи Потемкину, «дабы согласно дѣло шло». Это было натяжкой, потому что Румянцевъ исполнялъ свою задачу въ минувшую кампанію безукоризненно и раздоровъ съ Потемкинымъ не имѣлъ. Ему предложили начальствованіе надъ новой арміей, предполагавшейся къ формированію противъ Пруссіи; онъ понялъ заднюю мысль, сдалъ Украинскую армію Каменскому до прибытія назначеннаго на его мѣсто князя Репнина, подалъ въ отпускъ за-границу и поселился въ небольшомъ имѣніи Стынки, неподалеку отъ Яссъ.

Князь Репнинъ, смѣнившій Румянцева, поступилъ подъ начальство Потемкина. Бывшая Екатеринославская армія между тѣмъ стягивалась къ Ольвіополю, а потомъ, въ половинѣ іюля, потянулась къ Бендерамъ, по обыкновенію не торопясь. Турки, пользуясь этимъ, рѣшились нанести сильный ударъ, и корпусъ войскъ подъ начальствомъ Османа-паши предпринялъ наступленіе къ Фокшанамъ, дабы разбить сначала Австрійцевъ, а потомъ обратиться на Русскихъ. Командовавшій лѣвою оконечностью австрійской арміи, принцъ Кобургскій, обратился съ настоятельной просьбой о подкрѣпленіи къ ближайшему русскому военачальнику, Суворову.

Подъ начальствомъ Суворова состояло пять пѣхотныхъ, восемь кавалерійскихъ полковъ и 30 орудій полевой артиллеріи. На приглашеніе принца Кобургскаго онъ отвѣчалъ, что выступаетъ тотчасъ же и дѣйствительно двинулся въ 6 часовъ вечера 16 іюля, съ большею частью своей дивизіи, по направленію къ Аджушу на р. Серетѣ. Онъ могъ распорядиться совершенно свободно, потому что еще раньше получилъ приказаніе Потемкина — не дозволять скопленіе передъ собою непріятельскихъ

силъ и атаковать ихъ. Кромѣ того ему, по всей вѣроятности, и въ данномъ случаѣ было прислано приказаніе—продвинуться впередъ, за Серетъ. Онъ выбралъ кратчайшую, но трудную дорогу, шелъ вечеръ, ночь и слѣдующій день и прибылъ къ Аджушу въ 10 часовъ вечера, пройдя въ 28 часовъ до 50 верстъ. Цѣлый день пошелъ на наводку трехъ мостовъ на рѣкѣ Тротушѣ, и русскія войска основательно отдохнули. Первымъ дѣломъ представлялось взаимное соглашеніе командующихъ отрядами на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій, и потому Кобургъ послалъ 18 числа утромъ къ Суворову, привѣтствовать его и просить о личномъ свиданіи. Суворовъ далъ уклончивый отвѣтъ, который поставилъ Кобурга въ недоумѣніе. Принцъ написалъ къ Суворову во второй разъ; посланнаго не приняли, сказавъ, что генералъ Богу молится; нѣсколько времени спустя отправленъ третій посланный, — отвѣчено, что генералъ спитъ. Такъ прошелъ день, не безплодно конечно, потому что дѣлались приготовленія къ переправѣ, и въ 11 часовъ вечера Кобургъ получилъ отъ Суворова небольшую записку, написанную по-французски. Сущность ея состояла въ слѣдующемъ: «Войска выступаютъ въ 2 часа ночи тремя колоннами; среднюю составляютъ Русскіе; непріятеля атаковать всѣми силами, не занимаясь мелкими поисками вправо и влѣво. Говорятъ, что Турокъ передъ нами тысячъ пятьдесятъ, а другія пятьдесятъ—дальше; жаль, что они не всѣ вмѣстѣ, лучше бы было покончить съ ними разомъ». Получивъ эту записку, Кобургъ не безъ колебаній рѣшился принять ее къ исполненію, такъ какъ препираться и спорить было некогда, а Суворовъ имѣлъ уже такую боевую репутацію, что уступку ему сдѣлать можно, несмотря на то, что Кобургъ былъ старше его въ чинѣ и имѣлъ поэтому больше правъ на общее руководительство.

Поступокъ Суворова былъ рискованный, но на этотъ разъ удался, благодаря мягкости австрійскаго генерала. Зная очень хорошо образъ дѣйствій Австрійцевъ, ихъ медленность, нерѣшительность, склонность къ крайнему методизму, Суворовъ рѣшился повести дѣло по своему. Позже онъ объяснялъ, что долженъ былъ избѣгать свиданія съ Кобургомъ, иначе «мы бы все время провели въ преніяхъ дипломатическихъ, тактическихъ,

энигматическихъ; меня бы загоняли, а непріятель рѣшилъ бы нашъ споръ, разбивъ тактиковъ».

Часа въ 3 послѣ полуночи союзники выступили тремя колоннами, перешли по тремъ мостамъ Тротушъ и продолжали путь къ Фокшанамъ двумя колоннами; правую составляли австрійскія войска, лѣвую русскія. Лѣвой колоннѣ данъ авангардъ изъ австрійскихъ войскъ, преимущественно изъ конницы, подъ начальствомъ полковника Карачая, чтобы скрыть отъ Турокъ какъ можно дольше присутствіе Русскихъ. Переночевавъ въ Карломанешти, утромъ 20 іюля двинулись дальше и въ Маринешти построились въ боевой порядокъ. Суворовъ выѣхалъ слишкомъ много впередъ, производя рекогносцировку, и чуть было не попалъ въ руки Турокъ, но къ счастію они его не узнали. Въ боевомъ порядкѣ, по правую руку стали Австрійцы, по лѣвую Русскіе.

Завязалась передовая схватка, довольно упорная; въ результатѣ Турки были прогнаны за р. Путну. При наступившей ночи, подъ проливнымъ дождемъ, стали наводить мостъ; Турки препятствовали, вздувшаяся вода замедляла работу, но мостъ все таки поспѣлъ раньше полуночи. Вслѣдъ за небольшимъ австрійскимъ авангардомъ перешелъ на ту сторону и Суворовъ, а на 21 іюля переправился австрійскій корпусъ.

Союзники стали въ прежнемъ боевомъ порядкѣ и двинулись впередъ, къ городку Фокшанамъ, до котораго оставалось 12 верстъ. Карачай со своимъ отрядомъ служилъ связью между австрійскою и русскою частями боевого порядка. Тотчасъ же начались турецкія конныя атаки, сначала слабыя на фронтъ союзниковъ, потомъ сильныя на фланги. Цѣлыхъ два часа кружилась турецкая конница, выбирая моменты для атакъ и пользуясь ими, но наконецъ всею массою отхлынула.

Союзники продолжали наступленіе. На пути ихъ находился довольно большой и густой боръ. Австрійцы взяли вправо, Русскіе влѣво; Турки повалили оттуда къ фокшанскимъ землянымъ окопамъ, гдѣ и засѣли для послѣдняго отпора. Обогнувъ лѣсъ въ примѣрномъ порядкѣ, какъ на ученьѣ, Русскіе пошли по мѣстности, покрытой зарослью и цѣпкимъ кустарникомъ. Путь этотъ весьма утомилъ войска: у людей и лошадей ноги были

перецарапаны и изранены, а между тѣмъ приходилось еще пособлять движенію артиллеріи, вытаскивая ее на рукахъ, но зато и атаки Турокъ были рѣдки и слабы. Онѣ участились и сдѣлались настойчивыми лишь въ то время, когда войска выбрались на открытое мѣсто. Суворовъ вызвалъ изъ-за 3 линіи конницу, которая и отбивала Турокъ; затѣмъ турецкая кавалерія очистила поле, и Турки открыли сильный артиллерійскій огонь. Оба союзные корпуса вошли между тѣмъ во взаимную связь и двигались впередъ съ удвоенною быстротой. Подойдя на версту, союзная артиллерія открыла огонь, конница бросилась въ атаку, а за нею атаковала пѣхота, выбила Турокъ и заняла окопы. Не вдалекѣ за ними находился укрѣпленный монастырь св. Самуила, въ которомъ засѣло нѣсколько сотъ янычаръ. Артиллерія разбила ворота и калитку; Русскіе пошли на штурмъ, за ними тронулись Австрійцы. Въ это время случайно или намѣренно былъ взорванъ въ монастырѣ пороховой погребъ; отъ взрыва пострадали не только Турки, но и штурмовавшіе: съ русской стороны, кромѣ солдатъ, было поранено больше 10 офицеровъ; принца Кобургскаго чуть не задавило обломкомъ стѣны. Но это обстоятельство не могло уже остановить штурмовавшихъ, и всѣ оставшіеся въ живыхъ защитники монастыря были переколоты. Загородомъ находился другой монастырь, св. Іоанна; туда скрылось нѣсколько десятковъ Турокъ. Принцъ Кобургскій отрядилъ батальонъ, и черезъ часъ монастырь былъ взятъ.

Разбитые на голову войска Османа-паши бѣжали въ полномъ разстройствѣ, бросая на дорогѣ все, что замедляло ихъ бѣгство. Легкія войска союзниковъ преслѣдовали ихъ, не давая опомниться, причемъ взяли безъ малаго тысячу повозокъ, нагруженныхъ всякаго рода запасами и много скота. Сверхъ того побѣдителямъ достался богатый фокшанскій лагерь и значительные продовольственные магазины. Военныхъ трофеевъ насчитано 12 пушекъ и 16 знаменъ. Потеря Турокъ убитыми опредѣляется въ 1500, число раненыхъ осталось неизвѣстнымъ, въ плѣнъ взято не больше 100. Союзники потеряли до 400 или 500, въ томъ числѣ Русскіе поменьше половины: ихъ было въ бою 7000, Австрійцевъ 18,000. Бой продолжался 10 часовъ.

Оба начальника съѣхались, сошли съ лошадей и крѣпко

обнялись; ихъ примѣру послѣдовала свита. Суворовъ особенно отличилъ храбраго Карачая и въ присутствіи Кобурга обнялъ и расцѣловалъ его. Съ этого памятнаго дня начались близкія, дружескія отношенія между Суворовымъ и Кобургомъ, благодаря тому, что благородный принцъ сразу призналъ превосходство надъ собою своего русскаго товарища по оружію. Тотчасъ по окончаніи дѣла, онъ приказалъ разослать на землѣ коверъ и подать походный обѣдъ. Суворовъ, Кобургъ, ихъ свита, многіе русскіе и австрійскіе военачальники сошлись за импровизованнымъ столомъ. Добрыя отношенія между Русскими и Австрійцами выдержали даже довольно существенное испытаніе — дѣлежъ трофеевъ и добычи; не было при этомъ никакихъ споровъ, все обошлось полюбовно. Императрица Екатерина была очень довольна такимъ согласіемъ, потому что ея европейскіе недоброжелатели возлагали большую надежду на неизбѣжность внутреннихъ раздоровъ между союзниками.

Суворовъ былъ за наступательныя дѣйствія тотчасъ послѣ побѣды, писалъ объ этомъ Репнину, ручался за успѣхъ, а на случай отказа, иронически спрашивалъ: «на что колоть тупымъ концомъ вмѣсто остраго»? Однако онъ не имѣлъ и не получилъ на это полномочія и потому долженъ былъ вернуться на свое прежнее мѣсто, куда и пришелъ на-легкѣ 25 и 26 іюля, а обозы подошли позже. На первыхъ порахъ онъ донесъ Репнину о своей побѣдѣ такъ: «Рѣчка Путна отъ дождей широка; Турокъ 5—6 тысячъ спорили, мы ее перешли, при Фокшанахъ разбили непріятеля; на возвратномъ пути въ монастырѣ засѣли 50 Турокъ съ байрактаромъ, я ими учтивствовалъ принцу Кобургскому, который послалъ команду съ пушками, и они сдались». Должно быть въ подобномъ же родѣ онъ извѣщалъ и Потемкина, который не удовлетворился донесеніемъ и написалъ Репнину: «о фокшанскомъ дѣлѣ я получилъ, такъ сказать, глухую исповѣдь и не знаю, что писать ко двору. Синаксари Александра Васильевича очень коротки; извольте истребовать отъ него подробнаго донесенія, какъ дѣло происходило и куда непріятель обратился». Вслѣдствіе ли дошедшихъ неточныхъ извѣстій или почему другому, князь Репнинъ поторопился послать принцу Кобургскому поздравительное письмо, приписывая ему честь

побѣды. Потемкинъ въ томъ же письмѣ отъ 31 іюля дѣлаетъ по этому случаю Репнину замѣчаніе: «въ письмѣ къ Кобургу вы нѣкоторымъ образомъ весь успѣхъ ему отдаете. Развѣ такъ было? А иначе не нужно ихъ такъ подымать, и безъ того они довольно горды».

Фокшанская побѣда произвела живую радость при обоихъ союзныхъ дворахъ, особенно въ Вѣнѣ, такъ какъ это было первымъ значительнымъ успѣхомъ Австрійцевъ въ полѣ съ самого начала войны. Императрица Екатерина заплакала отъ удовольствія, поѣхала изъ Царскаго Села въ Петербургъ, прямо въ Казанскій соборъ, гдѣ и слушала благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, въ присутствіи великихъ князей, вызванныхъ изъ Гатчины. Суворовъ былъ награжденъ бриліантовымъ крестомъ и звѣздой къ ордену Андрея Первозваннаго, а отъ Австрійскаго императора получилъ богатую табакерку съ бриліантовымъ шифромъ при очень любезномъ рескриптѣ. Императоръ вспомнилъ даже состоявшаго при Суворовѣ полковника Золотухина и пожаловалъ ему перстень. Кобургу пожалованъ Австрійскимъ императоромъ большой крестъ ордена Маріи Терезіи, а Русской Императрицей великолѣпная табакерка.

Императоръ отдавалъ Суворову лишь должное, даже меньше должнаго. Не будь Суворова, не было бы и побѣды. Турки потому и были побѣждены, что все побѣдное, не достававшее Кобургу, Суворовъ принесъ съ собой.

И прежде Турки знали Суворова, но теперь онъ сталъ имъ особенно извѣстенъ; ему даже дали кличку. Передъ тѣмъ онъ какъ-то наступилъ на иголку, которая вошла ему въ ступню ноги и тамъ сломилась; сломанный конецъ трудно было вытащить и потому Суворовъ хромалъ. Его назвали Топалъ-паша, хромой генералъ.

Іюль прошелъ. Потемкинъ все раздумывалъ и колебался, но подъ конецъ пришелъ къ убѣжденію, будто визирь наступаетъ и потому двинулъ противъ него Репнина. Репнинъ дошелъ до Измаила, самой сильной на Дунаѣ крѣпости, и сталъ въ пушечномъ отъ нея выстрѣлѣ. Русская артиллерія открыла сильный огонь; загорѣлось предмѣстіе, а за нимъ и городъ; въ крѣпостной стѣнѣ образовалась брешь. Войска съ нетерпѣніемъ

ждали штурма, находясь на ногахъ съ ранняго утра до вечера, но Репнинъ на это не отважился, ударилъ отбой и отступилъ съ музыкой и барабаннымъ боемъ.

Наступилъ сентябрь. Суворову еще раньше было дано приказаніе—не давая въ его сторонѣ непріятелю скопляться, атаковать его. Суворовъ продвинулся впередъ, къ Пуцени, и приказалъ производить развѣдки. Онъ не могъ забыть свою несбывшуюся послѣ Фокшанъ мечту о наступленіи и писалъ между прочимъ В. С. Попову: «Мнѣ не очень было весело, что надо было вернуться назадъ; уповали бы на Бога, могъ бы быть и конецъ. Пишу вамъ какъ другу, не пеняю ни на кого».

Опасенія съ русской стороны были не напрасны. Великій визирь перешелъ Дунай у Браилова и двинулся къ Рымнику. Принцъ Кобургскій узналъ про это черезъ лазутчиковъ и тотчасъ же обратился къ Суворову за помощью. Суворовъ получилъ извѣщеніе 6 сентября ночью, но не убѣжденный въ его справедливости, рѣшился выждать, пока обстоятельства разъяснятся несомнѣннымъ образомъ. Почти черезъ сутки приспѣлъ къ нему новый гонецъ Кобурга со вторичной просьбой и съ извѣщеніемъ, что визирь продвинулся еще впередъ, остановился въ разстояніи 4 часовъ пути отъ Австрійцевъ и потому на завтра надо ожидать атаки. Суворовъ увидѣлъ, что напрасно потратилъ время, а потому выступилъ немедленно, въ полночь на 8 сентября, о чемъ и донесъ Потемкину. Вѣроятно такое же требованіе было послано Кобургомъ и прямо Потемкину, ибо этотъ послѣдній, до полученія Суворовскаго донесенія, подтвердилъ Суворову (когда тотъ былъ уже на маршѣ) произвести вмѣстѣ съ Кобургомъ ударъ.

Тяжелъ и труденъ былъ путь Суворова. Дорога оказалась что дальше, то хуже; походъ усложняли еще неоднократныя переправы, понтонный мостъ, наведенный не на мѣстѣ, а въ 15 отъ него верстахъ, проливной дождь, наконецъ буря. Едва успѣлъ перейти по понтонамъ авангардъ, какъ мостъ повредило вздувшимся Серетомъ; измученные, промокшіе насквозь люди стояли по колѣно въ грязи и ждали. Суворовъ выбралъ мѣсто посуше, куда и перевелъ войска; они тамъ простояли до утра при продолжавшемся ненастьѣ. Согнали до 1000 окрестныхъ жителей, нарядили 1500 солдатъ, взяли въ работу австрійскихъ

понтонныхъ лошадей и мостъ къ утру приготовили; а также загатили гать чрезъ образовавшееся передъ мостомъ болото. Перешли мостъ и тронулись въ дальнѣйшій путь.

Если ночь съ 8 на 9 сентября была тяжела для войскъ, то для самого Суворова вдвое. При своей энергической, бурной натурѣ онъ испытывалъ танталову муку, стоя на мѣстѣ, когда надо было идти и идти. Время было очевидно потеряно, и Суворовъ, цѣнившій въ военномъ дѣлѣ время выше всего, больше всякаго другого понималъ важность потери. Но въ этомъ самомъ обстоятельствѣ заключалась и надежда: у Суворова двойника не было, а взглядъ другихъ, особенно Турокъ, не отличался такой строгостью. Стала подтверждать это и дѣйствительность: Кобургъ безпрестанно посылалъ къ Суворову гонцовъ съ записочками, на которыхъ Суворовъ писалъ отвѣты карандашомъ; извѣщенія Кобурга ничего существенно-тревожнаго въ себѣ не заключали; Турки очевидно не торопились. Суворовъ могъ подъ конецъ успокоиться совершенно, но что онъ достигъ этого послѣ сильной внутренней тревоги, это явствуетъ изъ серьезности тогдашняго положенія и подкрѣпляется однимъ обстоятельствомъ. Находясь въ Пуцени, онъ страдалъ лихорадкой, походъ къ Рымнику дѣлалъ при самыхъ неблагопріятныхъ для выздоровленія условіяхъ, а между тѣмъ совершенно выздоровѣлъ. Такой неожиданный исходъ можетъ быть объясненъ только психическими причинами.

Рано утромъ, 10 сентября, русская легкая кавалерія подошла къ австрійскому лагерю и легко понять, съ какою радостью была встрѣчена. Затѣмъ съ пѣхотою прибылъ Суворовъ; до полудня весь русскій отрядъ былъ на мѣстѣ и примкнулъ къ лѣвому флангу Австрійцевъ, которые стояли на рѣкѣ Милькѣ, невдалекѣ отъ Фокшанъ и уже два дня выдерживали довольно горячія авангардныя стычки съ Турками. Для Суворова тотчасъ же разбили шатеръ, навалили сѣна, и онъ принялся соображать дальнѣйшія дѣйствія.

Немного времени спустя пріѣхалъ къ нему принцъ Кобургскій; услышавъ имя принца, Суворовъ вскочилъ, бросился ему на встрѣчу, крѣпко его обнялъ, нѣсколько разъ поцѣловалъ и, разлегшись съ нимъ на сѣнѣ, принялся объяснять свои предпо-

ложенія. Онъ настаивалъ на необходимости безотлагательной атаки, потому что если Турки сами не атакуютъ, то значитъ поджидаютъ подкрѣпленій. Кобургъ замѣтилъ, что Турокъ почти вчетверо больше, и атака будетъ очень рискованной. Суворовъ возразилъ, что при такомъ неравенствѣ силъ, только быстрая, смѣлая атака и обѣщаетъ успѣхъ. Трудно было принцу Кобургскому увѣровать въ то, что противорѣчило всему складу его понятій; онъ продолжалъ приводить разныя затрудненія, такъ что подъ конецъ Суворовъ, нѣсколько раздраженный, сказалъ, что если Кобургъ не раздѣляетъ его взгляда, то онъ, Суворовъ, атакуетъ Турокъ одними своими войсками и надѣется ихъ разбить. Слова эти вѣроятно были приняты принцемъ за браваду, но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ затрогивалась его военная честь, то онъ счелъ за лучшее согласиться.

Атака турецкихъ позицій такимъ образомъ была рѣшена, надо было только развить подробности плана дѣйствій. Суворовъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ и небольшой партіи казаковъ отправился на рекогносцировку, къ рѣкѣ Рымнѣ, и чтобы лучше обозрѣть мѣстность, взлѣзъ на дерево. Отсюда онъ охватилъ глазомъ пространство между рѣчками Рымною и Рымникомъ, гдѣ была расположена огромная турецкая армія на крѣпкой позиціи. Внимательно смотрѣлъ онъ вокругъ, запоминая подробности; диспозиція мало-по-малу складывалась у него въ мысляхъ, и онъ поѣхалъ назадъ съ готовымъ въ головѣ планомъ. Встрѣтивъ два австрійскіе эскадрона, любезно посланные Кобургомъ ему въ конвой, Суворовъ пріѣхалъ къ принцу, сообщилъ ему виденное и потомъ прислалъ полковника Золотухина для окончательнаго соглашенія.

Какъ только солнце зашло, войска тронулись двумя колоннами; правую составляли русскія войска, съ двумя дивизіонами австрійской кавалеріи; лѣвую австрійскія. Шли въ совершенной темнотѣ, сигналовъ не давали, командныя слова произносили вполголоса. Ночь была безлунная, но звѣздная; движеніе произвели вполнѣ скрытно, мелководную рѣку Рымну перешли въ бродъ и на разсвѣтѣ построились въ такой же боевой порядокъ, какъ при Фокшанахъ. Суворовъ долженъ былъ идти параллельно Рымнѣ вправо, Кобургъ же прямо, подавшись довольно

много въ правую сторону; для поддержанія связи между Русскими и Австрійцами назначена часть австрійскихъ войскъ подъ начальствомъ генералъ-майора Карачая. Численность обоихъ корпусовъ была приблизительно таже, что и при Фокшанахъ.

Когда Турки увидѣли наступающаго непріятеля, то выслали противъ него конныя толпы. Суворовъ продолжалъ двигаться по направленію къ с. Тыргокукули, густымъ высокимъ бурьяномъ и кукурузными полями, гдѣ верстахъ въ 4—5 отъ мѣста переправы находился 12,000-ный турецкій лагерь, защищенный батареей. Большія турецкія орудія открыли огонь, Русскіе прибавили шагу, но неожиданно наткнулись на глубокую лощину, лежавшую поперекъ ихъ пути, черезъ которую пролегала одна только дорога. Первая линія замялась подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ Турокъ, но Суворовъ не далъ времени раздумывать и атаковалъ—пѣхотою прямо, конницею обогнувъ оврагъ. Подоспѣло къ Туркамъ 3—4000 спаговъ, подвезя на своихъ лошадяхъ 2—3000 янычаръ; русская кавалерія была опрокинута и янычары съ ятаганами и кинжалами бѣшено ударили на гренадеръ. Съ полчаса они упорствовали въ атакѣ, но потомъ бѣжали, по прежнему по два всадника на лошади, и турецкій лагерь достался въ руки Русскихъ.

Пока все это происходило, Кобургъ, тронувшійся съ мѣста позже Суворова, наступалъ лѣвѣе его на крынгумейлорскій лѣсъ. Такимъ образомъ два союзные корпуса образовали собою прямой исходящій уголъ, съ большимъ въ вершинѣ угла промежуткомъ, который охранялся отрядомъ генералъ-майора Карачая. На Австрійцевъ Турки повели нѣсколько сильныхъ послѣдовательныхъ атакъ, но были постоянно отбиваемы. Тогда масса турецкой кавалеріи, силою въ 15—20,000 коней, устремилась въ промежутокъ между союзниками и раздѣлившись на двѣ части, ударила на Австрійцевъ и на Русскихъ одновременно. Ударъ былъ такой ужасный, что правое австрійское крыло съ трудомъ устояло и нѣсколько русскихъ каре было прорвано. Такъ повторялось много разъ, но благодаря стойкости войскъ, ихъ выдержанному ружейному огню и контръ-атакамъ кавалеріи, особенно Карачая, всѣ атаки были отбиты и Турки наконецъ отхлынули по направленію дер. Боксы.

Суворовъ направилъ свой отрядъ влѣво, перемѣнивъ фронтъ почти подъ прямымъ угломъ. Турки бѣжали, Русскіе стали выстраиваться по новому направленію. Не доходя версты 3 или 4 до крынгумейлорскаго турецкаго ретраншамента, Суворовъ остановилъ свои войска около полудня и пользуясь близостью колодцевъ, далъ имъ отдыхъ. Прекратили бой также Австрійцы, да и Турки, какъ бы по безмолвному соглашенію съ непріятелемъ, приняли выжидательное положеніе.

Полчаса съ небольшимъ отдыхали войска, а Суворовъ въ это время осматривалъ впереди лежащую мѣстность. По западной опушкѣ крынгумейлорскаго лѣса, куда вели Австрійцы атаку, расположены были главныя турецкія силы и тянулся длинный неоконченный ретраншаментъ, на которомъ и въ это время производились еще работы. Впереди позиціи лежала дер. Бокса, укрѣпленная батареями. Суворовъ положилъ овладѣть Боксой и потомъ атаковать крынгумейлорскую позицію. Въ часъ дня войска поднялись и тронулись, — Русскіе на лѣвый турецкій флангъ, Австрійцы на центръ и правый. Тысячь сорокъ Турокъ бросились въ атаку на корпусъ Кобурга со всѣхъ сторонъ, преимущественно на лѣвое крыло. Удары слѣдовали почти безъ перерыва. Принцъ Кобургскій, окруженный громадными полчищами, не безъ тревоги замѣчалъ, что непріятеля не убывало, а прибывало и что отбитыя толпы постоянно смѣнялись свѣжими. Повидимому наступала критическая минута. А между тѣмъ интервалъ между корпусами союзниковъ все еще былъ значителенъ, и оба корпуса находились далеко не на одной высотѣ относительно другъ друга. Не въ состояніи будучи превозмочь свое душевное волненіе, принцъ посылалъ офицера за офицеромъ къ Суворову, прося его поскорѣе присоединиться.

Суворовъ не могъ еще этого сдѣлать. Онъ двигался по направленію на Боксу, подъ выстрѣлами тамошнихъ батарей и при налетахъ турецкой конницы. Русская артиллерія дѣйствовала такъ удачно, что Турки принуждены были наконецъ очистить Боксу. Суворовъ занялъ деревню и продолжалъ движеніе, несмотря на бѣшеныя атаки спаговъ. На маршѣ онъ раздвинулъ первую линію, размѣстивъ часть кавалеріи въ интервалахъ между каре, и въ такомъ порядкѣ войска его подходили къ ретраншма-

менту подъ громами своей и непріятельской артиллеріи. По мѣрѣ движенія своего сближаясь понемногу съ Австрійцами, Русскіе наконецъ составили съ ними одну общую линію. Суворовъ послалъ полковника Золотухина къ принцу Кобургскому просить объ одновременномъ и однородномъ дѣйствіи; принцъ безпрекословно согласился. Такимъ образомъ оба корпуса продолжали свое грозное наступленіе; въ непріятельскихъ рядахъ произошло движеніе, — признакъ приближающейся развязки: болѣе робкіе стали уходить, болѣе смѣлые готовились къ отпору. Минута наступила жуткая, внушительная.

Когда атакующіе подошли къ непріятелю саженъ на 300 или на 400, конница по данному знаку бросилась изъ интерваловъ всей линіи полнымъ карьеромъ въ атаку, а за нею съ удвоенною скоростью пошла пѣхота. Такъ какъ ретраншаментъ турецкій далеко еще не былъ оконченъ, то кавалерія безъ труда перескочила рвы и бруствера и врубилась въ толпы янычаръ, оторопѣвшихъ при видѣ такой небывалой атаки. Но впечатлѣніе неожиданности скоро прошло подъ сабельными ударами союзниковъ, и янычары стали защищаться съ яростью отчаянія. Въ это время казаки, арнауты и австрійскіе уланы ударили на турецкую конницу съ фланговъ и ворвались въ лѣсъ, а затѣмъ съ грозными раскатами «ура» подоспѣла и ударила пѣхота. Началась страшная рѣзня и потомъ безпорядочное бѣгство Турокъ. Въ 4 часа дня побѣда была обезпечена [12]).

Турки бѣжали къ Мартинешти на р. Рымникѣ, гдѣ находился ихъ главный лагерь на 70,000 человѣкъ, верстахъ въ 6 отъ крынгумейлорскаго лѣса. Союзники преслѣдовали ихъ настойчиво и безпощадно, но только одной кавалеріей, пѣхота не поспѣвала. Тутъ отбито нѣсколько тысячъ повозокъ, пушки, зарядные ящики; подъ эти послѣдніе Турки приспособляли зажженые фитили и взрывами наносили союзникамъ немалый вредъ.

Во время сраженія великій визирь находился на крынгумейлорской позиціи. Онъ страдалъ изнурительной лихорадкой, а потому ѣздилъ въ коляскѣ; но когда бой разгорѣлся и сдѣлался вѣроятнымъ дурной его исходъ, визирь въ нервномъ возбужденіи пересѣлъ на коня. Онъ дѣлалъ все возможное, чтобы собрать войска и возстановить бой; убѣждалъ ихъ священными для му-

сульманъ именами, подымалъ и показывалъ коранъ, даже прибѣгнулъ къ силѣ, приказавъ артиллеріи стрѣлять по бѣглецамъ, но ничто не дѣйствовало; Турки были слишкомъ глубоко потрясены нравственно, и визирь съ поспѣшностью уѣхалъ по брановской дорогѣ.

Переправа чрезъ р. Рымникъ у Мартинешти прикрывалась земляными окопами, но ихъ никто уже не думалъ защищать: паника овладѣла всѣми безъ исключенія. На мосту столпились обозы въ совершенномъ безпорядкѣ, загородя единственный путь бѣгущимъ; Турки бросились вплавь, но на ихъ бѣду вода была выше обыкновеннаго уровня, и они тонули во множествѣ, особенно когда подоспѣли союзники и стали громить ихъ выстрѣлами. Только наступившая ночь дала несчастнымъ бѣглецамъ перевести на время духъ.

Чуть ли не столько же нуждались въ отдыхѣ и Русскіе съ Австрійцами, послѣ цѣлыхъ сутокъ усиленнаго похода и упорнаго боя. Они расположились бивакомъ передъ Мартинешти, въ полуверстѣ одни отъ другихъ. Принцъ Кобургскій въ сопровожденіи огромной свиты пріѣхалъ къ Суворову; оба они молча бросились другъ другу на шею и крѣпко обнялись. Русскіе и Австрійцы послѣдовали примѣру своихъ предводителей; взаимныя привѣтствія, поздравленія, объятія были тѣмъ искреннѣе, чѣмъ труднѣе досталась побѣда. Суворовъ опять отличилъ передъ всѣми Карачая, назвавъ его истиннымъ героемъ и заявивъ во всеуслышаніе, что онъ больше всѣхъ содѣйствовалъ одержанію побѣды. Карачай не отходилъ отъ него остатокъ дня ни на шагъ и всю свою жизнь питалъ къ нему сыновнюю преданность и глубокое уваженіе. Что касается до принца Кобургскаго, то его признательность къ Суворову и добрыя, искреннія къ нему отношенія, зародившіяся при Фокшанахъ, были теперь окончательно скрѣплены; слѣдуя влеченію своего честнаго сердца, онъ откровенно называлъ Суворова своимъ учителемъ. И дѣйствительно, Суворовъ двукратно увлекъ Австрійцевъ къ побѣдѣ своимъ неотразимымъ вліяніемъ, боевою авторитетностью. Заимствовавъ даже свой боевой порядокъ отъ Суворова и убѣдившись въ его практической раціональности, войска принца Кобургскаго были особенно поражены смѣлостью и вѣрностью его наступа-

тельнаго принципа. Это Суворовское sine qua non побѣды замѣчено было простыми солдатами, и въ рядахъ австрійскаго корпуса сложилось мѣткое прозвище Суворову: «генералъ Впередъ».

За Рымникомъ находился еще особый лагерь великаго визиря, на 20.000 человѣкъ, верстахъ 4 отъ ночлега; объ этомъ лагерѣ союзники ничего не знали, потому что подошли къ Мартинешти уже въ темноту. Его открыли на другое утро партіи казаковъ и арнаутовъ, перебили тамъ нѣсколько сотъ Турокъ и завладѣли богатой добычей. Въ добычу досталась и ставка великаго визиря, который бѣжалъ по дорогѣ на Браиловъ, чрезъ мостъ на р. Бузео. Переѣхавъ мостъ съ передовыми, онъ велѣлъ его взорвать, такъ что послѣдующимъ бѣглецамъ пришлось переправляться чрезъ Бузео вплавь, и опять ихъ много потонуло. Оставшіяся на лѣвомъ берегу рѣки турецкія толпы разсѣялись въ разныя стороны, спасаясь отъ преслѣдованія; обозы, которымъ удалось добраться до этихъ мѣстъ, были разграблены окрестными поселянами.

Такимъ образомъ Турки понесли сильнѣйшее пораженіе, которое произвело на нихъ тѣмъ болѣе деморализующее вліяніе, что они были увѣрены въ побѣдѣ; еще въ прошломъ году тотъ же самый великій визирь разбилъ Австрійцевъ дважды на голову. Онъ даже заготовилъ цѣпи для заковыванія плѣнныхъ; одну изъ такихъ цѣпей доставили потомъ къ принцу Кобургскому, и онъ писалъ объ этомъ Суворову. Задавленный впечатлѣніями 11 сентября, визирь просилъ увольненія и умеръ отъ давней своей болѣзни, чахотки.

Побѣда при Рымникѣ есть одно изъ самыхъ выдающихся проявленій Суворовскаго военнаго дарованія, столько же внѣшнимъ образомъ блестящее, сколько по существу своему капительное. На долю свою и своего малочисленнаго корпуса Суворовъ взялъ самую трудную задачу и исполнилъ ее съ мастерствомъ неподражаемымъ. Трудно вѣрить, слѣдя за ходомъ дѣла, что оно происходило при страшномъ численномъ перевѣсѣ турецкихъ силъ. А между тѣмъ это фактъ безспорный; свѣдѣнія о численности турецкой арміи различны, но они колеблются только между предѣлами 90 и 115 тысячъ человѣкъ; тогда какъ союзниковъ было всего 25.000. Справедливо оцѣняя качество одержан-

ной побѣды. Суворовъ ознаменовалъ ее особымъ торжествомъ. Войска его, сходясь на полѣ сраженія въ одно большое каре для слушанія благодарственнаго молебна, по его приказанію запаслись зелеными вѣтвями. Когда молебенъ былъ отслуженъ, Суворовъ держалъ слово, тема котораго вращалась на побѣдѣ, чести, славѣ и лаврахъ, и по окончаніи этой рѣчи, каждый бывшій въ строю увѣнчалъ себя побѣдною вѣтвью. Особенно гордясь рымникской побѣдой, Суворовъ собственноручно написалъ о ней длинную реляцію, на 12 страницахъ. Но такъ какъ на подобное многописаніе требовалось время, то Суворовъ послалъ въ самый день побѣды слѣдующее короткое донесеніе: «По жестокомъ сраженіи, чрезъ цѣлый день, союзными войсками побитъ визирь; 5000 на мѣстѣ, нѣсколько сотъ плѣнныхъ, взятъ обозъ, множество военной амуниціи, счетныхъ 48 пушекъ и мортиръ; нашъ уронъ малъ, варвары были вчетверо сильнѣе».

Если бы за пораженіемъ Турокъ при Рымникѣ послѣдовали энергическія наступательныя дѣйствія за Дунай, къ Балканамъ, то война, по всей вѣроятности, могла бы окончиться въ томъ же году, такъ какъ главныя силы Отоманской Порты почти не существовали. Суворовъ и просилъ подкрѣпленія, чтобы двинуться за Дунай, но безуспѣшно. Подобные взгляды и предположенія далеко превышали уровень военныхъ способностей Потемкина, который сверхъ того внесъ нѣкоторую долю горечи въ добрыя отношенія союзниковъ, скрѣпленныя-было новой побѣдой. Вечеромъ 11 сентября, на полѣ сраженія, принцъ Кобургскій получилъ отъ него письмо съ довольно рѣзкими замѣчаніями на счетъ его, Кобурга, медленности и очень этимъ оскорбился.

Уронъ Турокъ 11 сентября простирался до 15.000 человѣкъ; въ плѣнъ взято не больше нѣсколькихъ сотъ. Побѣдителямъ достались 100 знаменъ, 80 орудій, цѣлыя стада скота, нѣсколько тысячъ повозокъ съ разнаго рода имуществомъ. Потеря союзниковъ опредѣляется въ 600 человѣкъ съ небольшимъ, въ томъ числѣ Русскихъ меньше 200; но вѣрность этихъ цифръ подлежитъ сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ она должна быть несоразмѣрно мала сравнительно съ непріятельскою, такъ какъ громадную долю всей своей потери Турки понесли во время бѣгства и при переправахъ чрезъ рѣки.

Получивъ донесеніе о побѣдѣ, Потемкинъ писалъ Суворову: «объемлю тебя лобызаніемъ искреннимъ и крупными словами свидѣтельствую мою благодарность. Ты, мой другъ любезный, неутомимою своею ревностью возбуждаешь во мнѣ желаніе имѣть тебя повсемѣстно... Если мнѣ слава, слава, то вамъ честь, честью...» Государыня была восхищена и того болѣе, назвала Суворова и Кобурга «loyals et illustres chevaliers» и приказала отслужить въ придворной церкви молебенъ; при этомъ произведено 101 выстрѣлъ, архіереи говорили поздравительныя рѣчи; курьеръ Потемкина, подполковникъ Зубовъ, получилъ слѣдующій чинъ. Екатерина даже цитировала окружающимъ письмо Суворова, полученное его дочерью, гдѣ говорилось, что въ самый день рымникской побѣды, много лѣтъ назадъ онъ разбилъ Огинскаго. Еще сильнѣе былъ восторгъ Австрійцевъ. Въ одномъ современномъ письмѣ читаемъ: «тужившій объ участи Кобурга цесарскій посолъ (при Петербургскомъ дворѣ), пробудясь аки отъ сна, предался вдругъ веселію и упоенный паче прочихъ радостью, имѣлъ при семъ случаѣ на счетъ разбитаго визиря церемоніяльный во дворецъ въѣздъ». Безбородко пишетъ одному изъ графовъ Воронцовыхъ, что «Австрійцы отъ сна возстали, но уже и загордились успѣхами;.. не спорятъ однакоже, что Суворовъ рѣшилъ принца Кобургскаго атаковать Турокъ, а то было уже стали на оборонительную ногу». Признаніе это выразилось и въ рескриптѣ императора Іосифа Суворову, гдѣ сказано: «совершенно признаю, что я побѣдою обязанъ наипаче вашему скорому соединенію съ принцемъ Кобургскимъ». И Суворовъ, и его войска начали какъ-будто облекаться въ легендарную оболочку. Одинъ австрійскій офицеръ, участникъ рымникскаго сраженія, писалъ, что «почти невѣроятно то, что о Русскихъ разсказываютъ: они стоятъ какъ стѣна, и все должно пасть передъ ними». Онъ приводитъ въ примѣръ русскаго безстрашія такой случай (упоминаемый и другимъ писателемъ). Когда корпусъ Суворова, направляясь на Тыргокукули, перешелъ глубокій оврагъ и атаковалъ первое укрѣпленіе, то разразился ужаснымъ, дикимъ хохотомъ, «какимъ смѣются Клопштоковы черти»; хохотъ этотъ смутилъ и потрясъ Австрійцевъ. Разсказчикъ недоумѣваетъ, что́ бы могъ значить этотъ неестественный смѣхъ, а между тѣмъ

дѣло было по всей вѣроятности самое простое: наши смѣшливые солдаты замѣтили что-нибудь забавное и расхохотались. Конечно, для смѣха въ такую пору, подъ жерлами непріятельскихъ пушекъ, надо имѣть закаленную душу, но разсказчикъ не даромъ же сознается, что Суворовская пѣхота лучше австрійской.

На этотъ разъ Государыня, всегда щедрая, выказала свое благоволеніе особенно; главныя награды однако все-таки были продиктованы ей Потемкинымъ. Сентября 22 онъ ей пишетъ: «ей, матушка, онъ заслуживаетъ вашу милость, и дѣло важное: я думаю, чтó бы ему, но не придумаю. Петръ Великій графами за ничто жаловалъ; коли-бъ его съ придаткомъ *Рымникскій?*» Въ другомъ письмѣ онъ совѣтуетъ Государынѣ наградить побѣдителя еще Георгіемъ 1 класса. Екатерина пожаловала Суворова графомъ съ прозваніемъ *Рымникскаго*, назначила ему орденъ Георгія 1 класса, бриліантовый эполетъ и весьма богатую шпагу, пояснивъ: «хотя цѣлая телѣга съ бриліантами уже накладена, однако кавалеріи Егорья большого креста посылаю по твоей просьбѣ, онъ того достоинъ;.. осыпавъ его алмазами, думаю, что казистъ будетъ». Но и этого Государынѣ казалось мало; въ тотъ же день, 18 октября, она пишетъ Потемкину третье письмо, говоря: «къ вещамъ для Суворова я прибавила еще перстень, буде вещи тебѣ покажутся недовольно богаты». Сообщая Суворову о монаршихъ награжденіяхъ, Потемкинъ пишетъ: «вы конечно во всякое время равно пріобрѣли славу и побѣды, но не всякій начальникъ съ равнымъ мнѣ удовольствіемъ сообщилъ бы вамъ возданіе; скажи, графъ Александръ Васильевичъ, что я добрый человѣкъ; такимъ я буду всегда». Суворовъ, вообще знавшій себѣ цѣну, тѣмъ не менѣе былъ изумленъ такою оцѣнкою его заслугъ и отвѣчалъ Государынѣ на ея рескриптъ: «неограниченными, неожидаемыми и незаслуженными мною милосердіями монаршими Вашими, великая Императрица, я теперь паки нововербованный рекрутъ»; онъ обѣщаетъ ей служить до смерти и въ заключеніе говоритъ: «великодушный мой начальникъ, великій мужъ князь Григорій Александровичъ да процвѣтетъ славнѣйшій вѣкъ царствованія Вашего въ позднѣйшія времена». Не менѣе восторженно было его письмо къ правителю

канцеляріи Потемкина, Попову. Указывая на какую высоту онъ, Суворовъ, поднялся изъ темнаго ничтожества, онъ говоритъ: «Долгій вѣкъ князю Григорію Александровичу; увѣнчай его Господь Богъ лаврами, славою; великой Екатерины вѣрноподданные да питаются отъ тука его милостей. Онъ честный человѣкъ, онъ добрый человѣкъ, онъ великій человѣкъ. Счастье мое за него умереть».

Украшенная бриліантами шпага была пожалована Екатериною и принцу Кобургскому. Австрійскій императоръ тоже высказалъ свою признательность побѣдителямъ, пожаловавъ Суворову графскій титулъ Священной Римской имперіи, Кобургу званіе фельдмаршала, офицерамъ Суворовскаго корпуса приказалъ объявить благодарность, а нижнимъ чинамъ раздать 7000 гульденовъ.

Съ понятною гордостью написалъ Суворовъ своей дочери письмо, начавъ его словами: «графиня двухъ имперій». Но не эта награда произвела на него наиболѣе глубокое впечатлѣніе, т.-е. отвѣчала его затаеннымъ желаніямъ и надеждамъ, а Георгій I класса. «Скажи Софьѣ Ивановнѣ (начальницѣ) и сестрицамъ (институткамъ), у меня горячка въ мозгу, да кто и выдержитъ! Слышала ли сестрица, душа моя? Еще отъ моей magnanime mère рескриптъ на полулистѣ, будто Александру Македонскому, знаки св. Андрея тысячъ въ пятьдесятъ (за Фокшаны), да выше всего голубушка, первый классъ св. Георгія: вотъ каковъ твой папенька за доброе сердце. Чуть право отъ радости не умеръ». Но подобное признаніе заслугъ имѣетъ свои неудобства: оно возбуждаетъ зависть. Такъ случилось и съ Суворовымъ; въ Петербургѣ больше прежняго стали говорить, что успѣхомъ своимъ онъ обязанъ не дарованіямъ, а исключительно счастію. Одно изъ довѣренныхъ лицъ Потемкина, сообщая ему эту замѣтку, прибавляетъ, что такой взглядъ распространенъ впрочемъ только въ чиновномъ людѣ; къ этому надо еще прибавить, что конечно только въ высшихъ сферахъ.

Разумѣется, не на Суворовѣ одномъ выразилась признательность Императрицы за блестящую побѣду: подкомандующіе и офицеры получили повышенія и ордена, солдаты денежныя награды, а болѣе отличившимся пожалованы кромѣ того сереб-

ряныя медали съ надписью: *Рымникъ*. Не забыла Государыня и Австрійцевъ, пожаловавъ нижнимъ чинамъ корпуса Кобурга 15,000 р. Суворовъ два раза представлялъ списки отличившимся, не безъ опасенія надоѣсть Потемкину, но приводилъ въ свое оправданіе, что *«гдѣ меньше войска, тамъ больше храбрыхъ»*. Старшіе генералы, въ томъ числѣ Дерфельденъ, въ списки не вошли: они въ дѣлѣ не участвовали, оставшись по болѣзни дома. Дерфельденъ былъ серьезно боленъ.

На третій или четвертый день Суворовъ разстался съ принцемъ Кобургскимъ, малыми переходами двинулся къ мѣсту прежняго своего расположенія и прибылъ въ Бырладъ въ послѣднихъ числахъ сентября. Отсюда онъ написалъ письмо своему пріятелю, де-Рибасу, въ которомъ достойны особеннаго вниманія слѣдующія строки: «Главною причиною успѣховъ кампаніи 1789 года была наша дружба съ принцемъ Кобургскимъ, полная искренности и откровенности. Я не могу забыть то теплое, доброе праводушіе, въ высшей степени рѣдкое и быть можетъ безпримѣрное, которое я постоянно ощущалъ вполнѣ, безъ малѣйшей тѣни недовѣрія. Наша маленькая армія жила какъ братья, всѣ высказывали доблесть, а двоедушіе, скрытность, двусмысленность были изгнаны совершенно».

Успокоенный рымникской побѣдой, Потемкинъ направилъ всѣ свои усилія на овладѣніе Бендерами. Крѣпость была сильная и гарнизонъ ея многочисленный, но командующій паша или по малодушію, или закупленный Потемкинымъ, сдалъ ее и самъ предпочелъ остаться у Русскихъ, а гарнизонъ и населеніе отправились къ Дунаю. Суворовъ поздравилъ Потемкина, говоря, что въ томъ столѣтіи ни одна турецкая важная крѣпость «не сдавалась Русскимъ такъ пріятно». Государыня наградила Потемкина великолѣпнымъ золотымъ лавровымъ вѣнкомъ. Взятіемъ Бендеръ закончилась кампанія. Австрійцы сдѣлали въ этомъ году больше прежняго, но все таки очень мало по своимъ средствамъ и способамъ.

Да и то слѣдуетъ принять во вниманіе, что важнѣйшее изъ сдѣланнаго Австрійцами и Потемкинымъ, совершено главнымъ образомъ благодаря сильному впечатлѣнію, произведенному на Турокъ рымникскимъ погромомъ. Особенно ясно это обнаружилось

въ Букарестѣ. Турки бросили этотъ городъ тотчасъ, какъ появился авангардъ Кобурга, и бѣжали съ 4 пашами во главѣ. Такъ описывалъ онъ Суворову свое вступленіе въ Букарестъ, относя панику Турокъ прямо нравственному гнету, подъ которымъ они находились отъ минувшаго пораженія.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Вторая Турецкая война: Измаилъ.

1790.

Война тянулась давно, а близкій конецъ не предвидѣлся. Австрія тяготилась своимъ въ ней участіемъ. Англія напрягала усилія оттянуть Австрію отъ союза съ Россіей, дѣла съ Польшей находились въ положеніи весьма натянутомъ, война со Швеціей не была еще окончена, грозилъ возможный разрывъ съ Пруссіей.

При такихъ условіяхъ силы Русскихъ, выставленныя противъ Турокъ, должны были уменьшиться, да и австрійскія также, такъ какъ Австріи приходилось оберегаться отъ Пруссіи. Со своей стороны Порта предполагала дѣйствовать наступательно въ Крыму и на Кубани, а на Дунаѣ оборонительно. Боевыя ея средства для кампаніи 1790 года были довольно слабы; поэтому, выгадывая время, Турки продолжали начатые еще въ минувшемъ году переговоры о мирѣ.

Суворовъ не оставлялъ своей мысли о наступательныхъ дѣйствіяхъ и, въ видѣ подготовленія къ нимъ, вошелъ зимою въ сношеніе съ пашой, командовавшимъ въ Браиловѣ. Между ними установились добрыя отношенія, они дѣлали другъ другу разныя мелкія угожденія и любезности, пересылались свѣжею рыбой и другой живностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ переговаривались о дѣлѣ. Суворовъ старался убѣдить пашу въ безполезности сопро-

тивленія Браилова, когда Русскіе начнутъ въ этомъ направленіи свои наступательныя дѣйствія. Подѣйствовало ли тутъ его грозное для Турокъ имя, или паша имѣлъ свои соображенія, но только онъ поддался на увѣщанія и согласился ограничиться легкимъ сопротивленіемъ, для вида, а затѣмъ сдать крѣпость. Суворовъ составилъ смѣлый планъ наступленія за Дунай Русскихъ совмѣстно съ Австрійцами, и хотя принцъ Кобургскій его одобрилъ, но Потемкинъ нетолько не давалъ своей санкціи, а просто не отвѣчалъ.

Принцъ Кобургскій, не будучи подчиненъ Потемкину и задѣтый за живое его невѣжливостью, рѣшился открыть дѣйствія одинъ. Для исполненія своей части плана до перехода черезъ Дунай, онъ не нуждался въ Русскихъ, а послѣ того могъ или расчитывать на вынужденное содѣйствіе Потемкина, или въ крайности просто остановиться на сдѣланномъ. Поэтому Кобургъ двинулся къ Оршовѣ, а когда Оршова сдалась, то осадилъ Журжу. Осада шла сначала хорошо, но потомъ осажденные сдѣлали вылазку, прогнали Австрійцевъ, забрали у нихъ артиллерію и нанесли уронъ въ 1,000 человѣкъ. По странному распоряженію, которое вѣроятно было слѣдствіемъ дурно-понятыхъ Суворовскихъ уроковъ, прикрывавшіе брешь-батарею батальоны получили приказаніе — дѣйствовать лишь штыками и не имѣли при себѣ патроновъ. Австрійцы были въ 6 разъ сильнѣе гарнизона Журжи, но принуждены были отступить. И хотя журжинская неудача была отчасти заглажена побѣдой австрійскаго генерала Клерфе подъ Калафатомъ, но этимъ и кончились активныя дѣйствія Австрійцевъ.

Потемкинъ расчитывалъ начать военныя дѣйствія рано и повести ихъ энергически, но это были проэкты воображенія. Проживая въ Яссахъ и Бендерахъ, окружонный роскошью невиданною, Потемкинъ походилъ не на военачальника, а скорѣе на владѣтельнаго государя среди блистательнаго двора. Тутъ были знатные и богатые иностранцы, разсыпавшіеся передъ нимъ въ комплиментахъ, а про себя издѣвавшіеся надъ его сатрапскими замашками, азіатскою роскошью и капризнымъ непостоянствомъ. Тутъ были люди именитые, налетѣвшіе изъ столичныхъ салоновъ за дешевыми лаврами; вокругъ жужжалъ

рой красавицъ, вращался легіонъ прихлебателей и проходимцевъ. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ; одна затѣя пресыщеннаго человѣка смѣнялась другою, еще больше чудною; по истинѣ то былъ folle journée, продолжавшійся недѣли и мѣсяцы.

Суворовъ не посѣщалъ главной квартиры, а если и былъ тамъ разъ, много два, то въ концѣ прошлаго года. Онъ не затруднялся лишній разъ и поклониться, и покадить своему всесильному начальнику, но не могъ быть членомъ Потемкинскаго придворнаго штата, прихлебателемъ, участникомъ «въ хороводѣ трутней», по его собственному выраженію. Онъ, добровольно тѣшившій другихъ разными выходками и колѣнцами, этимъ самымъ зло издѣвался надъ своей публикой; быть же посмѣшищемъ невольнымъ, стороною исключительно страдательною, вовсе не желалъ. При своихъ искательныхъ тенденціяхъ, онъ не впадалъ въ идолопоклонство; кланяясь могуществу, не поворачивался спиной къ насыпкамъ судьбы; для него загнанное достоинство продолжало быть достоинствомъ. Подъ Яссами жилъ Румянцевъ въ полномъ уединеніи, всѣми забытый; Потемкинъ посѣтилъ его только однажды; нѣкоторые другіе, весьма немногіе, бывали у него изрѣдка, и то какъ бы украдкой. Одинъ Суворовъ оказывалъ ему должное уваженіе и притомъ открыто; бывая въ Яссахъ, онъ являлся къ Румянцеву; посылая курьеровъ къ Потемкину съ донесеніями о своихъ дѣйствіяхъ, онъ посылалъ дубликаты Румянцеву, какъ будто тотъ по прежнему командовалъ арміей.

Сидя у себя въ Бырладѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ подрядъ, Суворовъ скучалъ бездѣйствіемъ, но бездѣйствіемъ боевымъ, а не недостаткомъ дѣла вообще. Прежде всего и больше всего онъ занимался обученіемъ войскъ, объѣзжая и осматривая ихъ во всякое время года. Когда же приходилось сидѣть дома, то онъ отдавалъ свои досуги умственнымъ занятіямъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимало знакомство съ кораномъ и изученіе турецкаго языка. Большая же часть свободнаго времени шла на чтеніе. При немъ находился одинъ нѣмецкій студентъ, съ которымъ онъ познакомился нѣсколько лѣтъ назадъ и взялъ его въ чтецы. Къ этому молодому человѣку Суворовъ очень привыкъ, звалъ его Филиппомъ

Ивановичемъ, хотя тотъ носилъ совсѣмъ другое имя; предлагалъ ему опредѣлиться въ военную службу подъ его, Суворова, начальство и обѣщалъ вывести въ штабъ-офицеры,—обѣщаніе, по тому времени легко-исполнимое. Студентъ повидимому былъ не прочь, но отецъ его, гернгутеръ, не согласился, слѣдуя принципамъ своего вѣроисповѣданія. Въ чтеніи Суворовъ былъ ненасытимъ и почти не давалъ Филиппу Ивановичу отдыха, пренираясь за каждую остановку. Вѣроятно физическая невозможность удовлетворить въ этомъ отношеніи Суворова и была одною изъ причинъ, по которымъ чтецъ съ нимъ впослѣдствіи разстался. Читалось все и на разныхъ языкахъ: газеты, журналы, мемуары, исторія, путешествія; доставались для чтенія нетолько книги, но и рукописи. Иногда къ чтенію приглашались офицеры Суворовскаго штаба и другія лица. Тутъ чтеніе принимало видъ какъ бы состязанія или экзамена, на которомъ рельефно выступало невѣжество присутствовавшихъ, и Суворовъ стыдилъ невѣждъ, преслѣдуя ихъ насмѣшками и сарказмами. Оттого участвованіе въ подобномъ времяпрепровожденіи принималось за тяжелую служебную обязанность, отъ которой почти всѣ и всѣми силами открещивались.

Причиною тому былъ низкій уровень образованія и умственнаго развитія тогдашняго русскаго общества, но ее усугублялъ самъ Суворовъ дурнымъ выборомъ своихъ приближенныхъ, за рѣдкими исключеніями. Это были его сослуживцы, которымъ удалось ему угодить на службѣ или въ домашнихъ дѣлахъ, родственники, рекомендованные, проходимцы. Нахожденіе при Суворовѣ такихъ лицъ было аномаліей, поражавшей всякаго. Подполковникъ Сакенъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) въ частномъ письмѣ 31 іюля 1789 года говоритъ: «я постоянно слыхалъ о его странностяхъ, но былъ лучшаго понятія о его справедливости и его качествахъ домашнихъ и общественныхъ. Онъ окруженъ свитою молодыхъ людей; они имъ управляютъ, и онъ видитъ ихъ глазами. Слова нельзя ему сказать иначе, какъ черезъ ихъ рты; нельзя приблизиться къ нему, не рискуя получить непріятности, на которыя никто не пойдетъ по доброй волѣ. Имъ однимъ принадлежитъ успѣхъ, награда и слава. Я не могу добиться здѣсь команды надъ батальономъ, потому что одинъ

изъ его любимцевъ, его старый адъютантъ, не принадлежащій даже къ арміи, имѣетъ ихъ, да не одинъ, а два. Надо быть философомъ, даже больше, чтобы не лопнуть отъ всѣхъ несправедливостей, которыя приходится здѣсь выносить».

Письмо писано подъ горькимъ впечатлѣніемъ, сгоряча. Батальонъ, котораго добивался Сакенъ, онъ получилъ нѣсколькими днями позже написанія письма, вмѣстѣ съ партіей казаковъ для занятія отдѣльнаго поста въ Фальчи. Есть и другія преувеличенія, но въ основаніи Сакенъ справедливъ. Къ этой темѣ намъ впрочемъ придется возвращаться еще не разъ.

Кромѣ занятій служебныхъ и научныхъ, Суворовъ велъ еще свою обычную, довольно большую корреспонденцію, которая увеличилась теперь прибавленіемъ новаго корреспондента, принца Кобургскаго. Онъ завѣряетъ Суворова, что не смотря на свою высокую степень (фельдмаршалъ), продолжаетъ состоять въ его распоряженіи, и это послужитъ только къ скрѣпленію дружбы, которая родилась на марсовомъ полѣ и окончится въ поляхъ елисейскихъ. Онъ выражаетъ надежду, что ихъ разлука не протянется долгое время и что онъ, Кобургъ, въ состояніи еще будетъ пользоваться совѣтами и примѣромъ Суворова, дабы наводить страхъ и ужасъ на невѣрныхъ. «Моя полнѣйшая вамъ преданность, мой дивный учитель, не уменьшится никогда, ни отъ пространства, ни отъ времени». Нѣсколько позже, уѣзжая съ театра войны въ Венгрію, принцъ больше всего жалѣлъ, что разстается съ Суворовымъ. «Я умѣю цѣнить вашу великую душу», писалъ онъ: «насъ связали великія событія, и я безпрестанно находилъ поводы удивляться вамъ, какъ герою и питать къ вамъ привязанность, какъ къ одному изъ достойнѣйшихъ людей въ свѣтѣ. Судите же, мой несравненный учитель, какъ тяжело мнѣ съ вами разставаться».

Образъ жизни и вся обстановка Суворова на зимнихъ квартирахъ, скромные и простые до отрицанія всякаго комфорта, въ дѣятельное время кампаніи нисходили до лагернаго и даже бивачнаго солдатскаго обихода. Вставалъ онъ съ зарей и, несмотря ни на какую погоду и стужу, выбѣгалъ изъ палатки голый и обливался водой, или катался по росистой травѣ, или выдѣлывалъ отчаянные прыжки и разныя гимнастическія дви-

женія, — все это будто бы съ гигіеническою цѣлью и для предупрежденія ревматизма. Обѣдалъ онъ около 8 часовъ утра; обѣдъ подавался всегда прескверный, такъ что даже непривередливому человѣку можно было ѣсть лишь при большомъ голодѣ. Скатерть застилалась въ палаткѣ на землѣ, вокругъ нея сидѣли или лежали обѣдающіе тоже на землѣ. Сервировка отвѣчала меблировкѣ: у Суворова совсѣмъ не было столоваго багажа, а тарелки, ножи и тому подобное его люди доставали у кого попало. Одѣвался онъ обыкновенно въ куртку грубаго солдатскаго сукна, что было тогда разрѣшено Потемкинымъ офицерамъ, для уменьшенія ихъ издержекъ на туалетъ, и заслужило одобреніе Императрицы. Въ жаркое время, на походѣ и въ бою, онъ бывалъ обыкновенно въ рубашкѣ, къ которой иногда пришпиливалъ нѣкоторые изъ своихъ орденовъ; большую тяжелую саблю возилъ за нимъ казакъ, даже въ бою, а Суворовъ держалъ въ рукахъ нагайку. Онъ не имѣлъ ни экипажа, ни верховыхъ лошадей, а бралъ обыкновенно лошадь казачью. Ужиналъ онъ также дурно, какъ обѣдалъ; ложился спать рано и часть ночи посвящалъ пѣнію, преимущественно церковному, хотя вовсе не могъ похвалиться голосомъ. Странности его и причуды росли вмѣстѣ съ его извѣстностью, и репутація чудака утвердилась за нимъ во всей арміи. Къ числу его странностей относили, между прочимъ, его ненависть къ *немогузнайству* и безпощадное преслѣдованіе этого порока во всѣхъ видахъ. Однажды въ Молдавіи, за обѣдомъ, произошла у него горячая схватка съ военнымъ инженеромъ де-Воланомъ, человѣкомъ весьма способнымъ и основательно образованнымъ. Де-Воланъ не хотѣлъ отвѣчать положительно и категорически на вопросы о вещахъ, ему неизвѣстныхъ; Суворовъ возражалъ противъ *не знаю*. Споръ дошелъ до того, что де-Воланъ выскочилъ изъ-за стола, выпрыгнулъ въ окно и побѣжалъ къ себѣ. Суворовъ пустился вслѣдъ за нимъ, догналъ, примирился съ нимъ и вдвоемъ возвратился къ столу.

Тѣмъ временемъ новый великій визирь предпринялъ наступленіе и хотя двигался очень медленно, но его намѣреніе—отбить у Австрійцевъ Букарестъ, безпокоило принца Кобургскаго. По приказанію Потемкина Суворовъ приблизился къ Букаресту и,

окруженный большой свитой, поѣхалъ представиться принцу. Но тотъ его предупредилъ. Они встрѣтились на полудорогѣ, братски обнялись и въ экипажѣ принца вернулись къ Суворову, для предварительныхъ переговоровъ. Офицеры и солдаты союзныхъ войскъ встрѣчались старыми друзьями, обнимались, пили за здоровье, за общій успѣхъ. Суворовъ привелъ 10.000 человѣкъ, у принца было на лицо 40,000, да можно было еще притянуть тысячъ 10. Будущее имъ улыбалось, духъ войскъ былъ превосходный, а визирь, на оборотъ, выказывалъ признаки малодушія. Когда онъ составлялъ планъ нападенія на Австрійцевъ, къ нему привели крестьянина, который разглашалъ, будто съ Кобургомъ соединился Суворовъ. Визирь не повѣрилъ, но когда крестьянинъ сталъ ручаться головой, что это правда, что Суворова онъ видѣлъ собственными глазами вблизи, — то визирь выронилъ изъ рукъ перо и сказалъ: «что же мнѣ теперь дѣлать»? Такимъ образомъ все складывалось въ пользу союзниковъ, какъ вдругъ произошелъ поворотъ обстоятельствъ, совершенно измѣнившій положеніе дѣлъ. А именно, между Австріей и Пруссіей состоялся договоръ, по которому Австрія отказывалась отъ участія въ войнѣ съ Турціей, обязывалась немедленно заключить съ нею перемиріе и, на извѣстныхъ основаніяхъ, начать вслѣдъ затѣмъ переговоры о мирѣ. Тотчасъ же былъ отправленъ курьеръ къ принцу Кобургскому съ соотвѣтственными приказаніями, и привезенныя депеши положили конецъ всякимъ наступательнымъ замысламъ. Мало того, предстояло озаботиться о безопасности корпуса Суворова, выдвинувшагося далеко впередъ; по приказанію Потемкина, онъ сталъ немедленно отходить назадъ и остановился въ Максимени.

Съ искреннимъ чувствомъ сожалѣнія простились Суворовъ и принцъ Кобургскій; особенно горевалъ послѣдній. Недавно еще писалъ онъ Суворову: «приходите только въ рѣшительный моментъ съ двумя кареями и 500 казаками, я вамъ дамъ остальное, и мои войска будутъ непобѣдимы». Вѣра его въ Суворова выросла въ непреклонное убѣжденіе, и въ этомъ частномъ случаѣ мы можемъ видѣть образцикъ того обаянія, которое Суворовъ производилъ на полѣ сраженія.

Съ выходомъ Австріи изъ союза, положеніе Россіи измѣ-

нилось не существенно, потому что хотя надо было принимать мѣры предосторожности противъ Пруссіи и Польши, но за то удалось заключить миръ со Шведскимъ королемъ Густавомъ. Въ это же время адмиралъ Ушаковъ одержалъ надъ турецкимъ флотомъ рѣшительную побѣду близъ Гаджибея, и Потемкинъ счелъ наконецъ возможнымъ начать дѣйствія противъ визиря.

Суворовъ, страдавшій въ это время лихорадкой, очень обрадовался. «Ахъ, батюшка Григорій Александровичъ, вы оживляете меня», писалъ онъ 3 сентября Потемкину и, чтобы поддержать его въ принятомъ намѣреніи, объяснялъ тогдашнее положеніе такъ: «Поляки двояки и перемѣнчивы; Герцбергъ (прусскій министръ) суперфинъ и рвется; Густавъ нашъ... Коли угодно, геркулесовой дубинѣ и центръ не далекъ... Я готовъ, милостивый государь, къ повелѣніямъ вашимъ». Нѣкоторые историки утверждаютъ, что Суворовъ подалъ Потемкину совѣтъ касательно послѣдующихъ военныхъ операцій: «гребной флотъ долженъ овладѣть дунайскими устьями, взять Тульчу и Исакчу, вмѣстѣ съ сухопутными войсками покорить Измаилъ и Браиловъ и навести трепетъ на Систово». Потемкинъ такъ и поступилъ; впрочемъ ничего другого и не оставалось дѣлать, ибо Русскіе могли дѣйствовать только на пространствѣ отъ моря до р. Серета, противъ Добруджи, согласно статьѣ перемирія Австріи съ Турціей.

Два отряда предназначались для дѣйствія на нижнемъ Дунаѣ; съ помощью гребной флотиліи они должны были завладѣть всѣми турецкими укрѣпленными пунктами, уничтожить рѣчныя непріятельскія суда и вообще очистить низовья Дуная съ прибрежьями. Большая часть этой задачи, по количеству, была исполнена безъ особенныхъ усилій; къ концу ноября небольшія крѣпости Килія, Тульча и Исакча находились въ рукахъ Русскихъ, и турецкія гребныя флотиліи были истреблены. Оставалась грозная твердыня—Измаилъ.

Расположенный на лѣвомъ берегу килійскаго рукава, Измаилъ былъ сильно укрѣпленъ въ послѣднее время французскими инженерами. Онъ имѣлъ видъ прямоугольнаго треугольника; главный валъ, длиною до 6 верстъ, имѣлъ 7 бастіоновъ и множество исходящихъ и входящихъ угловъ. Одинъ изъ бастіоновъ былъ каменный, другой также обшитъ камнемъ и съ двумя

каменными же башнями на плечевыхъ углахъ; всѣ остальные верки земляные. Крѣпостной валъ имѣлъ разную, отъ 3 до 4 саженъ вышину, ровъ до 6 саженъ ширины и кое-гдѣ до 4 глубины. Не было ни внѣшнихъ укрѣпленій, ни прикрытаго пути, кромѣ двухъ фосбрей; обращенный къ рѣкѣ фронтъ крѣпости былъ слабъ; на валахъ стояло больше 200 орудій, въ крѣпость вели четверо воротъ.

Послѣ взятія 18 октября Киліи, генералъ Гудовичъ двинулся къ Измаилу и обложилъ его съ сухого пути; затѣмъ прибылъ туда для этой же цѣли отрядъ генералъ-лейтенанта Потемкина. Гудовича смѣнилъ генералъ-поручикъ Самойловъ; общаго командованія не было, время проходило въ совѣщаніяхъ и спорахъ. Между тѣмъ подошла флотилія подъ начальствомъ генералъ-майора де-Рибаса, который былъ дѣятельнѣе, энергичнѣе и искуснѣе своихъ сухопутныхъ товарищей, но не могъ добиться отъ нихъ ничего существеннаго. А надо было торопиться, ибо наступала зима и флотилію поджидалъ Суворовъ для дѣйствія противъ Галаца. Рибасъ писалъ ему, что не потеряетъ ни одной минуты, и тронется въ путь тотчасъ, какъ только здѣсь освободится; что онъ «жаждетъ поступить подъ начальство героя, для новыхъ подвиговъ». Но желанный часъ былъ по прежнему далекъ.

Наступило сырое и холодное время; при большой скудости въ продовольствіи и топливѣ, въ войскахъ стали развиваться болѣзни, а колебанія и бездѣйствіе главныхъ начальниковъ не замедлили произвести и деморализующее вліяніе. Продолжать такъ было нельзя, настоятельно требовалось принять хоть какое нибудь рѣшеніе. Собрался военный совѣтъ; онъ призналъ успѣхъ штурма сомнительнымъ и дорого стоющимъ, о чемъ и положилъ представить главнокомандующему; если же штурму не быть, то съ обложенія перейти на блокаду, такъ какъ у гарнизона имѣется пропитанія всего на $1^1/_2$ мѣсяца.

Дѣло однако устроилось иначе. Окончить кампанію взятіемъ нѣсколькихъ неважныхъ крѣпостей, въ виду тогдашняго возбужденнаго состоянія политическихъ обстоятельствъ, было бы большой ошибкой. Потемкинъ это понималъ и потому рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству—послать подъ Измаилъ Суво-

рова. Рѣшеніе генераловъ — снять осаду этой крѣпости, тогда еще до него не дошло, но онъ предчувствовалъ возможность такого исхода, а потому 25 ноября послалъ Суворову предписаніе. Онъ писалъ, что турецкая флотилія подъ Измаиломъ почти вся истреблена; «остается предпринять на овладѣніе города, для чего ваше сіятельство изволите поспѣшить туда для принятія всѣхъ частей въ вашу команду» и совѣтовалъ вести атаку съ рѣчной стороны. Въ тотъ же день онъ послалъ Суворову другое письмо. «Моя надежда на Бога и на вашу храбрость, поспѣши мой милостивый другъ... Много тамъ равночинныхъ генераловъ, а изъ того выходитъ всегда нѣкоторый родъ сейма нерѣшительнаго... Огляди все и распоряди и, помоляся Богу, предпринимайте». Черезъ день или два послѣ отправки этихъ двухъ писемъ, Потемкинъ получилъ донесеніе изъ подъ Измаила о принятомъ тамъ рѣшеніи на счетъ снятія осады, а потому 29 ноября вновь пишетъ Суворову, но уже не такъ рѣшительно: тяжесть задачи и отвѣтственности начинаетъ его устрашать. Онъ говоритъ, что Гудовичъ, Потемкинъ и Рибасъ рѣшились отступить прежде, чѣмъ узнали о порученіи, данномъ Суворову: «предоставляю вашему сіятельству поступать тутъ по лучшему вашему усмотрѣнію, продолженіемъ ли предпріятія на Измаилъ, или оставленіемъ онаго».

Предписаніе Потемкина о назначеніи Суворова подъ Измаилъ было получено тамъ 27 числа. Въ этотъ день часть флотиліи, поднявъ паруса, уже тронулась по направленію къ Галацу, а вечеромъ предполагалъ тронуться въ путь самъ Рибасъ съ остальными судами. Часть сухопутныхъ войскъ выступила еще раньше, осадная артиллерія тоже. Видя, что Русскіе собираются уходить, Турки пришли въ неописанную радость: шумѣли, кричали, стрѣляли, выдѣлывали всевозможныя фанфаронады. Восторгъ ихъ былъ непродолжителенъ. Выступившая въ путь флотилія тотчасъ же возвратилась; по приказанію Рибаса всѣ суда на другой же день стали сгружать пушки и свозить ихъ обратно на только что брошенныя батареи. Вѣсть о назначеніи Суворова разнеслась по флотиліи и осадному корпусу моментально и подѣйствовала электрически. Всѣ до послѣдняго солдата поняли, въ чемъ будетъ состоять развязка минувшаго тяжелаго без-

дѣйствія, и одно изъ высшихъ лицъ въ своемъ частномъ письмѣ выразилось безъ оговорокъ: «какъ только прибудетъ Суворовъ. крѣпость возьмутъ штурмомъ».

Суворовъ отвѣчалъ Потемкину 30 ноября коротко: «получа повелѣніе вашей свѣтлости, отправился я къ сторонѣ Измаила. Боже, даруй вамъ свою помощь». Сборы его были не велики и распоряженія не сложны: назначивъ людъ Измаилъ Фанагорійскій гренадерскій полкъ, 2 сотни казаковъ, 1000 арнаутовъ и 150 охотниковъ Апшеронскаго полка, онъ приказалъ изготовить и отправить туда же 30 лѣстницъ и 1000 фашинъ. Самъ онъ выѣхалъ съ конвоемъ изъ 40 казаковъ и съ дороги послалъ генералъ-поручику Потемкину приказъ — вернуться къ Измаилу Но такъ какъ время было особенно дорого, потому что приготовленія къ штурму не могли кончиться скоро, то Суворовъ оставилъ свой конвой и поѣхалъ съ удвоенной скоростью. Рано утромъ 2 декабря, послѣ больше чѣмъ 100-верстнаго пути, два всадника подъѣхали къ русскимъ аванпостамъ: то былъ Суворовъ и казакъ, везшій въ небольшомъ узелкѣ багажъ генерала. Раздалась привѣтственная пальба съ батарей, всѣ оживились и просіяли: въ лицѣ маленькаго, сухопараго, неказистаго старичка явилась побѣда.

Осмотрѣвшись и собравъ свѣдѣнія, Суворовъ увидѣлъ, что ему предстоялъ подвигъ болѣе трудный, чѣмъ онъ полагалъ прежде. Крѣпость была первоклассная и защищала ее цѣлая армія, усиленная въ послѣднее время гарнизонами покоренныхъ Русскими крѣпостей, которымъ грозилъ гнѣвъ султана, обрекавшій ихъ на смерть въ случаѣ сдачи Измаила. Всего считалось, съ нѣкоторою частью городскихъ жителей, находившеюся подъ ружьемъ, 42,000 человѣкъ на казенномъ довольствіи; но въ сущности, по турецкому обычаю, было меньше, не свыше 35,000. въ томъ числѣ 8,000 кавалеріи. Въ военныхъ припасахъ было изобиліе; продовольствія имѣлось мѣсяца на $1^1/_2$; главнымъ начальникомъ былъ посѣдѣлый въ бояхъ Айдосъ-Мехметъ-паша. твердый и безстрашный воинъ. Русскихъ было отъ 28 до 31.000. въ томъ числѣ казаковъ поменьше половины. Осадной артиллеріи не было; полевая имѣла боевыхъ припасовъ не больше одного комплекта; въ продовольствіи и другихъ потребностяхъ чувство-

вался крайній недостатокъ, который пополнить было невозможно по зимнимъ условіямъ и недостатку времени; больныхъ было много. Въ общемъ итогѣ положеніе дѣлъ представлялось очень неутѣшительнымъ; тѣмъ не менѣе штурмованіе было въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ *необходимо*, и потому оставалось только обезпечить его успѣхъ всѣмъ, чѣмъ можно.

Однако Суворовъ постарался сообщить Потемкину свое рѣшеніе въ формѣ категорической. На другой день по пріѣздѣ онъ послалъ ему донесеніе, которое начиналось такъ: «По силѣ повелѣній вашей свѣтлости первоначально войска сблизились подъ Измаилъ, на прежнія мѣста, такъ какъ безвременно отступать безъ особаго повелѣнія вашего почитается постыдно». А въ концѣ сказано: «обѣщать нельзя; Божій гнѣвъ и милость зависятъ отъ Его провидѣнія». Немногіе дни, которыми Суворовъ могъ располагать до приступа, были наполнены кипучей дѣятельностью. Шли переговоры съ Турками, велась переписка съ Потемкинымъ, собирались свѣдѣнія чрезъ шпіоновъ, возводились батареи, обучались войска. Рибасъ, которому Суворовъ довѣрялъ больше, чѣмъ кому другому, доносилъ Суворову каждый день, иногда по нѣскольку разъ, о ходѣ работъ по постройкѣ и вооруженію батарей на Чаталѣ, о результатахъ канонады, о работахъ Турокъ, о ихъ замыслахъ и т. под., кончая свои письма стереотипною фразой: «цѣлую ваши руки». На сухомъ пути, подъ зоркимъ глазомъ Суворова, тоже не сидѣли сложа руки. На топливо рѣзали тростникъ и камышъ, заготовляли 40 штурмовыхъ лѣстницъ и 2.000 большихъ фашинъ; изъ-подъ Галаца вызваны маркитанты съ разной провизіей. Суворовъ объѣзжалъ полки, говорилъ съ солдатами, вспоминалъ прежнія побѣды, не скрывалъ серьезности настоящаго положенія и большихъ трудностей предстоящаго штурма. Онъ выбралъ мѣсто гдѣ-то въ сторонѣ, приказалъ насыпать валъ и вырыть ровъ; здѣсь солдаты практиковались по ночамъ въ пріемахъ перехода черезъ ровъ, эскаладированія вала и т. под. Рекогносцировки производились нѣсколько разъ, самъ Суворовъ сопровождалъ рекогносцирующихъ. На флангахъ сухопутнаго расположенія заложены по двѣ батареи и вооружены 40 полевыми орудіями, чтобы замаскировать до времени готовившійся штурмъ и усыпить бдительность Турокъ надеждою на осаду.

Паралельно съ приготовленіями велись и переговоры. Суворовъ не возлагалъ на нихъ большой надежды; двукратное отступленіе Русскихъ отъ Измаила въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ ободрили Турокъ и давали имъ надежду на такой же исходъ и третьей попытки. Но безъ переговоровъ обойтись было невозможно по понятной причинѣ, тѣмъ болѣе, что они давали время на штурмовыя приготовленія.

Еще 1 декабря Рибасъ получилъ отъ Потемкина письмо на имя измаильскаго сераскира, которое слѣдовало передать по прибытіи Суворова. Потемкинъ предлагалъ сдать крѣпость во избѣжаніе кровопролитія, обѣщая отпустить войска и жителей за Дунай съ ихъ имѣніемъ; грозилъ иначе участью Очакова и въ заключеніе сообщалъ, что для исполненія назначенъ генералъ графъ Суворовъ. Письмо это было послано въ Измаилъ 7 декабря, въ 2 часа дня, такъ какъ только 5 числа возвратились къ Измаилу войска генералъ-поручика Потемкина и лишь 6 числа прибылъ назначенный Суворовымъ отрядъ изъ-подъ Галаца. Вмѣстѣ съ письмомъ главнокомандующаго, Суворовъ послалъ и свое, почти такого же содержанія, давъ сроку на отвѣтъ 24 часа: кромѣ того онъ приложилъ дополнительную или, лучше сказать, пояснительную записку. Записка эта отличалась отъ первой, строго-офиціальной, чисто-Суворовскимъ складомъ рѣчи и содержала въ себѣ слѣдующія немногія слова: «Сераскиру, старшинамъ и всему обществу. Я съ войсками сюда прибылъ. Двадцать четыре часа на размышленіе—воля; первый мой выстрѣлъ—уже неволя; штурмъ—смерть. Что оставляю вамъ на разсмотрѣніе». Съ письмами былъ посланъ въ Измаилъ офицеръ при двухъ трубачахъ; погода стояла ясная, на валахъ измаильскихъ красовалось множество знаменъ и значковъ, стояли большія толпы Турокъ; съ русской стороны почти всѣ свободные офицеры вышли изъ лагеря и далеко зашли впередъ, чтобы поближе видѣть пріемъ посланца. Одинъ изъ подручныхъ нашей, принимавшій это письмо, разговорился съ посланнымъ офицеромъ, знавшимъ турецкій языкъ, и между прочимъ сказалъ ему: «скорѣе Дунай остановится въ своемъ теченіи и небо упадетъ на землю, чѣмъ сдастся Измаилъ». Сераскиръ же отвѣчалъ на другой день, къ вечеру. Онъ прислалъ довольно длинное письмо.

сущность котораго состояла въ отказѣ, если не будетъ разрѣшено послать двухъ человѣкъ къ визирю за повелѣніемъ, если не дадутъ сроку 10 дней вмѣсто 24 часовъ и не заключатъ на это время перемиріе. Очевидно Турки хотѣли затянуть дѣло, что было имъ очень желательно, а потому сераскиръ прислалъ парламентера и 9 числа, какъ будто за отвѣтомъ. Суворовъ отвѣчалъ: «Получа в. пр. отвѣтъ, на требованіе согласиться никакъ не могу, а противъ моего обыкновенія еще даю вамъ сроку сей день до будущаго утра на размышленіе».

Въ тотъ же день Суворовъ собралъ военный совѣтъ. Совѣтоваться ему было не о чемъ, но поступая такимъ образомъ, онъ дѣйствовалъ на основаніи закона и пользовался этимъ средствомъ, чтобы перелить въ другихъ принятое имъ рѣшеніе, сдѣлать свой взглядъ ихъ взглядомъ, свое убѣжденіе ихъ убѣжденіемъ. Немного говорилъ Суворовъ въ совѣтѣ и однако увлекъ всѣхъ, увлекъ тѣхъ самыхъ людей, которые нѣсколько дней назадъ считали штурмъ неисполнимымъ. Младшій изъ присутствовавшихъ, бригадиръ Платовъ, произнесъ слово *штурмъ*, и штурмъ былъ рѣшенъ всѣми 13 лицами безъ исключенія. Совѣтъ постановилъ: «приближась къ Измаилу, по диспозиціи приступить къ штурму неотлагательно, дабы не дать время непріятелю еще болѣе укрѣпиться, и посему уже нѣтъ надобности относиться къ его свѣтлости главнокомандующему. Сераскиру въ его требованіи отказать. Обращеніе осады въ блокаду исполнять не должно. Отступленіе предосудительно побѣдоноснымъ Ея Императорскаго Величества войскамъ. По силѣ четвертой на десять главы воинскаго устава». Изъ опредѣленія этого видно, что оно редактировано прямо противъ прежняго совѣтскаго рѣшенія [13]).

Теперь штурмъ закрѣпленъ былъ окончательно, съ формальной стороны. Нѣкоторые повѣствуютъ, будто Потемкинъ, устраненный рискомъ предпріятія, предоставилъ передъ самымъ штурмомъ Суворову свободу — отступить. Но изъ предписаній Потемкина 29 ноября видно, что онъ и не приказывалъ Суворову штурмовать во чтобы то ни стало, слѣдовательно не было надобности предоставлять ему свободу дѣйствій, которую онъ и безъ того имѣлъ. Затѣмъ сохранились два письма Потемкина къ

Суворову отъ 4 декабря. Въ одномъ (о доставкѣ снарядовъ) между прочимъ сказано: «даруй Боже тебѣ, мой любезнѣйшій другъ, счастія и здоровья». Въ другомъ видно лишь существованіе Потемкинскихъ колебаній, ибо сказано: «когда уже корпусы заняли прежнее мѣсто, то и быть по прежнему повелѣнію; даруй Боже вамъ счастіе». Что касается до писемъ Суворова къ Потемкину, то ихъ имѣется за все это время два: отъ 3 декабря, о которомъ сказано выше; другое же 2 или 3 днями позже: «мы бы вчера начали, еслибы Фанагорійскій полкъ сюда прибылъ». А колебаній у Суворова конечно не было.

Послѣ военнаго совѣта, день штурма былъ назначенъ на 11 число. Требовалось сохранить это въ тайнѣ, дабы не увеличить бдительность Турокъ, которые и безъ того были на-сторожѣ. Чрезъ бѣглецовъ получены изъ Измаила разныя свѣдѣнія о числѣ войскъ, орудій, размѣщеніи ихъ, караульной службѣ и проч., для Русскихъ не успокоительныя; но Суворовъ нетолько ими не секретничалъ, а приказалъ сдѣлать ихъ извѣстными всѣмъ, «отъ высшихъ начальниковъ до рядовыхъ». Такова была его система, коренившаяся на взаимномъ довѣріи начальниковъ и подчиненныхъ.

Окончены были послѣднія приготовленія, отданы послѣднія приказанія: по завладѣніи валомъ не врываться въ городъ, пока не отворены ворота и не впущены резервы; начавъ атаку, не останавливаться; къ пороховымъ погребамъ ставить караулы, ничего не зажигать; безоружныхъ, женщинъ и дѣтей не трогать; имѣть вездѣ въ приличныхъ мѣстахъ резервы, впереди колоннъ стрѣлковъ и рабочихъ и т. д. Вообще диспозиція была замѣчательна по своей обстоятельности и практичности.

Съ восходомъ солнца открылась 10 декабря сильнѣйшая канонада съ флотиліи, съ острова и съ 4 фланговыхъ батарей. Турки отвѣчали горячо. Городъ сильно пострадалъ, но немалую потерю понесли и Русскіе: у нихъ между прочимъ взорвана бригантина съ 200 человѣкъ экипажа. Съ приближеніемъ ночи бѣжало въ Измаилъ нѣсколько казаковъ; такимъ образомъ Турки были предупреждены на счетъ штурма.

Спустилась чрезвычайно темная ночь; чрезъ непроглядную тьму только вспыхивалъ огонь выстрѣловъ, да и тѣ мало по

малу замолкли, и наступила тишина, прерываемая по временамъ только глухими, неопредѣленными звуками, доносившимися изъ крѣпости. Мало кто спалъ въ эту ночь; не спалъ и Суворовъ; онъ ходилъ по бивакамъ, заговаривалъ съ офицерами и солдатами, напоминалъ имъ прошлые славные дни, внушалъ увѣренность въ успѣхѣ. Вернувшись къ своему биваку, онъ прилегъ къ огню, но не спалъ. Тутъ же находилась его многочисленная свита: чины полевого штаба, ординарцы, адъютанты; были и посторонніе—знатные иностранцы, гвардейскіе офицеры, даже придворные. Въ 3 часа, по ракетѣ, войска поднялись и выступили къ назначеннымъ по диспозиціи пунктамъ; въ $5^1/_2$ въ густомъ туманѣ двинулись на штурмъ. Атаку съ запада и сѣвера производили три колонны генералъ-майоровъ Львова, Ласси и Мекноба, подъ общимъ начальствомъ генералъ-поручика Потемкина. На лѣвой половинѣ боевого порядка дѣйствовали три колонны бригадировъ Орлова, Платова и генералъ-майора Голенищева-Кутузова, подъ общимъ начальствомъ генералъ-поручика Самойлова. Изъ нихъ четвертая и пятая состояли изъ спѣшенныхъ казаковъ съ укороченными пиками, а пятая исключительно изъ казаковъ-новобранцевъ; обѣ колонны подчинялись генералъ-майору Безбородко. Наконецъ, для дессанта и атаки съ рѣчной стороны, подъ начальствомъ генералъ-майора Рибаса назначались три же колонны—генералъ-майора Арсеньева, бригадира Чепеги и гвардіи майора Маркова. Кавалерійскій резервъ сухопутной стороны располагался передъ тремя воротами и состоялъ подъ общимъ начальствомъ бригадира Вестфалена. Самъ Суворовъ находился на сѣверной сторонѣ, невдалекѣ отъ третьей колонны и отъ крѣпости, на курганѣ.

Колонны двинулись въ порядкѣ, соблюдая тишину; Турки сидѣли смирно, не выдавая себя ни однимъ выстрѣломъ. Но когда колонны подошли шаговъ на 300 или 400, открылся адскій огонь. Прежде другихъ подошла ко рву вторая колонна, перешла ровъ, по лѣстницамъ взошла на валъ и распространилась влѣво, очищая валъ отъ защитниковъ. Подоспѣла скоро и первая колонна, которой приходилось дѣйствовать противъ каменнаго редута Табія, подъ его картечнымъ огнемъ и при атакѣ внезапно налетѣвшій оттуда вылазки. Львовъ былъ раненъ, за-

нимъ князь Лобановъ-Ростовскій; повелъ колонну полковникъ Золотухинъ, дорвался на штыкахъ и соединился со второю колонною. Въ это время на противуположномъ флангѣ шестая колонна овладѣла бастіономъ, атакуя подъ личнымъ предводительствомъ Кутузова и потомъ дважды была оттѣснена свѣжими турецкими силами; но Кутузовъ съ резервомъ опрокинулъ Турокъ окончательно и сталъ на взятомъ бастіонѣ твердой ногой.

Еще труднѣе было 4 и 5 колоннамъ, составленнымъ изъ казаковъ. Четвертая колонна была разрѣзана на двое вылазкою Турокъ изъ сосѣднихъ воротъ; произошла ожесточенная схватка; казаки несли страшный уронъ и гибли подъ саблями Турокъ почти безоружные, съ перерубленными пиками. Пятая колонна, взобравшись на валъ подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, скоро была опрокинута снова въ ровъ, а затѣмъ преслѣдуема въ поле больше полуверсты. Суворовъ немедленно прислалъ 4 колоннѣ подмогу, которая живо измѣнила картину боя. Полоцкій полкъ произвелъ блестящую атаку почти безъ офицеровъ, ибо большая ихъ часть выбыла изъ строя. Во главѣ полка сталъ полковой священникъ Трофимъ Куцинскій, сказалъ солдатамъ ободрительное слово и полѣзъ впереди ихъ по лѣстницѣ на валъ; съ Полоцкими повернули противъ непріятеля и казаки. Двѣ пули попали о. Трофиму въ крестъ, третья въ лѣвую ногу, повредила сухожиліе и самую кость, но онъ не сробѣлъ, а продолжалъ взбираться. Обѣ колонны послѣ тяжелыхъ усилій утвердились на валу и вошли въ связь съ 3 и 6 колоннами, но при этомъ Безбородко былъ раненъ, и его мѣсто заступилъ бригадиръ Платовъ.

Труднѣе всѣхъ выпала роль третьей колоннѣ, штурмовавшей съ сѣверной стороны самый сильный бастіонъ крѣпостной ограды. Вышина вала и глубина рва были такъ велики, что приходилось $5^1/_2$-саженныя лѣстницы связывать по двѣ въ одну. Войска эскаладировали съ чрезвычайными усиліями и лишь при помощи резерва могли наконецъ съ величайшимъ трудомъ сломить Турокъ, утвердиться на бастіонѣ и завладѣть сосѣдними верками, причемъ Мекнобъ былъ тяжело раненъ.

Одновременно съ атакою сухопутной стороны произведена

атака и рѣчной. Войска, высаженныя судами флотиліи, ударили на Турокъ повсемѣстно и одновременно, съ беззавѣтною храбростью; начальники, въ томъ числѣ нѣсколько иностранныхъ офицеровъ, давали солдатамъ блестящій примѣръ своимъ безстрашіемъ. Многіе изъ нихъ были ранены, но порывъ войскъ отъ этого не ослабѣлъ. Турки были сбиты съ рѣчной стороны также успѣшно, какъ съ сухопутной.

Въ 8 часовъ утра вся ограда крѣпости находилась въ рукахъ Русскихъ. Числительное неравенство противниковъ сдѣлалось замѣтнымъ; къ тому же сильные числомъ были въ массахъ, а слабые въ растянутой линіи. Приказано было какъ можно скорѣе устроиться и продолжать атаку. Завязался такой упорный бой, съ которымъ ночной штурмъ не могъ идти въ сравненіе. Шло не общее сраженіе, а вереница частныхъ кровопролитныхъ дѣлъ, прекращавшихся на однихъ мѣстахъ и начинавшихся черезъ минуту на другихъ. Каждая площадь, улица и переулокъ были особымъ полемъ сраженія; изъ оконъ летѣли пули; большіе дома, особенно ханы, т.-е. гостинницы, приходилось или штурмовать, или разбивать артиллеріей.

Русскія войска подвигались концентрически, живое кольцо вокругъ Турокъ сжималось. Давалось это съ тяжкими усиліями и большимъ урономъ, особенно терпѣли казаки 4 и 5 колоннъ, вслѣдствіе неполноты своего вооруженія. Бывали критическіе, опасные, даже отчаянные моменты и съ другими войсками, въ другихъ частяхъ города, но подобные эпизоды не могли уже измѣнить исхода боя. Согласно приказанію Суворова вступили въ городъ всѣ резервы, и къ часу дня былъ занятъ весь городъ. Турки продолжали обороняться лишь въ мечети, двухъ ханахъ и редутѣ Табія, но не могли продержаться долго и частію были выбиты, частью сдались.

Старику Айдосъ-Мехмету не суждено было пережить этого кроваваго дня. Онъ засѣлъ въ каменномъ ханѣ съ 2,000 янычаръ и нѣсколькими пушками. По приказанію генерала Потемкина, полковникъ Золотухинъ съ батальономъ Фанагорійскихъ гренадеръ атаковалъ этотъ ханъ, но долгое время безъ успѣха. Наконецъ ворота были выбиты пушечными выстрѣлами, и гренадеры ворвались внутрь, гдѣ Турки продолжали обороняться.

Только когда большая ихъ часть была переколота, остальные стали просить пощады и были выведены изъ хана для отобранія оружія; въ ихъ числѣ находился и Айдосъ-Мехметъ. Во время обезоруживанія пробѣгалъ мимо егерь; замѣтивъ на нашѣ богатый кинжалъ, онъ подскочилъ и хотѣлъ его вырвать изъ-за пояса; одинъ янычаръ выстрѣлилъ въ дерзкаго, но попалъ въ офицера, отбиравшаго оружіе. Этотъ выстрѣлъ былъ принятъ за вѣроломство; разъяренные солдаты ударили въ штыки и перекололи почти всѣхъ Турокъ; Айдосъ-Мехметъ умеръ отъ 16 штыковыхъ ранъ. Офицерамъ удалось спасти не больше ста человѣкъ, принадлежавшихъ къ Мехметовой свитѣ [14]).

Суворовъ приказалъ кавалеріи окончательно очистить улицы, ибо мѣстами встрѣчались еще Турки. Къ 4 часамъ все было кончено.

Двукратная неудача подъ Измаиломъ, невзгоды осаднаго времени, крайнее возбужденіе солдатъ вслѣдствіе дорого доставшейся побѣды, все это вмѣстѣ сдѣлало измаильскій штурмъ въ высшей степени кровавымъ. Солдаты разсвирѣпѣли; подъ ихъ ударами гибли всѣ; даже офицеры не могли удержать ихъ отъ безцѣльнаго кровопролитія. За убійствомъ и въ паралель съ нимъ шелъ грабежъ, — прискорбное знаменіе времени, который продолжался три дня, согласно заранѣе данному Суворовымъ обѣщанію; слѣдовательно на другой и третій день продолжались еще случаи насилій и убійства, а въ первую ночь сплошь до утра раздавалась трескотня ружейныхъ и пистолетныхъ выстрѣловъ.

Кутузовъ былъ назначенъ комендантомъ Измаила [15]), въ важнѣйшихъ мѣстахъ разставлены караулы, и всю ночь ходили по разнымъ направленіямъ патрули. На слѣдующій день совершено благодарственное молебствіе при громѣ орудій; молебенъ служилъ Полоцкій священникъ, отличившійся на штурмѣ. Оказалось, что онъ не впервые нюхалъ порохъ, ибо находился при осадахъ и взятіи Очакова, Бендеръ, Киліи. За Измаилъ онъ получилъ наперсный крестъ на георгіевской лентѣ, украшенный брильянтами, произведенъ въ протоіереи, и ему пожаловано 500 р. единовременно и 300 р. въ пожизненную пенсію.

Послѣ молебна Суворовъ пошелъ къ главному караулу,

который содержали Фанагорійскіе гренадеры; онъ поздравилъ ихъ съ побѣдой, хвалилъ ихъ, благодарилъ. День или два спустя онъ присутствовалъ на обѣдѣ, который Рибасъ давалъ на своей флотиліи; здравицъ было не мало, и каждая изъ нихъ сопровождалась залпомъ съ корабля; на слѣдующій день находился на подобномъ же обѣдѣ генерала Потемкина. А тѣмъ временемъ подавалась помощь раненымъ, прибирались мертвые. Тѣла убитыхъ Русскихъ были преданы честному погребенію, по уставу церковному. Что касается до непріятельскихъ труповъ, то ихъ было такъ много, что слѣдовало опасаться заразы, если замедлить погребеніемъ, почему приказано бросать ихъ въ Дунай. Плѣнные были направлены партіями на Николаевъ, подъ конвоемъ казаковъ, уходившихъ на зимнія квартиры; для обезпеченія ихъ въ порядочномъ содержаніи, Суворовъ назначилъ одного изъ своихъ приближенныхъ лицъ, штабъ-офицера, однако это не помогло. Много погибло ихъ въ пути; первые 35 верстъ были буквально усѣяны трупами.

На первыхъ порахъ Суворовъ послалъ Потемкину такое донесеніе: «нѣтъ крѣпче крѣпости, отчаяннѣе обороны, какъ Измаилъ, падшій предъ высочайшимъ трономъ Ея Императорскаго Величества кровопролитнымъ штурмомъ. Нижайше поздравляю вашу свѣтлость». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ: «со знаменами пошлю къ вашей свѣтлости отмѣнно-отличнаго Золотухина, имѣвшаго импульсію и сподручность съ дунайскимъ героемъ Осипъ Михайловичемъ» (де-Рибасомъ). Потомъ онъ послалъ болѣе обстоятельное свѣдѣніе съ цифровыми данными. Убитыхъ непріятелей оказалось 26,000, плѣнныхъ набралось до 9,000 изъ числа вооруженныхъ; турецкихъ женщинъ и дѣтей сосчитано до 3,000, христіанъ и евреевъ отъ 5 до 6,000, которые и водворены по прежнему въ ихъ жилища. Пушекъ досталось 265, знаменъ 364, бунчуковъ 7, санджаковъ 2, пороху 3,000 пудовъ, судовъ 42; но почти всѣ они были повреждены до степени негодности; боевыхъ запасовъ, продовольствія и фуража огромное количество, лошадей около 10,000. Потеря Русскихъ убитыми и ранеными показана въ 4,500, но эта цифра должна быть слишкомъ низка, тѣмъ болѣе, что донесеніе составлялось спѣшно, безъ возможности провѣрки. Если удвоить

это число и считать въ немъ 400 офицеровъ, то это будетъ ближе къ истинѣ.

Войска получили громадную добычу; въ донесеніи Екатеринѣ Потемкинъ называетъ ее «чрезвычайною»; въ письмѣ къ Кобургу Суворовъ говоритъ, что она превышала милліонъ рублей; одинъ изъ иностранцевъ, участвовавшихъ въ штурмѣ, увѣряетъ, что многіе нажили по нѣскольку тысячъ червонцевъ. Въ Измаилъ перевезены были купеческіе склады товаровъ изъ укрѣпленныхъ мѣстъ, капитулировавшихъ въ предшествовавшее время; стало быть условія для грабежа оказывались самыми благодарными. Солдаты не знали что дѣлать съ награбленнымъ добромъ, продавая его за безцѣнокъ. Они сорвали съ древокъ много знаменъ и щеголяли, опоясанные ими, гордясь своею добычею, какъ знаками отличій; часть этихъ знаменъ была отъ нихъ отобрана, но остальная пропала и въ счетъ трофеевъ не вошла. Къ добычѣ слѣдуетъ отнести и неизвѣстное число плѣнныхъ обоего пола и разныхъ возрастовъ, которыхъ съ разрѣшенія Суворова разобрали офицеры, обязавшись подписками въ порядочномъ ихъ содержаніи и человѣколюбивомъ съ ними обращеніи. Самъ Суворовъ, по обыкновенію, ни до чего изъ добытаго грабежомъ не коснулся. Даже когда привели къ нему, на память о славномъ днѣ, великолѣпнаго, въ богатомъ уборѣ коня, онъ отказался и отъ коня, сказавъ: «донской конь привезъ меня сюда, на немъ же я отсюда и уѣду». Одинъ изъ генераловъ замѣтилъ, что теперь тяжело будетъ Суворовскому коню везти на себѣ вновь добытые лавры; Суворовъ отвѣчалъ: «донской конь всегда выносилъ меня и мое счастіе». Не даромъ же солдаты говорили: «нашъ Суворовъ въ побѣдахъ и во всемъ съ нами въ паю, только не въ добычѣ».

Измаильскій штурмъ отличался не человѣческимъ упорствомъ и яростью Турокъ, такъ какъ они знали, что пощады не будетъ. Но это упорство безнадежнаго отчаянія могло быть сломлено только крайнимъ напряженіемъ энергіи атаковавшихъ. Все это и было произведено Суворовымъ. Храбрость русскихъ войскъ подъ Измаиломъ дошла какъ бы до совершеннаго отрицанія чувства самосохраненія. Десять часовъ не перемежавшейся опасности, нравственнаго возбужденія и физическихъ напряже-

ній не умалили ихъ энергіи, не уменьшили силъ. Многіе изъ участниковъ штурма потомъ говорили, что глядя при дневномъ свѣтѣ и въ спокойномъ состояніи духа на тѣ мѣста, по которымъ они взбирались и спускались въ ночную темноту, они содрогались и не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ. Вотъ характерный отзывъ одного изъ иностранцевъ, отличившихся на штурмѣ: «Успѣхъ штурма будетъ всегда служить свидѣтельствомъ мужества, субординаціи и особенно необоримой настойчивости русскихъ войскъ. Жаль, что этотъ подвигъ забрызганъ лишней кровью и загаженъ побоищемъ, подобнаго которому нѣтъ въ исторіи и которое вовсе не вызывалось необходимостью. Однако было бы очень ошибочно приписывать это варварство характеру Русскихъ; въ Европѣ нѣтъ войска, которое въ подобныхъ обстоятельствахъ вело бы себя съ мягкостью и человѣколюбіемъ».

Кромѣ внутренней стороны дѣла, содѣйствовала успѣху штурма и внѣшняя. Въ диспозиціи указано было рѣшительно все существенное, и эти наставленія были большею частью исполнены. Нельзя напримѣръ не замѣтить, что въ полномъ разгарѣ боя и грабежа, въ городѣ не произошло пожара. Существуютъ однако на счетъ штурма и другія мнѣнія. Одинъ русскій современникъ, впослѣдствіи извѣстный генералъ, говоритъ, что порядка при штурмѣ было мало, что Суворовъ не дѣлалъ рекогносцировки, что колонны двигались чуть не на авось, что лѣстницы были приготовлены слишкомъ короткія и пр. Двое изъ иностранцевъ, участниковъ штурма, указываютъ, какъ на главный недостатокъ Русскихъ, на ихъ неглижерство и пренебрежительное отношеніе къ Туркамъ, которыя выразились въ дерзости самого предпріятія, въ растянутости лагернаго расположенія, въ способѣ производства работъ и въ огромныхъ потеряхъ. Указываютъ они также на разные безпорядки, изъ коихъ главный — въ колоннѣ Ласси отчаянная стрѣльба, несмотря на запрещеніе офицеровъ, отъ которой пострадали отчасти свои же. Но все это или преувеличено, или фактически не вѣрно (о рекогносцировкѣ), или естественно, такъ какъ въ большомъ и сложномъ дѣлѣ не могло все идти гладко, какъ по маслу. Надо также помнить, что войска подъ Измаиломъ были не Суворовскія, кромѣ ничтожной доли, и

что на обученіе ихъ могли быть употреблены не дни, а только часы. Кромѣ того внѣшній, видимый безпорядокъ при штурмѣ зависитъ иногда отъ причинъ случайныхъ. Для примѣра вотъ одна. Въ числѣ сгруппированныхъ въ Измаилѣ богатствъ, находилось до 1800 прекрасныхъ египетскихъ лошадей, которыя стояли въ конюшняхъ подъ крѣпостными валами. Испуганные штурмовымъ шумомъ, лошади эти вырвались изъ конюшенъ и стали носиться по всему городу. Можно себѣ вообразить, насколько они увеличили всеобщую сумятицу.

Нельзя еще не указать на нѣкоторое внутреннее противорѣчіе, въ которое впадаютъ критики Суворовскихъ дѣйствій подъ Измаиломъ. Сами они говорятъ, что Турки проявили непростительную безпечность и лѣность, вовсе не дѣлали вылазокъ несмотря на растянутость русскаго лагеря, не препятствовали энергически постройкѣ батарей, при штурмѣ не имѣли нигдѣ сильнаго резерва и т. под. Если все это такъ, то тѣмъ страннѣе критика Суворовскихъ дѣйствій, ибо они, эти дѣйствія, прямо соотвѣтствуютъ отрицательнымъ качествамъ Турокъ, ими оправдываются и объясняются.

Если можно сдѣлать не въ пользу Суворова замѣчаніе, то больше всего за участіе въ штурмѣ спѣшенныхъ казаковъ безъ соотвѣтственнаго вооруженія. Вотъ гдѣ заключался главный излишекъ чрезмѣрной потери. Но отказаться отъ ихъ участія въ штурмѣ не было возможности по ихъ большому числу, а дополнить ихъ вооруженіе было дѣломъ неисполнимымъ. Приходилось значитъ отказаться совсѣмъ отъ штурма, что очевидно не могло придти Суворову въ голову; на то онъ былъ Суворовъ.

Вообще измаильскій штурмъ по своимъ размѣрамъ и значенію, по неравномѣрности силъ обѣихъ сторонъ, по техническимъ условіямъ исполненія, имѣетъ мало равносильныхъ примѣровъ въ военной исторіи. Здѣсь не крѣпость взята, а истреблена непріятельская армія, засѣвшая въ крѣпостныхъ стѣнахъ. Самъ Суворовъ смотрѣлъ на него, какъ на дѣло исключительное. Года два спустя, проѣзжая мимо одной крѣпости въ Финляндіи, онъ спросилъ своего адъютанта; «можно ли взять эту крѣпость штурмомъ?» Адъютантъ отвѣчалъ: «какой крѣпости нельзя взять, если взятъ Измаилъ?» Суворовъ задумался и,

послѣ нѣкотораго молчанія, замѣтилъ: «на такой штурмъ, какъ измаильскій, можно пускаться одинъ разъ въ жизни». Мы видѣли, что въ ночь штурма онъ не могъ спать; въ это же время онъ получилъ съ курьеромъ письмо отъ Австрійскаго императора, но такъ былъ озабоченъ предстоящимъ дѣломъ, что не распечаталъ письма, отложивъ это до развязки штурма [16]).

Почти также, какъ Суворовъ, смотрѣла на измаильскій штурмъ и Екатерина. Въ мнѣніи своемъ она конечно руководилась, между прочимъ, тѣмъ оцѣпеняющимъ впечатлѣніемъ, которое произвели измаильскія извѣстія на враговъ и недоброжелателей Россіи. Систовскія конференціи перервались; изъ Мачина всѣ стали разбѣгаться, изъ Бабадага также; въ Браиловѣ, несмотря на 12,000-ный гарнизонъ, жители просили пашу не медлить сдачей, какъ только Русскіе появятся; въ Букарестѣ просто не вѣрили возможности измаильскаго погрома, несмотря ни на какія подтвержденія; содержавшіеся въ Богоявленскѣ плѣнные Турки пришли въ такой ужасъ, что приставъ ихъ счелъ долгомъ донести объ этомъ Потемкину. Изумленіе и восторгъ охватили русское общество; русскіе поэты выразили общее настроеніе въ стихахъ; Суворовъ былъ засыпанъ поздравительными письмами и посланіями. Принцъ де-Линь, сынъ, отличившійся и раненый подъ Измаиломъ, величалъ его «идоломъ всѣхъ военныхъ»; принцъ де-Линь, отецъ, писалъ ему, что графовъ было бы не много, если бы каждый изъ нихъ сдѣлалъ сотую долю того, что Суворовъ. Принцъ Кобургскій тоже не преминулъ привѣтствовать своего бывшаго сотоварища съ обычною своею искренностью. Однимъ словомъ, Суворовъ сдѣлался предметомъ общаго восторженнаго вниманія.

Суворовъ оставался въ Измаилѣ 9 или 10 дней. Онъ продолжалъ переписываться съ Потемкинымъ, не жалѣлъ комплиментовъ, увѣрялъ, что, всѣ готовы за него умереть, что «желалъ бы коснуться его мышцы и въ душѣ обнимаетъ его колѣни». И какъ все это затѣмъ скоро измѣнилось!

Воротившись на короткое время въ Галацъ, Суворовъ поѣхалъ затѣмъ въ Яссы. Потемкинъ приготовился къ торжественному пріему измаильскаго побѣдителя; были разставлены по улицамъ сигнальщики; адъютанту приказано не отходить отъ

окна, чтобы своевременно извѣстить Потемкина. Провѣдалъ ли про эти приготовленія Суворовъ, или ужъ такъ случайно пришлось, но только онъ въѣхалъ въ Яссы ночью, никѣмъ не замѣченный, и отправился на ночлегъ прямо къ старому своему знакомому, полицмейстеру, котораго и просилъ не разглашать о его пріѣздѣ. На слѣдующій день утромъ, Суворовъ надѣлъ парадный мундиръ, сѣлъ въ старинную колымагу своего хозяина и поѣхалъ къ Потемкину. Лошади были въ шорахъ, кучеръ въ широкомъ плащѣ съ длиннымъ бичемъ, на запяткахъ лакей въ жупанѣ съ широкими рукавами. Никто не признавалъ въ этой странной обстановкѣ Суворова; въ такихъ экипажахъ ѣзжали обыкновенно архіереи и иныя духовныя лица. Потемкинскій адъютантъ не дался однако въ обманъ и, когда подъѣзжала карета, доложилъ Потемкину. Потемкинъ поспѣшилъ на лѣстницу, но едва успѣлъ спуститься нѣсколько ступеней, какъ Суворовъ взбѣжалъ наверхъ въ нѣсколько прыжковъ и очутился около Потемкина. Они обнялись и нѣсколько разъ поцѣловались. «Чѣмъ могу я наградить ваши заслуги, графъ Александръ Васильевичъ», спросилъ Потемкинъ, въ полномъ удовольствіи отъ свиданія. «Ничѣмъ князь», отвѣчалъ Суворовъ раздражительно: «я не купецъ и не торговаться сюда пріѣхалъ; кромѣ Бога и Государыни никто меня наградить не можетъ». Потемкинъ, никакъ не ожидавшій такого отвѣта, поблѣднѣлъ, повернулся и пошелъ въ залъ; Суворовъ за нимъ. Здѣсь онъ подалъ строевой рапортъ, Петемкинъ принялъ холодно; оба рядомъ походили по залу, не въ состояніи будучи выжать изъ себя ни слова, затѣмъ раскланялись и разошлись. Суворовъ вернулся къ полицмейстеру.

Случай этотъ иначе не объяснимъ, какъ характеристикой того вѣка, вѣка искательствъ, подслуживанія, лести и всякихъ кривыхъ путей. Существовали эти пороки въ русскомъ обществѣ и раньше, и позже, но никогда не имѣли такой благодарной почвы, какъ въ XVIII столѣтіи, послѣ Петра Великаго. Ничто не доставалось тогда прямо; даже богато-одареннымъ людямъ приходилось держаться общей колеи. Суворовъ, искавшій исхода своимъ внутреннимъ силамъ, успѣлъ уже состариться, когда сдѣлался человѣкомъ извѣстнымъ. Прошли долгіе годы,

а онъ все еще не добился надлежащаго положенія. Еще недавно, въ прошломъ году, принцъ Кобургскій былъ возведенъ за Рымникъ въ фельдмаршалы; онъ, главный виновникъ побѣды, нѣтъ. Поэтому когда Суворову привелось совершить въ Измаилѣ новый подвигъ, болѣе крупный и блестящій, чѣмъ всѣ предшествовавшіе, онъ вздохнулъ свободно: давно искомая цѣль не могла теперь миновать его рукъ.

Суворовъ ошибся. Потемкинъ не терпѣлъ около себя равнаго по положенію, особенно равнаго съ громаднымъ перевѣсомъ дарованія. Въ кампанію 1789 года онъ оттеръ отъ дѣла князя Репнина, дабы отнять отъ него возможность производства въ фельдмаршалы. Суворовъ же былъ гораздо способнѣе Репнина и слѣдовательно еще неудобнѣе для Потемкина. Имѣть его подъ своимъ начальствомъ, отличать, цѣнить, осыпать милостями Императрицы, — Потемкинъ былъ согласенъ, потому что побѣды подчиненнаго ставились въ заслугу главнокомандующему; но поставить его рядомъ съ собой, на равной ногѣ— ни въ какомъ случаѣ. Контрастъ былъ бы слишкомъ великъ. Поэтому ждать отъ Потемкина производства Суворова въ фельдмаршалы было бы пустымъ самообольщеніемъ; оставалась возложить всю надежду прямо на Императрицу. Суворовъ на этой мысли и остановился, вдаваясь въ другое самообольщеніе. Онъ не зналъ, что всѣми предшествовавшими отличіями и наградами обязанъ былъ почти исключительно Потемкину; что самое графство и Георгій I класса были, такъ сказать, продиктованы имъ же.

Питая такую надежду или, вѣрнѣе сказать увѣренность, Суворовъ однако не поднялъ носа, не измѣнилъ ни на волосъ своихъ отношеній къ Потемкину и въ письмахъ къ нему употреблялъ прежніе льстивые, изысканные пріемы. Это между прочимъ свидѣтельствуетъ, говоря мимоходомъ, что они постоянно имѣли у него чисто-внѣшнее значеніе; вѣкъ временщиковъ и фаворитовъ дѣлаетъ такую оболочку обязательною. Но ѣдучи къ Потемкину онъ, настроенный какъ сказано, ожидалъ, что его начальникъ пойметъ разницу между своимъ подчиненнымъ теперешнимъ и прежнимъ и оттѣнитъ ее въ своемъ обращеніи. Новое самообольщеніе: Потемкину подобныя тонкости и въ голову

не могли придти. Онъ видѣлъ передъ собой того самаго Суворова, которому нѣсколько времени назадъ жаловалъ шинель со своего княжескаго плеча, а потому обошелся съ нимъ весьма любезно, но совершенно по прежнему, въ чемъ никто никогда не находилъ ровно ничего обиднаго, ниже самъ Суворовъ. Потемкинъ былъ вполнѣ правъ со своей точки зрѣнія, а Суворовъ, разсчитавъ невѣрно, поступилъ заносчиво и изъ прежняго протектора сдѣлалъ себѣ врага.

Потемкинъ написалъ Екатеринѣ: «если послѣдуетъ высочайшая воля сдѣлать медаль Суворову, то этимъ будетъ награждена служба его при Измаилѣ. Но такъ какъ изъ генералъ-аншефовъ, онъ одинъ находился въ дѣйствіяхъ въ продолженіи всей кампаніи и, можно сказать, спасъ союзниковъ, ибо непріятель, видя приближеніе нашихъ, не осмѣлился ихъ атаковать, то не благоугодно ли отличить его чиномъ гвардіи подполковника или генералъ-адъютантомъ». Государыня на это согласилась, хотя не могла не понять, что ея «добросовѣстный совѣтодатель» явно кривитъ душой и руководится побужденіями не совсѣмъ честными. Она приказала выбить медаль, назначила Суворова подполковникомъ Преображенскаго полка и наградила офицеровъ измаильскаго корпуса золотыми крестами, а солдатъ серебряными медалями [17]).

Полковникомъ Преображенскаго полка была сама Государыня, слѣдовательно назначеніе въ этотъ полкъ подполковникомъ было для всякаго весьма почетнымъ, но ничего больше. Отличія этого удостоивались обыкновенно старые заслуженные генералы; такихъ было уже десять, Суворовъ назначенъ одиннадцатымъ. Однако всякій понималъ, что продолжительная служба и взятіе штурмомъ крѣпости съ уничтоженіемъ непріятельской арміи,— двѣ заслуги разнородныя. Недоброжелатели и завистники радовались, всѣ прочіе недоумѣвали.

Нѣсколько позже, по случаю заключенія мира съ Турціей, Суворовъ получилъ еще похвальную грамоту съ прописаніемъ въ ней его подвиговъ, эполетъ и перстень, украшенные алмазами и еще Георгій 3 класса, для выдачи по его усмотрѣнію.

Изъ Яссъ Суворовъ поѣхалъ въ Петербургъ. Войну пришлось кончить другимъ. Великій мастеръ, который довелъ искуство

бить Турокъ до виртуозности,—отсутствовалъ. Но имя его осталось. Для Турокъ оно сдѣлалось страшилищемъ, наводило на нихъ панику; въ рядахъ же русскихъ войскъ производило электрическое дѣйствіе. Въ мнѣніи войскъ Суворовъ тогда уже не имѣлъ равносильныхъ соперниковъ, и никакія обстоятельства не въ силахъ были отодвинуть его въ тѣнь на долго.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ Петербургѣ и Финляндіи.

1791 — 1792.

Въ февралѣ 1791 года Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ и прожилъ тамъ больше двухъ мѣсяцевъ безъ всякаго дѣла. Онъ все ждалъ справедливой оцѣнки своей славной въ минувшемъ году службы, но ждалъ напрасно; судьба повернулась къ нему спиной. Между прочимъ онъ посѣщалъ новаго фаворита и будущаго временщика, Платона Зубова, съ цѣлью разныхъ внушеній на счетъ Потемкина, который собирался въ это время пріѣхать въ Петербургъ—*зубъ дергать*; но этимъ путемъ Суворовъ ничего не пріобрѣлъ, кромѣ самоуслажденія, да и то минутнаго. Потемкинъ былъ положимъ уже не то, что нѣсколько лѣтъ назадъ, но для одной только Екатерины, а для Суворова и всѣхъ прочихъ онъ по прежнему представлялъ собою силу несокрушимую.

Пріѣхалъ въ Петербургъ и Потемкинъ. На него посыпались милости и выдающіеся знаки благоволенія; Суворовъ оставался въ сторонѣ, не при чемъ. Жестоко страдала его впечатлительная натура. Дабы сколько нибудь успокоить свой возмущенный духъ, онъ прибѣгнулъ къ средству, къ которому прибѣгалъ постоянно въ подобныхъ случаяхъ: сталъ излагать свои мысли письменно, для самого себя.

Въ одной запискѣ онъ вспоминаетъ про старое, про Козлуджи, гдѣ Каменскій помѣшалъ ему идти впередъ; про принца Кобурга, Лаудона, которые награждены лучше его, Суворова; перечисляетъ всѣхъ высшихъ генераловъ русской службы, указывая, что онъ старше почти ихъ всѣхъ. Относительно Потемкина онъ задаетъ вопросъ, что было бы ему, Суворову, если бы онъ со своими дѣлами занималъ мѣсто Потемкина? «Время кратко», кончаетъ онъ записку: «сближается конецъ, израненъ, 6 лѣтъ, и сокъ весь высохнетъ въ лимонѣ».

Въ другой запискѣ онъ пишетъ: «здѣсь поутру мнѣ тошно, ввечеру голова болитъ: перемѣна климата и жизни. Здѣсь языкъ и обращенія мнѣ не знакомы; ... по кратковременности мнѣ неколи, поздно, охоты нѣтъ учиться, чему до сего не научился.... Подозрѣнія на меня быть не можетъ, я честный человѣкъ. Богъ за меня платитъ».

Тѣмъ временемъ готовился великолѣпный праздникъ въ воспоминаніе славныхъ военныхъ подвиговъ, въ особенности измаильскаго штурма. За нѣсколько дней до праздника, 25 апрѣля, Суворовъ получилъ отъ Потемкина повелѣніе Государыни — объѣхать Финляндію до самой шведской границы, съ цѣлью проектировать систему пограничныхъ укрѣпленій. Суворовъ поѣхалъ съ охотой, чтобы только избавиться отъ своего бездѣйствія; край былъ ему нѣсколько знакомъ, такъ какъ 17 лѣтъ назадъ онъ уже объѣзжалъ шведскую границу, и хотя теперешняя задача представлялась посложнѣе, но Суворовъ выполнилъ ее всего въ 4 недѣли времени, даже меньше.

Въ то время, какъ суровою финляндскою весною онъ разъѣзжалъ въ санкахъ и таратайкахъ по дикимъ захолустьямъ русско-шведской границы, вынося лишенія, которыхъ военный человѣкъ высокаго положенія не знаетъ даже въ военное время,— Потемкинъ утопалъ въ роскоши и упивался своей славой. Праздникъ происходилъ у него, 28 апрѣля. По роскоши, разнообразію, блеску, онъ выходилъ изъ уровня самыхъ пышныхъ торжествъ того времени, отличавшагося пышностью. Весь дворъ былъ тутъ, съ Государыней во главѣ; великіе князья танцовали въ первыхъ парахъ; дамскіе наряды поражали богатствомъ и разнообразіемъ; въ оркестрѣ и хорахъ насчитывалось до 300 му-

зыкантовъ и пѣвцовъ; балетъ и драматическое искуство тоже не были забыты. Залитый свѣтомъ громадный залъ, великолѣпный садъ съ рѣдкими растеніями, повсюду драгоцѣнности, рѣдкости и художественныя произведенія, —все это поражало и восхищало самыхъ привычныхъ къ изысканной роскоши людей. Государыня была очарована; праздникъ удался совершенно.

Онъ былъ данъ въ таврическомъ дворцѣ, который Екатерина еще въ прежніе годы пожаловала Потемкину, потомъ купила обратно за полмилліона рублей и теперь снова дарила, по желанію Потемкина, вмѣсто постройки для него новаго дворца, какъ предполагалось. Но и этимъ не ограничилась щедрость Императрицы въ воздаяніе заслугъ Потемкина; положено было соорудить ему въ царскосельскомъ паркѣ обелискъ, пожалованъ фельдмаршальскій мундиръ, унизанный по швамъ бриліантами, и подарено 200,000 рублей.

Вернувшись изъ Финляндіи, Суворовъ представилъ проэктъ укрѣпленія границъ на случай наступательной войны со стороны Шведовъ. Государыня на него же возложила возведеніе проэктированныхъ укрѣпленій, и Суворовъ согласился съ готовностью. Онъ понималъ, что оставаться въ Петербургѣ подъ начальствомъ Потемкина ему нельзя, а въ Финляндіи онъ пріобрѣталъ самостоятельное положеніе, и переводъ оттуда, въ случаѣ надобности, представлялся легко исполнимымъ. Тѣмъ не менѣе это все таки было немилостью, хотя и замаскированною, и Суворовъ на этотъ счетъ себя не обманывалъ.

Онъ поѣхалъ безъ промедленія и тотчасъ же принялся за работу. Онъ былъ довольно хорошо знакомъ съ инженернымъ дѣломъ, быть можетъ даже нѣсколько лучше, чѣмъ съ другими вспомогательными отраслями военнаго искуства, но вовсе его не любилъ и постоянно имъ тяготился. Это впрочемъ не повліяло на успѣхъ. Въ продолженіе $1^1/_2$-годового своего пребыванія въ Финляндіи, Суворовъ исполнилъ въ существенныхъ чертахъ свой планъ, утвержденный Государыней. Усилены укрѣпленія Фридрихсгама, Вильманстранда и Давидштадта; исправленъ и усиленъ Нейшлотъ; сооружены новые форты Ликкола, Утти и Озерный; оборонительныя средства саволакской дороги усилены проведеніемъ каналовъ; при Роченсальмѣ, на нѣсколькихъ остро-

вахъ, возведены довольно сильныя укрѣпленія, а на сухомъ пути заложена крѣпость Кюменегардъ. Роченсальмъ сдѣлался главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ южной части финляндской границы, и въ концѣ 1792 года Екатерина имѣла полное основаніе лично благодарить Суворова за то, что «онъ подарилъ ей новый портъ».

Вообще Государыня относилась съ полнымъ одобреніемъ къ строительнымъ трудамъ Суворова, что и выражала ему неоднократно. Да и самъ онъ былъ доволенъ ходомъ дѣла. Онъ считалъ своимъ долгомъ—поднять кейзеръ-флагъ въ Роченсальмѣ и имѣлъ утѣшеніе этого дождаться. Послѣ того Суворовъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался прогуляться по Роченсальму и полюбоваться на свое произведеніе, какъ говорится *чужимъ взглядомъ*. «Массивнѣе, прочнѣе и красивѣе строеніевъ тяжело обрести», писалъ онъ своему племяннику, Хвостову: «такъ и всѣ пограничныя крѣпости». Нейшлотъ былъ тоже его гордостью. Маскируя свое удовольствіе при видѣ этого форта, онъ говорилъ: «знатная крѣпость, помилуй Богъ, хороша: рвы глубоки, валы высоки, лягушкѣ не перепрыгнуть, съ однимъ взводомъ штурмомъ не взять».

Работы шли быстро и успѣшно между прочимъ потому, что Суворовъ торопился отъ нихъ отдѣлаться, чтобы быть свободнымъ для иной службы, въ другомъ мѣстѣ. Онъ переѣзжалъ безпрерывно съ мѣста на мѣсто, обходилъ работы, розыскивалъ известковый камень и жегъ изъ него известь, устраивалъ кирпичные заводы, выписывалъ известь и кирпичъ дополнительно изъ Петербурга и Ямбурга, строилъ для ихъ доставки особыя суда. Все это сильно его тяготило и временами выводило изъ терпѣнія, когда представлялись усложненія и препятствія. Поручивъ надзоръ за какой-то работой одному полковнику, Суворовъ долго ее не посѣщалъ, а когда пріѣхалъ, то нашелъ большія неисправности. Онъ сталъ выговаривать полковнику, тотъ сваливалъ вину на своего подчиненнаго. «Оба вы не виноваты», сказалъ разсерженный Суворовъ, схватилъ прутъ и началъ хлестать себя по сапогамъ, приговаривая: «не лѣнитесь, не лѣнитесь; если бы вы сами ходили по работамъ, все было бы хорошо и исправно».

Это несомнѣнно, по физической къ тому возможности не

было. У Суворова, кромѣ постройки и исправленія крѣпостей, были на рукахъ войска и флотилія. Большая часть гребной флотиліи находилась въ шхерахъ, меньшая на озерѣ Сайма. Флотилія была не малая, въ ней числилось до 125 судовъ разныхъ названій и величины съ 850 орудіями, и на Суворовѣ лежали обязанности по укомплектованію и обученію людей. Коекакія практическія свѣдѣнія по военной морской спеціальности онъ пріобрѣлъ раньше, въ Очаковскомъ лиманѣ, гдѣ ему тоже подчинена была флотилія, и продолжалъ въ Финляндіи присматриваться къ дѣлу. Въ первую свою сюда поѣздку, онъ бралъ частные уроки, о чемъ и писалъ тогда же Турчанинову; позже, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ въ шутку просилъ испытать себя въ морскихъ познаніяхъ и выдержалъ экзаменъ довольно удовлетворительно.

Если начальствованіе флотиліей не было номинальнымъ и требовало отъ Суворова трудовъ, то тѣмъ паче командованіе войсками. Укрѣпленія, каналы, флотилія не причиняли ему и десятой доли тѣхъ непріятностей, которыя сыпались на него за войска. Неудовольствія начались еще въ Петербургѣ. Въ какомъ-то собраніи или, какъ говоритъ Суворовъ, «въ компаніи», вѣроятно высокостоящіе люди осмѣивали и осуждали взглядъ его на дисциплину и субординацію. Упоминая про это въ одномъ изъ своихъ писемъ, Суворовъ замѣчаетъ ѣдко, что эти господа «понимаютъ дисциплину въ кичливости, а субординацію въ трепетѣ подчиненныхъ». Мѣсяца черезъ два или черезъ три стали доходить до него слухи, что въ Петербургѣ толкуютъ, будто войска въ Финляндіи наги и босы, будто работающіе на укрѣпленіяхъ и каналахъ не имѣютъ рабочаго платья, будто всѣ люди вообще не получаютъ срочной по закону одежды, и тому подобное. Эти вѣсти оскорбили и раздражили Суворова. Онъ пишетъ Хвостову письмо, опровергаетъ взводимыя на него вины, излагаетъ подробности, объясняетъ, что снабженіе войскъ одеждою не принадлежитъ къ его, Суворова, обязанностямъ и власти; что все это «прибаски кабацкаго ярыги». Затѣмъ онъ переходитъ въ угрожающій тонъ: «однако я не жалую, чтобы меня кто рѣшился порицать и лучше буду требовать сатисфакціи»,—и даетъ наставленіе, какъ поступать съ клеветниками: «помните, ни-

когда не négatif, не извинительное, оправдательное, ниже объяснительное, но упоръ—наступательный... Я какъ партикулярный человѣкъ, отвѣчаю всякому партикулярному человѣку, какъ ровный ему, кто бы онъ ни былъ... И чтобы то не было одно угроженіе, то я нынѣ желаю знать — кто на меня дерзнулъ клеветать». Вѣроятно Хвостовъ узналъ и сообщилъ ему имя сплетника, ибо Суворовъ написалъ и послалъ (неизвѣстно кому) письмо: «По слухамъ пріѣзжихъ, ваше высокопревосходительство знаете, чѣмъ честь платятъ. Изъ почтенія къ вамъ, наконецъ я долженъ буду впредь приступить къ требованію удовольствія по законамъ».

Работы въ крѣпостяхъ и на каналахъ производились нарядомъ людей отъ земли и отъ войскъ, на точномъ основаніи высочайшаго повелѣнія. Солдатамъ платилось по 5 коп. зарабочихъ денегъ въ сутки; эта норма также была одобрена Государыней, по представленію Суворова, и очевидно была недостаточна. Хотя такимъ образомъ солдаты были заняты работами, но Суворовъ требовалъ отъ нихъ и военнаго образованія; поэтому онъ писалъ Хвостову и Турчанинову, что распустилъ на зимнія квартиры «не мужиковъ рабочихъ, а солдатъ», и при этомъ роспускѣ подтверждалъ начальникамъ, «что труды здоровѣе покоя», т.-е. указывалъ, чтобы и зимой солдаты не были праздны.

Въ высшихъ служебныхъ сферахъ Петербурга пошли толки, что Суворовъ не жалѣетъ солдатъ, эксплуатируетъ ихъ безчеловѣчно, съ цѣлью выслужиться самому, и оттого они въ огромномъ числѣ болѣютъ или бѣгаютъ за границу. Говорили, что Суворовъ, имѣя странный взглядъ на медицину и лѣчебницы, закрылъ вовсе госпитали, а потому несчастные солдаты мрутъ какъ мухи и что убыль людей въ Финляндіи дошла до громадной цифры.

Въ тѣ времена военно-врачебная часть и въ западной Европѣ находилась въ жалкомъ состояніи, а въ Россіи отличалась совершеннымъ безобразіемъ. Писатель-очевидецъ говоритъ, что на русскій военный госпиталь можно было смотрѣть почти какъ на могилу; что врачей въ русской арміи было чрезвычайно мало; что были они почти всѣ изъ нѣмцевъ, только назывались врачами и жалованье получали ничтожное. Смертность въ войскахъ была страшная, а въ рекрутахъ, до прибытія ихъ въ войска, и того

больше. Были мѣстности, именно Кронштадтъ и Финляндія, гдѣ скорбутъ уносилъ изъ войскъ полкомплекта ежегодно. Къ 1770-мъ годамъ, по заявленію того же писателя, военно-врачебная часть нѣсколько улучшилась, потому что службу врачей стали оплачивать лучше, однако улучшеніе было незначительное. Въ своихъ письмахъ Суворовъ прямо говорилъ, что на немъ отзывается неустройство предшествовавшихъ 60 лѣтъ, что онъ, засталъ годовую смертность въ войскахъ огромную и что это извѣстно военной коллегіи.

Контракты подрядческіе въ госпиталяхъ были истинно разбойничьи, а содержаніе больныхъ служило предметомъ самаго наглаго лихоимства и трудно-вообразимыхъ злоупотребленій. Порядочной величины госпиталь, не стоящій впустѣ, былъ золотымъ дномъ для неразборчивыхъ охотниковъ до наживы; не даромъ же Суворову предлагали въ Крыту взятку въ 7,000 рублей за то только, чтобы онъ *не закрывалъ* госпиталей. Главныя злоупотребленія коренились на числѣ умершихъ, времени ихъ смерти, способѣ счисленія ихъ и проч. «Мертвая собака не лаетъ», съ горькимъ цинизмомъ поясняетъ Суворовъ. «Брошенъ въ яму фланговый рядовой Алексѣевъ», говоритъ онъ дальше (надо думать обмершій или трудно больной); «вдругъ стучится у спальни (вѣроятно начальника) нагой». «Вѣдь ты умеръ?»—«Нѣтъ, живъ». Суворовъ прибавляетъ лаконически: «былъ богатъ». Продолжая посвящать Хвостова въ подробности военно-врачебныхъ порядковъ, онъ пронизируетъ: «бываютъ и ошибки»: иной положитъ себѣ въ карманъ 2-мѣсячный провіантъ на извѣстное число людей, въ надеждѣ, что авось повымрутъ за это время; но по несчастью для него не вымерли, и въ такомъ случаѣ проектированные мертвецы отправляются гулять за милостынею, до истеченія термина.

При суровомъ климатѣ Финляндіи и обиліи болотъ, солдаты, уроженцы другихъ мѣстъ Россіи, хворали особенно много: зимою скорбутомъ, весною и осенью—лихорадками, лѣтомъ—поносами и горячками. Госпитали переполнялись, злокачественность ихъ увеличивалась и они дѣлались буквально гнѣздами заразы. Суворовъ эвакуировалъ госпитали; людей, наиболѣе пострадавшихъ отъ болѣзней, велѣлъ выключать въ отставку, а остальныхъ пере-

дать въ полковые лазареты. Одновременно съ этимъ онъ устраивалъ лазареты, околодки, слабосильныя команды. Достойны вниманія тѣ подраздѣленія больныхъ, которыя у него практиковались: больные, слабые, хворые и льготные (имѣющіе временную льготу отъ служебныхъ обязанностей). Приказано, подъ угрозой строгаго взысканія, въ дальніе госпитали *больныхъ* не посылать, давать *слабымъ* льготу и помѣщать ихъ на пользованіе «въ особой казармѣ или въ крестьянскихъ домахъ; соблюдать крайнюю чистоту; потному не садиться за кашу, не ложиться отдыхать, а прежде разгуляться и просохнуть. На лихорадку, поносъ и горячку — голодъ, на цынгу — табакъ. Кто чиститъ желудокъ рвотнымъ, слабительнымъ, проноснымъ, — тотъ день голодъ. Солдатское слабительное—ревень, корень коневьяго щавеля тоже. Непрестанное движеніе на воздухѣ. Предосторожности по климату—капуста, хрѣнъ, табакъ, лѣтнія травки».

Изъ сказаннаго видно, что Суворовъ былъ что называется *гигіенистъ*, т.-е. шагнулъ далеко впередъ сравнительно со своими современниками. Зная бытъ солдатъ, ихъ понятія, симпатіи и антипатіи, какъ свои пять пальцевъ, онъ нетолько не думалъ оспаривать ихъ традиціонную ненависть къ госпиталямъ, но еще поддерживалъ ее. Это послужило поводомъ къ злоязычію въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Не хотѣли и не умѣли видѣть въ Суворовѣ, кромѣ чудака, еще нѣчто другое; какъ его живое, осмысленное обученіе Суздальскаго полка въ Ладогѣ относили къ категоріи причудливыхъ выходокъ, такъ теперь въ Финляндіи здравыя гигіеническія мѣры огласили вреднымъ фантазерствомъ, которое подбито эгоистическими расчетами.

Еще больше убыли смертью, ставилось Суворову въ укоръ дезертирство. Но это было язвой всей русской арміи того времени, особенно въ войскахъ пограничныхъ, такъ что въ разныхъ мѣстахъ, за русской границей, образовались цѣлыя колоніи русскихъ бѣглыхъ солдатъ. Къ числу такихъ районовъ принадлежала и Финляндія, которая сверхъ того служила ссылочнымъ мѣстомъ для порочныхъ солдатъ, какъ кригсрехтныхъ (осужденныхъ по суду), такъ и переведенныхъ изъ гвардіи за проступки. Немудрено поэтому, что въ финляндскихъ войскахъ было постоянно много бѣглыхъ, и хотя Суворовъ уменьшилъ размѣры

зла, но не имѣлъ времени и возможности добиться до существеннаго улучшенія.

Предмѣстникомъ Суворова въ Финляндіи былъ графъ П. П. Салтыковъ, его начальникъ на Дунаѣ въ первую Турецкую войну. Графъ Салтыковъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ посредственностью, но человѣкъ родовитый и со связями, которыя умѣлъ пріобрѣтать и сохранять угодливостью передъ сильными міра. Защищая себя отъ нападокъ, Суворовъ поневолѣ приводилъ въ свое оправданіе безпорядки и неумѣлость Салтыковскаго командованія и не церемонился въ выраженіяхъ. Представленную Салтыковымъ вѣдомость онъ называлъ въ офиціальномъ письмѣ «безтолковою»; писалъ, что Салтыковъ доказалъ свое «недоуміе», и тому подобное. Это только подливало масла въ огонь; Салтыковъ и его благопріятели усиливали отпоръ и нападенія; Суворовъ—безъ связей, безъ поддержки, тщетно возвышалъ свой голосъ: обвиненія противу него не стихали. Наконецъ онъ обратился въ военную коллегію со слѣдующимъ посланіемъ: «Военной коллегіи извѣстно, что я въ Финляндіи имѣлъ, черезъ 10 мѣсяцевъ, умершихъ болѣе 400, бѣжавшихъ свыше 200, а больныхъ, слабыхъ и хворыхъ оставилъ свыше 300. Это опредѣляетъ клевету, недоуміе и лжесвидѣтельство. Хотя оное теперь оставляю, но впредь за такіе плевелы буду утруждать коллегію о разбирательствѣ, поелику мнѣ честь службы священна».

Такимъ образомъ уходило все время Суворова; изрѣдка ѣзжалъ онъ въ Петербургъ на нѣсколько дней, но и эти отлучки находилъ неудобными, считая вреднымъ для дѣла «донкишотить» и совѣтовалъ Турчанинову, не отгуливая отъ работы, играть хоть въ бабки, коли нельзя играть въ кегли. Слѣдуя этому правилу, Суворовъ и игралъ въ Финляндіи «въ бабки», возводя форты, проводя каналы. И эта скромная дѣятельность можетъ статься удовлетворила бы его, еслибы въ тоже самое время, въ другихъ мѣстахъ, другіе люди не играли «въ кегли». Но они играли, и философскіе афоризмы Суворова оказывались для него самого, въ примѣненіи, пустыми звуками.

Кампанія 1791 года въ Турціи велась довольно дѣятельно, потому что Потемкинъ проживалъ въ Петербургѣ, сдавъ войска

во временное начальствованіе князя Репнина. Она ознаменовалась нѣсколькими крупными дѣлами: штурмомъ Анапы, разбитіемъ турецкаго флота при Калакріи, побѣдою князя Репнина при Мачинѣ. Все это, вмѣстѣ взятое, побудило наконецъ султана искать мира. Репнинъ вступилъ въ переговоры, и по прошествіи немногихъ дней были подписаны 31 іюля предварительныя условія замиренія. Это сильно уязвило Потемкина; онъ поскакалъ въ армію, осыпалъ Репнина бранью и настаивая на болѣе выгодныхъ мирныхъ условіяхъ, перенесъ переговоры въ другое мѣсто, но не успѣлъ довести ихъ до конца. Болѣзнь его, которая уже ясно давала себя знать въ Петербургѣ, усилилась; желѣзная натура не выдержала подъ напоромъ непосильныхъ требованій и безпорядочнаго режима. Чувствуя приближеніе смерти, Потемкинъ выѣхалъ изъ Яссъ въ Николаевъ, но отъѣхавъ едва 40 верстъ, не могъ продолжать путь и близь дороги, въ степи, скончался.

Чтобы привести мирные переговоры какъ можно скорѣе къ окончанію, Государыня послала въ Яссы графа Безбородко. Турки однако успѣли уже поднять голову и стали отступаться отъ прежнихъ условій; но энергическія и искусныя дѣйствія Безбородко образумили ихъ. Въ послѣднихъ числахъ декабря 1791 г. миръ былъ подписанъ. Очаковъ со своею територіею перешелъ во владѣніе Россіи; пограничною рѣкою сдѣлался Днѣстръ; всѣ прочія завоеванія Русскихъ въ Азіи и Европѣ были возвращены Турціи. Для четырехъ кампаній и понесенныхъ огромныхъ жертвъ, пріобрѣтено было немного, такъ какъ Кубань и Крымъ перешли во владѣніе Россіи раньше. Но въ такой же несоразмѣрности оказались и турецкія первоначальныя цѣли войны съ ея результатами. Поступательное движеніе Россіи не было остановлено, и она сдѣлала новый шагъ по направленію своего историческаго призванія.

Съ горячечнымъ чувствомъ слѣдилъ за этими событіями Суворовъ. Въ немъ кипѣла буря, и чтобы ее утишить, ему приходилось прибѣгать къ самообольщенію, къ отыскиванію тѣни на свѣтлыхъ мѣстахъ,—ко всему тому, что обыкновенно диктуетъ глубоко оскорбленное самолюбіе. При полученіи извѣстій о штурмѣ Анапы Гудовичемъ и о мачинской побѣдѣ Репнина, онъ

проситъ у Хвостова увѣдомленія «о 1 классѣ (Георгія) Репнину» и спрашиваетъ: «вкупѣ съ успѣхами Гудовича не навлекаетъ ли мнѣ то упадокъ?» Хвостовъ, одержимый страстью къ стихотворству въ размѣрѣ, обратно пропорціональномъ дарованію, тѣмъ временемъ успѣлъ написать оду въ честь Репнина и старается узнать, какъ на это смотритъ ревнивый къ славѣ другихъ дядя. Суворовъ, еще не утратившій самообладанія, отвѣчаетъ: «вправду не пошлете ли оду князю Н. В. Репнину; тѣмъ піиты утверждаютъ въ патріотствѣ». Но потомъ досада беретъ мало по малу свое, и тайныя мысли начинаютъ высказываться. По обыкновенію пошли слухи про дутыя цифры донесенія; Суворовъ требуетъ отъ Хвостова разъясненія, опасается пожалованія Потемкина въ генералисимусы, пытается уменьшить заслугу Репнина, сомнѣвается, чтобы подъ Мачиномъ находился великій визирь, чтобы Турокъ было тамъ больше 15,000 и наконецъ пишетъ на Репнина эпиграмму, называя ее переводомъ съ англійскаго:

«Оставшихъ тѣней всѣхъ предтекшихъ пораженьевъ
«Пятнадцать тысячъ вихрь подъ Мачинъ накопилъ:
«Герой ударилъ въ нихъ, въ фаготъ свой возопилъ:
«Здѣсь самъ визирь и съ нимъ сто тысячъ привидѣньевъ».

Впрочемъ въ это время, т.-е. при жизни Потемкина, Суворовъ еще не обнаруживалъ къ Репнину жгучей непріязни; когда же Потемкинъ умеръ, ревнивое чувство Суворова перешло значительною долею на Репнина, а по отношенію къ покойному утратило свою ѣдкость. На первыхъ порахъ Суворовъ отдалъ Потемкину даже справедливость, по крайней мѣрѣ относительно ума, сказавъ (что̀ повторялъ и впослѣдствіи): «великій человѣкъ и человѣкъ великій: великъ умомъ, великъ и ростомъ; не походилъ на того высокаго французскаго посла въ Лондонѣ, о которомъ канцлеръ Баконъ сказалъ, что чердакъ обыкновенно худо меблируютъ». Позже, всякое горькое чувство къ Потемкину въ Суворовѣ пропало, и онъ старался вспоминать «одни его благодѣянія». За то явились другіе недруги: жизнь и натура взяли свое.

Вскорѣ послѣ мира съ Турціей, открылась война съ Польшей. Паденіе Польши назрѣвало давно; она сдѣлалась ареной

борьбы иностранныхъ государствъ за преобладаніе, и правящій классъ самъ раздѣлился на соотвѣтствующія партіи. Въ концѣ 1788 года прусская партія усилилась, подняла голову; началась задирательная относительно Россіи политика, оскорбленія русскаго имени и чувства; созидались новыя для Россіи затрудненія въ ея тогдашнемъ и безъ того затруднительномъ положеніи; снова поднялись гоненія на диссидентовъ, притѣсненія ихъ, наказанія, даже казни. Екатерина терпѣла все, выжидая лучшаго времени.

Польша не хотѣла понять, что обращаться такимъ образомъ ей, слабому государству, съ Россіей, государствомъ сильнымъ, значило наносить оскорбленіе, которое не прощается. Французскій дворъ предостерегалъ Польское правительство и совѣтовалъ ему быть осторожнѣе съ сосѣдями, особенно съ Россіей, но ослѣпленіе господствовавшей партіи было слишкомъ велико. Нашлись однако люди, которые сознавали смутно искуственность тогдашняго существованія Польши и необходимость для нея возрожденія, начиная съ измѣненія нѣкоторыхъ основныхъ положеній ея государственнаго устава. Проектировали новую конституцію, изъ которой были исключены анархическіе принципы вродѣ единогласія рѣшеній, права конфедерацій, избирательнаго престолонаслѣдія. Но было уже поздно, требовалось не одно улучшеніе уставовъ, а также перевоспитаніе людей, изъ понятій которыхъ уставы выростаютъ. И точно, новая конституція 3 мая 1791 года оказалась созданіемъ искуственнымъ, такъ какъ для ея проведенія потребовался рядъ самыхъ неразборчивыхъ мѣръ. Кромѣ того она явилась средствомъ запоздалымъ, потому что еще въ 1773 году, иностранные посланники нотою къ сейму выразили волю своихъ правительствъ, чтобы характеръ польской конституціи оставался неизмѣннымъ, сохраняя избирательное престолонаслѣдіе, liberum veto и проч. Правда, прежнее единодушіе сосѣднихъ правительствъ уже не существовало, но за то развивающаяся французская революція представлялась настолько страшною монархическимъ правительствамъ, что въ состояніи была соединить разъединенныхъ. Между Пруссіей и Австріей состоялся въ началѣ 1792 года союзъ, направленный преимущественно противъ Франціи, а лѣтомъ въ томъ же

году, съ каждою изъ этихъ державъ въ отдѣльности, Россія заключила оборонительный договоръ, которымъ между прочимъ обоюдно гарантировалась цѣлость владѣній, особенно пріобрѣтеній по первому раздѣлу Польши.

Тѣмъ временемъ, въ началѣ 1792 года, состоялся Ясскій миръ съ Турціей; Россія получила свободу для сведенія своихъ счетовъ съ Польшей. Поляки стали думать о мѣрахъ къ оборонѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ заискивать у Екатерины, которую передъ тѣмъ оскорбляли. Но въ Петербургѣ было давно рѣшено—оставаться въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока сами Поляки не потребуютъ помощи для возстановленія стараго порядка. За этимъ дѣло не стало; просить русской помощи явились Ржевускій и Феликсъ Потоцкій. Тогда Поляки другихъ партій обратились за помощью къ Пруссіи, къ Австріи, къ Турціи, но всюду безъ успѣха. Приходилось расчитывать только на самихъ себя.

Послѣ усилій многихъ лѣтъ, Польшѣ удалось сформировать къ этому времени регулярную армію, силою въ 50—60,000 человѣкъ. Русская Императрица, чтобы покончить дѣло какъ можно скорѣе, рѣшилась двинуть 100,000-ныя силы. Большая часть этихъ войскъ, приблизительно двѣ трети, должна была подъ начальствомъ генерала Каховскаго наступать съ юга; остальныя подъ командой генерала Кречетникова дѣйствовать съ сѣвера и востока. Противники господствовавшей въ Польшѣ партіи примкнули къ Россіи и въ м. Тарговицахъ образовали конфедерацію.

Силы были слишкомъ неравны. Русскіе подошли къ Варшавѣ на нѣсколько миль съ двухъ сторонъ. Король Польскій отказался отъ дальнѣйшей борьбы и со всею арміею присоединился къ тарговицкой конфедераціи. Военныя дѣйствія прекратились; господствующая партія смѣнилась другою.

Суворовъ во все это время былъ истинно-несчастнымъ человѣкомъ. Одна война окончилась безъ него; другая подготовлялась, велась и завершилась—также безъ него, а между тѣмъ оба театра войны онъ зналъ близко и заслужилъ на нихъ блестящее боевое имя. Суворовъ рвался какъ левъ изъ клѣтки, подозрѣвая всѣхъ въ зложелательствѣ, въ интригахъ, въ подвохахъ. «Постыдно мнѣ тамъ не быть», пояснялъ онъ Хвостову,

а Турчанинову писалъ, что не можетъ «сидѣть у платья». Когда назначеніе генераловъ въ Польшу еще не состоялось, онъ надѣялся, что вспомнятъ его, но опасался соперничества Репнина, недавняго побѣдителя при Мачинѣ, который былъ къ тому же старше. Однако не попали въ Польшу ни Репнинъ, ни Суворовъ.

Съ самаго начала приготовленій къ польскому походу, Хвостовъ сообщаетъ Суворову разные слухи и предположенія. «О Польшѣ ничего нѣтъ; если что будетъ, то ни Репнинъ, ни И. Салтыковъ; ближе всѣхъ вы». Въ другомъ письмѣ: «кн. Репнинъ нуль; къ Польшѣ—Кречетниковъ и Каховскій; развѣ нужда потребуетъ, то вы или кто другой, но не Репнинъ». Противъ этихъ словъ Суворовъ кладетъ замѣтку: «*кто же меня двуличитъ?*» Затѣмъ Хвостовъ сообщаетъ цѣпь извѣстій, слуховъ и сплетенъ по мѣрѣ развитія дѣла: «Репнинъ уѣхалъ, чтобы не быть пустымъ»; гр. И. Салтыковъ «на дачѣ скрылся»; Гудовичъ назначенъ туда-то, Германъ пріѣхалъ за тѣмъ-то; Кречетниковымъ недовольны; Каховскому очень нехорошо. Леталъ Хвостовъ и въ Царское Село разъузнавать и развѣдывать; описываетъ, кого видѣлъ, гдѣ, кто и что сказалъ. Наткнулся на Турчанинова, тотъ спрашиваетъ: «ты что, сударикъ мой?»—Я о Каховскомъ. — «Ничего не знаю, графъ будь спокоенъ». Здѣсь опять положена замѣтка Суворова: «Эльмптъ». Такъ онъ, руководясь оскорбленнымъ самолюбіемъ, умѣлъ выискивать себѣ соперниковъ.

Переписка велась дѣятельно; Суворовъ этого требовалъ, а Хвостовъ безпрекословно исполнялъ. Онъ сообщалъ все, что слышалъ, и тѣмъ только распалялъ недовольство Суворова. Однажды онъ написалъ, что князь Репнинъ его, Суворова, хвалилъ. Суворовъ по этому случаю отвѣчаетъ: «въ трудахъ и сокращающейся жизни оставь меня въ покоѣ, о фаготъ, воспитанный при дворѣ и министрѣ и оттого пріобрѣтенными качествами пренобѣждающій грубаго солдата». А между тѣмъ эта столь желаемая экспедиція въ Польшу, по словамъ того же Суворова, но въ другомъ письмѣ, гроша не стоила: «мудренѣе мнѣ было привести Погайцевъ къ присягѣ, нежели занятіе областей польскихъ». И былъ онъ совершенно искрененъ въ обо-

ихъ письмахъ, только смотрѣлъ на одинъ и тотъ же предметъ при различномъ освѣщеніи.

Существовали резоны, по которымъ Суворова не приходилось посылать изъ Финляндіи на польскую войну. Во-первыхъ, раздѣлаться съ Поляками считалось дѣломъ не мудренымъ, что и сбылось. Во-вторыхъ, въ мартѣ 1792 года король Шведскій Густавъ, смертельно раненый на маскарадѣ однимъ шведскимъ офицеромъ, умеръ, а регентъ, герцогъ Зюдерманландскій, былъ сосѣдомъ ненадежнымъ. Въ Финляндіи требовалось усиленно продолжать оборонительныя работы и держать на готовѣ искуснаго и опытнаго генерала. Хвостовъ такъ и писалъ Суворову, но Суворовъ смотрѣлъ на дѣло иначе: тутъ только предполагалась война, а тамъ она была уже рѣшена. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ обратился чрезъ Турчанинова къ самой Императрицѣ съ такимъ прошеніемъ: «Высочайшую милость всеподданнѣйше пріемлю смѣлость испросить, чтобы быть мнѣ употреблену съ какимъ отдѣленіемъ войскъ въ Польшѣ, какъ тамъ дѣйствія происходятъ, и хотя бы оныя приняли скорый конецъ. Роченсальмъ, 21 іюня 1791 года». Государыня написала записку, которую и велѣла къ нему отослать. Записка была короткая: «Польскія дѣла не требуютъ графа Суворова; Поляки уже просятъ перемирія, дабы уложить, какъ впредь быть. *Екатерина*».

Суворовъ угомонился однако не сразу; онъ собирался въ это самое время подать въ отставку или проситься въ иностранную службу и спрашивалъ у Хвостова, какъ именно поступить для полученія желаемаго. Хвостовъ убѣждаетъ его бросить эти мысли: «къ крайности не приступайте; зачѣмъ наштывать абшидомъ вашихъ злодѣевъ?... Турчаниновъ говоритъ, что на иностранную службу не пойдутъ никакъ, а абшидъ не почли бы угрозой». Надо было волей-неволей послѣдовать благоразумному совѣту.

Такимъ образомъ два предлога быть недовольнымъ своимъ положеніемъ, турецкая и польская войны, миновали, но оставался еще третій, почти неосязаемый, но самый заманчивый.— возможность участія въ войнѣ съ Франціей.

Французская революція росла быстро, и революціонныя идеи

проникали больше и больше въ европейскія общества. Это заботило сильно правительства, и слухи о вооруженномъ противодѣйствіи Французамъ стали носиться гораздо раньше, чѣмъ возможность самого противодѣйствія назрѣла. Хотя Австрія и Пруссія заключили между собою союзъ, но отъ этого перваго шага до дѣйствительный войны было еще далеко. Ускорила войну сама Франція, которая въ апрѣлѣ 1792 года сдѣлала вызовъ Австріи. Къ австро-прусскому союзу присоединились почти всѣ владѣтельные государи Германской имперіи, также короли Сардинскій и Неаполитанскій, и въ срединѣ года союзныя войска стали сосредоточиваться на границахъ Франціи.

Союзники нисколько не сомнѣвались въ полномъ и легкомъ успѣхѣ и готовились на военную прогулку въ Парижъ, особенно гордые своею недавнею славою Пруссаки. Но успѣхи союзныхъ войскъ были непродолжительны, и послѣ дѣла при Вальми, главная армія, начальствуемая фельдмаршаломъ герцогомъ Брауншвейгскимъ, проникшая было довольно далеко внутрь Франціи, начала отступательное движеніе. Въ началѣ октября войска перешли обратно границу, изможденныя голодомъ, болѣзнями, изнуренныя трудами, униженныя нравственно. Не лучшимъ успѣхомъ отличались дѣйствія союзниковъ и на другихъ театрахъ войны.

Въ Россіи, какъ и въ другихъ государствахъ, молва о предполагаемой войнѣ съ Французской республикой носилась еще передъ польской войной и становилась все настойчивѣе. Въ іюнѣ Хвостовъ пишетъ Суворову, что по слухамъ противъ Французовъ назначается Репнинъ съ 40,000 и за нимъ посланъ курьеръ. «Вздоръ», увѣрялъ его Турчаниновъ: «ради Бога, не пишите къ графу, попусту вы его безпокоите». «Лучше понапрасну обезпокоить, нежели прозѣвать», отвѣчалъ ему одержимый усердіемъ Хвостовъ: «графъ спокоенъ, но не употребленъ». Турчаниновъ заключилъ бесѣду словами: «его отсюда не возьмутъ». Суворовъ кладетъ противъ этого мѣста отмѣтку: *«въ гарнизонѣ кассированъ»*. Легко понять, какъ его взбудоражила неразборчивая болтовня Хвостова, сколько она ему крови перепортила и сколькихъ безсонныхъ ночей стоила. Онъ долго крѣпился, наконецъ не выдержалъ, написалъ графу Безбородко письмо: «вы министръ; настоитъ дѣло съ Франціей; число войскъ — влажный (пустой)

предлогъ; побѣдительнымъ оружіемъ я сражался съ 500, съ 5,000 противъ десятичисленныхъ». Неизвѣстно, былъ ли отвѣтъ: если и былъ, то уклончивый. Недовольство Суворова настоящимъ его положеніемъ не держалось на одномъ уровнѣ, а увеличивалось, уменьшалось, видоизмѣнялось, смотря по напору обстоятельствъ и по внушенію темперамента. «Баталія мнѣ лучше, чѣмъ лопата извести и пирамида кирпича», пишетъ онъ Хвостову: «мнѣ лучше 2—3,000 человѣкъ въ полѣ, чѣмъ 20—30,000 въ гарнизонѣ». Турчаниновъ указываетъ ему на ту выгодную сторону, что жизнь его по крайней мѣрѣ покойна; Суворовъ возражаетъ: «я не могу оставить 50-лѣтнюю навычку къ безпокойной жизни и моихъ солдатскихъ пріобрѣтенныхъ талантовъ;... я привыкъ быть дѣйствующимъ непрестанно, тѣмъ и питается мой духъ... Предъ симъ въ реляціяхъ видѣлъ я себя; нынѣ же ихъ слушать стыдно, кромѣ патріотства... О мнѣ нигдѣ ни слова, какъ о погребенномъ. Пятьдесятъ лѣтъ практики обратили меня въ классъ захребетниковъ; стерли меня клевреты, вѣдая, что я всѣхъ старѣе службою и возрастомъ, но не предками и не камердинерствомъ у равныхъ. Я жгу известь и обжигаю кирпичи, чѣмъ ярыги со стоглавою скотиной (публикой) меня въ Петербургѣ освистываютъ... Царь жалуетъ, псарь не жалуетъ»...

Непризнанный и неоцѣненный по достоинству измаильскій подвигъ продолжаетъ быть больнымъ мѣстомъ Суворова. Онъ все ждалъ себѣ хоть генералъ-адъютантства, которое даже Потемкинъ находилъ возможнымъ ему дать. Суворовъ желалъ получить это званіе для того, чтобы имѣть свободный входъ къ Государынѣ; но Екатерина смотрѣла на предметъ иначе, и отъ генералъ-адъютанта требовала качествъ, которыхъ Суворовъ не имѣлъ. Когда въ концѣ 1791 года Суворовъ, пріѣзжавшій на время въ Петербургъ, откланивался Екатеринѣ вмѣстѣ съ княземъ Прозоровскимъ, то она была очень довольна ихъ отъѣздомъ и сказала одному изъ статсъ-секретарей: «они тамъ у себя больше на мѣстѣ». Возвращаясь безпрестанно къ своей измаильской темѣ, Суворовъ говоритъ, что еслибы онъ выпустилъ Турокъ изъ крѣпости на капитуляцію, то показалось бы мало, а рискуя на штурмъ, ставилъ на карту и жизнь свою, и репутацію. Онъ признаетъ за собою еще ту заслугу, что диспозиція измаильскаго

штурма послужила Гудовичу моделью для удачнаго штурма Анапы (что́ дѣйствительно справедливо). Но толкуя объ Измаилѣ и Гудовичѣ, онъ не можетъ не задѣть Мачинъ и Репнина и говоритъ, что какъ жабѣ далеко до быка, такъ Мачину до Рымника̀.

Однако этотъ «измаильскій стыдъ», ка̀къ Суворовъ называлъ свое тяжелое чувство, и другія душевныя тревоги дѣйствовали не непрерывно и освобождали его по временамъ отъ своего гнета на столько, что онъ находилъ свое положеніе въ Финляндіи нетолько сноснымъ, но даже хорошимъ. Въ такіе моменты онъ заботился, чтобы временную командировку превратить въ осѣдлость, въ командованіе Финляндской дивизіей: «я отъ нея могу откомандированъ быть всюду, но въ ней мнѣ будетъ пристань». Кромѣ «пристани», откапывались па этотъ случай и другія выгодныя стороны, напримѣръ практика въ инженерномъ дѣлѣ; говорилось, что онъ предпочитаетъ быть первымъ въ послѣдней деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ городѣ. А такъ какъ подобные переходы отъ пессимизма къ оптимизму были рѣзки и неожиданны, и самъ Суворовъ это чувствовалъ, то чтобы не дать Хвостову изумляться и дѣлать большіе глаза, онъ сердито поясняетъ: «не развѣшивайте уши, я гарнизонный на досугѣ, но жертвую и во снѣ марсову полю».

Пребывая въ Финляндіи въ качествѣ полуопальнаго, Суворовъ разумѣется не церемонится въ своихъ отзывахъ на счетъ лицъ, ему непріязненнымъ или казавшихся ему такими. Отзывы эти часто измѣняются, смотря по освѣщенію и по направленію обстоятельствъ, и худые внезапно дѣлаются хорошими. Наиболѣе постояненъ Суворовъ въ своихъ сужденіяхъ о Репнинѣ; непріязнь его къ этому человѣку доходитъ до ненависти. Еслибы вѣрить всему, что пишетъ Суворовъ о Репнинѣ, то пришлось бы признать послѣдняго за исчадіе своего вѣка. Но Суворовъ самъ же и разубѣждаетъ въ противномъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ поясняетъ Хвостову, что нападаетъ на Репнина потому, что «привыкъ обращать оборону въ атаку»; въ другомъ признается, что пуще всего досаждаетъ ему въ Репнинѣ гордость; въ третьемъ, послѣ жестокихъ противъ Репнина выходокъ, читаемъ: «Репнинъ, слышу, боленъ; жалѣю, что о немъ выше строго судилъ». Забывались и «гугнивый фаготъ», и «чорту свѣчка», и обѣщаніе

дать «солдатскаго туза», а просвѣчивало чувство если не раскаянія, то сожалѣнія о своей излишней раздражительности.

Князь Репнинъ былъ однимъ изъ выдающихся людей Екатерининскаго времени, отличаясь образованіемъ, умственнымъ развитіемъ и многими хорошими личными качествами. Но при своихъ многочисленныхъ и неоспоримыхъ достоинствахъ, онъ не былъ чуждъ и большихъ недостатковъ, изъ которыхъ Суворову особенно претила спѣсь родовитаго человѣка, трактованіе другихъ свысока. Да и не переваривалъ Суворовъ Репнина лишь по отношенію къ военному поприщу, гдѣ тотъ представлялся ему соперникомъ. Но въ острыхъ свойствахъ этого соперничества виноватъ былъ не одинъ Суворовъ. Съ высоты модныхъ, авторитетныхъ прусскихъ воззрѣній на тактику, Репнинъ дозволялъ себѣ насмѣшливые отзывы на счетъ Суворовскаго способа веденія войны, называя его *натурализмомъ*. Суворовъ отвѣчалъ по своему обыкновенію злыми сарказмами; вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ росла непріязнь къ менѣе даровитому, но лучше обставленному сопернику, развивалась зависть. Ему это указывали, онъ самъ понималъ свое дурное чувство и не отрицалъ его.

Некому было успокоить этого огневого человѣка, отдавшагося такъ безраздѣльно своему призванію; некому было вносить миръ и тишину въ его слишкомъ впечатлительную душу. Пытался дѣлать это Турчаниновъ, но вовсе не ради его, а ради самого себя, т.-е., чтобы избавиться отъ докуки и назойливыхъ спросовъ. Суворовъ знавалъ его чуть не съ малолѣтства и былъ о немъ вообще хорошаго мнѣнія, но въ дурной часъ ставилъ ему въ укоръ, что онъ «пускаетъ плащъ по вѣтру», иначе говоря, служитъ разнымъ господамъ, по указанію обстоятельствъ. Впрочемъ было бы несправедливо обвинять Турчанинова въ систематическомъ двоедушіи, лицемѣріи, тѣмъ паче вѣроломствѣ. Онъ неоднократно пытался успокоивать Суворова, называлъ себя его сыномъ, уговаривалъ его «не вѣрить здѣшнимъ брехнямъ, не прибѣгать вмѣсто самыхъ легчайшихъ средствъ къ крайнимъ, дѣйствовать съ кротостью и терпѣніемъ, не выставляться», и многое другое. Старанія его небыли совершенно безплодны; благоразумные его совѣты производили нѣкоторое дѣйствіе, только не надолго, такъ какъ поводы къ безпокойству и тревогѣ смѣнялись

безпрестанно новыми. Еслибы и Хвостовъ дѣйствовалъ въ такомъ же успокоительномъ духѣ, то результатъ былъ бы болѣе полный; но Хвостовъ изъ боязни не угодить, исполнялъ требованія Суворова буквально; передавалъ ему безъ провѣрки всякія сплетни и летучіе слухи и вмѣсто успокоенія своего дяди, невольно поддерживалъ и увеличивалъ его раздражительность. Своимъ чрезмѣрнымъ усердіемъ къ дядѣ и назойливостью, Хвостовъ скоро надоѣлъ многимъ, особенно Турчанинову, который и назвалъ его какъ-то «шпіономъ Суворова». Сообщая объ этомъ своему дядѣ, Хвостовъ говоритъ: «я на брань не смотрю; воспламененъ предметомъ дѣла, иду своей дорогой». Заслуживъ нѣсколько позже жестокія отъ Суворова укоризны по дѣлу, о которомъ будетъ сказано дальше, Хвостовъ очень обидѣлся; но продолжалъ ему служить, говоря: «изліяніе пылкостей чувствъ вашихъ мнѣ всегда сносно; ваши приказанія мнѣ святы; не смѣю даже и помыслить и не буду смѣть васъ отъ себя избавить... Я виноватъ, но я годенъ; не лишите меня милости и довѣренности вашей, она мнѣ жизнь». Какъ же было Суворову не дорожить такимъ преданнымъ человѣкомъ и не довѣрять ему?

Хвостовъ не отличался ни обширнымъ умомъ, ни какими-либо дарованіями, но былъ человѣкомъ добрымъ и хорошимъ, въ банальномъ смыслѣ. Сдѣлавшись недавно свойственникомъ Суворова чрезъ бракъ съ его племянницей, княжной Аграфеной Ивановной Горчаковой, и проживая въ Петербургѣ, онъ постарался заслужить довѣріе дяди, войти къ нему въ милость, сдѣлаться нужнымъ ему человѣкомъ, чего и достигъ вполнѣ. Пристроившись къ Суворову, онъ однако очень мало отъ этого выигралъ въ первые годы, но потомъ довольно успѣшно сталъ подвигаться впередъ, дослужился до званія оберъ-прокурора святѣйшаго синода и получилъ графское достоинство отъ Сардинскаго короля. Въ описываемое время, Хвостовъ былъ не болѣе, какъ армейскій подполковникъ, и вся его надежда на служебное возвышеніе основывалась на дядѣ. Надежда въ концѣ концовъ не обманула, потому что на боевомъ полѣ Суворовъ былъ однимъ человѣкомъ, а въ остальныхъ условіяхъ жизни совсѣмъ другимъ, легко подчинялся чужой волѣ, извѣстнымъ образомъ замаскированной, и становился игралищемъ въ умѣлыхъ рукахъ, особенно

по дѣламъ денежнымъ. Онъ самъ это очень хорошо понималъ, неоднократно говаривалъ и такъ писалъ Хвостову: «обманетъ меня всякій въ своемъ интересѣ; надобна ему моя послѣдняя рубашка, — ему ее дамъ, останусь нагой; чрезъ то я еще не малъ». Временами, вслѣдствіе своего темперамента или, какъ онъ самъ выражался, «по своему быстроправію», Суворовъ возстановлялъ свой авторитетъ, прибѣгая къ довольно рѣзкимъ пріемамъ, но скоро опять все входило въ прежнюю колею, и довѣренныя лица снова распоряжались по своему усмотрѣнію его дѣлами, придерживаясь только выработанныхъ опытомъ способовъ дѣйствія.

Хвостовъ часто давалъ Суворову совѣты и не напрасно. Совѣты эти касались не только домашнихъ дѣлъ, но и службы Суворова, т.-е. его отношеній къ лицамъ; по указаніямъ Хвостова Суворовъ писалъ письма, выбиралъ время для просьбъ и ходатайствъ, ѣздилъ въ Петербургъ, и проч. Мало того, посылая къ кому-нибудь письмо чрезъ Хвостова, Суворовъ зачастую проситъ его вручить письмо, если онъ, Хвостовъ, «находитъ это полезнымъ»; или же уполномочиваетъ его «письма, кои не кстати, назадъ возвращать, съ примѣчаніемъ, какъ переписать»; или прямо говоритъ: «а вы руководствуйте судьбою моею, какъ я за Валдаями». Бываютъ и исключенія; къ совѣтамъ племянника онъ относится иногда насмѣшливо, скептически, или подается на нихъ туго, послѣ споровъ и разсужденій; но это случается довольно рѣдко.

Принимая отъ Хвостова совѣты и указанія, Суворовъ въ свою очередь снабжалъ его наставленіями и въ исполненіи ихъ былъ очень требователенъ. Онъ желалъ «знать худое, а не хорошее, ибо пріятное обличается само собой, непріятное же поспѣшно объяснять для мѣропріятіевъ; лучше предостереженіе, чѣмъ утѣшеніе; ожидать отъ времени, тожъ что давать голову въ петлю; уласканіе опрокидывать, лучше терпѣть грубое; различать доброхота съ лисьей или овечьей кожей отъ добротворца; различать всегда solide отъ propos de table; стеречься примолчки, она развѣдываетъ; не окончивши одной матеріи, другой не начинать, не отвѣчать на дубъ кедромъ, на розу лиліей». Въ особенности не терпѣлъ онъ въ письмахъ Хвостова неопредѣли-

тельности: слова *слышно*, *говорятъ*,—преслѣдовались; требовалось знать, *отъ кого* слышно, *кто* говоритъ; если что узналъ на улицѣ, на площади,—все-таки пиши, отъ кого узналъ. Вообще служба Хвостова Суворову была не легка, и хотя племянникъ можетъ-быть не всегда умѣлъ быть дядѣ полезнымъ, но навѣрное всегда этого хотѣлъ, ибо радѣя ему, радѣлъ чрезъ это и себѣ. И Суворовъ дорожилъ имъ гораздо больше, чѣмъ Хвостовъ въ дѣйствительности стоилъ. Оттого Суворовъ встревожился, получивъ отъ Хвостова письмо, что онъ по разнымъ соображеніямъ думаетъ выдти въ отставку. Мысль эта была внушена Хвостову женою; съ ними проживали въ то время дочь Суворова и сестра его (Олешева), которая при Наташѣ состояла. Суворовъ написалъ племяннику, что онъ задумалъ непутное дѣло, представилъ ему невеселую картину его отставного житья и совѣтовалъ руководиться своимъ собственнымъ разсудкомъ. «Груша, не дури, у тебя волосы долги», говоритъ онъ въ концѣ: «сестрица, высѣки ее до новыхъ вѣниковъ».

Не одинъ Хвостовъ пристроивался къ Суворову и ожидалъ отъ него всякихъ благъ; искали протекціи и другіе родственники, и посторонніе. Положеніе и репутація Суворова давали ему порядочный вѣсъ, и онъ не прочь былъ помогать чѣмъ могъ, какъ собственной своей властью, такъ и предстательствомъ у другихъ. Въ числѣ просителей встрѣчается и Марья Савишна Перекусихина, любимая камеръ-юнгфера Государыни, старавшаяся въ то время пристроить своего родственника. Но ходатайства иногда бывали такъ неумѣренны и несвоевременны, что выводили Суворова изъ терпѣнія. Хвостовъ, подбиваемый женою, изъявляетъ неудовольствіе, что отстаетъ по службѣ отъ другихъ; Суворовъ ему отвѣчаетъ: «стерегитесь отъ бѣса полуденнаго (жены), ждите удобнѣйшаго времени, я самъ на чертѣ пучины». Зять, князь Горчаковъ, проситъ за своего сына Алексѣя, о которомъ Суворовъ писалъ уже графу Н. Салтыкову, но не получилъ отвѣта. Суворовъ сердится, отказывается просить вторично (съ Н. Салтыковымъ онъ былъ не въ ладу), издѣвается надъ «сложно-перебойнымъ» языкомъ письма, противупоставляетъ ему свой «адамовскій» и за одно зацѣпляетъ князя Алексѣя: «какъ въ превратномъ свѣтѣ внучка розгою заставляетъ

бабушку прясть, такъ въ письмѣ его отца, въ полномъ блистаніи Алексѣй—князь». Графъ Безбородко изъявляетъ неудовольствіе, что Суворовъ недостаточно внимателенъ къ нѣкоторымъ его родственникамъ; Суворовъ опять сердится и пишетъ Хвостову: «мнѣ всѣхъ быковъ, козловъ и лисокъ не употчивать». Приближенныя къ нему лица также жаждутъ разныхъ наградъ и благостынь, не скупясь конечно въ оцѣнкѣ собственныхъ заслугъ и отличаются порядочною назойливостью, чтобы не сказать нахальствомъ.

Къ числу причинъ, раздражавшихъ Суворова и поддерживавшихъ въ немъ ненормальное внутреннее состояніе, слѣдуетъ отнести одинъ случай, много испортившій ему крови. Въ перепискѣ съ Хвостовымъ онъ былъ очень не сдержанъ въ своихъ отзывахъ и сужденіяхъ о людяхъ, почему и просилъ Хвостова всѣ такія письма жечь. Но Хвостовъ этого не исполнилъ, по крайней мѣрѣ относительно большей части получаемыхъ посланій, которыя и дошли до нашего времени. Хвостовъ считалъ себя поэтомъ, т.-е. страдалъ болѣзненнымъ позывомъ къ кропанію виршей; эта страсть развивалась въ немъ прогрессивно, и впослѣдствіи онъ сдѣлался посмѣшищемъ, почти нарицательнымъ прозвищемъ безталаннаго стихоплета. Въ описываемое время онъ накропалъ въ честь Суворова стихи, начинавшіеся словами: «почто почилъ нашъ Геркулесъ» и, вмѣстѣ съ однимъ изъ писемъ Суворова, показалъ ихъ подполковнику Корицкому, человѣку близкому. Корицкій въ свою очередь сталъ показывать подъ секретомъ другимъ, и злые сарказмы Суворова облетѣли большой кругъ, побывали у Державина, у Турчанинова и иныхъ, попали даже въ руки Платона Зубова. Суворовъ узналъ про это и сильнѣйшимъ образомъ разсердился. Досталось тутъ всѣмъ: Корицкому за его «лѣноуміе»; Турчанинову за то, что онъ поступилъ «не какъ сынъ, а недружный пасынокъ»; но пуще всѣхъ Хвостову, какъ главному виновнику. Не пощадилъ Суворовъ своего преданнаго и усерднаго племянника, имѣвшаго на своемъ попеченіи его дочь; слова; «мошенникъ, предатель, глупая нянька» показываютъ степень его гнѣва. Хвостовъ былъ оскорбленъ, чуть не уничтоженъ непомѣрною горячностью дяди, и первое время совсѣмъ потерялся, но придя въ себя, прибѣг-

нулъ къ наилучшему средству для своего оправданія, а именно къ откровенному изложенію всего дѣла. Суворовъ, обезоруженный чистосердечіемъ Хвостова, его непритворною печалью, кротостью и непоколебимою преданностью, пришелъ въ себя и стихъ; между нимъ и добрякомъ-племянникомъ установились прежнія отношенія.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о частной, неслужебной жизни и занятіяхъ Суворова. Онъ проживалъ въ разныхъ мѣстахъ своего района, смотря по надобности: въ Выборгѣ, Кюменегардѣ, Роченсальмѣ. Въ Кюменегардѣ онъ оставилъ по себѣ память, между прочимъ, заботами о православной церкви; выписывалъ изъ Петербурга регента обучать тамошній хоръ; накупилъ разныхъ церковныхъ вещей на нѣсколько сотъ рублей. Тутъ у него образовался кружокъ знакомыхъ, свободное отъ службы время проводилось весело; Суворовъ часто танцовалъ и въ письмѣ къ Хвостову хвасталъ, что однажды «сряду 3 часа контртанцъ прыгалъ». Проживая въ Фридрихсгамѣ, онъ занималъ верхній этажъ лучшаго въ городѣ дома, г-жи Гринъ, вдовы врача. Она была женщина ловкая, пользовалась общимъ уваженіемъ, хорошо говорила по-русски и умѣла угодить своему причудливому постояльцу, который въ свою очередь оказывалъ ей вниманіе, заговаривалъ съ нею по-фински, называлъ ее *маменькой* и приходилъ бесѣдовать за чашкой чая. Просватавъ свою дочь и племянницу, г-жа Гринъ просила Суворова быть, по русскому обычаю, посажёнымъ отцомъ у дочери; онъ не только согласился, но вызвался быть тѣмъ же у племянницы, перебрался въ одну небольшую комнату, а остальное помѣщеніе уступилъ хозяйкѣ для свадебнаго праздника. Сначала все шло благополучно, но потомъ Суворовъ не удержался отъ разныхъ выходокъ. Ему не понравился женихъ племянницы, большой руки франтъ, одѣтый изысканно, раздушенный, съ огромной модной прической. Во время вѣнчанія Суворовъ часто посматривалъ на него, вытягивалъ впередъ голову, усиленно нюхалъ и поплевывалъ въ сторону. Затѣмъ онъ сталъ вполголоса сравнивать голову жениха съ походнымъ котломъ, называлъ его «цеголемъ, прыгунчикомъ, пахучкой», наконецъ вытащилъ носовой платокъ и зажалъ себѣ носъ. Это произвело

нѣкоторый скандалъ, но почетный гость и посажёный отецъ, къ потѣхѣ однихъ и къ замѣшательству другихъ, продолжалъ преслѣдовать несчастнаго молодого во время свадебнаго бала и громко называлъ его голову круглой щеткой для обметанія потолковъ, а на другой день послалъ свадебный подарокъ одной хозяйской дочери.

Какъ ни скромна была настоящая доля Суворова, но громкія побѣды недавнихъ лѣтъ не оставляли его въ тѣни и вдохновляли русскихъ поэтовъ. Одинъ изъ нихъ, Костровъ, переводчикъ Гомера, написавшій въ честь Суворова оду и на взятіе Измаила эпистолу, перевелъ затѣмъ поэтическую поддѣлку Макферсона: «Пѣсни Оссіана, сына Фингалова». Полный восторженнаго удивленія къ измаильскому герою, Костровъ посвятилъ ему свой послѣдній трудъ и прислалъ экземпляръ книги при соотвѣтствующемъ случаю письмѣ. Какъ ни слабъ и блѣденъ былъ этотъ снимокъ, притомъ не съ подлинника, а съ французскаго перевода, но онъ произвелъ довольно сильное впечатлѣніе на Суворова. Костровъ и Суворовъ обмѣнялись при этомъ стихами; причемъ первый уподоблялъ Суворова Фингалу; кромѣ того Суворовъ, вдохновленный чтеніемъ Оссіана, пустился въ подражаніе и написалъ цѣлую страницу прозой, подходящей къ переводу Кострова. По временамъ онъ писывалъ и стихи, очень топорные, и вообще былъ охотникъ до изящной словесности при отсутствіи вкуса и таланта. Онъ даже говаривалъ, что если бы не чувствовалъ въ себѣ преобладающаго военнаго призванія, то сдѣлался бы писателемъ. Стихотворство имѣло въ его глазахъ смыслъ рекомендаціи человѣка. При концѣ его пребыванія въ Финляндіи, Хвостовъ совѣтуетъ ему взять къ себѣ одного ротмистра, выставляя въ числѣ его хорошихъ качествъ и писаніе стиховъ; Суворовъ кладетъ замѣтку: «*очень радъ*». Польщенный посвященіемъ ему Оссіана, Суворовъ положилъ сдѣлать Кострову денежный подарокъ, но колебался — какой именно. Состоявшій при немъ подполковникъ Курисъ написалъ по этому случаю Хвостову: «Костровъ на имя его сіятельства перевелъ Оссіана; онъ заботится, чѣмъ его наградить; разъ мыслитъ вдругъ 500 руб., потомъ ежегодно по 100 руб. по смерть графа. Послѣднее не къ чему и не имѣетъ виду, первое очень много,

а кажется 200, 250, 300 приличный подарокъ. Какъ вы думаете, рѣшите».

Пользуясь своими небольшими досугами, Суворовъ занимался въ Финляндіи и чтеніемъ; безъ умственной пищи онъ не могъ жить. Не знаемъ, были ли въ его рукахъ въ ту пору научныя сочиненія, но газетъ онъ читалъ много, какъ это видно изъ его подписки на 1792 годъ. Онъ получалъ газеты нѣмецкія — гамбургскія, вѣнскія, берлинскія, эрлангенскія; французскія; варшавскія—польскія; московскія и петербургскія—русскія. Сверхъ того выписывались: нѣмецкій гамбургскій политическій журналъ, Journal encyclopédique и Nouvelles extraordinaires.

Слѣдя, такимъ образомъ, за политическими событіями, Суворовъ не успокоивалъ, а усиливалъ свои муки честолюбія. Усталый отъ постоянной внутренней тревоги, несбывавшихся надеждъ и неосуществлявшихся ожиданій, онъ имѣлъ лишь краткія минуты душевнаго покоя. «Суетствіе», писалъ онъ въ одну изъ такихъ минутъ Хвостову: «весьма наскучило о сихъ матеріяхъ писать и безъ нужды не буду; да будетъ воля Божія и матери отечества». Такъ какъ военное вмѣшательство Россіи во французскія дѣла не состоялось, то Суворовъ сталъ все чаще мечтать о назначеніи его на югъ и хотя Турчанинову сообщалъ раньше, что готовъ на службу «въ Камчатку, Мекку, Мадагаскаръ и Японь», но подъ конецъ уже просился именно въ Херсонъ. Пособили ему внѣшнія обстоятельства. Чтобы отстранить Россію отъ формировавшейся коалиціи, агенты французскіе сильно работали въ Константинополѣ. Скоро ихъ происки и подстрекательства стали какъ-будто обѣщать успѣхъ: Порта принялась за вооруженія, и тогда въ пограничныя съ Турціею области понадобился Суворовъ.

Ноября 10 послѣдовалъ рескриптъ Екатерины. Подъ начальство Суворова отдавались войска въ екатеринославской губерніи, въ Крыму и во вновь присоединенныхъ земляхъ, и приказано немедленно приводить въ исполненіе апробованное по проектамъ инженеръ-майора де-Волана укрѣпленіе границъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось — представить планы и смѣты производящимся въ Финляндіи работамъ, для приведенія всѣхъ укрѣпленій и каналовъ къ окончанію; требовалось также его, Суворова, мнѣ-

ніе на случай оборонительной и наступательной войны въ Финляндіи. Суворовъ все это исполнилъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его стали одолѣвать сомнѣнія — къ добру ли ожидаемая перемѣна, такъ какъ ему предстояло промѣнять однѣ постройки на другія, да еще свои на чужія. Но тамъ, на югѣ, у него были шансы на боевую службу, а тутъ, на сѣверѣ, никакихъ. Это соображеніе его успокоило и ободрило, и онъ поѣхалъ къ новому мѣсту службы съ удовольствіемъ и надеждой.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ Херсонѣ.

1792—1794.

Отправляясь въ Херсонъ, Суворовъ получилъ довольно подробное наставленіе. Ему ввѣрялось начальство надъ войсками въ екатеринославской губерніи, таврической области и вновь присоединенномъ отъ Турціи краѣ, съ обязанностью руководить производившимися тамъ крѣпостными работами. Черноморскій флотъ оставался подъ начальствомъ вице-адмирала Мордвинова, а гребной—подъ командою генералъ-майора де-Рибаса, который находился въ зависимости отъ Суворова лишь по войскамъ, на флотѣ находящимся. Суворовъ поѣхалъ на югъ не совсѣмъ довольный, ибо ему были сдѣланы намеки, а можетъ быть и прямо внушенія, насчетъ устраненія дурныхъ сторонъ его финляндскаго командованія. Вообще своими финляндскими объясненіями онъ вовсе не достигъ той цѣли, на которую расчитывалъ. Даже графъ Безбородко, не говоря уже про другихъ, былъ противъ назначенія Суворова на турецкую границу; онъ-де всѣхъ изнуритъ и разгонитъ, какъ въ Финляндіи, а Турчанинову будетъ писать одними загадками. Этотъ оттѣнокъ недовѣрія и опасеній выразился еще яснѣе по прибытіи Суворова на мѣсто: здѣсь получилъ онъ вскорѣ рескриптъ Императрицы, гдѣ говорилось, что хотя употребленіе солдатъ къ крѣпостнымъ работамъ позволи-

тельно, «но мы соизволяемъ рѣшительно, чтобы оно сопряжено было съ собственной ихъ пользой» и безъ изнуренія, а также чтобы госпиталей отнюдь не уничтожать, такъ какъ полки не обладаютъ средствами, чтобы пользовать больныхъ и содержать ихъ на своемъ попеченіи. Такимъ образомъ, военно-санитарные взгляды Суворова остались не понятыми и грозили ему впереди новыми непріятностями. Но всѣ эти мелочи не измѣняли сущности дѣла, которое состояло въ довѣріи къ нему Государыни, въ надеждахъ, возлагаемыхъ на него всей Россіей и въ опасеніяхъ, которыя возбуждало его имя во врагахъ. Вскорѣ по прибытіи на мѣсто, онъ получилъ отъ Хвостова, русскаго резидента въ Константинополѣ, депешу, въ которой между прочимъ значилось: «одинъ слухъ о бытіи вашемъ на границахъ сдѣлалъ и облегченіе мнѣ въ дѣлахъ, и великое у Порты впечатлѣніе; одно имя ваше есть сильное отраженіе всѣмъ внушеніямъ, кои отъ стороны зломыслящихъ на преклоненіе Порты къ враждованію намъ дѣлаются».

Прибывъ въ Херсонъ, Суворовъ принялся тотчасъ же за самое ему непріятное — возведеніе крѣпостныхъ построекъ, и чтобы не пропадало время, онъ заключилъ контракты съ подрядчиками, а такъ какъ задаточныхъ денегъ не было, то надавалъ имъ векселей и кромѣ того прихватилъ у командовавшаго Черноморскимъ флотомъ вице-адмирала Мордвинова 160,000 руб. казенныхъ денегъ. Это произвело большой переполохъ въ петербургскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, которымъ приходилось расплачиваться; стали раздаваться протесты, отказы. Турчанинову пришлось списываться съ Суворовымъ за всѣхъ, объясняя ему съ большою осторожностью, что политическое положеніе едва ли требуетъ такого спѣха, что мало денегъ, что нѣкоторыми изъ работъ придется замедлить и т. под. Суворовъ отвѣчалъ: «вы дѣлаете конецъ началомъ и предваряете тогда, когда я фундаментъ утвердилъ... Политическое положеніе извольте спросить у вице-канцлера, а я его постигаю какъ полевой офицеръ... Вы временили 2 мѣсяца вмѣсто двухъ дней, подобно какъ бы ловили меня за рыбу въ тенета, зная, что я не силю... Пропалъ бы годъ, еслибы я чуть здѣсь медлилъ контрактами, безъ коихъ по состоянію страны обойтись не можно... Вы говорите, ихъ не

надобно; это надлежало мнѣ сказать въ Петербургѣ. Такъ сей годъ повороту нѣтъ; будущій годъ въ вашей власти. Присылайте деньги и съ ними хоть вашего казначея».

Но это легко было сказать, а трудно сдѣлать при безденежьѣ. На имя Суворова послѣдовалъ рескриптъ очень милостивый, но существенно измѣнявшій его распоряженіе и затѣмъ, хотя въ очень мягкой формѣ, подносились ему позолоченныя пилюли: солдатъ употреблять на работы безъ изнуренія; платить имъ по 10 коп. въ рабочій день; по мирной порѣ и ненадобности экстренныхъ мѣръ, подряды производить и контракты заключать, на основаніи законовъ, въ казенной палатѣ. Наконецъ, въ виду того, что никакое правительственное учрежденіе, кромѣ сената, не имѣетъ власти заключать контракты болѣе, какъ на 10.000 рублей, «заключенные въ походной канцеляріи вашей контракты оставить безъ дѣйствія».

Суворовъ опрокинулся на Турчанинова: «такъ добрые люди не дѣлаютъ; вы играете вашимъ словомъ, я ему вѣрю, а вы пускаете плащъ по всякому вѣтру, вѣдая, что они не постоянны». Одновременно съ этимъ въ письмѣ къ Хвостову онъ восклицалъ съ горечью: «Боже мой, въ какихъ я подлостяхъ, и князь Григорій Александровичъ никогда такъ меня не унижалъ».

Такимъ образомъ, мечты о службѣ на югѣ, лелѣянныя въ Финляндіи, разсѣялись при первомъ почти соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Таковъ ужъ былъ Суворовъ. Впрочемъ, кромѣ помѣхи въ успѣхѣ дѣла, создавалось еще весьма непріятное лично для него положеніе: подрядчики успѣли зайти далеко, и теперь должны были нести убытки, нѣкоторые даже разореніе. Онъ написалъ Хвостову: «Подрядчикамъ выданы деньги изъ казны, я долженъ буду взнесть и чтобы не отвѣчать Богу въ ихъ разореніи, остальныя имъ дополнить. Чего ради извольте продать мои новгородскія деревни не ниже 100,000 рублей; людей перевесть въ Суздаль. Теперь еще не знаю, какая и будетъ ли выручка за матеріалы, съ согласія подрядчиковъ: хорошо, колибъ осталось на выплату, а остальныя мнѣ на странствованія». Позже цифры опредѣлились: требовалось по расчету Суворова 91,148 рублей, въ томъ числѣ 23,648 рублей для пострадавшихъ купцовъ, а остальное въ казну; цѣна за новгородскія имѣнія назначалась

въ 150.000 р. и никакъ не ниже 135.000. Но все дѣло обошлось благополучно, и прибѣгать къ крайней мѣрѣ не потребовалось; какимъ именно способомъ и при какомъ компромиссѣ достигнуто удовлетвореніе обѣихъ сторонъ, сказать опредѣлительно нельзя, ибо имѣется лишь два коротенькихъ указанія по этому предмету. Во первыхъ состоялось высочайшее повелѣніе Платону Зубову: «все законтрактованное графомъ Суворовымъ заплатить немедленно и 100,000 рублей, взятые имъ у вице-адмирала Мордвинова, не засчитывать въ число ассигнованныхъ суммъ для построенія крѣпостей по Днѣпру». Во вторыхъ приказано управляющему банкомъ отпустить Суворову 250,000 р.

При описанномъ настроеніи Суворова, трудно было съ нимъ ладить строителямъ. Ихъ было двое — полковникъ Князевъ и поступившій на русскую службу подполковникъ де-Воланъ, знакомый Суворову еще въ послѣднюю войну съ Турками. Съ Князевымъ дѣло шло довольно гладко, но де-Воланъ покладливостью не отличался. Однако происходившія непріятности не имѣли большого значенія: де-Воланъ оказался человѣкомъ вполнѣ достойнымъ, и между нимъ и Суворовымъ установились отношенія пріятельскія.

Вообще же инженерная спеціальность занимала самое видное мѣсто въ дѣятельности Суворова на югѣ, какъ и въ Финляндіи. Сохранились подписанные имъ планы: проектъ Фанагорійской крѣпости, три проекта укрѣпленій Кинбурнской косы и Днѣпровскаго лимана, планъ крѣпости Кинбурна, главнаго депота (Тирасполя), форта Гаджидера (Овидіополя) на Днѣпровскомъ лиманѣ, Гаджибейскаго укрѣпленія, Севастопольскихъ укрѣпленій. Часть ихъ строилась при немъ, другая только начата, третья осталась въ проектѣ за короткимъ временемъ и недостаткомъ денегъ.

Въ тоже время производились внимательныя наблюденія за всѣмъ, что дѣлалось у сосѣда, и принимались мѣры предосторожности. Къ Суворову присылались извѣщенія нашихъ временныхъ и постоянныхъ дипломатическихъ агентовъ на Балканскомъ полуостровѣ; доходили до него свѣдѣнія даже изъ Италіи, изъ Польши и другихъ мѣстъ; разспрашивались шкипера купеческихъ судовъ, турецкіе бѣглые, доставлялись отрывки газетъ, цитировались част-

ныя письма и все это сообщалось въ Петербургъ. Въ этихъ свѣдѣніяхъ много тревожнаго, но мало дѣйствительно-опаснаго и бездна противорѣчій. Особенную тревогу возбуждали, по донесеніямъ нашихъ агентовъ, интриги Французскаго правительства въ Константинополѣ противъ Россіи. Дошло наконецъ до того, что стали опасаться французскаго дессанта на русскіе черноморскіе берега и, по требованію графа Зубова, Суворовъ проектировалъ, при сотрудничествѣ де-Волана, планъ защиты береговъ отъ 15,000-ной высадки Французовъ, который и отправилъ къ Зубову съ де-Рибасомъ.

Главныя опасенія впрочемъ заключались въ предположеніи близкой войны не съ Франціей, а съ Турціей. Едва-ли даже можно называть эти заботы *опасеніями*, такъ какъ возбуждались онѣ главнымъ образомъ не извнѣ, а шли отъ Петербургскаго кабинета. Екатерина не забыла прежнихъ проектовъ и открыто говорила, что ей надоѣло возиться съ Турками и она убѣдитъ ихъ наконецъ, что забраться въ ихъ столицу ей также легко, какъ совершить путешествіе въ Крымъ. Такимъ образомъ, положеніе становилось весьма напряженнымъ, понадобилось учредить укрѣпленный лагерь при Ботнѣ и принимать другія мѣры соотвѣтствующаго характера. Суворову приказывалось быть въ такой готовности, чтобы можно было захватить непріятельскій берегъ Днѣпра; разрѣшалось даже, въ случаѣ объявленія войны Портою, начать военныя дѣйствія, не сносясь съ Петербургомъ.

Суворовъ, какъ исключительно военный человѣкъ, считалъ завоеваніе Турціи возможнымъ. Поощряемый тревожнымъ положеніемъ дѣлъ, онъ рѣшился составить планъ наступательной войны съ Турціей и, по требованію Екатерины, представилъ его въ Петербургъ, гдѣ онъ и остался въ архивѣ. Но это проектировалось между другимъ дѣломъ, составляя для Суворова если не отдыхъ, то развлеченіе. Самое дѣло было совсѣмъ другого существа, и мы переходимъ къ нему снова.

Однимъ изъ главныхъ трудовъ Суворова на югѣ было возстановленіе сильно упавшей въ войскахъ дисциплины. Какъ Суворовъ исправлялъ этотъ изъянъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Современникъ, вѣроятно даже свидѣтель, пишетъ, что прибывъ въ Херсонъ, Суворовъ увидѣлъ, что нижніе чины Ряж-

скаго пѣхотнаго полка вовсе не знаютъ службы, не занимаются ею и все свое время употребляютъ на торговлю рыбой и разною мелочью. Онъ повернулъ дѣло круто, но безъ крайнихъ мѣръ; роздалъ въ роты свой военный катехизисъ (о немъ будетъ говорено впослѣдствіи), требовалъ, чтобы всѣ люди затвердили его наизусть, приказалъ обучать ихъ строевой службѣ каждодневно и самъ на ученьяхъ присутствовалъ. Все дѣлалось съ любовью къ дѣлу, почти безъ наказаній и даже брани; результатомъ было отличное состояніе полка и восторженная любовь солдатъ къ ихъ умѣлому начальнику.

Разсматривая списки находящихся въ командировкахъ и разнаго рода отлучкахъ, онъ увидѣлъ, что многихъ нѣтъ на лицо съ давняго времени; другіе отсутствуютъ по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго со службой; третьи числятся при разныхъ лицахъ, состоящихъ въ войскахъ совсѣмъ другихъ дивизій. Хотя все это было явленіемъ заурядным, но въ настоящемъ случаѣ переступало всякіе предѣлы, такъ что Суворовъ далъ строгую инструкцію къ искорененію злоупотребленія и самъ наблюдалъ за приведеніемъ его приказанія въ исполненіе.

Изъ отчетныхъ вѣдомостей онъ убѣдился, что въ войскахъ его сильно развито дезертирство, чему конечно способствовала, какъ и въ Финляндіи, близость границы. Какъ велико было зло, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: въ Староингерманландскомъ полку (меньше 1500 человѣкъ) съ 1 по 8 апрѣля 1793 года бѣжало 24 человѣка. Нисколько не колеблясь, Суворовъ отнесъ такія позорныя явленія «къ совершенному предосужденію полковыхъ командировъ» и въ этомъ направленіи сталъ дѣйствовать. По его ли приказанію или примѣняясь къ его взглядамъ, одинъ изъ пограничныхъ начальниковъ, генералъ Волконскій, отдалъ приказъ, чтобы ротные командиры не смѣли наказывать солдатъ больше, какъ 15 палочными ударами. И точно, надо было принять мѣры, ибо цѣлыя массы нашихъ дезертировъ проживали за турецкой границей, и работы въ ближайшей турецкой крѣпости Бендерахъ производились преимущественно ими.

Наши пограничныя команды не только снабжали Турцію большимъ числомъ дезертировъ, но и производили въ турецкіе предѣлы самовольныя экскурсіи. Какъ только Суворовъ прибылъ

въ Херсонъ, на него посыпались по этому предмету жалобы. Изъ Константинополя сообщалось, что казаки и арнауты переходятъ границу и производятъ грабительства; на то же самое жаловался и Молдавскій господарь. Суворовъ наряжалъ слѣдствія, грозилъ карой по всей строгости законовъ, подтверждалъ строжайшее исполненіе пограничныхъ правилъ, писалъ въ Петербургъ, прося переселить внутрь Россіи самыхъ отчаянныхъ грабителей, арнаутовъ. Просьба его была уважена.

Изъ военной коллегіи указывалось, что въ декабрѣ 1793 года бѣжали изъ Крыма два казака домой, на Донъ, съ возмутительными письмами; вернулись они съ отвѣтами за станичными печатями, и послѣ того въ 5 донскихъ станицахъ происходятъ волненія, такъ что понадобилось командировать туда военныя команды. Вслѣдъ за этимъ указаніемъ военной коллегіи, поступило къ Суворову сообщеніе отъ имени графа Зубова, что передъ посѣщеніемъ двумя казаками изъ Крыма волнующихся нынѣ станицъ, проѣхали по Дону два поляка, которыхъ велѣно разыскать въ екатеринославской губерніи, а впредь слѣдить за всѣми проѣзжими на Донъ иностранцами. Два мѣсяца спустя, часть казаковъ бѣжала изъ Крыма, за бѣжавшими отряжена погоня, но они обнаружили такое упорство, что произошелъ бой, и двое изъ нихъ было убито, а нѣсколько человѣкъ ранено. Оставшіеся, судя по всему, имѣли намѣреніе сдѣлать тоже самое при первомъ случаѣ, такъ что Суворовъ, для наблюденія за ними, послалъ въ Крымъ полкъ Екатеринославскаго казачьяго войска.

Больше всего стоило Суворову заботъ санитарное состояніе войскъ. Одинъ изъ его приближенныхъ, подполковникъ Курисъ, писалъ изъ Елизаветграда Хвостову, что «не въ силахъ описать, въ какой жалости здѣсь госпиталь;... строеніе сыро, кучи больныхъ, одинъ другого тѣснятъ безъ разбора; нашли въ этомъ госпиталѣ не отправленныхъ по указу военной коллегіи въ гарнизонъ, инвалидъ и отставку до 500 человѣкъ на порціи». Кромѣ того оказалось въ городѣ, внѣ госпиталя, столько же и такихъ же незаконно находящихся съ августа на казенномъ довольствіи. Тоже самое найдено потомъ и въ остальныхъ 4 госпиталяхъ. Немногимъ лучше велось дѣло и въ войскахъ. Больныхъ оказалось гибель, особенно въ Крыму и во вновь пріобрѣтенной отъ

Турціи области; даже въ казачьихъ полкахъ считалось по 100 и болѣе въ каждомъ, что по словамъ Суворовскаго приказа, «совсѣмъ по ихъ званію не соразмѣрно». Уходъ за больными былъ очень дурной; умершіе показывались живыми долгое время; захворавшіе задерживались при войскахъ до послѣдней крайности, лишь бы доставить въ госпиталь дышащихъ и уменьшить по отчетности полка число смертныхъ случаевъ. Люди, поступившіе въ госпиталь, не показывались выбывшими изъ полка по неполученію увѣдомленія о ихъ пріемѣ и подъ другими предлогами, дабы тѣмъ временемъ пользоваться отпускаемымъ на нихъ довольствіемъ. Все это свидѣтельствуетъ самъ Суворовъ въ своихъ письмахъ. Находясь въ Екатеринославѣ и посылая Турчанинову оттуда письмо, Суворовъ приводилъ такой короткій разговоръ съ однимъ изъ своихъ ординарцевъ: «Зыбинъ, что вы бѣжите въ роту, развѣ у меня вамъ худо, скажите по совѣсти». — Мнѣ тамъ на прожитокъ въ годъ 1000 рублей. — «Откуда?»—Отъ мертвыхъ солдатъ.

Вообще бѣдственное санитарное положеніе войскъ пустило такіе глубокіе корни, что долго не поддавалось никакимъ мѣрамъ. Суворовъ назначилъ двѣ комиссіи; обѣ онѣ принялись за дѣло основательно и добросовѣстно, особенно одна, проживавшая въ войскахъ по нѣскольку недѣль кряду, посвящая своей задачѣ все время отъ ранняго утра до поздней ночи. Обѣ комиссіи принесли много пользы, выясняя причины зла, но могли устранить далеко не всѣ эти причины и поводы, такъ какъ ихъ оказалось множество въ разныхъ мѣстахъ. Въ 1792 году выстроены казармы изъ сырого кирпича и окончены только въ декабрѣ; мѣстами и такого жилья не было, а приходилось довольствоваться землянками. Стѣны промерзали насквозь, и съ нихъ текло; усиленно отапливать было нечѣмъ, потому что не заготовили дровъ во-время, и солдаты доставляли ихъ за 25 — 30 верстъ пѣшкомъ, обогрѣвались чрезъ сутки и вовсе не просушивались отъ сырости. Больные не были раздѣлены по категоріямъ и не отдѣлены отъ здоровыхъ; медикаменты не потребованы заблаговременно; въ питье употреблялась стоячая озерная вода, покрывающаяся лѣтомъ гнилою зеленью. Съ наступленіемъ въ 1793 году лѣта, хотя войска были выведены въ лагерные сборы и раз-

мѣщены по палаткамъ и шалашамъ, но за то стали палящіе жары. Съ 8 часовъ утра до 7 или 8 вечера, при горячемъ вѣтрѣ, термометръ Реомюра показывалъ до 30 и даже 33° въ тѣни, а ночью только 7°; гнилая, вонючая зелень покрыла весь Днѣстръ слоемъ въ полдюйма; въ продолженіе 2 мѣсяцевъ не было ни одного дождя; земля дала трещины до 2 аршинъ глубины. При такихъ исключительныхъ условіяхъ не могли соблюсти свое здоровье и люди, лучше солдатъ обставленные: болѣе трети наличныхъ офицеровъ лежали больными. А лѣчить было почти некому и нечѣмъ, такъ плоха была эта часть въ русскомъ военномъ управленіи.

Была еще одна причина бѣдствія. Въ апрѣлѣ 1793 года Суворовъ донесъ военной коллегіи, что въ карасубазарскомъ магазинѣ провіантъ никуда не годенъ и что отъ него солдаты болѣютъ и мрутъ. Пошла по обыкновенію безконечная переписка, но Государыня приняла дѣло близко къ сердцу и прислала въ военную коллегію такую записку (безъ подписи): «Бѣлевскаго и Полоцкаго полковъ полковниковъ, карасубазарскаго магазейна провіантъ кто подрядилъ, кто въ смотрѣніи имѣлъ, провіантскаго штата провіантмейстера или комиссіонера — прикажите судить и сдѣлайте примѣръ надъ бездѣльниками и убійцами, кои причиною мора ради ихъ воровства и нерадѣнія, и прикажите сдѣлать осмотръ прочимъ магазейнамъ въ той сторонѣ, и на каторгу сошлите тѣхъ, кои у меня морятъ солдатъ, заслуженныхъ и въ столькихъ войнахъ храбро служившихъ. Нѣтъ казни, которой тѣ канальи недостойны». Наконецъ въ іюлѣ прибылъ отъ провіантскаго вѣдомства ревизоръ; вмѣстѣ съ назначеннымъ отъ Суворова генераломъ онъ освидѣтельствовалъ карасубазарскую муку, призналъ ее негодною и поѣхалъ въ другія мѣста для такой же ревизіи. Неизвѣстно чѣмъ она разрѣшилась, кто оказались преступниками и были ли они наказаны, но польза отъ осмотра магазиновъ не подлежитъ сомнѣнію и засвидѣтельствована Суворовымъ.

Онъ предписалъ войскамъ цѣлый рядъ мѣръ и уполномочилъ обѣ комиссіи—расширять и измѣнять ихъ по своему усмотрѣнію, въ соотвѣтствіи съ обстоятельствами. Мѣры были преимущественно гигіеническія, (какъ всегда у Суворова), но на ряду съ ними настойчиво проводились фармацевтическія и хозяйственныя.

Все это было сгруппировано въ особомъ приказѣ и въ «Правилахъ медицинскимъ чинамъ» штабъ-лѣкаря Бѣлопольскаго, убѣжденнаго сторонника Суворовскихъ санитарныхъ принциповъ, а затѣмъ немедленно разослано въ войска для исполненія. Суворовъ по прежнему держался того взгляда, что санитарное состояніе войскъ находится въ прямой зависимости отъ степени заботливости начальниковъ о подчиненныхъ. Какъ только принятыми имъ мѣрами эта заботливость доведена была до maximum'а, болѣзни и смертность покинули свой maximum и спустились до minimum'а. Какъ онъ писалъ прежде въ приказахъ, что «небреженіемъ начальниковъ» болѣзни и смертность выросли и умножились, такъ сталъ потомъ свидѣтельствовать, что «попеченіемъ начальствующихъ лицъ» они введены въ умѣренные предѣлы. Въ самый развалъ жаровъ онъ писалъ, что благодаря дѣйствіямъ комиссіи, «а паче искуству штабъ-лекаря Бѣлопольскаго (члена комиссіи), Полоцкій полкъ приведенъ въ совершенное благосостояніе». Въ августѣ и сентябрѣ улучшеніе продолжалось; бывали рецидивы, притомъ довольно частые, но уже не очень упорные. Въ октябрѣ и ноябрѣ бѣдствіе было совершенно парализовано.

Всѣ эти работы, заботы, труды и непріятности конечно производили на впечатлительнаго Суворова дурное дѣйствіе и возбуждали въ немъ горячее желаніе чего-нибудь лучшаго. Это «лучшее», эта новая арена дѣятельности, представлялись ему въ разныхъ формахъ, и одна изъ нихъ, едва-ли не самая заманчивая, рисовалась въ его воображеніи въ видѣ войны съ Французами. Короче говоря, происходило тоже, что въ Финляндіи.

Послѣ жалкаго исхода первой кампаніи союзниковъ противъ Франціи, въ началѣ 1793 года произошли два событія первостепенной важности: казнь несчастнаго Французскаго короля и объявленіе Французской республикой войны Голландіи и Англіи. Первое усилило въ Европѣ ужасъ къ французской революціи и укрѣпило коалицію морально, второе усилило ее матеріально. Казнь Людовика XVI произвела удручающее дѣйствіе при всѣхъ дворахъ, въ томъ числѣ и при Петербургскомъ: негодованіе, горе, уныніе наложили на него тяжелую печать; Екатерина была крайне смущена и нѣсколько недѣль не выходила. Смѣлость и

энергія Французскаго революціоннаго правительства, не боявшагося сплотить противу себя всю Европу, граничили съ безуміемъ. Въ самомъ началѣ этотъ дерзкій вызовъ какъ бы нашелъ себѣ оправданіе въ успѣхахъ Дюмурье въ Голландіи, но потомъ стали брать верхъ союзники. Австрійцы съ принцемъ Кобургскимъ, генераломъ Клерфе и молодымъ эрцъ-герцогомъ Карломъ нѣсколько разъ разбили непріятеля, распространились на его територіи и завладѣли важными укрѣпленными пунктами—Валансьеномъ и Конде.

Суворовъ, слѣдившій со вниманіемъ за ходомъ французской революціи и возникшими изъ нея войнами, написалъ принцу Кобургскому поздравительное письмо. Принцъ отвѣтнымъ письмомъ благодаритъ его за доброе слово; вспоминаетъ общихъ знакомыхъ; сообщаетъ о разныхъ новостяхъ, о томъ, что Валансьенъ сдался послѣ штурма внѣшнихъ укрѣпленій, «на манеръ храбрыхъ Русскихъ»; называетъ Суворова «профессоромъ, вспомнившимъ своего ученика»; пишетъ, что ему, Кобургу, приходится поневолѣ только возиться съ крѣпостями и что идея—двинуться на Парижъ, должна быть пока оставлена, «особенно потому, что херсонскій губернаторъ не съ нами».

Благопріятный коалиціи ходъ дѣлъ продолжался однако не долго, несмотря на то, что союзники имѣли огромный перевѣсъ надъ французской арміей, почти дезорганизованной. Еще несчастнѣе для нихъ былъ слѣдующій 1794 годъ; они проиграли всюду, и Голландія заключила съ Франціей союзъ, принявъ республиканскій строй.

Начиная съ 1792 года стали носиться въ Петербургѣ неясные слухи о предполагаемомъ вступленіи Россіи въ активную противъ Франціи коалицію; со времени же смерти Людовика XVI, они сдѣлались настойчивѣе. Суворовъ тревожился, волновался, забрасывалъ Хвостова и отчасти Турчанинова письмами. Хвостовъ поступалъ и отвѣчалъ неумѣло, какъ и до того, успокоивая своего дядю на одной страницѣ и распаляя его вздорными слухами на другой. Угораздило его въ одномъ письмѣ выразиться, что Суворову «и такъ хорошо: отъ добра добра не ищутъ». Ничто не могло такъ раздражить Суворова въ моменты недовольства, какъ подобное выраженіе. Въ другой разъ Хвостовъ

сообщилъ, что Государыня выразилась про Кобурга, что «ученикъ Суворовскій въ подмастерья еще не годится», и что объ этомъ трубитъ весь городъ. Суворовъ приписалъ тутъ же: «прекрасный панегирикъ;... я, по дару Измаила, во тмѣ сидящій Тучковъ» (высшій начальникъ инженерной части). Переписка его полна выраженіями неудовольствія на инженерную судьбу. «Я захребетный инженеръ и посему какъ въ горячкѣ»; «уже третій годъ въ Тучковыхъ»; «малые мои таланты зарыты»; «Бога ради избавьте меня отъ крѣпостей, лучше бы я грамотѣ не зналъ»; «извѣстны мнѣ многіе придворные изгибы, коими ловятъ сома въ вершу, но и тамъ его благовидностью услаждаютъ, а меня обратили въ подрядчика». Подъ конецъ его одолѣла тоска; онъ пишетъ Хвостову коротко и сухо: «напомните Турчанинову, что я не инженеръ, а полевой солдатъ, не Тучковъ, а знаютъ меня Суворовымъ и зовутъ Рымникскимъ, а не Вобаномъ».

Не стояло дѣло и за другими мнимыми поводами къ безпокойству и недовольству. Приняли на службу изъ отставки одного генерала изъ старшихъ; Суворовъ говоритъ, что «въ состояніи переваривать только девятерыхъ, а нынѣ пониженъ въ десятые». Военная коллегія перестала называть его въ своихъ указахъ «главнокомандующимъ», а просто писала чинъ и графство; является подозрѣніе,—не предвѣщаетъ ли это уменьшенія власти, и всѣмъ ли, или ему одному. Прислали къ нему на укомплектованіе рекрутъ меньше, чѣмъ въ Польшу, генералу Игельстрому; выводится заключеніе: «слѣдственно я гарнизонный, а дѣйствующіе они».

Повторялось то же самое, что́ было въ Финляндіи. Весною или въ началѣ лѣта 1793 года Суворовъ пишетъ Хвостову: «если продолжится съ Французами, я волонтеръ на кампанію; говорю съ зимы, у принца Кобурга и въ иныхъ частяхъ; лучше обыкновеннаго вояжированія... Въ свое время пріуготовляйте мнѣ краткій отпускъ въ Петербургъ; о волонтерствѣ не открывайтесь, а сондируйте... Быть волонтеромъ при дружескихъ арміяхъ, по рангу моему неприличности нѣтъ, какъ таковыми бываютъ и владѣтельныя особы, и ежелибъ можно было пріобрѣсти обычай или возможность — отбыть въ текущее лѣтнее время, какъ у Нѣмцевъ будетъ огромная кампанія, то бы я не дожидался и

зимы». Такъ и случилось; дождаться до зимы у него не хватило терпѣнія; въ іюнѣ онъ шлетъ Государынѣ просьбу объ увольненіи его волонтеромъ къ союзнымъ войскамъ, «по здѣшней тишинѣ», на всю кампанію, съ сохраненіемъ содержанія, и о томъ же пишетъ графу Платону Зубову, поясняя, что давно безъ практики.

Была ли эта просьба отклонена безмолвіемъ Государыни, или чрезъ посредство какого-нибудь лица, или же былъ посланъ категорическій отказъ, — остается неразъясненнымъ. Во всякомъ случаѣ, Суворовъ не истолковалъ отказа въ невыгодную для себя сторону; по крайней мѣрѣ въ сентябрьскомъ его письмѣ къ Хвостову читаемъ: «одна милосердная Монархиня меня паки въ моемъ отечествѣ задержать благоволила, но надеженъ ли передъ?» Два или три мѣсяца спустя, онъ однако сознавался, что «послѣдствія Измаила гнали его за границу, и не надежда его удержала, а дочь», которая не была еще пристроена. Поэтому онъ продолжалъ внушать Хвостову, что если при первой войнѣ Россіи не будетъ назначенъ начальствующимъ арміей «безъ малѣйшихъ препонъ», то непремѣнно отправится за границу. Онъ сдержалъ слово. Въ 1794 году, при войнѣ съ Польшей, видя себя опять-таки не у боевого дѣла, Суворовъ послалъ 24 іюля Государынѣ прошеніе: «всеподданнѣйше прошу всемилостивѣйше уволить меня волонтеромъ къ союзнымъ войскамъ, какъ я много лѣтъ безъ воинской практики по моему званію». Тогда же онъ послалъ Хвостову довѣренность на заемъ у частныхъ лицъ 11,000 рублей и написалъ графу П. Зубову о посланномъ прошеніи, прося содѣйствія.

Поступокъ Суворова былъ, какъ принято говорить, въ высшей степени неприличенъ. Только годъ назадъ онъ сдѣлалъ тоже самое, пытаясь «перейти чрезъ Рубиконъ», а теперь вздумалъ повторить попытку, да еще при обстоятельствахъ отягчающихъ, ибо шла война съ Польшей, и проситься въ чужую службу значило прямо показывать Государынѣ недовольство своей. Но Суворовъ уже привыкъ разрубать гордіевы узлы своей судьбы, вмѣсто ихъ развязыванія. Вѣроятно, Екатерина была недовольна назойливостью своего подданнаго и такъ плохо замаскированнымъ его желаніемъ—повліять на ея рѣшеніе при выборѣ лица

для войны съ Польшей, однако неудовольствія не выказала. Она только вторично отказала, но при этомъ подала ему нѣкоторую надежду на боевую службу дома: «объявляю вамъ, что ежечасно умножаются дѣла дома, и вскорѣ можете имѣть, по желанію вашему, практику военную много. И такъ не отпускаю васъ поправить дѣлъ ученика вашего, который за Рейнъ убирается по новѣйшимъ вѣстямъ, а нынѣ, какъ и всегда, почитаю васъ отечеству нужнымъ». Судьба однако сжалилась надъ нимъ, и черезъ нѣсколько дней по полученіи рескрипта, Суворову открылась давно желаемая боевая арена.

Было бы ошибочно полагать, что чрезъ все его пребываніе въ южныхъ областяхъ, неизмѣнно и постоянно проходило чувство недовольства, неудовлетворенности, скуки или тоски. Расположеніе его духа напротивъ мѣнялось часто и только по временамъ доходило до высокаго градуса раздраженія. По натурѣ своей Суворовъ не былъ бирюкомъ, и натура брала свое. Надо принимать въ соображеніе чрезвычайную подвижность его темперамента; надо имѣть въ виду, что всѣ рѣзкія выходки неудовольствія, зависти, ненависти хотя у него совершенно искренни, но имѣютъ значеніе только узоровъ на картинѣ его жизни, а не самаго фона. Въ одномъ и томъ же письмѣ онъ зачастую переходитъ отъ неумѣренной требовательности къ широкой снисходительности, отъ злѣйшаго сарказма къ словамъ миролюбія и уступчивости. «Что написалъ, лучше бъ не читать, сожгите этотъ вздоръ,—я въ грусти», говоритъ онъ Хвостову въ концѣ письма, послѣ самыхъ рѣзкихъ выходокъ и сужденій первыхъ страницъ. Изъ переписки его приближенныхъ и родныхъ видно, что строй его жизни и службы въ Херсонѣ вообще отвѣчалъ его желаніямъ. Зять его, И. Р. Горчаковъ, пишетъ напримѣръ одному изъ своихъ сыновей, что Суворовъ «здоровъ, весьма доволенъ своимъ постомъ, живетъ, и все идетъ по его волѣ, и расположился такъ, что хоть до конца жизни такъ жить въ Херсонѣ».

Образъ жизни Суворова въ Херсонѣ также показываетъ въ немъ человѣка веселаго и общительнаго, а не угрюмаго, вѣчно и всѣмъ недовольнаго старика. Онъ праздновалъ всѣ торжественные дни, обходя впрочемъ свои собственныя имянины и

рожденіе; на масляницѣ катался съ горъ и давалъ у себя званые вечера съ танцами, гдѣ и самъ танцовалъ. Передъ Святой приказывалъ ставить на площади, близъ своего дома, разныя качели, для всеобщаго увеселенія; но открывалъ праздничный сезонъ самъ, съ нѣкоторою торжественностью, въ первый день Пасхи. Прежде всего онъ шелъ къ обѣднѣ съ толпою офицеровъ и изъ церкви возвращался вмѣстѣ съ ними домой разгавливаться; для того же пріѣзжали къ нему высшіе чиновники города и почетные жители. Часовъ около десяти утра, Суворовъ выходилъ со своими гостями на площадь; одѣтый въ полной формѣ, разсаживалъ значительныхъ дамъ по мѣстамъ, на горизонтальныя качели, садился самъ съ одною изъ нихъ, самою важною по положенію мужа, и приказывалъ качать. Въ это время играла военная музыка, пѣли пѣсельники. Покачавшись, онъ обходилъ и другія качели, садился съ простыми горожанами, купцами, ихъ женами и качался съ ними. Передъ вечеромъ онъ уходилъ домой и угощалъ чаемъ сановниковъ и людей именитыхъ.

Близъ города находилась тѣнистая роща, любимое лѣтнее гулянье горожанъ; но послѣ Потемкина она была запущена, и строеніе, въ ней находившееся, нѣчто вродѣ воксала, полуразвалилось. Суворовъ велѣлъ исправить воксалъ, расчистить дорожки, усыпать ихъ пескомъ. Сюда, въ Троицынъ день и въ Семикъ, онъ пріѣзжалъ обѣдать съ компаніей офицеровъ; при этомъ играли полковые музыканты, пѣли пѣсельники, а послѣ обѣда онъ забавлялся въ хороводахъ, но водилъ ихъ не съ дѣвицами, а съ офицерами же. Въ рощу посылались музыканты и пѣсельники по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ; послушать ихъ и погулять собиралась разнокалиберная публика изъ города. Вечеромъ въ эти дни бывали въ воксалѣ танцы; пріѣзжалъ туда и Суворовъ, котораго гулявшіе встрѣчали громкими криками *ура*. Оставался онъ тутъ недолго, но не разыгрывалъ изъ себя важнаго хозяина, недоступную особу, а былъ привѣтливъ и безъискуственъ. Когда наступала зима и подходили святки, — у Суворова опять затѣвались вечеринки съ танцами, съ фантами и другими святочными играми, въ которыхъ онъ принималъ живое участіе, отдавая особенное предпочтеніе игрѣ,

называемой «живъ — живъ курилка». Въ городѣ его вообще очень любили и встрѣчали привѣтливо.

Здѣсь кстати привести нѣкоторыя особенности вседневной жизни Суворова, записанныя со словъ одного изъ его служителей. Вставалъ Суворовъ очень рано; камердинеру Прохору приказано было тащить его за ногу, коли полѣнится вставать. Послѣ того онъ бѣгалъ по комнатамъ неодѣтый, или по саду въ одномъ нижнемъ платьѣ и сапогахъ, заучивая по тетради финскія, турецкія и татарскія слова и фразы; затѣмъ умывался, обливался водой и пилъ чай, продолжая твердить урокъ. За чаемъ слѣдовало духовное пѣніе по нотамъ; потомъ Суворовъ отправлялся на разводъ и, возвратившись домой, принимался за дѣла и за чтеніе газетъ; обѣдалъ рано, выпивая рюмку тминной водки и закусывая рѣдькой. Въ великій постъ, въ его комнатахъ почти ежедневно отправлялась церковная служба; при этомъ Суворовъ служилъ дьячкомъ. Въ церкви, на Свѣтлый праздникъ, христосовался со всѣми и раздавалъ красныя яйца, но самъ отъ другихъ не бралъ. Спалъ на сѣнѣ съ двумя пуховыми подушками подъ головой, прикрываясь простыней, а когда холодно, то синимъ плащомъ; не носилъ ни фуфаекъ, ни перчатокъ; въ комнатахъ своихъ любилъ жаръ почти банный; въ баню ходилъ не часто; парился въ страшномъ жару и окачивался холодной водой. При туалетѣ употреблялъ помаду и духи, преимущественно оделаванъ. Имѣлъ трехъ человѣкъ прислуги и фельдшера, но зачастую обходился и меньшимъ штатомъ. Любилъ животныхъ и ласкалъ ихъ, но дома не держалъ; иногда, при встрѣчѣ съ собакой, на нее лаялъ, а съ кошкой—мяукалъ.

Хотя такимъ образомъ тонъ жизни Суворова на югѣ былъ вовсе не грустный и не скучный, но тѣмъ не менѣе недовольство существовало, таясь какъ искра подъ пепломъ и при первомъ поводѣ высказывалось то тихо, то бурно, смотря по обстоятельствамъ и по настроенію минуты. Выражалось это недовольство чаще всего въ личныхъ отношеніяхъ Суворова къ людямъ, при немъ состоявшимъ и въ злыхъ сарказмахъ, испещрявшихъ переписку его съ Хвостовымъ, а иногда и въ стихахъ, русскихъ и французскихъ, вѣрнѣе въ виршахъ, такъ какъ онъ не имѣлъ никакого поэтическаго дарованія. Приведемъ для образца фран-

цузское четверостишіе, которое онъ написалъ, какъ самъ сознался, въ грустномъ настроеніи, припоминая несправедливости судьбы къ людямъ, заслуживавшимъ лучшей доли.

Voyez l'aveugle Bélizaire
Un Fréderic dans sa misère,
Le grand Columbus d'outre mers
Emprisonné et dans les fers.

Очень тяжелъ бывалъ Суворовъ въ его вседневной жизни и въ ежечасныхъ отношеніяхъ къ людямъ приближеннымъ. Тутъ онъ являлся нерѣдко требовательнымъ, капризнымъ, несноснымъ, когда не въ силахъ былъ себя сдерживать. Борьба съ самимъ собою и обузданіе своего темперамента составляли постоянную внутреннюю его работу, и эти усилія значительно умѣряли вспышки его гнѣва, почти бѣшенства; но съ годами борьба становилась все труднѣе, тѣмъ паче, что съ расширеніемъ личнаго значенія и власти, ослаблялась и потребность — быть постоянно на сторожѣ противъ самого себя. Въ описываемое время, подъ вліяніемъ измаильскаго разочарованія и разныхъ обстоятельствъ, неровности его характера стали выражаться чаще и рѣзче. Курисъ пишетъ Хвостову: «старикъ нашъ не перестаетъ свирѣпствовать; мочи нѣтъ. Среди страшнаго числа дѣлъ непрестанно фигуря, вчера со мною хоть и разстаться, сегодня повинился. Я просился прочь, но обращеніе то остановило меня; было довольно изъясненій, какое и вамъ огорченіе показалъ онъ... Дай Богъ силъ, чтобы снести все». Стало быть, Суворовъ чувствовалъ себя не правымъ и винился; черта хорошая, но много утрачиваетъ своего практическаго достоинства, если вслѣдъ за извиненіемъ, опять являлись взрывы гнѣва. Суворовъ очень хорошо сознавалъ въ себѣ этотъ недостатокъ, а потому старался умалить его значеніе соотвѣтственными объясненіями. «Я иногда растеніе Не тронь—меня», говоритъ онъ въ позднѣйшее время: «иногда электрическая машина, которая при малѣйшемъ прикосновеніи засыпаетъ искрами, но не убьетъ». Но дѣло въ томъ, что она сыпала искрами и безъ прикосновенія къ ней, и хотя дѣйствительно не убивала, но наносила раны, особенно самолюбію. Вообще свойства Суворовской натуры были таковы, что при-

ладиться къ ней было дѣломъ мудренымъ, а потрафить на него всегда и во всемъ, невозможнымъ. Иногда нельзя было разобрать сразу — доволенъ онъ или нѣтъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Хвостову, Курисъ говоритъ: «со стороны графа будьте спокойны; ей-ей онъ не сердится, но расположенъ; *суетельность* его характера всему виною».

Къ числу дурныхъ свойствъ характера Суворова принадлежала также нетерпимость, проявлявшаяся съ особенною осязательностью, когда затрогивалась его военная репутація, его слава и заслуги. Одинъ изъ участниковъ второй Турецкой войны, секундъ-майоръ Раанъ, написалъ и издалъ небольшую книжку, «Перечень военныхъ дѣйствій», отчасти какъ очевидецъ, но большею частью со словъ другихъ, причемъ надѣлалъ много грубыхъ ошибокъ. Суворовъ прочелъ книжку, усмотрѣлъ въ ней посягательство на свою военную славу и написалъ въ апрѣлѣ 1794 года прошеніе въ академію наукъ. Въ прошеніи онъ говоритъ, что Раанъ «сдѣлалъ постыдное изъясненіе о дѣлахъ при Кинбурнѣ, Фокшанахъ и Рымникѣ»; что такимъ образомъ «онъ даетъ другой толкъ и цѣну знаменитымъ происшествіямъ, къ славѣ обоихъ дворовъ побѣдоноснаго оружія»; что терпѣть такой лжи невозможно, а потому «академіи наукъ представляя сочиненіе сіе, которая благоусмотритъ изъ реляціевъ, колико оное описаніе противорѣчущее, слѣдственно и не имѣющее вниманія свѣту — уничтожить». Прошеніе это Суворовъ переслалъ къ Хвостову, прося подать его по принадлежности, но такъ какъ оно сохранилось въ его бумагахъ, то надо думать, что Хвостовъ просто не исполнилъ приказанія Суворова, признавъ его слишкомъ притязательнымъ, а потому неумѣстнымъ.

Какъ Суворовъ былъ ревнивъ къ умаленію его славы, такъ признателенъ за ея оглашеніе и возвеличеніе. Почти одновременно съ указаннымъ письмомъ о Раанѣ, онъ пишетъ Хвостову: «рѣчь кронштадскаго проректора, моего однофамильца, должна быть вамъ извѣстна; онъ въ ней до меня ласковъ, чего ради я присудилъ ему на домашніе расходы по моей возможности 300 рублей, которые, какъ лежачихъ изъ моихъ доходовъ у васъ уповаю нѣтъ, извольте занять и къ нему при дружескомъ письмѣ отправить.

Вообще Суворовъ велъ довольно большую переписку, пре-

имущественно съ Хвостовымъ, и больше всего отъ него же получалъ писемъ. Хвостовъ сообщаетъ ему всѣ происшествія, вѣсти и сплетни, также свои предположенія и «постиженія», въ которыхъ критикой не отличается. Ведетъ Суворовъ переписку и съ другими лицами—съ Турчаниновымъ, Пл. Зубовымъ, принцемъ Кобургскимъ, Карачаемъ, управителями имѣній и др. Съ Зубовымъ у него, повидимому, наилучшія отношенія. Находимъ также одно письмо къ Зотову, первому камердинеру Императицы, который подобно ея любимой камеръ-юнгферѣ, М. С. Перекусихиной, представлялъ собою силу, не видную, но дѣйствительную. До нихъ снисходили первые вельможи, въ нихъ заискивали люди сильные—Безбородко, Потемкинъ, Зубовъ и мн. др. Не доходя съ Перекусихиной и Зотовымъ до близости и панибратства, Суворовъ поддерживалъ однако добрыя съ ними отношенія, впрочемъ главнымъ образомъ по внушеніямъ своихъ родственниковъ, искавшихъ всюду протекціи для себя и для своихъ.

Не забывалъ Суворовъ и другихъ людей, сдѣлавшихся ему почему-либо близкими, между ними барона Карачая, котораго онъ такъ отличилъ въ послѣднюю Турецкую войну и который чувствовалъ къ нему съ той поры горячую привязанность. У Карачая родился въ эту войну сынъ, названный въ честь Суворова Александромъ; заочнымъ крестнымъ отцомъ былъ Суворовъ же. Проживая послѣ войны въ Львовѣ, Карачай обратился къ Суворову съ просьбою о зачисленіи его крестника въ одинъ изъ полковъ подъ его начальство и о пожалованіи ему патента. Суворовъ отнесся тотчасъ же къ графу Зубову; просьба его была уважена, и Александру Карачаю пожалованъ патентъ на чинъ поручика. Суворовъ былъ чрезвычайно доволенъ успѣхомъ своего ходатайства, благодарилъ Зубова, отправилъ патентъ къ Карачаю и приложилъ при этомъ наставленіе своему крестнику, какъ будущему военному человѣку. Вообще Суворовъ любилъ давать военныя наставленія и даже рисовался въ роли наставника. Такъ случилось и теперь. По случаю мира съ Турціей и Польшей (послѣ второго раздѣла), въ Петербургѣ происходило торжество, на которомъ Государыня вспомнила и о Суворовѣ. Пожаловавъ ему похвальную грамоту, гдѣ перечислялись его подвиги и послѣднихъ лѣтъ строительныя работы, Екатерина велѣла написать ему

объ этомъ рескриптъ, прибавить эполетъ и перстень, украшенные брильянтами, цѣнностью около 60,000 рублей, и орденъ Георгія 3 класса, для возложенія по его усмотрѣнію на храбрѣйшаго и достойнѣйшаго изъ его подчиненныхъ въ минувшую войну. Суворовъ присудилъ пожалованный Георгій состоявшему при немъ подполковнику Курису. Справедливъ ли былъ выборъ, сказать теперь нельзя категорически; но несомнѣнно, что Курисъ оказалъ заслуги въ кампанію 1789 года. Полковникъ Золотухинъ, командиръ Фанагорійскаго полка, стоялъ несравненно выше, но онъ въ 1792 году былъ убитъ во вторую Польскую войну. Возложеніе ордена происходило по Суворовскому обыкновенію торжественно: Курисъ стоялъ на колѣняхъ, Суворовъ надѣлъ на него жалуемый крестъ и сказалъ наставленіе. Смыслъ наставленія тотъ, что награда, быть можетъ, слишкомъ тяжела по своему значенію, но это обязываетъ награждаемаго заботиться о пріобрѣтеніи достоинствъ генеральскихъ: честности, заключающейся въ держаніи слова, въ прямотѣ и въ отсутствіи мстительности; затѣмъ трудолюбія, бдѣнія, постиженія, мужества и, выше всего, глазомѣра. Въ заключеніе приведено было послѣднее условіе, необходимое генералу: непрерывное самообразованіе съ помощью чтенія.

Тѣмъ временемъ въ Польшѣ, урѣзанной послѣ второго раздѣла, начались волненія. Въ Краковѣ вспыхнуло возстаніе и охватило мало по малу всю страну; въ Варшавѣ произошла рѣзня Русскихъ; возбужденіе умовъ стало проникать въ отторгнутые отъ Польши области. На новопріобрѣтенной Россіею территоріи находилось около 15,000 бывшихъ польскихъ войскъ, поступившихъ годъ назадъ на русскую службу. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ полковъ обнаружилось прямое возстаніе, съ уходомъ за границу, въ польскіе предѣлы; въ другихъ явственная наклонность къ мятежу; въ третьихъ происходило скрытое броженіе. Были даже случаи боя съ русскими войсковыми частями. Поднялся переполохъ въ правительственныхъ мѣстахъ; потребовалась немедленная отправка въ Польшу добавочныхъ войскъ; понадобилось учредить общую связь въ охраненіи границъ польской и турецкой, а потому общее начальство надъ двумя этими районами (Суворова и Салтыкова) поручено Румянцеву. Сущность же пред-

писанныхъ мѣръ заключалась въ слѣдующемъ. Русскихъ подданныхъ, служащихъ въ бывшихъ польскихъ полкахъ, или уволить отъ службы, или перевести въ другія внутреннія войска; такимъ же образомъ поступить съ несостоящими въ русскомъ подданствѣ, но оставшимися вѣрными. Такъ какъ изъ войскъ графа Салтыкова отдѣляется значительная часть для дѣйствій въ Польшѣ, подъ начальствомъ князя Репнина, то Суворову занять все пространство отъ Егорлыка до Могилева и расположить войска такъ, чтобы пресѣчь бывшимъ польскимъ полкамъ всякую возможность къ сборамъ, къ побѣгамъ или къ чему-либо худшему, а затѣмъ приступить къ ихъ роспуску. Графъ Салтыковъ будетъ дѣлать тоже самое въ своемъ районѣ; Суворову дѣйствовать съ нимъ въ полномъ согласіи и единодушіи, заранѣе въ чемъ слѣдуетъ условившись.

Суворовъ приступилъ безотлагательно къ обезоруженію польско-русскихъ войскъ. Разославъ по заранѣе составленному плану нѣсколько отрядовъ и самъ выступивъ съ однимъ изъ нихъ (всего на это употреблено 13.000 человѣкъ), Суворовъ со всѣхъ сторонъ опуталъ бывшія польскія войска какъ бы паутиной. Пути бѣгства за границу были отрѣзаны, взаимная связь частей пресѣчена, пункты для временного содержанія обезоруженныхъ учреждены, пути для препровожденія ихъ назначены. Русскіе отряды обыкновенно прибывали въ назначенный пунктъ внезапно, захватывали и обезоруживали прежде всего главный караулъ, затѣмъ распространялись по окрестнымъ селеніямъ и дѣлали то же самое; подобнымъ же образомъ поступали они и со всѣми людьми, прибывающими въ полковую штабъ-квартиру. Приказано было вести дѣло съ осторожностью и мягкостью до тѣхъ поръ, пока не будетъ оказано явнаго сопротивленія; такъ и исполнялось, и сопротивленія нигдѣ не встрѣтилось. Вся операція была не только хорошо обдумана, но и съ замѣчательною точностью исполнена. Все обошлось безъ крупныхъ недоразумѣній и ошибокъ; дѣло началось 26 мая выступленіемъ Суворова изъ Балты, а окончилось 12 іюня въ Бѣлой Церкви: 8000 человѣкъ обезоружены на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ мирно, не прибѣгая къ употребленію оружія, безъ пролитія крови. Екатерина благодарила Румянцева и Суворова. У Салты-

кова вся операція исполнена также успѣшно, но не такъ гладко и не такъ скоро; Румянцевъ былъ имъ недоволенъ.

Какъ только въ маѣ 1794 года Румянцевъ принялъ общее начальство надъ двумя районами, Суворовъ привѣтствовалъ его письмомъ, а потомъ, по окончаніи операціи обезоруженія, поѣхалъ къ нему явиться въ его имѣніе, невдалекѣ отъ Кіева, былъ принятъ привѣтливо и приглашенъ къ обѣду. Затѣмъ онъ вернулся во свояси, въ виду ожидаемыхъ со стороны Турціи непріязненныхъ дѣйствій, сосредоточилъ въ Немировѣ значительную часть войскъ и переселился туда самъ. Ожидаемая война съ Турціей и уже открывшаяся съ Польшей питали въ немъ внутреннюю тревогу, и въ головѣ его постоянно вертѣлся вопросъ, что лучше—въ Польшу или въ Турцію? Только послѣ долгихъ раздумываній, взвѣшиваній и соображеній, онъ пришелъ къ окончательному убѣжденію: «не сули журавля въ полѣ, дай синицу въ руки», причемъ «журавлемъ» была турецкая война, а «синицей» польская.

Желаніе получить «синицу въ руки», по мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій обострялось; Суворовъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ, прикидывалъ свой взглядъ, свою мѣрку, и планъ *его собственныхъ* дѣйствій сложился у него совсѣмъ готовый. Онъ пишетъ Хвостову: «въ непрестанной мечтѣ, паки я не въ Польшѣ; *тамъ бы я въ сорокъ дней кончилъ*»; къ Румянцеву онъ пишетъ почти тоже, жалуясь на «томную праздность». Отвѣтъ Румянцева былъ очень любезный, но уклончивый. Суворовъ написалъ ему снова: «ваше сіятельство въ писаніи вашемъ осыпать изволите меня милостями, но я все на мели». Сидя безъ дѣла и выжидая неизвѣстно чего и неизвѣстно когда, Суворовъ былъ обезкураженъ и разочарованъ до такой степени, что по его собственному признанію жизнь ему была въ тягость. Но придумать какой-нибудь новый выходъ изъ своего мучительнаго положенія онъ не могъ и кончилъ тѣмъ, что возложилъ всю надежду на Румянцева. Это было самымъ лучшимъ рѣшеніемъ. Не будучи первокласнымъ полководцемъ, звѣздой первой величины, Румянцевъ былъ все таки истиннымъ военнымъ человѣкомъ, отличался широкимъ взглядомъ на военное дѣло и чуялъ въ Суворовѣ то, что было скрыто отъ

другихъ. Оттого и Суворовъ, понимая въ Румянцевѣ своего лучшаго цѣнителя, чувствовалъ къ нему особенное уваженіе, не внѣшнее только, какъ къ Потемкину, представлявшему собою силу, а внутреннее, чуждое всякихъ расчетовъ. Оттого же и въ личныхъ сношеніяхъ съ Румянцевымъ, и въ письмахъ къ нему Суворовъ не дозволялъ себѣ никакихъ причудъ и выходокъ. И надежда на Румянцева его не обманула.

Не сразу выяснились военныя обстоятельства, не вдругъ можно было рѣшиться на самостоятельный шагъ, не входившій въ планъ дѣйствій, утвержденный въ Петербургѣ. Но когда сдѣлалось ясно, что дѣло затягивается, что Поляки обнаруживаютъ замѣчательную энергію, далеко не лишены искуства, и становилось весьма вѣроятнымъ, что войну придется продолжать и въ будущемъ году,—то Румянцевъ рѣшился, безъ сношенія съ кабинетомъ, на свой страхъ отправить на театръ войны Суворова. Правда, Суворовъ былъ далеко, въ Украйнѣ, и ему предстоялъ длинный походъ, чуть не втрое длиннѣе, чѣмъ Репнину изъ Литвы; но Румянцевъ понималъ, что военныя дарованія Суворова восполнятъ этотъ недостатокъ съ лихвою. Августа 7 онъ подписалъ на имя Суворова предписаніе и послалъ къ нему съ курьеромъ. Въ бумагѣ говорилось, что въ Турціи спокойно и ничего худого не предвидится; Поляки же становятся все болѣе опасными, а потому признается нужнымъ «сдѣлать сильный отворотъ сему дерзкому непріятелю отъ стороны Бреста, подлясскаго и троцкаго воеводствъ», дабы облегчить достиженіе военныхъ цѣлей въ другихъ частяхъ театра войны. Для этого назначается Суворовъ; ему дается два отряда (на пути отъ Немирова къ Бресту), которые желательно усилить изъ его, Суворовскихъ, войскъ, но отдаленность этого края и требуемый спѣхъ дѣлаютъ такое желаніе почти неисполнимымъ, такъ что прибавить войска придется изъ другихъ мѣстъ. Приказъ свой Румянцевъ дополняетъ признаніемъ, что Суворовъ «всегда былъ ужасомъ Поляковъ и Турокъ», что «имя его подѣйствуетъ лучше многихъ тысячъ», и говоритъ въ заключеніе, что съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ отвѣта, особенно насчетъ усиленія новыми войсками двухъ экспедиціонныхъ отрядовъ.

Несмотря на то, что ему выпадала на долю только демон-

страція, Суворовъ схватился за возложенное на него порученіе какъ за якорь спасенія, конечно въ надеждѣ придать своимъ операціямъ другое значеніе, и уже 11 августа выступилъ изъ Немирова въ походъ. Онъ взялъ съ собою одинъ гренадерскій и одинъ карабинерный полки, два егерскіе батальона и 250 казаковъ, при 10 орудіяхъ, и о своемъ распоряженіи послалъ Румянцеву донесеніе уже съ дороги.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Третья Польская война: Крупчицы, Брестъ.

1794.

Польская революція 1794 года, вызванная предшествовавшими событіями, особенно раздѣлами Польши, подготовлялась съ гродненскаго сейма. Поляки хорошо хранили тайну и только въ послѣднее время, предъ взрывомъ, стали возбуждать нѣкоторыя подозрѣнія; однако систему эту до конца не выдержали, приступивъ къ дѣлу слишкомъ рано, недостаточно подготовившись. Виною тому былъ одинъ случай. На основаніи постановленій гродненскаго сейма, часть польскихъ войскъ подлежала роспуску. Когда генералъ Игельстромъ, командовавшій русскими войсками въ Польшѣ, потребовалъ исполненія, то большая часть польскихъ генераловъ повиновалась, но начальникъ одной конной бригады, Мадалинскій, ослушался, выступилъ изъ Пултуска, усилился по дорогѣ нѣсколькими мелкими отрядами, напалъ внезапно на русскій пѣхотный полкъ, потомъ на прусскій эскадронъ, разбилъ ихъ и, собирая дорогой контрибуцію, подошелъ къ Кракову. Туда поспѣшилъ изъ-за границы Косцюшко, заранѣе избранный вождемъ возстанія.

Косцюшко былъ великій патріотъ и способный военачальникъ, но не обладалъ ни политическими дарованіями, ни политической опытностью. Онъ взялся за дѣло возстанія безъ боль-

шой надежды на успѣхъ, по чувству долга, ибо находясь еще за границей, получалъ постоянно неутѣшительныя вѣсти о готовившихся событіяхъ, особенно отъ генерала Зайончека. Во всякомъ случаѣ предполагалось начать революцію въ одинъ и тотъ же день, но торопливость Мадалинскаго разрушила этотъ планъ и сдѣлала прибытіе Косцюшки въ Краковъ преждевременнымъ, а обнародованіе инсурекціоннаго акта вынужденнымъ. Своимъ универсаломъ Косцюшко обѣщалъ народу защиту и покровительство закона, крестьянамъ далъ личную свободу до окончанія возстанія, уменьшилъ панщину, а участвующихъ въ возстаніи вовсе отъ нея освободилъ. Но онъ больше обѣщалъ, чѣмъ давалъ и все таки превысилъ полномочія, предоставленныя ему актомъ возстанія, такъ что въ Варшавѣ манифестъ его былъ опубликованъ едва черезъ три недѣли, да и въ другихъ мѣстахъ власти не особенно торопились съ этимъ дѣломъ.

Тѣмъ не менѣе вслѣдъ за Краковомъ вспыхнули возстанія въ разныхъ мѣстахъ Польши. Русскихъ войскъ находилось въ ней до 26.000; командовалъ ими Игельстромъ, генералъ храбрый, но малообразованный, непроницательный, очень горячій и грубый, вообще находившійся тутъ не на мѣстѣ. Онъ сосредоточилъ въ Варшавѣ до 8000 русскихъ войскъ; русскіе генералы Денисовъ и Тормасовъ погнались за Мадалинскимъ; Пруссаки вступили въ польскіе предѣлы; наблюдательные отряды ихъ продвинулись далеко впередъ. Косцюшко бросился на Тормасова и Денисова, разбилъ ихъ подъ Рославицами и взялъ нѣсколько знаменъ и пушекъ. Бой былъ кровопролитный, плѣнныхъ очень мало, потому что Поляки не давали пощады; такъ по крайней мѣрѣ доносилъ Косцюшко. Вѣсть о побѣдѣ сильно возбудила энергію инсургентовъ, которая и безъ того находилась на высокомъ градусѣ, и тотчасъ послѣ краковскаго возстанія, стали ходить по Варшавѣ слухи о вѣроломныхъ замыслахъ Русскихъ. Говорили, будто Игельстромъ получилъ изъ Петербурга приказаніе—обезоружить польскія войска, многихъ обывателей отправить въ ссылку, другихъ нещадно перебить; опредѣлили даже для всего этого день, страстную субботу; указывали, что прежде всего Русскіе постараются захватить арсеналъ, дабы забрать артиллерію и амуницію. Коноводы революціи старались поддер-

живать и раздувать подобные злостные слухи и достигли своей цѣли: въ четвергъ на страстной недѣлѣ поднялась Варшава. Русскій гарнизонъ, внезапно атакованный, не подготовленный къ отпору и вообще дурно предводимый, потерялъ свыше 4000 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными да сверхъ того 40 орудій и, съ трудомъ пробившись за городъ, отступилъ къ Ловичу. Вслѣдъ затѣмъ вспыхнуло возстаніе въ Вильнѣ, и хотя результаты его были не столь для Русскихъ бѣдственны, но одинаково плачевны, благодаря безпечности, оплошности и неспособности высшаго начальствованія. Небольшой русскій гарнизонъ, подъ начальствомъ генерала Арсеньева, былъ частью перебитъ, частью забранъ въ плѣнъ сонным, частью пробился въ Гродно и присоединился къ отряду генерала князя Циціанова. Послѣднему грозила та же опасность, но онъ предотвратилъ ее, выступивъ за городъ и пригрозивъ бомбардированіемъ, при первой попыткѣ жителей къ возстанію.

Косцюшко, наименованный генералисимусомъ, провозгласилъ всеобщее вооруженіе; произведены разные поборы, удвоены налоги, армія организовалась и, раздѣленная на корпуса, сосредоточилась въ важнѣйшихъ пунктахъ. Однако посполитаго рушенія Косцюшко не добился, ибо на каждомъ шагу энергія его разбивалась о недоброжелательство шляхты и необоримую неподвижность крестьянъ. Даже въ источникѣ возстанія, въ Краковѣ, было сдѣлано въ этомъ отношеніи вдесятеро меньше, чѣмъ требовалось. Собирались въ разныхъ мѣстахъ и русскіе отряды, а другіе готовились вступить въ Литву съ сѣвера и востока; главное начальство надъ всѣми этими силами было поручено князю Репнину. Онъ находился въ Ригѣ, за 1000 верстъ отъ главнаго театра и, въ довершеніе этой невыгоды, имъ самимъ пытались командовать изъ Петербурга. Австрійцы собирали свои силы на галиційской границѣ; Пруссаки двигались подъ личнымъ начальствомъ короля, который, соединившись съ Денисовымъ, разбилъ Косцюшку при Щекоцинѣ. Кромѣ того сдался Краковъ, и генералъ Дерфельденъ, перейдя Бугъ, разгромилъ Зайончека, занялъ Люблинъ и проникъ до Пулавъ. Косцюшко началъ движеніе къ Варшавѣ и, благодаря медлительности союзниковъ, совершилъ его благополучно.

Наступило лѣто. Австрійцы заняли въ Польшѣ сандомирское, краковское и люблинское воеводства. Слѣдуя за Косцюшкой, Прусскій король дошелъ въ концѣ іюня до Торчина и здѣсь расположился. Предпринята была осада Варшавы, но ведена на столько вяло и несвязно, на сколько искусна и энергична была Косцюшкина оборона. Недостатокъ продовольствія и снарядовъ, развившіяся болѣзни и дезертированіе значительно ослабили прусскую армію и принудили ее перейти отъ осады къ простой блокадѣ. Прусскій король прибѣгнулъ-было къ средствамъ необычнымъ. Во первыхъ предложено было Косцюшкѣ перейти въ прусскую службу съ сохраненіемъ чиновъ и съ полученіемъ разныхъ наградъ; предложеніе конечно успѣха не имѣло. Во вторыхъ попробовали прибѣгнуть къ угрозамъ, къ застращиванію Варшавы, но и это не подѣйствовало. Польскій король вѣжливымъ письмомъ указалъ заносчивому противнику, что между прусскимъ лагеремъ и Варшавой находится польская армія Косцюшки, съ которой надо считаться. Все опять пошло по прежнему.

Въ эту пору двинулся на театръ войны Суворовъ. Выступая въ походъ, онъ взялъ съ собою не 8,000 человѣкъ, какъ показываютъ его исторіографы, а 4,500, потому что въ виду польской революціи и недавняго разоруженія польско-русскихъ войскъ, присутствіе достаточныхъ военныхъ силъ въ пограничномъ районѣ было необходимо. Для увеличенія же своего корпуса, онъ распорядился заблаговременною отправкою нѣсколькихъ мелкихъ отрядовъ къ Варковичамъ, мѣстечку, лежавшему на пути его слѣдованія, а еще дальше должны были къ нему присоединиться отряды генераловъ Буксгевдена и Маркова, назначенные Румянцевымъ какъ ядро экспедиціоннаго корпуса.

Разсылая приказанія о выступленіи въ военный походъ частей войскъ, не состоявшихъ до того времени подъ его начальствомъ, Суворовъ приложилъ и свою «Науку побѣждать», или военный катехизисъ, о которомъ будетъ подробнѣе говориться впослѣдствіи; это наставленіе заучивалось всѣми наизусть такъ твердо, какъ Отче нашъ. Обозъ былъ взятъ лишь самый необходимый; изъ зимняго платья удержаны только плащи; всѣ были одѣты въ лѣтніе кителя, начиная съ самого Суворова. Онъ по-

стоянно былъ верхомъ, вплоть до Варшавы; при немъ состояли Прохоръ, поваръ и казакъ; весь его багажъ помѣщался въ одной кибиткѣ.

Войска двигались быстро; присоединеніе отрядовъ на пути произошло совершенно вѣрно, какъ было расчитано; сила всего корпуса дошла до 12 — 13,000 человѣкъ. Государыня благодарила Румянцева за его распоряженія и за назначеніе въ экспедицію именно Суворова, а Румянцевъ писалъ ему: «вижу въ семъ походѣ наисильнѣйшее дѣйствіе вашихъ несравненныхъ военныхъ качествъ». Но самъ Суворовъ былъ недоволенъ. Во первыхъ, по слухамъ Поляки стягивались къ Бресту, и потому требовался крайній спѣхъ, а между тѣмъ за ненастьемъ обозъ отставалъ, повозки ломались, приходилось дорогой останавливаться для печенія хлѣба. Во вторыхъ, демонстративная роль Суворова и неопредѣленность конечной цѣли его дѣйствій подтвердились высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшемъ еще до полученія въ Петербургѣ донесенія о задачѣ, возложенной на Суворова Румянцевымъ.

Неудовольствіе Суворова поддерживалось еще раздраженіемъ, возникавшимъ отъ множества препятствій и дурныхъ слуховъ. Если имъ давать вѣру, то взаимное положеніе воюющихъ сторонъ измѣнялось кореннымъ образомъ къ выгодѣ Поляковъ. Это обязывало Суворова къ особенной осмотрительности, но не только не ослабило его энергіи, а скорѣе ее усилило. Пользуясь своимъ независимымъ отъ Репнина положеніемъ и дальностью Румянцева, онъ 31 августа тронулся въ дальнѣйшій путь, предшествуемый казачьимъ авангардомъ бригадира Исаева, силою въ 800 коней. Походъ этотъ былъ тѣмъ своевременнѣе и умѣстнѣе, что у Репнина весь августъ и затѣмъ начало сентября прошли въ напрасныхъ и безплодныхъ маршахъ, а время было между тѣмъ дорого.

До сихъ поръ движеніе Русскихъ производилось при соблюденіи одного главнаго условія—быстроты; скрытность не требовалась, такъ какъ непріятель былъ еще далеко. Суворовъ часто объѣзжалъ войска, иногда подъѣзжалъ къ тому или другому полку, ѣхалъ шагомъ, бесѣдуя съ солдатами и офицерами, узнавалъ старыхъ сослуживцевъ, вспоминалъ съ ними про минув-

шіе походы и дѣла, давалъ знакомымъ солдатамъ одобрительныя прозванія—Огонь, Орелъ, Соколъ. Бывало и такъ, что бесѣдуя на походѣ съ войсками, онъ проѣзжалъ мимо какого-нибудь батальона или полка не останавливаясь; это значило, что онъ полкомъ за что нибудь недоволенъ. А теперь, когда непріятель былъ близко и кромѣ быстроты требовалась скрытность движенія, походъ производился въ полной тишинѣ; не было слышно ни пѣсенъ солдатскихъ, ни криковъ, ни музыки. Бывало такъ, что подымались съ ночлега или съ роздыха по заранѣе отданному приказанію—*когда пѣтухъ запоетъ*. Въ такомъ случаѣ Суворовъ, не обозначая времени подъема заранѣе, выжидалъ, когда люди достаточно отдохнутъ, и тогда, хлопнувъ нѣсколько разъ въ ладоши, громко пѣлъ пѣтухомъ. Причуду эту можно между прочимъ объяснить желаніемъ — замаскировать расчетъ времени для предстоявшихъ дѣйствій нетолько отъ населенія, но и отъ своихъ войскъ, въ предосторожность отъ шпіоновъ, такъ какъ въ рядахъ находилось нѣкоторое число офицеровъ и солдатъ бывшихъ польскихъ войскъ. Трудность походнаго движенія наверстывалась, когда можно, его продолжительностью; приходилось войскамъ двигаться часовъ по пяти сплошь, безъ привала и остановокъ. Артельныя повозки съ кашеварными котлами выѣзжали обыкновенно впередъ, чтобы заручиться временемъ для приготовленія пищи при слѣдующемъ роздыхѣ. На дорогѣ всюду было тихо и спокойно; евреи поставляли исправно порціонный скотъ и другіе предметы продовольствія; маркитанты ни въ чемъ не нуждались. Приходилось лишь забирать заготовленное на лугахъ сѣно, а иногда и овесъ въ снопахъ.

На пути, въ м. Дивинѣ, передовая партія казаковъ, благодаря скрытности движенія, внезапно накрыла передовой польскій отрядъ, человѣкъ въ 150 или 200 и уничтожила его, забравъ въ плѣнъ человѣкъ 25; спаслись немногіе. Верстъ 35 дальше, въ Кобринѣ, если вѣрить развѣдкамъ, стоялъ авангардъ польскаго корпуса Сѣраковскаго. Отрядъ Исаева, въ которомъ находился и самъ Суворовъ, подошелъ скрытно, казаки сорвали аванпосты, помчались дальше и, не давая Полякамъ опомниться, однимъ ударомъ порѣшили все дѣло. Поляки знали уже о движеніи Русскихъ, но никакъ не предполагали встрѣчу съ ними

такой близкой. Оттого кобринскій отрядъ былъ захваченъ въ расплохъ; люди спали и съ просонья засуетились, не успѣвали отвязывать лошадей отъ коновязей, а обрубали поводья или убѣгали пѣшіе, такъ что казакамъ досталось до 300 лошадей. Весь польскій отрядъ, состоявшій изъ 400 человѣкъ, былъ частью истребленъ, частью взятъ въ плѣнъ. Но такъ какъ русскіе обозы за бездорожьемъ запоздали, то Суворовъ остановился тутъ по необходимости и могъ тронуться въ дальнѣйшій путь лишь сутками позже, 6 сентября, въ 7 часовъ утра. Казаки завязали перестрѣлку съ польскими разъѣздами и взяли нѣсколько плѣнныхъ; отъ нихъ Суворовъ узналъ, что Сѣраковскій ждетъ его на крѣпкой позиціи, невдалекѣ, подъ Крупчицами.

Русскіе перешли рѣку Мухавецъ — пѣхота и артиллерія по мосту, конница въ бродъ; въ 8 часовъ утра они были уже въ 3 верстахъ отъ непріятеля и перестроились изъ колоннъ въ боевыя линіи. Поляки открыли артиллерійскій огонь изъ орудій большого калибра; русская артиллерія стала отвѣчать имъ часомъ позже. Польскія войска были расположены за ручьемъ, по окраинѣ топи шаговъ въ 200 шириною, окаймлявшій все теченіе ручья; въ тылу ихъ находился крупчицкій монастырь, вправо и влѣво подымались небольшія лѣсистыя высоты, передъ фронтомъ было поставлено пять батарей. Позиція была крѣпкая, атака съ фронта, произведенная однимъ коннымъ полкомъ, не удалась, и онъ едва выбрался изъ топи. Приказано пѣхотѣ вести атаку поближе къ лѣвому непріятельскому флангу; чрезъ 1/4 часа части конницы взять влѣво и стараться перейти топь около тѣхъ мѣстъ, гдѣ это ей не удалось первый разъ; черезъ другіе 1/4 часа другой части кавалеріи, большей, произвести обходное движеніе вправо, верстахъ въ 2—3. Пѣхота, подъ начальствомъ Буксгевдена, бросилась впередъ съ сильнымъ порывомъ; Поляки участили артиллерійскій огонь. Болото оказалось глубокимъ и трудно-переходимымъ; солдаты разобрали попутные сараи, избы и проч. и запаслись бревнами, досками и инымъ подходящимъ матеріаломъ. Съ помощью этихъ вспомогательныхъ средствъ, поддерживая одинъ другого и помогая другъ другу, они подъ картечнымъ огнемъ Поляковъ перебрались черезъ болото. Болѣе всего затрудняли людей и замедляли движеніе четыре полковыя пушки,

которыя пришлось нести на рукахъ; вся прочая артиллерія осталась назади.

Перейдя болото, пѣхота выстроилась подъ тупымъ угломъ къ польской позиціи и ускореннымъ шагомъ двинулась впередъ. Поляки тоже перемѣнили позицію подъ угломъ къ прежней и встрѣтили Русскихъ готовымъ фронтомъ. Ударъ въ штыки былъ жестокій; Поляки защищались съ большою храбростью и упорствомъ, но скоро появились между ними признаки ослабленія энергіи, нѣкоторые стали пускаться въ бѣгство. Сѣраковскій построилъ колонны и каре, съ конницею по флангамъ, и началъ отступленіе тихо, шагъ за шагомъ.

Тѣмъ временемъ русская конница, съ большимъ трудомъ перебравшаяся черезъ болото, появилась на обоихъ непріятельскихъ флангахъ. Начались кавалерійскія атаки, участились пѣхотныя; Поляки несли большія потери. Но они все-таки добрались до опушки густого лѣса и передъ закатомъ солнца втянулись въ лѣсную чащу, гдѣ Русскіе не могли уже продолжать дѣятельнаго преслѣдованія. При всемъ томъ Поляки потеряли убитыми, ранеными и плѣнными очень много, можетъ быть до 3000; потеря Русскихъ простиралась до 700.

Какъ только побѣдный исходъ сталъ очевиднымъ, Суворовъ послалъ въ Кобринъ приказаніе—обозамъ двинуться впередъ, а ротнымъ повозкамъ ѣхать какъ можно скорѣе. Благодаря такой предусмотрительности, черезъ часъ по окончаніи боя артельныя повозки прибыли, и тотчасъ началось приготовленіе пищи для усталыхъ солдатъ. Очень усталъ и самъ Суворовъ, ибо принималъ въ бою дѣятельное личное участіе, немедленно являясь туда, гдѣ замѣчалъ колебаніе или недостаточную энергію. А такъ какъ онъ почти не спалъ въ продолженіе нѣсколькихъ ночей, то съ окончаніемъ дѣла, взъѣхавъ на небольшой холмъ, слѣзъ съ лошади, перекрестился, произнесъ «слава въ вышнихъ Богу», выпилъ стаканчикъ водки, съѣлъ сухарь и, завернувшись въ плащъ, легъ отдохнуть подъ деревомъ. Подкрѣпившись нѣсколько сномъ, онъ всталъ, пообѣдалъ и отправился объѣзжать войска. Останавливаясь въ каждомъ полку, онъ благодарилъ за одержанную побѣду и краткимъ, но огненнымъ словомъ поощрялъ солдатъ на будущіе успѣхи. При этомъ офицеры и солдаты

окружали его сплошной толпой, такъ что лошади его негдѣ было повернуться; онъ это очень любилъ. Рѣчь свою онъ по обыкновенію заканчивалъ нѣсколькими выдержками изъ своего военнаго катехизиса: «субординація, экзерциція; ученье—свѣтъ, неученье—тма; дѣло мастера боится» и т. под. Объѣхавъ весь отрядъ, Суворовъ скомандовалъ *къ зарѣ,* по пробитіи *на молитву* снялъ каску и громкимъ, внятнымъ голосомъ прочелъ вмѣсто «Отче нашъ» другую молитву: «Всемогущій Боже, сподобившись святымъ Твоимъ промысломъ сего ночного достигнути часа»... Потомъ онъ проѣхалъ къ раненымъ, которыхъ продолжали перевязывать лѣкаря; легко-раненыхъ и плѣнныхъ приказалъ отправить къ назначенному для нихъ пункту пѣшкомъ, тяжелыхъ на обывательскихъ подводахъ въ кобринскій госпиталь; велѣлъ собрать жителей для погребенія умершихъ и убитыхъ; сносить въ одно мѣсто оружіе отъ нихъ, отъ раненыхъ и плѣнныхъ, переломавъ у ружей приклады, а у сабель эфесы. Суворову было доложено при этомъ однимъ изъ генераловъ, что мало хлѣба, что надо бы заняться теперь печеніемъ и сушкой, обождавъ прибытія транспорта съ мукой. Суворовъ отвѣчалъ вопросомъ: «а у Поляковъ развѣ нѣтъ хлѣба», намекая на польскія войска, находившіяся впереди.

Передъ двумя часами ночи, Суворовъ поднялъ свой отрядъ на ноги, окатился холодной водой, одѣлся и сѣлъ на коня. Было отдано короткое словесное приказаніе: «патроновъ не мочить». Старые Суворовскіе сослуживцы объяснили новичкамъ, что будетъ значитъ переправа черезъ рѣку вбродъ, и придется подвязать патронныя сумы повыше. Войска двигались въ тишинѣ, прошли съ отдыхомъ около 40 верстъ и къ ночи подошли верстъ на 6 къ Бресту, гдѣ расположились скрытно за лѣснымъ холмомъ, дабы не переполошить Поляковъ. Сдѣлали развѣдки, распросили захваченнаго еврея и, по его предложенію, взяли его въ проводники. Сентября 8, въ часъ по полуночи, войска поднялись и тронулись въ путь не прямой дорогой на Брестъ, а влѣво, полями, къ переправѣ черезъ Мухавецъ и Бугъ, въ обходъ позиціи Поляковъ. Конница шла въ одной колоннѣ, пѣхота съ артиллеріей въ другой. Перешли Мухавецъ и Бугъ въ бродъ, подъ звуки городского набата и стали выстраиваться въ боевой порядокъ.

Поляки были расположены въ двѣ линіи съ резервомъ, лицомъ къ Тересполю, откуда они ожидали Русскихъ; но когда выяснилось обходное движеніе Суворова, то Сѣраковскій измѣнилъ направленіе фронта подъ прямымъ угломъ, примкнувъ лѣвымъ флангомъ къ Тересполю, а правымъ къ лѣсу. Суворовъ расположилъ свою пѣхоту въ центрѣ, конницу по флангамъ; правымъ крыломъ командовалъ Шевичъ, лѣвымъ Исленьевъ, пѣхотою Буксгевденъ, всѣмъ корпусомъ П. Потемкинъ, подъ главнымъ начальствомъ Суворова. Въ эту кампанію Суворовъ, несмотря на малую численность предводимыхъ имъ силъ, устроилъ себѣ всю обстановку главнокомандующаго и имѣлъ даже дежурнаго генерала. Командующимъ дѣйствующимъ корпусомъ считался П. Потемкинъ, но онъ въ сущности завѣдывалъ лишь хозяйственною частью, до которой Суворовъ былъ не охотникъ; также отправлялъ плѣнныхъ, учреждалъ госпитали, распоряжался заготовкою провіанта и т. п. Дѣйствительнымъ распорядителемъ всего дѣла и его душою оставался по прежнему Суворовъ.

Какъ только русскія боевыя линіи выстроились и нѣсколько приблизились, польская артиллерія открыла огонь; но вслѣдъ затѣмъ, не дождавшись приближенія Русскихъ, польскій корпусъ сталъ свертываться въ три большія колонны, которыя и перешли въ отступленіе. Артиллерія занимала интервалы, кавалерія расположилась по бокамъ колоннъ. Вѣроятно Сѣраковскій былъ недоволенъ позиціей, которую Суворовъ заставилъ его занять, иначе ему былъ чистый расчетъ начать ретираду раньше, не теряя времени. Узнавъ про это, Суворовъ приказалъ кавалеріи атаковать, а пѣхотѣ спѣшить на ея поддержку. Четыре егерскіе батальона двинулись почти бѣгомъ, за ними потянулась остальная пѣхота. Сѣраковскій тѣмъ временемъ успѣлъ занять двумя колоннами выгодную позицію, на высотѣ за дер. Коршинъ. На плотинѣ поставилъ онъ 12 орудій и показывалъ намѣреніе атаковать Русскихъ конницей и 3-ю колонною, но эта послѣдняя, находившаяся влѣво, была сама атакована Исленьевымъ съ фронта и съ фланга. Атака не удалась, затѣмъ была повторена, но также безуспѣшно и лишь третья, при помощи бригадира Исаева, имѣла успѣхъ. Было захвачено нѣсколько орудій, и русскіе

эскадроны, врубившись въ непріятельскую пѣхоту, сильно ее потрепали. Разстроенная и порѣдѣвшая колонна отступила къ дер. Коршину, гдѣ и пыталась построиться на возвышенномъ мѣстѣ. Въ этотъ моментъ стали приближаться русскіе егерскіе батальоны, а за ними тянулась уступами остальная русская пѣхота. Сѣраковскій тотчасъ же снова перешелъ въ отступленіе. Лѣсъ былъ уже не очень далеко и могъ спасти Поляковъ отъ полнаго пораженія, какъ спасъ при Крупчицахъ. Двѣ колонны потянулись вправо, третья влѣво, на поддержку замаскированной лѣсной батареѣ, которая сильно вредила Русскимъ и которой Исленьевъ грозилъ атакой.

Передъ этимъ временемъ подоспѣлъ Шевичъ съ кавалеріею праваго фланга. Обскакавъ Сѣраковскаго, онъ атаковалъ его невдалекѣ отъ лѣса, куда Поляки направлялись въ двухъ колоннахъ. Несмотря на жестокій пушечный и ружейный огонь, русская кавалерія опрокинула польскую и врубилась въ пѣхоту. Непріятель защищался съ упорствомъ, которое граничило съ отчаяніемъ; мало кто просилъ пощады, и почти вся колонна полегла рядами, какъ стояла. Тогда Шевичъ обратился на вторую колонну, она подверглась почти той же участи, но съ меньшимъ урономъ, потому что многіе успѣли разсѣяться и добраться до лѣсу.

Оставалась третья колонна, а также замаскированная лѣсная батарея. Исленьевъ съ конницею лѣваго фланга взялъ батарею съ одного удара и потомъ обратился на колонну, которая въ свою очередь его атаковала, производя жаркій огонь изъ четырехъ орудій. Бой завязался упорный, но въ эту пору подоспѣли русскіе егерскіе батальоны, съ однимъ орудіемъ, къ которому скоро присоединились еще три. Разстроенный въ конецъ непріятель давалъ отпоръ все слабѣе, бросалъ пушки и напрягалъ всѣ усилія къ одному — добраться поскорѣе до дер. Добрина, полагая въ ней свое спасеніе. Но и этой надеждѣ суждено было лопнуть: часть русской кавалеріи и егеря бросились въ обходъ, дабы отрѣзать Полякамъ путь отступленія. За Добриномъ протекаетъ рѣчка Красна; отъ Добрина до рѣчки тянулась гать, а черезъ рѣчку былъ перекинутъ мостъ. Сюда-то спѣшили русскія войска и прибыли такъ скоро, что черезъ гать и мостъ

бѣглецы успѣли перебраться лишь въ небольшомъ числѣ, а остальные были отрѣзаны. Русскіе разрушили мостъ, испортили гать и открыли артиллерійскій огонь по деревнѣ, гдѣ скопились бѣглецы. Выгнанные оттуда, они попали подъ картечь, подъ сабли конницы и подъ штыки пѣхоты. Удалось уйти немногимъ, да и изъ тѣхъ не всѣмъ посчастливилось перебраться черезъ болото. Русская конница преслѣдовала спасшихся въ бою верстъ 15 отъ Бреста; казаки прошли еще дальше съ батальономъ егерей, а другія части войскъ тѣмъ временемъ очищали окрестные лѣса. Общаго настойчиваго преслѣдованія не было потому, что въ сущности некого было преслѣдовать: спасались бѣгствомъ отдѣльные люди, безъ хлѣба, частью безоружные; въ числѣ ихъ удалось уйти и Сѣраковскому въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ.

Суворовъ явился изъ подъ Добрина измученный, въ поту, въ пыли, съ грязными потоками на лицѣ. За нимъ неслась конница, дальше тянулись егеря. Онъ здоровался съ людьми и благодарилъ ихъ за одержанную побѣду, шибко проѣзжая мимо; добравшись до своего помѣщенія, онъ пообѣдалъ и легъ спать. Вечеромъ началась для него новая работа. Всю ночь и весь слѣдующій день писались и диктовались бумаги, развозились приказанія и отправлялись въ разныя мѣста курьеры. Вплоть до 10 числа Суворовъ не выходилъ изъ дому, а въ этотъ день, рано утромъ, былъ на общей панихидѣ и сказалъ коротенькое слово въ память сложившихъ тутъ свои кости. Нѣсколько стариковъ-солдатъ поднесли ему кутью; Суворовъ перекрестился, сказалъ: «Господи, помяни рабовъ Твоихъ, здѣсь лежащихъ» и съѣлъ ложку кутьи. Затѣмъ онъ отправился въ Брестъ, навѣстилъ раненыхъ въ открытомъ наканунѣ госпиталѣ и по возвращеніи объѣхалъ войска.

Трудно съ точностью опредѣлить число участвовавшихъ въ этомъ кровопролитномъ 5-часовомъ дѣлѣ. Подъ Крупчицами Русскихъ не могло быть больше 11.000, Поляковъ же до 13.000; къ Бресту польскій корпусъ уменьшился до 10.000, а цифра Русскихъ хотя понизилась не въ такой степени, но зато въ дѣлѣ ихъ участвовало не болѣе половины, значитъ гораздо меньше, чѣмъ Поляковъ [18]). Несмотря на такое неравенство силъ,

польскій корпусъ былъ не только разбитъ, но почти истребленъ, хотя цифры Суворовскаго донесенія едва ли вѣрны. Суворовъ не былъ строгимъ критикомъ выставляемыхъ въ его донесеніяхъ цифръ; правда, онъ не сочинялъ ихъ и не выдумывалъ небывальщинъ, но изъ разнообразныхъ данныхъ бралъ то, что для него было выгоднѣе. Однажды въ Турціи, послѣ дѣла, адъютантъ докладывалъ ему, что число убитыхъ Турокъ показывается разными лицами различно, и потому спрашивалъ приказанія— бо́льшую или мѐньшую цифру помѣстить въ реляцію. Суворовъ отвѣчалъ: «пиши больше, что̀ ихъ басурмановъ жалѣть». Этого же правила держался онъ конечно и не въ одной Турціи. Въ настоящемъ случаѣ онъ напримѣръ не имѣлъ никакой возможности знать точное число спасшихся Поляковъ, а между тѣмъ опредѣляетъ ее точной цифрой, которую потомъ уменьшаетъ. Взявъ въ соображеніе еще нѣкоторыя другія данныя, не рискуемъ много ошибиться сказавъ, что изъ корпуса Сѣраковскаго спаслось и пробралось въ Варшаву около 1.000 человѣкъ (съ нѣкоторыми другими мелкими отрядами до 2.000); остальные всѣ погибли. Досталась въ русскія руки и вся польская артиллерія, 28 орудій, а также два знамени, съ золотою надписью: «свобода, единство, независимость». Русскіе потеряли больше 1000 убитыми и ранеными.

Суворовъ донесъ Румянцеву на первыхъ порахъ: «Брестскій корпусъ, уменьшенный при монастырѣ Крупчицѣ 3000-ми, сего числа конченъ при Брестѣ... Поляки дрались храбро, наши войска платили ихъ отчаянность, не давая пощады»... Побѣда эта, вычеркнувъ цѣлый корпусъ изъ счета вооруженной силы Поляковъ, имѣла значеніе громадное и должна была произвести впечатлѣніе потрясающее. Въ самомъ дѣлѣ, то былъ ударъ, надломившій польскую воинствующую революцію на столько, что она уже не могла оправиться. На завтра, по полученіи извѣстія, Косцюшко примчался въ Гродно, осмотрѣлъ наскоро войска и тотчасъ же уѣхалъ обратно въ Варшаву, озабоченный дурною вѣстью до такой степени, что не могъ этого скрыть, и на столько ею угнетенный, что имѣвшіе до него надобность военачальники, не могли съ нимъ переговорить обстоятельно. Можно изъ этого судить, каково было впечатлѣніе, произведенное брестскимъ

пораженіемъ на польскія войска. Слава Суворова такъ выросла въ послѣднюю Турецкую войну, даже раньше Измаила, что въ Польшѣ, задиравшей въ то время Россію, очень интересовались тогда его личностью, и упорно держался въ 1790 году слухъ о его смерти отъ полученной раны. Нынѣ, въ 1794 году, когда въ Польшѣ стало извѣстно, что назначенъ на театръ войны Суворовъ, былъ роспущенъ для ободренія польскихъ войскъ слухъ, что это не турецкій побѣдитель, а его однофамилецъ. Теперь, по совершеннымъ Суворовымъ дѣламъ, всякій могъ убѣдиться въ присутствіи мастера и догадаться, чего отъ него слѣдуетъ ожидать впереди.

Не менѣе сильно, хотя въ другомъ смыслѣ, было впечатлѣніе въ Петербургѣ. Суворову удалось, побѣдивъ Сѣраковскаго, побѣдить и многихъ изъ своихъ недоброжелателей и завистниковъ, по крайней мѣрѣ по наружности. Его восхваляли, его превозносили, разсказывали про него анекдоты, цитировали его письма. Екатерина пожаловала ему дорогой алмазный бантъ къ шляпѣ и три пушки изъ числа имъ отбитыхъ, а племянника его, полковника князя Горчакова, присланнаго отъ Румянцева съ реляціей, произвела въ бригадиры. Двухъ посланныхъ Суворовымъ вѣстниковъ объ одержанныхъ побѣдахъ, Румянцевъ произвелъ въ слѣдующіе чины, а третьяго князь Репнинъ. Румянцевъ былъ вдвойнѣ радъ успѣхамъ Суворова, ибо выбралъ и послалъ его на свой страхъ, и этотъ выборъ оправдался теперь такимъ блистательнымъ образомъ. Румянцевъ неоднократно благодарилъ Суворова, въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, и относилъ причину успѣховъ «къ высшимъ дарованіямъ предводителя». О брестской побѣдѣ онъ выразился, что она «столько важна по существу, сколь рѣдка въ своемъ родѣ, и подтверждаетъ истину, что большое искуство и горячая ревность предводителя и подражанія достойный примѣръ въ подчиненныхъ,—преодолѣваютъ всѣ въ воображеніи возможные труды и упорности».

Брестскій успѣхъ завершилъ побѣдоносное движеніе Суворова на долгое время. Прежде всего надо было спустить съ рукъ обузу — трофеи, плѣнныхъ и польскихъ дезертировъ, а равно выдѣлить для другихъ надобностей нѣсколько отрядовъ и партій. Затѣмъ осталось подъ ружьемъ 5—6,000 человѣкъ; съ

такими силами нечего было и думать о немедленномъ продолженіи наступательныхъ дѣйствій при тогдашнихъ военныхъ обстоятельствахъ, представлявшихся совершенно темными. Разбили лагерь, начались ученья, частныя—по полкамъ и общія—всему отряду; Суворовъ не пропускалъ ни одного. Пѣхота обучалась драться противъ конницы, ходить въ штыки и ими работать; конница училась рубкѣ. Насыпались правильныя земляныя укрѣпленія, вооружались пушками и получали по нѣскольку ротъ въ гарнизонъ; укрѣпленія эти ночью штурмовались. Послѣ ученья Суворовъ произносилъ выдержки изъ своего катехизиса, дополняя ихъ поясненіями и наставленіями; разбиралъ произведенный маневръ; объяснялъ, что было хорошо и что худо; наставлялъ какъ поступать впредь.

Онъ часто бывалъ на божественной службѣ, причемъ пѣлъ по нотамъ и читалъ Апостолъ; часто посѣщалъ полки, госпитали, лазареты и вообще отличался дѣятельностью неустанною. Это не препятствовало ему находить время и для чтенія, преимущественно по вечерамъ, для чего въ его багажѣ находилось нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ коментаріи Юлія Цезаря, его любимаго героя. Такъ проходили дни за днями, спокойно и безмятежно для подчиненныхъ, въ волненіи и нетерпѣливыхъ ожиданіяхъ для начальника, пока народившіяся событія прервали наконецъ это вынужденное бездѣйствіе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Третья Польская война: Кобылка, Прага.

1794.

Пока Суворовъ дѣлалъ походъ къ Бресту, Прусскій король стоялъ подъ Варшавой безъ всякаго толка, а затѣмъ, въ концѣ августа, поспѣшно отступилъ, бросивъ на мѣстѣ своихъ больныхъ и разныя тяжести. Причиною тому было возстаніе въ его земляхъ, присоединенныхъ отъ Польши. Бывшій при прусской арміи корпусъ русскаго генерала Ферзена отдѣлился отъ Пруссаковъ и направился къ русской границѣ. Отступленіе короля произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе; во всей Польшѣ подъемъ духа достигъ замѣчательной высоты, а Европа недоумѣвала, пока не разъяснились причины. Исходъ борьбы отодвигался. Екатерина приказала усилить Репнина, велѣла ему поторопиться усмиреніемъ Литвы и затѣмъ обратить къ Бугу все, что возможно, для занятія спокойныхъ зимнихъ квартиръ; причемъ выражалось Румянцеву желаніе—при благопріятныхъ обстоятельствахъ сдѣлать покушеніе на Варшаву. Одинъ Безбородко говорилъ категорически, что Суворовъ Варшаву возьметъ непремѣнно, хотя бы зимою.

Засѣвъ въ Брестѣ, Суворовъ безпрестанно разсылалъ партіи для сбора продовольствія, для развѣдокъ и наблюденія. Но собираемыя казаками вѣсти были до того тенденціозны, невѣрны

и даже нелѣпы, что почти ничего не разъясняли, а очень много путали. Особенно не доставало Суворову свѣдѣній о Ферзенѣ, который, отдѣлившись отъ Прусскаго короля, какъ въ воду канулъ, хотя его начальникъ Реннинъ и послалъ ему въ половинѣ сентября предписаніе соединиться съ Суворовымъ и состоять въ его распоряженіи. Но еще прежде Ферзена Суворову былъ нуженъ генералъ Дерфельденъ, также подчиненный Реннина, находившійся въ Литвѣ, котораго однако Реннинъ отказался отдать, такъ какъ онъ, Дерфельденъ, прикрывалъ Литву со стороны Варшавы и очищалъ ее отъ инсургентовъ. А Дерфельденъ нуженъ былъ Суворову между прочимъ для того, чтобы хоть сколько нибудь помочь Ферзену, о которомъ полное отсутствіе свѣдѣній дѣлалось наконецъ тревожнымъ. Вскорѣ тревога эта оказалась напрасной, ибо разъяснилось, что сначала онъ долженъ былъ прикрывать тылъ отступавшихъ отъ Варшавы Пруссаковъ, потомъ ему не хватало перевозочныхъ средствъ для переправы чрезъ Вислу, да и съ другого берега зорко слѣдилъ за нимъ польскій генералъ Понинскій съ 5000-нымъ корпусомъ. Наконецъ 29 сентября Суворовъ получилъ отъ австрійскаго генерала Гарнонкурта извѣщеніе, что Ферзенъ черезъ Вислу переправился, но куда пошелъ—неизвѣстно. Дѣйствительно Ферзенъ перешелъ Вислу благополучно, обманувъ Понинскаго; но его донесеніе объ этомъ пришло къ Суворову лишь черезъ 6 или 7 дней, тогда какъ между ними не было и 150 верстъ разстоянія; до того сообщенія были затруднительны. Теперь соединеніе Ферзена съ Суворовымъ казалось поступило на очередь; но Косцюшко смотрѣлъ на это, какъ на самое опасное для Поляковъ событіе, давно уже принималъ противъ него мѣры и теперь спѣшно отправился на встрѣчу Ферзену съ войсками, находившимися подъ рукой, всего въ числѣ 9—10,000 человѣкъ. Встрѣча произошла при Мацейовичахъ; Ферзенъ атаковалъ Поляковъ 28 сентября всѣмъ своимъ корпусомъ, силою около 12,000, предупреждая соединеніе Косцюшки съ Понинскимъ. Поляки были разбиты совершенно и понесли огромную потерю; самъ Косцюшко, тяжело раненый, попался въ плѣнъ.

Картина совершенно измѣнилась. Суворовъ начиналъ уже привыкать къ мысли о зимнихъ квартирахъ до окончанія войны,

осуждая Дерфельдена за «томные марши», Репнина за то, что у него «все время уходило на доклады», Австрійцевъ за то, что они слишкомъ узко понимали свои интересы и мѣшали Русскимъ вмѣсто того, чтобы имъ содѣйствовать». «Тако, сіятельнѣйшій графъ, близъ трехъ недѣль я недвижимъ», писалъ онъ Румянцеву: «и можно здѣсь сказать, что Магербалъ (сказалъ) Аннибалу—*ты умѣешь побѣждать, но не пользоваться побѣдой.* Канна и Брестъ подобіе имѣютъ; время упущено, приближаются винтеръ-квартиры». Но эта печальная необходимость была устранена побѣдою Ферзена, ибо для Суворова обстановка выяснилась, и онъ тотчасъ же сдѣлалъ соотвѣтственныя распоряженія. На отправляемой Румянцеву офиціальной бумагѣ было приписано: «поздравляю въ живыхъ перваго героя, россійскаго Нестора; Господь силъ съ нами». Ферзену и Дерфельдену послано приказаніе—слѣдовать по направленію къ Прагѣ. Ферзенъ еще раньше получилъ отъ Репнина приказъ—состоять въ распоряженіи Суворова; Дерфельденъ же продолжалъ оставаться въ его, Репнина, командѣ, и лишь потомъ, по настойчивымъ требованіямъ Суворова, Репнинъ подчинилъ ему и Дерфельдена. Все это разрѣшилось поздно, передъ самымъ выступленіемъ Суворова изъ Бреста; Репнинъ уже собирался кончать кампанію и въ этомъ смыслѣ отдалъ приказаніе Дерфельдену. Не успѣлъ этотъ послѣдній сдѣлать распоряженій, какъ прискакалъ къ нему отъ Суворова курьеръ съ требованіемъ: именемъ Румянцева, пользуясь побѣдой Ферзена, идти на соединеніе съ нимъ, Суворовымъ. Дерфельденъ былъ въ недоумѣніи, какъ поступить; но начальникъ его авангарда, графъ Валеріанъ Зубовъ, убѣдилъ его идти по зову Суворова. Совѣтъ такого лица, какъ братъ фаворита, значилъ очень много и снималъ большую долю отвѣтственности въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній; кромѣ того Дерфельденъ самъ понималъ фальшь всякаго другого рѣшенія. Онъ донесъ Репнину и выступилъ въ походъ. Такимъ образомъ Суворовъ самъ образовалъ себѣ армію, пользуясь лишь правомъ старшинства.

Будетъ кстати при этомъ замѣтить, что взаимное положеніе Суворова и Репнина было очень ненормальное и что особенно трудно было Репнину, на котораго возлагалась сложная и искуственная задача. Онъ писалъ въ Петербургъ, управляю-

щему военнымъ департаментомъ, что «не знаетъ, самъ ли командуетъ или отданъ подъ команду», прибавляя: «ради Бога разведите насъ, раздѣлите между нами войска». Если принять при этомъ въ соображеніе прежніе поводы къ взаимнымъ неудовольствіямъ между Суворовымъ и Репнинымъ, то нельзя не удивиться, что въ настоящемъ случаѣ дѣло обошлось благополучно, нетолько безъ ссоры, но и безъ крупныхъ неудовольствій, и обстоятельство это слѣдуетъ поставить въ заслугу имъ обоимъ, особенно Репнину.

Ко времени мацейовичской побѣды барона Ферзена, Суворовъ былъ усиленъ нѣсколькими мелкими частями. Рѣшивъ предпринять наступленіе, онъ отдѣлилъ около 2000 человѣкъ для занятія Бреста и для тыльной службы, подъ начальствомъ бригадира Дивова, а 6 октября собралъ военный совѣтъ изъ генераловъ, полковыхъ и батальонныхъ командировъ. Совѣтъ постановилъ: пользуясь побѣдою Ферзена, выступить для покушенія на Варшаву, оставить въ Брестѣ бригадира Дивова и очистить отъ непріятеля край къ сторонѣ Бѣльска, взявъ съ собою провіанта по 1 ноября. Если непріятель изъ подъ Бѣльска уйдетъ на Варшаву, то соединиться съ Ферзеномъ въ Минскѣ; соединиться и съ Дерфельденомъ, если подоспѣетъ, но не ожидать его. Просить австрійскаго генерала Гарнонкурта— протянуть цѣпь постовъ до Русскихъ и Пруссаковъ; прусскому генералу Латорфу написать въ Опатовъ о содѣйствіи въ покушеніи на Варшаву. Прежде атаковать Прагу, потомъ переправиться чрезъ Вислу, оставивъ при Прагѣ Дерфельдена съ 6000. Если же Дерфельденъ не прибудетъ, или прусскія войска не окажутъ содѣйствія, то расположиться на первый разъ по кантонирь-квартирамъ на правомъ берегу Вислы, а когда позади расположенія весь провіантъ и фуражъ будутъ выбраны, то сблизиться снова для винтеръ-квартиръ къ Бресту и Радзину.

Изъ совѣтскаго постановленія видно, въ какой мѣрѣ обдуманно и осторожно Суворовъ располагалъ своими будущими дѣйствіями, отказываясь даже, при извѣстныхъ условіяхъ, отъ завладѣнія Варшавой въ нынѣшнемъ году. Правда, основаніемъ такому плану дѣйствій служило приведенное нами раньше высочайшее повелѣніе, но по своей условности оно не было строго

обязательнымъ. Эта-то условность и была Суворову на-руку; онъ понималъ, что всякое предположеніе красно исполненіемъ.

Между тѣмъ, послѣ пораженія и плѣна Косцюшки, взаимное положеніе воюющихъ по сущности и духу совершенно измѣнилось. Вооруженные крестьяне стали бросать косы и сотнями разбѣгаться по домамъ; солдатамъ вездѣ чудилась измѣна, и они искренно радовались, когда имѣли возможность прибѣгнуть къ честной капитуляціи; въ Варшавѣ открыто спорили—кому отдать столицу—Пруссакамъ или Русскимъ. Польскіе корпуса и отряды стали поспѣшно стягиваться къ Варшавѣ. Макрановскій торопился достигнуть Буга, Дерфельденъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ; авангардъ его имѣлъ съ польскимъ аріергардомъ нѣсколько мелкихъ дѣлъ, въ одномъ изъ которыхъ графу Зубову оторвало ногу ядромъ. Поляки уходили успѣшно, Макрановскій проскользнулъ по направленію къ Варшавѣ, и по собраннымъ извѣстіямъ, одна изъ его колоннъ направилась къ Станиславову. Суворовъ послалъ Ферзену приказаніе—идти туда и атаковать Поляковъ, да и самъ пошелъ, послѣ безплодныхъ поисковъ за Макрановскимъ, чрезъ Яновъ, Соколовъ и Венгровъ. Утромъ 14 числа онъ соединился въ Станиславовѣ съ Ферзеномъ; непріятеля тутъ не было, и Ферзенъ его на пути не встрѣтилъ. Суворовъ привелъ сюда 8000; у Ферзена было до 11.000. Суворовъ приказалъ тотчасъ же разослать въ полки свой военный катехизисъ и предъявить Ферзену постановленіе брестскаго военнаго совѣта. Ферзенъ и еще два генерала подписали его, прибавивъ слѣдующее: «съ положеніемъ, учиненнымъ на консиліумѣ корпуса его сіятельства, графа Суворова, мы согласны, прибавя къ тому, что за лучшее находимъ подступить къ Прагѣ на разсвѣтѣ, всѣми корпусами единовременно, для лучшей рекогносцировки тѣхъ пунктовъ, которые назначатся колоннамъ для штурмованія и для устрашенія смятенныхъ жителей, чѣмъ заставить можно скорѣе къ помышленію о сдачѣ».

Теперь до Варшавы было не далеко. По доходившимъ извѣстіямъ, Поляки сильно укрѣпляли Прагу и готовились къ отпору; Суворовъ нетолько не скрывалъ этого отъ солдатъ, а напротивъ заранѣе имъ внушалъ, что Прага даромъ въ руки не дастся. Духъ войскъ былъ какъ нельзя лучше: долгое брестское

сидѣніе не сопровождалось праздностью и бездѣльемъ, послѣдующій походъ былъ далеко не изъ трудныхъ, переходы не велики, отдыхи частые, особенныхъ недостатковъ ни въ чемъ не ощущалось. Больше всего приходилось терпѣть отъ холода, такъ какъ въ холщевыхъ кителяхъ пронимало насквозь, особенно по ночамъ, но и это горе теперь миновало, ибо зимнее платье наконецъ къ полкамъ подвезли. Вѣрный самому себѣ во всемъ, Суворовъ мерзъ въ холщевомъ кителѣ вмѣстѣ съ войсками и надѣлъ суконную куртку только тогда, когда всѣ облачились въ зимнее платье. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія солдатъ (оно солдатомъ и записано) и было оцѣнено ими по достоинству; много подобныя мелочи прибавляли къ репутаціи Суворова.

Не найдя непріятеля въ Станиславовѣ, Суворовъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, расчитывалъ найти его въ Окуневѣ и Кобылкѣ, верстахъ въ 20 отъ Варшавы, но по разнымъ дорогамъ. Въ Окуневъ послалъ онъ Ферзена, а самъ направился къ Кобылкѣ. Отряды тронулись въ путь, въ авангардѣ Суворова шелъ Исаевъ съ нѣсколькими эскадронами и сотнями, который пройдя всю ночь, внезапно появился въ 6 часу утра, 15 октября, передъ непріятелемъ.

Поляки были расположены двумя линіями на равнинѣ, около 1½ верстъ діаметромъ, окруженной лѣсомъ, который въ тылу позиціи тянулся густой чащей, прорѣзанной многими дорогами. Въ центрѣ ихъ расположенія стояла пѣхота, на флангахъ кавалерія; фланги обстрѣливались пѣшими егерями, скрытыми по опушкѣ лѣса вмѣстѣ съ нѣсколькими орудіями. Исаевъ атаковалъ несмотря на свою числительную слабость, но Поляки держались хорошо. Въ это время прибылъ Суворовъ, опередивъ свой корпусъ. Замѣтивъ большое неравенство силъ, онъ послалъ приказъ слѣдовавшей за нимъ кавалеріи—спѣшить не переводя духа. Конница стала прибывать къ полю сраженія, дефилируя на поляну какъ попало, не соблюдая очереди; каждый полкъ шелъ самъ по себѣ, стараясь лишь объ одномъ—прибыть поскорѣе. Какъ только прибывшіе эскадроны нѣсколько устроились, произведена атака: на лѣвый флангъ Исленьевымъ, на правый Шевичемъ. Поляки стали отступать двумя колоннами,

съ замѣчательною стройностью и порядкомъ, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня, но были настойчиво преслѣдуемы, впрочемъ одной конницей, ибо пѣхота еще не подошла.

Первая польская колонна, силою около тысячи человѣкъ, ретировалась по правой изъ лѣсныхъ дорогъ. Исленьевъ преслѣдовалъ ее и заставилъ положить оружіе послѣ атаки спѣшенными драгунами. Плѣнные офицеры, которыхъ было до 25, просили Суворова накормить ихъ, такъ какъ находясь въ постоянномъ и спѣшномъ движеніи нѣсколько дней, они все время голодали. Суворовъ приказалъ накормить какъ ихъ, такъ и плѣнныхъ солдатъ чѣмъ только можно, что и было исполнено Переяславскимъ конно-егерскимъ полкомъ, причемъ солдаты охотно дѣлились съ плѣнными скуднымъ запасомъ, который имѣли при себѣ.

Вторая колонна была гораздо многочисленнѣе первой и двигалась по большой варшавской дорогѣ. Въ обходъ ей была послана значительная часть кавалеріи съ однимъ изъ двухъ подоспѣвшихъ егерскихъ батальоновъ; отряду этому приказано— перехватить у Поляковъ путь отступленія. Приказаніе было исполнено; Полякамъ пришлось и отбиваться и пробиваться; они стали сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ очищать себѣ путь отступленія. Русскіе произвели рѣшительный ударъ съ двухъ сторонъ, но такъ какъ съ варшавской стороны дѣйствіе въ конномъ строю, по лѣсному характеру мѣста, было невозможно, то 4 эскадрона Маріупольскаго легко-коннаго полка и 2 эскадрона Глуховскихъ карабинеръ спѣшились и, о бокъ съ егерскимъ батальономъ, ударили на непріятельскую пѣхоту въ палаши и сабли. Поляки бились отчаянно, но были сломлены и истреблены; плѣнныхъ взято сравнительно мало, въ числѣ ихъ генералъ-адъютантъ Польскаго короля Бышевскій, раненый въ плечо. Спаслось немного.

Такъ кончилось это небольшое, но кровопролитное дѣло. Къ концу его подоспѣла часть войскъ Ферзена, который не нашелъ въ Окуневѣ непріятеля и потому хотѣлъ подать помощь Суворову, но надобности въ этомъ не оказалось. Не участвовала въ бою и большая часть войскъ самого Суворова, именно пѣхота, за исключеніемъ двухъ егерскихъ батальоновъ. Причиною

тому была, во первыхъ, очень дурная дорога и болотистая мѣстность передъ Кобылкой; во вторыхъ Суворовъ велъ дѣла особенно энергично, ибо близость Варшавы и предполагаемое сосѣдство Макрановскаго требовали спѣха. Онъ былъ правъ вполнѣ. Макрановскій, прибывшій къ Прагѣ 13 числа пополудни, послалъ къ Кобылкѣ подмогу, но посланный отрядъ, не дойдя 5 верстъ, повернулъ назадъ, вѣроятно опасаясь наткнуться на засаду или на слишкомъ сильнаго непріятеля.

Въ рукахъ Русскихъ остались 9 польскихъ орудій, т.-е. вся артиллерія непріятельская и единственное его знамя; сверхъ того захваченъ обозъ отряда во время слѣдованія его къ Варшавѣ. Потеря Русскихъ простиралась до 150—200 человѣкъ и нѣсколько меньше 600 лошадей; Поляки потеряли одними плѣнными свыше 1000 да убитыми и ранеными большую часть корпуса, составлявшаго одну изъ колоннъ Макрановскаго (остальныя двѣ, хотя и съ потерями, пробрались въ Варшаву). Командовалъ этою колонною генералъ Майенъ, уѣхавшій при самомъ началѣ дѣла; въ погоню за нимъ было послано нѣсколько десятковъ казаковъ, но они не могли его догнать. Въ бою Поляковъ находилось отъ 3 до 4,000; Русскихъ поспѣло на поле сраженія и приняло участіе въ дѣлѣ не болѣе того.

Въ началѣ сраженія владѣлецъ Кобылки, престарѣлый графъ Унру, выѣхалъ верхомъ изъ своей усадьбы, подъ покровительство Русскихъ. Его замѣтили казаки, приняли по голубой орденской ленточкѣ за непріятельскаго генерала, захватили и отвели въ лѣсъ, а по окончаніи дѣла представили Суворову, котораго онъ зналъ и прежде. Послѣ короткаго разговора, Суворовъ отправился къ нему обѣдать и пригласилъ туда же польскихъ и русскихъ офицеровъ. Унру, приверженецъ русской партіи, содержавшійся за это даже въ варшавской тюрьмѣ, принялъ гостей очень любезно. Обѣдъ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ; Суворовъ обращался съ плѣнными Поляками очень привѣтливо.

Дѣло при Кобылкѣ представляетъ собою, подобно предшествовавшимъ, наглядныя особенности Суворовской боевой теоріи, заключающіяся въ трехъ основныхъ правилахъ — глазомѣрѣ, быстротѣ и натискѣ и выразившіяся въ кампанію 1794 года съ

исключительнымъ блескомъ. Но дѣло это имѣетъ еще одну характерную частность — атаку спѣшенной кавалеріи на пѣхоту съ ударомъ въ сабли. Атака эта была вызвана, какъ мы видѣли, необходимостью—мѣстностью и отсутствіемъ пѣхоты; Суворовъ не задумался прибѣгнуть въ крайности къ такому необычному средству, и оно увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Практикуя часто на поляхъ сраженій пріемы, которые нельзя найти въ учебникахъ, онъ уже привыкъ къ нимъ и пріучилъ свои войска, но настоящій случай даже и ему казался заслуживающимъ особеннаго вниманія. «Если бы ты былъ при Кобылкѣ», говорилъ онъ потомъ одному французскому эмигранту, вступившему въ русскую военную службу: «ты бы увидѣлъ то, *чего и я никогда не видалъ*». Но спѣшивая эскадроны и пуская ихъ на пѣхоту, Суворовъ однако обезпечилъ успѣхъ атаки тѣмъ, что подкрѣпилъ ихъ единственнымъ пѣхотнымъ батальономъ, которымъ могъ распорядиться [19]). Можетъ быть, благодаря этой предосторожности, атака и имѣла полный успѣхъ.

Послѣ Кобылки оставалась одна ступень до Варшавы—Прага. На защитѣ Праги Поляки должны были сосредоточить всю свою энергію, собрать всѣ средства, ибо Польша съ ея революціей заключалась теперь въ Варшавѣ, и съ потерей Праги погибала и Варшава, и Польша, и революція. Суворову надо было завладѣть Прагой во что бы то ни стало, а выборъ для этого средствъ оказывался не великъ. Для правильной осады время было слишкомъ позднее, и Русскіе не имѣли ни одного орудія осадной артиллеріи. Блокада Праги вмѣстѣ съ Варшавой можетъ и привела бы къ желаемому результату, такъ какъ продовольствія тамъ запасено было не много, но для этого требовались большія силы, помимо другого препятствія—поздняго времени. Оставалось одно — штурмовать. Средство это было рискованное, такъ какъ по свѣдѣніямъ укрѣпленія Праги были обширны, грозны, вооружены крупнокалиберной и многочисленной артиллеріей, а гарнизонъ якобы превышалъ 30,000 человѣкъ, не считая вооруженныхъ варшавянъ. Но все это не могло остановить Суворова. Почти вездѣ и всегда ему приходилось имѣть дѣло съ непріятелемъ, болѣе многочисленнымъ, чѣмъ его, Суворовскія войска; не задумывался онъ и надъ предпріятіями

рискованными, неоднократно ставя на карту свою будущность и пріобрѣтенную репутацію. Онъ твердо вѣрилъ прежде всего въ самого себя и затѣмъ въ свои войска; теперь, послѣ блестящей кампаніи, такая увѣренность могла только возрасти. Онъ рѣшился сдѣлать послѣдній шагъ, къ которому былъ готовъ еще находясь въ Немировѣ, въ качествѣ зрителя, ибо расчитывая покончить съ Польшей въ короткій срокъ, онъ конечно не имѣлъ въ виду ни осадъ, ни блокадъ. Какъ ни велико будетъ число жертвъ, но оно во всякомъ случаѣ окажется гораздо ниже цифры, которую принесетъ затянувшаяся война. Кромѣ того, подобный рѣшительный ударъ потрясаетъ, подсѣкаетъ остатки энергіи и изсушаетъ войну въ самомъ ея источникѣ. Суворовъ рѣшилъ штурмовать Прагу.

Дерфельденъ присоединился 19 числа; общая числительность всѣхъ трехъ корпусовъ простиралась до 25,000 человѣкъ при 86 полевыхъ орудіяхъ. Суворовъ собралъ военный совѣтъ и передалъ ему свой взглядъ на дѣло; состоялось постановленіе— идти къ Прагѣ и брать ее приступомъ, несмотря ни на какія укрѣпленія. Началось приготовленіе штурмовыхъ лѣстницъ, фашинъ, плетней; наканунѣ произведена рекогносцировка прагскихъ укрѣпленій, и въ этотъ же день прибыли къ Суворову посланные изъ Праги и Варшавы, по разнымъ дѣламъ. Посланный отъ короля просилъ отпустить генерала Бышевскаго въ Варшаву для лѣченія; Суворовъ тотчасъ же согласился и поручилъ ему засвидѣтельствовать королю глубочайшее его, Суворова, почтеніе. Другой посланный былъ отъ верховнаго народнаго совѣта, съ экипажемъ и врачемъ для Косцюшки; въ этомъ отказано, такъ какъ Косцюшко находился очень далеко и ни въ чемъ не нуждался. Третье посланіе послѣдовало отъ командующаго въ Варшавѣ и Прагѣ генерала Зайончека, который прислалъ Суворову черезъ трубача письмо, въ дополненіе къ просьбѣ народнаго совѣта. Зайончекъ требовалъ возвращенія Косцюшкинаго обоза, причемъ счелъ почему-то умѣстнымъ, нетолько обойти въ своихъ выраженіяхъ общепринятыя формы приличія и вѣжливости, но трактовать русскаго военачальника свысока. Суворовъ былъ въ этомъ отношеніи очень щекотливъ, и потому выходка польскаго генерала задѣла его за живое. Онъ написалъ Зайон-

чеку отвѣтное письмо, короткое, энергическое и суровое, указывая на неприличность его тона и на кичливость вождей инсурекціи по отношенію къ Россіи; причемъ возвратилъ самое письмо и предупредилъ, что никакія посланія не будутъ принимаемы, кромѣ тѣхъ, гдѣ будетъ говориться о раскаяніи и о забвеніи прошлаго.

Всѣ приготовительныя къ штурму работы были окончены 22 числа; въ тотъ же вечеръ войска двинулись къ Прагѣ тремя колоннами и съ развернутыми знаменами, съ барабаннымъ боемъ и музыкой, вступили въ назначенныя имъ подъ Прагой лагерныя мѣста, отъ передовыхъ окоповъ дальше пушечнаго выстрѣла. Въ тотъ же день вновь произведена рекогносцировка, такъ сказать повѣрочная, въ которой приняли участіе всѣ генералы; затѣмъ Суворовъ объѣхалъ и осмотрѣлъ лагерь. Его собственный корпусъ подъ начальствомъ Потемкина занималъ центръ лагернаго расположенія, Дерфельденъ правый флангъ, Ферзенъ лѣвый. Около полуночи стали возводить передъ фронтомъ трехъ корпусовъ батареи, которыя къ 5 часамъ были готовы: у Дерфельдена на 22 орудія, у Потемкина на 16, у Ферзена на 48, и немедленно открыли огонь, какъ бы свидѣтельствуя, что предпринимается осада. Суворовъ лично сдѣлалъ рекогносцировку и назначилъ штурмъ на ту же ночь, съ 23 на 24 число.

Рязвязка приближалась. Суворовъ относился къ ней не слегка и все подумывалъ объ участіи союзниковъ. «Здѣсь на Пруссаковъ безнадежно», пишетъ онъ Румянцеву 19 октября: «а Австрійцы малосильны». Три дня позже, обдумывая средства для овладѣнія Варшавой послѣ взятія Праги и находя, что для этого нужно прежде всего отрѣзать ей продовольствіе, Суворовъ говоритъ: «безъ содѣйствія Пруссаковъ, съ Варшавой справиться будетъ очень трудно, паче по позднему времени». Передъ штурмомъ, 23 числа, онъ доноситъ: «изъ приложеній изволите усмотрѣть добрую волю Пруссаковъ; мы времени тратить не будемъ, но жаль, что уже глубокая осень». Какъ бы въ утѣшеніе ему, Румянцевъ сообщаетъ: «я вижу внятно, что вы всѣ обстоятельства и происшествія и все, что касается до вашего предпріятія, съ лучшей пользой службѣ соображаете и все то въ себѣ самомъ и въ соревнованіи подчиненныхъ находите,

чего отъ помощи союзныхъ ожидали». Румянцевъ былъ правъ; союзники могли оказать Русскимъ не малое содѣйствіе, судя по занятымъ ими пунктамъ на польской территоріи, но предпочли образъ дѣйствій то своекорыстный, то вялый. Поступай они иначе, Варшавѣ грозилъ бы буквально голодъ, а съ нимъ и какая-нибудь катастрофа, ибо тамъ и безъ голода было смутно, тревожно, и въ душной политической атмосферѣ происходило глухое броженіе. Съ плѣномъ Косцюшки усилилась рознь; одни тянули на прусскую сторону, другіе — на русскую, третьи, не заглядывая вдаль, стояли за продолженіе борьбы до послѣдней крайности. Въ одномъ лишь всѣ сходились—въ искренней скорби о потерѣ Косцюшки. Это доказываетъ, что инсурекціонная Польша потеряла въ немъ очень многое, что она потеряла въ немъ все, хотя въ наше время, изъ столѣтней дали, видно довольно ясно, что этого *всего* было слишкомъ мало для успѣха польской революціи и возбужденной ею войны.

Слѣдовало избрать Косцюшкѣ преемника; право это принадлежало верховному народному совѣту. Ксендзъ Колонтай предложилъ Зайончека, которому Косцюшко, уѣзжая, поручилъ главное начальство надъ варшавскими войсками; вѣдавшій иностранными дѣлами, Игнатій Потоцкій, выставилъ кандидатомъ Томаса Вавржецкаго, командовавшаго на курляндской границѣ. Нѣкоторые изъ адъютантовъ Косцюшки потомъ говорили, будто и онъ упоминалъ про Вавржецкаго, на случай своей смерти или плѣна, но это осталось недоказаннымъ. Большинство верховнаго совѣта не любило и боялось Колонтая,—подобія французскихъ террористовъ, а потому Вавржецкій взялъ верхъ. Объявили объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, армія присягнула; почти всѣ корпусные командиры сообщили, что и они, и ихъ подчиненные приняли выборъ совѣта съ удовольствіемъ. За то Вавржецкій самъ былъ не согласенъ, поѣхалъ въ Варшаву и заявилъ свой отказъ совѣту лично. Его уговаривали, приводя въ резонъ, что избраніе его привело разномыслящихъ къ единству, что всѣ довольны и что при его отказѣ нельзя отвѣчать за спокойствіе въ городѣ. Вавржецкій возражалъ, говоря, что сознаетъ себя неспособнымъ къ предложенному ему высокому посту, не видитъ впереди ничего хорошаго, не считаетъ возможнымъ испра-

вить надѣланныхъ ошибокъ, ни согласить оборону Варшавы съ продолженіемъ революціи. Колонтай холодно и сухо совѣтовалъ ему не отказываться; прочіе члены говорили, что его опасенія и предположенія гадательны, а опасность отъ народнаго возстанія несомнѣнна. И точно, по улицамъ толпился народъ, передъ крыльцомъ совѣта скоплялась чернь, слышались крики, угрозы, застращиваніе возстаніемъ, анархіей. Ваврженцкій оставался при своемъ рѣшеніи. Члены совѣта приступили къ нему по одиночкѣ, говоря въ полголоса, что ихъ ненавидитъ Колонтай, что въ случаѣ возстанія черни они будутъ повѣшены, а находящіеся по подозрѣнію подъ арестомъ—замучены, и самъ король подвергнется серьезной опасности. Ваврженцкій не устоялъ, согласился, — какъ онъ самъ выражается, «съ отвращеніемъ». Не много могла выиграть революція, поставивъ во главѣ своей человѣка, который съ подобнымъ чувствомъ принималъ высокое назначеніе, будучи искренно убѣжденъ, что дѣло проиграно безповоротно. Да и помимо этого обстоятельства Ваврженцкій, обладая многими достоинствами, все таки не представлялъ своею особою капитальнаго пріобрѣтенія для революціи. Будучи сторонникомъ конституціи 3 мая, онъ однакоже не принадлежалъ ни къ какой партіи, былъ человѣкъ честный, скромный, уживчивый и не властолюбивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отличался военными достоинствами и опытностью.

Мацейовичскій погромъ и назначеніе новаго главнокомандующаго повлекли за собой большія перемѣны въ расположеніи боевыхъ силъ на театрѣ войны. Продолжалось начатое Косцюшкой возведеніе укрѣпленій вокругъ Праги и даже для успѣшнѣйшаго хода дѣла принимались всевозможныя прямыя и косвенныя мѣры. Первое время работы исполнялись съ пыломъ, съ патріотическимъ увлеченіемъ и подвигались быстро; возникавшіе окопы видѣли на себѣ людей всѣхъ сословій и даже дамъ; ихъ присутствіе, горячія патріотическія слова и иногда непосредственное участіе въ работѣ, поддерживали энергію и прилежаніе работавшихъ. Ѣзжалъ сюда и король; онъ также, въ примѣръ другимъ, прикладывалъ свои руки къ дѣлу, но это не прибавило ему недостававшей популярности и даже не спасло отъ оскорбленій. Одна женщина язвительно посовѣтовала ему,

для успѣха дѣла, не принимать въ немъ участія, такъ какъ всѣ его начинанія постоянно имѣли дурной конецъ. Потомъ пылъ уменьшился, энергія ослабѣла, и хотя работы продолжались, но къ дню штурма не были окончены. Впрочемъ Косцюшко задумалъ ихъ въ слишкомъ большомъ размѣрѣ; вооружить всѣ укрѣпленія какъ слѣдуетъ было нечѣмъ, а собрать надлежащій гарнизонъ и того труднѣе. Ваврженкій считалъ невозможнымъ отстоять Прагу и говорилъ членамъ верховнаго совѣта, что Прага погубитъ Варшаву, а потому предлагалъ сжечь Прагу и ограничиться обороной Варшавы, т. е. берега Вислы. Игнатій Потоцкій не раздѣлялъ этого мнѣнія, а признавалъ болѣе предпочтительнымъ—вывесть войска изъ Праги за линію укрѣпленій, расположить на выгодной позиціи и дать тамъ бой. Зайончекъ соглашался въ принципѣ съ Потоцкимъ, но считалъ необходимымъ—стянуть для этого къ Прагѣ всѣ польскія силы, кромѣ 3000 человѣкъ, оставляемыхъ противъ Пруссаковъ. Но всѣ эти предложенія были отвергнуты по малочисленности польскихъ войскъ, по упадку въ нихъ духа, по невозможности кормить подъ Варшавой значительную армію при затянувшейся развязкѣ. Въ концѣ концовъ пересилилъ авторитетъ Косцюшки: рѣшено было продолжать работы по возведенію укрѣпленій въ Прагѣ и оборонять эти укрѣпленія.

Ознакомившись съ общимъ состояніемъ дѣлъ, Ваврженкій больше прежняго убѣдился въ безнадежности дальнѣйшей борьбы. Онъ считалъ самой благоразумной мѣрой—послать кого-нибудь къ Суворову, съ просьбой о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, а въ Петербургъ—съ мирными предложеніями, дабы обратить всѣ силы Польши противъ Пруссіи. Потоцкій былъ не прочь, или по крайней мѣрѣ не спорилъ, но спустя нѣкоторое время сообщилъ Ваврженкому, что обращался къ двумъ изъ русскихъ плѣнныхъ, барону Ашу и Дивову, съ предложеніемъ—съѣздить къ Суворову и узнать, приметъ ли онъ посольство; но оба они отказались. Этимъ попытка и кончилась. А между тѣмъ положеніе ухудшалось: Суворовъ приближался, увеличивая по пути свои силы; инсургенты были разбиты Пруссаками на Наревѣ и при Остроленкѣ; энергія Поляковъ видимо ослабѣвала; многіе генералы дѣйствовали сонливо, какъ бы не хотя, такъ что од-

ному ихъ нихъ, Понятовскому, Вавржецкій предложилъ отказаться отъ начальствованія, если онъ не считаетъ возможнымъ исполнять получаемыя приказанія. Конечно, численность польскихъ войскъ далеко не соотвѣтствовала обстоятельствамъ и потребности, но это самое и требовало особенной смѣлости, даже дерзости въ дѣйствіяхъ. Рискуя, Поляки ничего не теряли, а могли только выиграть. Но на войнѣ отразилось общее настроеніе: революція доживала послѣдніе свои дни.

Предстояло теперь сосредоточить въ Варшавѣ всю вооруженную силу, какую только можно притянуть; этого требовало принятое рѣшеніе—отстаивать столицу. Правда, опасности грозили отовсюду, но изъ нихъ самая большая и близкая олицетворялась въ Суворовѣ. Между тѣмъ Прагу не усиливали, а ослабляли. Вавржецкій еще раньше выслалъ два отряда на обсервацію Вислы до Пулавы, а также въ сандомирское и радомское воеводства, благодаря которымъ Варшава получила водою и сухимъ путемъ немного хлѣба и большое количество скота. Эти отряды не были притянуты. Отъ Домбровскаго, Понятовскаго и другихъ не только ничего не взято, но еще отправленъ Гедройцъ съ сильнымъ корпусомъ въ 6—7.000 человѣкъ на соединеніе съ Домбровскимъ, для скорѣйшаго взятія Равы и Ловича. Вавржецкій все убѣждалъ членовъ верховнаго совѣта оставить Прагу, укрѣплять варшавскій берегъ и не пропускать Суворова за Вислу; или же трактовать съ Русскими о капитуляціи, когда они займутъ Прагу; пользуясь проволочкой вывезти изъ Варшавы все что можно, идти въ Великую Польшу и перемѣстить туда короля и верховный совѣтъ. Ему отвѣчали, что Варшава доставитъ на защиту Праги «20.000 человѣкъ, вооруженныхъ оружіемъ и отчаяніемъ», что безчеловѣчно бросить столицу на мщеніе непріятеля и что этимъ по справедливости можно заслужить общее презрѣніе и вселить во всѣхъ уныніе. Вавржецкій уступилъ и принялъ мѣру, не отвѣчающую ни тому, ни другому рѣшенію: притянулъ къ Прагѣ войска только изъ ближайшихъ мѣстъ.

Готовясь противъ своей воли къ дѣлу, въ которое не вѣрилъ, Вавржецкій велѣлъ президенту города оповѣстить прагскихъ жителей, чтобы оставляли дома и выѣзжали изъ Праги.

А между тѣмъ варшавская чернь волновалась; въ народѣ говорили съ неудовольствіемъ, что преемникъ Косцюшкинъ— врагъ гласности, что онъ есть «диктатура арбитральная». Вавржецкій потребовалъ, чтобы къ нему былъ приставленъ особый военный совѣтъ, но это никого не успокоило. Мутилъ Колонтай, недовольный ни Вавржецкимъ, ни верховнымъ совѣтомъ, въ которомъ онъ не имѣлъ уже большого значенія, а игралъ роль всеобщаго пугала. Въ это критическое время, когда требовалось какъ можно больше дѣла и какъ можно меньше словъ, онъ предложилъ проектъ объ усиленіи совѣта новыми членами и основалъ клубъ «для поддержанія революціи и краковскаго акта». Вавржецкій объявилъ ему, что никакой новизны противъ Косцюшкинаго времени не допуститъ. Колонтай не угомонился и сталъ требовать, чтобы Вавржецкій принялъ отъ народа депутацію съ жалобою на верховный совѣтъ и на управленіе вообще; Вавржецкій отвѣчалъ, что съ народомъ не будетъ имѣть никакихъ сношеній помимо установленныхъ властей. Колонтай пустилъ слухъ, что будетъ объявлено равенство, и чернь стала собираться у дворца; Вавржецкій поскакалъ туда и разогналъ сборище въ самомъ началѣ. И все это происходило наканунѣ кровавой катастрофы, назрѣвавшей безъ шума, надвигавшейся подобно тучѣ...

Всѣ приготовленія къ штурму въ русской арміи были окончены и объявленъ по войскамъ приказъ. Приказъ этотъ прочитанъ въ полкахъ вечеромъ 23 числа, до трехъ разъ, чтобы каждый солдатъ потверже его запомнилъ. Въ немъ сказано, чтобы полки строились въ колонны по ротно, стрѣлки впереди, съ ними рабочіе; идти въ тишинѣ, ни слова не говорить; подойдя же къ укрѣпленію, быстро кидаться впередъ, бросать въ ровъ фашинникъ, спускаться, приставлять къ валу лѣстницы, а стрѣлкамъ бить непріятеля по головамъ. Лѣзть шибко, пара за парой, товарищу оборонять товарища; коли коротка лѣстница,—штыкъ въ валъ, и лѣзь по немъ другой, третій. Безъ нужды не стрѣлять, а бить и гнать штыкомъ; работать быстро, храбро, по-русски; держаться своихъ въ середину, отъ начальниковъ не отставать, фронтъ вездѣ; въ дома не забѣгать, просящихъ пощады—щадить, безоружныхъ не убивать, съ бабами

не воевать, малолѣтковъ не трогать. Кого убьютъ—царство небесное; живымъ—слава, слава, слава.

Кромѣ этого приказа, общаго для всѣхъ, Суворовъ далъ дополнительную инструкцію Ферзену передъ самымъ штурмомъ. Въ этой короткой запискѣ указывается: при малѣйшемъ сопротивленіи, атаковать и дѣйствовать наступательно, не давая опомниться, а если непріятель стоитъ спокойно на мѣстѣ, то прежде всего окружить его конницей. Кричать ему: *згода, пардонъ, отруць бронь*; кто послушается, тѣхъ отдѣлять, давать имъ свободу и снабжать паспортами; кто вздумаетъ обороняться, тѣхъ бить какъ сказано. Операцію вести быстро, дѣйствовать холоднымъ оружіемъ, принуждать къ сдачѣ и не отдыхать до тѣхъ поръ, пока всѣ не будутъ забраны; о ходѣ дѣла доносить записками чрезъ каждые 3 часа.

Прага, обширное предмѣстіе Варшавы, расположена на правомъ берегу Вислы, имѣющей тутъ 200 саженъ ширины; соединялась Прага съ Варшавой длиннымъ мостомъ (другой находился ниже города) и была населена почти исключительно евреями. Мостъ прикрывался небольшимъ укрѣпленіемъ; сама Прага была обнесена стариннымъ землянымъ валомъ, а въ разстояніи отъ него до полуверсты, версты и даже двухъ верстъ тянулся длинный ретраншаментъ, надъ возведеніемъ и вооруженіемъ котораго и работали варшавскіе жители цѣлое лѣто. Между ретраншаментомъ и валомъ, окружавшимъ Прагу, стояли лагеремъ польскія войска. Внѣшняя укрѣпленная линія имѣла видъ почти прямого угла; она начиналась отъ берега Вислы, противъ небольшого острова, ниже города, и направлялась къ востоку почти на двѣ версты съ половиной, до песчаныхъ холмовъ, гдѣ поворачивала къ югу и тянулась безъ малаго на четыре верты до болотъ Саской Кемпы; остальная узкая полоса до Вислы защищена была тремя батареями. Ретраншаментъ этотъ прикрывался мѣстами передовыми отдѣльными укрѣпленіями и былъ усиленъ разными искуственными преградами, въ томъ числѣ нѣсколькими рядами волчьихъ ямъ. Особенно сильно былъ укрѣпленъ исходящій уголъ, гдѣ сходились оба фронта; онъ имѣлъ два крѣпкіе кавальера, одинъ изъ нихъ кирпичный. На всѣхъ этихъ укрѣпленіяхъ находилось свыше 100 орудій,

большею частью крупнаго калибра; кромѣ того оборона усиливалась батареями той стороны Вислы, впрочемъ малаго калибра, а лѣвый флангъ прагскаго ретраншамента обстрѣливался еще и съ острова, противу котораго примыкалъ къ берегу рѣки.

Такую позицію можно бы назвать недоступной для открытой атаки корпусомъ, едва имѣвшимъ 25,000 человѣкъ, въ томъ числѣ больше трети кавалеріи, и снабженнымъ артиллеріей, которая и числомъ орудій, и калибромъ ихъ уступала непріятельской. Но на сторонѣ Русскихъ былъ прежде всего рѣзкій перевѣсъ въ главномъ элементѣ побѣды, въ высшемъ предводителѣ, а затѣмъ и въ войскахъ. Закаленные нетолько въ бояхъ, но и въ побѣдахъ русскіе полки, увѣренные въ себѣ и въ своемъ начальникѣ, представляли собою силу, далеко превышавшую число рядовъ. Нельзя сказать того же про Поляковъ. Безспорно храбрые, одушевленные любовью къ родинѣ, они однако вынесли уже много ударовъ; нравственная сила ихъ надломилась, между ними прокралось уныніе; стали легче сдаваться въ плѣнъ, стали больше дезертировать. Все это видно изъ донесеній Суворова. Онъ принялъ правиломъ—отпускать по домамъ, снабдивши паспортами, тѣхъ изъ плѣнныхъ, которые сдались добровольно. Подъ Кобылкой такихъ оказалось половина. Онъ доносилъ оттуда же Румянцеву, что по полученнымъ свѣдѣніямъ косиньеры бѣгутъ, кто только можетъ; отъ одного Макрановскаго ушло за Бугъ свыше 1,500. Въ день, предшествовавшій прагскому штурму, т.-е. 23 октября, перебѣжало въ русскій лагерь больше ста человѣкъ. Въ Варшавѣ, по словамъ самого Вавржецкаго, находилось большое число генераловъ и огромное число офицеровъ безъ войскъ, т.-е. безъ солдатъ,—тоже обыкновенный признакъ дезорганизаціи арміи [20]).

При такихъ условіяхъ численный перевѣсъ надъ противникомъ значитъ очень немного, но и его почти не было. Принимая въ расчетъ, что вооруженная сила Варшавы не могла быть изъ нея выведена, вся безъ остатка, для обороны предмѣстья, такъ какъ въ столицѣ происходито анархическое броженіе, не будемъ далеки отъ истины, опредѣливъ цифру защитниковъ Праги тысячъ въ двадцать. Цифра эта подтверждается отчасти показаніемъ поляка, свидѣтеля и очевидца, который го-

воритъ, что изъ 18000-наго войска, оборонявшаго Прагу, вернулось въ Варшаву всего 4000. У Суворова, какъ уже говорено, находилось подъ начальствомъ до 25000; это цифра наиболѣе вѣроятная. Есть однако свидѣтельство, что по спискамъ числилось 40.000, а въ дѣйствительности состояло 16.000, до того въ эту эпоху бывалъ великъ незаконный расходъ людей изъ рядовъ.

Диспозиція Суворова, основанная на одной рекогносцировкѣ и провѣренная другою, даже третьею, заключалась главнымъ образомъ въ слѣдующемъ. Армія раздѣлена на семь колоннъ, по двѣ Дерфельдена и Потемкина, три Ферзена. Первыя четыре назначались дли атаки сѣверной, короткой стороны, остальныя— для восточной, длинной. При каждой колоннѣ по 128 стрѣлковъ, 472 работниковъ и 30 человѣкъ съ шанцевымъ инструментомъ; вторые и третьи несутъ штурмовыя принадлежности и очищаютъ путь, первые ихъ обороняютъ. За каждой колонной свой резервъ изъ пѣхоты и кавалеріи. По ракетѣ первыя четыре колонны срываютъ находящіяся передъ ними передовыя укрѣпленія, на плечахъ непріятеля врываются на валъ главнаго ретраншамента и овладѣваютъ имъ. Затѣмъ—три изъ нихъ атакуютъ укрѣпленную ограду Праги, а одна, первая, направляется вдоль по берегу и отрѣзываетъ непріятеля отъ моста. Колонны 5-я и 6-я начинаютъ атаку, когда первыя четыре сорвутъ передовыя укрѣпленія, а 7-я выступаетъ двумя часами раньше другихъ, чтобы успѣть сдѣлать дальній обходъ; овладѣваетъ батареями праваго непріятельскаго фланга, по берегу Вислы врывается въ Прагу и содѣйствуетъ первой колоннѣ въ отрѣзаніи непріятеля отъ моста. Атака производится холоднымъ оружіемъ. Резервы разработываютъ проходы для кавалеріи и послѣ штурмовыхъ колоннъ занимаютъ прагскую ограду. Полевая артиллерія располагается на валахъ внѣшняго ретраншамента, а потомъ, когда Прага будетъ взята, по берегу ставится батарея, для обстрѣливанія Варшавы. Остальная кавалерія, подъ начальствомъ Шевича, раздѣлена на четыре части: на правомъ флангѣ въ большомъ промежуткѣ между 4 и 5 колоннами, правѣе 5 колонны и между 6 и 7. Казаки размѣщены большею частью въ промежуткѣ между 4 и 5 колоннами, остальные по флангамъ и

при 6 колоннѣ. Войска очищаютъ отъ непріятеля Прагу, не заходя въ дома; дѣйствуютъ съ крайнею энергіей противу вооруженныхъ, но щадятъ безоружныхъ и сдающихся.

Ночь спустилась тихая, но темная, холодная и сырая. Въ ротахъ запылали костры; солдаты надѣвали чистое бѣлье, осматривали оружіе, молились передъ ротными и полковыми образами. Начиная со второго часа ночи, по первой и второй ракетѣ, колонны стали строиться и расходиться на назначенныя мѣста; по третьей ракетѣ, въ 5 часовъ, первыя четыре тронулись на приступъ. Появленіе ихъ было неожиданностью; Поляки ждали приступа, но почему-то нѣсколькими днями позже. Ваврженкій, преслѣдуемый одною и тою же мыслью, рѣшился наконецъ поступить по своему, т.-е. вывесть изъ Праги войска, перевезти артиллерію, а затѣмъ разломать мосты. Написавъ объ этомъ въ верховный совѣтъ съ объясненіемъ причинъ, Ваврженкій просилъ совѣтъ поручить варшавскому магистрату трактовать о капитуляціи города, убѣдить короля къ выѣзду въ Пруссію и туда же выѣхать самому совѣту. Дѣлая соотвѣтственныя распоряженія, особенно о сборѣ лошадей для вывоза изъ Праги артиллеріи, онъ отправился туда въ 4 часу ночи, волнуемый опасеніями или предчувствіемъ. Освѣдомившись прежде всего относительно отправленія сторожевой службы, онъ узналъ отъ адъютанта генерала Зайончека, только-что возвратившагося съ объѣзда, что все въ полной исправности, пикеты и часовые на мѣстахъ, рунды ходятъ и другія мѣры усиленной осторожности соблюдаются. Успокоенный въ этомъ отношеніи, Ваврженкій сталъ убѣждать Зайончека въ опасности дальнѣйшаго удерживанія Праги и хотя тотъ съ нимъ не соглашался,—принялся отдавать кому слѣдуетъ приказанія, какъ вдругъ раздались съ внѣшняго ретраншамента выстрѣлы. Зайончекъ поскакалъ къ правому флангу, Ваврженкій къ лѣвому.

Двѣ первыя русскія колонны (генералъ-майора Ласси и полковника князя Лобанова-Ростовскаго, участниковъ измаильскаго штурма) атаковали подъ перекрестнымъ огнемъ, взобрались на валъ, одолѣли энергическую защиту генерала Яссинскаго и стали на валу твердою ногою. Третьей и четвертой колоннамъ приходилось итти по глубокому сыпучему песку и перебираться

чрезъ 6 рядовъ волчьихъ ямъ, но это только задержало, а не остановило Русскихъ. Третья колонна (генералъ-майора Исленьева) взобралась на парапетъ, выгнала непріятеля и бросилась къ главному ретраншаменту. Въ это время показалась невдалекѣ польская конница, чтобы ударить атакующимъ во флангъ. По приказу Исленьева, два батальона мгновенно развернулись фронтомъ къ сторонѣ непріятеля и съ крикомъ *ура* бросились на него въ штыки. Конница ретировалась, а другіе два батальона тѣмъ временемъ атаковали и взяли главный валъ. Четвертой колоннѣ (генералъ-майора Буксгевдена) предстояла самая трудная задача—штурмовать наиболѣе укрѣпленный пунктъ линіи, т.-е. исходящій ея уголъ; но порывъ войскъ былъ такъ стремителенъ, что всѣ преграды перешли въ ихъ руки одна за другою послѣдовательно и кавальеръ былъ быстро занятъ. Едва-ли еще не большей стремительностью отличались дѣйствія двухъ слѣдующихъ колоннъ, пятой (г.-м. Тормасова) и шестой (г.-м. Рахманова), которыя завладѣли главнымъ валомъ и батареями чуть не въ одинъ мигъ. Седьмая колонна (г.-м. Денисова), сдѣлавшая обходный путь въ 8 верстъ, тоже съ полнымъ успѣхомъ завладѣла батареями и отбросила къ рѣкѣ непріятельскую конницу.

Завладѣвъ внѣшнею линіей укрѣпленій, русскія войска двинулись дальше, безъ малѣйшей потери времени. Первыя двѣ русскія колонны были атакованы тотчасъ за ретраншаментомъ отрядомъ кавалеріи и частью выбитой пѣхоты, но приняли ихъ въ штыки, сбили и горячо преслѣдовали въ самую Прагу. При этомъ генералъ Ласси былъ раненъ и сдалъ команду, но колонна его продолжала преслѣдованіе, добралась до моста и отрѣзала бѣгущимъ путь отступленія за Вислу. Третья колонна дальнѣйшаго сопротивленія почти не встрѣтила, но четвертой пришлось имѣть упорное дѣло съ отступавшими, такъ какъ на ея пути, за валомъ, тянулся звѣринецъ съ засѣками и частоколомъ. Но и здѣсь Полякамъ не было удачи; они полегли во множествѣ, въ томъ числѣ чуть не поголовно 500-ный полкъ евреевъ, сражавшійся съ замѣчательной храбростью; но полковникъ ихъ избѣгъ общей участи, оставшись на это время въ Варшавѣ. Пятая колонна дошла до Праги быстро и добралась до моста;

шестая проникла во внутренній ретраншаментъ почти одновременно съ нею. Обѣ онѣ, а также и седьмая (послѣ пораженія конницы) почти не встрѣтили сопротивленія. Резервы и артиллерія тоже исполнили свою задачу по диспозиціи безукоризненно.

Такимъ образомъ русскія войска ворвались съ разныхъ сторонъ въ Прагу. Вавржецкій успѣлъ спастись, сопровождаемый однимъ офицеромъ и двумя прагскими жителями. Прискакавъ подъ выстрѣлами къ мосту, Вавржецкій нетолько не нашелъ тутъ караула, но даже ни одного человѣка для обороны, да и на варшавскомъ концѣ не видать было ни души. Русскіе егеря приблизились, взошли на мостъ и стали въ Вавржецкаго стрѣлять; польскій главнокомандующій ужаснулся: такая страшная и близкая опасность грозила Варшавѣ. Но онъ напрасно тревожился; Суворовымъ было отдано приказаніе, чтобы русскія войска не были на мостъ пускаемы. Перейдя черезъ мостъ пѣшкомъ, такъ какъ сопутники ссадили его для большей безопасности съ коня, Вавржецкій увидѣлъ на варшавскомъ концѣ пушку, пѣхотный же караулъ укрывался въ ближайшихъ домахъ. Главнокомандующій вызвалъ его оттуда, отъискалъ канонира, велѣлъ стрѣлять и послалъ за другими орудіями; двѣ пушки скоро прибыли, но гранаты не имѣли трубокъ. Вавржецкаго больше всего озабочивала необходимость испортить мостъ (другой, ниже города, былъ уже испорченъ), а потому, во ожиданіи снарядовъ, онъ послалъ для этого солдатъ на мостъ, но они были прогнаны русскими ядрами, такъ какъ нѣсколько русскихъ пушекъ уже прибыло къ Вислѣ. Вавржецкій повелъ солдатъ самъ, съ топоромъ въ рукѣ, но былъ русскимъ огнемъ отбитъ. Въ это время прибыли артиллеристы, доставлены исправные снаряды, и польскія орудія открыли огонь. Вавржецкій поѣхалъ въ городъ сзывать вооруженныхъ жителей на берегъ. Улицы были пусты, и Вавржецкому удалось съ большимъ трудомъ выгнать на берегъ Вислы тысячи три человѣкъ, чтобы русскіе видѣли вооруженную польскую силу.

Суворовъ съ самаго начала штурма находился на холмѣ, въ верстѣ отъ передней линіи польскихъ укрѣпленій, и слѣдилъ оттуда за ходомъ боя. По скорости, съ которою Русскіе появи-

лись на укрѣпленіяхъ и двигались впередъ, и по донесеніямъ ординарцевъ и начальниковъ, онъ увидѣлъ, что войска сражались нетолько съ особенной энергіей, но и съ большимъ ожесточеніемъ. Ожесточеніе это еще возрасло, когда они съ разныхъ сторонъ ворвались въ Прагу. «Страшное было кровопролитіе», доносилъ Суворовъ: каждый шагъ на улицахъ покрытъ былъ побитыми; всѣ площади были устланы тѣлами, а послѣднее и самое страшное истребленіе было на берегу Вислы, въ виду варшавскаго народа». Ожесточеніе уличнаго боя усиливалось еще тѣмъ, что многіе спрятавшіеся въ домахъ, не исключая и женщинъ, стали оттуда стрѣлять, бросать каменьями и всѣмъ тяжелымъ, что попадалось подъ руку. Бойня дошла до апогея; врывались въ дома, били всѣхъ кого попало, и вооруженныхъ и безоружныхъ, и оборонявшихся и прятавшихся; старики, женщины, дѣти—всякій, кто подвертывался, погибалъ подъ ударами. Въ ужасѣ и отчаяніи многіе бѣжали къ Вислѣ, надѣясь на мостъ, но и эта послѣдняя надежда ихъ обманула; бросались въ лодки, но ихъ было немного, и онѣ тонули отъ непомѣрнаго груза; кидались вплавь, но до другого берега было слишкомъ далеко, и вслѣдъ за пловцами летѣли пули.

Суворовъ, самъ не ожидавшій такого ожесточенія, содрогнулся подобно Ваврженцкому за участь Варшавы. Мостъ оберегали, но при томъ градусѣ возбужденія, до котораго дошли войска, гарантія становилась недостаточной, и Суворовъ отдалъ приказаніе—немедленно разрушить мостъ съ нашей стороны, т.-е. сдѣлать то, чего только что добивался польскій главнокомандующій. Мостъ запылалъ, путь въ Варшаву былъ закрытъ. Спустя нѣкоторое время загорѣлся мостъ и съ варшавской стороны, такъ какъ этому Русскіе уже не препятствовали.

Между Прагой и Варшавой грохотала канонада. Отъ варшавскихъ батарей много терпѣли русскія войска въ Прагѣ; меньшій матеріальный вредъ, но болѣе сильный нравственный несла Варшава отъ русской прибрежной батареи. Свистъ ядеръ и трескъ разрывавшихся гранатъ наводилъ ужасъ на жителей; унылый набатный звонъ, раздававшійся повсемѣстно, усиливалъ тяжелое впечатлѣніе. Варшавяне запирались въ домахъ, прятались въ погреба, бѣжали подъ защиту святыни церквей, искали

спасенія у иностранныхъ посланниковъ. Верховный совѣтъ находился въ сборѣ, шло засѣданіе; влетѣла русская граната и убила секретаря. Совѣтъ вотировалъ полномочіе Вавржецкому и отправился съ письменнымъ постановленіемъ въ его домъ. Колонтая въ совѣтѣ не было, онъ бѣжалъ.

Такимъ образомъ Варшава была пощажена, но несчастная Прага испила чашу бѣдствій до дна. Съ моста пламя перекинулось на ближайшія постройки и пошло гулять дальше; въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ тоже вспыхнули пожары отъ бомбъ варшавскихъ батарей. Прага обратилась въ огненное море, видъ котораго усугублялъ ужасъ варшавскихъ жителей; говоря же опредѣлительно, пожаръ совершенно истребилъ три улицы.

Въ 9 часовъ утра 24 числа все было кончено; продолжался лишь пожаръ да шелъ грабежъ. Хотя ни въ диспозиціи, ни въ приказѣ не упоминалось о добычѣ, но таковъ уже былъ обычай времени, и въ Суворовскомъ военномъ катехизисѣ очень ясно говорилось: «возьмешь лагерь—все твое, возьмешь крѣпость — все твое». Грабежъ продолжался весь день и ночь, но разжились на немъ солдаты не много, потому что грабить было нечего. Еврейское населеніе Праги отличалось бѣдностью, а если кто и имѣлъ что нибудь получше и подороже, то конечно заблаговременно вывезъ вонъ, особенно изъ имущества не громоздскаго, которое только и могло пригодиться солдатамъ. Довольно много досталось лошадей, но онѣ были очень изнурены, ходить за ними было некогда и содержать рѣшительно нечѣмъ, такъ что казаки одного полка принуждены были продать добычныхъ коней евреямъ, по 2 рубля за голову. Вѣроятно тоже самое было и у другихъ.

Тотчасъ послѣ боя, Суворову разбили простую солдатскую палатку; сюда собрались главныя начальствующія лица и знатные волонтеры, которыхъ при штурмѣ было не мало. Суворовъ потребовалъ къ себѣ плѣнныхъ польскихъ генераловъ; пожалъ имъ руки и обошелся съ нимъ очень привѣтливо. Стали тутъ же собирать все, что было подъ рукой, для подкрѣпленія силъ, и къ столу приглашены были плѣнные польскіе штабъ-офицеры, принятые также любезно. Послѣ импровизованнаго обѣда всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ; требовался отдыхъ послѣ край-

няго нервнаго напряженія, ибо благодаря только усиліямъ воли, многіе могли быть дѣйствующими лицами въ минувшей кровавой драмѣ. Самъ Суворовъ былъ совсѣмъ боленъ и писалъ въ этотъ день одному изъ своихъ пріятелей, что «едва таскаетъ ноги». Шевичъ страдалъ лихорадкой съ ежедневными пароксизмами; бригадиръ Поливановъ едва говорилъ; Исаевъ оставался на ногахъ съ пулей въ рукѣ, пронизавшей ему предварительно грудь; Ферзенъ перемогался черезъ силу уже нѣсколько дней. Имѣя въ себѣ самомъ неисчерпаемый запасъ энергіи, Суворовъ умѣлъ вливать ее и въ подчиненныхъ. Теперь онъ легъ на солому отдохнуть, а къ ночи ему разбили калмыцкую кибитку, такъ какъ погода стояла свѣжая. Въ этотъ же день онъ отправилъ къ Румянцеву короткое донесеніе: «сіятельнѣйшій графъ, ура, Прага наша» [21]).

Потери обѣихъ сторонъ можно опредѣлить только приблизительно. Убитыхъ, умершихъ отъ ранъ и утонувшихъ непріятелей было 9—10,000; плѣнныхъ, т.-е. взятыхъ съ оружіемъ, безоружныхъ и раненыхъ 11—13.000, въ томъ числѣ около 450 офицеровъ; пушекъ осталось въ рукахъ побѣдителей 101—104. Потеря съ русской стороны заключалась въ 2—3.000 убитыхъ и раненыхъ. Изъ числа взятыхъ живьемъ и раненыхъ, роспущено по домамъ больше 6,000; отправлено въ Кіевъ до 4.000 изъ регулярнаго войска, а косиньеры отпущены на свободу вмѣстѣ съ другими, не военными.

Многіе польскіе и иностранные писатели называютъ штурмъ Праги простой бойней, гдѣ не видать никакого военнаго таланта, а дѣйствовала одна грубая сила, вродѣ стихійной, и гдѣ успѣхъ былъ завершенъ невообразимымъ звѣрствомъ и кровожадностью войскъ и ихъ предводителя. Изъ приведенныхъ выше распоряженій Суворова передъ штурмомъ и изъ самаго хода дѣла видно, на сколько подобный приговоръ далекъ отъ истины. Что Прага не была обращена вся въ кучу развалинъ, видно изъ того обстоятельства, что спустя короткое время нѣсколько войсковыхъ частей было въ ней расквартировано. Жителямъ Праги оставаться дома также не было резона, а сдѣлано это тѣми или другими лишь въ силу различныхъ причинъ. Штурмъ во первыхъ ожидался; во вторыхъ существовало два моста къ услугамъ

бѣглецовъ и одинъ изъ нихъ закрылся по истеченіи довольно долгаго времени. Особенно должны были бѣжать женщины вмѣстѣ съ дѣтьми по естественному чувству самосохраненія, да и мужчины также, такъ какъ это были почти исключительно евреи. Вѣдь самъ польскій главнокомандующій приглашалъ къ этому всѣхъ обывателей Праги. А потомъ, тотчасъ по овладѣніи Прагой, какъ свидѣтельствуютъ сами Поляки, Суворовъ послалъ офицеровъ звать жителей въ русскій лагерь; тѣ, которые послушались, спасли свою жизнь, хотя и были ограблены.

Диспозиція къ штурму отличалась замѣчательною обстоятельностью, но еще болѣе программы заслуживаетъ вниманія исполненіе ея, въ которомъ нѣкоторыя частности плана оказались лишними ступенями къ побѣдѣ. Многолюдствомъ Русскіе взять не могли, потому что ихъ численный перевѣсъ надъ Поляками не превышалъ 4—5,000 человѣкъ. Перевѣсъ былъ качественный, какъ въ Измаилѣ, особенно въ предводительствѣ, и если палъ Измаилъ, то тѣмъ болѣе не могла избѣжать этой участи и Прага.

Суворовъ въ реляціи своей говоритъ: «дѣло сіе подобно измаильскому». Подобно, но не равно. Тамъ, при значительномъ численномъ перевѣсѣ обороняющагося, атакующій имѣлъ двѣ цѣлыя штурмовыя колонны изъ спѣшенныхъ казаковъ, да и едва не половина штурмующаго корпуса состояла изъ казачьихъ полковъ. Правда, и подъ Прагой казаковъ было много, но на коняхъ; изъ нихъ штурмовыхъ колоннъ не формировали, и хотя въ штурмѣ участвовала спѣшенная кавалерія, но не казаки, а драгуны, въ резервѣ трехъ колоннъ, да и было ихъ сравнительно немного. Съ другой стороны, въ Измаилѣ была одна крѣпостная ограда, хоть и очень сильная, а тутъ двойная линія ретраншаментовъ, съ передовыми укрѣпленіями и тетъ-де-пономъ. Но укрѣпленія эти были заняты слабо, и оборонялась съ упорствомъ только первая линія, тогда какъ въ Измаилѣ Русскіе встрѣчали отпоръ что дальше, то сильнѣе. Обстоятельство это имѣетъ существенное значеніе; имъ объясняется и небольшая продолжительность всего дѣла подъ Прагой, и несоразмѣрно малый уронъ Русскихъ. По завладѣніи переднимъ ретраншаментомъ, Русскимъ лишь мѣстами и частями приходилось драться,

а больше только гнать и бить. Вообще сравненіемъ Праги съ Измаиломъ подтверждается репутація чрезвычайнаго упорства Турокъ при защитѣ укрѣпленныхъ мѣстъ и обнаруживается недостатокъ энергіи у Поляковъ при оборонѣ Праги, которая однако же была для нихъ гораздо важнѣе, чѣмъ Измаилъ для Турокъ.

Можетъ быть причина тому заключается въ необыкновенной энергіи русской атаки, энергіи, едва ли доходившей до такой высокой степени подъ Измаиломъ. Энергія эта, какъ и жестокое кровопролитіе въ самой Прагѣ, были слѣдствіемъ чрезвычайнаго возбужденія войскъ. Кровавыя апрѣльскія событія въ Варшавѣ постоянно держались у всѣхъ въ памяти, особенно въ корпусѣ Ферзена, гдѣ находилось нѣсколько батальоновъ, очевидцевъ варшавской рѣзни. Суворовъ подтверждалъ о милосердіи и пощадѣ; онъ даже далъ, какъ мы видѣли, особое наставленіе Ферзену, въ корпусѣ котораго люди были наиболѣе озлоблены, но недавнія воспоминанія оказались болѣе сильными. А въ виду вѣроломной Варшавы и всѣ другіе, по примѣру Ферзеновскихъ, пришли въ ожесточеніе. «Смотри братцы, никому пощады», кричали они другъ другу еще не добравшись до Праги, а когда ворвались въ это несчастное предмѣстіе, то только и слышны были крики: «нѣтъ пардона». Какъ же можно въ этомъ винить Суворова или даже Суворовскаго солдата? Развѣ Поляки, убивая въ Варшавѣ Русскихъ, вооруженныхъ и безоружныхъ, не давая пардона имъ подъ Рославицами (о чемъ было публиковано въ свое время въ Варшавѣ) и обнаруживая при всякомъ случаѣ свою къ нимъ ненависть, не дѣлали тоже самое? Правда, Поляки побѣждены, на ихъ долю—состраданіе, и обвиненіе побѣдителей самое легкое къ тому средство; но въ способѣ этомъ нѣтъ критическаго смысла. Кромѣ того надо принимать въ соображеніе и осязательные результаты, только что изложенные въ видѣ цифръ. Въ итогѣ получится, что прагское кровопролитіе вовсе не доходило до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, которые принимаются за несомнѣнный фактъ, и что оно далеко не можетъ равняться съ измаильскимъ.

Но зато прагскій штурмъ имѣетъ историческое значеніе несравненно выше измаильскаго. Революція была затушена;

война подсѣчена въ корнѣ. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, полученнымъ Суворовымъ нѣсколько времени спустя, воеводства люблинское и сандомирское и вся Галиція готовились къ возстанію, для чего назначенъ былъ день въ первыхъ числахъ ноября, но взятіе Праги съ его послѣдствіями разрушило инсурекціонный планъ. Этотъ кровавый штурмъ, происходившій на глазахъ варшавянъ, навелъ ужасъ на польскую столицу, вселилъ въ нее трепетъ, по свидѣтельству самихъ Поляковъ. Нравственныя и матеріальныя силы инсурекціонной Польши были сломлены. Суворовъ достигъ своей цѣли: пролившаяся рѣка крови устранила хроническое кровопролитіе затягивающейся войны. Не прошло сутокъ послѣ прагскаго побоища, и въ русскомъ лагерѣ явилось посольство отъ капитулирующей Варшавы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Третья Польская война: Варшава, обезоруженіе.

1794.

Октября 25, вскорѣ послѣ полуночи, отъ варшавскаго берега Вислы отчалили двѣ лодки и при звукѣ трубы, съ развѣвавшимся бѣлымъ знаменемъ, подъ сильнымъ снѣгомъ, поплыли къ Прагѣ. Въ Варшавѣ царила тишина, не неслось оттуда обычнаго городского шума; было совсѣмъ тихо и на самомъ берегу, покрытомъ толпами народа, который съ фонарями и факелами, но безъ оружія, провожалъ уполномоченныхъ и остался ждать ихъ возвращенія. Это отправилось къ Суворову три депутата отъ варшавскаго магистрата, съ депешею магистрата и съ письмомъ короля.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что окончившагося прагскаго штурма и въ виду пожираемаго пламенемъ несчастнаго предмѣстія, верховный совѣтъ выслалъ изъ Варшавы свой архивъ, отправилъ казну въ корпусъ Понятовскаго и выпустилъ изъ тюремъ приверженцевъ русской партіи, или подозрѣвавшихся въ этой приверженности. Еще недавно имъ и русскимъ плѣннымъ грозила серьезная опасность, притомъ двукратно. Во первыхъ тотчасъ по плѣненіи Косцюшки, крайніе демократы и революціонеры стали кричать о преданіи смерти русскихъ плѣнныхъ, но вслѣдъ затѣмъ верховный совѣтъ получилъ отъ

Косцюшки извѣщеніе, что съ нимъ обращаются хорошо, а потому рѣшилъ также поступать и съ русскими плѣнными. Потомъ, нѣсколько позже, вторичное предложеніе о казни Русскихъ собирался сдѣлать Колонтай. Какъ ни боялись члены совѣта своего мрачнаго сотоварища, предложеніе его было бы по всей вѣроятности отклонено, но у Колонтая оставался другой рессурсъ, возмущеніе черни, при помощи которой онъ быть можетъ и добился бы своего. Теперь обстоятельства измѣнились, и подъ вліяніемъ нависшей бѣды, въ варшавскомъ населеніи взяли верхъ другія побужденія. Однако анархическія стремленія все таки могли въ чемъ либо выказаться, поэтому Ваврженкій послалъ приказаніе одному изъ польскихъ корпусовъ—вернуться къ Варшавѣ, а королю далъ письменный совѣтъ—выѣхать изъ столицы къ войскамъ.

Съ самаго утра 24 числа, изъ Варшавы потянулись длинныя вереницы экипажей, обозовъ и пѣшеходовъ; уѣзжали и уходили всѣ тѣ, которые не вѣрили въ благопріятный исходъ дѣла и торопились избѣгнуть участи, постигшей Прагу. Уѣзжали нетолько мирные граждане, но и офицеры; Колонтай убѣжалъ раньше. Ваврженкій, имѣя нѣсколько донесеній, что Колонтай увезъ съ собой большія деньги и драгоцѣнности, пожертвованныя частными лицами еще при Косцюшкѣ на патріотическое дѣло, послалъ въ погоню за нимъ одного генерала. По приказанію послѣдняго, были съ дороги отправлены въ Козеницу 200 человѣкъ кавалеріи при двухъ офицерахъ, но они своей обязанности не исполнили, открывъ Колонтаю цѣль ихъ командировки и давъ ему возможность бѣжать дальше. Провинились передъ долгомъ и совѣстью и нѣкоторые другіе; свидѣтельствуя по приказанію верховнаго совѣта казну, таможенный директоръ передалъ больше 6,000 червонцевъ нѣсколькимъ офицерамъ, для доставленія въ указанное мѣсто, но не всѣ они это исполнили.

Варшава переживала 24 октября часы, стоившіе многихъ лѣтъ. Требовалась крайняя энергія правительства для успокоенія обезумѣвшаго отъ ужаса населенія, а между тѣмъ и правительства почти не было. Послѣ полудня сформировалась депутація отъ горожанъ и представилась королю, Ваврженцкому и верхов-

ному совѣту; она требовала капитуляціи и рѣшительно отказывалась отъ всякихъ оборонительныхъ дѣйствій, дабы спасти городъ отъ мести и разоренія. Эти три власти думали тоже самое, различіе было лишь въ оттѣнкахъ, а потому рѣшеніе послѣдовало въ ту же ночь. Верховный совѣтъ поручилъ магистрату— отправить къ Суворову депутацію съ предложеніемъ капитуляціи; король далъ отъ себя письмо въ томъ же смыслѣ.

Депутація, прибывшая въ Прагу 25 числа послѣ полуночи, была принята прагскимъ комендантомъ Буксгевденомъ съ подобающею честью и отправлена къ правившему при Суворовѣ должность дежурнаго генерала, Исленьеву. Исленьевъ разспросилъ депутатовъ о цѣли ихъ посылки, и такъ какъ Суворовъ спалъ, то приказалъ разбить для посланцовъ шатеръ и угостилъ ихъ чаемъ и пуншемъ. Когда стало свѣтать, Исленьевъ извѣстилъ Суворова о прибывшей депутаціи. Суворовъ принялъ эту вѣсть съ особеннымъ удовольствіемъ и тотчасъ же продиктовалъ одному изъ своихъ приближенныхъ условія капитуляціи. Они состояли въ слѣдующемъ. Оружіе, артиллерію и снаряды сложить за городомъ, въ условленномъ мѣстѣ; поспѣшно исправить мостъ, чтобы русскія войска могли вступить въ Варшаву сегодня послѣ полудня или завтра утромъ; дается торжественное обѣщаніе именемъ Русской Императрицы, что все будетъ предано забвенію и что польскія войска, по сложеніи ими оружія, будутъ роспущены по домамъ съ обезпеченіемъ личной свободы и имущества каждаго; тоже самое гарантируется и мирнымъ обывателямъ; Его Величеству королю—всеподобающая честь. Въ это время Суворову откланивались отъѣзжавшіе во свояси прусскіе офицеры, а потому польскіе депутаты должны были обождать. Когда Пруссаки уѣхали, Поляки приглашены были къ Суворову, въ его калмыцкую кибитку. Они вошли; Суворовъ сидѣлъ и не всталъ, извинившись, что сильно болятъ ноги и пригласилъ ихъ сѣсть. Выслушавъ отъ нихъ цѣль ихъ пріѣзда, русскій главнокомандующій прочиталъ письма отъ короля и магистрата, остался ими очень доволенъ, сталъ кричать по польски «миръ» и «виватъ», обниматься съ депутатами, снялъ съ себя саблю и бросилъ ее въ уголъ. Потомъ онъ принялся угощать депутатовъ виномъ и закусками, чокался съ ними.

разломилъ хлѣбъ на куски, роздалъ депутатамъ и сказалъ, что вмѣсто того, чтобы воевать, онъ предпочитаетъ дѣлиться съ ними послѣднимъ кускомъ хлѣба. Спросилъ онъ между прочимъ про Закржевскаго, Игнатія Потоцкаго и нѣкоторыхъ другихъ. Узнавъ что они въ Варшавѣ, Суворовъ ихъ похвалилъ, назвалъ честными людьми за то, что не бросили своихъ въ бѣдѣ, а о бѣжавшемъ Колонтаѣ выразился, что отъ него ничего другого и ждать было нельзя.

Въ депешѣ магистрата значилось, что онъ проситъ прекратить военныя дѣйствія до заключенія капитуляціи и гарантировать варшавскимъ жителямъ жизнь и собственность. Король писалъ, что магистратъ Варшавы ходатайствуетъ о его вмѣшательствѣ въ переговоры, для разъясненія намѣреній Суворова относительно польской столицы, а потому онъ, король, проситъ по этому предмету отвѣта, предупреждая, что жители намѣрены защищаться до послѣдней крайности, если имъ не будетъ гарантирована личная и имущественная безопасность. Суворовъ вручилъ депутатамъ только что продиктованныя передъ тѣмъ условія капитуляціи, а также короткое письмо къ королю, тутъ же написанное, въ которомъ говорилось, что всѣ желанія короля выполнены. Затѣмъ депутаты были отпущены подъ эскортомъ, сѣли въ лодку и отправились къ варшавскому берегу. Тамъ по прежнему толпился народъ, ожидая отвѣта. Когда депутаты приблизились на столько, что могли быть услышаны, то стали кричать: «миръ, миръ». Весь берегъ загудѣлъ отъ радостныхъ криковъ народа, и депутаты были на рукахъ вынесены изъ лодки.

Депутатамъ было Суворовымъ внушено, что отвѣтъ ожидается черезъ 24 часа и что затягиваніе дѣла не допускается. Въ ожиданіи вторичнаго ихъ прибытія, весь день 25 октября прошелъ въ очисткѣ улицъ и уборкѣ мертвыхъ тѣлъ.

Когда уполномоченные магистрата передали королю отвѣтъ Суворова и условія капитуляціи Варшавы, главнокомандующій и верховный совѣтъ были призваны во дворецъ; туда же прибыли нѣсколько генераловъ. Здѣсь разыгрались сцены, доказавшія какъ велико было разномысліе между людьми, управлявшими погибающей Польшей. Генералъ Макрановскій именемъ

арміи объявилъ готовность повиноваться королю и главнокомандующему, но не верховному совѣту и осыпалъ этотъ послѣдній горькими упреками за его неумѣлость и многочисленныя ошибки. Король говорилъ о немедленномъ сложеніи оружія, какъ того требуетъ Суворовъ, утверждая, что русскій главнокомандующій отъ своего требованія ни въ какомъ случаѣ не отступится. Вавржецкій съ королемъ не согласился; онъ настаивалъ на томъ, что имѣя 20,000 войска подъ ружьемъ и 100 орудій, можно если не поддержать революцію и спасти отечество, то по крайней мѣрѣ защитить народъ или погибнуть со славою. Пусть столица и вся земля отдадутся Суворову, но арміи слѣдуетъ направиться въ Пруссію и тамъ зимовать. Суворовъ, имѣя тутъ много дѣла, не пойдетъ за нею, безъ особаго повелѣнія Императрицы, хотя бы король Прусскій и звалъ его на помощь. Предпріятіе это обѣщаетъ успѣхъ, ибо прусскія войска весьма раздроблены и до зимы не въ состояніи собраться для сколько нибудь дѣйствительнаго отпора. А король Станиславъ можетъ тѣмъ временемъ написать Русской Императрицѣ.

Судя по послѣдствіямъ надо полагать, что мнѣніе Вавржецкаго одержало верхъ. Верховный совѣтъ вновь далъ магистрату инструкцію и полномочіе на веденіе переговоровъ, сдѣлавъ на нѣкоторыя требованія Суворова контръ-предложенія. А именно: обезоружить войска, сдать артиллерію, снаряды и все воинское снаряженіе — городъ не можетъ, такъ какъ войско магистрату не подчинено; но постарается склонить армію къ принятію этого рѣшенія; не можетъ также починить мостъ въ назначенный срокъ, да и польскія войска не въ состояніи двинуться изъ города раньше восьми дней. Магистратъ принялъ это постановленіе верховнаго совѣта къ исполненію.

Октября 26, около 10 часовъ утра, прибыли прежніе депутаты съ отвѣтомъ магистрата. Суворовъ прочелъ депешу и пришелъ къ заключенію, что дѣло умышленно затягивается, тогда какъ успѣхъ переговоровъ обезпечивался именно ихъ быстротою, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прагскаго штурма. Суворовъ тотчасъ же подтвердилъ и развилъ прежнія свои требованія въ рядѣ новыхъ пунктовъ, изложивъ въ нихъ слѣдующее. Жители Варшавы немедленно обезоруживаются, ихъ ору-

жіе перевозится въ Прагу на лодкахъ, а находящееся въ оружейныхъ магазинахъ—передается магистрату. Арсеналъ, порохъ и всѣ военные припасы Варшавы сдаются Русскимъ, по занятіи ими города, который вмѣстѣ съ тѣмъ обязывается принудить войска тоже сложить оружіе, кромѣ гвардіи короля, или же заставить ихъ выйти за городскую черту. Для исправленія моста назначается срокомъ 28 октября; русскія войска будутъ также работать; до этого числа назначается перемиріе. Магистратъ встрѣчаетъ русскія войска, при ихъ вступленіи въ городъ, на мосту, съ городскими ключами; всѣ дома по пути слѣдованія Русскихъ будутъ закрыты; архивъ русской миссіи и всѣ ея бумаги сдаются по принадлежности; русскіе плѣнные получаютъ свободу завтра утромъ.

Вручивъ эти условія депутатамъ, Суворовъ снабдилъ ихъ еще особымъ заявленіемъ, въ которомъ просилъ о поддержаніи тишины и порядка при вступленіи русскихъ войскъ и снова удостовѣрялъ обывателей въ ихъ личной безопасности. Затѣмъ онъ приказалъ генераламъ Денисову и Ферзену переправиться съ ихъ войсками на непріятельскую сторону Вислы, нѣсколько выше Варшавы. Въ это же утро Потоцкій упросилъ находившихся въ плѣну русскихъ дипломатическихъ чиновниковъ, бароновъ Аша и Бюлера, съѣздить къ Суворову, вѣроятно съ цѣлью его умилостивленія въ интересѣ всѣхъ плѣнныхъ. Ашъ и Бюлеръ пробыли въ русскомъ лагерѣ не долго и вернулись въ Варшаву вскорѣ послѣ полудня. Возвращеніе ихъ произвело впечатлѣніе на народъ, усилило его надежды на мирный конецъ и укрѣпило довѣріе къ русскому главнокомандующему. Результатъ этой миссіи остается неизвѣстнымъ.

Вскорѣ послѣ полуночи съ 26 на 27 число, понесся изъ Варшавы гулъ, потомъ послышались крики, вопли и другіе признаки уличнаго безпорядка, а затѣмъ раздались и выстрѣлы. Это буйствовали толпы народа, добивавшагося во что бы то ни стало капитуляціи города. Они очень опасались отѣзда короля, считая его присутствіе вѣрнѣйшимъ залогомъ мирнаго исхода и подозрѣвали Вавржецкаго въ возможности противудѣйствія. Главною же причиною смуты былъ самъ безхарактерный, малодушный король, который для успокоенія партій лавировалъ

между ними и, не имѣя ни малѣйшей охоты раздѣлить съ войсками труды, опасности и рискъ дальнѣйшихъ военныхъ предпріятій, — таилъ однако такой свой взглядъ и высказывалъ нѣсколько разъ намѣреніе отправиться въ армію [22]).

Когда окончательныя условія Суворова стали въ городѣ извѣстны, то огромное большинство населенія осталось ими очень довольно, не исключая и офицеровъ. Это большинство чувствовало усталость отъ бурныхъ событій послѣднихъ лѣтъ; «ни въ комъ не было видно духа революціи», съ горечью говоритъ Вавржецкій. Генералы Понятовскій, Віельгорскій, Грабовскій, Макрановскій, Піотровскій, Цихоцкій положили оружіе, принесли покорность королю и остались въ Варшавѣ; примѣру ихъ послѣдовало множество офицеровъ. А въ то время, какъ населеніе Варшавы добивалось скорѣйшаго заключенія капитуляціи, Вавржецкій старался этотъ срокъ отдалить, чтобы успѣть вывезти за-городъ какъ можно больше военнаго имущества. Король и магистратъ требовали отъ главнокомандующаго скорѣйшаго выступленія войскъ изъ Варшавы; онъ возражалъ, что долженъ прежде выпроводить военные транспорты. Приступалъ къ нему съ подобными требованіями и народъ; Вавржецкій отвѣчалъ упреками, что «затѣявъ революцію, хотятъ такъ подло ее кончить». Ободренные этимъ крайніе патріоты, члены клуба, стали громко кричать противъ капитуляціи, грозя перерѣзать русскихъ плѣнныхъ и перевѣшать приверженцевъ Россіи. Но ихъ никто уже не слушалъ. Несмотря на мостовой караулъ, чернь прорвалась на мостъ и принялась его чинить. Вавржецкій послалъ батальонъ съ приказаніемъ — очистить мостъ и никого туда не пропускать, а если будутъ ослушники, то стрѣлять въ нихъ картечью. Только исполненіемъ этой угрозы онъ и заставилъ себѣ повиноваться.

Видя упорство главнокомандующаго, король послалъ утромъ къ Суворову съ просьбой объ отсрочкѣ вступленія русскихъ войскъ, но Суворовъ отказалъ, усматривая тутъ ловушку, поставленную и королю, и ему. Послѣ этого отказа, революціонному правительству дѣлать уже было нечего; верховный совѣтъ закрылся, передавъ королю свои полномочія. Получивъ власть, король послалъ къ Суворову второе довѣренное лицо, а затѣмъ

и третье, снабдивъ его полномочіями уже не по предмету капитуляціи Варшавы, а для трактованія о мирѣ между Россіей и Польшей. Узнавъ отъ уполномоченнаго о содержаніи письма, Суворовъ возвратилъ его нераспечатаннымъ, сказавъ, что войны между Россіей и Польшей нѣтъ; что онъ, Суворовъ, не министръ, а военачальникъ, присланный для сокрушенія мятежниковъ и, кромѣ отправленныхъ уже въ Варшаву статей, ни о чемъ другомъ трактовать не станетъ. Но дабы облегчить королю задачу умиротворенія и вывести его изъ затруднительнаго положенія, онъ въ концѣ концовъ согласился измѣнить свое первоначальное рѣшеніе и отложилъ вступленіе войскъ въ Варшаву до 1 ноября.

Въ числѣ трехъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ этотъ день къ русскому главнокомандующему отъ Польскаго короля, находился графъ Игнатій Потоцкій, одинъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ революціи. Суворову совѣтовали удержать Потоцкаго въ видѣ заложника, такъ какъ русскіе плѣнные не были еще освобождены; но онъ рѣшительно отказался, сказавъ, что подобный поступокъ былъ бы злоупотребленіемъ довѣрія, оказываемаго непріятелемъ, и ничего кромѣ худого въ происходящіе переговоры не внесетъ.

Прагская сторона моста была уже готова; на варшавскомъ концѣ работа кипѣла, никѣмъ не останавливаемая. Магистратъ написалъ Суворову отвѣтъ на послѣдне-присланныя условія капитуляціи; всѣ пункты принимались, кромѣ вступленія Русскихъ въ Варшаву 28 числа, такъ какъ 27 число уже истекало; оружіе мирныхъ жителей было отобрано, сложено и готово къ отправленію на лодкахъ къ Прагѣ; обезоруженіе польскихъ войскъ или выводъ ихъ изъ города король принималъ на себя; оставлялось при оружіи только 1,000 человѣкъ гвардіи и 300 полиціи. Доставленіе этого отвѣта было однако оттянуто до слѣдующаго дня, вѣроятно по настоянію Вавржецкаго, для выигранія времени на выходъ войскъ. Не ограничиваясь прямымъ отвѣтомъ на условія капитуляціи, магистратъ написалъ еще депешу, въ которой благодарилъ Суворова за его условія, принятыя населеніемъ съ радостью. На слѣдующій день, 28 октября, передъ разсвѣтомъ, въ Прагу прибыли прежніе магистратскіе

депутаты, привезя съ собой два означенные документа; они были допущены къ Суворову и обратились къ нему со словесною просьбой о скорѣйшемъ вступленіи русскихъ войскъ въ Варшаву, такъ какъ городъ, и въ особенности короля, нельзя было считать обезпеченными отъ недовольныхъ капитуляціей. Вслѣдъ затѣмъ явился посланный съ письмомъ отъ короля, короткимъ, но любезнымъ, гдѣ Станиславъ-Августъ благодарилъ Суворова за его образъ дѣйствій, чистосердечный и честный, и выпускалъ на свободу русскихъ военныхъ, содержавшихся въ Варшавѣ. Суворовъ назначилъ на завтра вступленіе въ Варшаву и отправилъ бригадира князя Лобанова-Ростовскаго съ отвѣтнымъ письмомъ къ королю и съ порученіемъ — принять освобожденныхъ плѣнныхъ.

Такимъ образомъ дѣло, приближаясь къ мирному концу, получало и оттѣнокъ мирный, почти дружественный. Одному изъ плѣнныхъ польскихъ генераловъ, старику Геслеру, Суворовъ дозволилъ перебраться въ Варшаву, къ семейству; сообщеніе между Варшавой и Прагой сдѣлалось свободнымъ; освобожденные русскіе плѣнные ѣздили въ Прагу навѣщать знакомыхъ; изъ прагскаго лагеря многіе отправлялись съ той же цѣлью въ Варшаву. А Вавржецкій тѣмъ временемъ спѣшилъ отправлять военные транспорты; такимъ образомъ было вывезено больше 50 пушекъ, много разныхъ предметовъ военной потребности, а также съ монетнаго двора золото и серебро въ слиткахъ на 157,000 злотыхъ; все остальное онъ надѣялся выпроводить вслѣдъ затѣмъ. Призванный къ королю, дабы снова выслушать убѣжденія въ необходимости сложить оружіе, Вавржецкій остался при своемъ проектѣ — уходить въ Пруссію [23]). Онъ просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ короля ходатайствовать предъ Русской Императрицей о милосердіи, а предъ Суворовымъ о дозволеніи остаткамъ польскаго войска безпрепятственно уйти, не нападая на нихъ и не преслѣдуя. Сдѣлавъ затѣмъ послѣднія распоряженія, Вавржецкій выѣхалъ изъ Варшавы въ Торчинъ ночью съ 28 на 29 октября, т.-е. предъ самымъ вступленіемъ въ Варшаву русскихъ войскъ. Съ нимъ поѣхалъ и президентъ бывшаго верховнаго совѣта Закржевскій.

Вступленіе въ Варшаву назначено было утромъ. Суворовъ,

отдалъ приказаніе войскамъ вести себя порядочно и мирно, вступать въ городъ съ оружіемъ незаряженнымъ, и если бы даже были выстрѣлы изъ домовъ, — не отвѣчать. Такая миролюбивая осторожность главнокомандующаго показалась многимъ опасною, по крайней мѣрѣ главной колоннѣ было отдано начальникомъ ея Буксгевденомъ приказаніе—зарядить пушки и ружья, но тайно, чтобы никто этого не зналъ. Къ счастью такое ослушаніе не имѣло дурныхъ послѣдствій. Движеніе черезъ мостъ началось въ восьмомъ часу съ музыкой и развернутыми знаменами. За передней колонной ѣхалъ Суворовъ съ большой свитой, одѣтый въ ежедневную форму, безъ орденовъ. Городской магистратъ, въ черной церемоніальной одеждѣ, находился въ сборѣ на варшавскомъ концѣ моста; по приближеніи Суворова, старшій членъ поднесъ ему на бархатной подушкѣ городскіе ключи, также хлѣбъ и соль и сказалъ короткое привѣтственное слово. Суворовъ взялъ ключи, поцѣловалъ ихъ и громко поблагодарилъ Бога за то, что Варшава куплена не такою цѣною, какъ Прага. Онъ передалъ ключи дежурному генералу Исленьеву и сталъ по-братски обниматься съ членами магистрата и съ многими изъ окружающаго народа, а другимъ пожималъ руки, обнаруживая непритворное душевное волненіе.

Съ моста войска вступили въ городъ тѣмъ же порядкомъ; передъ Суворовымъ ѣхалъ Исленьевъ, держа на подушкѣ городскіе ключи. Вопреки условію, городъ кипѣлъ жизнью, дома не были заперты и во всѣхъ окнахъ и на балконахъ виднѣлись любопытные зрители, а на улицахъ толпился народъ. Часто раздавался *виватъ* Екатеринѣ и Суворову, перемежавшійся съ криками протестующихъ патріотовъ, но ни выстрѣловъ, ни другихъ какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствій не было: самые горячіе, непримиримые революціонеры заблаговременно выѣхали. Когда проходили мимо кафедральнаго собора, Суворовъ на нѣсколько моментовъ остановился и совершилъ короткую молитву. Пройдя городъ, полки направились къ своимъ лагернымъ мѣстамъ, внутри ограды варшавскихъ укрѣпленій. Суворовъ остановился въ гостинницѣ на городской окраинѣ, гдѣ и заказалъ себѣ обѣдъ, а послѣ того занялъ одинъ изъ лучшихъ домовъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ лагеремъ. Магистратъ представилъ

ему прусскихъ, австрійскихъ и освобожденныхъ русскихъ плѣнныхъ; первыхъ было больше 500, вторыхъ 80, третьихъ 1,376; Австрійцы и Пруссаки были скованы; въ числѣ Русскихъ находилось три генерала и три дипломатическихъ чиновника высшихъ чиновъ. Разыгралась трогательная сцена; освобожденные падали передъ Суворовымъ на колѣни и горячо его благодарили; радость и благодарность ихъ были тѣмъ понятнѣе, что нѣсколько дней назадъ носились разные зловѣщіе слухи на счетъ ихъ судьбы.

Припомнимъ, что Суворовъ въ письмѣ своемъ изъ Немирова къ Хвостову, считалъ возможнымъ «кончить съ Польшей въ 40 дней». Онъ исполнилъ свое обѣщаніе съ точностью, почти математическою. Кромѣ 29 дней, проведенныхъ имъ не по своей волѣ въ Брестѣ, которые разумѣется въ счетъ идти не могутъ, вся его кампанія, отъ вступленія въ Польшу до занятія Варшавы, продолжалась 45 дней.

Въ то время, какъ русскія войска вступали въ Варшаву, Суворовъ командировалъ генералъ-поручика П. Потемкина въ распоряженіе Польскаго короля, возложивъ на него порученіе— заботиться о безопасности Станислава-Августа и испросить для него, Суворова, аудіенцію. Король пожелалъ видѣть Суворова на слѣдующій день. Суворовъ одѣлся въ полную форму, надѣлъ всѣ свои многочисленные орденскіе знаки и въ 10 часовъ утра 30 числа отправился въ королевскій дворецъ, сопровождаемый большой свитой и конвоемъ. Впереди скакалъ эскадронъ гусаръ, вокругъ кареты Суворова ѣхало верхомъ множество генераловъ и офицеровъ разныхъ чиновъ; рядомъ съ нимъ сидѣлъ П. Потемкинъ, впереди бароны Бюлеръ и Ашъ. Эскадронъ конныхъ егерей замыкалъ кортежъ. Во дворцѣ былъ устроенъ церемоніальный пріемъ; Станиславъ-Августъ обошелся съ нимъ, Суворовымъ, особенно любезно, обнялъ его нѣсколько разъ и бесѣдовалъ съ нимъ глазъ на глазъ въ теченіе цѣлаго часа. Тутъ было условлено многое, чего еще не значилось на бумагѣ; между прочимъ положено, что король отдастъ приказаніе, чтобы всѣ польскія войска (которыя Суворовъ называлъ не иначе, какъ бунтовщиками) положили немедленно оружіе и выдали пушки. Но такъ какъ такое приказаніе безъ соотвѣтственныхъ гаран-

тій ничего не значило, то Суворовъ обѣщалъ доставить королю для объявленія всѣмъ войскамъ амнистію. Но этимъ онъ не ограничился. Будучи глубоко убѣжденнымъ монархистомъ и видя предъ собою короля въ положеніи истинно-несчастномъ, Суворовъ рѣшился утѣшить Станислава-Августа подаркомъ особаго рода. Во время бесѣды король попросилъ отпустить изъ числа плѣнныхъ одного офицера, который въ прежнее время служилъ при немъ, королѣ, пажомъ. Суворовъ тотчасъ же согласился и спросилъ, не пожелаетъ ли король получить еще кого-нибудь. Не ожидая такой любезности, Станиславъ-Августъ обнаружилъ что-то въ родѣ удивленія, но Суворовъ, улыбаясь, предложилъ ему сто человѣкъ, даже двѣсти. Замѣчая, что недоумѣніе короля возрастаетъ, Суворовъ пошелъ дальше и сказалъ, что готовъ дать свободу 500 человѣкъ по королевскому выбору. Станиславъ-Августъ не зналъ, какъ выразить ему свою благодарность и послалъ генералъ-адъютанта, съ приказомъ Суворова, догонять заднія партіи плѣнныхъ, отправленныхъ уже довольно давно къ Кіеву. Нагнавъ ихъ на пути, верстахъ въ 200 отъ Варшавы, посланный предъявилъ приказаніе Суворова, освободилъ свыше 300 офицеровъ, а остальныхъ, до полной цифры 500, выбралъ изъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Не трудно понять, какое благое впечатлѣніе произвелъ этотъ поступокъ Суворова не на однихъ освобожденныхъ.

На слѣдующій день Суворовъ, согласно своему обѣщанію, прислалъ Станиславу-Августу для обнародованія такое заявленіе. «1) Войска, по сложеніи оружія передъ ихъ начальниками, тотчасъ отпускаются съ билетами отъ ихъ же чиновниковъ въ свои дома и по ихъ желаніямъ, а оружіе, тожъ пушки и прочую военную амуницію, помянутые начальники долженствуютъ доставить въ королевскій арсеналъ; 2) вся ихъ собственность при нихъ; 3) начальники—штабъ и оберъ-офицеры, какъ и шляхтичи, остаются при оружіи».

Теперь, по занятіи Варшавы, очереднымъ спѣшнымъ дѣломъ стало обезоруженіе польскихъ войскъ. Первый къ тому шагъ былъ сдѣланъ еще до вступленія Русскихъ въ Варшаву генераломъ Денисовымъ, которому пришлось обезоруживать разныя мелкія команды въ сандомирскомъ воеводствѣ, не безъ со-

противленія съ ихъ стороны. За Денисовымъ выступилъ со всѣмъ своимъ корпусомъ Ферзенъ, но въ виду многочисленности польскихъ отрядовъ, сталъ просить подкрѣпленія. Суворовъ отказалъ, рекомендуя энергію и приказалъ принуждать Поляковъ къ сдачѣ, а при отказѣ истреблять совершенно, настигая и побивая ихъ безъ остатка. «Кто сдастся, тому згода, пардонъ, если же сдастся до атаки, то и вольность, и вообще съ капитулирующими поступать весьма ласково и дружелюбно».

Въ этомъ сочетаніи энергіи съ мягкостью дѣйствительно и лежалъ залогъ успѣха. Быстро разнесшійся слухъ объ амнистіи, съ перваго же дня сталъ увеличивать число отказывающихся отъ борьбы, а когда начали въ войска приходить изъ Варшавы письма отъ оставшихся тамъ военныхъ и являться лично эмиссары мира, то инсурекціонныя вооруженныя силы стали таять буквально не по днямъ, а по часамъ. Этому много помогъ король, обѣщавшій Суворову употребить мѣры къ обезоруженію инсургентовъ и сдержавшій свое слово.

Ваврженцкій выѣхалъ изъ Варшавы къ корпусу Домбровскаго и, проѣзжая чрезъ Рашинъ, оставилъ тамъ 300-ный конный наблюдательный отрядъ. Октября 30 показались казаки, и отрядъ положилъ оружіе. Пріѣхавъ въ Торчинъ, Ваврженцкій нашелъ тамъ, вмѣсто сильнаго корпуса, лишь жалкій остатокъ. Въ немъ произошло что-то въ родѣ открытаго бунта, такъ что Гедройцъ принужденъ былъ просить у короля разъясненія условій обезоруженія. Посланный не успѣлъ еще возвратиться, какъ офицеры и солдаты стали разбѣгаться, и Гедройцъ съ трудомъ удержалъ остатокъ подъ знаменами. Въ тоже почти время Ваврженцкій получилъ отъ оставшихся въ Варшавѣ генераловъ и офицеровъ эстафету, съ просьбами объ отставкѣ подъ разными предлогами, но на нее не отвѣчалъ. Вслѣдъ затѣмъ Каменецкій донесъ, что его отрядъ (бывшій корпусъ Понятовскаго) не желаетъ ни драться, ни идти въ походъ; въ это время подоспѣли ближайшія прусскія войска, перехватали нѣсколько сотъ, зачислили ихъ въ свои ряды и взяли 17 орудій. Тоже самое, даже хуже, произошло въ небольшомъ отрядѣ Ожаровскаго: не дождавшись отвѣта на посланный вопросъ объ амнистіи, люди просто разо-

шлись, бросивъ 10 пушекъ, которыя были подобраны и увезены казаками.

Генералъ Мадалинскій исчезъ; имѣя въ своемъ распоряженіи казенныя деньги, онъ взялъ изъ нихъ 4,000 червонцевъ и написалъ Вавржецкому, что начавъ революцію, онъ, Мадалинскій, будетъ предметомъ мщенія Русскихъ, а потому удаляется, оставляя свое имѣніе на уплату взятыхъ денегъ. Получено донесеніе Неселовскаго, посланнаго на смѣну Каменецкаго, что онъ засталъ едва половину войскъ Каменецкаго, принялъ отъ него отрядъ и приказалъ выступать, но одинъ полкъ побросалъ ружья и разбѣжался. Неселовскій продолжалъ движеніе съ остальными, но когда дошелъ до перекрестка дорогъ на Варшаву и Торчинъ и повернулъ къ послѣднему, то почти всѣ отказались отъ повиновенія съ угрозами и, выпрягши лошадей изъ подъ артиллеріи и обоза, частью пошли къ Варшавѣ, частью разсыпались въ стороны.

Деморализація войскъ и нежеланіе ихъ вдаваться въ какія-либо военныя предпріятія били въ глаза, но не образумили главнокомандующаго. Заботясь о спасеніи своей военной чести, онъ какъ бы забывалъ про подчиненныя войска и направлялъ ихъ на поступки, которые лучше было бы не вызывать. Притянувъ къ себѣ нѣкоторые отряды, Вавржецкій продолжалъ движеніе быстро, перешелъ 3 ноября р. Пилицу въ Новомястѣ и разрушилъ за собою мостъ. Ферзенъ, съ Денисовымъ въ авангардѣ, опоздали, несмотря на свою неутомимую погоню, и хотя мостъ починили, но Вавржецкій уже ушелъ. По вторичному требованію Ферзена, Суворовъ послалъ ему подкрѣпленіе, хотя считалъ это совершенно лишнимъ и возложилъ на него, Ферзена, отвѣтственность за успѣхъ операціи «по всей строгости воинскихъ правилъ». На слѣдующій день подтвержденіе: «рекомендую в. пр. полную рѣшимость, вы генералъ; я издали и вамъ ничего приказать не могу». А Вавржецкій тѣмъ временемъ натолкнулся на новыя затрудненія и притомъ отъ своихъ подчиненныхъ. Генералъ Домбровскій нѣсколько дней назадъ сообщилъ ему свой планъ, сущность котораго заключалась въ движеніи остатковъ польской арміи, вмѣстѣ съ королемъ и центральнымъ правительствомъ, къ границамъ Франціи. Планъ былъ

на столько грандіозенъ, на сколько неисполнимъ и гораздо эфемернѣе плана Ваврженкаго о походѣ на зимовку въ Пруссію; военный совѣтъ разсмотрѣлъ его и отвергъ, какъ неосуществимый. Теперь Домбровскій задумалъ перейти вмѣстѣ съ войсками на службу Прусскаго короля, и Ваврженкій накрылъ начало переписки по этому дѣлу. Тщетно Ваврженкій старался убѣдить Домбровскаго въ вѣроломствѣ короля и въ гораздо большей надежности Суворовскаго ручательства; аргументація его не произвела никакого впечатлѣнія на Домбровскаго, ни на его сторонниковъ. Затѣянное дѣло конечно было остановлено, но это не могло служить гарантіей за будущее.

Неутѣшительныя событія послѣднихъ дней не остались безъ вліянія на Ваврженкаго. Упрямство его не было еще сломлено, но поколебалось. Убѣдившись въ невыполнимости своего первоначальнаго плана, онъ сталъ теперь заботиться лишь о томъ, чтобы гарантировать наиболѣе выгодныя условія обезоруженія войскъ. Въ дѣйствительности это было совершенно лишнее, ибо амнистія Суворова была объявлена, и всѣ хотѣли мира, только одни чаяли получить его отъ Пруссаковъ, другіе отъ Русскихъ. Ваврженкій въ этомъ тотчасъ же и убѣдился, можетъ быть въ десятый разъ. Пикеты и высланные къ Новомясту разъѣзды перешли либо къ Русскимъ, либо къ Пруссакамъ; посланы были новые,—тоже самое. Въ Опочнѣ Домбровскій получилъ изъ Пруссіи вторичное предложеніе, и снова разыгралась прежняя сцена съ такимъ же исходомъ. По дорогѣ къ Конской и оттуда въ Радошице, въ одномъ мѣстѣ вся кавалерія аріергарда передалась напиравшимъ казакамъ; въ другомъ—разразился формальный бунтъ, съ пушечной и ружейной пальбой; въ третьемъ—часть войскъ, забравъ лошадей изъ-подъ артиллеріи и обоза, ушла къ Русскимъ и Пруссакамъ, такъ что 24 пушки пришлось закопать въ землю; въ четвертомъ—при одномъ слухѣ, что показались казаки, опять бунтъ съ пальбой.

Такъ Ваврженкій добрался до Радошице и тутъ остановился, поджидая генерала Горенскаго, посланнаго имъ къ королю для исходатайствованія у Суворова новыхъ гарантій въ пользу роспускаемыхъ войскъ. Условія Суворова показались ему въ началѣ почему-то неудовлетворительными; вѣроятно ему не была еще

извѣстна объявленная тогда полная амнистія. Теперь Горенскій возвратился и привезъ отъ Суворова эту амнистію 31 октября. Вавржецкій однако ею не удовольствовался и хотя обѣщалъ никуда изъ Радошице не выходить, а положить здѣсь оружіе, но все таки затягивалъ развязку, требуя освобожденія взятыхъ раньше въ плѣнъ.

Польскому главнокомандующему ничего и не оставалось дѣлать, какъ остановиться въ Радошице. Послѣднее время Денисовъ сидѣлъ у него на плечахъ, а передовыя казачьи партіи и разъѣзды появлялись въ разныхъ мѣстахъ внезапно и однимъ своимъ появленіемъ усиливали внутреннее разстройство Поляковъ. Были даже случаи, если вѣрить Вавржецкому, что отдавшіеся добровольно, направляли казаковъ на остававшихся подъ ружьемъ, дабы такимъ образомъ ускорить развязку. Трофеи доставались Русскимъ дешево: орудія приходилось только подбирать. Безурядица однако продолжалась, а съ нею росло недовѣріе Русскихъ къ даваемымъ Вавржецкимъ обѣщаніямъ, такъ какъ онъ не могъ почитаться достаточной гарантіей за подчиненныхъ. А потому, опасаясь ли какого подвоха или желая окончить скорѣе дѣло, исходъ котораго былъ все равно несомнѣненъ, Денисовъ не счелъ нужнымъ ожидать полученія Вавржецкимъ отвѣта отъ Суворова, тѣмъ болѣе, что условія обезоруженія были уже опубликованы. Утромъ 7 ноября онъ послалъ къ Вавржецкому двухъ офицеровъ при трубачѣ, съ требованіемъ обезоруженія. Въ то время, какъ Вавржецкій распоряжался о сложеніи оружія въ одно мѣсто, явился въ Радошице самъ Денисовъ съ двумя эскадронами и прямо вошелъ въ домъ, занимаемый главнокомандующимъ. Появленіе его было совершенною неожиданностью для Вавржецкаго и находившихся въ то время у него генераловъ Домбровскаго, Неселовскаго, Гедройца и Гелгуда, а произошло это потому, что польскіе аванпосты, при приближеніи русскихъ эскадроновъ, положили оружіе. Денисовъ, войдя въ комнату, пригласилъ Вавржецкаго и его собесѣдниковъ ѣхать въ Варшаву, къ Суворову. Придя въ себя отъ изумленія, Вавржецкій возразилъ, что этого условія въ опубликованной амнистіи нѣтъ; что онъ самъ и его генералы, подобно всѣмъ прочимъ, имѣютъ право получить паспорты и свободно ѣхать

домой. Денисовъ отвѣчалъ, что онъ и не арестуетъ никого и оружія не отбираетъ, а только исполняетъ присланное приказаніе (котораго на самомъ дѣлѣ не было). Вавржецкій сказалъ, что поѣдетъ въ Варшаву, ибо считаетъ себя арестованнымъ. Вѣсть о происшедшемъ быстро разнеслась и произвела чрезвычайную суматоху. Польская кавалерія бросила своихъ лошадей, солдаты и офицеры ворвались къ Вавржецкому и стали грубо требовать паспортовъ, а нѣкоторые горячо и найзоливо обратились съ тѣмъ же къ Денисову. Денисовъ отвѣчалъ, что грубостей отъ нихъ терпѣть не будетъ и паспортовъ выдавать не станетъ, потому что это дѣло не его, а ихъ начальниковъ. Вслѣдъ затѣмъ, по совѣту Вавржецкаго, онъ вышелъ и оставался при своихъ эскадронахъ, близъ крыльца, пока Вавржецкій подписывалъ паспорты и увольнялъ людей, выслушивая отъ Домбровскаго упреки. Всего уволено нѣсколько больше 2,000 человѣкъ, — до такой ничтожной цифры растаяла инсурекціонная армія въ какіе-нибудь 9—10 дней.

Вавржецкій съ 4 поименованными генералами, подъ эскортомъ Русскихъ отправился въ Варшаву, гдѣ и представился Суворову. Неизвѣстно, какой между ними происходилъ разговоръ, но польскій главнокомандующій показался русскому «подающимъ сомнѣніе въ спокойномъ пребываніи». Тѣмъ не менѣе, чтя данное слово, Суворовъ предложилъ ему паспортъ для свободнаго проживанія гдѣ угодно, конечно на общемъ для всѣхъ условіи— выдачѣ реверса; но Вавржецкій дать реверсъ не согласился. Тогда Суворову ничего больше не оставалось, какъ отправить его въ Кіевъ, подъ присмотромъ двухъ офицеровъ, откуда Румянцевъ препроводилъ его въ Петербургъ, по присланному оттуда приказанію. Остальнымъ четыремъ тоже предложены паспорты для проживанія гдѣ пожелаютъ, но реверсъ сразу согласился дать только Домбровскій, который и уѣхалъ тотчасъ же въ Саксонію, въ свое имѣніе, и 5 лѣтъ спустя встрѣтился снова на боевомъ полѣ съ Суворовымъ, къ вящшей славѣ послѣдняго. Прочіе трое заупрямились и потому тоже были назначены къ отправленію въ Кіевъ, но передъ самымъ выѣздомъ изъ Варшавы измѣнили свое намѣреніе «и, по просьбѣ короля, обязавшись реверсами о спокойномъ пребываніи, уволены въ домы»

Умиротвореннымъ инсургентамъ выдавались паспорты почти вездѣ, куда они являлись, и выдача эта едва ли была окончена въ ноябрѣ. По числу выданныхъ до 1 декабря паспортовъ видно, что послѣ занятія Варшавы, инсургентовъ состояло подъ знаменами 29,500 человѣкъ; если же взять въ расчетъ, что и въ декабрѣ по всей вѣроятности они являлись въ одиночку, а также, что были и не рѣшавшіеся явиться, то приведенная цифра должна быть нѣсколько повышена. Въ это число впрочемъ входитъ до 2,500 не солдатъ, а жителей краковскаго и сандомирскаго воеводствъ. Разогнано, отпущено и взято въ рекруты Пруссаками 2,500 человѣкъ, остальные сдались Русскимъ. Изъ польской артиллеріи взято Пруссаками 17 орудій да 24 подобраны въ Опочнѣ; Русскимъ досталось гораздо больше; они кромѣ того получили большое количество пороха, ружей, другого оружія и всякаго рода военнаго имущества; но цифры или неизвѣстны, или противорѣчивы. Генераловъ, явившихся за паспортами, было 18.

Нечего и говорить, какое сильное впечатлѣніе произвела въ Россіи и во всей Европѣ эта блестящая, кратковременная кампанія, которою достигнуты такіе полные результаты. Ноября 19 пріѣхалъ въ Петербургъ отъ Румянцева посланный Суворовымъ генералъ-майоръ Исленьевъ, съ ключами и хлѣбомъ-солью города Варшавы. На другой день во дворцѣ былъ выходъ; графъ Безбородко читалъ «объявленіе о причинахъ войны съ Польшею», затѣмъ отслуженъ благодарственный молебенъ при пушечной пальбѣ, съ колѣнопреклоненіемъ. Дочь Суворова удостоилась самаго благосклоннаго пріема; между прочимъ Екатерина, отвѣдавъ варшавской хлѣба-соли, поднесла ихъ ей собственноручно. Потомъ былъ парадный обѣдъ, въ серединѣ котораго объявлено о возведеніи Суворова въ званіе фельдмаршала. Пили его здоровье при 201 пушечномъ выстрѣлѣ, стоя, причемъ Государыня говорила о немъ въ самыхъ любезныхъ и милостивыхъ выраженіяхъ. Желая засвидѣтельствовать передъ всѣми особенное вниманіе къ новому фельдмаршалу, она, при обратномъ отъѣздѣ въ Варшаву одного изъ приближенныхъ къ Суворову лицъ, ротмистра Тищенко, поручила ему заботиться о здоровьѣ фельдмаршала. Передавая обо всемъ этомъ одному изъ своихъ

пріятелей, Суворовъ писалъ, что онъ отъ радости боленъ. Онъ получилъ отъ Государыни два рескрипта; въ одномъ изъ нихъ значилось, что не она, Екатерина, а онъ, Суворовъ, самъ произвелъ себя своими побѣдами въ фельдмаршалы, нарушивъ старшинство, отъ котораго Государыня отступать не любитъ. Племянникъ его, князь Алексѣй Горчаковъ, привезъ ему отъ Императрицы фельдмаршальскій жезлъ въ 15,000 рублей; кромѣ того доставленъ богатый алмазный бантъ къ шляпѣ, пожалованный за Крупчицы и Брестъ. Взаключеніе, Государыня назначила Суворову въ его полное и потомственное владѣніе одно изъ столовыхъ имѣній Польскаго короля, Кобринскій Ключъ, съ 7,000 душъ мужского пола, т. е. увеличила его состояніе втрое.

Суворовъ былъ такъ всѣмъ этимъ тронутъ, что не мудрено, если бы въ самомъ дѣлѣ захворалъ. Сдѣлавшись фельдмаршаломъ, онъ достигъ того, что было мечтой всей его долгой жизни. Туго развивалась его военная карьера; каждый шагъ впередъ приходилось брать съ бою и наконецъ, по засвидѣтельствованію самой Государыни, взято съ бою фельдмаршальство. Суворовъ не скрывалъ своего восхищенія. По приказу Хвостова, велѣно во всѣхъ имѣніяхъ Суворова отслужить молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Не обошлось и безъ причудливыхъ выходокъ. Когда прибылъ изъ Петербурга фельдмаршальскій жезлъ, который Суворовъ ожидалъ съ волненіемъ и упоминалъ про него въ своихъ письмахъ не иначе, какъ подъ одной начальной буквой ж . . . . , то его отнесли въ церковь, для освѣщенія. Суворовъ прибылъ туда въ курткѣ, безъ знаковъ отличій, и приказалъ разставить въ линію, съ интервалами, нѣсколько стульевъ. Затѣмъ онъ сталъ перепрыгивать чрезъ эти стулья, одинъ за другимъ, приговаривая послѣ каждаго прыжка: «Репнина обошелъ», или «Салтыкова обошелъ», или «Прозоровскаго обошелъ», и такимъ образомъ поименовалъ всѣхъ генералъ-аншефовъ, которые были старше его. Послѣ того онъ одѣлся въ полную фельдмаршальскую форму и, войдя снова въ церковь, велѣлъ начинать божественную службу.

Въ этотъ же день освящались и ордена Краснаго Орла и большого Чернаго Орла, присланные Суворову королемъ Прусскимъ. Фридрихъ-Вильгельмъ жаловалъ ихъ, какъ свидѣтельство

своего «ненарушимаго уваженія и особеннаго почтенія, хотя Суворовъ не нуждается въ этихъ орденахъ для возвышенія своей славы и конечно ихъ не ищетъ». Австрійскій императоръ пожаловалъ ему свой портретъ, богато осыпанный брильянтами; не скупился ни на рескрипты, ни на комплименты, поздравлялъ его съ фельдмаршальствомъ, называлъ оконченную кампанію «блестящею» и, упомянувъ про недавніе успѣхи австрійскихъ войскъ противъ Французовъ, изъявилъ увѣренность, что Суворовъ порадуется «за своихъ старыхъ учениковъ и товарищей по оружію». Оба государя старались выказать ему свое вниманіе и благосклонность, награждая орденами ближайшихъ его сотрудниковъ, родственниковъ и даже курьеровъ. Ихъ принимали всюду и приглашали къ себѣ самыя почетныя лица, «обращаясь съ ними какъ съ Донъ-Кихотами или оракулами», по шутливому замѣчанію Суворова. Вообще императоръ и король какъ бы соперничали въ этомъ отношеніи съ Русскою Императрицею, которая по своему обыкновенію награждала щедрою рукой. Да и Суворовъ не стѣснялся ходатайствовать о своихъ подчиненныхъ, выхваляя нѣкоторыхъ изъ нихъ свыше мѣры. Императрица это замѣтила и въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гримму говоритъ: «графъ двухъ имперій расхваливаетъ одного инженернаго поручика, который, по его словамъ, составлялъ планы атакъ Измаила и Праги, а онъ, фельдмаршалъ, только выполнялъ ихъ, вотъ и все».

Оказывая Суворову, а ради его и другимъ лицамъ, свое вниманіе, оба иностранные государя въ сущности дѣлали еще очень немногое, и онъ имѣлъ право сказать спустя нѣсколько лѣтъ, въ Италіи, подъ гнетомъ австрійской политики: «щедро меня за Лодомирію, Галицію и Краковъ въ князѣ Платонѣ Зубовѣ наградили». Платону Зубову, который находился все время въ Петербургѣ и только мѣшалъ правильному направленію польскихъ дѣлъ, выпала львиная доля наградъ; напримѣръ, изъ бывшихъ польскихъ коронныхъ имѣній ему досталось 13,000 душъ, т.-е. почти вдвое противъ Суворова. Въ своей наивности временщика и фаворита, онъ нисколько не сомнѣвался въ первоклассномъ размѣрѣ своихъ заслугъ, поддерживаемый въ этомъ убѣжденіи толпами льстецовъ и низкопоклонныхъ искателей.

Чѣмъ полнѣе былъ успѣхъ Суворова, тѣмъ сильнѣйшую

возбудилъ зависть. Высшая среда была настолько извѣстна съ этой стороны, что во избѣжаніе интригъ, Императрица держала въ секретѣ рѣшеніе—возвести Суворова въ фельдмаршалы; объ этомъ не зналъ даже управлявшій военнымъ департаментомъ графъ Н. Салтыковъ, который находилъ, что покорителю Польши довольно будетъ званія генералъ-адъютанта. Когда же пожалованіе въ фельдмаршалы совершилось, то произвело большую и непріятную сенсацію между многими. Одинъ изъ членовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Морковъ, нашелъ такую награду даже неумѣстною, говоря, что всякій долженъ считать себѣ наградою одно то, если его употребляютъ на дѣло; «но себя онъ исключаетъ изъ этого правила», язвительно замѣчаетъ графъ Безбородко. Нѣкоторые изъ старшихъ генералъ-аншефовъ не скрывали своей досады; были между ними и такіе, что просили увольненія отъ службы. Зато вся остальная Россія была на сторонѣ Суворова, удивлялась ему, восхищалась имъ, съ гордостью произнося его имя. Русская литература, хотя и младенческая, отзывалась о немъ въ общій тонъ. Нѣкоторымъ изъ поэтовъ Суворовъ отвѣчалъ или прозой или стихами, увѣряя, что «изливаетъ чувства своей души въ простотѣ солдатскаго сердца», въ дѣйствительности же онъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, становился на ходули, писалъ высокопарно или аляповато и темно. Въ числѣ привѣтствовавшихъ Суворова поэтовъ былъ и Костровъ, приславшій въ Варшаву эпистолу. Суворовъ поручилъ Хвостову выдать Кострову 1000 рублей и отвѣчалъ автору эпистолы письмомъ въ стихахъ. Приводимъ это стихотвореніе въ смыслѣ образчика.

Въ священный мудрые водворены бывъ логъ,
Ихъ смертныхъ просвѣщать есть особливый долгъ;
Когда жъ оставятъ свѣтъ, дѣла ихъ возвышаютъ,
Къ ихъ доблести другихъ примѣромъ ободряютъ.
Я въ жизни пользуюсь чѣмъ ты меня даришь,
И обожаю все, что ты въ меня вперишь.
Къ услугѣ общества что мнѣ не доставало,
То наставленіе твое въ меня вліяло:
Воспоминаю я, что были Юлій, Титъ,
Ты къ нимъ меня ведешь, изящнѣйшій піитъ.
Виргилій и Гомеръ, о если бы возстали,
Для превосходства бы твой важный слогъ избрали.

Но всѣ заявленія сочувствія, удивленія и проч., которыя получалъ Суворовъ отовсюду, не могли быть для него неожиданностью. Настоящій сюрпризъ подготовилъ ему магистратъ города Варшавы, въ Екатерининъ день 1794 года, поднеся именемъ варшавянъ золотую, эмальированную табакерку, съ лаврами изъ брильянтовъ. На серединѣ крышки былъ изображенъ городской гербъ, плывущая сирена; надъ нею надпись—*Warczawa zbawcy swemu*, а ниже еще другая, обозначающая день прагскаго штурма, 4 ноября (нов. ст.) 1794 года. Варшава назвала Суворова «своимъ избавителемъ» за разрушеніе моста въ разгаръ штурма. Правда, поднесеніе сдѣлано магистратомъ, который по словамъ самого Суворова не былъ враждебенъ Россіи, но магистратъ не могъ бы ни выдумать, ни исполнить такого заявленія благодарности города, если бы это расходилось съ направленіемъ мыслей и чувствъ городскихъ жителей.

Имя Суворова, пріобрѣвшее въ Европѣ лестную извѣстность со времени послѣдней Турецкой войны, сдѣлалось теперь знаменитымъ. Прусскій Генералъ Фавратъ написалъ «великому Суворову» восторженное письмо, которое начинаетъ словами: «Monsieur le comte, général en chef, grand général, grand homme et grand chevalier», а подписывается: «celui qui vous admire, qui vous honore, qui vous respecte». Разумовскій, русскій посолъ въ Вѣнѣ, служа отголоскомъ впечатлѣнія, произведеннаго Суворовымъ на столицу Священной Римской имперіи, обращается къ нему съ еще болѣе восторженными посланіями и говоритъ, что всѣ въ мірѣ солдаты завидуютъ его подчиненнымъ и всѣ монархи были бы рады ввѣрить ему свои арміи. И точно, вслѣдъ затѣмъ затронута была Вѣнскимъ дворомъ тема о назначеніи Суворова командующимъ русскимъ и австрійскимъ корпусами противъ Французовъ. Французскій эмигрантъ, Гильоманшъ-Дюбокажъ, только что принятый въ русскую службу и назначенный подъ начальство Румянцева, не желаетъ поступить ни къ кому другому, кромѣ Суворова. Русскій посланникъ въ Константинополѣ, Кочубей, пишетъ графу С. Воронцову, что польская кампанія Суворова произвела изумительный эфектъ въ Турціи, и Порта стала питать къ Петербургскому двору удвоенное почтеніе. Одинъ изъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ

въ Германіи сообщаетъ въ частномъ письмѣ, что въ общественномъ мнѣніи Суворовъ занялъ тамъ весьма высокое мѣсто. Находятъ, что только Русскіе могутъ измѣнить веденіе войны съ Французами; гдѣ теперь армія въ 60,000 человѣкъ оказывается недостаточной, тамъ будетъ довольно 30,000 при Суворовѣ; если Фридрихъ Великій цѣнилъ Шверина въ 10,000 человѣкъ, то за Суворова можно дать втрое.

Таково было *свѣжее* впечатлѣніе польской кампаніи Суворова. Но потомъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи, оно изгладилось и замѣнилось мнѣніемъ противуположнымъ. Прежде въ Европѣ представляли себѣ Суворова военачальникомъ суровымъ, даже страшнымъ, который никогда не колебался при выборѣ рѣшительныхъ мѣръ и предпочиталъ кратчайшіе пути къ цѣли, ради сохраненія людей и времени; знали, что онъ былъ врагъ оборонительныхъ дѣйствій и атаки свои доводилъ до конца, не останавливаясь передъ жертвами. Но при этомъ не отрицали, что онъ не избѣгалъ ни капитуляцій, ни вообще мирныхъ рѣшеній, если они не умаляли результатовъ ощутительно и не вели къ проволочкѣ времени; равнымъ образомъ не находили въ его обращеніи съ побѣжденнымъ непріятелемъ безжалостной свирѣпости. Люди, интересовавшіеся ходомъ военныхъ дѣйствій и пріемами военнаго искуства, не указывали на Суворова, какъ на отрицаніе этого искуства, какъ на олицетвореніе грубой силы, инстинкта войны. Напротивъ, онъ пріобрѣлъ почетную извѣстность, по крайней мѣрѣ въ сопредѣльныхъ съ Россіею государствахъ; его имя проникло тамъ даже въ народные слои; нѣкоторые изъ его подвиговъ послужили темой для народныхъ изданій.

Теперь, послѣ третьей Польской войны, Суворовъ преобразился въ полудикаго воителя, который умѣлъ побѣждать только при условіи ненужнаго и безпощаднаго пролитія крови, безъ всякаго пособія военнаго искуства; въ жестокосердаго мучителя побѣжденныхъ, услаждавшагося ихъ бѣдствіями и страданіями. Отчего же произошла такая метаморфоза? Оттого, что дѣло шло уже не о Турціи, а о Польшѣ; оттого, что съ лица Европы исчезло государство со свободными учрежденіями, которое было къ ней внутреннею своею жизнью ближе нетолько Турціи, но и

Россіи. Многочисленные представители правившаго въ Польшѣ класса разсыпались по Европѣ; эти люди, удрученные несчастіемъ, нуждою, возбуждали къ себѣ и къ своему отечеству соболѣзнованіе и симпатію; съ ихъ горькихъ словъ вошло много неправды въ пониманіе и изображеніе случившейся катастрофы. Паденіе Польши было подготовлено ея предшествовавшей исторіей, въ которой дѣйствовало преимущественно шляхетство; шляхетство же является и обвинителемъ другихъ въ этомъ паденіи. Въ военномъ отношеніи главнымъ виновникомъ катастрофы былъ Суворовъ, и онъ дѣлается цѣлью нелѣпыхъ вымысловъ и клеветы; въ немъ отрицается дарованіе и искуство, тѣмъ легче, что ни то, ни другое не укладываются подъ ходячія понятія. Но такъ какъ бездарный невѣжда постоянно бьетъ даровитыхъ и искусныхъ, то это объясняется численнымъ перевѣсомъ, грубою силою, которая не щадитъ непріятеля и не бережетъ своихъ. Недостатокъ энергіи и стойкости въ защитѣ послѣдняго оплота независимости, Праги, является добавочнымъ, хотя и тайнымъ поводомъ къ выгораживанію себя во что бы то ни стало и къ обвиненію непріятеля, и русскій главнокомандующій выставляется какимъ-то выродкомъ человѣчества по кровопійству и жестокости.

И въ русскихъ войскахъ, и въ Суворовѣ были дурныя стороны, но онѣ коренились главнымъ образомъ въ условіяхъ времени. Тогдашнія войны не отличались нынѣшнею сравнительною мягкостью или, лучше сказать, желаніемъ съузить сферу военныхъ бѣдствій, а военныя дѣйствія Русскихъ тѣмъ паче, благодаря ихъ предшествовавшей исторіи и войнамъ съ Турками. *Добыча* была узаконеннымъ явленіемъ войны, а слѣдовательно и грабежъ, особенно при штурмахъ. Румянцевъ, Суворовъ и нѣкоторые другіе старались урегулировать грабежъ въ тѣхъ случаяхъ, когда его допускалъ военный обычай, но большею частію безплодно; ибо тутъ каждый солдатъ дѣлался самъ себѣ господиномъ и изъ рукъ начальства ускользалъ. Отмѣнить же совсѣмъ право на добычу было дѣломъ невозможнымъ; оно успѣло войти въ плоть и кровь и представлялось однимъ изъ залоговъ побѣды. А какъ только это право существовало, то солдаты старались примѣнить его всюду, гдѣ только могли:

получалось мародерство и грабительство. И то, и другое преслѣдовалось и наказывалось, особенно Румянцевымъ и Суворовымъ, и такимъ образомъ умѣрялось, но не искоренялось, потому что такое требованіе начальства представлялось солдату непослѣдовательнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, грабительство было логическимъ послѣдствіемъ права на добычу; не уничтоживъ второго, нельзя было уничтожить и перваго.

Естественнымъ спутникомъ привычки къ грабежу была распущенность, которая по общему почти свидѣтельству современниковъ, развилась особенно при Потемкинѣ. Слѣды этой распущенности существовали довольно долго и особенно были видны въ третью Польскую войну, когда они даже увеличились, по свидѣтельству одного компетентнаго и добросовѣстнаго современника. Но для оцѣнки этого факта необходимо, между прочимъ, принять въ соображеніе, что польскія войны были порождены борьбою партій, и Россія держала сторону одной изъ нихъ, а такія войны всегда и всюду носили характеръ особенной жосткости. Бывали случаи, когда эта жосткость заходила слишкомъ далеко. Въ эту войну Дерфельденъ получилъ повелѣніе—имѣній князей Чарторижскихъ, противниковъ Россіи, не щадить; поэтому была передана грабежу Пулава съ дворцомъ, прекрасными садами и парками, библіотекою и т. под. Дворецъ подвергся разоренію, картины были испорчены, библіотека разметана и истреблена, кабинетъ естественной исторіи и коллекція окаменѣлостей тоже. Но все это было дѣломъ солдатскихъ рукъ, по невозможности регулировать грабежъ, чуть только онъ разрѣшенъ, а не высшаго начальства или правительства, которое совсѣмъ не такъ поступило потомъ съ библіотекою Залускаго и не такого рода инструкціи давало въ другихъ случаяхъ. Впрочемъ приведенный случай есть исключительный; распущенность войскъ выражалась обыкновенно въ фактахъ болѣе мелкихъ, но зато болѣе частыхъ и заурядныхъ. Приведемъ примѣры. Когда корпусъ Дерфельдена шелъ на соединеніе съ Суворовымъ, въ авангардѣ графа Зубова находилось нѣсколько сотъ Черноморскихъ казаковъ, подъ начальствомъ кошевого Чепеги. Проходя чрезъ одно мѣстечко, кошевой замѣтилъ бѣгающихъ по улицѣ поросятъ и обратился къ своему полковнику: «Алексѣй Семеновичъ, вишь какіе гадкіе

поросята; чего глядишь!» Полковникъ соскочилъ съ коня, поймалъ нѣсколько поросятъ, закололъ ихъ, положилъ въ торбу и продолжалъ путь съ конвеымъ. На пути изъ Бреста къ Варшавѣ, передъ соединеніемъ съ Дерфельденомъ, Суворовъ замѣтилъ въ одной попутной деревнѣ человѣкъ пять русскихъ мародеровъ и велѣлъ своему конвою ихъ схватить; солдаты оказались корпуса Дерфельдена. «Вилимъ Христофоровичъ, караулъ, разбой», сказалъ Дерфельдену Суворовъ при первомъ свиданіи: «помилуй Богъ, солдатъ не разбойникъ, жителей не обижать; субординація, дисциплина». Смущенный Дерфельденъ только кланялся и говорилъ: «виноватъ, не доглядѣлъ». Нѣсколько времени спустя, онъ остановилъ свой корпусъ и произвелъ экзекуцію: мародеры были прогнаны сквозь строй погонными ружейными ремнями.

Въ излишествахъ разнаго рода обвиняютъ и лично Суворова, говоря, что онъ воспламенялъ войска до крайней степени возбужденія, отчего солдаты превращались на нѣкоторое время въ звѣрей. Но безъ возбужденія, заглушающаго въ людяхъ чувство самосохраненія, невозможны боевые подвиги. Кромѣ того надо помнить, что возбуждая въ солдатахъ боевой духъ въ моменты высшихъ испытаній, Суворовъ непремѣнно напоминалъ о человѣколюбіи, о пощадѣ безоружныхъ, женщинъ и дѣтей. Затѣмъ ему оставалось взыскивать съ виновныхъ, что онъ и дѣлалъ; но до него мало что доходило (въ чемъ онъ конечно самъ виноватъ), а въ случаяхъ огульныхъ, какъ напр. въ Прагѣ, наказаніе виновныхъ становилось невозможнымъ. Наконецъ, руководясь указаніями современниковъ, приходится значительную долю вины отнести на высшихъ и низшихъ начальниковъ, особенно на полковыхъ командировъ. Между офицерами было очень много людей совершенно необразованныхъ, грубыхъ, не возвышавшихся своимъ развитіемъ надъ простыми солдатами; они нетолько не останавливали своихъ подчиненныхъ, но еще распаляли ихъ и сами имъ помогали. «Къ моему удивленію», говоритъ одинъ современикъ (русскій нѣмецъ): «эти офицеры большею частью не русскіе, а нѣмцы». Тоже самое отчасти замѣчено и въ войну съ барской конфедераціей.

Существовали еще обстоятельства, которыя нетолько не отваживали войскъ отъ поползновенія — пользоваться чужимъ

добромъ, но косвенно ихъ къ тому поощряли, — это несвоевременное полученіе отъ казны вещей и денегъ, запаздывавшее иногда на цѣлый годъ. Суворовъ былъ безсиленъ измѣнить это дѣло къ лучшему; онъ писалъ и просилъ, но не получалъ; доносилъ Румянцеву, но безуспѣшно; доносилъ наконецъ самой Императрицѣ. Прямая же вина Суворова заключалась въ томъ, что его окружали лица, вовсе не стоившія этой чести, лица негодныя, иногда безчестныя. Эти лица образовали вокругъ Суворова какъ бы ширму, закрывавшую отъ него много дурного; торговали своимъ вліяніемъ, нагло извращали правду, доводимую до свѣдѣнія главнокомандующаго; извращали подчасъ его распоряженія и приказанія. Въ выборѣ подобныхъ людей былъ конечно виноватъ самъ Суворовъ, но нельзя же непосредственно ему приписывать все то зло, которое вытекало изъ изъяновъ тогдашняго военнаго устройства или управленія, изъ созданной духомъ времени ненормальной среды и изъ отрицательныхъ качествъ близкихъ къ Суворову лицъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Въ Польшѣ послѣ войны.

1794 — 1795.

Война 1794 года окончилась такъ неожиданно быстро, что союзныя правительства, особенно Русское, были застигнуты въ расплохъ. Взятіе Варшавы могло послужить русскому главнокомандующему источникомъ большихъ затрудненій на первыхъ порахъ, если бы онъ былъ человѣкъ нерѣшительный, такъ какъ его не снабдили никакими указаніями на счетъ направленія и смысла его послѣдующихъ распоряженій. Если вѣрить графу Безбородко, то онъ, Безбородко, говорилъ неоднократно, особенно послѣ сраженія при Мацейовичахъ, о необходимости дать Суворову инструкцію на случай взятія Варшавы, но на его настоянія не обратили достаточнаго вниманія. Такимъ образомъ Суворовъ, не имѣя инструкцій, повелъ дѣло по собственному усмотрѣнію. Онъ во-первыхъ объявилъ амнистію именемъ Императрицы, считая это вѣрнѣйшимъ средствомъ къ умиротворенію Польши и къ обезоруженію польскихъ войскъ, тѣмъ болѣе, что стояла поздняя осень, и требовалась большая спѣшность. Во-вторыхъ онъ отчасти возстановилъ законное правительство, существовавшее до революціи или, лучше сказать, оно возстановилось само, ходомъ событій, а Суворовъ не счелъ полезнымъ этому препятствовать. За симъ на все остальное, какъ второстепенное,

можно было ожидать инструкцій, что́ Суворовъ и сдѣлалъ, заботясь лишь, чтобы военное имущество побѣжденной Польши поступило цѣликомъ въ руки побѣдителя.

Первое по времени предписаніе, на счетъ образа дѣйствій Суворова въ завоеванной Польшѣ, послѣдовало отъ Румянцева 6 ноября, т.-е. получено было тогда, когда нетолько вышеизложенное было уже сдѣлано, но и обезоруженіе окончено. Румянцевъ писалъ, что управлять краемъ должна русская военная власть, съ совершеннымъ устраненіемъ короля; участниковъ революціи и войны надлежитъ лишать свободы; собирать доходы, контрибуціи и предметы продовольствія войскъ, не щадя инсургентовъ нимало и т. под.,—все значительно суровѣе распоряженій Суворова.

Изъ Петербурга инструкціи послѣдовали въ формѣ высочайшаго повелѣнія отъ 21 ноября, которое значитъ получено Суворовымъ чрезъ мѣсяцъ по покореніи Варшавы. Высочайшее повелѣніе въ сущности однородно съ предписаніемъ Румянцева, но подробнѣе въ изложеніи частностей, и въ немъ еще болѣе указаній по такимъ предметамъ, которые давно были исполнены и порѣшены. Подробности эти состоятъ въ указаніяхъ насчетъ преслѣдованія инсургентовъ, расположенія русскихъ войскъ по зимнимъ квартирамъ, отобранія военнаго имущества, регалій, знаменъ, отсылки плѣнныхъ въ русскіе предѣлы. Повелѣвается амнистію соблюсти, но не распространять ее на главныхъ дѣятелей апрѣльскихъ событій и членовъ революціоннаго правительства, коихъ арестовать и отправить въ Петербургъ; короля препроводить въ Гродно; съ Варшавы взять сильную контрибуцію съ употребленіемъ, если потребуется, военной силы; отобрать въ казну публичную библіотеку, такъ называемую Залускаго, также какъ архивы; управлять краемъ военной властью, не допуская ни протестовъ, ни манифестацій. Во избѣжаніе продовольственныхъ затрудненій, предложено Прусскому королю, по близости Варшавы къ его границѣ, взять ее на свое попеченіе и занять ее своими войсками; если же онъ этого не пожелаетъ сдѣлать, то просто оставить Варшаву, предоставляя ее своей участи. Засимъ окончательное рѣшеніе насчетъ Польши будетъ принято съ общаго согласія союзниковъ.

Таковы были официальныя указанія, сдѣланныя Суворову въ его новомъ положеніи—правителя завоеваннаго края. Нельзя сказать, чтобы имъ были положительно недовольны за первые его самостоятельные шаги, такъ какъ не его была вина, что не поспѣли во-время инструкціи; но видно, что онъ затруднилъ правительство въ прямой и категорической постановкѣ дѣла на желаемую ногу. Суворовъ «не нашелся въ нужныхъ по обстоятельствамъ мѣрахъ», говоритъ неоднократно Безбородко въ своихъ письмахъ, а за нимъ повторяютъ и другіе. Но это невѣрно. Дѣйствія Суворова по взятіи Варшавы привели прямо къ цѣли, т. е. къ обезоруженію и умиротворенію, слѣдовательно прямо отвѣчали обстоятельствамъ, а на счетъ предположеннаго раздѣла Польши Суворовъ ничего не зналъ и знать не могъ. Однако вслѣдствіе позднихъ инструкцій явились новыя затрудненія, ибо приходилось уже не дѣлать на-ново, а передѣлывать сдѣланное. Съ этой стороны Суворовъ не отличался большою податливостью и не расположенъ былъ смотрѣть на себя какъ на простое колесо, служащее для механической передачи движенія. Онъ былъ на мѣстѣ, у самаго дѣла, а потому планъ могъ быть составленъ въ Петербургѣ, въ общихъ чертахъ, исполненіе же принадлежало исключительно ему, Суворову, ибо средства къ удержанію края въ спокойствіи вытекали изъ условій мѣста и времени. Этого взгляда Суворовъ и придержался.

Онъ отвѣчалъ Румянцеву съ оттѣнкомъ неудовольствія, но въ духѣ успокоительномъ, т.-е., что все идетъ благополучно, ибо минувшее предано забвенію, а за будущее онъ не опасается и для удержанія Польши считаетъ достаточнымъ 20,000 войска, потомъ же довольно будетъ и половины. Что касается варшавскаго магистрата, то упразднять его нѣтъ необходимости, а довольно подчинить коменданту; никакихъ сборовъ и контрибуцій дѣлать невозможно по всеобщему крайнему оскудѣнію; наконецъ все, что слѣдуетъ забрать и отправить внутрь Россіи, будетъ забрано и отправлено.

Государынѣ онъ донесъ на ея рескриптъ слѣдующее. При сдачѣ Варшавы объявлено Императорскимъ именемъ всѣмъ покоряющимся свобода и забвеніе, потому что этимъ путемъ успѣшнѣе всего умиротворить край и прекратить въ немъ за-

мѣшательства; отъ прощеныхъ взяты реверсы въ томъ, что будутъ жить спокойно и воздержатся отъ вредныхъ для Россіи и ея союзниковъ замысловъ. Президентъ верховнаго совѣта Закржевскій и наличные члены Игнатій Потоцкій и Мостовскій будутъ отправлены въ Петербургъ, но обнадеженные помилованіемъ. Высочайшая воля будетъ объявлена Польскому королю по учрежденіи почтовыхъ станцій отъ Варшавы до Гродна. Варшава такъ оскудѣла, что едва пропитывается, а потому контрибуція съ нея невозможна, взамѣнъ же ея приказано забирать скарбовые доходы. Высшее польское правительство упразднено, но городской магистратъ дѣйствуетъ подъ наблюденіемъ генерала Буксгевдена, ибо отличается приверженностью къ Русской Императрицѣ. Архивы, библіотеку Залускаго и проч. приказано отыскивать и приготовлять къ отправленію; артиллерія, оружіе и другіе предметы военной потребности забраны и перевозятся въ Россію. По сношенію съ союзниками открытъ ввозъ изъ за границы жизненныхъ припасовъ, а потому и жители Варшавы, и квартирующія тамъ войска будутъ имѣть средства къ пропитанію, чего ради войска эти на другія квартиры не перемѣщаются, а остаются на прежнихъ мѣстахъ, тѣмъ паче, что уже стоитъ зима. На томъ же основаніи сообщено и Прусскому королю, что въ Варшавѣ русскія войска остаются, и чтобы онъ для занятія города своихъ войскъ не посылалъ.

Спокойный, увѣренный тонъ донесенія Суворова, и сознательное отношеніе его къ дѣлу, безъ упрямства и безъ вмѣшательства личнаго самолюбія, — все это не могло остаться безъ результата. Въ Петербургѣ нѣсколько успокоились, по-неволѣ помирившись съ мыслью, что новый фельдмаршалъ «не нашелся» во-время. Но такъ какъ примиреніе было вынужденное, то безпокойство по временамъ возвращалось, подымалась тревога, раздавались нареканія на Суворова. «Теперь, по положенію нашему, наиболѣе надлежитъ со всѣхъ сторонъ ожидать сквозныхъ вѣтровъ», писалъ Хвостову Курисъ, правитель канцеляріи Суворова. И дѣйствительно, «въ сквозныхъ вѣтрахъ» недостатка не было, потому что не было недостатка въ разныхъ тревожныхъ симптомахъ, которые Суворову представлялись пустыми, а въ глазахъ другихъ выростали до огромнаго размѣра.

Едва ли нужно долго останавливаться на этихъ quasi—тревожныхъ симптомахъ, такъ какъ послѣдствія показали всю ихъ легковѣсность. Въ Галиціи готовится бунтъ, въ Венгріи тоже; разнесся слухъ о бѣгствѣ Косцюшки изъ плѣна; Ржевускій составилъ новый планъ правленія Польши; Іосифъ Понятовскій ходитъ по Варшавѣ въ революціонномъ плащѣ и угощаетъ бывшихъ польскихъ офицеровъ; безпокойныхъ изъ черни высылаютъ не въ Кіевъ, а за прусскій кордонъ, гдѣ они гораздо опаснѣе. И такъ далѣе, въ подобномъ родѣ. Какъ ни убѣдительно говоритъ въ пользу Суворова и его системы время, проходящее въ совершенной тишинѣ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, петербургскіе руководители все не могутъ усвоить его взгляда, распаляютъ свое воображеніе ужасающими призраками будущаго, или просто будируютъ, такъ какъ Суворовъ уже слишкомъ много *напортилъ*, чтобы можно было все имъ сдѣланное *исправить*. Не безъ того, чтобы въ оцѣнку дѣйствующаго въ Польшѣ порядка не вмѣшивалось и оскорбленное самолюбіе дѣльцовъ-заправителей, изъ рукъ которыхъ ускользнула доля прямого дирижированія дѣломъ. «Вообще дѣла послѣ взятія Варшавы пошли страннымъ ходомъ», говоритъ Безбородко: «наши новые министры и правители въ полномъ удостовѣреніи, что добрый оборотъ дѣлъ есть ихъ единственная работа, — зачали насъ худо трактовать, такъ что мы не знаемъ уже ничего, что тамъ дѣлается». До Суворова конечно все это доходило или прямо, или косвенно, и вотъ онъ, въ видѣ отвѣта, насмѣшливо указываетъ на возможность удержанія Польши въ полномъ спокойствіи при ея окупаціи всего 10,000 человѣкъ, какъ бы вызывая на опытъ, а репресивныя побужденія клеймитъ сарказмомъ, говоря, что у Поляковъ взято уже все—пожитки, артиллерія, оружіе, военные запасы и пр., а взамѣнъ того выдано нѣсколько десятковъ тысячъ паспортовъ.

Несмотря на осторожное, но все-таки замѣтное осужденіе его системы и особенно нѣкоторыхъ ея частностей, Суворовъ, дѣлая уступки гдѣ это было неизбѣжно, продолжалъ свой прежній путь, глубоко убѣжденный въ его благодѣтельности. Аресты производились лишь единичные, на основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 21 ноября 1794 года. Еще до появленія Суворова на театрѣ войны въ роли первенствующаго лица, было отпра-

влено въ Петербургъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ взятые въ плѣнъ Косцюшко, его секретарь Нѣмцевичъ и адъютанты Гофманъ и Фишеръ; затѣмъ арестованы Суворовымъ Вавржецкій, Закржевскій, Игнатій Потоцкій и Мостовскій. Теперь тоже самое сдѣлано съ разорившимся банкиромъ Капустасомъ, близкимъ къ Колонтаю лицомъ, а также съ сапожникомъ (изъ шляхтичей) Килинскимъ, какъ съ лицами, принимавшими въ революціи выдающееся участіе, причемъ послѣдній (арестованный и выданный Пруссаками) кромѣ того былъ одною изъ главныхъ пружинъ варшавской апрѣльской рѣзни. Затѣмъ, сколько извѣстно изъ документовъ, никакихъ арестовъ Суворовымъ произведено не было; но и эти немногіе, произведенные имъ противъ своей воли, онъ старался какъ бы возмѣстить поступками милосердія и ходатайствами. Тотчасъ по взятіи Варшавы онъ доносилъ, что, хотя президентъ верховнаго совѣта Закржевскій куда-то скрылся (онъ уѣхалъ съ Вавржецкимъ), но «по добродушію непремѣнно явится или письменно отзовется». Нѣсколько позже, когда это сбылось, Суворовъ снова обращается къ Румянцеву съ добрымъ словомъ о Закржевскомъ и одновременно поручаетъ заступничеству своего начальника бывшаго польскаго коменданта Варшавы Орловскаго, называя его «добрымъ и достойнымъ человѣкомъ», который своими попеченіями о русскихъ плѣнныхъ, заслужилъ общую ихъ благодарность. Онъ обращается къ кіевскому коменданту съ просьбою освободить подъ реверсы 4 офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ въ разныхъ сраженіяхъ и отправленныхъ въ Кіевъ, объясняя, что «всѣ они люди честные, ни въ чемъ по дѣламъ невинные» и имѣютъ въ Польшѣ свои семейства и деревни. Генерала Гелгуда, которому потомъ понадобилось ѣхать по дѣламъ въ Петербургъ, Суворовъ рекомендуетъ графу Платону Зубову и поручаетъ въ его покровительство. Около того же времени онъ проситъ Хвостова похлопотать объ освобожденіи Грабовскаго, взятаго въ одномъ изъ сраженій въ плѣнъ и находящагося въ Смоленскѣ, а также поручаетъ позаботиться объ оказаніи пособія бѣдной семьѣ одного польскаго чиновника. Не довольствуясь всѣмъ этимъ, онъ обращается къ Платону Зубову за испрошеніемъ высочайшаго повелѣнія на счетъ принятія въ русскую службу многихъ офицеровъ бывшей

польской арміи, «весьма достойныхъ людей, не имѣющихъ пропитанія». Онъ сносился даже по этому предмету съ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, а число писемъ его къ Платону Зубову такого содержанія по истинѣ громадно. Чтобы понять, какъ широко примѣнялъ Суворовъ къ дѣлу свой принципъ милосердія къ безоружному непріятелю, стоитъ привести изъ донесенія Румянцева цифры. Отпущено на свободу генераловъ, взятыхъ на штурмѣ Праги—2, по покореніи Варшавы 5, генералъ-поручиковъ по покореніи Варшавы 5, генералъ-майоровъ 6—тоже; штабъ и оберъ-офицеровъ, взятыхъ по покореніи Варшавы и позже явившихся — 829, а взятые на штурмѣ Праги — всѣ, но точная цифра ихъ неизвѣстна. Не лишнее будетъ также указать на сохранившееся письмо коменданта Орловскаго къ плѣнному Косціюшкѣ, гдѣ прямо свидѣтельствуется, что въ обрушившейся на Польшу катастрофѣ, остается утѣшаться «тѣмъ великодушіемъ и мягкостью, съ которыми побѣдитель относится, на сколько можетъ, къ побѣжденнымъ» [24]).

Совсѣмъ иная система была у союзниковъ, особенно у Пруссаковъ. Какъ только инсурекція въ Великой Польшѣ, по завоеваніи Суворовымъ Варшавы, прекратилась, и возстановился законный порядокъ, была учреждена спеціальная комиссія для разбора, сужденія и наказанія всѣхъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ возстаніи. Въ Пруссіи и до того было много недовольныхъ всякими тягостями и рекрутскими наборами; теперь гнетъ этотъ увеличивался новымъ денежнымъ сборомъ, которымъ были обложены всѣ, участвовавшіе прямо или косвенно въ инсурекціи. «Если бы Прусскій король вздумалъ предпринять что либо противъ Россіи», пишетъ Суворовъ Платону Зубову въ половинѣ 1795 года, когда война съ Пруссіей представлялась возможною: «то большая часть жителей употребитъ оружіе въ нашу пользу». Въ Австріи Поляки чувствовали себя менѣе угнетенными, но за то занятыя области Польской республики Австрійцы обирали до тла и вымогали тамъ все, что только могли. Румянцевъ доноситъ Екатеринѣ въ іюнѣ 1795 года, что Австрійцы рѣшились наконецъ оставить часть занятыхъ ими земель и начали двигаться; что при этомъ выправляютъ всѣ ими назначенные налоги по самый день выхода и требуютъ обывательскія фуры для своза

всего имъ принадлежащаго, даже соломы; что они забрали нѣсколько рекрутъ и пустили въ обращеніе нарочно чеканенныя для Польши деньги, которыхъ однако въ уплату податей и налоговъ не принимаютъ. Для бо̀льшей наглядности, продолжимъ въ паралель дѣйствія Суворова. Въ Польшѣ не было привычки къ бумажнымъ деньгамъ; ихъ принимали не охотно, имъ не довѣряли, и на нихъ стоялъ довольно низкій курсъ. При взятіи Ваврженцкаго, такихъ денегъ было найдено въ его войсковой кассѣ 768,554 польскихъ злотыхъ; посовѣтовавшись съ варшавскимъ магистратомъ, Суворовъ приказалъ ихъ уничтожить.

Излагая здѣсь характеръ правительственной дѣятельности Суворова въ завоеванномъ краѣ и не касаясь объема этой дѣятельности по неимѣнію на то данныхъ, нельзя не упомянуть про мѣропріятія къ продовольствію войскъ въ связи съ однородными потребностями разореннаго, обнищавшаго населенія. Затрудненія въ продовольствіи войскъ были громадныя, а потомъ сдѣлались почти неодолимыми. Хотя они были облегчены, какъ сказано, разрѣшеніемъ безпошлиннаго ввоза изъ-за границы, но все таки представлялось нужнымъ прибѣгнуть къ такимъ принудительнымъ мѣрамъ, какъ сборы продовольствія съ земли подъ квитанціи. Суворовъ рѣшительно отказался отъ этого бѣдственнаго для населенія способа, а предоставилъ собственному попеченію обывателей покупку фуража, назначивъ за него высокія цѣны, которыя уменьшилъ лишь при новомъ урожаѣ. Однако неисправности въ высшей военной администраціи и истощеніе государственнаго казначейства были такъ велики, что войска Суворова рѣшительно не получали денегъ, и предписанная имъ мѣра обращалась въ нуль. Суворовъ приказалъ заимствовать нужныя деньги изъ артельныхъ, экономическихъ и другихъ полковыхъ суммъ, но и эти источники стали скоро изсякать. Онъ все таки не хотѣлъ прибѣгать къ сбору подъ квитанціи, а рѣшилъ вывести изъ Польши 12 полковъ, ни мало не опасаясь за спокойствіе края, и не сдѣлалъ этого только потому, что подоспѣли деньги. Лишь спустя лѣто, при новомъ урожаѣ, который оказался довольно обильнымъ, Суворовъ призналъ возможнымъ сдѣлать съ обывателей сборъ хлѣба подъ квитанціи, да и то не всюду, а только мѣстами, притомъ не иначе, какъ

подъ присмотромъ выборныхъ отъ населенія комиссаровъ, уравнительно, съ зачетомъ въ подлежащія подати.

Направляя свои старанія къ облегченію населенія Польши, для удержанія края въ спокойствіи, Суворовъ не въ меньшей мѣрѣ обнаруживалъ заботливость по отношенію къ Польскому королю. Мы знаемъ, что онъ получилъ отъ Екатерины повелѣніе — отправить Станислава-Августа въ Гродно; но оно пришло въ концѣ ноября 1794 года, когда уже былъ сдѣланъ шагъ, противорѣчившій политическимъ видамъ Русскаго правительства больше, чѣмъ что-либо другое. Вѣроятно слѣдуя послѣднимъ совѣтамъ Вавржецкаго, передъ выѣздомъ его изъ Варшавы къ войскамъ, Польскій король написалъ Русской Императрицѣ письмо. Сознаваясь, что судьба Польши въ ея рукахъ, Станиславъ-Августъ говоритъ, что считаетъ своею обязанностью обратиться къ великодушію Ея Величества. Военная сила Польши уничтожена, но нація осталась, пока воля побѣдительницы ее не уничтожитъ. Польша разорена на-долго и начинаетъ походить на пустыню; тысячи земледѣльцевъ бѣжали въ сосѣднія страны, туда же удалились многіе землевладѣльцы; голодъ почти неминуемъ, особенно если продолжится окупація другихъ сосѣдей Польши. Одна побѣдительница, Русская Государыня, можетъ все это прекратить, объявивъ свою волю на счетъ своего завоеванія. Не рискуя пускаться въ предположенія по этому предмету, онъ, Станиславъ-Августъ, полагаетъ однако же несомнѣннымъ, что для Русской Императрицы предпочтительнѣе то рѣшеніе, которое принесетъ ей наиболѣе истинной славы и сдѣлаетъ три милліона людей наименѣе несчастными. Это письмо Польскаго короля было отправлено въ Петербургъ съ курьеромъ 12 или 13 ноября; курьеръ повезъ также къ графу Платону Зубову письмо Суворова слѣдующаго содержанія: «король Польскій въ плачевномъ состояніи исторгаетъ мои слезы; припадите къ высочайшему престолу Ея Императорскаго Величества, испросите у премудрой Монархини Его Величеству милосердіе: вашего сіятельства великодушіе извѣстно свѣту».

Суворовъ поторопился, не выждавъ инструкій. Его амнистія, обезоруженіе и проч. требовали спѣха, ибо отъ нихъ зависѣло спокойствіе покореннаго края и удержаніе его въ нашихъ ру-

кахъ; вопросъ же о королѣ не имѣлъ такого значенія. Своимъ предстательствомъ Суворовъ нисколько не улучшилъ, а быть можетъ ухудшилъ положеніе короля. Въ Петербургѣ заговорили объ интригахъ Станислава-Августа; письмо его было принято очень дурно; письмо Суворова не произвело никакого дѣйствія. Екатерина отвѣчала Станиславу-Августу сухо, что дѣло будетъ рѣшено, какъ требуютъ польза и спокойствіе государства; что же касается лично до него, короля, то ему будетъ предложенъ переѣздъ въ Гродно, необходимый для его собственной безопасности, гдѣ онъ, король, и получитъ извѣщеніе о послѣдующемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ написано Суворову, что выѣздъ короля изъ Варшавы нуженъ для облегченія народа, а также потому, что особа короля тамъ не безопасна. Въ силу этихъ причинъ нельзя ожидать со стороны короля какихъ-либо затрудненій къ исполненію настоящаго повелѣнія; если же паче чаянія они окажутся, то Суворовъ обязывается ему объявить не обинуясь, что воля Екатерины неизмѣнна, основана на правѣ завоеванія, и король долженъ ей повиноваться. Перемѣщеніе короля въ Гродно произвести немедленно; подъ видомъ почета приставить къ нему одного изъ генералъ-майоровъ, котораго снабдить 8,000 червонцевъ и приказать ему оказывать королю всевозможное уваженіе.

Оба эти письма были отправлены къ Суворову вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ высочайшимъ повелѣніемъ отъ 21 ноября. Прежде чѣмъ они были получены, король, благодарный Суворову за его расположеніе и услуги, пожелалъ сдѣлать ему 25 ноября визитъ. По приказанію Суворова, дежурнымъ генераломъ былъ составленъ церемоніалъ пріема; между прочимъ дежурные адъютанты должны были встрѣтить короля у кареты, дежурный генералъ у лѣстницы, а Суворовъ передъ пріемной. Но когда карета короля подъѣхала, Суворовъ безъ шляпы и шпаги бросился внизъ, подскочилъ къ каретѣ и сталъ было принимать Станислава-Августа подъ руки, но спохватившись сказалъ: «да вѣдь по церемоніалу мнѣ не здѣсь слѣдуетъ быть; простите Ваше Величество, я такъ почитаю освященную особу вашу, что забылся». Вслѣдъ затѣмъ оставивъ короля, онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, занялъ свое мѣсто и принялъ короля какъ было назначено. Визитъ продолжался больше получаса, велась

бесѣда въ присутствіи многихъ лицъ, отъѣздъ короля совершился по церемоніалу же. Немного дней спустя получены рескрипты Екатерины; для Станислава-Августа едва-ли воля Екатерины была большою неожиданностью, но на Суворова рѣшеніе Государыни должно было произвести дѣйствіе ушата холодной воды. Приготовленія къ отъѣзду короля были окончены въ продолженіе мѣсяца, и 8 января 1795 года онъ выѣхалъ изъ Варшавы, не пожелавъ принять никакихъ соотвѣтственныхъ случаю почестей. Провожая его, Суворовъ какъ ни крѣпился, при офиціальномъ исполненіи воли Императрицы, не могъ удержаться отъ слезъ, а король былъ до такой степени тронутъ, что растерялся и забылъ приготовленное прощальное слово. Безъ малаго черезъ годъ, Станиславъ-Августъ, уступая совѣтамъ и настояніямъ Екатерины, отрекся отъ престола, получивъ отъ союзныхъ дворовъ ежегодное содержаніе въ 330,000 червонцевъ, а въ началѣ 1798 года умеръ въ Петербургѣ.

Всю зиму 1794 — 95 годовъ производилась перевозка разнаго государственнаго имущества изъ Польши въ Россію, преимущественно военнаго: однихъ артиллерійскихъ орудій перевезено 340. Наиболѣе важнымъ пріобрѣтеніемъ побѣдителя была библіотека Залускаго, въ которой состояло безъ малаго 400.000 томовъ печатныхъ и рукописныхъ, на 36 или 37 разныхъ языкахъ, кромѣ 40,000 эстамповъ. Она была учреждена въ Варшавѣ графомъ Залускимъ для всеобщаго употребленія и имѣла въ своемъ составѣ множество рѣдкихъ книгъ и рукописей. Она пользовалось большою извѣстностью; папа Бенедиктъ XIV издалъ въ 1752 году буллу, которою угрожалъ отлученіемъ отъ церкви всѣмъ, кто изъ этой библіотеки что-либо похититъ. На перевозку ея и нѣкоторыхъ архивовъ было ассигновано 30,000 руб., но въ дѣйствительности издержано больше; библіотека Залускаго послужила основаніемъ нынѣшней Императорской Публичной библіотеки въ Петербургѣ.

Занятый и крупными, и мелкими дѣлами по управленію завоеваннымъ краемъ, Суворовъ не имѣлъ уже возможности сосредоточивать по прежнему свое вниманіе на войскахъ. Въ продолженіе цѣлаго года онъ только однажды отлучился изъ Варшавы на короткое время, для объѣзда войскъ, и то счелъ

нужнымъ донести о своей отлучкѣ въ Петербургъ. Изъ сохранившихся отрывочныхъ данныхъ однако видно, что заботливость его о войскахъ была обычная, но отличалась преимущественно контрольнымъ характеромъ. Больше всего требовала его вниманія продовольственная часть, особенно при неисправномъ снабженіи войскъ деньгами; онъ не избавился впослѣдствіи отъ большихъ непріятностей по этому предмету, какъ мы это увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Затѣмъ находимъ приказанія и напоминанія о сохраненіи здоровья войскъ, объ устройствѣ лазаретовъ, о мѣрахъ къ уменьшенію мѣстами дезертирства,—все тоже, что бывало въ Финляндіи и Херсонѣ; только не встрѣчается здѣсь такихъ рѣзкихъ какъ тамъ аномалій, а слѣдовательно и экстренныхъ мѣръ. Безпокойствъ и смутъ не было никакихъ.

Объѣздъ войскъ онъ произвелъ въ августѣ 1795 года съ быстротой замѣчательной. Подъ его начальствомъ тогда находилось около 50 батальоновъ, 100 эскадроновъ и 14 казачьихъ полковъ; войска эти были расположены въ нѣсколькихъ лагеряхъ на довольно большомъ пространствѣ, въ окрестностяхъ Варшавы и въ брестскомъ воеводствѣ. На посѣщеніе и осмотръ этихъ войскъ Суворовъ употребилъ всего около 15 дней. За то и смотры были своеобразны. Краткое извѣстіе объ одномъ изъ нихъ записано участникомъ; по немъ можно составить понятіе и объ остальныхъ. Въ Немировѣ, на Бугѣ, стояло лагеремъ два конныхъ и одинъ пѣхотный полкъ; Суворовъ явился сюда около полудня, когда люди послѣ обѣда отдыхали. Онъ былъ верхомъ, въ сопровожденіи трехъ лицъ своего штаба и казака. Быстро подскакавъ къ серединѣ пѣхотнаго полка, онъ сталъ кликать знакомаго ему барабанщика, стараго, сѣдого солдата, отличившагося въ эту войну: «Яковъ Васильевичъ.... Кисляковъ!» Барабанщикъ выскочилъ. Суворовъ поздоровался съ нимъ и велѣлъ бить тревогу. Привычныя войска выстроились живо. Суворовъ тотчасъ же свернулъ ихъ въ колонны и повелъ по направленію къ Бугу; тутъ пѣхота подвязала патронныя сумы къ шеѣ и, поднявъ ружья надъ головами, направилась чрезъ рѣку въ бродъ; конница тоже, причемъ кавалеристы помогали своими веревками-сѣновязками малорослымъ изъ пѣхоты. Перейдя рѣку, войска шибкимъ шагомъ пошли впередъ

Верстъ пятнадцать выводилъ ихъ Суворовъ, маневрируя и атакуя, потомъ свелъ въ общее каре, держалъ рѣчь, произносилъ выдержки изъ своего военнаго катехизиса, благодарилъ за ученье и сдѣлалъ жестокій выговоръ командиру одного изъ кавалерійскихъ полковъ за шалости солдатъ на квартирахъ. Потомъ, ѣдучи по фронту, онъ здоровался и заговаривалъ со знакомыми солдатами, иногда обращался къ цѣлымъ ротамъ, когда-либо отличившимся, и затѣмъ попрощавшись со всѣми, быстро ускакалъ. Начальникъ конной бригады и командиръ пѣхотнаго полка провожали его верстъ двадцать.

Эти и подобные оригинальные пріемы, составлявшіе особенность Суворовской военной подготовки, зачастую сопровождались также исключительно Суворовскимъ чудачествомъ и прихотливыми странностями, на которыя онъ все меньше и меньше скупился. Однажды зимой, послѣ смотра варшавскому гарнизону на городской площади, онъ держалъ передъ войсками обычную рѣчь. Морозъ былъ сильный, всѣ ежились, многіе невольно обнаруживали признаки нетерпѣнія. Замѣтивъ это, Суворовъ намѣренно затянулъ рѣчь и употребилъ на нее чуть не два часа. Почти всѣ, отъ генерала до солдата, вернулись домой съ сильными симптомами простуды, но самъ Суворовъ, хотя былъ одѣтъ въ одну бѣлую канифасную куртку, чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Въ другой разъ, въ ту же зиму, ему представлялось большое число ново-поступившихъ офицеровъ. Пріемъ и угощеніе происходили въ великолѣпныхъ покояхъ примаса; несмотря на страшный морозъ, окна были настежь, для того, какъ объяснялъ Суворовъ, чтобы выморозить изъ новичковъ немогузнайство; подавались какія-то скверныя щи и ветчина на конопляномъ маслѣ [25]). Въ третій разъ, во время объѣзда въ августѣ лагерныхъ сборовъ, онъ былъ встрѣченъ въ Брестѣ дежурнымъ по полку молодымъ офицеромъ, родомъ изъ Ревеля. Почти дрожа отъ страха, подошелъ къ нему дежурный и сталъ рапортовать; Суворовъ перебилъ его отрывистымъ вопросомъ: «какой супъ готовили у васъ, въ Ревелѣ, въ четвергъ?» — «Капустный», — отвѣчалъ смѣло дежурный. — «А въ пятницу?» — «Такой-то». — «А въ субботу» и т. д. Молодой офицеръ изложилъ ему такимъ образомъ menu за цѣлую не-

дѣлю, послѣ чего и былъ отпущенъ благополучно. Дѣло въ томъ, что въ низшихъ чинахъ Суворовъ стаивалъ въ Ревелѣ, замѣтилъ особенность тамошнихъ домашнихъ порядковъ—назначать заблаговременно на каждый день недѣли особый супъ, и теперь, на этомъ не подходящемъ къ службѣ предметѣ вздумалъ испытать молодого оробѣвшаго офицера. Многочисленныя причуды Суворова разносились всюду и составляли собою богатую тему для критики. Одинъ изъ государственныхъ людей охарактеризовалъ его фельдмаршальство такъ: «чинъ по дѣламъ, а не по персонѣ»; другой писалъ, что «Суворовъ просвѣщается въ Варшавѣ и не перестаетъ блажить»; третьи пожимали плечами и снисходительно улыбались.

Все это было болѣе или менѣе колко, но безвредно; враги и завистники Суворова не могли нанести ему съ этой стороны сколько-нибудь существеннаго ущерба и даже просто непріятностей. Болѣе доступнымъ для атакъ недоброжелателей онъ былъ въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, напримѣръ какъ мы уже видѣли, со стороны внутренней политики; военно-хозяйственная администрація тоже представляла собою слабое, доступное мѣсто, ибо тутъ, въ Польшѣ, образовалась система злоупотребленій благодаря исключительности положенія. Это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Нѣсколькимъ казачьимъ частямъ, находившимся въ составѣ одного и того же отряда, слѣдовало получить отъ казны деньги на продовольствіе, изъ особой комиссіи, учрежденной въ Варшавѣ. Послали туда офицера съ довѣренностью, но онъ вернулся съ пустыми руками и осмѣянный. Поѣхалъ другой, но возвратился съ тѣмъ же; отправили третьяго съ полномочіемъ—не скупиться на взятку, но и тотъ прожилъ въ Варшавѣ нѣсколько дней безъ всякаго толка. Подумавъ, онъ измѣнилъ способъ дѣйствій и сталъ грозить, что пожалуется Суворову; тогда сдѣлались сговорчивѣе, и одинъ изъ членовъ комиссіи объяснилъ ему, что требованіе составлено неправильно, что подлежитъ выдачѣ гораздо больше, и взялся самъ составить новое. Посланный согласился; итогъ новой требовательной вѣдомости, правильной, оказался въ 106,000 руб. ассигнаціями. Изъ нихъ въ комиссіи осталось 16,000 руб., въ карманѣ у посланнаго

10,000 руб., а полки получили 80,000 къ великому своему удовольствію, ибо на такую большую сумму никакъ не расчитывали.

Однажды назначена была повѣрка экстраординарной суммы, находившейся въ распоряженіи главнокомандующаго, комиссіею изъ трехъ штабъ-офицеровъ. Одинъ изъ состоявшихъ при Суворовѣ лицъ, подполковникъ Мандрыкинъ, выдалъ комиссіи всѣ документы и сказалъ, что въ 9 часовъ вечера поѣдетъ отъ Суворова курьеръ съ отчетомъ, а потому повѣрка должна быть окончена раньше, безотговорочно. Комиссія хотя съ большимъ трудомъ, но окончила повѣрку къ назначенному сроку; все оказалось исправно, кромѣ двухъ ордеровъ на 150 червонцевъ, не подписанныхъ Суворовымъ. Мандрыкинъ взялъ ордера, пошелъ къ Суворову и вынесъ ихъ подписанными. Дѣло было тотчасъ же кончено и оформлено, къ великому удовольствію Мандрыкина, который вѣроятно имѣлъ причины опасаться противнаго. Съ радости онъ предложилъ свои услуги предсѣдателю комиссіи, Энгельгардту. Тотъ поблагодарилъ, сказавъ, что на этотъ разъ ни въ чемъ не нуждается. Тогда Мандрыкинъ вытащилъ и показалъ Энгельгардту рапортъ Ферзена съ просьбою о преданіи его, Энгельгардта, суду. Хотя по увѣренію Энгельгардта, приговора суда онъ рѣшительно не боялся, будучи совершенно правъ, но все-таки это обстоятельство представлялось крупною непріятностью, тѣмъ болѣе, что по тогдашнимъ правиламъ, нахожденіе офицера подъ судомъ во всякомъ случаѣ вносилось въ послужной списокъ. Замѣтивъ на лицѣ Энгельгардта огорченіе и смущеніе, Мандрыкинъ сказалъ: «не безпокойтесь, графъ никогда этого рапорта не увидитъ», и тутъ же разодралъ бумагу Ферзена. Не успѣлъ Энгельгардтъ придти въ себя, какъ Мандрыкинъ обратился къ нему съ новымъ вопросомъ: «вы вѣдь просились въ отпускъ; скоро ли хотите ѣхать?» Энгельгардтъ отвѣчалъ, что уѣхалъ бы тотчасъ по полученіи паспорта. «Погодите немного», сказалъ Мандрыкинъ, пошелъ къ Суворову въ кабинетъ, вынесъ оттуда подписанный отпускной билетъ и отдалъ Энгельгардту.

Не всегда впрочемъ лица Суворовскаго штаба своевольничали безнаказанно; обрушивалась и на нихъ гроза, но это бывало рѣдко, и еще рѣже гнѣвъ Суворова оставлялъ по себѣ

глубокіе слѣды. Доказательствомъ тому можетъ служить *дѣло Вронскаго.*

Въ Варшаву пріѣхалъ, для свиданія съ братомъ, 2-го Чугуевскаго полка секундъ-майоръ Вронскій, втерся къ Суворову въ довѣріе и подалъ ему доносъ на злоупотребленія по провіантской части. Суворовъ назначилъ слѣдственную комиссію, въ которой Вронскій взялъ на себя всю черную работу и сдѣлался дѣйствительнымъ слѣдователемъ, допрашивая прикосновенныхъ лицъ съ угрозами и «пристрастіемъ». Злоупотребленія оказались не малыя: полученіе взятокъ подъ видомъ займовъ, продажа подрядчикамъ изъ провіантскихъ магазиновъ муки, покупка дорогихъ вещей у подрядчиковъ безъ отдачи денегъ, игра въ банкъ и проч. Но цифра доноса не оправдалась: вмѣсто полумилліона, оказалось всего начету на 62,554 рубля. Слѣдствіемъ выяснено пятеро виновныхъ: три провіантскихъ чиновника и двое изъ штаба Суворова—Мандрыкинъ и Тищенко. Суворовъ велѣлъ ихъ арестовать, посадить на хлѣбъ и воду и взыскать съ нихъ всю сумму, которая по полученіи и была распредѣлена на разныя надобности,—на выдачи подрядчикамъ, на прогоны, въ пособіе бѣднымъ польскимъ офицерамъ, разореннымъ революціей и наконецъ Вронскому 15,166 руб., «яко доносителю», по закону.

Вронскій этимъ не ограничился и, пользуясь пріобрѣтенною у Суворова довѣренностью, сталъ мѣшаться въ производство торговъ, объявленныхъ тогда на большую поставку хлѣба; входилъ въ сношеніе съ подрядчиками, грозилъ имъ, предлагалъ замѣнить подрядный способъ заготовки комиссіонерскимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ развернулся: проживая въ началѣ день за днемъ и перехватывая то тутъ, то тамъ по червонцу и по два, теперь сталъ брать направо и налѣво суммы покрупнѣе, нанялъ домъ по 100 червонцевъ въ мѣсяцъ, обзавелся экипажемъ, выѣздными верховыми, большимъ штатомъ домашней прислуги, держалъ любовницу, давалъ роскошные обѣды. Тѣмъ временемъ арестованные, высидѣвъ на хлѣбѣ и водѣ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, были освобождены и, по всей вѣроятности, постарались открыть глаза Суворову, который сталъ какъ будто и самъ догадываться—что такое Вронскій. Да и не

мудрено было догадаться; безстыдство и наглость этого пройдохи превосходили всякую мѣру и совершенно отрицали его якобы честныя побужденія. Суворовъ запретилъ ему вмѣшиваться въ торги, а вслѣдъ затѣмъ приказалъ ѣхать въ свой полкъ.

Всѣ участники этого грязнаго дѣла выступаютъ въ очень неприглядномъ видѣ. Самъ Суворовъ, чистый отъ всякаго подозрѣнія въ корыстныхъ злоупотребленіяхъ, не свободенъ отъ упрека въ другихъ отношеніяхъ. Онъ поручилъ изслѣдованіе злоупотребленій самому доносчику; не предалъ виновныхъ суду на томъ основаніи, что они понесли наказаніе и ущербъ казны пополненъ; самовольно далъ назначеніе взысканнымъ деньгамъ; допустилъ вмѣшательство Вронскаго въ производство торговъ, тогда какъ для этого была назначена особая комиссія изъ нѣсколькихъ генераловъ. Онъ и впослѣдствіи продолжалъ не придавать дѣлу Вронскаго серьезнаго значенія, будучи убѣжденъ, что главною всему причиной была карточная игра, завлекшая молодыхъ людей дальше, чѣмъ они сами хотѣли. Впрочемъ онъ сообщилъ обо всемъ этомъ происшествіи Зубову, а также донесъ Императрицѣ, но какъ о дѣлѣ маловажномъ. По понятіямъ административныхъ сферъ того времени, высшихъ и низшихъ, присмотрѣвшихся къ постояннымъ злоупотребленіямъ и воспитавшихся на своеволіи,—варшавское происшествіе дѣйствительно представлялось дѣломъ мелкимъ и зауряднымъ, а потому рѣшеніе Суворова было безмолвно признано концомъ рѣшающимъ. Но по странному самомнѣнію, Вронскій считалъ себя несправедливо обнесеннымъ и спустя нѣсколько мѣсяцевъ снова возбудилъ дѣло; старые грѣхи вышли на свѣтъ при новой обстановкѣ, и на долю Суворова достались новыя и притомъ крупныя непріятности.

Очень большую долю зла, какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и въ другомъ, слѣдуетъ отнести, что говорилось не разъ, къ худому выбору Суворовымъ приближенныхъ лицъ. Мы видѣли образчикъ въ Мандрыкинѣ, въ томъ же родѣ были и другіе. Уже во вторую Турецкую войну это бросалось въ глаза, а въ третью Польскую и того больше. Суворовъ обращался съ ними безъ церемоній; тѣхъ кто помоложе, кликалъ «мальчикъ»;

Мандрыкина звалъ просто *Андрыка* и никого изъ нихъ не вывелъ въ люди, кромѣ своихъ племянниковъ, которые впрочемъ были людьми другой категоріи, да и не состояли при немъ постоянно. Въ этомъ же кружкѣ ежедневныхъ собесѣдниковъ, приспѣшниковъ и сотрапезниковъ, онъ не стѣснялся ни причудливыми выходками, ни проявленіями дурныхъ сторонъ своего характера; все выносилось, лишь бы не лишиться его милостей и своего положенія, на что люди съ самолюбіемъ и развитымъ чувствомъ были бы не способны. Контроль надъ ними былъ такъ не великъ, что можно сказать самъ Суворовъ какъ будто поощрялъ ихъ къ дурнымъ поступкамъ. Онъ напримѣръ самъ не распечатывалъ конвертовъ, большею частью не читалъ бумагъ, а выслушивалъ, даже подносимое къ его подписи часто не прочитывалъ самъ. Оттого въ дѣлѣ Вронскаго читаемъ, что одинъ изъ офицеровъ Суворовскаго штаба добился прусскаго ордена, давъ подписать Суворову бумагу, въ которую себя включилъ, а при чтеніи свою фамилію пропустилъ. Другой офицеръ вытащилъ на смотру изъ кармана Суворова жалобу, только что поданную постороннимъ лицомъ. Всего этого въ дѣйствительности можетъ и не было, такъ какъ слѣдствіемъ не подтвердилось; но одно указаніе на подобные случаи свидѣтельствуетъ, что въ нихъ не признавалось ничего невозможнаго. И дѣйствительно, въ главной квартирѣ, такъ сказать подъ носомъ Суворова, дѣлалось иногда то, что прямо противорѣчило его волѣ.

Говорятъ, будто Суворовъ объяснялъ дурной выборъ своихъ приближенныхъ тѣмъ соображеніемъ, что честные люди слишкомъ рѣдки, а потому надо привыкать обходиться безъ нихъ. Эти слова едва ли принадлежатъ Суворову, который вовсе не былъ мизантропомъ, да наконецъ приближенные его погрѣшали не противъ одной честности. Онъ самъ отваживалъ отъ себя людей лучшихъ; выходки его иногда прямо задѣвали самолюбіе, даже оскорбляли и нарушали самыя элементарныя приличія. Одинъ штабъ-офицеръ, приглашенный Суворовымъ къ обѣду, Энгельгардтъ, замѣтилъ, что сержантъ гвардіи, разносившій водку, наливалъ ее не иначе, какъ строго держась старшинства чиновъ и въ чинахъ. Энгельгардтъ усмѣхнулся и

за свою невѣжливость немедленно поплатился: Суворовъ выскочилъ изъ-за стола, закричалъ «воняетъ» и убѣжалъ въ другую комнату. Открыли окна, но это не помогло; не знали что дѣлать. «За столомъ вонючка», пояснилъ Суворовъ. Тогда адъютантъ подошелъ къ Энгельгардту и, выразивъ предположеніе, что у него грязные сапоги, просилъ его выйти изъ-за стола, вычистить ихъ и потомъ вернуться. Энгельгардтъ всталъ и ушелъ домой.

Тѣмъ временемъ, пока Суворовъ распоряжался въ завоеванномъ краѣ, дипломатія работала на счетъ дальнѣйшей судьбы Польши. Задача ея была сложная и трудная, ибо требовалось согласить почти несогласимое. Долгія сужденія привели къ мысли объ окончательномъ раздѣлѣ Польши; но когда приступили къ разъясненію основаній дѣлежа, то начались трудности, которыя что дальше, то больше выростали. Къ концу 1794 года негоціяція съ Вѣнскимъ дворомъ была успѣшно окончена, но съ Пруссіей соглашеніе не достигнуто. Положено было заключить между Австріей и Россіей союзъ противъ Пруссіи, но дѣло все таки не спорилось и даже угрожало дурнымъ поворотомъ, потому что Прусскій король рѣшительно шелъ къ миру съ Франціей. И дѣйствительно, въ апрѣлѣ 1795 года Пруссія заключила съ Франціей миръ, и Суворову было сообщено о приготовленіяхъ къ войнѣ. Приказано заготовлять и подвозить провіантъ, учредить запасный магазинъ, имѣть дружескія отношенія къ австрійскимъ войскамъ, но не давать повода къ остудѣ и съ прусскими, развѣдывая въ тоже время, что въ прусскихъ областяхъ будетъ происходить. Эти приготовленія не оставались въ тайнѣ и, въ связи съ усиліями дипломатіи, привели къ желаемому исходу. Въ октябрѣ 1795 года получено согласіе Прусскаго короля на нѣкоторыя уступки, и въ томъ же мѣсяцѣ состоялось общее соглашеніе.

Приготовляя боевую и хозяйственную часть арміи на случай войны съ Пруссіей, Суворовъ однако болѣе интересовался сдѣланнымъ Австріей предложеніемъ—о совокупномъ дѣйствіи противъ Французовъ подъ его, Суворова, начальствомъ. Заводили рѣчь о 40—50,000-номъ корпусѣ, даже о 100,000-ной арміи изъ Русскихъ, Австрійцевъ, Пруссаковъ и французскихъ эмигрантовъ.

Суворовъ не разъ списывался по этому предмету съ Хвостовымъ и хотя оба слуха оказались пуфомъ, но причинили ему много безпокойства по предмету избранія главнокомандующаго. Были у него и другіе поводы къ неудовольствіямъ, очень мелкіе, въ родѣ того, что полученный имъ патентъ на чинъ фельдмаршала не совсѣмъ сходится съ патентомъ, даннымъ Потемкину,—но все это имѣло смыслъ аксесуаровъ, главная же непріятность, точившая Суворова постоянно, состояла въ томъ, что обѣщаніе его, данное именемъ Императрицы инсургентамъ, не было исполнено съ буквальной точностью. Сначала онъ надѣялся, что арестованные получатъ скоро свободу, но прошло три мѣсяца, а они все содержались подъ арестомъ. Суворовъ удержался отъ вмѣшательства въ правительственныя распоряженія, но излилъ свое неудовольствіе въ письмѣ къ Хвостову, поручивъ своему родственнику позаботиться объ этомъ предметѣ косвенными, неофиціальными путями. «Графъ Игнатій Потоцкій, Мостовскій, Закржевскій, банкиръ Капустасъ и банмачникъ Килинскій, въ угодность двора, въ Петербургѣ изрядно или хорошо содержатся, но мой пароль тѣмъ не содержанъ; въ немъ (обѣщано) забытіе прежняго, и они (должны быть) вольны. Стыдно Россіи ихъ бояться, ниже остерегаться; Польша обезоружена, пора имъ домой, и не въ коня кормъ. Вашему благоразумію это внушеніе весьма рекомендую; мнѣ совѣстно, хоть безъ торопливости. Графъ Игнатій враль, и раздраженіе имъ обстоятельствъ должно презрѣть». Вѣроятно по этому же предмету, съ намекомъ на предстоящій дѣлежъ Польши, онъ сдѣлалъ въ Варшавѣ, публично, слѣдующее темное, аллегорическое заявленіе. Когда его спросили, можно ли ожидать благихъ для Польши послѣдствій отъ мира Пруссіи съ Франціей, онъ отвѣчалъ: «могло бы быть; но внутреннія замѣшательства наиболѣе меня безпокоятъ; я не могу болѣе того сносить и принужденъ буду наконецъ принять нѣкоторыя мѣры». Повторивъ это нѣсколько разъ къ общему недоумѣнію, онъ прибавилъ: «такъ какъ крысы, мыши и кошки находятся въ безпрестанномъ движеніи въ семъ домѣ и ни на минуту не даютъ мнѣ покоя, почему я намѣреваюсь, какъ наискорѣе, перемѣнить квартиру». Ему дѣйствительно было мало покоя; его осаждали просьбами по всевозможнымъ предметамъ

и со всѣхъ сторонъ; въ числѣ ходатайствъ попадалось не мало такихъ, которыя онъ и радъ бы былъ удовлетворить, но не могъ, вслѣдствіе взглядовъ правительства. Такъ по крайней мѣрѣ случилось однажды, когда къ нему прибыла депутація по подобнаго рода дѣлу. Освѣдомившись о содержаніи просьбы, Суворовъ вышелъ къ депутаціи, сталъ посреди пріемной, поднялъ руку вверхъ и прыгнулъ какъ можно выше, сказавъ: «Императрица вотъ какая большая»; затѣмъ присѣлъ къ землѣ на корточки, пояснивъ: «а Суворовъ вотъ какой маленькій», поклонился и выбѣжалъ изъ комнаты. Депутаты поняли и ушли.

Ничего нѣтъ мудренаго, если всѣ эти непріятности, и крупныя и мелкія, и дѣйствительныя и мнимыя, въ общемъ итогѣ утомляли его и раздражали. Этому содѣйствовало и дурное состояніе здоровья, по крайней мѣрѣ въ началѣ, а болѣе всего его темпераментъ. Суворовъ сталъ подъ конецъ находить «жалкую сухость въ своемъ апофеозѣ» и упоминать про необходимость «спасти свою честь на склонѣ дней». Говоря короче, происходило тоже, что бывало раньше и что будетъ позже. Въ сущности ходъ дѣлъ въ Польшѣ оставался такимъ, какой съ самаго начала былъ данъ имъ же, Суворовымъ, лишь за нѣкоторыми частными изъятіями; самое крупное изъ нихъ состояло въ арестованіи пяти лицъ изъ главныхъ дѣятелей революціи. Подчиненное положеніе Суворова снимало лично съ него нареканіе за такое распоряженіе; всякому было извѣстно, что оно шло изъ Петербурга. Да и въ Петербургѣ вовсе не имѣли намѣренія лишать этихъ лицъ навсегда свободы; Безбородко говорилъ положительно, что «по окончаніи дѣлъ, положено отпустить ихъ на свѣтъ и дать полную всѣмъ амнистію». Содержались они хорошо; только двое, Капустасъ и Килинскій, вѣроятно вслѣдствіе ихъ сравнительно низкаго общественнаго положенія, находились въ крѣпости; прочіе содержались тамъ лишь въ началѣ, да и то не всѣ, и вскорѣ перемѣщены въ нанятые для нихъ частные дома. Наиболѣе опаснымъ изъ всѣхъ считался конечно Косцюшко; между тѣмъ находясь въ крѣпости, онъ занималъ двѣ комнаты въ комендантскомъ домѣ и могъ прогуливаться, подъ наблюденіемъ двухъ офицеровъ, въ комендантскомъ саду, а потомъ перемѣщенъ въ частный домъ съ садомъ. Арестован-

ные не могли жаловаться на недостатокъ къ нимъ вниманія; изъ отчетовъ видно, что нѣкоторымъ изъ нихъ посылались газеты, предлагались книги; въ случаѣ болѣзни оказывалось немедленное медицинское пособіе, даже собирались консиліумы. На столъ ихъ тоже не скупились; на Косцюшку напримѣръ израсходовано въ 8 дней 188 руб., хотя онъ ѣлъ очень мало и ничего не требовалъ. Присмотръ былъ строгій, но не въ смыслѣ ненужнаго стѣсненія дома, а только относительно отлучекъ изъ дому, въ публику. Одинъ изъ приставовъ напримѣръ былъ смѣненъ за то, что вдвоемъ съ арестантомъ (оба были молодые люди) отправился тайкомъ ночью въ маскарадъ, причемъ оба были костюмированы.

Арестъ и заключеніе плѣннаго Косцюшки съ секретаремъ и двумя адъютантами, а также остальныхъ взятыхъ при Суворовѣ, — кромѣ опасенія за продолженіе смуты, были вызваны желаніемъ открыть связь польской революціи съ французскою, главныя ея пружины вообще и варшавскихъ апрѣльскихъ событій въ частности. Таково направленіе дѣланныхъ арестованнымъ допросовъ. Изъ отвѣтовъ видно, что между двумя революціями не было ничего общаго. Польская была порождена событіями послѣдняго 25-тилѣтія; ближайшая ея цѣль заключалась въ возстановленіи конституціи 3 мая. Варшавская рѣзня родилась оттуда же и такъ какъ была слѣдствіемъ взрыва страстей, то и отличалась жестокостью и звѣрствомъ; терроръ же, царствовавшій тогда во Франціи, наводилъ на Косцюшку ужасъ и отвращеніе. Никакихъ французско-революціонныхъ образцовъ польское инсурекціонное правительство не принимало и на демократическія тенденціи смотрѣло какъ на наиболѣе опасныя. «Мы и безъ того могли легко склонить на нашу сторону мѣщанина и крестьянина», говорится въ показаніи одного изъ коноводовъ революціи: «они въ просвѣщеніи весьма отстали; облегчить нѣсколько ихъ жребій было совершенно достаточно, и не представлялось никакой нужды давать имъ полную вольность и равенство, которыхъ они не могутъ понимать, а тѣмъ паче благоразумно ими пользоваться».

Такимъ образомъ «шляхетская» Польша осталась и въ революціи не тронутой; ея задача не имѣла ничего однороднаго

съ Франціей, а уличные безпорядки и злодѣйства, якобинскій клубъ, присутствіе Колонтая въ правительствѣ и проч., все это только доказываетъ, что были въ Польшѣ, въ слабомъ меньшинствѣ, и послѣдователи французской революціи. Взрывы революціоннаго фанатизма сдерживались и наказывались правительствомъ; такъ за уличный мятежъ, когда чернь перевѣшала нѣсколько человѣкъ за принадлежность ихъ къ русской партіи, Косцюшко велѣлъ арестовать и заковать въ кандалы 400 человѣкъ и изъ нихъ семерыхъ повѣсилъ. Тѣмъ не менѣе анархическіе эпизоды въ Варшавѣ напоминали ужасы французской революціи, и такимъ образомъ преувеличенное понятіе о свойствѣ и цѣляхъ польской революціи и войны сложились и поддерживались. Суворовъ раздѣлялъ общее заблужденіе, называлъ польскую революцію *карманьолкой*, а инсургентовъ *якобинами*. По взятіи Варшавы онъ долженъ былъ въ этомъ разубѣдиться. Прямого въ томъ признанія нѣтъ въ его письмахъ и бумагахъ, но оно выразилось въ его дѣйствіяхъ. Онъ сталъ заботиться только о скорѣйшемъ и общемъ обезоруженіи, считая его концомъ вѣнчающимъ; далѣе по его мнѣнію ничего не требовалось, конечно кромѣ упраздненія революціонной организаціи. И Суворовъ оказался совершенно правъ; если бы польская революція была прологомъ переворота такой глубины и значенія, какъ французская, то завершиться обезоруженіемъ конечно не могла бы.

Прошелъ годъ мирной дѣятельности Суворова въ завоеванной Польшѣ. Къ акту окончательнаго ея раздѣла, подписанному Россіей и Австріей, присоединилась наконецъ и Пруссія. Предстояло выводить войска Суворова изъ занятой ими територіи и передать Варшаву Пруссіи, но это поручалось Дерфельдену, а Суворовъ призывался въ Петербургъ для полученія новаго назначенія, на что и отпущено ему 10,000 рублей. Въ рескриптѣ по этому предмету отъ 17 октября 1795 года, Екатерина благодарила его за все имъ сдѣланное, за искуство, дѣятельность и усердіе; говорила, что «познаетъ цѣну его службы» и заявляла свою волю на счетъ его дальнѣйшаго служенія: «вы будете въ другихъ употребленіяхъ, вамъ свойственныхъ, или на иныхъ предѣлахъ имперіи, гдѣ мы въ спокойствіи не столь удостовѣрены».

Три съ половиною года спустя, Суворовъ писалъ изъ Италіи русскому послу въ Вѣнѣ, Разумовскому: «не мщеніемъ, а великодушіемъ покорена Польша; такъ удобно покорить и Францію». Предшествовавшія страницы свидѣтельствуютъ, что Суворовъ имѣлъ право сказать эти слова. Многіе думаютъ иначе. Одни говорятъ, что по взятіи Варшавы, Суворовъ приказалъ отрубить кисти рукъ у 6000 польскихъ шляхтичей; другіе утверждаютъ, что онъ, не сморгнувъ глазомъ, перевѣшалъ 12,000 Поляковъ. Тьеръ, историкъ французской революціи, руководствуясь такого рода «историческими» данными, характеризуетъ Суворова коротко: «знаменитый своими побѣдами въ Турціи и жестокостями въ Польшѣ».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Суворовъ и его дочь.

1775—1795.

Мы знаемъ, что хотя Суворовъ разстался съ женой въ 1784 году, но взялъ отъ нея дочь раньше, въ концѣ 1779, и помѣстилъ ее въ Петербургѣ, отдавъ въ надежныя руки Софьи Ивановны де-Лафонъ, начальницы Смольнаго монастыря. Когда именно началась его переписка съ любимой Наташей, неизвѣстно; потомъ онъ находился на службѣ въ Петербургѣ, слѣдовательно видался съ дочерью лично и лишь въ концѣ 1786 года разлучился съ нею на довольно долгій срокъ. Къ этому времени, и именно къ 1787 году, относится начало дошедшей до насъ переписки Суворова съ *Суворочкой*, переписки, такъ хорошо очерчивающей отца и сдѣлавшей дочь извѣстностью. Горячая привязанность Суворова къ своему ребенку послужила его панегиристамъ темою для разыгрыванія разныхъ варьяцій, въ которыхъ истина перемѣшана съ вымысломъ. Для примѣра укажемъ на одно принятое всѣми на вѣру характерное свѣдѣніе, будто разойдясь съ женой, Суворовъ все-таки навѣщалъ по временамъ свой домъ, чтобы взглянуть на спящую дочь, благословить ее, поцѣловать и затѣмъ тотчасъ же уѣхать, не повидавшись съ женой. Этого не могло быть потому, что разстался съ женой онъ позже, чѣмъ взялъ отъ нея дочь.

Извѣстіями о своихъ побѣдахъ Суворовъ постоянно дѣлился съ дочерью, бесѣдовалъ съ нею вскользь и о другихъ предметахъ, поддѣлываясь, даже слишкомъ, къ уровню ребяческаго пониманія Наташи. Въ своихъ недлинныхъ письмахъ онъ любилъ разсыпать нравоучительныя сентенціи и разнаго рода наставленія; о женѣ, Наташиной матери, не упоминалъ никогда. Послѣ кинбурнской побѣды, оправившись отъ ранъ, онъ пишетъ: «Будь благочестива, благонравна, почитай свою матушку, Софью Ивановну, или она тебѣ выдеретъ уши да посадитъ за сухарикъ съ водицей... У насъ драки были сильнѣе, нежели вы деретесь за волосы; а какъ вправду потанцовали,—въ боку пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрѣлили; насилу часовъ черезъ восемь отпустили съ театра въ камеру... Какъ же весело на Черномъ морѣ, на лиманѣ: вездѣ поютъ лебеди, утки, кулики, по полямъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерляди, осетры, — пропасть!» Въ слѣдующемъ письмѣ его читаемъ: «Милая моя Суворочка, письмо твое получилъ; ты меня такъ утѣшила, что я по обычаю моему отъ утѣхи заплакалъ... Кто-то тебя, мой другъ, учитъ такому красному слогу... Куда бы я, матушка, посмотрѣлъ тебя въ бѣломъ платьѣ! Какъ-то ты растешь?.. Поклонись отъ меня сестрицамъ (монастыркамъ); Божіе благословеніе съ тобой». Въ третьемъ письмѣ читаемъ: «Уже теперь-то Наташа какой у нихъ (Турокъ) по ночамъ вой: собачки воютъ волками, коровы охаютъ, волки блеютъ, козы ревутъ... Они (Турки) такъ около насъ, очень много, на такихъ превеликихъ лодкахъ, шесты большіе къ облакамъ, полотны на нихъ на версту. На иной лодкѣ ихъ больше, чѣмъ у васъ во всемъ Смольномъ мухъ — красненькіе, зелененькіе, синенькіе, сѣренькіе; ружья у нихъ такіе большіе, какъ камера, гдѣ ты спишь съ сестрицами». Продолжая угощать свою Суворочку или сестрицу, какъ онъ ее называлъ, подобными дѣтскими гиперболами и описаніями, Суворовъ въ томъ же 1788 году ей сообщаетъ: «Въ Ильинъ и на другой день мы были въ réfectoire съ Турками; ай-да охъ, какъ же мы подчивались! Играли, бросали свинцовымъ большимъ горохомъ да желѣзными кеглями въ твою голову величины; у насъ были такія длинныя булавки да ножницы кривыя

и прямыя, рука не попадайся, тотчасъ отрѣжутъ, хоть и голову... Прости душа моя, Христосъ Спаситель съ тобою».

Въ такомъ родѣ продолжалъ Суворовъ переписку съ дочерью всю Турецкую войну, то по-русски, то по-французски, изрѣдка по-нѣмецки. Иногда въ незамысловатыхъ посланіяхъ его къ ребенку-дочери проскакиваютъ для внимательнаго глаза мелкіе блики, освѣщающіе исторически описываемый предметъ. Письма его къ Суворочкѣ пріобрѣтаютъ извѣстность въ Петербургѣ, ихъ иногда цитируетъ сама Императрица. Послѣ рымникской побѣды пожалованный въ графы и Русской, и Священной Римской имперіи, Суворовъ съ гордостью начинаетъ свое письмо словами: «comtesse de deux empires»; говоритъ, что чуть не умеръ отъ радости, будучи осыпанъ милостями Императрицы; «скажи Софьѣ Ивановнѣ и сестрицамъ, у меня горячка въ мозгу, да кто и выдержитъ!... Вотъ каковъ твой папенька за доброе сердце». Но настоящимъ перломъ этихъ писемъ слѣдуетъ признать то горячее, нѣжное чувство отца къ дочери, которое сквозитъ чуть не въ каждой строкѣ и прорывается въ безъискуственныхъ, трогательныхъ выраженіяхъ.

Выпущенная изъ института 3 марта 1791 года и пожалованная во фрейлины, съ денежнымъ содержаніемъ по 600 рублей въ годъ, дочь Суворова была помѣщена сначала во дворцѣ, около Императрицы. Этотъ знакъ особой милости и вниманія Екатерины къ ея знаменитому полководцу, произвелъ на него совсѣмъ не то дѣйствіе, на которое расчитывали. Подъ разными предлогами, которые сводились къ желанію отца видѣть около себя дочь послѣ давней разлуки, Наташа черезъ нѣкоторое время перешла въ родительскій домъ. Государыня конечно не стала настаивать на своемъ, уступила; но этотъ поступокъ Суворова не могъ не затронуть ея щекотливость, тѣмъ болѣе, что задѣвалъ вообще придворные круги, выказывая къ нимъ пренебреженіе. За соотвѣтственными внушеніями не стало дѣло, и многочисленные недоброжелатели Суворова постарались придать его поступку самое невыгодное освѣщеніе. Конечно это не навлекло на него немилости, но непріятное впечатлѣніе осталось несомнѣнно.

Что же заставило Суворова поступать такъ нерасчетливо

и безтактно, на перекоръ своимъ собственнымъ интересамъ? Сильная антипатія ко всему *придворному*, разжигаемая опасеніями на счетъ дочери. По своей натурѣ, по военно-солдатскому воспитанію, по вкусамъ, вообще по всему,—Суворовъ не былъ человѣкомъ придворнымъ, или даже способнымъ приспособиться къ требованіямъ придворнаго быта, такъ что постоянно получалъ при дворѣ уколы, даже раны. Не даромъ онъ впослѣдствіи говорилъ, что въ домашней жизни бывалъ раненъ гораздо больше, чѣмъ на войнѣ, а при дворѣ еще чаще, чѣмъ дома. Поэтому, не избѣгая двора по расчетамъ честолюбія, но не находя въ себѣ ничего съ нимъ общаго, онъ вооружился сарказмомъ, сатирою и щедро расплачивался ими за наносимые ему удары, уже ни мало не скрывая антипатіи къ своимъ зложелателямъ и ихъ средѣ.

Его саркастическое анти-придворное настроеніе особенно развилось въ послѣдніе 10 лѣтъ его жизни. Передъ производствомъ въ генералъ-аншефы, онъ напримѣръ сталъ однажды почтительно раскланиваться съ однимъ изъ дворцовыхъ истопниковъ, и когда ему замѣтили, что это служитель самаго низшаго разряда, Суворовъ отвѣчалъ, что сегодняшній истопникъ можетъ быть завтра Богъ знаетъ кѣмъ. Онъ называлъ придворныхъ угодниковъ «антишамбристами»; открыто говорилъ, что генералы бываютъ двухъ категорій, — одни генералами родятся, другіе дѣлаются: первые видны въ пороховомъ дыму, на поляхъ сраженій; послѣдніе отличаются на паркетѣ, передъ кабинетомъ, въ качествѣ полотеровъ. «А мундиръ на тѣхъ и другихъ одинаковый», прибавлялъ онъ съ усмѣшкой. Изъ двухъ его племянниковъ, князей Горчаковыхъ, старшій, Алексѣй, прямо поступилъ на военную службу, пройдя подъ руководствомъ дяди практическую школу; младшій же, Андрей, былъ опредѣленъ на придворную службу камеръ-юнкеромъ. Князь Горчаковъ-отецъ такъ описываетъ сыну Андрею впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ на Суворова. «Онъ началъ разсказывать, какъ Алешу училъ казакомъ, солдатомъ, капраломъ, сержантомъ, офицеромъ служить, и похвалялъ, что онъ скоро понялъ и прошелъ всѣ должности съ усердіемъ, и такъ-де теперь самъ командуетъ съ похвалою.... А потомъ, о тебѣ не упоминая ни слова, разсказывалъ критики о придвор-

ныхъ, входъ, походки, поклоны, рѣчи льстивыя, улыбки безмолвныя, взгляды надменности, умствованія и прочее.... Изъ сего ясно, что ему неблагоугодно, и потому онъ о тебѣ ко мнѣ ни слова не писалъ». Къ числу его наиболѣе категорическихъ представленій о дворѣ и придворныхъ, принадлежитъ высказанный Хвостову афоризмъ: «для двора потребны три качества — смѣлость, гибкость и вѣроломство».

Тогдашній дворъ и придворные не могли похвастать строгими нравственными принципами въ жизни вообще и во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ половъ въ частности. Суворовъ же былъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ безукоризненныхъ правилъ, не допускавшихъ никакихъ уступокъ. Легко понять, какъ строги были его взгляды въ примѣненіи къ дочери, которая оставляла Смольный монастырь, не имѣя еще 16 лѣтъ отъ роду. Хотя она не отличалась ни красотой, ни умомъ, ни другими видными качествами, но все это яснѣе было постороннимъ, чѣмъ отцу. Для объясненія его заботливости о дочери достаточно прибавить, что онъ называлъ дворъ *Цитерою* и въ особенности опасался распущенности нравовъ Потемкина. Онъ выписалъ изъ Петербурга свою сестру Олешеву и помѣстилъ ее вмѣстѣ съ Наташей въ своемъ домѣ. Потомъ попечительство перешло къ Хвостову, мужу кузины Наташиной, Аграфены Ивановны; а ближайшій надзоръ былъ порученъ, какъ бы въ качествѣ гувернера, женатому подполковнику Петру Григорьевичу Корицкому, который отвозилъ Наташу въ Смольный монастырь нѣсколько лѣтъ назадъ. Вообще Суворовъ хватался за все подъ гнетомъ своихъ опасеній и подъ вліяніемъ разныхъ совѣтовъ; дѣло отъ этого конечно не выигрывало въ логичности, особенно когда онъ долженъ былъ уѣхать на службу въ Финляндію.

Какъ только онъ выѣхалъ туда изъ Петербурга, отстранять Наташу отъ двора стало невозможно, до того всякіе къ тому резоны представлялись странными и даже оскорбительными. Суворову писалъ объ этомъ Сакенъ, сослуживецъ его во вторую Турецкую войну, говоря, что надо непремѣнно представить дочь ко двору въ тотъ самый день, какъ Государыня вернется въ концѣ лѣта въ Петербургъ. Убѣждая Суворова въ невозможности иного рѣшенія, Сакенъ успокоивалъ его тѣмъ, что глав-

ная причина опасеній не существуетъ, ибо Потемкинъ уѣхалъ въ армію. Хвостовъ настаивалъ на томъ же.

Оставляя дочь на рукахъ Хвостова, Суворовъ приказалъ ему всѣхъ вразумлять, что Наташа еще дитя и года 2 или 3 не будетъ ничьею невѣстой. Кромѣ того онъ изложилъ ему цѣлую систему надзора, не зная мѣры въ своихъ подозрѣніяхъ и опасеніяхъ. Онъ говоритъ, что приходится отдать дочь баронессѣ Мальтицъ (гофмейстеринѣ) «безъ шуму, какъ казнили въ Бастиліи»; совѣтуетъ стеречься такой-то дамы, сынъ которой лазилъ черезъ потолокъ къ горничной Машѣ; опасаться «просвѣщенія» другой; третья по слухамъ способна «заповѣднымъ товаромъ промышлять»; не велитъ вѣрить «ни Граціямъ, ни Меркуріямъ». Истопника Суворовъ приказываетъ посадить на пенсію, камеръ-лакея задарить, другому дать двойное жалованье, горничной Машѣ тоже, коли не подозрительна, иначе замѣнить ее другою; дѣвушекъ баронессы Мальтицъ одарить. Корицкому тоже нельзя довѣрять много, ибо «онъ непостижимаго *лѣноумія* и дальше четырехъ стѣнъ постигнуть не въ состояніи». Со сжимающимся сердцемъ приказываетъ Суворовъ готовить Наташу къ дежурству, къ баламъ, къ спектаклямъ въ эрмитажѣ: «бѣдная Наташа, не обольстись утѣхами». Хвостову дается подробное наставленіе, въ которомъ между прочимъ говорится, что Наташу ничѣмъ изъ Жанъ-Жака не просвѣщать; на всякій соблазнъ имѣть бдительное око; никого изъ молодежи ей у себя не принимать; кто подойдетъ къ рукѣ,—полтора шага назадъ. Проводить время въ благочестіи и благонравіи, отчуждаясь отъ людского шума и суеты, занимаясь чтеніемъ, рукодѣліемъ, играть, бѣгать, рѣзвиться. Вслѣдствіе обычной бережливости, Суворовъ опредѣлилъ на содержаніе дочери немного, всего 600 руб. въ годъ, да на подарки ей къ праздникамъ 400. Впрочемъ онъ не держался этой мѣрки, ибо встрѣчаются по счетамъ другіе расходы: на карету 1.000 руб., на платье 300 руб., на шаль 100 руб.

Не забывалъ Суворовъ наставлять свою дочь и непосредственно, напутствуя вступленіе ея въ жизнь, между прочимъ, и собственнымъ примѣромъ. «Будь непререкаемо вѣрна великой Монархинѣ. Я ея солдатъ, я умираю за отечество; чѣмъ выше возводитъ меня ея милость, тѣмъ слаще мнѣ пожертвовать со-

бою для нея. Смѣлымъ шагомъ приближаюсь я къ могилѣ, совѣсть моя не запятнана, мнѣ 60 лѣтъ, тѣло мое изувѣчено ранами, и Богъ оставилъ меня жить для блага государства... Избѣгай людей, любящихъ блистать остроуміемъ; по большей части это люди извращенныхъ нравовъ... Будь сурова съ мужчинами и говори съ ними немного... Если случится, что тебя обступятъ старики, показывай видъ, что хочешь поцѣловать у нихъ руку, но своей не давай».

Въ Финляндіи онъ продолжалъ свои бесѣды съ дочерью почти такъ, какъ прежде, съ такими же гиперболами и дѣтскими сравненіями, но оттѣнокъ серьезности проглядываетъ все чаще. Нѣжность отца не слабѣетъ, письма его испещрены такими задушевными выраженіями: «помни меня, какъ я тебя помню; я вездѣ буду тебя за глаза цѣловать; какъ будто мое сердце я у тебя покинулъ; смерть моя для отечества. жизнь моя для Наташи».

Въ свою очередь и дочь не лѣнилась отвѣчать отцу, писала часто, но очень по немногу, большею частію приписками на письмахъ Хвостова. Тема писемъ если не совсѣмъ прежняя, то по прежнему узкая. Съ малыми измѣненіями безпрестанно повторяется стереотипная фраза: «милостивый государь батюшка, я слава Богу здорова, цѣлую ваши ручки и остаюсь ваша послушнѣйшая дочь Г. Н. С. Р.». Иногда прибавляется о посылкѣ апельсиновъ, бергамотъ, кошелька или рисунка своей работы, или же говорится о полученіи посланной отцомъ рябиновой пастилы, мамуры и проч. Отецъ обыкновенно надписывалъ: «благодарствую, Христосъ съ тобою»; противъ понравившейся дочери рябиновой пастилы написалъ: «берегись, Наташа, брюхо заболитъ». На тѣхъ же письмахъ встрѣчается приписка Анны Васильевны Олешевой; она называетъ Суворова «батюшка-братецъ, Александръ Васильевичъ», желаетъ здоровья, цѣлуетъ ручки и остается покорною и благодарною сестрой. Суворовъ обыкновенно надписывалъ: «благодарствую»; противъ цѣлованія ручекъ прибавлялъ: «и я тоже твои»; разъ тутъ же приписалъ: «по секрету».

Постоянныя заботы о дочери, вѣчная о ней тревога, должны были наконецъ утомить Суворова и натолкнуть его на мысль

о женихѣ, хотя недавно онъ называлъ ее преждевременною. А усвоивъ эту мысль, онъ сталъ ее преслѣдовать со свойственною ему настойчивостью. Сознавая кромѣ того свою старость и возможность близкаго конца, онъ прежде всего позаботился о матеріальномъ обезпеченіи своей дочери. Въ февралѣ 1792 года составлено и подписано духовное завѣщаніе, которымъ отказывались дочери всѣ благопріобрѣтенныя имѣнія съ 834 душъ мужскаго пола, а изъ денегъ, что на лицо останется.

Стали навертываться женихи. Первымъ кандидатомъ явился молодой сынъ графа Н. И. Салтыкова, управлявшаго военнымъ департаментомъ. Суворовъ этого брака не желалъ, какъ по непріязни къ Салтыкову-отцу, такъ и потому, что женихъ былъ слишкомъ молодъ и не казистъ. Предложеніе было сдѣлано нѣсколько разъ, но рѣшительно отклонено; это можетъ статься и породило тѣ непріятности, которыя испытывалъ Суворовъ въ Финляндіи.

Въ слѣдующемъ году явился другой искатель, молодой князь Сергѣй Николаевичъ Долгоруковъ. Суворову онъ понравился, но Хвостову нѣтъ, ибо «графинѣ не пара, бѣденъ и приходится родней графу Н. И. Салтыкову». Суворовъ не зналъ про это послѣднее, а потому согласился съ Хвостовымъ и рѣшился «дать времени играть». Но вслѣдъ за тѣмъ онъ передумалъ и сталъ настаивать на прежнемъ, приводя въ резонъ, что семья жениха хорошая; что самъ онъ хотя бѣденъ, но за то не мотъ; молодъ, но за то чиновенъ; рябъ, но за то благонравенъ. Однако Хвостовъ стоялъ на своемъ и въ свое оправданіе изъявилъ сомнѣніе—точно ли женихъ вѣрующій человѣкъ. Это окончательно сразило Суворова; переписка о Долгоруковѣ прекратилась, а съ нею повидимому и дѣло. Не попусту писалъ Хвостову Суворовъ: «правьте моею судьбою, какъ я нахожусь за Валдаями».

Былъ еще намекъ на жениха—царевичъ Маріамнъ Грузинскій; «но они дики», замѣчаетъ Суворовъ; этимъ все и кончилось.

По перемѣщеніи Суворова въ концѣ 1792 года изъ Финляндіи на югъ, дочь его продолжала жить у Хвостова. Она являлась ко двору, но не часто, посѣщая только балы, спектакли и проч. Императрица продолжала быть къ ней милостивой и

пожаловала ей свой вензель. Замѣтной при дворѣ особой графиня Суворова конечно не была, не обладая нужными для того качествами; что впрочемъ соотвѣтствовало взглядамъ и вкусамъ ея отца, который говорилъ, что «если Наташѣ не достаетъ свѣтскаго, то научитъ мужъ по своему вкусу».

Усвоивъ мысль о замужествѣ дочери, Суворовъ сталъ еще въ Финляндіи чувствовать свои руки связанными, свою волю пригнетенною; ему трудно было рѣшаться на смѣлые шаги, въ родѣ отставки или заграничной службы, на все то, что онъ называлъ «переходомъ чрезъ Рубиконъ». Въ Херсонѣ безпокойство его пошло crescendo, и онъ дѣйствительно имѣлъ основаніе тяготиться настоящимъ положеніемъ своей дочери, которая могла служить обузой Хвостову. Усердствующій и радѣтельный племянникъ хотя ничѣмъ этого дядѣ не выказывалъ, но будучи недоволенъ своимъ служебнымъ положеніемъ и отсутствіемъ всякаго движенія впередъ, какъ бы намекалъ, что услуга требуетъ услуги же. Недовольство свое Хвостовъ показалъ Суворову еще въ Финляндіи, собираясь выдти въ отставку; тоже самое онъ повторилъ и теперь. Завязывалась послѣдняя война съ Польшей; изъ Петербурга высылали армейскихъ офицеровъ къ своимъ полкамъ, получилъ повѣстку и Хвостовъ. Онъ послалъ Суворову прошеніе объ увольненіи отъ службы. Суворовъ прошеніе не принялъ, приказалъ Хвостову перечислиться въ войска на югъ, подъ его начальство, совѣтовалъ не слушаться подстрекательствъ жены и убѣдилъ его ждать времени.

Въ мартѣ 1793 года навернулся новый женихъ, молодой полковникъ графъ Эльмптъ, рекомендованный П. И. Турчаниновымъ, женатымъ на его сестрѣ. Суворовъ написалъ Хвостову: «Дмитрій Ивановичъ, не сей ли нашъ судебный (т.-е. назначенный судьбою)? Коли старики (родители) своенравны, то отецъ его развѣ въ пунктѣ благороднаго почтенія и послушанія; мать добродушная и по экономіи скупа; тѣмъ они богатѣе, кромѣ германскаго владѣнія. Юноша тихаго портрета, лица и обращенія не противнаго, въ службѣ безпороченъ, деревни подъ Ригой и деньги. Вѣра—онъ христіанинъ, не мѣшаетъ иной вѣрѣ, и дѣти христіане». Около этого же времени представился еще искатель, князь А. Трубецкой; онъ также понравился Суворову, но скоро

обнаружилось, что пьетъ, и дѣло порвалось въ самомъ началѣ. Суворовъ опять вернулся къ графу Эльмпту, и этотъ послѣдній видя, что его первые шаги приняты благосклонно, написалъ отцу въ Ригу. Генералъ-аншефъ графъ Эльмптъ послалъ Суворову весьма вѣжливое и любезное письмо, выразилъ свое искреннее удовольствіе по случаю сдѣланнаго сыномъ выбора и вдвойнѣ радовался, что дѣлается родственникомъ стараго друга (они были знакомы давно), который своими блестящими качествами пріобрѣлъ безсмертную репутацію. Молодой Эльмптъ поѣхалъ въ Петербургъ, предположенная свадьба получила огласку, и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ стали говорить о ней, какъ о дѣлѣ, окончательно рѣшенномъ.

Но тутъ-то и начали обнаруживаться симптомы сомнительнаго исхода. Препятствія сталъ выдвигать Хвостовъ, который считалъ своею обязанностью пріискать для графини Натальи Александровны партію, какъ можно болѣе выгодную. Онъ указалъ Суворову на большую семью Эльмпта, на больную руку жениха (раненаго на дуэли) и выставилъ болѣе выгоднаго кандидата, князя Щербатова. Суворовъ все это отпарировалъ, и снова потянулась между ними переписка.

Есть основаніе думать, что дочь Суворова не была расположена къ избранному отцомъ жениху, и что между прочимъ это и побуждало Хвостова затягивать дѣло, хотя остается темнымъ—было ли нерасположеніе невѣсты къ жениху самостоятельное или внушенное Хвостовымъ же. По характеру, воспитанію, развитію Натальи Александровны, послушаніе отцу было однимъ изъ самыхъ выдающихся ея свойствъ, и потому послѣднее предположеніе возможно, тѣмъ болѣе, что жена Хвостова, недовольная молодостью жениха, возмущалась сверхъ того его неправославіемъ и все это конечно внушала дочери Суворова. Какъ ни склоненъ былъ Суворовъ слѣдовать указаніямъ Хвостова, но въ настоящемъ случаѣ онъ начиналъ терять терпѣніе. Въ апрѣлѣ 1794 года онъ пишетъ: «Гдѣ же лучшій женихъ? Лучшій—Чернышевъ, но тамъ гнѣздо сибаритово, гдѣ душевнаго спокойствія нѣтъ. Эльмпта жена живетъ (т.-е. будетъ жить) съ мужемъ отъ родителей (его) далеко; онъ спокоенъ, не роскошенъ и не забіяка; больше застѣнчивъ по строгому воспита-

нію, но уменъ и достоинъ; только по наружности стоитъ иногда фертомъ по нѣмецкому». Затѣмъ Суворовъ обращается къ женѣ Хвостова: «Груша не дури, вѣра его христіанская; Наташа и я ужъ изъ протекціи фамильной выжили». Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «какъ ни балансируйте, затѣи Груши уничтожьте; вообще всѣмъ семействомъ пріуготовляйте Наташу къ браку». Черезъ два дня еще письмо, короче и категоричнѣе прежняго: «въ настоящую осень отправляется графъ Ф. И. Эльмптъ въ Петербургъ; моя дочь его невѣста, я ей отецъ, онъ ей женихъ, предуготовляйте бракъ». Затѣмъ Суворовъ пишетъ объ этомъ дочери, Турчанинову и Платону Зубову.

Наталья Александровна отвѣчала, что «она безъ отрицанія исполнитъ волю отца купно съ волею Императрицы», т.-е. дала согласіе не безусловное, такъ какъ волю Государыни еще не знала. Графъ Зубовъ написалъ въ своемъ отвѣтѣ, что Екатеринѣ можетъ показаться необычайнымъ и даже неприличнымъ, что дочь знаменитаго русскаго полководца, слывущаго столь привязаннымъ къ вѣрѣ и отечеству,—дочь, отличенная именемъ (вензелемъ) и покровительствомъ Государыни, выдается за иностраннаго иновѣрца. Графиня молода; она найдетъ себѣ партію болѣе подходящую, выгодную и приличную. Взаключеніе Зубовъ проситъ Суворова вѣрить, что излагая эти мысли, онъ руководится единственно чувствомъ доброжелательства. Письмо это Суворовъ получилъ въ Польшѣ, на походѣ, дальнѣйшей переписки вѣроятно не было, и сватовство Эльмпта на этомъ остановилось [26]).

Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что дѣйствительною причиной расторгнутаго сватовства графа Эльмпта, было не протестантское его исповѣданіе. Екатерина II хотя къ тому времени состарилась и во многомъ противъ прежняго измѣнилась къ худшему, но такою узкостью понятій и взглядовъ все-таки не отличалась. Правда, Эльмптъ-отецъ былъ очень самолюбивъ и заносчивъ, отличался злымъ и острымъ языкомъ, и Екатерина къ нему не благоволила; но этой причины все-таки недостаточно, чтобы расторгнуть рѣшенный родителями и оглашенный во всеобщую извѣстность брачный союзъ. И дѣйствительно, настоящую причину надо искать въ связи съ послѣдующимъ

женихомъ, а затѣмъ и мужемъ дочери Суворова, графомъ Николаемъ Зубовымъ.

Онъ не былъ у Суворова на счету жениховъ дочери. Въ перепискѣ Суворова съ Хвостовымъ встрѣчаются въ двухъ-трехъ мѣстахъ намеки на какое-то лицо, обозначаемое начальными буквами и непонятными значками, но буквы эти не подходятъ къ именамъ и фамиліи Зубовыхъ. Искательство Николая Зубова принадлежитъ позднѣйшему времени; по соображеніи обстоятельствъ, оно должно совпадать съ вышеприведеннымъ отвѣтнымъ письмомъ Платона Зубова къ Суворову. Суворовъ тогда уже былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ Польшѣ, т.-е. находился на пути къ дальнѣйшему возвышенію. Это обстоятельство имѣетъ цѣну при заключеніи такихъ браковъ по расчету, каковъ былъ Николая Зубова съ Суворовой. Но такъ ли, нѣтъ ли, т.-е. расчетъ Зубовыхъ доходилъ ли до предполагаемой тонкости или все сладилось проще, во всякомъ случаѣ дѣло это затѣяно по иниціативѣ не Суворова, а навѣяно извнѣ, вѣроятно съ вѣдома Императрицы [27]).

Какая же была доля участія Натальи Александровны во всемъ этомъ дѣлѣ, прямо до нея касавшемся? Что участіе ея было, это не подлежитъ сомнѣнію, но главная роль принадлежала отцу. Здѣсь кстати замѣтить, что распространенное въ нѣкоторой части нашей литературы мнѣніе, будто Суворовъ былъ упорнымъ представителемъ и защитникомъ старыхъ, до-Петровскихъ началъ русской жизни, совершенно невѣрно. Оно основано на внѣшнихъ признакахъ, или поверхностно понятыхъ, или ложно освѣщенныхъ. Было уже приведено воззрѣніе Суворова на вѣру, и притомъ по отношенію къ самому дорогому для него существу—дочери, что нисколько не мѣшало ему строго держаться обрядностей православной церкви. Точно также и во взглядахъ своихъ на женщину, Суворовъ хотя былъ далекъ отъ идей женской эмансипаціи нынѣшняго времени, но не раздѣлялъ и татарскаго представленія Московской Руси о женскомъ полѣ. Онъ только былъ противникомъ и порицателемъ мужского слабодушія предъ женскимъ вліяніемъ, придававшаго женщинѣ роль «полуденнаго бѣса». По его понятіямъ, женщина принадлежала всецѣло своей семьѣ и домашней жизни и обязана была послу-

шаніемъ главѣ семейства—отцу, или мужу. Но это послушаніе не уничтожало ея человѣческихъ правъ. Если Суворовъ игралъ преобладающую роль при выборѣ жениха своей дочери, то потому, что смотрѣлъ на нее какъ на ребенка и не на много въ этомъ ошибался. Но Наталья Александровна все-таки не была безгласнымъ субъектомъ брачныхъ проектовъ отца и Хвостовыхъ. Это усматривается изъ ихъ переписки, хотя она дошла до насъ далеко не въ цѣлости. Препятствія со стороны дочери безспорно были, неизвѣстно только въ чемъ именно они состояли. Во всякомъ случаѣ они не вліяли на теплоту отношеній Суворова къ его не безусловно послушной дочери, и мы ни разу не встрѣчаемъ нетолько жосткаго слова, къ ней обращеннаго, но и ни малѣйшаго на то намека. Былъ же онъ настойчивъ въ этомъ дѣлѣ по основному свойству своего характера, проявлявшемуся всегда и во всемъ, да имѣлъ вдобавокъ полное основаніе приписывать многіе взгляды дочери вліянію Хвостова и особенно его жены [28]).

Графъ Николай Александровичъ Зубовъ, человѣкъ вообще заурядный, былъ попроще своихъ братьевъ, особенно Платона, безъ самомнѣнія, безъ убѣжденія въ какомъ то высшемъ призваніи. Суворову онъ былъ извѣстенъ довольно давно, когда братъ его, Платонъ, не вошелъ еще въ фаворъ и стоялъ въ ряду обыкновенныхъ смертныхъ. Н. Зубовъ имѣлъ еще ту хорошую сторону, что не задаваясь выспренними задачами, несъ службу добросовѣстно и усердно. Суворову приводилось съ нимъ переписываться; одно письмо дѣлового характера, писанное изъ подъ Кинбурна въ 1788 году, въ этомъ свидѣтельствуетъ. Такимъ образомъ они не были людьми незнакомыми, но никогда не состояли и въ близкихъ отношеніяхъ. Теперь судьба свела ихъ почти внезапно.

Мы знаемъ, что Наталья Александровна была заранѣе обезпечена отцомъ на случай его смерти или ея замужества, 1500 благопріобрѣтенныхъ душъ (мужского и женскаго пола). Когда брачный союзъ былъ рѣшенъ и начались переговоры о приданомъ, то Суворовъ назначилъ дочери кое-что изъ своихъ брильянтовыхъ вещей (должно быть немного), денегъ же или вовсе не давалъ, или далъ мало. Правда, около года послѣ

свадьбы дочери, онъ переписывается съ Хвостовымъ о 60,000 рубляхъ, обѣщанныхъ зятю съ выплатою въ сроки, но какъ увидимъ позже, эти деньги не были приданымъ. Вообще переговоры о приданомъ велись черезъ Хвостова, порядочно и прилично, по крайней мѣрѣ никакихъ признаковъ остраго свойства не видать; но было дано понять Суворову со стороны графа Н. Зубова, что укрѣпленная за невѣстою недвижимость имѣетъ слишкомъ скромные размѣры и что этотъ недостатокъ легко устранить, прибѣгнувъ къ щедротамъ Императрицы. Суворовъ отказался на-отрѣзъ отъ указываемаго пути, написавъ Хвостову, что этого «общаго правила» онъ никогда не держался; что такой его взглядъ долженъ быть Хвостову хорошо извѣстенъ; что Наташѣ 1500 душъ довольно, а если мало, то для него, Суворова, легче добавить впослѣдствіи, когда удастся пріобрѣсти новыя имѣнія собственными средствами. Онъ имѣлъ бы право указать своему будущему зятю другой путь для исполненія его желаній, именно обращеніе къ Государынѣ чрезъ его брата, графа Платона. Но Платонъ Зубовъ отказалъ бы также, какъ Суворовъ, хотя по другимъ побужденіямъ: онъ не любилъ утруждать Императрицу просьбами за другихъ, даже за родныхъ братьевъ.

Въ пятницу, на масляной 1795 года, совершилось торжественное обрученіе въ таврическомъ дворцѣ. Суворовъ, находившійся въ Польшѣ, по этому поводу писалъ: «Благословеніе Божіе Наташѣ и здравіе съ графомъ Николаемъ Александровичемъ; ай-да, куда какъ мнѣ это утѣшно». Апрѣля 29, въ отсутствіе Суворова, все еще находившагося въ Варшавѣ, они были обвѣнчаны. Дочь его сдѣлалась отрѣзаннымъ ломтемъ, образовалась пустота на прежде занятомъ ею мѣстѣ. Пустоту эту Суворовъ вскорѣ заполнилъ сыномъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Въ Петербургѣ и Тульчинѣ.

1796.

Когда Суворовъ выѣзжалъ изъ Варшавы, морозило и дулъ рѣзкій вѣтеръ; почему сберегая свои болѣвшіе глаза, онъ сидѣлъ въ дормезѣ, поднявъ стекла. Переѣхавъ Вислу и ѣдучи по Прагѣ, онъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ глядѣлъ по сторонамъ, замѣчая сглаживающіеся слѣды прошлогодняго бѣдствія и большое число новыхъ зданій, возводившихся на мѣстѣ пожарища. Проѣхавъ Прагу, онъ часто обращался къ тому мѣсту, гдѣ послѣ штурма была разбита для него калмыцкая кибитка и гдѣ онъ принималъ депутатовъ варшавскаго магистрата. Ѣдучи черезъ передовую линію укрѣпленій, онъ замѣтилъ: «волчьи ямы еще не заросли и колья въ нихъ живутъ до времени», а потомъ перекрестясь, прибавилъ: «милостивъ Богъ къ Россіи, разрушатся крамолы и плевелы исчезнутъ».

И Варшава, и Прага скоро пропали изъ вида въ мглистой дали, и потянулась однообразная дорога. Зимній путь еще не установился; кочки и выбоины взаимно смѣнялись на каждомъ шагу и награждали Суворова безпрерывными толчками, такъ что не имѣя привычки въ продолжительной ѣздѣ въ крытомъ экипажѣ, онъ поминутно вскрикивалъ. Впереди скакалъ курье-

ромъ въ кибиткѣ одинъ изъ его адъютантовъ, заготовлявшій лошадей, ночлеги и проч. На первомъ или второмъ ночлегѣ произошелъ комическій случай: генеральсъ-адъютантъ Тищенко приготовилъ и прибралъ для ночлега теплую хату, но не догадался осмотрѣть въ ней запечье, гдѣ спала глухая старуха. Когда пріѣхалъ Суворовъ, то по своему обыкновенію раздѣлся до нага, окатился холодною водой и, чтобы расправить одеревенѣвшіе отъ долгаго сидѣнья члены, сталъ прыгать по хатѣ, напѣвая по-арабски изреченія изъ корана. Въ это время проснулась старуха, выглянула изъ-запечья, приняла Суворова за чорта и закричала во весь голосъ: «ратуйте, съ нами небесная сила». Перепугался и Суворовъ отъ этого внезапнаго вопля и инстинктивно тоже поднялъ крикъ; явились люди и вывели старуху, полумертвую отъ ужаса.

На всемъ пути готовились новому фельдмаршалу торжественныя военныя встрѣчи, но онъ этого не пожелалъ и разослалъ самыя категорическія просьбы и запрещенія. Многіе послушались, но не всѣ, такъ какъ нѣкоторые считали своимъ служебнымъ долгомъ — представиться новому фельдмаршалу. Суворову пришлось прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, чтобы избѣжать встрѣчь; останавливаться для перемѣны лошадей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ почтовой станціи, пересаживаться въ передовую курьерскую кибитку и закрываться рогожей. Выходило это мѣстами не совсѣмъ ловко, напримѣръ въ Гродно, гдѣ ожидалъ его съ почетнымъ рапортомъ князь Репнинъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Суворовъ обошелъ при производствѣ въ фельдмаршалы.

Въ Стрѣльну была выслана по повелѣнію Государыни парадная придворная карета, при эскортѣ изъ чиновъ конюшеннаго вѣдомства; туда же выѣхалъ на встрѣчу своему тестю Н. Зубовъ; нѣсколько другихъ генераловъ встрѣтили его еще раньше. Въ Стрѣльнѣ Суворовъ облекся въ фельдмаршальскій мундиръ со всѣми орденами, сѣлъ въ присланный экипажъ и отправился въ Петербургъ. Это было 3 или 4 января 1796 года; морозъ стоялъ сильный, больше 20 градусовъ; несмотря на это Суворовъ просидѣлъ весь переѣздъ въ одномъ мундирѣ, съ открытою головой, держа шляпу въ рукахъ; сопутники его, Н. Зу-

бовъ и генералы Исленьевъ и Арсеньевъ поневолѣ слѣдовали его примѣру. Прибывъ въ Петербургъ, къ зимнему дворцу, Суворовъ зашелъ предварительно къ Платону Зубову, чтобы обогрѣться самому и дать отойти отъ стужи полузамерзшимъ спутникамъ. Изъ покоевъ фаворита отправились въ пріемныя комнаты Императрицы. Тутъ Суворову былъ оказанъ самый благосклонный пріемъ; Екатерина на первыхъ же порахъ вступила съ нимъ въ разговоръ о предполагавшейся тогда персидской экспедиціи и предложила ему главное начальствованіе, но Суворовъ попросилъ нѣсколько времени на разсмотрѣніе дѣла. Государыня совершенно очаровала Суворова своимъ милостивымъ обхожденіемъ и простерла вниманіе до того, что зная нелюбовь Суворова къ зеркаламъ, приказала ихъ завѣсить на время пріема причудливаго фельдмаршала.

Суворову и его свитѣ назначенъ былъ на жительство таврическій дворецъ, куда они тотчасъ по окончаніи аудіенціи и отправились. Пріѣхавъ туда, Суворовъ прытко пробѣжалъ по комнатамъ вплоть до спальни, не замѣтивъ, что его вездѣ встрѣчала придворная прислуга. Въ небольшой спальнѣ, съ диваномъ и нѣсколькими креслами, уже была готова пышная постель изъ душистаго сѣна и ярко горѣлъ каминъ; въ сосѣдней комнатѣ стояла гранитная ваза, наполненная невскою водой, съ серебрянымъ тазомъ, ковшомъ для окачиванія и прочею принадлежностью. Суворовъ раздѣлся, сѣлъ у камина и приказалъ подать варенья; онъ былъ оживленъ, необыкновенно веселъ и особенно краснорѣчивъ. На другой день начались къ нему визиты, но приняты были весьма немногіе, въ томъ числѣ Державинъ и Платонъ Зубовъ. Державина Суворовъ встрѣтилъ дружески, безъ всякихъ церемоній и оставилъ обѣдать; также безцеремонно обошелся онъ и съ Платономъ Зубовымъ, но въ другомъ смыслѣ. Наканунѣ, когда Суворовъ пріѣхалъ въ зимній дворецъ изъ Стрѣльны, Зубовъ встрѣтилъ его не въ полной формѣ, а въ обыкновенномъ вседневномъ костюмѣ, что было принято за неуваженіе и пренебреженіе. Теперь Суворовъ ему отплатилъ, принявъ временщика въ дверяхъ своей спальни въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, а Державину объяснилъ причину своего поступка словами: «vice versa».

Живя въ Петербургѣ, Суворовъ былъ предметомъ общаго любопытства и вниманія; онъ вошелъ на первое время въ моду, о немъ говорили, спорили, ему прислуживались и угождали, такъ что зависть и недоброжелательство до поры спрятались и замолкли. Онъ велъ прежнюю жизнь, съ нѣкоторыми уступками столичнымъ условіямъ, и обѣдалъ уже не въ 8 часовъ утра, а въ 10 или 11, причемъ всегда бывали у него гости. Во дворцѣ, у Государыни, онъ бывалъ рѣдко, въ особенности избѣгая парадныхъ обѣдовъ. Узнавъ, что онъ ѣхалъ изъ Стрѣльны въ одномъ мундирѣ, Екатерина подарила ему соболью шубу, крытую зеленымъ бархатомъ, но Суворовъ бралъ ее съ собою только ѣдучи во дворецъ, да и то держалъ на колѣняхъ и надѣвалъ лишь выходя изъ кареты. Встрѣчаясь съ обоими Салтыковыми, обиженными его производствомъ въ фельдмаршалы, онъ зло надъ ними подшучивалъ, растравляя ихъ зависть и недоброжелательство. Принимая визиты отъ именитыхъ и чиновныхъ лицъ, онъ по своему оказывалъ имъ разную степень вниманія и уваженія. Увидѣвъ въ окно подъѣхавшую карету и узнавъ сидѣвшее въ ней лицо, онъ выскочилъ изъ-за стола, сбѣжалъ на подъѣздъ, вскочилъ въ карету, когда лакей отворилъ дверцу, и просидѣлъ въ ней нѣсколько минутъ, бесѣдуя съ гостемъ, а затѣмъ поблагодаривъ его за честь, распрощался и ушелъ. Въ другой разъ, тоже во время обѣда, при визитѣ другого лица, Суворовъ не тронулся съ мѣста, приказалъ поставить около себя стулъ для вошедшаго гостя, сказавъ ему: «вамъ еще рано кушать, прошу посидѣть», поговорилъ съ нимъ нѣкоторое время, и когда тотъ откланялся, то не всталъ его проводить.

Обращеніе его съ Императрицей также было для придворной сферы необычное, рѣжущее глаза. Онъ постоянно высказывалъ ей голую правду о дурномъ состояніи войскъ, вкоренившихся злоупотребленіяхъ и т. под., такъ что сталъ наконецъ однообразенъ, т.-е. скученъ. Въ своихъ выходкахъ онъ не стѣснялся вовсе. Однажды за обѣдомъ, Екатерина желая оказать вниманіе сидѣвшему около нея князю С. Ф. Голицыну, сказала, что спала эту ночь очень спокойно, зная что въ караулѣ находится надежный офицеръ (сынъ Голицына). Голицынъ всталъ и по-

клонился. Суворовъ, сидѣвшій по другую руку Государыни, тотчасъ же обратился къ Голицыну съ вопросомъ, отчего тотъ не прислалъ кого-нибудь изъ сыновей подъ Варшаву за Георгіемъ и, указывая на нѣкоторыхъ лицъ за столомъ, въ томъ числѣ на князя Барятинскаго, хваставшаго своими подвигами, прибавилъ: «они даромъ получили». Эфектъ вышелъ непріятный, особенно для Екатерины; слова Суворова отдавали кромѣ того большимъ цинизмомъ, потому что въ своемъ первомъ, короткомъ донесеніи о штурмѣ Праги, упоминая про небольшое число наиболѣе отличившихся, онъ помѣстилъ между ними и Барятинскаго. Въ другой разъ Суворовъ находился на придворномъ балѣ и конечно скучалъ сильно. Обходя гостей и бесѣдуя съ ними, Государыня приблизилась между прочимъ къ нему и спросила: «чѣмъ подчивать дорогого гостя»?—Благослови, Царица, водочкой,—сказалъ Суворовъ кланяясь (былъ 9 часъ вечера). «А что скажутъ красавицы фрейлины, которыя будутъ съ вами разговаривать», замѣтила Екатерина. — Онѣ почувствуютъ, что съ ними говоритъ солдатъ,—отвѣчалъ простодушно Суворовъ. Екатерина собственноручно подала ему рюмку водки. Какъ-то наслѣдникъ Павелъ Петровичъ пожелалъ его видѣть; Суворовъ вошелъ къ нему въ кабинетъ и началъ проказничать. Наслѣдникъ этого терпѣть не могъ и тотчасъ же остановилъ шутника, сказавъ ему: «мы и безъ этого понимаемъ другъ друга». Суворовъ усмирился, но по окончаніи дѣлового разговора, выйдя изъ кабинета, побѣжалъ въ припрыжку по комнатамъ, напѣвая: «prince adorable, despote implacable». Это было передано Павлу Петровичу.

Едва успѣлъ Суворовъ прожить въ Петербургѣ нѣсколько дней, какъ ему нашлось дѣло: Государыня предложила ему съѣздить въ Финляндію и осмотрѣть пограничныя укрѣпленія, возведенныя по его мысли и планамъ. Суворовъ исполнилъ это порученіе въ нѣсколько дней. Затѣмъ ему было предложено начальствовать экспедиціей въ Персію. Онъ было согласился, но потомъ отказался, предпочитая выжидать европейской войны. Наконецъ ему дали назначеніе—командовать войсками на югѣ; это онъ принялъ, ибо начиналъ въ Петербургѣ скучать, сталъ больше обыкновеннаго придирчивъ и раздражителенъ, все больше

шокировалъ высшія сферы и даже Государыню, которая и раньше находила его здѣсь, около своей особы, не на мѣстѣ. Для наглядности приведемъ одинъ примѣръ тогдашнихъ причудъ Суворова. Будучи приглашенъ къ столу Императрицы, онъ пріѣхалъ послѣднимъ, вбѣжалъ въ пріемную, подскочилъ къ дочери, благословилъ ее и перекрестилъ ей животъ (она была беременна). Тотчасъ за нимъ вошла Императрица и посадила его возлѣ себя. Суворовъ былъ одѣтъ въ фельдмаршальскомъ мундирѣ, шитомъ по всѣмъ швамъ золотомъ; на немъ были брильянтовые знаки Андрея Первозваннаго, брильянтовый эполетъ и брильянтовый же бантъ на шляпѣ. Во время обѣда Суворовъ длинно разсказывалъ Государынѣ штурмъ Праги и отсталъ отъ прочихъ на три или на четыре блюда. Государыня кушала обыкновенно тоже медленно, но блюда подносились обѣдающимъ безъ задержки, и потомъ уже метрдотель подавалъ Екатеринѣ на двухъ-трехъ тарелкахъ тѣ кушанья, которыми гости были обнесены. Государыня брала себѣ какую-нибудь одну тарелку, а отъ прочихъ отказывалась. Замѣтивъ, что Суворовъ заболтался и отсталъ отъ другихъ, Государыня сдѣлала знакъ, и Суворову были поднесены такія же три тарелки, какъ и ей. Онъ сложилъ съ нихъ все въ одну свою, перемѣшалъ и принялся ѣсть. По окончаніи обѣда Екатерина тотчасъ удалилась. Суворовъ, не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова, набросился на мальчика-калмыка, тутъ же при столѣ находившагося и сталъ его тормошить, щипать и вокругъ него прыгать. Калмыченокъ бросился бѣжать, Суворовъ за нимъ, но пробѣжавъ нѣсколько комнатъ и видя, что мальчика не догнать, онъ швырнулъ въ него свою шляпу съ брильянтовымъ бантомъ, сбѣжалъ съ лѣстницы сѣлъ въ карету и уѣхалъ.

По новому росписанію войскъ, состоявшемуся въ началѣ января, подъ начальство Суворова назначены были войска въ губерніяхъ врацлавской, вознесенской, екатеринославской, харьковской и въ таврической области, всего 13 кавалерійскихъ и 19 пѣхотныхъ полковъ, черноморскій гренадерскій корпусъ, три егерскихъ корпуса, 40 осадныхъ, 107 полевыхъ орудій и 48 понтоновъ; кромѣ того 3 полка чугуевскихъ и екатеринославское пѣшее и конное войско. Онъ выѣхалъ туда, въ Тульчинъ,

въ половинѣ марта 1796 года и по дорогѣ заѣхалъ къ своему старому начальнику, Румянцеву. На послѣдней станціи передъ мѣстомъ его жительства Суворовъ одѣлъ полную форму, подъѣхалъ къ воротамъ дома, вышелъ изъ экипажа и держа шляпу въ рукѣ, прошелъ весь дворъ пѣшкомъ. Бесѣда продолжалась часа два, они свидѣлись тутъ въ послѣдній разъ.

По пріѣздѣ на мѣсто, Суворовъ прежде всего обратилъ вниманіе на благоустройство войскъ. Картина представилась давно знакомая. Умирало очень много, особенно на работахъ въ одесскомъ портѣ, гдѣ годовой процентъ умершихъ доходилъ до 1/4 всего штатнаго состава войскъ, и между прочимъ вымерла одна отдѣльная команда почти цѣликомъ. Причины тому были тоже не новыя: многіе генералы состояли поставщиками въ войска; строитель Одессы де-Рибасъ наживался страшно; рекруты прибывали на укомплектованіе босые, полунагіе, изнуренные, со всѣхъ сторонъ «обиженные»; казармы были сырыя, безъ бань; солдаты находились на работахъ во всякое время, въ жару и ненастье; воды въ Одессѣ не хватало даже на пищу; наставленія Суворова, данныя два года назадъ, забылись и не исполнялись. Въ особенности сердце Суворова «было окровавлено» поведеніемъ лукаваго, двоедушнаго де-Рибаса, отъ котораго онъ сталъ держаться теперь подальше и уже не удостоивалъ его прежняго названія «intime ami». Вообще противъ всѣхъ обнаруженныхъ золъ, Суворовъ принялъ немедленныя мѣры, однородныя съ прежними, и зорко слѣдилъ за ихъ исполненіемъ. Едва прошли два мѣсяца, какъ въ Одессѣ смертность понизилась вчетверо, а въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ процентъ умершихъ еще ближе подошелъ къ нормальному, въ августѣ же сдѣлался ниже нормальнаго.

Внутреннее неустройство войскъ проявлялось и въ другихъ видахъ, — въ своевольствѣ, въ обидахъ мирнымъ жителямъ и главное въ дезертирствѣ. Что могъ тутъ сдѣлать Суворовъ, когда хлѣбъ заготовлялся дурной, деньги не высылались, и вообще отъ центральнаго военнаго начальства ничего нельзя было добиться, кромѣ паліативъ, вмѣстѣ коренной реформы военнаго устройства и управленія. А тутъ еще, въ виду ожидаемой съ Турками войны, флоты парусный и гребной, вмѣсто

обѣщаннаго въ Петербургѣ подчиненія Суворову, оставались совершенно внѣ сферы его начальственнаго вліянія и, по его увѣренію, гнили и уменьшались, тогда какъ турецкая морская сила росла. Суворовъ писалъ объ этомъ Хвостову, потомъ Зубову; наконецъ рѣшился сдѣлать намекъ самой Государынѣ. Однако все это ни къ чему не привело, и онъ махнулъ рукой, сказавъ: «пусть этими флотами князь Платонъ беретъ Стамбулъ изъ своего кабинета».

А слухи о войнѣ не прекращались; толковали про войну, то съ Турціей, то съ Франціей, — лишній поводъ для Суворова къ безпокойству и раздраженію, ибо неизвѣстно откуда зарождались тревожные, хотя нелѣпые слухи о назначеніи главнокомандующаго помимо Суворова. Онъ рѣшился напомнить о себѣ, послалъ Екатеринѣ донесеніе о только что оконченномъ осмотрѣ войскъ и въ заключеніи прибавилъ: «Карманьольцы по знатнымъ ихъ успѣхамъ могутъ простирать свой шагъ на Вислу... Всемилостивѣйшая Государыня, я готовъ съ побѣдоносными войсками Вашего Императорскаго Величества ихъ предварить».

Напоминаніе это было лишнимъ; еще въ августѣ состоялось рѣшеніе — формировать корпусъ войскъ для войны съ Французами подъ начальствомъ Суворова, и хотя ему объ этомъ было офиціально сообщено позже, но онъ узналъ про рѣшеніе Государыни стороной. Давно уже слѣдилъ онъ по газетамъ за ходомъ военныхъ дѣйствій въ Европѣ, изучая ихъ въ подробностяхъ, съ картою на столѣ. Иногда даже онъ собиралъ изъ наличныхъ генераловъ подобіе военнаго совѣта, докладчикомъ котораго былъ инженеръ-полковникъ Фалькони, и предлагалъ на обсужденіе интереснѣйшіе эпизоды современной французской войны, съ ихъ вѣроятными послѣдствіями. Онъ говорилъ и писалъ, что Французское правительство безъ войны существовать не можетъ, что Франціи приходится дѣйствовать противъ Россіи или съ Турціей, или съ Пруссіей, или съ той и другой. Въ Турцію Французы могутъ снарядить корпусъ тысячъ въ 50, а чрезъ Пруссію могутъ придти въ Польшу съ сотнями тысячъ. Если не ожидать Французовъ, а искать ихъ въ Германіи, то армія потребуется небольшая, только приступить къ исполненію надо немедленно. Въ будущемъ году потребуется

войскъ вдвое больше, иначе «послѣдняя лесть выйдетъ горше первой».

Начались приготовленія по указаніямъ военной коллегіи, высочайшее же повелѣніе на имя Суворова все еще не послѣдовало. Назначено какія войска пойдутъ въ походъ, приказано ихъ укомплектовывать, ставить на военную ногу и подготовлять всѣ остальные предметы военной потребности. Суворовъ приказалъ изъ остающихся полковъ выбирать въ выступающіе самыхъ лучшихъ людей, а въ кавалерійскихъ и лошадей. Посыпались на него кучи просьбъ отъ желавшихъ принять участіе въ кампаніи; но онъ особенно настаивалъ кажется только на Дерфельденѣ, относительно же прочаго генералитета руководился такими требованіями: «первое — дѣятеленъ, второе — наступателенъ, третье—послушенъ». Потребовавъ къ себѣ провіантмейстера, полковника Дьякова, онъ приказалъ ему привести подвижные и запасные магазины въ полное комплектное, исправное состояніе и пригрозилъ въ противномъ случаѣ повѣсить его, Дьякова, на первой осинѣ, пояснивъ: «ты знаешь, другъ мой, что я тебя люблю и слово свое сдержу». Пока онъ такимъ образомъ готовилъ свои войска къ походу, въ Петербургѣ, въ началѣ ноября, заготовлялся на его имя рескриптъ. Въ немъ значилось, что «составляется армія для отправки за границу, подъ начальствомъ Суворова, численностью въ 51,000 человѣкъ; она должна быть готова къ выступленію не позже 4 недѣль, съ укомплектованіемъ по штату военнаго времени; причемъ повелѣвается наблюсти, чтобы полки имѣли полное число воиновъ не на одномъ показаніи полковыхъ командировъ, но всѣ бы они находились подъ знаменами въ дѣйствительномъ строю». Но этотъ проектъ рескрипта такъ и остался проектомъ: въ ноябрѣ Екатерина скончалась, и вступившій на престолъ Императоръ Павелъ отмѣнилъ отправку войскъ за границу.

Такъ лопнула надежда Суворова — помѣряться съ новымъ противникомъ. Суворовъ могъ утѣшать себя тѣмъ, что произошло это не по его винѣ, но относительно персидской экспедиціи не было у него и такого утѣшенія. Она имѣла цѣлью— утвердить русское владычество на берегахъ Каспійскаго моря, чего добивался Петръ Великій, а теперь мѣстныя смуты давали

для войны достаточно поводовъ. Какъ и почему Суворовъ отказался отъ экспедиціи, обстоятельно сказать нельзя; вѣрнѣе всего, что его уговорили Зубовы. Сдѣлать это было имъ не трудно, да еще при туманныхъ политическихъ обстоятельствахъ начала 1796 года. Потомъ Суворова брало раздумье, а по временамъ и раскаяніе, и потому онъ съ горькимъ чувствомъ слѣдилъ за ходомъ экспедиціи. Офиціально все шло какъ нельзя лучше, а въ дѣйствительности пріобрѣтаемые успѣхи совсѣмъ не стоили средствъ и жертвъ, на нихъ затрачиваемыхъ. Вообще все это дѣло, отъ самаго своего зарожденія, отзывалось закулисными соображеніями и расчетами; нахожденіе у трона малоспособнаго временщика проглядывало во всемъ. Иначе чѣмъ объяснить тотъ изумительный фактъ, что вмѣсто отказавшагося отъ экспедиціи стараго побѣдоноснаго фельдмаршала, составлявшаго славу и гордость Россіи, главное начальство было поручено 25-лѣтнему юношѣ, единственное отличіе котораго отъ другихъ состояло въ томъ, что онъ братъ фаворита. Какъ велико было ослѣпленіе Екатерины, можно видѣть еще изъ одного ея письма къ Гримму, гдѣ она проводила паралель между военными дѣйствіями Зубова и Петра Великаго, къ рѣзкой невыгодѣ послѣдняго, безъ всякаго соображенія условій того и другого времени.

Если объ экспедиціи Зубова строго судили дилетанты, то такому знатоку, какъ Суворовъ, имѣвшему вдобавокъ личныя причины относиться къ дѣлу непріязненно, представлялась богатая тема для саркастической критики, особенно въ горькія минуты. Про награжденія за Дербентъ онъ пишетъ Хвостову, что они назначены будто за Стамбулъ; надъ производствомъ В. Зубова въ генералъ-аншефы иронизируетъ: «графъ Валеріанъ за освобожденіе Грузинскаго царства и за завоеваніе знатной части Персіи, стыдно сказать, генералъ-аншефъ; случится ему изъ тамошнихъ нѣсколькихъ тысячъ, побить нѣсколько десятковъ тысячъ—и цѣлый фельдмаршалъ». Офиціальныя восхваленія В. Зубова Суворовъ преслѣдуетъ сарказмами: «Графъ Валеріанъ *освободилъ* Грузинское царство,—ложь, онъ тамъ и не былъ; *лютый* Махмудъ—онъ съ нимъ не встрѣчался; *покореніе*—покоряютъ ослушныхъ и противоборныхъ (а ихъ тамъ не было) и такъ далѣе, въ томъ же смыслѣ.

Относясь съ ироніей и сарказмомъ къ Валеріану Зубову, Суворовъ не отличался лучшими отношеніями и къ его братьямъ. Требовательный, неуживчивый, знавшій себѣ цѣну, онъ въ Польшѣ успѣлъ оказать отечеству новыя важныя услуги, и разница между нимъ и другими обозначилась еще рѣзче. А между этими другими находился фаворитъ, сдѣлавшійся всесильнымъ владыкой, котораго Суворовъ зналъ за человѣка самаго ординарнаго. Они стали, правда, свойственниками, но въ настоящемъ случаѣ это обстоятельство было не примиряющимъ, а раздражающимъ, потому что отъ свойственника больше требовалось, а между тѣмъ меньше получалось. Тоже самое произошло между Суворовымъ и Н. Зубовымъ, тестемъ и зятемъ.

Семейство Зубовыхъ, принадлежавшее къ извѣстной, но не знатной фамиліи, состояло въ концѣ 80-хъ годовъ изъ отца, 4 сыновей и дочери. Отецъ, Александръ Николаевичъ, далъ своимъ дѣтямъ довольно поверхностное образованіе и почти никакого воспитанія; всѣ они были люди заурядные. Одинъ изъ нихъ, Платонъ, родившійся въ 1767 году и отличавшійся красотой, впрочемъ женственною, вышелъ въ люди благодаря придворнымъ интригамъ и покровительству Н. И. Салтыкова. За собою онъ потянулъ отца и братьевъ; впрочемъ слишкомъ большое возвышеніе родни было вовсе не въ его намѣреніяхъ, вслѣдствіе развивавшагося въ немъ эгоизма. Въ началѣ онъ былъ человѣкъ не злой и правдивый; къ новому своему положенію относился довольно серьезно и добросовѣстно, стараясь вникать въ дѣла, къ которымъ вовсе не былъ подготовленъ; не лѣнился и не отдавался однимъ забавамъ и удовольствіямъ. Но эти задатки пропали безслѣдно, потому что ни умъ Платона Зубова не отличался глубиною, ни характеръ устойчивостью, и голова его закружилась на высотѣ, куда его забросила судьба, и до которой онъ своими личными средствами никогда не достигъ бы.

Его испортила во-первыхъ чрезмѣрная благосклонность Государыни, уже состарившейся и утратившей прежнюю энергію мысли, но болѣзненно сохранившей энергію чувства. Она усмотрѣла въ Зубовѣ не то, что въ немъ было, а то, что ей было желательно въ немъ найти. Она стала его пріучать къ дѣламъ

управленія, выдвигать на первыя мѣста, дѣлать опытныхъ и даровитыхъ государственныхъ людей его учителями, ставя ихъ въ тѣнь и маскируя ихъ дѣйствительное значеніе. При этомъ происходили промахи и путаница, что нисколько не вразумляло Государыню, и она со старческимъ упрямствомъ продолжала подымать своего любимца на вершину государственнаго зданія.

Во-вторыхъ Платона Зубова портила сфера, въ самый центръ которой онъ былъ поставленъ волею Екатерины. Тутъ, за малыми исключеніями, онъ встрѣтилъ лесть и угодничество отъ самыхъ утонченныхъ до самыхъ грубыхъ формъ. Предъ нимъ курили фиміамъ, его превозносили до небесъ, удивлялись его обширному уму, проницательности, свѣтлому пониманію самыхъ трудныхъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики. Такимъ образомъ въ неумолкаемомъ хвалебномъ хорѣ возрастала и укрѣплялась самоувѣренность Зубова, и камертонъ угодничества и низкопоклонства подымалъ тонъ все выше и выше. Ежедневно многочисленныя толпы наполняли его покои, ласкали послѣднихъ лакеевъ и терпѣливо сносили отъ нихъ толчки, а отъ любимой его обезьяны всякія проказы.

Бывали острые случаи, вызывавшіе какъ будто охлажденіе къ нему Императрицы, но такіе эпизоды разрѣшались мировою, и каждая мировая только увеличивала могущество Зубова. Онъ занялъ наконецъ безпримѣрно-высокое положеніе, какого не занималъ и Потемкинъ, и въ немъ укоренилось искреннее убѣжденіе, что его дарованія и способности вполнѣ этому положенію соотвѣтствуютъ. Наравнѣ съ такимъ гигантскимъ самомнѣніемъ, развились его властолюбіе и надменность; онъ забывался до того, что дозволялъ себѣ дерзости въ обращеніи съ наслѣдникомъ престола, въ присутствіи его семейства и всего двора. Если прибавить ко всему этому жадность, скупость и эгоизмъ, развившіеся въ немъ по мѣрѣ его восхожденія кверху, то получится довольно полный очеркъ послѣдняго временщика Екатерининскаго времени. И однако, слѣдуетъ сознаться, что низость приспѣшниковъ, раболѣпно предъ временщикомъ пресмыкавшихся, представляетъ собою картину, еще болѣе отталкивающую.

Суворовъ не принадлежалъ къ числу этихъ приспѣш-

никовъ, даже выдѣлялся изъ ихъ хора въ видѣ диссонанса. Онъ не будировалъ, не разыгрывалъ изъ себя Катона, старался даже сблизиться съ «универсальнымъ министромъ», или «великимъ визиремъ», какъ втихомолку многіе называли Платона Зубова, и пріобрѣсти въ немъ протектора у престола; но не покупалъ этого цѣною душевнаго раболѣпства и нравственнаго униженія. Въ началѣ поприща временщика, когда Суворовъ находился въ Финляндіи, между ними не происходило никакихъ столкновеній, и Суворовъ могъ жаловаться только на равнодушіе и безразличность къ нему Платона Зубова. Въ Херсонѣ являются нѣкоторые симптомы неудовольствія Суворова, но больше въ смыслѣ общемъ, по отношенію къ двору и къ высшей администраціи, а не къ Платону Зубову лично. Въ эту же пору обѣ фамиліи породнились; Суворовъ и Платонъ Зубовъ обмѣнялись нѣсколькими письмами, весьма любезными. Вообще ихъ взаимныя отношенія были очень удовлетворительны, и если существовали поводы къ неудовольствіямъ, то при помощи обоюднаго желанія и сдержанности, не выходили изъ зачаточнаго состоянія и не вели къ непріятностямъ крупнымъ.

Въ Тульчинѣ пошло хуже. Первые поводы народились еще въ Петербургѣ; началось съ извѣстныхъ намъ визитныхъ костюмовъ; затѣмъ кто-то пустилъ слухъ, будто Суворовъ даетъ дочери пожалованныя ему 7,000 душъ, 7,000 руб. годоваго содержанія и 100.000 руб. единовременно. Основаніемъ для молвы послужило вѣроятно сдѣланное Суворовымъ нѣсколько лѣтъ назадъ завѣщаніе, которымъ дочери назначались благопріобрѣтенныя отцомъ имѣнія и наличныя деньги. Недоразумѣніе разъяснилось, Зубовы разочаровались, и это оставило въ нихъ слѣдъ. Суворовъ принялъ мѣры, объяснилъ Хвостову, что составляя завѣщаніе, онъ имѣлъ въ виду *благопріобрѣтенныя*, а не *жалованныя* имѣнія; что послѣднихъ тогда не было и на нихъ не расчитывалось, а потому, если надо пополнить въ этомъ смыслѣ духовную, то чтобы Хвостовъ распорядился это сдѣлать.

Новымъ поводомъ къ послѣдующимъ непріятностямъ послужила персидская экспедиція, отъ которой Суворовъ хотя и отказался, но потомъ объ этомъ жалѣлъ и своего сожалѣнія ни мало не скрывалъ. Затѣмъ Платонъ Зубовъ далъ ему поводъ

къ неудовольствію, не подчинивъ ему флота, что было однако условлено; сверхъ того Суворовъ требовалъ изъ Тульчина на разныя надобности войскъ 5 милліоновъ рублей, а Зубовъ пытался удовлетворить его 100,000. Наконецъ Суворова укололо возведеніе Платона Зубова въ княжеское достоинство Римской имперіи, по вступленіи Суворова въ Варшаву. Суворовъ прямо сказалъ: «онъ взялъ мое». Держась своего взгляда, онъ поручилъ Хвостову «попенять Кобенцелю за императорову неблагодарность» и высказалъ даже свое неудовольствіе въ письмѣ къ Платону Зубову. А именно, поздравивъ его съ полученіемъ княжескаго достоинства, Суворовъ замѣтилъ: «до меня жъ императоръ скупъ: я ему больше утвердилъ и подарилъ, нежели подобныя титла съ собой приносятъ».

Эти поводы дополнялись еще и другими. Явились подозрѣнія въ намѣреніи князя Зубова оттереть его, Суворова, отъ командованія арміей противъ Французовъ; не разрѣшавшееся ничѣмъ дѣло Вронскаго не давало ему покоя и внушало мысль, что оно затянулось не-спроста, а по зложелательству князя Платона; припутались сюда и иныя недоразумѣнія. Суворовъ былъ не правъ въ своихъ подозрѣніяхъ, тѣмъ не менѣе кичливое самомнѣніе Зубова и случаи высокомѣрнаго его невниманія къ Суворову даже въ офиціальной корреспонденціи, при крайней чувствительности Суворова въ этомъ отношеніи, — продолжали подливать масла въ огонь. Суворовъ становился все злѣе въ своихъ сарказмахъ, срывая сердце въ интимныхъ письмахъ къ Хвостову. Онъ называетъ Зубова «козломъ, который и съ наученіемъ львомъ не будетъ»; говоритъ, что «князь Платонъ добрый человѣкъ, тихъ, благочестивъ, безстрастенъ, какъ будто изъ унтеръ-офицеровъ гвардіи; знаетъ намеку, загадку и украшается *какъ угоднымъ*; что называется въ общенародіи лукавымъ, хотя царя въ головѣ не имѣетъ». Въ другомъ письмѣ Суворова читаемъ: «я часто смѣюсь ребячьей глупости князя Платона и тужу о Россіи... Снять узду съ ученика, онъ надѣнетъ ее на учителя. Вольтеромъ правила кухарка, но она была умна, а здѣсь государство».

Какъ ни крѣпился Суворовъ, ограничиваясь саркастическими выходками на счетъ Зубова въ письмахъ къ Хвостову,

однако не выдержалъ, послалъ ему самому записку, въ которой между прочимъ сказалъ: «Ко мнѣ стиль вашъ рескриптный, указный, повелительный, употребляемый въ атестованіяхъ!... Не хорошо, сударь». Не довольствуясь этимъ наставленіемъ, Суворовъ рѣшился прекратить съ зазнавшимся временщикомъ сношенія и обращаться впредь къ самой Императрицѣ. Хвостову онъ объяснилъ это такъ: «князю Платону далъ я надъ собой много власти; ослабить оную ни у кого нѣтъ силы, остается отнестись прямо къ престолу». Въ другомъ письмѣ онъ подтверждаетъ неоднократно-выраженное прежде желаніе—имѣть посредникомъ между собой и Императрицей графа Безбородко, который хотя «роскошенъ и лѣнивъ, но мудръ». Хвостовъ обратился къ Безбородко, который отклоняя комплименты на-счетъ своего государственнаго значенія, охарактеризовалъ себя такъ: «я золотарь, я очищаю, что пакоститъ князь Зубовъ». Дальнѣйшія убѣжденія Хвостова были тоже неудачны, и быть посредникомъ между Суворовымъ и Государыней Безбородко не согласился. Несмотря на это, Хвостовъ одобрилъ принятое Суворовымъ рѣшеніе — обращаться прямо къ Государынѣ, а не къ Зубову; но курьеры должны вручать бумаги все-таки Зубову; это будетъ пріятно Екатеринѣ и такъ совѣтуетъ Захаръ Константиновичъ (Зотовъ). Переписываться съ Зубовымъ нѣтъ надобности, кромѣ развѣ мелочей; онъ Суворову ничего худого сдѣлать не въ состояніи, но доводить дѣло до полнаго разрыва не слѣдуетъ, а лучше сохранить наружное согласіе «съ особою верховнаго избранія». Вообще же Хвостовъ совѣтовалъ почти тоже, на что рѣшился Суворовъ передъ тѣмъ.

Неудовольствія съ княземъ Платономъ отразились и на отношеніяхъ Суворова къ зятю, графу Николаю, вдобавокъ къ другимъ, непосредственнымъ поводамъ. У Суворова всякое лыко шло въ строку; оттого съ его стороны не дѣлалось почти ничего для поддержанія доброй связи съ зятемъ. Н. Зубовъ тоже не отличался предупредительностью и не очень-то старался примѣниться, къ неуживчивому старику. Служить Суворову въ томъ смыслѣ, какъ Хвостовъ, онъ былъ вовсе не расположенъ; быть для тестя ступенью къ брату Платону—тоже не желалъ, да едва ли и могъ, въ виду эгоизма временщика. Тесть съ зятемъ не-

реписку вели не частую, и временами она прерывалась. Суворова очень затрогивало, что Николай Зубовъ пишетъ рѣдко, да еще иногда забываетъ подписывать свои письма, и онъ видѣлъ въ этомъ пренебреженіе, хотя самъ часто писемъ не подписывалъ. Суворовъ находилъ еще, и не совсѣмъ несправедливо, что зять тянетъ больше къ брату, чѣмъ къ тестю и, при недоразумѣніяхъ и непріятностяхъ между ними, не оказываетъ послѣднему никакого содѣйствія. «Графъ Николай можетъ быть инструментомъ князя Платона», читаемъ мы въ письмахъ Суворова: «чего ради ему нѣтъ никакой нужды имѣть со мною переписку, а о здоровьѣ и вы скажете. Равно мнѣ, если онъ меня будетъ называть отцомъ или сыномъ, я ему пріятель... Наташа отдана мужу, тако съ нимъ имѣетъ связь; онъ ко мнѣ не пишетъ, я къ нимъ не пишу, — Божіе благословеніе съ ними... Родство и свойство мое съ долгомъ моимъ: Богъ, государь и отечество». — Если бы понадобился выводъ—кто же изъ нихъ, тесть или зять, былъ главною помѣхой въ ихъ добрыхъ взаимныхъ отношеніяхъ, то справедливость указала бы на Суворова.

Къ дочери онъ продолжалъ питать привязанность, но прежнія горячія и нѣжныя ея заявленія встрѣчаются гораздо рѣже. Оно и понятно послѣ лихорадочнаго его желанія — выдать Наталью Александровну за-мужъ и стать человѣкомъ свободнымъ. Цѣль эта теперь была достигнута, дочь сдѣлалась отрѣзаннымъ ломтемъ; она естественно тяготѣла къ мужу больше, чѣмъ къ отцу, жила съ мужемъ хорошо, и отецъ успокоился. Онъ не забываетъ ее почти ни въ одномъ письмѣ къ Хвостову, посылаетъ благословеніе и иногда обращается къ ней съ нѣсколькими словами. Встрѣчаются со стороны Суворова и мимолетныя на нее неудовольствія за то, что рѣдко пишетъ, но дальнѣйшихъ послѣдствій они не имѣютъ. Вообще отношенія между отцомъ и дочерью хорошія и спокойныя; размолвки съ зятемъ не ведутъ къ размолвкамъ съ дочерью.

Но выдавъ дочь за-мужъ, Суворовъ не остался вполнѣ бобылемъ и не избавился отъ семейныхъ заботъ, такъ какъ на смѣну дочери явился сынъ. Дѣтскіе свои годы до 11-лѣтняго возраста онъ провелъ при матери, въ Москвѣ; эти 11 лѣтъ остаются для насъ совершенно темными; не знаемъ даже, ви-

дѣлся ли съ нимъ Суворовъ въ этотъ промежутокъ времени; если да, то развѣ проѣздами чрезъ Москву. Аркадій Суворовъ былъ вызванъ изъ Москвы въ январѣ или февралѣ 1796 года и назначенъ камеръ-юнкеромъ къ великому князю Константину Павловичу. По свидѣтельству одного современника, 11-лѣтній сынъ Суворова «подъ униженной и странной личиной, скрывалъ гордую, повелительную и впечатлительную душу». Отецъ разумѣется не могъ взять на себя его воспитанія и образованія; къ подобному труду онъ не былъ ни склоненъ, ни способенъ; къ тому же ему предстояла скорая поѣздка къ новому мѣсту службы, на югъ. Естественнѣе всего было поручить Аркадія попеченію его замужней сестры; Суворовъ такъ и поступилъ, а мужъ ея взялъ на себя надзоръ за педагогической стороной дѣла.

Поручивъ своего сына его сестрѣ и ея мужу, Суворовъ приставилъ къ Аркадію нѣчто въ родѣ гувернера или воспитателя и пріискалъ учителей. Воспитателемъ былъ взятъ иностранецъ де-Сіонъ, кажется по рекомендаціи Платона Зубова принятый въ русскую службу съ чиномъ майора. Изъ учителей за первое время извѣстенъ Микулинъ, преподававшій во всѣхъ четырехъ фортификаціонныхъ классахъ кадетскаго корпуса. Суворову сообщалось о ходѣ занятій его сына довольно часто, но изъ этой переписки сохранились только кое-какіе отрывки. Занятіями сына онъ былъ очень доволенъ; къ сожалѣнію нѣтъ данныхъ для изслѣдованія его взгляда и повѣрки сдѣланной имъ атестаціи. А судя по нѣкоторымъ фактамъ, главное же по послѣдствіямъ, педагогическій планъ, приложенный къ сыну Суворова, не отличался большими достоинствами, и молодой Аркадій подготовлялся къ жизненному поприщу не полно, отрывочно и не правильно.

Выдавъ дочь за-мужъ и пристроивъ сына къ ея семейству, Суворовъ пріобрѣталъ желанную свободу дѣйствій далеко не въ томъ размѣрѣ, какъ предполагалъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе утрачивалъ, чѣмъ пріобрѣталъ, потому что дѣлался больше доступнымъ эксплоатаціи другихъ своихъ родственниковъ. Благодаря своему значенію, онъ служилъ для нихъ обильнымъ источникомъ протекціи; даже одно его имя, помимо его воли, дѣлало судьбу къ нимъ благосклонною. Главный изъ

нихъ по вліянію на Суворова. Хвостовъ, хотя не далеко еще продвинулся, но это произошло отъ сплетенія разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и вознаградилось позже. Родственники Суворова, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ его приближенныхъ, образуютъ вокругъ него незримую сферу, гдѣ происходитъ борьба самолюбій и личныхъ интересовъ, зарождается и зрѣетъ интрига; но все это искусно отъ него маскируется, ибо дѣйствуютъ люди, подробно его изучившіе. Въ Тульчинѣ повторяется тоже, что было раньше, только покрупнѣе, такъ какъ Суворовъ недавно поднялся на новую, высшую ступень и потому искателями и эксплоататорами оцѣнивался дороже прежняго.

Старшій изъ князей Горчаковыхъ, племянниковъ Суворова, пишетъ Хвостову изъ Тульчина длинное письмо, ярко освѣщающее сферу, окружавшую его дядю. Описывая свое прибытіе въ Тульчинъ и радостное чувство, съ которымъ встрѣтилъ его Суворовъ, князь Алексѣй Горчаковъ объясняетъ это исключительно тѣмъ, что Суворову не передъ кѣмъ было срывать сердце и изливать свою желчь по поводу разныхъ непріятностей и недоразумѣній. Далѣе даются Хвостову наставленія по разнымъ предметамъ и испрашиваются у него совѣты — какъ поступать и что дѣлать. «Съ Зубовыми у насъ совершенный разрывъ», продолжаетъ Горчаковъ: «такъ по малой мѣрѣ съ нимъ (Суворовымъ) сохранимъ союзъ, а паче не дозволимъ восторжествовать тѣмъ, которые хотятъ насъ отъ него удалить. Онъ совершенно отступился отъ дочери и, что важнѣе, отъ зятя, не говоритъ больше о своемъ сынѣ и считаетъ тебя и меня своими единственными близкими людьми». Горчаковъ впрочемъ усматриваетъ тутъ одни слова и имъ не вѣритъ, но рѣшается остаться при дядѣ и «терпѣть всѣ мерзости, покуда силъ достанетъ». Арсеньевъ, имѣющій на Суворова большое вліяніе, желаетъ ему, Горчакову, всякаго зла и находится съ нимъ въ отношеніяхъ дипломатическихъ; Мандрыкинъ смотритъ туда же, но не слишкомъ къ Суворову близокъ; Тищенко черенъ по натурѣ, служитъ Арсеньеву послушнымъ орудіемъ, однако любезенъ; Прошка «насъ всѣхъ обожаетъ и передаетъ мнѣ все, что происходитъ во внутреннихъ покояхъ». Горчаковъ бесѣдуетъ съ Суворовымъ ежедневно, часа по два на-единѣ, «но дѣло не подвигается;

впрочемъ, никакого новаго любимца нѣтъ, и все идетъ по прежнему, т.-е. изъ него дѣлаютъ, что хотятъ». Дальше идетъ рѣчь, чтобы сестеръ Горчакова сдѣлать фрейлинами; дѣйствовать въ этомъ смыслѣ Суворовъ согласенъ, но не самъ, однако обѣщалъ каждой изъ нихъ по 300 душъ при выходѣ за-мужъ. «Но это все одни слова», снова замѣчаетъ Горчаковъ: «ежели нужны какія письма отсюда его именемъ, наставь меня... О себѣ скажу,—я не генералъ, и Богъ знаетъ когда имъ буду; я безъ деревень, и Богъ знаетъ когда ихъ получу». «Если случится, что пошлютъ противъ Французовъ Ферзена, какъ тутъ толкуютъ, я хотѣлъ бы отправиться съ нимъ, чего ненасытно желаю; пожалуйста устрой это, потому что нужно же искать счастье гдѣнибудь. Дядя этимъ немного оскорбится, но если при немъ ничего нельзя выиграть, то надо пріискивать ресурсы индѣ». Въ заключеніе Горчаковъ проситъ передать свое письмо на прочтеніе брату и сестрѣ, «ради ихъ наученія».

Въ поясненіе этой выписки можно развѣ прибавить, что племянникъ, прослуживъ къ описываемому времени 7 или 8 лѣтъ до бригадира, въ послѣдующіе 3 года получилъ еще два генеральскіе чина безъ выдающихся заслугъ. Находясь въ видимомъ противорѣчіи съ самимъ собой, онъ говоритъ Хвостову, что оба они «служатъ Суворову прибѣжищемъ въ дурныхъ обстоятельствахъ и что на него, дядю, не дѣйствуютъ никакіе резоны, когда идетъ дѣло о немъ самомъ и его эгоизмѣ». А между тѣмъ, страницей раньше онъ пишетъ, что «внушилъ дядѣ по партикулярнымъ дѣламъ держаться Перекусихиной и Зотова, которые ему доброжелательствуютъ» и, заручившись его согласіемъ, отправилъ къ Хвостову письмо на имя Марьи Савишны, прося именемъ Суворова ея «посредничества» относительно назначенія сестеръ фрейлинами. «Внушеніе» его такъ хорошо подѣйствовало на Суворова, что тотъ счелъ нужнымъ подкрѣпить свою просьбу еще слѣдующими строками къ Хвостову: «осталось у меня нечаянно давнихъ драгоцѣнныхъ варшавскихъ венгерскихъ три бутылочки: двѣ Марьѣ Савишнѣ, одну Захару Константиновичу, при обязанности моей просите, чтобы на здоровье пили». Суворовъ былъ дѣйствительно погруженъ въ самого себя, часто забывалъ о другихъ, не видя чужихъ интере-

совъ изъ-за своихъ собственныхъ; но упрекать его въ этомъ имѣлъ право не всякій. Впрочемъ такова ужъ была среда и ея воззрѣнія. Князь Алексѣй Горчаковъ былъ вообще не дурной человѣкъ; другіе поступали еще болѣе беззастѣнчиво.

Суворовъ, почти всегда бережливый, даже просто скупой, былъ и въ этомъ отношеніи человѣкомъ своеобразнымъ, не похожимъ на всѣхъ. Въ каждомъ періодѣ его жизни можно найти тому доказательства; особенно въ послѣдніе годы встрѣчаемъ широкую щедрость на ряду чуть не со скаредностью. Сестрѣ своей, Олешевой, онъ велѣлъ производить по 1,000 руб. пенсіи, вѣроятно за ея услуги по отношенію къ его дочери до замужества. Бѣдной родственницѣ, Евпраксіи Федоровнѣ Раевской, Суворовъ обѣщалъ на приданое 6,000 руб. и когда она была въ іюнѣ сговорена, приказалъ Хвостову вручить ей обѣщанную сумму. Это не было исполнено потому, что свадьба не состоялась. Въ Тульчинѣ проживалъ одинъ французскій эмигрантъ, принятый въ русскую службу майоромъ; онъ очень хворалъ, нуждался въ деньгахъ и въ уходѣ, и хотя желалъ выписать свою жену, но не могъ этого сдѣлать по крайней бѣдности. Суворовъ далъ ему 500 руб. на путевыя издержки жены и намѣревался назначить по 300 руб. ежегоднаго пособія, но это не состоялось вслѣдствіе противодѣйствія родственниковъ.

Щедрость Суворова еще болѣе обнаружилась при слѣдующемъ случаѣ. Дежурный генералъ Арсеньевъ, человѣкъ ничѣмъ не замѣчательный и состоявшій при Суворовѣ не такъ давно, былъ боленъ чахоткой и осенью 1796 года умеръ, оставивъ вдову съ нѣсколькими сиротами, въ Петербургѣ или въ Москвѣ, да долгу 60,000 рублей. Суворовъ назначилъ ей 40.000 руб. единовременно, съ уплатою въ нѣсколько сроковъ, но не имѣя свободныхъ денегъ, рѣшился выдать изъ Зубовскихъ. Зубовы съумѣли привлечь его, какъ своего свойственника, къ складчинѣ, на уплату оставленныхъ покойнымъ ихъ отцомъ долговъ. На долю Суворова пришлось внести 60,000 р., которые Хвостовъ разверсталъ на 4-годовой срокъ, по 15,000 ежегодно; ни одного взноса еще не было сдѣлано. Желая пособить Арсеньевой, Суворовъ подъ впечатлѣніемъ дурныхъ своихъ отношеній къ Зубовымъ, въ особенности къ князю Платону, пришелъ къ убѣжде-

нію, что платить Зубовымъ не слѣдуетъ. Въ одинъ и тотъ же день, 11 ноября, онъ пишетъ Хвостову нѣсколько писемъ по этому предмету, приводя въ нихъ разные резоны въ подкрѣпленіе своего рѣшенія. Доводы его вертятся преимущественно на томъ, что отъ Зубовыхъ онъ ничего хорошаго не видалъ, что они богаты, а Арсеньева бѣдна. При этомъ Суворовъ говоритъ какъ бы въ свое оправданіе: «я не денежникъ, счетъ въ нихъ мало знаю, кромѣ казенныхъ»; прибавляетъ, что «не хочетъ быть осломъ или шутомъ Зубовыхъ» и наконецъ указываетъ на главное доказательство въ свою пользу: «что мнѣ нужды до долга ихъ отца? я повиненъ былъ только приданымъ». Онъ посылаетъ Хвостову особую, короткую записку, съ обязательствомъ уплаты Арсеньевой 40,000 рублей, и приписываетъ на ней: «сіе служитъ вамъ завѣщаніемъ, если бы мнѣ послѣдовала смерть». Но натянутость доводовъ, послѣ даннаго Зубовымъ обѣщанія, остается все-таки очевидною; самъ Суворовъ не можетъ этого не замѣтить и, отвѣчая на свою невысказываемую мысль, пишетъ въ одной изъ посылаемыхъ записокъ: «это правда, ежели особливо въ графѣ Н. Зубовѣ буянства не примѣтится, то предпочитая Вѣру Ивановну, долженъ я имъ (все-таки) впередъ о 4 разъ 15,000; слово мое держать, поелику Богъ пособитъ». На этомъ дѣло и было кончено, но Вѣра Ивановна Арсеньева получила, только 10,000 рублей, которые ей были выплачены немедленно. Уплата остальныхъ должно быть не состоялась, по наступившимъ вскорѣ обстоятельствамъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Все вышеизложенное въ связи съ постоянными занятіями Суворова по воспитанію и образованію войскъ, наполняло все его время въ Тульчинѣ [29]). Онъ жилъ въ замкѣ графини Потоцкой, занимая одинъ этажъ и оставляя другой въ распоряженіи хозяйки; обѣдалъ въ 8 часу утра, носилъ платье изъ грубой холстины, часто посѣщалъ церковь и пѣлъ на клиросѣ. Онъ очень сошелся съ Потоцкою и ея семействомъ, безпрестанно ихъ посѣщалъ, и они у него обѣдали почти каждый день. У Потоцкой было двѣ взрослыя дочери, одна въ Петербургѣ, другая въ Тульчинѣ; изъ доброжелательства къ ихъ матери, Суворовъ взялся за совершенно новое для себя дѣло, за

сватовство. Въ женихи онъ прочилъ своего племянника, князя Алексѣя Горчакова, который жилъ въ Тульчинѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Потоцкая была какъ видно не прочь, но Горчаковъ не согласился; тогда Суворовъ выставилъ кандидатомъ въ женихи молодого Эльмита, того самаго, который былъ женихомъ его дочери. Дѣло кажется сладилось, благодаря именно участію въ немъ Суворова. Вообще же образъ его жизни, всѣ привычки и причуды оставались прежнія; замѣчается только нѣкоторое развитіе религіознаго чувства и внѣшнихъ его проявленій. Онъ напримѣръ постоянно посылалъ деньги на поминаніе родителей въ церковь Федора Студита, въ Москвѣ, а въ 1796 году послалъ деньги на тотъ же предметъ и въ другую церковь, сдѣлавъ кромѣ того въ нее вкладъ; прежнее строгое соблюденіе постовъ еще усилилъ, не принимая никакой пищи въ продолженіе первыхъ трехъ дней страстной недѣли. Во всемъ этомъ сказывалась старость, когда религіозное чувство нерѣдко просыпается даже у тѣхъ, у кого дотолѣ дремало, и усиливается у тѣхъ, кто никогда съ нимъ не разставался. Суворовъ дѣйствительно старѣлся и это чувствовалъ, но старался разными способами скрывать и отъ себя и отъ другихъ, такъ какъ, по его мнѣнію, военный человѣкъ долженъ быть постоянно крѣпокъ духомъ и тѣломъ, т.-е. вѣчно юнъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Екатерина II и Павелъ Петровичъ.

1754—1797.

Ноября 6 Императрица Екатерина скончалась; на престолъ вступилъ сынъ ея, Павелъ Петровичъ.

Павелъ Петровичъ родился въ 1754 году и съ самыхъ юныхъ лѣтъ обнаруживалъ зачатки тѣхъ качествъ, которыя впослѣдствіи сдѣлались характерными его особенностями. Ни отецъ его, ни мать не отличались привязанностью къ своему сыну и мало слѣдили за его воспитаніемъ; однако онъ былъ обставленъ и веденъ, какъ вообще дѣти его высокаго положенія и имѣлъ при себѣ главнымъ наставникомъ и наблюдателемъ человѣка съ выдающимися достоинствами, Никиту Панина. Педагогическая критика нашла бы много ошибочнаго въ системѣ первоначальнаго воспитанія Павла, но это въ настоящемъ случаѣ къ дѣлу не идетъ, потому что въ воспитаніи почти всякаго другого царственнаго ребенка можно указать на такіе же или однородные недостатки, а между тѣмъ Павелъ вышелъ не похожимъ на другихъ.

Съ ранняго возраста въ немъ замѣчена перемѣнчивость и непостоянство. Онъ безпрестанно переходилъ съ одного предмета на другой и не имѣлъ почти ни къ чему терпѣливаго вниманія. Представлялось дѣломъ гораздо болѣе легкимъ—пріобрѣ-

сти его расположеніе и привязанность, чѣмъ сохранить ихъ. Онъ былъ чрезвычайно воспріимчивъ и горячъ, принималъ всякаго рода рѣшенія быстро и необдуманно и съ трудомъ сносилъ отказы или необходимость подождать, потерпѣть. Не углубляясь въ предметъ своего вниманія, онъ прельщался больше его внѣшностью и потому склоненъ былъ находить въ людяхъ дурныя стороны со словъ другихъ, если наговоры дѣлались ловко, путемъ замаскированнымъ.

Въ юношескомъ возрастѣ эти черты его характера развиваются и дополняются. Въ немъ видны острый умъ, хорошая память, чувствительное сердце; въ его взглядахъ, сужденіяхъ и поступкахъ сквозитъ что-то рыцарски-благородное, но все это парализуется большими недостатками. Въ умѣ его недостаетъ порядка, характеръ лишенъ всякой выдержки и служитъ игралищемъ воображенія. Образованіе Павла Петровича не глубокое, воображеніе развито въ ущербъ положительному мышленію; впечатлѣнія легко воспринимаются, скользятъ и затѣмъ забываются; серьезнаго убѣжденія нѣтъ, а вмѣсто него упрямство. Перемѣнчивость и непостоянство усугубляются подозрительностью и недовѣрчивостью и все это завершается крайнею вспыльчивостью и раздражительностью.

Двукратная женитьба не измѣнила Павла Петровича. Первая супруга, Наталья Алексѣевна, не имѣла привязанности ни къ нему, ни къ его матери, болѣе прежняго разстроила ихъ взаимныя отношенія и увеличила горечь въ его сердцѣ. Второй бракъ, съ Марьей Федоровной, одаренной богатыми душевными качествами, повліялъ на Павла Петровича въ началѣ благодѣтельно, но это продолжалось не вѣчно.

Цесаревичъ предпринималъ между прочимъ двукратное путешествіе за границу; однако вояжи эти не послужили ему лѣкарствомъ въ извѣстномъ направленіи, а скорѣе на оборотъ, такъ какъ онъ усвоилъ ультра-аристократическіе идеи и вкусы, которые между тѣмъ отживали свои послѣдніе годы. Еще большій вредъ ему нанесло личное знакомство съ Фридрихомъ Великимъ, которое, такъ сказать, совершенно обратило его въ прусскую военную вѣру. Присутствіе геніальнаго короля-полководца, скромно называвшаго себя инвалидомъ; размѣренныя

движенія маневрировавшихъ войскъ; доведенная до апогея стройность; отсутствіе отдѣльнаго человѣка, исчезавшаго въ массѣ, и доведеніе массы до значенія машины,—все это поражало и изумляло Павла Петровича. Онъ сдѣлался такимъ же «пруссакомъ», какимъ былъ его отецъ, и простеръ свое увлеченіе до того, что копировалъ Фридриха Великаго во всемъ, даже въ мелочахъ костюма и въ посадкѣ на конѣ. Такому нежелаемому обращенію наслѣдника Русскаго престола въ «пруссака», много способствовалъ также пышный пріемъ и почести во владѣніяхъ Фридриха, къ которымъ Павелъ Петровичъ не привыкъ на родинѣ; въ Пруссіи его прославляли и воспѣвали, какъ ни одного германскаго принца, и совсѣмъ вскружили ему голову.

Не на радость возвращался цесаревичъ оба раза домой. Еще будучи 10-лѣтнимъ ребенкомъ, онъ сознавался, что ему у матери скучно, что онъ чувствуетъ себя въ ея присутствіи связаннымъ; потомъ, войдя въ юношескій возрастъ, онъ могъ уже сознательно оцѣнить эту ненормальность, тѣмъ паче, что условія, на которыхъ она коренилась, съ годами укрѣплялись или выяснялись. Послѣ заграничнаго путешествія стало еще хуже. Екатерина, всегда строго державшаяся приличій, не считала этого обязательнымъ въ отношеніи къ сыну; часто была къ нему невнимательна, суха; высказывала ему нетолько равнодушіе, но и пренебреженіе, а къ супругѣ его относилась зачастую съ оттѣнкомъ оскорбительнаго снисхожденія. Со своей стороны Павелъ не скрывалъ и не могъ скрыть отъ нея чувства отчужденія и иногда прямо выказывалъ свое неудовольствіе, а это ни къ чему доброму конечно не вело, ибо сила реванша и репрессалій находилась на сторонѣ Екатерины. Никто не могъ быть ему дѣятельнымъ союзникомъ, а противъ него были фавориты-временщики, которые обращались съ нимъ и его супругой какъ съ лицами, не имѣющими никакого значенія, а кому изъ нихъ не хватало ума или честнаго чувства, тотъ даже не удерживался отъ дерзостей и оскорбленій.

Цесаревичъ не имѣлъ ни опредѣленныхъ государственныхъ занятій, ни какого-либо дѣлового значенія. Онъ носилъ званіе генералъ-адмирала, но въ управленіи морскою частью не при-

нималъ участія; ему было предоставлено право пожалованія орденомъ св. Анны, учрежденнымъ его дѣдомъ, герцогомъ Карломъ Фридрихомъ, но право сводилось къ подписыванію грамотъ, а назначеніемъ ордена Екатерина распоряжалась сама. Цесаревичъ не присутствовалъ ни въ совѣтѣ, ни въ сенатѣ; лишь изрѣдка Государыня говорила съ нимъ о дѣлахъ государственныхъ, да дважды въ недѣлю являлся онъ къ ней для слушанія депешъ русскихъ посланниковъ. Она не любила, если кто либо обращался къ цесаревичу съ просьбами или искалъ у него заступничества и зорко слѣдила, чтобы этого не было. Павелъ Петровичъ сталъ больше и больше уходить въ самого себя; уединился въ загородныхъ дворцахъ Павловска и Гатчины и предался своему наиболѣе любимому, военному дѣлу, такъ какъ въ этой сферѣ у него уже сложились свои непререкаемые идеалы. Онъ сформировалъ нѣсколько полковъ пѣхоты и кавалеріи, части пѣшей и конной артиллеріи и флотилію, все это въ размѣрахъ микроскопическихъ, одѣлъ свои войска по прусскому образцу и ввелъ прусскій уставъ. Обученіе и служба производились съ выполненіемъ послѣднихъ мелочей, при весьма строгой оцѣнкѣ; все опредѣлялось уставомъ и инструкціями; требовалось одно повиновеніе да исполнительность, и офицерамъ внушалось, что они ничто иное, какъ машины. Гатчинскія войска были совершеннымъ антиподомъ тогдашнихъ русскихъ войскъ вообще, Суворовскихъ въ особенности. Взысканія отличались безпощадною строгостью; каждый гатчинецъ былъ постоянно на выставкѣ и подъ страхомъ отвѣтственности. И обученіе, и смотры утратили смыслъ приготовительныхъ упражненій и сдѣлались какъ бы конечною цѣлью. Вообще все обнаруживало въ Павлѣ Петровичѣ страсть къ военному дѣлу почти того же характера, какая была у его отца, т.-е. доходила иногда до значенія дѣтской игры.

Екатерина не мѣшала воинскимъ забавамъ Павла Петровича уже по одному тому, что они повидимому должны были отвлечь его вниманіе отъ занятій государственныхъ и избавить ее отъ присутствія критика, большею частью безмолвнаго, но непримиримаго. Дворско-военный переворотъ 1762 года не изгладился не изъ чьей памяти, а тѣмъ паче изъ памяти ихъ обоихъ,

вмѣстѣ съ сознаніемъ о правахъ Павла на престолъ. Мысль объ этихъ правахъ проявлялась въ толкахъ, пересудахъ и заговорахъ отдѣльныхъ лицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживала и питала взаимное недовѣріе матери и сына, чему содѣйствовали тѣ, кому это было выгодно. Все таки отстраненіе наслѣдника престола отъ государственныхъ дѣлъ, говоря принципіально, должно быть поставлено Екатеринѣ въ крупную вину, которая умѣряется лишь сознаніемъ, что содѣйствіе ей цесаревича было бы отрицательнымъ, такъ какъ онъ осуждалъ сплошь все, что она дѣлала. И не одна система управленія, но склонности и связи Государыни, даже образъ ея жизни, все служило Павлу Петровичу темою для придирчивой критики.

Убѣждаясь болѣе и болѣе въ глухой, пассивной, но непримиримой опозиціи своего наслѣдника, Государыня вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣплялась въ мысли о необходимости устранить его отъ престола и наконецъ остановилась на мысли о назначеніи себѣ преемникомъ великаго князя Александра Павловича. Тайное ея предположеніе, или намѣреніе сдѣлалось предметомъ молвы, которая не замедлила дойти до Павла Петровича. Екатерина имѣла полное право такъ поступить на основаніи «Правды воли монаршей» Петра Великаго и могла своимъ правомъ воспользоваться со спокойной совѣстью, ибо была вполнѣ убѣждена во вредоносныхъ качествахъ своего сына. Но убѣжденіе это Павелъ Петровичъ, разумѣется, не раздѣлялъ и смотрѣлъ на него какъ на новую, самую большую несправедливость въ ряду другихъ, которыя ему приходилось выносить. Онъ видѣлъ всѣ недостатки своей матери; въ его положеніи они заслоняли ея достоинства, и онъ не могъ къ нимъ относиться сколько нибудь снисходительно. Онъ имѣлъ возможность постоянно наблюдать ея тщеславіе и самолюбіе, похожее на самообожаніе; она была часто несправедлива и пристрастна, любила разорительную пышность; щедрость ея къ фаворитамъ переходила въ мотовство, которое разстроивало государственное хозяйство и дурно отражалось на внутренней политикѣ; что однакоже не мѣшало Государынѣ быть скупой по отношенію къ сыну. Внутренная жизнь двора представляла зрѣлище крайней распущенности; самыя низкія эгоистическія побужденія прикрывались маскою лицемѣрія и выра-

жались подобострастіемъ и беззастѣнчивою лестью, на которую Екатерина ловилась легко. Годы не укрощали ея страстей, а усиливали; слабость ея въ этомъ отношеніи доходила до болѣзненныхъ проявленій, которыя наполняли сыновнее сердце горечью и негодованіемъ, такъ какъ въ немъ не было уже мѣста для всепрощающей любви. Все видѣлъ, сознавалъ и ощущалъ Павелъ Петровичъ, но былъ безсиленъ измѣнить, а потому поневолѣ подчинялся, возлагая надежды на будущее. И вдругъ роковая воля Императрицы грозитъ ему такимъ же безсиліемъ и въ будущемъ! Съ этимъ онъ помириться уже не могъ.

Такимъ образомъ цесаревичъ все рѣже имѣлъ душевный покой, настойчивѣе прежняго удалялся въ уединеніе своихъ загородныхъ дворцовъ и находился почти постоянно въ мрачномъ расположеніи духа. Подозрительность и раздражительность его росли, а вмѣстѣ съ ними невниманіе и пренебреженіе къ окружающимъ; онъ отталкивалъ даже своихъ сыновей грубыми выходками. Воображеніе его было наполнено видѣніями и призраками; малѣйшее противорѣчіе производило вспышки гнѣва; всюду ему чудились недостатокъ уваженія къ нему, непочтительность, революціонное направленіе; четыре офицера были посажены подъ арестъ за революціонныя тенденціи, выразившіяся въ недостаточной длинѣ косичекъ. Онъ не могъ уже находить прежняго успокоенія и въ семьѣ, потому что сталъ отличать и преслѣдовать фрейлину Нелидову и чрезъ это унижать свою рѣдкую супругу.

При такомъ внутреннемъ состояніи цесаревича послѣдовала кончина Императрицы. Павлу Петровичу по прежнему были присущи добрыя качества, но онѣ поглощались дурными, и по выраженію одного изъ преданныхъ Павлу I лицъ, «разсудокъ его былъ потемненъ, сердце наполнено желчи и душа гнѣва».

Существуютъ свидѣтельства, что Екатерина изготовила завѣщаніе, одною изъ статей котораго сынъ ея Павелъ устранялся отъ престола. Говорили, что завѣщаніе было засвидѣтельствовано нѣсколькими государственными людьми, въ томъ числѣ графами Румянцевымъ и Суворовымъ. Участіе послѣдняго въ этомъ дѣлѣ подлежитъ сильному сомнѣнію, ибо Суворовъ никогда не находился въ близкой довѣренности у Императрицы и

не выходилъ изъ своей военной колеи. Онъ не былъ человѣкомъ партіи, не интриговалъ ни за, ни противъ Павла Петровича и вдобавокъ, какъ по обязанности своего званія, такъ и по монархическимъ убѣжденіямъ, всегда оказывалъ наслѣднику престола должное почтеніе. Екатерина уважала Суворова и цѣнила его (особенно подъ конецъ) по достоинству, но нельзя сказать, чтобы питала къ нему особенное благоволеніе и чтобы включала его въ свой близкій кружокъ. Правдолюбіе Суворова, его грубое чудачество и ненависть ко двору и ко всему придворному достаточно тому препятствовали. Наконецъ, при той сильной степени раздраженія и неудовольствія, которыя были въ немъ потомъ возбуждены реформами вступившаго на престолъ Павла I, Суворовъ хоть полусловомъ обмолвился бы въ интимной перепискѣ съ Хвостовымъ о неисполненной волѣ покойной Императрицы; но ничего подобнаго не было.

Съ первыхъ же дней новаго царствованія произошла перемѣна политики внутренней и внѣшней. Прекращена война съ Персіей, и войскамъ графа В. Зубова приказано возвратиться въ предѣлы Россіи; изъ недовѣрія къ Зубову, приказъ о возвращеніи войскъ былъ посланъ нетолько ему, но и каждому полковому командиру въ отдѣльности. Прекращены военныя приготовленія противъ Франціи; рекрутскій наборъ, объявленный въ сентябрѣ 1796 года, отмѣненъ; эскадрамъ, находившимся въ Англіи и въ Нѣмецкомъ морѣ, велѣно плыть въ свои порты. Остановленъ новый выпускъ ассигнацій и мѣдной монеты низшаго достоинства; уничтожена хлѣбная подать; сдѣланы шаги къ расширенію свободы торговли, къ устройству крѣпостныхъ, имѣвшихъ право на освобожденіе, и проч. Произведены въ фельдмаршалы на первыхъ порахъ графъ Н. Салтыковъ, князь Н. Репнинъ и графъ И. Чернышевъ, послѣдній по флоту; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ еще Каменскій и графы Эльмптъ и Мусинъ-Пушкинъ, а потомъ князь Прозоровскій, графъ И. Салтыковъ и Гудовичъ. Было много и другихъ пожалованій чинами, орденами, имѣніями; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, по случаю коронаціи, послѣдовали еще болѣе щедрыя награды: однихъ крѣпостныхъ роздано до 200,000 душъ мужского пола [30]).

На-ряду съ этими повышеніями и награжденіями разныхъ

лицъ, въ числѣ которыхъ конечно находились и гатчинскіе сотрудники Павла Петровича, происходили также смѣщеніе и замѣна лицъ, ему неугодныхъ. Немилость и кары новаго Государя коснулись сначала немногихъ; гроза разразилась не сразу, но съ кончиною Екатерины тотчасъ же почувствовалось ея приближеніе. Жизнь двора и высшаго круга столицы измѣнилась немедленно и рѣзко; вельможи, нѣжившіеся въ своихъ роскошныхъ палатахъ, должны были въ 7 часовъ утра уже быть у Государя. Дѣятельность правительственныхъ учрежденій закипѣла, служащіе сидѣли въ присутственныхъ мѣстахъ съ 5 часовъ; сенаторы находились за краснымъ столомъ въ 8 часовъ; военные разводы производились въ 9 часовъ ежедневно; караульная служба и казарменный бытъ круто повернули на новую колею. Государь принялся неотлагательно за преобразованія по всѣмъ частямъ, преимущественно же по военной. И хотя существуетъ мнѣніе, что перемѣны Павла по военному вѣдомству истекали исключительно изъ его опозиціи Екатеринѣ, но наибольшею своею долею это мнѣніе не состоятельно. Блестящая военная эпоха Екатерининскаго царствованія имѣла не одну лицевую сторону, и изнанка лицу далеко не соотвѣтствовала.

Послѣ Петра Великаго военная часть въ Россіи упала и возродилась лишь при Екатеринѣ II, но со многими измѣненіями. Къ числу этихъ измѣненій между прочимъ принадлежало расширеніе власти полкового командира въ полковомъ хозяйствѣ, по поводу чего удивлялся и недоумѣвалъ даже фельдмаршалъ графъ Румянцевъ. Но не такъ былъ дуренъ законъ, какъ его практическое приложеніе, которое привело къ тому, что злоупотребленія, существовавшія прежде скрытно, какъ зло, теперь потеряли робость и перестали скрываться. Главною тому причиною была система временщичества и фаворитизма, которая обыкновенно развиваетъ общественные пороки и понижаетъ уровень общественной нравственности. Господство Потемкина было именно временемъ развитія всякихъ злоупотребленій; его самовластіе, лѣность, безпечность служили другимъ и примѣромъ, и ширмою, и щитомъ. Нетолько безнаказанно проходило то, что было достойно наказанія, но еще награждалось; покровительство силы парализовало законъ и власть, служебное достоинство отошло на задній

планъ. Почти всю военную часть Потемкинъ оставилъ послѣ себя въ безпорядкѣ невообразимомъ, начиная съ канцеляріи военной коллегіи, гдѣ онъ былъ президентомъ. Сибаритство, распущенность, развратъ широкой волной лились отъ Потемкина и заражали преимущественно полковыхъ командировъ, какъ обладавшихъ наибольшими средствами. Это все были большіе господа, со свитой, съ метрессами, пѣсенниками, музыкантами, у которыхъ попойки и карточная игра были главнымъ препровожденіемъ времени. Въ послѣдніе 5 лѣтъ царствованія Екатерины, т.-е. во времена всемогущества Зубова, безпорядокъ еще увеличился, ибо Потемкинъ обладалъ умомъ, дарованіями и по годамъ проживалъ на мѣстахъ, которыми управлялъ, а Зубовъ, при своей неспособности, забравъ въ руки еще больше Потемкина, изъ Петербурга не отлучался.

При производствѣ въ офицеры и повышеніи ихъ въ чинахъ, покровительство, протекція были самымъ могущественнымъ рычагомъ; невниманіе къ заслугѣ доходило до цинизма; чины доставались и тѣмъ, кто вовсе не служилъ; купцы, чтобы получить право на пріобрѣтеніе деревень, записывались въ гвардію, назначались къ генераламъ адъютантами и выходили въ отставку съ чиномъ. У Потемкина находилось во дворѣ нѣсколько сотъ человѣкъ, служившихъ конюхами, лакеями, гусарами, и онъ производилъ ихъ въ офицеры, когда кто-нибудь понравится или за кого попросятъ. Не ограничиваясь этимъ, онъ давалъ офицерскіе чины разнымъ ремесленникамъ: произвелъ одного булочника въ подпоручики; пожаловалъ въ поручики портного за прекрасно сшитое платье княгинѣ Долгорукой. Всѣ были заражены легкимъ взглядомъ на серьезный предметъ, и всякій дѣлалъ тоже самое, только въ меньшемъ масштабѣ. Многіе служили номинально, находясь постоянно въ отсутствіи; въ иныхъ полкахъ офицеровъ состояло на лицо одна треть, изъ остальныхъ кто скакалъ курьеромъ по частнымъ надобностямъ начальства, кто находился въ негласномъ отпуску, уступивъ полковому командиру часть своего содержанія. Кое что изъ этого относится и къ Суворову. Курьеры возятъ къ нему людей изъ деревни и разныя вещи, когда попутно съ казенною надобностью, а когда и безъ всякаго служебнаго резона. И все это считалось въ порядкѣ вещей.

Но ни эти, ни другіе безпорядки и злоупотребленія не имѣли подъ собой законной почвы, а вытекали изъ значенія, полученнаго полковниками, отчасти по смыслу устава и инструкцій, болѣе же вслѣдствіе попустительства и недостаточнаго надзора высшихъ военныхъ властей. Участіе офицеровъ въ контролѣ хозяйственной части сдѣлалось, вслѣдствіе начальническаго давленія полковниковъ, номинальнымъ, а потому прямо вреднымъ, такъ какъ этимъ ничто не удостовѣрялось, а только прикрывались злоупотребленія. Офицеры свидѣтельствовали своею подписью законность цифръ, подъ которыми скрывались «наглое похищеніе полковыхъ денегъ и поддѣлка расходныхъ статей въ книгахъ», по выраженію современника-генерала: «ибо находились въ рабствѣ». Въ другомъ современномъ документѣ читаемъ: «офицеры должны полковникамъ не по службѣ и законамъ повиноваться, а во всякомъ случаѣ раболѣпствовать, всѣ его движенія усматривать и угождать. Если кто не желаетъ быть скверно руганъ и всеминутно сидѣть за профосомъ, принужденъ отъ него въ подлыя партикулярныя должности употребляться». Третій современникъ, изъ наиболѣе компетентныхъ, говоритъ, что нельзя себѣ представить, какъ обходятся начальники со своими подчиненными. Если взять въ соображеніе, что субалтернъ—офицеры получали отъ казны содержаніе, далеко не достигавшее до наименьшаго уровня потребностей, то станетъ ясно—представляли ли они собой хоть тѣнь той контрольной силы, на которую расчитывалъ законъ.

Благодаря такому безконтрольному положенію полковниковъ, хозяйство въ полкахъ велось самое хищническое, что жестоко отзывалось на содержаніи нижнихъ чиновъ. Не всѣ конечно полковники были одинаковы, но результатъ получался почти однородный, судя по словамъ Румянцева, въ донесеніи его Императрицѣ: «одинъ употребляетъ остатокъ казны на украшеніе полка, а другой на себя; между ними разницы мало». Въ томъ же донесеніи онъ говоритъ: «у насъ иной счетъ на бумагѣ, а иной на дѣлѣ,—и служивымъ, и всему имъ подобному». Слова эти подтверждаются со всѣхъ сторонъ. Жалованье и все довольствіе получалось по списочному числу, а расходовалось по дѣйствительности, которая была гораздо ниже; остатокъ удерживался

полковникомъ. Тысячи солдатъ, особенно знавшихъ ремесла, жили въ помѣстьяхъ начальствующимъ лицъ (лично у Суворова никогда) и были очень этимъ довольны, избавляясь отъ тягостей тогдашней суровой службы. По словамъ Безбородко «людей растасканныхъ» разными способами изъ полковъ было въ 1795 году до 50,000 при 400,000-ой арміи. «Растаскиваніе» людей начиналось съ самой рекрутчины. Еще прежде поступленія въ войска, рекруты растаскивались сопровождавшими ихъ офицерами, отсылались въ имѣнія и показывались по спискамъ умершими. Въ полкахъ умершіе и бѣглые показывались на лицо по нѣскольку недѣль и мѣсяцевъ, чтобы получать на нихъ довольствіе; съ тою же цѣлью и больные числились въ госпиталяхъ лишнее время. Комплекта не было въ полкахъ никогда, никогда не состояло и точнаго числа, значущагося въ отчетахъ. Тотъ же самый современникъ, Ланжеронъ, о которомъ неоднократно упоминалось, командовалъ въ третью Польскую войну полкомъ, гдѣ число людей не превышало половины противъ отчетныхъ вѣдомостей. Вопреки точному указанію закона, полковые командиры, а за ними и всѣ офицеры, брали наличныхъ людей къ себѣ въ услуженіе; у генераловъ ихъ было человѣкъ по 20 (у Суворова не было). Сверхъ того, слѣдуя общей модѣ, всякій полковникъ старался блеснуть своими хорами музыкантовъ и пѣвчихъ,— новый расходъ людей изъ строя.

Совокупность указанныхъ злоупотребленій и грабительствъ дѣлала то, что полковые командиры получали огромные доходы со своихъ полковъ и жили припѣваючи, въ ущербъ всему составу полка. Годовой доходъ командировъ доходилъ: въ егерскомъ батальонѣ до 6000, въ пѣхотномъ полку до 10,000, въ гренадерскомъ до 15,000, въ кавалерійскомъ до 25,000 рублей. Эта послѣдняя цифра иногда еще выростала. Такому категорическому свидѣтельству компетентнаго лица нельзя не вѣрить, тѣмъ болѣе, что это вовсе не составляло секрета. Зналъ это даже Австрійскій императоръ; по его словамъ командиръ русскаго кавалерійскаго полка «считалъ естественнымъ и законнымъ ежегодный доходъ въ 20—25,000 рублей». Чтобы оцѣнить громадность приведенныхъ цифръ, стоитъ припомнить, что годовое жалованье поручика не превышало тогда 120 р. Немудрено, что

полковые командиры занимали въ русской арміи положеніе, наиболѣе выгодное и обезпеченное послѣ главнокомандующаго. Не мудрено также, что солдаты, «обираемые и лишаемые предметовъ насущной потребности, озирались, какъ бы выискать случай бѣжать». Изъ южныхъ пограничныхъ мѣстъ бѣгали къ Туркамъ капральствами, переплывали Днѣстръ толпами, въ томъ числѣ и во время командованія тамъ Суворова. Одинъ изъ нашихъ государственныхъ людей видѣлъ ихъ тысячами на службѣ у Пруссаковъ и Австрійцевъ; въ небольшой шведской арміи насчитывалось ихъ больше 2000 человѣкъ. По воцареніи Павла, вслѣдствіе наступившихъ строгостей, въ одной екатеринославской губерніи разъискано бѣглыхъ до 400 человѣкъ.

Дезертированіе, капитальнѣйшее зло тогдашней арміи, поддерживалось еще дурнымъ обращеніемъ съ нижними чинами. Взысканія были суровыя; двѣсти палокъ считались дисциплинарною мѣрою заурядною. И опять таки это существовало благодаря своеволію ближайшихъ начальниковъ, недостаточному за ними надзору и попустительству высшихъ властей. Правда, Потемкинъ всталъ на защиту солдата отъ жестокости командира, но зашелъ по этому пути слишкомъ далеко и вмѣстѣ съ пользой принесъ большой вредъ, расшатавъ существовавшую дисциплину, хотя бы только внѣшнюю; солдата же болѣе избаловалъ, чѣмъ оберегъ и защитилъ.

Своеволіе полковниковъ выказывалось и во внѣшнемъ видѣ войскъ. Одни полки были одѣты въ темнозеленое сукно, другіе въ свѣтлозеленое, смотря по прихоти полкового командира. Прихоть эта посягала даже на покрой, на форму обмундированія. Въ 1795 году одинъ полковой командиръ далъ своему полку узкіе панталоны, короткія куртки, полусапожки со шнурками, вышитыя жабо и галстуки съ черно-бѣлыми бантами, а на гренадерскихъ киверахъ помѣстилъ свой гербъ. Мало того, не только полки, но и отдѣльные офицеры фантазировали по произволу, носили мундиры длинные и короткіе, шаровары всевозможныхъ цвѣтовъ, жилеты то бѣлые, то цвѣтные. Болѣе же всего прихоти полковыхъ командировъ проявлялись на предметѣ соперничества полковъ,—музыкантскихъ хорахъ, которые, въ ущербъ строевому составу небольшихъ двухъ-батальонныхъ полковъ, состояли изъ

50, 60 и болѣе человѣкъ, одѣтыхъ въ тонкое сукно, подъ управленіемъ нанятыхъ за большую плату капельмейстеровъ.

Чтобы кончить съ изнанкою быта русской арміи въ Екатерининское время, остается замѣтить, что хозяйство, плохое внизу, велось еще хуже на верхнихъ ступеняхъ и въ учрежденіяхъ, не принадлежавшихъ частямъ войскъ. Жалованье и прочее довольствіе поступало въ полки неисправно, запаздывая иногда на полгода и больше, что поощряло солдатъ къ распущенности и насиліямъ, особенно въ военное время. Въ турецкую кампанію 1790 года войска не получали денегъ 8 мѣсяцевъ; въ 1796 году нѣкоторымъ полкамъ было недодано жалованье за 10 мѣсяцевъ; при Потемкинѣ подобныя недодачи затягивались иногда до двухъ лѣтъ. И все таки комиссаріатъ не былъ самымъ худшимъ учрежденіемъ и кое-какъ велъ свое дѣло, но провіантскій департаментъ былъ, по выраженію Безбородко, «самый пакостный». Злоупотребленія по провіантской части были феноменальныя, подряды отличались страшною дороговизной, и отъ нихъ сторонились люди честные, дорожившіе своей репутаціей. Въ особенности знамениты были подряды госпитальные.

Все вышеизложенное, рисующее оборотную сторону военной части въ Екатерининскую эпоху, повидимому противорѣчитъ той службѣ русской арміи, которая доставила громкую славу царствованію Екатерины. А между тѣмъ неприглядная картина эта изображаетъ правду. Удостовѣряютъ въ томъ многіе и серьезные источники, въ основѣ коихъ не могла лежать предвзятая мысль. Надо также помнить, что здѣсь разсматриваются однѣ дурныя стороны предмета, потому что для цѣлей настоящей главы только онѣ и нужны. Указываемое «видимое противорѣчіе» замѣчено между прочимъ и тѣмъ компетентнымъ лицомъ, свидѣтельство котораго особенно цѣнно—это лицо (Ланжеронъ) говоритъ, что по злоупотребленіямъ, безпорядкамъ и неустройству, русская армія должна бы быть въ Европѣ худшею, а между тѣмъ она одна изъ лучшихъ. «Я могу скорѣе настаивать на дѣйствительности этого факта», поясняетъ Ланжеронъ: «чѣмъ представить удовлетворительное ему объясненіе». Отказываясь этими словами отъ категорическаго отвѣта, онъ однако косвенно какъ бы подсказываетъ его, поясняя, что прекрасныя боевыя качества русской арміи

коренятся главнымъ образомъ *въ качествахъ и свойствахъ русскаго солдата.* Быть можетъ именно въ указанномъ направленіи слѣдуетъ искать рѣшенія этого сложнаго вопроса. Во всякомъ случаѣ безспорно то, что Екатерининская армія служила отечеству блистательно, а слѣдовательно основной и конечной цѣли своего существованія отвѣчала.

Вышеизложенное конечно было хорошо извѣстно цесаревичу Павлу Петровичу, хотя по всей вѣроятности при другомъ освѣщеніи. Поэтому вступивъ на престолъ, онъ тотчасъ же принялся за реформы. Есть поводы думать, что онъ спрашивалъ мнѣнія престарѣлаго фельдмаршала Румянцева, къ которому не разъ летали курьеры изъ Петербурга. Румянцевъ сообщилъ Государю свои мысли откровенно, но онѣ во многомъ не сходились со взглядами Государя, а потому ни къ чему не привели, да и Румянцевъ въ очень скоромъ времени умеръ. Съ Суворовымъ совѣтовъ не было; по характеру Суворовскихъ военныхъ понятій, Государь не могъ дорожить его мнѣніемъ. Другое дѣло Репнинъ, противникъ Суворовскаго «натурализма»; для Государя онъ былъ лицомъ авторитетнымъ, и его Государь не чуждался.

Командующіе дивизіями были уничтожены и замѣнены инспекторами, т.-е. измѣнены ихъ значеніе и обязанности. Генералъ-аншефы переименованы въ генералы отъ инфантеріи, кавалеріи и пр., генералъ-поручики названы генералъ-лейтенантами. Всѣ генералы, начиная отъ фельдмаршаловъ, сдѣланы шефами полковъ, которымъ и даны названія по фамиліямъ ихъ шефовъ. Обращено особое вниманіе на расходъ въ полкахъ людей. Шефы могли давать офицерамъ отпуска не болѣе 28 дней; безъ дозволенія губернатора или коменданта офицеръ не смѣлъ отлучаться отъ гарнизона вовсе, даже на одну ночь. Число ординарцевъ у начальствующихъ лицъ ограничено: фельдмаршалу дозволялось имѣть только двухъ. Предписано разъискивать нижнихъ чиновъ, находившихся въ партикулярномъ услуженіи по домамъ, дачамъ, деревнямъ и возвращать въ полки. Вмѣсто обмундированія, введеннаго по почину Потемкина, которое было просто, удобно, нравилось войскамъ и между прочимъ Суворову, введена одежда точнаго прусскаго образца: мундиръ съ узкими панталонами, чулки со штиблетами и повязками, лакированные башмаки; на

затылкѣ напудренной головы красовалась коса, уставной длины, увитая черною лентой.

Рѣзкая перемѣна произведена также въ уставѣ строевой службы. Павелъ ввелъ прусскій уставъ 1760 года, но съ нѣкоторыми исключеніями и добавками, которые имѣли смыслъ не компромисса съ существующимъ порядкомъ, а протеста противъ него. Тутъ все было предусмотрѣно, взвѣшено и смѣряно, начиная съ приравненія фельдмаршала къ простымъ генераламъ (такъ какъ требовалась отъ всѣхъ одинаковая исполнительность) и кончая мѣрою косъ; ничто не предоставлялось усмотрѣнію и свободной волѣ. Уставъ проводился съ настойчивостью и послѣдовательностью изумительными. Посѣдѣвшіе въ бояхъ военачальники учились маршировать, равняться, салютовать эспонтономъ; гатчинскіе генералы и штабъ-офицеры разъѣзжали съ полномочіями Государя, дѣлали смотры, производили ученья.

Гатчинскія войска слиты съ гвардейскими. Введены ежедневные разводы, въ 9 часовъ утра, во всякое время года, на которыхъ присутствовалъ самъ Государь и должны были находиться всѣ офицеры, свободные отъ службы. Учрежденъ въ зимнемъ дворцѣ тактическій классъ подъ надзоромъ Петербургскаго коменданта генералъ-майора Аракчеева, гдѣ все дѣло сводилось исключительно къ толкованію строевого устава, что дѣлалъ ломанымъ русскимъ языкомъ полковникъ Каннабихъ, размахивая эспонтономъ. Государь посѣщалъ эти «лекціи», назначенныя лишь для штабъ и оберъ-офицеровъ; бывали на нихъ и генералы, даже фельдмаршалъ Репнинъ.

Въ русской арміи генеральный штабъ существовалъ только въ слабыхъ зачаткахъ; въ немъ чувствовалась настоятельная надобность, и въ новое царствованіе было обращено на это вниманіе. Генералъ-квартирмейстеромъ былъ назначенъ тотъ же Аракчеевъ, который и принялся приготовлять къ службѣ офицеровъ, вновь назначенныхъ въ свиту Государя по квартирмейстерской части. Съ семи часовъ утра до семи вечера (на обѣдъ давалось два часа), въ зимнемъ дворцѣ, подъ квартирою Аракчеева, сидѣли молодые офицеры надъ перечерчиваніемъ старыхъ плановъ, большею частью безполезныхъ; другихъ занятій не было. Аракчеевъ требовалъ прилежанія и быстроты въ чертеж-

ной работѣ—ничего больше, являлся внезапно нѣсколько разъ въ день изъ своей квартиры, напускалъ страху и опять исчезалъ.

Эти и другія подобныя реформы слѣдовали быстро одна за другой. Не представляемъ полной ихъ картины, потому что для нашей задачи довольно знать характеръ военныхъ преобразованій Павла I и практическіе пріемы примѣненія ихъ къ дѣлу. Пріемы эти отличались такою страстностью и отсутствіемъ всякихъ уступокъ, что указывали въ преобразователѣ нетолько на глубокую увѣренность въ пользѣ реформы, но и на непримиримую ненависть къ недавнему прошлому. Строгость была непомѣрная; за сущую бездѣлицу генералы и офицеры исключались изъ службы, сажались въ крѣпость и ссылались въ Сибирь. Аресты считались за ничто, до того они были многочисленны; на петербургскихъ гауптвахтахъ сиживало по нѣскольку арестованныхъ генераловъ одновременно. Одинъ генералъ-майоръ отставленъ за неформенную тесьму на гренадерскихъ шапкахъ; другой «исключенъ безъ абшита изъ службы за ложное показаніе себя больнымъ для отбытія отъ инспекторскаго смотра»; фельдмаршалу Салтыкову объявленъ въ приказѣ выговоръ «за незнаніе службы». Донесенія, признанныя Государемъ неудовлетворительными, возвращались «съ наддраніемъ»; вошелъ въ практику новый терминъ для нѣкоторыхъ случаевъ недобровольной отставки—«выкинуть изъ службы»; объ офицерахъ, просрочившихъ въ отпуску, доносилось самому Государю и объявлялось «повсюду съ барабаннымъ боемъ», и многое другое.

Обращеніе на службѣ старшихъ съ младшими, особенно съ солдатами, не отличавшееся мягкостью и раньше, теперь стало просто жестокимъ. Генералы не брезгали собственноручно надѣлять солдатъ палочными ударами, благо введены были новымъ уставомъ для всѣхъ офицеровъ форменныя палки; тѣлесныя наказанія стали доходить въ отдѣльныхъ случаяхъ до лютости. Одно изъ самыхъ довѣренныхъ у Государя лицъ, генералъ-майоръ Аракчеевъ, обучая Преображенскій полкъ, ругался не выбирая словъ, поправлялъ стойку солдатъ ударами палки, рвалъ усы у гренадеръ. Такъ же поступалъ онъ объѣзжая и повѣряя караулы, по званію петербургскаго коменданта. Обращеніе его съ офицерами отличалось равносильною грубостью,

даже хуже; онъ разражался площадными ругательствами при малѣйшемъ поводѣ и подъ ничтожнѣйшими предлогами. Однажды онъ дошелъ до того, что одному изъ колонновожатыхъ далъ пощечину; другой разъ осыпалъ позорною бранью завѣдывавшаго свитскими офицерами, подполковника Лена. Ленъ, служившій подъ начальствомъ Суворова и награжденный георгіевскимъ крестомъ, сдержался, безмолвно выслушалъ брань и остался при своихъ занятіяхъ до конца дня; но вернувшись домой, написалъ Аракчееву короткое письмо и застрѣлился.

Въ то время, какъ Государь не скупился на взысканія и кары, отъ престола лились широкимъ потокомъ и награды, въ видѣ чиновъ, орденовъ, деревень. Такъ какъ Государь былъ гнѣвливъ, въ движеніяхъ своего гнѣва скоръ, но не злопамятенъ, то случалось нерѣдко, что лица, подвергшіяся карѣ, почему-либо замедленной въ исполненіи, нетолько не получали назначеннаго имъ наказанія, которое затѣмъ отмѣнялось, но были осыпаемы милостями. Знаки монаршаго благоволенія лились на иныхъ истиннымъ дождемъ. Нелидовъ изъ камеръ-пажей сдѣлался генералъ-адъютантомъ въ годъ и три мѣсяца и въ такой же почти срокъ попалъ въ тайные совѣтники; Каннабихъ дослужился до полковничьяго чина чуть ли не скорѣе Нелидова. Но обиліе полученныхъ наградъ нетолько никого не гарантировало отъ внезапной немилости, а напротивъ дѣлало ее болѣе вѣроятною.

Но такъ какъ въ Государѣ было много хорошаго, то это хорошее также не могло не повліять на преобразованія. Внутри государства стало нѣсколько спокойнѣе; власти сдѣлались осторожнѣе въ своихъ своевольствахъ и насиліяхъ; грабежи по дорогамъ стали рѣже или вовсе прекратились; на Волгѣ въ годъ времени установилось такое спокойствіе, котораго давно не знали; даже въ кабакахъ не подталкивали по прежнему подъ локоть, въ лавкахъ не обвѣшивали съ прежней дерзостью, а въ судахъ брали взятки съ большой оглядкой. Въ военномъ законодательствѣ проводилось желаніе оградить нижнихъ чиновъ отъ жестокихъ и произвольныхъ наказаній, для чего экзекуціи поставлены подъ контроль губернаторовъ. При Павлѣ I уже не было прежняго незаконнаго расхода людей, и они не пропадали безслѣдно,

какъ это бывало прежде, особенно при слѣдованіи рекрутскихъ партій. При Павлѣ ихъ не обкрадывали такъ безсовѣстно и безмѣрно, какъ раньше; обкрадывали въ меньшей мѣрѣ и казну; крѣпостное состояніе офицеровъ у полковыхъ командировъ смягчилось существенно.

Во взглядахъ и поступкахъ Государя высказывался порою такой возвышенный образъ мыслей и душевная сила, которые рѣзко выступали на темномъ фонѣ дурныхъ его сторонъ. Не лишнимъ будетъ одинъ примѣръ, хотя и не относящійся до военной части. Нѣсколько Поляковъ, главныхъ дѣятелей революціи и войны 1794 года, содержались арестованными въ Петербургѣ,—одни вопреки объявленной Суворовымъ амнистіи, другіе въ качествѣ плѣнныхъ, одинъ или два какъ не согласившіеся дать реверсъ. Павелъ I повидался съ главными изъ нихъ и приказалъ всѣхъ ихъ выпустить на свободу, по приведеніи къ присягѣ. Сдѣлано однако характерное изъятіе. Арестанты жили въ частныхъ, для нихъ нанятыхъ домахъ, кромѣ Капустаса и Килинскаго, содержавшихся въ крѣпости вмѣстѣ съ двумя Французами, изъ которыхъ одинъ давно уже сошелъ съ ума, и его велѣно помѣстить въ домъ умалишенныхъ, а другого, Боно, *держать по прежнему* въ заключеніи, такъ какъ онъ присланъ Сиверсомъ изъ Варшавы по подозрѣнію *въ шпіонствѣ*. Косцюшкѣ предложено вступить въ русскую службу, но онъ отказался; Государь пожаловалъ ему имѣніе, но такъ какъ и это было для Косцюшки дѣломъ не подходящимъ, ибо онъ собирался уѣхать въ Америку, то Павелъ приказалъ купить это имѣніе обратно въ казну. Мало того, по позднему времени года и разстроенному здоровью, Косцюшко желалъ выѣхать изъ Петербурга поскорѣе и просилъ поторопиться выдачею ему денегъ; Государь соизволилъ и на это. Графу Потоцкому пожаловано 1.000 душъ; прочимъ выданы на проѣздъ деньги. Капустасъ и Килинскій получили по 100 червонцевъ и поѣхали въ прусскіе предѣлы, но въ мартѣ слѣдующаго 1797 года появились въ Литвѣ, высланные изъ прусской Польши, какъ опасные люди. Литовскій генералъ-губернаторъ доносилъ, что Капустасъ и Килинскій просятъ дозволенія поселиться въ польско-русскихъ областяхъ, но это невозможно, такъ какъ они люди «со всѣхъ

сторонъ опасные». Государь не согласился съ генералъ-губернаторомъ и приказалъ: «предоставить Капустасу и Килинскому свободу жить, гдѣ пожелаютъ». Они поселились въ Вильнѣ, и взглядъ Государя на неосновательность опасенія мѣстнаго начальства оправдался.

Но доброе и благое въ дѣятельности Павла I сверкало лишь въ видѣ бликовъ на фонѣ мрачной картины его преобразовательной дѣятельности. Противуположныя качества преобладали въ подавляющемъ количествѣ и съ подавляющею силой, оставляя по себѣ послѣдствія, въ которыхъ тонуло почти все хорошее. Такъ было и въ крупномъ, и въ мелочахъ. Желаніе—все урегулировать и подвести подъ одну мѣрку механической исполнительности—побудило Государя унизить фельдмаршаловъ и дать имъ одинаковыя съ низшими генералами обязанности. Къ этой же цѣли привело производство въ фельдмаршалы почти десятка генераловъ, въ томъ числѣ самыхъ заурядныхъ. Также точно ослабленъ былъ въ своемъ значеніи и вообще генеральскій чинъ, искуственнымъ расположеніемъ генераловъ и производствомъ въ нихъ юношей. Учрежденіе шефовъ уронило въ глазахъ офицеровъ полковниковъ, которые оказались связанными по рукамъ и ногамъ, — крайность еще болѣе вредная, чѣмъ практиковавшаяся при Екатеринѣ, ибо начальникъ теперь обращался въ куклу. Вмѣсто прежней удобной и простой одежды, принята самая причудливая и стѣснительная; введены лакированные башмаки, которые никогда не употребляются русскими людьми; на походѣ, по грязнымъ дорогамъ, солдату было истинное мученье со штиблетами, штиблетными подтяжками, крючками, башмачными петельками и проч. Прежнюю прическу, дозволявшую содержать голову въ чистотѣ, замѣнила сложная куафюра съ саломъ, пудрой и прямыми ихъ послѣдствіями—кучею паразитовъ и жестокой вонью. Въ ночь передъ смотрами нельзя было ложиться спать, чтобы не испортить прическу, ибо два парикмахера въ эскадронѣ едва успѣвали кончить свое дѣло, работая цѣлую ночь.

Въ службѣ завелась надоѣдливая, мертвящая мелочность; въ мелочахъ путались начальники, изъ мелочей не могъ выбраться солдатъ, ибо все шло за предметъ первой важности.

Самъ Государь пріѣзжалъ на мѣсто развода заранѣе, назначалъ линію фронта, послѣ развода присутствовалъ при смѣнѣ главнаго караула въ зимнемъ дворцѣ. Присылаемые Государемъ инспекторы вышли изъ гатчинской школы, а школа эта была до такой степени исключительно—внѣшней, мелочной и пустой, что уродовала своихъ учениковъ до предѣловъ анекдотическихъ. Такъ наприм. одинъ изъ гатчинцевъ, Бекманъ, получившій въ коронацію 300 душъ, поѣхалъ въ отпускъ для ознакомленія съ имѣніемъ и не выдумалъ тамъ ничего лучшаго, какъ обучать своихъ крестьянъ стойкѣ, маршировкѣ и другимъ экзерциціямъ, обративъ одно гумно въ экзерциргаузъ. А между тѣмъ эти гатчинцы, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ Государя, были такъ сказать рѣшителями судебъ, безапеляціонными судьями. Да и законъ плодилъ на своихъ страницахъ мелочность ненужную, иногда неисполнимую. Уставъ предписывалъ напримѣръ офицерамъ имѣть сюртуки, зимой подбитые байкою, а лѣтомъ—стамедомъ, «но не имѣть для сего двухъ сюртуковъ». Правило объ обѣденныхъ столахъ генералитета, на время полевыхъ кампаній, назначало число столовъ, блюдъ и кувертовъ, даже у фельдмаршала; прочимъ генеральскимъ чинамъ эти цифры точнымъ образомъ соотвѣтственно уменьшались, а ужины запрещались подъ опасеніемъ вычетовъ изъ жалованья.

Увлеченіе пустяками вело прямо къ полному неуваженію сущности, къ перемѣнамъ, затрогивавшимъ преданіе и исторію. Чтобы больше сроднить войска съ ихъ знаменами, Петръ Великій далъ каждому полку названіе по имени русскихъ городовъ и земель; теперь это было измѣнено, и полки стали называться по имени своихъ шефовъ. Боевымъ Екатерининскимъ войскамъ, понимавшимъ разницу между мирными и военными условіями службы, педантическія требованія новаго устава несомнѣнно представлялись невразумительными. Имъ не могло придти въ голову, что ихъ тридцатилѣтнія побѣды ничего не значатъ, а между тѣмъ такъ выходило. На донесеніе одного мѣстнаго инспектора о неполученіи до сего времени (1797 г.) однимъ полкомъ медалей за прагскій штурмъ, Павелъ I отвѣчалъ: «медалей за прагскій штурмъ, бывшимъ на немъ отпущено не будетъ, понеже я его не почитаю дѣйствіемъ военнымъ, а един-

ственно закланіемъ жидовъ». Не объявить это полку, значило оставить справедливую претензію безъ удовлетворенія и даже безъ объясненія; передать солдатамъ причину неотпуска медалей точными словами рескрипта, значило сдѣлать еще гораздо болѣе вредное.

Страхъ былъ главнымъ двигателемъ службы; трепетало все и отъ всего. Участникъ прагскаго штурма увѣряетъ, что шелъ съ полкомъ на смотръ съ ужасомъ, котораго на штурмѣ не испытывалъ. Никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, бѣда налетала нежданно—негаданно. И это не въ одной военной службѣ, а всюду, притомъ безъ предварительнаго разсмотрѣнія дѣла, по первому порыву. Тайный совѣтникъ Минихъ отставленъ отъ службы безъ объясненія причинъ 22 декабря, а 25 назначенъ сенаторомъ. Кіевскій губернаторъ Красно-Милашевичъ 17 іюня 1799 года исключенъ изъ службы съ тѣмъ, чтобы никуда не опредѣлять; чрезъ 16 дней сенату велѣно изслѣдовать его вину, оказался невиноватымъ и 8 іюля снова назначенъ кіевскимъ губернаторомъ. Марта 11 дня 1800 года генералъ-лейтенантъ дюкъ-де-Ришелье отставленъ отъ службы, а чрезъ три дня снова зачисленъ. На смотру Государь разгнѣвался на одного эскадроннаго командира, приказалъ снять его съ лошади, оборвать и дать ему сто палокъ. Великій князь Константинъ не исполнилъ этого повелѣнія и при удобномъ случаѣ выпросилъ офицеру прощеніе, причемъ Государь пожаловалъ ему еще два чина.

Внѣшняя дисциплина процвѣтала, но внутренняя была потрясена въ глубинѣ ея основъ; уваженіе къ старшимъ потеряно, потому что всѣхъ уравнивали вспышки гнѣва или болѣзненное проявленіе подозрительности Павла I. Громадныя заслуги сводились къ нулю, достоинство не принималось въ расчетъ; даже недавнія милости и благоволеніе Государя ничего не значили въ этой азартной игрѣ счастья и несчастья. Вмѣсто того, чтобы бережно регулировать инициативу и самодѣятельность, ихъ подсѣкли въ самомъ корнѣ; требовались только послушаніе и исполнительность. Служба впадала въ карикатуру: на лекціяхъ у гатчинскихъ наставниковъ учились боевые генералы; старые побѣдоносные вожди встрѣчали не нюхавшихъ пороха штабъ-офице-

ровъ—мальчиковъ съ рапортами и представляли имъ свои полки. Офицеры относились къ службѣ пренебрежительно, или подчинялись своему жребію съ тупымъ чувствомъ равнодушія, или же сотнями выходили въ отставку въ виду совершенной необезпеченности завтрашняго дня. И дѣйствительно, кто не выходилъ самъ, того выгоняли; въ 4 года и 4 мѣсяца царствованія Павла I, уволено, отставлено и выкинуто изъ службы 7 фельдмаршаловъ, больше 300 генераловъ и свыше 2.000 штабъ и оберъ-офицеровъ, а вся армія едва доходила до 400.000 человѣкъ.

Какъ велось дѣло въ военномъ вѣдомствѣ, такъ шло оно и всюду. Наказанія утратили свой нравственный смыслъ, а сохранили одно матеріальное значеніе; награды тоже. Невозможно было избѣгнуть наказанія при отсутствіи всякой вины. Напримѣръ, въ указѣ сенату 15 октября 1799 года значится: «Свѣдавъ о продолженіи пенсіона, прежде опредѣленнаго Лагарпу (воспитатель в. кн. Александра Павловича) и который по непостовому и развратному поведенію его долженъ былъ быть остановленъ, повелѣваемъ всю оную сумму, считая отъ самаго того времени, когда оный Лагарпъ началъ явно участвовать въ мятежахъ Швейцаріи, взыскать безъ исключенія со всѣхъ чиновъ, состоящихъ въ государственныхъ казначействахъ» Особенно тяжело жилось въ Петербургѣ; обязанность — выходить изъ экипажа хоть бы въ грязь, для привѣтствованія проѣзжающаго Государя, проходить мимо дворца съ непокрытою головой во всякую погоду, запрещеніе употреблять тѣ или другія статьи одежды извѣстнаго покроя или фасона, и проч. и проч., выростали одно за другимъ. Появлялись такія высочайшія повелѣнія, какъ «запрещается танцовать вальсъ», или «чтобъ никто не имѣлъ бакенбардъ», или «козъ и кошекъ Машками не называть». Нравственная атмосфера сдѣлалась тяжелою до удушливости; въ ней не могли долго жить люди, сознававшіе въ себѣ духовную природу и не считавшіе себя за манекеновъ. Менѣе чѣмъ кто-либо могъ въ ней жить Суворовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Въ Тульчинѣ и Кобринѣ.

1796—1797.

Екатерина II скончалась 6 ноября, но вѣсть объ этомъ дошла въ Тульчинъ лишь 13 числа. Впечатлѣніе было такое же, какъ и всюду: замѣшательство, страхъ, разговоры шопотомъ, а въ глубинѣ всего—зашевелившееся чувство самосохраненія. Суворовъ былъ пораженъ грустною вѣстью; приближенные его это предвидѣли, а потому онъ узналъ ее не сразу и сохранилъ наружное самообладаніе. Назначили божественную службу, отдано приказаніе — всѣмъ собираться въ церковь, въ полной формѣ, священнику быть въ самомъ богатомъ облаченіи. Суворовъ явился въ церковь въ фельдмаршальскомъ мундирѣ, при всѣхъ орденахъ, осыпанный бриліантами, пожалованными покойною Императрицей, и прямо прошелъ въ алтарь. Пока шла литургія, онъ все время стоялъ на колѣняхъ, горько плакалъ и усердно молился, а къ благодарственному молебну вышелъ изъ алтаря и сталъ на клиросѣ. Здѣсь онъ былъ совершенно спокоенъ, на лицѣ его нельзя было замѣтить и слѣдовъ слезъ. Отошелъ молебенъ; всѣ вышли на площадь, гдѣ стояли войска; Суворовъ самъ командовалъ. По окончаніи присяги, всѣ снова вернулись въ церковь; Суворовъ опять прошелъ въ алтарь, всю панихиду плакалъ и, стоя на колѣняхъ, молился. Затѣмъ онъ вернулся

домой, разговаривалъ съ окружающими, скрывая свою печаль; былъ серьезенъ, но спокоенъ; никто изъ собесѣдниковъ не могъ въ немъ подмѣтить признаковъ горя. Однако такая разладица между ощущеніями и внѣшнимъ ихъ проявленіемъ сдѣлалась ему въ самомъ скоромъ времени не по силамъ, и онъ переселился въ деревню, верстахъ въ 12 отъ Тульчина.

Отношенія между цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ и Суворовымъ были постоянно удовлетворительныя. Пріѣзжая въ Петербургъ и представляясь Императрицѣ Екатеринѣ, Суворовъ непремѣнно являлся на поклонъ и къ цесаревичу и неизмѣнно оказывалъ ему знаки почтительной преданности, какъ наслѣднику престола. Правда, онъ не удерживалъ своихъ странностей и причудъ въ присутствіи Павла Петровича, особенно въ послѣдніе годы, когда сдѣлался чудакомъ по преимуществу, и это было непріятно Павлу, который не любилъ вообще никакихъ отклоненій отъ общепринятой колеи обычаевъ, приличій и проч. Но онъ не имѣлъ причины видѣть въ дурачествахъ Суворова что-нибудь спеціальное, лично для него, цесаревича, предназначенное, такъ какъ Суворовъ никогда не принималъ участія въ интригахъ бо́льшого двора противу него, цесаревича, и вообще держалъ себя внѣ сферы дворской дѣятельности.

Цесаревичъ писалъ Суворову письма по разнымъ случаямъ, напримѣръ о бракосочетаніи своихъ дѣтей, получалъ отъ него почтительныя поздравленія, пожеланія и проч., въ подобномъ родѣ. Существовали причины и къ холодности Павла: глубокая преданность Суворова Екатеринѣ и сочувствіе его многимъ нововведеніямъ Петемкина. Павелъ Петровичъ ненавидѣлъ ихъ сплошь, не признавалъ въ ихъ ничего хорошаго и всѣхъ, кто былъ на ихъ сторонѣ, считалъ сообщниками Потемкина, своими противниками и людьми вредными для общаго блага. Стало быть къ числу такихъ лицъ Павелъ Петровичъ относилъ отчасти и Суворова, который расходился съ нимъ еще и въ томъ, что былъ творцомъ своеобразнаго военнаго искуства, по мнѣнію Павла—дикаго, безпорядочнаго, противорѣчащаго единственно-вѣрнымъ принципамъ великаго Прусскаго короля.

Такимъ образомъ, не имѣя противъ Суворова ничего прямо непріязненнаго, Государь однако не чувствовалъ къ нему располо-

женія. Почти тоже самое, по рефлексіи, происходило и въ Суворовѣ, помимо преданности вѣрноподданнаго государю. Но живя почти всегда въ провинціи, далеко отъ Петербурга и появляясь въ придворной сферѣ случайно, какъ лицо постороннее. Суворовъ не представлялъ себѣ Павла Петровича такимъ, какимъ его олицетворяли другіе, стоявшіе ближе къ центру дѣлъ и закулисныхъ тайнъ. Оттого первое время по вступленіи Павла на престолъ, Суворовъ находилъ въ новомъ царствованіи даже не мало хорошаго и лишь по прошествіи нѣсколькихъ недѣль вся новизна получила настоящее освѣщеніе.

Одно изъ самыхъ первыхъ (если не первое) представленій Суворова Государю, имѣло своимъ предметомъ обезпеченіе судьбы Вѣры Ивановны Арсеньевой, вдовы дежурнаго генерала, и ходатайство объ освобожденіи содержавшихся въ Петербургѣ Поляковъ, вопреки данной Суворовымъ амнистіи. Послѣднее, какъ писалъ Суворовъ Хвостову 18 ноября 1796 года, истекало «изъ угрызеній его совѣсти». Не знаемъ, вышло ли что изъ первой просьбы; что же касается Поляковъ, то они, какъ мы видѣли, были Государемъ освобождены, неизвѣстно только—по собственному ли побужденію или вслѣдствіе просьбы Суворова. Однимъ изъ первыхъ рескриптовъ Государя на имя Суворова засвидѣтельствовано ему высочайшее благоволеніе; затѣмъ оказаны разныя милости его родственникамъ. Не разъ высказываетъ Суворовъ въ письмахъ къ Хвостову свое удовольствіе по случаю многаго происходящаго: «ура, мой другъ графъ Безбородко первый министръ»... «вы меня восхищаете милосерднымъ нашимъ государемъ»;... «Боже благослови намѣренія великаго Государя». Какъ бы втягиваясь въ колею новой жизни, Суворовъ изъявляетъ готовность нѣсколько сойтись съ близкими и довѣренными у Государя лицами, однако не увлекается черезъ мѣру и указываетъ Хвостову на осторожность и сдержанность.

Скоро начали сквозить чрезъ розовую окраску темныя пятна. Милости и награды лились отъ Государя полной рѣкой, но Суворова миновали. Онъ самъ по этому предмету не проговаривается ни однимъ словомъ, но приближенныя его лица обращаются къ Хвостову съ вопросами, обнаруживая недоумѣніе и безпокойство. Еще большее безпокойство въ штабѣ Суворова про-

извело возникшее снова дѣло Вронскаго, да и самого Суворова оно повергло въ досаду и негодованіе.

Высланный въ сентябрѣ 1795 года изъ Варшавы въ свой полкъ, Вронскій двукратно просилъ о дальнѣйшемъ разслѣдованіи обнаруженныхъ имъ въ Варшавѣ злоупотребленій, причемъ всячески выгораживалъ Суворова и всю вину возлагалъ на его подчиненныхъ. Дѣло однако же считалось оконченнымъ, а потому дальнѣйшаго хода не получало. Тогда выждавъ время, Вронскій возобновилъ свое требованіе по возшествіи на престолъ Императора Павла. Это совершенно отвѣчало намѣреніямъ Государя, а потому было высочайше повелѣно «всѣхъ лицъ, оговоренныхъ Вронскимъ, отрѣша отъ мѣстъ и должностей, предать строгому изслѣдованію и воинскому суду по законамъ», для чего немедленно собрать ихъ въ Петербургъ, удержавъ здѣсь и Вронскаго. Отъ Суворова однако не приказано требовать никакихъ объясненій. Но дѣло не подвигалось, потому что не могли собрать въ Петербургъ подсудимыхъ и необходимые документы, такъ что въ январѣ 1797 года послѣдовало новое высочайшее повелѣніе въ смыслѣ ускоренія слѣдствія.

До той поры сношенія Суворова съ Государемъ не имѣли въ себѣ ничего непріятнаго Суворову или неугоднаго Государю. Павелъ написалъ ему 15 декабря 1796 года: «Не безпокойтесь по дѣлу Вронскаго; я велѣлъ комиссіи разсмотрѣть, его же употребить. Что было прежде, того не воротишь; commençons de nouveau; кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ; у иныхъ правда и безъ того по одному глазу было. Поздравляю съ новымъ годомъ и зову пріѣхать къ Москвѣ, къ коронаціи, если тебѣ можно. Прощай, не забывай старыхъ друзей. *Павелъ*. Приводи своихъ въ мой порядокъ пожалуй». Такое благосклонное или, по крайней мѣрѣ, милостивое отношеніе къ Суворову высказывается въ рескриптахъ Павла I еще раза два — три. Такъ, на одной дѣловой бумагѣ онъ приписываетъ собственноручно по французски: «Мои чувства, любезный фельдмаршалъ, вамъ извѣстны; я расчитываю на вашу дружбу и на то, что вы ее выкажете также во всемъ, касающемся блага службы. Будьте здоровы, прощайте».

Но это продолжалось не долго, да и такихъ заявленій Су-

ворову казалось мало. Онъ видѣлъ, какія щедрыя милости и награды сыпались на другихъ, но самъ подобныхъ знаковъ монаршаго благоволенія не удостоивался. Въ письмахъ его и его приближенныхъ къ Хвостову стала проглядывать по отношенію къ Государю какая-то сдержанность, въ родѣ недовѣрчивости. Екатерининъ день разбудилъ старыя воспоминанія, смерть Румянцева произвела также впечатлѣніе не веселое, строгій режимъ новаго царствованія выразился запрещеніемъ производить радостную пальбу въ торжественные дни. Какъ будто одолѣвала скука; Суворовъ сталъ каждую недѣлю ѣздить за нѣсколько верстъ на охоту, любителемъ которой никогда не былъ. Вслѣдъ затѣмъ появились первыя неудовольствія Государя.

Декабря 15 были посланы къ Суворову два фельдъегеря для посылокъ вмѣсто офицеровъ, а между тѣмъ къ новому году прибылъ отъ него въ Петербургъ адъютантъ, капитанъ Уткинъ, притомъ съ партикулярными письмами, безъ служебной кореспонденціи. Петербургскій комендантъ Аракчеевъ доложилъ объ этомъ Государю; Павелъ I приказалъ капитана Уткина опредѣлить въ одинъ изъ тамошнихъ полковъ, а Суворову выразилъ свое неудовольствіе, называя подобное употребленіе офицеровъ «неприличнымъ ни службѣ, ни званію ихъ». Кромѣ того, изъ разспросовъ Уткина Аракчеевымъ, Государь увидѣлъ, что Суворовъ не распустилъ еще, какъ было приказано, своего штаба, а потому въ томъ же рескриптѣ, сообщая ему объ этомъ «съ удивленіемъ», подтвердилъ свою волю къ непремѣнному и немедленному исполненію. Не успѣлъ Суворовъ получить этотъ рескриптъ, какъ сдѣлалъ три новыя провинности. Во-первыхъ, онъ вошелъ съ представленіемъ о нѣкоторомъ измѣненіи въ дислокаціи подчиненныхъ ему войскъ, что дѣлывалъ прежде безбоязненно и даже измѣнялъ дислокацію самъ. Во-вторыхъ, вслѣдствіе полученнаго приказанія о роспускѣ домой казаковъ съ днѣстровской кордонной линіи и о замѣнѣ ихъ гусарами, Суворовъ обратился къ Государю съ ходатайствомъ объ оставленіи подъ его, Суворова, начальствомъ, генералъ-майора Исаева, командовавшаго казачьими форпостами по Днѣстру, а мотивомъ ходатайства выставилъ совмѣстную съ Исаевымъ службу въ послѣднюю Польскую войну, отличныя качества этого генерала и желаніе

его остаться подъ начальствомъ Суворова. Въ-третьихъ, вопреки новому уставу, Суворовъ уволилъ въ отпускъ, въ Петербургъ, подполковника Батурина. Батуринъ былъ тотчасъ-же высланъ изъ Петербурга назадъ, и Суворову сообщено 14 января, чтобы впредь «въ отпускъ сюда никого не увольнять, не испросивъ прежде на то высочайшаго соизволенія». Кромѣ того послѣдовалъ на имя Суворова рескриптъ: «Съ удивленіемъ вижу я, что вы безъ дозволенія моего отпускаете офицеровъ въ отпускъ, и для того надѣюсь я, что сіе будетъ въ послѣдній разъ. Не меньше удивляюсь я, почему вы входите въ распредѣленіе командъ, прося васъ предоставить сіе мнѣ. Что же касается до рекомендаціи вашей, то и сіе въ мирное время до васъ касаться не можетъ; развѣ въ военное время, если непосредственно подъ начальствомъ вашимъ находиться будетъ. Вообще рекомендую поступать во всемъ по уставу». Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высочайшемъ приказѣ 15 января, былъ сдѣланъ Суворову выговоръ.

Не успѣли еще эти высочайшія повелѣнія дойти до Суворова, какъ онъ послалъ въ Петербургъ вновь офицера—капитана Мерлина—съ донесеніемъ, что онъ, Суворовъ, не получалъ повелѣній о неупотребленіи офицеровъ въ курьерскія должности. Государь сильно разгнѣвался, велѣлъ Мерлина помѣстить въ Ригу, въ гарнизонный полкъ, «для примѣра другимъ», и выразилъ Суворову въ рескриптѣ свое крайнее неудовольствіе, сказавъ въ концѣ: «удивляемся, что вы тотъ, кого мы почитали изъ первыхъ ко исполненію воли нашей, остается послѣднимъ». Затѣмъ Суворову былъ опять объявленъ въ высочайшемъ приказѣ выговоръ.

Весь этотъ потокъ непріятностей не успѣлъ еще излиться на Суворова, какъ послѣдній принялъ уже рѣшеніе. По полученіи перваго рескрипта Государя съ выраженіемъ неудовольствія (отъ 2 января), онъ положилъ устраниться временно отъ службы и написалъ 11 января Государю: «мои многія раны и увѣчья убѣждаютъ Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше просить, для исправленія ото дня въ день ослабѣвающихъ моихъ силъ, о всемилостивѣйшемъ увольненіи меня въ мои здѣшнія кобринскія деревни на текущій годъ». Павелъ I сухо отказалъ, написавъ 19 числа, что «обязанности службы препятствуютъ

отъ оной отлучиться». Вслѣдъ затѣмъ получивъ какое-то донесеніе Суворова, по обыкновенію лаконическое и своеобразное, Государь написалъ ему 26 января: «донесеніе ваше получа, немедленно повелѣлъ возвратить его къ вамъ, означа непонятныя въ немъ два мѣста». Но случилось ли еще какое нибудь обстоятельство раздражившее Государя, или подписавъ рескриптъ, онъ нашелъ заключительныя свои слова слишкомъ слабыми, только въ тотъ же день было написано и отправлено къ Суворову слѣдующее повелѣніе: «съ полученія сего немедленно отправьтесь въ Петербургъ».

Оцѣнить горечь положенія Суворова, сложившагося подъ вліяніемъ реформъ Павла I, можно только познакомившись съ его интимною перепиской. Въ концѣ ноября 1796 года, когда стали обозначаться мелочность и педантскій методизмъ прусскихъ порядковъ во вновь вводимыхъ реформахъ, Суворовъ пишетъ: «методикъ подо мною, я выше правилъ; я не уступалъ Юлію Цезарю, наставнику моему, до Кобрина. Мальчикъ Ростопчинъ (одинъ изъ ближайшихъ къ Государю дѣятелей реформы) много добра (сдѣлалъ бы), еслибъ отнялъ пустокрашеніе солиднаго» (пустыя украшенія отъ того, что требуетъ солидности). Эта бѣглая замѣтка остается одинокою долгое время; потомъ къ концу декабря, когда новыя требованія сдѣлались совсѣмъ ясными, слѣдуетъ цѣлый рядъ писемъ и записокъ. Называя себя «вождемъ вождей» (такъ величали его Костровъ и другіе поэты), Суворовъ съ гордостью говоритъ, что «всѣ степени до сего бралъ безъ фавора»; что «генералъ-аншефъ велика степень— вождь; было ихъ со мною два, нынѣ ни одного». Онъ сожалѣетъ, что традиція теперь уже не имѣетъ никакой силы; говоритъ, что онъ не наемникъ, и Русскіе не наемники, а составляютъ національную армію; клеймитъ сарказмами «мерсенеровъ» и страсть—переносить въ русскую національную армію наемническія особенности арміи прусской. Не одобряя отказъ Государя отъ военнаго предпріятія противъ Французовъ, онъ говоритъ: «карманьольцы бьютъ Нѣмцевъ; отъ скуки будутъ бить Русскихъ, какъ Нѣмцевъ»; затѣмъ, какъ бы спохватясь, поясняетъ: «я далеко запелъ, но подозрѣніе—мать премудрости». Переходя къ учрежденію инспекторовъ, онъ съ горечью замѣчаетъ, что фельд-

маршалъ понижается до генералъ-майора. «Онъ имѣлъ право самъ таковыхъ инспекторовъ изъ нижняго генералитета посылать, а довольно съ него быть, какъ прежде, всегда главнокомандующимъ, до котораго званія я служилъ больше полувѣка и честно его заслужилъ больше всѣхъ иныхъ ранами, увѣчьями и многими побѣдами».

Новый 1797 годъ Суворовъ начинаетъ запискою, давъ ей заглавіе: «Буря мыслей». Онъ говоритъ тутъ неодобрительно объ иностранной политикѣ, объ ослабленіи русскихъ пограничныхъ областей выводомъ войскъ внутрь и о разномъ иномъ, отрывочно, вразумительно лишь мѣстами. Заключаютъ записку слова: «Солдаты, сколько ни веселю, унылы и разводы скучны. Шагъ мой уменьшенъ въ три четверти, и тако на непріятеля вмѣсто сорока — тридцать верстъ. Фельдмаршалы кассированы безъ прослугъ..; я пахарь въ Кобринѣ, лучше нежели только инспекторъ, каковымъ я былъ подполковникомъ. Въ Москвѣ (на коронаціи) я безгласенъ и для декораціи Величества. Со дня на день умираю». Сѣтуя такимъ образомъ на всеобщую нивеллировку и на разныя нѣмецкія нововведенія, Суворовъ переходитъ къ нѣмцу Штенверу, свѣтилу гатчинскаго военнаго искуства и къ новому военному уставу. «Вообразительно симъ побѣдитъ заяцъ Александра (Македонскаго)», язвительно замѣчаетъ Суворовъ и издѣвается надъ слѣпою подражательностью новаго устава.

На слѣдующій день, 4 января, онъ набрасываетъ въ немногихъ строкахъ абрисъ драматической сцены — пародіи, въ которой понятно лишь кое-что. Присъ, отнявъ отъ Діогена золотой горшокъ съ простоквашей, подноситъ его Аристиду (Суворову), въ видѣ подарка отъ Фабіуса, но предварительно снявъ сметану для другихъ. «Знакомо отъ Финляндіи», — ѣдко замѣчаетъ авторъ. Раздается громъ, является Меркурій съ декретомъ боговъ. «Не остраціизмъ ли», — спрашиваетъ Аристидъ: «всего покойнѣе». Меркурій отвѣчаетъ, что такъ опредѣлено тремя граціями (графы Н. и П. Салтыковы и князь Н. Репнинъ, пользовавшіеся тогда особенною милостью Императора Павла); «дали онѣ мнѣ себя чувствовать за мою правду», — говоритъ Аристидъ. И такъ далѣе, все въ томъ же духѣ. Тутъ виденъ

прежній Суворовъ, который не могъ или не хотѣлъ уразумѣть, что теперь все измѣнилось, — и основанія, и обстановка, и что въ этомъ новомъ мірѣ самъ собой выросталъ на него неотвратимый «остраци́змъ», къ которому «граціи» могли, правда, прибавить горечи или ускорить развязку, но она все-таки не отъ нихъ зависѣла.

Слѣдующіе дни, 5 и 6 января, Суворовъ пишетъ новыя записки, гдѣ онъ характеризуетъ пруссака Штенвера словами: «открытель шаржирнаго огня и ретирадъ прусскихъ наемниковъ». Онъ выражаетъ нежеланіе ѣхать въ Москву, на коронацію, ибо «Москва мнѣ гробъ», разумѣя подъ этимъ, что личное его присутствіе, въ мѣстѣ нахожденія Государя и двора, не обѣщаетъ ему ничего хорошаго. Онъ говоритъ, что всѣ его пріятели «безъ пристрастія судятъ, что лучшій мнѣ нынѣ случай отойти отъ службы». Повидимому Суворовъ и самъ уже усвоилъ эту мысль, но выжидалъ случая, или лучше сказать повода.

Таково было его настроеніе въ декабрѣ и въ началѣ января, до полученія отъ Государя перваго замѣчанія. Легко понять, какое тяжелое впечатлѣніе должно было произвести на него высочайшее повелѣніе отъ 2 января, съ рѣзкимъ выраженіемъ неудовольствія, и за нимъ нѣсколько послѣдующихъ, еще болѣе категорическихъ и грозныхъ. Волненіе Суворова опять выражается массою писемъ и записокъ, написанныхъ въ продолженіе 4 дней.

Прежде всего онъ обращается съ упрекомъ къ Хвостову, зачѣмъ тотъ расписывалъ ему изъ Петербурга новое положеніе въ розовомъ свѣтѣ, а потомъ выступаетъ съ горячей критикой на все происходящее. Вниманіе его обращается преимущественно на нововведенія въ обмундированіи войскъ, въ обученіи ихъ, въ содержаніи, въ дисциплинѣ. «Нѣтъ вшивѣе Пруссаковъ», пишетъ онъ: «лаузеръ или вшивень назывался ихъ плащъ; въ шильтгаузѣ и возлѣ будки безъ заразы не пройдешь, а головною ихъ вонью вамъ подарятъ обморокъ. Мы отъ гадины были чисты, и первая докука нынѣ солдатъ—штиблеты: гной ногамъ... Милосердіе покрываетъ строгость, при строгости надобна милость, иначе строгость — тиранство. Я строгъ въ удержаніи (въ войскахъ) здоровья, истиннаго искуства благонравія: милая сол-

датская строгость, а за симъ общее братство. И во мнѣ строгость по прихотямъ была бы тиранствомъ. Гражданскія доблести не замѣнятъ безполезную жестокость въ войскахъ... Въ титлѣ строгости (бываетъ) прицѣпка для тиранства заслуженнаго человѣка. Строгій Валенштейнъ не давалъ себѣ время къ размышленію: скоръ и кратокъ — вели бестію повѣсить... Всемогущій Боже, даруй, чтобы зло для Россіи не открылось прежде ста лѣтъ!»

Четырехъ-дневная филиппика Суворова постоянно перемежается ссылками на самого себя; видно, что онъ сильно оскорбленъ недостаткомъ вниманія къ его побѣдному прошлому. «Государь лучше Штенвера не видалъ; я лучше Прусскаго покойнаго великаго короля: я милостью Божіей баталіи не проигрывалъ... Я пожалованъ (въ фельдмаршалы) не при паролѣ,... я главнокомандующій... Сколь же строго, Государь, ты меня наказалъ за мою 55-лѣтнюю прослугу! Казненъ я тобою штабомъ, властью производства, властью увольненія отъ службы, властью отпуска, знаменемъ съ музыкою при приличномъ караулѣ, властью переводовъ. Оставилъ ты мнѣ, Государь, только власть высочайшаго указа 1762 года (о вольности дворянства)... Нынѣ чуть что, оставляя до того все по прежнему, переѣду тотчасъ въ деревню, а оттуда по полной резолюціи мгновенно въ Кобринъ».

Все это Суворовъ писалъ послѣ полученія перваго замѣчанія со стороны Государя, и этотъ сравнительно-легкій знакъ монаршаго неудовольствія окончательно побудилъ его просить годового отпуска. Можно догадаться, до какого градуса поднялась его внутренняя буря чрезъ нѣсколько дней, когда были получены одинъ за другимъ два рескрипта, съ выраженіемъ Государева гнѣва и два высочайшіе выговора, объявленные Суворову по войскамъ. Суворовъ этого не ожидалъ, былъ озадаченъ и огорченъ въ высшей степени, а потому со жгучимъ, лихорадочнымъ нетерпѣніемъ сталъ ждать изъ Петербурга дозволенія уѣхать въ отпускъ. Но около 26 января онъ получилъ сухой отказъ и ни мало не медля донесъ вторично, что время стоитъ мирное, а потому онъ снова ходатайствуетъ объ отпускѣ. Но нѣсколько дней спустя, онъ получилъ, какъ было уже сказано, суровое напоминаніе объ исполненіи обязанностей, свою

возвращенную бумагу съ требованіемъ поясненія непонятныхъ выраженій и наконецъ призывъ въ Петербургъ. Тогда онъ тотчасъ же принялъ рѣшеніе—во что бы то ни стало выйти изъ своего ненормальнаго и даже лично для него опаснаго положенія. Онъ написалъ прошеніе объ отставкѣ и 3 февраля отправилъ въ Петербургъ, а самъ принялся обдумывать свое переселеніе въ Кобринъ и будущее въ немъ хозяйничанье. Онъ заранѣе обзавелся помощниками и подручниками, такъ какъ кобринское имѣніе было велико, а именно предложилъ нѣсколькимъ офицерамъ оставить службу и ѣхать въ Кобринъ, обѣщая вознаградить ихъ деревнями въ полную ихъ собственность. Офицеры согласились.

Отставка была Суворовымъ получена передъ половиной февраля, но не вслѣдствіе его прошенія, а по иниціативѣ Государя. Февраля 6 отданъ на разводѣ высочайшій приказъ: «фельдмаршалъ графъ Суворовъ, отнесясь Его Императорскому Величеству, что такъ какъ войны нѣтъ и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы». Это порывистое рѣшеніе, отрицающее въ принципѣ даже заслугу, совершенно отвѣчало темпераменту Государя, но вѣроятно было подсказано свѣжими дурными вѣстями о Суворовѣ, который постоянно изощрялся въ насмѣшкахъ надъ новыми порядками и новыми людьми, въ домашней бесѣдѣ и публично, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ и какъ бы намѣренно давая своимъ словамъ огласку. Во всей Россіи повторялись тогда шопотомъ или въ тѣсныхъ кружкахъ остроты и сарказмы Суворова; добрая ихъ половина, если не больше, была выдумана разными досужими остряками, но молва и поддѣлку принимала за чистую правду. Нѣтъ сомнѣнія, что слухи достигали и Государя, благодаря усердствующимъ себѣ на пользу, ближнему во вредъ. Несомнѣнно также, что многое дѣйствительно принадлежало Суворову, наприм. присловіе: «косой не колоть, буклей не палить, пудрой не стрѣлять», или другое, пріобрѣвшее громкую извѣстность: «пудра не порохъ, букля не пушка, коса не тесакъ, и я не нѣмецъ, а природный русакъ». Но Суворову приходилось расплачиваться и за свое, и за чужое.

Худо кончилось дѣло, но все-таки кончилось. Суворовъ

сталъ готовиться къ сдачѣ, но принужденъ былъ проглотить еще горькую пилюлю. Одинъ изъ приближенныхъ Государя, Ростопчинъ, написалъ ему 14 февраля: «Государь Императоръ, получа донесеніе вашего сіятельства отъ 3 февраля, соизволилъ указать мнѣ, доставить къ свѣдѣнію вашему, что желаніе ваше предупреждено было и что вы отставлены еще 6 числа сего мѣсяца». Вмѣстѣ съ тѣмъ Суворовъ имѣлъ однако нѣкоторое утѣшеніе окончательно убѣдиться, что продолжая службу, онъ спустился бы до степени простого генерала: на его мѣсто назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ Беклешовъ.

Къ концу февраля Суворовъ былъ совершенно готовъ къ отъѣзду, но все-таки не уѣзжалъ, потому что не доставало какого то особеннаго разрѣшенія. Между тѣмъ положеніе его въ Тульчинѣ было фальшивое. Что было дѣлать тамъ, среди войскъ, отставному фельдмаршалу, уволенному отъ службы даже безъ права ношенія мундира? Его любили, каждый его шагъ интересовалъ, каждое его слово ловилось на лету. Не заключается ли отчасти въ этомъ положеніи Суворова корень молвы, звонившей по всей Россіи о сатирическихъ его въ то время выходкахъ, да и не объ однихъ сатирическихъ? [31]).

Повидимому военное поприще Суворова кончилось. Ему было 66 лѣтъ; его дарованія, опытность и энергическій, упорный характеръ отрицали всякую возможность уступки; компромиссъ со стороны Государя представлялся еще менѣе вѣроятнымъ. Оставленіе Суворовымъ службы почти всѣ считали громадной потерей, невознаградимой утратой. Имя его успѣло сдѣлаться священнымъ для русской арміи; не всѣ подъ его начальствомъ служили, но всѣ его знали, и для всякаго онъ былъ предметомъ восторженнаго поклоненія. Громко гремѣло это знаменитое имя и во всей Россіи; катастрофа еще усилила къ нему симпатіи и сочувствіе, кромѣ развѣ высшихъ служебныхъ слоевъ, гдѣ группировались его завистники и враги. Тягостное впечатлѣніе, произведенное удаленіемъ Суворова отъ дѣлъ, особенно въ войскахъ, правда ничѣмъ явственно не высказывалось, но въ ту пору неудовольствія и страха, прятались даже сами неудовольствіе и страхъ. Въ гробовомъ молчаніи была принята затѣмъ и вѣсть о ссылкѣ Суворова, до кого она только дошла:

многіе не знали, а разспрашивать и разузнавать было опасно. Въ высшемъ слоѣ общества или молчали, или находили образъ дѣйствія Государя по отношенію къ Суворову слишкомъ милостивымъ; въ войскахъ и низшихъ слояхъ всю тяжесть вины возлагали на его враговъ и людей новаго порядка, пользовавшихся довѣренностью Государя съ нечестными и непатріотическими побужденіями. На югѣ, гдѣ Суворовъ въ послѣднее время командовалъ, воспоминаніе о немъ жило самое свѣжее; солдаты не знали, гдѣ онъ находится, здоровъ ли, даже живъ ли; но каждый вечеръ, приходя въ сборныя избы за полученіемъ приказаній, толковали о немъ и творили по немъ молитву.

Выѣхавъ изъ Тульчина въ послѣднихъ числахъ марта и прибывъ въ Кобринъ, Суворовъ принялся знакомиться со своимъ имѣніемъ, котораго еще не видалъ. По числу душъ, оно было даже значительно выше той цифры, которая была обозначена при пожалованіи; по документу числилось 6927 душъ, а по донесенію подполковника Корицкаго, производившаго пріемъ, оказалось 8.087. Почти одновременно съ Суворовымъ пріѣхали въ Кобринъ и тѣ 18 офицеровъ, которымъ онъ предложилъ оставить службу на извѣстныхъ условіяхъ. Это были: полковникъ Борщовъ, подполковники Фалькони, Гессъ, Тихановскій, майоры Трескинъ, Грессеръ, Тимашевъ, князь Ухтомскій, Зыбинъ, Сіонъ, капитанъ Капустянскій, ротмистры Павловскій и Вишневскій, поручики Ставраковъ, Матюшинскій, Корбутъ, Покровскій и штабъ-лѣкарь Бѣлопольскій. Кромѣ нихъ въ Кобринѣ находился подполковникъ Корицкій, какъ кажется съ самаго пріема этого имѣнія, что ему не мѣшало считаться на дѣйствительной службѣ. Въ ожиданіи указовъ объ отставкѣ, Суворовъ, еще состоя на службѣ, выдалъ имъ временные паспорты, съ которыми они въ Кобринъ и пріѣхали. Изъ нихъ Корицкій былъ управляющимъ и полномочнымъ повѣреннымъ Суворова по всему кобринскому имѣнію, о прочихъ точныхъ указаній нѣтъ; быть можетъ они служили ему подручниками, т.-е. завѣдывали разными частями обширнаго помѣстья. Надѣлъ ихъ деревнями еще не состоялся, но Суворовъ снабдилъ каждаго изъ нихъ «партикулярнымъ письмомъ», на владѣніе извѣстнымъ числомъ крестьянъ, съ землею и угодьями, причемъ цифра крестьянъ

мужского пола колебалась между 25 и 100 душами на каждаго. Въ общемъ итогѣ составилось 1184 души на 18 человѣкъ, безъ Корицкаго, который получилъ документъ отъ Суворова годомъ раньше, на дер. Хабовичи съ 120 душами или около того; получилъ 100 душъ въ кобринскомъ имѣніи и Мандрыкинъ, почти одновременно съ Корицкимъ.

Кратковременное пребываніе Суворова въ Кобринѣ не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ, достойныхъ вниманія; даже его корреспонденція за это время очень скудна. Изъ нея видно, что родственница его Евпраксія Раевская, имѣвшая около 30 лѣтъ отъ рода, отказала своему жениху, а потому назначенные ей раньше въ приданое 6,000 р. Суворовъ не велѣлъ ей выдавать, ибо-де «она можетъ браковать жениховъ другіе 30 лѣтъ». Впрочемъ усиленной скупости, по случаю прекращенія служебнаго содержанія, въ немъ не замѣчается; такъ онъ велѣлъ въ это время выдать одному изъ своихъ племянниковъ, Горчаковыхъ, 5,000 рублей «для его необходимыхъ нуждъ». Житье его въ Кобринѣ было скрашено новостью о рожденіи внука Александра, по поводу чего онъ писалъ дочери: «Наташа, привези графа Александра Николаевича ко мнѣ, а онъ пусть о томъ же попроситъ своего батюшку, твоего мужчину».

Выбравъ Кобринъ своимъ мѣстопребываніемъ, съ цѣлью заняться устройствомъ этого имѣнія, Суворовъ жестоко ошибся въ разсчетѣ. Не успѣлъ еще онъ осмотрѣться надлежащимъ образомъ, какъ получилъ приказаніе о перемѣнѣ мѣста жительства. Апрѣля 22, вечеромъ или ночью, пріѣхалъ въ Кобринъ коллежскій ассесоръ Николевъ и предъявилъ Суворову слѣдующее именное высочайшее повелѣніе: «ѣхать вамъ въ Кобринъ или другое мѣстопребываніе Суворова, откуда его привезть въ боровицкія его деревни, гдѣ и препоручить Выидомскому (боровицкому городничему), а въ случаѣ надобности требовать помощи отъ всякаго начальства». Неожиданность эта поразила не только Суворова, но и отставныхъ офицеровъ, положеніе которыхъ не было еще обезпечено и даже не опредѣлилось. Они успѣли однако принять кое-какія мѣры, а именно данныя имъ Суворовымъ «партикулярныя письма» они предъявили въ кобринскомъ судѣ съ занесеніемъ въ протокольную книгу. Всѣмъ дѣ-

ломъ орудовалъ Корицкій. Сговорившись съ кѣмъ слѣдуетъ, онъ потребовалъ протокольную книгу къ Суворову на домъ, 23 апрѣля утромъ, и когда Суворову надо было уже садиться въ экипажъ, т.-е. въ 10 часовъ утра, поднесъ ему къ подписи статью съ «партикулярными письмами» офицеровъ. Суворовъ не говоря ни слова подписалъ, вышелъ на подъѣздъ, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ въ новгородскую губернію. Красовскій, состоявшій въ то время при управленіи кобринскимъ имѣніемъ Суворова въ качествѣ юристъ-консульта и адвоката, тоже не остался съ пустыми руками и обезпечилъ себя лучше всѣхъ, получивъ 434 души крестьянъ мужского пола.

Отъѣздъ Суворова изъ Кобрина былъ до того внезапенъ и неожиданъ, что представлялся какъ бы сномъ. Не сдѣлано никакихъ распоряженій, не отдано никакихъ приказаній; не взяты даже бриліанты, стоимостью въ 300,000 рублей слишкомъ, и другія цѣнныя вещи. Не успѣли подвести счеты и снабдить Суворова деньгами, такъ что онъ принужденъ былъ занять у Корицкаго 1,000 рублей.

Какая была причина этой новой немилости Государя? Объясненіе заключается во всемъ предшествующемъ. Неподатливость Суворова и его открытое охужденіе многихъ нововведеній служили широкимъ полемъ для пересудовъ, сплетенъ и доносовъ. Изъ одного частнаго письма того времени узнаёмъ, что про Суворова разсказывались «ужасныя вещи»: тенденціозное прощаніе съ войсками, писаніе къ Государю слишкомъ смѣлыхъ писемъ, возвращеніе въ военную коллегію всѣхъ русскихъ орденовъ на томъ основаніи, что они получены въ прошлое царствованіе; ношеніе однихъ иностранныхъ орденовъ и проч. Справедливо ли все это разсказывалось, писалось и разносилось? Конечно нѣтъ. Но молва рѣдко выдумываетъ небывальщину; она только преувеличиваетъ, изъ мухи дѣлаетъ слона. Въ настоящемъ случаѣ отвергать все сплошь нельзя, разграничить истину отъ добавковъ тоже невозможно, ввиду характерныхъ свойствъ Суворовскаго темперамента и недостатка документальныхъ данныхъ [32]). Особыхъ причинъ къ усиленію Государевой немилости не было, какъ не было въ дѣйствительности новой немилости; существовали рядъ немилостей и цѣпь причинъ; выдѣлять изъ тѣхъ или другихъ

что либо въ видѣ особаго факта и объяснять этотъ фактъ внѣ общей послѣдовательности,—невозможно, кромѣ немногихъ случаевъ, очень хорошо освѣщенныхъ. Если же между винами и карами оказывается несоотвѣтствіе, то это объясняется всѣмъ внутреннимъ складомъ Государя. Да и существовали неоспоримые факты, которые говорили сами за себя и противъ Суворова. Въ письмѣ къ Хвостову изъ Тульчина одного изъ приближенныхъ Суворова читаемъ: «у насъ все по прежнему, отмѣны ни въ чемъ ни на волосъ нѣтъ». Только со смѣною Суворова Беклешовымъ, начались въ войскахъ Екатеринославской дивизіи преобразованія. Можно себѣ представить, какой гнѣвъ должно было вызвать это извѣстіе въ Императорѣ Павлѣ.

Во всякомъ случаѣ выѣздъ Суворова изъ Кобрина въ новгородскую деревню обозначалъ худое: Кобринъ олицетворялъ собою опалу, а Кончанскъ—и опалу, и ссылку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Въ селѣ Кончанскомъ.

1797—1798.

Село Кончанское, боровицкаго уѣзда, новгородской губерніи, лежитъ верстахъ въ сорока отъ Боровичей и, во времена Суворова, принадлежало къ разряду мѣстностей, которыя обыкновенно называютъ глухими или медвѣжьими углами. Оно окружено озерами, болотами и лѣсами; рыболовство однако не процвѣтало; лѣсу было много, но строевого очень мало; каменистая и песчаная земля не отличалась плодородіемъ. Во всей вотчинѣ, состоящей изъ сопинской и кривинской волостей, жили пашней и покосами, нанимались также на барки; промысловъ почти никакихъ не знали. Не отличаясь особенной зажиточностью, Суворовскіе крестьяне не были однако бѣдны; въ эту пору они довольно легко платили оброку по 5 рублей въ годъ и не несли никакихъ натуральныхъ повинностей, кромѣ одного села Кончанскаго, гдѣ рубили и ставили дрова для надобностей господской усадьбы, да наряжали иногда подводы въ Москву и Петербургъ.

Вотчина Суворова, имѣвшая 1000 душъ мужского пола, была въ это время уголкомъ забытымъ, заброшеннымъ. Александръ Васильевичъ Суворовъ, занятый по горло службой и своими честолюбивыми задачами, не жилъ тутъ никогда, въ первый разъ посѣтилъ свою вотчину чрезъ 9 лѣтъ послѣ смерти отца и затѣмъ бывалъ въ ней рѣдко, случайно и на самое короткое время. Двухъ-этажный помѣщичій домъ ветшалъ; садъ,

разведенный въ 1784 году на десятинѣ, разростался медленно и содержался небрежно; господская усадьба имѣла видъ унылый; даже построенная А. В. Суворовымъ въ концѣ сада маленькая деревянная церковь, во имя св. Александра Невскаго, замѣтно старилась и своимъ неизящнымъ очертаніемъ вторила общему угрюмому, нежилому виду.

Сюда-то внезапно прибылъ 5 мая 1797 года Суворовъ, послѣ 12-ти дневнаго, утомительнаго пути по весенней распутицѣ. Помѣщичій домъ оказался очень ветхимъ, но невзыскательный хозяинъ нашелъ возможнымъ въ немъ поселиться, утѣшаясь тѣмъ, что наступало теплое время года. Исполнивши свое порученіе, Николевъ передалъ обязанность присмотра за отставнымъ фельдмаршаломъ боровицкому городничему Вындомскому и уѣхалъ.

Обязанность эта была дѣломъ нетолько непріятнымъ, но и труднымъ. Сочувствіе, которымъ пользовался въ русскомъ обществѣ Суворовъ, заранѣе окрашивало его опальную судьбу въ цвѣтъ мученичества, а роли его надсмотрщиковъ придавало значеніе крайне незавидное; личный же характеръ Суворова грозилъ имъ большими неудобствами въ положеніи, которое теперь создавалось. Все это понималъ боровицкій городничій, премієръ-майоръ Вындомскій, но отказаться отъ порученія не могъ, при тогдашнихъ правительственныхъ принципахъ и понятіяхъ. Ему было дано повелѣніе: «имѣть за Суворовымъ бдительный надзоръ и смотрѣть, чтобы онъ никуда не отлучался». Донесеній Вындомскаго за первые два мѣсяца, пока новгородскимъ губернаторомъ былъ Архаровъ, не сохранилось (или не найдено); но надо полагать, что онъ былъ человѣкъ гибкій и ловкій, потому что съумѣлъ удержаться въ хорошихъ съ Суворовымъ отношеніяхъ, даже больше, ибо Суворовъ писалъ Хвостову: «иногда мнѣ больше себя жаль честнаго человѣка, здѣшняго городничаго Алексѣя Львовича Вындомскаго, при мнѣ страждущаго». Обстоятельныя свѣдѣнія о Суворовѣ начинаются съ половины іюля; но прежде, чѣмъ къ нимъ перейти, необходимо вернуться нѣсколько назадъ и ознакомиться со всѣмъ, что произошло въ Кобринѣ послѣ Суворовскаго отъѣзда.

Всѣ офицеры, пріѣхавшіе по приглашенію Суворова въ Ко-

бринъ, остались тамъ и по его отъѣздѣ; къ нимъ присоединилось въ разное время еще нѣсколько другихъ. Мая 20 пріѣхалъ Николевъ, арестовалъ ихъ всѣхъ и отвезъ въ Кіевъ, гдѣ они и были посажены въ крѣпость. Кіевскій военный губернаторъ графъ П. Салтыковъ допросилъ ихъ и донесъ, что они никакихъ особыхъ замысловъ и намѣреній при выходѣ въ отставку и при отъѣздѣ въ Кобринъ не имѣли; что они были соблазнены обѣщаніями и обнадеживаніями Суворова—жить на свободѣ и владѣть деревнями. Отвѣтомъ Государя было повелѣніе: Салтыкову: поступить съ арестованными по своему усмотрѣнію. Салтыковъ распустилъ ихъ по домамъ, кромѣ капитана Капустянскаго, арестованнаго при полку и полковника Борщова, высланнаго въ свой полкъ, въ Омскъ. Съ прочихъ взята подписка, что они безъ вѣдома губернатора не будутъ никуда отлучаться изъ мѣстъ жительства и по первому зову обязуются явиться куда будетъ приказано. Изъ нихъ майоръ Антингъ поѣхалъ въ Петербургъ къ своему семейству, а майоръ Грессеръ и ротмистръ князь Четвертинскій просились вновь на службу. Отвѣтомъ на это донесеніе послужило высочайшее повелѣніе отъ 5 августа, объ исключеніи изъ службы Антинга, Грессера и князя Четвертинскаго и о томъ, чтобы мѣстное гражданское начальство имѣло наблюденіе за сношеніями Борщова и Капустянскаго. Отъ того же числа послѣдовало повелѣніе петербургскому коменданту—имѣть за Антингомъ всегдашнее наблюденіе, а новгородскому губернатору Митусову написано собственноручно: «Имѣйте смотрѣніе, чтобы исключенные изъ службы майоры Антингъ, Грессеръ и ротмистръ князь Четвертинскій, и подобные имъ свиты Суворова, не имѣли никакого сношенія и свиданія съ живущимъ въ новгородской губерніи бывшимъ фельдмаршаломъ графомъ Суворовымъ.

Кромѣ этихъ лицъ и Корицкаго, остальные вернулись въ Кобринъ послѣ 2-мѣсячнаго отсутствія и поселились по прежнему въ помѣщичьемъ домѣ; Корицкій же проѣхалъ въ свою полтавскую деревню, чтобы «опамятоваться и придти въ себя». Такъ кончилась вторая часть кобринскаго эпизода и началась третья, совсѣмъ иного характера, продолжавшаяся до смерти и даже послѣ смерти Суворова.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ пріѣхали къ Суворову дорогіе гости — сынъ, дочь и внукъ. Суворовъ послалъ въ Петербургъ письмо съ нарочнымъ (значитъ присмотръ Вындомскаго былъ тогда не очень еще бдителенъ), за разными порученіями, въ томъ числѣ и къ дочери. Она находилась въ Петербургѣ одна, безъ мужа, который по требованіямъ службы проживалъ почти безотлучно въ Павловскѣ. Вѣсть о ссылкѣ отца поразила ее, и она тотчасъ же рѣшила къ нему съѣздить. Возможность посѣтить отца представилась ей однако не скоро: требовалось разрѣшеніе Государя, а для полученія его—удобный моментъ; можетъ были и другія препятствія. Приблизительно черезъ мѣсяцъ, графиня Зубова однако уже была въ с. Кончанскомъ, вмѣстѣ съ братомъ, сыномъ, родственницей Евпраксіей Раевской, воспитателемъ брата— майоромъ Сіономъ и его женой. Кончанское помѣщеніе, и для одного Суворова сносное съ горемъ пополамъ, для такого числа гостей было изъ рукъ вонъ плохо, тѣсно и неудобно. Суворовъ поѣхалъ за 45 верстъ въ свою деревню Каменку, лично осмотрѣть тамошній домъ—не будетъ ли лучше; домъ оказался еще хуже, пришлось оставаться въ Кончанскѣ. Здѣсь провелъ онъ слишкомъ два мѣсяца въ своей семьѣ, и это время много усладило горечь его положенія. «Графа Николая Александровича обнимаю», писалъ онъ Хвостову, «какъ руки и ноги графа Александра Николаевича (внука) и наслаждаюсь съ его любезною Наташей. Провидѣнію я преданъ, служу небесному Богу и вѣренъ богу земному».

Донесенія о Суворовѣ составлялись и отправлялись отъ Вындомскаго къ Митусову еженедѣльно, а затѣмъ представлялись къ генералъ-прокурору Куракину. Изъ нихъ видно, что Суворовъ постоянно жаловался на дурное состояніе здоровья и что его заботило впереди зимнее и даже осеннее время, такъ какъ жить въ Кончанскомъ домѣ, въ холодъ или ненастье, рѣшительно было нельзя. Онъ рѣшилъ переѣхать за 45 верстъ, въ село Ровное, къ свойственницѣ своей, Ольгѣ Александровнѣ Жеребцовой (рожденной Зубовой). Можно ли ему это дозволить? Майора Сіона онъ отправилъ въ Кобринъ за бриліантами и другими вещами, которые хочетъ хранить здѣсь, въ нашемъ лѣсистомъ, малолюдномъ краѣ, а ихъ будетъ слишкомъ на 300,000

рублей. Можно ли ему это разрѣшить? Пріѣзжали евреи для разсчетовъ по поставкѣ изъ кобринскихъ деревень провіанта въ казну, но до него не были допущены. Прочитавъ это донесеніе, Государь приказалъ: въ Ровное Суворову переселиться можно, хранить при себѣ бриліянты тоже, но подтверждается строгое наблюденіе за его поведеніемъ и образомъ жизни.

Вындомскій доноситъ, что Суворовъ ѣздилъ въ Каменку осматривать домъ и вернулся черезъ два дня, заѣхавъ на обратномъ пути къ помѣщицѣ Мякининой. Черезъ нѣсколько дней онъ снова выѣхалъ къ сосѣдкѣ Лупандиной, за 7 верстъ, отобѣдалъ тамъ и вернулся домой въ тотъ же день. Митусовъ спрашиваетъ генералъ-прокурора, — можно ли Суворову такъ разъѣзжать? Повелѣно: запретить.

Митусовъ доноситъ, что пріѣхалъ изъ Кобрина ротмистръ Павловскій, требовалъ свиданія съ Суворовымъ и говорилъ, что многіе еще пріѣдутъ. Ему было отказано и велѣно ѣхать въ Петербургъ, подъ присмотромъ нарочнаго. Павловскій заупрямился и ѣхать подъ присмотромъ не захотѣлъ, развѣ-де свяжете. Вындомскій его арестовалъ и отправилъ со всѣми найденными при немъ бумагами. Повелѣно: по допросѣ Павловскаго въ тайной экспедиціи, выпустить съ обязательствомъ никому не говорить, гдѣ содержался и о чемъ спрашиванъ.—Перехвачено нѣсколько писемъ; но въ нихъ нѣтъ ничего важнаго. Приказано: стараться перехватывать всѣ письма, но переписки графини Зубовой и ея людей не свидѣтельствовать. Донесено, что Евпраксію Раевскую Суворовъ хочетъ выдать за боровицкаго помѣщика Румянцева, съ назначеніемъ ей въ приданое 100 душъ, но на условіи, чтобы супруги жили у Суворова въ домѣ. Повелѣно: разрѣшить.

Вындомскій очень тяготился своею ролью въ этомъ дѣлѣ и просилъ Митусова объ увольненіи, приводя въ резонъ возможность захворать и оставить Суворова безъ надзора. Въ Петербургѣ согласились и вмѣсто Вындомскаго былъ назначенъ надворный совѣтникъ Феофилактъ Долгово-Сабуровъ, боровицкій помѣщикъ, находившійся въ отставкѣ. Выборъ этотъ сдѣланъ между прочимъ потому, что Долгово-Сабуровъ «можетъ бывать у Суворова часто, не возбуждая подозрѣній». Но Долгово-Сабу-

ровъ отказался, потому что боленъ чахоткой и еле живъ. Митусовъ донесъ, что это правда; назначили Николева.

Юрій Алексѣевичъ Николевъ, по прослуженіи 15 лѣтъ вышелъ въ отставку, какъ онъ говоритъ «не получа ни малѣйшаго вознагражденія», и проживалъ въ своемъ имѣніи (160 душъ), которое находилось подъ секвестромъ по комиссаріату. Ю. Николевъ былъ въ описываемое время человѣкъ пожилой, имѣлъ двухъ сыновей на службѣ и двухъ дочерей. Онъ, если вѣрить его словамъ, порядочно бѣдствовалъ, проживая въ своемъ секвестрованномъ имѣніи, пока Архаровъ не «сжалился надъ нимъ», отрекомендовавъ его для арестованія Суворова. Исполнивъ это порученіе и затѣмъ арестовавъ и сдавъ въ Кіевѣ офицеровъ, Николевъ вернулся къ себѣ въ деревню, но 16 сентября получилъ новое повелѣніе—явиться для присмотра за Суворовымъ въ село Кончанское. Николевъ поѣхалъ немедленно и 20 числа былъ уже въ Кончанскѣ.

Сюда вскорѣ выслана ему была инструкція, которою предписывалось наблюдать за поведеніемъ и образомъ жизни Суворова и еженедѣльно доносить генералъ-прокурору во всей подробности. Сколько возможно скрывать отъ всѣхъ возложенное на него порученіе, дѣлая видъ, что пріѣхалъ туда и проживаетъ тамъ по своимъ дѣламъ,—торговымъ, судебнымъ или инымъ. Освѣдомляться, отъ кого будутъ къ Суворову посѣщенія, съ какимъ намѣреніемъ; чѣмъ онъ съ посѣтителями или одинъ будетъ заниматься или съ кѣмъ пересылаться; въ послѣднемъ случаѣ—что станетъ посылать, кому, куда и зачѣмъ. Лицамъ его бывшей свиты, нынѣ исключеннымъ изъ службы, не дозволять съ нимъ, Суворовымъ, имѣть ни свиданій, ни сношеній, кромѣ одного майора Сіона. Наблюдать за корреспонденціей, разузнавая, что̀ Суворовъ пишетъ, кому и черезъ кого; особенно слѣдить «какими бы то путями ни было» за адресуемыми ему письмами. Съ этою цѣлью приказано боровицкому почтмейстеру всѣ письма пересылать черезъ Вындомскаго къ нему, Николеву, а земскому исправнику велѣно, въ случаѣ отлучки Николева изъ уѣзда, наблюдать и извѣщать его чрезъ Вындомскаго о письмахъ, получаемыхъ или отправляемыхъ съ нарочными, также о «посѣщеніяхъ и упражненіяхъ» Суворова; для

чего ему, Николеву, рекомендуется повидаться съ исправникомъ и переговорить съ нимъ. До переписки дочери, графини Зубовой, или ея близкихъ, не касаться; сохранять къ Суворову должное почтеніе, не давать поводъ ни ему, ни домашнимъ къ неудовольствію, «оказывать ласку и доброхотство». Если бы Суворовъ вздумалъ куда-либо въ гости ѣхать, то представлять ему учтиво, что по теперешнему его положенію, онъ не можетъ этого дѣлать; если же не послушается, то объявить ему высочайшее повелѣніе, отказать на-отрѣзъ и донести генералъ-прокурору.

Какъ только появился Николевъ, дочь Суворова и другія лица, съ нею пріѣхавшія, собрались домой и выѣхали на другой день. Можетъ быть это совпаденіе случайное, такъ какъ становилось холодно, и въ ветхомъ домѣ нельзя уже было жить, не рискуя здоровьемъ. Только едва ли это можно признать случаемъ, ибо присутствіе Николева было достаточнымъ симптомомъ всяческихъ непріятностей и стѣсненій, такъ что Суворовъ въ самый день его прибытія рѣшился написать Государю слѣдующее. «Ваше Императорское Величество съ высокоторжественнымъ днемъ рожденія всеподданнѣйше поздравляю. Сего числа пріѣхалъ ко мнѣ коллежскій совѣтникъ Николевъ. Великій монархъ, сжальтесь, умилосердитесь надъ бѣднымъ старикомъ; простите, если въ чемъ согрѣшилъ». По докладѣ этого письма, Государь повелѣлъ: «оставить безъ отвѣта».

Вслѣдъ за выѣздомъ своихъ гостей, Суворовъ покинулъ кончанскій домъ тотчасъ же и переселился въ избу, на краю деревни, за неимѣніемъ другого помѣщенія, ибо новый домъ хотя строился, но не былъ еще готовъ. Въ ожиданіи близкаго отъѣзда дочери, Суворовъ былъ очень печаленъ, а по ея отъѣздѣ много плакалъ. Въ такомъ настроеніи онъ встрѣтился первый разъ съ Николевымъ и спросилъ его: «откуда пріѣхалъ?» — Заѣхалъ по дорогѣ въ Тихвинъ»,—отвѣчалъ Николевъ, понимавшій свою роль, хотя инструкція не была еще тогда получена. «Я слышалъ, что ты пожалованъ (за Кобринъ) чиномъ», продолжалъ улыбаясь Суворовъ: «правда, и служба большая; выслужилъ, выслужилъ; продолжай такъ поступать, еще наградятъ». Николевъ отвѣчалъ, что «исполнять монаршую волю

есть первѣйшій долгъ вѣрноподданнаго». Суворовъ замѣтилъ: «я бы этого не сдѣлалъ, а сказался бы больнымъ». Николевъ выразилъ удивленіе по поводу такого взгляда на службу; Суворовъ замолчалъ, а потомъ, по словамъ Николевскаго донесенія, сдѣлался гораздо снисходительнѣе и ласковѣе.

Изъ этого донесенія видна домашняя жизнь Суворова. Онъ вставалъ за 2 часа до свѣта, пилъ чай, обливался водою, на разсвѣтѣ шелъ въ церковь, гдѣ стоялъ заутреню и обѣдню, причемъ самъ читалъ и пѣлъ. Обѣдъ подавался въ 7 часовъ, послѣ обѣда Суворовъ спалъ, потомъ обмывался, въ свое время шелъ къ вечернѣ, послѣ того обмывался раза три и ложился спать. Скоромнаго онъ не ѣлъ, былъ весь день одинъ и разговаривалъ лишь со своими людьми, нѣсколькими отставными солдатами. Носилъ онъ обыкновенно канифасный камзольчикъ, одна нога въ сапогѣ, другая (раненая) въ туфлѣ; по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ надѣвалъ егерскую куртку и каску; въ высокоторжественные дни куртку замѣнялъ фельдмаршальскимъ мундиромъ безъ шитья, но съ орденами. Свой простой ежедневный костюмъ Суворовъ впрочемъ еще упрощалъ до минимума: ходилъ безъ рубашки, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, какъ дѣлывалъ обыкновенно въ лагерное время. Онъ жаловался на нездоровье, на параличные симптомы въ разныхъ частяхъ тѣла; но Николевъ доносилъ, что ничего подобнаго не замѣтилъ, что вообще здоровье Суворова, если взять въ разсчетъ его годы, находилось въ состояніи удовлетворительномъ. Предшествовавшія донесенія Вындомскаго не совсѣмъ съ этимъ согласны, и въ письмахъ своихъ къ Хвостову Суворовъ неоднократно упоминаетъ о своихъ недугахъ.

Кончая свое первое донесеніе, Николевъ говоритъ, что присмотръ за Суворовымъ оказывается въ дѣйствительности невозможнымъ; изба, занимаемая Суворовымъ, удалена отъ села, невдалекѣ отъ нея находится лишь церковь; приставнику нѣтъ помѣщенія, откуда можно было бы наблюдать. Нѣтъ и путей для наблюденія: Суворовъ постоянно окруженъ своими людьми, ближайшіе къ нему—камердинеръ и два отставныхъ солдата—люди «непокорливые и нетрезвые». Хотя ему, Николеву, предоставлено въ распоряженіе 1.000 дукатъ Карелъ (та мѣстность

населена Карелами), но изъ нихъ мало кто, да и то плохо, разумѣетъ по-русски; нельзя усмотрѣть за отправкою и полученіемъ писемъ, а по неимѣнію военной команды, не съ кѣмъ отсылать донесенія. Въ силу такихъ обстоятельствъ Николевъ проситъ снабдить его дополнительнымъ повелѣніемъ, или вызвать для личныхъ объясненій. Повелѣно: надзирать непримѣтнымъ образомъ, а потому нѣтъ нужды ни въ новыхъ наставленіяхъ, ни въ новыхъ средствахъ.

Два послѣдующія донесенія Николева не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго: онъ проситъ назначить въ его распоряженіе нѣсколько солдатъ (вѣроятно для разсыльной службы); Митусовъ присылаетъ двухъ; у Суворова прибавилось новое препровожденіе времени — по утрамъ и послѣ обѣда поетъ духовные концерты; разсердившись на Николева за то, что тотъ назвалъ его *вы*, вмѣсто *ваше сіятельство*, онъ однако сдѣлался съ нимъ опять ласковъ. Перехвачены письма; одно отъ баронессы Карничай, изъ Пешта: проситъ Суворова быть воспреемникомъ сына Александра; другое—отъ г-жи фонъ-Тилленъ, изъ Силезіи: проситъ о томъ же—для младенца, котораго она должна родить чрезъ два мѣсяца. Приказано: письма отдать по принадлежности.—Баронъ Карачай, боевой товарищъ и пріятель Суворова, пишетъ ему изъ Венгріи, спрашивая о состояніи здоровья. Повелѣно: письмо не отдавать и вообще переписку Суворова съ Карачаемъ прекратить.

Дальнѣйшія донесенія Николева вращаются въ тѣхъ же границахъ и резолюціи изъ Петербурга въ томъ же родѣ. Отправленнаго Суворовымъ въ Петербургъ камердинера Прохора приказано допросить; оказалось, что онъ былъ посланъ къ графу Н. Зубову для ускоренія платежей по казеннымъ взысканіямъ (о нихъ говорится ниже). Печаль его по уѣхавшей дочери перешла въ хроническое грустное настроеніе, вслѣдствіе неполученія никакихъ отъ графини Зубовой извѣстій; но превратилась въ сильнѣйшую радость, когда пришло отъ нея письмо. Потомъ, какъ можно догадываться, наступили дни томительной скуки; недовольство настоящимъ обострилось и перешло въ раздражительное состояніе, которое выросло съ наступленіемъ святокъ, потому что Суворовъ привыкъ всегда проводить праздники въ

разныхъ забавахъ. Николевъ доноситъ въ концѣ декабря, что Суворовъ становится все сердитѣе; не проходитъ дня, чтобы онъ не побилъ кого-нибудь изъ людей; даже 25 числа за обѣдней далъ Прошкѣ пощечину.

Тяжело было положеніе Суворова, но описанными данными далеко не исчерпывается итогъ непріятностей, которыя ему приходилось выносить. Нежданно-негаданно на него обрушилась цѣлая масса казенныхъ взысканій и нѣсколько частныхъ претензій, а въ Кобринѣ установилась неурядица, перешедшая наконецъ въ безцеремонное грабительство.

Пока Суворовъ былъ въ чести, славѣ и силѣ, все молчало; народилось и появилось на дневной свѣтъ только дѣло Вронскаго, но оно было направлено не противъ него лично, и доносчикъ выгораживалъ его особу всяческими оговорками. А едва собралась гроза и грянулъ громъ, свергнувшій побѣдоноснаго полководца съ высоты его положенія въ безпомощное состояніе опальнаго, стали возникать разныя темныя дѣла, появляться жалобы за прежнее время, нарождаться иски.

Первый открылъ этого рода кампанію майоръ Чернозубовъ. Какъ только Суворовъ отправленъ былъ въ ссылку, Чернозубовъ заявилъ претензію въ томъ, что остается по настоящее время не удовлетвореннымъ за употребленные имъ съ 16 октября 1795 по январь 1796 года на фуражъ 8,021 руб., которые онъ, находясь въ Польшѣ, израсходовалъ по словесному приказанію Суворова, за неимѣніемъ тогда прямого на этотъ расходъ источника. А такъ какъ, по сдѣланной справкѣ, Суворову уже была отпущена въ то время сумма на продовольствіе войскъ, то 6 мая повелѣно: взыскать съ него 8,021 руб.

Суворовъ былъ очень удивленъ, получивъ первое объ этомъ извѣстіе и, не зная подробностей, тотчасъ же выслалъ Хвостову вѣрющее письмо на заемъ 10.000 рублей подъ залогъ 250 душъ. Потомъ, сообразивъ обстоятельства, онъ сталъ приводить въ свое оправданіе, что удовлетвореніе Чернозубова относится до провіантскаго вѣдомства, имѣющаго на все свои законы и правила, которые главнокомандующій измѣнить не въ силахъ; что словесныя приказанія о деньгахъ не исполняются; что на него наложено взысканіе безъ разсмотрѣнія документовъ

и счетныхъ книгъ штаба и даже не былъ сдѣланъ предварительный запросъ по заявленной претензіи. Все это однако не привело ни къ чему, и Суворову оставалось только платить. Хвостовъ просилъ Митусова обождать взысканіемъ, пока деньги не будутъ собраны, но въ октябрѣ послѣдовало изъ военной коллегіи вторичное, строжайшее требованіе, такъ что приходилось налагать секвестръ на часть боровицкаго имѣнія. Хвостовъ сбился кое-какъ съ деньгами и заплатилъ.

Въ октябрѣ заявлена новая жалоба, и по ней повелѣно: деньги, употребленныя умершимъ полковникомъ Шиллингомъ, по словесному приказанію Суворова, на продовольствіе полка,— взыскать съ Суворова. Нѣсколько позже приказано дополнительно: деньги, израсходованныя въ томъ же Низовскомъ мушкетерскомъ полку изъ офицерскихъ и церковныхъ суммъ на туже потребность, — взыскать съ него же, что составляло въ итогѣ 4,232 рубля.

Въ декабрѣ состоялось высочайшее повелѣніе о новомъ взысканіи. Въ послѣднюю войну войска Суворова проходили чрезъ гор. Брестъ-Литовскій; здѣсь былъ сложенъ въ сараѣ поташъ, а въ плотахъ на р. Бугѣ находился корабельный лѣсъ, — то и другое сплавлялось къ Данцигу. Суворовъ приказалъ приставить къ амбару и плотамъ караулъ и велѣлъ потомъ бригадиру Дивову эту военную добычу продать. Купилъ одинъ еврей и получилъ отъ Дивова удостовѣреніе на бумагѣ въ томъ, что лѣсъ и поташъ дѣйствительно ему проданы, а деньги за нихъ получены. Цифра полученныхъ денегъ не была въ роспискѣ обозначена, и такимъ образомъ продажная цѣна осталась неизвѣстной; вѣроятно она была ниже 700 червонцевъ, потому что еврей вскорѣ перепродалъ лѣсъ и поташъ другому, взявъ съ него именно эту сумму. Въ іюнѣ 1797 года бывшій литовскій подстолій, графъ Ворцель, подалъ прошеніе, объясняя, что лѣсъ и поташъ принадлежали ему, стоили 5628 червонцевъ, а потому просилъ взыскать понесенный имъ убытокъ съ Суворова, какъ главнокомандующаго. Прошеніе свое онъ написалъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ и цифру претензіи не подкрѣпилъ ничѣмъ. Не спросивъ даже бригадира Дивова, на которомъ вращалось все дѣло, приказано взыскать съ Суворова

5628 червонцевъ (по тогдашнему курсу около 28.000 рублей бумажныхъ), опять безъ предварительнаго его спроса о справедливости принесенной на него жалобы.

Суворовъ указывалъ на корыстолюбивое побужденіе просителя, на то, что жалоба принесена черезъ 2½ года не безъ причины, что главнокомандующій не можетъ быть отвѣтственнымъ лицомъ за каждаго изъ своихъ подчиненныхъ, что истина не разъяснена производившимся дознаніемъ, что разница между 5628 и 700 червонцами слишкомъ разительна, что если Ворцель и справедливо показывалъ бы, то все-таки привлеченіе виновнаго къ дѣлу можетъ имѣть мѣсто по отношенію къ Дивову, а не къ нему, Суворову. Но это не произвело никакого дѣйствія, и на кобринское имѣніе былъ наложенъ секвестръ.

Апетитъ хищниковъ на чужое добро разгорался, и въ январѣ 1798 года бывшихъ польскихъ войскъ майоръ Выгановскій подалъ прошеніе о взысканіи съ Суворова 36.000 рублей за опустошеніе и истребленіе во время послѣдней войны его имѣнія. Польскій генералъ Сѣраковскій, ретируясь чрезъ Крупчицы, навлекъ на мѣстечко и на стоявшій за нимъ домъ Выгановскаго огонь русской артиллеріи; отъ гранатъ пострадало мѣстечко и сгорѣлъ домъ. Уже этого краткаго изложенія достаточно, чтобы убѣдиться въ нелѣпости иска Выгановскаго. «Я не зажигатель и не разбойникъ», говоритъ Суворовъ и ставитъ вопросъ прямо: «война или миръ?» И дѣйствительно, отъ наложенія на него взысканія удержались, но жалоба Выгановскаго нелѣпою все-таки не признана, и кобринскому суду приказано произвести разслѣдованіе. Оказалось между прочимъ, что нетолько крупчицкій домъ, но и все имѣніе Выгановскаго, тронутое войной и не тронутое, не стоитъ 36.000 рублей; что за годъ до революціи оно было заложено владѣльцемъ въ 6.000 червонцевъ; что домъ былъ деревянный, ветхій и стоялъ совершенно пустой, безъ всякой мебели. Разслѣдованіе продолжалось около года, если не больше, и ко взысканію съ Суворова не привело; но Суворовъ считалъ его возможнымъ и, убѣдившись въ своемъ безсиліи противу этого потока непріятностей и огорченій, махнулъ рукой. «Въ несчастномъ случаѣ—бриліанты», пишетъ онъ: «я ихъ заслужилъ; Богъ далъ, Богъ и возьметъ и опять дать можетъ».

Только этотъ облегчающій доводъ ему и оставался. Всѣ взысканія были безапеляціонныя, и лишь въ концѣ 1798 года, когда было уже поздно, Суворовъ получилъ возможность подать въ первый разъ голосъ въ защиту своей чести и собственности. Опроверженія же, приведенныя выше, онъ излагалъ въ частной перепискѣ, да и то подъ зоркимъ взглядомъ надсмотрщиковъ, перехватывавшихъ кореспонденцію; такимъ образомъ, она и въ счастливомъ случаѣ къ практическому результату не приводила, а служила лишь нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ смыслѣ раздѣленнаго съ кѣмъ-нибудь огорченія.

Кромѣ описанныхъ офиціальныхъ вымогательствъ, Суворовъ сдѣлался предметомъ нападеній въ томъ же отношеніи и съ другихъ сторонъ. Какой-то купецъ пишетъ ему въ концѣ мая изъ Москвы, что 1½ года назадъ сторговали его домъ Суворовскимъ именемъ комиссіонеры, но задатка не дали, а между тѣмъ онъ, владѣлецъ, уничтожилъ ситцевую въ домѣ фабрику, не пускаетъ жильцовъ и вообще несетъ большіе убытки. Суворовъ послалъ письмо это къ Хвостову, съ надписью: «Дмитрій Ивановичъ, я дома держусь, считалъ что тó и кончено; исправьте, а потомъ хоть три сѣрыхъ камня Оссіановыхъ». Въ октябрѣ прибылъ къ нему нарочный отъ давно-забытой жены, съ письмомъ. Варвара Ивановна, разставшись окончательно съ мужемъ въ 1784 году, перешла на жительство къ отцу, у котораго и проживала до его смерти около двухъ лѣтъ (мать ея умерла раньше), а потомъ переселилась къ брату, генералъ-майору, несмотря на его запутанныя обстоятельства. Признавъ опалу мужа самымъ удобнымъ временемъ для улучшенія своего бѣдственнаго положенія, Варвара Ивановна въ письмѣ своемъ къ мужу пишетъ, что крайность вынуждаетъ ее сдѣлать этотъ шагъ; что она въ бѣдности, живетъ у брата, который весь въ долгу и продаетъ теперь свой домъ, такъ что ей придется скитаться по чужимъ угламъ. «Тринадцать лѣтъ васъ (пишетъ ему то *ты*, то *вы*) не безпокоила», продолжаетъ она: «воспитывала нашего сына въ страхѣ Божіемъ, внушала почтеніе, повиновеніе, послушаніе, привязанность и всѣ сердечныя чувства къ родителямъ, надѣясь, что Богъ приклонитъ и ваше къ добру расположенное сердце къ вашему рожденію; что вы, видя дѣтей ва-

нихъ, вспомните и про ихъ несчастную мать». Объясняя дальше, что «въ разные годы получала разную малую пенсію» и вошла въ долги, которые нынѣ простираются до 22.000 рублей, она кончаетъ письмо словами: «развяжите душу мою, прикажите дочери нашей меня, несчастную мать, знать, какъ Богомъ узаконено». Письмо написано складно; очевидно, составляла его не Варвара Ивановна; о пенсіи сказано несовсѣмъ вѣрно, потому что съ начала разлуки Суворова съ женой, Варварѣ Ивановнѣ выдавалось ежегодно по 1200 р., а потомъ по 3000; эту послѣднюю сумму она получала и въ послѣднее время. О ненормальныхъ отношеніяхъ графини Зубовой къ ея матери написано вѣрно, можно было бы почти тоже сказать о сынѣ [33]). Но Варвара Ивановна была уже своему мужу настолько чужая, и онъ относился къ ней съ такимъ отсутствіемъ нетолько сердечнаго, но и разсудочнаго участія, что въ настоящемъ нисколько не смягчился и остался къ ней совершенно холоденъ. Онъ даже отправилъ посланнаго, не видавъ его и приказавъ передать женѣ, что самъ много долженъ, а потому помочь ей теперь не въ состояніи, но въ будущемъ постарается. Вскорѣ послѣ того онъ написалъ Хвостову: «я вѣдаю, что графиня Варвара Ивановна много должна, но мнѣ сіе постороннее».

Такъ думалъ или хотѣлъ думать Суворовъ, но не такъ вышло. Николевъ донесъ Куракину о просьбѣ Варвары Ивановны и объ отвѣтѣ Суворова; повелѣно: сообщить графинѣ Суворовой, что можетъ обратиться къ генералъ-прокурору. Варвара Ивановна вошла въ переписку съ Куракинымъ. «Угнетена будучи должайшее время отъ несчастнаго своего положенія крайнимъ недостаткомъ», она прилагаетъ копію съ письма своего къ мужу, оставленнаго безъ письменнаго отвѣта, и проситъ домъ для жительства, 8.000 руб. въ годъ содержанія и уплату 22.000 р. долгу. Она возлагаетъ все свое упованіе на высочайшее благоволеніе, признавая его «единственнымъ закономъ, который можетъ ее извлечь изъ настоящаго бѣдственнаго положенія». Потребована отъ Хвостова справка о размѣрѣ состоянія Суворова и количествѣ дохода и затѣмъ повелѣно: назначить Варварѣ Ивановнѣ домъ для жительства и ежегодное денежное содержаніе въ 8.000 рублей, о чемъ и сообщено какъ Суворову, такъ

и его женѣ, а объ уплатѣ долга предоставлено ей просить установленнымъ законнымъ путемъ.

Если все сосчитать, то итогъ покажетъ, что жалобы, иски и претензіи на Суворова превысили цифру 100.000 рублей, а по современному свидѣтельству Хвостова, не совсѣмъ впрочемъ вѣрному, годовой его доходъ простирался только до 50,000 р. Но главный матеріальный ущербъ, нанесенный Суворову въ это несчастливое для него время, шелъ изъ Кобрина. Офицеры болтались тамъ безъ дѣла, живя на счетъ Суворова, или же, завладѣвъ участками, вели хищническое хозяйство. Къ нимъ прибавилось нѣсколько новыхъ лицъ; какъ они сюда попали и пристроились къ дѣлу, остается темнымъ. Легкій способъ получить даромъ хоть небольшое, но обезпеченное состояніе, послужилъ соблазнительнымъ примѣромъ для другихъ, и Суворовъ былъ засыпанъ прошеніями о надѣлѣ, даже просто о пособіи. Нѣкоторые бомбардировали его, даже Прохора, о перемѣнѣ ихъ участковъ на другіе, лучшіе. Между ними исторіографъ Суворова, Антингъ, писалъ къ нему, къ Вындомскому, къ Хвостову, что онъ обиженъ, что во все время ревностной своей службы Суворову, ничѣмъ не одаренъ. Между тѣмъ въ сохранившейся перепискѣ Суворова можно насчитать 5 или 6 разъ, когда Антингу приказано выдать отъ 500 до 1000 рублей. Красовскій высматриваетъ и лавируетъ; получивъ 434 души въ пожизненное владѣніе и закрѣпивъ ихъ за собою надлежащимъ образомъ, онъ, какъ разсказывали злые языки, добился 2000 р. дохода съ помощью Прохора, пообѣщавъ ему благодарность въ нѣсколько тысячъ рублей, но не сдержалъ слова.

Неустройство кобринскихъ дѣлъ проглядываетъ чуть не въ каждой строкѣ писемъ, оттуда посылаемыхъ къ Суворову, Зубову, Хвостову, Вындомскому, Прохору и поддерживается самимъ Суворовымъ, помимо его воли. Получивъ первыя извѣстія о тамошнихъ безпорядкахъ, онъ проситъ Хвостова послать туда довѣренное лицо, съ полномочіями для управленія имѣніемъ, а потомъ, черезъ мѣсяцъ, посылаетъ отъ себя другого. Налетѣвшіе со всѣхъ сторонъ на добро Суворова, какъ вороны на неподвижное тѣло, отставные офицеры и шляхтичи стараются урвать что можно, ссорятся, сплетничаютъ другъ на друга, посылаютъ

Суворову, Хвостову, Зубову предостереженія и доносы. Корицкому, Сіону и Красовскому, т.-е. бывшему, настоящему и будущему главноуправляющимъ, достается больше всѣхъ, и сколько можно разобраться въ этой массѣ писемъ и путаницѣ дѣлъ, значительною долею не напрасно. Сгораетъ строевой лѣсъ, по 1.000 руб. десятина, дававшій 3.000 рублей годового дохода; подожженъ онъ для того, чтобы было больше валежника и подешевѣли дрова на продажу. Хлѣбъ проданъ по хорошей цѣнѣ, а въ отчетахъ цѣна значится низкая. Сіонъ угощаетъ безпрестанно окрестное шляхетство; однажды у него обѣдало 130 человѣкъ и ужинало болѣе 60. У Красовскаго ежедневные столы, музыка, охота въ лѣсахъ Суворова. Уѣзжая изъ Кобрина, Сіонъ оставилъ по себѣ 500 руб. долгу и совершенно пустымъ погребъ Суворова.

Все это (а если не все, то многое) доходило до Суворова разными путями, возбуждало въ немъ безпокойство и заставляло искать выхода изъ такого положенія. Выходъ найти было трудно; самое прямое средство—личное присутствіе въ Кобринѣ—было невозможно; да и другіе способы почти не существовали: переписка перехватывалась и если возвращалась, то поздно; личные переговоры съ немногими лицами дозволялись только временами, а съ прочими запрещались безусловно. Положеніе создалось по истинѣ безвыходное, и на перемѣну къ лучшему не представлялось надежды. Суворовъ, вышедшій въ отставку съ разсчетомъ хозяйничать въ Кобринѣ, сталъ убѣждаться, что привлеченіе туда офицеровъ, съ надѣломъ ихъ деревнями, представляется теперь капитальнымъ зломъ, мѣрою, достигающею цѣли какъ разъ противуположной той, которая имъ руководила при оставленіи службы. Извѣстія изъ Кобрина поддерживали такой поворотъ его мыслей, а разговоръ съ Красовскимъ убѣдилъ его въ томъ совершенно. Плутоватый шляхтичъ еще въ Кобринѣ уразумѣлъ Суворова до тонкости и рѣшился добиться полной его довѣренности. Теперь онъ указалъ Суворову средство избавиться отъ офицеровъ: раздѣлаться съ ними деньгами, для чего въ итогѣ требовалось, по его исчисленію, не больше 30.000 рублей. Суворову эта мысль понравилась и, соображая всѣ обстоятельства, въ ноябрѣ онъ остановился на такомъ рѣшеніи:

офицерамъ дать отступного по двумъ нормамъ — 40 и 20 руб. за душу, или около того. Тѣ, которые возвратятся на службу, или пожелаютъ оставить Кобринъ, получаютъ по 20 рублей; тѣ, которые останутся и обяжутся жить въ окрестностяхъ Кобрина до его, Суворова, смерти, получаютъ по 40 рублей. Но эти соображенія и разсчеты составлялись одною заинтересованною стороной, не спросившись другой, а потому почти ни къ чему путному не привели.

Тѣмъ временемъ жизнь Суворова текла своимъ чередомъ: однообразные и тоскливые дни смѣнялись одинъ другимъ, и не видно было просвѣта въ этой тьмѣ опальнаго прозябанія. По прежнему жилъ въ Кончанскѣ и Николевъ, наблюдая за своимъ узникомъ и посылая періодическія донесенія. Въ февралѣ 1798 года Суворовъ отпустилъ бывшихъ при немъ отставныхъ солдатъ; уединеніе его стало еще глуше и тоскливѣе. И вдругъ 14 февраля передъ Суворовымъ неожиданно предсталъ племянникъ его, подполковникъ князь Андрей Горчаковъ, флигель-адъютантъ Императора Павла, съ приглашеніемъ ѣхать въ Петербургъ.

Что побудило Государя обратить вниманіе на опальнаго фельдмаршала? Вопросъ, трудно разрѣшимый при характерѣ Павла Петровича; но въ числѣ причинъ, главною было намѣреніе—поставить Суворова въ необходимость, или хоть въ возможность повиниться предъ Государемъ и сдѣлать первый шагъ къ выходу изъ настоящаго положенія. Опала Суворова, человѣка съ громкимъ и популярнымъ именемъ, представляла большія неудобства. Поэтому февраля 12 князь Андрей Горчаковъ получилъ въ Петербургѣ такое высочайшее повелѣніе: «ѣхать вамъ, князь, къ графу Суворову; сказать ему отъ меня, что если было что отъ него мнѣ, я сего не помню; что можетъ онъ ѣхать сюда, гдѣ надѣюсь не будетъ повода подавать своимъ поведеніемъ къ наималѣйшему недоразумѣнію». Въ тотъ же день написано генералъ-прокурору: «дозволивъ графу Суворову пріѣхать въ Петербургъ, находимъ пребываніе Николева тамъ не нужнымъ». Горчаковъ тотчасъ же поскакалъ въ Кончанскъ и, пріѣхавъ туда, сообщилъ Николеву на словахъ приказаніе Куракина—возвратиться къ себѣ домой. Николевъ уѣхалъ не медля подъ Москву, въ свое имѣніе [34]).

Узнавъ отъ племянника о цѣли его пріѣзда, Суворовъ принялъ это извѣстіе равнодушно и отъ поѣздки въ Петербургъ отказался: мудрено ему было обманывать себя надеждами на счетъ соглашенія своихъ взглядовъ и требованій съ Государевыми. А причиною своего отказа онъ выставлялъ никуда негодное состояніе здоровья, вслѣдствіе полученныхъ въ деревнѣ 7 параличей, 70 подагръ и 700 горячекъ. Племянникъ принялся его убѣждать, справедливо представляя, что такое упорство можетъ вывести Государя изъ себя. Нельзя было съ этимъ не согласиться, и Суворовъ пришелъ къ убѣжденію, что ѣхать необходимо, только поставилъ условіемъ, что по старости и болѣзни отправится не иначе, какъ на долгихъ, проселочными дорогами. Горчаковъ пришелъ въ ужасъ, зная нетерпѣливый нравъ Государя, и сталъ уговаривать дядю ѣхать на почтовыхъ, такъ какъ путь требуетъ всего двухъ сутокъ времени. Но Суворовъ ничего не хотѣлъ слушать, и Горчаковъ помчался обратно въ Петербургъ, торопясь всѣми силами, такъ какъ былъ увѣренъ, что Государь его ждетъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Въ Петербургѣ и селѣ Кончанскомъ.

1798—1799.

Прискакавъ изъ села Кончанскаго въ Петербургъ, князь Горчаковъ тотчасъ же поѣхалъ во дворецъ и убѣдился, что Императоръ Павелъ дѣйствительно его ждалъ. Увидѣвъ Горчакова, Государь спросилъ: «а что, пріѣдетъ графъ?» Горчаковъ отвѣчалъ, что пріѣдетъ непремѣнно и приглашеніе Государя принялъ съ радостью, но по слабости здоровья скакать на почтовыхъ не можетъ, а принужденъ ѣхать на своихъ лошадяхъ и потому явится въ Петербургъ не такъ скоро. Государь потребовалъ опредѣлить время пріѣзда хоть приблизительно; Горчаковъ по своему соображенію назначилъ день.

Государь ждалъ съ нетерпѣніемъ, спрашивая Горчакова по временамъ о здоровьѣ Суворова, находится ли онъ въ дорогѣ и проч. Къ назначенному Горчаковымъ дню Суворовъ не поспѣлъ, а прибылъ только на завтра, вечеромъ. Горчаковъ въ туже минуту доложилъ объ этомъ Государю, который уже раздѣлся на ночь, но, надѣвъ шинель, вышелъ и сказалъ, что принялъ бы Суворова тотчасъ же, если бы не было такъ поздно, а потому будетъ ждать его завтра утромъ, въ 9 часовъ. Такъ какъ Суворовъ былъ отставленъ отъ службы безъ мундира, то Горчаковъ спросилъ, въ какой формѣ быть его дядѣ. Приказано— въ общей армейской формѣ. Суворовъ военнаго платья съ собою

не взялъ, а потому одѣлся въ мундиръ племянника, худощаваго 19-лѣтняго юноши, оказавшійся впору, и раньше 9 часовъ былъ уже во дворцѣ. Къ 9 часамъ вернулся Государь съ утренней прогулки и только что сошелъ съ коня, какъ спросилъ у Горчакова, ожидавшаго на подъѣздѣ, здѣсь ли его дядя; затѣмъ, пройдя въ пріемную, онъ взялъ Суворова за руку и ввелъ его въ кабинетъ. Тутъ они пробыли больше часа, затѣмъ Суворовъ вышелъ и поѣхалъ къ разводу, а вскорѣ послѣ него и Государь.

До сихъ поръ дѣло шло довольно гладко, хотя Суворовъ оставался прежнимъ Суворовымъ: ожидая Государя въ пріемной, онъ подшучивалъ надъ находившимися тамъ придворными, а съ гардеробмейстеромъ Кутайсовымъ, крещенымъ турченкомъ, будущимъ графомъ, заговорилъ по-турецки. Но впереди, на разводѣ, предстояла опасность, ибо тамъ было чувствительное мѣсто и Государя, и Суворова. Такъ и вышло. Желая сдѣлать Суворову пріятное, Государь производилъ батальону ученье не такъ, какъ обыкновенно, а водилъ его скорымъ шагомъ въ атаку, но Суворова это не подкупило. Онъ отворачивался отъ проходившихъ взводовъ, подсмѣивался и подшучивалъ надъ окружавшими, всячески выказывалъ свое умышленное невниманіе и безпрестанно подходилъ къ князю Горчакову, говоря: «нѣтъ, не могу болѣе, уѣду». Горчаковъ убѣждалъ его потерпѣть; внушалъ, что оставить разводъ, когда на немъ находится Государь, было бы въ высшей степени неприлично; но Суворовъ не принималъ никакихъ доводовъ. «Не могу, брюхо болитъ», сказалъ онъ племяннику и уѣхалъ.

Государь замѣтилъ продѣлки Суворова, но смолчалъ; вернувшись же во дворецъ, позвалъ Горчакова. Павелъ былъ замѣтно взволнованъ; вспоминалъ свой разговоръ съ Суворовымъ во всей подробности; говорилъ, что дѣлалъ ему разные намеки, съ цѣлью убѣдить его проситься снова на службу, но безъ всякаго успѣха. Суворовъ вспоминалъ про Измаилъ, длинно разсказывалъ штурмъ; Государь терпѣливо слушалъ и когда, вставивъ свое слово, наводилъ рѣчь на прежнюю тему, т.-е. что Суворовъ могъ бы оказать новыя заслуги, вступивъ на службу,— онъ кидался въ Прагу или въ другое мѣсто. Такъ прошелъ цѣлый часъ, потомъ странное поведеніе Суворова на разводѣ....

«Извольте, сударь, ѣхать къ вашему дядѣ», сказалъ въ заключеніе Государь: «спросите у него самого объясненіе его поступковъ и тотчасъ же привезите мнѣ отвѣтъ; до тѣхъ поръ я за столъ не сяду». Горчаковъ поскакалъ къ Хвостову, гдѣ остановился Суворовъ, торопясь исполнить порученіе, такъ какъ обѣденное время Государя было очень близко. Суворовъ, раздѣтый, лежалъ на диванѣ. Выслушавъ племянника, онъ отвѣчалъ раздражительно, что вступитъ на службу не иначе, какъ съ полною властью Екатерининскаго времени, съ правомъ награждать, производить въ чины до полковника, увольнять въ отпускъ и проч.; что онъ былъ инспекторомъ въ чинѣ подполковника, быть имъ снова не хочетъ и поѣдетъ лучше опять въ деревню. Горчаковъ возражалъ, что не можетъ передавать ничего подобнаго Государю; Суворовъ отвѣчалъ: «передавай, что хочешь, а я отъ своего не отступлюсь». Горчаковъ поѣхалъ во дворецъ и сказалъ Государю, что дядя его былъ слишкомъ смущенъ въ присутствіи Его Величества, не помнитъ хорошо, что говорилъ, крайне огорченъ своею неловкостью, съ радостью подчинится монаршей волѣ о поступленіи на службу, и т. под. Едва-ли Государь всему этому повѣрилъ, зная Суворова и видя смущеніе его юноши-племянника, и хотя сдѣлалъ видъ, что удовлетворенъ, однако пригрозилъ Горчакову, что именно онъ будетъ отвѣчать, если не вразумитъ своего дядю.

Послѣ того Государь не разъ приглашалъ Суворова къ своему столу и на разводъ, обращался съ нимъ милостиво, наводилъ разговоръ на прежнюю тему о поступленіи на службу, но получалъ въ отвѣтъ уклончивыя заявленія о старости и болѣзняхъ. Мало того, Суворовъ не переставалъ «блажить», не упуская случая подшутить и осмѣять новыя правила службы, обмундированіе, снаряженіе, нетолько въ отсутствіи, но и въ присутствіи Государя. Садясь въ карету, онъ находилъ большое къ тому препятствіе въ прицѣпленной сзади наискось шпагѣ, которая якобы не дозволяла пролѣзть ему въ каретную дверцу; онъ запиралъ дверцу, обходилъ карету, отворялъ другую дверцу, старался въ нее протискаться, но опять безуспѣшно. Цѣлые четверть часа иногда у него уходило на усаживаніе въ экипажъ, и все это дѣлалось, по его обыкновенной манерѣ шутить, съ

серьезнымъ, даже озабоченнымъ видомъ, что усиливало комичность положенія и возвышало ѣдкость выходки. На разводѣ онъ дѣлалъ видъ, что не можетъ справиться со своей плоской шляпой: снимая ее, хватался за поля то одной рукой, то другой— все мимо, и наконецъ ронялъ ее къ ногамъ сумрачно смотрѣвшаго на него Государя. Между проходившими церемоніяльнымъ маршемъ взводами, Суворовъ бѣгалъ и суетился, что считалось крайнимъ нарушеніемъ порядка и строевого благочинія; при этомъ онъ выражалъ на лицѣ своемъ то удивленіе, то недоумѣніе, шепталъ что-то себѣ подъ носъ и крестился; когда же Государь спросилъ однажды, что такое онъ дѣлаетъ, то Суворовъ отвѣчалъ, что читаетъ молитву: «да будетъ воля Твоя». Черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ приказъ о благочиніи на разводахъ, которымъ строго подтверждались правила порядка, нарушенныя Суворовымъ, но имя его въ приказѣ не упоминалось.

Послѣ каждой выходки Суворова, Государь обращался къ молодому Горчакову и грозно требовалъ объясненія. Горчаковъ ѣздилъ къ дядѣ, объяснялся съ нимъ, убѣждалъ его безуспѣшно, получалъ отъ него прежнія реплики, возвращался къ Государю и передавалъ отвѣты собственнаго вымысла. Государь переламывалъ себя и оказывалъ Суворову необыкновенную снисходительность и сдержанность, но вмѣстѣ съ тѣмъ недоумѣвалъ о причинахъ упорства стараго военачальника. А между тѣмъ дѣло было простое: Суворовъ жилъ для военнаго ремесла и олицетворялъ его въ издавна-усвоенномъ, извѣстномъ смыслѣ, отреченіе отъ котораго было для него самоотреченіемъ. Кромѣ того, онъ обладалъ особенностью, развитію которой въ русскихъ людяхъ не благопріятствовали историческія условія, — твердымъ, независимымъ характеромъ. Усвоивъ многіе недостатки эпохи, онъ однако не проникался ими до глубины нравственныхъ основъ; сгибалъ передъ обстоятельствами шею, но не гнулъ ни передъ кѣмъ волю; былъ полонъ благоговѣйнаго почтенія и преданности своему Государю, но правдолюбіе и моральную стойкость считалъ непремѣнною ихъ принадлежностью. Эти свойства Суворова, въ соединеніи съ его военною славой, и сдѣлали его лицомъ, привлекавшимъ къ себѣ особенное вниманіе современниковъ и дорогимъ для потомства.

Все безцѣльнѣе и скучнѣе становилось его пребываніе въ Петербургѣ; наконецъ, выбравъ время, онъ прямо попросилъ у Государя дозволенія—возвратиться въ деревню. Государь выслушалъ просьбу съ видимымъ неудовольствіемъ, но отвѣтилъ, что не хочетъ удерживать его противъ воли. Суворовъ поцѣловалъ Императору руку, откланялся Императрицѣ и въ тотъ же день выѣхалъ изъ Петербурга. Какъ ни худо было его житье въ Кончанскѣ, но зрѣлище новыхъ порядковъ и жизнь въ ихъ сферѣ оказались еще тяжеле.

Первое время по возвращеніи въ деревню, Суворовъ блаженствовалъ: петербургскія впечатлѣнія были еще свѣжи, Николевъ не появлялся и никакихъ признаковъ прежняго надзора не замѣчалось. Онъ сталъ изрѣдка посѣщать сосѣдей и принимать ихъ у себя, надсматривалъ за постройкой дома, слѣдилъ какъ ставились свѣтелки на сосѣдней горѣ Дубихѣ, возводились бесѣдки, перекидывались чрезъ рѣчки мосты, сажались фруктовыя деревья, мальчики обучались грамотѣ. Онъ занялся также улучшеніемъ быта дворовыхъ, прибавилъ многимъ жалованья, отцу Прохора далъ пенсію въ 100 рублей. Изъ письма Прохора къ Хвостову видно, что Суворовъ обѣщалъ ему вольную, но что она лежала не подписанная; вѣрнѣе сказать, Суворовъ обѣщалъ камердинеру волю послѣ своей смерти — это и было исполнено впослѣдствіи. Онъ такъ привыкъ къ Прохору, несмотря на его пьянство и грубость, что на замѣну его другимъ не могъ рѣшиться.

Наибольшая доля вниманія Суворова, его распоряженій и переписки относилась къ Кобрину, гдѣ порядокъ началъ возстановляться лишь по отчетамъ, въ сущности же царила прежняя неурядица. Главноуправляющимъ былъ тамъ Красовскій, искусившійся дѣлецъ и крупный плутъ, который умѣлъ ловко обойти Суворова, внушить ему безграничную къ себѣ вѣру и оттереть своего предшественника, Корицкаго, чтобы еще больше обирать своего довѣрителя. Подполковникъ Петръ Григорьевичъ Корицкій, по удостовѣренію Суворова, отличался тяжелымъ характеромъ и «лѣноуміемъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ знающимъ и опытнымъ сельскимъ хозяиномъ, почему Суворовъ и поручалъ ему сначала пріемъ кобринскаго имѣнія, а потомъ и управленіе

имъ. Но довѣріе его къ старому сослуживцу не оправдалось. Корицкій распредѣлилъ участки офицерамъ весьма невыгодно для имѣнія, роздалъ нѣсколько документовъ на денежныя суммы, по которымъ пришлось потомъ уплачивать и наконецъ, уѣхавъ послѣ кіевскаго ареста въ свое полтавское имѣніе, неизвѣстно куда дѣвалъ 16.240 рублей. Красовскій кромѣ того сообщалъ Хвостову, что «Корицкій говорилъ о кончанскихъ такое, что писать нельзя» и что прочіе офицеры стараются поддержать съ нимъ связь. Суворовъ приказалъ Красовскому взыскивать съ Корицкаго 16.240 руб. судебнымъ порядкомъ, отобравъ отъ него и Хабовичи, что впрочемъ сдѣлать было уже нельзя.

Кратковременное управленіе Сіона кобринскимъ имѣніемъ тоже сопровождалось разными злоупотребленіями и растратою суммъ, такъ что Суворовъ рѣшился совсѣмъ разстаться съ воспитателемъ своего сына. Больше всѣхъ его удовлетворилъ шляхтичъ Красовскій, добрыя отношенія съ которымъ онъ сохранилъ до самой смерти; но разные факты управительской дѣятельности Красовскаго и состояніе имѣнія послѣ смерти Суворова удостовѣряютъ, что подъ рукою этого шляхтича продолжала рости и развиваться система хищничества и грабительства. Наплывъ въ Кобринъ людей, жаждущихъ попользоваться на счетъ Суворова, увеличивается; на жалованьѣ состоитъ масса лицъ; кромѣ того имъ производится до 1.500 р. на столъ; встрѣчаются періодическія выдачи на говядину, на постъ; за одну и ту же бричку Суворова заплачено двумъ лицамъ—одному 400, другому 500 злотыхъ, и многое другое, однородное со сказаннымъ. Вообще характеристикой положенія дѣлъ въ Кобринѣ могутъ служить слова отчета, составленнаго постороннимъ лицомъ, по смерти Суворова: «это имѣніе было такъ распоряжаемо и управляемо, какъ своимъ собственнымъ, только съ тою разницей, что кто хотѣлъ, тотъ бралъ и никому отчета не отдавалъ».

Задумавъ по совѣту Красовскаго отобрать отъ офицеровъ розданные имъ участки, Суворовъ утвердился окончательно въ своемъ намѣреніи, когда плутоватый шляхтичъ убѣдилъ его въ удобоисполнимости и законности такой мѣры. Красовскій, съ помощью приличной благодарности, привлекъ на свою сторону

шляхтича Воротынецкаго, привозившаго протокольную книгу къ Суворову для подписи, въ кобринскій его домъ, и Воротынецкій подалъ въ судъ заявленіе на самого себя, т.-е. противъ незаконности своего поступка. Съ этого и началось дѣло. Суворовъ нетолько не отказывался отъ вознагражденія деньгами своихъ «тамошнихъ пріятелей», но даже увеличилъ отступное всѣмъ одинаково до 40 р. за душу. На эту сдѣлку согласились немногіе, прочіе предпочли подчиниться приговору суда. Опредѣленіе суда состоялось послѣ смерти Суворова и, какъ кажется, не въ его пользу. Не въ его же пользу окончилось и дѣло по претензіямъ его жены. Варвара Ивановна, получивъ домъ для жительства и 8,000 руб. годового содержанія, потребовала еще уплаты 22,000 руб. долга, въ чемъ и успѣла. Суворовъ подчинился безпрекословно и занялъ въ банкѣ деньги, но велѣлъ поставить женѣ на счетъ издержки по займу, на поѣздки, полупроцентные и проч., а московскому своему управляющему, Скрипицыну, приказалъ выдать деньги не Варварѣ Ивановнѣ, а ея заимодавцамъ.

Такимъ образомъ общее состояніе денежныхъ дѣлъ Суворова было плачевное, что и отозвалось на всемъ. Уплата 30,000 р. В. И. Арсеньевой не производилась; изъ 60,000 руб., обѣщанныхъ зятю Зубову въ 1796 году, тоже ничего еще не было уплачено; другихъ долговъ по роспискамъ считалось до 55,000 рублей. А между тѣмъ годовой доходъ едва превышалъ 40,000 рублей, тогда какъ при нормальныхъ условіяхъ одно кобринское имѣніе должно было дать больше 50,000 руб. Чѣмъ же было жить самому Суворову и содержать въ столицѣ своего сына? Онъ и пишетъ Хвостову, что ума приложить не можетъ. Въ особенности заботилъ его сынъ, потому что воспитатель его оказался въ денежномъ отношеніи человѣкомъ ненадежнымъ, нетолько въ Кобринѣ, но и дома. На содержаніе Аркадія шло немного, всего 2,500 р. въ годъ, но и эту цифру пришлось понизить до 2,000, а себѣ самому Суворовъ опредѣлилъ всего 3—4,000 р.

Эти тѣсныя обстоятельства заставили Суворова прибѣгнуть къ экстренной мѣрѣ—обратиться къ Государю. Но чтобы обезпечить, насколько возможно, успѣхъ ходатайства, онъ хотѣлъ

заручиться содѣйствіемъ новаго генералъ-прокурора, Петра Васильевича Лопухина, назначеніемъ котораго на эту должность былъ очень доволенъ и называлъ его человѣкомъ милосердымъ, правосуднымъ, нелицемѣрнымъ блюстителемъ законовъ. Наладить начало этого дѣла Суворовъ поручилъ Хвостову, причемъ совѣтовалъ «съ Лопухинымъ дѣло исковъ трактовать просто, ясно и тѣмъ вразумительнѣе, безъ украшеніевъ, не обременять слога элоквенціею и особливо безъ проклятаго экивока, коимъ сжимается всякій переговоръ, предается на угады и подъ харею лукавства закрытъ видъ глупаго обмана». Вслѣдъ затѣмъ, въ концѣ декабря, Суворовъ написалъ генералъ-прокурору письмо, просилъ предстательства предъ Государемъ, говорилъ, что взысканія послѣдовали при Куракинѣ, «можетъ быть безъ надлежащаго разбирательства и справокъ», и просилъ «подвергнуть дѣло существенному разбирательству, ежели сочтется за нужное». Одновременно съ этимъ письмомъ, онъ послалъ прошеніе на имя Государя, говоря, что взысканія послѣдовали по несправедливымъ просьбамъ и причинили стыдъ ему, некорыстолюбивому солдату, который привыкъ довольствоваться малымъ; что онъ, Суворовъ, ищетъ не убытковъ, а принимаетъ случившееся за гнѣвъ Государя и опасается, чтобы неблагомыслящіе люди не покусились на сомнѣніе въ его чести, а потому проситъ— недоплаченное взысканіе сложить и кобринское имѣніе отъ секвестра освободить.

Прошеніе и письмо не привели къ желаемой цѣли, и хотя 25 января 1799 года Суворовъ послалъ Хвостову письмо: «при семъ должное мое приношеніе къ великодушному князю Петру Васильевичу, недостающее вы дополните», но остается неизвѣстнымъ—что именно приносилось и за какую услугу. Напротивъ, розыскивались поводы для новыхъ оштрафованій, начиная съ 1791 года, и если добытыя справки остались безъ дальнѣйшаго движенія, то единственно потому, что Суворовъ понадобился для войны противъ Французовъ.

Затѣмъ оставалось дѣло Вронскаго. За множествомъ необходимыхъ справокъ и разъясненій, первое время дѣло почти не подвигалось, хотя военно-судная комиссія засѣдала каждый день по два раза, каждое засѣданіе продолжалось пять часовъ, а

иногда и больше; бывали дни, что засѣданіе не прерывалось даже для обѣда. Въ октябрѣ 1797 года Государь, долго сдерживавшій свое нетерпѣніе, указалъ: «кончить военный судъ, не ожидая болѣе справокъ, и заключить сентенцію по теперешнимъ доказательствамъ». Послѣ того дѣло пошло ходко и къ марту 1798 года было окончено.

Всѣхъ подсудимыхъ было 16, изъ нихъ 14 служащихъ, преимущественно въ провіантскомъ вѣдомствѣ. Военно-судная комиссія признала семерыхъ невиновными, въ томъ числѣ Тищенко; изъ остальныхъ приговорила трехъ къ денежному взысканію въ 2.056, 3.750 и 6.373 рубля; на четвертаго наложила взысканіе въ 42.000 рублей; кромѣ того съ троихъ опредѣлено взыскать по 1.111 р. 11 к. за незаконную карточную игру, а съ одного двухгодовое жалованье. Затѣмъ одинъ приговоренъ къ лишенію чиновъ; четверыхъ рѣшено «жестоко на тѣлѣ наказать и изъ числа добрыхъ людей выключить», въ томъ числѣ Мандрыкина и Вронскаго, послѣдняго «за ложный большею частью доносъ, клевету на генераловъ и взятки»; наконецъ одинъ приговоренъ къ повѣшенію. Относительно Суворова опредѣлено: взыскать съ него 56,906 рублей.

Генералъ-аудиторъ князь Шаховской съ приговоромъ комиссіи согласился лишь относительно оправданія семерыхъ, въ остальномъ же нашелъ сентенцію неправильною и полагалъ: взыскать съ одного 3436 рублей (вмѣсто 42.000); съ троихъ по 1.111 руб. 11 коп.; никого не подвергать ни казни, ни тѣлесному наказанію; двухъ выключить изъ службы, а третьяго, Вронскаго, «лишить чиновъ и выкинуть изъ службы». Что касается до Суворова, то законъ повелѣваетъ «безъ отвѣта никого не винить», спрашивать же фельдмаршала было высочайше воспрещено, слѣдовательно Суворовъ осужденъ беззаконно, а потому объявить судной комиссіи выговоръ.

Государь написалъ 17 марта 1798 года: «какъ виновные давно уже наказаны сколько надлежало, ибо семеро изъ нихъ исключены изъ службы, а прочіе, въ числѣ коихъ и майоръ Вронскій, долговременно содержатся подъ арестомъ, то дѣло оставить, и имъ быть свободными».

Такъ миновала Суворова новая бѣда, которая была тѣмъ

вѣроятнѣе, что военно-судное дѣло велось дурно, кое-какъ, лишь бы поскорѣе кончить. А ему еще приходилось въ эту тяжелую пору усиленно думать о сынѣ. Аркадію исполнилось 14 лѣтъ, отецъ въ педагоги къ нему рѣшительно не годился, особенно въ кончанской обстановкѣ. Аркадій жилъ у графа Зубова, подъ надзоромъ своей сестры и непосредственнымъ руководительствомъ Сіона. Особенныхъ попеченій о немъ тутъ не могло быть, раціональной педагогической системы тоже, но все таки онъ былъ пристроенъ по мѣрѣ практической возможности. Въ настоящую зиму однако и это условно-хорошее разстраивалось: между Суворовымъ и Зубовымъ пошли недоразумѣнія, потомъ Зубову съ женою понадобилось ѣхать въ Москву. Суворовъ написалъ Хвостову: «долженъ я прибѣгнуть къ дружбѣ вашей; при выѣздѣ Наташи изъ Петербурга, прошу принять Аркадія на ваши руки и содержать его такъ, какъ предъ симъ реченную его сестру содержали». Письмо было получено Хвостовымъ поздно; Сіонъ уже успѣлъ нанять небольшую квартиру, вести хозяйство поручилъ своей женѣ и собирался начать со своимъ воспитанникомъ визиты, дабы завязать порядочное и выгодное въ будущемъ знакомство. Суворовъ не одобрилъ этого, написавъ Хвостову, что «Аркадію потребны непорочные нравы, а не визиты и контръ-визиты; не обращеніе съ младоумными, гдѣ оные терпятъ кораблекрушеніе, а бесѣда съ мертвыми пріятелями не усильно; уголъ его у васъ, знакомство его — Андрюша и развѣ Вася, и такъ до 18 лѣтъ, а тамъ посмотримъ. Аристотель его вы; Наташа воспитана вами, онъ ей наслѣдникъ». Къ этому времени у Суворова уже набралось немало разныхъ резоновъ, чтобы не довѣряться Сіону съ денежной стороны, а тутъ воспитатель сына прислалъ еще ему «разбойничій» счетъ, и Суворовъ окончательно рѣшился съ этимъ «дорогимъ» воспитателемъ разстаться, что и приказалъ исполнить немедленно.

Молодой сынъ Суворова перешелъ на попеченіе Хвостова, который однако не могъ взять на себя ничего, кромѣ общаго надзора и руководства; слѣдовало пріискать воспитателя или гувернера, который находился бы при мальчикѣ безотлучно. Суворовъ добылъ, не знаемъ откуда и по чьей рекомендаціи, Ивана Дементьевича Капищева, «не ради наукъ, но для благонравія».

Тогда же онъ сообщилъ объ этомъ и сыну, прибавивъ: «будь благонравенъ, послѣдуй моимъ правиламъ, будь почтителенъ къ Дмитрію Ивановичу, употребляй праздное время къ просвѣщенію себя въ добродѣтеляхъ; Господь Богъ съ тобою». Вообще въ своихъ довольно рѣдкихъ письмахъ къ сыну и даже въ припискахъ къ письмамъ Хвостову, Суворовъ любилъ обращаться къ Аркадію съ краткими наставленіями, въ родѣ приведеннаго, или слѣдующаго: «Аркадію—благочестіе, благонравіе, доблесть: отвращеніе къ экивоку, энигму, фразѣ; умѣренность, терпѣливость, постоянство». Едва прошелъ мѣсяцъ по прибытіи въ Петербургъ Каницева, какъ Суворовъ, вѣроятно получивъ одобрительный отъ Хвостова отзывъ о новомъ воспитателѣ, пишетъ сыну: «доколѣ при насъ И. Д. Каницевъ, онъ получаетъ ежегодно 300 рублей; по кончинѣ же моей, опредѣли ему тужъ сумму ежегодно до его смерти». Это показываетъ, до какой степени Суворовъ былъ отзывчивъ къ впечатлѣніямъ и скоръ въ рѣшеніяхъ, особенно если находился подъ вліяніемъ контраста, который въ настоящемъ случаѣ олицетворялся Сіономъ.

Дѣлая сыну такой завѣтъ, Суворовъ основывался на недавно состоявшемся заявленіи своей воли на случай смерти. Въ сентябрѣ 1798 года онъ составилъ новое духовное завѣщаніе, въ смыслѣ дополненія перваго. Сыну онъ оставлялъ всѣ свои родовыя и за службу пожалованныя имѣнія, домъ въ Москвѣ и жалованные бриліанты, а дочери назначалъ попрежнему благопріобрѣтенныя имѣнія и купленные бриліанты. Распоряженіе свое Суворовъ представилъ Государю, прося утвержденія, что Государь и исполнилъ рескриптомъ 2 октября; копію съ рескрипта Суворовъ препроводилъ къ Хвостову, прося его «что надлежать будетъ, выполнить послѣ моей смерти», а также къ сыну, заключивъ свое короткое письмо пожеланіемъ: «Господь Богъ продолжи тебѣ долгій вѣкъ».

Не переводившіяся безпокойства и тревоги дѣлали для Суворова необходимыми хоть какія-нибудь развлеченія и въ занятіяхъ нѣкоторое разнообразіе, а этого-то и не было. Лѣтомъ еще представлялось кое-что: постройки въ усадьбѣ, уходъ за садомъ, посѣщеніе крестьянскихъ работъ, купанье, прогулки. Любимымъ его мѣстомъ была гора Дубиха, въ полуверстѣ отъ

дома; самое ея названіе показываетъ, какимъ лѣсомъ она была покрыта, но это относилось къ очень давнему времени, при Суворовѣ же дубовъ и въ поминѣ не было, а росли огромныя ели (какъ и теперь); съ вершины горы, въ просвѣтахъ между лѣсомъ, открывались дальніе виды, которые оживлялись большимъ количествомъ воды. Часто посѣщалъ Суворовъ и крестьянскіе дворы, устраивалъ свадьбы, бывалъ на вѣнчаньяхъ и крестинахъ, ласкалъ крестьянскихъ ребятишекъ и принималъ участіе въ ихъ играхъ. Однажды онъ игралъ съ крестьянскими подростками на кончанской улицѣ въ бабки; тутъ его засталъ какой-то гость, который не съумѣлъ скрыть своего удивленія. Суворовъ объяснилъ, что въ Россіи развелось очень много фельдмаршаловъ, дѣлать имъ нечего, а потому приходится играть въ бабки. Зимою программа лѣтняго препровожденія времени съуживалась, и приходилось чаще просиживать дома. Онъ устроилъ себѣ «птичью горницу», нѣкоторое подобіе зимняго сада, о которомъ упоминалось раньше, напустилъ туда птицъ, сиживалъ въ этой комнатѣ, даже иногда обѣдалъ. Этимъ почти и ограничивались зимнія развлеченія.

Однако привыкнувъ съ юныхъ лѣтъ къ умственнымъ занятіямъ, Суворовъ тѣмъ болѣе не могъ безъ нихъ обойтись въ своемъ уныломъ уединеніи. Читалъ онъ много, но меньше, чѣмъ бы хотѣлъ, такъ какъ глаза болѣли. Въ Кончанскѣ была библіотека; онъ ее по временамъ пополнялъ, но не знаемъ — чѣмъ именно; одинъ только разъ встрѣчаемъ въ его перепискѣ, что требовались, «между прочимъ», ода Хвостова—на Измаилъ, ода Кострова—на Варшаву, пѣснь—на Варшаву Державина, Оссіанъ въ переводѣ Кострова. Надо полагать, что чтеніе Суворова было, какъ и до того времени, энциклопедическое, но преимущественно историческое, а также современныя газеты. Онъ жадно слѣдилъ за ходомъ политическихъ и военныхъ дѣлъ въ Европѣ и искренно смѣялся надъ замышляемою высадкою Французовъ въ Англію, называя приготовленія къ ней «репетиціею траги-комической военной драмы, которая никогда не будетъ разъиграна». Въ началѣ сентября, въ виду усложнившихся обстоятельствъ и становившейся возможною войны съ Франціей, Государь пожелалъ узнать мнѣніе Суворова по этому предмету, для чего и послалъ

къ нему генералъ-майора Прево-де-Люміана, стараго знакомаго и сослуживца Суворова еще въ 1791 году, въ Финляндіи. Суворовъ передалъ ему на словахъ свои мысли и даже продиктовалъ въ общихъ чертахъ планъ кампаніи.

Но все это не могло удовлетворить Суворова, привыкшаго къ практической дѣятельности и для нея одной считавшаго себя предназначеннымъ и подготовленнымъ. Скука и тоска одолѣвали его все больше, тѣмъ паче, что онъ не имѣлъ самаго необходимаго условія для довольства настоящимъ,—личной свободы, которою хотя и пользовался повидимому невозбранно, но въ сущности подъ постояннымъ опасеніемъ непріятностей и униженій. Онъ вернулся въ свою глушь по доброй волѣ, прежній надзоръ былъ съ него снятъ, переписка его не контролировалась, а между тѣмъ симптомы опалы и ссылки продолжали существовать. Подобная непослѣдовательность, странная въ другое время и при другомъ режимѣ, въ ту пору не поражала, потому что проглядывала при Павлѣ постоянно и во всемъ. Государь былъ недоволенъ Суворовымъ за его нежеланіе поступить на службу, и это должно было въ чемъ-нибудь выразиться. Узнавъ, будто Суворовъ дѣлаетъ частые выѣзды и пріемы, Государь въ порывѣ раздражительности приказалъ исключить изъ службы своего флигель-адъютанта, младшаго Горчакова. Хотя сердце у него скоро прошло, и на другой или на третій день онъ приказалъ снова зачислить на службу племянника Суворова, но случай этотъ служилъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Суворовъ растревожился и счелъ нужнымъ снабдить Хвостова объясненіемъ образа своей жизни, упомянувъ и про наговоры своихъ зложелателей, до него дошедшіе или имъ предполагаемые. Въ письмѣ его говорилось: «меня желаютъ»,—я Цинцинатъ; «солдаты меня любятъ», — я ихъ люблю; «дворяне меня любятъ», — я ихъ люблю и морально безгрѣшенъ; «весело живу»,—весело жилъ, весело умру, веселъ родился, не мизантропъ; «много ѣздятъ»,— въ торжественные дни препровождаемъ весело императорскіе праздники и даже до полуночи, иначе счелъ бы я за преступленіе; итакъ гласъ бездушныхъ крамольниковъ предавать насмѣшеству. Рѣдко мой выѣздъ; прочіе многіе дни я, какъ Цинцинатъ, препровождаю въ глубокомъ уединеніи».

Съ приближеніемъ въ 1798 году святокъ, которыя Суворовъ издавна привыкъ проводить въ забавахъ, онъ какъ будто опасается въ этомъ помѣхи и указываетъ на свой образъ жизни: «5—6 дней собранія и иногда съ виватомъ изъ пушекъ за высочайшее здоровье; обѣды съ друзьями, въ числѣ полудюжины, вдвоемъ и втроемъ пріѣзжающихъ нечаянно, иногда самъ другъ со священникомъ — вдвое, втрое противъ того; да сверхъ того въ расходѣ дюжина дней, — самъ въ гостяхъ, согласились мы на непорочныя игрища въ святые вечера; неужто въ семъ вы мнѣ воспретите?» Не довольствуясь этимъ предупрежденіемъ, а можетъ быть и вслѣдствіе новыхъ доходившихъ до него слуховъ, Суворовъ обращается къ самому Лопухину: «войскъ здѣсь нѣтъ, обращеніе мое двѣ трети года съ дворянами, въ государскіе дни званы были разъ 5 — 6: ихъ не торжествовать я считалъ за грѣхъ. Незваные, по дружбѣ,—и въ другіе праздники были у меня къ службѣ Божіей и одному обѣду разъ до восьми, человѣкъ отъ трехъ до полдюжины; самъ я былъ въ гостяхъ меньше 10 разъ; прочее время препровождалъ я въ глубокомъ уединеніи, самъ другъ, самъ третей, или со священникомъ».

А между тѣмъ, одновременно съ непріятностями и утѣснительными требованіями, сыпались на Суворова косвенныя милости: 19 или 20-лѣтній его племянникъ произведенъ въ полковники; другой, немногимъ старше, былъ уже генералъ-майоръ; Хвостовъ повышенъ въ генеральскій чинъ и одно время имѣлъ у Государя доклады; наконецъ Аркадій, сынъ Суворова, несмотря на свои 14 лѣтъ, пожалованъ въ камергеры. Но эти знаки Государева благоволенія еще болѣе оттѣняли противоположную сторону; все окрашивалось въ черный цвѣтъ и пропитывалось горечью. Мелкія неудовольствія выростали до крупныхъ непріятностей, размолвки до вражды, взыскательность переходила въ придирчивость. Отношенія Суворова къ зятю приняли остро-непріязненный характеръ изъ-за разныхъ недоразумѣній по денежнымъ дѣламъ; говорилось про «похищеніе казны», по поводу отъискиваемыхъ за два года назадъ 10.000 рублей; про «ограбленіе», по поводу не оплаченныхъ еще 4.000 р. за грамоту на кобринское имѣніе; про «шпіонство», за время пребыванія Суворова въ Петербургѣ въ началѣ 1796 года; кончилось

тѣмъ, что Суворовъ прекратилъ кореспонденцію съ Н. Зубовымъ: «по многимъ на меня налогамъ». Не обошлось даже безъ заподозрѣванія любимой дочери въ корыстныхъ побужденіяхъ. И онъ самъ видѣлъ въ своихъ сужденіяхъ излишество и неправду; самъ понималъ, что находится въ состояніи крайней раздражительности, а потому, когда пришлось какъ-то разъ слишкомъ горько, совсѣмъ не втерпежъ, написалъ Хвостову: «не оставляйте меня, Богъ васъ не оставитъ». Къ тому же здоровье его замѣтно пошатнулось; въ декабрѣ 1798 года онъ писалъ: «лѣвая моя сторона, болѣе изувѣченная, уже 5 дней нѣмѣетъ, а больше мѣсяца назадъ я былъ безъ движенія во всемъ корпусѣ». Ему было уже 68 лѣтъ; годы брали свое, и имъ много помогалъ безпримѣрный переворотъ, постигшій его въ концѣ блестящаго поприща. Душевная его сила не поколебалась, воля не была сломлена, но тѣмъ сильнѣе сказывалось внутреннее потрясеніе.

Такое состояніе требовало во чтобы то ни стало какого-нибудь исхода, и религіозное чувство Суворова подсказало ему этотъ исходъ. Онъ былъ всегда и въ одинаковой степени глубоко-вѣрующимъ человѣкомъ и исполнительнымъ сыномъ церкви, но подъ старость сдѣлался еще строже въ обрядовой сторонѣ и вообще во внѣшнемъ богопочитаніи, особенно же живя въ уединеніи, въ с. Кончанскомъ. Видя для себя закрытою практическую дѣятельность, онъ рѣшился уединиться въ монастырѣ и отдаться одному Богу. «Со стремленіемъ спѣшу предстать чистою душою передъ престоломъ Всевышняго», говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, а въ другомъ пишетъ: «усмотря приближеніе моей кончины, готовлюсь я въ иноки». На тоже самое довольно явственно указываютъ распоряженія его по имуществу и особенно усиленная заботливость о разъясненіи всѣхъ недоразумѣній по денежнымъ счетамъ. Переходя отъ слова къ дѣлу, онъ пишетъ въ декабрѣ 1798 года Государю: «Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше прошу позволить мнѣ отбыть въ Нилову новгородскую пустынь, гдѣ я намѣренъ окончить мои краткіе дни въ службѣ Богу. Спаситель нашъ одинъ безгрѣшенъ. Неумышленности моей прости, милосердый Государь». Подъ прошеніемъ подпись: «всеподданнѣйшій богомолецъ, Божій рабъ».

Принялъ ли Государь просьбу Суворова за минутный, скоропреходящій порывъ или въ то время уже начала разъясняться потребность въ отставномъ фельдмаршалѣ для войны съ Французами,—но отвѣта не послѣдовало. Развязка приближалась, только совсѣмъ другая.

Наступилъ 1799 годъ. Тревожное состояніе Суворова должно было рости и рости въ ожиданіи Государева отвѣта... Февраля 6 прискакалъ изъ Петербурга флигель-адъютантъ Толбухинъ и вручилъ Суворову собственноручный высочайшій рескриптъ, помѣченный 4 февраля. Въ рескриптѣ значилось: «Сейчасъ получилъ я, графъ Александръ Васильевичъ, извѣстіе о настоятельномъ желаніи Вѣнскаго двора, чтобы вы предводительствовали арміями его въ Италіи, куда и мои корпусы Розенберга и Германа идутъ. Итакъ посему и при теперешнихъ европейскихъ обстоятельствахъ, долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но отъ лица и другихъ, предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну». Суворовъ былъ ошеломленъ... Онъ немедленно отправилъ Толбухина назадъ съ отвѣтомъ, что, исполняя монаршую волю, выѣзжаетъ въ Петербургъ, а самъ принялся на скорую руку изготовляться къ отъѣзду, выѣхалъ на другой день и ѣхалъ быстро на почтовыхъ. Какъ въ прошломъ году, такъ и теперь, Государь ждалъ его нетерпѣливо; онъ не былъ совершенно свободенъ отъ сомнѣнія—приметъ ли старый, больной и причудливый фельдмаршалъ посланное ему приглашеніе, послѣ выраженнаго имъ годъ назадъ нежеланія поступить на службу. Государь не совсѣмъ вѣрно понималъ Суворова и причины его отказа; Суворовъ *тогда* не могъ принять мирной службы на немыслимыхъ по его разумѣнію началахъ; *теперь* онъ не могъ отказаться отъ службы боевой, призваніе къ которой было его жизнью. Февраля 8 возвратился въ Петербургъ Толбухинъ; прочитавъ привезенное отъ Суворова письмо, Государь приказалъ тотчасъ же отнести письмо къ Императрицѣ и сказать австрійскому послу Кобенцелю, что Суворовъ пріѣзжаетъ и что Вѣнскій дворъ можетъ имъ располагать по желанію. На другой день пріѣхалъ и Суворовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

На пути въ армію.

1799.

Франція продолжала вести войну съ замѣчательнымъ упорствомъ. Какъ и въ началѣ, успѣхи и неудачи перемежались, но въ результатѣ выигрывала все-таки она. Послѣ Польской войны, въ 1795 году Пруссія заключила съ республикою миръ, уступивъ ей свои за-рейнскія земли; при этомъ почти вся сѣверная Германія была объявлена нейтральною; вслѣдъ затѣмъ вышла изъ коалиціи и Испанія; войну продолжала Австрія во главѣ южной Германіи. Кампанію того года она окончила довольно счастливо; но въ 1796 году военный геній Бонапарта снова перетянулъ успѣхъ на сторону Французовъ, а въ слѣдующемъ 1797 году въ какіе-нибудь 20 дней кампаніи, оставленная союзниками Австрія увидѣла непріятеля почти у воротъ своей столицы и заключила съ Французской республикой въ Леобенѣ перемиріе.

Австріи оставалась одна надежда на Россію. Еще съ начала 1796 года, императоръ Францъ неоднократно умолялъ Екатерину о помощи; Русская Императрица наконецъ согласилась, но вошла въ переговоры съ Пруссіею и Англіею, надѣясь склонить ихъ на содѣйствіе. Переговоры затянулись, Екатерина скончалась, а Павелъ I отказался отъ всѣхъ военныхъ предпріятій своей матери, рѣшившись дать Россіи отдыхъ послѣ 40 лѣтъ военной

тревоги. Въ намѣреніи этомъ онъ однако выстоялъ не долго: подошли разныя обстоятельства, которыя вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ принципамъ французской революціи, заставили его измѣнить свою иностранную политику. Первымъ по времени подобнымъ обстоятельствомъ было Леобенское перемиріе.

По смыслу договоровъ, заключенныхъ между Австріей и Россіей въ 1792 и 1794 годахъ, первая имѣла право требовать отъ послѣдней вспомогательнаго 12,000-наго корпуса войскъ, въ случаѣ непріятельскаго вторженія въ предѣлы наслѣдственныхъ владѣній императора. Теперь именно это и случилось. Францъ обратился къ Павлу I, умоляя спасти Австрію отъ гибели; Русскій Государь немедленно приказалъ приготовить часть полевыхъ войскъ къ походу и вошелъ въ обширные дипломатическіе переговоры, съ намѣреніемъ добиться успокоенія Европы. Это однако къ цѣли не привело, а Россію въ войну втянуло, чему способствовали и нѣкоторыя обстоятельства. Входя во владѣніе Іоническими островами, Французы арестовали на островѣ Занте русскаго консула; обнаружилось участіе Франціи въ замыслахъ по возстановленію Польши; Домбровскій формировалъ въ сѣверной Италіи на счетъ Франціи польскій легіонъ, для кадровъ будущей польской арміи. Со своей стороны и Императоръ Павелъ подавалъ Франціи поводы къ заявленіямъ неудовольствія: формировался корпусъ русскихъ войскъ для помощи Австрійцамъ; принятъ въ русскую службу 7.000-ный корпусъ французскихъ эмигрантовъ принца Конде; приглашенъ въ Россію и помѣщенъ въ Митавѣ французскій король-претендентъ Людовикъ XVIII (графъ Прованскій), и ему назначено содержаніе по 200,000 рублей ежегодно. Кромѣ того снаряжался черноморскій флотъ на помощь Турціи, въ обезпеченіе ея отъ покушеній со стороны Французовъ; на основаніи прежнихъ договоровъ отправлены на соединеніе съ англійскимъ флотомъ двѣ эскадры изъ Балтійскаго моря; запрещенъ Французамъ въѣздъ въ Россію; конфискованы находившіеся въ Россіи французскіе корабли, товары и капиталы въ государственномъ заемномъ банкѣ. Очевидно составлялась противъ Франціи новая коалиція, только дѣло подвигалось медленно.

Ускорили его сами Французы. По предложенію генерала

Бонапарта, сдѣланному въ 1797 году, директорія рѣшилась снарядить экспедицію въ Египетъ и Сирію, съ цѣлью учрежденія тамъ французской колоніи, расширенія сбыта французскихъ мануфактуръ и для военнаго предпріятія противъ англійской Индіи. Приготовленія къ экспедиціи производились дѣятельно, съ сохраненіемъ глубокой тайны и съ принятіемъ разныхъ мѣръ для замаскированія настоящей цѣли предпріятія. Все это удалось, и 19 мая 1798 года большой военный и огромный транспортный флоты вышли изъ Тулона, неся на себѣ десантную армію въ 37,000 человѣкъ. По счастливой случайности не встрѣтившись съ англійскою эскадрою адмирала Нельсона, Бонапартъ явился передъ Мальтою, принадлежавшею ордену св. Іоанна Іерусалимскаго, овладѣлъ островомъ, оставилъ въ немъ гарнизонъ и поплылъ дальше. Остальной путь до Египта тоже совершенъ благополучно, и высадка произведена успѣшно.

Мальтійскій орденъ заслужилъ расположеніе Павла I, какъ представитель анти-демократическихъ ученій. Русскій Государь принялъ въ 1797 году титулъ покровителя ордена, потомъ возложилъ на себя званіе великаго магистра и съ обычною своею страстностью принялъ къ сердцу интересы отжившаго учрежденія. Такимъ образомъ захватъ Мальты Французами явился новымъ, могущественнымъ поводомъ къ непріязненнымъ поступкамъ противъ Франціи со стороны Императора Павла.

Составилась новая коалиція; къ ядру ея изъ Россіи, Англіи и Австріи присоединились Турція и Неаполь; начались приготовленія. Первоначальное предположеніе о посылкѣ въ Австрію 12,000 человѣкъ расширено, и цифра доведена до 70,000. Одинъ изъ корпусовъ, генерала Розенберга, былъ готовъ къ выступленію еще въ августѣ, но отправленіе его замедлилось по винѣ самихъ Австрійцевъ, вслѣдствіе мелочныхъ ихъ прицѣпокъ къ статьѣ договора о продовольствіи. Лишь въ половинѣ октября войска Розенберга начали переходить границу, въ числѣ около 22,000 человѣкъ, а когда подошли къ Дунаю, то стали готовиться къ походу и остальныя. Другой корпусъ, подъ начальствомъ Германа, изъ 11,000 человѣкъ, предназначался частью въ помощь королю Неаполитанскому, частью на островъ Мальту; третій, 36,000-ный князя Голицына, замѣненнаго потомъ Нумсе-

номъ, долженъ былъ дѣйствовать въ Германіи. Кромѣ того изготовлялись и всѣ прочія войска западной границы, въ составѣ двухъ армій, на случай надобности. Флотъ былъ уже въ дѣйствіи въ 1798 году. Нѣсколько эскадръ разновременно отплыли въ Нѣмецкое море и соединились съ англійскимъ флотомъ для блокады батавскаго флота, но ограничивались положеніемъ наблюдательнымъ. Черноморская эскадра Ушакова, съ присоединенной къ ней небольшой турецкой, отплыла къ Іоническимъ островамъ и успѣшно очищала ихъ отъ Французовъ.

Зима 1798—99 годовъ приближалась къ исходу. Для увеличенія своихъ силъ, Австрія рѣшилась сдѣлать попытку, обратившись къ Павлу I съ просьбою — обратить всѣ три вспомогательные корпуса ей на помощь. Хотя это не согласовалось съ договоромъ, но Русскій Императоръ согласился и велѣлъ корпусу Германа слѣдовать въ сѣверную Италію, а корпусу Римскаго-Корсакова (назначеннаго вмѣсто Нумсена) въ южную Германію, на помощь Австрійцамъ. Кромѣ того, къ этому послѣднему были присоединены войска принца Конде. Извѣстіе о такой сговорчивости Русскаго Императора и доброжелательномъ отношеніи его къ союзнику, было принято въ Вѣнѣ съ нескрываемымъ восторгомъ. Приготовленія къ войнѣ закипѣли, и близкое открытіе кампаніи сдѣлалось несомнѣннымъ, такъ какъ Французы потребовали очищенія въ двухъ-недѣльный срокъ австрійскихъ владѣній отъ русскихъ войскъ.

Оставалось одно обстоятельство, затруднявшее Вѣнское правительство—выборъ въ Италіи главнокомандующаго. Эрцъ-герцогъ Карлъ получилъ назначеніе на другой театръ войны; между австрійскими генералами равносильный ему не отъискивался, и потому рѣшились ввѣрить армію въ Италіи венгерскому палатину эрцъ-герцогу Іосифу; но такъ какъ принцъ былъ очень молодъ и никогда на войнѣ не бывалъ, то слѣдовало пріискать ему хорошаго помощника и руководителя. Послѣ долгихъ колебаній, положено обратиться къ Русскому Императору съ новой просьбой—соизволить на назначеніе «знаменитаго мужествомъ и подвигами» Суворова.

Всей Европѣ былъ извѣстенъ этотъ наиболѣе прославившійся изъ русскихъ генераловъ, особенно со времени послѣд-

ней Польской войны. Въ Австріи же онъ пріобрѣлъ громкую извѣстность еще раньше, со временъ второй Турецкой войны. Кандидатура Суворова для войны противъ Французовъ подтверждалась и послѣдними распоряженіями Екатерины II, назначившей его начальникомъ вспомогательнаго корпуса. Такая общность доказательствъ въ пользу Суворова подкрѣплялась съ другой стороны невозможностью выбора главнокомандующаго, или эрцъ-герцогу Іосифу руководителя, изъ числа австрійскихъ генераловъ, отличавшихся на войнѣ хроническими неудачами. Такимъ образомъ Вѣнскій кабинетъ или, лучше сказать, надменный баронъ Тугутъ — его фактическій руководитель, рѣшился отложивъ въ сторону національную щекотливость, ввѣрить веденіе предстоявшей войны иноземцу.

Впрочемъ рѣшеніе это было вызвано не одними перечисленными причинами. Тугутъ не любилъ Россіи и не могъ признать выборъ Суворова за наилучшій, потому что отъ австрійскихъ генераловъ конечно зналъ про Суворовскій неподатливый и крутой нравъ, про его энергію, настойчивость и самостоятельность, т.-е. про всѣ тѣ качества, которыя въ глазахъ Тугута были именно нежелательны. Но принужденный вымаливать у Россіи помощь войсками и предводителемъ, Тугутъ и его сторонники едва-ли могли сами собой, безъ посторонняго сильнаго давленія, сдѣлать послѣдній, самый трудный шагъ въ признаніи военной несостоятельности Австрійской имперіи. Скорѣе это было дѣломъ Англіи, если не всецѣло, то значительною долей. Въ состоявшейся коалиціи она играла очень важную роль и стало быть имѣла большое вліяніе, такъ какъ практическіе государственные люди Англіи никогда не продавали дешево услугъ своей страны. Можетъ быть Англія же настояла на устраненіи эрцъ-герцога Іосифа и назначеніи русскаго фельдмаршала главнокомандующимъ. На такое заключеніе наводитъ одно изъ писемъ Суворова къ графу С. Р. Воронцову, русскому послу въ Лондонѣ. Говоря про «патріотическое участіе» Воронцова въ назначеніи его, Суворова, главнокомандующимъ, онъ пишетъ: «не могу я описать ощутительную признательность къ оказываемому благоволенію Его Великобританскаго Величества въ избраніи моемъ на предлежащій мнѣ трудный подвигъ». Вторая причина,

также отчасти содѣйствовавшая назначенію Суворова на постъ главнокомандующаго, вытекала изъ личныхъ интересовъ русскаго посла въ Вѣнѣ, Разумовскаго. Положеніе его было непрочное, колеблющееся; неудовольствіе Павла на него росло и осязательно выразилось назначеніемъ въ Вѣну еще Колычева. Разумовскому надо было, такъ сказать, задобрить Павла, подкупить его чѣмъ-нибудь угоднымъ, пріятнымъ, дабы заставить впечатлительнаго, перемѣнчиваго Государя преложить гнѣвъ на милость. Просьба о назначеніи Суворова была именно такимъ шахматнымъ ходомъ, хорошо расчитаннымъ (по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время), ибо вмѣсто висѣвшей надъ нимъ немилости, Разумовскій получилъ орденъ Андрея Первозваннаго.

«Суворовъ явился изъ заточенія тощъ и слабъ, но живой духъ удержалъ и безъ блажи ни на пядь, чѣмъ много теряетъ», читаемъ мы въ одномъ современномъ письмѣ. Представляясь Государю, онъ бросился къ его ногамъ, сдѣлалъ земной поклонъ и по своему выказывалъ разные другіе признаки преданности. По словамъ очевидца, все это видимо выводило Павла I изъ терпѣнія, однако онъ сдерживался. Въ тотъ же день, 9 февраля, Суворовъ былъ снова зачисленъ на службу съ чиномъ фельдмаршала, но безъ объявленія въ приказѣ. Нѣсколько дней спустя, Государь возложилъ на него большой крестъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, съ подобающей церемоніей, причемъ Суворовъ стоялъ на колѣняхъ. Въ это же время Суворовъ получилъ просьбу отъ одной вдовы, Синицкой, которая ему писала: «70 лѣтъ живу на свѣтѣ, 16 взрослыхъ дѣтей схоронила; 17-го, послѣднюю мою надежду, молодость и запальчивый нравъ сгубили: Сибирь и вѣчное наказаніе достались ему въ удѣлъ, а гробъ для меня еще не отворился». Суворовъ обратился къ Государю съ просьбой о помилованіи бывшаго капитана Синицкаго, и Государь не отказалъ. Суворовъ отвѣчалъ Синицкой: «утѣшенная мать, твой сынъ прощенъ; алилуія, алилуія, алилуія». Не сдерживая своей причудливой натуры, прорывавшейся въ сотнѣ разныхъ странностей, онъ однако не дѣлалъ ничего преднамѣренно-непріятнаго для Государя, какъ въ прошлый свой пріѣздъ: это не имѣло бы теперь смысла. Такимъ образомъ онъ не прикидывался недоумѣвающимъ или изумленнымъ при видѣ

введенныхъ Павломъ порядковъ, формъ и уставовъ, не затруднялся снимать шляпу, не путался со шпагой, садясь въ карету, не производилъ никакого замѣшательства на разводѣ.

Пріемъ его петербургской публикой былъ самый восторженный. За нимъ тѣснились толпы, раздавались привѣтствія и пожеланія; почтеніе, уваженіе выражались при всякомъ случаѣ самымъ разнообразнымъ образомъ. Восходило солнце славы, и бѣдствія двухъ минувшихъ лѣтъ придавали ему особенный блескъ. Въ арміи вѣсть о назначеніи Суворова главнокомандующимъ произвела электрическое дѣйствіе, особенно въ войскахъ, которыя назначались на войну. Даже въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, гдѣ ютились недоброжелатели и завистники Суворова, все какъ будто преобразилось въ смыслѣ общаго настроенія. Всѣ повалили къ нему съ поклономъ и поздравленіями; вынужденно-надѣтая личина равняла друзей съ недругами до неузнаваемости. Любезностямъ, комплиментамъ не было ни конца, ни мѣры; но Суворовъ помнилъ прошлое, различалъ людей, и многимъ изъ его новообъявившихся поклонниковъ пришлось съ притворною улыбкой корчиться и ежиться подъ его ироніей и сарказмомъ. Въ числѣ явившихся на поклонъ былъ и Николевъ. Такая безтактность застала Суворова врасплохъ, и онъ не нашелъ въ себѣ достаточно великодушія, чтобы оставить ее безъ вниманія; назвалъ Николева «первымъ своимъ благодѣтелемъ» и велѣлъ Прохору посадить его «выше всѣхъ». Прохоръ взмостилъ стулъ на диванъ, заставилъ Николева сѣсть на это дѣйствительно «высокое» мѣсто, при громкомъ смѣхѣ присутствовавшихъ, и Суворовъ почтилъ своего сконфуженнаго гостя изысканными поклонами.

Суворову дано было 30,000 р. на подъемъ, назначено по 1,000 р. въ мѣсяцъ столовыхъ; приказано не производить съ него взысканія по претензіи Ворцеля, а предоставить послѣднему искать убытковъ обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ съ тѣхъ, кто продалъ его лѣсъ и поташъ. Такое исключеніе въ ущербъ Ворцелю послѣдовало потому, что претензіи прочихъ лицъ были уже удовлетворены; о нихъ не упоминалось, какъ о дѣлѣ прошломъ. Да и по Ворцелевскому дѣлу разрѣшеніе послѣдовало нѣсколько поздно, потому что болѣе 9,000 р. было

уже къ тому времени взыскано; теперь ихъ пришлось требовать обратно, и вся эта путаница осталась при жизни Суворова не распутанной. Оба русскіе корпуса, направленные въ Италію, были отданы въ полное подчиненіе Суворову. Рескрипты Государя слѣдовали одинъ за другимъ и отличались выраженіями благоволенія и благосклонности. Императоръ Павелъ потребовалъ книгу Антинга, чтобы подробнѣе познакомиться съ прежними кампаніями своего полководца. Случилось даже одно мелочное, но многозначительное обстоятельство. Суворовъ просилъ у Государя дозволенія на кое-какія перемѣны въ войскахъ, противъ существующаго положенія. Павелъ I разрѣшилъ, сказавъ: «веди войну по-своему, какъ умѣешь». Это было верхомъ снисходительности со стороны Государя; жаль только, что и просьба Суворова, и разрѣшеніе дошли до насъ безъ дальнѣйшихъ подробностей, которыя могли бы освѣтить кое-что изъ случившагося впослѣдствіи, остающагося до сей поры темнымъ.

Довѣріе Государя къ Суворову было однако неполное; доказательство тому — высочайшій рескриптъ генералу Герману, тотчасъ по отправленіи Толбухина за Суворовымъ въ село Кончанское. Этимъ рескриптомъ возлагалась на Германа обязанность: «имѣть наблюденіе за его, Суворова, предпріятіями, которыя могли бы повести ко вреду войскъ и общаго дѣла, когда будетъ онъ слишкомъ увлекаться своимъ воображеніемъ, заставляющимъ его иногда забывать все на свѣтѣ. Итакъ, хотя онъ по своей старости уже и не годится въ Телемаки, тѣмъ не менѣе однако же вы будете Менторомъ, коего совѣты и мнѣнія должны умѣрять порывы и отвагу воина, посѣдѣвшаго подъ лаврами». Германъ не затруднился принять на себя такое щекотливое и неносильное порученіе; это былъ цеховой тактикъ, смотрѣвшій на военное дѣло какъ на графическое искусство и не подозрѣвавшій, что въ немъ нельзя принимать людей только за счетныя единицы. Онъ весь обозначился въ отвѣтѣ своемъ Государю; толкуя про глубокій строй, про параллельный боевой порядокъ, про направленіе маршей и лагерныя расположенія, онъ видитъ въ Суворовѣ только «старыя лѣта, блескъ побѣдъ и счастіе, постоянно сопровождавшее всѣ его предпріятія». Послѣдствія не замедлили разочаровать Государя на счетъ Германа

и многихъ иныхъ, коихъ онъ принималъ за корифеевъ военнаго искусства и доказали, что оно, это искусство, находилось именно въ рукахъ Суворова, несмотря на порывы его «воображенія».

Впрочемъ, опять-таки Государь былъ совсѣмъ не одинокъ въ опасеніяхъ на-счетъ Суворова. Онъ боялся его «воображенія», другіе находили въ немъ излишній «натурализмъ», третьи ожидали всякихъ золъ отъ его «своенравія». Все это въ сущности сводилось къ излишней пылкости Суворова, т.-е. къ главному его недостатку—запальчивости. Но развѣ одна запальчивость дѣйствовала въ Суворовѣ, развѣ не выкупались его недостатки сторицею громадными достоинствами и даже не были ли эти недостатки только оборотною стороною его несравненныхъ военныхъ качествъ? Какъ видно, въ мнѣніи его судей — нѣтъ. Его просто не понимали, и это непониманіе шло такъ далеко, что сочли возможнымъ приставить къ нему дядьку, тогда какъ одна мысль—о руководительствѣ Суворовымъ на боевомъ полѣ—представляется намъ нынѣ (и вполнѣ справедливо) чѣмъ-то невразумительнымъ, даже нелѣпымъ.

Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что распоряженіе о надзорѣ за Суворовымъ послѣдовало значительно раньше, чѣмъ прочія повелѣнія, свидѣтельствовавшія о довѣріи къ нему Государя. Но это не измѣняетъ дѣла, такъ какъ первое не было отмѣнено, и менторство Германа не осуществилось лишь потому, что онъ получилъ назначеніе на другой театръ войны.

Суворовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ послѣднихъ числахъ февраля и ѣхалъ не очень скоро, особенно за Митавой, такъ какъ дорога съ каждымъ днемъ ухудшалась, да и здоровье его не могло уже выдерживать безостановочной ѣзды прежнихъ лѣтъ, замѣтно разстроившись въ Кончанскѣ, о чемъ прямо говорится въ письмахъ его приближенныхъ съ дороги. Остановки дѣлались дважды въ день, для обѣда и чая, каждый разъ на три часа, «ради пищеваренія, прежде чѣмъ тронуться въ дальнѣйшій путь»,—обстоятельство новое, прежде не встрѣчавшееся. Кромѣ того сдѣланы болѣе продолжительныя остановки въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Первая по времени была въ Митавѣ, въ замкѣ герцога. Желающихъ представиться Суворову собралось

въ пріемномъ залѣ великое множество. Отворилась дверь, выглянулъ Суворовъ босой, въ одной рубашкѣ, сказалъ: «Суворовъ сейчасъ выйдетъ» и скрылся. Весьма скоро, черезъ нѣсколько минутъ, онъ появился снова, но уже въ полной формѣ, и сдѣлалъ пріемъ. Выходка эта имѣла цѣлью показать, насколько онъ еще расторопенъ, вопреки носившимся слухамъ о его старости и дряхлости. Послѣ пріема Суворовъ пошелъ пѣшкомъ по улицамъ, за нимъ повалили толпы народа; придя на гауптвахту, онъ замѣтилъ, что караулу былъ принесенъ обѣдъ, сѣлъ вмѣстѣ съ солдатами, съ большимъ аппетитомъ поѣлъ каши и затѣмъ поѣхалъ къ Французскому королю-претенденту, жившему въ Митавѣ же.

На Людовика онъ произвелъ впечатлѣніе большое, но смѣшанное: и въ хорошую, и въ дурную сторону. Людовикъ упоминаетъ про его «причуды, похожія на выходки умопомѣшательства, если бы не исходили изъ разсчетовъ ума тонкаго и дальновиднаго»; говоритъ про «обезьянскую физіогномію, про ухватки до того странныя и уморительныя, что нельзя смотрѣть безъ смѣха или сожалѣнія». Въ отзывѣ претендента разумѣется упоминается про жестокость Суворова, про его кровожадность, про вѣру въ колдовство, въ таинственное вліяніе свѣтилъ и вообще высказываются избитыя, пошлыя понятія о Суворовѣ, которыя успѣли уже сдѣлаться ходячими. Представляясь Людовику, Суворовъ преклонился предъ нимъ почти до земли, поцѣловалъ руку и полу платья. Людовикъ сказалъ, что твердо увѣренъ въ его, Суворова, побѣдѣ; Суворовъ отвѣчалъ, что уповаетъ на помощь Божію, считаетъ Божескимъ наказаніемъ, что не встрѣтится съ Бонапартомъ, находящимся въ Египтѣ, и надѣется увидѣться въ будущемъ году съ Людовикомъ во Франціи. Суворовъ поддерживалъ разговоръ «съ ловкостью бывалаго придворнаго» и до такой степени занялъ своего собесѣдника, что тотъ не замѣтилъ, какъ пролетѣлъ часъ времени. Выйдя отъ претендента, Суворовъ встрѣтился на подъѣздѣ съ однимъ аббатомъ, который поднесъ ему книгу своего сочиненія; Суворовъ принялъ ее «съ изящною вѣжливостью версальскаго царедворца». Пріѣхавъ домой, онъ раздѣлся, окатился холодной водой, надѣлъ шубу и пошелъ къ столу. Обѣдалъ онъ въ шубѣ, стоя, самъ

пятъ; на столѣ не было ни скатерти, ни салфетокъ; ѣли рыбу и пшонную кашу; выпили въ заключеніе порядочную чашу пунша.

Продолжая путь, Суворовъ доѣхалъ до Вильна. Остановившись предъ главною гауптвахтой, онъ, не выходя изъ экипажа, принялъ почетный рапортъ отъ командира квартировавшаго въ Вильнѣ Фанагорійскаго полка. Тутъ находились всѣ власти гражданскія и военныя, толпы городскихъ жителей, Фанагорійскіе офицеры и солдаты. Суворовъ пожелалъ видѣть старыхъ гренадеръ, своихъ прежнихъ знакомцевъ; человѣкъ 50 подошли. Суворовъ поздоровался, назвалъ ихъ витязями, чудо-богатырями, своими милыми; обращался ко многимъ по-имянно, подзывалъ поближе, цѣловался. Солдаты переглянулись, выступилъ впередъ гренадеръ Кабановъ и сталъ просить, чтобы Суворовъ взялъ полкъ къ себѣ, въ Италію, противъ Французовъ. «Хотимъ, желаемъ», подхватили другіе. Просьба была невозможная: росписаніе войскъ было составлено давно и, при извѣстныхъ взглядахъ Государя, вмѣшиваться въ это дѣло не слѣдовало никоимъ образомъ. Но не желая огорчить своихъ боевыхъ товарищей отказомъ, Суворовъ обѣщалъ просить Государя; тутъ же приказалъ перемѣнить почтовыхъ лошадей и отправился въ дальнѣйшій путь. Немного спустя, въ Италіи, онъ вспомнилъ про своихъ любимыхъ Фанагорійцевъ и пожалѣлъ, что ихъ съ нимъ нѣтъ, а еще вдвое жалѣли объ этомъ гренадеры, попавшіе въ неумѣлыя руки, въ Голландію.

Зима была очень снѣжная, ухабы и сугробы дѣлали дорогу мѣстами совсѣмъ непроѣзжею. Въ одномъ изъ сугробовъ экипажъ Суворова засѣлъ; къ счастію подоспѣлъ шедшій походомъ эскадронъ кирасирскаго полка и принялся вытаскивать. Все время, пока солдаты работали, Суворовъ кричалъ: «ура, ура, храбрые рымникскіе карабинеры», узнавъ полкъ, участвовавшій въ знаменитой кавалерійской атакѣ на турецкіе окопы подъ Рымникомъ. Что дальше, то ѣзда становилась затруднительнѣе, такъ что Суворовъ бросилъ наконецъ колесный экипажъ и сѣлъ въ почтовыя сани. Марта 3 пріѣхалъ онъ въ Кобринъ и рѣшился остановиться тутъ на нѣсколько часовъ, выкидая экипажъ, но судя по маршрутнымъ числамъ дальнѣйшаго пути, остался

по какимъ-то причинамъ нѣсколько дней. Вѣроятно большая часть этого времени пошла на распоряженія по имѣнію; Суворовъ ожидалъ еще высочайшаго рѣшенія по прежнимъ на него искамъ и возвращенія деревень отъ офицеровъ на предложенныхъ условіяхъ; однако ни теперь, ни послѣ не дождался. Изъ кобринской переписки также видно, что между лицами его свиты происходили какія-то неудовольствія или интриги по поводу одного изъ нихъ, котораго одни принимали за шпіона и хотѣли немедленно выжить, другіе же противились, чтобы не компрометировать Хвостова передъ генералъ-прокуроромъ, а послѣдняго передъ Государемъ. Рѣчь шла о какомъ-то sieur Wenkov; въ чемъ именно было дѣло, не знаемъ; младшій Горчаковъ настоялъ, чтобы подозрѣваемый субъектъ былъ посланъ изъ Вѣны или изъ другого мѣста въ Петербургъ, съ порученіемъ, безъ возврата къ арміи, ибо-де «по крайней мѣрѣ будетъ замаскировано» [35]).

Продолжая путь изъ Кобрина, Суворовъ получилъ отъ Государя нѣсколько рескриптовъ, «весьма милостивыхъ и благоволительныхъ»; около 9 числа перевалилъ въ Брестѣ границу и 14 марта вечеромъ пріѣхалъ въ Вѣну. Онъ остановился въ домѣ русскаго посольства; посолъ, графъ Разумовскій, заранѣе распорядился, чтобы въ комнатахъ фельдмаршала не было зеркалъ, бронзы и вообще никакой роскоши, и чтобы была приготовлена постель изъ сѣна.

На слѣдующій день назначена была у императора аудіенція; Суворовъ поѣхалъ вмѣстѣ съ графомъ Разумовскимъ. Толпы любопытныхъ образовали собою шпалеры по всѣмъ улицамъ, отъ самаго посольскаго дома до дворца; даже дворцовая лѣстница и смежные коридоры были полны зрителями. Вездѣ гремѣли «виваты» императору Павлу и Суворову; на восторженные клики народа, Суворовъ отвѣчалъ виватами императору Францу. Прибывъ во дворецъ, Суворовъ былъ приглашенъ къ императору одинъ и полчаса пробылъ съ нимъ наединѣ; послѣ него дана аудіенція Разумовскому; затѣмъ приняты офицеры, находившіеся въ свитѣ Суворова. Разговоръ Франца съ Суворовымъ остался неизвѣстнымъ; послѣдній доносилъ Павлу I объ аудіенціи очень коротко и упомянулъ только объ одной подробности, именно что

Австрійскій императоръ очень недоволенъ медленнымъ движеніемъ русскихъ корпусовъ, почему приказано Розенбергу и Герману спѣшить. Графу Разумовскому въ аудіенціи также ничего не высказано, кромѣ благодарности и соотвѣтствующихъ случаю любезностей. Суворовъ вернулся домой при тѣхъ же оваціяхъ народа; на другой день ѣздилъ представляться императрицѣ, эрцъ-герцогамъ и французскимъ принцессамъ; но по причинѣ великаго поста отказался быть на обѣдѣ у Разумовскаго, куда съѣхался весь высшій кругъ Вѣны. Подъ тѣмъ же предлогомъ онъ не принялъ ни одного подобнаго приглашенія отъ министровъ и другихъ знатныхъ лицъ; отчего, во избѣжаніе отказа, не былъ приглашенъ къ столу и императоромъ. Есть извѣстіе, что находясь въ Вѣнѣ, Суворовъ видѣлся и бесѣдовалъ съ принцемъ де-Линемъ (отцомъ), съ принцемъ Кобургскимъ, съ отставнымъ генераломъ Карачаемъ, котораго и уговорилъ поступить снова на службу въ войска подъ его, Суворова, начальство; но затѣмъ большихъ пріемовъ онъ не дѣлалъ и обширнаго знакомства не заводилъ.

Вообще онъ старался вести въ Вѣнѣ свой обычный образъ жизни, вставалъ за-долго до свѣта, обѣдалъ въ 8 часовъ утра. Одинъ изъ его немногихъ выѣздовъ былъ въ Шенбруннъ, чтобы взглянуть на отдѣленіе Розенбергова корпуса, проходившее на театръ войны. Въ этотъ день Вѣна почти опустѣла; все повалило въ Шенбруннъ, гдѣ встрѣчалъ русскую колонну императоръ Францъ. Не будучи сюда приглашенъ, Суворовъ сидѣлъ въ каретѣ и смотрѣлъ оттуда на войска; Францъ его замѣтилъ и предложилъ верховую лошадь; Суворовъ сѣлъ верхомъ и рядомъ съ императоромъ смотрѣлъ проходившія русскія войска.

По словамъ очевидца-иностранца, вся Вѣна нравственно преобразилась съ пріѣздомъ Суворова. Объ немъ только и было рѣчи; его оригинальность, жесты, слова разбирались въ мельчайшихъ подробностяхъ, перетолковывались, извращались за предѣлы вѣроятнаго. «Радость, довѣріе и надежду» внушало присутствіе Суворова всѣмъ, отъ послѣдняго горожанина до вельможи; казалась новая жизнь прихлынула широкимъ потокомъ. Даже въ императорѣ замѣтили перемѣну; удовольствіе свѣтилось въ его глазахъ; онъ сдѣлался веселъ, какъ не бывалъ дотолѣ.

Сначала все шло хорошо, даже лучше, чѣмъ Суворовъ могъ ожидать, такъ какъ было отмѣнено прежнее предположеніе о порученіи главнаго начальствованія въ Италіи эрцъ-герцогу палатину подъ наблюденіемъ и руководствомъ Суворова и рѣшено отдать послѣднему союзную армію въ качествѣ главнокомандующаго. Это повлекло за собою новое для него повышеніе; чтобы подчинить ему, генералу иностранной службы, австрійскія войска, признано нужнымъ поставить его ступенью выше самыхъ старшихъ австрійскихъ генераловъ итальянской арміи, пожаловавъ чинъ фельдмаршала. Ему обѣщана была свобода дѣйствій на театрѣ войны; объ этомъ говорено и ему, и графу Разумовскому барономъ Тугутомъ и самимъ императоромъ, а Разумовскій доносилъ въ Петербургъ. Однако Вѣнскій кабинетъ все-таки желалъ, чтобы Суворовъ изложилъ ему свои предположенія о планѣ предстоящей кампаніи. Францъ прислалъ для совѣщанія съ Суворовымъ нѣкоторыхъ членовъ гофкригсрата, а въ другой разъ одного генерала, хорошо знакомаго съ итальянскимъ театромъ войны; Суворовъ отвѣчалъ, что рѣшитъ дѣло на мѣстѣ, по тамошнимъ даннымъ. Послѣ этого пріѣхали 4 члена гофкригсрата съ изготовленнымъ планомъ кампаніи *до р. Адды*, прося Суворова именемъ императора исправить или измѣнить проектъ, въ чемъ онъ признаетъ нужнымъ. Суворовъ зачеркнулъ крестомъ записку и написалъ снизу, что *начнетъ* кампанію переходомъ черезъ Адду, а кончитъ гдѣ Богу будетъ угодно. Онъ иногда разговаривалъ объ этомъ предметѣ съ Разумовскимъ, передавая ему основные принципы своего военнаго искусства и особенности своей тактики, но это было совсѣмъ не то, что требовалось Вѣнскому кабинету, и Разумовскій справедливо доносилъ Государю, что не считалъ полезнымъ передавать слова Суворова.

Послѣдствіемъ такихъ неудачныхъ негоціацій должно было явиться нѣчто въ родѣ холодности между Суворовымъ и Тугутомъ, который привыкъ властвовать безраздѣльно и руководить самимъ гофкригсратомъ, хотя къ военному дѣлу не имѣлъ серьезной подготовки. Подобное вступленіе ничего хорошаго впереди не обѣщало, потому что сталкивались руководитель съ исполнителемъ, которые еще другъ друга близко не знали и надѣялись

одинъ другого сломить, не подозрѣвая въ своемъ противникѣ всего упорства и энергіи, которыми онъ въ дѣйствительности обладалъ. Повидимому въ этомъ виноватъ былъ болѣе Суворовъ, чѣмъ Австрійское правительство; но это кажется только съ перваго взгляда. Суворовъ зналъ, что такое гофкригсратъ и долженъ былъ сразу отъучить его отъ всякихъ поползновеній на руководительство. Это удивительное учрежденіе могло вырости не на всякой почвѣ; его можно объяснить только узкимъ военнымъ методизмомъ эпохи и принципіальною недовѣрчивостью правительства ко всему и ко всѣмъ. Только на этихъ основахъ и понятно существованіе придворнаго военнаго совѣта, составлявшаго планы войнъ, походовъ и всякаго рода военныхъ дѣйствій, стоявшаго на точномъ ихъ исполненіи, безъ измѣненій до полученія на то разрѣшенія, и строго каравшаго ослушниковъ. Заставить командующаго генерала ходить на помочахъ, протянутыхъ изъ столицы, иногда Богъ знаетъ на какое разстояніе и при какихъ условіяхъ, — значило дѣлать его безсильнымъ при малѣйшей перемѣнѣ обстоятельствъ. Даровитому генералу подобная опека была невыносима, а обладающему такими особенностями какъ Суворовъ—совсѣмъ невозможна.

При своихъ основныхъ взглядахъ на военное дѣло и при громадномъ опытѣ, Суворовъ лучше всякаго другого понималъ, что прекрасно составленные планы кампаній могутъ оказаться исполнимыми только частію, а иногда должны совершенно измѣниться, потому что имъ будетъ противодѣйствовать непріятель, котораго силы и способы съ вѣрностью опредѣлить нельзя и который имѣетъ свои собственныя намѣренія и цѣли. Суворовъ всегда принималъ къ соображенію случай на войнѣ; въ одномъ изъ писемъ своихъ, періода второй Турецкой войны, онъ говоритъ: «Si l'on se connait dans la balance immuable de Jupiter, il faut quelquefois laisser agir le destin, sans égard au libre arbitre». Вѣроятно поэтому онъ отвергалъ всякіе законченные планы дѣйствій, гдѣ все предусматривается и предрѣшается. Онъ признавалъ практически-возможными только самыя общія предначертанія, предоставляя все остальное указанію обстоятельствъ, и въ этомъ смыслѣ постоянно говорилъ и писалъ, ссылаясь на Юлія Цезаря. Онъ имѣлъ сильное нерасположеніе къ планамъ

писаннымъ, тщательно разработаннымъ, да еще коллегіальнымъ образомъ; дѣйствительно такіе планы, составляя секретъ многихъ, рѣдко остаются въ тайнѣ и попадаютъ обыкновенно въ руки непріятеля. Будучи знатокомъ исторіи, особенно военной, и изучивъ въ совершенствѣ войны XVIII столѣтія, Суворовъ не могъ не видѣть, что несчастная манія—все предвидѣть, все комбинировать на бумагѣ и направлять каждый шагъ главнокомандующаго изъ кабинета, — дорого обходилась Австріи уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, и только одна эта держава, по непонятной слѣпотѣ, не замѣчала фальши въ своей системѣ. «Въ кабинетѣ врутъ, а въ полѣ бьютъ», постоянно говаривалъ Суворовъ про подобныя тенденціи.

При всемъ томъ можетъ быть сдѣлано замѣчаніе, что правительство государства, которое столько лѣтъ подрядъ несло громадныя жертвы и терпѣло военныя неудачи, не могло продолжать войну безъ обозначенія ея ближайшихъ цѣлей, ввѣрившись слѣпо одному лицу, вдобавокъ иностранцу. Можетъ быть указано, что Суворову слѣдовало понять свое положеніе и, въ интересахъ самаго дѣла, не обрекать робкое, обезкураженное правительство на роль нетолько бездѣйственную, но и лишенную возможности контроля. Иначе говоря, отказавшись отъ предъявленія подробнаго плана кампаніи, въ духѣ гофкригсрата, не долженъ ли былъ русскій полководецъ изложить письменно, или хоть словесно, свои соображенія въ самыхъ общихъ чертахъ? Вѣдь сложилось же у него въ головѣ общее направленіе предстоявшихъ дѣйствій; отчего же ему было не подѣлиться своими мыслями съ гофкригсратомъ? Утвердительный отвѣтъ едва-ли былъ бы вѣренъ. Конечно Суворовъ составилъ себѣ общее предположеніе, но сообщеніе его гофкригсрату ни къ чему не привело бы. Всякій планъ Суворова показался бы Вѣнскому кабинету во-первыхъ слишкомъ смѣлымъ и рискованнымъ. Затѣмъ, при томъ анализѣ, которымъ только и существовалъ гофкригсратъ и который приложимъ лишь къ обстоятельно выработаннымъ проектамъ военныхъ операцій, — планы общіе представлялись неуловимыми для взвѣшиванія, измѣриванія и прикидыванія къ масштабу. Они непремѣнно требовали разработки, ибо тогда только дѣлались доступными для критики, а Суворову

пришлось бы или погрузиться въ безплодныя измышленія, противорѣчившія характеру его военнаго дарованія, или пуститься въ препирательство и споры и на этого рода аренѣ понести несомнѣнное пораженіе, въ чемъ онъ сознавался еще подъ Фокшанами. А конечнымъ результатомъ было бы составленіе гофкригсратомъ собственнаго законченнаго, округленнаго проекта, къ чему попытка уже и была сдѣлана относительно начала кампаніи до Адды. Вотъ по какимъ причинамъ Суворовъ долженъ былъ отказаться и отказался отъ изложенія своихъ намѣреній.

Суворову было больше нечего дѣлать въ Вѣнѣ. Здѣсь успѣлъ написать его портретъ «первый вѣнскій живописецъ» Крейцингеръ, по протекціи одного изъ близкихъ, за что и отблагодарилъ протектора портретомъ съ его собственной особы. Выѣздъ въ армію назначенъ былъ на 24 число; наканунѣ была назначена императоромъ отпускная аудіенція. Суворовъ, кончившій переговоры съ Вѣнскимъ кабинетомъ ничѣмъ, далъ только въ одномъ частномъ обществѣ шутливое обѣщаніе — не слѣдовать примѣру другихъ, не обращаться съ Французами такъ деликатно, какъ съ дамами, ибо онъ уже старъ для подобныхъ любезностей. Но онъ жестоко ошибся, полагая, что выѣдетъ изъ Вѣны съ пустыми руками, т.-е. съ полной волей. На прощальной аудіенціи императоръ Францъ принялъ его по прежнему весьма благосклонно и снова заявилъ ему полную свою довѣренность, но при этомъ вручилъ инструкцію съ изложеніемъ главнѣйшихъ указаній для первоначальнаго хода кампаніи.

Послѣ вступительныхъ комплиментовъ, въ которыхъ между прочимъ значились и «великія, испытанныя дарованія» Суворова, инструкція гласила, что цѣлью первыхъ наступательныхъ дѣйствій должно быть прикрытіе австрійскихъ владѣній и постепенное удаленіе отъ нихъ опасности непріятельскаго вторженія. Она была именно тѣмъ самымъ, во избѣжаніе чего Суворовъ не хотѣлъ обязываться предъ гофкригсратомъ никакими заранѣе составленными предположеніями. Неисправимое Австрійское министерство вытребовало Суворова для тѣхъ же дѣйствій ощупью, съ оглядкой, въ которыхъ оно упражнялось до того времени. Робость проглядывала во всемъ планѣ, вмѣстѣ съ обычной недовѣрчивостью къ главнокомандующему. Это былъ, такъ сказать,

заранѣе изготовленный приказъ, со вставленнымъ именемъ Суворова вмѣсто «имя-рекъ». Для такого плана положительно не стоило вызывать Суворова изъ Кончанска; мало того, назначать его на постъ главнокомандующаго, при подобныхъ условіяхъ, было прямо вредно, потому что онъ во всю свою военную карьеру постоянно боролся съ непрошенной опекой, въ какихъ бы размѣрахъ она ни проявлялась [36]).

Такимъ образомъ сдѣлано было то самое, что передъ тѣмъ поручено четыремъ членамъ гофкригсрата, но отвергнуто Суворовымъ; даже больше, потому что его мнѣнія теперь не спрашивали. По всей вѣроятности онъ принялъ рѣшеніе — держаться данныхъ правилъ лишь по стольку, по скольку они будутъ отвѣчать обстоятельствамъ и его собственнымъ предположеніямъ, вытекающимъ изъ условій мѣста и времени. Онъ вѣдь дѣлалъ такъ всегда, нетолько отступая отъ инструкцій, но даже дѣйствуя вопреки инструкціямъ. Онъ полагалъ, что успѣхъ все покроетъ и извинитъ, какъ было до сихъ поръ. Что касается до хозяйственно-распорядительной части, то передача ея Меласу была вѣроятно даже пріятна Суворову, по крайней мѣрѣ на первое время. Его всегда тяготили этого рода заботы, и еще недавно ему пришлось дорого поплатиться за хозяйственную часть безъ всякой вины. Однако въ настоящемъ случаѣ предположенія и надежды Суворова, если они дѣйствительно были таковы, скоро рушились, и ему пришлось принять много горя.

Конечно, въ нѣкоторой долѣ своего послѣдующаго разочарованія виноватъ онъ самъ. Отражая посягательства Вѣнскаго кабинета на свою свободу дѣйствій, онъ этимъ и ограничивался, не добиваясь категоричности рѣшенія, а между тѣмъ только такая категоричность въ состояніи была поставить дѣло на твердую почву и устранить недоразумѣнія въ будущемъ. Не дойдя до конца, Суворовъ далъ поверхность надъ собою Австрійскому императору, что и выразилось внезапно появившейся инструкціей. Недостатокъ положительныхъ выводовъ въ переговорахъ сказался, между прочимъ, еще и въ томъ, что потомъ каждая сторона считала себя правою, и Францъ оправдывался передъ Русскимъ Государемъ тѣмъ, что поступилъ на основаніи вѣнскихъ переговоровъ.

Выѣзжая изъ Вѣны, Суворовъ поблагодарилъ графиню Разумовскую за гостепріимство, надѣлъ на нее золотое сердечко на золотой цѣпочкѣ, замкнулъ сердечко и ключикъ оставилъ при себѣ. Направившись на Брукъ и Виллахъ, онъ сталъ обгонять русскія войска, которыя теперь шли ускореннымъ маршемъ; на встрѣчу ему, въ Виченцу, выѣхалъ генералъ-квартирмейстеръ арміи маркизъ Шателеръ; Суворовъ пригласилъ его къ себѣ въ карету. Здѣсь Шателеръ развернулъ карту и сталъ объяснять расположеніе и движенія войскъ, наводя Суворова на изложеніе мыслей о планѣ предстоящихъ дѣйствій. Суворовъ слушалъ разсѣянно и, въ видѣ отвѣта, произносилъ иногда только слова: «штыки, штыки».

Въ этотъ день были привезены въ Верону и выставлены трофеи, добытые недавно одержанной надъ Французами побѣдой. Здѣсь, какъ и почти во всѣхъ другихъ мѣстахъ Италіи, населеніе дѣлилось на двѣ главныя партіи,—сторонниковъ и противниковъ Франціи и ея режима. Первая партія была въ началѣ сильна, но отъ безмѣрныхъ грабежей и насилій Французовъ быстро рѣдѣла и потомъ, благодаря побѣдамъ Суворова, уменьшилась до размѣровъ ничтожныхъ. При видѣ трофеевъ, впечатлительный народъ пришелъ въ восторгъ, раздались радостныя восклицанія, образовалось гулянье, открылось празднество. Австрійскія власти и успѣвшіе съѣхаться сюда русскіе генералы готовились къ встрѣчѣ Суворова; народъ это узналъ и толпами повалилъ за-городъ, по дорогѣ. Въ 6 или 7 верстахъ за-городомъ толпы встрѣтили экипажи; въ одномъ сидѣлъ Суворовъ съ Шателеромъ, въ трехъ или четырехъ другихъ — офицеры свиты и прислуга фельдмаршала; эскортъ состоялъ изъ 8 казаковъ. Раньше, на дорогѣ, было Суворову немало торжественныхъ и сочувственныхъ встрѣчъ, но такой, какъ здѣсь, нигдѣ еще не бывало, даже въ Вѣнѣ. Толпы окружили карету Суворова, остановили ее, укрѣпили на ней какое-то принесенное изъ города знамя и съ криками провожали до самыхъ городскихъ воротъ. Тутъ прибавились новыя толпы, которыя на каждомъ шагу впередъ все умножались; многотысячное сборище кричало виваты то Суворову, то Францу и Суворову, двигалось, волновалось и на разные лады высказывало свой восторгъ при

видѣ знаменитаго полководца. Въ такой тріумфальной обстановкѣ, вечеромъ 3 апрѣля, подъѣхалъ Суворовъ не безъ труда къ приготовленному для него помѣщенію въ великолѣпныхъ палатахъ графа Эмили и быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ.

Въ пріемный залъ стали тотчасъ же собираться русскіе и австрійскіе генералы, высшія духовныя и гражданскія лица, представители сословій. Спустя нѣсколько минутъ вышелъ Суворовъ, поклонился всѣмъ и подошелъ подъ благословеніе архіепископа. Архипастырь сказалъ ему привѣтствіе, затѣмъ и городская депутація. Суворовъ отвѣчалъ, что присланъ сюда выгнать Французовъ, защитить троны и вѣру, возстановить миръ и тишину, просилъ у архіепископа молитвъ, а прочимъ рекомендовалъ вѣрность и повиновеніе законамъ. Произнеся свое короткое слово, онъ остановился какъ бы собираясь съ мыслями, но потомъ наклонивъ голову въ видѣ поклона, вышелъ. Всѣ стали расходиться, остались только русскіе генералы и нѣсколько австрійскихъ. Суворовъ опять показался, поклонился и зажмуривъ глаза, обратился къ Розенбергу съ просьбою — познакомить его съ сослуживцами. Розенбергъ сталъ представлять, произнося чинъ и фамилію каждаго, Суворовъ стоялъ зажмурившись и при имени лица, съ которымъ прежде не служилъ, открывалъ глаза, дѣлалъ поклонъ и говорилъ: «не слыхалъ, познакомимся». А когда Розенбергъ называлъ фамилію Суворовскаго сослуживца, или извѣстнаго ему по хорошей репутаціи, Суворовъ обращался къ такимъ съ ласковымъ привѣтствіемъ. Особенно тепло отнесся онъ къ молодому генералу Милорадовичу, вспомнилъ какъ онъ, Милорадовичъ, будучи ребенкомъ, ѣздилъ на палочкѣ, размахивая деревянной саблей; очень похвалилъ пироги, которыми угощалъ его отецъ; поцѣловался со своимъ старымъ знакомцемъ и пообѣщалъ ему геройскую будущность. Еще задушевнѣе принялъ Суворовъ Багратіона, встрепенулся при его имени, вспомнилъ про прежнее славное время совмѣстной съ нимъ службы, обнялъ «князя Петра», какъ онъ его называлъ, поцѣловалъ въ лобъ, въ глаза, въ губы, сказалъ «Господь Богъ съ тобою» и своею сердечною привѣтливостью тронулъ его до слезъ.

Кончивъ пріемъ, Суворовъ сталъ широкими шагами ходить

по комнатѣ, потомъ остановился и принялся произносить афоризмы своего военнаго катехизиса. Потомъ онъ опять замолчалъ и какъ будто погрузился въ думу, но затѣмъ быстро повернувшись къ Розенбергу, проговорилъ: «в. в-во, пожалуйте мнѣ два полчка пѣхоты и два полчка казачковъ». Розенбергъ не уразумѣлъ приказанія и отвѣчалъ, что все войско въ его, Суворова, волѣ. По лицу Суворова пробѣжала тѣнь неудовольствія, онъ обратился къ Розенбергу съ разными вопросами, но либо духомъ, либо формою отвѣтовъ остался неудовлетворенъ; отъ нихъ отдавало не Суворовской школой. Суворовъ отвернулся, нахмурился и не обращаясь ни къ кому, проговорилъ: «намека, догадка, лживка, краткомолвка, немогузнайка; отъ немогузнайки много, много бѣды». Послѣ того преклонивъ голову въ видѣ поклона, онъ вышелъ, а затѣмъ разошлись и всѣ.

Всю ночь горѣла иллюминація и народъ толпился на улицахъ. Вставъ по обыкновенію чуть свѣтъ со своей сѣнной постели, Суворовъ рано утромъ выѣхалъ за городъ, въ лагерь первоприпедшаго эшелона русскихъ войскъ; можно догадаться, какая восторженная была ему встрѣча. Возвратившись домой, онъ нашелъ въ пріемной вчерашнихъ русскихъ генераловъ и снова обратился къ Розенбергу съ просьбой на счетъ «двухъ полчковъ пѣхоты и двухъ полчковъ казачковъ». Розенбергъ отвѣчалъ по вчерашнему. Тогда Багратіонъ, знавшій Суворова ближе, вышелъ впередъ и сказалъ: «мой полкъ готовъ, ваше сіятельство». Суворовъ обрадовался, что его приказаніе наконецъ понято и велѣлъ Багратіону готовиться къ выступленію.

Начиналась Суворовская итальянская кампанія. Начиналась она при обстановкѣ и условіяхъ для Суворова необычайныхъ, ибо слишкомъ велика была перемѣна въ его судьбѣ за послѣдніе два мѣсяца, очень великъ былъ почетъ, оказанный ему въ чужихъ земляхъ. Эти восторженные пріемы и встрѣчи не могли быть выраженіемъ благодарности за прошлое, какъ въ Россіи; они обозначали твердую надежду на побѣдную судьбу русскаго полководца въ будущемъ. На чемъ же основывалась эта надежда, эта увѣренность? Вѣдь до сихъ поръ онъ имѣлъ дѣло съ безпорядочными толпами выродившихся Оттомановъ и съ бандами разъединенныхъ политическимъ разномысліемъ Поля-

ковъ, а теперь его противниками являются непобѣдимые Французы, которыхъ не могли сломить европейскія коалиціи въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. На это и указывали тѣ многочисленные скептики, которые сомнѣвались въ его будущихъ успѣхахъ, но ничего не разсуждающая толпа инстинктивно провидѣла побѣдное начало въ самомъ Суворовѣ, помимо соображеній о качествахъ его противниковъ. На этотъ разъ толпа была права.

Французская военная система, благодаря которой Франція съ успѣхомъ противустояла Европѣ такое долгое время, родилась изъ обстоятельствъ и сложилась подъ ихъ вліяніемъ. Въ началѣ революціи анархія, охватившая всю Францію, разрушила въ войскахъ дисциплину; армія въ настоящемъ смыслѣ перестала существовать. Стали избѣгать правильнаго боя и замѣнять крупныя столкновенія рядомъ мелкихъ стычекъ; задирая непріятеля, тревожа его безпорядочнымъ огнемъ, учащать усилія и въ массахъ людей находить для этого способы. При революціонномъ возбужденіи, а особенно при террорѣ, дѣло не могло стать за людьми; они поступали подъ знамена въ большомъ числѣ. Обученіе сдѣлалось по необходимости самымъ поверхностнымъ; смыслъ его заключался въ усвоеніи людьми общаго условнаго языка, безъ чего не будетъ взаимнаго пониманія. Далѣе этого не шли, и это удовлетворяло. Былъ введенъ разсыпной строй и колонны, требующіе меньшей дрессировки людей, въ стрѣлки разсыпались цѣлые полки, колонны походили на кучи, дѣйствовали налетами.

Первые военные успѣхи придали смѣлости революціонному правительству; политика и война сдѣлались наступательными. Ополченія росли; неподготовленные люди прибывали во множествѣ, но уже находили въ своихъ полкахъ боевую, опытную школу. Французскія колонны, не теряя времени на маневрированіе и стрѣльбу, въ которыхъ были слабы, смѣло бросались въ штыки и прорывали тонкій строй непріятеля. Кромѣ многочисленности и готовности сойтись на штыкъ, французскія войска успѣли пріобрѣсти надъ противникомъ и другія преимущества. Они были во-первыхъ легки, не имѣли обоза, палатокъ, даже зачастую одежды, обуви, продовольствія; ибо на снабженіе всѣмъ

этимъ не хватало ни времени, ни средствъ; все надлежало добыть самимъ впереди, въ непріятельской странѣ, а до тѣхъ поръ терпѣть и изворачиваться. Во-вторыхъ, будучи всегда на-легкѣ, они отличались отъ непріятеля быстротой походныхъ движеній, чему помогала поневолѣ-усвоенная выносливость, привычка къ лишеніямъ, умѣнье довольствоваться малымъ и надежда найти впереди большее. Въ третьихъ, французская армія отличалась энергіей въ веденіи военныхъ операцій. Кромѣ возбудительныхъ свойствъ революціоннаго увлеченія, энергія снисходила на армію отъ генераловъ-выскочекъ. Не нужны были для занятія высокаго военнаго поста ни рожденіе, ни образованіе, ни долгая служба или старшинство; адвокаты, ремесленники, отставные сержанты—безпрепятственно появлялись на верхнихъ ступеняхъ военной іерархіи и исчезали безслѣдно сотнями; но тѣ десятки, которые оставались и продолжали идти впередъ, были люди съ характеромъ, съ дарованіемъ, смѣлые, отважные. Случай на войнѣ игралъ въ ихъ образѣ дѣйствій выдающуюся роль; рисковали они очень многимъ, не отступая передъ опасеніемъ большой потери, такъ какъ тутъ же, рядомъ, видѣли возможность еще большаго выигрыша. Они всегда употребляли средства, отвѣчающія цѣли; преслѣдовали эту цѣль съ настойчивостью изумительною; считали, что ничего не сдѣлано, пока остается хоть что нибудь сдѣлать; каждому усилію давали такое напряженіе, какъ будто это усиліе было послѣднимъ.

Такимъ образомъ французскія войска, наэлектризованныя первыми успѣхами, воспитались на послѣдующихъ. Вмѣстѣ съ тактикою, которой учила война, выросла своеобразная дисциплина, отвѣчавшая духу націи; кромѣ того французскія войска перестали быть прежними безформенными кучами и пріобрѣли навыкъ къ гармоническому, совокупному дѣйствію трехъ родовъ оружія. Избѣгая по прежнему правильныхъ сраженій и стараясь дѣйствовать рядомъ мелкихъ стычекъ, они, въ случаѣ неизбѣжности генеральнаго боя, прибѣгали къ обходу, охвату и прорыву. Французская военная система измѣнила не только видъ сраженій, но и стратегическихъ дѣйствій на театрѣ войны: неподвижность была побѣждена движеніемъ, арміи взяли верхъ надъ крѣпостями, марши вытѣснили осады. Старая так-

тика — осмотрительная, выжидающая, съ робко-разсчитанными шагами, не могла устоять. Корифеи ея теряли голову, отыскивая причины своихъ пораженій. Имъ поневолѣ приходилось удовольствоваться довольно безсмысленнымъ утѣшеніемъ, что Французы побѣждали *не по правиламъ*.

Тактики—рутинеры скорѣе поняли бы весь секретъ, если бы въ приговорѣ своемъ были смѣлѣе и логичнѣе; они нашли бы тогда, что Французы вели войну не то, что *не по правиламъ*, а *вопреки правилъ*. И дѣйствительно, Французы дѣйствовали прямо на перекоръ военнымъ принципамъ времени. Вступивъ въ сраженіе, они мало заботились о прикрытіи фланговъ, о надежномъ обезпеченіи сообщеній, о сбереженіи людей, а атаковали смѣло, беззавѣтно и пристрастіе къ штыку простерли даже до крайности, за что и платились впослѣдствіи неоднократно. Когда нельзя было обойти, охватить непріятеля, ударить ему во флангъ или въ тылъ, Французы не колебались идти на прорывъ, бить въ лобъ, несмотря ни на какія потери. Они переправлялись черезъ рѣки днемъ, въ виду непріятеля, нерѣдко вплавь, или наводили мосты прямо подъ его огнемъ; горы переходили съ конницей и артиллеріей; переносили на рукахъ орудія, возили ихъ людьми вмѣсто лошадей, взбирались на кручи и спускались въ пропасти, увязая по плечи въ снѣгу. Зимнія кампаніи вошли въ правило; палатокъ не было; бивуакировали безъ одежды, полунагіе: форсированные марши производили безъ обуви; ходили въ атаку впроголодь. Правда, тоже самое можно встрѣтить не у однихъ Французовъ, но и у всѣхъ другихъ, въ разныя времена; только все это имѣетъ значеніе исключенія. Во французскихъ же войскахъ, въ эпоху революціонныхъ войнъ, исключеніе сдѣлалось правиломъ; что было рѣдкимъ, стало обычнымъ; что считалось маловѣроятнымъ, повторялось каждый день. Солдатъ считалъ себя обязаннымъ дѣлать все, что отъ него требуетъ война, и былъ убѣжденъ въ своей годности на все; онъ усвоилъ себѣ привычку — не имѣть ни къ чему привычки. Вся французская военная доктрина сложилась на выполненіи того, что для дюжиннаго благоразумія считалось невозможнымъ.

Этой-то *теоріи невозможнаго* Французы обязаны наибольшими успѣхами, ихъ противники наибольшими пораженіями,

Европа — наиболѣе изумительными военными событіями. Теорія эта породила въ арміяхъ коалиціи удручающее убѣжденіе, будто они имѣли противъ себя неодолимое превосходство въ средствахъ и источникахъ; она вселила въ нихъ если не вѣру въ непобѣдимость Французовъ, то сомнѣніе въ собственныхъ силахъ. Одолѣть Французовъ могли только новые люди, имѣвшіе другія средства, обладавшіе военными принципами, однородными съ французскими; противъ теоріи невозможнаго требовалась тоже теорія невозможнаго. Ее принесъ съ собой Суворовъ.

Суворовская военная система не порождена обстоятельствами, а родилась изъ особенностей его военнаго дарованія. Главная ея основа — человѣкъ и духовная его сила; главные атрибуты— энергія, смѣлость, быстрота, простота. Система эта родилась у Суворова въ своей основѣ совсѣмъ готовая, лѣтъ за 30 до революціонныхъ войнъ; она ясно выразилась въ его командованіи полкомъ и получила приложеніе къ дѣлу въ первую же затѣмъ войну. Основнымъ условіемъ своей теоріи Суворовъ ставилъ *боевое* воспитаніе и обученіе войскъ. Онъ направлъ на развитіи въ людяхъ отваги и упорства, на воспитаніи солдатскаго сердца въ безстрашіи, въ закалкѣ его до притупленія инстинкта самосохраненія, до парализованія впечатлительности ко всякаго рода неожиданностямъ. Воспитывая въ этомъ смыслѣ войска, Суворовъ пріучилъ ихъ не бояться за свои фланги и тылъ; онъ влилъ въ нихъ убѣжденіе, что самое вѣрное, прямое и даже наименѣе опасное средство одерживать побѣду заключается въ томъ, чтобы искать ее въ серединѣ непріятельскихъ батальоновъ. Все сводилось къ наступленію и атакѣ; рѣшителемъ судебъ боя признавался штыкъ; отступательныя движенія исключались изъ обученія; намекъ на ретираду считался растлѣвающимъ.

Суворовская боевая система отличаясь отъ французской частностями и подробностями то въ лучшую, то въ худшую сторону, тѣмъ не менѣе была совершенно съ нею однородна. Простота Суворовскихъ соображеній была замѣчательная, и ей соотвѣтствовала простота исполненія. Быстрота его доходила до маловѣроятнаго развитія; онъ буквально побѣждалъ неподвижность движеніемъ. Это было не легко; русская армія отличалась

тяжеловѣсностью, вслѣдствіе значительнаго количества обозовъ и большой ноши пѣхотинца; но Суворовъ обходилъ то, что не въ силахъ былъ измѣнить: онъ оставлялъ обозы позади, облегчалъ движеніе солдата попутными мѣстными средствами, наконецъ просто шелъ впередъ, не обращая вниманія на число отсталыхъ и утѣшая себя соображеніемъ, что остающихся въ строю храбрыхъ и энергическихъ людей будетъ достаточно для одолѣнія непріятеля. Это было не увлеченіемъ, а логикой; время стоило гораздо дороже; «одна минута рѣшаетъ исходъ баталіи, одинъ часъ успѣхъ кампаніи, одинъ день судьбы имперій», говоритъ онъ, прибавляя: «я дѣйствую не часами, а минутами». Подобно Французамъ, Суворовъ считалъ главнымъ элементомъ войны армію, не любилъ осадъ, не связывалъ себя магазинами или депо и считалъ скорость движеній важнѣе достоинствъ позицій. Едва ли не самое выдающееся изъ боевыхъ качествъ Суворова, энергія, высказывалась не въ одной быстротѣ движеній а рѣшительно во всемъ, особенно въ бою. Онъ обладалъ такой нравственной упругостью, что препятствія не уменьшали, а увеличивали его настойчивость, передъ которою наконецъ гнулась или ломалась воля противника. «Знаешь ли, почему якобинцы взяли верхъ и владычествуютъ теперь во Франціи», говорилъ онъ французу-эмигранту, своему подчиненному: «потому, что у нихъ твердая, глубокая воля, а вы, ваша братія, *не умѣете хотѣть*». Оттого полумѣръ Суворовъ не зналъ; передъ трудностями въ своихъ расчетахъ не останавливался; случаю давалъ широкое мѣсто въ своихъ успѣхахъ, ибо умѣлъ имъ пользоваться моментально. «У фортуны длинные волосы на лбу, а затылокъ голый», говаривалъ онъ: «пролетѣла — не поймаешь». Его отвагу и смѣлость можно было бы назвать дерзостью, если бы онѣ не коренились въ глубокой увѣренности Суворова въ себѣ; эта-то увѣренность, выросшая на испытанной вѣрности усвоенныхъ принциповъ, и давала ему побѣду.

По военачальнику были и войска. Обладая богатыми природными качествами, русскій солдатъ въ школѣ Суворова еще выросталъ и складывался въ героя. «Гдѣ проходитъ олень, тамъ пройдетъ и солдатъ», сказалъ Суворовъ въ 1793 году, т.-е. когда его взгляды и афоризмы нельзя уже было заподозрить

въ абстрактности, и въ поясненіе еще прибавилъ: «не надо допускать ущерба дѣлу». И точно, Суворовскіе солдаты не ходили, а летали, несмотря ни на какія препятствія, въ родѣ ли болотистыхъ дорогъ или пустого желудка. Въ бою Суворовская школа отражалась на войскахъ еще полнѣе; они дѣйствовали со смѣлостью беззавѣтной; дрались «какъ отчаянные», по собственному выраженію Суворова, который къ этому прибавлялъ: «а ничего нѣтъ страшнѣе отчаянныхъ». Ихъ настойчивость и упорство казалось не знали иного предѣла, кромѣ побѣды; по выраженію одного иностранца, русскіе батальоны «обладали твердостью и устойчивостью бастіоновъ». По словамъ другого иностранца, (высказаннымъ недавно), Русскіе представляя собою великолѣпный боевой матеріалъ по выносливости въ походѣ и по выдержкѣ въ бою, иногда еще превосходятъ самихъ себя (какъ въ 1799 году), когда во главѣ ихъ находится выдающійся національный полководецъ.

Изъ сказаннаго видно, что у Суворова все необычное и рѣдкое стало повседневнымъ, чудесное низведено къ обычному, неисполнимое сдѣлалось возможнымъ. Изъ его великой души, безъ внѣшнихъ вліяній и напора обстоятельствъ, выросла система дѣйствій, построенная на *теоріи невозможнаго*. Также точно, только еще сильнѣе Французовъ, Суворовъ успѣлъ вселить въ непріятеля, Турокъ и Поляковъ, страхъ къ его имени. Также не понимали его системы и говорили, что онъ дѣйствуетъ не по правиламъ, что ему везетъ счастіе. Непониманіе или нежеланіе понять его военную теорію привело къ тому, что сомнѣвались въ будущемъ его успѣхѣ противъ Французовъ; а между тѣмъ одна Суворовская теорія для войны съ Французами въ то время и годилась. Да и потомъ, послѣ войны, раздались въ пользу Суворова лишь немногіе слабые голоса. Такъ, неизвѣстный авторъ одной замѣчательной брошюры, по которой преимущественно изложена здѣсь французская система войны, промолвился, что «Австрійцы какъ будто стали понимать эту систему, но имъ не доставало смѣлости въ исполненіи и рѣшимости прибѣгнуть къ крупнымъ средствамъ; Суворовъ же соединилъ то и другое, и Французы были побѣждены». Да еще престарѣлый прусскій фельдмаршалъ Мёлендорфъ объяснилъ одному изъ рус-

скихъ государственныхъ людей, что «только завистью, невѣжествомъ или глупостью можно объяснить мнѣніе, будто Суворову везло одно счастье; онъ былъ первымъ и единственнымъ полководцемъ, который понялъ духъ и свойства современной французской арміи и сразу нашелъ вѣрный способъ для успѣшнаго противу нея дѣйствія». Наконецъ, въ самое недавнее время одно нѣмецкое изслѣдованіе по военному искусству выставляетъ рѣшающимъ на войнѣ элементомъ духъ полководца и его войскъ, и въ ряду такихъ полководцевъ отводитъ первое мѣсто Суворову.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Итальянская кампанія: Адда, Миланъ.

1799.

Когда Суворовъ пріѣхалъ въ Италію, прологъ кампаніи 1799 года былъ уже разыгранъ.

Дѣла Франціи находились въ очень не блестящемъ видѣ, благодаря между прочимъ тому, что французскія войска оставались, послѣ потерь минувшаго года, не укомплектованными. Конскрипція шла такъ медленно, что въ февралѣ всѣ арміи республики получили въ общемъ итогѣ только 40,000 конскриптовъ, между тѣмъ какъ ожидалось впятеро больше. Коалиція обладала средствами гораздо болѣе значительными, но Французская директорія не унывала, мечтала даже о завоеваніяхъ и выработала наступательный планъ кампаніи.

Въ сѣверной Италіи французскими войсками командовалъ генералъ Шереръ, старый, дряхлый, неспособный, согласившійся принять главное начальство съ большой неохотой. Онъ предпринялъ весной наступленіе, имѣлъ двѣ встрѣчи съ Австрійцами, кровопролитныя, но безъ рѣшительныхъ результатовъ и затѣмъ отступилъ. Временно-командовавшій Австрійцами генералъ Край, довольствуясь своей полупобѣдой, не воспользовался ни перевѣсомъ силъ, ни выгодами положенія и сгубилъ время непоправимо. Прибылъ наконецъ и настоящій начальникъ, Меласъ, ста-

рый 70-лѣтній генералъ, опытный, мужественный, но вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣшительный, неискусный, неспособный. Онъ отказывался отъ почетнаго назначенія, отговариваясь старостью и болѣзнями, но правительство настаивало, разрѣшивъ ему ѣхать въ армію не торопясь, со всевозможнымъ комфортомъ. Воспользовавшись этимъ дозволеніемъ, Меласъ прибылъ въ Верону за нѣсколько дней до Суворова, ничего не предпринималъ въ ожиданіи его и только перенесъ главную квартиру въ Валеджіо. Въ этотъ самый день Суворовъ прибылъ въ Верону.

На другой день, послѣ вышеописаннаго пріема, авангардъ Багратіона передъ полуднемъ выступилъ по направленію къ Валеджіо. Войска шли бодро, съ пѣснями; ихъ всюду встрѣчали, провожали и сопровождали массы любопытныхъ разныхъ сословій и состояній, пѣшкомъ и во всевозможныхъ экипажахъ, отъ деревенской крестьянской повозки до щегольской коляски. Многіе шли рядомъ съ войсками, втискивались въ ряды, пожимали руки, предлагали солдатамъ вино, хлѣбъ, табакъ; уставшихъ подвозили въ своихъ повозкахъ. Первое походное движеніе русскихъ войскъ походило больше на торжественное шествіе возвращавшихся съ войны побѣдителей.

Въ тотъ же день, 4 апрѣля, Суворовъ выѣхалъ изъ Вероны въ Валеджіо, издавъ прокламацію къ народамъ Италіи. Онъ призывалъ Итальянцевъ къ оружію за Бога, вѣру, законныя правительства; на защиту собственности каждаго, частнаго и общаго спокойствія; указывалъ на чрезмѣрные поборы, налоги и систематическія насилія Французовъ, на горести и бѣдствія, внесенныя революціонерами въ мирныя дотолѣ страны, подъ предлогомъ свободы и равенства. Обѣщая освобожденіе Италіи отъ всѣхъ этихъ бѣдъ, онъ требовалъ содѣйствія всѣхъ сословій и предостерегалъ, что сторонники Французовъ, которые будутъ упорствовать въ своихъ замыслахъ, подвергнутся разстрѣлянію, а имѣнія ихъ секвестру.

Воззваніе Суворова, какъ сѣмя, пало на подготовленную почву, которую представляла изъ себя большая часть итальянскаго народа, особенно сельское населеніе. Народныя возстанія сдѣлались вскорѣ заурядным явленіемъ, прямымъ послѣдствіемъ отступленія Французовъ или появленія союзныхъ войскъ; по-

слѣднія почти всюду были встрѣчаемы какъ защитники и избавители. Конечно, одни слова значатъ мало, и побѣды союзниковъ послужили главною силой, поднимавшей мирное населеніе; но побѣды служили продолженіемъ прокламаціи, убѣждая, что въ настоящемъ случаѣ слово ладится съ дѣломъ.

Апрѣля 5, въ Валеджіо, представлялись Суворову австрійскіе генералы. Нѣкоторые писатели свидѣтельствуютъ, что и генералы, и вообще австрійскія войска ожидали Суворова въ Италіи съ добрыми надеждами, приняли его съ полнымъ довѣріемъ. Со своей стороны и онъ былъ съ ними ласковъ и любезенъ, выказалъ особенную привѣтливость по отношенію къ Меласу и Краю, а послѣднему даже сказалъ, что тотъ открылъ ему путь къ дальнѣйшимъ побѣдамъ. Познакомившись съ генералами, Суворовъ пожелалъ видѣть и войска, для чего все, что можно, было собрано изъ ближайшихъ окрестностей Валеджіо на смотръ. Болѣе часа пристально и внимательно всматривался онъ въ проходившія передъ нимъ войска и, когда смотръ кончился, сказалъ окружавшимъ: «шагъ хорошъ, — побѣда!».

Войска австрійскія были дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ хороши, и Край между австрійскими генералами итальянской арміи занималъ по своимъ боевымъ качествамъ едва ли не первое мѣсто; но въ отзывѣ главнокомандующаго все-таки была преувеличенная похвала, весьма понятная и даже необходимая для перваго знакомства. На самомъ же дѣлѣ, при присущихъ австрійской арміи понятіяхъ о военномъ искусствѣ и боевыхъ требованіяхъ, войска и особенно генералы австрійскіе далеко не подходили подъ Суворовскій идеалъ. Съ первыхъ же своихъ шаговъ онъ открылъ въ нихъ основной порокъ — «немогузнайство», которое тотчасъ же и окрестилъ соотвѣтствующимъ нѣмецкимъ словомъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ— «нихтбештимтзагерство»; затѣмъ появились и другія выраженія, никогда Нѣмцами не слыханныя, созданныя роніей Суворова. Вслѣдствіе различій между Австрійцами и (особенно Суворовской школы) Русскими, потребовались нѣмецкія слова для выраженія понятій, которыхъ въ русскомъ военномъ лексиконѣ Суворова не было. Къ числу такихъ словъ относилось между прочимъ

«унтеркунфтъ», что значило теплый уголокъ, удобное помѣщеніе, кабинетъ, или въ переносномъ смыслѣ спокойствіе, комфортъ,— вообще все противуположное условіямъ военнаго времени и боевой службы. Впослѣдствіи прибавились къ этимъ словамъ и другія.

Такъ какъ обстоятельства, со времени полупобѣды Края, успѣли измѣниться, и теперь ошибку его исправлять было уже поздно, то Суворовъ не перешелъ въ наступленіе тотчасъ же, а рѣшился выждать два дня приближавшейся части русскихъ войскъ и немного подъучить Австрійцевъ. Поэтому русскіе офицеры были разосланы въ австрійскіе полки съ цѣлью передачи имъ Суворовскихъ требованій. Кромѣ того, пользуясь свободнымъ временемъ, Шателеръ предложилъ Суворову произвести рекогносцировку. Австрійцы были очень пристрастны къ рекогносцировкамъ, демонстраціямъ, ложнымъ атакамъ и прочему, что совсѣмъ не подходило къ Суворовской военной теоріи. Поэтому предположеніе Шателера было принято очень неблагосклонно. «Рекогносцировки»? возразилъ съ досадою Суворовъ, можетъ быть подъ недавнимъ впечатлѣніемъ разныхъ вѣнскихъ ходовъ и подходовъ: «не хочу; онѣ нужны только для робкихъ и предостерегаютъ противника; кто хочетъ найти непріятеля, найдетъ и безъ нихъ... Штыки, холодное оружіе, атака, ударъ—вотъ мои рекогносцировки».

Австрійцамъ очень не понравилось распоряженіе Суворова объ обученіи ихъ полковъ русскими офицерами, на которыхъ они смотрѣли нѣсколько свысока. Помимо уровня офицерскаго образованія, который въ русской арміи былъ гораздо ниже, русскія войска и во многомъ другомъ уступали австрійскимъ. Въ нихъ не было генеральнаго штаба въ надлежащемъ его значеніи, ни правильно организованныхъ штабовъ для большихъ частей войскъ; прибыли войска безъ собственнаго интендантства, которое условлено было замѣнить австрійскими соотвѣтствующими учрежденіями. Армія была обременена обозами, матеріальная часть артиллеріи отличалась тяжеловѣсностью; артиллерія и кавалерія значительно уступали пѣхотѣ въ боевыхъ качествахъ. Русскія войска не могли похвастать и своимъ обученіемъ; оно было одностороннее и неполное; налегали преиму-

щественно на первоначальное строевое образованіе солдата и на маневрированіе небольшими частями; обученіе дѣйствіямъ большими единицами оставалось пренебреженнымъ. Какъ бы то ни было, но Австрійцы должны были умѣрить свою національную щекотливость и повиноваться, тѣмъ болѣе, что не довольствуясь разсылкою инструкторовъ, Суворовъ составилъ нѣсколько небольшихъ наставленій, которыя и объявилъ въ видѣ приказовъ по войскамъ, съ цѣлью развитія въ боевыхъ упражненіяхъ Австрійцевъ смѣлости и отваги. Подготовка австрійскихъ войскъ продолжалась всего два дня, повтореніе и продолженіе предполагалось въ будущемъ, при дневкахъ и другихъ остановкахъ.

Апрѣля 7 подошли всѣ русскія войска, составлявшія дивизію генералъ-лейтенанта Повало-Швейковскаго; на слѣдующій день армія двинулась тремя колоннами къ р. Кіезѣ и потомъ Меллѣ. Французы отступали къ Аддѣ, истребляя или бросая изъ запасовъ все то, чего не могли поднять, и удерживая въ своихъ рукахъ лишь тыльныя крѣпости. Первымъ такимъ пунктомъ на пути союзниковъ была Бреніа, значительный городъ съ цитаделью. Понимая цѣну впечатлѣнія, которое должна была произвести первая его боевая встрѣча съ Французами, Суворовъ приказалъ штурмовать Бреніо, если она не сдастся добровольно. Сначала французскій комендантъ заупрямился, но потомъ видя серьезныя приготовленія къ штурму, сдался безусловно. Гарнизонъ вмѣстѣ съ госпиталемъ оказался въ 1,264 человѣка; орудій въ руки союзниковъ перешло 46, достался имъ и литейный заводъ.

Дѣло было не крупное, но въ смыслѣ перваго шага важное. Въ Вѣнѣ были довольны, въ Петербургѣ тоже. Находясь въ Павловскѣ при полученіи этого извѣстія, Императоръ Павелъ приказалъ отслужить въ придворной церкви благодарственный молебенъ и потомъ провозгласить многолѣтіе «побѣдоносцу Суворову-Рымникскому». Такой же молебенъ отслуженъ и въ Петербургѣ; кромѣ того Государь удостоилъ Суворова очень милостивымъ рескриптомъ. «Начало благо», писалъ онъ: «дай Богъ, чтобы вездѣ были успѣхи и побѣда. Вы же, умѣя съ нею обходиться, вѣрно и въ службѣ нашей ее изъ рукъ вашихъ не выпустите, въ чемъ поможетъ вамъ успѣть особенная и дав-

нишняя личная привязанность ея къ вамъ самимъ». Награждая, по представленію Суворова, отличившихся и во главѣ ихъ князя Багратіона, Государь велѣлъ всѣмъ офицерамъ, бывшимъ въ дѣлѣ, объявить монаршее благоволеніе, а унтеръ-офицерамъ и рядовымъ выдать по рублю. «Дай Богъ имъ здоровья», говорилось въ концѣ рескрипта: «а бить непріятеля станемъ; этого дѣла они были и будутъ мастера». Государь выразилъ свое вниманіе къ Суворову еще и другимъ путемъ. Когда, при возглашеніи фельдмаршалу многолѣтія послѣ молебна, молодой графъ Аркадій, растроганный и смущенный такою неожиданностью, бросился передъ Императоромъ на колѣни и поцѣловалъ его руку, то Государь похвалилъ его сыновнія чувства и велѣлъ ему ѣхать въ Италію, къ отцу, сказавъ: «учись у него, лучше примѣра тебѣ дать и въ лучшія руки отдать не могу».

Союзная армія продолжала наступленіе къ р. Меллѣ. Порядокъ походныхъ движеній былъ предписанъ Суворовымъ въ общихъ чертахъ тотъ же, который практиковался у него въ прежнихъ войнахъ, съ выступленіемъ ночью и съ частыми роздыхами; разсчетъ приводился къ тому, чтобы въ 14 часовъ войска могли сдѣлать до 30 верстъ. Однако, на самомъ дѣлѣ, это удавалось далеко не всегда; иногда войска и въ цѣлыя сутки не доходили до назначеннаго ночлега. Въ особенности оказался труднымъ одинъ изъ переходовъ, когда войска не попали на переправу по маршрутамъ, переходили рѣку подъ проливнымъ дождемъ, промокли до костей и сильно утомились. Въ нѣкоторыхъ австрійскихъ полкахъ послышались жалобы на форсированные марши; раздался ропотъ, даже между офицерами. Это дошло до Суворова. Онъ очень разсердился, тѣмъ болѣе, что Меласъ, командовавшій колонною, былъ какъ бы за одно съ недовольными, потому что чувствуя себя нездоровымъ, рѣшился остановить войска, не выполнивъ маршрута и дать имъ время обсушиться. Суворовъ написалъ ему грозное и вмѣстѣ съ тѣмъ саркастическое письмо, начавъ его словами: «до моего свѣдѣнія дошли жалобы на то, что пѣхота промочила ноги». Далѣе говорится, что «за хорошею погодой гоняются женщины, петиметры и лѣнивцы»; что «большой говорунъ, который жалуется на службу, будетъ какъ эгоистъ отрѣшенъ отъ должно-

сти»; что «у кого здоровье плохо, тотъ пусть и остается назади». Письмо кончается словами: «ни въ какой арміи нельзя терпѣть такихъ, которые умничаютъ; глазомѣръ, быстрота, натискъ,—на сей разъ довольно». Кромѣ того Суворовъ, желая внушить Австрійцамъ понятіе о быстротѣ, какъ о требованіи нормальномъ, повседневномъ, а не исключительномъ, — приказалъ избѣгать употребленія словъ «форсированный маршъ» и сталъ остерегаться перемѣшиванія русскихъ войскъ съ австрійскими, допуская постоянное исключеніе только для казаковъ въ головѣ австрійскихъ колоннъ, ибо считалъ ихъ для такого рода службы незамѣнимыми.

Армія продолжала наступленіе; казаки полковника Грекова вслѣдъ за непріятельскимъ аріергардомъ ворвались въ гор. Бергамо, завладѣли и городомъ и цитаделью, захватили въ плѣнъ больше сотни Французовъ, 49 орудій и много ружей. Апрѣля 14 армія подошла къ р. Аддѣ. Французы имѣли тутъ подъ ружьемъ не больше 23,000 человѣкъ, но Шереръ рѣшился держаться, чтобы успѣть присоединить къ себѣ войска съ оконечностей фланговъ, но растянулъ свои незначительныя силы на 100 верстъ. Союзники также заняли растянутую позицію, но ихъ было почти 50,000, и Суворовъ могъ двинуть для прорыва совершенно достаточныя силы.

Предполагалось произвести 15 числа переправу, но предположеніе это было отмѣнено вслѣдствіе донесенія о сильномъ скопленіи Французовъ на ихъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ, при Лекко. Багратіонъ, двигавшійся въ авангардѣ правой колонны, (въ головѣ которой шелъ генералъ Повало-Швейковскій), атаковалъ городъ безъ замедленія. Первая атака не удалась, вторая была счастливѣе, но Русскіе были скоро потѣснены назадъ, и Багратіонъ просилъ подкрѣпленія. Подоспѣли три баталіона съ Милорадовичемъ и Швейковскимъ. Городъ былъ занятъ вторично, и хотя непріятель продолжалъ упорствовать въ своихъ усиліяхъ, но былъ рѣшительно отбитъ. Ночью Австрійцы генерала Вукасовича стали устраивать переправу верстахъ въ 12 отъ Лекко; тогда Русскимъ незачѣмъ было тутъ оставаться, и они отошли нѣсколько верстъ назадъ. Они потеряли тутъ убитыми и ранеными до 365 человѣкъ; общая потеря Французовъ неизвѣстна, но въ плѣнъ у нихъ взято до сотни.

Нельзя не упомянуть про прекрасный поступокъ Милорадовича въ боѣ при Лекко. Будучи старше Багратіона въ чинѣ и прибывъ къ нему на помощь съ батальономъ, онъ предоставилъ Багратіону кончать дѣло, обѣщавшее успѣшный исходъ, сказавъ при этомъ, что здѣсь не мѣсто считаться старшинствомъ. Суворовъ лично благодарилъ Милорадовича за его поступокъ, упомянулъ о немъ въ донесеніи Государю и объявилъ въ приказѣ по арміи.

Въ этотъ самый день, 15 апрѣля *), получено было изъ Парижа увольненіе Шерера отъ званія главнокомандующаго, а вмѣсто него назначенъ состоявшій на лицо при арміи генералъ Моро. Во всю эпоху революціонныхъ войнъ Франція, выставившая столько военныхъ дарованій, имѣла все таки мало такихъ способныхъ генераловъ, какъ Моро, который не могъ идти въ сравненіе только съ однимъ Бонапартомъ. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ, особенно въ арміи; былъ человѣкъ умный и образованный и хотя не отличался особенной предпріимчивостью и отвагой въ военныхъ предпріятіяхъ, но за то обладалъ устойчивостью характера, хладнокровіемъ, самообладаніемъ; при всякихъ обстоятельствахъ былъ неизмѣнно-ровенъ и никогда не увлекался впечатлѣніемъ минуты. Назначеніе Моро на мѣсто всѣми нелюбимаго Шерера было принято французскою арміей съ живою радостью и много прибавило ей нравственной мощи. Самъ Суворовъ отзывался постоянно съ уваженіемъ о Моро и, узнавъ о замѣнѣ имъ Шерера, изъявилъ удовольствіе, что вмѣсто «шарлатана» будетъ имѣть своимъ противникомъ истиннаго военнаго человѣка, а добытыя въ бою съ нимъ лавры окажутся и болѣе прочными, и болѣе блестящими.

Но декретъ Французскаго правительства о назначеніи новаго главнокомандующаго пришелъ слишкомъ поздно. Моро не могъ уже во-время исправить ошибокъ своего предмѣстника: передъ лицомъ его находился энергическій противникъ, знавшій цѣну времени. Однако Моро все таки немедленно сдѣлалъ распоряженіе о передвиженіи войскъ и, получивъ донесеніе о приготовленіяхъ Вукасовича къ переправѣ при Бривіо, послалъ гене-

---

*) Числа обозначены въ настоящемъ сочиненіи вездѣ по старому стилю.

ралу Серюрье приказаніе—оставить у Треццо одинъ батальонъ, а съ прочими войсками дивизіи идти къ Бривіо.

Со своей стороны и Суворовъ ночью приказалъ всѣмъ казачьимъ полкамъ немедленно идти отъ князя Багратіона къ Санъ-Джервазіо; велѣлъ сейчасъ же устраивать въ этомъ пунктѣ переправу; Секендорфу, завладѣвшему Кремой, назначилъ переправляться на-завтра въ Лоди, а Меласу атаковать предмостное укрѣпленіе у Кассано. За Меласомъ должны были идти русскія войска съ самимъ Суворовымъ.

Мѣсто для переправы выбрано было выше Треццо, противъ Санъ-Джервазіо, самое неудобное, и сдѣлано это нарочно, чтобы отвлечь вниманіе Французовъ. Офицеръ-понтонеръ затруднился наводкой, не въ состояніи будучи спустить понтоны съ высокаго утесистаго берега на воду. Но туда поѣхалъ Шателеръ и принялъ рѣшительныя мѣры: начатая въ полночь работа была къ 5 часамъ утра окончена. Тотчасъ же стали переправляться передовыя войска и, когда перешло нѣсколько ротъ егерей и нѣсколько сотенъ казаковъ,—французскій батальонъ, стоявшій въ Треццо, спохватился, но уже не могъ исправить своей оплошности. Мало того, казаки обскакали его съ тыла и онъ едва успѣлъ отступить. Моро, убѣдившійся теперь, что именно въ этихъ мѣстахъ союзники положили вести свою главную атаку, поскакалъ къ дивизіи Гренье, которая со стороны Кассано стала подходить къ Поццо и Ваиріо, ниже Треццо, но едва не попалъ самъ въ руки казаковъ. Онъ приказалъ генераламъ Гренье и Виктору спѣшить на позицію между Поццо и Ваиріо, а Серюрье послалъ приказаніе—остановиться тамъ, гдѣ посланный его застанетъ.

Французы, усилившись подошедшими батальонами, перешли въ наступленіе; Шателеръ пытался ихъ остановить, но не могъ. Тогда донской атаманъ Денисовъ, собравъ свои полки, ударилъ вмѣстѣ съ венгерскими гусарами на лѣвый флангъ непріятеля; пѣхота была опрокинута и прогнана къ Поццо. Тѣмъ временемъ подоспѣло еще нѣсколько австрійскихъ частей, бой усилился, Поццо и Ваиріо были взяты. Моро велѣлъ своимъ отходить на новую позицію, тѣмъ паче, что въ ихъ тылу, со стороны Кассано, раздавалась сильная канонада. Тамъ, согласно диспозиціи,

Меласъ съ утра повелъ атаку; Французы держались однако крѣпко; Суворовъ приказалъ Меласу выбить ихъ во что бы то ни стало. Меласъ выставилъ большую батарею, навелъ черезъ каналъ мостъ, взялъ штурмомъ тетъ-де-понъ на Аддѣ, и Австрійцы ворвались въ Кассано вслѣдъ за бѣжавшими Французами, откуда продолжали движеніе въ поле и такимъ образомъ очутились въ тылу Французовъ, ретировавшихся отъ Вапріо. Прямой путь отступленія на Миланъ былъ республиканской арміи отрѣзанъ, и она перешла на другія, болѣе кружныя дороги.

Потери обѣихъ сторонъ въ этомъ 12-часовомъ бою были большія; союзники лишились больше 1000 человѣкъ убитыми и ранеными; Французы потеряли гораздо больше и никакъ не меньше 3000, въ томъ числѣ около 2000 плѣнными да 19 орудій и знамя. Потеря эта безъ сомнѣнія сильно бы возрасла, если бы Французы были безотложно и дѣятельно преслѣдуемы; но обѣ колонны австрійской арміи остановились на полѣ выиграннаго сраженія въ полномъ изнуреніи, и за Французами пошли одни казаки.

Въ сраженіи при Вапріо-Кассано дѣйствовали одни австрійскія войска; изъ русскихъ принимали въ немъ участіе только казаки. Дѣломъ при Вапріо-Поццо управлялъ маркизъ Шателеръ, а Суворовъ находился при войскахъ Меласа.

Кромѣ удачной переправы двухъ колоннъ австрійской арміи у Кассано и Треццо, благополучно совершена и переправа Вукасовича у Бривіо. Войска Серюрье разрѣзаны были такимъ образомъ на-двое; сѣверная часть едва успѣла отступить въ Комо и чрезъ Лугано къ Лагомаджіоре; другая, въ числѣ 3000 человѣкъ съ самимъ Серюрье, осталась ниже Бривіо у Вердеріо, исполняя приказаніе Моро — остановиться тамъ, гдѣ оно застанетъ. Другого распоряженія затѣмъ Моро прислать уже не могъ, такъ какъ атака союзниковъ у Поццо и Вапріо отрѣзала его отъ Серюрье. Находясь въ совершенной неизвѣстности о происходящемъ, слыша гулъ выстрѣловъ и справа и слѣва, Серюрье не зналъ на что рѣшиться и такъ простоялъ въ своей позиціи весь день. На другой день союзники выступили по направленію къ Милану, и Вукасовичъ неожиданно наткнулся на отрядъ Серюрье. Французамъ предложено было положить ору-

жіе, но полученъ отказъ. Тогда Вукасовичъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ до 7000 человѣкъ, атаковалъ позицію Французовъ; Серюрье дрался упорно, но замѣтивъ двигавшіяся вдали войска Розенберга, убѣдился въ безнадежности своего положенія и капитулировалъ. Кромѣ 250 генераловъ и офицеровъ, отпущенныхъ затѣмъ во Францію съ обязательствомъ не служить противъ союзниковъ до конца кампаніи, оказалось у Серюрье до 2700 нижнихъ чиновъ и 8 орудій.

Этимъ завершился переходъ чрезъ Адду. Суворовъ былъ доволенъ, хвалилъ Императору Павлу Меласа за штурмъ Кассано, выставлялъ особенно храбрость донскихъ казаковъ и атамана ихъ Денисова; Разумовскому писалъ, что «Меласъ дѣйствуетъ похвально»; одобрительно отзывался объ Австрійцахъ, которые «бились хватски холоднымъ оружіемъ»; хвалилъ венгерскихъ гусаръ. Извѣстіе о побѣдахъ на Аддѣ было принято и въ Петербургѣ, и въ Вѣнѣ съ восторгомъ. Императоръ Францъ благодарилъ Суворова рескриптомъ; императоръ Павелъ двумя. Всѣ лица, представленныя Суворовымъ, получили награды; нижнимъ чинамъ приказано выдать по рублю; Суворову пожалованъ бриліантовый перстень съ портретомъ Государя. «Дай Богъ вамъ здоровья», писалъ Павелъ I: «о многолѣтіи вашемъ опять вчера молились въ церкви, причемъ были и всѣ иностранные министры. Сына вашего взялъ я къ себѣ въ генералъ-адъютанты со старшинствомъ и съ оставленіемъ при васъ; мнѣ показалось, что сыну вашему и ученику неприлично быть въ придворной службѣ». Поздравительныхъ писемъ отъ своихъ знакомыхъ и отъ разныхъ лицъ Суворовъ получилъ кучу.

Французы быстро отступали на Павію и чрезъ Миланъ дальше. Въ столицѣ Цисальпійской республики, Миланѣ, произошло страшное смятеніе, и горячіе республиканцы бросились бѣжать въ Туринъ, подъ покровительствомъ отступавшихъ Французовъ. Въ Миланской цитадели осталось до 2400 человѣкъ гарнизона. Вслѣдъ за выходомъ Французовъ появились казаки, которые отбили городскія ворота, ворвались въ городъ, окружили цитадель и такимъ образомъ провели ночь. Появленіе казаковъ произвело народное возстаніе; противники Французовъ бросились истреблять всякіе наружные знаки и эмблемы респу-

бликанскаго правленія и преслѣдовать тѣхъ изъ выдающихся республиканскихъ дѣятелей, которые не выѣхали изъ города. Казакамъ же пришлось оберегать и защищать преслѣдуемыхъ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ казаковъ, вошелъ въ городъ Меласъ съ передовыми австрійскими войсками и былъ принятъ восторженно. Суворовъ тоже приближался къ Милану, но остановился въ нѣсколькихъ верстахъ, отлагая свое вступленіе въ городъ до утра, такъ какъ было уже поздно. Рано утромъ 18 числа, въ Свѣтлое Христово Воскресенье, громадныя толпы повалили за городъ, съ духовенствомъ во главѣ, которому предшествовали кресты и хоругви. Австрійскія войска уже двигались къ городу; встрѣча произошла на дорогѣ. Суворовъ слѣзъ съ коня, подошелъ къ архіепископу, принялъ благословеніе, приложился къ распятію, поцѣловалъ руку архипастыря и сказалъ нѣсколько словъ, приличныхъ случаю. Продолжая путь въ сопровожденіи войскъ и возвращавшагося вмѣстѣ съ ними народа, Суворовъ былъ встрѣченъ у городскихъ воротъ Меласомъ, причемъ произошелъ комическій случай: видя, что фельдмаршалъ хочетъ его обнять, Меласъ потянулся къ нему съ лошади, но потерялъ равновѣсіе и свалился на земь. Вступленіе въ городъ было еще торжественнѣе загородной встрѣчи. День стоялъ ясный, теплый и притомъ праздничный; улицы, окна, балконы, даже крыши были полны зрителей; гудѣлъ гулъ отъ привѣтственныхъ кликовъ и громогласныхъ изъявленій восторга. Въ этихъ заявленіяхъ радости было много искренности: дворянство, духовенство видѣли въ Суворовѣ возстановленіе прежнихъ своихъ правъ и привилегій; сословіе торговое и промышленное чаяло освобожденія отъ насильственныхъ займовъ и непомѣрныхъ налоговъ; прочіе либо привѣтствовали возстановленіе порядка, отвѣчавшаго ихъ понятіямъ и интересамъ, либо слѣдуя прирожденной впечатлительности, увлекались обстановкой и примѣромъ, заразительнымъ для подвижного темперамента. Суворову оказанъ былъ въ Миланѣ совершенно такой же блестящій, шумный пріемъ, какъ три года назадъ Бонапарту, и конечно значительная доля восторженно встрѣчавшихъ и привѣтствовавшихъ, состояла въ обоихъ случаяхъ изъ однихъ и тѣхъ же людей. Тогда возбудительно дѣйствовали увлеченіе

утопіей, фанатизмъ свободы, равенства и братства; теперь—религіозный фанатизмъ и разочарованіе, какъ послѣдствіе несбывшихся чрезмѣрныхъ надеждъ и ожиданій.

Въ ряду причинъ дѣйствовало впрочемъ и любопытство. Суворовъ и Русскіе представляли собою явленіе необычное, не такое, какъ сосѣди Италіи - Французы и ихъ генералъ Бонапартъ, имѣвшій, такъ сказать, только вчерашнюю извѣстность. О Суворовѣ же давно говорили и писали; его военные подвиги отличались блескомъ и эфектностью; его странности придавали ему особенность, которой никто другой не имѣлъ, а потому могучее южное воображеніе рисовало его образъ въ фантастическихъ очертаніяхъ. Почти въ такой же степени возбуждали въ Итальянцахъ любопытство русскія войска, прибывшія на другой день, но въ настоящій моментъ представляемые казаками. Сѣверные люди, жившіе въ снѣгахъ и льдахъ, исполины съ дикимъ видомъ, варвары съ непонятными обычаями и особенностями,—такими изображала Русскихъ народная фантазія не въ одной Италіи. Всѣхъ озадачивали благочестіе и набожность Русскихъ, крестившихся у каждой церкви; казались совершенно непонятными троекратные поцѣлуи, которыми они обмѣнивались между собою при встрѣчахъ и даже надѣляли ими Итальянцевъ, принимавшихъ это привѣтствіе съ тупымъ изумленіемъ. Всякая мелкая особенность этихъ новыхъ людей привлекала на себя вниманіе и объяснялась на разные лады [37]).

Квартира Суворову была отведена въ домѣ, гдѣ передъ тѣмъ останавливался Моро. Хозяйка дома пригласила къ себѣ въ тотъ вечеръ большое и избранное общество; явился на приглашеніе и Суворовъ. Онъ былъ учтивъ, любезенъ, остроуменъ; отвѣты и возраженія его отличались меткостью и сарказмомъ, но не стало дѣло и за причудливыми выходками. Въ тотъ же вечеръ ожидали Суворова и въ театрѣ, гдѣ была подготовлена блистательная ему встрѣча, но онъ не поѣхалъ. Съ наступленіемъ темноты весь городъ былъ иллюминованъ.

На слѣдующій день назначено было торжественное молебствіе; войска выстроились по городскимъ улицамъ шпалерами. Между двумя ихъ рядами, въ парадной позолоченой каретѣ, поѣхалъ Суворовъ въ соборъ; какъ и наканунѣ, онъ былъ въ

австрійскомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, при всѣхъ знакахъ отличія. При входѣ въ церковь, архіепископъ встрѣтилъ его въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ и призвалъ Божіе благословеніе на предстоящемъ ему поприщѣ. Суворовъ отвѣчалъ немногими словами, по итальянски, прося молитвъ. Пройдя въ соборъ, онъ преклонилъ колѣна и отказался занять приготовленное ему почетное мѣсто на возвышеніи, обитое краснымъ бархатомъ съ золотомъ. Огромный соборъ былъ совершенно полонъ молящимися и любопытными; богослуженіе шло съ внушительной торжественностью. Когда Суворовъ вышелъ изъ собора, многіе изъ народа стали бросать ему подъ ноги вѣнки и вѣтви, становились на колѣна, ловили его руки или полу платья. Растроганный Суворовъ прослезился, благословлялъ каждаго; благодарилъ, совѣтовалъ молиться Богу, испрашивая у Него спасенія.

Въ этотъ день у него назначенъ былъ парадный обѣдъ; когда стали съѣзжаться гости—почетные жители и австрійскіе генералы — Суворовъ со всѣми христосовался. Тогда же ему представлены были три плѣнные французскіе генерала, въ томъ числѣ Серюрье; Суворовъ принялъ ихъ весьма ласково, пригласилъ къ столу и также похристосовался, заставляя ихъ по русски отвѣчать: «во истину воскресъ». За столомъ, когда онъ изъявлялъ сожалѣніе, что русскихъ войскъ не было при торжественномъ вступленіи въ Миланъ, вошелъ Розенбергъ и доложилъ, что его корпусъ прибылъ и расположился лагеремъ близъ города. Съ французскими генералами Суворовъ бесѣдовалъ преимущественно о кампаніяхъ послѣднихъ лѣтъ и очаровалъ ихъ любезностью, особенно Серюрье. Послѣдній замѣтилъ къ слову, что нападеніе Русскихъ на войска его дивизіи (вѣроятно при Лекко) было слишкомъ смѣлое; Суворовъ съ тонкой ироніей отвѣчалъ: «что дѣлать; мы, Русскіе, безъ правилъ и безъ тактики, я еще изъ лучшихъ».

Миланскій пріемъ не затуманилъ голову Суворова, который даже не считалъ его вполнѣ искреннимъ; по крайней мѣрѣ, принимая представителей города, онъ поблагодарилъ ихъ за пріемъ и пожелалъ, чтобы ихъ чувства отвѣчали внѣшнимъ заявленіямъ. Да и дѣло не было далеко еще окончено: въ цитадели сидѣли

Французы, и австрійско-русскія войска заняли подъ городомъ три главныя дороги, а одинъ отрядъ бивакировалъ на городской площади. Суворовъ объявилъ Цисальпійскую республику несуществующей и учредилъ временное правленіе, впредь до полученія распоряженій изъ Вѣны, такъ какъ до Кампоформійскаго мира Австрія владѣла большею частью Ломбардіи. Все остальное онъ предоставилъ барону Меласу, какъ лицу, снабженному отъ Австрійскаго правительства извѣстною долею довѣрія и полномочій. Меласъ тотчасъ же завелъ въ Миланѣ австрійскіе полицейскіе порядки, обезоружилъ и распустилъ народную гвардію, запретилъ ношеніе цисальпійскаго военнаго мундира, ввелъ въ обращеніе билеты вѣнскаго банка и проч. Была еще издана въ Миланѣ, за подписью Суворова, напыщенная прокламація къ войскамъ Французской республики; но она принадлежала не ему, а исходила изъ Вѣны и имѣла характеръ стереотипный, такъ какъ появлялась еще раньше, на другихъ театрахъ войны. Воззваніе это, какъ и слѣдовало ожидать, прошло вполнѣ безслѣдно.

Въ двѣ недѣли, со времени открытія военныхъ дѣйствій, было сдѣлано много: нетолько въ Ломбардіи, Романьи и Легатствахъ отозвались побѣды на Аддѣ и занятіе Милана, но онѣ не остались безъ вліянія и на отдаленныя части Италіи. Вездѣ сторонники Французовъ были обезкуражены, а противники ихъ подняли голову и стали смѣлѣе; мѣстами подымались грозныя народныя возстанія; мѣстами происходили первоначальныя вспышки и дѣлались попытки, хотя слабыя, но показывавшія поворотъ народнаго темперамента. Однако все это могло заглохнуть, безъ поддержки и безъ возбудительныхъ средствъ въ видѣ новыхъ успѣховъ союзныхъ армій. Суворовъ такъ и понималъ положеніе дѣла; онъ разумѣлъ, что надо торопиться, не засиживаясь на одномъ мѣстѣ и потому старался сократить свое пребываніе въ Миланѣ до наименьшаго срока. Тѣмъ не менѣе требовалось время на необходимѣйшія гражданскія и военныя распоряженія. Во первыхъ требовалось поддержаніе и продолженіе мѣръ къ обученію войскъ, начатому въ Валеджіо, т.-е. разсылка инструкторовъ, составленіе тактическихъ наставленій и правилъ и др. Во вторыхъ надо было составить дальнѣйшій планъ дѣйствій, къ чему обязывала инструкція, полученная въ Вѣнѣ. Суворовъ

обдумалъ этотъ планъ во время похода отъ Адды къ Милану; въ Миланѣ, при первомъ досугѣ, призвалъ Шателера, передалъ ему свои соображенія въ подробности и приказалъ изложить все это на бумагѣ, въ формѣ плана дальнѣйшихъ дѣйствій. Шателеръ былъ очень удивленъ и не могъ удержаться отъ вопроса—когда успѣлъ онъ, Суворовъ, все это обдумать? Приказаніе главнокомандующаго было исполнено безотлагательно, и 20 апрѣля Суворовъ отправилъ составленный планъ на утвержденіе въ Вѣну. Суть его состояла въ предположеніи разбить французскихъ генераловъ Макдональда и Моро, каждаго въ отдѣльности, одного за р. По, другого въ сторонѣ Турина. Планъ вполнѣ отвѣчалъ цѣли войны, тогдашнимъ обстоятельствамъ и относительному расположенію силъ обѣихъ сторонъ. Правда, онъ былъ смѣлъ и обширенъ, и многія его частности вѣроятно потребовали бы при исполненіи перемѣны, но при огромномъ перевѣсѣ союзныхъ силъ, программа Суворова совсѣмъ не была рискованной [38]).

А въ Вѣнѣ, тѣмъ временемъ, заготовлялось ему напоминаніе о непремѣнномъ исполненіи прежде данной инструкціи и дважды указывалось на необходимость завладѣнія Мантуей. Не успѣли отправить этотъ рескриптъ, какъ получили планъ Суворова и тотчасъ же написали отвѣтъ въ дополненіе къ рескрипту. Въ отвѣтѣ предположенія Суворова были просто на просто отвергнуты. Онъ не дождался въ Миланѣ этого непріятнаго документа и получилъ его по ту сторону р. По. Тѣ 4 дня, которые онъ провелъ въ Миланѣ, казались ему вѣчностью, чуть не преступнымъ бездѣйствіемъ, хотя, какъ мы видѣли, безъ дѣла онъ не сидѣлъ. Но впереди ожидало другое дѣло, требовавшее крайняго спѣха; Суворовъ принялъ на свою личную отвѣтственность продолженіе военныхъ дѣйствій, не ожидая инструкціи, и 20 апрѣля двинулъ войска къ р. По.

Есть однако строгіе судьи, упрекающіе его въ потерѣ времени на миланскія празднества и на другія дѣла второстепенной важности, вмѣсто неотступнаго преслѣдованія и полнаго истребленія слабой французской арміи. По ихъ словамъ, онъ могъ совершенно отрѣзать одну отъ другой двѣ французскія колонны и, поспѣшивъ переправиться чрезъ По, захватить путь отсту-

пленія на Генуу. Все это прекрасно можно разсчитать по картѣ послѣ свершившихся событій, но очень трудно, а иногда и совсѣмъ невозможно предвидѣть въ самый моментъ полезнаго исполненія. Суворовъ не имѣлъ никакихъ извѣстій объ отступавшихъ Французахъ (обстоятельство, почти постоянно повторявшееся и послѣ); о возможности разрѣзать французскую армію узналъ впослѣдствіи и самъ писалъ изъ Турина Разумовскому, что если бы могъ преслѣдовать Французовъ по пятамъ, то «почти бы никто изъ нихъ не спасся». Не имѣлъ онъ также никакой возможности устроить на По переправу раньше, чѣмъ это сдѣлалъ, по недостатку наличныхъ понтоновъ и отдаленности понтоннаго парка, взятаго у Французовъ. Кромѣ того уже начинались продовольственныя затрудненія, вслѣдствіе нераспорядительности австрійскаго интендантства. Замѣчаній, подобныхъ приведеннымъ, можно при разсмотрѣніи всякаго случая надѣлать десятки, но они къ области дѣйствительной критики не принадлежатъ. По выраженію знаменитаго военнаго писателя они, по отношенію къ разбираемому здѣсь факту, сдѣланы «на досугѣ».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Итальянская кампанія: Басиньяна, Маренго, Туринъ.

1799.

Во всей арміи подъ начальствомъ Суворова считалось почти 100,000 человѣкъ, но больше половины находилось позади, для блокады и осады крѣпостей, занятыхъ Французами, и для содержанія гарнизоновъ въ остальныхъ. Суворовъ не имѣлъ для своего утѣшенія даже надежды—получить вскорѣ сколько-нибудь значительную часть этихъ силъ, удерживаемыхъ для второстепенныхъ цѣлей въ ущербъ главной задачѣ: осадныя средства были ограниченныя, и приходилось осаждать крѣпости поочередно, одну послѣ другой. Но дѣлать было нечего, и ходъ военныхъ дѣйствій поневолѣ приходилось ставить въ зависимость отъ соображеній австрійской политики.

Войска выступили изъ Милана 20 апрѣля; въ это время присоединилась къ нимъ русская дивизія Ферстера, который самъ пріѣхалъ нѣсколько раньше. На слѣдующій день колонна Розенберга расположилась на р. По, противъ Парпанезе, а Меласа—у Казаль-Пустерленго. Авангарды обѣихъ колоннъ начали было переправляться, но дѣло это сейчасъ же затормозилось по недостатку перевозочныхъ средствъ, и пошло почти четыре дня на устройство моста въ Піаченцѣ, а въ Парпанезе пришлось и совсѣмъ отъ него отказаться. Эти же дни царила какая то

путаница въ распоряженіяхъ Суворовскаго штаба, вслѣдствіе доходившихъ до него перемѣнчивыхъ слуховъ о движеніяхъ непріятеля и частаго отсутствія главнокомандующаго. Въ этомъ отношеніи Суворовъ не былъ человѣкомъ строгаго порядка, что и сказывалось при обстоятельствахъ сложныхъ, каковы были тогдашнія. Съѣздилъ онъ, между прочимъ, и на поле знаменитаго сраженія подъ Павіей, гдѣ Французскій король Францискъ I потерпѣлъ пораженіе и попалъ въ плѣнъ въ 1525 году; былъ и въ монастырѣ, гдѣ временно содержался король. Любознательность его высказывалась здѣсь, въ Италіи, не въ первый и не въ послѣдній разъ подобнымъ образомъ, такъ какъ дѣйствовалъ онъ въ странѣ великихъ и частыхъ военныхъ столкновеній.

Союзная армія расположилась по обѣ стороны р. По; связью служили мостъ у Мецано-Корти и паромъ у Червезино. Суворовъ выбралъ это мѣсто какъ центральную позицію между Моро и Макдональдомъ, дабы обратиться туда, куда обстоятельства потребуютъ. Тѣмъ не менѣе онъ находился въ полномъ недоумѣніи на счетъ непріятеля и путался въ своихъ предположеніяхъ. Такимъ же образомъ колебался и Моро, по крайней мѣрѣ первое время, ибо положеніе его было въ самомъ дѣлѣ трудное, такъ какъ въ разныхъ мѣстахъ вспыхнули противъ Французовъ возстанія. Къ 26 числу онъ расположился между Валенціей и Александріей на весьма важной стратегической позиціи, съ которой могъ дѣйствовать въ разныя стороны.

Въ этотъ самый день Суворовъ прибылъ въ Вогеру; часъ спустя пріѣхалъ туда же великій князь Константинъ Павловичъ, посланный Государемъ — начать свое боевое поприще въ школѣ Суворова.

Присылка великаго князя на театръ военныхъ дѣйствій вѣроятно имѣла, помимо этой цѣли, и другія; по крайней мѣрѣ присутствіе здѣсь Государева сына не замедлило вдохнуть новое рвеніе въ войска и произвело на населеніе благотворное въ интересѣ союзниковъ вліяніе. Оно было радостнымъ событіемъ и для самого Суворова, по его вѣрноподданническимъ чувствамъ, но представляло для него и неудобство. Такія высокія особы стѣсняютъ, ибо отвѣтственность за нихъ, если не фактическая, то нравственная, — очень велика. Это было особенно вѣрно въ

примѣненіи къ настоящему случаю, такъ какъ великому князю едва исполнилось 20 лѣтъ и, при своей необузданной пылкости и горячности, онъ требовалъ строгаго за собою надзора, иначе могъ и себя и другихъ ввести въ бѣду. Только строгостью и страхомъ можно было его сдерживать; онъ блѣднѣлъ при одномъ суровомъ словѣ своего отца — Государя. Но тутъ, въ арміи, обстановка и положеніе великаго князя были иныя; той тяжелой руки, которую онъ постоянно чувствовалъ надъ собою въ Петербургѣ, не существовало въ Италіи. Суворовъ правда не затруднился бы быть его строгимъ ментором, но въ званіи главнокомандующаго ему было не до того. И хотя великій князь пріѣхалъ не одинъ; кромѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей свиты, при немъ находился старый, заслуженный генералъ Дерфельденъ, — но назначеніе Дерфельдена состоялось не задолго до отъѣзда, и великаго князя онъ близко не зналъ; при особенностяхъ же натуры Константина Павловича, годилось ему въ руководители только лицо, авторитету котораго онъ привыкъ подчиняться издавна. Такимъ образомъ, неудобство присутствія Константина Павловича Суворовъ ощутилъ въ самомъ скоромъ времени.

Великій князь ѣхалъ въ армію подъ именемъ графа Романова. Въ Вѣнѣ онъ былъ принятъ самымъ блестящимъ образомъ и пробылъ тамъ около двухъ недѣль, въ продолженіе которыхъ не прерывалась цѣпь парадовъ и смотровъ, а также всякаго рода празднествъ. Не разъ торопилъ его Дерфельденъ, говоря, что знаетъ хорошо Суворова; что фельдмаршалъ начавъ военныя дѣйствія, поведетъ ихъ безостановочно, и великій князь рискуетъ ничего не застать. Вырвавшись наконецъ изъ Вѣны, Константинъ Павловичъ пріѣхалъ 24 апрѣля въ Верону. На другой день сдалась на капитуляцію Пескьера; сюда онъ въѣхалъ съ первыми австрійскими войсками и затѣмъ продолжалъ путь, всюду встрѣчаемый привѣтственными кликами населенія. Къ вечеру 26 числа, высокій гость былъ уже въ Вогерѣ и тотчасъ же поѣхалъ со своими сопутниками къ Суворову. Суворовъ, одѣтый въ кителѣ, съ каской на головѣ и съ подвязаннымъ глазомъ, выскочилъ изъ другой комнаты, подошелъ къ великому князю, поклонился ему объ руку, т.-е. какъ бы

желая поцѣловать его руку, и сказалъ: «сынъ нашего природнаго Государя!» Константинъ Павловичъ обнялъ его и спросилъ, что сдѣлалось съ его глазомъ. «Ахъ, Ваше Высочество»,— отвѣчалъ Суворовъ: «вчера проклятые немогузнайки опрокинули меня въ ровъ и чуть было всѣхъ моихъ косточекъ не разбили». Потомъ онъ подошелъ къ свитѣ великаго князя, стоявшей въ рядъ и, обратившись къ Константину Павловичу, сказалъ: «не вижу». Великій князь понялъ и сталъ представлять всѣхъ поимянно. Первымъ стоялъ Дерфельденъ, старинный пріятель и сослуживецъ Суворова, одинъ изъ лучшихъ русскихъ генераловъ конца прошлаго столѣтія, котораго Суворовъ любилъ и цѣнилъ очень высоко. Дерфельденъ былъ присланъ въ Италію нетолько въ качествѣ попечителя великаго князя, но и на тотъ случай, чтобы принять подъ свое начальство корпусъ Розенберга, если Суворовъ признаетъ нужнымъ этого послѣдняго смѣнить, какъ неспособнаго. Мало того, Дерфельденъ предназначался заступить мѣсто самого Суворова, если бы фельдмаршалу «приключилось какое несчастіе». Великій князь произнесъ имя Дерфельдена; Суворовъ открылъ глаза, обнялъ Дерфельдена, перекрестился, поцѣловалъ у него на груди орденскій крестъ и сказалъ: «намъ должно Его Высочество, сына природнаго нашего Государя (поклонъ Константину Павловичу объ руку), беречь больше своихъ глазъ, потому что у насъ ихъ два, а великій князь здѣсь одинъ». Затѣмъ Константинъ Павловичъ представилъ Суворову остальныхъ, и всѣ разъѣхались по домамъ.

На слѣдующій день, утромъ, Суворовъ пріѣхалъ къ великому князю въ полной формѣ австрійскаго фельдмаршала, въ сопровожденіи всѣхъ чиновъ главной квартиры и представилъ строевой рапортъ о войскахъ русскихъ и австрійскихъ. Великій князь пригласилъ его въ кабинетъ, долго съ нимъ бесѣдовалъ наединѣ и когда вышелъ въ пріемную, то представилъ находившагося тутъ князя Эстергази, сопровождавшаго великаго князя изъ Вѣны. Суворовъ сказалъ Эстергази: «прошу донести императору, что я войсками Его Величества очень доволенъ; они дерутся *почти* также хорошо, какъ и Русскіе». Если справедливо, что Суворовъ сказалъ Эстергази именно эти слова, то конечно не безъ умысла; по всей вѣроятности онъ получилъ уже тогда

изъ Вѣны дополнительную инструкцію, забраковавшую всѣ его планы, и захотѣлъ чѣмъ-нибудь выразить свое неудовольствіе.

Въ этотъ же день, 27 числа, Константинъ Павловичъ обѣдалъ у Суворова, а потомъ отправился въ русскій лагерь впереди Павіи, у Дорно. Здѣсь онъ объѣхалъ войска, объявилъ имъ отъ имени Государя «благодарность и поклонъ» и остался при главной квартирѣ Розенберга.

Пока въ русской арміи происходило торжество по случаю прибытія великаго князя, Суворовъ получилъ извѣстіе, будто Французы, съ одной стороны оставляютъ Валенцу и отступаютъ, а съ другой въ Тортонѣ ожидаютъ подкрѣпленія изъ Генуи. Извѣстія были прямо противуположны истинѣ, но Суворовъ имъ повѣрилъ и приказалъ войскамъ произвести на 27 число соотвѣтственныя движенія. Овладѣли городомъ Тортоной при помощи жителей, но Розенбергъ не могъ устроить переправу чрезъ По, по неимѣнію перевозныхъ средствъ; Суворовъ однако приказалъ удвоить усилія и исполнить переправу во что бы то ни стало.

Начальникъ Розенбергова авангарда генералъ Чубаровъ выбралъ мѣсто переправы у Борго-Франко, въ 7 верстахъ ниже Валенцы. Здѣсь лежитъ островъ, отдѣленный отъ непріятельскаго берега узкимъ рукавомъ, переходимымъ въ бродъ; къ нему стали съ нашей стороны устраивать паромъ. Для отвлеченія вниманія Французовъ, Чубаровъ отрядилъ 2 батальона въ сторону, къ Валенцѣ, а казаки Семерникова и человѣкъ 30 егерей, переправившіеся на островокъ вплавь, перешли другой рукавъ въ бродъ и заняли деревню Басиньяну. Но Французы стали подходить; Русскіе, по своей малочисленности, не могли удержаться въ деревнѣ и послѣ небольшой перестрѣлки снова переправились на островъ.

Такимъ образомъ обнаружилось, что противуположный берегъ По занятъ Французами сильно, и Валенца ими не очищена. Тоже самое подтвердилось другимъ извѣстіемъ. Суворову приходилось опять мѣнять свои распоряженія; онъ рѣшился собрать свои силы у Тортоны и атаковать непріятельскую позицію за р. Танаро. Въ этомъ смыслѣ были разосланы приказанія, причемъ Розенбергу велѣно оставить предпріятіе на Валенцу, не-

рейти на правый берегъ По ниже, у Камбіи, и присоединиться къ прочимъ войскамъ.

Для исполненія этого распоряженія, Розенбергъ приказалъ сдѣлать у Камбіо развѣдки и узналъ, что тамъ переправы нѣтъ. Между тѣмъ у Борго-Франко уже дѣйствовалъ большой паромъ, а потому Розенбергъ рѣшилъ переправить свои войска здѣсь, не подозрѣвая, что переправа приходится какъ разъ противъ непріятельской позиціи. Апрѣля 30 войска Чубарова медленно, малыми частями, переѣзжали на паромѣ къ острову, и Розенбергъ стягивалъ свои главныя силы ближе къ мѣсту переправы. Въ этотъ день Суворовъ прислалъ второе приказаніе, въ подтвержденіе отданнаго наканунѣ; вслѣдъ за нимъ послѣдовало и третье: «спѣшить денно и ночно» къ сторонѣ общаго сбора войскъ. Но Розенбергъ затруднился исполнить предписаніе фельдмаршала, несмотря на его безусловный характеръ, ибо получилъ извѣстіе, что вокругъ Валенцы находится не больше 1,000 Французовъ, а что все остальное потянулось къ Александріи. Онъ рѣшился продолжать свою переправу у Басиньяны.

Утромъ 1 мая авангардъ Чубарова собрался весь на островѣ; тутъ же на берегу находились великій князь и Розенбергъ. Константинъ Павловичъ предложилъ Розенбергу, не мѣшкая дольше, начать переправу съ острова на тотъ берегъ. Розенбергъ отвѣчалъ, что отрядъ еще слишкомъ слабъ, и лучше подождать, пока подойдутъ тянувшіяся войска. Константинъ Павловичъ вспылилъ и дозволилъ себѣ ѣдкое замѣчаніе, что Розенбергъ привыкъ служить въ Крыму, гдѣ было гораздо спокойнѣе и непріятеля никогда въ глаза не видали. Упрекъ былъ слишкомъ рѣзкій и вмѣстѣ съ тѣмъ несправедливый, потому что у Розенберга не было недостатка въ личномъ мужествѣ. Слова великаго князя оскорбили стараго служаку; у него не достало характера—не вмѣшивать личнаго чувства въ рѣшеніе вопроса, и приказаніе къ наступленію было отдано. Авангардъ Чубарова двинулся на непріятельскій берегъ въ бродъ, по поясъ въ водѣ; впереди шелъ Розенбергъ со шпагой на-голо; вслѣдъ затѣмъ начала переправляться на островъ подоспѣвшая часть его корпуса.

Жители Басиньяны встрѣтили Чубарова съ радостью и тот-

часъ стали рубить дерево вольности; Русскіе двинулись по дорогѣ къ Валенцѣ и атаковали встрѣченнаго въ нѣсколькихъ верстахъ непріятеля. На подмогу скоро прибыли еще двѣ роты; въ головѣ ихъ великій князь бросился неустрашимо въ атаку. Успѣхъ былъ полный, но непродолжительный. Стали спѣшно возвращаться французскія войска, шедшія къ Александріи; прискакалъ самъ Моро и послалъ за новымъ подкрѣпленіемъ. Русскій отрядъ, состоявшій всего изъ 2.500 человѣкъ, отступилъ, но продолжалъ держаться въ ожиданіи подкрѣпленія. Подмога не подходила, по недоразумѣнію была пріостановлена даже переправа; великій князь самъ поскакалъ за подкрѣпленіемъ, пришли $3^1/_2$ батальона и возстановили бой; но затѣмъ подкрѣпленій уже не прибывало, безпорядокъ стоялъ совершенный и никакого руководительства дѣломъ не существовало. Русская пѣхота держалась со стойкостью изумительною, но Французовъ все прибавлялось, и приходилось имъ уступить во избѣжаніе большей бѣды. Началось отступленіе, вѣрнѣе сказать бѣгство; русскіе батальоны, совершенно разстроенные, смѣшались и пустились на-утекъ такъ быстро, что слабая непріятельская конница не могла ихъ догнать. Ни уговоры, ни угрозы офицеровъ не дѣйствовали; безпорядокъ все увеличивался подъ непрерывавшимся картечнымъ огнемъ Французовъ.

Жители Басиньяны, нѣсколько часовъ назадъ встрѣчавшіе Русскихъ привѣтственными кликами, теперь стрѣляли по нимъ изъ оконъ. За недосугомъ они остались ненаказанными, и Русскіе, преслѣдуемые Французами, мало-по малу перебрались на островъ уже въ совершенной темнотѣ. Но тутъ постигла ихъ новая бѣда: крестьяне, состоявшіе при паромной переправѣ, перерѣзали канатъ и скрылись, а паромъ унесло теченіемъ. Прошло немало времени, пока его поймали, исправили и пустили въ дѣло для перевозки раненыхъ. Суматоха на островѣ была ужасная, особенно у переправы; лошадь великаго князя чего-то испугалась и занесла его въ рѣку, но казакъ Пантелеевъ вовремя бросился на помощь и вывелъ его на берегъ. Всю ночь производилась перевозка на паромѣ раненыхъ; всю ночь Русскіе держались на островѣ подъ огнемъ французскихъ орудій и отражали неоднократныя попытки непріятеля перейти въ бродъ че-

резъ рукавъ рѣки. Надо удивляться, какъ Французы не догадались удвоить, утроить силу своего огня; тогда ни одинъ человѣкъ не могъ бы спастись съ острова, тѣмъ болѣе, что войска стали переправляться на свою сторону когда уже разсвѣло, причемъ казаки переправились вплавь.

Несчастное дѣло при Басиньянѣ стоило Русскимъ большихъ потерь; убитыхъ, раненыхъ и попавшихся въ плѣнъ насчитано почти 70 офицеровъ (одинъ генералъ) и до 1,200 нижнихъ чиновъ; кромѣ того въ рукахъ Французовъ осталось 2 русскія орудія, завязшія на пашнѣ. У непріятеля выбыло изъ строя до 600 человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ генералъ. Одинъ русскій плѣнный офицеръ на другой день бѣжалъ на французской лошади; казачьи посты спасли его отъ погони. Суворовъ велѣлъ возвратить Французамъ лошадь, захваченную бѣжавшимъ.

Въ ночь послѣ этого неудачнаго дѣла, т.-е. съ 1 на 2 мая, Суворовъ получилъ о немъ извѣстіе и тотчасъ же послалъ Розенбергу новое приказаніе—идти куда было велѣно раньше, приписавъ собственноручно: «не теряя ни минуты немедленно сіе исполнить, или подъ военный судъ». Но посылки новаго приказанія было мало; до главной квартиры доходили тревожныя донесенія съ казачьихъ постовъ о движеніяхъ французскихъ войскъ, слышны были выстрѣлы, а войска Розенберга у назначенныхъ для нихъ переправъ не показывались. Суворовъ сталъ сомнѣваться въ благополучномъ возвращеніи Розенбергова корпуса и двинулъ—было ему на выручку всѣ войска къ Камбіо. Но эта мѣра оказалась ненужной: Розенбергъ скоро показался у Камбіо, и непріятель не преслѣдовалъ его, оставаясь два дня въ бездѣйствіи.

Это была первая крупная неудача союзниковъ. Раздраженный Суворовъ написалъ сгоряча донесеніе Государю, выставляя опрометчивость Константина Павловича и указывая, что поведеніе его противорѣчитъ дисциплинѣ. Донесеніе это онъ однако отправилъ не сразу, а раздумывалъ и совѣтовался. Когда же оно было отправлено, Суворова снова взяло раздумье; онъ сталъ жалѣть, что поторопился, послалъ второго курьера въ догонку за первымъ и когда получилъ обратно бумагу, то разорвалъ ее и успокоился. Однако онъ не захотѣлъ пропустить происшедшій

несчастный случай безъ вниманія, для чего и потребовалъ великаго князя къ себѣ. Чувствуя свою вину и желая отсрочить непріятность, если нельзя ея избѣгнуть, Константинъ Павловичъ послалъ одного изъ своей свиты, Комаровскаго, отговорившись, что прибудетъ самъ вмѣстѣ съ войсками. Суворовъ встрѣтилъ Комаровскаго грозно; упрекалъ его въ томъ, что онъ вмѣстѣ со своими товарищами допустилъ великаго князя до опасности быть убитымъ или попасться въ плѣнъ; обѣщалъ заковать ихъ всѣхъ и отправить съ фельдъегеремъ въ Петербургъ. Немного успокоившись, Суворовъ спросилъ, какъ великъ конвой великаго князя, нашелъ, что недостаточенъ, велѣлъ выдѣлить часть своего собственнаго при надежномъ штабъ-офицерѣ и приказалъ Комаровскому отправиться съ новымъ конвоемъ на встрѣчу великаго князя.

Прибывъ къ Константину Павловичу, Комаровскій передалъ ему все, что говорилъ фельдмаршалъ. «Такъ онъ очень сердитъ», сказалъ великій князь и задумался. Прибывъ въ главную квартиру, онъ скрѣпя сердце поѣхалъ къ Суворову; тотъ съ низкими поклонами и другими знаками почтенія встрѣтилъ его въ передней, пригласилъ въ кабинетъ и заперся съ нимъ вдвоемъ. Бесѣда продолжалась съ полчаса; великій князь вышелъ разстроенный, красный отъ слезъ. Суворовъ провожалъ его съ прежними поклонами; проходя пріемную, гдѣ стояла свита Константина Павловича, онъ обратился къ ней съ угрозами, назвалъ всѣхъ мальчишками, пообѣщалъ тоже самое, что говорилъ Комаровскому, и затѣмъ продолжалъ провожать великаго князя до крыльца съ прежнею почтительностью.

Неизвѣстно, гдѣ находился и что дѣлалъ во время неудачнаго боя при Басиньянѣ Дерфельденъ; о немъ во всемъ этомъ происшествіи не упоминается нигдѣ ни слова.

Суворовъ долго помнилъ Басиньяну и когда, въ дурной часъ, разговоръ касался этого предмета въ присутствіи Константина Павловича, то Суворовъ, не относясь прямо къ великому князю, говорилъ: «молодо-зелено; не въ свое дѣло не мѣшаться». Вообще онъ съумѣлъ подѣйствовать на великаго князя въ томъ именно смыслѣ, какъ желалъ; Константинъ Павловичъ съ той поры проникся особеннымъ къ старому фельдмаршалу почте-

ніемъ и послушаніемъ. Будучи присланъ къ Суворову въ качествѣ ученика военнаго дѣла, онъ просилъ у него дозволенія—присутствовать при докладахъ и рѣшеніи дѣлъ. Суворовъ изъявилъ на это полное согласіе, но съ тѣмъ, чтобы другъ другу не мѣшать и даже одному другого не видѣть. Не знаемъ, долго ли и часто ли Константинъ Павловичъ пользовался этимъ дозволеніемъ, но присутствуя при занятіяхъ фельдмаршала съ его штабомъ, строго выполнялъ заключенное условіе: входилъ тихо, не кланялся и садился гдѣ-нибудь въ углу. Суворовъ со своей стороны тоже дѣлалъ видъ, какъ будто не замѣчаетъ своего высокаго гостя.

На послѣднее, присланное въ Борго-Франко приказаніе Суворова съ угрозою военнымъ судомъ, Розенбергъ отвѣчалъ, что въ качествѣ подчиненнаго виноватъ безъ оправданія; но если главнокомандующій пожелаетъ разобрать все дѣло, то оправдаетъ его совершенно. Однако Суворовъ, при первомъ свиданіи, высказалъ ему крайнее свое неудовольствіе и не принялъ отговорокъ, къ числу которыхъ принадлежали и ссылки на великаго князя. Отданъ былъ и приказъ по соединенной арміи, гдѣ хотя Розенбергъ не поименованъ, но косвеннымъ образомъ сдѣланъ ему строгій выговоръ. Отзываясь одобрительно о храбрости дѣйствовавшихъ при Басиньянѣ войскъ, Суворовъ въ приказѣ особенно хвалилъ Милорадовича, который шелъ въ атаку со знаменемъ въ рукѣ, въ ручномъ бою сломалъ свою саблю и потерялъ двухъ лошадей, подъ нимъ раненыхъ.

Государю было донесено объ этомъ дѣлѣ, какъ о послѣдствіи случившагося недоразумѣнія, впрочемъ не скрывая ни мало неудачи. Государь взглянулъ на произшедшій случай серьезно и снова уполномочивалъ Суворова замѣнить Розенберга, если онъ недостаточно способенъ, Дерфельденомъ или кѣмъ инымъ, не стѣсняясь условіями старшинства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ I изъявилъ полное свое благоволеніе войскамъ; пожаловалъ всѣмъ награды по представленію Суворова; нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ дѣлѣ, повелѣлъ выдать по рублю, а находившимся подъ командою великаго князя—по два. Суворовъ не смѣнилъ Розенберга. Онъ въ состояніи былъ такъ поступить сгоряча, подъ минутнымъ впечатлѣніемъ, но потомъ дѣлался по обыкновенію

весьма снисходителенъ, отличаясь большой такъ сказать инерціей. Нѣкоторые хроникеры утверждаютъ, будто онъ былъ часто несправедливъ къ Розенбергу, и выставляютъ въ видѣ доказательства, что еще до своего прибытія къ арміи, онъ предложилъ Розенбергу выйти въ отставку, но потомъ взялъ свое оскорбительное слово назадъ. Для объясненія взаимныхъ отношеній Суворова и Розенберга не мѣшаетъ еще сказать, что ихъ военныя натуры совсѣмъ не сходились; что Розенбергъ имѣлъ мало тѣхъ качествъ, которыя, по понятіямъ Суворова, именно и требовались въ военномъ человѣкѣ. Поэтому Суворовъ не чувствовалъ къ Розенбергу особеннаго расположенія, да и не онъ одинъ; Розенберга просто въ арміи не любили.

На этотъ разъ вмѣсто Розенберга поплатился другой: генералъ-майоръ Чубаровъ 15 мая отставленъ Государемъ отъ службы, о чемъ и сообщено Суворову. Впрочемъ черезъ два мѣсяца онъ принятъ на службу снова, съ прежнимъ старшинствомъ.

Ложные слухи продолжали носиться и продолжали тревожить Суворова, который подъ ихъ впечатлѣніемъ принималъ тѣ или другія неподходящія рѣшенія. Да и какъ ему было ихъ отвергать, когда самъ Австрійскій императоръ однажды сообщилъ ему одно «достовѣрное» извѣстіе, оказавшееся потомъ вздорнымъ.

Подъ вліяніемъ подобныхъ свѣдѣній, Суворовъ задумалъ передвинуть свои войска на лѣвый берегъ По и назначилъ начать это движеніе 5 числа вечеромъ. Но помѣшалъ Моро, самъ того не подозрѣвая и имѣя о расположеніи союзниковъ самыя невѣрныя свѣдѣнія. Французскій главнокомандующій, находившійся въ положеніи не хорошемъ, рѣшился въ этотъ самый день открыть себѣ путь въ Генуу черезъ Нови и Бокетскій проходъ. Съ этою цѣлью дивизія Виктора перешла Бормиду въ 6 часовъ утра и двинулась къ Маренго; находившіяся тутъ передовыя австрійскія войска подъ начальствомъ Карачая отступили, пославъ гонца въ австрійскій лагерь при Торре ди Гарофолло. Меласа не оказалось тамъ на лицо, поднялась суета, поѣхали за приказаніями къ Суворову въ Сале. Но такъ какъ туда было далеко и ждать долго, то генералъ Лузиньянъ рѣшился на свой страхъ идти съ дивизіею, которою временно

командовалъ, и впереди Санъ-Джульяно встрѣтился съ Французами. Въ это же время проходилъ чрезъ С.-Джульяно авангардъ Багратіона, во исполненіе общаго плана. Онъ тотчасъ пошелъ на выстрѣлы и пристроился къ флангамъ Австрійцевъ. Лузиньянъ предложилъ Багратіону принять общее начальство, но тотъ отказался, предоставивъ эту честь австрійскому генералу. Союзники стройно двинулись съ барабаннымъ боемъ впередъ. Французы держались и даже пытались обойти фланги, но безуспѣшно: Багратіонъ отразилъ ихъ встрѣчными атаками. Кончилось тѣмъ, что Моро приказалъ отступать, увидѣвъ тутъ неожиданное скопленіе союзниковъ. Преслѣдованіе производилось очень вяло.

Суворовъ прискакалъ на поле сраженія, но не могъ поспѣть ни къ бою, ни даже къ преслѣдованію. Выслушавъ изложеніе дѣла, онъ остался недоволенъ недостаткомъ энергіи въ преслѣдованіи. «Упустили непріятеля», сказалъ онъ съ досадой. Онъ остался тутъ до слѣдующаго дня; поужинавъ поджареннымъ лукомъ съ хлѣбомъ и небольшимъ кускомъ балыка, ночевалъ на полѣ сраженія, а на утро распрашивалъ казачьяго атамана Денисова о ходѣ боя и участіи въ немъ русскихъ войскъ, т.-е. хорошо ли Багратіонъ атаковалъ и билъ ли въ штыки. Денисовъ, находившійся съ Багратіономъ въ дурныхъ отношеніяхъ, высказалъ всю правду, а можетъ быть и прибавилъ.

Въ дѣлѣ при Маренго 5 мая принимало участіе 7 — 8,000 Французовъ; союзниковъ было нѣсколько больше. Потери обѣихъ сторонъ, приблизительно одинаковыя, простирались отъ 500 до 600 человѣкъ у тѣхъ и другихъ, въ томъ числѣ у Французовъ взято свыше 100 плѣнныхъ. Какъ басиньянское дѣло для Русскихъ, такъ и маренгское для Французовъ обошлись дешево и могли бы кончиться гораздо хуже, особенно послѣднее.

Продолжая получать о Моро невѣрныя свѣдѣнія, Суворовъ сталъ приводить въ исполненіе свой прежній планъ, пріостановленное неожиданнымъ переходомъ Французовъ чрезъ Бормиду, и такимъ образомъ упустилъ остатки республиканской арміи, когда могъ ихъ истребить совершенно. Онъ продолжалъ теряться въ догадкахъ на-счетъ Моро, но наконецъ принялъ опредѣленное рѣшеніе и, по своему обыкновенію, сталъ приводить это рѣшеніе къ исполненію, немедленно и энергически. А именно

изъ двухъ главныхъ задачъ, въ то время ему представлявшихся—отыскать и разбить Моро, или же завладѣть Туриномъ, онъ избралъ послѣднее.

Рѣшеніе — уничтожить прежде армію Моро — было бы во многихъ отношеніяхъ предпочтительнѣе, такъ какъ Моро могъ уйти, а Туринъ нѣтъ; но невозможно отрицать и громадныя выгоды для союзниковъ отъ немедленнаго захвата Турина. Занятіе этой столицы бывшаго Сардинскаго королевства было весьма важно въ отношеніи политическомъ; еще болѣе оно было полезно по тому впечатлѣнію, которое должно было произвести на всю Италію. Кромѣ того, держа въ своихъ рукахъ Туринъ, Суворовъ имѣлъ въ виду отрѣзать арміи Моро послѣдніе пути для полученія подкрѣпленій и запасовъ изъ Швейцаріи и Савоіи; онъ разсчитывалъ, что одинъ голодъ заставитъ Французовъ покинуть Пьемонтъ, а возстаніе жителей задержитъ ихъ до прибытія союзной арміи и совершеннаго ихъ истребленія. Наконецъ, въ Туринѣ хранились огромные склады запасовъ, артиллерійскіе парки и арсеналъ. Суворовъ скорбѣлъ, что тратитъ столько времени и силъ на блокады и осады; туринскія средства могли его въ извѣстной степени выручить. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣйствительно представлялось очень вѣскимъ мотивомъ для принятаго Суворовымъ плана дѣйствій.

Союзная армія слѣдовала къ Турину двумя колоннами, подъ начальствомъ Меласа и Розенберга. Походомъ Суворовъ велъ себя почти также, какъ въ старое время въ Турціи и Польшѣ, но тутъ чаще ѣздилъ въ экипажѣ. Штабъ его не всегда находился при немъ, а часто разсылался въ разныя части колонны для присмотра, такъ что при главнокомандующемъ оставался иногда небольшой казачій конвой и даже просто одинъ казакъ. Уѣзжая верхомъ впередъ, Суворовъ слѣзалъ съ лошади, ложился гдѣ нибудь невдалекѣ отъ дороги, въ виноградникѣ или въ тѣни строенія, и смотрѣлъ на мимо проходившія войска. Отсюда, совершенно неожиданно для всѣхъ, онъ ниибко выѣзжалъ на дорогу, пристраивался къ какому-нибудь полку, ѣхалъ между солдатами и бесѣдовалъ съ ними. Завидѣвъ фельдмаршала, задніе спѣшили впередъ; усталые, отставшіе прибавляли шагу, пріободрялись; его окружали, къ нему тѣснились.

На пути къ Туриву жара стояла страшная; Суворовъ то присаживался въ карету, то ѣхалъ верхомъ. Карета была старомодная; купилъ ее Суворовъ у казаковъ, запрягались въ нее обывательскія лошади, кучеромъ служилъ одинъ изъ окрестныхъ крестьянъ, на запяткахъ иногда красовался кривой поваръ Мишка. Уже много лѣтъ, какъ Суворовъ не имѣлъ даже собственныхъ верховыхъ лошадей, а бралъ обыкновенно казачью, подъ экипажъ же употреблялъ или обывательскія или подъемныя. Не мудрено поэтому, что «немогузнайки» часто его вываливали или опрокидывали вмѣстѣ съ экипажемъ, и ему приходилось расплачиваться подбитыми глазами и помятыми боками. Австрійцы съ любопытствомъ посматривали на «ковчегъ», въ которомъ ѣхалъ главнокомандующій. Суворовъ сидѣлъ задумавшись, съ двумя или тремя лицами свиты, въ тѣснотѣ и духотѣ; потомъ вышелъ и сѣлъ верхомъ, другіе за нимъ. Желая объѣхать двигавшуюся колонну, онъ взялъ въ сторону и бойко перескочилъ довольно широкій ровъ, такъ что всѣ невольно вскрикнули. Обогнали колонну, ѣхали часа 4, войска остались далеко позади. Шателеръ былъ еще прежде посланъ впередъ съ нѣсколькими частями войскъ, для необходимыхъ распоряженій и переговоровъ съ непріятелемъ; Суворову хотѣлось пораньше узнать о результатахъ миссіи генералъ-квартирмейстера, и онъ все ѣхалъ впередъ. Въ свитѣ его находилось всего 3—4 лица, конвой состоялъ изъ десятка казаковъ, не было проводника, а между тѣмъ Туринъ былъ занятъ Французами. Наступила ночь. Донской атаманъ Денисовъ обратился къ племяннику Суворова, князю Андрею Горчакову, съ совѣтомъ—остеречь фельдмаршала, такъ какъ его могутъ захватить въ плѣнъ; Горчаковъ отозвался, что не смѣетъ. Тогда Денисовъ заступилъ Суворову дорогу и объяснилъ, что ѣхать такимъ образомъ дальше—нельзя. Суворовъ отвѣчалъ, что ему необходимо видѣться съ Шателеромъ, Денисовъ вызвался за генералъ-квартирмейстеромъ съѣздить. Городъ былъ недалеко, Денисовъ отыскалъ Шателера и вскорѣ съ нимъ вернулся.

Оказалось, что Шателеръ сдѣлалъ французскому гарнизону предложеніе—сдать городъ. Гарнизонъ состоялъ изъ 3,400 человѣкъ, подъ начальствомъ пьемонтскаго генерала Фіореллы,

который отвѣчалъ, что будетъ защищаться до послѣдней крайности. Шателеръ приказалъ открыть артиллерійскій огонь по форштату; Французы отвѣчали тѣмъ же. Суворовъ отдалъ приказаніе, чтобы городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ подходившими войсками, которыя должны были въ продолженіе завтрашняго дня, 15 числа, устроить батареи, вооружить ихъ къ вечеру, въ первомъ часу ночи на 16 число открыть огонь и, если къ 3 часамъ утра городъ не сдастся, штурмовать его. Сдѣлавъ это распоряженіе, Суворовъ приблизился къ предмѣстью, остановился у фонтана и восхищался прелестною итальянскою ночью. А тѣмъ временемъ стали вблизи ложиться французскія ядра. Денисовъ, не теряя времени на убѣжденія, схватилъ фельдмаршала поперекъ и побѣжалъ съ нимъ въ сторону. Озадаченный Суворовъ вцѣпился ему въ волосы (но не дралъ), назвалъ его «проклятымъ», спрашивалъ съ негодованіемъ, что онъ дѣлаетъ. Денисовъ спустилъ его съ рукъ во рву и такъ какъ Суворовъ все хотѣлъ къ фонтану, то повелъ его яко-бы по желанію, но въ сущности въ другую сторону, подальше отъ ядеръ, и привелъ въ болѣе безопасное мѣсто. Суворовъ выразилъ свое неудовольствіе, но не настаивалъ на прежнемъ требованіи и провелъ тутъ остатокъ ночи.

На другой день сдѣлана была опять попытка—уговорить генерала Фіореллу къ сдачѣ, но отвѣтъ былъ такъ грубъ и даже дерзокъ, что не стоило терять времени на переговоры, и Суворовъ отдалъ дополнительное приказаніе—открыть траншеи, ставить батареи и затѣмъ бомбардировать городъ два дня, приготовившись въ это время къ штурму.

Однако тутъ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, городъ былъ спасенъ самимъ населеніемъ. Жители Турина и національная гвардія впустили союзныя войска; вступленіе ихъ произошло такъ внезапно, что многіе изъ Французовъ не успѣли спастись въ цитадель и скрылись въ городскихъ домахъ. Фіорелла пытался было подать имъ помощь вылазкою изъ цитадели, но безуспѣшно. Французовъ перебито около сотни, вдвое взято въ плѣнъ, втрое досталось больныхъ и раненыхъ; кромѣ того безъ малаго 400 орудій, 20.000 ружей и огромное количество всякаго рода военныхъ запасовъ. Въ 3 часа пополудни

Суворовъ вступилъ съ войсками въ Туринъ. Улицы были полны народомъ, отовсюду раздавались восклицанія съ виватами императорамъ Францу и Павлу; пріемъ былъ даже болѣе шумный, чѣмъ въ Миланѣ. Великій князь въѣхалъ въ городъ при одномъ изъ австрійскихъ кавалерійскихъ полковъ, среди офицеровъ полка, но былъ узнанъ и потому сдѣлался предметомъ оживленныхъ овацій. Вечеромъ городъ иллюминовался.

Суворовъ помѣстился въ нижнемъ этажѣ одного дома; великому князю былъ отведенъ великолѣпный дворецъ, отъ котораго онъ отказался и провелъ ночь за-городомъ, въ расположеніи австрійскихъ войскъ. Фіорелла прислалъ парламентера съ объявленіемъ, что канонада будетъ производиться по городу до тѣхъ поръ, пока союзники его не очистятъ. Около полуночи съ 15 на 16 число огонь дѣйствительно былъ открытъ, такъ какъ Фіорелла считалъ справедливымъ наказать жителей за измѣну. Суворовъ юмористически доносилъ, что непріятель «поздравлялъ побѣдителей непрестанною пальбою, градомъ бомбъ, картечей и каленыхъ ядеръ до разсвѣта, причемъ убито въ городѣ изъ обывателей два человѣка и досталось жестоко черепицѣ крышъ». Однако едва ли ограничился этимъ вредъ отъ французской бомбардировки; въ трехъ мѣстахъ города загорѣлось; во дворѣ дома, занятаго фельдмаршаломъ, убито нѣсколько лошадей, оторвано нѣсколько рукъ и ногъ. Донской атаманъ рѣшился войти къ Суворову въ спальню. «Что ты, Карповичъ», — спросилъ Суворовъ проснувшись, или дѣлая видъ, что передъ тѣмъ спалъ. Денисовъ доложилъ, что бомбардируютъ изъ цитадели и метко цѣлятъ въ этотъ домъ. «Оставь меня, я спать хочу»,— отвѣчалъ Суворовъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Денисовъ вышелъ, но скоро послышался голосъ Суворова, требовавшаго къ себѣ дежурнаго генерала.

Жители Турина пришли въ отчаяніе; если бы Фіорелла держалъ свое слово нѣсколько дней подъ рядъ, то городу бы не сдобровать. Суворовъ велѣлъ написать коменданту снова, пристыдить его и пообѣщать, что если канонада по городу возобновится, то будутъ выведены на эспланаду цитадели плѣнные Французы, не исключая больныхъ, и останутся подъ огнемъ до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться пальба по безвиннымъ

гражданамъ. Угроза подѣйствовала: комендантъ объявилъ, что не станетъ стрѣлять по городу, если союзники обяжутся не вести атаки съ городской стороны. Суворовъ согласился, хотя часть цитадели, обращенная къ городу, была слабѣе прочихъ, и въ тотъ же день, 16 числа, была заключена въ этомъ смыслѣ капитуляція. Городское управленіе издало объявленіе, гдѣ заявляя глубокую признательность главнокомандующему за великодушную, человѣколюбивую попечительность о городѣ, приглашало жителей Турина спокойно и довѣрчиво приняться за обычныя занятія.

Въ тотъ же день было получено донесеніе о сдачѣ гор. Александріи на капитуляцію; получено также извѣстіе о переходѣ въ руки союзниковъ Феррары и Миланской цитадели. Итогъ трофеевъ былъ значительный. По случаю этихъ успѣховъ, назначено было празднество на 17 мая. Утромъ отслужено въ домѣ Суворова благодарственное молебствіе по чину православной церкви; потомъ главнокомандующій въ парадной формѣ, при всѣхъ знакахъ отличій, отправился въ богатой каретѣ въ соборъ. Въ этомъ торжественномъ шествіи его сопровождали генералы союзной арміи, всѣ верхами; народъ тѣснился около кареты, оглашая воздухъ криками. При входѣ въ церковь, Суворовъ былъ встрѣченъ духовенствомъ; во время молебствія усердно молился; артиллерія, разставленная на городскомъ валу, производила пальбу. Такимъ же порядкомъ возвратился Суворовъ домой и потомъ далъ парадный обѣдъ, пригласивъ знатнѣйшихъ лицъ города и нѣкоторыхъ генераловъ союзной арміи. Вечеромъ Суворовъ былъ въ свою очередь приглашенъ въ театръ, гдѣ приготовили ему торжественный пріемъ; при входѣ его въ ложу раздались общія рукоплесканія, поднялся занавѣсъ, и на сценѣ открылся храмъ славы, въ которомъ красовался бюстъ Суворова, окруженный эмблемами его побѣдъ. Суворовъ, подъ вліяніемъ смѣшаннаго чувства смущенія и удовольствія, прослезился и съ выраженіемъ глубокаго почтенія кланялся публикѣ. Возвращаясь домой, онъ ѣхалъ по иллюминованнымъ улицамъ; среди огней блистали литеры его имени.

По занятіи Турина, первымъ дѣломъ Суворова было возстановленіе прежняго порядка вещей. Сардинскаго королевства,

королевской арміи и милиціи, въ разсчетѣ усилить свои средства въ борьбѣ съ Французами. Онъ даже поручилъ нѣсколькимъ лицамъ формированіе сардинскихъ войскъ и, еще раньше, издалъ прокламацію съ обѣщаніемъ возстановить короля и его правительство. Совершенно таковы были и намѣренія Павла, который по полученіи донесенія о занятіи Турина, писалъ Суворову: «коль скоро овладѣете Туринскою цитаделью, увѣдомьте о семъ Сардинскаго короля, пригласите возвратиться въ Туринъ и возстановите на престолѣ». Въ такомъ совершенно смыслѣ продолжалъ дѣйствовать Суворовъ и въ Туринѣ, развивая свою дѣятельность въ частностяхъ, т.-е. возстановлялъ должности, званія, титулы; объявилъ прежнее свое воззваніе, удержалъ изъ республиканскихъ новинокъ одну національную гвардію, которой приказано продолжать службу для охраненія спокойствія въ городѣ; но отъ жителей велѣно отобрать оружіе и всякіе военные запасы, а также потребована выдача Французовъ, укрывавшихся въ домахъ.

Мѣры эти возбудили въ Вѣнѣ крайнее неудовольствіе, и Австрійскій императоръ счелъ нужнымъ обратиться къ главнокомандующему съ новымъ рескриптомъ. Онъ писалъ, что въ земляхъ, занятыхъ союзными войсками по праву завоеванія, не можетъ быть признаваемо иной власти, кромѣ его, императора Австрійскаго; что поэтому все, относящееся до гражданскаго управленія и части политической, должно быть предоставлено распоряженіямъ Вѣнскаго кабинета; наконецъ, что пьемонтскіе солдаты должны быть призываемы не подъ знамена Сардинскаго короля, а на службу Австрійскаго императора, ибо долгая война требуетъ покрытія потери людей способами чужихъ областей, отнятыхъ отъ непріятеля.

Послѣ этого рескрипта, своекорыстные виды Вѣнскаго двора обнаружились съ полною ясностью. Все внутреннее управленіе ввѣрялось австрійскимъ комиссарамъ; распоряженія по снабженію союзныхъ войскъ и употребленіе для того средствъ занятаго края поручено Меласу; офицеры и солдаты бывшихъ пьемонтскихъ войскъ принимались исключительно на пополненіе австрійской арміи, что конечно въ нѣсколько разъ уменьшило число охотниковъ. Всѣ прокламаціи и объявленія послѣ 16 мая

издавались уже отъ имени не главнокомандующаго Суворова, а подчиненнаго ему генерала Меласа, какъ уполномоченнаго отъ Римскаго императора; о королѣ Сардинскомъ въ нихъ не упоминалось ни слова.

Кромѣ того Суворову было снова подтверждено Австрійскимъ императоромъ держаться плана операцій, изложеннаго въ двухъ прежнихъ рескриптахъ, и переходъ союзниковъ на правый берегъ По принятъ за нарушеніе данной инструкціи. Австрійскій императоръ опять выражалъ свою волю, чтобы всѣ предположенія Суворова были оставлены, а обращено исключительное вниманіе на взятіе Мантуи и цитадели Миланской; чтобы для этого усилены были тамъ осадные корпуса; чтобы главная армія заняла положеніе, отвѣчающее только цѣли охраненія сдѣланныхъ завоеваній. Посолъ Разумовскій совѣтовалъ Суворову продолжать попрежнему, не заботясь о боязливости Вѣнскаго двора, который напуганъ прошедшими бѣдствіями, а послѣ самъ будетъ «благодарить, славить и обожать». Совѣтъ былъ однако весьма рискованнаго свойства, въ виду неоднократныхъ подтвержденій за собственною подписью императора, и его легче было давать, чѣмъ исполнять, хотя исполнителемъ и былъ такой неохотникъ дѣйствовать по чужой указкѣ, какъ Суворовъ.

Баронъ Тугутъ былъ вообще недоволенъ русскимъ полководцемъ, который не обнаруживалъ готовности состоять въ его услугахъ. Желчный нравъ и безпредѣльное самолюбіе руководителя Вѣнскаго кабинета не терпѣли въ исполнителяхъ ни малѣйшей самостоятельности; чего ради высшія ступени арміи были наполнены людьми крайне посредственными, но преданными первому министру и точными исполнителями его воли. Имѣя намѣреніе во что бы то ни стало согнуть волю Суворова, но не разсчитывая успѣть въ этомъ прямо, Тугутъ пошелъ къ цѣли окольнымъ путемъ и дѣйствовалъ чрезъ своихъ клевретовъ, занимавшихъ высшіе посты въ арміи. Интрига, сплетня, доносъ, противодѣйствіе главнокомандующему, или по крайней мѣрѣ умышленно создаваемыя ему затрудненія, — сдѣлались явленіемъ повседневнымъ. Подъ предлогомъ—не отвлекать фельдмаршала къ предметамъ второстепенной важности,—гражданская, политическая и военно-хозяйственная власть вручены были тупому,

ограниченному Меласу, которымъ руководить было гораздо удобнѣе. Завязались прямыя сношенія австрійскихъ генераловъ съ гофкригсратомъ; единство, стройность въ распоряженіяхъ исчезли; недоразумѣнія и неисправности участились; приказанія доходили до австрійскихъ войскъ медленно и иногда въ такомъ искалѣченномъ видѣ, который прямо противорѣчилъ первоначальному ихъ смыслу. Затрудненія и безпорядки въ снабженіи арміи продовольствіемъ возрастали по днямъ; магазиновъ было мало, и войска на походѣ кормились большею частью реквизиціоннымъ способомъ, а лошади—подножнымъ кормомъ. Хлѣбъ, доходившій временами до солдатъ чрезъ посредство австрійскихъ комиссаровъ, сплошь да рядомъ былъ дурно испеченъ, изъ порченой муки, мясо не свѣжее, вино разбавленное водой, такъ что русскія войска, не избалованныя и не взыскательныя, жаловались.

Если при выѣздѣ своемъ изъ Вѣны къ арміи, Суворовъ, не связавшій себя никакими обязательствами относительно направленія военныхъ операцій, питалъ надежду, что отдѣлался отъ гофкригсрата, то онъ ошибся жестоко. Если уступая Меласу свои обязанности внутренней службы, онъ, подъ впечатлѣніемъ кончанскихъ взысканій и дѣла Вронскаго, разсчитывалъ избавиться отъ обузы и большихъ непріятностей, то теперь приходилось ему убѣждаться въ противномъ. Если онъ полагалъ, что австрійское интендантство есть недосягаемый образецъ для русскаго,—то долженъ былъ разочароваться и въ этомъ. Онъ принялся исправлять зло, на сколько возможно; но въ его власти были только паліативы, которые мѣстами и временами ограничивали вредоносность системы, но не въ силахъ были ее передѣлать. Эти Суворовскія попытки иногда даже не уменьшали, а увеличивали зло: Шателеръ, который понравился Суворову, сблизился съ нимъ и открыто выказывалъ искреннее къ нему уваженіе,—былъ поставленъ въ необходимость дѣйствовать не такъ, какъ указывалось изъ Вѣны, сталъ въ холодныя отношенія съ Меласомъ и навлекъ на себя неудовольствіе Тугута.

Такимъ образомъ, нити злой воли, портившей общую задачу союзниковъ, шли не отъ Суворова, а отъ Тугута. Что было дѣлать съ нимъ Суворову въ описываемое время, когда зло только что начинало назрѣвать и не поражало еще глазъ своею

злокачественностью? Протестовать—безполезно и нельзя; жаловаться своему Государю—слишкомъ преждевременно; оставалось только переписываться съ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ, побуждая его къ противудѣйствію интригамъ и козням. Суворовъ такъ и поступилъ.

Онъ пишетъ, что много бы набралось добровольныхъ пьемонтскихъ войскъ для борьбы съ Французами, если бы ихъ дозволено было формировать на предложенныхъ имъ, Суворовымъ, основаніяхъ; притомъ они ничего бы не стоили Австріи. Онъ указываетъ, что въ этомъ случаѣ примѣръ Французовъ, въ быстрыхъ ихъ завоеваніяхъ, заслуживаетъ полнаго вниманія, поясняя, что «послѣ можно распустить, если не нужно». Въ особенности настаиваетъ Суворовъ на наступательномъ образѣ дѣйствій, говоря, что въ офансивѣ Французы ушли дальше другихъ; что благодаря дефансиву была потеряна Италія съ предградіемъ Вѣны, а офансивомъ эрцъ-герцогъ Карлъ выгналъ изъ Германіи двѣ арміи. Объясняя невыгоду оборонительной системы, Суворовъ вразумляетъ Разумовскаго, что такимъ образомъ погибли тутъ Болье, Альвинци и Вурмзеръ и что ему, Суворову, видно также придется погибнуть, тѣмъ паче, что «недорубленный лѣсъ опять выростаетъ». Особенно сокрушало его требованіе, вслѣдствіе котораго значительная часть союзной арміи оставалась назади, при крѣпостяхъ. «Какъ бы ни была Мантуа драгоцѣнна», говоритъ онъ: «все же она не стоитъ потерянія лучшаго времени кампаніи», и восклицаетъ: «Спасителя ради, не мѣшайте мнѣ».

Такимъ образомъ видно, что ходъ кампаніи до занятія Турина вовсе не удовлетворялъ самого Суворова и, въ значительной степени, зависѣлъ не отъ его воли. Конечно онъ дѣлалъ ошибки, какъ объяснено въ своемъ мѣстѣ, и продолжалъ ихъ дѣлать въ Туринѣ, раздробивъ значительную часть своихъ силъ для овладѣнія краемъ и очищенія его до Альповъ. Но этому значительною долею содѣйствовало то обстоятельство, что французская партія была особенно сильна въ западной части сѣверной Италіи, что должно было сильно затруднять циркуляцію вѣрныхъ о Французахъ извѣстій.

Чтобы исчерпать предметъ до конца, остается разсмотрѣть

еще одинъ обвинительный пунктъ, выдвинутый Австрійцами противъ Суворова и Русскихъ впослѣдствіи, именно грабительство войскъ.

Нельзя отрицать, что русскія войска, десятки лѣтъ воспитывавшіяся въ борьбѣ съ Турками и Татарами, отличались извѣстною долею распущенности, тѣмъ болѣе, что обычай узаконилъ въ нихъ понятіе о правѣ на добычу. Но въ Италіи и обстановка войны, и присмотръ за войсками были уже не тѣ, что въ Турціи или Польшѣ. Бывали случаи грабительства, но это были случаи, а не система. При движеніи отъ Адды къ Милану, Суворовъ замѣтилъ нѣсколько русскихъ солдатъ на отлетѣ, велѣлъ ихъ схватить и тутъ же, на походѣ, прогнать сквозь строй. Затѣмъ, послѣ выступленія изъ Милана, при устройствѣ переправы черезъ По, австрійскій понтонерный офицеръ донесъ о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ Русскими мѣстнымъ жителямъ, и какъ видно, жалоба эта была не первая. Суворовъ велѣлъ сообщить Розенбергу, чтобы грабежи солдатъ непремѣнно были прекращены; приказалъ розыскать, кто ограбилъ подателя жалобы и найденнаго наказать, а полковому командиру заплатить обиженному, что причитается. Но жалобы продолжались, и потому спустя нѣсколько дней былъ отданъ приказъ. Объявлялось, что за всѣ подобные безпорядки отвѣчаетъ генералъ-гевальдигеръ, который долженъ имѣть своихъ помощниковъ въ хвостѣ каждой колонны, при взводѣ драгунъ и десяткѣ казаковъ. «Судъ короткій», говорится въ приказѣ: «старшій въ полку или въ батальонѣ прикажетъ обиженному все сполна возвратить, а ежели чего недостаетъ, то заплатить обиженному на мѣстѣ изъ своего кармана; мародера—шпицрутенами по силѣ его преступленія, тѣмъ больше, ежели обиженнаго на лицо не будетъ». Суворовъ обращается и прямо къ Розенбергу: «Андрей Григорьевичъ, Бога ради учредите лучшій порядокъ; безчеловѣчіе и общій вредъ впредь падаютъ на особу вашего высокопревосходительства».

Кажется это увѣщаніе, вмѣстѣ съ предписанными мѣрами, въ извѣстной степени подѣйствовало. Во всякомъ случаѣ, возводить подобныя частности въ систему и на нихъ строить характеристику арміи—пріемъ несправедливый и менѣе всего приличествующій Австрійцамъ, которые имѣютъ въ этомъ отношеніи

собственный опытъ и дурную славу, распространенную въ западной Европѣ о Хорватахъ. Да и поводы къ самовольству и мародерству со стороны русскихъ солдатъ создавались Австрійцами же, т.-е. нераспорядительностью и неисправностью ихъ провіантскихъ чиновъ и учрежденій. Багратіонъ, узнавъ однажды о прибытіи транспорта съ печенымъ хлѣбомъ для другихъ войскъ, удержалъ его для своего отряда, потому что уже третій день нуждался въ провіантѣ. Казачій полковникъ Поздѣевъ доносилъ, что его полкъ третій день не получаетъ провіанта и фуража и что хотя онъ посылалъ съ требованіемъ въ магазинъ, но австрійскій генералъ Цопфъ не приказалъ выдавать. Подобныя жалобы заявлялись русскими начальниками часто, и русскій оберъ-провіантмейстеръ—лейтенантъ Крокъ рапортомъ подкрѣпляетъ ихъ справедливость. Даже въ лучшихъ случаяхъ, когда войска не нуждались въ самомъ необходимомъ, напримѣръ въ хлѣбѣ, имъ приходилось зачастую довольствоваться сухояденіемъ; это происходило въ богатой странѣ, полной продовольственныхъ способовъ, которые кололи глаза и раздражали апетитъ. Однажды, на какомъ-то переходѣ, группа солдатъ расположилась на берегу рѣки. Закусывали тѣмъ, что имѣли при себѣ, и смачивали горло водой, хлебая ее деревянными ложками прямо изъ рѣки. Наѣхалъ случайно Суворовъ; «что ребята вы тутъ дѣлаете?» спросилъ онъ. «Итальянскій супъ хлебаемъ, ваше сіятельство», отвѣчали солдаты. Суворовъ слѣзъ съ лошади, подсѣлъ къ нимъ, взялъ ложку, похлебалъ воды, очень похвалилъ итальянскій супъ и потомъ сказалъ, что «теперь сытъ, совсѣмъ сытъ». Садясь на лошадь и прощаясь съ солдатами, онъ многозначительно имъ замѣтилъ, что Французы невдалекѣ, что у нихъ пропасть разнаго добра и что надо только до нихъ добраться, а тамъ ужъ не станетъ дѣло за приправой къ супу.

Каковы бы ни были нареканія на Суворова и на его русскія войска, Императоръ Павелъ былъ ими очень доволенъ, и вся Россія тоже. «Честные и вѣрные сыны отечества составляютъ хоръ, воспѣвающій побѣды ваши», писалъ Суворову Ростопчинъ: «а злодѣи ваши и тварь пресмыкающая грызетъ землю и боится блеска славы вашей». Да и не въ одной Россіи восторгались успѣхами Суворова. Австрійскій повѣренный въ

дѣлахъ при берлинскомъ дворѣ писалъ около этого времени графу Панину: «Вся армія воодушевлена наилучшимъ духомъ; извѣстія о побѣдахъ союзниковъ въ Италіи еще возвысили ея энтузіазмъ, и нѣтъ палатки, въ которой бы не пили здоровье Суворова». Государь приказалъ справиться, сколько есть готовыхъ крестовъ св. Анны, чтобы послать тотчасъ же Суворову 500, «въ его волю». Въ началѣ іюня Государь писалъ ему: «въ первый разъ увѣдомили вы насъ объ одной побѣдѣ, въ другой о трехъ, а теперь прислали реестръ взятымъ городамъ и крѣпостямъ. Побѣда предшествуетъ вамъ всемѣстно, и слава сооружаетъ изъ самой Италіи памятникъ вѣчный подвигамъ вашимъ. Освободите ее отъ ига неистовыхъ разорителей, а у меня за сіе воздаяніе для васъ готово. Простите, Богъ съ вами».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Итальянская кампанія: Треббіа.

1799.

Находясь въ Туринѣ, Суворовъ, согласно смысла вѣнскихъ предписаній, рѣшился начать осаду Туринской цитадели, но немедленно приступить къ этому дѣлу ему не удалось; помѣшали непрерывные проливные дожди и потребовалось подвезти изъ Милана осадныя орудія. Была осадная артиллерія и въ Туринѣ, но въ недостаточномъ числѣ; Суворовъ же держался въ Италіи правила—приступать къ осадѣ крѣпостей не иначе, какъ съ весьма сильной артиллеріей, подавляя крѣпости артиллерійскимъ огнемъ, дабы сократить время осады.

А въ это время надвигалась на него съ юга гроза. Тамъ, въ недавно родившейся республикѣ Парфенопейской, кипѣла кровопролитная война. Какъ и всюду въ Италіи, населеніе бывшаго Неаполитанскаго королевства распалось на двѣ партіи; но контрибуціи, несправедливые налоги, злоупотребленія и насилія Французовъ скоро уменьшили число сторонниковъ республиканскаго режима. Спокойствіе поддерживалось временно присутствіемъ французскихъ войскъ, но несмотря на это, возмущенія, мѣстами и не прекращавшіяся, скоро распространились и перешли въ общее возстаніе. Загорѣлась народная междуусобная война, полная совершеннѣйшаго варварства; подъ покровомъ патріо-

тизма и политическихъ принциповъ происходили ежечасно и повсемѣстно звѣрства, неистовства и ужасы, отъ которыхъ стынетъ кровь. Уполномоченный Неаполитанскаго короля, кардиналъ Руффо, прибывшій съ острова Сициліи для руководительства инсурекціей и для главнаго предводительства возставшимъ народомъ, объединилъ разрозненныя усилія инсургентовъ и сталъ постепенно подвигаться впередъ, занимая одну область за другою; но безпощадный, дикій характеръ войны все таки не измѣнился.

Король Фердинандъ, оставленный союзнымъ и родственнымъ дворомъ Вѣнскимъ, всю надежду свою возлагалъ на Русскаго Императора. Павелъ I повелѣлъ Суворову войти въ прямыя сношенія съ Неаполитанскимъ дворомъ и приказалъ обратить особенное вниманіе на возстановленіе въ Неаполѣ королевской власти. Въ томъ же смыслѣ даны были инструкціи адмиралу Ушакову, который начальствовалъ русско-турецкимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ. Появленіе русской эскадры у неаполитанскихъ береговъ сильно подвинуло дѣло короля и роялистовъ, но еще больше этому способствовала высадка русскаго отряда изъ 400 матросовъ съ 4 пушками, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Белле, впослѣдствіи усиленнаго еще сотнею людей и 6 орудіями.

Командовавшій французскими войсками въ южной Италіи генералъ Макдональдъ, по вѣстямъ о первыхъ успѣхахъ Суворова обязанъ былъ двинуться къ сѣверу, на выручку своихъ, однако запоздалъ, потому что требовалось время на сосредоточеніе войскъ, заготовленіе продовольствія, обезпеченіе всѣмъ нужнымъ укрѣпленныхъ пунктовъ и т. п. Какъ только началось сосредоточиваніе войскъ и едва Французы покидали какую-нибудь часть края, тамъ тотчасъ вспыхивала инсурекція. Съ неимовѣрными усиліями успѣлъ Макдональдъ устроить свое выступленіе и сталъ двигаться къ сѣверу, притягивая къ себѣ по пути французскія войска, какія только можно было взять. Окруженныя инсургентами колонны Макдональда слѣдовали по странѣ опустошенной, терпѣли крайній недостатокъ въ продовольствіи, ежедневно отражали дерзкія нападенія бандъ и только къ 14 мая прибыли во Флоренцію, а затѣмъ 18 числа въ Лукку, гдѣ за-

няли позицію и оставались на ней до 29 мая, устраиваясь послѣ долгаго и труднаго пути.

Такимъ образомъ двѣ французскія арміи, силою до 55,000 человѣкъ, кромѣ гарнизоновъ, собрались на южномъ склонѣ Апениновъ. Союзная армія превосходила обѣ французскія почти вдвое, но въ главномъ, дѣйствующемъ корпусѣ не насчитывалось и трети,—до такой крайней степени доходило раздробленіе союзныхъ силъ для прикрытія завоеваннаго края, осады крѣпостей и для охраненія сѣверной Италіи. Это невыгодное расположеніе, порожденное главнымъ образомъ вѣнскими инструкціями,—не мѣшало однакоже Австрійскому императору быть недовольну Суворовымъ, какъ будто такой ненормальный порядокъ происходилъ всецѣло отъ доброй воли главнокомандующаго. Тугутъ напримѣръ находилъ, что Суворовъ могъ бы не тратить времени на осаду Туринской цитадели, для чего требовался отдѣльный корпусъ, а просто взять ее штурмомъ,—обстоятельство въ высокой степени комичное, доказывающее до какой степени велико было Тугутово самомнѣніе. Тѣмъ не менѣе существовавшее раздробленіе силъ, безопасное въ виду однихъ остатковъ арміи Моро, могло обойтись союзникамъ дорого съ прибытіемъ Макдональда.

Суворовъ не могъ этого не понимать и потому принималъ заботливыя мѣры къ обезпеченію своего тыла отъ непріятельскихъ покушеній; самъ же рѣшился преслѣдовать Французовъ въ Генуэзскую Ривіеру и уже отдалъ соотвѣтственныя приказанія, какъ новыя извѣстія навели его на мысль, что вѣроятнѣе всего слѣдуетъ ожидать непріятельскаго наступленія къ сторонѣ Турина. Но прошло нѣсколько дней, а это предположеніе не подтвердилось, и Суворовъ пришелъ къ новому заключенію, что наступательныя дѣйствія Французовъ будутъ направлены скорѣе къ Александріи и Тортонѣ, слѣдовательно надобно сосредоточиться къ Александріи.

Исполненіе послѣдовало за рѣшеніемъ, не теряя времени. Самъ Суворовъ отправился изъ Турина 20 мая; къ Александріи потянулось все, что только можно было тронуть съ мѣста. Не ограничиваясь этими общими мѣрами, Суворовъ, въ виду важности приближающагося момента, выказалъ особенную заботли-

вость и по многимъ частностямъ. Замѣчательная его распорядительность шла и вширь и вглубь. Багратіону онъ пишетъ, что войска Бельгарда придутъ подъ Александрію изъ Тироля «не обученныя, чуждыя дѣйствія штыка и сабли», а потому «ваше сіятельство, какъ прибудете къ Асти, повидайтесь со мною и отправьтесь не медля къ Александріи, гдѣ вы таинство побіенія непріятеля холоднымъ ружьемъ Бельгардовымъ войскамъ откроете и ихъ къ сей побѣдительной атакѣ прилежно направите. Для обученія всѣхъ частей довольно двухъ и трехъ разъ, а коли время будетъ, могутъ больше сами учиться. А отъ ретирадъ отъучите. Наблюдите сіе крѣпко и надъ россійскими». Бельгарду, человѣку новому, командовавшему тирольской арміей и назначенному подъ начальство Суворова, онъ начинаетъ предписаніе словами: «дѣятельность есть важнѣйшее изъ всѣхъ достоинствъ воинскихъ», а кончаетъ такъ: «спѣшите, ваше сіятельство: деньги дороги, жизнь человѣческая еще дороже, а время дороже всего». Вообще не было повидимому ни одного мало-мальски крупнаго обстоятельства, которое бы ускользнуло отъ его вниманія.

Мая 30 войска двинулись съ разныхъ сторонъ къ Александріи, и 1 іюня тамъ уже сосредоточилось до 34.000 человѣкъ. Русскія войска, выступившія изъ Турина, сдѣлали въ сутки 50 верстъ по дорогамъ, совершенно испорченнымъ отъ проливныхъ дождей; имъ удалось это исполнить только благодаря тому, что колонну сопровождалъ лишь самый необходимый, легкій обозъ. Вообще же отъ Турина до Александріи пройдено 90 верстъ, на что употреблено меньше $2^1/_2$ сутокъ. Форсированный маршъ былъ образцовый, и Суворовъ объявилъ войскамъ 31 іюня благодарность въ приказѣ по арміи. Но такъ какъ ожидалось къ Александріи еще до 15.000 человѣкъ, то австрійское провіантское управленіе, привыкшее распоряжаться по заблаговременно составленнымъ маршрутамъ и не допускавшее въ свою программу внезапности, объявило невозможнымъ продовольствовать такую массу войскъ. Пришлось 2 іюня вечеромъ отсылать русскія войска опять назадъ къ Асти; но 3 іюня раннимъ утромъ, собираясь выступить съ ночлега на полунути дальше, Розенбергъ получилъ отъ Суворова новый приказъ: идти опять на соединеніе съ нимъ,

потому что получены новыя вѣсти, и «Французы, какъ пчелы, почти изъ всѣхъ мѣстъ роятся къ Мантуѣ».

Вечеромъ 2 числа оказалось, что всѣ прежнія донесенія о Французахъ ложны. Замѣтивъ излишнюю внимательность Суворова къ молвѣ и вѣстямъ, Моро воспользовался его слабой стороной и самъ распустилъ всѣ эти слухи, подкрѣпивъ ихъ разными передвиженіями войскъ, нападеніями на аванпосты союзниковъ и т. под. Суворовъ попался въ ловушку и разубѣдился лишь 2 числа, вечеромъ, получивъ офиціальное донесеніе, что графъ Гогенцоллернъ атакованъ 1 числа со своимъ передовымъ отрядомъ при Моденѣ большими силами и отброшенъ къ Мантуѣ.

Суворовъ пришелъ теперь окончательно къ сознанію слишкомъ большой своей довѣрчивости, что и изложилъ въ довольно большой замѣткѣ, ни для кого не предназначенной. Онъ въ ней пишетъ, что новости смѣняются одна другою ежеминутно; что шпіоны большею частію двойные шпіоны, т.-е. служатъ обѣимъ сторонамъ; что во всякомъ случаѣ они не станутъ много рисковать изъ за полученія вѣрныхъ свѣдѣній, а издали не въ состояніи судить о положеніи дѣлъ въ арміи. «Надо дѣйствовать по указаніямъ своего собственнаго разума», говоритъ онъ: «если не хочешь впасть въ сомнамбулизмъ».

Положеніе дѣлъ обрисовалось нельзя сказать, чтобы въ хорошемъ для союзниковъ смыслѣ, такъ какъ Макдональдъ могъ напасть на Края, блокировавшаго Мантуу, освободить ее, разбить нѣсколько разбросанныхъ корпусовъ и надѣлать другихъ бѣдъ, будучи подпущенъ слишкомъ близко. Но Суворовъ усмотрѣлъ въ новомъ обстоятельствѣ больше добра, чѣмъ худа, потому что непріятель пересталъ быть неуловимымъ, сдѣлался осязательнымъ, и предстояла возможность съ нимъ встрѣтиться, т.-е. его разбить. Теперь слѣдовало только торопиться, чтобы отпарировать опасность болѣе близкую и крупную, т.-е. Макдональда, а потомъ обратиться противъ Моро.

Суворовъ не потерялъ ни одного часа, хотя подъ Александріей успѣли сосредоточиться не всѣ назначенныя туда войска, и такимъ образомъ ему приходилось выставить противъ Французовъ силы меньшія, чѣмъ предполагалось. Приказавъ войскамъ

двигаться съ наибольшимъ спѣхомъ къ сторонѣ Макдональда, Суворовъ велѣлъ Отту съ его дивизіей держаться между Пармой и Піаченцой; Краю—все, что можетъ быть отдѣлено отъ блокаднаго корпуса, послать на усиленіе главной арміи и другихъ отрядовъ; Бельгарду—прикрывать осаду Александрійской цитадели и наблюдать за непріятелемъ въ Генуэзской Ривіерѣ. Объявлены и многія другія распоряженія, соотвѣтственныя случаю; дано наставленіе войскамъ и въ заключеніе объявленъ приказъ, между прочимъ, о милосердіи къ безоружнымъ и плѣннымъ. Въ приказѣ указаны слова, которыя солдаты должны заучить и употреблять въ предстоящемъ бою, вродѣ *балезармъ*, *жетелезармъ* и проч.; внушалось, что непріятелей немного и то всякій сбродъ. Вообще Суворовъ, совершенно увѣренный въ побѣдѣ, хотѣлъ и въ войска перелить эту увѣренность, какъ лучшій залогъ успѣха, и конечно въ такомъ разсчетѣ началъ свой приказъ словами: «непріятельскую армію взять въ полонъ».

Всѣ его распоряженія были въ высокой степени цѣлесообразны, но въ исполненіи нельзя было на наткнуться на препятствія. Одно изъ препятствій, которое могло сдѣлаться роковымъ, состояло въ томъ, что Край получилъ изъ Вѣны повелѣніе—не отдѣлять изъ войскъ подъ Мантуей ни подъ какимъ предлогомъ ни одного солдата, и такимъ образомъ распоряженіе Суворова о присылкѣ къ нему войскъ осталось неисполненнымъ въ самый критическій моментъ. Другое крупное затрудненіе заключалось въ устройствѣ переправъ, причемъ приходилось даже измѣнять маршруты для избѣжанія наводки новыхъ мостовъ. Спѣшить же надо было очень; къ вечеру 31 мая Макдональдъ уже спустился съ Апениновъ и расположился на позиціи отъ Болоньи до Веццано. На слѣдующій день былъ имъ атакованъ передовой австрійскій отрядъ Гогенцоллерна и понесъ сильное пораженіе, потерявъ свыше 1,500 плѣнныхъ, 3 знамени и 8 орудій, причемъ былъ раненъ самъ Макдональдъ. Онъ продолжалъ наступленіе и 5 іюня имѣлъ жаркое дѣло съ дивизіей Отта у Піаченцы, котораго принудилъ отступить.

Узнавъ объ этомъ, Суворовъ приказалъ Меласу тотчасъ же идти впередъ на помощь Отту съ частью войскъ, а вслѣдъ затѣмъ, до разсвѣта, выступила 6 іюня и вся армія. Дойдя до

Страделлы, войска расположились было въ 10 часовъ утра отдохнуть, но отъ Отта пришли новыя тревожныя вѣсти: требовалась немедленная помощь. Суворовъ поскакалъ туда самъ захвативъ изъ авангарда казачьи полки и взявъ съ собой Багратіона, который на это время сдалъ начальство надъ оставшимися войсками авангарда великому князю Константину Павловичу. Войскамъ приказано идти какъ можно скорѣе, напрягая послѣднія усилія, и въ томъ же смыслѣ прислано съ дороги нѣсколько подтвержденій.

Непріятель успѣлъ перейти чрезъ р. Тидону; войска Отта въ крайнемъ разстройствѣ отступали къ С.-Джіовани, какъ подоспѣлъ съ передовыми войсками Меласъ. Оттъ остановился и пользуясь пересѣченною мѣстностью, сталъ успѣшно отбивать атаки. Но въ 3 часа Французы удвоили усилія, захватили австрійскую батарею въ 8 орудій, и надъ головами Меласа и Отта собирался послѣдній, неотразимый ударъ. Но въ этотъ рѣшительный моментъ показалось въ тылу густое облако пыли и на полѣ сраженія явился Суворовъ съ 4 казачьими полками. Онъ поспѣлъ какъ разъ во время; нѣсколько дней спустя, Меласъ со слезами на глазахъ говорилъ Милорадовичу, что спасеніемъ своимъ обязанъ быстрому прибытію Русскихъ. Собственно и не Русскихъ, а Суворова; Русскихъ прибыло такъ мало, что на сторонѣ Французовъ все-таки оставался большой численный перевѣсъ, но эта разница пополнилась присутствіемъ Суворова.

Явился въ немъ геній войны, прилетѣлъ духъ побѣды. Вскакавъ на возвышеніе, онъ окинулъ долгимъ, внимательнымъ взглядомъ поле сраженія. Именно въ подобные моменты, когда дѣло касалось его неподражаемаго глазомѣра, онъ бывалъ истинно великъ. Два казачьи полка, не успѣвъ перевести духъ, полетѣли вправо, во флангъ Домбровскому съ Поляками, а противъ фронта его посланы драгуны; другіе два казачьи полка понеслись подъ начальствомъ Суворовскаго племянника, Горчакова, грозить правому флангу Французовъ. Наступленіе Французовъ задержалось, а Поляки приведены были въ совершенное замѣшательство. Успѣхъ конечно былъ минутный, но въ подобныхъ случаяхъ каждая минута и дорога. Показалась на дорогѣ

голова русскаго авангарда. Исполняя приказаніе Суворова, великій князь не медлилъ; подъ палящимъ зноемъ пѣхота не шла, а бѣжала; колонна растянулась Богъ знаетъ какъ далеко; люди выбились изъ силъ, падали рядами и многіе изъ упавшихъ уже не вставали. Но остальные продолжали идти на выстрѣлы, и скоро голова колонны подошла къ полю сраженія. То были храбрые изъ храбрыхъ; люди, нестолько крѣпкіе тѣломъ, сколько могучіе духомъ; на нихъ-то всегда Суворовъ и разсчитывалъ, поставляя правиломъ, что «голова хвоста не ждетъ».

Войска подходили и выстраивались противъ фланговъ непріятеля, но полки и батальоны были очень слабы. Князю Горчакову назначено ударить въ правое крыло. Отту атаковать центръ, Багратіону лѣвый флангъ,—всѣмъ одновременно, не теряя времени на перестрѣлку. Багратіонъ подошелъ къ Суворову и вполголоса просилъ дозволенія—повременить, пока прибудетъ хоть часть отставшихъ, потому что роты не насчитываютъ и по 40 человѣкъ на лицо. Суворовъ отвѣчалъ ему на ухо: «а у Макдональда нѣтъ и по 20; атакуй съ Богомъ». Вся линія ударила дружно, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, Русскіе съ пѣснями. Мѣстность была чрезвычайно пересѣченная, что усиливало губительность огня Французовъ, которые однакоже не ограничивались пальбою, а безпрестанно переходили къ штыковымъ атакамъ. Очень упорно они держались, но Суворовъ разъѣзжалъ по фронту и все повторялъ: «впередъ, впередъ, коли!» Союзники двигались неравномѣрно; успѣвалъ больше другихъ Багратіонъ. Онъ валилъ на Домбровскаго съ фронта, казаки налетали съ фланга и тыла, врывались въ каре, производили атаки одну за другою. Нѣсколько польскихъ батальоновъ были совершенно разсѣяны, и лѣвое крыло непріятельское опрокинуто за р. Тидону. Правое крыло изъ войскъ Виктора и Сальма держалось, но отступленіе Домбровскаго заставило и его ретироваться, чтобы не быть отрѣзаннымъ. Въ это время кавалерія Багратіона, прогнавъ Поляковъ, ринулась вдоль позиціи и ударила во флангъ отступавшему Виктору. Французы построили каре, но не выдержали стремительнаго нападенія; каре были разорваны, разсѣяны, и Французы съ великимъ трудомъ и потерями собрались по ту сторону Тидоны.

Къ 9 часамъ вечера 6 числа дѣло было кончено, преслѣдованіе не производилось по крайнему утомленію союзниковъ. Правда, къ концу боя начали подходить войска главной колонны, но они оказались также совершенно измученными большимъ и быстрымъ переходомъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что со всѣми подошедшими подкрѣпленіями, побѣдители имѣли не свыше 14—15,000 человѣкъ, т.-е. на 3—4,000 меньше Французовъ.

Суворовъ поздравилъ войска съ побѣдой и вмѣстѣ съ великимъ княземъ поѣхалъ на ночлегъ въ С.-Джіовани. Французы отступили къ р. Треббіа, верстъ за 7 отъ Тидоны. Макдональдъ не имѣлъ еще всѣхъ своихъ войскъ подъ рукой: Оливье и Монрипаръ находились назади, въ разстояніи около перехода; съ прибытіемъ ихъ Французы усилились бы больше чѣмъ въ полтора раза; сверхъ того Макдональдъ твердо надѣялся на содѣйствіе Моро. По этимъ соображеніямъ, онъ положилъ весь слѣдующій день провести въ выжидательномъ положеніи и атаковать союзниковъ лишь 8 числа. Но это не сходилось съ разсчетомъ Суворова, который рѣшилъ начать наступательныя дѣйствія со слѣдующаго же утра, хотя подошли еще не всѣ войска. Ночью сдѣланы нужныя распоряженія и между прочимъ велѣно въ тылу у Парпанезе устроить чрезъ По мостъ, какъ для ожидаемыхъ войскъ Края, такъ и на случай неуспѣха дѣла.

Для внушенія войскамъ увѣренности въ побѣдѣ, Суворовъ далъ диспозицію съ маршрутами до Нуры, т.-е. на 30 верстъ впередъ; разослалъ наставленіе войскамъ, въ которомъ объ отступленіи не было помина, и не приказалъ употреблять команду *стой*. Чтобы одушевить Австрійцевъ, отданы пароль и лозунгъ *Терезія* и *Колинъ*, въ воспоминаніе побѣды при Колинѣ, одержанной Австрійцами въ Семилѣтнюю войну. Общій планъ дѣйствій Суворова вполнѣ отвѣчалъ обстоятельствамъ и заключался въ сосредоточеніи усилій противъ лѣваго непріятельскаго фланга, чѣмъ угрожалось сообщенію Макдональда съ Моро и даже пути отступленія.

Къ утру 7 іюня подъ ружьемъ состояло до 22,000 человѣкъ, но войска продолжали подходить цѣлый день; послѣднія пришли вечеромъ. Ихъ вводили въ дѣло по мѣрѣ прибытія, не ожидая общаго сбора. Начало дѣйствій назначено было въ 7 ча-

совъ утра, но по крайнему утомленію войскъ отложено до 10. Войска двинулись тремя колоннами; правая и средняя состояли почти исключительно изъ русскихъ войскъ и находились подъ начальствомъ Розенберга (при правой находились Суворовъ и великій князь); лѣвая и резервъ, составленныя изъ Австрійцевъ, подчинены Меласу, хотя резервъ долженъ былъ держаться за средней колонной, чтобы подать помощь гдѣ потребуется. Изъ такого распредѣленія начальствованія, не отвѣчавшаго преобладающей важности праваго фланга, вышла путаница, какъ сейчасъ увидимъ.

Рѣки Тидона, Треббіа и Нура текутъ почти паралельно и впадаютъ всѣ въ рѣку По. Изъ нихъ одна Треббіа широка (до 1,000 шаговъ), глубину же имѣла небольшую и подобно двумъ другимъ, была переходима въ бродъ. Но мѣстность была всюду чрезвычайно пересѣченная: канавы, рѣки, плотины, изгороди, виноградники встрѣчались на каждомъ шагу и весьма затрудняли движеніе. Войска тронулись съ мѣста по назначеннымъ направленіямъ бойко, но двигались очень тихо; только во второмъ часу Багратіонъ увидѣлъ непріятеля передъ собой вблизи. Суворовъ велѣлъ авангарду остановиться, оправиться и перевести духъ, такъ какъ солнце жгло безпощадно; вслѣдъ затѣмъ разослалъ въ другія колонны приказаніе—одновременно начинать атаку и повелъ войска Багратіона впередъ. Дивизія Домбровскаго была атакована совершенно такимъ же образомъ, какъ наканунѣ, но оборонялась еще упорнѣе; это были все самые горячіе патріоты-эмигранты, которые ненавидѣли Суворова и Русскихъ вдвойнѣ. Они дрались отчаянно, въ рукопашныхъ схваткахъ дѣйствовали нетолько штыками, но и прикладами и отстаивали каждый шагъ съ замѣчательною храбростью. Но Русскіе все-таки одолѣли; Домбровскій отступилъ съ большой потерей; одинъ польскій батальонъ, вздумавшій атаковать Русскихъ съ тыла, былъ самъ отрѣзанъ и принужденъ положить оружіе. Французы хотя прислали сильную подмогу, которая могла отрѣзать войска Багратіона и уничтожить ихъ, но соединенными усиліями Швейковскаго и Розенберга она тоже была отбита.

Средняя и лѣвая колонны союзной арміи также имѣли успѣхъ,

особенно послѣдняя, но успѣхъ средней колонны былъ менѣе полонъ потому, что Меласъ, вопреки диспозиціи, удержалъ у себя резервъ Фрелиха, хотя имѣлъ противъ себя слабую французскую бригаду. Благодаря этому обстоятельству, правое крыло было лишено поддержки и имѣя только 11 батальоновъ, вынесло на себѣ всю тяжесть боя. Да и вся союзная армія могла попасть въ опасное положеніе, еслибы непріятель вздумалъ ее въ центрѣ прорвать, на что имѣлъ полную возможность, съ прибытіемъ въ этотъ день Оливье и Монришара. Такимъ образомъ, хотя союзники на всѣхъ пунктахъ имѣли 7 числа успѣхъ, но Французы, отброшенные за Треббію, все-таки удержались на правомъ ея берегу.

Спускалась темнота; перестрѣлка, исподоволь стихая, прекратилась; запылали костры по обоимъ берегамъ Треббіи, которая раздѣляла непріятелей; изможденныя усталостью войска готовились отдохнуть и подкрѣпиться. Вдругъ на лѣвомъ флангѣ союзниковъ, т. е. къ сторонѣ р. По, послышались выстрѣлы и перешли въ гулъ горячей пальбы. Три французскіе батальона, безъ приказанія, спустились въ рѣку и направились къ противуположному берегу; Австрійцы ихъ встрѣтили; подоспѣла съ обѣихъ сторонъ конница, и въ широкомъ, но мелкомъ руслѣ рѣки завязался бой, а съ береговъ грохотала артиллерія. Только къ 11 часамъ ночи удалось прекратить это безцѣльное кровопролитіе. Да еще Розенбергъ забрался на непріятельскую позицію и тамъ провелъ всю ночь. Увлекся ли онъ въ жару боя или, какъ свидѣтельствуетъ участникъ, двинулся обдуманно, вечеромъ, съ двумя батальонами, на тотъ берегъ, только неизвѣстно съ какой цѣлью. Пройдя верстъ пять, онъ наткнулся на два французскіе батальона, составлявшіе отдѣльный отрядъ, какъ бы авангардъ или аріергардъ. Это было около полуночи; ночь стояла темная, утомленные Французы спали вповалку, не выставивъ ни цѣпи, ни часовыхъ; ружья стояли въ козлахъ, бивачный огонь горѣлъ небольшой. Розенбергъ окружилъ ихъ, напалъ врасплохъ и почти всѣхъ перебилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были освобождены оказавшіеся у Французовъ русскіе плѣнные, нѣсколько офицеровъ и до 60 нижнихъ чиновъ. Такъ какъ ночь стояла темная, а на пересѣченной мѣстности, куда забрался Ро-

зенбергъ (на лѣвомъ флангѣ непріятельской позиціи) можно было запутаться и наткнуться на сильнаго непріятеля, то онъ перевелъ свои батальоны на ближайшую лужайку, обрытую канавами и обсаженную деревьями, построилъ тутъ общее каре, выставилъ за канавами цѣпь и такъ простоялъ до разсвѣта, когда оба его батальона, незамѣченные Французами, тронулись назадъ, перешли обратно Треббію и присоединились къ своимъ.

Суворовъ ночевалъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ, въ двухъ верстахъ отъ поля сраженія. Никакихъ перемѣнъ въ диспозиціи на завтрашній день онъ не сдѣлалъ; войска должны были наступать по прежнимъ направленіямъ. Меласу подтверждено отправить къ средней колоннѣ дивизію Фрелиха и прибавить къ этому резерву 10 эскадроновъ кавалеріи. Удивительно, съ какою снисходительностью отнесся Суворовъ къ ослушанію Меласа, между тѣмъ какъ, можетъ быть именно изъ-за него, предстоялъ на утро новый бой.

Наступленіе назначено было въ 8 часовъ утра, но вслѣдствіе усталости войскъ отсрочено, какъ и наканунѣ. Около 10 часовъ войска стали выстраиваться; одновременно начали дѣлать тоже самое и Французы. Макдональдъ имѣлъ такіе же наступательные проекты, какъ и Суворовъ, ибо будучи сильнѣе союзниковъ, онъ кромѣ того разсчитывалъ, что не позже 9 числа Моро зайдетъ имъ въ тылъ, а Ланонъ съ лигурійскимъ легіономъ выйдя изъ Апеннинъ, ударитъ во флангъ. Въ такомъ расчетѣ онъ назначилъ по диспозиціи общее наступленіе, съ обходомъ обоихъ фланговъ союзной арміи. Французы тронулись раньше союзниковъ и стали переходить рѣку; лѣвый флангъ завладѣлъ на Треббіи Ривальтой, а Домбровскій двинулся въ обходъ. Багратіонъ по приказанію Суворова взялъ вправо, охватилъ Поляковъ справа и слѣва конницей и ударилъ въ штыки. Поляки бились упорно, но были опрокинуты и едва спаслись за Треббію. Однако вслѣдствіе движенія Багратіона вправо, на встрѣчу Домбровскому, образовался на позиціи пустой промежутокъ, приблизительно въ версту; Французы, пользуясь этимъ и своимъ перевѣсомъ въ числѣ, повели атаку на дивизію Швейковскаго. Русскіе стали сдавать назадъ. Французы напирали все настойчивѣе и не давали опомниться, смѣняя одну отбитую

атаку другою. Происходило настоящее Суворовское отступленіе: русскія войска, незнакомыя съ ретирадами, отстаивали каждую пядь земли, переходили въ наступленіе, бросались въ штыки, встрѣчали непріятеля огнемъ чуть не въ упоръ. Одинъ гренадерскій полкъ былъ охваченъ непріятелемъ со всѣхъ сторонъ; повернувъ заднюю шеренгу лицомъ къ нападающимъ, онъ отстрѣливался и съ фронта, и съ тыла одновременно. Французы не могли ничего съ нимъ сдѣлать; онъ не давался въ руки и спасъ себя самъ, благодаря своему мужеству и Суворовской закалкѣ.

Бой пяти батальоновъ противъ пятнадцати былъ однако слишкомъ неровенъ, и истомленныя войска едва держались. Розенбергъ поскакалъ къ Суворову; изнеможенный отъ зноя, лежалъ онъ на землѣ, въ одной рубашкѣ, прислонившись къ огромному камню. Вслѣдъ за Розенбергомъ пріѣхалъ и Багратіонъ. Розенбергъ доложилъ, что его войска не въ состояніи больше держаться и надо перейти въ полное отступленіе. «Попробуйте сдвинуть этотъ камень», сказалъ ему Суворовъ: «не можете? Ну, такъ въ той же мѣрѣ и отступленіе невозможно. Извольте держаться крѣпко и ни шагу назадъ». Получивъ такое категорическое приказаніе, Розенбергъ поѣхалъ обратно къ своимъ, а Суворовъ послалъ Меласу приказаніе—усилить настойчивость дѣйствія (вѣроятно, чтобы оттянуть силы Французовъ) и потомъ обратился къ Багратіону съ привѣтствіемъ и вопросомъ—что и какъ. Багратіонъ объяснилъ, что Поляки отбиты и отброшены, но у Русскихъ убыль дошла до половины, что ружья плохо стрѣляютъ отъ накопленія пороховой грязи и что люди измучены до степени неспособности къ дальнѣйшему бою.—«Не хорошо, князь Петръ», сказалъ Суворовъ и крикнулъ «лошадь». Ему подали коня, онъ вскочилъ въ сѣдло и какъ былъ, въ рубашкѣ, держа за рукавъ перекинутый черезъ плечо полотняный китель, поскакалъ вправо.

Подъѣхавъ къ войскамъ Розенберга, Суворовъ направился къ одному изъ отступавшихъ батальоновъ и сталъ кричать: «заманивайте, ребята, заманивайте.... шибче.... бѣгомъ»... самъ же ѣхалъ впереди отступавшихъ. Сдѣлавши такимъ образомъ шаговъ сотню или двѣ, онъ скомандовалъ «стой» и поворотилъ

батальонъ впередъ, противъ непріятеля, артиллеріи приказалъ усилить огонь и двинулъ изъ резерва 3 батальона и казаковъ. Солдаты ободрились, Суворовъ поскакалъ дальше, къ войскамъ Багратіона и наткнувшись въ пути на отдыхавшихъ казаковъ и егерскій батальонъ, поднялъ ихъ и направилъ туда же. Едва войска увидѣли своего чародѣя-начальника, какъ разомъ оживились; пропала усталость, явилась энергія, ружья стали стрѣлять, огонь усилился. Съ барабаннымъ боемъ бросились они, по указанію Суворова, влѣво, на помощь Швейковскому и Розенбергу, и явились въ тылу Виктора и Руска. Неожиданное ихъ появленіе и стремительная атака сразу дали поворотъ дѣлу; Французы сочли эти войска за вновь прибывшія и хотя были все-таки сильнѣе союзниковъ праваго крыла, но перешли въ поспѣшное отступленіе, причемъ двѣ полубригады ихъ сильно пострадали. Резервомъ они не запаслись, подкрѣпить отступавшихъ было некому, кромѣ Домбровскаго; но Поляки, разстроенные въ конецъ и деморализованные трехдневными пораженіями, не въ состояніи были снова вступить въ бой и оставались на правомъ берегу Треббіи въ бездѣйствіи. Такимъ образомъ Викторъ и Руска были отброшены за рѣку, и лѣвое крыло Французовъ уже не переходило въ наступленіе.

Если, несмотря на геройство малочисленныхъ войскъ Багратіона и Швейковскаго, они не одержали въ этотъ день болѣе рѣшительнаго успѣха, то единственно потому, что лишены были помощи резерва: Меласъ опять его задержалъ у себя. Тупой старикъ никакъ не могъ понять, что его роль—второстепенная и что успѣхъ сраженія зависитъ отъ дѣйствій праваго фланга. Какъ бы предвидя упрямство Меласа, Суворовъ передъ самымъ началомъ дѣла опять послалъ ему подтвержденіе на счетъ отправки резерва. Не смѣя уже ослушаться прямо, Меласъ рѣшился исполнить приказаніе отчасти и отправилъ вправо кавалерію Лихтенштейна, удержавъ пѣхоту Фрелиха. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ собралъ военный совѣтъ, который и постановилъ, что засимъ лѣвая колонна никакихъ наступательныхъ дѣйствій предпринимать не въ состояніи, а должна ограничиться обороной.

Въ то время, какъ Лихтенштейнъ двигался къ правому флангу, Французы производили наступленіе по всей линіи и одною

колонною обходили лѣвый флангъ союзниковъ. Особенно грозное положеніе приняли они противъ центральной дивизіи. Ферстеръ встрѣтилъ колонну непріятельскую штыковою атакой; въ этотъ же моментъ, по счастливой случайности, подошелъ Лихтенштейнъ и лихо атаковалъ Французовъ во флангъ. Прискакалъ сюда и Суворовъ; летая по рядамъ войскъ Ферстера, онъ направлялъ бой и все командовалъ «впередъ». Монришаръ принужденъ былъ перейти въ отступленіе, которое скоро превратилось въ бѣгство, такъ что Французы едва остановились на той сторонѣ Треббіи. Почти къ такой же развязкѣ привела встрѣча Меласа съ Оливье. Сначала Французы имѣли успѣхъ, но Лихтенштейнъ, только что покончившій съ Монришаромъ, примчался къ Меласу на помощь, ударилъ атакующимъ Французамъ въ лѣвый флангъ, опрокинулъ ихъ конницу и врубился въ пѣхоту. Поддержанныя такъ кстати, войска Меласа перешли въ наступленіе; гоня Французовъ, они спустились въ рѣку и дошли до ея половины, но были остановлены сильнымъ огнемъ съ того берега. Въ свою очередь Французы тоже пустились было въ рѣку за Австрійцами, но также были отбиты огнемъ, и войска обѣихъ сторонъ съ тѣхъ поръ оставались на своихъ берегахъ. Отступленіе за Треббію войскъ Оливье заставило ретироваться и колонну Ватрена, посланную въ обходъ Меласа.

Таковъ былъ результатъ сраженія 8 іюня къ 6 часамъ вечера. Жара все еще стояла томительная, и войска дошли до совершеннаго изнеможенія; уступая необходимости, Суворовъ рѣшился отложить атаку до слѣдующаго дня. Цѣпи аванпостовъ протянулись по обоимъ берегамъ Но; грохотъ батарей продолжался нѣкоторое время, но съ темнотой все стихло. Войска расположились на покой; самъ Суворовъ, почти не слѣзавшій съ коня всѣ три дня боя, чувствовалъ крайнее утомленіе и отправился вмѣстѣ съ великимъ княземъ на ночлегъ. Скоро собрались къ нему главные генералы; маскируя свою усталость, Суворовъ встрѣтилъ ихъ весело, поздравилъ съ «третьей побѣдой» и поручилъ передать благодарность храбрымъ войскамъ. Но несмотря на эту «третью» побѣду, онъ не могъ быть доволенъ полученными итогами, такъ какъ трекратно побитые Французы не бѣжали, а сохраняли внушительное положеніе. Надо

было ихъ сломить во что бы то ни стало, и Суворовъ приказалъ войскамъ изготовиться къ раннему утру для возобновленія атаки. И этимъ обстоятельствомъ, т.-е. перспективою четвертаго боя, онъ снова обязанъ былъ ослушанію Меласа.

Но Французы были уже сломлены и лишь обладая большою нравственною упругостью, обманывали себя и другихъ. Отразивъ послѣднюю попытку союзниковъ къ переходу чрезъ Треббію, они сдѣлали все, что могли; внушительная оболочка сохранилась, но внутри ея скрывалось полное разрушеніе. Когда настала ночь, Макдональдъ собралъ въ Піаченцѣ военный совѣтъ, дабы на мнѣніяхъ генераловъ основать свои дальнѣйшія дѣйствія. Здѣсь онъ получилъ очень неутѣшительныя свѣдѣнія: многіе полки пришли въ совершенное разстройство; убыль людей громадная, кавалерія уменьшилась почти на половину, Поляковъ осталось изъ 2.000 всего 300; нѣкоторыя полубригады потеряли по 40 офицеровъ; много ранено генераловъ; артиллерійскіе заряды на исходѣ; войска упали духомъ. Вообще положеніе французской арміи было ужасное, и генералы заявили Макдональду въ одинъ голосъ, что продолжать бой считаютъ невозможнымъ. Между тѣмъ, объ арміи Моро, который долженъ былъ дѣйствовать одновременно съ Макдональдомъ, не было никакихъ извѣстій, также какъ и объ условленномъ появленіи Лапоппа на правомъ флангѣ у Суворова. Взамѣнъ того, по сдѣланному Суворовымъ распоряженію, австрійскіе отряды, усиленные частями войскъ Края, уже находились у Французовъ въ тылу и захватили Модену, Реджіо, Парму.

Въ полночь Макдональдъ отдалъ приказаніе—тотчасъ же начать отступленіе тремя колоннами по направленію на разные пункты, а на берегу Треббіи оставить небольшую часть кавалеріи, чтобы поддерживать бивачные огни и тѣмъ какъ можно дольше оставить союзниковъ въ заблужденіи. Такъ и было исполнено.

Когда стало свѣтать, союзные аванпосты замѣтили, что непріятеля нѣтъ. Послали донесеніе Суворову; онъ уже одѣлся и собирался ѣхать къ войскамъ, назначивъ наступленіе раннимъ утромъ. Суворовъ сильно обрадовался и велѣлъ разослать трубачей въ окрестныя деревни съ объявленіемъ о побѣдѣ. Затѣмъ

онъ тотчасъ же приказалъ начать преслѣдованіе непріятеля, для чего и направилъ Меласа на Понте-Нуру, а Розенберга съ русскими войсками на С.-Джорджіо. Приказано: «сильно бить, гнать и истреблять непріятеля холоднымъ ружьемъ, но покоряющимся давать пардонъ».

Союзники тронулись въ 4 часа утра: часа черезъ три Меласъ занялъ Піаченцу и нашелъ тамъ больше 7.500 больныхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ 4 генераловъ. Здѣсь онъ вновь ослушался Суворова, ибо подъ вліяніемъ требованій гофкригсрата и вообще вѣнскихъ инструкцій, счелъ своею настоятельнѣйшею обязанностью—заняться разными распоряженіями, касающимися внутренней службы. Такимъ образомъ преслѣдованіе непріятеля было пріостановлено, а потомъ хоть и возобновилось, но только одною дивизіею Отта, который далъ спокойно отступить непріятельскому аріергарду.

Не такъ дѣйствовала русская колонна, при которой находился Суворовъ. Верстахъ въ 20 за Треббіей Французы были настигнуты и отброшены за Нуру. Тутъ, у С.-Джорджіо, Викторъ занялъ позицію, однако видя приближающуюся сильную атаку, онъ перешелъ опять въ отступленіе, но нѣсколько запоздалъ. Русскіе успѣли охватить его аріергардъ съ фланговъ; большая часть французскихъ войскъ разсѣялась, а славная 17 полубригада, извѣстная всей французской арміи, положила оружіе. Русская колонна продолжала движеніе еще нѣсколько верстъ, а передовыя войска преслѣдовали непріятеля почти всю ночь. Онъ отступалъ поспѣшно, почти бѣжалъ. Суворовъ весь день былъ на конѣ и только съ наступленіемъ ночи остановился вмѣстѣ съ великимъ княземъ.

Изъ описанія предшествовавшихъ дней можно видѣть, какіе маловѣроятные труды вынесли на себѣ войска. Суворовъ, при своей военной теоріи, почти не допускавшей компромиссовъ, пришелъ однако къ убѣжденію, что больше требовать нельзя и рѣшился дать людямъ отдыхъ. Перехваченное письмо Макдональда къ Моро и отбитая переписка Виктора убѣдили его, что вредъ, нанесенный Французамъ, слишкомъ великъ, чтобы могъ быть скоро исправленъ. «Макдональдъ болѣе, чѣмъ разбитъ», писалъ онъ Краю и приказалъ продолжать преслѣдованіе одной дивизіей Отта.

Такова была побѣда на Треббіи, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ за 218 лѣтъ до нашей эры, Аннибалъ разбилъ на голову Римлянъ. Суворовъ очень гордился этимъ совпаденіемъ и говорилъ о немъ съ воодушевленіемъ. Но побѣда стоила очень дорого союзникамъ, такъ какъ холодное оружіе, преимущественно штыкъ, дѣйствовало сначала до конца и рѣшало судьбу боя. Съ большою точностью опредѣлить потерю нельзя; недоразумѣнія начинаются съ исчисленія цифры сражавшихся, неодинаковой во всѣ три дня боя. Наивысшее число союзниковъ не могло превышать 30,000, пополамъ Русскихъ и Австрійцевъ; потери ихъ тоже приблизительно одинаковы и должны доходить до 5,500—6,000 убитыми, ранеными и плѣнными. Однако главную тяжесть боя вынесли русскія войска и всѣ трофеи захвачены ими. Въ числѣ раненыхъ и контуженныхъ были Повало-Швейковскій и Багратіонъ; подъ Розенбергомъ ранено три лошади [39]).

Армія Макдональда имѣла въ своихъ рядахъ 33—35,000 человѣкъ; изъ нихъ раненыхъ и плѣнныхъ сосчитано болѣе 12,500, съ 4 генералами и 8 полковниками. Убитыхъ было 2,000—3,000, слѣдовательно минимумъ ихъ общей потери доходилъ до 15,000, въ $2^1/_2$ раза больше союзной. Трофеи состояли въ 6 пушкахъ, 7 знаменахъ и большомъ количествѣ обоза; изъ числа попавшихся въ плѣнъ раненыхъ генераловъ, два было дивизіонныхъ (Оливье и Руска).

Награды послѣдовали щедрыя. Суворовъ представилъ длинный списокъ отличившимся, и Государь утвердилъ его цѣликомъ; получилъ награду даже русскій посолъ въ Вѣнѣ. Всѣмъ полкамъ Розенбергова корпуса пожалованъ гренадерскій маршъ; нижніе чины получили по рублю на человѣка; сверхъ того Суворову выслано, для раздачи по его усмотрѣнію, 1,000 знаковъ отличія. Никто не былъ забытъ, даже фельдъегеря; имъ дано по 100 рублей. Самому Суворову пожалованъ портретъ Государя, оправленный въ бриліанты, при рескриптѣ: «портретъ мой на груди вашей да изъявитъ всѣмъ и каждому признательность Государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго, — имъ же прославляется царствованіе наше». Сверхъ того Императоръ Павелъ почтилъ Суворова другимъ рескриптомъ, выразившись въ

немъ такъ: «поздравляю васъ вашими же словами—слава Богу, слава вамъ». Ростопчинъ писалъ ему: «воинъ непобѣдимый, спѣшу увѣдомить васъ, сколь Государь обрадованъ побѣдами вашими и какъ мы всѣ, честные люди, въ углу церкви молимъ Господа о сохраненіи героя россійскаго на славу отечества и жизнь безконечную». Историкъ Суворова, Антингъ, желалъ быть свидѣтелемъ продолженія подвиговъ своего героя и ихъ лѣтописцемъ, съ разрѣшенія Государя отправился въ Италію и привезъ отъ Хвостова письмо. Хвостовъ сообщалъ, что Государь «неописанно доволенъ», что по случаю побѣдъ безпрестанные праздники, что за молебнами всегда возглашается побѣдительному вождю многолѣтіе, что и онъ, Хвостовъ, не обойденъ, а пожалованъ оберъ-прокуроромъ синода. При этомъ онъ замѣчаетъ, что Государь ожидаетъ съ нетерпѣніемъ подробной реляціи, ибо «сіе дѣло здѣсь много гремитъ; въ подобныхъ случаяхъ не надо скупиться на курьеровъ».

Въ Австріи вѣсть о побѣдѣ на Треббіи была принята съ восторгомъ, но дворъ уже имѣлъ противъ Суворова неудовольствія, а потому былъ сдержанъ, и императоръ Францъ не разщедрился, какъ увидимъ ниже. Предшествовавшее время уже наложило свою печать на отношенія между Австрійскимъ правительствомъ и русскимъ полководцемъ, и затаенные замыслы перваго удерживали его вѣчно на сторожѣ противъ второго.

Во Франціи уже давно были недовольны правительствомъ, и 30 преріаля (7 іюня) произошелъ тамъ переворотъ, измѣнившій составъ директоріи. Вслѣдъ затѣмъ въ Парижѣ получено извѣстіе о погромѣ на Треббіи, которое произвело потрясающее дѣйствіе на всю страну. Народная гордость едва выносила нанесенную ей глубокую рану; обвиняемые въ пораженіи генералы потребованы къ отвѣту въ Парижъ; законодательные совѣты, до 30 преріаля ревнивые и директоріи непріязненные, теперь сами выступили съ предложеніемъ чрезвычайныхъ способовъ, для спасенія отечества отъ близкой опасности — вторженія иноземцевъ.

И однакоже въ военной литературѣ послѣдующаго времени крупная Суворовская побѣда на Треббіи нашла мало справедливыхъ цѣнителей. Съ видимой неохотой отдавали должное его

необыкновенно-быстрому маршу и замѣчательной точности комбинаціи въ сосредоточеніи войскъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ собственное утѣшеніе выдвигали соображенія, уменьшающія и чуть не уничтожающія достоинства всей операціи. Самыя странныя обвиненія исходили отъ Австрійцевъ: Суворовъ якобы поставилъ армію въ опасное положеніе между Макдональдомъ и Моро; отсюда-то и шла его отчаянная настойчивость на Треббіи, а спасло его «добровольное» отступленіе Макдональда. Тутъ дѣло уже не въ углѣ зрѣнія, а въ корнѣ понятій, или вѣрнѣе въ чувствѣ, выростившемъ понятіе. Суворовская военная теорія, о которой мы говорили не разъ, нетолько была противуположна всему складу австрійскаго военнаго воспитанія (да и не одного австрійскаго), но просто таки представлялась невразумительной. Согласно съ этимъ боевыя особенности Суворова казались Австрійцамъ, за весьма рѣдкими исключеніями, ненормальными, и упорство его на Треббіи прямо могло идти за проявленіе отчаянія. А если прибавить сюда зависть и задѣтое національное чувство, такъ какъ ничего подобнаго кампаніи 1799 года ни передъ тѣмъ у нихъ не было, ни послѣ не повторилось, то этимъ можно и ограничить наше объясненіе [40]).

Только черезъ день послѣ этого достопамятнаго сраженія, Суворовъ узналъ о покушеніяхъ на его флангъ и тылъ, произведенныхъ непріятелемъ. Одно изъ нихъ сдѣлалъ Лапоипъ съ 3,000-нымъ лигурійскимъ легіономъ, но такъ робко и неумѣло, что поплатился за свое намѣреніе жестоко. Другое принадлежало самому Моро, который хотѣлъ задержать Суворова у Александріи, но опоздалъ и затѣмъ продолжалъ наступленіе, чтобы атаковать союзниковъ въ тылъ. А такъ какъ этому движенію могъ воспрепятствовать австрійскій генералъ Бельгардъ, нарочно оставленный Суворовымъ вблизи Александріи, то Моро атаковалъ его и жестоко побилъ, но свое наступательное движеніе послѣ того прекратилъ, потому что узналъ про развязку сраженія на Треббіи. За то Суворовъ пошелъ на него самъ, считая лучшимъ разбить Моро, чѣмъ преслѣдовать разбитаго Макдональда, однако Моро будучи числомъ гораздо слабѣе, уклонился и заблаговременно ретировался въ Апеннины.

Въ Александрію Суворовъ возвратился ровно чрезъ 10 дней

по выступленіи на встрѣчу Макдональду. Въ этотъ десятокъ дней форсированныхъ маршей, чередовавшихся съ упорными боями, его военное дарованіе высказалось во всей своей силѣ. Дѣйствія его въ настоящемъ случаѣ относятся къ категоріи блестящихъ военныхъ подвиговъ, и Моро справедливо назвалъ впослѣдствіи маршъ Суворова къ Треббіи «le sublime de l'art militaire». Какъ бы для полноты его торжества, союзники въ это же время завладѣли Туринскою цитаделью послѣ короткаго, но упорнаго сопротивленія. Комендантъ и всѣ чины его штаба сдались военноплѣнными; гарнизонъ, почти въ 3,000 человѣкъ, отпущенъ на честное слово — не служить противъ союзниковъ впредь до размѣна; въ крѣпости найдено 562 орудія, 40,000 ружей, столько же пудовъ пороха. Казалось не далекъ былъ и конецъ Итальянской кампаніи, но на дѣлѣ вышло не такъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Итальянская кампанія: Нови.

1799.

По возвращеніи съ Треббіи, Суворовъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Александрію, близко напоминавшій по своей обстановкѣ миланскій и туринскій. Суворовъ ѣхалъ верхомъ; по правую его руку находился великій князь, по лѣвую Меласъ—какъ старшій австрійскій генералъ. Затѣмъ потянулась цѣлая вереница празднествъ, такъ какъ каждый царскій день справлялся непремѣнно. Утромъ совершалось молебствіе при пушечныхъ выстрѣлахъ; потомъ генералы и офицеры приносили поздравленіе великому князю и фельдмаршалу; въ день тезоименитства Государя, Суворовъ далъ великолѣпный балъ, поручивъ всѣ распоряженія Милорадовичу; въ день тезоименитства Императрицы былъ балъ у великаго князя. Въ торжественные же дни объявлялись монаршія милости и происходила раздача наградъ. Послѣ обѣдни Суворовъ вносилъ въ алтарь на блюдѣ всѣ пожалованные знаки отличій, для окропленія святой водою, потомъ выносилъ ихъ изъ алтаря, вызывалъ каждаго изъ удостоившихся наградъ, приказывалъ стать на колѣни, надѣвалъ пожалованный орденъ и благословлялъ. Тоже самое исполнялось и съ австрійскими офицерами.

Не въ однихъ торжествахъ проходило конечно время. Че-

резъ два дня по прибытіи въ Александрію, Суворовъ уже началъ свои обычныя занятія, дневныя и ночныя. Въ началѣ іюля прибыла русская дивизія Ребиндера. Суворовъ послалъ въ Піаченцу штабъ-офицера для обученія вновь прибывшихъ войскъ, такъ какъ значительная ихъ часть не бывала въ прежнее время подъ его начальствомъ, а спустя нѣсколько дней поѣхалъ туда и самъ. Раннимъ утромъ дивизія построилась по южной сторонѣ Піаченцы; городская стѣна покрылась сплошною массой горожанъ и раненыхъ Французовъ. Показался Суворовъ; онъ быстро ѣхалъ верхомъ съ многочисленной свитой. «Если бы не дисциплина», говоритъ одинъ изъ стоявшихъ тогда въ рядахъ: «то все войско кинулось бы ему на встрѣчу». Онъ прискакалъ къ срединѣ дивизіи, остановился и громкимъ голосомъ поздоровался, назвавъ солдатъ «братцами» и «чудо-богатырями». Отвѣтъ войскъ вырвался подобно «сильной бурѣ», а потомъ перешелъ въ раскатистое «ура». Суворовъ шибко объѣхалъ всю линію, привѣтствуя каждую часть, и затѣмъ произвелъ ученье, которое продолжалось съ часъ, послѣ чего полки проходили мимо фельдмаршала, а затѣмъ построились въ колонны и тѣсно сдвинулись къ одному мѣсту. Въ середину въѣхалъ Суворовъ и сказалъ короткую рѣчь. Онъ вспомянулъ прежнія побѣды надъ Турками и Поляками, перешелъ на недавнія побіенія Французовъ и высказалъ увѣренность, что непріятель и впредь будетъ битъ такими чудо-богатырями. Громовой крикъ 10,000 человѣкъ служилъ ему утвердительнымъ отвѣтомъ, и въ этомъ крикѣ звучала не условная формальность, а глубокая, несокрушимая увѣренность.

Войска разошлись, но изъ рядовъ ихъ были вызваны старые солдаты, лично извѣстные Суворову; ихъ набралось съ полсотни. Какъ только вошли они въ пріемную фельдмаршала и выстроились, появился онъ самъ. Поздоровавшись со всѣми, Суворовъ сталъ обходить стариковъ, припомнилъ имя почти каждаго, останавливался, заговаривалъ, вспоминалъ прошлое, съ нѣкоторыми цѣловался, велѣлъ выдать всѣмъ по кронталеру, инымъ самъ совалъ въ руку червонцы и попрощавшись также привѣтливо, какъ поздоровался, отпустилъ своихъ старыхъ знакомцевъ домой, приказавъ кланяться всѣмъ товарищамъ. Старые служивые вернулись въ роты въ чаду отъ восторга.

Ребиндера Суворовъ любилъ и цѣнилъ, называлъ просто по имени, Максимомъ (что одно доказываетъ его расположеніе), но руководясь старшинствомъ, отдалъ его корпусъ подъ начальство Розенберга; а войска послѣдняго Дерфельдену. Суворовъ часто бывалъ недоволенъ Розенбергомъ, но лишить его команды не хотѣлъ, потому что это равнялось бы опозоренію стараго служаки, а позорить Розенберга было не за что. Вѣроятно въ силу подобныхъ соображеній Суворовъ и держалъ до сихъ поръ Дерфельдена при особѣ великаго князя, безъ всякаго командованія, а когда прибыла новая дивизія, то раздѣлилъ войска между обоими полными генералами, но Дерфельдену назначилъ корпусъ болѣе многочисленный. Донося объ этомъ въ Петербургъ, онъ пояснялъ, что Розенбергъ остался корпуснымъ командиромъ потому, что до сихъ поръ «похвально» служилъ.

Тѣмъ временемъ военныя дѣйствія велись въ духѣ австрійской политики, по программѣ гофкригсрата, т.-е. въ смыслѣ не нанесенія новыхъ ударовъ, а сохраненія и обезпеченія пріобрѣтеннаго. Послѣ сраженія на Треббіи, не ожидая напоминаній, Суворовъ счелъ неизбѣжнымъ перейти съ блокады Мантуи на осаду. Кромѣ Мантуи, велись осадныя работы противъ цитадели Александрійской и блокировался Тортонскій замокъ.

Александрійская цитадель имѣла репутацію одной изъ лучшихъ итальянскихъ крѣпостей и была снабжена продовольственными и военными запасами на продолжительный срокъ. Осада производилась энергически, но и оборона тоже; однако съ прибытіемъ осадной артиллеріи, дѣло пошло быстрѣе, и гарнизонъ сдался военно-плѣннымъ въ числѣ 2700 человѣкъ со 105 орудіями (въ томъ числѣ 2 русскихъ), около 7000 ружей, 6 знаменами и разными военными запасами. Послѣ того сдалась Мантуа, одна изъ сильнѣйшихъ крѣпостей въ Европѣ, которую считали ключемъ сѣверной Италіи, и оттого Вѣнскій кабинетъ очень ею дорожилъ. Гарнизона въ Мантуѣ считалось 10,000 человѣкъ, продовольствіе было запасено на годъ. Крѣпость сдалась 19 іюля, по слабодушію своего коменданта Фуасакъ-Латура съ гарнизономъ въ 8700 человѣкъ; солдаты отпущены на честное слово не служить противъ союзниковъ, а генералы и офицеры остались въ плѣну, впредь до размѣна въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Кромѣ того 1.000 Поляковъ перешли въ руки Австрійцевъ, какъ дезертиры; въ госпиталяхъ найдено 1.200 человѣкъ больныхъ и раненыхъ; побѣдителямъ досталось 675 орудій, флотилія канонерскихъ лодокъ и большіе запасы продовольствія.

Суворовъ приказалъ отслужить торжественный молебенъ, написалъ поздравительное письмо барону Краю и объявилъ благодарность войскамъ осаднаго корпуса. Во Франціи сдача Мантуи произвела всеобщее оцѣненѣніе и была принята какъ позоръ для французскаго оружія; Фуасакъ-Латура предали суду и приговорили къ лишенію мундира. Въ Австріи впечатлѣніе было разумѣется самое радостное; ни одна побѣда Суворова не цѣнилась такъ высоко, какъ овладѣніе Мантуей. Императоръ Павелъ тоже былъ въ высшей степени доволенъ, что и ознаменовалъ возведеніемъ Суворова въ княжеское достоинство съ титуломъ Италійскаго. «Примите воздаяніе за славные подвиги ваши», писалъ онъ въ рескриптѣ 6 августа: «да пребудетъ память ихъ на потомкахъ вашихъ къ чести ихъ и славѣ Россіи». Суворовъ просилъ о награжденіи Края, но Государь не согласился, по той причинѣ, что «Римскій императоръ трудно признаетъ услуги и воздаетъ за спасеніе своихъ земель учителю и предводителю его войскъ».

Не меньше кого бы то ни было былъ доволенъ взятіемъ Мантуи самъ Суворовъ и не ради полученія княжескаго титула (объ этомъ онъ узналъ спустя мѣсяцъ), а потому, что по его мнѣнію представлялось теперь возможнымъ повести наступательную войну. Онъ не переставалъ готовиться къ движенію въ Генуэзскую Ривіеру съ самаго пораженія Макдональда на Треббіи и только ждалъ, чтобы съ точки зрѣнія Вѣнскаго кабинета наступила практическая къ тому возможность. Теперь, по взятіи Мантуи, пора эта казалось подошла, и онъ на другой же день написалъ Меласу, что можно приступить къ выполненію предположеннаго наступательнаго движенія безотлагательно. Но и на этотъ разъ Суворовъ не избѣгъ разочарованія.

Къ концу іюня Тоскана была уже совершенно оставлена непріятелемъ; Флоренція освободилась, легкіе австрійскіе отряды захватили Ливорно, Лукку и друг. Дабы поддержать одушевленіе жителей, Суворовъ велѣлъ послать туда одинъ каза-

чій полкъ, а русскому подполковнику графу Цукато поручилъ приводить въ устройство народныя ополченія и обучать ихъ дѣйствію холоднымъ оружіемъ. Во Флоренціи графъ Цукато былъ принятъ съ неистовымъ восторгомъ. Его встрѣтили у городскихъ воротъ духовенство, городскія власти и несмѣтныя толпы народа, окружили, носили на рукахъ, оборвали платье. Изъявлено было общее желаніе—воздвигнуть Суворову конную статую; готовили для (предполагаемаго) его въѣзда торжественную колесницу, на подобіе древнихъ тріумфальныхъ. Въ Ареццо пріемъ былъ не хуже; народъ выпрягъ лошадей графа Цукато и повезъ коляску; на него надѣли чудотворную икону, прикололи къ его шляпѣ окропленные святою водою цвѣты; улицы иллюминовались, на площадяхъ горѣли щиты съ портретомъ или вензелемъ Суворова. Ополченія, составившіяся изъ людей всѣхъ сословій и состояній, учились у русскаго подполковника охотно и прилежно; простыя Суворовскія эволюціи имъ весьма нравились. Отъ учебныхъ занятій не замедлили перейти къ боевой практикѣ; схватки съ Французами большею частью были удачны, благодаря многолюдству и одушевленію ополченцевъ, которые смѣло бросались въ атаку съ криками: «viva Maria! viva Souvorow!».

Республиканцы не были счастливѣе и на другой оконечности римскихъ владѣній, по адріатическому прибрежью. Болѣе всего помогалъ здѣсь союзникамъ глава инсургентовъ Лагоцъ, который измѣнивъ прежде Австрійцамъ съ патріотическою цѣлью, скоро разочаровался во Французахъ и сдѣлался злѣйшимъ ихъ врагомъ. Опасаясь однако за свою будущность и добиваясь формальнаго помилованія Римскаго императора, Лагоцъ обратился къ Суворову съ просьбою его покровительства и заступничества. Суворовъ отвѣтилъ ему, что прошедшее забывается, когда заглаживается искреннимъ и блистательнымъ раскаяніемъ, и благодарилъ за «дѣйствія, славныя для васъ самихъ и полезныя для общаго блага». Но все таки Лагоцъ былъ задержанъ однимъ австрійскимъ офицеромъ, какъ измѣнникъ, и хотя вскорѣ затѣмъ освобожденъ и получилъ полное прощеніе императора, однако въ продолженіе его отсутствія, ополченія успѣли частью разойтись сами собой, частью были разсѣяны Французами. Ла-

гоцъ набралъ снова, въ нѣсколько дней, до 3,000 вооруженныхъ поселянъ съ 12 пушками и обратился къ Суворову съ просьбою — подкрѣпить его небольшимъ числомъ конницы и артиллеристовъ. Суворовъ не рѣшился исполнить эту просьбу безъ разрѣшенія императора—и хорошо сдѣлалъ. Императоръ Францъ отказалъ, а предоставилъ Суворову, если находитъ нужнымъ, отрядить казаковъ. Между тѣмъ близъ адріатическаго прибрежья появилась русская эскадра графа Войновича; было занято съ боя, дессантомъ, нѣсколько приморскихъ пунктовъ и съ 1 августа открыты осадныя работы противъ важнѣйшаго изъ нихъ, Анконы, при содѣйствіи бандъ Лагоца.

Еще болѣе полные результаты возстанія оказались въ южной Италіи, гдѣ съ прибытіемъ кардинала Руффо, Неаполь былъ имъ взятъ штурмомъ и въ продолженіе нѣсколькихъ дней представлялъ страшную картину убійствъ, пожаровъ и грабежей. Кардиналъ Руффо не въ силахъ былъ обуздать неистовство своихъ бандъ и всю надежду возлагалъ на русскій 600-ный отрядъ капитана Белле. Русскіе дѣйствительно возстановили въ городѣ нѣкоторое подобіе спокойствія и порядка, но по малочисленности своей могли сдѣлать это лишь тогда, когда больше 2,000 домовъ было разорено, по улицамъ валялись кучи труповъ и стояли лужи крови. Республиканскія войска капитулировали, но прибывшій въ это время англійскій адмиралъ, лордъ Нельсонъ, нашелъ заключенное условіе оскорбительнымъ для короля, отвергъ капитуляцію и настоялъ на безусловной сдачѣ. Лордъ Нельсонъ, ненавидѣвшій революцію всѣми силами души, приказалъ схватить болѣе замѣтныхъ участниковъ бывшаго переворота и предать суду, какъ измѣнниковъ. Судъ былъ только средствомъ для скорѣйшаго перехода къ казнямъ, и казни дѣйствительно не замедлили; вѣшали даже на мачтахъ англійскихъ кораблей. Но іюня 19 прибылъ къ Неаполю король Фердинандъ, и Нельсоновскія казни оказались дѣтскими игрушками. Дѣло мщенія и возмездія поведено въ другомъ масштабѣ; число приговоренныхъ къ смерти дошло до 40,000 человѣкъ; въ ссылку и вѣчное заточеніе назначено гораздо больше; доносы, пытки, личные разсчеты ежедневно увеличивали число тѣхъ и другихъ. Шесть мѣсяцевъ тянулись казни нетолько въ Не-

аполѣ, но и во всемъ королевствѣ. Это снова разбудило кровожадные инстинкты столичной черни; начались опять грабежи и убійства. Отрядъ Белле вынужденъ былъ оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ кровавыхъ сценъ и успѣлъ спасти лишь нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, а потомъ принялъ участіе въ овладѣніи разными замками и крѣпостями, находившимися еще въ рукахъ Французовъ. Во второй половинѣ іюля, на неаполитанской землѣ не оставалось уже ни одного вооруженнаго француза.

«Всѣ усилія мои», писалъ кардиналъ Руффо Суворову: «остались бы тщетными, безъ непрестанныхъ побѣдъ предводимаго вами воинства». Самъ король Фердинандъ признавалъ, что возвратился въ свою столицу благодаря Суворову и потому выражалъ ему живѣйшую признательность рескриптомъ отъ 25 іюля. И дѣйствительно, не въ Неаполѣ или Римѣ, а въ сѣверной Италіи рѣшалась судьба Неаполя и Рима и окончательно рѣшена на берегахъ Треббіи. Съ пораженіемъ Макдональда была отнята отъ Французской директоріи всякая возможность возстановленія французскаго владычества на Апеннинскомъ полуостровѣ.

Побѣды и успѣхи Суворова не всюду однако производили возбуждающее дѣйствіе, не во всѣхъ вливали энергію и рѣшимость; бездѣйствіе эрцъ-герцога Карла въ Швейцаріи продолжалось упорно, и ожиданіе русскаго корпуса Римскаго-Корсакова выставлялось въ видѣ неотразимаго тому резона въ связи съ другими измышленіями. У него не разъ бывали мелкія неудовольствія съ Суворовымъ, ибо эрцъ-герцогъ былъ человѣкъ больной, временами даже очень больной, да и во взглядахъ на военное искусство съ Суворовымъ не сходился. Впереди эти неудовольствія могли только усилиться, ибо для русскаго полководца создалось на театрѣ войны положеніе почти невозможное. Суворову посылались изъ Вѣны самыя несвоевременныя, мелочныя и надоѣдливыя указанія, хотя императоръ и вѣрилъ «въ опытность, храбрость и столь часто испытанное счастье» Суворова. Суворову оставалось одно—подчиниться.

Но слова императора о счастіи, постоянно покровительствующемъ Суворову, оскорбили его глубоко; въ нихъ сказывалась, сверхъ невѣрной оцѣнки, еще и неблагодарность. Упоминая про

это въ письмѣ къ Разумовскому, Суворовъ говоритъ, что слышитъ такой отзывъ не впервые, что тоже самое говорила въ арміи ослиная голова. «Его Римско-Императорское Величество желаетъ, пишетъ онъ: «чтобы, ежели мнѣ завтра баталію давать, я бы отнесся прежде въ Вѣну». Въ другомъ его письмѣ читаемъ: «я въ Миланѣ,—изъ Вѣны получаю отвѣтъ о пріѣздѣ моемъ въ Верону; я только что въ Туринъ перешелъ, — пишутъ мнѣ о Миланѣ». Кромѣ того Суворовъ получилъ отъ императора Франца непріятное напоминаніе объ осадѣ Мантуи, когда уже всѣ распоряженія по этому предмету были сдѣланы. Подобными запоздалыми приказами изъ Вѣны была наполнена вся кампанія; гофкригсратъ привыкъ всѣмъ руководить и видѣть со стороны австрійскихъ генераловъ безпрекословное исполненіе. Но Суворовъ былъ человѣкъ другой категоріи. Онъ настойчиво требовалъ отъ Разумовскаго, чтобы этотъ ненормальный порядокъ былъ измѣненъ и чтобы гофкригсратъ вмѣшивался лишь «во внутреннія детали, и изъ 4 угловъ на 1000 верстъ отнюдь въ мои операціи не входилъ... Я воленъ, служу когда хочу, изъ амбиціи;... я не наемникъ, не мерсенеръ, который изъ хлѣба имъ послушенъ... У гофкригсрата одна и двѣ кампаніи мнѣ стоили мѣсяца, а какъ его владычество загенералисимствовало, можетъ мнѣ стать одинъ мѣсяцъ его кампаніи на цѣлую кампанію... Выведите меня изъ пургаторіи, ничто не мило... Стыдно мнѣ было бы, чтобы остатки Италіи въ сію кампанію не опорожнить отъ Французовъ... Распутная тонкость Тугута сгубила прежде здѣсь двѣ лучшихъ арміи и повредила рейнскую... Честнѣе и прибыльнѣе воевать противъ Французовъ, нежели противъ меня и общаго блага».

Въ Вѣнѣ давно уже замѣтили, а теперь окончательно убѣдились, что русскій полководецъ вовсе не расположенъ быть слѣпымъ исполнителемъ присылаемыхъ ему приказаній. Поэтому гофкригсратъ сталъ многое передавать прямо подчиненнымъ Суворову австрійскимъ генераламъ и требовать отъ нихъ непосредственныхъ донесеній въ Вѣну. Такой порядокъ противорѣчилъ духу военнаго дѣла, да кромѣ того вводилъ въ него сумбуръ, потому что приказанія получались большею частью при измѣнившихся обстоятельствахъ, вели къ недоразумѣніямъ и противорѣчіямъ, отмѣняли распоряженія главнокомандующаго. Когда, въ бытность

Суворова еще въ Туринѣ, онъ по первымъ вѣстямъ о наступательномъ движеніи непріятеля, приказалъ временно присоединить отряды Отта и Гогенцоллерна къ обсерваціонному корпусу Бельгарда, Край прислалъ ему копію съ вѣнскаго предписанія, гдѣ говорилось, что до взятія Мантуи ни одинъ солдатъ не долженъ быть отдѣляемъ изъ осаднаго корпуса. Во время осады Туринской цитадели было перехвачено письмо коменданта Фіореллы, въ которомъ значилось, что тамошняя артиллерія никуда не годится. О такомъ открытіи было донесено прямо въ Вѣну, и оттуда послѣдовало Шателеру приказаніе—артиллерію эту не исправлять. Суворовъ узналъ про все это впослѣдствіи; артиллерія была по его приказанію все-таки исправлена и дѣйствовала потомъ при осадѣ Александрійской цитадели. Когда Туринская цитадель сдалась, но донесеніе объ этомъ до Вѣны еще не дошло, Шателеръ получилъ оттуда замѣчаніе или сообщеніе, что осаду означенной крѣпости слѣдуетъ отложить до взятія Кони и Генуи («чего глупѣе!» замѣчаетъ Суворовъ), и что ушедшій изъ-подъ Турина Суворовъ можетъ быть побитъ на голову, а армія погибнуть при отступленіи, защищая множество протекающихъ въ ея тылу рѣкъ.

Честный и благородный Шателеръ держалъ постоянно сторону Суворова и если иногда скрывалъ отъ него вѣнскія распоряженія, то не изъ двоедушія, а чтобы не прибавлять горечи въ его положеніе. Не такъ смотрѣли, въ большинствѣ, другіе генералы, а потому интриговали и своевольничали, благо въ Вѣнѣ поддержка была надежнѣе, чѣмъ у иноземца-фельдмаршала, котораго кабинетъ выносилъ уже съ трудомъ. Авторитетъ главнокомандующаго видимо падалъ, положеніе Суворова становилось съ каждымъ днемъ труднѣе, и борьба со скрытыми врагами утомляла его больше всякихъ другихъ трудовъ по командованію арміей. Подлинныя слова его переписки съ Разумовскимъ, Ростопчинымъ, Толстымъ, преимущественно съ первымъ, лучше всего это доказываютъ. «Суточные труды, скептическая огромная переписка съ бештимтзагерами, безпрестанныя отъ интригъ неудовольствія къ гофкригсрату—отчаяли меня... У нихъ отнять перо, бумагу и крамолу, и бештимтзагерамъ отнюдь не относиться въ гофкригсратъ... Истекающую отъ глупаго Демосфена-Дитрих-

штейна тайную кореспонденцію къ моимъ подчиненнымъ, для общей пользы крайне воспрепятствуйте: онъ развращаетъ генералъ-квартирмейстера—пространнаго геніума, дѣятельнаго спиритуса, вѣтреннаго юдиціума... Гофкригсратъ, не касаясь до меня, повелѣваетъ частными, мнѣ недовѣдомо; такъ генералъ-квартирмейстеру, отъ котораго я слѣдственно завишу.. Проекторы, элоквенты, пустобаи питаютъ гофкригсратъ... Тугутъ шпіонируетъ здѣсь перепиской съ генералъ-квартирмейстеромъ чрезъ своего учителя, Дитрихштейна; это старику не хвально, лучше писать прямо ко мнѣ, а разумнѣе черезъ васъ... Таковыя подлыя невѣжества, сопряженныя съ многомѣстными скрибенскими интригами противъ моего чужестранства, принуждаютъ меня не терпѣть ни часу и сложить съ себя мою должность... Вы одни дайте мнѣ къ тому способъ... чтобы мнѣ отнюдь не мѣшали гофкригсратъ и гадкіе проекторы... Подъяческій штиль, которымъ безъ моего вѣдома пишутъ въ гофкригсратъ, сколько ни взыскиваю, вывести не могу». И дѣйствительно безцеремонность, забвеніе приличій и неуваженіе Вѣнскаго двора къ главнокомандующему, выпрошенному имъ самимъ у Русскаго Государя, не знали границъ. Когда Суворовъ, послѣ Треббіи сталъ требовать присоединенія къ себѣ войскъ Гадика (по прежнимъ распоряженіямъ), гофкригсратъ нетолько на это не согласился, но рѣшилъ еще отобрать нѣкоторыя войска отъ Суворова и отдать бездѣйствующему эрцъ-герцогу Карлу, такъ какъ послѣ Треббіи въ Италіи Суворову-де нечего дѣлать. Хотѣли оттянуть отъ него и ожидаемаго Ребиндера, давъ ему другое назначеніе, но Суворовъ написалъ Разумовскому: «какъ скоро Ребиндера отъ меня прочь, и я отсюда прочь». Усилить свои войска Суворовъ могъ бы сформированіемъ нѣсколькихъ частей подъ знаменами Сардинскаго короля изъ мѣстныхъ средствъ края, но это было ему неоднократно запрещаемо, въ очень непріятной формѣ.

Продовольственная часть оставалась попрежнему совершенно неудовлетворительной, а при усиленныхъ движеніяхъ и внезапныхъ операціяхъ играла роль главнѣйшаго тормаза. Участникъ войны, служившій въ корпусѣ, бывшемъ Ребиндера, свидѣтельствуетъ, что солдаты получали хлѣбъ дурной, говядину тоже; попадалась и ослятина; водка и вино были съ родни водѣ. Это гово-

рится за время слѣдованія корпуса по Италіи до соединенія съ арміей, т.-е. за періодъ мирнаго похода; что же было при походахъ военныхъ, при передвиженіяхъ внезапныхъ, быстрыхъ? Нельзя при этомъ пропустить одной характерной черты, бросающей свѣтъ на несовсѣмъ честное отношеніе австрійской администраціи къ русскимъ вспомогательнымъ войскамъ. Состоявшій при Розенберговомъ корпусѣ, а потомъ при арміи Суворова, дипломатическій чиновникъ, командированный тайною экспедиціей, Фуксъ, доносилъ генералъ-прокурору, что съ самаго вступленія русскихъ войскъ въ Италію, продолжается «великое нерадѣніе Австрійцевъ о нашемъ продовольствіи», и оттого происходятъ разные безпорядки. Австрійцы приводятъ въ свое оправданіе, что походы очень быстры, но (замѣчаетъ Фуксъ) и «австрійскія войска принуждены двигаться форсированными маршами, однако это на ихъ продовольствіи не отзывается».

Изъ сказаннаго видно, что Суворовъ не былъ настоящимъ полноправнымъ главнокомандующимъ, а лишь представителемъ главнаго командованія съ одной внѣшней стороны, да и то не вполнѣ. Принужденный дѣйствовать въ подобной обстановкѣ, онъ естественно долженъ былъ находиться въ напряженномъ состояніи духа. Онъ былъ недоволенъ, раздраженъ, и высказывалъ это часто. Былъ онъ недоволенъ, между прочимъ и русскимъ посломъ въ Вѣнѣ, графомъ Разумовскимъ, который подчинялся вполнѣ вліянію барона Тугута, смотрѣлъ его глазами, сдѣлался слѣпымъ его орудіемъ. Въ какой мѣрѣ русскій посолъ, по донесенію Фукса, былъ надмененъ и высокомѣренъ съ русскими генералами и офицерами, въ такой мѣрѣ отличался уступчивостью и любезностью къ вершителямъ судебъ въ Вѣнскомъ кабинетѣ. Передъ Суворовымъ онъ лебезилъ, заискивалъ у него, льстилъ ему; величалъ фельдмаршала полководцемъ, подобнаго которому никогда не было и не будетъ; извинялъ боязливость Вѣнскаго кабинета предшествовавшими пораженіями; называлъ его «напуганнымъ кабинетомъ»; наивно увѣрялъ, что у двора недовѣрія къ нему, Суворову, совсѣмъ нѣтъ, а есть только опасеніе, чтобы онъ не пошелъ слишкомъ далеко. Всѣ эти любезности сначала какъ будто смягчали Суворова, потомъ шли ни во что; не выходя изъ формъ приличій и вѣжливости, онъ все

настойчивѣе требовалъ отъ посла содѣйствія при Вѣнскомъ кабинетѣ и наконецъ сталъ писать ему безъ обиняковъ. Узнавъ, что въ корпусъ Ребиндера Разумовскій посылалъ прямо свои предписанія, Суворовъ ему пишетъ: «совѣтую вамъ, если случится въ чемъ ни есть къ войскамъ отнестись, чтобъ мнѣ о томъ для соображенія, какъ къ начальнику, сообщать изволили; не заводите другой гофкригсратъ, и одинъ всю мою вѣру и вѣрность крушитъ». Когда непріятности какъ-то перемежились, и Суворовъ на короткое время успокоился, онъ обратился къ женѣ Разумовскаго съ просьбой: «матушка графиня, высѣки графа, онъ предъ симъ много дурилъ». Вообще же холодность его къ Разумовскому росла съ каждымъ днемъ и кончилась совершеннымъ разрывомъ [41]).

Не трудно понять, что касаясь въ своихъ письмахъ Вѣнскаго кабинета, гофкригсрата, его приверженцевъ и большинства австрійскихъ начальниковъ,—Суворовъ не стѣснялся въ сарказмахъ и выраженіяхъ негодованія. «Вездѣ невѣжественный гофкригсратъ, робкій кабинетъ, неискореняемая привычка битымъ быть, унтеркунфтъ, бештимтзагенъ... Здѣшнія завоеванія не по ихъ правиламъ, какъ они обыкли все терять до вѣнскихъ вратъ, которые перенесены быть могутъ въ Пресбургъ». Ненавистныхъ бештимтзагеровъ онъ ставитъ по срединѣ между дураками и плутами, и нападаетъ въ особенности на ихъ умѣнье—терять людей: «для короны—размѣнъ есть; для нихъ — не ихъ люди, чего жалѣть;... бештимтзагеры убавили у меня изъ подъ ружья въ три раза почти больше, нежели мнѣ на трехъ баталіяхъ стоили Тидона, Треббіа и Нура». Бельгарда онъ считаетъ дошедшимъ въ этой наукѣ до *мудрости*, такъ велики у него потери. Признавая отличныя дарованія эрцъ-герцога Карла, Суворовъ однакоже не даетъ пощады и ему за бездѣятельность, называетъ его «наитомнѣйшимъ» и говоритъ: «эрцъ-герцогъ сидитъ въ полномъ унтеркунфтѣ и тѣмъ бештимтзагеритъ всю бурю на меня, ибо у Французовъ до 10,000 съ Жуберомъ сюда набавилось». Онъ увѣряетъ Толстого, что эрцъ-герцогъ могъ бы нанести Французамъ вдвое, втрое больше потери, еслибы прибѣгалъ чаще къ холодному оружію: «а штыками здѣсь при мнѣ Нѣмцы хорошо колютъ».

Не всѣхъ впрочемъ бракуетъ Суворовъ, бичуя своими злыми сарказмами; Меласъ, несмотря на его ограниченность, Край, Вукасовичъ, Шателеръ, Цахъ и нѣкоторые другіе составляютъ исключеніе. Достается и имъ, но не такъ, какъ настоящимъ «бештимтзагерамъ», а просто по натурѣ Суворова. Шателера онъ называетъ любя «милымъ вѣтрогономъ», своей «разрозненной библіотекой». При осадѣ Александрійской цитадели Шателеръ былъ въ траншеѣ раненъ и потому не могъ оставаться при должности; Суворовъ взялъ отъ Края генералъ квартирмейстеромъ Цаха, говоря про него, что это не Цахъ-гафтъ, а только Цахъ: добръ, тихъ, ученъ, но истинный проектный унтеркунфтеръ, и я въ комбустіи». Шателеръ больше не возвращался къ Суворову, такъ какъ жестоко провинился передъ гофкригсратомъ, осмѣивая его въ частныхъ своихъ письмахъ и горячо держа сторону главнокомандующаго. Письма эти были вскрыты въ государственной канцеляріи, и Тугутъ воспользовался случаемъ, чтобы разлучить съ Суворовымъ такого вреднаго человѣка. Спустя нѣсколько недѣль, Суворовъ въ одномъ изъ своихъ писемъ отозвался о Шателерѣ совсѣмъ не такъ, какъ прежде, назвавъ его шпіономъ Дитрихштейна. Онъ былъ положительно не правъ и выразился такимъ образомъ вѣроятно подъ какимъ нибудь минутнымъ впечатлѣніемъ; можетъ быть также и то, что креатуры Тугутовы успѣли оклеветать отсутствующаго.

Не привыкшій дѣйствовать со связанными руками, безъ участія своихъ дарованій и опытности, Суворовъ постоянно старался сбросить съ себя путы, но они отъ этого больше стягивались. Оставалось еще рѣшеніе—уйти, бросить блистательно-начатое дѣло; но для него, живнаго военной славой и для военной славы, это было почти самоубійствомъ. И однако онъ останавливался неоднократно на такомъ рѣшеніи, сообщая его Разумовскому. Іюня 21, послѣ изложенія невыносимости своего положенія, онъ кончаетъ письмо словами: «домой, домой, домой,— вотъ для Вѣны весь мой планъ», а спустя 4 дня посылаетъ въ Петербургъ прошеніе къ Государю. «Робость Вѣнскаго кабинета, зависть ко мнѣ, какъ чужестранцу, интриги частныхъ двуличныхъ начальниковъ, относящихся прямо въ гофкригсратъ, который до сего операціями правилъ, и безвластіе мое въ производ-

ствѣ сихъ (операцій) прежде доклада на тысячи верстахъ, принуждаютъ меня Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше просить объ отзывѣ моемъ, ежели сіе не перемѣнится. Я хочу мои кости положить въ своемъ отечествѣ и молить Бога за моего Государя».

Но Вѣнскій кабинетъ успѣлъ забѣжать впередъ. Онъ дѣлалъ Суворову сначала замѣчанія и укоры въ неповиновеніи, а когда эти мѣры оказались недѣйствительными, принесъ въ Петербургъ жалобу. Императоръ Павелъ не могъ конечно узнать правды изъ этой жалобы, а потому сообщилъ Разумовскому, что Суворовъ находится въ распоряженіи императора Франца; что «въ немъ нѣтъ недостатка ни усердія, ни доброй воли, а ремесло свое онъ знаетъ не хуже какого нибудь министра или посланника; пусть только ему предпишутъ, чего отъ него желаютъ, а ему останется исполнять». Въ Вѣнѣ конечно возрадовались такому отзыву и продолжали приводить Суворова къ повиновенію, но Суворовъ никакъ не соглашался превратиться въ мертвый инструментъ. Тогда 23 іюля, императоръ Францъ рескриптомъ напомнилъ ему, что онъ отданъ въ его, императора, распоряженіе: «а потому несомнѣнно надѣюсь, что вы будете въ точности исполнять предписанія мои».

Тѣмъ временемъ Императоръ Павелъ, получивъ прошеніе Суворова, увидѣлъ изъ за чего возникло неудовольствіе, а потому просилъ Франца II принять мѣры, чтобы гофкригсратъ не давалъ предписаній, противныхъ его собственной (Франца II) волѣ, такъ какъ подобные поступки могутъ повести къ послѣдствіямъ, гибельнымъ для общаго дѣла. Сверхъ того дано Разумовскому повелѣніе—потребовать формально объясненій отъ самого Австрійскаго императора. Вскорѣ послѣ (31 іюля) послѣдовалъ на имя Суворова рескриптъ, гдѣ говорилось о необходимости предохранить себя «отъ всѣхъ каверзовъ и хитростей Вѣнскаго двора»; что же касается до «дальнѣйшихъ военныхъ операцій и особенной осторожности отъ умысловъ, зависти и хищности подчиненныхъ австрійскихъ генераловъ», то Государь предоставлялъ это «искусству и уму Суворова».

Такъ непроизводительно тратилось время, недѣли уходили за недѣлями въ осадахъ крѣпостей, и второстепеннымъ цѣлямъ

войны жертвовались главныя. Болѣла душа Суворова, цѣнившаго время выше всего, но измѣнить ходъ дѣлъ былъ онъ не въ силахъ. Была у него постоянная и неизмѣнная задача—наступленіе въ Ривіеру, но послѣ категорическихъ, настойчивыхъ требованій изъ Вѣны, онъ долженъ былъ отсрочить осуществленіе своей задачи до взятія Мантуи. За то, немедленно по полученіи донесенія объ этомъ взятіи, Суворовъ сталъ приводить свой планъ въ исполненіе. Онъ обратился къ австрійскимъ генераламъ нетолько съ приказаніемъ, но и съ просьбою—спѣшить всѣми распоряженіями, не останавливаясь ни передъ какими жертвами и далъ на то десять дней сроку. Затѣмъ, чтобы сберечь время впереди, Суворовъ приказалъ овладѣть находившимся на предстоящемъ пути наступленія фортомъ Серавалле. Городъ и фортъ были немедленно обложены, и въ ночь на 25 число открыты осадныя работы, а 27 числа видя, что готовится штурмъ, гарнизонъ этой маленькой крѣпостцы, всего 180 человѣкъ, сдался военноплѣннымъ.

Вскорѣ послѣ, именно 30 числа, прибыли подъ Александрію войска Края, и на слѣдующій день разослана въ войска диспозиція. Наступленіе положено начать 4 августа; остававшіеся 3 дня назначались на предварительныя передвиженія войскъ, на отдыхъ корпусу Края и на обученіе этого корпуса дѣйствію холоднымъ оружіемъ, что и поручено князю Багратіону. Но предположенное наступленіе союзниковъ было предупреждено Французами.

Во время невольнаго бездѣйствія Суворова, Французская директорія приняла рядъ энергическихъ мѣръ къ увеличенію и устройству своихъ вооруженныхъ силъ и хотя сдѣлала гораздо меньше того, чѣмъ задалась, но все таки не потеряла времени даромъ. Къ числу принятыхъ мѣръ относилась и перемѣна главнокомандующихъ. Въ итальянскую армію назначенъ Жуберъ, а Моро перемѣщенъ на сѣверъ, для командованія рейнскою арміей.

Жуберъ прибылъ 24 іюля; Моро сдалъ ему армію, но предложилъ на первое время свое содѣйствіе; Жуберъ принялъ это благородное предложеніе съ искренней признательностью. Новому главнокомандующему не было еще 30 лѣтъ отъ роду; онъ имѣлъ

солидное образованіе, обладалъ замѣчательнымъ мужествомъ и врожденнымъ военнымъ дарованіемъ. Поступивъ въ 1791 году рядовымъ въ одинъ изъ батальоновъ альпійской арміи, онъ черезъ 4 года былъ уже бригаднымъ генераломъ, а еще года черезъ три попалъ въ главнокомандующіе. Теперь, въ 1799 году, благодаря доброй его славѣ въ рядахъ войскъ, любви къ нему солдатъ и испытаннымъ республиканскимъ убѣжденіямъ, правительство поставило его на самый важный постъ въ борьбѣ съ коалиціей.

Пріѣздъ Жубера подѣйствовалъ на войска ободрительно; это одушевленіе какъ бы подкрѣплялось рѣшимостью новаго предводителя—немедленно начать наступательныя дѣйствія. Но генералъ Сенъ-Сиръ умѣрилъ его пылъ положительнымъ удостовѣреніемъ, что подъ Александріей находится огромная масса союзныхъ силъ. Жуберъ нѐ-хотя отсрочилъ наступленіе, сталъ стягивать войска и собралъ военный совѣтъ. На совѣтѣ мнѣнія раздѣлились; кромѣ того отъ Макдональда получено извѣщеніе о взятіи Мантуи. Извѣщенію не повѣрили ни Моро, ни Жуберъ, и этотъ послѣдній рѣшилъ произвести движеніе такимъ образомъ, чтобы по собраніи достовѣрныхъ данныхъ о непріятелѣ, придвинуть или правый свой флангъ къ лѣвому, или лѣвый къ правому. Сообразно съ этимъ, его войска двинулись нѣсколькими колоннами, и 1 августа лѣвое крыло заняло Акви, а часть праваго приблизилась къ Серавалле.

Суворовъ, придерживаясь своихъ прежнихъ предположеній, задался цѣлью—выманить непріятеля изъ горъ и подавить его перевѣсомъ своихъ силъ, особенно конницы. Сообразно съ этимъ онъ расположилъ свои войска такимъ образомъ, чтобы противникъ былъ встрѣченъ передними частями откуда бы ни появился. Когда же, на слѣдующій день, была занята Французами Капріята, а правое ихъ крыло придвинулось къ Нови, Суворовъ велѣлъ отправить всѣ обозы за Александрію и вызвалъ Багратіона къ своему мѣсту.

Передъ разсвѣтомъ, 3 августа, Французы подошли къ Нови; стоявшій тутъ Багратіонъ, держась предписаннаго образа дѣйствій, отступилъ и остановился въ 3 верстахъ у Поцоло-Формигаро. Лѣвое крыло Французовъ двинулось на соединеніе съ правымъ,

къ Пастуранѣ; Краї долженъ былъ, согласно приказанію Суворова, атаковать, но умолялъ отсрочить атаку, отзываясь крайней усталостью войскъ. Къ удивленію, Суворовъ согласился, и Французы соединились на позиціи безпрепятственно.

Съ ранняго утра Суворовъ былъ на конѣ и разъѣзжалъ по войскамъ, появляясь то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ неожиданно; солдаты, по давнему обыкновенію, сбѣгались къ нему, окружали тѣсной толпой и привѣтствовали. Суворовъ здоровался съ ними, указывалъ на Французовъ, говорилъ, что надо ихъ выманить съ горъ въ чистое поле и побить, а если не спустятся, то пойти къ нимъ и побить ихъ тамъ; произносилъ нѣсколько лаконическихъ боевыхъ наставленій и уѣзжалъ дальше. Ожидая каждую минуту боя, онъ дѣлалъ спѣшныя распоряженія по всѣмъ частямъ и лично произвелъ рекогносцировку французской позиціи около Нови. Приказавъ своей свитѣ остаться, онъ выѣхалъ въ сопровожденіи одного казака къ своей передовой цѣпи, которая стояла на близкомъ ружейномъ выстрѣлѣ отъ непріятельской, и поѣхалъ вдоль ея. Французскіе генералы, смотрѣвшіе съ высотъ въ зрительныя трубы, узнали союзнаго главнокомандующаго по его необычному для другихъ костюму: онъ былъ въ одной рубахѣ и полотняномъ исподнемъ платьѣ. Непріятельскіе ведеты открыли огонь, позади ихъ стала собираться кавалерія; опасаясь покушенія противъ фельдмаршала, великій князь выслалъ для его защиты два взвода австрійскихъ драгунъ, но Суворовъ вскорѣ самъ повернулъ назадъ.

Однако весь день 3 августа прошелъ, а бой не завязался; Французы не выразили желанія бросить свою крѣпкую позицію и спуститься на равнину. Суворовъ рѣшился атаковать ихъ самъ, притомъ не теряя времени, чтобы они не успѣли ни отретироваться, ни на позиціи укрѣпиться, а потому и назначилъ атаку на слѣдующее утро [42]).

Позиція Французовъ находилась на крутомъ гребнѣ небольшихъ высотъ, между рѣками Орбой и Скривіей; у самой подошвы горъ, на серединѣ между двумя рѣками, лежалъ городокъ Нови, обнесенный высокой каменною стѣной, окруженный предмѣстіями и садами. Садами же, а также виноградниками, отдѣльными домиками и строеніями были усѣяны скаты горъ, обращенные къ

равнинѣ, перерѣзанные по всѣмъ направленіямъ заборами, изгородями, канавами. Позиція была вообще крѣпкая, почти неприступная съ фронта, но правый ея флангъ уклонялся далеко назадъ по направленію къ Серавалле, гдѣ находился австрійскій гарнизонъ, и тылъ позиціи представлялъ большія затрудненія для отступленія. Его прорѣзывали глубокіе овраги съ рѣчками почти параллельно фронту, да и для ретирады имѣлось только двѣ дороги: за правымъ флангомъ и центромъ—на Гави и за лѣвымъ—на Пастурану. Суворовъ предположилъ атаковать непріятеля съ лѣваго его фланга и возложилъ это на Края, у котораго было до 27,000 человѣкъ. Лѣвѣе Края, противъ Нови, стоялъ Багратіонъ, а позади его, за Поцоло-Формигаро, Милорадовичъ; силы ихъ обоихъ простирались въ итогѣ до 10,000 и составляли лѣвое крыло союзной арміи. Правое крыло должно было стремительно атаковать Французовъ и гнать ихъ чрезъ Нови къ Серавалле, отрѣзывая отъ Гави остальныя непріятельскія войска; лѣвое крыло, съ самимъ Суворовымъ, предназначалось къ движенію за этою атакою, вдоль Скривіи къ Серавалле. Такимъ образомъ главныя дѣйствующія силы союзниковъ простирались до 36—37,000 человѣкъ, а резервомъ для нихъ служили Меласъ и Дерфельденъ съ 15,000, въ 6—7 верстахъ за Поцоло-Формигаро. Наконецъ оставался въ распоряженіи Суворова еще 8,000-ный корпусъ Розенберга, стоявшій у Вигнцоло, для прикрытія Тортоны, а также на случай покушенія непріятеля къ той сторонѣ. Если ко всему этому прибавить 5,000-ный осадный тортонскій корпусъ Алкаини, то итогъ всѣхъ союзныхъ силъ получится въ 65,000 человѣкъ.

У Жубера было 35,000, не больше. Выѣхавъ 3 августа на высоты у Нови, онъ увидѣлъ передъ собою, какъ на ладони, всю союзную армію и могъ въ зрительную трубу сосчитать ея силы. Никакому самообольщенію уже не было мѣста. Жубера одолѣло раздумье, безпокойство, даже уныніе. Онъ созвалъ совѣтъ; большинство совѣтовало отступить вслѣдствіе превосходства непріятельскихъ силъ и ожидать содѣйствія альпійской арміи. Жуберъ не рѣшался, признавая отступленіе въ виду многочисленнаго и отважнаго противника опаснымъ; продержалъ генераловъ до вечера и наконецъ распустилъ ни съ чѣмъ, сказавъ,

что черезъ два часа пришлетъ диспозицію къ ретирадѣ. Однако прошли многіе часы, а онъ ни на что не могъ рѣшиться; тѣшилъ себя надеждой, что Суворовъ отступитъ въ виду сильной непріятельской позиціи и ждалъ разсвѣта съ трепетнымъ чувствомъ страха, смѣшаннаго съ надеждой. Можно понять, въ какомъ напряженномъ состояніи была къ утру его нервная система, особенно если взять въ разсчетъ, что онъ поѣхалъ въ армію прямо изъ подъ вѣнца и прощаясь съ женой, сказалъ ей, что вернется или побѣдителемъ, или мертвымъ. Французскія войска ночевали, не занявъ даже боевой позиціи, но такъ какъ одинъ изъ дивизіонныхъ начальниковъ, генералъ Ватренъ, зарвался слишкомъ вправо отъ Нови, по равнинѣ, то послано ему приказаніе—вернуться какъ можно скрытнѣе до утра.

Не занималась еще заря, какъ Край тронулся съ мѣста и повелъ войска въ атаку. Передовыя части французской кавалеріи были сбиты, затрещала ружейная перестрѣлка. Надежды Жубера на отступленіе союзниковъ разлетѣлись прахомъ, онъ поскакалъ по направленію выстрѣловъ, бросился въ застрѣльщичью цѣпь и тутъ же былъ убитъ пулей на повалъ. Смерть его была скрыта отъ войскъ до самаго конца дѣла; главное начальство принялъ Моро.

Австрійцы были оттѣснены послѣ упорной борьбы и сбиты съ высотъ. Во время боя Край не разъ посылалъ къ Багратіону съ просьбой—атаковать непріятеля со своей стороны, дабы развлечь его вниманіе и силы; но Багратіонъ не рѣшился дѣйствовать вопреки диспозиціи. Однако онъ послалъ нѣсколькихъ ординарцевъ къ Суворову, одного послѣ другого; но они не возвращались. Багратіонъ поѣхалъ самъ, наѣхалъ у Поцоло-Формигаро на кучку генераловъ и адъютантовъ и увидѣлъ тутъ Суворова: онъ лежалъ на землѣ, завернувшись въ плащъ и спалъ, или дѣлалъ видъ, будто спитъ. Дерфельденъ обратился къ пріѣхавшему съ какимъ то вопросомъ; какъ только Багратіонъ сталъ говорить, Суворовъ вскочилъ, сказавъ, что крѣпко заснулъ и принялся задавать своему любимцу вопросы о ходѣ дѣла. Узнавъ про неудачу Края, онъ послалъ ему приказаніе — возобновить атаку, велѣлъ одновременно съ нимъ атаковать Багратіону, а Милорадовичу продвинуться впередъ для поддержанія Багратіона.

Багратіонъ повелъ атаку прямо на Нови. Край—по прежнему. Непріятель, пользуясь пересѣченною мѣстностью, засѣлъ въ канавахъ, садахъ, въ строеніяхъ предмѣстія и встрѣтилъ Русскихъ сильнымъ огнемъ, но не остановилъ ихъ и послѣ жаркой схватки ретировался въ самый городъ. Русскіе повели атаку на городъ, но встрѣтили высокую и прочную стѣну, не поддававшуюся выстрѣламъ полевыхъ орудій; Русскіе повернули правѣе, по направленію къ высотамъ, и подъ ядрами и картечью продолжали атаку въ замѣчательномъ порядкѣ и съ замѣчательнымъ безстрашіемъ. Французы, отлично укрытые мѣстными предметами, были почти невидимы, тогда какъ ихъ противники, подвигаясь впередъ колоннами и останавливаемые на каждомъ шагу канавами, изгородью и проч., были совершенно открыты выстрѣламъ, да и артиллерія ихъ не могла противодѣйствовать непріятельской, находившейся на верху и занявшей позицію за гребнемъ высотъ. Вдобавокъ ко всему, Французы вышли изъ Нови и ударили въ лѣвый флангъ атакующихъ. Хотя нападеніе это было отражено, однако настаивать далѣе на продолженіи атаки представлялось для малочисленнаго отряда Багратіона совсѣмъ непосильнымъ, и войска его стали отходить назадъ.

Въ это время, противъ лѣваго ихъ фланга появилась французская колонна Ватрена, который запоздалъ съ предписаннымъ ему движеніемъ къ Нови. Суворовъ былъ удивленъ появленіемъ Французовъ съ этой стороны, сейчасъ же двинулъ противъ нихъ большую часть войскъ Милорадовича и послалъ къ Дерфельдену въ Ривальту приказаніе—со спѣхомъ идти къ Нови. Войска Милорадовича и Багратіона пошли въ атаку лѣвѣе Нови; бригада Ватрена была отбита, но все-таки атака на Нови не удалась и на этотъ разъ. Мало того, остальныя войска Ватрена, подойдя къ мѣсту боя, стали грозить лѣвому крылу союзниковъ серьезною опасностью; но въ этотъ критическій моментъ показались головы колоннъ Дерфельдена, которыя не шли, а бѣжали подъ палящимъ зноемъ на выручку товарищей.

Линія русскихъ войскъ, подкрѣпленная свѣжими частями, въ порядкѣ, какъ на мирныхъ маневрахъ, двинулась впередъ съ барабаннымъ боемъ. Натискъ произведенъ такой дружный,

что Французы были опрокинуты и отброшены къ высотамъ, на которыхъ и поспѣшили укрыться. Русскіе, не останавливаясь, произвели общій ударъ на высоты. Но теперь, какъ и прежде, они встрѣтили преграду неодолимую и отхлынули, устилая свой путь множествомъ павшихъ. Дерфельденъ повторилъ атаку, — таже неудача; онъ повелъ атаку въ третій разъ. Усилія были доведены до послѣдней степени напряженія, но привели къ убѣжденію въ неисполнимости предпріятія. Жаркое итальянское солнце жгло больше, чѣмъ при Треббіи; солдаты падали отъ разслабленія и жажды; легко-раненые умирали отъ изнуренія. Въ первомъ часу дня Суворовъ велѣлъ прекратить атаки.

Суворовъ, послѣ первыхъ безуспѣшныхъ атакъ, былъ почти постоянно въ огнѣ. То онъ встрѣчалъ опрокинутый батальонъ и продолжалъ съ нимъ ретироваться, крича солдатамъ, какъ на Треббіи: «молодцы ребята, заманивай ихъ, заманивай; спасибо ребята, что догадалися», а потомъ останавливалъ батальонъ, говоря: «теперь пора, впередъ ребята, и хорошенько ихъ». То по первому звуку его голоса бѣжавшіе сами останавливались, строились и кидались снова на непріятеля. То онъ провожалъ батальоны послѣ предшествовавшей неудачи впередъ и ѣдучи подъ пулями и картечью, ободрялъ солдатъ, а потомъ пускалъ ихъ на врага, приговаривая: «не задерживайся, иди шибко, бей штыкомъ, коли прикладомъ... ухъ—махни, головой тряхни!» То наконецъ, выведенный изъ себя неудачами, онъ слѣзалъ съ коня и катаясь передъ фронтомъ по землѣ, съ глубокой скорбью кричалъ: «ройте мнѣ могилу, я не переживу этого дня». Когда генералы и приближенныя лица принимались его успокоивать, онъ отвѣчалъ, что не перенесетъ пораженія при концѣ своего военнаго поприща; ему возражали, что отбитая атака не есть еще пораженіе. Но всѣ эти успокоиванія и утѣшенія были фразами, общимъ мѣстомъ. Суворовъ самъ зналъ, что нетолько далеко до пораженія, но что развязка дѣла находится въ его рукахъ; тѣмъ не менѣе видъ бѣгущихъ солдатъ и послѣдовательно отбиваемыхъ одна за другою атакъ производилъ въ немъ невыносимо-болѣзненное ощущеніе. Ярость, ѣдкая горечь, негодованіе, стыдъ кипѣли въ его душѣ и возбуждали необоримую потребность сломить встрѣченное противодѣйствіе. Совершенно вѣрно охаракте-

ризовалъ его Моро, когда кто-то впослѣдствіи пожелалъ узнать его мнѣніе о Суворовѣ при Нови. «Что же можно сказать», отвѣчалъ онъ: «о генералѣ, который обладаетъ стойкостью выше человѣческой, который погибнетъ самъ и уложитъ свою армію до послѣдняго солдата, прежде чѣмъ отступитъ на одинъ шагъ?»

Когда атаки Русскихъ прекратились, бой нѣсколько затихъ по всей линіи, такъ какъ усилія Края противъ лѣваго непріятельскаго крыла кончились еще раньше полнымъ неуспѣхомъ, несмотря на то, что упорныя нападенія Русскихъ у Нови не дозволили Моро подкрѣпить войсками отсюда свое лѣвое крыло. Такимъ образомъ планъ Суворова—сбить войсками Края Французовъ и зайти имъ въ тылъ — не удался совершенно, благодаря непоколебимому мужеству непріятеля и огромнымъ выгодамъ его позиціи [43]). Меласъ, стоявшій у Ривальты на случаї покушеній Французовъ по долинѣ Скривіи, а также чтобы забирать въ плѣнъ разбитаго непріятеля, теперь представлялся въ видѣ драгоцѣннаго рессурса, тѣмъ болѣе, что Французы принуждены были ввести въ дѣло до полудня всѣ свои наличныя силы, безъ остатка. Оставался у Суворова еще и Розенбергъ, однако онъ не былъ потребованъ; вѣроятно Суворовъ предпочелъ сохранить его на непредвидѣнный случай. Обстоятельство это доказываетъ — на сколько было далеко отъ Суворова сомнѣніе въ побѣдѣ, иначе онъ притянулъ бы къ себѣ обоихъ. Разсчетъ Суворова оправдался, оказалось достаточно одного Меласа.

За Меласомъ было послано $1^1/_2$ или 2 часами раньше того времени, какъ временно пріостановленъ бой,—но онъ на этотъ разъ сообразилъ, что Дерфельденъ взятъ подъ Нови вопреки диспозиціи не даромъ, а потому выступилъ изъ Ривальты самъ около 11 часовъ утра и на пути уже, приблизительно черезъ часъ, получилъ приказаніе—идти лѣвѣе позиціи русскихъ войскъ и атаковать правое крыло Французовъ. Хотя Суворовъ и говоритъ въ своихъ реляціяхъ, что Меласъ шелъ быстро и прибылъ во-время, но реляціи писались послѣ одержанной побѣды, главною виновницею которой была помощь Меласа, а при подобныхъ условіяхъ ошибки и прегрѣшенія забываются. На самомъ же дѣлѣ, Меласъ проконался въ пути довольно долго и съ го-

ловною частью своихъ войскъ примкнулъ къ лѣвому флангу Русскихъ не раньше двухъ часовъ по полудни. Прочія его войска продолжали движеніе по обѣимъ берегамъ Скривіи.

До трехъ часовъ дня войска отдыхали и подкрѣпляли свои силы; затѣмъ бой возгорѣлся снова. Согласно приказанію Суворова, разомъ двинулась впередъ вся линія — и Край, и Дерфельденъ, и Меласъ; послѣдній для атаки праваго фланга французской позиціи за Нови. Французы выставили на высотахъ всю артиллерію и встрѣтили союзниковъ страшнымъ огнемъ. Бой загорѣлся по всей линіи самый отчаянный; отдохнувшія войска возобновили дѣло съ новой энергіей. Французы держались твердо, какъ стѣна, и опять стали разбиваться объ эту стѣну бурно набѣгавшія людскія волны...

Но теперь сущность дѣла была уже не прежняя: союзники получили 8000 человѣкъ подмоги и кромѣ того имѣли въ своемъ тылу нетронутый значительный резервъ, а у Французовъ находились въ дѣлѣ всѣ силы, до послѣдняго человѣка. Меласъ поднялся на высоты и занялъ съ юга Арквату въ тылу французской позиціи; Французы держались слабо, цисальпійскій легіонъ бѣжалъ въ паническомъ ужасѣ. Прискакалъ начальникъ праваго крыла Сенъ-Сиръ и возстановилъ бой, такъ что Меласовы войска стали подаваться назадъ. Но это продолжалось недолго: Русскіе ворвались наконецъ въ Нови и показались на высотахъ: Французамъ приходилось думать лишь объ отступленіи.

Но и отступать было почти некуда: прямой путь на Гави былъ захваченъ; на Пастурану уже двинулись Русскіе отъ Нови. Здѣсь столпились отступавшіе; узкія улицы деревни и глубокій оврагъ загромоздились пушками и обозами, и въ эту хаотическую массу полетѣли пули небольшого австрійскаго отряда. Нѣсколько лошадей было убито: обозъ сталъ, и единственная дорога закрылась для отступающихъ; а деревня и ея окрестности все наполнялись густыми толпами, въ которыхъ не пропадалъ ни одинъ непріятельскій выстрѣлъ. Къ довершенію бѣдствія стали подходить Русскіе, и небольшой ихъ отрядъ занялъ кладбище; съ другой стороны показались Австрійцы Края и двинулись въ атаку. Толпы Французовъ разсыпались во мгновеніе ока; все бросилось въ разныя стороны, куда попало. Одинъ батальонъ пы-

тался обороняться, предводимый двумя генералами, но успѣха имѣть не могъ. Оба генерала, израненые, попались въ плѣнъ, а впереди деревни цѣлая бригада положила оружіе.

Отступленіе Французовъ, обратившееся потомъ, кромѣ части войскъ Сенъ-Сира, въ настоящее бѣгство, началось въ шестомъ часу вечера. Незадолго передъ тѣмъ Суворовъ послалъ Розенбергу приказаніе идти къ Нови, а самъ, объѣхавъ нѣкоторыя войска, остановился въ какомъ-то домикѣ. Было около 7 часовъ вечера, жара держалась еще сильная; Суворовъ велѣлъ открыть настежъ всѣ окна и быстрыми шагами ходилъ по комнатѣ; у двери стоялъ казакъ съ обнаженною саблей. Доложили, что пріѣхалъ какой-то офицеръ; приказано впустить. Вошелъ поручикъ Толь и доложилъ, что присланъ отъ Розенберга, который выступилъ въ 6 часовъ и спрашиваетъ приказанія — гдѣ по приходѣ расположиться. «Хорошо, мой другъ, сейчасъ дамъ приказаніе», сказалъ Суворовъ и послалъ за двумя или тремя лицами штаба, продолжая расхаживать взадъ и впередъ. Болѣе чѣмъ съ любопытствомъ смотрѣлъ молодой офицеръ на главнокомандующаго, имя котораго гремѣло во всей Европѣ и котораго онъ видѣлъ въ первый разъ. Суворовъ былъ въ томъ самомъ костюмѣ, что и во время боя: въ рубашкѣ, въ короткомъ исподнемъ платьѣ изъ лѣтней ткани и полусапогахъ; сухощавыя его ноги охватывались у самыхъ колѣнъ пряжками; весь онъ былъ покрытъ потомъ и пылью. Пришли чины штаба; Суворовъ продиктовалъ имъ нѣсколько приказаній, подошелъ потомъ къ Толю и спросилъ его, заложены ли мины подъ Тортоною. Толь отвѣчалъ, что не знаетъ. Какъ ужаленный отскочилъ отъ него Суворовъ, закричалъ: «немогузнайка, опасный человѣкъ, схватите его», и забѣгалъ по комнатѣ съ разными ужимками и восклицаніями. Присутствовавшіе или опустили глаза, или обратились съ безмолвнымъ укоромъ къ молодому офицеру; Толь стоялъ въ оцѣпенѣніи отъ такого неожиданнаго поворота. Прошло минутъ десять во всеобщемъ замѣшательствѣ, затѣмъ Суворовъ успокоился, передалъ сконфуженному Толю запечатанное приказаніе и отпустилъ его, сказавъ серьезно: «вы должны знать все, будьте впередъ осторожнѣе».

Войска, утомленныя до послѣдней степени болѣе чѣмъ полу-

суточнымъ боемъ, расположились на ночлегъ на самомъ полѣ сраженія. Французы бѣжали по всѣмъ направленіямъ; ихъ гнали, рубили, забирали въ плѣнъ кучами; лишь спустившаяся ночь дала имъ возможность свободнѣе вздохнуть. Какъ союзники понесли огромную потерю во время сраженія, такъ Французы особенно пострадали при отступленіи. Равнина, скаты и гребни возвышенности, лощины—были усѣяны тѣлами мертвыхъ и умирающими; даже на слѣдующее утро нельзя было проѣхать нѣсколько сотъ шаговъ, чтобы изъ-подъ копытъ лошади не раздался болѣзненный стонъ полумертваго страдальца. Очевидецъ говоритъ, что тѣла лежали вокругъ Нови почти сплошь одно около другого, и было ихъ такъ много, «какъ на самомъ урожайномъ полѣ не могло быть сноповъ сжатаго хлѣба». Было бы еще хуже, и весь французскій корпусъ погибъ бы цѣликомъ, еслибы преслѣдованіе производилось настойчиво. Но быстро спустившаяся непроглядная темнота ограничила это преслѣдованіе всего двумя верстами. Приходилось заботиться только о своихъ раненыхъ, да и на это потребовалось много времени; собирать же раненыхъ Французовъ, отвозить ихъ въ госпитали и хоронить мертвыхъ приказано было окрестнымъ жителямъ.

Ночь наступила довольно свѣжая; на бивуакахъ союзныхъ войскъ водворилась мало-по-малу тишина; истомленныя войска отдыхали; лишь издали, изъ горныхъ ущелій, доносились еще выстрѣлы: то передовыя партіи слѣдили за бѣгущими Французами. Вдругъ, около полуночи, раздалась ружейная трескотня въ Нови, потомъ затихла и опять возобновилась. Войска поднялись на ноги, стали въ ружье; Суворовъ послалъ туда одинъ русскій батальонъ. Оказалось, что нѣсколько сотъ Французовъ, не успѣвшихъ отступить со своими войсками, укрылись въ городскихъ домахъ, ближайшихъ садахъ и оврагахъ, а съ наступленіемъ ночи собрались, при содѣйствіи жителей, большой толпой и напали на главный русскій караулъ. Караулъ встрѣтилъ ихъ выстрѣлами и штыками, но былъ подавленъ массою и почти поголовно легъ на мѣстѣ. Французы заперли городскія ворота и вознамѣрились обороняться, но посланный Суворовымъ батальонъ отбилъ ворота и ворвался въ городъ. Французы были большею частью переколоты, а остальные разсѣялись и попрятались по

домамъ. Между горожанами находилось много французскихъ сторонниковъ; два раза въ продолженіе кампаніи Багратіонъ, занимая Нови, долженъ былъ ихъ остерегаться, и все-таки они успѣвали наносить союзнымъ войскамъ вредъ. Въ настоящемъ случаѣ городскіе жители французской партіи поступали такимъ же образомъ, помогали Французамъ, укрывали ихъ и даже нѣсколько значительныхъ лицъ участвовало въ нападеніи на русскій караулъ, доказательствомъ чему служило пятеро изъ нихъ убитыхъ Русскіе солдаты не сочли поэтому нужнымъ стѣсняться: многіе дома, гдѣ укрылись Французы, были взяты, всѣ попавшіеся подъ руку переколоты, имущество уничтожено и разграблено. Досталось конечно и не однимъ укрывателямъ, потому что разбирать было недосугъ, да и невозможно; но въ это время явился самъ Суворовъ и остановилъ самовольство солдатъ.

Этимъ эпилогомъ закончилось сраженіе при Нови. Отличительная его черта состоитъ въ необыкновенномъ упорствѣ обѣихъ сторонъ и въ естественномъ слѣдствіи этого упорства—огромныхъ потеряхъ. Самъ Суворовъ говорилъ, что не видалъ еще такого жестокаго по упорству дѣла. У союзниковъ больше всего потерпѣли войска Края, находившіяся въ огнѣ съ ранняго утра до вечера; всю союзную потерю можно опредѣлить въ 8,000 человѣкъ; въ числѣ раненыхъ насчитывалось нѣсколько генераловъ. Уронъ Французовъ былъ еще значительнѣе, именно около 10.000. Такъ какъ союзниковъ участвовало въ бою 52,000, а Французовъ 35,000, то процентное содержаніе потери Французовъ выходитъ вдвое больше, чѣмъ у союзниковъ; сверхъ того у Французовъ разбѣжалось нѣсколько тысячъ человѣкъ, именно 3 или 3½ тысячи. Въ числѣ 4.600 плѣнныхъ Французовъ находилось 84 офицера и 4 генерала, изъ которыхъ двое, Груши и Партуно, были отправлены въ Петербургъ, такъ какъ Императоръ Павелъ еще раньше повелѣлъ прислать къ нему французскихъ генераловъ, которые будутъ «взяты въ полонъ безъ акорду». Сверхъ всего этого, въ рукахъ союзниковъ осталось 4 французскихъ знамени и отъ 37 до 39 орудій, т.-е. почти вся ихъ полевая артиллерія, состоявшая только изъ 40 орудій.

Суворовъ былъ очень доволенъ поведеніемъ войскъ въ бою, и русскихъ, и австрійскихъ, о чемъ и доносилъ обоимъ импе-

раторамъ, особенно одобрительно отзываясь о содѣйствіи, оказанномъ Меласомъ. Представленъ былъ длинный списокъ отличившимся, и Императоръ Павелъ пожаловалъ имъ щедрыя награды. Кромѣ того высочайше повелѣно: жалованье убитыхъ на войнѣ офицеровъ обратить въ пенсію ихъ женамъ по смерть, а дѣтямъ до совершеннолѣтія; семействамъ же убитыхъ офицеровъ, находившимся за границей, выдать еще, въ видѣ единовременнаго пособія, годовой пенсіонъ на возвратный путь въ Россію. Суворова Государь почтилъ рескриптомъ, написаннымъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ; въ немъ говорилось, что Государь не знаетъ, чѣмъ наградить главнокомандующаго, который «поставилъ себя выше награжденій». Однако Государь придумалъ награду, и именно въ томъ родѣ, который для Суворова былъ особенно дорогъ. Послѣдовалъ приказъ, чтобы гвардія и всѣ войска, даже въ присутствіи Государя, отдавали Суворову воинскія почести, слѣдующія по уставу только особѣ Императора. «Достойному достойное», заключалъ Государь свой рескриптъ.

Впечатлѣніе отъ новой, рѣшительной побѣды было въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ глубокое, но въ вѣнскихъ правительственныхъ кружкахъ принято по обыкновенію сдержанно, въ Петербургѣ же съ искреннимъ, горячимъ восторгомъ. Съ донесеніемъ отправленъ былъ состоявшій при Суворовѣ подполковникъ Кушниковъ; ему между прочимъ приказано было, при проѣздѣ чрезъ Вѣну, не являться Тугуту. Кушникова чуть не носили въ Петербургѣ на рукахъ, и Государь первый подавалъ всѣмъ примѣръ своими милостями: произвелъ его въ слѣдующій чинъ, пожаловалъ два ордена, въ томъ числѣ одинъ съ бриліантами, звалъ къ своему столу и къ обѣду, и къ ужину. Государь-наслѣдникъ, въ предвидѣніи зимней кампаніи, узнавъ, что у Кушникова нѣтъ теплаго верхняго платья, подарилъ ему свою шубу, сказавъ: «мнѣ нельзя ѣхать въ италійскую армію, такъ пусть тамъ будетъ хоть моя шуба». Вообще Суворовскому посланцу оказывали всюду самые разнообразные знаки вниманія, приглашали къ себѣ, разспрашивали о послѣднихъ мелочахъ, слушали какъ оракула.

Во Франціи побоище при Нови произвело впечатлѣніе потрясающее. Клубъ, сформировавшійся изъ остатковъ якобинской партіи, не зналъ границъ въ рѣзкихъ заявленіяхъ своего него-

дованія; оскорбленія посыпались на генераловъ, на Моро, на Жубера, даже на вдову Жубера. Да и въ правительственныхъ учрежденіяхъ говорилось тоже самое, только въ болѣе мягкой формѣ; національная гордость конвульсивно трепетала подъ нанесеннымъ ей новымъ, жестокимъ ударомъ.

Распоряженія Суворова при Нови осуждаются иностранными писателями болѣе, чѣмъ въ какомъ другомъ дѣлѣ. Говорятъ про разновременность атакъ, про поздній призывъ Меласа, про неразсчетливое оставленіе Розенберга безъ всякаго употребленія, т.-е. про отсутствіе общей мысли въ веденіи боя. Самые строгіе хулители выводятъ заключеніе, что Суворовъ одолѣлъ только числомъ и обнаружилъ полнѣйшее невѣжество въ военномъ дѣлѣ. Слѣдуетъ впрочемъ оговориться, что никто изъ критиковъ не отрицаетъ храбрости Русскихъ, называя ее по обыкновенію «фанатическою», а одинъ изъ нихъ, наиболѣе безпристрастный, замѣчаетъ, что сраженіе при Нови между прочимъ доказываетъ, что «качество войскъ и непреклонная воля ихъ предводителя иногда могутъ заполнить ошибочность его соображеній». Въ настоящей главѣ предметъ изложенъ на столько подробно, что повѣрка вышеприведенныхъ выводовъ едва ли нужна въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи. И если подъ Нови настойчивость и упорство Суворова были доведены до злоупотребленія ими, то надо только припомнить, что главнымъ образомъ благодаря именно этимъ качествамъ, долгое военное поприще Суворова было блестящимъ и славнымъ. Самъ онъ очень хорошо понималъ, что сраженіе при Нови можетъ послужить канвой для многихъ узоровъ порицанія и охужденія, а потому выразился: «тактики будутъ ругать меня».

Но охуждаютъ не одно сраженіе, а также и распоряженія послѣ боя; ставятъ Суворову въ укоръ, что онъ не съумѣлъ воспользоваться побѣдой, дозволивъ совершенно разбитымъ Французамъ отступить, тогда какъ могъ ихъ истребить энергическимъ преслѣдованіемъ. Обвиненіе это еще менѣе основательно, чѣмъ первое. Войска такъ устали, что немедленное преслѣдованіе сдѣлалось физически-невозможнымъ; въ этомъ удостовѣряетъ весь ходъ сраженія. Были посланы вслѣдъ за непріятелемъ легкія партіи, а энергическое, дѣйствительное преслѣдованіе поручено

Розенбергу съ его небывшимъ въ дѣлѣ корпусомъ. Онъ пришелъ подъ Нови поздно вечеромъ 4 числа и тронулся за непріятелемъ на другой день рано утромъ. Прочія войска, участвовавшія въ дѣлѣ, по чрезмѣрной усталости не могли выступить раньше полудня. Розенбергъ имѣлъ съ Французами авангардное дѣло, взялъ 130 человѣкъ въ плѣнъ и нанесъ большую потерю, но къ вечеру получилъ приказаніе возвратиться. Остальнымъ войскамъ это распоряженіе сообщено тогда же или на другой день. Остатки французской арміи были такимъ образомъ спасены.

Вина въ томъ лежитъ не на Суворовѣ. На другой день послѣ сраженія, когда Розенбергъ давно ушелъ, Меласъ объявилъ Суворову, что нѣтъ ни продовольствія, ни муловъ для движенія въ горы. Суворовъ могъ конечно отвѣтить, что еще съ 20 іюля отдано ему, Меласу, приказаніе—заготовить то и другое не позже 4 августа. По всей вѣроятности онъ и поставилъ это обстоятельство на видъ своему подчиненному; но дѣло оттого не измѣнилось, и фактъ неизбѣжнаго стоянія на мѣстѣ—оставался во всей своей фактической силѣ. Что касается до мѣстныхъ средствъ Ривіеры, то въ ней рѣшительно нельзя было найти продовольствія до подвоза моремъ, а потому идти туда съ двухдневнымъ запасомъ хлѣба было бы поступкомъ просто безразсуднымъ. Суворовъ подчинился необходимости, но не желая отказаться отъ всѣхъ плодовъ своей побѣды, приказалъ Меласу—добыть муловъ и продовольствіе съ наивозможною поспѣшностью и объявилъ, что наступательное движеніе въ горы отсрочивается на нѣсколько дней. Однако и этотъ его разсчетъ оказался въ тотъ же несчастный день 5 августа сдѣланнымъ «безъ хозяина», потому что хозяиномъ въ арміи былъ не главнокомандующій, а вѣнскій гофкригсратъ.

По плану Суворова, составленному давно и объявленному кому слѣдуетъ для исполненія по взятіи Мантуи, между прочимъ генералъ Кленау долженъ былъ двинуться къ Генуѣ вдоль морского берега. Въ первыхъ числахъ августа Кленау началъ приводить этотъ планъ въ исполненіе, но получилъ изъ гофкригсрата распоряженіе—прекратить наступленіе, возвратиться въ Тоскану и ничего не предпринимать до новыхъ приказаній изъ Вѣны. Въ тоже время Меласу прислано высочайшее повелѣніе—собрать въ

Тосканѣ 9000-ный отрядъ подъ командою Фрелиха, Бельгарду дано прямое предписаніе—прибыть въ Вѣну, а Гогенцоллерну—ѣхать въ Тоскану съ дипломатическимъ порученіемъ. Меласъ донесъ обо всемъ этомъ Суворову въ тотъ же день 5 августа, говоря между прочимъ слѣдующее: «такъ какъ означенное высочайшее повелѣніе должно быть исполнено безотлагательно, то я прямо уже сообщилъ о немъ по принадлежности и сдѣлалъ надлежащія распоряженія».

Такимъ образомъ, подкомандный генералъ дѣлалъ по арміи распоряженія и сообщалъ о нихъ главнокомандующему *для свѣдѣнія*, а другой генералъ, степенью еще ниже, получалъ за нѣсколько сотъ верстъ приказаніе отъ правительства, отмѣнявшее составленный главнокомандующимъ планъ военныхъ дѣйствій. Разрушеніе основныхъ принциповъ военнаго начальствованія было совершенное, дальше ему идти было некуда.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Итальянская кампанія: лагерь при Асти.

1799.

Наступательное движеніе въ Генуэзскую Ривіеру представлялось такимъ естественнымъ шагомъ послѣ побѣды при Нови, что Суворовъ не сразу отъ него отказался, несмотря на сдѣланныя изъ Вѣны прямыя распоряженія въ противуположномъ смыслѣ. Да и не всѣ австрійскіе генералы приняли эти распоряженія къ безусловному исполненію; нашлись люди, которые подъ рискомъ личной отвѣтственности сочли долгомъ повиноваться не гофкригсрату, а главнокомандующему. Но надежды Суворова лопнули очень скоро: императоръ Францъ вторично подтвердилъ свою волю. Распущеніе ополченій тосканскихъ и особенно аретинскихъ, весьма для коалиціи полезныхъ, также представлялось Вѣнскому правительству мѣрой необходимой въ военномъ и политическомъ отношеніи, и графъ Цукато поспѣшилъ выѣхать изъ Тосканы, чтобы спасти въ глазахъ итальянскаго народа честь русскаго офицера. Предначертанія Суворова, такъ хорошо задуманныя и успѣшно приводимыя въ исполненіе, разлетѣлись прахомъ одно за другимъ.

Изъ Швейцаріи тѣмъ временемъ шли извѣстія тревожныя, съ французской границы тоже; но вся эта тревога оказалась пустою, и Суворовъ спокойно оставался на своей центральной

позиціи, въ лагерѣ при Асти. Осада Тортонской цитадели, прерванная сраженіемъ при Нови, теперь возобновилась и такъ какъ Суворовъ грозилъ штурмомъ, то привела къ капитуляціи. Исполненіе капитуляціи ожидалось однако только въ будущемъ, чрезъ 20 дней, а до тѣхъ поръ заключено перемиріе, потому что, по мнѣнію коменданта, крѣпость могла быть въ теченіе этого срока выручена французскою арміей.

Такимъ образомъ три недѣли пришлось Суворову простоять въ лагерѣ при Асти. Здѣсь, какъ и въ Александріи, справлялись торжественные дни, служились молебны, раздавались награды при церемоніальной обстановкѣ. Сюда стекались мирные жители страны и иностранцы посмотрѣть на побѣдоноснаго вождя; неслись отовсюду поздравленія, пожеланія дальнѣйшихъ успѣховъ, милости коронованныхъ особъ. Сардинскій король, выразивъ Императору Павлу глубокую признательность за все имъ совершенное для возстановленія прежнихъ порядковъ, обращался съ самыми любезными письмами и къ самому Суворову, называлъ его «безсмертнымъ», изъявлялъ желаніе служить въ арміи подъ его начальствомъ; братья короля тоже просились въ русскую службу. Не довольствуясь словами, Карлъ Эмануилъ даровалъ Суворову высшія награды, какія только существовали въ королевствѣ: сдѣлалъ его «великимъ маршаломъ пьемонтскихъ войскъ и грандомъ королевства, съ потомственнымъ титуломъ принца и кузена короля», такъ что съ этого времени и самъ король, и его братья подписывались въ письмахъ къ Суворову: «votre très-affectionné cousin». Городъ Туринъ, слѣдуя примѣру своего монарха, тоже почтилъ Суворова знакомъ особенной признательности: депутація отъ города прибыла въ Асти и поднесла побѣдоносному фельдмаршалу золотую шпагу, осыпанную драгоцѣнными камнями, съ благодарственною надписью. Множество поздравительныхъ и признательныхъ адресовъ получилъ Суворовъ также изъ разныхъ частей Италіи. Даже камердинеръ его, Прохоръ Дубасовъ, попалъ въ колею милостей: Сардинскій король наградилъ его двумя медалями за заботы по сбереженію здоровья Суворова.

Императоръ Павелъ былъ чрезвычайно радъ, что его подданный, предводитель русскихъ войскъ, сдѣлался предметомъ

такого вниманія и отличій, что и высказалъ въ любезномъ рескриптѣ на имя Сардинскаго короля, благодаря его за великодушную оцѣнку заслугъ Суворова и русской арміи. И самому Суворову Государь выразилъ по этому поводу свое благоволеніе, какъ бы не желая упустить случая—сдѣлать ему пріятное. Дозволивъ принять отличія, пожалованныя Карломъ-Эмануиломъ, Государь написалъ: «чрезъ сіе вы и мнѣ войдете въ родство, бывъ единожды приняты въ одну царскую фамилію, потому что владѣтельныя особы между собою всѣ почитаются роднею».

Нетолько Россія и Италія чествовали русскаго полководца и восторгались при его имени; въ Англіи онъ тоже сдѣлался первою знаменитостью эпохи, любимымъ героемъ. Этому отчасти способствовали прославленныя странности Суворова, и Англичане, между которыми столько эксцентриковъ, смотрѣли въ то время на причуды и выходки Суворова довольно благосклонно. Газетныя статьи, касающіяся Суворова и его военныхъ подвиговъ, появлялись чуть не ежедневно; издавались и особыя брошюры съ его жизнеописаніями, и карикатуры, способныя вызвать улыбку и теперь. На одной онъ изображенъ въ видѣ маленькаго, коренастаго человѣка съ огромной пастью; втыкая вилку въ толпы Французовъ, пѣшихъ и конныхъ, онъ пожираетъ ихъ разомъ десятка по полтора и по два, цѣликомъ, съ одеждою и оружіемъ, такъ что изо рта его торчатъ ноги, головы, шляпы, сапоги, ружья и проч. На другой карикатурѣ торжествующій Суворовъ надѣлъ петли на всѣхъ пятерыхъ французскихъ директоровъ, которыхъ и ведетъ въ Россію; у нихъ на лицѣ забавно изображены ужасъ и отчаяніе, а онъ, совершенно спокойный и самодовольный, держитъ веревку и толстыми, коротенькими своими ногами, въ сапогахъ съ длиннѣйшими шпорами, маршируетъ тихимъ шагомъ, покуривая трубку и не оглядываясь на своихъ плѣнниковъ. Имя Суворова сдѣлалось даже предметомъ моды и комерческой спекуляціи; явились Суворовскія прически, Суворовскія шляпы, Суворовскіе пироги и проч. Въ театрахъ пѣли въ честь его стихи, на обѣдахъ пили за его здоровье; по словамъ русскаго посланника въ Лондонѣ, графа С. Р. Воронцова, Суворовъ и Нельсонъ были «идолами англійской націи, и ихъ здоровье пили ежедневно во дворцахъ, въ та-

вернахъ, въ хижинахъ». По его же словамъ, на всѣхъ офиціальныхъ обѣдахъ, послѣ тоста за здоровье короля, провозглашалась здравица Суворову; мало того, однажды, послѣ смотра кентской милиціи и волонтерамъ, когда лордъ Ромней угощалъ короля и все 9.000-ное войско обѣдомъ, король провозгласилъ первый тостъ за здоровье Суворова.

Суворовскіе портреты пошли теперь сильно въ ходъ. С. Р. Воронцовъ обратился къ Суворову съ просьбою—выслать свой профиль для награвированія и когда получилъ желаемое, то благодарилъ въ выспреннихъ выраженіяхъ, говоря, что ему, Воронцову, не даютъ покоя, всѣ неотступно просятъ портретъ, всѣ жаждутъ имѣть изображеніе героя. Тоже самое происходило почти во всей Европѣ. Извѣстный кореспондентъ Екатерины II, Гриммъ, находившійся въ 1799 году русскимъ резидентомъ въ Брауншвейгѣ, пишетъ С. Р. Воронцову, что принужденъ постоянно принимать цѣлыя процессіи желающихъ взглянуть на миніатюрный портретъ Суворова, подаренный ему, Гримму, Суворовымъ послѣ послѣдней Польской войны, и теперь, вслѣдствіе непрекращающихся просьбъ, заказалъ съ портрета гравюру. Въ Россіи слава Суворова доведена была патріотическимъ чувствомъ до апогея; онъ составлялъ гордость своего отечества; въ современной кореспонденціи безпрестанно наталкиваешься на слова: «пріятно быть русскимъ въ такое славное для Россіи время». Какъ ни щедро Императоръ Павелъ награждалъ Суворова, но русскому обществу всего этого казалось мало; ожидали чего-нибудь особеннаго, доселѣ не бывалаго, и по этому предмету носились разные слухи. Дѣло не ограничилось одной молвой: въ московскомъ воспитательномъ домѣ напечатали рисунокъ новой звѣзды, якобы учрежденной Государемъ для пожалованія собственно Суворову, и рисунокъ этотъ продавался по 25 коп. за экземпляръ, а такъ какъ ничего подобнаго не предполагалось и слухъ пущенъ былъ ложный, то приказано было разыскивать выдумщика [44]).

Такимъ образомъ Суворовъ, сидѣвшій въ Асти, былъ предметомъ всеобщаго любопытства, изумленія и чуть не благоговѣнія въ анти-революціонной Европѣ, а въ революціонной Франціи возбуждалъ ужасъ. Тамъ весьма многіе считали неизбѣж-

нымъ скорое вторженіе русскаго полководца въ предѣлы республики, и составлялись пари насчетъ продолжительности срока, нужнаго ему, чтобы достичь Парижа. Эти два хора друзей и враговъ, благопріятелей и зложелателей, были явленіемъ естественнымъ; ненормальнымъ представлялось лишь отношеніе къ дѣлу Австрійскаго правительства. Больше всѣхъ была обязана Суворову Австрія, а отъ Австрійскаго императора Суворовъ не видѣлъ еще ничего, кромѣ комплиментовъ и крупныхъ непріятностей. Въ документахъ того времени безпрестанно встрѣчаются указанія на это обстоятельство; даже въ перепискѣ лицъ дипломатическаго міра оно нерѣдко служитъ предметомъ недоумѣнія и негодованія.

Имѣя въ Асти досуги, Суворовъ по своему неизмѣнному правилу занимался обученіемъ войскъ; цѣпь ученій, маневровъ, смотровъ не прерывалась. Не ограничиваясь школою военнаго поля, онъ продолжалъ давать австрійскимъ генераламъ наставленія въ военномъ дѣлѣ и снабжать ихъ коротенькими инструкціями на разные случаи. Само собой разумѣется, что онъ по прежнему не допускалъ въ обученіи войскъ отступательнаго принципа, какъ начала деморализирующаго, и въ бесѣдахъ съ людьми противуположной школы, стоялъ за свою наступательную теорію безусловно, не допуская иногда и такихъ изъятій, которыя самъ дѣлалъ на практикѣ. Однажды Меласъ, будучи раздраженъ сарказмами Суворова на счетъ ретирадъ, сказалъ ему съ досадой: «да, я вѣдь и забылъ, что вы генералъ Впередъ». Суворовъ отвѣчалъ ему: «правда, впередъ; но иногда оглядываюсь и назадъ, однако не для того, чтобы бѣжать». Все это Меласу и другимъ было не вразумительно, и уроки Суворова принесли нѣкоторую пользу лишь на то время, какъ онъ командовалъ Австрійцами, дальше же не пошли. Онъ былъ слишкомъ оригиналенъ для рутинеровъ и педантовъ.

И въ Асти, и въ Александріи, и въ другихъ мѣстахъ продолжительнаго пребыванія, Суворовъ велъ свой обычный образъ жизни, съ незначительными лишь измѣненіями, которыя вызывались обстоятельствами. Вставалъ онъ чуть-свѣтъ, нѣсколько разъ въ день обливался холодною водою, ходилъ одѣтый въ легкую лѣтнюю матерію, обѣдалъ въ 8 часовъ; работалъ въ каби-

нетѣ прилежно и много. Его посѣщали довольно часто, особенно въ послѣднее время, иностранцы, преимущественно Англичане, люди родовитые или высоко стоящіе; онъ съ ними бесѣдовалъ о предметахъ литературы, современной политики, военнаго дѣла. Бесѣда велась преимущественно за столомъ, оттого зачастую обѣдало у Суворова много приглашенныхъ; онъ даже переносилъ срокъ обѣденнаго времени съ 8 на 9 часовъ утра, говоря съ забавною серьезностью, что этого требуетъ приличіе, такъ какъ Англичане садятся за столъ позже всѣхъ европейцевъ. Обѣденное время служило для Суворова отдыхомъ и развлеченіемъ; онъ былъ за столомъ веселъ, разговорчивъ, шутливъ; засиживался долго, иногда часа по три, и оттого зачастую съѣдалъ и выпивалъ лишнее. Вѣроятно вслѣдствіе этого излишества, къ концу обѣда Суворовъ обыкновенно начиналъ дремать, такъ что кто-либо изъ адъютантовъ подходилъ къ нему и напоминалъ, что время вставать изъ-за стола, или камердинеръ Прохоръ толкалъ его безъ церемоніи подъ бокъ, говоря: «пора, сударь, спать». Имѣли они также полномочіе—удерживать хозяина отъ неумѣренности въ ѣдѣ и питьѣ, только это право, или лучше сказать щекотливая обязанность, не всегда исполнялась съ успѣхомъ.

Обѣдъ бывалъ обыкновенно прескверный, особенно въ постные дни, и только привычные люди могли имъ удовлетвориться; прочіе или почти ничего не ѣли, вставали изъ-за стола голодные и отправлялись куда-нибудь наверстывать недостатки Суворовской кухни,—или же, заставивъ себя сдѣлать честь знаменитому хозяину, разстраивали желудокъ и принимали потомъ лѣкарство. За столомъ Суворовъ давалъ полный ходъ своимъ причудамъ; приказывалъ обносить водкой того, кто послѣ молитвы *Отче нашъ* не сказалъ *аминь*; смотрѣлъ, чтобы кто нибудь не просыпалъ невзначай соль; декламировалъ финскія пѣсни; осыпалъ сарказмами тѣхъ изъ приглашенныхъ генераловъ, кто какимъ-нибудь неловкимъ выраженіемъ или поступкомъ становился въ разрѣзъ съ Суворовскимъ складомъ понятій. Насмѣшекъ Суворова боялись всѣ, не исключая даже такихъ уважаемыхъ имъ лицъ, какъ Дерфельденъ. Въ отношеніи своей нетерпимости, а также всяческихъ странностей, Суворовъ сдѣлалъ въ Италіи успѣхи; по мѣрѣ того, какъ положеніе и знаменитость

его возрастали, онъ стѣснялъ себя все меньше, и выходки его переходили иногда изъ обыкновенныхъ невинныхъ чудачествъ въ распущенность и непристойность. Такъ, онъ часто появлялся въ окнѣ почти голый, т.-е. въ своемъ излюбленномъ домашнемъ лѣтнемъ костюмѣ, въ которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ принималъ визитъ Платона Зубова. Заурядныя чудачества шли своимъ чередомъ; Меласа онъ часа по два держалъ, разсказывая ему про русскую масляницу, про блины, передавалъ ему эпизоды русской деревенской жизни, училъ произносить трудныя русскія слова, или давалъ косвенныя военныя наставленія, цитируя свое боевое прошлое. Меласъ хлопалъ глазами, пыхтѣлъ, потѣлъ, пока наконецъ вырывался изъ этой пытки и по поводу Суворовскихъ самовосхваленій, замѣчалъ Фуксу, что этотъ человѣкъ подавляетъ своей гордыней, на что впрочемъ имѣетъ и право. Разговаривая съ лордомъ Бентинкомъ, Суворовъ все натягивалъ свои якобы спускавшіеся чулки, намекая на желаніе получить орденъ Подвязки; принимая молодого комиссаріатскаго чиновника, получившаго порученіе—купить для арміи 5,000 паръ сапоговъ, онъ бросился къ нему на шею и вскричалъ: «иди спасать Европу». Въ Асти его навѣстилъ одинъ 85-ти лѣтній маркизъ, пожелавшій познакомиться съ героемъ эпохи; дряхлый старикъ съ трудомъ втащился въ пріемную; Суворовъ его обнялъ, расцѣловалъ и посадилъ, самъ передъ нимъ стоялъ и безпрестанно называлъ «папенькой», а окружающимъ пояснилъ, что юность должна чтить маститую старость. Состоявшій при немъ Фуксъ попалъ однажды въ какомъ-то сраженіи подъ боевой огонь и, чтобы избавиться отъ подобныхъ сюрпризовъ на будущее время, сознался Суворову, что боится. «Не бойся ничего», сказалъ ему Суворовъ: «держись только около меня, я вѣдь самъ трусъ».

Всѣ подобныя шутки, выходки и дурачества практиковались почти исключительно въ людяхъ, въ обществѣ, за столомъ; въ кабинетѣ же, за дѣловыми занятіями, особенно глазъ на глазъ, имъ не было мѣста. Тутъ Суворовъ являлся совсѣмъ другимъ человѣкомъ, и развѣ только немогузнайство, или что нибудь равносильное, могло вызвать какую-нибудь выходку чудака. Если онъ диктовалъ приказанія, исполнитель не смѣлъ вымолвить ни слова; при докладахъ также надлежало держать ухо

востро и быть крайне внимательнымъ. Только приспособившись ко всѣмъ требованіямъ Суворова, лица, состоявшія при немъ, пріобрѣтали апломбъ и увѣренность въ себѣ, не боялись своего начальника и даже во многихъ отношеніяхъ вертѣли имъ по своему усмотрѣнію.

Непроизводительно для цѣлей войны проходили недѣли въ Асти. Тѣмъ временемъ дипломатія работала, но различіе цѣлей всѣхъ трехъ союзниковъ клало на эту работу печать не созиданія, а разрушенія. Чего не успѣли сдѣлать Суворовскія побѣды, то не могло быть исполнено переговорами, разсужденіями и убѣжденіями. Предполагалось расширить союзъ привлеченіемъ въ него Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ государствъ, но это не удалось. Предполагалось сдѣлать вторженіе въ Голландію, и это принято Россіей и Англіей; Суворовъ однако былъ противъ проекта и опасенія его впослѣдствіи оправдались. Предполагалось еще новое размѣщеніе союзныхъ войскъ по театрамъ войны; причемъ русскія войска перемѣщались изъ Италіи въ Швейцарію теперь же, а въ будущемъ году возлагалось на нихъ вторженіе во Францію. Съ цѣлесообразностью такого вторженія Суворовъ не соглашался, ибо по его мнѣнію пока республиканская армія не заявитъ себя за прежнее правительство, до тѣхъ поръ возстановленіе стараго режима неисполнимо. Не былъ онъ согласенъ и на немедленное перемѣщеніе русскихъ войскъ въ Швейцарію, такъ какъ требовалось еще мѣсяца два времени для упроченія сдѣланныхъ въ Италіи завоеваній, да и русскія войска не такъ снаряжены, чтобы вести горную войну отдѣльно отъ Австрійцевъ.

Много и другихъ невыгодныхъ сторонъ новаго плана указывалъ Суворовъ Австрійскому императору, но это не привело ни къ чему. Вѣнскій дворъ опасался или дѣлалъ видъ, что опасается, — за свои собственныя владѣнія, за Германію, за только-что завоеванную Италію, и взаимныя отношенія между нимъ и русскимъ полководцемъ становились все хуже. Еще раньше, тотчасъ послѣ побѣды при Нови, Суворовъ отправилъ къ Императору Павлу оригиналомъ полученное изъ Вѣны повелѣніе, дѣлавшее эту побѣду почти безцѣльною (см. главу 28). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ Ростопчину (около того времени

уже первоприсутствующій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и графъ), что не можетъ продолжать службы, «когда хотятъ операціями править за тысячи верстъ, не зная, что всякая минута на мѣстѣ заставляетъ оныя перемѣнять». Онъ жаловался, что его «дѣлаютъ экзекуторомъ какого-нибудь Дитрихштейна и Тюрпина» (члены гофкригсрата) и просилъ доложить Государю, что послѣ генуэзской операціи будетъ ходатайствовать о своемъ отозваніи формально. Черезъ два дня онъ писалъ Ростопчину снова, почти то же; говорилъ, что боленъ и изнуренъ духомъ и «что долженъ вскорѣ въ какомъ ни есть хуторѣ или гробѣ убѣжища искать».

Вѣнскія распоряженія о спѣшной перемѣнѣ театра войны подбавили горечи. «Сія сова, не съ ума ли сошла», пишетъ Суворовъ про Тугута: «или того никогда не имѣла?» Про эрцъ-герцога Карла онъ говоритъ: «эрцъ-герцогъ мнѣ безъ стыда относится, что ему только велѣно пещись о закрытіи наслѣдственныхъ земель, какъ будто земель только и есть!... Онъ близъ четверти года оставался въ унтеркунфтѣ подъ кровлею». Про австрійскихъ генераловъ, своихъ недоброжелателей, отзывается такъ: «найдетъ ли кто ихъ, чтобы не былъ мерсенеръ или бродфрессеръ? Всякій зависитъ отъ сателитовъ гофкригсрата и держится одинъ другого ихъ кабалами...; я съ недѣлю въ горячкѣ, хотя еще на ногахъ; давно всеподданнѣйше прошу объ отзывѣ: развалинъ храма Темиры зрѣть не могу». Императору Павлу Суворовъ откровенно излагаетъ и свою скорбь о минувшихъ непріятностяхъ, и свое недовѣріе къ будущему. Вмѣстѣ съ бѣглымъ критическимъ разборомъ минувшихъ операцій и будущаго плана, онъ посылаетъ другое донесеніе, прося у Государя прощенія, что въ скорби сердца упомянулъ объ увольненіи въ отечество. Онъ привыкъ переносить съ презрѣніемъ личныя обиды, «но когда наглостью и дерзновенностью союзнаго, облагодѣтельствованнаго кабинета оскорблялись нѣкоторымъ образомъ слава и достоинство монарха моего и побѣдоноснаго мнѣ ввѣреннаго его оружія,—тогда долгомъ поставлялъ я уклониться въ мирное жилище». Императоръ Павелъ былъ тѣхъ же мыслей объ австрійской политикѣ. Не могъ Русскій государь, даже и не съ темпераментомъ Павла Петровича, читать хладнокровно до-

несенія своего побѣдоноснаго полководца, гдѣ говорилось, что, несмотря на побѣды, поднявшія пригнетенный духъ Австрійцевъ, онъ, Суворовъ, получаетъ отъ Римскаго императора «токмо равнодушныя письма, наполненныя иногда выговорами, или же предписаніями — относиться въ такой отдаленности о всѣхъ военныхъ операціяхъ предварительно къ нему». Не могъ онъ не согласиться и со словами Суворова: «не понятны для меня Вѣнскаго двора поступки, когда единое мановеніе Вашего Императорскаго Величества — возвратить войска въ имперію Вашу — можетъ ниспровергнуть всѣ заносчивые его умыслы».

Вѣнскому двору впрочемъ не было никакого разсчета затрогивать «славу и достоинство Русскаго государя и его побѣдоноснаго оружія», потому что Россія представляла еще собою колодезь, изъ котораго Австріи приходилось пить. Но собственные свои интересы были для послѣдней такъ дороги, а близорукость руководителей ея политики такъ велика и средства къ достиженію цѣлей такъ неразборчивы, что подтасовка, благодаря Суворову, обнаружилась въ игрѣ раньше, чѣмъ было полезно для Австріи. Своекорыстные виды Вѣнскаго двора въ особенности скоро обнаружились по отношенію къ итальянскимъ владѣтелямъ, преимущественно къ Сардинскому королю. Мы уже знакомы съ этимъ предметомъ и видѣли, что распоряженія Суворова, измѣненныя или отмѣненныя Вѣнскимъ кабинетомъ, частью исходили прямо изъ повелѣній Императора Павла, частью принимались самимъ Суворовымъ, но совершенно соотвѣтствовали направленію политики Петербургскаго кабинета. Въ Вѣнѣ забили тревогу; полетѣли дипломатическія ноты въ Петербургъ; была пущена въ ходъ угроза, что въ случаѣ вызова Карла-Эмануила съ острова Сардиніи въ Пьемонтъ, австрійскія войска будутъ оттуда выведены въ Ломбардію. Тѣмъ временемъ Суворовъ послалъ Пьемонтскому королю приглашеніе — возвратиться въ свои владѣнія твердой земли и сообщилъ объ этомъ Разумовскому; но посолъ не посмѣлъ передать такой новости Тугуту, а сталъ умолять Суворова — отсрочить исполненіемъ опасной мѣры. Подоспѣло затѣмъ и рѣшеніе изъ Петербурга; устраняя поводъ къ размолвкѣ, Императоръ Павелъ уступилъ желанію союзника. Изъ Вѣны послано Суворову соотвѣтствующее пове-

лѣніе и поставлена ему на видъ его обязанность—безпрекословно исполнять повелѣнія Вѣнскаго кабинета.

Суворовъ попалъ въ положеніе щекотливое, однако сообщилъ Карлу-Эмануилу, что союзные дворы рѣшили отложить возвращеніе Его Величества въ Туринъ до болѣе благопріятнаго времени, когда Французы будутъ изгнаны изъ всей сѣверной Италіи. Между тѣмъ Карлъ-Эмануилъ, на основаніи прежняго рѣшенія Павла I, прислалъ къ Суворову своего намѣстника, графа Сентъ-Андре. Сентъ-Андре понялъ свое неловкое положеніе, старался сообразоваться во всемъ съ австрійскимъ уполномоченнымъ, но возобновилъ предположеніе о сборѣ пьемонтскихъ войскъ и милиціи. Суворовъ передалъ это на усмотрѣніе Вѣнскаго кабинета, но получилъ отрицательный и непріятный отвѣтъ. Кромѣ того ему сообщалось, что императоръ не соизволяетъ на принятіе имъ, Суворовымъ, званія фельдмаршала сардинскихъ войскъ, ибо пока австрійская армія занимаетъ Пьемонтъ, не можетъ быть настоящей сардинской арміи. Сардинскій же король тѣмъ временемъ готовился къ отъѣзду, такъ какъ, по затруднительности сообщеній острова Сардиніи съ материкомъ, не получилъ еще посланнаго ему приглашенія остаться, а герцогъ Аостскій уже прибылъ въ Ливорно и писалъ оттуда Суворову, что будетъ скоро «имѣть счастіе лично познакомиться съ освободителемъ Италіи». Суворову пришлось изворачиваться; онъ отклонилъ свиданіе съ герцогомъ Аостскимъ, пріѣхавшимъ въ Александрію; скрѣпя сердце, не дозволилъ ему переселиться въ помѣстье близъ Турина, указавъ на другое, болѣе уединенное мѣстопребываніе и до самаго своего отъѣзда изъ Италіи съ нимъ не видѣлся. Извѣщеніе короля Сардинскаго о предстоящемъ его возвращеніи было отослано въ Петербургъ; туда же пошло и прошеніе священной коллегіи кардиналовъ, правившей дѣлами Римской церкви, вмѣсто находившагося въ заключеніи папы. Отъ коллегіи являлась депутація и къ самому Суворову, но свиданіе это, въ виду вѣнской политики, не могло повести ни къ какому результату.

Такимъ образомъ, вся почти Италія обратилась за покровительствомъ къ Русскому Императору; къ нему же стремились надежды и многихъ другихъ второстепенныхъ государей евро-

пейскихъ, потому что французская революціонная пропаганда и алчные замыслы Австріи были для всѣхъ Сциллой и Харибдой, которыя одинаково грозили гибелью. Со своей стороны, Австрія хотя нуждалась еще въ союзѣ, но уже тяготилась присутствіемъ союзниковъ тамъ, гдѣ настало время пожинать плоды въ свою собственную пользу. Надо было во что бы то ни стало сбыть съ рукъ этого чужеземнаго побѣднаго вождя, этого неподатливаго человѣка, на вредоносное присутствіе котораго давно уже настойчиво указывали ревность и зависть. Нѣсколько игриво, но въ сущности вѣрно писалъ въ сентябрѣ Гриммъ графу С. Р. Воронцову: «если держаться одной газеты Вѣнскаго двора, Суворовъ командуетъ арміею невидимо, подобно тому, какъ Провидѣніе управляетъ землей, съ тѣмъ лишь различіемъ, что Провидѣнію иногда служили молебны, тогда какъ о Суворовѣ не упоминалось. Вы мнѣ разъяснили дѣло; я не зналъ, что главное начальствованіе принадлежало Тугуту и что Суворова взяли только для того, чтобы снабдить барона первымъ адъютантомъ. Надо сознаться, что генералиссимусъ Тугутъ выказалъ большое умѣнье въ выборѣ людей и что онъ напалъ на человѣка самаго покладистаго, способнаго вполнѣ подчиниться его дурацкимъ идеямъ».

Было бы конечно лучше, еслибы поворотъ во взглядахъ Русскаго государя на австрійскую политику произошелъ раньше. Но этому препятствовали дальность разстояній, настроеніе Павла I, извороты Вѣнскаго кабинета, Разумовскій. Государь былъ недоволенъ своимъ посланникомъ давно и еще въ мартѣ назначилъ ему помощникомъ по военной части Колычева, но Разумовскій ревниво отстранялъ его отъ дѣлъ. Неудовольствіе Государя и Суворова на него все росло и увеличивалось. Въ послѣднихъ числахъ іюля было выражено ему Государемъ негодованіе въ весьма категорической формѣ, съ изложеніемъ всѣхъ причинъ, и сказано: «я желалъ бы также, чтобы вы, при каждомъ сношеніи вашемъ съ барономъ Тугутомъ, помнили, что вы русскій и посланникъ мой въ Вѣнѣ по моимъ дѣламъ». Вслѣдъ затѣмъ получено было въ Петербургѣ первое прошеніе Суворова объ отставкѣ, препровождено къ Разумовскому и повелѣно испросить по этому поводу особую аудіенцію у Австрійскаго императора, которому объявить, что если Вѣнскій кабинетъ не измѣнитъ своего

поведенія относительно фельдмаршала, то послѣдній уполномоченъ собрать русскія войска въ одно мѣсто и дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Разумовскій, получивъ это повелѣніе, сообщилъ Суворову, что такъ какъ русскія войска съ нимъ, Суворовымъ, предположено нынѣ перевести въ Швейцарію, то угроза Государя уже теряетъ свое значеніе, а потому онъ, Разумовскій, рѣшился ее не передавать, въ интересѣ сохраненія союза, въ чемъ и надѣется получить одобреніе фельдмаршала. Суворовъ отвѣтилъ сухимъ письмомъ, въ которомъ изложилъ полное свое несогласіе съ мнѣніемъ посла, прибавивъ: «вообще гдѣ нѣкоторымъ образомъ оскорбляется слава оружія Его Величества, тамъ потребны твердость духа и большая настоятельность». Подѣйствовало ли на Разумовскаго это указаніе, или самъ онъ сообразилъ, что нарушаетъ долгъ службы, но только онъ испросилъ аудіенцію у Австрійскаго императора и передалъ ему все, что изъ Петербурга было приказано. Суворовъ однако уже объявилъ, что прекращаетъ свои сношенія съ Разумовскимъ, а будетъ во всемъ относиться къ Колычеву. Письмо его было конечно доложено Государю, до котораго приблизительно въ тоже время дошло и отвѣтное донесеніе Разумовскаго. Но Государь уже окончательно убѣдился въ непригодности Разумовскаго и замѣстилъ его въ скоромъ времени Колычевымъ.

Полное возстановленіе между союзниками прежняго согласія сдѣлалось теперь едва-ли возможнымъ также и вслѣдствіе настроенія Императора Павла. Первый признакъ недовѣрія къ Вѣнскому кабинету обнаружился въ Русскомъ государѣ раньше, чѣмъ явились къ тому поводы со стороны Суворова; послѣ того причины къ недовольству Вѣнскимъ дворомъ быстро умножились, такъ какъ Русскій государь, взявъ подъ свое покровительство курфирста Баварскаго и герцога Виртембергскаго, закрылъ Австрійскому правительству въ южной Германіи путь земельныхъ захватовъ, и оно старалось вознаградить себя въ Италіи. Въ этомъ заключается вся сущность дѣла; неудовольствія съ Суворовымъ не составляютъ собою причины самостоятельной; они выросли изъ того же корня, и Вѣнскій дворъ выдвинулъ ихъ на первый планъ лишь въ видѣ ширмы. Императоръ Павелъ уже сталъ догадываться, что Австрія ведетъ войну единственно изъ свое-

корыстныхъ разсчетовъ; сдѣлалось уже невозможнымъ отводить глаза дипломатической риторикой. Баронъ Тугутъ объяснилъ тогда Разумовскому, что Австрійское правительство разсчитываетъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ разграниченіи итальянскихъ государствъ, т.-е. присоединить къ Австріи часть владѣній Сардинскаго короля и отдѣлить извѣстную долю отъ Папской области, для вознагражденія другихъ итальянскихъ государей за требуемыя отъ нихъ уступки и для округленія австрійскихъ владѣній. Разумовскому сверхъ того дано замѣтить, что Русскій Императоръ можетъ и самъ сдѣлать при этомъ нѣкоторыя пріобрѣтенія, если дозволитъ Австріи свободно распорядиться въ Италіи; въ противномъ же случаѣ Австрія выйдетъ изъ союза.

Императоръ Павелъ не соблазнился предложеніями Тугута, а потребовалъ болѣе опредѣленныхъ объясненій. Затѣмъ прибавились новыя неудовольствія по разнымъ предметамъ, особенно вслѣдствіе продолжавшихся обидъ Суворову. Хотя императоръ Францъ отрицалъ основательность жалобъ, но переубѣдить Императора Павла не могъ, ибо истина выступала слишкомъ наглядно. Такъ 7 сентября послѣдовало высочайшее повелѣніе: «приготовить отвѣтъ римскому императору на его жалобы на Суворова, что поведеніе Суворова и приказанія, ему данныя его Государемъ, говорятъ за него». Непріятности тѣмъ временемъ продолжались, и одна изъ нихъ оказалась особенно оскорбительной. При отпускѣ французскихъ плѣнныхъ на обмѣнъ, Меласъ прислалъ къ нимъ письмо, совѣтуя не идти на Геную, во избѣжаніе грабительства и притѣсненій отъ русскихъ войскъ. Такой обиды Павелъ I не могъ перенести и потребовалъ отъ Вѣнскаго двора удовлетворенія «за дерзость и неподчиненность господина Меласа». Изъ Вѣны спросили объясненія у Меласа, онъ отвѣчалъ молчаніемъ.

Кромѣ того Вѣнскій кабинетъ совершилъ поступокъ, близко граничившій съ предательствомъ и имѣвшій роковыя для русскихъ войскъ послѣдствія въ осеннюю Швейцарскую кампанію. Для объясненія этого необходимо обратиться нѣсколько назадъ.

Когда русскія войска Римскаго-Корсакова стали подходить къ Швейцаріи, самъ Корсаковъ пріѣхалъ въ главную квартиру эрцъ-герцога Карла и узналъ отъ него съ изумленіемъ, что всѣ

австрійскія войска, до послѣдняго солдата, перейдутъ въ Германію и оставятъ въ Швейцаріи однихъ Русскихъ. Корсаковъ возражалъ, что это противорѣчитъ условленному плану кампаніи, что австрійскія войска должны были очистить Швейцарію отъ Французовъ до прихода Русскихъ, но этого не сдѣлали; что русская армія въ Швейцаріи со вспомогательными баварскими и швейцарскими войсками предполагалась въ 70,000 человѣкъ, а у него, Корсакова, имѣется меньше 30,000, съ которыми онъ, конечно, не въ состояніи держаться на протяженіи 200 верстъ противъ 70—80-тысячнаго непріятеля. Эрцъ-герцогъ согласился, послѣ нѣкотораго колебанія, замедлить выступленіемъ изъ Швейцаріи и перейдя рѣку Ааръ, двинуться въ тылъ непріятельской арміи. Предпріятіе это кончилось жалкимъ, почти комическимъ образомъ. Къ переправѣ сосредоточился главный корпусъ въ 37,000 Австрійцевъ и Русскихъ; въ ночь съ 5 на 6 августа стали наводить понтоны, но дно рѣки оказалось каменистымъ, а теченіе быстрымъ, и къ полудню на противуположномъ берегу сосредоточилось до 10,000 французскихъ войскъ. Попытка была брошена, хотя одинъ офицеръ англійской службы и брался навести понтоны, замѣнивъ якоря камнями.

Въ русскихъ войскахъ приняли эту слабую, нерѣшительную попытку за недостойную продѣлку, за пустую комедію, съигранную только для виду, такъ какъ Австрійцы стояли на этомъ мѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ и должны были знать существовавшія къ переправѣ препятствія. Суворовъ жестоко издѣвался. Въ одномъ письмѣ онъ писалъ: «бештимтзагеръ разумѣетъ, что нельзя перейти Ааръ въ мокрыхъ шинеляхъ..., далѣе унтеркунфтъ потребенъ». Въ другомъ говорилось; «генералъ-штабной поручикъ эрцъ-герцогу доноситъ, что по каменистому грунту сей рѣки, понтоновъ утвердить не можно; тотчасъ—гальтъ и назадъ. Князь Алексѣй Горчаковъ (находившійся въ корпусѣ Римскаго-Корсакова) какъ слышалъ: «передъ батальею при Вапріо или Кассано, Адда была несравненно въ берегахъ стремительнѣе и грунтъ каменистѣе»; отвѣтъ—такъ доноситъ поручикъ. Принцъ и всѣ—подъ унтеркунфтъ, вкупѣ и поручикъ: былъ сильный дождь».

Вслѣдъ затѣмъ, по усиленнымъ убѣжденіямъ англійскаго посланника Викгама, графа Толстого и Римскаго-Корсакова

эрцъ-герцогъ рѣшился сдѣлать еще одну, уже послѣднюю попытку къ изгнанію Французовъ изъ Швейцаріи. Но это предположеніе было прервано въ самомъ почти началѣ новымъ рѣшеніемъ эрцъ-герцога—немедленно выступить на Рейнъ, вслѣдствіе полученныхъ оттуда свѣжихъ извѣстій; причемъ онъ предоставлялъ Корсакову дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Корсаковъ пошелъ къ Цюриху и съ 18 августа началъ смѣну австрійскихъ войскъ русскими. Но безнадежность будущаго положенія Корсакова до того была ясна, что эрцъ-герцогъ оставилъ въ Швейцаріи еще генерала Готце съ 20 — 25.000 человѣкъ, для спеціально-австрійской надобности—прикрытія Граубиндена и Тироля.

Онъ уходилъ съ 36.000 человѣкъ на Рейнъ, гдѣ Французы вторгнулись въ Германію именно для того, чтобы отвлечь Австрійцевъ отъ Швейцаріи. Что же могло заставить Австрійцевъ поступать такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы соединившись съ Корсаковымъ, вытѣснить изъ Швейцаріи единственную неразстроенную французскую армію и затѣмъ угрожать Франціи? Главнымъ къ тому побужденіемъ Вѣнскаго двора слѣдуетъ признать его желаніе—распоряжаться безъ помѣхи въ Италіи и принять участіе въ добычѣ, которую обѣщала англо-русская экспедиція въ Голландію. Традиціонная привычка — получать военные успѣхи преимущественно съ помощью союзниковъ или чужихъ генераловъ въ австрійской службѣ, расширять свою територію не оружіемъ, а политикой и союзами,—придавала Вѣнскому кабинету увѣренность на искони извѣданномъ пути. Наконецъ, въ поспѣшности Австрійскаго правительства очистить Швейцарію, могла дѣйствовать и неумышленная ошибка, такъ какъ гофкригсрату, составленному изъ бездарностей и руководимому невѣждою въ военномъ дѣлѣ—Тугутомъ, не трудно было впасть въ комбинацію совершенно фальшивую.

Новое дѣйствующее лицо, появившееся теперь на театрѣ войны, генералъ-лейтенантъ Римскій-Корсаковъ, былъ человѣкъ не безъ достоинствъ, но заносчивъ, самонадѣянъ, надмененъ и гордъ; отличался упрямствомъ и своенравіемъ, ни во что ставилъ чужія мнѣнія и имѣлъ о себѣ самомъ очень высокое понятіе. Онъ не съумѣлъ завести въ своемъ штабѣ какое-нибудь подобіе порядка и никому изъ приближенныхъ лицъ не оказы-

валъ довѣрія, а между тѣмъ не расположенъ былъ самъ все дѣлать; беззаботность и безпечность возведены были имъ въ административный принципъ, и во всѣхъ частяхъ корпуснаго управленія царилъ полнѣйшій хаосъ. Съ перваго появленія на театрѣ войны, начались у Римскаго-Корсакова споры и столкновенія съ австрійскими генералами и неудовольствія съ эрцъ-герцогомъ. Выказанная Австрійцами двуличность, ихъ зависть и стремленіе къ подвохамъ, разумѣется не сгладили недостатковъ Корсакова, а только усилили его недовѣрчивость, вселивъ въ него справедливыя опасенія. Онъ не сдерживалъ себя, его капризамъ и своенравію не было конца, и наконецъ до того надоѣлъ эрцъ-герцогу, что желаніе избавиться отъ такого человѣка могло сдѣлаться одною изъ побудительныхъ причинъ къ выступленію Австрійскаго принца изъ Швейцаріи.

Это выступленіе было роковымъ для коалиціи. Мѣра терпѣнія Русскаго Императора истощилась. Онъ приказалъ объявить австрійскому посланнику Кобенцелю, что поступки Вѣнскаго кабинета принудятъ его совсѣмъ разорвать союзъ; однако, дорожа своей любимой мыслью о спасеніи Европы, «все равно отъ Французовъ или отъ Цесарцевъ», и опасаясь сепаратнаго мира между Австріей и Франціей, Павелъ I пріостановился исполненіемъ угрозы. Лондонскій кабинетъ тоже нашелъ необходимымъ вмѣшаться въ дѣло, ибо Тугутъ недавно увѣрялъ лично англійскаго посланника, что Австрійцы выступятъ изъ Швейцаріи не иначе, какъ по занятіи ихъ позицій равными силами Русскихъ. Но Тугутъ, самъ изъявившій желаніе — словесно объясниться съ англійскимъ повѣреннымъ при союзныхъ арміяхъ, лордомъ Мюльгравомъ, отрекся отъ своихъ предложеній и отказался имѣть съ нимъ свиданіе, такъ что англійское министерство дало предписаніе своему посланнику въ Вѣнѣ, лорду Минто, откланяться и выѣхать изъ Вѣны, если Тугутъ будетъ упорствовать въ своемъ отказѣ.

Руководитель австрійской политики, начинавшій путаться въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ, усилилъ систему ухищреній и происковъ. Между прочимъ онъ далъ порученіе—укротить гнѣвъ Павла I—первому своему клеврету, графу Дитрихштейну, который отправлялся въ Петербургъ въ огромной и блестящей свитѣ

эрцъ-герцога палатина, жениха великой княжны Александры Павловны. Но это нисколько не помогло. Еще до прибытія въ Петербургъ свадебнаго поѣзда, Государь отправилъ 7 сентября повелѣніе Суворову съ полномочіями на всѣ могущіе произойти случаи; поручалось сохраненіе чести и достоинства Государя и славы русскаго оружія; признавалось нужнымъ, по овладѣніи остальными крѣпостями въ Италіи, соединить всѣ русскія войска въ Швейцаріи, по прежде сообщенному плану, и разрѣшалось дѣйствовать оттуда—*куда и какъ заблагоразсудитъ*. Если Вѣнскій кабинетъ приступитъ къ сепаратному миру съ Франціей, то Суворовъ уполномочивался: или оставшись въ Швейцаріи, продолжать войну своими силами, или возвратиться съ арміею въ Россію, предоставивъ вѣроломныхъ союзниковъ суду Божію. Въ заключеніе говорилось: «мужайтесь, князь Александръ Васильевичъ, и идите на труды, аки на побѣды; живите съ Богомъ и со славою».

Нѣсколько дней позже сообщено въ Вѣну, что Государь, оставаясь вѣрнымъ своимъ цѣлямъ, рѣшается совершенно отдѣлить свои войска отъ австрійскихъ, съ тѣмъ, чтобы они дѣйствовали подъ начальствомъ Суворова въ Швейцаріи независимо. Въ концѣ рескрипта прибавлено: «весьма желаю, чтобы императоръ Римскій одинъ торжествовалъ надъ своими врагами или чтобы онъ снова убѣдился въ той истинѣ, столь простой и осьмилѣтнимъ опытомъ доказанной, что для низложенія врага, бывшаго уже разъ у самыхъ воротъ Вѣны, необходимы между союзниками единодушіе, правдивость и въ особенности искренность». Въ тотъ же день, 16 сентября, графъ Ростопчинъ написалъ Суворову: «Государю угодно было бы, чтобы вы, по выходѣ изъ Италіи, попросили абшида отъ Римскаго императора; зачѣмъ вамъ носить мундиръ столь несправедливаго противъ васъ государя»?

Но Государь, заботясь о сосредоточеніи русскихъ войскъ въ Швейцаріи, о планѣ ихъ дѣйствій и другихъ крупныхъ вопросахъ осенней кампаніи, не вполнѣ себѣ уяснилъ опасность ближайшую,—которой подвергался Римскій-Корсаковъ. Донесенія Суворова открыли ему глаза, и Павелъ I сталъ сильно безпокоиться за судьбу русскаго корпуса. Онъ еще раньше далъ

повелѣніе, чтобы Корсаковъ не предпринималъ никакихъ важныхъ дѣйствій безъ разрѣшенія Суворова, а теперь поручилъ послѣднему полное распоряженіе корпусомъ въ Швейцаріи и указалъ поспѣшить соединеніемъ съ нимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ до такой уже степени не довѣрялъ своему союзнику, что на случай вторженія Суворова во Францію, предостерегалъ его отъ «двухъ задвижекъ», разумѣя австрійскія арміи эрцъ-герцога Карла и Меласа. Допуская также возможность отдѣльнаго мира между Австріей и Франціей, онъ обдумывалъ мѣры къ защитѣ предѣловъ своей Имперіи, писалъ Суворову о сохранномъ возвращеніи войскъ въ Россію и предназначалъ его для командованія всей вооруженной силой на западной границѣ Имперіи.

Велико было довѣріе Государя къ Суворову въ это время. Подозрительный, недовѣрчивый, склонный къ ограниченію всякой власти, кромѣ своей собственной, Павелъ I давалъ однакоже своему полководцу обширнѣйшія, безграничныя полномочія. Точно также онъ поступалъ, сообщая Суворову свои наставленія, или вѣрнѣе сказать, мысли на разные случаи; онъ какъ будто боялся сказать что-нибудь лишнее, связать подданнаго обязательностью указаній государя. Въ подобныхъ рескриптахъ Павелъ I постоянно дѣлаетъ оговорки, предоставляющія Суворову полную волю—принять или не принимать указаніе; употребляетъ слова «совѣтую», «на ваше усмотрѣніе» и другія подобныя. Въ одномъ изъ рескриптовъ онъ выражается даже такъ: «сіе предлагаю, прося простить меня въ томъ и возлагая на васъ самихъ избрать — что дѣлать;... вѣрьте, что я знаю цѣну вамъ». Такое отношеніе Павла къ Суворову, порожденное обстоятельствами, дѣйствительно было единственно-возможнымъ путемъ; подробныя обязательныя инструкціи оказались бы неисполнимыми или гибельными.

Выступленіе Суворова въ Швейцарію съ одними русскими войсками, при обстоятельствахъ самыхъ неблагопріятныхъ, сдѣлалось такимъ образомъ неотвратимымъ. Надо было торопиться, но въ срокѣ капитуляціи Тортонской цитадели заключалось препятствіе; Суворовъ остался выжидать, съ тѣмъ, чтобы потомъ наверстать быстротою похода. Однако такое выжиданіе было крайне томительно въ виду тревожнаго будущаго, а потому онъ

рѣшился положиться на авось, тронувшись въ путь хоть нѣсколькими днями прежде срока. Выступленіе началось 28 августа, рано утромъ; но въ тотъ же день къ вечеру получено извѣстіе, что непріятель тремя сильными колоннами показался изъ горъ для освобожденія Тортоны, а потому Суворовъ приказалъ войскамъ возвратиться. Августа 30 Моро, не зная еще о возвращеніи русскихъ войскъ, предпринялъ вторую попытку къ освобожденію Тортоны; но удостовѣрившись собственными глазами въ присутствіи корпуса Розенберга, отступилъ. Въ тотъ же день австрійскія войска заняли, по условію капитуляціи, караулы у цитадельныхъ воротъ, и на завтра французскій гарнизонъ, въ числѣ почти 1,100 человѣкъ, вышелъ изъ крѣпости, оставивъ 75 орудій, большое число ружей, пороху и другихъ запасовъ. Въ 7 часовъ утра русскія войска снова выступили въ путь по направленію къ Швейцаріи.

Поступокъ Суворова заслуживаетъ вниманія. Австрійскія войска уже были сданы Меласу, который оставался въ Италіи самостоятельнымъ главнокомандующимъ, и всякое промедленіе въ движеніи русскихъ корпусовъ, могло нанести вредъ имъ самимъ на новомъ театрѣ войны. Несмотря на это, Суворовъ счелъ долгомъ выполнить свою обязанность до конца, хотя гофкригсратъ и эрцъ-герцогъ Карлъ поступили съ нимъ самимъ совсѣмъ иначе. Очевидно на чьей сторонѣ союза находилась честность.

Русскія войска слѣдовали къ Сенъ-Готару. Тяжести ихъ направились кружнымъ путемъ черезъ Верону, Тироль, Форарльбергъ и по сѣверному берегу Боденскаго озера, а полевая артиллерія по озеру Комо, черезъ Кіавенну, въ долину Энгадинъ и затѣмъ черезъ Ландекъ и Блуденцъ въ Фельдкирхъ. Нетолько полевыя, но и полковыя орудія шли въ этой колоннѣ; взамѣнъ ихъ Русскіе должны были получить 25 горныхъ пушекъ, и къ дѣйствію изъ этой новой артиллеріи приказано было пріучить прислугу. Войска были облегчены до послѣдней возможности. Въ продолженіе Итальянской кампаніи они имѣли при себѣ гораздо меньше обозовъ, чѣмъ въ предшествовавшія войны съ Поляками и Турками; но, по замѣчаніямъ иностранныхъ писателей, были все-таки слишкомъ обременены тяжестями. Давняя

привычка и злоупотребленія поощряли офицеровъ и солдатъ прибѣгать къ разнымъ изворотамъ, чтобы обойти распоряженіе. Напримѣръ, было строжайше запрещено офицерскимъ женамъ слѣдовать за арміей; несмотря на то, многія дамы переодѣвались въ мужское платье и не разставались съ мужьями, прячась отъ Суворова. Одинъ изъ участниковъ итальянской кампаніи наивно проговаривается, что привелъ съ собою изъ Россіи борзыхъ собакъ. Теперь все, что требовало перевозочныхъ средствъ, было послано въ дальнюю отдѣльную колонну; при корпусахъ не оставалось никакихъ тяжестей, кромѣ вьюковъ. Многіе офицеры даже вьюковъ не имѣли, ни верховыхъ лошадей, а шли пѣшкомъ со скатанною шинелью черезъ плечо и несли на себѣ узелъ съ провизіей. Войска двигались весьма быстро, распоряженія отличались точностью, порядокъ соблюдался образцовый. Выступали въ 2 часа утра, въ 10 часовъ солдатъ находилъ на привалѣ готовую кашу, подкрѣплялъ силы, раздѣвался и спалъ нѣсколько часовъ. Въ 4 часа, когда полуденный зной начиналъ спадать, выступали въ походъ снова, шли часовъ шесть и приходя около 10 часовъ на ночлегъ, находили готовый ужинъ.

Австрійцы разставались съ Суворовымъ не безъ тайной боязни за будущее, а жители, противники французскаго режима и Французовъ, съ сожалѣніемъ и печалью. Августа 27, наканунѣ перваго своего выступленія, Суворовъ отдалъ по арміи прощальный приказъ. Онъ благодарилъ генераловъ за усердіе и дѣятельность, за стараніе исполнять волю государя, за благоразуміе и храбрость; офицеровъ за примѣрную храбрость и сохраненіе совершеннаго порядка и дисциплины; нижнихъ чиновъ за неизмѣнное мужество, храбрость и непоколебимость. Онъ удостовѣрялъ армію въ своемъ неограниченномъ къ ней уваженіи, не находя словъ, чтобы выразить на-сколько ею доволенъ и съ какимъ сожалѣніемъ съ нею разстается. «Никогда не забуду храбрыхъ Австрійцевъ», говорилось въ концѣ приказа: «которые почтили меня своею довѣренностью и любовью; воиновъ побѣдоносныхъ, сдѣлавшихъ и меня побѣдителемъ». Въ тотъ же день австрійскіе генералы и лица главной квартиры откланивались Суворову. Въ эту минуту все старое-худое было забыто, тѣмъ болѣе, что и шло оно преимущественно не отъ подчинен-

ныхъ, а изъ Вѣны; Суворовъ не могъ подавить своего смущенія, своей грусти и, обнимаясь съ Меласомъ, прослезился.

Не слѣдуетъ смотрѣть на это прощаніе съ одной офиціальной стороны и сомнѣваться въ искренности обнаруженныхъ Суворовымъ чувствъ и высказанныхъ имъ словъ. Онъ былъ дѣйствительно доволенъ австрійскими войсками; частные случаи противоположнаго свойства не могутъ служить этому опроверженіемъ. Въ письмахъ его къ разнымъ лицамъ мы не разъ встрѣчаемъ признаніе, что Австрійцы служатъ и дерутся хорошо, что они опытны въ пріемахъ войны въ тамошнихъ мѣстахъ и т. под. Къ гр. Воронцову, въ Лондонъ, Суворовъ писалъ, даже послѣ швейцарскаго похода: «на австрійскія войска я не имѣю причины жаловаться». Въ боевомъ отношеніи особенно хороши были ихъ драгуны; артиллерія стояла выше русской; внутреннее устройство хозяйственной части въ войскахъ и управленіе ею, госпитальная часть, генеральный штабъ,—далеко оставляли за собой русскіе. Замѣчались и недостатки; самымъ крупнымъ изъ нихъ были злоупотребленія по провіантской части, хотя организована она была довольно хорошо. Въ боевомъ отношеніи русскія войска должны были конечно больше удовлетворять Суворовскимъ требованіямъ; особенно пѣхота, которая, по отзыву одного иностраннаго писателя, стояла «неизмѣримо выше австрійской». Этому можно повѣрить, въ виду Суворовской школы, имѣвшей своимъ предметомъ больше всего пѣхоту.

Будучи доволенъ войсками союзными и въ особенности своими («наши—нельзя лучше»), Суворовъ положилъ однако много труда, чтобы ввести между тѣми и другими единство и гармонію, чтобы возбуждать соревнованіе, не распаляя зависти и питать благородное соперничество, устраняя антагонизмъ. Не давая въ перепискѣ своей пощады Тугутовымъ сателитамъ и приспѣшникамъ и, при случаѣ, издѣваясь надъ австрійской боевой неумѣлостью, Суворовъ однако отличался замѣчательнымъ тактомъ въ отношеніяхъ своихъ къ войскамъ и ихъ начальникамъ, какъ главнокомандующему подобало и постоянно проводилъ между Австрійцами и Русскими примиряющее начало. Нерѣдко являлись къ нему русскіе и австрійскіе генералы съ жалобами и претензіями другъ на друга, но Суворову всегда почти

удавалось уладить несогласіе, не пуская его вглубь. Неожиданное острое слово, шутливый разсказъ о постороннемъ предметѣ, даже гримасы или забавные скачки,—вотъ средства, къ какимъ онъ прибѣгалъ, чтобы развеселить и успокоить недовольныхъ. Когда это не могло пособить, приходилось прибѣгать къ убѣжденіямъ, уговариваніямъ, не прикасаясь къ чувствительной струнѣ, не трогая больного мѣста. Даже на самомъ верху арміи приходилось улаживать подобныя столкновенія, напримѣръ между Меласомъ и Розенбергомъ. Изъ одной диктованной Суворовымъ записки видно, что между этими двумя лицами существовало «ревнованіе зависти: я сдѣлалъ, я сдѣлалъ; я хорошъ, тотъ худъ; я билъ, не онъ; его били, я поправилъ: а все то въ полной дружбѣ». Суворовъ говоритъ въ запискѣ, что «эти термины подлы.... (служатъ) для эгоизма и для собственныхъ мелкихъ интересовъ или только для ребячьяго и трактирнаго хвастовства». Положимъ такъ, но тѣмъ труднѣе была эта непрерывная миротворная миссія для Суворова, при его характерѣ и темпераментѣ, и если въ союзной арміи не происходило крупныхъ раздоровъ, не проявлялось въ Италіи постояннаго рѣзкаго антагонизма, то этимъ она была обязана больше всего своему главнокомандующему.

Оставляя Италію, Суворовъ несъ въ своемъ сердцѣ чувство свято исполненнаго долга и спокойной совѣсти; къ этому чувству хотя и примѣшивалось сознаніе неудовлетворительности военнаго результата, но не онъ, Суворовъ, былъ тому виною. Это соображеніе впрочемъ не могло его избавить отъ горечи при воспоминаніи о прошломъ и отъ нѣкоторой тревоги при ожиданіи будущаго. Опасеніе за будущее волновало и Императора Павла, но и въ немъ, и въ другихъ подобныхъ опасенія, такъ сказать, разбавлялись надеждою на военныя дарованія Суворова. Письмо къ нему графа С. Воронцова изъ Лондона можетъ быть въ этомъ отношеніи названо выразителемъ общаго русскаго мнѣнія того времени, да и не одного русскаго. Воронцовъ писалъ, что личное присутствіе Суворова въ Швейцаріи служитъ утѣшеніемъ и ручательствомъ за будущіе успѣхи; что особа русскаго главнокомандующаго стоитъ цѣлой арміи, особенно когда онъ будетъ дѣйствовать свободно, не спрашиваясь Вѣны; что въ Швейцаріи

не будетъ уже ни интригъ презрѣннаго Тугута, ни зависти австрійскихъ генераловъ, которые, будучи постоянно биты, нынѣ, благодаря Суворовской кампаніи въ Италіи, пребываютъ въ изумленіи, что могутъ вести войну уже не пятясь назадъ.

Въ Суворовѣ дѣйствительно заключалась надежда на добрый исходъ Швейцарской кампаніи, но онъ самъ, отнюдь не считая дѣло потеряннымъ, признавалъ его однакоже очень труднымъ и даже сомнительнымъ. Злѣе прежняго сдѣлались его сарказмы. Тугута онъ называетъ совой, подъячимъ, потерявшимъ Нидерланды, Швейцарію и Италію, систему его—глупою; про эрцъ-герцога Карла говоритъ, что онъ «опочивалъ больше трехъ мѣсяцевъ по указу»; про себя упоминаетъ: «меня не будетъ, не будетъ ни одного, кто противу Тугута правду скажетъ». Государю онъ пишетъ, что исполняя высочайшую волю, онъ ведетъ храброе русское войско на новыя поля сраженій, гдѣ или поразитъ врага, или умретъ со славою за отечество и государя. Къ Хвостову онъ обращается со словами, болѣе откровенными: «не ручаюсь, какъ пройду чрезъ горло сильнаго непріятеля»; гр. С. Воронцову пишетъ: «хотя въ свѣтѣ ничего не боюсь, скажу—въ опасности отъ перевѣса Массены мало пособятъ мои войска отсюда, и поздно»; еще позже кладетъ замѣтку: «Массена не будетъ насъ ожидать и устремится на Корсакова, потомъ на Конде». Существуютъ и другія свидѣтельства, что Суворова озабочивала будущая кампанія. Въ немъ конечно не замѣчается унынія, но довольно и того, что сложившіяся обстоятельства заставили его пытливо заглядывать впередъ, допуская возможность дурного исхода. Уже и это состояніе было для него ненормальнымъ, и озабоченность выказывалась въ немъ помимо его желанія. Князь Андрей Горчаковъ пишетъ Хвостову, что Суворовъ очень слабъ и едва ходитъ, а причиной тому безпрестанныя заботы. Старые солдаты, знакомые съ Суворовымъ издавна, и тѣ замѣчали, что онъ погруженъ въ глубокую думу и находили даже перемѣну въ выраженіи его лица. Да и не естественно было бы въ настоящемъ случаѣ съ его стороны равнодушіе, или безпечность, или неразумный оптимизмъ, вообще надежда на одно счастье. Суворовъ хотя привыкъ къ своему счастью и сжился съ нимъ, но отношеніе его къ этому счастью было всегда активное. Много

лѣтъ назадъ онъ говорилъ Потемкину, что «повелѣвалъ» счастьемъ; слова эти требовали, особенно въ настоящее время, приложенія къ дѣлу; теперь больше, чѣмъ когда-либо, нужно было завладѣть счастьемъ и не подчиняться обстоятельствамъ, а править ими. Оттого на Суворова и легла дума, и въ одномъ изъ писемъ къ Ростопчину онъ высказалъ косвеннымъ образомъ программу своихъ настоящихъ и будущихъ дѣйствій: «геройство побѣждаетъ храбрость, терпѣніе—скорость, разсудокъ—умъ, трудъ—лѣнь, исторія—газеты».

Дѣйствительно, положеніе дѣлъ было серьезное; смутно ли, ясно ли, но это разумѣли всѣ, и потому понятны полныя негодованія слова Гримма, нѣсколько позже высказанныя имъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову: «я не знаю, чѣмъ все это кончится, что съ нами будетъ; но я спрашиваю:—сколько Французская директорія платитъ за все это и кому именно?»

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Швейцарская кампанія: С. Готаръ, Чортовъ мостъ

1799.

При выступленіи Суворова изъ Италіи, въ Швейцаріи со стороны союзниковъ находились корпуса Римскаго-Корсакова въ 24,000 человѣкъ и (временно, до прибытія Суворова) Готце въ 22,000; кромѣ того оставалось за Рейномъ изъ корпуса Корсакова 3,000, да ожидались принцъ Конде съ 5,000 и Суворовъ съ 21,000 человѣкъ; у Массены же состояло больше 84,000.

Это неравенство силъ, которое сдѣлалось бы разительнымъ, если бы Готце оставилъ Швейцарію, усугублялось къ невыгодѣ союзниковъ дурнымъ расположеніемъ ихъ войскъ, раздробленныхъ и разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ. Армія Массены тоже была растянута, но она, во-первыхъ, была сильнѣе, а во-вторыхъ болѣе сосредоточена на важнѣйшей части позиціи. Вдобавокъ ко всему планъ дѣйствій, принятый Суворовымъ, былъ неудаченъ.

Изъ разныхъ путей, представлявшихся ему на выборъ, два были выгоднѣе другихъ: одинъ чрезъ Кіавенну и гору Сплюгенъ, другой чрезъ Белинцону и гору Бернардину. Эти пути находились вдали отъ непріятеля, были поэтому болѣе безопасны и удобны для соединенія русскихъ войскъ съ австрійскими корпусами и отрядами; не требовали отъ Суворова особыхъ при-

готовленій къ походу и лишняго времени, не требовали и наступательныхъ предпріятій со стороны Корсакова и Готце для успѣха марша. Но Суворовъ предпочелъ третій путь—чрезъ Белинцону и С.-Готаръ въ верховья р. Рейсы, а затѣмъ долиною этой рѣки и берегами Люцернскаго озера къ Люцерну. Австрійскіе отряды должны были содѣйствовать ему сосредоточеніемъ своимъ съ разныхъ точекъ обширнаго полукружія къ центру, а Римскій-Корсаковъ атаковать непріятеля на р. Лиматѣ.

Планъ былъ сложенъ и ошибоченъ. Разобщенное движеніе отдѣльныхъ колоннъ было трудно-исполнимо и опасно; непріятель принимался въ разсчетъ бездѣйствующій, апатичный, Массена же былъ вовсе не таковъ; въ планѣ находились двѣ дороги несуществовавшія; соображеніе о снабженіи войскъ провіантомъ отличалось натянутостью и фальшью. Суворовъ принялъ этотъ несостоятельный по своей искусственности планъ потому, что предпочиталъ (теперь какъ и всегда) кратчайшій путь кружному, разсчитывалъ произвести ударъ и выйти французской арміи во флангъ и въ тылъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ однако ошибался, принимая длинное за короткое и сложное за простое. Одни историки обвиняютъ въ томъ его самого, другіе (большинство) Австрійцевъ [45]).

Австрійцы вели войну въ Швейцаріи давно и должны были знать страну не хуже Французовъ. Суворовъ не имѣлъ о ней такого обстоятельнаго понятія, чтобы могъ составить самъ планъ операцій. Поэтому онъ, какъ мы видѣли, протестовалъ противъ веденія войны въ Швейцаріи одними русскими войсками, безъ содѣйствія австрійскихъ, и на этомъ же основаніи потребовалъ себѣ офицеровъ австрійскаго генеральнаго штаба. Ихъ было 9 человѣкъ съ подполковникомъ Вейротеромъ во главѣ, который и раньше, во время Итальянской кампаніи, находился при штабѣ Суворова. Тотъ же Вейротеръ былъ вліятельнымъ лицомъ при прежнихъ командовавшихъ австрійскими арміями въ Италіи, генералахъ Альвинци и Вурмзерѣ, и продолжалъ быть главнымъ стратегическимъ проекторомъ и воротилой въ первые годы нынѣшняго столѣтія, чѣмъ и пріобрѣлъ большую, но унылую извѣстность. Онъ составлялъ во время швейцарскаго похода Суворова всѣ предположенія и диспозиціи и велъ военную переписку фельд-

маршала; не можетъ быть сомнѣнія, что ему же главнымъ образомъ принадлежитъ и планъ кампаніи. Хотя Вейротеръ принадлежалъ больше, чѣмъ кто-либо, къ категоріи военныхъ людей, которыхъ Суворовъ называлъ «проектными унтеркунфтерами» и надъ которыми постоянно подсмѣивался, но это нисколько не мѣшало русскому полководцу пользоваться и даже дорожить ихъ услугами и содѣйствіемъ, такъ какъ онъ встрѣчалъ въ нихъ то, чего въ русскихъ не было — знаніе, особенно когда дѣло шло о такомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, какъ Швейцарія.

Существуетъ вѣское свидѣтельство одного изъ участниковъ похода, что Русскіе давали предпочтеніе пути на Сплюгенъ, Куръ и Саргансъ, но Австрійцы изъявили сомнѣніе въ достоинствахъ такого выбора и предложили планъ движенія чрезъ С.-Готаръ въ долину Рейсы. Русскіе, не зная мѣстныхъ условій въ подробности, не могли оспаривать австрійское предложеніе и должны были согласиться. Римскій-Корсаковъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что впослѣдствіи Суворовъ самъ признавался въ ошибочности принятаго плана, объясняя, что былъ введенъ въ заблужденіе союзниками и что вся диспозиція была составлена однимъ изъ австрійскихъ офицеровъ его штаба. Кромѣ того, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ эрцъ-герцогу Карлу послѣ Швейцарской кампаніи, онъ выражается, что принялъ предложенный ему планъ «больше по довѣрію, чѣмъ по убѣжденію». Нѣкоторые прямо указываютъ на Вейротера, какъ на автора проекта, говоря, что Суворовъ имѣлъ къ нему большое довѣріе и потому одобрилъ сущность плана, приказавъ въ немъ сдѣлать лишь нѣкоторыя измѣненія. Указывается и на эти измѣненія; они состояли въ исключеніи изъ диспозиціи мѣръ на случай отступленія, а также въ отказѣ отъ учрежденія комуникаціонной линіи съ тыломъ, въ видѣ цѣпи отрядовъ. Историкъ свидѣтельствуетъ при этомъ, будто Суворовъ объяснилъ Вейротеру, что Русскіе не знаютъ ни горной страны, ни постовой войны; что въ мелкихъ отрядахъ они легко могутъ быть обойдены, отрѣзаны и т. п.; что такимъ образомъ комуникація съ тыломъ будетъ уничтожена, а главный дѣйствующій корпусъ безъ всякой надобности ослабленъ; что русскія войска, скученныя вокругъ него, Суворова, представляютъ самую лучшую и надежную силу, съ которою онъ можетъ отвѣ-

чать за все. Трудно провѣрить документально приводимое свидѣтельство, но нельзя не замѣтить, что приписываемыя Суворову слова, значительною долею подтверждаются ходомъ кампаніи. Кромѣ того, они подкрѣпляются косвенно другимъ лицомъ, которое разсказываетъ, что когда Суворову кто-то замѣтилъ во время кампаніи, что тылъ его совсѣмъ не обезпеченъ, то онъ отвѣчалъ «у насъ, Русскихъ, нѣтъ тыла».

Суворову конечно и на мысль не приходили тѣ ужасныя препятствія, которыя онъ потомъ встрѣтилъ на избранномъ пути, и это служитъ только къ усугубленію вины экспертовъ-совѣтодателей. Коварства, злого умысла тутъ допустить нельзя, потому что неудача Суворова и русскихъ войскъ хотя могла пріятно пощекотать злорадство завистливаго и неблагодарнаго союзника, за то наносила собственнымъ его планамъ и интересамъ прямой ущербъ. Но все-таки самъ собою возникаетъ назойливый вопросъ: неужели Австрійцы до такой степени были незнакомы съ театромъ предстоявшей кампаніи, что направили Суворова безсознательно на самое худшее рѣшеніе? Какъ ни странно подобное невѣдѣніе, но приходится его признать за фактъ. Въ защиту ихъ можетъ быть развѣ приведено, что въ Суворовскомъ планѣ упоминается про «весьма дурныя горныя дороги» въ долинѣ верхней Рейсы; что въ донесеніи Готце говорится вскользь о движеніи Ауфенберга чрезъ Альторфъ въ кантонъ Швицъ «по пѣшеходной тропинкѣ»; что, наконецъ, у Суворова были свои понятія о качествѣ дорогъ и возможности движенія по нимъ. Однако сущность дѣла заключалась не въ условномъ различіи взглядовъ. Какимъ образомъ введено въ операціонный планъ береговое движеніе по Люцернскому озеру, когда тамъ сообщеніе производилось исключительно водою? Какимъ образомъ могло проскочить въ диспозиціи выраженіе: «колонна выступаетъ изъ Альторфа до Швица и идетъ тотъ же вечеръ 14 миль далѣе», когда тутъ «далѣе» дороги вовсе не существовало? Причиною тому могла быть или высшая степень небрежности, или полное незнаніе. Еще удивительнѣе, что на невозможность обогнуть сухопутно Люцернское озеро не указали ни Готце, ни Штраухъ, у которыхъ Суворовъ просилъ указаній преимущественно на «мѣстныя затрудненія и способы края».

Вообще на всемъ этомъ лежитъ печать какого-то рока; зоркій Суворовъ, въ силу обстоятельствъ, слишкомъ много положился на другихъ. И если все, изложенное выше, не можетъ служить ему оправданіемъ, то по крайней мѣрѣ объясняетъ путь, которымъ онъ былъ приведенъ къ неожиданной развязкѣ. Путь этотъ длиненъ; его открываетъ эрцъ-герцогъ Карлъ несвоевременнымъ выступленіемъ за Рейнъ, и онъ не завершается еще составленіемъ ошибочнаго плана дѣйствій. Принятый планъ, при всей своей неудовлетворительности, не приводилъ еще къ бѣдственному результату, если бы былъ выполненъ безъ потери времени; но и тутъ Суворову суждено было потерпѣть неудачу.

Еще въ то время, когда Русскіе выступали изъ-подъ Тортоны, Суворовъ просилъ у Меласа для горнаго похода муловъ. Меласъ далъ ихъ только подъ горную артиллерію, а въ остальныхъ отказалъ, удостовѣривъ, что мулы будутъ ожидать въ Белинцонѣ прихода Русскихъ. Суворовъ прибылъ 4 числа въ Таверну, но муловъ, вмѣсто ожидаемыхъ 1430, не оказалось ни одного. Суворовъ былъ въ крайнемъ негодованіи и сталъ придумывать средства къ выходу изъ своего положенія. Великій князь посовѣтовалъ употребить подъ вьюки казачьихъ лошадей, такъ какъ въ Швейцаріи большое число конницы было бы въ тягость, и спѣшенные казаки представлялись болѣе полезными, чѣмъ конные. Хотя степныя казачьи лошади по качествамъ своимъ далеко не подходятъ къ муламъ и въ горной войнѣ ихъ замѣнить не въ состояніи, но въ настоящемъ случаѣ выбирать было не изъ чего, и Суворовъ принялъ совѣтъ великаго князя. Стали приготовлять на скорую руку подобіе вьючныхъ сѣделъ и собирать по окрестностямъ мѣшки, ибо австрійское провіантское вѣдомство не заготовило ровно ничего. Сначала предположено было употребить подъ вьюки 2500 казачьихъ лошадей и заготовить 5000 мѣшковъ, но для сокращенія задержки ограничились 1500 лошадей и 3000 мѣшковъ. Суворовъ писалъ Меласу, доносилъ въ Вѣну, въ Петербургъ. Императору Францу онъ донесъ, что сдѣлалъ 8-дневный походъ въ 6 дней совершенно по-напрасну и что «рѣшительныя выгоды быстроты и стремительности нападенія потеряны для предстоящихъ важныхъ дѣйствій». Импе-

ратору Павлу онъ писалъ, что время проходитъ, а Австрійцы только обманываютъ «двусмысленными постыдными обнадеживаніями» и что положеніе его корпусовъ можетъ «сдѣлаться весьма опаснымъ». Ростопчину сообщалось, что «пришли въ Белинцону, но нѣтъ лошаковъ, нѣтъ лошадей, а есть Тугутъ, и горы, и пропасти»; говорилось, что «Тугутъ вездѣ, а Готце нигдѣ».

Меласъ извинялся, оправдывался, сваливалъ всю вину на одного провіантмейстера, обѣщалъ съ него взыскать, просилъ къ себѣ снисхожденія, увѣрялъ въ своемъ уваженіи и преданности. Тѣмъ временемъ прибыло нѣсколько сотъ муловъ, но они были законтрактованы только до Белинцоны; пришлось уговаривать погонщиковъ остаться при арміи на весь походъ. Спустя два-три дня прибыло еще нѣсколько сотъ; дѣлались послѣднія распоряженія, работа кипѣла днемъ и ночью. Въ тревогѣ и неустанныхъ трудахъ прошло 5 сутокъ,—потеря невознаградимая. Сентября 8 Розенбергъ выступилъ къ Белинцонѣ, въ тотъ же день Суворовъ собралъ въ Таверне военный совѣтъ для окончательнаго утвержденія диспозиціи къ нападенію на С.-Готаръ, а 10 числа утромъ тронулся въ путь съ корпусомъ Дерфельдена. Всѣ тяжести и полевая артиллерія слѣдовали другими путями, какъ уже было сказано.

Войска шли въ Швейцарію съ прежнею вѣрою въ самихъ себя и въ своего предводителя, мало озабочиваясь тѣмъ, что имъ предстояла нетолько перемѣна мѣста, но и новый образъ дѣйствій. Немногимъ изъ Русскихъ удалось испытать на Кавказѣ образчикъ того, что теперь предстояло впереди; огромное большинство привыкло только къ дѣйствіямъ на равнинахъ и въ степяхъ. Суворовъ конечно зналъ, что войска его нуждаются въ дополнительной подготовкѣ; но зналъ онъ и то, что привитыя имъ боевыя начала служатъ одинаково всюду: и на равнинахъ, и въ лѣсахъ, и въ горахъ. Недостающія войскамъ свѣдѣнія онъ изложилъ въ видѣ особаго наставленія, которое и приказалъ объявить по арміи. Онъ не забылъ и Австрійцевъ; напомнилъ имъ о необходимости держать силы въ совокупности, собирать вѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ и всѣмъ отрядамъ находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Кромѣ того,

онъ выразилъ Готце и Линкену желаніе, чтобы войска ихъ какъ можно чаще упражнялись въ дѣйствіи холоднымъ оружіемъ, которому союзники обязаны своими побѣдами въ Италіи.

Французы тоже приготовлялись къ встрѣчѣ въ Швейцаріи съ новыми врагами; по крайней мѣрѣ директорія сочла нужнымъ посовѣтовать это Массенѣ. Помимо «сѣверныхъ варваровъ, полудикарей» и другихъ стереотипныхъ эпитетовъ, которыми Французское правительство сочло нужнымъ маскировать свои опасенія, оно, противорѣча самой идеѣ своего посланія, говоритъ, что французскія войска въ Италіи привыкли уже не бояться русской пѣхоты. Всѣ эти оговорки приличія сопровождаются внушеніемъ, что, какъ ни полезно наступленіе Французовъ праваго фланга противъ Австрійцевъ, но еще важнѣе побѣда надъ Русскими, дабы поддержать духъ войскъ. Массену предостерегаютъ, что, дѣйствуя противъ Русскихъ, слѣдуетъ принимать самыя обдуманныя предосторожности, бить массами, сохранять резервъ для возстановленія боя, потому что новый противникъ отличается стремительностью въ натискѣ и стойкостью въ огнѣ. Массена, получивъ такой совѣтъ, счелъ нужнымъ ободрить свои войска приказомъ по арміи; онъ выразилъ увѣренность, что Французы одержатъ верхъ и оправдаютъ свою старинную славу въ штыковомъ бою, но предупреждалъ, что Русскіе дѣйствуютъ этимъ оружіемъ гораздо лучше Австрійцевъ.

Сентября 10 главныя силы Суворова тронулись изъ Таверны къ Белинцонѣ, а Розенбергъ изъ Белинцоны двинулся вверхъ по р. Тичино. Погода стояла очень дурная: дождь лилъ ливмя, рѣзкій вѣтеръ прохватывалъ насквозь, путь былъ длинный и дурной, особенно для колонны Розенберга, съ безпрестанными крутыми спусками и подъемами, подъ непрерывающимся дождемъ, по скользкимъ косогорамъ, съ переправами въ бродъ чрезъ потоки по колѣно, даже по поясъ. Солдаты на ходу выбивались изъ силъ; нѣсколько человѣкъ сорвалось съ крутизны и расшиблось; погибло также нѣсколько вьюковъ съ лошадьми. Переходы были не въ мѣру велики; войска подымались съ разсвѣтомъ и шли почти безостановочно до самой ночи, а придя на ночлегъ, не всегда находили даже хворостъ для бивачныхъ костровъ.

Несмотря на всѣ трудности и невзгоды, войска были бодры и по замѣчанію одного изъ участниковъ похода, готовы были въ бой не только съ Французами, но и съ Австрійцами. Союзники успѣли внушить къ себѣ большую непріязнь въ рядахъ русскихъ войскъ, не сами непосредственно, а какъ исполнители Тугутовой воли. Не только офицеры, но и солдаты знали имя австрійскаго министра, толковали въ границахъ своихъ понятій о его интригахъ и вѣроломствѣ, считая его чѣмъ-то въ родѣ чумы. Солдаты изъявляли въ шутку готовность бить «не только синекафтанниковъ, но и бѣлокафтанниковъ», и такъ какъ австрійское коварство и вѣроломство не подлежали въ ихъ мысляхъ никакому сомнѣнію, то горячая ихъ любовь къ обиженному Суворову дошла до обожанія.

А онъ самъ, предметъ этого обожанія, находился среди нихъ попрежнему простой, доступный, бодрый, изображая собою перваго солдата своей арміи. Какъ всегда, онъ ѣхалъ на казачьей лошади, въ легкомъ костюмѣ, прикрытый кромѣ того тонкимъ, ничѣмъ не подбитымъ плащомъ, который хотя прослылъ въ войскахъ за «родительскій», но былъ сшитъ 7 лѣтъ назадъ, въ Херсонѣ. Голову Суворова прикрывала не каска, какъ обыкновенно, а круглая широкополая шляпа, неизвѣстно почему предпочтенная наперекоръ сезону. Возлѣ него тащился на казачьей же лошади и новый его поклонникъ, сердце котораго онъ успѣлъ заполонить, Антоніо Гамма, хозяинъ дома, гдѣ Суворовъ въ Таверне квартировалъ. Съ перваго же свиданія съ знаменитымъ фельдмаршаломъ, Гамма почувствовалъ къ нему большое влеченіе, которое съ каждымъ днемъ увеличивалось и дошло до того, что забывъ свои годы, семью и домашнія дѣла, Гамма далъ обѣщаніе слѣдовать за Суворовымъ въ Альпы. Несмотря на возраженія и доводы родныхъ, 65-лѣтній старикъ настоялъ на своемъ намѣреніи, поѣхалъ съ Суворовымъ, находился при немъ весь походъ до Кура неотлучно, служилъ мѣстами проводникомъ и не разъ приносилъ войскамъ пользу.

Отъ Даціо, гдѣ остановилась колонна Дерфельдена, до Айроло, занятаго передовымъ французскимъ постомъ, оставалось всего 10 верстъ. Сенъ-Готаръ угрюмо смотрѣлъ на пришельцевъ; при тогдашнемъ ненастьѣ, видъ его былъ вдвойнѣ суровъ

и внушителенъ. Гору эту охраняла бригада Гюдена; другая, Луазона, расположена была вблизи, по долинѣ верхней Рейсы; общая численность ихъ простиралась приблизительно до 9,000 человѣкъ. Незначительны были эти силы, но мѣстность удвоивала, если не утроивала средства обороны. Особенно недоступна была позиція со стороны Италіи; тянувшаяся тутъ тропинка пересѣкала горные водостоки, безпрестанно спускалась въ глубокія ущелья и подымалась по кручамъ. Въ бурное время и при зимнихъ метеляхъ она дѣлалась опасною до степени недоступности, что и подтверждалось многочисленными несчастными случаями, и только христіанское самоотверженіе небольшой общины, занимавшей Госписъ, страннопріимный домъ, выстроенный на высотѣ 6,800 футовъ, умѣряло цифру жертвъ. Атака Сенъ-Готара съ этой стороны была дѣломъ очень труднымъ и рискованнымъ, оттого Суворовъ и послалъ Розенберга обходомъ въ тылъ французской позиціи; но положиться на одинъ обходный корпусъ также было нельзя, потому что непріятель могъ его подавить. Атакующія войска Дерфельдена были раздѣлены на три колонны: правая назначалась для обхода лѣваго непріятельскаго фланга, средняя должна была идти на Айроло, лѣвая направиться къ верховьямъ р. Тичино.

Утро встало пасмурное, мглистое; дождь пересталъ, но густыя облака лѣпились по ребрамъ горъ. Продвинувшись отъ Даціо впередъ, войска, согласно диспозиціи, разошлись въ разныя стороны. Хоть не сразу удалась атака, но все-таки удалась; Французы отступили и заняли новую позицію, на которой были атакованы вскорѣ и хотя защищались упорно, однако принуждены были отступить и отсюда. Но и затѣмъ они останавливались еще не разъ, давая сильный отпоръ, пока наконецъ поднялись на самую вершину горы.

Здѣсь благопріятныя для Французовъ условія мѣстности увеличивались въ нѣсколько разъ, тѣмъ паче, что на подкрѣпленіе Гюдена успѣли прибыть ближайшія войска Луазона. Русскіе отважно пошли штурмовать съ фронта позицію противника впереди Госписа, но Французы били ихъ изъ за утесовъ и каменьевъ чуть не на выборъ, и атака была отбита. Одушевленные присутствіемъ Суворова и великаго князя, войска двинулись

вторично, и опять съ той же неудачей и еще большей потерей. А Багратіонъ все не показывался на флангѣ; войска его, карабкавшіяся по утесамъ и стремнинамъ цѣликомъ, безъ всякихъ тропинокъ, изнемогали отъ усталости, тратили много времени, а подвигались впередъ мало.

День склонялся къ вечеру; было 4 часа, ночной темноты оставалось ждать не долго. Суворовъ сталъ опасаться за Розенберга, о которомъ не было никакого слуха и велѣлъ штурмовать французскую позицію въ третій разъ. Войска двинулись и вслѣдъ за тѣмъ, почти одновременно, показались противъ непріятельскаго лѣваго фланга, на снѣжной вершинѣ, головные люди колонны Багратіона. Французы этого не ожидали, тотчасъ бросили позицію и стали поспѣшно ретироваться. Дѣло было Суворовымъ выиграно, Сенъ-Готаръ занятъ [46]).

Къ этому времени относится очень распространенный анекдотъ, будто русскіе солдаты, устрашенные видомъ горъ и трудностями похода, отказались идти впередъ, а Суворовъ пригрозилъ имъ, что ляжетъ отъ срама здѣсь въ могилу, велѣвъ рыть и могилу. Ничего подобнаго не было; по всей вѣроятности этотъ драматическій анекдотъ выдуманъ по поводу слѣдующаго случая. Въ головѣ одной изъ колоннъ ѣхали два офицера,—одинъ австрійскій генеральнаго штаба, другой русскій подданный изъ нѣмцевъ. Разговоръ, который они между собою вели, коснулся щекотливаго предмета—отношеній Австрійскаго правительства къ Россіи, Суворову и русскимъ войскамъ. Русскій не сдержалъ своего негодованія, австріецъ вступился за правительство съ горячностью; произошла ссора, дошло дѣло до крупныхъ словъ, можетъ быть до брани; австріецъ сгоряча бросилъ голову колонны, она остановилась, а онъ, встрѣтивъ Багратіона, въ сердцахъ сказалъ ему: «бранятся, не идутъ». На этой скромной основѣ должно быть и выросла эффектная, но ложная по духу сцена, попавшая и въ исторію, и въ романъ.

Когда Госписъ перешелъ въ руки Русскихъ, подъѣхалъ Суворовъ и былъ встрѣченъ престарѣлымъ, сѣдымъ пріоромъ съ братіей. Пріоръ пригласилъ фельдмаршала подкрѣпить силы скромной трапезой, но Суворовъ просилъ отслужить прежде благодарственный молебенъ, молился усердно, а потомъ принялъ

угощеніе, состоявшее изъ картофеля и гороха. За трапезой велась оживленная бесѣда; подъ вліяніемъ побѣды, Суворовъ былъ веселъ, любезенъ, хвалилъ обитель за христіанскіе подвиги на пользу ближняго, благодарилъ за гостепріимство. Пріоръ былъ человѣкъ образованный и не могъ не подивиться массѣ знаній и огромной начитанности русскаго полководца, который къ тому же велъ съ нимъ бесѣду на нѣсколькихъ языкахъ.

Тѣмъ временемъ войска собрались на вершинѣ горы, перевели духъ и стали спускаться вслѣдъ за Французами, которые съ геройскимъ упорствомъ продолжали оборону. На первой занятой позиціи они не могли удержаться, но въ дальнѣйшемъ отступленіи были подкрѣплены остальными войсками Луазона, которыя привелъ самъ начальникъ дивизіи Лекурбъ. Онъ двинулся на встрѣчу Суворову, но получивъ извѣщеніе, что тылу его угрожала колонна Розенберга, занялъ оборонительную позицію вблизи деревни Госпиталь.

Розенбергъ выступилъ изъ Тавеча съ разсвѣтомъ и пошелъ по долинѣ В. Рейна, имѣя впереди Милорадовича. Французы встрѣтили Русскихъ на вершинѣ горы Криспальтъ, были сбиты Милорадовичемъ, но заняли новую позицію по обѣимъ сторонамъ озера Оберъ-Альпъ, и хотя оказали тутъ чрезвычайно упорное сопротивленіе, но все-таки должны были снова ретироваться предъ значительно сильнѣйшимъ непріятелемъ. Они пытались останавливаться еще на нѣсколькихъ позиціяхъ, но выстаивали недолго и подъ конецъ отступленіе ихъ превратилось въ бѣгство.

Французы спустились къ деревнѣ Урзернъ и вмѣстѣ съ оставленнымъ тамъ по распоряженію Лекурба резервомъ, построились въ боевой порядокъ. Русскіе стягивались и устраивались на вершинѣ горы, подъ которою Французы готовились къ новой ихъ встрѣчѣ. Такъ прошло нѣсколько часовъ; наступалъ вечеръ, густыя облака осѣдали по ребрамъ горы внизу и наконецъ заволокли непроницаемымъ туманомъ всю долину: и Урзернъ, и Французы стали не видны. Въ это только время войска получили приказаніе — спускаться внизъ, но безъ всякаго шума Спускъ былъ очень крутой, такъ что большинство предпочло скатиться съ горы сидя; тишина была соблюдена образцовая, и

боевая линія выстроилась у подошвы горы, незамѣченная непріятелемъ. По данному приказанію, линія дала ружейный залпъ и кинулась въ штыки, съ крикомъ *ура*, на невидимаго противника. Французы были озадачены внезапной атакой, но присутствія духа не потеряли и встрѣтили Русскихъ стойко; однако ударъ былъ такъ силенъ и стремителенъ, что отразить его не могли и смятые, охваченные съ фланговъ, дали тылъ. Кромѣ 220 человѣкъ убитыми и плѣнными, Французы потеряли 3 орудія, да въ руки побѣдителей попало до 370,000 патроновъ и провіантъ, котораго хватило на суточную дачу Розенбергову корпусу. Преслѣдованіе не производилось за туманомъ и ночною темнотою.

Розенбергъ сдѣлалъ здѣсь большую ошибку. Придя къ спуску въ Урзернскую долину между 2 и 3 часами дня, онъ прислушиваясь къ выстрѣламъ Суворова нашелъ, что они доносились издалека и что поэтому атаковать непріятеля слишкомъ еще рано. Не держись онъ этого фальшиваго соображенія, то не только избавилъ бы колонну Дерфельдена отъ лишняго боя, занявъ въ тылу Лекурба Урзернъ, но находившіяся на С.-Готарѣ французскія войска едва ли могли избѣжать тогда истребленія или плѣна въ полномъ своемъ составѣ.

Блистательный дебютъ русскихъ войскъ въ горной войнѣ стоилъ не дешево: изъ строя выбыло до 2,000 человѣкъ. Потеря Французовъ неизвѣстна, но она должна быть меньше. Они бѣжали по двумъ главнымъ направленіямъ: одни на Фурку, другіе, въ огромномъ большинствѣ, на Гешененъ. Съ этими послѣдними былъ Лекурбъ, генералъ даровитый, смѣлый и рѣшительный. Онъ побросалъ всю свою артиллерію въ Рейсу и ночью сталъ пробираться чрезъ дикій горный хребетъ Бетцбергъ. Густой туманъ и ночная тьма сильно затрудняли ему и безъ того невѣроятный по трудностямъ путь, гдѣ извивались рѣдкія, мало посѣщаемыя тропинки и по которому сами мѣстные жители считали невозможнымъ движеніе войскъ. Но за то эти самые туманъ и темнота, не дозволявшіе различать едва видимыя тропы, спасли войска Лекурба отъ непріятеля: Французы цѣлую ночь карабкались по горнымъ высямъ и ущельямъ, перевалили гребень на высотѣ 7,800 футовъ, спустились утромъ къ деревнѣ Гешененъ и стали на пути Суворова.

Суворовъ послалъ небольшую часть войскъ для преслѣдованія непріятеля къ сторонѣ Фурки, а другой, подъ начальствомъ генералъ-майора графа Каменскаго, приказалъ раннимъ утромъ двинуться къ Цумдорфу и Гешенену. Прочія войска, едва державшіяся отъ усталости на ногахъ, расположились на ночлегъ, гдѣ стояли, вокругъ деревни Госпиталь, откуда Лекурбъ былъ выбитъ уже въ ночную тьму. Погода стояла холодная и сырая, солдаты дрогли, несмотря на разведенные огни. Верстахъ въ 4 прорѣзывались черезъ ночную тьму огни другого бивака, — то былъ корпусъ Розенберга; но каждый изъ русскихъ лагерей принималъ другой за непріятельскій, а между тѣмъ непріятель, въ началѣ ночи, находился почти въ промежуткѣ между ними. Великій князь ночевалъ въ Айроло; Суворовъ посреди войскъ, въ деревнѣ. Онъ видимо былъ доволенъ только что кончившимся 13 числомъ и на конвертѣ съ бумагами, отправляемыми къ Готце, написалъ собственноручно:

Am 20—sind die Tragthiere bereit.
Den 21—zieht Rosenberg zum Streit.
Den 22—folgt Tierfeld zur Schlacht.
Den 24—ist Gotthardsberg erobert durch Macht.
Dann haben wir durch Säbl und Bajonett
Die Schweitz von ihrem Untergang gerett't.

Въ 6 часовъ утра 14 числа, Суворовъ выступилъ изъ Госпиталя, соединился у деревни Урзернъ съ Розенбергомъ и продолжалъ движеніе внизъ по р. Рейсѣ. Съ версту дальше, дорога по правому берегу врѣзывается въ утесы, отвѣсно спускающіеся въ русло рѣки, такъ что сообщеніе идетъ пробитымъ въ скалахъ тунелемъ, который называется Урнеръ-Лохъ и имѣлъ въ то время 80 шаговъ длины при 4 шагахъ ширины. Нѣсколько ниже по теченію рѣки, дорога лѣпится въ видѣ карниза по отвѣсной скалѣ и круто спускается къ аркѣ Чортова моста, который составляетъ съ нею прямой уголъ. На этомъ пространствѣ Рейса несется какъ бы въ щели или трещинѣ, между нависшими надъ ней горами; вода имѣетъ большое паденіе и низвергается нѣсколькими водопадами; потокъ реветъ, покрытый пѣной, и ревъ его слышится далеко кругомъ. Центромъ этой дикой, величественной картины служитъ Чортовъ мостъ, смѣло

переброшенный надъ пропастью, на высотѣ 75 футовъ отъ воды. Мостъ, длиною около 30 шаговъ, состоялъ изъ двухъ каменныхъ арокъ; большая соединяла правый берегъ съ выдающеюся скалою лѣваго, малая связывала эту скалу съ лѣвымъ берегомъ. Съ моста дорога дѣлаетъ опять крутой поворотъ; продолжая извиваться лентой по ущелью, она нѣсколько разъ переходитъ съ одного берега на другой и только передъ деревнею Гешененъ вырывается изъ мрачной трещины на свѣтъ Божій. Если бы рядъ этихъ узкихъ проходовъ былъ защищенъ достаточными силами, съ артиллеріей, и оборона велась энергически, то атака рѣшительно не могла имѣть успѣха, а дурно-соображенная повела бы и къ большимъ потерямъ. Къ счастію, распоряженія атакующаго были хороши, а оборона республиканцевъ слаба.

Съ разсвѣтомъ Розенбергъ началъ наступленіе, согласно полученному приказанію. Впереди шелъ Милорадовичъ, за нимъ остальныя войска дивизіи, потомъ Дерфельденъ. Французы занимали лѣвый берегъ рѣки; ихъ было немного, никакъ не больше двухъ батальоновъ, вѣроятно изъ числа разбитыхъ наканунѣ при Урзернѣ. Въ надеждѣ ли на неприступность позиціи, или вслѣдствіе поздняго прибытія къ мѣсту обороны и неизбѣжной суеты, но только они не подготовили разрушеніе моста до появленія атакующихъ и не препятствовали ихъ наступленію вплоть до Урнеръ-Лоха. Небольшой передовой отрядъ съ пушкою оставленъ былъ впереди моста для обороны этого тунеля; тутъ собственно и началось дѣло. Какъ только голова передового русскаго батальона втянулась въ тунель, передовой французскій отрядъ встрѣтилъ его ружейными и пушечными выстрѣлами. Форсированіе прохода повело бы къ значительнымъ и напраснымъ потерямъ, поэтому для облегченія фронтальной атаки, произведены были два фланговыя движенія: отрядъ въ 300 человѣкъ посланъ вправо, въ горы, надъ Урнеръ-Лохомъ; другому, человѣкъ въ 200, приказано перебираться чрезъ каменистое ложе Рейсы на ту сторону и угрожать флангу и тылу французской зарѣчной позиціи. Оба эти маневра, благодаря энергіи войскъ, удались вполнѣ. Майоръ Тревогинъ съ 200 егерями спустился къ руслу съ огромными усиліями и одолѣвая еще

большія трудности, сталъ перебираться черезъ Рейсу. Вода была не глубока, по колѣно и лишь мѣстами по поясъ, но главная опасность заключалась въ быстротѣ теченія. Добравшись до берега, люди стали карабкаться вверхъ по крутизнамъ, на видъ совершенно недоступнымъ. Въ виду удачи этой рискованной переправы, посланъ по слѣдамъ смѣлой команды цѣлый батальонъ, который, не безъ потерь конечно, перешелъ рѣку длиннымъ фронтомъ, такъ что на той сторонѣ очутилась довольно значительная сила. На переправу и затѣмъ на движеніе въ тылъ и флангъ французской позиціи по скаламъ, потребовалось немало времени, такъ что колонна полковника Трубникова, посланная въ обходъ Урнеръ-Лоха, исполнила свою задачу раньше.

Едва показались его люди на склонахъ утесовъ позади тунеля, Французы пришли въ смятеніе и второпяхъ стали разрушать мостъ. Такъ какъ большая арка, надъ самымъ потокомъ, была конечно болѣе капитальной постройки, чѣмъ малая береговая, то принялись за послѣднюю, что было сподручнѣе, потому что она находилась на французской сторонѣ. Передовому французскому отряду приходилось теперь думать о собственномъ спасеніи, а не объ оборонѣ тунеля. Передовой русскій батальонъ, замѣтивъ у Французовъ суету, возобновилъ атаку, безпрепятственно прорвался чрезъ Урнеръ-Лохъ и бросился на отрѣзанныхъ Французовъ въ штыки. Съ противуположнаго берега открылся по немъ огонь, но слабый; Французы передового отряда частью были переколоты или сброшены въ рѣку, частью искали спасенія, спрыгивая съ утесовъ и пытаясь перебраться по руслу, что однако могло удасться немногимъ. Пушку они бросили въ рѣку. Русскіе кинулись къ мосту; главная арка оставалась нетронутой, но вмѣсто второй арки, зіялъ провалъ.

Завязалась перестрѣлка между обоими берегами, которая не придвигала дѣла къ исходу, такъ какъ исправлять мостъ подъ выстрѣлами въ упоръ было невозможно. Но къ этому времени, переправившіяся въ бродъ на французскую сторону части русскихъ войскъ успѣли одолѣть путь по горнымъ высямъ лѣваго берега и начали спускаться къ мосту. Онѣ представляли внушительную силу, потому что съ ними случайно сошелся тутъ генералъ Каменскій, получившій еще съ вечера приказаніе пе-

ребираться чрезъ хребетъ Бетцбергъ и слѣдовать за Лекурбомъ, для обхода Урнеръ-Лоха и Чортова моста. Французы не могли дольше держаться въ этомъ мѣстѣ и стали отступать, а русскія войска лѣваго берега подъ начальствомъ Каменскаго ихъ преслѣдовали. Отступленіе сдѣлалось для Французовъ неизбѣжнымъ еще и потому, что согласно общему плану похода, австрійскій генералъ Луфенбергъ, спустившись съ Дисентиса, появился у Французовъ въ тылу.

Какъ только обнаружилось намѣреніе Французовъ ретироваться отъ моста, Русскіе праваго берега бросились впередъ и принялись за устройство на скорую руку перехода чрезъ разрушенную арку. Разобрали ближній сарай, притащили бревенъ и досокъ, перекинули ихъ чрезъ провалъ и стали укрѣплять чѣмъ попало; майоръ князь Мещерскій употребилъ для этого свой офицерскій шарфъ, а за нимъ и другіе офицеры сдѣлали тоже самое. Когда перекинутые чрезъ провалъ зыбкіе и узкіе мостки изобразили собою нѣкоторое подобіе переправы, храбрецы стали переходить, помогая другъ другу; нѣкоторые оборвались и расшиблись, другіе были убиты или ранены, такъ какъ отступающіе Французы все еще обстрѣливали мостъ. Однако французскіе выстрѣлы скоро замолкли или не долетали; тогда было тотчасъ же приступлено къ основательной поправкѣ поврежденной части моста піонерами, и въ 5 часу дня вся задержанная колонна русскихъ войскъ двинулась впередъ [47]).

Дѣло у Чортова моста продолжалось довольно короткое время и не причинило большихъ потерь ни той, ни другой сторонѣ, но надо полагать, что у Французовъ выбыло изъ строя все-таки больше, такъ какъ часть ихъ передового отряда была истреблена, и отрядъ Каменскаго уложилъ свыше 200 человѣкъ на горахъ и вдоль дороги. Малая потеря атакующаго зависѣла отъ хорошо скомбинированной атаки и отъ слабой обороны, которая въ свою очередь обусловливалась недостаточными средствами Французовъ и быстрымъ наступленіемъ Русскихъ [48]).

Небольшая армія Суворова продолжала наступленіе, но подвигалась медленно, задерживаемая разными препятствіями, преимущественно мостами. Четыре раза перебѣгала дорога съ одного берега Рейсы на другой; всѣ 4 моста непріятель старался испор-

тить, но при спѣшномъ отступленіи это ему удавалось только отчасти, и возстановленіе всѣхъ четырехъ переправъ не было для Русскихъ такъ затруднительно, какъ исправленіе Чортова моста. Однако все-таки требовались работа и время, такъ что въ этотъ день Суворовъ едва успѣлъ подвинуться впередъ отъ Госпиталя на 12 верстъ. Въ Гешененѣ присоединился Каменскій; въ Амстегѣ Милорадовичъ, шедшій въ авангардѣ, предупредилъ новую остановку: отступавшій къ Альторфу Лекурбъ едва успѣлъ зажечь мостъ, какъ нагрянули Русскіе, затушили огонь, перебрались по тлѣвшимъ бревнамъ и доскамъ и выбили французскій аріергардъ изъ деревни; послѣ чего австрійскій отрядъ Ауфенберга, державшійся вблизи въ оборонительномъ положеніи, получилъ возможность присоединиться къ русской арміи и продолжалъ съ нею наступленіе. Слѣдуя далѣе по Рейсѣ, Суворовъ дошелъ до впаденія въ нее рѣчки Шахенъ, по имени которой называлась и долина, узкая и длинная, тянувшаяся вправо. Тутъ Лекурбъ занялъ позицію, дабы дать отпоръ, но корпусу Розенберга не потребовалось большихъ усилій, чтобы заставить Французовъ покинуть избранную позицію и ретироваться, послѣ чего Лекурбъ расположилъ свои войска за лѣвымъ берегомъ Рейсы и въ этомъ фланговомъ положеніи, относительно Суворова, остался, снявъ мосты.

Около полудня русскія войска заняли Альторфъ и нашли тутъ небольшой продовольственный магазинъ, который пришелся какъ нельзя болѣе кстати. Французы были оставлены въ покоѣ и даже не сдѣлана рекогносцировка ихъ позицій,—обстоятельство, которое нѣкоторые ставятъ Суворову въ большую ошибку, такъ какъ ему не стоило большого труда разбить Лекурба совершенно. Замѣчаніе это несправедливо. Суворовъ принялъ въ тотъ же день такое рѣшеніе на-счетъ послѣдующихъ своихъ дѣйствій, для котораго нѣсколько часовъ отдыха войскамъ и сохраненіе подъ ружьемъ на лицо каждаго лишняго солдата было гораздо важнѣе, чѣмъ что либо другое, и дальнѣйшій ходъ операцій вполнѣ его оправдываетъ.

По прибытіи въ Альторфъ, онъ наткнулся на первые признаки несостоятельности своего плана Швейцарской кампаніи. Тотчасъ за Альторфомъ, во Флюэленѣ, кончалась дорога, называвшаяся

тогда сенъ-готарскою, и дальнѣйшее сообщеніе производилось исключительно водой; а такъ какъ въ продолженіе уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ водянымъ путемъ владѣли Французы, то Суворовъ въ Альторфѣ былъ, какъ говорится, припертъ къ стѣнѣ. Принимали ли составители плана швейцарскаго похода посѣщаемыя горными охотниками тропинки за ѣзжія дороги, или разсчитывали они завладѣть непріятельскою флотиліей Люцернскаго озера, — во всякомъ случаѣ они жестоко ошиблись и ошибкою своею поставили русскія войска въ критическое положеніе. Съ лѣвой стороны озера существовали двѣ тропинки, но обѣ онѣ были таковы, что проводники не рекомендовали ихъ даже одинокимъ путешественникамъ. Правый берегъ былъ еще хуже. Тутъ хотя и тянулась отъ самаго начала озера узкая и длинная долина Шахенская и по ней вилась горная тропинка, но вела она не туда, куда по диспозиціи надо было идти. Существовалъ еще путь, и лучше, и безопаснѣе; для этого надо было обратиться нѣсколько назадъ и идти такъ, какъ пришелъ Ауфенбергъ, но дорога эта опять таки не приближала къ цѣли, Швицу, а еще больше отъ нея отдаляла. Затѣмъ оставались еще двѣ тропинки изъ Шахенталя чрезъ высокій снѣговой хребетъ Росштокъ въ Муттенскую долину, по которой есть сообщеніе со Швицемъ. Эти двѣ горныя тропы были доступны въ позднее время года однимъ смѣлымъ охотникамъ за сернами, привыкшимъ съ малолѣтства карабкаться по горнымъ ребрамъ, трещинамъ, высямъ и падямъ. Эти тропинки не только не входили въ разсчеты австрійскаго генеральнаго штаба при Асти, но и существованія ихъ тамъ не подозрѣвали, а сдѣлались они извѣстны Суворову тутъ, въ Альторфѣ, когда пришлось искать выхода изъ безнадежнаго положенія.

Положеніе Русскихъ войскъ въ Альторфѣ дѣйствительно стоило этого названія и представлялось тѣмъ болѣе ужаснымъ, что Суворовъ не былъ къ нему подготовленъ; отчаянныя обстоятельства не складывались постепенно, а обрушились внезапно. Выполнить точнымъ образомъ диспозицію было нельзя, потому что въ Альторфъ войска прибыли сутками позже, а Швицъ оказался недосягаемымъ. Въ продовольствіи чувствовалась крайняя нужда; почти все, что несли на себѣ люди, было съѣдено; во

вьюкахъ оставалось немного, да они же сильно отстали, растянувшись на пути до Госпиталя, если не до Айроло, и часть ихъ погибла вмѣстѣ съ вьючнымъ скотомъ въ пропастяхъ, а остальное могъ захватить непріятель. Вдобавокъ гдѣ-то зародилась и стала ходить смутная молва объ упорномъ боѣ, будто бы происходившемъ наканунѣ на рѣкѣ Линтѣ. Будущее подернулось зловѣщей дымкой; вопросы, одинъ другого безпокойнѣе, назойливо требовали немедленнаго рѣшенія. А откуда было явиться этому рѣшенію, когда всѣ данныя были отрицательныя и ни одного положительнаго, когда смущенному уму не на чѣмъ было опереться въ своихъ выводахъ, и въ надвинувшейся грозовой тучѣ не проглядывало ни одного просвѣта? Оно могло быть подсказано только волей, и точно, въ своей не преклоняющейся ни передъ чѣмъ волѣ Суворовъ нашелъ быстрое рѣшеніе. Онъ положилъ — не отступать отъ плана, который былъ для него, Суворова, обязателенъ уже потому, что служилъ основаніемъ для операцій корпусныхъ и отрядныхъ начальниковъ Линкена, Іелачича, Готце и Корсакова, а согласно съ этимъ — двинуться не теряя времени къ Швицу.

Что касается до выбора дороги, то изъ двухъ тропинокъ, проходящихъ чрезъ Росштокскій хребетъ, для Суворова предпочтительною должна была представиться та, которая ведетъ къ дер. Муттенъ прямѣе; ее онъ дѣйствительно и выбралъ. Тропа эта, по словамъ экспертовъ, оказывалась по степени проходимости худшею изъ двухъ; да и вообще всѣ свѣдѣнія, у пастуховъ и охотниковъ собранныя, были не радостны и тревожны. *Конечно ни одна армія никогда не двигалась по такому пути*, говорятъ многіе изъ писателей, повѣствовавшихъ объ этомъ необычайномъ походѣ. Но трудность заключалась не въ одной дорогѣ; люди были измучены 7-дневнымъ непривычнымъ походомъ, обувь ихъ изорвана, провіантъ израсходованъ; вьючный скотъ, особенно казачьи лошади, значительною долею обезножены или по совершенной негодности брошены; самъ Суворовъ, голова и душа небольшой арміи, боленъ, слабъ физически, истерзанъ нравственно.... Подошла пора для провѣрки Суворовскаго афоризма: «гдѣ прошелъ олень, тамъ пройдетъ и солдатъ».

Нечего и говорить, что такая рѣшимость Суворова, не укладывающаяся подъ мѣрку обыденнаго, ходячаго благоразумія, многими не одобряется. Не останавливаемся на обвиненіяхъ его въ варварствѣ, безпощадномъ погубленіи тысячъ жизней и иныхъ подобныхъ укорахъ. Ужъ одни эти крѣпкія слова и сильныя выраженія обнаруживаютъ тенденцію и указываютъ на слабость критики, которая дѣйствительно не стоитъ того, чтобы на ней долго останавливаться. Но и между цѣнителями болѣе или менѣе безпристрастными, приходится встрѣчать охужденіе Суворова за принятое имъ рѣшеніе и за его плачевныя послѣдствія, причемъ эти послѣдствія въ сущности и составляютъ критерій. Указываемые критики не безгрѣшны въ смѣшеніи понятій и въ перепутываніи причинъ съ послѣдствіями. Они забываютъ, что въ Альторфѣ до Суворова дошелъ только смутный слухъ о какой-то катастрофѣ; узналъ же онъ о ней доподлинно позже, въ Муттенѣ. Они упускаютъ изъ виду, что Суворову слѣдовало во чтобы то ни стало держаться заранѣе условленнаго плана дѣйствій, а не бросать его при первой смутной молвѣ. Избравъ путь на Муттенъ, Суворовъ поступилъ совершенно правильно, а если онъ остановился на этомъ рѣшеніи, несмотря на трудности практическаго исполненія, то нельзя же ставить полководцу въ вину, что онъ прибѣгаетъ въ крайнихъ случаяхъ къ средствамъ крайнимъ, на которыя у другого не хватило бы духу. Надо думать, что изъ сотни генераловъ, едва ли одинъ остановилъ бы свое вниманіе на Росштокскомъ перевалѣ; это приходится подстать только такимъ, какъ Суворовъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Швейцарская кампанія: Муттенталь, Кленталь, Рингенкопфъ.

1799.

Въ 5 часовъ утра 16 сентября, войска Суворова тронулись въ трудный походъ. Впереди шелъ Багратіонъ, Розенбергъ долженъ былъ прикрывать движеніе съ тыла, а аріергардъ его— держаться у Альторфа до той поры, пока будутъ пропущены впередъ всѣ отставшіе вьюки.

По мѣрѣ подъема, тропинка становилась уже и круче, а мѣстами, на голыхъ скалахъ, и вовсе пропадала. Приходилось двигаться большею частію въ одиночку, гуськомъ, по гладкимъ каменьямъ, скользкой глинѣ, рыхлому снѣгу; взбираться какъ бы по лѣстницѣ, на ступеняхъ которой съ трудомъ умѣщалась подошва ноги, или же по грудамъ мелкихъ каменьковъ, осыпавшихся отъ каждаго шага. Со вчерашняго утра начался опять дождь, который и продолжалъ идти съ перерывами, а когда и стихалъ, то люди, двигаясь на высотѣ облаковъ и тучь, все равно были охватываемы густымъ туманомъ, и платье ихъ промокало насквозь. Вдобавокъ дулъ по временамъ рѣзкій вѣтеръ, становившійся при промокшемъ платьѣ вдвойнѣ чувствительнымъ; отъ него дрожь прохватывала до костей, ноги и руки коченѣли. Требовались большое вниманіе и осторожность, чтобы не сорваться и не полетѣть внизъ, а когда туманъ сгущался

или надъ головою чернѣла туча, то опасность увеличивалась, ибо приходилось лѣзть ощупью, двигаться на-авось. Еще труднѣе, почти невозможнымъ дѣлалось движеніе ночью, когда при ненастьѣ не видно было ни-зги, и истощенныя дневнымъ походомъ силы солдатъ отказывались служить. Части войскъ останавливались на привалъ, гдѣ встрѣчались площадки; но такіе ночлеги служили больше утѣшеніемъ, чѣмъ на дѣйствительную пользу, потому что леденящій вѣтеръ гулялъ тутъ свободнѣе, пробирая насквозь, а голая, безпріютная высь не давала ни прутика для бивачнаго огня.

Обувь солдатская, и въ особенности офицерская, теперь въ теченіе немногихъ часовъ совсѣмъ сбилась и пришла въ негодность. О какихъ-нибудь приспособленіяхъ, вродѣ напримѣръ сандалій съ желѣзными шипами, не было и помину, ибо не имѣлось ни времени, ни опытности, какъ у Французовъ, искусившихся бойцовъ горной войны. Въ довершеніе бѣдствія нечѣмъ было подкрѣпить силы; вьюки съ провіантомъ тянулись позади, а при себѣ или ничего не было, или очень немногое, и эту малость надо было расходовать бережливо. Кто былъ позапасливѣе, тотъ сохранилъ муку, розданную въ Альторфѣ, въ ожиданіи огня, чтобы спечь изъ нея лепешки. Другого харчевого подспорья не было; иные раздобылись въ прежнее время картофелемъ или сыромъ, но это все уже вышло. Есть извѣстіе, будто сыръ (бѣлый и зеленый, молодой) выдавали людямъ все время швейцарскаго похода по фунту въ сутки и что онъ составлялъ почти единственную пищу Русскихъ; это сомнительно, да и солдаты сыръ не любили, считая гнилью и многіе его совсѣмъ не ѣли. Офицеры и даже генералы бѣдствовали чуть-ли не больше, и солдаты имъ охотно помогали, чѣмъ могли: чинили обувь на привалѣ, дѣлились харчами изъ послѣднихъ скудныхъ остатковъ. Милорадовичь на бивакѣ съѣлъ у одного солдата спеченную изъ альторфской муки пригорѣлую лепешку, очень ее похвалилъ, поблагодарилъ хозяина и прислалъ ему взамѣнъ небольшой кусочекъ сыра, — половину всего, что имѣлъ самъ. Солдатъ не взялъ сыру, а вмѣстѣ съ другими своего десятка или капральства составилъ складчину, по сухарику съ брата, и все это съ кусочкомъ сухого бульона, взятаго съ убитаго фран-

цузскаго офицера, отнесъ въ узелкѣ къ Милорадовичу, который поблагодарилъ и принялъ.

Часами становилось полегче: переставалъ дождь, стихалъ вѣтеръ, отыскивался матеріалъ для бивачныхъ костровъ, и люди пріободрялись, словно оживали, даже заливалась «русская пѣсня съ рожками и самодѣльными кларнетами», какъ свидѣтельствуетъ участникъ. Подкрѣпляли и поддерживали солдатъ также бравые начальники своимъ примѣромъ. Великій князь сдѣлалъ цѣлый переходъ пѣшкомъ, при авангардѣ князя Багратіона; Суворовъ то ѣхалъ верхомъ, то шелъ пѣшкомъ при переднихъ частяхъ и безпрестанно былъ на виду у солдатъ. Проѣзжая мимо людей, остановившихся въ широкомъ мѣстѣ перевести духъ, продрогшихъ, голодныхъ, сумрачныхъ, — онъ затянулъ пѣсню: «что съ дѣвушкой сдѣлалось, что съ красной случилось». Раздался дружный хохотъ, и солдаты повеселѣли. Имъ было конечно не до величественныхъ видовъ, открывавшихся съ верхнихъ частей Кинцигъ-Кульма; но въ минуты облегченія не оставались незамѣченными и длинная полоса Люцернскаго озера, тянувшагося внизу налѣво, и тучи, ходившія подъ ногами, и глухое рокотаніе грома, раздававшееся эхомъ по ущельямъ, и голубоватыя вспышки молніи. Эти рѣдкія минуты развлеченія смѣнялись однако многими, безконечно-долгими часами трудовъ и опасностей, особенно когда кончился подъемъ и начался спускъ въ долину Муттенъ. Люди, выбившись изъ силъ, въ скользкихъ мѣстахъ сползали внизъ сидя; особенно трудно было коннымъ, а тѣмъ паче лошадямъ и муламъ, навьюченнымъ артиллеріей, зарядами и патронами. Они едва передвигали ноги, несмотря на понужденія погонщиковъ; обивали копыта до совершенной невозможности продолжать путь; истомленные безкормицей и усталостью, падали или срывались съ узкой тропы, летѣли стремглавъ съ кручи и разбивались о камни, увлекая за собою нерѣдко и погонщиковъ. Малѣйшая неосторожность и невниманіе, каждый невѣрный шагъ грозили смертью.

Какъ тяжелъ былъ переходъ, видно по времени, которое на него потребовалось. Голова авангарда спустилась къ деревнѣ Муттенъ чрезъ 12 часовъ по выступленіи изъ Альторфа, хотя разстояніе между этими двумя пунктами не превышало 15—16

верстъ; хвостъ колонны прибылъ въ Муттенъ на другой день къ ночи, а вьюки тянулись еще двое сутокъ. Разсчетъ Суворова не оправдался: прямой путь оказался сравнительно длиннымъ и обозначался страшнымъ слѣдомъ людей, лошадей и муловъ, искалѣченныхъ, умиравшихъ и мертвыхъ. Самая большая потеря была между казачьими лошадьми, употребленными подъ вьюки. Во всякомъ случаѣ переходъ этотъ изумилъ всѣхъ, и тропинка, пройденная русскими войсками, изображалась до послѣдняго времени на многихъ картахъ Швейцаріи надписью: «путь Суворова въ 1799 году».

Крайняя мѣра, принятая Суворовымъ, подѣйствовала на непріятеля внушительно: аріергардъ Розенберга, два раза атакованный Французами и оба раза отбившій нападеніе превосходныхъ силъ, былъ затѣмъ оставленъ въ покоѣ, и весь вьючный обозъ, подъ прикрытіемъ спѣшенныхъ казаковъ, успѣлъ втянуться на горную тропинку. Удачны были и первые шаги авангарда въ Муттенталѣ. Приближаясь къ Муттену, Багратіонъ узналъ, что тамъ находится передовой постъ Французовъ, выдвинутый отъ Швица. Захвативъ съ собою небольшую часть егерей и казаковъ изъ головы колонны, Багратіонъ, пользуясь пригорками и перелѣсками, незамѣтно окружилъ Французовъ, считавшихъ себя въ полной безопасности и произвелъ внезапное нападеніе. Весь постъ, въ числѣ до 150 человѣкъ, былъ или переколотъ, или взятъ въ плѣнъ, послѣ чего войска русскаго авангарда, несмотря на свое утомленіе, провели ночь въ полной готовности къ бою, въ ожиданіи нападенія со стороны Швица.

Спустившись въ Муттенскую долину и ожидая, пока стянутся остальныя войска, Суворовъ послалъ утромъ 17 числа вправо, къ сторонѣ Гларіса, сотню конныхъ казаковъ, чтобы собрать какія-нибудь свѣдѣнія. Казаки вернулись съ дурными новостями: Кленталь занимали Французы. Въ этотъ же день получены Суворовымъ отъ окрестныхъ жителей страшныя вѣсти и уже не въ видѣ смутнаго слуха, а въ категорической формѣ, именно, что Корсаковъ и Готце разбиты на голову и далеко отброшены, а на пути Суворова находятся Французы.

Катастрофа произошла 14 — 15 сентября. Корсаковъ расположилъ свои войска на р. Лиматѣ какъ нельзя хуже и не

принималъ никакихъ мѣръ противъ непріятельскаго наступленія. Русскіе были застигнуты въ расплохъ; отъ самонадѣянности, кичливости и безпечности, предводитель ихъ перешелъ въ другую крайность и совершенно потерялъ голову. Безпорядокъ былъ невѣроятный, граничившій съ полнымъ хаосомъ; распоряженій никакихъ. Если ко всему этому прибавить значительный перевѣсъ силъ на сторонѣ Французовъ, то станетъ понятно, почему Римскій-Корсаковъ подвергся подъ Цюрихомъ совершенному разгрому, и корпусъ его понесъ страшныя потери. Число убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ простиралось до 8,000, въ томъ числѣ много офицеровъ и три генерала; знаменъ потеряно 9, орудій 26, обозъ почти весь. Исходъ могъ бы быть еще гибельнѣе, если бы русскія войска не проявили беззавѣтной храбрости и замѣчательной стойкости. Офицеры говорили, что ихъ побилъ не непріятель, а свой собственный генералъ.

Императоръ Павелъ былъ очень огорченъ цюрихскимъ пораженіемъ и повелѣлъ Суворову, подробно разсмотрѣвъ распоряженія Корсакова и Дурасова, представить свое мнѣніе. Суворовъ донесъ, что Римскій-Корсаковъ не виноватъ, а причиною происшедшаго есть Дурасовъ (командовавшій правымъ флангомъ): «поелику занятъ будучи одною лишь канонадою и угроженіемъ переправы, не поспѣшалъ соединиться съ прочими войсками, въ бою бывшими». Съ заключеніемъ Суворова трудно согласиться; вѣроятно онъ основался на донесеніяхъ Римскаго-Корсакова, не затребовавъ объясненія отъ Дурасова; послѣдній былъ конечно виноватъ, но не въ той мѣрѣ, какъ первый. Императоръ Павелъ повелѣлъ отставить отъ службы и Римскаго-Корсакова, и Дурасова, и трехъ генераловъ, попавшихъ въ плѣнъ.

Одновременно съ цюрихскимъ сраженіемъ происходилъ и бой на Линтѣ. Въ самомъ началѣ дѣла, Готце и его начальникъ штаба были убиты; австрійскія войска понесли полное пораженіе, потерявъ почти половину своихъ людей убитыми, ранеными и плѣнными, и отступили на правую сторону Рейна, какъ и войска Римскаго-Корсакова. Прочіе отдѣльные отряды Австрійцевъ хотя избѣжали участи Корсакова и Готце, но Суворова все-таки покинули. Елачичъ услышавъ про катастрофу на Линтѣ, отретировался за Рейнъ. Линкенъ поступилъ еще хуже: будучи вмѣстѣ

съ Елачичемъ сильнѣе французскаго генерала Молитора, противъ котораго они оба дѣйствовали, онъ не пособилъ Елачичу; дѣйствовалъ боязливо, медленно, не открылъ сообщенія съ Суворовымъ; простоялъ 16 и 17 числа противъ Молитора у Гляриса, не предпринявъ общей атаки, а узнавъ вслѣдъ затѣмъ о событіяхъ на Лиматѣ и Линтѣ и объ отступленіи Елачича, самъ ретировался. Между тѣмъ въ этотъ послѣдній день, 17 числа, сотня казаковъ Суворова доходила до Кленталя, для открытія съ нимъ сообщенія. Такимъ образомъ Линкенъ окончательно выдалъ Французамъ Суворова, что называется головой, и никѣмъ не преслѣдуемый, отошелъ до самаго Иланца.

Суворовъ остался противъ Французовъ на всемъ театрѣ войны одинъ со своей маленькой арміей, безъ всякой надежды на чью либо помощь или содѣйствіе. Массена былъ не изъ такихъ генераловъ, какъ Линкенъ, или Елачичъ; не теряя часа времени, онъ поѣхалъ по Люцернскому озеру въ Альторфъ и узнавъ тутъ, что Суворовъ ушелъ, немедленно произвелъ рекогносцировку по направленію къ Шахенталю. Вдоль пройденнаго русскими войсками начала тропинки, по склонамъ горъ, валялись трупы людей, лошадей и муловъ; было подобрано нѣсколько человѣкъ еще живыхъ, но искалѣченныхъ, или недалекихъ отъ смерти вслѣдствіе усталости и голода. Удостовѣрившись, что Суворовъ долженъ быть уже въ Муттенталѣ, Массена вернулся въ Швицъ и приказалъ сосредоточиваться туда части своихъ войскъ, а другимъ подкрѣпить Молитора, дабы такимъ образомъ запереть Русскимъ эти два единственные выхода изъ западни, въ которую они попались. Массена былъ убѣжденъ, что русскимъ войскамъ нѣтъ спасенія и что они принуждены будутъ сдаться; выѣзжая изъ Цюриха въ Альторфъ, онъ обѣщалъ плѣннымъ русскимъ офицерамъ увеличить чрезъ нѣсколько дней ихъ общество фельдмаршаломъ и великимъ княземъ. Послѣдніе успѣхи затуманили Массенѣ голову, и онъ поторопился слишкомъ легко и хвастливо оцѣнить своихъ новыхъ противниковъ.

Положеніе Суворова въ Муттенталѣ было въ полномъ смыслѣ отчаянное. Въ сухарныхъ мѣшкахъ людей не оставалось или почти ничего, или ровно ничего, и пополнить этотъ недостатокъ было нечѣмъ. Селенія въ Муттенской долинѣ были обобраны

или ограблены Французами до-тла. При спускѣ съ горъ, великій князь Константинъ скупилъ для авангарда все, что только въ Муттенталѣ было, а именно двѣ гряды картофеля, и заплатилъ за нихъ 40 червонцевъ. По одному дошедшему до насъ извѣстію, монахини тамошняго женскаго монастыря продавали копѣечныя булки по червонцу, и хотя это свидѣтельство мало заслуживаетъ вѣры, но оно все-таки характеризуетъ тогдашнее положеніе. Вьюки съ провіантомъ, тянувшіеся сзади на большомъ пространствѣ, представляли изъ себя одну пустую надежду, потому что сухари во вьюкахъ были по большей части бѣлые и прѣсные, которые отъ ненастья размокли и сгнили. Люди копали въ долинѣ какіе-то коренья и старались ими насытиться. Мяса было очень мало, притомъ приходилось ѣсть такія части, на которыя въ другое время и смотрѣть было бы отвратительно; даже кожу нарѣзывали кусочками, навернувъ на шомпола, палили на огнѣ шерсть и обжаривъ немного, глодали. Но еще больше дорожили кожею для ногъ, которыя ею обертывали и такъ ходили, даже офицеры. Вьюки дошли немногіе, прочіе пропали вмѣстѣ съ казачьими лошадьми въ пропастяхъ и съ вьюками пропали не только сухари, но также заряды и патроны. Артиллерія была одна горная; кавалерійскія лошади истощены безкормицей, съ обломанными копытами, или безъ подковъ. Нравственный гнетъ безвыходнаго положенія усугублялся еще горечью сознанія, что ничего подобнаго не случилось бы, если бы войска не потеряли 5 дней въ Тавернѣ. Теперь и судьба войскъ, и военная честь Россіи, и собственная репутація Суворова, — все это зависѣло отъ того, какое рѣшеніе будетъ имъ, Суворовымъ, принято и какъ исполнено. На него легла тяжкая дума, особенно по полученіи 18 числа донесенія отъ генерала Линкена обо всемъ совершившемся; озабоченность его была такъ велика, что ее замѣчали даже солдаты. Подвигъ предстоялъ такой трудный, что требовалось для его совершенія полное единодушіе всѣхъ и каждаго, высшая степень единенія между предводителемъ и подчиненными, подъемъ нравственной силы до послѣдняго предѣла. Суворовъ приказалъ собраться у себя военному совѣту, пригласивъ великаго князя и 10 генераловъ; австрійскаго генерала Ауфенберга не позвали.

Иностранные историки свидѣтельствуютъ, что Суворовъ, увидя себя въ западнѣ, пришелъ въ такую ярость, что рѣшилъ выбить Французовъ изъ Швица и выйти въ тылъ непріятельской арміи, и что только настойчивыя убѣжденія нѣсколькихъ лицъ удержали его отъ такого отчаяннаго намѣренія. Русскіе источники говорятъ противное, а одинъ изъ участниковъ кампаніи утверждаетъ, что австрійскіе офицеры генеральнаго штаба указывали Суворову на Швицъ, какъ на лучшій путь дѣйствій, но онъ не согласился. Русскіе источники оказываются болѣе основательными; но весьма возможно, что Суворовъ, въ первомъ порывѣ, хотѣлъ идти на Швицъ. Предпріятіе было бы въ высшей степени дерзкимъ, но положеніе Суворова могло внушить ему рѣшеніе, которое не пришло бы другому въ голову. Намѣренія этого онъ держался недолго, такъ какъ опасности такого плана были слишкомъ велики и очевидны, и военному совѣту, собравшемуся 18 числа, самъ указывалъ на него, какъ на неисполнимое.

Первымъ явился на совѣщаніе Багратіонъ; Суворовъ въ полной фельдмаршальской формѣ, сильно встревоженный и взволнованный, ходилъ шибко по комнатѣ, отпуская отрывистыя слова и ѣдкія фразы на счетъ парадовъ и разводовъ, неумѣнья вести войну, искусства быть битымъ и т. под. Онъ не обратилъ никакого вниманія на Багратіона, можетъ быть даже совсѣмъ не замѣтилъ его прихода, такъ что тотъ счелъ болѣе умѣстнымъ выйти и явиться вмѣстѣ съ другими. Суворовъ встрѣтилъ ихъ поклономъ, закрылъ глаза, какъ бы собираясь съ мыслями, и потомъ съ огнемъ во взорѣ, съ одушевленнымъ лицомъ сталъ говорить сильно, энергично, даже торжественно. Онъ будто преобразился; никто никогда не видалъ его въ такомъ настроеніи. Объяснивъ вкратцѣ, что произошло на Лиматѣ, на Линтѣ и съ остальными австрійскими отрядами, Суворовъ, не сдерживая своего негодованія, припомнилъ всѣ затрудненія въ ходѣ Итальянской кампаніи, какія постоянно имѣлъ отъ Тугута и гофкригсрата; говорилъ, что Русскіе удалены изъ Италіи, чтобы не мѣшали австрійскимъ захватамъ; что преждевременный выходъ изъ Швейцаріи эрцъ-герцога Карла былъ вѣрхомъ Тугутова вѣроломства; что задержка Русскихъ въ Тавернѣ носила на себѣ явные признаки измѣны; что благодаря этому предательству, Корсаковъ

разбитъ, а онъ, Суворовъ, опоздалъ придти и не успѣлъ предупредить скопленія непріятельскихъ войскъ на Лиматѣ и Лиитѣ. Сказавъ это, Суворовъ остановился, какъ бы давая время генераламъ вникнуть въ его рѣчь, и потомъ продолжалъ. Онъ объяснилъ, что сухарей у людей очень мало, зарядовъ и патроновъ и того меньше; что на Швицъ идти невозможно, отступать же стыдно; что со времени дѣла на Прутѣ при Петрѣ Великомъ, русскія войска никогда не находились въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ нынѣ. «Помощи ждать не откуда, надежда только на Бога да на величайшее самоотверженіе войскъ; только въ этомъ и спасеніе», продолжалъ говорить Суворовъ своимъ подчиненнымъ съ возрастающимъ волненіемъ, горестью и негодованіемъ: «спасите честь Россіи и ея Государя, спасите его сына!» Съ этими словами онъ, въ слезахъ, бросился къ ногамъ великаго князя [49]).

Впечатлѣніе было потрясающее. Это былъ не тотъ Суворовъ, котораго всѣ привыкли видѣть въ бою, на походѣ, въ лагерѣ, то грознаго, то шутливаго и причудливаго, но всегда смотрѣвшаго впередъ съ полною увѣренностью въ успѣхъ и не допускавшаго мысли о пораженіи. Едва ли кто видѣлъ прежде на глазахъ его слезы; никому не приводилось въ прежніе годы замѣчать на его лицѣ такую тревогу и волненіе. Всѣ присутствующіе инстинктивно двинулись впередъ, чтобы поднять Суворова отъ ногъ великаго князя, но Константинъ Павловичъ, самъ потрясенный до глубины души, уже поднялъ фельдмаршала на ноги и, весь въ слезахъ, обнималъ его и покрывалъ поцѣлуями. Потомъ всѣ, какъ бы по заранѣе принятому соглашенію, взглядами обратились къ Дерфельдену, который, помимо своего старшинства, пользовался общимъ уваженіемъ за свои личныя качества. Дерфельденъ обратился къ Суворову съ задушевнымъ словомъ, но съ лаконичностью, которая всегда приводила Суворова въ восторгъ. Онъ сказалъ, что теперь всѣ знаютъ что случилось, и видятъ какой трудный подвигъ предстоитъ имъ впереди; но и онъ, Суворовъ, также знаетъ, до какой степени войска ему преданы и съ какимъ самоотверженіемъ онъ любимъ. Поэтому, какія бы бѣды впереди ни грозили, какія бы несчастья ни обрушились, войска вынесутъ все, не посрамятъ русскаго

имени и если не суждено имъ будетъ одолѣть, то по крайней мѣрѣ они лягутъ со славой. Когда Дерфельденъ кончилъ, всѣ въ голосъ, съ энтузіазмомъ, съ увлеченіемъ подтвердили его слова, клянясь именемъ Божіимъ, и не было лести у нихъ на языкѣ, ни обмана въ ихъ сердцѣ. Суворовъ слушалъ Дерфельдена съ закрытыми глазами и опущенной головой; когда же раздался сердечный, горячій крикъ присутствовавшихъ, поднялъ голову, взглянулъ на всѣхъ свѣтлымъ взглядомъ, поблагодарилъ и изъявилъ свою твердую надежду, что будетъ побѣда, двойная побѣда—и надъ непріятелемъ, и надъ коварствомъ.

Главная цѣль была достигнута: нравственная связь между войсками и предводителемъ скрѣплена и удостовѣрена на жизнь и смерть. Начались совѣщанія о планѣ послѣдующихъ дѣйствій. Великій князь говорилъ противъ движенія къ Швицу, находя, что оно отдалило бы Русскихъ отъ соединенія съ союзными войсками, путь же на Гларисъ приближаетъ и къ Линкену, и къ кое-какимъ средствамъ продовольствія. Совѣтъ согласился съ великимъ княземъ, постановивъ выступить на Гларисъ и продолжать маршъ на Саргансъ и дальше, по указанію обстоятельствъ, для соединенія съ войсками Корсакова и Готце. Относительно провіанта совѣтъ рѣшилъ довольствоваться по необходимости существующимъ его запасомъ, выдавая людямъ половинные раціоны и дополняя недостающее сыромъ и мясомъ, чтобы продовольствія достало на 10 дней. Какимъ образомъ совѣтъ опредѣлилъ наличный запасъ провіанта 5-дневной пропорціей, остается неизвѣстнымъ, потому что вьюки еще не прибыли, да и много изъ нихъ погибло; въ постановленіи о мясѣ и сырѣ тоже было много условнаго, такъ какъ военныя дѣйствія происходили въ очень разоренной странѣ. Слѣдовательно, войскамъ предстояли усиленные боевые и походные труды, а продовольствіе уменьшалось,—нелогичность печальная, но неотвратимая.

Тутъ же, въ военномъ совѣтѣ, Суворовъ продиктовалъ диспозицію. Въ авангардѣ назначено идти Ауфенбергу, выступивъ въ тотъ же день, 18 числа, а на другой день остальнымъ войскамъ, кромѣ корпуса Розенберга и дивизіи Ферстера, которые остаются въ аріергардѣ и должны удерживать непріятеля, пока

всѣ вьюки перевалятъ чрезъ гору Брагель. Участвовавшіе въ военномъ совѣтѣ откланялись Суворову и разошлись, унося въ сердцѣ своемъ небывалое доселѣ впечатлѣніе и сохраняя слѣды его въ выраженіи лица; особенно гнѣвно и грозно смотрѣли Дерфельденъ и Багратіонъ.

Войска выступили, какъ назначено было диспозиціей. Ауфенбергъ сбилъ съ горы Брагель непріятельскіе посты, спустился въ Клентал и остановился на ночлегѣ, не доходя озера. На утро Молиторъ атаковалъ Австрійцевъ, потѣснилъ ихъ и потомъ сдѣлалъ предложеніе—положить оружіе. Ауфенбергъ вступилъ было въ переговоры, испуганный ретирадой чрезъ Брагель и не надѣясь на скорую помощь Русскихъ, но какъ разъ во-время подоспѣлъ Багратіонъ. Ауфенбергъ прервалъ переговоры и сталъ отступать; Молиторъ, твердо убѣжденный, что Массена не выпуститъ Суворова изъ Муттенталя, преслѣдовалъ Австрійцевъ горячо, считая ихъ своей вѣрной добычей. Внезапно появился на его лѣвомъ флангѣ Багратіонъ, скрытно пробравшійся болотистымъ лѣсомъ, и съ крикомъ *ура* бросился въ штыки. Велико было изумленіе Французовъ, совсѣмъ не ожидавшихъ новаго врага; встрѣченные штыковою атакой и съ фронта, и съ фланга, они подались назадъ и хотя пытались удержаться, отстрѣливаясь, но Багратіонъ не давалъ имъ опомниться, возобновляя постоянно атаки.

Молиторъ отступалъ по узкой дорогѣ, усиливаясь подходившими отъ Гларіса подкрѣпленіями. Занята была сильная позиція у восточной оконечности Кленскаго озера, по гребню крутыхъ горъ, лѣвымъ флангомъ къ озеру; позиція эта, на разстояніи отъ берега до подошвы горъ, усиливалась каменною оградой церкви. Русскіе наступали по той же узкой дорогѣ, гдѣ могли проходить рядомъ только два человѣка; по временамъ движеніе затруднялось огромными камнями и сваленными деревьями. Шедшій въ головѣ австрійскій батальонъ, по выходѣ изъ тѣснины былъ встрѣченъ залпомъ и подался назадъ; протиснувшійся впередъ русскій батальонъ бросился въ атаку, но былъ тоже отбитъ. Багратіонъ возобновлялъ атаку нѣсколько разъ, но безуспѣшно; спереди осыпалъ атакующаго градъ пуль и картечи, съ праваго фланга производился живой огонь изъ-за ка-

меньевъ противуположнаго берега. Съ каждымъ шагомъ движеніе по узкой дорогѣ становилось труднѣе; она настолько была завалена нашими убитыми, что сдѣлалась наконецъ непроходимой; такъ что наступавшимъ заднимъ людямъ приходилось оттаскивать убитыхъ товарищей ближе къ озеру и пробираться на открытое мѣсто все-таки по грудамъ мертвыхъ тѣлъ. Спускалась ночь; войска, утомленныя 20-верстнымъ переходомъ по горнымъ высямъ, чрезъ снѣговой хребетъ, очень нуждались въ отдыхѣ. Багратіонъ отложилъ атаку до слѣдующаго дня; лишь перестрѣлка продолжалась, несмотря на ночную темноту. Ночью же подошла и дивизія Швейковскаго, потерявъ на переходѣ много вьюковъ. Отдыхъ предстоялъ незавидный, въ близкомъ сосѣдствѣ съ непріятелемъ: приказано стоять въ совершенной тишинѣ; огни дозволено развести только въ мѣстахъ, скрытыхъ отъ непріятеля горами. Ненастье продолжалось; крупныя капли дождя перемежались съ хлопьями снѣга; непроницаемый туманъ мѣшалъ разглядѣть что-либо въ десяти шагахъ. Войска провели ночь почти безъ сна; Суворовъ и великій князь ночевали въ овечьемъ хлѣву.

Неудача вечернихъ атакъ заставила князя Багратіона принять дополнительныя мѣры къ обезпеченію успѣха на утро. Пользуясь туманомъ и непроглядною темнотою, нѣсколько батальоновъ взобрались на утесы влѣво и расположились на полугорьѣ, въ двѣ линіи, очень близко отъ Французовъ. А подполковникъ графъ Цукато съ 2 батальонами, 4 австрійскими ротами и 2 сотнями спѣшенныхъ казаковъ пробрался еще дальше и занялъ почти отвѣсные утесы, командовавшіе правымъ непріятельскимъ флангомъ. Войска были голодны, многіе люди нѣсколько дней не видали сухарей; они были босы и почти голы, но всѣ съ нетерпѣніемъ ждали встрѣчи съ Французами, въ надеждѣ на выходъ изъ настоящаго положенія. Появился Суворовъ, измокшій, дрожавшій въ своемъ жиденькомъ плащѣ; онъ искалъ Багратіона и найдя его, сталъ говорить, что непремѣнно надо пробиться на слѣдующій день къ Гларису, что употребить на это нужно всѣ усилія. Багратіонъ успокоилъ его, говоря, что въ Гларисѣ будемъ во что бы то ни стало и объяснилъ, какія сдѣланы распоряженія на утро. Суворовъ одо-

брилъ принятыя мѣры, похвалилъ рѣшимость Багратіона и, провожаемый имъ, вернулся къ своему ночлегу.

Около полуночи Французы, услышавъ вѣроятно шумъ на своемъ правомъ флангѣ, послали туда патрули для осмотра горъ. Патрули наткнулись на русскій пикетъ, обмѣнялись съ нимъ нѣсколькими выстрѣлами и отступили. Обстоятельство это однако нѣсколько обезпокоило Молитора; не задолго до свѣта онъ послалъ другой, болѣе сильный отрядъ, еще выше по горамъ, вѣроятно чтобы занять тутъ пунктъ и обезпечить флангъ; но отрядъ опоздалъ, гора уже была въ рукахъ Русскихъ. Тогда Французы разомъ открыли сильный ружейный огонь по всей линіи, несмотря на темноту. Это послужило какъ бы сигналомъ русскимъ войскамъ, занимавшимъ кручи; всѣ кинулись впередъ, на выстрѣлы, съ крикомъ *ура*. Много тутъ сорвалось людей и убилось; еще больше пострадали Французы отъ этой страшной, неистовой атаки на-угадъ, на огонь. Войска Дерфельдена, стоявшія внизу, на дорогѣ, тоже повели атаку фронтально и мигомъ выбили Французовъ изъ-за церковной стѣны. Атакованный съ фронта и фланга, угрожаемый съ тыла, Молиторъ перешелъ поспѣшно въ отступленіе и занялъ позицію у Нетсталя, гдѣ и удержался довольно долго, несмотря на настойчивыя атаки Багратіона. Выбитый наконецъ изъ Нетсталя съ потерею пушки, знамени и 200 плѣнныхъ, Молиторъ отступилъ къ Нефельсу, по обоимъ берегамъ р. Линты.

Здѣсь, впереди деревни, Французы заняли крѣпкую позицію, гдѣ опять долго и упорно отражали Багратіона, несмотря на свою численную сравнительную слабость. Но Багратіонъ удвоилъ усилія и наконецъ занялъ деревни Нефельсъ и Молисъ, лежащія на разныхъ берегахъ Линты, взявъ у Французовъ знамя, двѣ пушки и до сотни плѣнныхъ. Молиторъ перешелъ было въ полное отступленіе, но скоро подошли къ нему на помощь давно ожидаемыя передовыя войска Газана. Французы получили теперь перевѣсъ въ силахъ и завладѣли снова Молисомъ и Нефельсомъ. Багратіонъ снова атаковалъ и взялъ обѣ деревни, но затѣмъ былъ опять выбитъ Молиторомъ. Пять или шесть разъ переходила дер. Нефельсъ изъ рукъ въ руки, пока наконецъ Багратіонъ получилъ приказаніе Суворова—бросить Нефельсъ и

отойти къ Нетсталю, гдѣ уже сосредоточились остальныя войска Дерфельдена.

Пока одна часть русскихъ войскъ прокладывала себѣ такимъ образомъ выходъ изъ Муттенской долины, другая оставалась около Муттена, обезпечивая съ тыла движеніе первой. Главныя силы Розенберга стояли у деревни лагеремъ, авангардъ находился передъ францисканскимъ монастыремъ, передовые посты еще версты на полторы впереди. Всего было въ строю тысячи четыре, считая и спѣшенныхъ казаковъ; три полка аріергарда находились еще на пути чрезъ Росштокскій хребетъ, такъ какъ вьюки продолжали тянуться по горной тропѣ. Французы въ Швицѣ были сильнѣе вдвое и ждали новыхъ подкрѣпленій; Массена прибылъ изъ Альторфа 19 числа и самъ дѣлалъ всѣ распоряженія. Онъ однако не зналъ и не могъ знать, гдѣ именно находится маленькая русская армія; наканунѣ онъ могъ удостовѣриться лишь въ томъ, что Русскіе ушли изъ Альторфа въ Муттенталь. Массена положилъ безотлагательно произвести рекогносцировку и на добытыхъ свѣдѣніяхъ основать свой дальнѣйшій образъ дѣйствій.

Рекогносцировка была произведена въ тотъ же день, 19 числа, и превратилась въ довольно горячее дѣло, такъ что Розенбергъ, а за нимъ и Суворовъ, донесли объ одержанной въ этотъ день побѣдѣ. Французы отретировались до Швица съ довольно значительнымъ урономъ, а Русскіе захватили у нихъ одну гаубицу. Но Массена достигъ своей цѣли: онъ удостовѣрился, что Суворовъ съ большею частью своихъ войскъ ушелъ дальше.

Къ ночи прибыли въ Муттенъ остальные вьюки, тянувшіеся изъ Шахенталя чрезъ Росштокскій хребетъ, а вслѣдъ за ними спустился съ перевала и аріергардъ. Такимъ образомъ силы Розенберга возрасли приблизительно тысячъ до семи, но и Массена получилъ также подкрѣпленіе, такъ что въ Швицѣ сосредоточилось никакъ не меньше 10,000 человѣкъ. Ночь и утро прошли спокойно, но вслѣдъ затѣмъ три французскія колонны съ артиллеріею и застрѣльщиками повели наступленіе бойко и рѣшительно. Передовые посты Русскихъ отступили; авангарду приказано было оттягивать назадъ, не завязывая серьезнаго дѣла, что онъ и исполнилъ. Тѣмъ временемъ Розенбергъ про-

двинулъ свои главныя силы на нѣсколько сотъ шаговъ впередъ и вытянулъ ихъ въ двѣ линіи поперекъ долины, а отступавшему авангарду отдалъ приказаніе, приблизясь къ первой линіи, раздаться вправо и влѣво и быстро отходить къ флангамъ. Маневръ былъ исполненъ хорошо, и колонны французскія внезапно очутились предъ грознымъ строемъ, занимавшимъ всю ширину долины. Тогда русская первая линія, подпустивъ непріятеля на ружейный выстрѣлъ, дала залпъ и разомъ, съ крикомъ *ура*, бросилась въ атаку.

Французы были ошеломлены, стали пріостанавливаться, заминаться, открывать мѣстами бѣглый огонь; но русскіе батальоны приближались такъ стремительно и грозно, что колебаніе продолжалось не долго: центръ непріятеля дрогнулъ и побѣжалъ, не выждавъ удара; фланговыя колонны, болѣе слабыя числомъ, послѣдовали его примѣру. Русскіе продолжали наступленіе и дошли до такой степени возбужденія, что нѣкоторые батальоны второй линіи опережали первую, дабы добраться до непріятеля. Французы потеряли всякое присутствіе духа и бѣжали безъ оглядки въ смертномъ ужасѣ. Аріергардъ ихъ остановился было для отпора при устьѣ ущелья, въ очень крѣпкой позиціи, усиленной заранѣе укрѣпленіями; но атакованный съ фронта и обойденный съ фланга, не выстоялъ, бѣжалъ. На мосту чрезъ р. Муотту, гдѣ столпились бѣжавшіе, аріергардъ снова пытался остановить бурное преслѣдованіе; но опять безъ всякаго успѣха и поплатился двумя орудіями, которыя были тотчасъ обращены противъ бѣглецовъ и провожали ихъ французскими ядрами. Трудность преслѣдованія заключалась для Русскихъ лишь въ томъ, чтобы догнать бѣгущихъ; на это не хватало силъ, до того поспѣшно и безпорядочно было бѣгство. Гдѣ удавалось настигнуть Французовъ, тамъ ихъ рубили и кололи почти безотпорно; плѣнные сдавались цѣлыми толпами. Пораженіе нанесено было такое полное, и Французы приведены въ такое разстройство, что начали устраиваться только позади Швица, а русскія войска прекратили преслѣдованіе лишь при выходѣ изъ ущелья, передовые же отряды дошли до самаго Швица и Брунена, занявъ послѣдній.

Такъ кончилось это знаменитое сраженіе, составляющее

одинъ изъ самыхъ блестящихъ подвиговъ русскаго оружія. Корпусъ Розенберга сослужилъ 20 сентября большую службу и не только выполнилъ свою трудную задачу съ полнымъ успѣхомъ, но сдѣлалъ больше, чѣмъ разсчитывалъ самъ Суворовъ. Войска дрались съ одушевленіемъ, трудно поддающимся описанію. Ребиндеръ и Милорадовичъ были выступающими героями дня; незамѣтный, какъ бы исчезающій въ присутствіи другихъ Суворовскихъ сподвижниковъ, Розенбергъ доказалъ свое право на мѣсто въ ихъ блестящей плеядѣ. Розенбергъ не пользовался такою любовью войскъ, какъ другіе, но не все дурное, ему приписываемое, было справедливо. Кто не любимъ, тотъ и виноватъ. На другой день послѣ Нови, когда корпусъ Розенберга, преслѣдуя Французовъ, былъ внезапно остановленъ и остался въ бездѣйствіи, всѣ винили въ этомъ его, Розенберга, а между тѣмъ онъ получилъ на то положительное приказаніе отъ Суворова. Сентября 19, во время усиленной рекогносцировки Французовъ, авангардъ Ребиндера не былъ въ скорости поддержанъ Розенбергомъ; стали говорить, что причиною тому личная непріязнь Розенберга къ Ребиндеру; тогда какъ гораздо легче было подобрать десятокъ другихъ болѣе простыхъ объясненій, тѣмъ паче, что Розенбергъ былъ тутъ главнымъ начальникомъ и нанося умышленный вредъ своему авангарду, онъ дѣлалъ бы зло самому себѣ. Въ настоящемъ случаѣ, въ бою 20 сентября, Розенбергъ велъ себя безукоризненно: составилъ отличную диспозицію, ѣздилъ по фронту войскъ, ободрялъ солдатъ, приказывалъ не терять времени на пустую перестрѣлку, а драться по Суворовски, работая штыкомъ [50]).

Сраженіе 20 сентября не оцѣнено по своему достоинству до сихъ поръ иностранными писателями, а Французы говорятъ о немъ не иначе, какъ подъ сурдинкой. Они понесли тутъ огромныя потери, точный итогъ которыхъ надо искать между предѣлами 3—4000 человѣкъ. Однихъ плѣнныхъ взято больше 1000, въ томъ числѣ генералъ и 15 офицеровъ. Потеря Русскихъ должна быть несравненно ниже французской. Поселяне и казаки всю ночь и слѣдующее утро подбирали раненыхъ, сносили ихъ въ большой каменный домъ въ Муттенѣ и рыли могилы для убитыхъ. Взятыя у непріятеля нѣсколько пушекъ были закле-

паны и зарыты въ землю. У убитыхъ Французовъ оказалось немало съѣстного: водка, вино, сыръ, хлѣбъ, сухари и т. п.; у рѣдкаго изъ нихъ не было денегъ или цѣнныхъ вещей; все это конечно было обобрано Русскими. Кромѣ того, не вдалекѣ отъ Швица, въ лѣсу, казаки нашли нѣсколько мѣшковъ съ сорочинскимъ пшеномъ, сыромъ, колбасами и другими припасами,—вѣроятно маркитантскіе запасы, брошенные при поспѣшномъ бѣгствѣ. Корпусъ Розенберга, получившій такимъ образомъ добычу, разговѣлся въ этотъ вечеръ горячимъ, наваривъ въ водоносныхъ фляжкахъ похлебку изъ разныхъ разностей.

Ночь прошла спокойно, непріятель смирно стоялъ въ своей позиціи за Швицемъ, не трогаясь съ мѣста; казачьи разъѣзды невозбранно сновали подъ городомъ. Русскіе отдохнули и повеселѣли. Въ эту же ночь, или подъ утро, Розенбергъ получилъ отъ Суворова приказаніе — начать движеніе для присоединенія къ главнымъ силамъ. Трудна была эта задача, въ виду многочисленнаго непріятеля съ тыла и горы Брагель впереди; но нравственное вліяніе побѣды сгладило неравенство положенія Русскихъ съ Французами. Розенбергъ прибѣгнулъ еще къ хитрости: онъ послалъ въ Швицъ приказаніе — заготовить хлѣба, мяса и вина на 12,000 Русскихъ, которые должны вступить въ городъ, что конечно тотчасъ же сдѣлалось извѣстно Французамъ. Цѣлый день они прождали нападенія Русскихъ; только къ вечеру напало на Массену сомнѣніе, и онъ рѣшился сдѣлать рекогносцировку. Но Розенбергъ выступилъ еще съ утра, и хотя Французы погнались за нимъ по Муттенталю, до горы Брагель, однако не могли настичь даже аріергарда. Побитый и обманутый Массена оставилъ въ Муттенталѣ нѣсколько батальоновъ, а прочія свои войска повелъ кружнымъ путемъ, чрезъ Эйнзидельнъ, на соединеніе съ Молиторомъ. Впослѣдствіи, въ 1807 году, бесѣдуя съ однимъ русскимъ генераломъ, Массена вспомнилъ Суворова, хвалилъ его военныя дарованія и сказалъ, что никогда не проститъ ему одного выигранного имъ въ Швейцаріи перехода.

Въ Муттенѣ Французы нашли цѣлый госпиталь. Не имѣя возможности везти за собою тяжело-раненыхъ, Суворовъ велѣлъ оставить ихъ здѣсь съ лѣкаремъ, нѣсколькими фельдшерами и офицеромъ, знавшимъ французскій языкъ. Офицеръ былъ снаб-

женъ письмомъ къ начальнику первыхъ французскихъ войскъ, которыя вступятъ въ Муттенталь; великодушію ихъ поручались русскіе раненые. Такихъ раненыхъ послѣ Розенберга осталось— до 600 человѣкъ Русскихъ и больше 1,000 Французовъ. Офицеръ, штабсъ-капитанъ Селявинъ, возвратился въ Россію въ слѣдующемъ году, съ засвидѣтельствованнымъ Французскимъ правительствомъ документомъ о прекрасномъ исполненіи возложеннаго на него Суворовымъ порученія.

Корпусъ Розенберга шелъ отъ Муттенталя форсированнымъ маршемъ, почему и успѣлъ подняться на гору Брагель до французской погони. Переходъ чрезъ Брагель былъ Розенбергу затруднительнѣе, чѣмъ Суворову, потому что выпалъ свѣжій снѣгъ и продолжалъ идти въ перемежку съ мелкимъ дождемъ, при сильномъ, холодномъ вѣтрѣ. Вьюки растянулись; ночи приходилось проводить почти безъ огней, на мокрой землѣ. Всюду виднѣлись еще свѣжіе слѣды недавнихъ побоищъ, но тѣла русскихъ убитыхъ были похоронены. Наконецъ 23 числа войска прибыли къ Гларису и здѣсь имѣли утѣшеніе нѣсколько подкрѣпить свои силы. Достался ли Русскимъ французскій продовольственный магазинъ, или былъ сдѣланъ сборъ припасовъ съ городскихъ жителей, но только каждый солдатъ получилъ по немногу пшеничныхъ сухарей и по фунту сыра.

Въ ужасномъ видѣ находился наличный остатокъ Суворовской арміи: люди были оборваны, босы, истощены походомъ и голодомъ; патроновъ почти не оставалось, также какъ и артиллеріи; вьючнаго обоза не было и половины. Не только офицеры, но даже генералы не выдѣлялись изъ общаго фона картины; Ребиндеръ обходилъ войска въ сапогахъ безъ подошвъ. Казалось, что чаша горя и бѣдствій дошла до краевъ, что человѣческая выносливость и терпѣніе достигли послѣдняго своего предѣла; но это только казалось, а на самомъ дѣлѣ худшее ожидало впереди.

Въ Гларисѣ пропала послѣдняя надежда Суворова на помощь и содѣйствіе союзниковъ: Линкенъ давно покинулъ долину Линты и безъ всякой необходимости отступилъ въ Граубинденъ. Австрійцы поставили Суворова въ положеніе, доселѣ имъ не испытанное; они привели его къ краю пропасти, гдѣ его слава

могла исчезнуть какъ миражъ. Жалкія распоряженія Австрійцевъ, начиная съ выступленія эрцъ-герцога Карла изъ Швейцаріи, до того осязательно доказывали ненадежность союзниковъ, что представлялась настоятельная необходимость думать уже не о томъ, чтобы поправить положеніе дѣлъ коалиціи въ Швейцаріи, а только о себѣ, т.-е. объ однихъ русскихъ войскахъ. Иначе говоря, Суворову предстояло принять рѣшеніе о спасеніи военной чести Россіи съ наименьшимъ рискомъ и о сохраненіи остатка арміи съ наименьшей потерей.

Такое движеніе было въ сущности отступленіемъ, и если Суворовъ на него рѣшился, то значитъ имѣлъ причины важныя. Причины эти сводятся къ ужасному состоянію маленькой русской арміи и, въ частности, къ недостатку артиллеріи и патроновъ. При такихъ условіяхъ держаться прежняго плана дѣйствій или принять новый, но съ нимъ однородный, было бы безуміемъ. Суворовъ предпочелъ мѣру радикальную въ видѣ новаго плана, совершенно отрицающаго старый. Онъ принялъ этотъ планъ тотчасъ по прибытіи въ Гларисъ, оттого и остановилъ атаки Багратіона на Нефельсъ. Прошло, правда, три дня въ бездѣйствіи, но это потому, что требовалось выждать Розенберга. Нѣкоторые писатели сильно порицаютъ Суворова за принятое имъ новое рѣшеніе. Этимъ критикамъ кажется въ порядкѣ вещей отсутствіе въ австрійскихъ отрядныхъ начальникахъ всякой инициативы для выручки главнокомандующаго изъ бѣдственнаго положенія и признается болѣе логичнымъ обвинять его самого въ томъ, что онъ, будучи окруженъ шулерами, отказался поставить все на карту и съиграть va-banque. Впрочемъ обвиненіе идетъ изъ австрійскаго источника и не заслуживаетъ подробнаго разбора въ виду всего сказаннаго въ двухъ послѣднихъ главахъ.

Суворовъ собралъ военный совѣтъ, такъ какъ положеніе дѣлъ было очень серьезное, а онъ въ подобныхъ случаяхъ дѣлился съ подчиненными своею рѣшимостью. Великій князь возсталъ противъ предлагаемаго Суворову австрійскимъ генеральнымъ штабомъ движенія на Молисъ, Везенъ и Саргансъ, и мнѣніе это было совѣтомъ принято. Послѣдовало рѣшеніе — взять путь кружный, но безопасный—по Зернфталю, чрезъ Энги, Эльмъ, гору Рингенкопфъ (Паникcъ), на Планцъ, а потомъ на

Куръ и Майенфельдъ къ Фельдкирху, откуда уже легко было соединиться съ Корсаковымъ, забравъ по дорогѣ обозы и полевую артиллерію, отправленные изъ Италіи чрезъ Граубинденъ и Тироль. Суворовъ принялъ это рѣшеніе, какъ совершенно совпадавшее съ его собственнымъ взглядомъ, и послалъ приказъ Линкену—заготовить въ Курѣ къ 25 числу провіантъ для русскаго корпуса на два дня. Тяжело-раненые оставлялись въ Гларисѣ, въ на-скоро устроенномъ госпиталѣ, на попеченіи жителей; Суворовъ оставилъ также письмо къ начальнику перваго французскаго отряда, который вступитъ въ Гларисъ, прося его о человѣколюбивомъ обхожденіи съ Русскими и обѣщая со своей стороны тоже самое относительно плѣнныхъ Французовъ.

Нѣкоторые австрійскіе историки истолковываютъ по-своему принятое Суворовымъ рѣшеніе, указывая какъ на его причину, на существовавшее несогласіе между русскими генералами и на уныніе, обуявшее ихъ въ высшей степени. Противъ такого обвиненія говоритъ все. Уныніе, не отражающееся въ дѣйствіяхъ, не есть уныніе, а его мы не находимъ въ фактахъ, начиная съ перваго дня вступленія Русскихъ въ Швейцарію. Весь походъ есть напротивъ живое, полнѣйшее отрицаніе упадка духа. Въ той же мѣрѣ заслуживаетъ вѣры свидѣтельство о внутреннихъ несогласіяхъ въ русской арміи. Если подъ этимъ разумѣть несходство мнѣній, которое, быть можетъ, обнаружилось на военномъ совѣтѣ, то въ этомъ явленіи нѣтъ ничего ненормальнаго, а если что иное, то что же именно? Дѣло представится яснѣе и проще, если взять въ разсчетъ, что мнѣніе австрійскаго генеральнаго штаба было отвергнуто; что однимъ изъ мотивовъ такого рѣшенія было недовѣріе къ союзникамъ; что въ Гларисѣ негодованіе Русскихъ на Австрійцевъ должно было подняться еще на нѣсколько градусовъ, и едва-ли кто, начиная съ великаго князя, стѣснялся его выказывать. Если уже пускаться въ изслѣдованіе причинъ, побудившихъ Русскихъ отступать на Планцъ и Куръ, то найдемъ не уныніе, а негодованіе, не внутреннее разложеніе, а недовѣріе къ союзникамъ, которыхъ всѣ называли предателями. Такое заключеніе по крайней мѣрѣ прямо вытекаетъ изъ всего предшествовавшаго, а не является внезапно, изолированнымъ фактомъ, для котораго надо искуственно

подбирать основу. Слишкомъ неблагодарное дѣло — отыскивать въ Суворовскихъ войскахъ то, что прямо противорѣчитъ побѣднымъ началамъ ихъ духовной организаціи, и по справедливому замѣчанію одного участника этой войны, щедрость Австрійцевъ на подобныя обвиненія вовсе не пристала къ нимъ, особенно предъ судомъ ихъ собственной военной исторіи. Кстати будетъ привести слова и другого писателя (не русскаго): «въ эту кампанію Австрійцы, не будучи биты, до того зазнались, что стали оспаривать у Русскихъ всякое мужество, о чемъ и говорили по всей Германіи; при всякой неудачѣ, понесенной Русскими, они не могли скрыть своей радости, а по окончаніи Швейцарской кампаніи хвастались, что благодаря только ихъ содѣйствію, Суворову удалось оттуда выбраться безъ большихъ бѣдъ».

Войска тронулись въ путь ночью съ 23 на 24 сентября. Милорадовичъ шелъ въ авангардѣ, за нимъ вьюки, потомъ остальныя войска, въ аріергардѣ Багратіонъ. Ауфенберга уже не было, онъ двинулся двумя днями раньше. Утромъ, узнавъ объ отступленіи Русскихъ, Французы немедленно пустились вслѣдъ за ними. Когда вьючный обозъ еще втягивался въ тѣснину, Французы повели атаку, сильно потрепали казаковъ и опрокинули ихъ на пѣхоту. Багратіонъ остановился и выстроилъ боевую линію. Артиллерія непріятельская открыла огонь; у Русскихъ пушекъ не было, и они встрѣтили Французовъ ружейною пальбой, а потомъ все время дѣйствовали штыками. Нѣсколько часовъ продолжался неравный бой; 5,000-ный непріятельскій корпусъ сильно ломилъ, учащая атаки; аріергардъ русскій, не имѣвшій въ рядахъ и 2,000 человѣкъ, отбивалъ натиски натисками. По требованію Багратіона, прибылъ изъ хвоста колонны одинъ полкъ; аріергардъ перешелъ въ наступленіе, отбросилъ Французовъ, пользуясь ихъ замѣшательствомъ отошелъ назадъ и занялъ новую позицію. Въ это время и Французы получили подмогу; она однако мало имъ пособила, ибо всѣ ихъ усилія продолжали разбиваться объ энергію русскаго аріергарда, стойкость и упорство котораго еще увеличились отъ необходимости сберегать послѣдніе патроны. Не зная отступленій, воспитанные и обученные только нападать, идти впередъ, бить,—Суворовскіе батальоны не ограничивались сдерживаніемъ Французовъ, переходили въ

атаку, дерзко бросались въ штыки и не только останавливали сильнаго непріятеля, но заставляли его осаживать назадъ. Тутъ сказалась фактическая повѣрка того будто бы унынія, которое открыли въ русскихъ войскахъ ихъ союзники.

Продержавшись такимъ образомъ на трехъ позиціяхъ, Багратіонъ отошелъ къ вечеру на четвертую. Здѣсь непріятель прекратилъ преслѣдованіе, но всю ночь тревожилъ Русскихъ, такъ что въ батальонахъ часть людей оставалась постоянно подъ ружьемъ. Послѣ полуночи, 25 числа, войска снова тронулись въ путь, который, благодаря глубокому выпавшему снѣгу, оказался труднѣе всѣхъ прежнихъ. Путь былъ, въ сущности, не хуже, а лучше перевала чрезъ Росштокскій хребетъ; по немъ Линкенъ недавно проходилъ дважды, и тропа эта служила обыкновеннымъ сообщеніемъ между Гларисомъ и долиною верхняго Рейна. Но выпавшій снѣгъ сдѣлалъ ее совершенно невозможною. Тропа шла большею частью по косогору, иногда по краю отвѣсныхъ обрывовъ, безпрестанно то спускаясь въ глубокія пропасти, гдѣ приходилось переходить чрезъ горные быстротоки, то опять подымаясь на вершины. Лошади нетолько вьючныя, но и верховыя, безъ всадниковъ, не могли двигаться; безъ подковъ или съ обломанными копытами они падали на пути, или же, чтобы не загромождали тропы, ихъ сталкивали въ пропасти. Всѣ полки разсыпались и перемѣшались; каждый офицеръ и солдатъ шелъ гдѣ и какъ хотѣлъ. Ночь на 25 число была темная и ненастная; за недостаткомъ горючаго матеріала, люди не разводили бивачныхъ огней и тронулись въ путь мокрые, продрогшіе. Днемъ ненастье продолжалось, валилъ густыми хлопьями снѣгъ пополамъ съ дождемъ, и дорога все больше и больше портилась. Чѣмъ выше подымались, тѣмъ труднѣе становился путь; наконецъ снѣгъ совсѣмъ занесъ и скрылъ тропинку. Тучи въ видѣ непроницаемаго тумана обволакивали двигающуюся вереницу людей; войска карабкались на обумъ, ничего не видя передъ собою, и сами отыскивали дорогу, такъ какъ, въ довершеніе несчастья, проводники разбѣжались или попрятались. Кто ѣхалъ верхомъ, тому приходилось слѣзать, но не иначе, какъ спустившись задомъ, черезъ крупъ, и затѣмъ идти за лошадью, держась за ея хвостъ; люди подымались въ гору чуть не на четве-

ренькахъ, спускались внизъ сидя. Каждый сбрасывалъ съ себя все, что казалось лишнею тяжестью; нѣкоторые бросали даже оружіе. Къ ночи большая часть войскъ едва успѣла добраться до вершины хребта; всякій остановился тамъ, гдѣ застигла его ночная тьма. Ночь не принесла ничего хорошаго, ибо завернулъ морозъ. Каждый ютился какъ могъ, отыскивая себѣ убѣжище отъ вѣтра и стужи; не было ничего для разведенія огня. Великій князь Константинъ подалъ мысль объ употребленіи на костры горныхъ лафетовъ и казачьихъ пикъ, что было тотчасъ же приведено въ исполненіе, но помогло мало. Безконечною казалась эта ужасная ночь, а для многихъ она была и послѣднею: къ утру нѣсколько человѣкъ замерзло и довольно многіе отморозили члены.

Спускъ съ Рингенкопфа, вслѣдствіе морозной ночи, сдѣлался еще труднѣе подъема. Сильный вѣтеръ сдулъ въ лощины весь снѣгъ и оставилъ на скалахъ только тонкій слой льда, сгладившій всѣ мелкія неровности и углубленія, гдѣ нога могла бы утвердиться и удержаться. Поэтому переходъ 26 сентября былъ еще бѣдственнѣе вчерашняго, особенно для вьючнаго скота. Суворовъ ѣхалъ на казачьей лошади и усиливался освободиться изъ рукъ двухъ казаковъ, которые вели его лошадь и держали его самого. Онъ безпрестанно говорилъ: «пустите меня, я пойду самъ», но казаки молча продолжали свое дѣло, которое, какъ видно, было имъ строго на строго приказано и только изрѣдка успокоивали его отвѣтомъ короткимъ и нельзя сказать чтобы почтительнымъ.

Къ полудню войска собрались у дер. Паниксъ, къ вечеру дошли до города Планца, гдѣ удалось добыть немного дровъ и хоть сколько-нибудь обогрѣться, а на слѣдующій день пришли въ Куръ. Движеніе тутъ уже не представляло и подобія прежнихъ бѣдствій; кромѣ того войска знали, что въ Курѣ запасено для нихъ продовольствіе, и надежда на скорый конецъ безвременья подкрѣпляла ихъ силы. Дѣйствительно, въ Курѣ были выданы войскамъ дрова, отпущенъ печеный хлѣбъ, мясная и винная порціи,—и люди ощутили такую степень благосостоянія, съ которою давно уже не были знакомы. Въ истинно-ужасномъ видѣ прибыли войска въ Куръ, но въ тотъ же самый день уже нельзя было узнать на лицахъ людей, что они прошли черезъ

цѣлую цѣпь нечеловѣческихъ испытаній. Солдаты принялись исправлять амуницію, чинить обувь себѣ и офицерамъ; въ лагерѣ происходило давно не бывалое движеніе, раздавался говоръ, сыпались веселыя шутки, слышались даже пѣсни: вся горечь недавняго прошлаго была совершенно забыта. Какъ бы обновленная, пришла маленькая Суворовская армія въ Фельдкирхъ 1 октября и здѣсь расположилась лагеремъ.

Если офицерамъ и даже генераламъ достались на долю въ этомъ походѣ тѣже самые труды и лишенія, какъ и солдатамъ, то немногимъ лучше было Суворову и великому князю. По донесенію Фукса генералъ-прокурору, 4 дня не было хлѣба, и приходилось спать въ болотѣ; по его же удостовѣренію, при выходѣ изъ альпійскихъ ущелій, встрѣчены были два быка, вмигъ убиты и распластаны, и каждый, добывъ кусокъ мяса, принялся жарить его на палочкѣ или шпагѣ, въ томъ числѣ и Суворовъ. Разумѣется, ему не приходилось голодать буквально, а довольствоваться сухаремъ не было для него большимъ лишеніемъ; но атмосферныя невзгоды должны были отразиться на немъ чувствительнѣе, такъ какъ еще въ Италіи здоровье его замѣтно повихнулось. Но и въ этомъ отношеніи онъ старался не выдѣляться изъ общаго уровня и будучи прикрытъ однимъ легкимъ плащемъ, даже слишкомъ бравировалъ, стараясь примѣромъ своимъ доказать, что всѣ эти невзгоды ровно ничего не значатъ; по крайней мѣрѣ одинъ иностранецъ, встрѣтившій его при выходѣ изъ горъ, увѣряетъ, что онъ былъ одѣтъ въ холщевомъ кителѣ и ежедневно окачивался холодною водой. Другой вопросъ— что происходило у него на сердцѣ, и какія душевныя муки ему приходилось выносить при видѣ ужасающей массы бѣдствій, обрушившихся на его армію. Но и въ этомъ отношеніи онъ, такъ сказать, притерпѣлся, по крайней мѣрѣ видѣвшіе его при переходѣ чрезъ Паниксеръ (Рингенкопфъ), не замѣчали на его лицѣ тревоги или озабоченности, Бодрость поддерживалась въ немъ силою воли, и если бывали минуты, когда онъ сомнѣвался въ спасеніи своемъ и своей многострадальной арміи, то и тогда находилъ утѣшеніе въ томъ, что непріятелю не дастся, что смерть на мѣстѣ все покроетъ, и будетъ онъ жертвою чужого предательства, а не собственнаго малодушія.

Требовалась дѣйствительно необоримая душевная сила, чтобы вынести въ концѣ своего 40-лѣтняго боевого поприща славную, но бѣдственную Швейцарскую кампанію, съ ея вѣнцомъ— переходомъ чрезъ Рингенкопфъ. Раненые, какъ мы видѣли раньше, были оставлены въ Гларисѣ, какъ раньше въ Муттенталѣ. Слѣдовало по настоящему оставить и горную артиллерію, но Суворовъ взялъ ея остатки съ собой и потерялъ всю въ началѣ перехода, такъ какъ при спускѣ съ Рингенкопфа уже не было ни одного орудія. Есть свидѣтельство, что онъ, видя невозможность ихъ перевезти, но не желая отдать въ руки непріятеля, велѣлъ свалить въ одну общую яму, засыпать землей и водрузить сверху небольшой деревянный крестъ, какъ надъ свѣжею людскою могилой. Много дней спустя эта хитрость была открыта окрестными жителями, пушки попали въ руки Французовъ и были включены въ число трофеевъ, отбитыхъ отъ Русскихъ. Кромѣ всей артиллеріи, русская армія лишилась на этомъ перевалѣ больше 300 вьюковъ, оборвавшихся вмѣстѣ съ вьючными лошадьми въ пропасти. Число погибшихъ людей нигдѣ не обозначено; нѣтъ причинъ полагать, чтобы оно было очень значительно; въ этомъ смыслѣ говорится и въ перепискѣ Ростопчина. Довольно того, что на переходѣ этомъ люди много выстрадали; особенно много вынесли французскіе плѣнные, еще легче Русскихъ одѣтые. Во всякомъ случаѣ, потерю Русскихъ во время Швейцарской кампаніи нельзя опредѣлять иначе, какъ общимъ итогомъ, потому что весь походъ состоялъ изъ непрерывной цѣпи крупныхъ и мелкихъ дѣлъ, неудобо-отдѣляемыхъ одно отъ другого. Да и огульный счетъ можетъ быть подведенъ только подъ цифру не столько вѣрную, сколько вѣроятную, и мы, по соображеніи имѣющихся немногихъ данныхъ, не ошибемся много, если примемъ, что вся потеря съ С.-Готара до Кура, въ продолженіе 17 дней, была нѣсколько ниже одной трети наличнаго состава, который въ началѣ кампаніи простирался до 21.000 человѣкъ. Изъ этого числа наибольшая доля выпадаетъ на раненыхъ, оставшихся въ рукахъ Французовъ по невозможности транспортировки. Французы со своей стороны потеряли въ дѣйствіяхъ противъ Суворова нѣсколько меньше, можетъ быть до 5.000, въ томъ числѣ 1.400 плѣнныхъ, которыхъ Суворовъ

вывелъ съ собою изъ Швейцаріи и уцѣлѣвшихъ изъ нихъ сдалъ въ Курѣ Австрійцамъ.

Вся Европа слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за разыгрывавшейся въ Швейцаріи кровавой драмой; газеты ловили новости на лету и сообщали съ театра войны сотни былей и небылицъ. Не трудно понять, до какого градуса возросло это вниманіе къ Россіи и въ какомъ безпокойствѣ находился Императоръ Павелъ, получая позже всѣхъ извѣстія о происходившемъ. И дѣйствительно, до Петербурга было такъ далеко, что и тревоги, и радости, и распоряженія—все это тамъ происходило заднимъ числомъ. Такъ напримѣръ, донесеніе Суворова о началѣ швейцарскаго похода могло придти въ Петербургъ лишь въ то время, когда кампанія была окончена; Ростопчинъ пишетъ Суворову о своемъ безпокойствѣ на счетъ будущности Корсакова тогда, когда уже 10 дней раньше Корсаковъ былъ разбитъ. Это обстоятельство еще усиливало безпокойство Государя и его правительства, потому что увеличивало ихъ безсиліе—помочь чѣмъ-нибудь полководцу, заброшенному на другой край материка. Переписка государственныхъ людей съ Суворовымъ и между собою показываетъ, что на него одного возлагалась вся надежда, но что эта надежда не спасала отъ «мучительной тревоги». Ростопчинъ пишетъ ему, что безпокойство Государя превосходитъ всякую мѣру: «и дорого бы я далъ, чтобы ему принесть извѣстіе не о побѣдѣ (ихъ довольно и слишкомъ было), но о соединеніи вашемъ съ Корсаковымъ». Въ другихъ его письмахъ къ разнымъ лицамъ читаемъ: «дѣла въ Швейцаріи худы, нѣтъ никакихъ вѣстей о Суворовѣ;... мы въ мучительной тревогѣ, отъ Суворова никакихъ извѣстій, а съ нимъ великій князь; газеты противорѣчатъ, то онъ побѣждаетъ, то разбитъ и уничтоженъ». Государь самъ пишетъ Суворову: «вы должны были спасать царей, теперь спасите русскихъ воиновъ и честь вашего Государя». «Главное—возвращеніе ваше въ Россію и сохраненіе ея границъ», говорится въ другомъ рескриптѣ, а о предписываемыхъ распоряженіяхъ приказывается не секретничать: «дабы отнять чрезъ сіе способъ у Вѣнскаго двора—воспользоваться присутствіемъ вашимъ съ войсками и доставить себѣ какія-либо выгоды въ мерзкихъ своихъ намѣреніяхъ». Отдаются высо-

чайшія повелѣнія—«о цесарскихъ побѣдахъ не служить болѣе молебновъ; курьерамъ къ Суворову не заѣзжать въ Вѣну, коли нѣтъ туда писемъ; объявить Кобенцелю, что Государь не обязанъ дѣлать что угодно Тугуту; сообщить эрцъ-герцогу Іосифу, что Дидрихштейнъ можетъ представиться ко двору и оставаться на праздники, но послѣ нихъ онъ лучше сдѣлаетъ, если уѣдетъ въ Вѣну, ибо Императоръ не любитъ интригановъ».

Въ 20 числахъ октября въ Петербургѣ были наконецъ получены вѣрныя извѣстія о Швейцарской кампаніи и ея исходѣ. «Да спасетъ васъ Господь Богъ за спасеніе славы Государя и русскаго войска», писалъ Ростопчинъ Суворову: «до единаго всѣ награждены, унтеръ-офицеры всѣ произведены въ офицеры... Принцъ Фердинандъ Виртембергскій вздумалъ было худо о васъ говорить, оправдывая Вѣнскій дворъ, но съ нимъ съ тѣхъ поръ съ самимъ ничего не говорятъ... Въ Вѣнѣ ваше послѣднее чудесное дѣло удостоиваютъ названіемъ *une belle retraite*; еслибы они умѣли такъ ретироваться, то бы давно завоевали всю вселенную». Государь писалъ: «побѣждая всюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, не доставало вамъ одного рода славы—преодолѣть и самую природу; но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ». Тогда же Государь вызывалъ въ Петербургъ своего сына Константина Павловича съ тѣмъ, чтобы онъ ѣхалъ не чрезъ Вѣну, а Ростопчину повелѣно: «если дойдетъ до объясненія съ Вѣнскимъ кабинетомъ, то объявить, что доколѣ баронъ Тугутъ будетъ въ дѣлахъ, то связи никакой съ нимъ быть не можетъ».

Послѣ тревожныхъ опасеній, волновавшихъ Императора Павла многіе дни и не дававшихъ ему покоя, полученная отъ Суворова реляція являлась цѣлительнымъ бальзамомъ. Государь пожаловалъ 28 октября Суворову званіе генералиссимуса, сказавъ при этомъ Ростопчину, что другому этой награды было бы много, а Суворову мало; почтилъ новаго генералиссимуса самымъ благосклоннымъ рескриптомъ и кромѣ того повелѣлъ военной коллегіи вести съ нимъ переписку не указами, а сообщеніями. Спустя нѣсколько дней приказано проектировать статую генералиссимуса; когда проектъ былъ представленъ, то Государь утвердилъ его и повелѣлъ приступить къ работѣ [51]). Великому князю былъ пожалованъ титулъ Цесаревича; всѣ представленные Су-

воровымъ получили щедрыя награды; однихъ знаковъ св. Анны 2 и 3 степени роздано до 200; нижнимъ чинамъ выдано по 2 рубля на человѣка.

Безусловные порицатели Суворова повѣствуютъ, что этотъ «якобы непобѣдимый варваръ погубилъ половину своей арміи и ретировался со стыдомъ и яростью въ сердцѣ». Читатель, ознакомившійся теперь съ ходомъ послѣдней его кампаніи, можетъ самъ оцѣнить и «варварство» Суворова, и «стыдъ», которому подвергается генералъ за такія военныя дѣйствія, какъ швейцарскій походъ. Предпріятіе Суворова въ Швейцаріи было бѣдственно, и планъ его совершенно не удался, но самый размѣръ бѣдствія и полнота неудачи способны возбудить только гордость, утвердить сознаніе совершеннаго подвига и удовлетворить чувству военной чести, самому требовательному и самому щекотливому. Неудачная Швейцарская кампанія нетолько есть богатый матеріалъ для легенды, она и по военно-историческому смыслу своему выходитъ изъ ряда смѣлыхъ военныхъ предпріятій. Эта 17-дневная эпопея не могла быть задумана или предначертана заранѣе; она сложилась въ силу обстоятельствъ, подъ направленіемъ Суворовскаго дарованія. Она есть вѣнецъ военнаго поприща Суворова, крайнее выраженіе его военной теоріи; онъ тутъ сдѣлалъ все, на что только способна человѣческая воля. Если весь ходъ и результатъ Швейцарской кампаніи могутъ возбудить замѣчанія критики, то конечно не въ томъ смыслѣ, что Суворову не удалось одолѣть Массену и выгнать Французовъ изъ Швейцаріи. Вопросъ складывается совсѣмъ иначе: какимъ образомъ Суворовъ выбрался съ театра войны, пожертвовавъ меньше, чѣмъ третьею долей своей арміи, тогда какъ вся она, вмѣстѣ со своимъ предводителемъ, должна была остаться въ рукахъ Французовъ?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Разрывъ союза и возвращеніе въ Россію.

1799.

Пока Суворовъ пробивалъ себѣ путь въ Швейцаріи чрезъ непріятельскія войска, Римскій-Корсаковъ успѣлъ усилиться корпусомъ принца Конде и нѣсколькими баварскими и швейцарскими батальонами. Прибылъ также къ границамъ Швейцаріи испуганный вѣстью о цюрихскомъ погромѣ эрцъ-герцогъ Карлъ со значительною частью своей арміи. Представлялась снова возможность—дать дѣламъ въ Швейцаріи другой оборотъ, но эрцъ-герцогъ Карлъ, связанный инструкціями Вѣнскаго двора, предпочелъ остаться въ бездѣйствіи. Корсаковъ рѣшился одинъ предпринять демонстрацію, ради отвлеченія отъ Суворова хоть части непріятельскихъ силъ, что и исполнилъ, понеся однако значительную потерю и притомъ безъ существенной надобности, такъ какъ Суворовъ находился уже внѣ опасности.

То были послѣднія дѣйствія Русскихъ въ Швейцаріи, и въ первыхъ числахъ октября вся страна, за исключеніемъ Граубиндена, находилась снова въ рукахъ Французовъ. Суворовъ, предпринявшій движеніе на Планцъ и Куръ по недовѣрію къ союзникамъ и вслѣдствіе рѣшимости устраниться отъ совмѣстныхъ съ ними дѣйствій, сталъ однако обдумывать новый планъ вторженія въ Швейцарію во время самаго перехода чрезъ Ринген-

копфъ. Онъ сообщилъ объ этомъ эрцъ-герцогу Карлу, который предположенія его не одобрилъ и указалъ на необходимыя измѣненія. А между тѣмъ самъ Суворовъ уже измѣнилъ свои мысли, узнавъ о громадныхъ потеряхъ Корсакова подъ Цюрихомъ и рѣшился расположиться на винтеръ-квартирахъ. Но получивъ въ Линдау отвѣтъ эрцъ-герцога, онъ опять склонился въ пользу продолженія военныхъ дѣйствій, однако не надолго и на другой же день послалъ ему отказъ, подъ предлогомъ приведенія въ устройство своихъ войскъ. Затѣмъ на слѣдующій день, 7 октября, Суворовъ собралъ военный совѣтъ.

Военный совѣтъ рѣшилъ единогласно, что отъ Австрійцевъ ничего, кромѣ предательства, ожидать нельзя, а потому отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій надлежитъ отказаться, сосредоточивъ всѣ заботы исключительно на устройствѣ войскъ. Суворовъ принялъ это рѣшеніе къ исполненію и донесъ обоимъ императорамъ, прося утвержденія. Въ перепискѣ его проскальзываетъ еще одинъ мотивъ принятаго рѣшенія, о которомъ онъ не упоминаетъ офиціально: необходимость подчиненія ему, Суворову, арміи эрцъ-герцога Карла. Про это обстоятельство онъ проговаривается въ письмѣ къ Ростопчину, объясняя, что только при такомъ общемъ начальствованіи можетъ быть устранено вмѣшательство Тугута и прибавляя, что «до особы эрцъ-герцога это не касается—тутъ онъ или нѣтъ». Дѣйствовало ли тутъ честолюбіе Суворова, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ взглядъ его въ настоящемъ дѣлѣ былъ вѣренъ, и безъ подчиненія обѣихъ армій одному главнокомандующему, общій планъ дѣйствій представлялся немыслимымъ.

Вслѣдъ затѣмъ подошли войска Корсакова и принца Конде, такъ что составилась одна соединенная подъ начальствомъ Суворова русская армія, силою въ 35,000 человѣкъ. Явились къ нему, въ Линдау, и Корсаковъ, и Конде; но пріемъ имъ былъ различный. Суворовъ питалъ глубокое сочувствіе къ несчастію французской королевской фамиліи и личное уваженіе къ принцу Конде. Послѣдній въ свою очередь «считалъ за счастіе» служить подъ начальствомъ непобѣдимаго генералисимуса, давно объ этомъ мечталъ и въ такомъ смыслѣ ему писалъ. По всему этому, пріемъ принцу Конде былъ оказанъ полный уваженія и почтенія;

Суворовъ даже удержался отъ причудливыхъ выходокъ и рѣзкихъ странностей. Не такъ поступилъ онъ съ Римскимъ-Корсаковымъ, служа отголоскомъ всей арміи. Надѣвъ полную форму и всѣ ордена, Суворовъ вышелъ въ пріемный залъ, гдѣ уже находились лица главной квартиры, и сталъ ходить по комнатѣ съ замѣтнымъ волненіемъ, то закрывая глаза, то охорашиваясь и приговаривая: «Александръ Михайловичъ человѣкъ придворный, учтивый, дѣлалъ Французамъ на-караулъ, надо принять его съ почетомъ». Наконецъ пріѣхалъ Корсаковъ, со смущеніемъ вошелъ въ пріемную и направился къ Суворову со строевымъ рапортомъ въ рукѣ. Суворовъ отступилъ на шагъ, выпрямился и глядя Корсакову прямо въ глаза, сказалъ: «Адда, Треббіа, Нови — родныя сестры, а Цюрихъ?» При этомъ онъ закинулъ голову назадъ и сдѣлалъ презрительную гримасу. Корсаковъ молча протянулъ къ нему рапортъ, но Суворовъ не удовольствуясь сказаннымъ, схватилъ эспонтонъ, сталъ дѣлать имъ пріемы и язвительно спрашивалъ: «какъ вы дѣлали Массенѣ на-караулъ,—такъ, или эдакъ?» Затѣмъ, попятившись къ дверямъ кабинета, онъ поманилъ за собою Корсакова и заперъ за нимъ дверь. Какой между ними происходилъ разговоръ, осталось неизвѣстнымъ; стоявшіе у самой двери не могли разслышать ни одного слова; но Корсаковъ вышелъ больше прежняго разстроенный, быстро прошелъ пріемную и уѣхалъ.

Между тѣмъ эрцъ-герцогъ Карлъ, получивъ отъ Суворова извѣщеніе объ отсрочкѣ наступательныхъ дѣйствій, пожелалъ разъяснить дѣло кратчайшимъ путемъ — личнымъ свиданіемъ. Суворовъ отклонилъ свиданіе подъ предлогомъ нездоровья. Эрцъ-герцогъ послалъ къ нему графа Колоредо, дабы убѣдить въ необходимости словесныхъ личныхъ объясненій, въ любомъ мѣстѣ, по назначенію Суворова; но Суворовъ снова отказался, прося сообщить письменно свои намѣренія. Онъ, человѣкъ дѣла, а не слова, избѣгалъ той арены, на которой былъ сравнительно слабъ. Въ настоящемъ случаѣ предлагаемое эрцъ-герцогомъ свиданіе было для Суворова вдвойнѣ опасно, потому что упорная воля такъ и тянула его на продолженіе кампаніи, вопреки требованіямъ разума, и онъ уже не разъ ей поддавался. Суворовъ сознавалъ, что эрцъ-герцогъ Карлъ могъ безъ особеннаго труда

склонить его на возобновленіе операцій, слѣдовало значитъ отвратить эту опасность. «Юный эрцъ-герцогъ Карлъ хочетъ меня оволшебить своимъ демосфенствомъ», писалъ онъ Толстому: «вы съ нимъ на три шага, рѣшите съ нимъ и меня развѣ увѣдомьте, у меня же на его бештимтзагенъ отвѣтъ готовъ». Вотъ гдѣ заключается смыслъ поведенія Суворова въ настоящемъ случаѣ, а не въ оскорбленномъ мелочномъ самолюбіи, какъ утверждаютъ многіе. Да и хронологія переписки Суворова съ эрцъ-герцогомъ говоритъ противъ подобнаго скороспѣлаго заключенія.

Вслѣдъ затѣмъ, 8 октября, Суворовъ получилъ высочайшія повелѣнія (данныя между 7 и 18 сентября), съ выраженіемъ сильнаго неудовольствія на Вѣнскій дворъ и съ изложеніемъ мѣръ даже на случай разрыва и возвращенія войскъ въ Россію (о нихъ упоминалось раньше). Теперь слѣдовало уже откинуть всякую мысль о продолженіи кампаніи и заботиться только объ устройствѣ войскъ. Между тѣмъ эрцъ-герцогъ продолжалъ переписку съ Суворовымъ; неудовольствіе его росло, онъ грозился протестовать противъ оставленія Русскими театра войны и отвѣтственность за послѣдствія возлагалъ на Суворова; наконецъ, онъ «требовалъ» отмѣнить принятое рѣшеніе. Суворовъ, раздраженный предложеніемъ—стеречь австрійскую границу, указалъ эрцъ-герцогу, что его преждевременное выступленіе изъ Швейцаріи было виною всѣхъ злоключеній русскихъ войскъ; что бѣдственное состояніе этихъ войскъ можетъ быть исправлено только отдыхомъ, хорошимъ довольствіемъ и полнымъ снабженіемъ, а потому они удаляются на зимнія квартиры въ Баварію. Эрцъ-герцогъ опровергалъ обвиненіе, будто онъ былъ причиной неудачи кампаніи; укорялъ Суворова въ томъ, что распредѣленіе русской арміи по квартирамъ въ Баваріи сдѣлано безъ соглашенія съ нимъ, эрцъ-герцогомъ; наконецъ просилъ замедлить хоть на 5 дней выступленіемъ, пока австрійскія войска успѣютъ произвести необходимыя передвиженія. На послѣднее Суворовъ согласился.

Въ перепискѣ этой, принявшей подъ-конецъ характеръ почти личный, обѣ стороны были не правы, но Суворовъ пошелъ дальше эрцъ-герцога Карла и дозволилъ себѣ выраженія и выходки, которыхъ слѣдовало избѣжать. Въ одномъ письмѣ

онъ писалъ: «такой старый солдатъ, какъ я, можетъ быть проведенъ разъ, но было бы съ его стороны слишкомъ глупо поддаться вторично». Въ другомъ письмѣ, написанномъ накануне выступленія изъ Линдау, говорилось: «наслѣдственныя владѣнія должны быть защищаемы завоеваніями безкорыстными; для этого нужно привлечь народную любовь справедливостью, а не покидать Нидерландовъ, не жертвовать двумя прекрасными арміями и Италіей. Вамъ говоритъ это старый солдатъ, который почти 60 лѣтъ несетъ лямку; который водилъ къ побѣдамъ войска Іосифа и Франца; который утвердилъ въ Галиціи владычество знаменитаго дома Австрійскаго; который не любитъ болтовни Демосфеновой, ни академиковъ, только путающихъ здравый смыслъ, ни сената Аннибалова. Я не знаю зависти, демонстрацій, контръ-маршей; вмѣсто этихъ ребячествъ—глазомѣръ, быстрота, натискъ, — вотъ мои руководители». Наконецъ, въ отвѣтъ на послѣднее письмо эрцъ-герцога, гдѣ движеніе русской арміи съ театра войны названо было «отступленіемъ», Суворовъ съ негодованіемъ писалъ, что онъ во всю свою жизнь не зналъ ни отступленій, ни обороны, а ведетъ теперь войска на отдыхъ. Къ этому онъ прибавилъ язвительное и не совсѣмъ вѣрное замѣчаніе, что въ началѣ кампаніи «оборонительное положеніе въ Тиролѣ стоило свыше 10.000 человѣкъ, т.-е. больше, чѣмъ завоеваніе Италіи».

Такая ненормальность отношеній двухъ главнокомандующихъ вытекала изъ хода предшествовавшей кампаніи и усиливалась новыми поводами. Петербургскія и вѣнскія письма подбавили горечи и раздраженія къ существовавшимъ неудовольствіямъ. Кольчевъ писалъ изъ Вѣны Ростопчину, что хотя Разумовскій Государемъ и отозванъ, но не уѣзжаетъ и все надѣется, что вѣнскіе благопріятели его выручатъ и помогутъ остаться на мѣстѣ. Весь Вѣнскій дворъ вмѣстѣ съ Разумовскимъ ругаетъ Суворова напропалую: выискиваютъ всевозможные резоны его очернить: говорятъ, что онъ сошелъ съ ума, заньянствовалъ и т. под. Въ это же время до Суворова дошли слухи (оказавшіеся потомъ вымысломъ), будто Вѣнскій дворъ намѣренъ лишить его фельдмаршальскаго званія. Въ силу всего этого Суворовъ находился постоянно въ раздраженномъ состояніи, которое еще увеличи-

валось необходимостью отказаться отъ продолженія кампаніи, не загладивъ послѣднихъ неудачъ. Раздражительность его высказывалась нетолько въ сарказмахъ, но и въ поступкахъ; и то и другое доходило до эрцъ-герцога и глубоко его возмущало, тѣмъ паче, что такъ думалъ и поступалъ не одинъ Суворовъ. Вотъ нѣсколько подобныхъ случаевъ.

Когда Суворовъ, спустившись съ Рингенкопфа, прибылъ въ Планцъ, ему здѣсь представился генералъ Линкенъ, который такъ малодушно бѣжалъ отъ Французовъ, бросивъ главнокомандующаго на произволъ судьбы. Суворовъ, желая выразить ему свое неудовольствіе, спросилъ насмѣшливо: «по скольку непріятелей солдаты ваши могутъ посадить на штыкъ?—мои насаживаютъ по шести». Линкенъ, задѣтый за живое, отвѣчалъ холодно, что его солдаты дѣлаютъ, что̀ въ силахъ, и дѣлаютъ недурно. Суворовъ перемѣнилъ тонъ и обошелся съ Линкеномъ ласково. Если этотъ анекдотъ, какъ надо полагать, справедливъ, то Суворовъ сдѣлалъ совсѣмъ не то, что требовалось, ибо задѣлъ ни въ чемъ неповинныхъ австрійскихъ солдатъ, а самого генерала, во всемъ виноватаго, оставилъ въ сторонѣ.

Во время нахожденія русской главной квартиры въ Линдау, Аркадій Суворовъ сдѣлалъ у себя танцовальный вечеръ, пригласивъ между прочимъ нѣсколько австрійскихъ офицеровъ и предупредивъ ихъ, что будетъ великій князь. Австрійцы пріѣхали; великій князь прибылъ нѣсколько позже и увидѣвъ ихъ, сказалъ, чтобы они сейчасъ уѣзжали, потому что ему непріятно ихъ присутствіе. Офицеры отвѣчали, что при всемъ своемъ глубокомъ къ нему почтеніи, они не могутъ исполнить приказанія, потому что находятся на императорско-королевской службѣ, которая обязываетъ, а потому избавятъ великаго князя отъ своего присутствія, когда сочтутъ это приличнымъ. Послѣ того они остались на балу еще около часа. Константинъ Павловичъ вообще не терпѣлъ Австрійцевъ и ни мало не скрывалъ этого; нѣсколько позже, въ Мемингенѣ и Аугсбургѣ, онъ показывалъ имъ отвращеніе, которое граничило съ оскорбленіемъ.

Октября 13, въ Линдау, происходилъ у Суворова пріемъ. Въ залѣ находилось множество русскихъ офицеровъ и между ними генералъ Римскій-Корсаковъ; тутъ же были присланный

отъ эрцъ-герцога Карла генералъ (вѣроятно Колоредо) и отъ принца Конде герцогъ Беррійскій. Суворовъ вышелъ въ пріемную, обратился къ герцогу, обошелся съ нимъ очень любезно, расхваливалъ принца Конде и его корпусъ и жалѣлъ, что въ послѣднихъ дѣйствіяхъ противъ Французовъ, эмигранты были расположены и употреблены не такъ какъ слѣдуетъ. Съ упрекомъ этимъ онъ отнесся къ австрійскому генералу, замѣтивъ, что не хотѣли ли ихъ погубить? и потомъ сказалъ герцогу Беррійскому, что впредь ничего подобнаго не случится, и Конде будетъ самъ себѣ хозяиномъ. Затѣмъ онъ опять обратился къ австрійцу: «вы мнѣ привезли приказаніе отъ эрцъ-герцога; въ Вѣнѣ—я у его ногъ, но здѣсь совсѣмъ другое, и получаю я приказанія только отъ моего Государя». Послѣ этого суроваго замѣчанія, Суворовъ сталъ обходить русскихъ офицеровъ; отличившихся въ Швейцарскую кампанію хвалилъ, съ нѣкоторыми цѣловался, а къ какому-то генералу, бывшему однимъ изъ виновниковъ цюрихскаго несчастія, обратился съ весьма жесткимъ словомъ и далъ ему совѣтъ — подать въ отставку. Слышавшій это Римскій-Корсаковъ, ожидая вѣроятно и на свою долю какой-нибудь непріятности, постарался скрытно уйти. Суворовъ однако это замѣтилъ и обратился ко всѣмъ: «вы видѣли, господа, что Корсаковъ ушелъ, хотя ни онъ мнѣ, ни я ему не сказали ни слова. Онъ болѣе несчастливъ, чѣмъ виновенъ; 50,000 Австрійцевъ шагу не сдѣлали, чтобъ его поддержать,—вотъ гдѣ виновные. Они хотѣли его погубить, они думали погубить и меня, но Суворовъ на нихъ... (крѣпкое слово)... Скажите эрцъ-герцогу», прибавилъ Суворовъ, повернувшись къ австрійскому генералу, «что онъ отвѣтитъ передъ Богомъ за кровь, пролитую подъ Цюрихомъ».

Во всемъ этомъ прискорбномъ эпилогѣ Швейцарской кампаніи, Суворовъ дѣйствовалъ въ качествѣ представителя русскаго имени. Русская армія, отъ генерала до солдата, была такъ возмущена поведеніемъ союзниковъ, что еслибы Суворовъ трактовалъ Австрійцевъ вдвое хуже, то это никому не показалось бы излишествомъ. Такого же взгляда держался Императоръ Павелъ; получивъ отъ Суворова переписку его съ эрцъ-герцогомъ Карломъ, Государь выразилъ генералисимусу полное свое одобре-

ніе. Изъ всего этого видно, на-сколько невѣрно утвержденіе многихъ иностранныхъ писателей, будто Суворовъ самовольно оставилъ театръ войны и былъ причиною разрыва.

Октября 19 онъ выступилъ изъ Линдау, на другой день прибылъ въ Лейткирхъ, а 26 числа въ Аугсбургъ. Русская армія заняла все пространство между Иллеромъ и Лехомъ, главная квартира основалась въ Аугсбургѣ. Союзныя войска разстались, чтобы больше уже не свидѣться.

Пока Суворовъ удалялся съ театра войны, союзъ распадался. Еще съ отбытіемъ его въ Швейцарію, Австрійцы стали распоряжаться въ Италіи все съ большею безцеремонностью; Пьемонтъ подвергался возростающему разоренію, и въ Туринѣ вспыхнуло возмущеніе. По случаю новаго вторженія Французовъ, Австрійцы принуждены были прибѣгнуть къ мѣрѣ, на которой такъ безуспѣшно настаивалъ Суворовъ, — къ формированію пьемонтской арміи, однако и тутъ остались вѣрны самимъ себѣ, не дозволивъ издать воззванія отъ имени короля Сардинскаго, а самого его подвергали неоднократнымъ оскорбленіямъ. Императоръ Павелъ требовалъ категорическихъ объясненій, но Тугутъ продолжалъ оттягивать и лавировать. Кромѣ того онъ подвергалъ союзъ новымъ испытаніямъ, завязавъ довольно давно тайныя сношенія съ Франціей, чрезъ испанскаго посланника, въ надеждѣ пріискать путь къ сепаратному миру; Русскому Государю это было очень хорошо извѣстно, но онъ все терпѣлъ, въ надеждѣ сохранить союзъ. Наконецъ терпѣніе его лопнуло, по полученіи 10 октября извѣстія о цюрихскомъ погромѣ, и разрывъ совершился.

Октября 11 Императоръ Павелъ послалъ императору Францу сухое, проникнутое негодованіемъ письмо, въ которомъ виною случившагося несчастія выставлялось преждевременное выступленіе эрцъ-герцога Карла изъ Швейцаріи и въ короткихъ, но самыхъ категорическихъ выраженіяхъ разрывался съ Австріею союзъ. Францъ II былъ очень смущенъ, Тугутъ не меньше, однако скоро ободрился, въ надеждѣ, что припадокъ раздражительности и гнѣва у Русскаго Государя пройдетъ, и повелѣніе будетъ отмѣнено. На этотъ разъ онъ однако ошибся. Суворову дано приказаніе занять позицію между Лехомъ и Изеромъ, т.-е.

сдѣлать почти то, что онъ уже самъ сдѣлалъ, и затѣмъ заняться приготовленіями къ обратному походу въ Россію. Суворовъ тотчасъ приступилъ къ распоряженіямъ: у Баварскаго курфирста сдѣлалъ заемъ денегъ, донесъ императору Францу о предстоящемъ походѣ, просилъ выслать австрійскихъ комиссаровъ для заготовленія довольствія войскамъ, испрашивалъ средства къ перевозкѣ изъ Италіи оставшихся тамъ больныхъ, раненыхъ и резервной артиллеріи. О томъ же написалъ онъ и Колычеву изъ Аугсбурга, 2 ноября, назначая двѣ недѣли срокомъ выступленія въ Россію [52]).

И дѣйствительно, войска стали послѣдовательно стягиваться къ Аугсбургу и съ 15 ноября выступать въ дальнѣйшій путь. Когда русская армія находилась уже въ походѣ, Суворовъ получилъ отъ императора Франца рескриптъ, съ просьбою повременить выступленіемъ, въ надеждѣ, что Русскій Государь отмѣнитъ свое повелѣніе. Еще настоятельнѣе была просьба эрцъ-герцога Карла, который приводилъ разные доводы, чтобы удержать Суворова, старался повліять на его самолюбіе и давалъ обѣщаніе оказывать всевозможное ему, Суворову, содѣйствіе, если онъ останется для продолженія войны. Суворовъ отвѣчалъ, что не можетъ остановить движеніе войскъ безъ новаго повелѣнія и вскорѣ убѣдился изъ вновь полученныхъ рескриптовъ Государя, что поступилъ правильно. Подтверждались прежнія повелѣнія, приказывалось не обращать никакого вниманія на предложенія Австрійцевъ; рекомендовалось возвращаться малыми переходами, съ отдыхами, дабы постепенно перейти отъ усиленныхъ трудовъ къ полному покою. «Я весьма радъ», писалъ Императоръ Павелъ: «что узнаетъ эрцъ-герцогъ Карлъ на практикѣ, каково быть оставлену не во-время и на побіеніе; но Нѣмцы люди годные, все могутъ снесть, перенесть и унесть». Ростопчину было дано 15 ноября такое словесное повелѣніе: «когда придетъ офиціальная нота о требованіяхъ двора Вѣнскаго, то отвѣчать, что это есть галиматья и бредни».

Разрывъ союза Россіи съ Австріей и возвращеніе въ отечество арміи Суворова произвели сильное впечатлѣніе въ Европѣ. Но впечатлѣніе это еще усилилось неудачнымъ исходомъ Голландской экспедиціи и его послѣдствіями.

Ни главнокомандующій этой экспедиціей герцогъ Іоркскій, ни начальникъ русскаго корпуса генералъ Германъ не были способны выполнить возложенное на нихъ предпріятіе, и скоро стало ясно, что разсчеты союзниковъ неоправдываются. Сраженія были кровопролитны; союзные госпитали переполнялись больными и ранеными; убыль людей не докомплектовывалась; продовольствіе производилось съ чрезвычайными затрудненіями; между русскими и англійскими войсками не существовало въ дѣйствіяхъ единства. Генералъ Германъ попалъ въ плѣнъ; безпорядокъ во всемъ царилъ страшный, и наконецъ герцогъ Іоркскій вошелъ въ переговоры съ Французами о перемиріи и оставленіи союзниками Голландіи. Въ началѣ ноября она была очищена.

Русская военная слава потерпѣла такимъ образомъ сильный ущербъ; но этимъ дѣло не ограничилось. Экспедиція, стоившая большихъ жертвъ и издержекъ, оказалась безплодной только для Россіи; Англія же успѣла извлечь изъ нея выгоду, завладѣвъ почти всѣмъ батавскимъ военнымъ флотомъ. Это было горячимъ желаніемъ Лондонскаго кабинета, главною, хотя и тайною цѣлью экспедиціи; такъ что Петербургскому кабинету стало наконецъ видно, что онъ работалъ въ Голландіи на Англію, какъ въ Италіи потрудился въ пользу Австріи. Такое горькое сознаніе пришло однако не сразу, а потому разрывъ съ Англіей оставался еще дѣломъ будущаго, тѣмъ болѣе, что ея содѣйствіе нужно было Императору Павлу для новыхъ политическихъ комбинацій. Дѣло въ томъ, что Англія принялась усердно хлопотать о примиреніи двухъ императоровъ. Русскій Государь, всѣмъ своимъ существомъ преданный идеѣ о возстановленіи монархіи во Франціи и мира въ Европѣ, не безъ тайнаго удовольствія принялъ предложенія Лондонскаго кабинета, согласился возобновить переговоры о будущей кампаніи и съ обычною своею скоростью рѣшеній, не дождавшись отвѣта, послалъ 20 ноября приказаніе — всѣмъ бывшимъ за границею русскимъ войскамъ остаться тамъ на зиму.

На этотъ разъ, какъ и прежде, Суворовъ предупредилъ повелѣніе; войска остановились въ Богеміи и верхней Австріи, и тутъ застало ихъ высочайшее повелѣніе. Также точно Суворовъ

предупредилъ своего Государя и въ переговорахъ о кампаніи будущаго года, войдя въ сношеніе съ англійскимъ уполномоченнымъ Викгамомъ, ибо его воля никакъ не хотѣла преклониться предъ необходимостью противуположнаго рѣшенія, разумомъ сознаваемаго. Онъ проэктировалъ планъ дѣйствій, который былъ одобренъ Лондонскимъ кабинетомъ и сообщенъ въ Вѣну и Петербургъ, какъ свое собственное предложеніе, на условіи, чтобы арміею начальствовалъ Суворовъ и чтобы въ случаѣ предпочтенія другого плана, планъ тотъ былъ предварительно одобренъ Суворовымъ же. Но начавшіеся переговоры были прерваны въ самомъ разгарѣ, ибо мысли Павла Петровича опять измѣнились, и 27 декабря былъ посланъ Суворову собственноручный рескриптъ: «обстоятельства требуютъ возвращенія арміи въ свои границы, ибо виды вѣнскіе тѣ же, а во Франціи перемѣна, которой оборота терпѣливо и не изнуряя себя мнѣ ожидать должно;... идите домой немедленно».

Дѣйствительно, со стороны союзника ничего новаго и хорошаго не происходило и впредь не предвидѣлось, а непріятель давалъ надежду на коренной у себя поворотъ къ лучшему. Наполеонъ Бонапарте, вернувшись изъ Египетской экспедиціи, произвелъ 18 брюмера государственный переворотъ, сталъ во главѣ власти, анархія начала быстро исчезать, и въ ходѣ революціи произошелъ поворотъ къ новому правительственному режиму. Въ другое время Императору Павлу было бы вѣроятно слишкомъ мало этихъ вѣяній, чтобы измѣнить свою политику, но въ настоящую пору горькое чувство разочарованія и обманутыя надежды поощряли его разорвать союзъ, оказавшійся искусственнымъ, тѣмъ болѣе, что Австрія не изъявляла готовности поступиться чѣмъ-либо изъ своихъ цѣлей и ужъ не скрывала ихъ по прежнему.

Англійская политика по своимъ началамъ была гораздо однороднѣе съ австрійскою, чѣмъ съ русскою, и Лондонскій кабинетъ былъ въ сношеніяхъ съ Австріею сговорчивѣе. Замѣтивъ, что съ Англіей поладить можно и значитъ Австрія не останется въ одиночествѣ, Тугутъ пересталъ дорожить другимъ союзникомъ. Онъ наглядно сталъ обнаруживать намѣренія своего правительства на-счетъ пріобрѣтеній въ Италіи, безцеремонно

высказалъ, что Австрія не нуждается въ русскомъ вспомогательномъ корпусѣ свыше 15.000 человѣкъ и категорично выразилъ нежеланіе оставить русскія войска на зимовкѣ въ Австріи, какъ обременительной для населенія. Тугутъ не останавливался и передъ поступками прямого неприличія; такъ на просьбу Суворова, обращенную къ императору Францу, чтобы при размѣнѣ плѣнныхъ не были забыты Русскіе, попавшіе въ руки непріятеля, Тугутъ отвѣчалъ Колычеву, что русскія войска, находясь въ Швейцаріи, состояли на субсидіяхъ Англіи, слѣдовательно дѣло не Австріи о нихъ заботиться. Суворовъ представилъ цифры для убѣжденія, что въ руки Австрійцевъ онъ передалъ плѣнныхъ Французовъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ оставилъ Русскихъ въ рукахъ непріятеля; слѣдовательно русскія войска заслуживаютъ, чтобы Австрійцы позаботились о попавшихся въ плѣнъ изъ корпуса Римскаго-Корсакова. Тугутъ отдѣлался отвѣтомъ очень неопредѣленнымъ, который ничего не разрѣшалъ.

Затѣмъ произошелъ еще одинъ случай, составлявшій уже несомнѣнное оскорбленіе. Подъ Анкону, осаждаемую русской эскадрой Войновича и дессантомъ при содѣйствіи ополченія Лагоца, прибылъ австрійскій генералъ Фрелихъ съ корпусомъ войскъ, занялъ мѣста итальянскихъ ополченій, которыя за только что послѣдовавшею смертью Лагоца были распущены, и повелъ дѣло такъ, чтобы совершенно отстранить Русскихъ отъ осады и капитуляціи, а забрать всю операцію въ свои руки. Несмотря на противодѣйствіе графа Войновича, Фрелихъ заключилъ съ французскимъ гарнизономъ капитуляцію на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ для осажденныхъ, ввелъ въ крѣпость свои войска и запретилъ впускать туда Русскихъ, съ которыми онъ вообще обращался крайне пренебрежительно, съ непонятнымъ высокомѣріемъ. Узнавъ объ этомъ, Войновичъ поднялъ русскій флагъ вмѣстѣ съ другими союзными на молѣ, на карантинѣ и на плѣнныхъ судахъ; австрійскіе офицеры силою спустили русскій и турецкій флаги, оставивъ одинъ австрійскій. Главный начальникъ русскаго флота въ Средиземномъ морѣ, адмиралъ Ушаковъ, просилъ у Фрелиха объясненій; австрійскій генералъ отвѣчалъ, что по множеству занятій не имѣетъ времени входить въ подробности.

Императоръ Павелъ потребовалъ полнаго удовлетворенія и до полученія его, отказалъ австрійскому послу въ пріѣздѣ ко двору. Вызвали Фрелиха въ Вѣну, нарядили военно-судную комиссію; депутатомъ съ русской стороны командировали Милорадовича; Фрелихъ былъ приговоренъ къ исключенію изъ службы. Это рѣшеніе впрочемъ нисколько не удовлетворило Русскаго Государя.

Измѣнились совершенно и отношенія Петербургскаго двора къ Лондонскому. Во время Голландской экспедиціи Англичане погрѣшили недостаточною заботливостью о русскихъ войскахъ; произошли недоразумѣнія въ разсчетѣ англійскихъ субсидій; возникли неудовольствія при переговорахъ о планѣ будущей кампаніи. Все это впрочемъ были мелочи; крупная же причина охлажденія состояла въ томъ, что во взглядахъ Императора Павла произошелъ поворотъ, и темпераментъ неудержимо увлекалъ его по направленію, противуположному прежнему. Задумавъ противъ Франціи нѣчто въ родѣ крестоваго похода, онъ подъ конецъ убѣдился, что только самъ и вѣрилъ въ основную мысль, а другіе эксплоатировали ее каждый въ свою пользу, и слѣдовательно ему нельзя уже оставаться въ коалиціи.

Такимъ образомъ коалиція распалась, и русской арміи ничего больше не оставалось, какъ возвратиться во свояси, не дожидая весны. Суворовъ такъ и сдѣлалъ, опять не дождавшись высочайшаго повелѣнія, которое въ этомъ смыслѣ хотя уже послѣдовало, но не было еще ему извѣстно. Русскія войска стояли больше мѣсяца на просторныхъ квартирахъ, отдохнули, оправились, одѣлись и готовы были хоть сейчасъ въ походъ. Въ виду настойчивыхъ требованій Вѣнскаго кабинета, Суворовъ нашелъ возможнымъ не откладывать дальнѣйшій походъ, тѣмъ паче, что имѣлъ на это отъ Императора Павла полномочіе, и января 14 армія выступила двумя колоннами. Въ русскіе предѣлы войска вступили разновременно, большею частью въ мартѣ.

Все долгое время обратнаго пути, перемежавшагося, вслѣдствіе колебаній политики, частыми остановками, было у Суворова сплошною цѣпью заботъ о разстроенныхъ войскахъ и мучительныхъ, безотвязныхъ думъ о неполномъ успѣхѣ Итальянской кампаніи и о совершенной неудачѣ Швейцарской. Онъ явился

сюда изъ Кончанскаго уединенія для изгнанія Французовъ, возстановленія престоловъ, торжества религіи, а въ результатѣ почти ничего этого не оказывалось. Не онъ былъ въ томъ виноватъ, однако все оборвалось на немъ... Въ сердцѣ его осталась горечь, которую онъ унесъ съ собою и въ могилу.

Не совсѣмъ такъ смотрѣло на это большинство современниковъ въ анти-революціонной Европѣ. Одни изъ нихъ понимали, какъ связанъ былъ въ своихъ дѣйствіяхъ русскій полководецъ, и потому отдѣляли понятіе объ успѣхѣ отъ понятія о его недостаточномъ результатѣ. Другіе, не вдаваясь вглубь, видѣли только блескъ и слышали только громъ побѣды и приходили въ восторгъ отъ необычнаго зрѣлища, составлявшаго сильный контрастъ съ длиннымъ рядомъ прежнихъ лѣтъ коалиціи. Имя Суворова, выросшее въ Итальянскую кампанію, послѣ Швейцарской облеклось двойнымъ блескомъ, и когда онъ, удалившись съ театра войны, вступилъ въ Германію, то сталъ центромъ общаго вниманія. Всюду на его пути, особенно же при болѣе продолжительныхъ его остановкахъ въ Линдау, Аугсбургѣ, Прагѣ, стекались путешественники, дипломаты, военные; наѣзжали изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ любопытные, чтобы услышать отъ него нѣсколько словъ, выразить ему удивленіе, или хоть просто взглянуть на него. Въ гор. Вишау напримѣръ встрѣтили его съ музыкой; во время обѣда дѣти поднесли ему фрукты и спѣли кантату, такъ что онъ прослезился. Въ Гогенмаутѣ пріѣздъ его привѣтствовали пушечной пальбой; молодыя дѣвицы поднесли ему лавровый вѣнокъ. Въ Пильзенѣ просили его записаться въ корпорацію мѣстныхъ стрѣлковъ, на что онъ охотно и согласился. Общее почтеніе граничило съ благоговѣніемъ; дамы добивались чести поцѣловать его руку, и онъ не особенно тому противился. Вездѣ были ему встрѣчи и проводы, хотя онъ этого избѣгалъ; всякое общественное собраніе жаждало имѣть его своимъ гостемъ. Отель барона Вимера, который онъ занималъ въ Прагѣ, сдѣлался rendez-vous высшаго общества, обратился въ подобіе дворца владѣтельной особы, куда все стремилось, гдѣ ловилось каждое слово хозяина и гдѣ всякій гордился малѣйшимъ знакомъ его вниманія. Это настроеніе не ограничивалось одною особою Суворова, а распространя-

лось и на его войска, которыя вездѣ встрѣчали дружескій и предупредительный пріемъ, особенно въ Австріи, и были предметомъ всякаго рода любезностей. «Мы здѣсь плавали въ медѣ и маслѣ», писалъ онъ Ростопчину передъ выступленіемъ въ Россію.

Русское общество гордилось своимъ героемъ и восторженно ему поклонялось. Императоръ Павелъ былъ настоящимъ представителемъ національнаго настроенія; всѣ свои рескрипты онъ сопровождалъ изъявленіями самаго милостиваго расположенія къ генералиссимусу, говорилъ о своемъ съ нимъ единомысліи, спрашивалъ совѣтовъ, извинялся, что самъ даетъ наставленія. «Прощайте, князь Александръ Васильевичъ», писалъ Государь: «васъ да сохранитъ Господь Богъ, а вы сохраните россійскихъ воиновъ, изъ коихъ одни вездѣ побѣждали отъ того, что были съ вами, а другихъ побѣдили затѣмъ, что не были съ вами». Въ другомъ рескриптѣ говорилось: «извините меня, что я взялъ на себя преподать вамъ совѣтъ; но какъ я его единственно даю для сбереженія моихъ подданныхъ, оказавшихъ мнѣ столько заслугъ подъ предводительствомъ вашимъ, то я увѣренъ, что вы съ удовольствіемъ его примете, знавши вашу ко мнѣ привязанность». Въ третьемъ читаемъ: «пріятно мнѣ будетъ, если вы, введя въ предѣлы россійскія войска, не медля нимало пріѣдете ко мнѣ на совѣтъ и на любовь». Въ четвертомъ значится: «не мнѣ тебя, герой, награждать, ты выше мѣръ моихъ, но мнѣ чувствовать сіе и цѣнить въ сердцѣ, отдавая тебѣ должное». Государь до того простеръ свою любезность, что отвѣчая на поздравленіе Суворова съ новымъ годомъ добрыми со своей стороны пожеланіями, просилъ его подѣлиться ими съ войсками, если онъ, Государь, «того стоитъ» и высказывалъ желаніе— «быть достойнымъ такого воинства».

Не мало благосклонныхъ заявленій получилъ Суворовъ и отъ другихъ государей. Курфирстъ Баварскій, посылая ему орденъ Губерта, писалъ, что такъ какъ ордена учреждены въ воздаяніе достоинствъ и заслугъ, то никто больше Суворова не имѣетъ на нихъ права. Сардинскій король прислалъ ему большую цѣпь ордена Анунціаты, причемъ писалъ: «мы увѣрены, что вы, братъ нашъ, не оставите ходатайствовать за насъ у

престола Его Императорскаго Величества». Даже Вѣнскій дворъ какъ будто спохватился и счелъ нужнымъ обратиться къ нему съ любезностью: императоръ Францъ прислалъ ему большой крестъ Маріи-Терезіи, говоря въ рескриптѣ: «я буду всегда вспоминать съ чувствомъ признательности о важныхъ услугахъ, мнѣ и моему дому вами оказанныхъ». Кромѣ того, Францъ II оставилъ Суворову на всю жизнь званіе австрійскаго фельдмаршала съ жалованьемъ въ 12,000 гульденовъ; позже, несмотря на то, что союзъ былъ разорванъ и русскія войска окончательно двинулись въ свое отечество, онъ повторилъ заявленіе искренняго своего уваженія къ Суворову и всегдашней признательности за его заслуги. Курфирстъ Саксонскій прислалъ въ Прагу, во время пребыванія тамъ Суворова, извѣстнаго живописца Шмидта, поручивъ ему написать портретъ генералисимуса, что и было имъ исполнено [53]).

Знаменитый адмиралъ лордъ Нельсонъ, который, по словамъ русскаго посла въ Лондонѣ, былъ въ то время вмѣстѣ съ Суворовымъ «идоломъ» англійской націи, тоже прислалъ генералисимусу восторженное письмо. «Въ Европѣ нѣтъ человѣка», писалъ онъ: «который бы любилъ васъ такъ, какъ я; всѣ удивляются, подобно Нельсону, вашимъ великимъ подвигамъ, но онъ любитъ васъ за презрѣніе къ богатству». Кто-то назвалъ Суворова «сухопутнымъ Нельсономъ»; Нельсону это очень польстило. Кто-то другой увѣрялъ, что между русскимъ генералисимусомъ и англійскимъ адмираломъ существуетъ очень большое наружное сходство. Радуясь этому, Нельсонъ прибавляетъ въ письмѣ къ Суворову, что хотя дѣла его, Нельсона, не могутъ равняться съ Суворовскими, но онъ проситъ Суворова не лишать его дорогого имени любящаго брата и искренняго друга. Суворовъ отвѣчалъ Нельсону въ томъ же родѣ, изъявлялъ удовольствіе, что портреты ихъ удостовѣряютъ въ дѣйствительности существующаго между оригиналами сходства, но въ особенности гордился тѣмъ, что оба они похожи другъ на друга направленіемъ мыслей. Получилъ онъ также горячій привѣтъ отъ стараго своего сподвижника, принца Кобургскаго. Въ Кобургъ ѣздилъ великій князь Константинъ Павловичъ, чрезъ котораго Суворовъ послалъ принцу поклонъ или письмо

и получилъ черезъ великаго же князя отвѣтъ. Принцъ называетъ его величайшимъ героемъ времени, благодаритъ за память, жалѣетъ объ удаленіи русской арміи въ отечество и сѣтуетъ о горькой участи Германіи. Суворовъ отвѣчаетъ принцу и между прочимъ говоритъ, что вся причина неудачи состоитъ въ различіи системъ и что, не сойдясь въ системахъ, не стоитъ начинать и новой кампаніи.

Получалъ Суворовъ и отъ незнакомыхъ лицъ привѣтствія и поздравленія, но вмѣстѣ съ подобными розами и лаврами, проскакивали также и терніи. Въ газетахъ появился приказъ Массены по войскамъ о минувшей Швейцарской кампаніи, гдѣ успѣхъ Французовъ и неудача Русскихъ были представлены въ размѣрѣ преувеличенномъ до извращенія истины. Суворовъ пришелъ въ негодованіе, продиктовалъ два опроверженія и велѣлъ послать ихъ въ газеты. Въ репликѣ своей, написанной съ ироніей, но въ весьма приличной формѣ, онъ говоритъ про пылкое воображеніе Массены, преувеличившее русскія потери до цифры, превышающей общее численное состояніе этихъ войскъ; напоминаетъ про бѣдственное для Французовъ муттентальское дѣло, опровергаетъ разныя другія хвастливыя выходки и въ заключеніи говоритъ, что если французскій главнокомандующій призналъ нужнымъ возбудить энтузіазмъ своей арміи, то ему слѣдовало бы прибѣгнуть къ какой-нибудь другой баснѣ, получше составленной, а не къ грубому обману, который можно опровергнуть безъ всякаго труда. Появилось также изложеніе событій Швейцарской кампаніи въ Précis des évènements militaires, гамбургскомъ періодическомъ изданіи генерала Матье Дюма, предпринятомъ для ознакомленія публики съ современными военными дѣйствіями. Изложеніе событій было вовсе не непріязненно Суворову, а только представлялись они не во всѣхъ подробностяхъ сходно съ истиной, какъ понималъ ее Суворовъ, не всегда въ его пользу и съ преувеличеніемъ русскихъ силъ. Это опять задѣло Суворова, и онъ снова продиктовалъ двѣ замѣтки для напечатанія въ газетахъ, одну на французскомъ, другую на нѣмецкомъ языкѣ.

Произошло сверхъ того непріятное столкновеніе съ Вѣнскимъ кабинетомъ. Для убѣжденія генералисимуса въ необхо-

димости скорѣйшаго выступленія въ Россію, былъ посланъ къ нему графъ Бельгардъ. Это былъ горячій приверженецъ Тугута, интриганъ, человѣкъ заносчивый, который къ тому же не любилъ Суворова. Колычевъ и англійскій посланникъ Минто старались уговорить Тугута—послать кого-нибудь другого, но безуспѣшно, и потому Минто поѣхалъ самъ вслѣдъ за Бельгардомъ, дабы по возможности исправить, что онъ напортитъ. Офиціальною цѣлью переговоровъ былъ планъ будущей кампаніи, но Суворовъ былъ предупрежденъ на счетъ истинной цѣли порученія. Бельгардъ встрѣтилъ у него вѣжливый, но холодный пріемъ; на всѣ его убѣжденія о необходимости вывести русскія войска изъ Австріи, Суворовъ отзывался невозможностью этого исполнять безъ особаго повелѣнія Императора Павла; на всѣ подходы къ плану кампаніи говорилъ, что представитъ прежде свои мнѣнія на усмотрѣніе Государя. Бельгардъ возвышалъ голосъ, Суворовъ оставался при высказанномъ; Бельгардъ переходилъ въ дерзкій тонъ, говоря, что у Австріи довольно своихъ войскъ, что она въ Русскихъ не нуждается, и требовалъ, чтобы Суворовъ немедленно ушелъ изъ австрійскихъ земель впередъ или назадъ; Суворовъ невозмутимо выслушивалъ всѣ выходки и повторялъ прежніе отвѣты. Бельгардъ, выходившій изъ себя отъ безстрастности Суворова, дошелъ до крика и угрозъ, но и это не помогло ни на волосъ. Суворовъ, недавно узнавшій, что многіе его винятъ въ разрывѣ, запасся двойнымъ терпѣніемъ, «дабы не было поклепа, что я великаго монарха въ неудовольствіе привелъ на Вѣнскій дворъ». Бельгардъ уѣхалъ, ничего отъ него не добившись, но все-таки выслушалъ отъ Суворова нѣсколько горькихъ истинъ. Ему было при удобномъ случаѣ сказано, что затрудненія въ продовольствіи войскъ есть только предлогъ, чтобы сжить русскія войска; да еще во время святочныхъ игръ привелось ему выслушать отъ Суворова фразу: «играли Неаполемъ, мстили Пьемонту, а теперь хотятъ играть Россіей». Кромѣ того Бельгарду пришлось проглотить горькую пилюлю въ видѣ намека не въ бровь, а въ глазъ. Именно, Суворовъ спросилъ какъ-то за обѣдомъ: «отчего Аннибалъ послѣ сраженія при Каннахъ не пошелъ тотчасъ на Римъ?» Бельгардъ отвѣчалъ, что, вѣроятно, онъ хотѣлъ дать отдыхъ войскамъ, ко-

торыя въ немъ очень нуждались. «Нѣтъ»,—сказалъ Суворовъ: «ему помѣшалъ карфагенскій гофкригсратъ... Вообще вездѣ, гдѣ совѣты или кабинеты думаютъ руководить военными операціями, результатъ получается одинъ и тотъ же». А о привезенныхъ Бельгардомъ военныхъ проектахъ Суворовъ говорилъ громогласно, что эти планы кампаніи краснорѣчивы, но искусственны; прекрасны, но не хороши; блистательны, но не основательны.

Вообще же ни разныя мелкія непріятности, ни постоянный гнетъ неотвязной мысли о дурномъ исходѣ послѣдней кампаніи, не имѣли вліянія на образъ жизни Суворова во время обратнаго похода въ Россію. Этого было слишкомъ мало, чтобы его, веселаго, живого и подвижного по природѣ, превратить въ мизантропа. Не будучи охотникомъ до большихъ и шумныхъ обществъ, онъ въ настоящемъ случаѣ отступилъ отъ своего обычая, ѣздилъ въ гости довольно часто, бывалъ въ общественныхъ собраніяхъ, гдѣ ему устраивали всевозможныя оваціи, и принималъ у себя. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ, шведскій генералъ баронъ Армфельдъ, одинъ торжественный спектакль въ Прагѣ, на которомъ присутствовалъ Суворовъ. «Я видѣлъ Суворова въ театрѣ; его слава и странности привлекли туда множество народа. Театръ былъ иллюминованъ, за билеты платили тройную цѣну. Когда Суворовъ появился въ ложѣ эрцгерцога Карла, театръ разразился громомъ рукоплесканій, криками *ура, виватъ Суворовъ*, и вообще публику охватилъ необычайный энтузіазмъ. Когда прошелъ прологъ, написанный въ его честь, привѣтствія повторились такъ же шумно. Суворовъ, одѣтый въ австрійскій фельдмаршальскій мундиръ и во всѣхъ орденахъ, отвѣчалъ кликомъ «да здравствуетъ Францъ» и нѣсколько разъ пытался остановить превознесеніе его (Суворова) имени, но безъ успѣха, такъ что наконецъ пересталъ жестикулировать и только низко кланялся. Затѣмъ онъ благословилъ зрителей въ партерѣ и ложахъ и что особенно замѣчательно, никто не находилъ это смѣшнымъ; напротивъ, всѣ отвѣчали ему поклонами, точно папѣ. Въ антрактѣ одна молодая дама высунулась изъ сосѣдней ложи, чтобы лучше разглядѣть его. Суворовъ пожелалъ съ нею познакомиться и когда она была ему представлена, протянулъ

ей руку, но дама такъ сконфузилась, что не подала ему своей. Тогда онъ взялъ ее за носъ и поцѣловалъ; публика расхохоталась».

Въ другой разъ Армфельдъ видѣлъ Суворова у князя-архіепископа, гдѣ находилось до 130 приглашенныхъ. Суворовъ не вошелъ, а вбѣжалъ, остановился, низко поклонился во всѣ стороны и, обратившись къ дамамъ, закрывъ глаза и гримасничая, громко рекомендовалъ себя ихъ добротѣ и расположенію. Затѣмъ онъ занялся преимущественно Армфельдомъ и за столомъ посадилъ его около себя. Все, что̀ говорилъ онъ Армфельду, отличалось умомъ; но, вмѣшиваясь въ общій разговоръ, онъ несъ якобы «чепуху».

Суворовъ всегда любилъ святки, справлялъ ихъ непремѣнно каждый годъ по укоренившемуся русскому обычаю и не отступилъ отъ этого и въ Прагѣ. Здѣсь устраивались у него святочныя игры,—фанты, жмурки, жгуты, гаданья; всѣ принимали въ нихъ участіе, въ угоду знаменитому хозяину: и лордъ Минто, и Бельгардъ, и знатныя дамы, и путешественники, отовсюду наѣхавшіе. Шли оживленные танцы, пѣлись хоромъ пѣсни, одна забава смѣнялась другою, причемъ происходила невообразимая путаница, такъ какъ для большинства все это представлялось новинкой. Суворовъ принималъ въ забавахъ самое живое участіе, танцовалъ, пѣлъ, исполнялъ со строгою точностью, что̀ требовалось вынутымъ фантомъ, нарочно спутывалъ игры и потомъ отъ души хохоталъ.

Бывали у него и утренніе пріемы, и обѣды, и великолѣпные балы для мѣстной аристократіи; присутствовали гости и на богослуженіи въ его домовой церкви. За столъ садились обыкновенно между 8 и 9 часами утра; стряпня была какъ всегда, т.-е. выносимая для однихъ привычныхъ; обѣдъ продолжался часа полтора или два, а иногда и больше, за-полдень. Выйдя къ гостямъ, Суворовъ обыкновенно цѣловался со всѣми и благословлялъ каждаго; за столомъ ѣлъ и пилъ больше всѣхъ, ведя оживленный разговоръ, причемъ самъ говорилъ тоже больше всѣхъ. Темы для разговора были самыя разнообразныя, напримѣръ объ Иліадѣ, о пѣсняхъ Оссіана, о сочиненіяхъ Руссо, Вольтера, Монтескье; но бесѣда часто сворачивала на военныя

заслуги хозяина. Суворовъ былъ очень не прочь затрогивать этотъ предметъ и не отличался скромностью въ сужденіяхъ о своихъ боевыхъ дѣлахъ, извиняя себя примѣромъ древнихъ Римлянъ, которые прибѣгали къ самовосхваленію для того, чтобы возбуждать соревнованіе въ слушателяхъ. По окончаніи обѣда Суворовъ вставалъ, давалъ всѣмъ свое благословеніе и отправлялся на нѣсколько часовъ спать. Въ церкви онъ бывалъ часто, выстаивалъ непремѣнно всю службу, молился очень усердно, пѣлъ на клиросѣ, дирижируя пѣвчими. Вообще онъ держалъ себя вездѣ одинаково непринужденно, согласно своему взгляду или усвоеннымъ привычкамъ. А между тѣмъ взгляды его и привычки во многомъ расходились съ общепринятыми, и сверхъ того безпрестанно проскакивали совсѣмъ уже необычныя причуды, приводившія свѣжаго человѣка въ недоумѣніе. Какъ бы впрочемъ ни было велико чудачество Суворова и въ какихъ бы неудобныхъ формахъ оно ни проявлялось, это не умаляло въ описываемое время всеобщаго восторга и глубокаго уваженія, которые внушала къ себѣ его особа. Дамы всѣхъ слоевъ общества, особенно высшаго, фигурировали во главѣ, оказывая Суворову самую разнообразную и неистощимую любезность; онѣ какъ бы оцѣпляли его своимъ очаровательнымъ кругомъ, снисходительно вынося всѣ его дурачества.

Между этими дамами выдѣлялась вдова покойнаго герцога Курляндскаго со своими красивыми дочерьми; Суворовъ обратилъ на нихъ вниманіе и задумалъ — устроить съ одною изъ этихъ дѣвицъ бракъ своего сына. Выборъ палъ на старшую, согласіе послѣдовало. Передъ выѣздомъ изъ Праги, Суворовъ написалъ объ этомъ Императору, испрашивая разрѣшенія, и просилъ предстательства у Ростопчина. Согласился и Государь.

Аркадію Суворову въ то время было всего 15 лѣтъ; женитьбой его можно было бы и не торопиться. Трудно сказать положительно, какими побужденіями руководился его отецъ, устраивая этотъ бракъ. Сильной привязанности со стороны невѣсты не было, что ясно видно изъ ея писемъ къ генералиссимусу и Аркадію, въ апрѣлѣ 1800 года. Въ письмѣ къ отцу она говоритъ, что питаетъ къ нему большую привязанность и что благодаря этому чувству, пожелала съ нимъ породниться. Въ письмѣ

къ Аркадію она, не обинуясь, сознается, что подвиги и слава его отца сдѣлали для нея сносною мысль — вступить съ нимъ, Аркадіемъ, въ бракъ и разстаться со своимъ семействомъ; называетъ его холодно «mon bon ami»; упоминаетъ про непріятности, которыя на нее отовсюду обрушились вслѣдствіе ея согласія на это замужество; прибавляетъ, что коронованныя лица рекомендуютъ ей разныя блестящія партіи и т. п. Слѣдовательно, со стороны невѣсты предположенный союзъ былъ ничего больше, какъ партіею приличія. Такимъ же онъ былъ и со стороны жениха, потому что страстныхъ чувствъ въ Аркадіѣ не замѣчается, и все дѣло зародилось по почину его отца. За генералисимусомъ очень ухаживали; особа, на которой выборъ его остановился, имѣла громкій титулъ герцогини Саганской, большое состояніе, цѣнимое въ 3 милліона, молодость, красоту. Дальнѣйшее изслѣдованіе вопроса можетъ привести развѣ только къ предположенію, что побудительными причинами, заставившими Суворова устроить ранній бракъ Аркадія, могли быть или тщеславіе, или опасеніе за будущность сына, вслѣдствіе его склонности къ безпорядочной жизни. Первое трудно допустить, потому что Суворовъ пріобрѣлъ такое знаменитое имя и высокое положеніе, что женитьба сына на герцогинѣ Саганской едва ли могла очень много щекотать его любочестіе. Второе вѣроятнѣе.

Князь Аркадій Суворовъ жилъ не долго. Находясь на военной службѣ въ чинѣ генералъ-лейтенанта и начальствуя дивизіей, онъ 26 лѣтъ отъ роду утонулъ въ Рымникѣ, въ 1811 году. Это былъ высокаго роста, стройный, бѣлокурый красавецъ, обладавшій пріятнымъ голосомъ и замѣчательной физической силой. Въ глазахъ его свѣтился природный ясный умъ, искрились благородство, честность и прямодушіе, на языкѣ всегда было острое, меткое слово. Душа его не знала страха ни въ какихъ случаяхъ и обстоятельствахъ; смѣлость и беззавѣтная храбрость его изумляли и приводили въ восторгъ самыхъ отчаянныхъ смѣльчаковъ. Если прибавить сюда обаяніе великаго имени, то можно принять на вѣру свидѣтельство современниковъ, что Аркадій Суворовъ былъ идоломъ офицеровъ и солдатъ, и что его преждевременная кончина сопровождалась искреннимъ сожалѣніемъ арміи и всего русскаго общества. Но при всѣхъ своихъ до-

стоинствахъ, онъ имѣлъ и темныя стороны. Воспитаніемъ его управляли или неумѣлые, или чужіе люди; учился онъ кое-чему и кое-какъ и мало чему выучился; 14-ти лѣтъ находился уже при дворѣ, а потомъ дѣлалъ съ отцомъ Итальянскую и Швейцарскую кампаніи; не лишенъ былъ охоты къ чтенію, но не имѣя руководящей мысли, мало что отъ этого пріобрѣталъ. Господствующею страстью въ немъ была карточная игра, а за нею охота; велъ онъ жизнь самую безпорядочную: шумныя бесѣды, кутежи, сумасбродныя проказы тянулись, чередуясь, непрерывною нитью, и довели его до несправедливой репутаціи развратника. Никому не дѣлалъ онъ завѣдомаго зла, но за то много терпѣлъ отъ другихъ; пользуясь его безконечной добротой и благородствомъ мыслей, люди темной нравственности, даже просто мошенники, обманывали и обирали его самымъ наглымъ образомъ, такъ что изъ всего доставшагося ему отъ отца состоянія, ко времени кончины Аркадія едва уцѣлѣло 1500 душъ.

Но какія бы соображенія ни побуждали генералиссимуса къ устройству ранняго брака сына, во всякомъ случаѣ ему не удалось исполнить своего намѣренія. Сначала народились разныя отсрочки и оттяжки, затѣмъ онъ захворалъ и потомъ скончался. А такъ какъ именно онъ былъ главной движущей силой во всемъ этомъ дѣлѣ, то съ его смертью оно и разстроилось.

Вообще послѣднее время пребыванія за границей, Суворовъ въ своей частной перепискѣ отвелъ интересамъ своего сына видное мѣсто, гораздо виднѣе, чѣмъ дочери. Онъ какъ будто наверстывалъ прежнее время, когда поступалъ на-оборотъ. Ему хотѣлось, какъ самъ онъ объяснялъ, устроить будущность Аркадія, оставивъ ему все въ порядкѣ. А между тѣмъ въ этомъ стремленіи къ порядку, онъ самъ себѣ противорѣчилъ, затѣявъ покупку новыхъ деревень и обмѣнъ старыхъ (кобринскихъ), т.-е. не упрощалъ, а усложнялъ свои дѣла. Писалъ онъ Хвостову и о новомъ завѣщаніи, во избѣжаніе тяжбъ между его дѣтьми, и объ искахъ Ворцеля, кобринскихъ офицеровъ и друг., и объ уплатѣ кое-какихъ долговъ. Но вся эта дѣятельность носила на себѣ какой-то не то лихорадочный, не то нервный характеръ. Слишкомъ много пришлось перенести Суворову въ этотъ годъ душевныхъ ощущеній самаго тяжелаго свойства; онъ утомился

до послѣдней степени, такъ что можно было ожидать остраго кризиса. Кризисъ дѣйствительно наступилъ и по обыкновенію, какъ разъ въ то время, когда кипучая дѣятельность смѣнилась полнымъ покоемъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Болѣзнь Суворова, вторичная его опала и кончина.

1800.

Въ послѣднее время, начиная съ невольнаго пребыванія въ селѣ Кончанскомъ, Суворовъ часто недомогалъ; явившись на службу, онъ какъ будто поправился, но къ концу Итальянской кампаніи снова сталъ слабѣть. Передъ Швейцарской кампаніей слабость его была такъ велика, что онъ едва ходилъ; стали чаще прежняго побаливать глаза; давали знать о себѣ старыя раны. Швейцарская кампанія еще усилила болѣзненное его состояніе; онъ началъ жаловаться на холодъ, чего прежде не случалось; не оставлялъ его кашель, привязавшійся нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, и особенно сдѣлался чувствительнымъ вѣтеръ. Однажды, въ Прагѣ, Суворовъ ночью озябъ, потому что откуда-то дуло; онъ выскочилъ изъ спальни и сталъ бѣгать по пріемной, ловя вмѣстѣ съ Прохоромъ вѣтеръ,—до того онъ ему прискучилъ. Не можетъ быть однако сомнѣнія, что главною виною болѣзненнаго состоянія Суворова были причины нравственныя; однѣ не давали ему душевнаго покоя въ селѣ Кончанскомъ, другія неотвязно преслѣдовали и мучили за-границей. Онъ чувствовалъ, что слабѣетъ и по полученіи званія генералисимуса, сказалъ: «великъ чинъ, онъ меня придавитъ, недолго мнѣ жить». Это впрочемъ нимало не заставляло его принимать какія-нибудь

мѣры предосторожности, въ видѣ напримѣръ измѣненія рода жизни, а напротивъ побуждало бороться съ болѣзнью, настаивая на прежнемъ режимѣ. Послѣ швейцарскаго похода, при выходѣ изъ горъ, его видѣли въ самомъ легкомъ костюмѣ, да и послѣ того онъ постоянно бравировалъ опасностью: на одномъ изъ смотровъ, въ холодное время, при рѣзкомъ вѣтрѣ, онъ былъ мало того что легко одѣтъ, но и мундиръ, и даже рубашка были у него разстегнуты.

Суворовъ почувствовалъ себя серьезно нездоровымъ тотчасъ по выѣздѣ изъ Праги, а по пріѣздѣ въ Краковъ долженъ былъ остановиться и приняться за лѣченіе. Особенно мучилъ его кашель, совершенно разбивавшій грудь при малѣйшемъ вѣтрѣ. Однако Суворовъ не поддавался болѣзни, пробылъ въ Краковѣ недолго и пустился въ дальнѣйшій путь, соблюдая строгую діэту. Борьба была неравная, и 70 лѣтъ взяли свое: съ трудомъ дотащился онъ до Кобрина и здѣсь слегъ. Хотя онъ и написалъ въ Петербургъ, что остановился только на 4 дня, но такое рѣшеніе не основывалось ни на чемъ, кромѣ надежды, и остановка потребовалась въ 10 разъ длиннѣе. Здѣсь болѣзнь его развилась и выразилась въ новыхъ, небывалыхъ еще симптомахъ. Въ половинѣ февраля онъ пишетъ одному изъ своихъ племянниковъ, что у него «огневица», что 11 дней онъ ровно ничего не ѣлъ, что малѣйшая крупинка хлѣба противнѣе ему ревеня; «все тѣло мое въ гноищѣ, всякій часъ слабѣю, и ежели дня черезъ два тоже будетъ, я ожидать буду посѣщенія парковъ». Сыпь и вереда или нарывы, показавшіеся сначала на верхней части тѣла, стали множиться и распространяться книзу, бросились на ноги, преимущественно въ сгибы: ноги стали пухнуть. Больной, отличавшійся всегда особенною чистоплотностью, говоритъ въ письмахъ своихъ съ отвращеніемъ о состояніи, въ которомъ находится, и съ грустью сознаетъ свой близкій конецъ. «Мнѣ къ вамъ не писать», читаемъ мы въ его письмѣ къ Ростопчину: «развѣ только—простите на вѣки...»

Дѣйствительно болѣзнь, которую Суворовъ называлъ *фликтеною*, развивалась съ каждымъ днемъ. Врачей первое время не было, и больной лѣчился, какъ надо думать, одною діэтой; медицинская помощь явилась лишь въ Кобринѣ и то по проше-

ствіи нѣкотораго времени. По всей вѣроятности, въ этомъ виноватъ былъ самъ Суворовъ, который вообще не любилъ лѣчиться «латинскою кухней»; когда же домашнія средства и діэта оказались недостаточными, онъ вспомнилъ про подаренную ему Императрицей Екатериной «аптечку» и написалъ Хвостову, чтобы ее непремѣнно разыскали и прислали. Впрочемъ, надежда на лѣченіе даже съ помощью «аптечки» была не велика; Суворовъ тутъ же говоритъ, что желаетъ имѣть при себѣ подарокъ покойной Императрицы только «для памяти». Какъ бы то ни было, по совѣту ли близкихъ, или по собственному рѣшенію, Суворовъ пригласилъ къ себѣ мѣстныхъ врачей; одинъ пріѣхалъ изъ Бреста, другой изъ Тересполя, третій оказался въ числѣ ближайшихъ помѣщиковъ; потомъ прибыло еще два военныхъ врача. Суворовъ держался больше одного, Кернисона, мѣстнаго землевладѣльца, который находился при немъ безотлучно, днемъ и ночью, окружая его всевозможными попеченіями и самымъ тщательнымъ уходомъ. «Дружба его меня радикально избавила отъ смерти», писалъ онъ Ростопчину и просилъ ходатайства о награжденіи Кернисона чиномъ титулярнаго совѣтника. Хотя Кернисонъ на службѣ не состоялъ и никакого чина не имѣлъ, но Государь немедленно исполнилъ просьбу Суворова.

Въ бытность свою въ Прагѣ и вскорѣ по выѣздѣ оттуда, Суворовъ разстался почти со всѣми своими приближенными, которые разъѣхались въ разныя стороны, преимущественно въ Петербургъ, по требованіямъ службы, такъ что при немъ остались всего двое или трое, въ томъ числѣ Багратіонъ. Когда болѣзнь усилилась, Багратіонъ поѣхалъ съ донесеніемъ объ этомъ къ Государю, и въ Кобринъ прискакали посланные Государемъ сынъ Суворова и лейбъ-медикъ Вейкартъ. Новый врачъ принялся за лѣченіе, но больной его не слушался, спорилъ съ нимъ и совѣтовался съ фельдшеромъ Наумомъ. «Мнѣ надобна деревенская изба, молитва (былъ постъ), баня, кашица да квасъ», говорилъ Суворовъ врачу, въ отвѣтъ на упреки его за непослушаніе: «вѣдь я солдатъ». Вейкартъ на это возражалъ, что онъ, Суворовъ, не солдатъ, а генералиссимусъ. «Правда», отвѣчалъ Суворовъ: «но солдатъ съ меня примѣръ беретъ». Однако, было ли то естественнымъ фазисомъ болѣзни, или Вейкарту удалось въ нѣко-

торой степени переубѣдить больного, только состояніе Суворова стало нѣсколько улучшаться.

Если Вейкартово лѣченіе нѣсколько и пособило, то еще больше пособили пріятныя вѣсти, приходившія изъ столицы. Милостивое расположеніе къ Суворову Государя продолжалось неизмѣнно и выказывалось при всякомъ случаѣ. Императоръ былъ очень огорченъ вѣстью о его болѣзни; посылая къ нему своего доктора, рекомендовалъ «воздержность и терпѣніе» и совѣтовалъ уповать на Бога. Ростопчинъ писалъ, что всѣ съ нетерпѣніемъ его ждутъ «съ остальными героями, отъ злодѣевъ, холода, голода, трудовъ и Тугута»; что онъ, Ростопчинъ, жаждетъ момента—поцѣловать его руку. Писали въ Кобринъ, что генералисимусу готовится торжественный пріемъ, вѣрнѣе сказать тріумфъ; для его особы отведены комнаты въ зимнемъ дворцѣ; въ Гатчинѣ долженъ его встрѣтить флигель-адъютантъ съ письмомъ отъ Государя; придворныя кареты приказано выслать до самой Нарвы. Войска предполагалось выстроить шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицъ Петербурга и далеко за заставу; они должны были встрѣчать генералисимуса барабаннымъ боемъ и криками *ура*, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, а вечеромъ назначено было зажечь во всей столицѣ иллюминацію. Суворовъ повеселѣлъ, заводилъ безпрестанно разговоръ о милостяхъ Государя, о готовившемся въ Петербургѣ торжествѣ и пояснялъ, что все это вылѣчитъ его успѣшнѣе, чѣмъ Вейкартъ. Въ перепискѣ съ Хвостовымъ онъ вошелъ въ мельчайшія подробности своего въѣзда въ Петербургъ и послѣдующей жизни и службы. Между прочимъ онъ писалъ, что остановится на послѣдней станціи для ночлега; что тамъ его долженъ встрѣтить сынъ или племянникъ съ запискою о всемъ ходѣ торжества; излагалъ свои предположенія на-счетъ отъѣзда въ деревню и пріѣздовъ оттуда въ Петербургъ на торжественные дни; разбиралъ эти дни—когда слѣдуетъ и когда нѣтъ, когда пристойно, а когда неприлично; заглядывалъ въ своихъ разсчетахъ и предположеніяхъ даже на годъ впередъ; объяснялъ свое желаніе и возможность жить въ деревнѣ тѣмъ, что и самъ «монархъ склоненъ къ уединенной жизни», и на все спрашивалъ совѣта Хвостова.

О житьѣ въ деревнѣ Суворовъ мечталъ постоянно, какъ

обыкновенно тяжело-больной человѣкъ мечтаетъ о какомъ-нибудь хорошемъ послѣдствіи выздоровленія. Въ немъ была жива наклонность къ природѣ, къ безъискуственному; кромѣ того, несмотря на безграничную благосклонность Государя, онъ не могъ не понимать, что совершенно негоденъ для военной службы мирнаго времени, при извѣстныхъ на нее взглядахъ Императора. Поэтому Суворовъ остановился на мысли — жить въ деревнѣ и именно въ Кончанскѣ или по сосѣдству. Онъ разсчитывалъ построить тамъ каменный домъ съ церковью, вмѣсто существовавшихъ деревянныхъ, и обзавестись лѣтнимъ купаньемъ, купивъ для послѣдней цѣли у адмиральши Елмановой, на берегу рѣки Мсты, небольшую деревню. По обыкновенію, задумавъ что-либо, онъ сейчасъ же перешелъ къ исполненію, и потому требовалъ, чтобы деревня была куплена немедленно, во что бы то ни стало. Тщетно ему представляли, что хотя мѣстоположеніе тамъ хорошее и красивое, но купанья нѣтъ, потому что въ рѣкѣ все ямы и водовороты; что домъ маленькій, ветхій, и лѣсу вокругъ никакого; что вся цѣна деревни 10,000 рублей, а Елманова, узнавъ, что торгуетъ имѣніе генералисимусъ, спрашиваетъ 40,000. Суворовъ стоялъ на своемъ и указывалъ еще на большое и устроенное имѣніе Жеребцовыхъ, Ровное, которое желалъ бы купить съ разсрочкой платы.

Не забывалъ онъ и другихъ дѣлъ, затѣянныхъ въ разное время и порученныхъ Хвостову, которому и напоминалъ о нихъ безпрестанно, какъ находясь еще за границей, такъ и теперь, причемъ упрекалъ его во «влажности», въ летаніи «за облаками», въ «сонливости» и проч. Бѣдный Хвостовъ служилъ ему всегда souffre-douleur'омъ, но теперь требованія сдѣлались настойчивѣе, нетерпѣніе увеличилось и не принимались во вниманіе ни длинная канцелярская процедура, ни обычная судебная волокита. Во всемъ оказывалась виною медлительность Хвостова; рекомендовалось другимъ племянникамъ подгонять его и пособлять ему. Нѣтъ такого предмета, котораго онъ не затрогивалъ бы въ перепискѣ съ Хвостовымъ, начиная отъ пенсіи на орденъ Маріи Терезіи, переходя на желаніе являться иногда въ публикѣ въ австрійскомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ и кончая тремя польскими пушками, пожалованными ему Екатериной, которыя онъ еще не получилъ.

По временамъ, когда болѣзнь ослабѣвала и являлась нѣкоторая надежда на выздоровленіе, Суворовъ возвращался къ своимъ любимымъ мечтамъ о кампаніи будущаго года, о средствахъ къ успокоенію Европы, говорилъ и диктовалъ замѣтки о послѣдней кампаніи. Но больше всего онъ посвящалъ свое время и свои послѣднія силы Богу, такъ какъ былъ великій постъ, который онъ привыкъ проводить со всею строгостью, предписываемою церковными уставами. Вейкарту это очень не нравилось, особенно употребленіе паціентомъ постной пищи; но протестовалъ онъ безъ всякаго успѣха. Суворовъ ревностно посѣщалъ божественную службу, пѣлъ на клиросѣ, читалъ апостолъ, билъ безчисленные земные поклоны и самого Вейкарта заставлялъ бывать на молитвѣ. Когда Суворова согрѣвала надежда на выздоровленіе, мысли и желанія его устремлялись къ Петербургу и Государю. Но осуществленіе этой мечты все какъ будто не приближалось, и въ кобринскомъ домѣ Суворова царили уныніе, тоска, скука. Не было и въ поминѣ веселыхъ обѣдовъ, какъ за границей; пріѣзжали разныя лица по разнымъ надобностямъ и приглашались къ столу, но Суворовъ не показывался, или появлялся на нѣсколько мгновеній, чтобы привѣтствовать гостей и затѣмъ удалиться. Одинъ изъ приближенныхъ къ Суворову, Фуксъ, даже просилъ генералъ-прокурора вызвать его «изъ здѣшняго печальнаго мѣста». Съ большой натяжкой Вейкартъ наконецъ разрѣшилъ тронуться въ дальнѣйшій путь, да и то на разныхъ условіяхъ, между прочимъ чтобы ѣхать какъ можно тише. Отправился въ столицу не Суворовъ, а скорѣе его призракъ или тѣнь; ѣхалъ онъ въ дормезѣ, лежалъ на перинѣ, заблаговременно сообщивъ по пути впередъ, чтобы не было никакихъ торжественныхъ встрѣчъ и проводовъ.

На пути въ Петербургъ постигъ его новый, тяжкій ударъ: внезапная немилость Государя. Марта 20, при паролѣ, отдано было въ Петербургѣ высочайшее повелѣніе: «вопреки высочайше изданнаго устава, генералисимусъ князь Суворовъ имѣлъ при корпусѣ своемъ, по старому обычаю, непремѣннаго дежурнаго генерала, что̀ и дается на замѣчаніе всей арміи». Въ тотъ же день послѣдовалъ Суворову высочайшій рескриптъ. «Господинъ генералисимусъ, князь Италійскій, графъ Суворовъ Рымникскій,

Дошло до свѣдѣнія моего, что во время командованія вами войсками моими за границею, имѣли вы при себѣ генерала, коего называли дежурнымъ, вопреки всѣхъ моихъ установленій и высочайшаго устава; то и удивляясь оному, повелѣваю вамъ увѣдомить меня, что̀ васъ понудило сіе сдѣлать». Неизвѣстно, послѣдовалъ ли отъ Суворова отвѣтъ на этотъ грозный рескриптъ и если да, то въ чемъ состоялъ. Но немилость Государя была объявлена больному не сразу, съ предосторожностями, и все-таки тяжелымъ бременемъ на него легъ этотъ нежданный-негаданный гнетъ, отъ котораго избавиться онъ былъ уже не въ состояніи.

Первые дни онъ, хотя съ трудомъ, но выносилъ дорогу; потомъ это сдѣлалось ему не по силамъ, и онъ принужденъ былъ остановиться въ деревнѣ, невдалекѣ отъ Вильны. Лежа на лавкѣ, въ крестьянской избѣ, онъ стоналъ въ голосъ, перемежая стоны молитвами и жалѣя, что не умеръ въ Италіи. Однако припадки болѣзни мало-по-малу стихли, больного опять положили въ карету и повезли дальше. При каждой остановкѣ народъ толпился у кареты, всякому хотѣлось взглянуть на знаменитаго героя. Въ Ригѣ, гдѣ ему еще больше полегчало, онъ рѣшился остановиться на отдыхъ, тѣмъ паче, что наступалъ праздникъ св. Пасхи, который онъ привыкъ особенно чтить. Здѣсь Суворовъ надѣлъ на себя черезъ силу мундиръ, былъ въ церкви и разгавливался у генералъ-губернатора; но такое насиліе надъ собой не прошло ему даромъ: дальнѣйшій путь онъ долженъ былъ продолжать еще медленнѣе прежняго, и на переѣздъ до Петербурга потребовались цѣлыя двѣ недѣли. Въ Стрѣльнѣ встрѣтили его многіе изъ Петербурга, окружили дормезъ, подносили ему фрукты и цвѣты, дамы поднимали дѣтей подъ его благословеніе; тронутый Суворовъ благодарилъ дамъ, благословлялъ дѣтей. Слѣдовало однако торопиться, чтобы прибыть въ Петербургъ въ тотъ же день, и Суворовъ поѣхалъ дальше. Всѣ приготовленія къ торжественной встрѣчѣ были отмѣнены; онъ въѣхалъ въ столицу 20 апрѣля въ 10 часовъ вечера какъ бы тайкомъ, медленно проѣхалъ по улицамъ до пустынной Коломны, остановился въ домѣ Хвостова, на Крюковомъ каналѣ (нынѣ № 23) и тотчасъ же слегъ въ постель.

Явился отъ Государя генералъ, но не будучи до Суворова допущенъ, оставилъ записку, въ которой было сказано, что генералисимусу не приказано являться Государю.

Поворотъ въ отношеніяхъ Государя къ Суворову былъ до того внезапенъ и крутъ, что породилъ множество толкованій и догадокъ. Одни говорятъ, что разочаровавшись въ тѣсномъ своемъ сближеніи съ Австріей и Англіей, Павелъ I не взлюбилъ и тѣхъ, кто былъ участникомъ этого сближенія. Ростопчинъ въ маѣ 1800 года говоритъ, что за разрушеніе союза съ Вѣнскимъ дворомъ обозначены четыре жертвы—Суворовъ, С. Воронцовъ, Англія и онъ, Ростопчинъ; что первые три уже принесены, а послѣдній ожидаетъ своего жребія (впалъ въ немилость чрезъ 9 мѣсяцевъ, за двѣ недѣли до кончины Государя). Другіе утверждаютъ, что Павелъ I, обманутый союзниками, особенно Австріей, обрушился со своимъ гнѣвомъ на Суворова за то, что тотъ не открылъ ему своевременно австрійскихъ замысловъ и козней. Третьи говорятъ, что Суворовъ своимъ неуступчивымъ образомъ дѣйствій съ Вѣнскимъ кабинетомъ былъ главною причиною разрыва коалиціи, что онъ настроилъ своего Государя во враждебномъ смыслѣ къ союзнику, и что именно поэтому разразилась надъ нимъ нѣсколько позже гроза. Существуетъ одиночное свидѣтельство, идущее якобы отъ Государя Наслѣдника, будто Павлу I стало завидно, что Суворовъ, а не онъ самъ пріобрѣлъ такую великую славу, отчего въ немъ и родилась ненависть ко всѣмъ участникамъ войны 1799 года. Одинъ изъ историковъ пишетъ, будто нѣкоторые офицеры Суворовскаго штаба предвидѣли съ самаго начала Итальянской кампаніи возможность опалы ихъ начальника и собрали многочисленные документы въ его защиту; но въ чемъ состояли эти оправдательныя статьи, не говоритъ. Нѣкоторые приписываютъ внезапную немилость Государя, между прочимъ, несправедливости Суворова въ назначеніи наградъ и явному пристрастію его къ родственникамъ и приближеннымъ. Есть такіе, которые главную причину опалы находятъ въ самихъ указаніяхъ Государя, т.-е. въ отступленіяхъ Суворова отъ устава и правилъ. Существуетъ также догадка, будто немилостью Государя Суворовъ обязанъ великому князю Константину Павловичу, который не взлюбилъ генералисимуса

со времени дѣла при Басиньянѣ. Наконецъ, многіе указываютъ на интриги завистниковъ и недоброжелателей Суворова, какъ на главную, если не единственную причину разразившейся внезапной опалы, причемъ допускается предположеніе, что къ этой категоріи лицъ принадлежалъ и близкій къ генералисимусу Фуксъ. Все это дѣло остается понынѣ не разъясненнымъ и заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Императоръ Павелъ былъ самъ руководителемъ иностранной политики Россіи, особенно при составленіи коалиціи противъ Франціи, почему и преслѣдовались тутъ идеи, соотвѣтствующія абстрактнымъ монархическимъ воззрѣніямъ, а реальная почва, насущные интересы своей страны пренебрегались. При принципіальномъ отрицаніи чьего бы то ни было значенія во внѣшней политикѣ, кромѣ своего личнаго, Императоръ Павелъ могъ винить лишь одного себя въ послѣдствіяхъ. Неудовольствіе непроизвольное, нервическое конечно могло быть, но тогда, при извѣстной скорости Государя на всякаго рода рѣшенія, должны были бы пострадать разомъ всѣ участники дѣла; между тѣмъ самый главный изъ нихъ, Ростопчинъ, долгое еще время оставался въ милости и у дѣлъ.

Трудно повѣрить также и тому, чтобы въ опалѣ Суворова играло видную роль неудовольствіе на него Государя за позднее раскрытіе своекорыстныхъ замысловъ Вѣнскаго двора. Суворовъ во-первыхъ сообщилъ объ этомъ тотчасъ, какъ самъ убѣдился, а во-вторыхъ это было и не его дѣло: оно лежало на обязанности русской дипломатической миссіи въ Вѣнѣ. Въ той же мѣрѣ невѣрно предположеніе о неудовольствіи Павла I на Суворова за разрушеніе коалиціи, ибо она распалась, какъ мы видѣли, вовсе не по винѣ Суворова, а вслѣдствіе совершеннаго различія въ основныхъ цѣляхъ союзниковъ, и Государь задолго до разрыва самъ предвидѣлъ возможность такого исхода.

Указываемое однимъ свидѣтельствомъ ревнивое, завистливое отношеніе Павла къ Суворову, еслибы было, то обнаруживалось бы въ разныхъ симптомахъ, а не свалилось бы на генералисимуса сразу, внезапно. Совершенно невразумительно также свидѣтельство, будто штабъ главнокомандующаго заранѣе ожидалъ немилости Государя. Откуда это видно? На вопросъ отвѣта нѣтъ

и быть не можетъ. Ужъ если можно остановиться на какомъ-либо изъ вышеперечисленныхъ обвиненій, то развѣ на несправедливостяхъ Суворова и на пристрастіи его къ родственникамъ и приближеннымъ, да и то не на долго.

Въ должности состоявшихъ при его особѣ, также адъютантовъ, волонтеровъ и проч., находилось при Суворовѣ много лицъ, которыя то прибывали, то убывали. Почти все время находимъ при Суворовѣ генералъ-майора князя Андрея Горчакова, полковника Лаврова, майоровъ Румянцева и барона Розена, Фукса (подъ конецъ дѣйств. статскій совѣтникъ), штабсъ-капитана Ставракова; потомъ видимъ полковника Кушникова, поручика Кригера и нѣкот. другихъ. Изъ всѣхъ этихъ лицъ, родственникомъ Суворову приходился только князь Горчаковъ; Розенъ былъ сынъ его пріятеля; Румянцевъ—деревенскій сосѣдъ изъ мелкопомѣстныхъ; Ставраковъ—одинъ изъ офицеровъ, добровольно отступившійся отъ кобринскаго надѣла. Кстати сказать, этотъ близкій Суворовскій кружокъ былъ гораздо порядочнѣе и приличнѣе штабовъ Суворова въ прежнія войны, и наибольшимъ уваженіемъ изъ всѣхъ этихъ лицъ пользовался Кушниковъ.

Что нѣкоторые изъ приближенныхъ злоупотребляли довѣріемъ Суворова, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Въ письмѣ его племянника къ Хвостову значится: «скажите Тизенгаузену, что его сынъ рекомендованъ, хотя ничего почти не дѣлалъ, также и гр. Шуваловъ;.. скажите гр. П. Уварову, что я его брата хотѣлъ втереть въ осаду Серавалле, чтобы доставить рекомендацію, да онъ на ту пору занемогъ немного». По поводу одной подобной же просьбы говорится: «ежели можно, не упущу обоброчить, но Римскій императоръ самъ скупится да и не хочетъ допустить воспользоваться намъ Сардинскимъ королемъ;..... король отложилъ свой пріѣздъ, а тутъ бы кожуринку можно было содрать». Вообще въ штабѣ главнокомандующаго наградныя дѣла велись не совсѣмъ чисто, и тутъ дѣйствовали пружины, Суворову не замѣтныя.

Кромѣ того и онъ самъ грѣшилъ иногда противъ справедливости; но факты подобнаго рода существовали всюду и были явленіемъ общимъ; при Суворовѣ дѣлалось тоже самое, что и при другихъ. Предметомъ ходатайствъ Суворова бывали постоянно лица, служившія въ войскахъ; штабныхъ и близкихъ онъ ко-

нечно не забывалъ, но они не занимали весь первый планъ, не оттирали остальныхъ. Пристрастіе его было замѣтно преимущественно въ назначеніи иностранныхъ орденовъ; но самъ Государь, какъ видно, считалъ это естественнымъ или уважительнымъ. Да и нельзя все относить къ винѣ именно Суворова. Напримѣръ говорятъ, что онъ назначилъ орденъ Маріи-Терезіи старшему своему племяннику, князю Алексѣю Горчакову, хотя тотъ въ итальянской арміи совсѣмъ не служилъ, а находился въ войскахъ Римскаго-Корсакова. Орденъ дѣйствительно былъ назначенъ старшему Горчакову, который нашелъ неудобнымъ принять эту награду и отъ нея отказался, такъ какъ она давалась за Итальянскую кампанію. Но орденъ назначилъ самъ императоръ Францъ, вѣроятно желая показать свое вниманіе Суворову, и несмотря на отказъ Горчакова, настоялъ на своемъ пожалованіи; настоялъ на томъ же и Императоръ Павелъ. Изъявляя свое благоволеніе Суворову прямо и косвенно, Павелъ I собственной инициативой жаловалъ его родныхъ и близкихъ, не скрывая, что это дѣлается ради заслугъ генералиссимуса. Такъ, того же Алексѣя Горчакова (генерала, дѣйствительно достойнаго), онъ наградилъ орденомъ св. Александра Невскаго «уважая службу и особу дяди».

Вообще тщательное изученіе этого предмета приводитъ къ заключенію, что раздача отличій и наградъ не могла быть причиною неудовольствія Государя на Суворова никоимъ образомъ. Злоупотребленія же близкихъ къ генералиссимусу лицъ, въ видѣ поползновенія «обоброчить» кого-либо, или «содрать кожуринку», или «втереть» въ число отличившихся лицо, не сдѣлавшее ровно ничего,—остались скрытыми и никому не извѣстными, по крайней мѣрѣ не проскакиваетъ нигдѣ ни малѣйшаго намека въ противуположномъ смыслѣ.

Тоже самое можно сказать и о хозяйственныхъ злоупотребленіяхъ, ежели они существовали. Хотя вся провіантская часть вѣдалась Австрійцами, все-таки возможность хищеній и воровства не была совершенно закрыта, однако ничего подобнаго злоупотребленіямъ въ послѣднюю Польскую войну теперь не обнаружилось, такъ что съ этой стороны Суворовъ въ глазахъ Государя былъ совсѣмъ чистъ.

Нельзя того же сказать относительно исполненія Суворовымъ устава и правилъ, касающихся механизма службы вообще и порядка управленія арміей въ частности. Мы знаемъ, что Государь напутствовалъ Суворова въ Италію словами: «веди войну по своему, какъ умѣешь», но это неопредѣленное выраженіе могло быть толкуемо и понимаемо на разные лады. До насъ дошли разнорѣчивыя свидѣтельства о характерѣ и размѣрѣ отступленій, допущенныхъ Суворовымъ въ русскихъ войскахъ за границей. Одни говорятъ, будто онъ не сохранилъ «ни одного изъ введенныхъ императоромъ Павломъ регламентовъ»; но въ этомъ извѣстіи есть очевидное преувеличеніе, опровергаемое чуть не ежедневными фактами. По словамъ другихъ, совершенно не употреблялись штиблеты, унтеръ-офицерскія 4-аршинныя аллебарды изрублены на дрова въ Альпахъ и отчасти въ Италіи, офицерскіе эспонтоны брошены, примѣнялся временами разсыпной строй. По словамъ одного Суворовскаго солдата, дожившаго до 90-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, Суворовъ, выѣхавшій близь одного итальянскаго города на-встрѣчу прибывшимъ русскимъ полкамъ, велѣлъ тотчасъ же обрѣзать солдатамъ косы и лавероки. Великій князь Константинъ впослѣдствіи докладывалъ Государю дважды, что обмундированіе и снаряженіе войскъ оказались въ походѣ неудобными; Государь какъ будто подался на доводы и приказалъ сыну представить образцы болѣе удобной экипировки; но когда увидѣлъ, что предлагаемое великимъ княземъ напоминаетъ Потемкинское снаряженіе, то страшно разсердился. Такимъ образомъ, легко быть можетъ, что Императору Павлу не нравились допущенныя Суворовымъ отступленія отъ уставовъ; но такъ какъ они вызывались необходимостью и касались только практическаго примѣненія, въ видѣ временной мѣры, не посягая на букву самаго регламента, то въ виду даннаго Суворову полномочія, Павелъ I едва ли могъ считать по этому поводу генералисимуса ослушникомъ и быть имъ недовольнымъ за самовольство.

Суворовъ провинился несомнѣнно въ одномъ: въ организаціи высшаго управленія арміей, возстановивъ уничтоженную Государемъ должность дежурнаго генерала. Это сдѣлано было по старой, издавна усвоенной привычкѣ; къ новымъ порядкамъ

привыкнуть еще не успѣли и исполненіемъ ихъ затруднялись. Должность дежурнаго генерала исправляли при Суворовѣ разныя лица; сначала Ферстеръ, въ продолженіе приблизительно 3 мѣсяцевъ, а можетъ быть и больше; потомъ не видно кто именно, можетъ статься никто; затѣмъ, на возвратномъ пути въ Россію, старшій изъ Горчаковыхъ, а послѣ него Милорадовичъ. Узналъ объ этомъ Государь не по доносу, а случайно, прочитавъ въ одной бумагѣ о полученіи какого-то приказанія отъ Суворова чрезъ дежурнаго генерала Милорадовича, и съ этого момента прежнее свое благоволеніе къ генералисимусу смѣнилъ полною къ нему немилостью.

Многіе впрочемъ не считаютъ этого случая причиною немилости и ищутъ ее въ интригахъ завистниковъ и недоброжелателей Суворова. У него всегда бывали враги, не было недостатка въ нихъ и теперь, когда онъ такъ высоко поднялся; они только притихли. Весьма возможное дѣло, что зависть и недоброжелательство, улучивъ время, пустились въ происки; только эта подземная работа оставила по себѣ очень немногіе признаки. Одно изъ близкихъ къ Суворову лицъ разсказываетъ, что къ числу самыхъ отъявленныхъ враговъ или завистниковъ генералисимуса принадлежалъ графъ Паленъ (въ 1800 году петербургскій генералъ-губернаторъ), который, зная близко характеръ Императора и пользуясь его довѣріемъ, неоднократно пытался косвенными внушеніями поколебать его благосклонность къ Суворову. Когда милость Государя къ генералисимусу дошла до апогея, и въ Петербургѣ готовилась торжественная встрѣча побѣдоносному вождю, съ оказаніемъ ему царскихъ военныхъ почестей, Паленъ спросилъ у Императора, не прикажетъ ли онъ также, чтобы при встрѣчѣ съ Суворовымъ на улицахъ, всѣ выходили изъ экипажей для его привѣтствованія, какъ это дѣлается для особы Императора. «Какъ же, сударь», отвѣчалъ Государь: «я самъ, какъ встрѣчу князя, выйду изъ кареты». На этотъ разъ маневръ, разсчитанный на возбужденіе въ Государѣ ревнивой подозрительности, не удался, но дальнѣйшія попытки не прекратились. Внушалось мимоходомъ, къ слову, что Суворовъ не питаетъ къ Государю должной преданности, а потому не хочетъ ѣхать въ Петербургъ; говорилось, что съ тѣхъ поръ,

какъ онъ попалъ въ члены королевской фамиліи, у него зародились честолюбивые замыслы, подданному не подобающіе; что признакомъ такого настроенія служитъ затѣянный имъ брачный союзъ сына съ принцессой Саганской, а также самовольное учрежденіе должности дежурнаго генерала, полагаемой по закону только при Государѣ. Такой способъ внушеній всегда и всюду практикуется наравнѣ съ грубой лестью; но точно ли подобные навѣты могли опрокинуть судьбу Суворова?

Въ число недоброжелателей Суворова нѣкоторые включаютъ великаго князя Константина Павловича, другіе Фукса. Что касается перваго, то никакихъ фактовъ для подобнаго заключенія не существуетъ, а есть гораздо больше поводовъ для заключенія противуположнаго, а именно, что великій князь, если и не былъ горячимъ поклонникомъ Суворова, то все-таки благоволилъ къ нему.

Вопросъ о Фуксѣ разрѣшается такимъ же образомъ. Первоначально для заграничной войны предназначался одинъ корпусъ Розенберга. Генералъ Линденеръ сдѣлалъ доносъ, что въ рядахъ этого корпуса завелись вольнодумцы, и что Французы предполагаютъ увеличить ихъ число, распространяя въ полкахъ брошюры революціоннаго содержанія. Розенбергу приказано было обратить на этотъ предметъ особенное вниманіе и для производства такого рода дѣлъ командированъ къ нему состоявшій на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ статскій совѣтникъ Фуксъ. Посылая Фукса, генералъ-прокуроръ писалъ Розенбергу: «а какъ онъ имѣетъ и другія препорученія, то въ нужныхъ обстоятельствахъ, по требованіямъ его, дѣлайте ему пособіе и донесенія его доставляйте ко мнѣ». Эти «другія препорученія» заключались собственно въ томъ же самомъ, что предписывалось Розенбергу, т.-е. въ тайномъ надзорѣ за всѣми и за всѣмъ. Именно Фуксу былъ сообщенъ доносъ Линденера; ему же приказано препятствовать проникновенію въ войска книги Les droits de l'homme; ему же велѣно разузнавать про одного французскаго книгопродавца, пробирающагося въ Россію, и т. под. Позже, когда отправка русскихъ войскъ за границу не ограничилась однимъ корпусомъ Розенберга, и Суворовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, Фуксу дано было приказаніе—находиться

попрежнему безотлучно при корпусѣ Розенберга, но имѣть наблюденіе и за прочими войсками, донося о всемъ замѣченномъ генералъ-прокурору.

Познакомившись съ Фуксомъ, Суворовъ взялъ его въ апрѣлѣ къ себѣ и сталъ употреблять по письменнымъ дѣламъ, сначала по военнымъ, а потомъ и по дипломатическимъ. Разумѣется первоначальная миссія Фукса оставалась во всей своей силѣ: онъ продолжалъ сохранять свое независимое положеніе и посылалъ донесенія по прежнему прямо генералъ-прокурору.

Въ донесеніяхъ своихъ Фуксъ постоянно пишетъ, что все обстоитъ благополучно, что признаковъ революціонной пропаганды въ войскахъ не замѣчается; касается и всего прочаго, доноситъ о разныхъ политическихъ слухахъ, о ходѣ военныхъ дѣйствій. Дурныхъ отзывовъ онъ не даетъ ни о комъ изъ Русскихъ, кромѣ посла Разумовскаго за его надменность и генерала Львова за дурное обращеніе съ жителями; Австрійцевъ же выставляетъ съ невыгодной стороны. О Суворовѣ, въ смыслѣ его характеристики или аттестаціи, онъ не пишетъ ничего, но изрѣдка представляетъ копіи съ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ бумагъ, впрочемъ безъ всякой видимой причины или руководящей мысли. Отношенія между Фуксомъ и Суворовымъ постоянно сохранялись хорошія; никакихъ неудовольствій ни съ которой стороны не замѣчается. Въ донесеніяхъ Фукса, посылавшихся помимо главнокомандующаго, нѣтъ рѣшительно ничего такого, что могло бы дать поводъ къ неудовольствію Государя на какіе-нибудь безпорядки или неустройства въ войскахъ. Есть, правда, документальныя данныя, указывающія, что у Фукса бывали мимолетныя столкновенія съ Суворовымъ (вѣрнѣе—съ его приближенными) и что онъ, между прочимъ, однажды заявилъ, что отъ Суворова не зависитъ. Но это надо принимать не иначе, какъ условно, ибо въ тѣсномъ кружкѣ Суворовскихъ приближенныхъ происходила чуть не постоянная борьба самолюбій, мелкихъ личныхъ интересовъ и вообще всякія дрязги. Но взаимныя отношенія Суворова и Фукса отъ всего этого не страдали, какъ наглядно доказываетъ переписка каждаго изъ нихъ.

Такимъ образомъ, заподозриваніе Фукса въ интригѣ противъ Суворова или въ недоброжелательствѣ къ нему, должно быть, по бездоказательности, отвергнуто.

Не отыскиваются причины къ неудовольствію Государя на генералисимуса и въ офиціальной перепискѣ. Тутъ мы встрѣчаемъ только простыя замѣчанія, то-есть указанія Государя на разныя мелочи, которыя не исполняются, а должны быть исполняемы. Лишь однажды проскакиваетъ въ словахъ Государева рескрипта легкое неудовольствіе, именно по поводу проектированнаго Суворовымъ плана будущей кампаніи, гдѣ предполагается составлять арміи изъ русскихъ и австрійскихъ войскъ на томъ основаніи, что нѣкоторыя отрасли у Австрійцевъ лучше, чѣмъ въ русской арміи. По этому поводу Государь, отвѣчая Суворову, пишетъ съ ироніей: «признанные вами недостатки въ войскахъ нашихъ по частямъ артиллерійской, квартирмейстерской и провіантской и большая превосходность Австрійцевъ во всѣхъ оныхъ частяхъ противу насъ, заставляютъ меня болѣе держаться намѣренія возвратить свои войска домой и оставить Австрійцевъ однихъ пользоваться преимуществами, которыя имъ даетъ совершенность ихъ въ военномъ искусствѣ». Однако, никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій это неудовольствіе не имѣло, и до парольнаго повелѣнія 20 марта, т.-е. цѣлые $2^1/_2$ мѣсяца, Государь продолжалъ оказывать Суворову неизмѣнную благосклонность. Наконецъ, еще одно мелочное, послѣднее указаніе. Ростопчинъ писалъ Суворову мимоходомъ, въ горькую минуту, что Государю желательно, дабы онъ, Суворовъ, отказался отъ званія австрійскаго фельдмаршала, но Суворовъ не обратилъ на это вниманіе, такъ какъ слова Государя были не приказаніемъ, а однимъ изъ порывовъ, проскакивавшихъ у Павла Петровича безпрестанно.

Вотъ все, что можно было собрать для объясненія постигшей Суворова вторичной немилости. Самовольное учрежденіе имъ должности дежурнаго генерала и инсинуаціи завистниковъ составляютъ единственное объясненіе немилости; но очевидно мотивы эти слишкомъ мелки. Заслуги Суворова были такъ велики, и благосклонность къ нему Государя такъ безпримѣрна и необычайна, что «дежурный генералъ» слишкомъ ничтоженъ для ихъ противовѣса, да и происки завистниковъ тоже, ибо Императоръ Павелъ не любилъ постороннихъ внушеній и очень ревниво блюлъ свою личную самостоятельность. Все это могло служить развѣ послѣдней каплей въ переполненномъ сосудѣ,

или *поводомъ* къ обнаруженію уже назрѣвшей немилости, но не самою *причиною* немилости. Причину слѣдуетъ искать не тутъ; она заключается не въ поступкахъ Суворова, а въ духовной натурѣ Императора Павла, и для выясненія ея требуется изслѣдованіе не столько историческое, сколько патологическое.

Царствованіе Павла Петровича было не продолжительно, но и въ этотъ короткій срокъ характерныя особенности Государя успѣли развиться до проявленій психически-болѣзненныхъ. Не сдерживаемая никакой внутренней силой прихоть, или увлеченіе минуты, или упрямство, заступала въ Павлѣ I мѣсто серьезнаго убѣжденія, а непомѣрная экзальтація раздувала всякую идею, имъ овладѣвавшую, до изумительнаго преувеличенія. Впечатлительность, воспріимчивость Павла I дошли до такого развитія, что настроеніе его духа почти никогда не было спокойнымъ, и Государь постоянно вращался въ крайностяхъ, доходя то до безграничнаго великодушія, то до неудержимой страсти, то наконецъ (особенно въ послѣднее время жизни) до какой-то слѣпой ярости. Въ это послѣднее время онъ даже совсѣмъ отшатнулся отъ своей супруги и съ каждымъ днемъ все больше раздражался противъ наслѣдника. Съ самаго начала своего царствованія погрузившись въ мелочи, онъ совсѣмъ потерялъ способность оцѣнивать и взвѣшивать, т.-е. различать важное отъ неважнаго, а потому все хотѣлъ дѣлать самъ и даже вмѣшивался въ частныя дѣла, совсѣмъ не подлежавшія его вѣдѣнію. Перемѣны въ немъ были безпрестанныя, неожиданныя и чрезвычайно рѣзкія; чѣмъ сильнѣе было возбужденіе, тѣмъ круче наступала реакція. Измѣнчивость эта была тѣмъ бѣдственнѣе, что каждое движеніе больной души Павла Петровича тотчасъ же переходило въ дѣло, и рѣшеніе приводилось въ исполненіе съ такою бурною стремительностью, какъ будто отсутствіе подобнаго спѣха способно было нанести прямой ущербъ авторитету верховной власти.

Въ это царствованіе завтра не было логическимъ послѣдствіемъ настоящаго дня: бѣду нельзя было предвидѣть, и она налетала внезапно, безъ предваряющихъ симптомовъ. Никто не былъ увѣренъ въ своемъ завтрашнемъ днѣ: очень многіе государственные люди, не исключая пользовавшихся долгою благо-

склонностью Государя, постоянно держали на-готовѣ экипажъ, чтобы отправиться съ курьеромъ по первому приказанію. Подозрительность или недовѣрчивость Павла I была такъ велика, что ея не могъ избѣжать рѣшительно никто. Въ октябрѣ 1798 года повелѣно — всѣхъ курьеровъ, пріѣзжающихъ изъ за границы, направлять прямо во дворецъ, не разсылая никому привезенныхъ ими писемъ. Въ ноябрѣ приказано—нѣсколько почтъ вскрывать письма къ князю Безбородко; тоже самое дѣлалось около того же времени съ перепискою князя Репнина и фрейлины Нелидовой; въ 1800 году снова приказано наблюдать за письмами Репнина въ чужіе края. По временамъ производилась перлюстрація писемъ и другихъ лицъ, даже великихъ княгинь Анны Павловны и Елизаветы Алексѣевны; распоряженіе это касалось одно время и кореспонденціи между Императрицей и фрейлиной Нелидовой. Въ апрѣлѣ 1800 года данъ указъ Сенату—запретить впускъ изъ за границы всякаго рода книгъ, на всѣхъ языкахъ, также и нотъ. Раздражительность Государя тоже высказывалась такъ неожиданно и вслѣдствіе такихъ поводовъ, которые повидимому ничего не значили. Однажды происходилъ разводъ на сильномъ морозѣ, съ рѣзкимъ вѣтромъ; проходя мимо князя Репнина, Государь у него спросилъ: «каково, князь Николай Васильевичъ?»—Холодно, Ваше Величество,—отвѣчалъ Репнинъ. Когда послѣ развода поѣхали во дворецъ, и Репнинъ хотѣлъ, по обыкновенію, пройти въ кабинетъ Государя, то камердинеръ остановилъ его, сказавъ: «не велѣно пускать тѣхъ, кому холодно».

Вообще дурныя особенности характера Павла Петровича такъ развились, что не могли быть парализуемы или хоть ослабляемы ничѣмъ. Благосклонность Государя нетолько не спасала отъ опасности, но напротивъ увеличивала ее. Чѣмъ больше Павелъ I отличалъ и возвышалъ своего вѣрнаго, усерднаго и способнаго слугу, чѣмъ осязательнѣе выражалось его благоволеніе, тѣмъ ближе была вѣроятность реакціи и немилости. Вознестись высоко, значило и упасть глубоко. Почти никто изъ лицъ, пользовавшихся особеннымъ довѣріемъ Павла Петровича, не избѣгъ этой участи; немногіе, отличавшіеся благоразуміемъ и практическимъ взглядомъ на жизнь, во-время выходили въ отставку и только потому не подошли подъ общее правило. Суво-

ровъ подвергся только общей участи, попавъ внезапно подъ опалу, и если опала его была явленіемъ особенно-замѣтнымъ, то единственно потому, что онъ самъ былъ человѣкъ особенно замѣтный. Чему подвергся Суворовъ, почти тоже самое случилось нѣсколько раньше и съ княземъ Репнинымъ. Въ 1798 году онъ былъ посланъ въ Берлинъ и въ Вѣну съ порученіемъ— отвлечь Пруссію отъ дружескихъ сношеній съ Франціей и договориться съ Австріей о совмѣстномъ дѣйствіи противъ республики. Посольство его не имѣло успѣха, и Репнинъ впалъ въ немилость. Въ Берлинѣ онъ получалъ отъ Государя весьма благосклонныя письма, въ Вѣнѣ два собственноручныхъ еще милостивѣе, въ Люблинѣ тоже собственноручное съ приглашеніемъ ѣхать прямо въ Петербургъ: «дать себя обнять». Въ Брестѣ его засталъ именной указъ—въ Петербургъ не ѣздить; указъ этотъ отправленъ на другой день послѣ письма въ Люблинъ, а чрезъ нѣсколько часовъ послѣ указа послано Репнину повелѣніе — остаться въ Вильнѣ. Нѣсколько погодя, Репнинъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, уволенъ, уѣхалъ въ Москву, находился въ отставкѣ до самой кончины Павла I и по временамъ подвергался полицейскому надзору въ видѣ распечатыванія писемъ.

Сходство въ опалѣ Репнина и Суворова конечно не полное, но дѣйствующая сила и ея побужденія въ сущности одни и тѣже; кромѣ того слѣдуетъ принять въ разсчетъ, что къ Репнину Государь чувствовалъ гораздо больше расположенія, чѣмъ къ Суворову. Къ послѣднему онъ питалъ нѣкоторое недовѣріе; Суворовъ въ немъ возбуждалъ какія-то смутныя опасенія; въ отношеніяхъ Государя къ знаменитому полководцу просвѣчивалъ недостатокъ полной искренности. Подвиги Суворова въ 1799 году не вполнѣ очистили атмосферу: Государь все какъ будто держался на-сторожѣ и не хотѣлъ вполнѣ отдаться чувству признательности, которое въ немъ сильно говорило. Причина тому, между прочимъ, должна заключаться въ первой опалѣ Суворова и обстоятельствахъ, ее породившихъ, а высказывалась эта опасливость въ разныхъ мелкихъ непослѣдовательностяхъ, преимущественно же въ отказѣ Суворову титула *свѣтлости*.

Въ короткое царствованіе Павла I создано не мало свѣтлѣйшихъ князей, и раньше, и позже Суворова. Безбородко былъ

пожалованъ въ князья съ титуломъ «свѣтлости»; Лопухинъ, пожалованный въ князья же, получилъ этотъ титулъ нѣсколько недѣль спустя, по особому указу. Въ указѣ о пожалованіи Суворова въ князья (8 августа 1799 года) было сказано, что жалуется ему княжеское достоинство съ титуломъ Италійскаго; про «свѣтлость» или «сіятельство» не упоминалось, а на вопросъ генералъ-прокурора (какъ потомъ стало извѣстно) при самомъ пожалованіи, Государь отвѣчалъ, что новому князю присвоивается титулъ «сіятельства». Затѣмъ грамоты на княжеское достоинство не было выдано ни въ это, ни въ слѣдующее царствованіе; сдѣлано это лишь полстолѣтія спустя. Неупоминаніе въ указѣ про титулъ, породило сразу недоразумѣніе; разныя мѣста и лица стали титуловать Суворова не одинаково, одни «свѣтлостью», другія «сіятельствомъ». Государь называлъ Суворова въ своихъ рескриптахъ «вы, князь, фельдмаршалъ, генералисимусъ», не титулуя иначе; исключеніемъ служатъ лишь одинъ рескриптъ и одна записка, гдѣ употреблено «сіятельство», а не «свѣтлость». Суворовъ, къ удивленію, относился къ этой разноголосицѣ довольно безучастно и не разъяснялъ недоразумѣнія; но военная коллегія, изготовивъ полный титулъ генералисимуса, приняла въ руководство примѣръ князя Меншикова и назвавъ Суворова «свѣтлостью», въ такомъ видѣ поднесла документъ на высочайшее утвержденіе. Государь конфирмовалъ все, кромѣ «свѣтлости», въ ошибкѣ этой упрекнулъ президента военной коллегіи и тогда же, 22 ноября, приказалъ объявить всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, чтобы генералисимусу князю Суворову «не утвержденнаго указомъ титула свѣтлости впредь не давать». Послѣ этого всѣ, называвшіе Суворова «свѣтлостью», стали титуловать его «сіятельствомъ».

Это высочайшее повелѣніе послѣдовало въ то время, когда благосклонность Государя къ Суворову дошла почти до апогея. И послѣ того милость Павла Петровича продолжалась, заявленія благоволенія отличались необыкновенною благосклонностью, писалось: «не мнѣ тебя, герой, награждать, ты выше мѣръ моихъ, но мнѣ это чувствовать». Въ Петербургѣ готовилась Суворову тріумфальная встрѣча съ царскими почестями, съ колокольнымъ звономъ и пушечными выстрѣлами. А титулъ «свѣтлости» ему

все-таки не присвоивался. Это противорѣчіе сбивало съ толка; всѣ ожидали, что вотъ не сегодня, такъ завтра обремененный милостями Государя побѣдоносный полководецъ, cousin Сардинскаго короля, генералиссимусъ русскихъ войскъ, altesse sérénissime (какъ ему писали иностранцы), получитъ то, что другимъ давалось даже не за заслуги, а по одному благоволенію; но ожидали напрасно. До какой степени это не ладилось съ положеніемъ Суворова и съ общимъ тономъ милостивыхъ къ нему отношеній Павла I, подтверждается слѣдующимъ. Когда спустя полстолѣтіе, было представлено Императору Николаю Павловичу о присвоеніи князьямъ Суворовымъ титула «свѣтлости» и испрашивалось на это высочайшее соизволеніе, Государь сказалъ: «само собою разумѣется; въ Россіи покуда былъ еще одинъ Суворовъ, и тому, которому въ церкви, на молебствіи за побѣды, велѣно было возглашать *россійской арміи побѣдоносцу*, иного титула и быть не могло».

Такимъ образомъ постигла Суворова вторая опала. Онъ сильно страдалъ душою, не зная за собою никакой дѣйствительной вины. Тѣлесная его болѣзнь шла своимъ чередомъ, то усиливаясь, то временно ослабѣвая. Спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ сталъ какъ будто поправляться, по крайней мѣрѣ его подымали съ постели, сажали въ большія кресла на колесахъ и возили по комнатѣ; но спалъ онъ уже не на сѣнѣ, и обѣденное его время назначено было во второмъ часу дня. Когда онъ чувствовалъ себя пободрѣе, то, по примѣру послѣднихъ лѣтъ, продолжалъ заниматься турецкимъ языкомъ и разговаривалъ съ окружающими о дѣлахъ государственныхъ и военныхъ, причемъ никто не слышалъ отъ него ни упрековъ, ни жалобъ по поводу немилости Государя. Память однако измѣняла ему; хорошо помня и вѣрно передавая давнее прошлое, онъ сбивался въ изложеніи Итальянской и Швейцарской кампаній и съ трудомъ припоминалъ имена побѣжденныхъ имъ генераловъ. Императоръ Павелъ, прославившій къ нему въ самомъ началѣ Долгорукаго съ отказомъ въ пріемѣ, узнавъ объ отчаянномъ его положеніи, послалъ Багратіона съ изъявленіемъ своего участія. Багратіонъ нашелъ его чуть не въ агоніи; Суворовъ былъ очень слабъ, часто терялъ сознаніе и при-

ходилъ въ себя только при помощи спирта, которымъ терли ему виски и давали нюхать. Вглядываясь потухшими глазами въ своего любимца, больной съ трудомъ его узналъ, оживился, проговорилъ нѣсколько благодарныхъ словъ для передачи Государю, но застоналъ отъ боли и впалъ въ бредъ.

Кратковременные эпизоды сравнительной бодрости, когда къ Суворову возвращалась природная его живость и острота ума, вводили въ заблужденіе нетолько его друзей, поселяя въ нихъ несбыточныя надежды, но также и врачей. Они то назначали ему чрезъ нѣсколько часовъ кончину, то измѣняли свое мнѣніе въ противуположномъ смыслѣ, обманываемые энергіей больного. Одинъ изъ врачей старался убѣдить товарищей въ тщетѣ ихъ надеждъ, говоря, что дошедшее до послѣдней степени разслабленіе больного не обѣщаетъ ничего хорошаго, и что живъ Суворовъ одною крѣпостью своего духа. «Дайте мнѣ полчаса времени», пояснялъ докторъ: «и я съ нимъ выиграю сраженіе». О характерѣ его болѣзни толковали на разные лады и лишь по смерти стали говорить, что у него былъ marasmus senilis. Первая знаменитость того времени, докторъ Грифъ, пріѣзжалъ дважды въ день, объявляя всякій разъ, что присланъ Императоромъ; это больному доставляло видимое удовольствіе. Посѣщали Суворова и другія лица изъ родныхъ и знакомыхъ, это не было запрещено; былъ и Ростопчинъ съ орденами, пожалованными Суворову французскимъ королемъ-претендентомъ. Больной обрадовался Ростопчину, но сдѣлалъ видъ, что недоумѣваетъ—откуда могли явиться ордена. «Изъ Митавы», объяснилъ ему Ростопчинъ; Суворовъ на это замѣтилъ, что Французскому королю мѣсто въ Парижѣ, а не въ Митавѣ.

Жизнь медленно потухала; съ каждымъ днемъ слабѣла память и учащался бредъ; на давнихъ, затянувшихся ранахъ открылись язвы и стали переходить въ гангрену. Невозможно уже было обманываться на-счетъ исхода. Стали говорить умирающему объ исповѣди и св. причастіи, но онъ не соглашался: ему не хотѣлось вѣрить, что жизнь его кончалась. Зная его благочестіе, близкіе люди настаивали и наконецъ убѣдили; Суворовъ исполнилъ послѣдній долгъ христіанина и простился со всѣми. При этомъ случаѣ, или нѣсколько раньше, онъ обратившись

всѣми мыслями къ Богу, сказалъ: «долго гонялся я за славой.— все мечта: покой души—у престола Всемогущаго». Однако то, чѣмъ онъ жилъ на землѣ, не могло оставить его сразу и при переходѣ въ вѣчность. Наступила агонія, больной впалъ въ безпамятство. Невнятные звуки вырывались у него изъ груди въ продолженіе всей тревожной предсмертной ночи, но и между ними внимательное ухо могло уловить обрывки мыслей, которыми жилъ онъ на гордость и славу отечеству. То были военныя грезы, боевой бредъ; Суворовъ бредилъ войной, планами новыхъ кампаній и чаще всего поминалъ Генуу. Стихъ мало по малу и бредъ; жизненная сила могучаго человѣка сосредоточилась въ одномъ прерывистомъ, хрипломъ дыханіи, и 6 мая, во второмъ часу дня, онъ испустилъ духъ.

Тѣло набальзамировали и положили въ гробъ, обтянули комнату трауромъ, вокругъ гроба разставили табуреты съ многочисленными знаками отличій. Суворовъ лежалъ со спокойнымъ лицомъ, точно спалъ, только бѣлая борода отросла на полдюйма. Скорбь была всеобщая, глубокая: не выражалась она только въ офиціальныхъ сферахъ. «Петербургскія Вѣдомости» не обмолвились ни единымъ словомъ; въ нихъ не было даже простого извѣщенія о кончинѣ генералисимуса, ни о его похоронахъ. Несмотря на это, печальная вѣсть разнеслась быстро, и громадныя, сплошныя толпы народа, вмѣстѣ съ сотнями экипажей, запрудили окрестныя улицы. Не было ни проѣзда, ни прохода, всякій хотѣлъ проститься съ покойникомъ, но далеко не всякому удалось даже добраться до дома Хвостова. Похороны назначены были на 11 мая, но Государь приказалъ перенести ихъ на 12 число, военныя почести отдать покойному по чину фельдмаршала, а тѣло предать землѣ въ Александро-Невской лаврѣ. Главнымъ распорядителемъ былъ Хвостовъ; погребальная церемонія была богатая и обошлась наслѣдникамъ Суворова больше 20.000 рублей. Войска въ погребальную церемонію были назначены (кромѣ одного коннаго полка) не гвардейскія; говорили, будто потому, что гвардія устала послѣ недавняго парада.

Въ 10 часовъ утра 12 мая начался выносъ. Духовенства была цѣлая масса, въ томъ числѣ придворные священники; пѣвчихъ два большихъ хора, въ томъ числѣ придворный, при-

сланный по приказанію Государя. Ловкіе и осторожные люди остереглись участвовать въ процессіи, и хотя такихъ было много, но отъ этого не порѣдѣла громадная толпа, валившая за гробомъ. Еще большее скопленіе народа было на пути процессіи, по всему протяженію Садовой улицы и отъ Садовой по Невскому проспекту до Лавры. Тутъ собралось почти все населеніе Петербурга, отъ мала до велика; балконы, крыши были полны народомъ. По свидѣтельству иностранцевъ-очевидцевъ, печаль и уныніе выражались на всѣхъ лицахъ. Въ числѣ поджидавшихъ печальную процессію находился и Государь съ небольшой свитой, на углу Невскаго и Садовой. По приближеніи гроба Павелъ I снялъ шляпу; въ это время за спиной его раздалось громкое рыданіе, онъ оглянулся и увидѣлъ, что генералъ-майоръ Зайцевъ, бывшій въ Итальянскую войну бригадъ-майоромъ, плачетъ навзрыдъ, не въ состояніи будучи удержаться. Государь тоже не смогъ пересилить себя, и у него изъ глазъ капали слезы. Онъ похвалилъ Зайцева за искренность чувства; пропустивъ процессію, тихо возвратился во дворецъ, весь день былъ не веселъ, всю ночь не спалъ и безпрестанно повторялъ слово «жаль».

Процессія вошла въ ограду Лавры, гробъ внесли въ верхнюю монастырскую церковь; началась божественная служба. Надгробнаго слова сказано не было, «но лучше всякаго панегирика», говоритъ очевидецъ: «придворные пѣвчіе пропѣли 90-й псаломъ, концертъ Бортнянскаго. Они пѣли: «Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится»... Присутствовавшіе не въ силахъ были удерживать слезы; всѣ плакали «и только что не смѣли рыдать», говоритъ тотъ же очевидецъ. Отпѣваніе кончилось, приступили къ послѣднему цѣлованію и потомъ понесли гробъ къ могилѣ. Залпы артиллеріи и ружейный огонь раздались при опусканіи гроба въ землю, и прахъ великаго воина скрылся отъ глазъ живущихъ на-вѣки.

Суворовъ похороненъ въ нижней Благовѣщенской церкви, возлѣ лѣваго клироса. На могильной плитѣ его до 1850-хъ годовъ была обыкновенная надгробная надпись съ обозначеніемъ дней рожденія, тезоименитства и кончины, но потомъ она замѣнена другою, болѣе лаконическою, на которую самъ Суворовъ при жизни указывалъ: «Здѣсь лежитъ Суворовъ».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Суворовъ историческій и легендарный.

«Я только военный человѣкъ и другихъ дарованіевъ чуждъ», писалъ Суворовъ про самого себя. Эта характеристика вѣрна не безусловно; стоитъ только припомнить мирную дѣятельность и службу Суворова на Кубани, въ Крыму, въ Польшѣ, почти вездѣ, гдѣ ему приходилось заниматься гражданскими дѣлами долго. Но перевѣсъ его характерныхъ военныхъ качествъ надъ всѣми остальными былъ такъ великъ, а военно-боевая натура такъ полна, что его военное поприще затмило все прочее. Во всѣхъ войнахъ за послѣднія 30 лѣтъ, гдѣ Суворовъ принималъ участіе, онъ рѣзко выдѣлялся изъ ряда; второстепенная и третьестепенная роли, ему выпадавшія, ограниченная сфера дѣйствій, конкуренція военныхъ талантовъ Екатерининской эпохи, несправедливости высшихъ начальниковъ,—ничто не въ состояніи было затереть Суворова. Всѣ степени онъ взялъ съ боя.

Приступая къ изображенію его характеристики, слѣдуетъ начать съ указанія, что онъ былъ чрезвычайно цѣльнымъ типомъ *военнаго человѣка вообще*, или, въ обширномъ смыслѣ, *солдата*. Мало сказать, что военное дѣло и конечное его выраженіе—война были его страстью, они были его жизнью. Внѣ военной профессіи для него не существовало дѣятельности, которая могла бы его сколько-нибудь удовлетворить; когда въ 1798 году ему показалось, что военное поприще его кончилось

безповоротно, онъ пожелалъ идти въ монастырь, т.-е. отрѣшиться отъ міра и посвятить себя Богу. Онъ былъ военнымъ до послѣднихъ мелочей будничнаго житья, но понимая военное призваніе и служеніе широко, онъ, наперекоръ понятіямъ времени, употребилъ всю силу характера, чтобы образовать свой умъ и обогатить его познаніями, притомъ не одними спеціальными. Относился онъ къ изучаемому въ высшей степени сознательно и своеобразно; все добытое путемъ науки переработывалось въ немъ въ нѣчто совершенно новое, свое собственное, доходившее чуть не до отрицанія образцовъ. Та же самая характерная черта проходитъ по его жизненному поприщу и со всѣхъ другихъ сторонъ. Онъ не былъ заимствователемъ никогда и ни въ чемъ, а тѣмъ менѣе подражателемъ.

Вообще мало было въ ту эпоху такъ хорошо подготовленныхъ къ своему поприщу генераловъ, какъ Суворовъ, и не только въ Россіи, но во всей Европѣ. Поэтому очень странно читать въ иностранной литературѣ стереотипныя фразы о невѣжествѣ Суворова, или же о неумѣньи приложить свои знанія къ практикѣ. Послѣднее еще имѣетъ кой-какой внѣшній смыслъ, такъ какъ Суворовское военное искусство выработалось иначе, чѣмъ у другихъ. Но первое обвиненіе не основано ровно ни на чемъ. Суворовъ въ продолженіе всей своей жизни любилъ умственныя занятія, относился всегда критически къ современнымъ военнымъ событіямъ, опредѣлялъ ихъ истинный смыслъ примѣрами изъ военной исторіи. Не ограничиваясь собою, онъ старался привить тоже самое и къ другимъ, собирая въ мирное время нѣкоторое подобіе военнаго совѣта и пытаясь привлечь подчиненныхъ къ научнымъ бесѣдамъ; его требованія доходили въ извѣстной степени даже до низшихъ ступеней военнаго сословія, ибо онъ настаивалъ, дабы каждый солдатъ «понималъ свой маневръ».

Физическая природа Суворова также была вполнѣ приспособлена къ военному поприщу, и началъ онъ себя соотвѣтственнымъ образомъ воспитывать съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. Онъ былъ чрезвычайно умѣренъ въ своихъ потребностяхъ и ненавидѣлъ роскошь, приписывая ей растлѣвающее вліяніе. Не зналъ онъ даже комфорта, смѣшивая его съ роскошью, и удобства

жизни понималъ въ самыхъ неприхотливыхъ формахъ, ибо не видѣлъ потребности обставлять свою жизнь лучше лагернаго образца. Военные люди такого склада чрезвычайно рѣдки, и между генералами XVIII вѣка Суворовъ красуется въ этомъ отношеніи въ видѣ самородка. Онъ велъ жизнь солдатскую не вслѣдствіе какого-нибудь разсчета, а только потому, что находилъ ее для военнаго человѣка единственно подходящею; на этомъ же основаніи не зналъ онъ шлафроковъ, перчатокъ, шубъ и проч. По его мнѣнію, военный человѣкъ обязанъ быть по своимъ физическимъ качествамъ всегда молодъ, а потому долженъ смотрѣть на старость какъ на болѣзнь, которую можно отсрочить предупредительнымъ средствомъ—суровою, строгою жизнью. Собственно поэтому онъ не любилъ въ старости зеркалъ, какъ назойливыхъ докладчиковъ о большомъ числѣ прожитыхъ лѣтъ; потому же самому онъ не ходилъ, а бѣгалъ, не ѣздилъ, а скакалъ; не обходилъ стоящій на пути стулъ, а перепрыгивалъ черезъ него, какъ бы удостовѣряя себя и другихъ, что обладаетъ легкостью и прыткостью молодого человѣка. Такой складъ мирной жизни Суворова дѣлалъ его человѣкомъ, для котораго труды, лишенія и всякія неудобства военнаго времени не представляли ничего неожиданнаго, новаго и непривычнаго. Онъ попадалъ тутъ въ свою нормальную атмосферу и какой бы высокій постъ въ арміи ни занималъ, сразу дѣлался въ ней первымъ солдатомъ по своимъ военнымъ качествамъ, становился органическою частью коллективнаго цѣлаго, называемаго арміей. Поэтому совершенно справедливо сказано кѣмъ-то, что въ ряду русскихъ фельдмаршаловъ, Суворову было бы всего соотвѣтственнѣе называться не генералъ-фельдмаршаломъ, а солдатъ-фельдмаршаломъ.

Будучи преисполненъ страха Божія, Суворовъ отличался горячимъ благочестіемъ и строгимъ соблюденіемъ всѣхъ уставовъ церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, при всей независимости своего характера, былъ преданнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ подданнымъ. Въ немъ неизмѣнно пребывалъ животворящій элементъ — патріотизмъ; онъ горячо любилъ свое отечество, гордился именемъ русскаго и напоминая часто солдатамъ, что они русскіе люди, дѣлалъ это для поддержанія въ нихъ нравственной силы и чув-

ства національнаго достоинства. Солдатъ онъ любилъ и сердцемъ, и головой; во взысканіяхъ съ провинившихся былъ строгъ, но въ оцѣнкѣ вины отличался снисходительностью; былъ отъявленнымъ врагомъ педантства и мелочной требовательности и не любилъ, чтобы и другіе придирались къ солдатамъ и офицерамъ изъ-за пустяковъ, на что обыкновенно много охотниковъ. Образчикомъ его взгляда на этотъ предметъ можетъ служить приказъ, отданный по войскамъ въ Италіи, гдѣ онъ проситъ офицеровъ не снимать шляпъ при его появленіи, а взамѣнъ того побольше заботиться о порядкѣ въ войскахъ.

Всѣ эти военныя достоинства Суворова дополнялись огромною массою качествъ чисто-боевыхъ. Надо замѣтить, что для него понятія «боевой» и «военный» были синонимы. Во время войны не быть въ боевомъ употребленіи, а сидѣть на мирныхъ занятіяхъ, онъ называлъ «оставаться у платья». Находясь при постройкѣ крѣпостей во время второй Польской войны, онъ говорилъ съ неудовольствіемъ: «баталія мнѣ лучше, чѣмъ лопата извести и пирамида кирпича; мнѣ лучше 2—3000 человѣкъ въ полѣ, чѣмъ 20—30.000 въ гарнизонѣ». Когда его утѣшали тѣмъ, что зато онъ ведетъ спокойную жизнь, онъ отвѣчалъ горячо: «я не могу оставить 30-лѣтнюю навычку къ безпокойной жизни;... ...я привыкъ быть дѣйствующимъ непрестанно». Такимъ образомъ, его военныя качества были вмѣстѣ съ тѣмъ и боевыми. Начиная съ никогда не ослабѣвавшей энергіи и ничѣмъ не парализуемой инициативы, переходя къ упорству и настойчивости и кончая мужествомъ, смѣлостью и личною храбростью, — Суворовъ сосредоточивалъ въ себѣ все, что формируетъ боевого военнаго человѣка. Энергія его вчужѣ ужасаетъ и для человѣка мягкихъ свойствъ не совсѣмъ даже вразумительна. Онъ обладалъ такою моральною упругостью, что препятствія не уменьшали, а увеличивали его упорство и настойчивость, передъ которыми наконецъ гнулась или ломалась воля противника. За энергіей слѣдовала смѣлость, которую онъ доводилъ иногда до дерзости, за что по временамъ и платился. Одинъ изъ его современниковъ, компетентный судья, Ланжеронъ, очень удачно характеризуетъ Суворова въ такихъ словахъ: «никогда не считать непріятеля, всегда идти впередъ, смѣло ата-

ковать и съ ожесточеніемъ преслѣдовать». Вообще военная натура Суворова была необычайно богата. По справедливому замѣчанію одного иностраннаго писателя, трудно указать на такое военное качество, котораго бы въ немъ не было, и мало кто можетъ быть въ этомъ отношеніи приравненъ къ Суворову. Имѣя передъ собою исторію всей его жизни, скажемъ больше. Не только изъ крупныхъ военныхъ дѣятелей вообще, но даже изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, едва ли найдется кто-либо, который бы представлялъ собою такой цѣльный и полный типъ военнаго человѣка, какъ Суворовъ.

Засимъ онъ заслуживаетъ особеннаго вниманія какъ *тактикъ* и какъ *военный педагогъ*. Онъ воспитывалъ и обучалъ войска исключительно для войны, и задачу эту проводилъ со строгою послѣдовательностью. Суворовское воспитаніе коренилось на закалкѣ человѣческой души и на развитіи въ духовной натурѣ солдата и офицера активныхъ боевыхъ качествъ, съ притупленіемъ чувства самосохраненія. А для того, чтобы пріучить войска смотрѣть смѣло опасности въ глаза, проводилось принципіальное правило—не выжидать ее, а идти ей на-встрѣчу, не обороняться, а нападать. Засимъ, между механическими пріемами обученія и воспитательными принципами проводилось всюду строгое соотвѣтствіе, и обѣ стороны дѣла сводились въ одно цѣлое, замѣчательное по своей стройности и осмысленности. А такъ какъ боевая практика не сложна, то Суворовское обученіе представлялось простымъ до послѣдней степени; отъ войскъ не спрашивалась даже строгая регулярность мирнаго времени. Оттого боевыя качества, пріобрѣтаемыя на войнѣ и выражаемыя терминомъ «обстрѣлянныя войска», были присущи въ значительной степени войскамъ Суворова еще до войны. Наконецъ, вліяніе учебной системы Суворова на войска усугублялось еще тѣмъ, что она находилась въ полномъ согласіи съ его боевой практикой.

Можетъ показаться преувеличеніемъ придаваніе такого большого значенія Суворовскому способу обученія войскъ. Но это свидѣтельствуетъ самъ Суворовъ. Въ великую силу своей военно-педагогической системы онъ вѣрилъ почти столько же, какъ и въ свое личное военное дарованіе и признавалъ возможнымъ, что

его войска будутъ и безъ него, съ другимъ начальникомъ, побѣдоносны, если хорошо имъ, Суворовымъ, обучены. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ прямо говоритъ, что бьетъ непріятеля, благодаря своему способу обученія войскъ.

Тактика Суворова простая и подвижная; она не скована почти никакими формами; все для другихъ безусловное, обращается у него въ условное; многое важное для доктринеровъ и схоластиковъ, нисходитъ у него до степени пустяковъ. Это потому, что признаваемое другими за невозможное, или по меньшей мѣрѣ за исключительное, Суворовъ принимаетъ за возможное и исполняетъ заурядъ. Главными правилами боя у Суворова—глазомѣръ, быстрота и натискъ. Военная смѣтка Суворова, которую онъ называлъ глазомѣромъ, доходила до совершенства, такъ что непріятельскую позицію онъ зналъ иногда лучше, чѣмъ самъ непріятель. Быстрота его движеній удивляла своихъ и озадачивала чужихъ; благодаря ей нѣкоторыя его побѣды были на половину обезпечены до начала боя и это тѣмъ замѣчательнѣе, что русская армія того времени отличалась порядочною тяжеловѣсностью. Логическимъ послѣдствіемъ быстроты и глазомѣра былъ натискъ, т.-е. наступленіе, атака, ударъ въ штыки. Все это, приведенное во взаимную связь, складывалось въ полную систему, въ цѣльную военную теорію. Теорія эта сводится въ сущности къ положенію: дѣлай на войнѣ то, что другіе считаютъ невозможнымъ. Въ его теоріи холодное оружіе получило преобладающее значеніе, но штыкъ былъ не столько дѣйствующимъ, сколько принципомъ дѣйствія; не штыковой бой требовался, а душевная сила—сойтись на штыкъ. Таже сила выражалась въ отрицаніи пристрастія къ обходамъ, къ фланговымъ атакамъ, къ опасеніямъ за тылъ. Мы видимъ у Суворова въ сраженіяхъ и ружейную оборону, и фланговыя атаки, и обереганіе тыла; онъ все это считалъ нужнымъ, но не первостепенно-важнымъ и зорко оберегалъ свои войска отъ такихъ растлѣвающихъ понятій. На практикѣ выходило часто иначе, т.-е. иногда употреблялась штыковая атака безъ необходимости, пренебрегалось обходное движеніе, когда оно было полезно и возможно. Но надо различать принципъ отъ дѣйствія и помнить, что при приложеніи принциповъ къ дѣлу, они никогда не сохраняются въ безусловной не-

прикосновенности. Суворовъ былъ очень горячъ и нетерпѣливъ, а потому запальчивъ и подъ вліяніемъ своего темперамента заходилъ часто дальше, чѣмъ самъ хотѣлъ. Кромѣ того, всякій предпочитаетъ употреблять тѣ способы, которыми лучше владѣетъ, хотя бы они въ данную минуту и не представлялись предпочтительными. Суворовъ владѣлъ солдатскими душами безгранично, и потому, любя кратчайшіе пути къ успѣху, требовалъ зачастую отъ войскъ, безъ крайней необходимости, такого высокаго проявленія духовной силы, къ которому другіе прибѣгаютъ лишь изрѣдка, какъ къ крайней мѣрѣ, или не прибѣгаютъ никогда.

Что Суворовъ пользовался необыкновеннымъ вліяніямъ на войска, — въ этомъ согласны всѣ, и поклонники его, и порицатели. Причина такого духовнаго владычества Суворова надъ войсками заключается въ указанной выше его особенности—замѣчательной полнотѣ его военнаго типа, необычайномъ богатствѣ его военной натуры. Если не всякій изъ его подчиненныхъ понималъ это, то всякій чувствовалъ. Побѣдный токъ (да позволено будетъ такъ выразиться) передавался отъ предводителя десятками путей; на кого не дѣйствовалъ одинъ изъ нихъ, дѣйствовалъ другой, и армія дѣлалась послушнымъ побѣднымъ орудіемъ въ его рукахъ. Прибавимъ ко всему этому его патріотизмъ, благочестіе, любовь къ солдату, близкое знакомство со складомъ его понятій, съ процессомъ образованія его идей, умѣнье съ солдатомъ говорить и обращаться, и тогда увидимъ, какая масса духовныхъ нитей связывала послѣдняго солдата Суворовской арміи съ вождемъ.

Въ силу всего сказаннаго можно повѣрить, что Суворовскія войска стояли въ боевомъ отношеніи выше другихъ русскихъ войскъ, хотя эти послѣднія обладали боевыми качествами неоспоримыми и капитальными. Суворовскія войска въ мирное время отличались даже своимъ видомъ, какъ свидѣтельствуетъ одинъ современный знатокъ дѣла. А въ военное время смѣлость ихъ и отвага имѣли для непріятеля смыслъ постоянно-дѣйствующаго предостереженія. Въ той же мѣрѣ, если не больше, Суворовскимъ войскамъ были присущи упорство и настойчивость, выносливость и самообладаніе. Въ конечномъ выводѣ получа-

лась полная увѣренность войскъ въ самихъ себѣ; понятіе о возможности пораженія было въ нихъ какъ бы атрофировано.

Личное присутствіе Суворова, даже одно его имя, производило на войска чарующее дѣйствіе. Въ Италіи, въ какомъ-то сраженіи, при одной частной неудачѣ, рота или какая-то небольшая часть, услышавъ сзади крикъ: «Суворовъ здѣсь», рванулась впередъ и легла чуть не поголовно подъ губительнымъ огнемъ непріятеля. На Треббіи Фуксъ былъ зрителемъ упорнаго боя, наблюдая его съ небольшого возвышенія вмѣстѣ съ Дерфельденомъ; онъ замѣтилъ, что какъ только появится Суворовъ въ своей бѣлой рубашкѣ тамъ, гдѣ войска приходили отъ неудачи въ разстройство, порядокъ возстановлялся тотчасъ же. Дерфельденъ объяснилъ Фуксу, что насмотрѣлся на подобныя явленія въ продолженіе 35 лѣтъ, какъ знаетъ Суворова; что этотъ непонятный чудакъ есть какой-то талисманъ, который довольно развозить по войскамъ и показывать, чтобы побѣда была обезпечена.

Это обаяніе громаднымъ образомъ увеличивало противу другихъ рессурсы Суворова на полѣ сраженія; оно преимущественно и дѣлало его не похожимъ на другихъ, дозволяя ему не придавать большой цѣны многимъ тактическимъ правиламъ и формамъ, отступать отъ нихъ безбоязненно и вообще прибѣгать къ средствамъ необычнымъ. Такой способъ дѣйствій озадачивалъ и противниковъ Суворова на полѣ сраженія, и поверхностныхъ критиковъ въ кабинетѣ; но хотя первые были постоянно биты, вторые не убѣждались непрерывною цѣпью фактовъ. Доктрина, рутина, схоластика, преданіе, форма — были слишкомъ сильны, и Суворовъ оказался невѣждою въ военномъ дѣлѣ, варваромъ, одареннымъ инстинктомъ войны. Критики не замѣтили, что до этого «инстинкта» надо не спуститься, а подняться, и что такую военную теорію, какъ Суворовская, можетъ создать и усвоить не всякій желающій, а только избранная, въ высокой степени даровитая военная натура. Весьма метко выразился одинъ англичанинъ того времени, лордъ Клингтонъ, сказавъ, что Суворовъ въ тактикѣ есть тоже самое, что Рембрантъ въ живописи.

Вообще страннымъ образомъ иногда складываются репутаціи и долго держатся по одной инерціи. Такъ создалась и все

еще живетъ въ западной Европѣ репутація Суворова, какъ ни нелѣпо объяснять цѣпь тождественныхъ явленій случаемъ или счастіемъ. Суворовъ называлъ подобныя рѣшенія приговоромъ «ослиной головы». Цѣнители и судьи проглядѣли въ немъ такія качества, благодаря которымъ онъ могъ дѣлать многое, на что другіе не осмѣливались, или за что платились жестоко. Откиньте эти Суворовскія особенности и подведите его дѣйствія подъ одинъ формальный тактическій шаблонъ,—выйдетъ *счастье*; возьмите въ расчетъ не одни внѣшнія данныя, а также животворящій ихъ духъ,—выйдетъ *геній*. Невольно припоминаются слова Суворова, когда-то сказанныя имъ въ письмѣ къ Потемкину: «я былъ счастливъ, потому что повелѣвалъ счастьемъ».

Отличительныя качества Суворова-тактика остаются присущими и Суворову-*стратегику*; но въ искусствѣ стратегическихъ комбинацій, въ умѣньи манипулировать большими массами, распредѣлять свои силы наиболѣе выгодно по театру войны и вообще въ механизмѣ военныхъ дѣйствій, Суворовъ имѣетъ нѣсколько слабыхъ сторонъ, почему и уступаетъ полководцамъ первой величины. Наполеонъ сказалъ, что Суворовъ обладалъ душой великаго полководца, но не имѣлъ его головы; въ этихъ словахъ много правды. По словамъ того же Наполеона, въ полководцѣ должно быть равновѣсіе ума и воли, а такъ какъ подобная гармонія встрѣчается въ жизни весьма рѣдко, и перевѣсъ одного изъ этихъ элементовъ надъ другимъ неизбѣженъ, то внутреннему достоинству военачальника меньше вредитъ преобладаніе воли надъ умомъ, чѣмъ наоборотъ. Этотъ перевѣсъ былъ характерною чертою Суворова, который имѣлъ умъ обширный и просвѣщенный, но въ тоже время отличался такою ужасающей силой воли, что она, воля, нерѣдко вторгалась въ сферу отправленій ума и гнула все на свой ладъ. Стратегическіе принципы Суворова, вообще говоря, были прекрасны, и главное ихъ достоинство состояло въ простотѣ, но имѣли они и недостатки, изъ коихъ преобладающими слѣдуетъ признать нѣкоторую узкость, прямолинейность и въ практическомъ выполненіе неустойчивость. Напримѣръ, онъ всегда ратовалъ противъ раздробленія силъ и стоялъ за сосредоточенность ихъ, за нанесеніе главнаго удара массою, а между тѣмъ самъ погрѣшалъ

противъ этого принципа. Одна изъ причинъ такой невыдержанности заключалась въ слишкомъ большой его чуткости къ молвѣ, а слѣдовательно и къ распускаемымъ непріятелемъ слухамъ, также къ его демонстраціямъ, что заставляло Суворова слишкомъ часто мѣнять свои планы, производить лишнія передвиженія войскъ, измѣнять маршруты и проч. Можетъ въ силу сознанія такого въ себѣ недостатка, Суворовъ не любилъ составлять стратегическіе планы иначе, какъ въ самыхъ общихъ чертахъ, безъ всякихъ даже крупныхъ подробностей, тѣмъ болѣе, что всегда принималъ въ соображеніе возможность всеразрушающаго случая и въ свое оправданіе ссылался на Юлія Цезаря, котораго вообще ставилъ на первое мѣсто въ ряду величайшихъ полководцевъ. Будучи во всѣхъ военныхъ операціяхъ, крупныхъ и мелкихъ, безусловнымъ поклонникомъ простоты и врагомъ всякой сложности и хитросплетеній, Суворовъ однако и въ этомъ отношеніи не всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ, впадая иногда въ искусственность и сложность.

При подобныхъ недостаткахъ у него былъ однакоже и расчетъ, и предусмотрительность, и осторожность; употреблялъ онъ и демонстраціи, и рекогносцировки, и обходныя движенія; издѣвался же надъ ними для того, чтобы отнять отъ вспомогательныхъ средствъ придаваемое имъ первостепенное значеніе. При этомъ клеймилась не наука, а схоластика, не искусство, а рутина; но такъ какъ насмѣшки произносились безусловно, безоговорочно, то и пошли за невѣжество. Кромѣ того Суворовъ былъ горячъ и нетерпѣливъ, по его выраженію «обладалъ быстронравіемъ», а потому запальчивъ и подъ вліяніемъ темперамента заходилъ иногда слишкомъ далеко. Это давало критикамъ лишнее противъ него оружіе, и они возводили погрѣшность исполненія въ ложный принципъ. Къ невѣжеству присоединилась жестокость, къ жестокости кровопійство; за характеристику пошелъ памфлетъ или просто брань. Говорили и писали, что на границахъ Франціи появился варваръ, съ лицомъ обезьяны и съ душою кровожаднаго пса; что этотъ скифъ идетъ съ желѣзомъ въ одной рукѣ, съ огнемъ въ другой и топчетъ окровавленными лошадиными ногами жатву бѣднаго рабочаго народа. Пугали дѣтей переиначеннымъ именемъ этого варвара—Souwarou, вмѣсто loup garou; посылали къ

нему по почтѣ пасквили, гдѣ его просто ругали, называли вандаломъ, одѣтымъ въ окровавленную львиную кожу и тому подобное. А между тѣмъ Суворовъ не изобрѣталъ такихъ терминовъ, какъ «пушечное мясо», не вѣшалъ въ завоеванной Варшавѣ людей, какъ Нельсонъ въ Неаполѣ, не грабилъ какъ Массена, и если нѣкоторыя изъ его побѣдъ были кровопролитны, за то и рѣшительны, ограничиваясь однимъ ударомъ тамъ, гдѣ другому понадобилось бы два или три.

Нельзя обойти еще одно обвиненіе, которое идетъ нетолько изъ иностранныхъ, но также изъ русскихъ источниковъ. Его обвиняютъ въ недостаткѣ дисциплины его полковъ, въ допущеніи и даже поощреніи грабительствъ и насилій. Мы видѣли раньше, что документальныя данныя прямо опровергаютъ подобныя свѣдѣнія и что корень зла лежалъ въ существовавшемъ тогда правѣ войскъ на добычу и въ особенностяхъ предиствовавшихъ русскихъ войнъ. Сверхъ того, Суворовъ былъ окруженъ людьми большею частью дурными, которые какъ ширмой загораживали отъ его глазъ все, чего требовалъ ихъ личный интересъ. Эта особенность вліяла и на то, что преступленія противъ дисциплины и разныя самовольства и насилія невсегда доходили до свѣдѣнія Суворова, а потому, оставаясь безнаказанными, какъ бы поощрялись и навлекали на Суворова и его войска дурную славу.

Мы уже знаемъ, когда и изъ-за чего началась дурная репутація Суворова въ западной Европѣ (гл. 16); война 1799 года раздула эту славу до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости. Суворовъ былъ страшенъ для Франціи и иноземныхъ сторонниковъ французской революціи, какъ не былъ страшенъ ни одинъ полководецъ коалиціи съ самаго начала революціонныхъ войнъ. Онъ олицетворялъ собою непріятельское вторженіе и кровавую контръ-революцію, а ручательствомъ въ успѣхѣ гибельнаго для республики предпріятія служило его дарованіе, гласно отрицаемое, но признаваемое въ глубинѣ смущенной души. Да и какъ было не бояться этого скифа или гунна, когда два изъ лучшихъ полководцевъ республики не могли отразить его ударовъ, а французскія войска, семь лѣтъ побѣдоносно противустоявшія образцовымъ европейскимъ арміямъ, были имъ разъ за разомъ по-

биваемы на голову? При такихъ условіяхъ всякіе выдумки и пасквили насчетъ Суворова представляются для того времени естественными и понятными; логичность этой ненависти подкрѣпляется еще правительственными принципами Императора Павла и малою культурою, интелектуальною и матеріальною, той отдаленной страны, откуда появились грозные полки для разрушенія дѣла, вовсе до нихъ не касающагося. Но затѣмъ, когда острая пора миновала, настоящее сдѣлалось прошедшимъ и перешло въ область исторіи, уголъ зрѣнія долженъ бы былъ измѣниться. Если мы этого еще не дождались, и о Суворовѣ сохраняются въ западныхъ литературахъ невѣрныя понятія, то причинъ тому много: оскорбленная національная гордость, издавна усвоенная точка зрѣнія на Россію и на все русское, слишкомъ поверхностное знакомство съ оригинальною личностью Суворова, своеобразныя свойства его военнаго дарованія, наконецъ, едва ли не больше всего, его чудачество.

Дабы показать, какого рода свѣдѣнія о Суворовѣ, вращавшіяся во время послѣдней его войны, перешли въ литературу, несмотря на очевидную ихъ нелѣпость, достаточенъ будетъ одинъ примѣръ. Генуэзскій анти-революціонный комитетъ будто бы обѣщалъ Суворову 7 милліоновъ франковъ, въ видѣ содѣйствія для изгнанія Французовъ изъ Ривіеры, и фельдмаршалъ отвѣчалъ комитету письмомъ. Довольно привести заголовокъ этого письма: «Возвышеннѣйшій, могущественнѣйшій, превосходительнѣйшій господинъ, графъ Суворовъ, слуга Божій и угодника его Николая чудотворца, кавалеръ орденовъ Тигра, Скорпіона, Барса и св. Александра Невскаго, главнокомандующій австро-русскими войсками въ четырехъ частяхъ свѣта, въ странахъ австралійскихъ и иныхъ, если какія существуютъ, поборникъ царей, разрушитель республикъ, архимандритъ и епископъ греческой церкви, представитель четырехъ орденовъ римскаго исповѣданія, архикатоликъ и прочая, и прочая, и прочая». Очевидно, письмо это есть просто карикатура на Суворова и на издаваемые подъ монархическимъ правленіемъ документы, а появленіе этого выдуманнаго посланія въ одномъ изъ современныхъ французскихъ журналовъ объясняется революціонными тенденціями. Но остается невразумительнымъ, какимъ образомъ

эта карикатура была принята за чистую монету и попала въ мемуары правительственнаго лица, изданные четвертью столѣтія позже?

Конечно не каждый иностранный писатель принимаетъ подобные «документы» за историческій матеріалъ, но за то мало кто изъ нихъ рѣшается идти прямо наперекоръ общесложившимся понятіямъ о русскомъ полководцѣ, хотя бы эти понятія онъ не раздѣлялъ. Для доказательства, къ какимъ ухищреніямъ прибѣгаютъ критики Суворова, чтобы не поставить его на слишкомъ высокій пьедесталъ, приведемъ тираду изъ одного позднѣйшаго о немъ сочиненія. «Когда воспроизводишь портретъ Суворова», говоритъ авторъ: «слѣдуетъ принять въ расчетъ и вѣсъ его большой сабли. Тюреннъ, Конде, Фридрихъ, Наполеонъ носили шпагу; за Суворовымъ тащилась сабля, оружіе солдатское. Для обыкновеннаго человѣка различіе тутъ не велико, но для философа огромное: Магометъ носилъ саблю, Вашингтонъ шпагу. Въ шпагѣ есть что-то божественное; она и ранитъ, и убиваетъ, но не терзаетъ плоть, не уродуетъ тѣло, не отсѣкаетъ члены. Шпага красуется около вѣсовъ юстиціи; рука архангела подымаетъ къ небесамъ пламенное лезвее шпаги же. Сабля, при ударѣ, наклоняется къ землѣ; она болѣе шпаги удалена отъ головы и сердца». Любопытно знать, чѣмъ бы авторъ указываемой книги замѣнилъ свое разсужденіе, если бы ему было извѣстно, что Суворовъ носилъ иногда саблю, иногда подобіе тесака, а иногда и ровно ничего, кромѣ нагайки?

Не всѣ смотрятъ на Суворова свысока, толкуя о немъ вкривь и вкось, лишь бы обойти правду; но такія исключенія не многочисленны и принадлежатъ къ первымъ годамъ нынѣшняго и къ послѣднимъ прошлаго столѣтія [54]). Тогда слишкомъ рѣзко кидалась въ глаза истина, что гдѣ Суворовъ, тамъ и побѣда. Гриммъ, пораженный зрѣлищемъ неудачъ русскихъ войскъ Германа и Корсакова, пишетъ гр. Воронцову, что «слѣдовало бы имѣть еще двухъ или трехъ запасныхъ Суворовыхъ, дабы они находились всюду во главѣ войскъ». Въ 1807 году, на балу въ тюльерійскомъ дворцѣ, Макдональдъ обратился къ стоявшему возлѣ него русскому посланнику и указывая на окружавшихъ Наполеона лицъ, замѣтилъ: «не видать бы этой челяди тюльерійскаго дворца,

если бы у васъ нашелся другой Суворовъ». Одинъ изъ иностранныхъ писателей того времени говоритъ, что «Суворовъ всегда будетъ гордостью и славой русскихъ армій, и имя его долгое время послужитъ имъ боевымъ кликомъ». И точно, наступившая вскорѣ эпоха Наполеоновскихъ войнъ была временемъ наибольшаго поклоненія Суворову; въ эту пору имя его неумолчно слышалось въ пѣсняхъ русскихъ солдатъ, даже народа, и сдѣлалось національнымъ сокровищемъ. Когда послѣ кончины Аркадія Суворова въ 1811 голу, дѣти его, внуки генералисимуса, остались при скудныхъ средствахъ существованія, и Императоръ Александръ I, во уваженіе заслугъ дѣда, назначилъ имъ 20,000 рублей ежегоднаго пособія, то все русское общество встрѣтило съ горячимъ сочувствіемъ и благодарностью эту справедливую милость Государя. Имя Суворова продолжало жить и въ послѣдующее время; въ войскахъ еще пѣлись пѣсни о Суворовскихъ дѣлахъ и походахъ; въ казармахъ еще разсказывались анекдоты о подвигахъ и причудахъ генералисимуса... Теперь все это миновало и наступило время исторіи.

А исторія говоритъ не то, что тенденціозная критика. Русскія войска понимали или чуяли въ Суворовѣ высоко-даровитаго военнаго человѣка и воздавали ему побѣдами, а въ заключеніе поставили его въ русской военной исторіи на особое мѣсто, гдѣ онъ и по настоящее время стоитъ одинокимъ. Каковы бы ни были недостатки Суворова, никакая критика не въ состояніи низвести его съ пьедестала, который онъ занялъ и гдѣ ему нѣтъ ровни. Выдѣляется изъ сравненія лишь Петръ Великій, создатель русской арміи и организаторъ побѣды въ самомъ обширномъ смыслѣ; онъ не однороденъ съ другими русскими полководцами и, по своимъ заслугамъ, какъ по своему дарованію, имѣетъ значеніе не спеціальное, а общегосударственное.

Сдѣлавшись въ Европѣ знаменитостью по своему боевому поприщу, Суворовъ одновременно съ этимъ пріобрѣлъ громкую и всеобщую извѣстность какъ эксцентрикъ, и эта послѣдняя слава шла наравнѣ съ первою, даже иногда ее опережала.

Создались различныя мнѣнія о причинѣ странностей и причудъ Суворова, сдѣлавшихъ изъ него совершенно особаго человѣка. Наиболѣе распространенный взглядъ на Суворова-чудака

состоитъ въ томъ, будто Императрица Екатерина высказала мысль, что всѣ великіе люди отличались какими нибудь странностями, которыя и клали на каждаго изъ нихъ свою особую печать. Говорятъ, что слова Государыни запали Суворову въ душу и были исходною точкою всѣхъ его странностей. Съ такимъ объясненіемъ трудно согласиться. Во-первыхъ, Суворовъ самъ достаточно зналъ исторію, а во-вторыхъ чудачество его проявилось вовсе не внезапно. Въ возрастѣ 10—12 лѣтъ онъ уже отличался отъ другихъ дѣтей и получилъ за это какую-то кличку. Затѣмъ, находясь въ полку, онъ тоже былъ не такимъ, какъ другіе. Послѣ того, во время Семилѣтней войны, когда Екатерина не находилась еще на престолѣ, а Суворовъ былъ безвѣстнымъ штабъ-офицеромъ, его уже знали, какъ эксцентрика и по случаю пріѣзда его на побывку къ отцу, приходили на него смотрѣть, какъ «на сущаго чудака».

Другое мнѣніе о чудачествѣ Суворова, менѣе искусственное, болѣе логичное, но все-таки невѣрное, состоитъ въ слѣдующемъ. Девятилѣтняя солдатская служба Суворова, настоящая, заправская, образцовая для любого рекрута изъ крѣпостныхъ, дала ему то сродство съ солдатомъ, котораго не имѣлъ ни одинъ современный ему генералъ и выдѣлила его изъ ряда другихъ нетолько внѣшнимъ обличьемъ, но и внутреннимъ смысломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ солдатская среда зародила и развила въ немъ многое такое, чего онъ совсѣмъ не искалъ и что вовсе не шло къ его происхожденію, образованію и общественному положенію. Отъ него стало вездѣ и во всемъ «отдавать солдатомъ», и это было крупнымъ для него неудобствомъ на той высотѣ, которой онъ потомъ достигъ. Вотъ будто бы для маскированія этого ненужнаго придатка, Суворовъ и напустилъ на себя искуственную эксцентричность. Но это не совсѣмъ такъ въ силу только что указанной ранней поры его причудъ, хотя многія его выходки дѣйствительно имѣли впослѣдствіи подобный скрытый смыслъ.

Говорятъ еще, что задавшись мыслью выдѣлиться изъ ряда внѣшнею оригинальностью, Суворовъ составилъ себѣ такимъ образомъ систему, которой и держался сначала по разсчету, а потомъ по усвоенной привычкѣ, т.-е. привычка стала второю натурой, и оригиналъ искусственный обратился въ чудака нату-

ральнаго. Объясняютъ, что маску на себя надѣлъ онъ для того, чтобы въ вѣкъ карьеръ, основанныхъ не на личномъ достоинствѣ, обратить на себя вниманіе, представляясь не опаснымъ ни для кого соперникомъ, и пробираться впередъ, никого не затрогивая. Существуетъ еще и такой взглядъ, что геніальный Суворовъ, чувствуя свое фальшивое положеніе въ тогдашней обстановкѣ, поневолѣ прибѣгнулъ къ причудливой личинѣ. Всѣ эти объясненія тоже едва ли справедливы. Одаренный большимъ умомъ, Суворовъ не могъ придавать такого чрезмѣрнаго значенія наружной оболочкѣ, каково бы ни было тогдашнее время; онъ конечно понималъ, что если величіе можетъ вести къ странностямъ, то странности никакъ не ведутъ къ величію. Сверхъ того, привить къ себѣ привычку—шутить и ломаться до степени обращенія этой привычки въ натуру, невозможно ни для кого, если только въ натурѣ нѣтъ предрасполагающихъ эксцентрическихъ зачатковъ. Если же они у Суворова были, то систематическое его чудачество перестаетъ быть напускнымъ и дѣлается естественнымъ, прирожденнымъ.

Въ этомъ смыслѣ понимаютъ Суворова нѣкоторые, весьма немногіе, и взглядъ ихъ вѣрнѣе прочихъ. Натура Суворова отличалась самостоятельностью и непосредственностью; подражаніе, заимствованіе діаметрально противуположны его основнымъ свойствамъ, а принужденіе, насилованіе себя — тѣмъ паче. Онъ съ раннихъ лѣтъ былъ предоставленъ самому себѣ, проводилъ большую часть времени въ одиночествѣ, бесѣдуя не съ людьми, а съ книгами, чуждался большихъ собраній, избѣгалъ даже игръ,— вотъ когда подъ эксцентрическія особенности его натуры былъ подведенъ житейскій фундаментъ. Поступивъ потомъ въ полкъ, онъ предался физически и морально своей всепоглощающей страсти къ военному дѣлу, не имѣлъ досуговъ, почти не бывалъ въ обществѣ и продолжалъ держаться прежняго пути, полный мечтами о будущемъ. При природной закваскѣ и такихъ условіяхъ, въ немъ неизбѣжно должны были развиться особенности, не подходящія къ общепринятымъ формамъ жизни; веселый, подвижной, юркій характеръ придалъ странностямъ направленіе шутливое, потѣшное, а долговременная солдатская служба, безъ отгуливанія и уступокъ, наложила на шутки и причуды Суво-

рова грубоватый характеръ, пахнувшій солдатской палаткой. Такимъ добрался Суворовъ до ступеней высшихъ, и чудачества его не уменьшились, а выросли. Въ ту переходную эпоху русскаго общественнаго развитія, люди, возвышавшіеся по своему положенію надъ общимъ уровнемъ, считали долгомъ отличаться отъ другихъ какими-нибудь странностями. Это происходило отъ органическаго недостатка неустановившагося общества, отъ самодурства; но причуды Суворова, болѣе многочисленныя и рѣзкія, чѣмъ у кого либо, шли не оттуда. Они коренились въ его натурѣ, были его прирожденнымъ свойствомъ и находились въ родствѣ съ тѣмъ явленіемъ русской жизни, которое у насъ принято называть юродствомъ. Только въ послѣднее время причуды Суворова (и то лишь нѣкоторыя) стали пріобрѣтать окраску самодурства, но это потому, что онъ поднялся высоко, и ему трудно было уберечься отъ усвоенія качествъ, обыкновенно прививающихся къ сильнымъ и властнымъ людямъ безправнаго общества. Затѣмъ, когда при обширной служебной сферѣ и громадныхъ своихъ заслугахъ, Суворовъ натыкался на непріятности, на несправедливости и получалъ чувствительные уколы своему самолюбію, въ немъ, по свойствамъ его ума, сталъ развиваться сарказмъ, и выходки его дѣлались все болѣе ѣдкими и злыми. Такимъ образомъ сформировался Суворовъ-чудакъ, портретъ котораго въ главныхъ чертахъ извѣстенъ каждому.

А такъ какъ сформировался онъ не сразу, то являлся не совсѣмъ одинаковымъ въ разные періоды своей жизни. Напримѣръ, мы находимъ въ 80-хъ годахъ, въ его деревенскомъ домѣ, стѣнныя зеркала, а въ 90-хъ годахъ онъ уже ихъ не переносилъ; въ началѣ службы онъ держалъ собственныхъ верховыхъ лошадей, а въ концѣ уже нѣтъ и ѣздилъ на казачьихъ; почти всю свою жизнь онъ не считалъ себя призваннымъ раздавать благословенія, а въ постѣднее время дѣлалъ это постоянно. Если разница и существовала въ частностяхъ и мелочахъ, то тѣмъ болѣе она должна была высказаться въ важномъ, потому что человѣкъ маленькій и человѣкъ большой—сами собой уже составляли разницу. Внутренній человѣкъ оставался одинъ и тотъ же, но человѣкъ практической жизни измѣнялся: сначала сдерживался больше, потомъ меньше, а подъ конецъ и

вовсе не сдерживался. Не всѣ его поступки и не всегда укладываются подъ это объясненіе; зачастую онъ дозволяетъ себѣ, по отношенію напримѣръ къ Потемкину, многое такое, что совсѣмъ не ладится съ его обычнымъ поведеніемъ относительно всесильнаго временщика. Но эта неровность, эти порывы лучше всего и доказываютъ, что Суворовъ старался сдерживать себя, но что ему не всегда это удавалось. Въ отношеніяхъ его къ Платону Зубову такихъ неровностей уже почти не замѣчается, ибо Суворовъ стоялъ очень высоко и слѣдить за собою могъ меньше.

Такимъ образомъ, Суворовъ явился въ Европу полнымъ чудакомъ и представилъ своею особой обширное поле для наблюденій иностранцевъ, не привычныхъ къ подобнаго рода развитію личности. Побѣдная итальянская кампанія и эпическій швейцарскій походъ, усилившіе его военную славу, увеличили вниманіе и къ его странностямъ. А такихъ странностей было немало и притомъ выражались они въ выходкахъ разнузданныхъ и подчасъ довольно плоскихъ. Его современникъ, Ланжеронъ, говоритъ, что трудно составить себѣ истинное понятіе о шутовскихъ выходкахъ Суворова тому, кто не былъ ихъ очевидцемъ. Иногда онѣ остроумны, и репутація оригинала поощряетъ его давать колкіе отвѣты или чувствительные уроки; но чаще это простое шутовство, достойное скорѣе паяца, чѣмъ знаменитаго полководца. Въ Прагѣ ему представлялся австрійскій генералъ, большого роста, которымъ онъ почему-то имѣлъ причину быть недовольнымъ (можетъ быть, Бельгардъ). Суворовъ поспѣшно вышелъ въ пріемную, схватилъ стулъ, всталъ на него, поцаловалъ генерала и, обратившись къ присутствующимъ, сказалъ: «это великій человѣкъ, онъ вотъ меня тамъ-то не послушалъ», а потомъ повторилъ свои слова по-нѣмецки. Генералъ поблѣднѣлъ, а Суворовъ пересталъ обращать на него вниманіе. Въ Прагѣ же одинъ изъ мѣстныхъ вельможъ давалъ балъ; была приготовлена пышная встрѣча генералисимусу, вся лѣстница уставлена сверху до низу растеніями и отъ верху же до низу протягивались по ней двѣ шпалеры нарядныхъ дамъ. Выйдя изъ кареты и подойдя къ лѣстницѣ, Суворовъ сдѣлалъ «такую непристойность, которая заставила дамъ отвернуться (вѣроятно

высморкался по солдатски), а Пронка подалъ ему сейчасъ полотенце обтереть руки. Суворовъ пошелъ по лѣстницѣ, раскланиваясь на обѣ стороны; на верху его встрѣтили музыкой, и одна изъ дамъ (беременная) запѣла: «славься симъ Екатерина». Суворовъ слушалъ съ видимымъ удовольствіемъ, потомъ подошелъ къ пѣвицѣ, перекрестилъ ей будущаго ребенка и поцѣловалъ ее въ лобъ, отчего она вся вспыхнула. Начались танцы; Суворовъ ходилъ и смотрѣлъ на танцующихъ; когда же заиграли вальсъ, и пары понеслись одна за другой, онъ подхватилъ своего адъютанта и пошелъ съ нимъ вальсировать не въ тактъ, въ противуположную сторону, безпрестанно сталкиваясь съ танцующими. Обходя затѣмъ разныя комнаты, наполненныя гостями, онъ замѣтилъ прозрачную картину, изображавшую знаменитое отступленіе Моро (въ 1796 году). Суворовъ посмотрѣлъ на нее и обратился къ хозяину съ вопросомъ, не желаетъ ли онъ видѣть на самомъ дѣлѣ, какъ Моро ретировался; хозяинъ хотя и не понялъ вопроса, однако отвѣчалъ изъ вѣжливости утвердительно. «Вотъ какъ», сказалъ Суворовъ, побѣжалъ по комнатамъ, спустился съ лѣстницы, сѣлъ въ карету и уѣхалъ домой. Говорили потомъ, что вся эта неприличная сцена была разыграна Суворовымъ потому, что хозяйка дома была дочь Тугута.

Замѣтили, что онъ щеголялъ показной религіозностью. Что касается до пѣнія на клиросѣ во время православнаго богослуженія, чтенія псалтыря, многихъ земныхъ поклоновъ и проч., то въ этомъ не было никакой утрировки, а выражалось, какъ и всегда, обычное благочестіе Суворова и ревностное исполненіе церковныхъ обрядовъ. Но затѣмъ, встрѣчаясь съ иновѣрческими прелатами и простыми священниками, онъ слѣзалъ съ лошади и подходилъ подъ благословеніе, иногда даже бросался передъ ними на колѣни. Такимъ образомъ онъ поступилъ въ Альторфѣ, встрѣтивъ одного мѣстнаго священника, но потомъ, получивъ на него весьма серьезную жалобу, приказалъ ему дать 50 палокъ. Это конечно объясняется тѣмъ, что воюя «съ атеистами, убившими своего короля», Суворовъ желалъ выказывать наибольшее уваженіе къ христіанской религіи и къ служителямъ алтарей, а въ альторфскомъ священникѣ наказывалъ простого

преступника. Однако его способы совсѣмъ не ладились съ установившимися воззрѣніями, понятіями и обычаями, потому цѣли не достигали и принимались за капризныя выходки варвара-чудака.

Подъ эту категорію подводилось безъ разбора что дѣйствительно было чудачествомъ и что такимъ только казалось. Поэтому при оцѣнкѣ Суворова-чудака необходимъ тщательный анализъ его поступковъ; многое тогда можетъ оказаться не чудачествомъ, а лишь причудливой оболочкой самаго нормальнаго дѣла. Глубоко - осмысленное обученіе полка въ Ладогѣ съ переправами черезъ рѣки въ бродъ и вплавь и съ учебнымъ штурмомъ попавшагося на пути монастыря — шли за причудливыя выходки, потому что въ нихъ не усматривалось принципіальнаго значенія. Въ Финляндіи здравыя гигіеническія мѣры, далеко опередившія заурядныя того времени понятія о военной медицинѣ, огласили простымъ фантазерствомъ и своекорыстнымъ разсчетомъ, прикрытымъ блажными аксесуарами. Шли за напускную афектацію существенные Суворовскіе принципы, какъ напримѣръ его ненависть къ «немогузнайству». А между тѣмъ тутъ только форма, внѣшность предмета могла показаться странною. Суворовъ внушалъ войскамъ, что опаснѣе всякаго непріятеля немогузнайка, лживка, лукавка, краснословка, двуличка, т.-е. понятія, отрицающія точность, рѣшимость, опредѣлительность, положительное знаніе и предпочитающія уклончивость, колебанія, лѣность мысли, страхъ отвѣтственности. Ничего шутовскаго, причудливаго эта ненависть къ немогузнайству въ себѣ не имѣла; эксцентричность заключалась лишь въ проявленіи этой ненависти, въ родѣ окуриванія ладономъ зараженнаго немогузнайкой мѣста или открыванія оконъ. Что касается до отвѣтовъ пошлыхъ или глупыхъ (вмѣсто «не знаю»), то они Суворова не удовлетворяли и на пользу отвѣчавшему не служили.

Въ тѣхъ же воспитательныхъ цѣляхъ преслѣдовались и другія растлѣвающія понятія, а во главѣ ихъ «ретирада», какъ прямо противорѣчившая боевому наступательному принципу. А если такимъ однороднымъ понятіямъ приходилось сталкиваться, то предпочтеніе отдавалось менѣе вредному. Такъ наприм., желая озадачить одного молодого офицера, чтобы испытать его

находчивость, Суворовъ задалъ ему вопросъ — что такое ретирада. Офицеръ отвѣчалъ, что не знаетъ, объяснивъ, что въ его полку это слово совсѣмъ неизвѣстно и его никогда не слышно. Суворовъ, готовый разразиться рѣзкой выходкой, сразу успокоился, похвалилъ полкъ и замѣтилъ, что въ первый разъ немогузнайка доставилъ ему истинное удовольствіе. Такъ поступалъ онъ и въ другихъ пріемахъ, напр., въ отдачѣ приказаній, которыя отличались нерѣдко весьма причудливой формой, что также дѣлалось для испытанія находчивости, догадливости, смѣтки. Однажды, въ лагерное время, Суворовъ позвалъ дежурнаго адъютанта и умываясь, отдалъ ему приказаніе: «чтобы пушки не боялись бы лошадей, а лошади пушекъ». Адъютантъ вышелъ, послалъ за дежурнымъ по лагерю и сказалъ ему, что назначается ученье артиллеріи противъ кавалеріи.

Примѣры эти приведены для выясненія, какъ часто усматривали причуды Суворова тамъ, гдѣ было нѣчто совсѣмъ другое, ничего общаго съ чудачествомъ не имѣющее. Но примѣры эти все-таки не отрицаютъ, а только съуживаютъ сферу разнузданности причудливой натуры Суворова. Въ Линдау, за обѣдомъ, разговоръ коснулся между прочимъ Руссо, котораго Суворовъ считалъ одною изъ причинъ излишествъ и ужасовъ французской революціи. Одинъ генералъ замѣтилъ, что между твореніями Руссо есть прекрасныя. Суворова это взорвало, и онъ съ рѣзкостью приказалъ спорщику убираться изъ-за стола. Озадаченный и сконфуженный генералъ замѣтилъ, что онъ разумѣлъ не Жанъ Жака, а Жанъ Батиста Руссо. «Это другое дѣло», сказалъ Суворовъ и пригласилъ его остаться. Нѣсколько раньше, по выходѣ изъ швейцарскихъ горъ, Суворовъ, по свидѣтельству очевидца, сильно набросился на одного въ чемъ-то провинившагося генерала, долго его журилъ, а потомъ приказалъ надѣть солдатскую шляпу или каску и амуницію, взять ружье и стать на часы у его, Суворова, дверей, на два часа.

Во время серьезной работы, съ кѣмъ-нибудь глазъ-на-глазъ, или вообще у себя дома, безъ постороннихъ, а также въ бесѣдахъ съ иностранцами, особенно высоко стоящими или пользующимися его исключительнымъ уваженіемъ, онъ забывалъ свою «блажь» (по выраженію современниковъ) и дѣлался неизмѣнно

серьезенъ, увлекательно краснорѣчивъ, обнаруживалъ обширный, многосторонне-образованный умъ и замѣчательную меткость сужденій. Такъ отзывалась о немъ покойная императрица Екатерина, и справедливость ея словъ нѣсколько разъ подтверждалась во время заграничнаго похода Суворова. Въ Аугсбургъ пріѣхалъ князь Эстергази съ орденами Маріи Терезіи, пожалованными Францомъ II великому князю Константину Павловичу и Суворову, и съ порученіемъ—склонить великаго князя на посредничество въ происшедшихъ между двумя императорами недоразумѣніяхъ. Ордена были приняты, но отъ улаживанія недоразумѣній Константинъ Павловичъ отказался, подъ предлогомъ, что состоитъ при арміи Суворова волонтеромъ. Посовѣтовали Эстергази обратиться къ Суворову; онъ замѣтилъ, что не стоитъ обращаться къ человѣку, отъ котораго нельзя добиться ничего, кромѣ разныхъ выходокъ; ему возразили, что наединѣ Суворовъ совсѣмъ не таковъ. Эстергази рѣшился сдѣлать попытку, съ большимъ трудомъ добился аудіенціи и хотя не достигъ въ своихъ переговорахъ никакого успѣха, но сознался. что былъ обвороженъ обширнымъ и просвѣщеннымъ умомъ Суворова, соотвѣтствующимъ его великому военному таланту. Въ томъ же почти смыслѣ говоритъ множество другихъ лицъ, имѣвшихъ съ нимъ соприкосновеніе; въ ихъ числѣ и Ланжеронъ, и Армфельдъ, хронологически послѣдній, мнѣніе котораго имѣетъ поэтому особенную цѣну въ настоящемъ случаѣ. Онъ свидѣтельствуетъ, что въ сужденіяхъ Суворова, даже обыденныхъ, открывались такія новыя стороны разбираемаго предмета, которыя онъ, Армфельдъ, никогда не забудетъ. «Суворовъ вообще очень страненъ и выражается странно, но взгляды его на военное дѣло обнаруживаютъ въ немъ печать генія и глубокую опытность. И не только военное дѣло, но и другіе, самые разнородные предметы находятъ въ немъ цѣнителя тонкаго и проницательнаго, діалектика ловкаго и интереснаго. А иногда онъ говоритъ такія вещи, которыя и ожидать нельзя. Такъ однажды, послѣ продолжительнаго обѣда, когда имъ было слишкомъ много съѣдено и выпито, онъ простился со своими гостями такими словами», говоритъ Армфельдъ: «господа, будьте увѣрены, что ни англійскія деньги, ни русскіе штыки, ни кавалерія и тактика

Австрійцевъ, ни Суворовъ не возстановятъ порядка и не одержатъ такихъ побѣдъ, которыя бы привели къ желаемому результату. Этого въ состояніи достигнуть лишь политика—справедливая, безкорыстная, прямодушная и честная. Только такимъ путемъ можно всего добиться... Прощайте, господа!»

Но эти и другія отступленія Суворова отъ безшабашнаго чудачества въ серьезную, дѣловую сторону были исключеніемъ изъ правила. Сама Екатерина говоря, что Суворовъ перестаетъ быть съ нею наединѣ чудакомъ, прибавляла: «когда захочетъ», а одно изъ близкихъ къ нему лицъ замѣчаетъ, что серьезное, дѣловое его настроеніе быстро смѣнялось выходками и причудами, какъ только собесѣдникъ дѣлалъ какую-нибудь незначительную безтактность или неловкость. Эта легкость — быть чудакомъ и трудность—не быть имъ, тоже доказываютъ, что Суворовъ былъ чудакомъ не напускнымъ, а натуральнымъ. Нѣкоторые иностранцы, видѣвшіе его въ послѣдніе годы, свидѣтельствуютъ, что онъ производилъ впечатлѣніе человѣка полупомѣшаннаго, или даже просто помѣшаннаго, съ чѣмъ соглашались и его приближенные, говоря, что дѣйствительно онъ бываетъ иногда черезъ-чуръ страненъ. Развѣ можетъ человѣкъ, напустивъ на себя что-либо, не находящее себѣ почвы въ самой натурѣ, довести эту искусственную прибавку до измѣненія своего образа?

Въ Суворовѣ конечно не было и тѣни помѣшательства, а было безграничное чудачество, удивлявшее всѣхъ своими размѣрами, а иностранцевъ кромѣ того и характеромъ. Оно давало пищу пустому любопытству, возбуждало къ особѣ Суворова интересъ внѣшняго свойства, но затѣмъ претило, а иногда и прямо отталкивало тѣхъ, кто не зналъ его близко. Эксцентричность его и была поводомъ къ приписыванію ему такихъ дурныхъ качествъ, какихъ онъ вовсе не имѣлъ. Ничто не ускользнуло отъ критики, памфлета и пасквиля; даже его наружность, некрасивая сама по себѣ, была утрирована въ описаніяхъ до послѣднихъ карикатурныхъ предѣловъ. Одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ военныхъ писателей прямо говоритъ, что странности Суворова «понизили его военную славу въ глазахъ иностранцевъ». Оно и понятно, если нѣчто подобное происходило и въ

Россіи. Екатерина II и говорила, и поступками своими доказывала, что странностями своими Суворовъ прямо себѣ вредитъ, а Павелъ I просто ихъ не терпѣлъ и съ трудомъ выносилъ. Чудачества побѣдоноснаго полководца бросали сомнѣніе на прочность его побѣдной основы, тѣмъ болѣе, что онѣ какъ будто вторгались въ военную область, ибо Суворовъ побѣждалъ не такъ, какъ другіе, подготовлялъ войска къ побѣдѣ иначе, чѣмъ всѣ. Его военному дарованію довѣряли какъ-то опасливо, остерегаясь или «своенравія», или «увлеченія воображеніемъ», и все это благодаря тому, что онъ былъ чудакъ. Обыкновенно ищутъ въ человѣкѣ, чтобы онъ былъ нетолько годенъ на дѣло, но и удобенъ для употребленія въ дѣло, сплошь да рядомъ отказываясь отъ удовлетворяющаго первому условію, если онъ кажется не имѣющимъ качества второго. Исключенія очень рѣдки; исключеніемъ служитъ напримѣръ Петръ Великій, у котораго ни одинъ годный не былъ неудобнымъ. Суворовъ былъ неудобенъ вслѣдствіе рѣзкой своей оригинальности, и если онъ все-таки совершилъ свое славное поприще, то единственно потому, что обладалъ слишкомъ крупнымъ военнымъ дарованіемъ. А что Суворовъ-чудакъ тормозилъ карьеру Суворову-полководцу и вредилъ его военной славѣ, это понятно не только теперь, но видно было и тогда. У государственныхъ людей того времени такое мнѣніе сдѣлалось общимъ мѣстомъ въ ихъ сужденіяхъ о Суворовѣ. Невозможно предположить, чтобы Суворовъ одинъ оставался слѣпымъ; убѣждающіе факты были слишкомъ многочисленны. Если же онъ не сдерживался, то значитъ не могъ сдерживаться: натура брала свое.

Полагаютъ, что эксцентричность Суворова была одною изъ главнѣйшихъ причинъ его популярности между солдатами и духовнаго ими обладанія. Выходки Суворова несомнѣнно нравились солдату, потѣшали его и служили источникомъ веселыхъ разговоровъ въ лагерѣ и на квартирѣ; но давать имъ значеніе могучей силы невозможно. Властелиномъ солдатскихъ душъ дѣлали Суворова не причуды, а его побѣдныя свойства, цѣльность его военнаго типа. Странности Суворова имѣли лишь вспомогательное значеніе; не соглашаться съ этимъ, значитъ имѣть о русскомъ солдатѣ слишкомъ низкое понятіе, которое невѣрно

уже по одному тому, что въ военномъ поприщѣ Суворова простой солдатъ есть одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ побѣды.

Кромѣ чудачества, Суворову приписываютъ немало другихъ недостатковъ, а такъ какъ они имѣютъ корень въ той же натурѣ, благодаря которой изъ Суворова образовался крайній чудакъ, и нѣкоторые изъ нихъ прямо отзываются странностями и причудами, то надлежитъ и на нихъ нѣсколько остановиться.

Обвиняютъ его въ томъ, что онъ прибѣгалъ къ возбужденію въ войскахъ фанатизма, дѣйствуя на людское невѣжество, что онъ былъ скупъ, не стоекъ въ однажды данномъ словѣ, имѣлъ порокъ пьянства, отличался отнюдь не Катоновской этикой и обладалъ невозможнымъ характеромъ.

Обвиненіе Суворова въ скупости не безъосновательно, но этотъ его недостатокъ не совсѣмъ подходитъ подъ общепринятое понятіе о скупости. Скряга отличается постоянствомъ и выдержкою, у Суворова ни того, ни другого не было; скряга довѣряетъ только себѣ, Суворовъ вѣрилъ чуть не каждому; оттого былъ всегда обманываемъ и утѣшался тѣмъ, что онъ «отъ этого не сдѣлается малъ»: скареду такое утѣшеніе не придетъ въ голову. Примѣры щедрости Суворова были приводимы неоднократно; такъ настоящій скупецъ не поступаетъ. Скупость Суворова имѣла гораздо меньше корней въ жадности, чѣмъ въ ограниченности потребностей. Она, сама себя безпрестанно опровергающая, есть аномалія, непослѣдовательность, какихъ много въ его натурѣ, и находится въ прямомъ родствѣ съ его эксцентричностью. Скупость человѣка лучше всего видна въ его домашнемъ хозяйствѣ. Домашнее хозяйство Суворова велось всегда очень экономически, но его имѣнія не носили на себѣ слѣдовъ жадности или скаредности владѣльца; они всегда находились въ хорошемъ состояніи, и въ крестьянскомъ кругѣ Суворовъ пользовался доброй репутаціей. Конечно эта добрая слава, пріобрѣтенная имъ въ короткое время личнаго хозяйничанья въ имѣніяхъ, должна была потомъ нѣсколько уменьшиться, когда онъ, погруженный въ свои служебныя обязанности, почти пересталъ показываться въ своихъ деревняхъ, но благосостояніе этихъ послѣднихъ все-таки не разстроилось.

Почти къ той же категоріи принадлежитъ недержаніе даннаго слова, въ чемъ Суворовъ дѣйствительно погрѣшалъ, хотя не такъ часто и крупно, какъ утверждаютъ его хулители. Будучи очень живъ, подвиженъ и впечатлителенъ, онъ иногда давалъ обѣщанія въ первомъ порывѣ, а потомъ просто о нихъ забывалъ, или же отдавъ соотвѣтственное приказаніе, считалъ его исполненнымъ, тогда какъ оно и не переходило въ дѣло. Главными виновниками этой дурной славы Суворова были исполнители, люди, пользовавшіеся его довѣріемъ; они дѣлали изъ Суворова что хотѣли, играли имъ какъ хотѣли и перерѣшали его рѣшенія безъ дальнихъ опасеній. Примѣровъ тому было приведено много. Гнѣва его не боялись потому, что всегда могли привести въ свое извиненіе причины, соотвѣтствующія настроенію Суворова въ данную минуту. До какой степени его иногда дурачили, можно видѣть изъ разныхъ частностей дѣла Вронскаго. Напримѣръ, однажды на смотру въ Варшавѣ обиженный подрядчикъ подалъ Суворову письменную жалобу, которую тотъ принялъ, обѣщалъ разсмотрѣть и положилъ себѣ въ задній карманъ; но адъютантъ, заинтересованный въ дѣлѣ, осторожно вытащилъ бумагу изъ кармана и спряталъ, въ надеждѣ, что Суворовъ про нее забудетъ. Это показаніе Вронскаго не подтвердилось ни слѣдствіемъ, ни судомъ, но довольно того, что оно было заявлено, т.-е. что подобный случай вовсе не представлялся нелѣпымъ.

Что касается до страсти Суворова къ крѣпкимъ напиткамъ, то вѣрность такого обвиненія представляется временами сомнительною, временами условною. Молва приписывала ему этотъ недостатокъ издавна, но многочисленныя и солидныя свидѣтельства современниковъ опровергаютъ ее вполнѣ, или значительною долей. Одинъ изъ такихъ свидѣтелей, иностранецъ, объясняетъ причину ложной молвы тѣмъ, что Суворовъ, будучи веселаго нрава, любилъ смѣяться, шутить и видѣть около себя веселыя лица, а это могло дать поводъ къ предположенію, что веселость его искусственная. Можно прибавить, что шутки Суворова были иногда такъ прихотливы, что поневолѣ наводили на подозрѣніе ненормальнаго состоянія шутника. Говорили вѣстовщики, будто онъ сильно пристрастился къ рюмкѣ во время своей

опалы и тоскливаго житья въ с. Кончанскомъ; но Николевъ, доносившій о разныхъ мелочахъ его поведенія и жизни, ни разу не упоминаетъ о его пристрастіи къ крѣпкимъ напиткамъ. Слѣдующіе мѣсяцы были, правда, еще тяжеле для Суворова, и Николевъ при немъ уже не состоялъ, но изъ собственнаго письма Суворова къ Хвостову мы видимъ, что онъ употреблялъ вино не каждый день, да и то не иначе, какъ съ водой [54]).

Существуютъ еще указанія, что во время войны 1799 года, Суворовъ часто бывалъ неумѣренъ за столомъ, ѣлъ и пилъ больше чѣмъ нужно и подъ конецъ обѣда дремалъ. Кромѣ того, въ февралѣ 1800 года адъютантъ его пишетъ къ одному изъ князей Горчаковыхъ, что Суворовъ въ Краковѣ захворалъ и что «это происходитъ отъ извѣстной вамъ его *привычки*, которую онъ теперь по болѣзни оставилъ». Какая это привычка? Вѣрнѣе всего излишество въ ѣдѣ и особенно въ питьѣ, но это пьянствомъ назвать нельзя. Одинъ изъ видѣвшихъ его въ концѣ Швейцарской кампаніи говоритъ, что онъ ежедневно окачивался холодной водой и одну недѣлю пилъ только воду, а другую крѣпкіе напитки. Можетъ быть тутъ нѣтъ буквальной правды, но характеръ факта долженъ быть вѣренъ. Въ виду такихъ противурѣчивыхъ поступковъ Суворова, наиболѣе естественное толкованіе ихъ сводится къ указанію на капризы его причудливой натуры, и это объясненіе относится въ большей или меньшей степени къ массѣ другихъ разнородныхъ проявленій его темперамента.

Обвиненіе Суворова въ дурномъ, почти неистовомъ характерѣ, въ основаніи своемъ справедливо. Порывы его иногда доходили чуть не до бѣшенства, и хотя онъ, сознавая за собой этотъ недостатокъ, старался сдерживаться, но успѣвалъ далеко не всегда. Эта слабая сторона Суворова все-таки не имѣетъ въ кругѣ его дѣятельности большого значенія, какъ увѣряютъ его хулители. Отъ крутого, неровнаго и неуживчиваго нрава Суворова страдали его домашніе да люди къ нему близкіе по своему положенію. По мѣрѣ удаленія отъ его особы, каждый удалялся и отъ этихъ неудобствъ, а при обширности служебной сферы Суворова (командованіе арміей, управленіе краемъ) невыгодныя стороны его личнаго характера не замѣчались вовсе. Это тѣмъ

понятнѣе, что Суворовъ нетолько не былъ жестокъ, но отличался благодушіемъ и доброжелательствомъ, если не встрѣчалъ противодѣйствія или сопротивленія. Стоитъ вспомнить Польшу и Варшаву.

Подъ приписываемымъ Суворову фанатизмомъ вѣроятно подразумѣвалась или религіозная нетерпимость, или національная исключительность, или то и другое вмѣстѣ. Мнѣніе это во всякомъ случаѣ ошибочно. Какъ человѣкъ вѣрующій и въ вѣрѣ своей убѣжденный, онъ съ ужасомъ отворачивался отъ атеизма, немногимъ лучше считалъ безформенный деизмъ и признавалъ заблужденіями всякія вѣроученія не-христіанскія. Далѣе этого онъ не шелъ. Изъ всѣхъ войнъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, только одну послѣднюю ставилъ онъ въ связь съ религіей, потому что въ революціонной Франціи деизмъ имѣлъ государственное значеніе. Турокъ онъ называлъ «нехристями, басурманами, варварами», но войнѣ съ ними не придавалъ смысла религіознаго, а войнѣ съ Поляками тѣмъ менѣе. Извѣстно, что высшее напряженіе духовной силы войскъ было однимъ изъ главныхъ его путей къ побѣдѣ, которая тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе давалась въ руки, чѣмъ «отчаяннѣе» дрались войска. Самый легкій къ тому способъ, который и до Суворова и послѣ него употреблялся безъ особенной разборчивости, заключается въ связываніи войны съ религіознымъ элементомъ; но онъ къ этому средству не прибѣгалъ. «Слава, слава, слава»,—вотъ чѣмъ завершалось его знаменитое поученіе войскамъ и чѣмъ онъ возбуждалъ ихъ воинственный духъ. Затѣмъ, будучи строгимъ исполнителемъ церковныхъ уставовъ и держась неотступно церковнаго обряда, онъ однако не олицетворялъ въ нихъ смысла религіи и духъ ея понималъ широко. Пониманіе это обозначалось словомъ «христіанство». Онъ не былъ причастенъ старому русскому воззрѣнію на иновѣрцевъ, какъ на «поганыхъ недовѣрковъ»; прося благословенія у католическихъ прелатовъ и священниковъ, прикладываясь къ подаваемому ими кресту, служа на С. Готарѣ молебенъ въ католической церкви, онъ дѣлалъ это не для виду только, а по благочестію. На русскихъ раскольниковъ онъ смотрѣлъ какъ, на неразумныхъ и непослушныхъ дѣтей, что представляется совершенно понятнымъ при тогдашней

разработкѣ вопроса о расколѣ. Наконецъ, не мѣшаетъ припомнить, какъ дорога была Суворову его единственная дочь и до какой степени онъ ее любилъ, а между тѣмъ женихъ, котораго онъ считалъ для нея самымъ лучшимъ, былъ протестантъ. Для православной родни это обстоятельство казалось большимъ препятствіемъ браку, и Суворову понадобилось давать своимъ совѣтникамъ уроки терпимости, внушая племянницѣ: «Груша, не дури, онъ христіанинъ». Такимъ образомъ можно придти къ выводу, что приписываемый Суворову религіозный фанатизмъ въ дѣйствительности не существовалъ.

Въ такой же мѣрѣ несостоятельно мнѣніе о его національной исключительности. Патріотизмъ его былъ горячій, живой, но вмѣстѣ и сознательный. Любя Россію, русскій народъ, русскую жизнь съ ихъ національными особенности, онъ однако понималъ, что національныя физіономіи не могутъ быть одинаковы. Несмотря на саркастическое свойство своего ума, онъ не издѣвался надъ чѣмъ бы то ни было только ради того, что оно не русское; не считалъ все свое хорошимъ, все чужое дурнымъ. Онъ гордился именемъ русскаго не потому, чтобы признавалъ нѣмца или француза низшими людьми, а потому, что былъ роднымъ сыномъ Россіи, сердце его билось русскою кровью и въ полномъ соотвѣтствіи съ сердцемъ дѣйствовалъ разумъ. Онъ видѣлъ, что Европа ушла дальше Россіи и особенно прельщался картиной современной Англіи, но не сдѣлавшись отъ этого англоманомъ, онъ въ ту же силу не былъ и французофобомъ, и патріотизмъ не побуждалъ его «травить» нѣмца или поляка. Изучивъ въ молодости нѣсколько языковъ и продолжая изучать другіе почти до своей кончины, онъ довольно часто и употреблялъ ихъ, устно и письменно, не считая это грѣхомъ антипатріотическимъ. Ту же мѣрку прилагалъ онъ и къ другимъ, не терпя въ нихъ только слѣпой подражательности иноземному и обезьянства. Говоря про одного русскаго сановника, который не умѣлъ по-русски писать, Суворовъ замѣтилъ, что это стыдно, но простить все-таки можно, лишь бы онъ думалъ по-русски.

Суворовъ, между прочимъ, потому еще не можетъ быть причастенъ узкой quasi-патріотической исключительности, или націонализму, что былъ представителемъ не старой, а новой Россіи,

вступившей при Петрѣ I на путь общехристіанской, европейской цивилизаціи. За идеалами онъ не обращался въ московскій государственный періодъ; наружные признаки, въ родѣ многихъ его странностей, внѣшняго благочестія, склада жизни, не опровергаютъ это утвержденіе. Во внѣшнемъ благочестіи Суворова не было вовсе той мертвой обрядности, которую мы видимъ въ до-Петровскомъ періодѣ; не отступая отъ формы, Суворовъ однако не отождествлялъ эту форму съ сущностью, не принималъ ее за цѣль, не дорожилъ бородой больше, чѣмъ головой. А благочестіе вообще, вѣра въ догматы православія и исполненіе церковныхъ уставовъ—все это не есть принадлежность одного стараго времени. Точно также нельзя пріурочить Суворова къ старому времени изъ-за его странностей; онѣ были продуктомъ его натуры и если имѣли оттѣнокъ юродства, то это только обнаруживаетъ въ Суворовѣ русскаго человѣка. Наконецъ и складъ его жизни вовсе не былъ дореформеннымъ, московскимъ, ибо этотъ послѣдній носилъ на себѣ характеръ *монастырскій*, Суворовскій же—былъ *военный*. Да и Суворовъ пренебрегалъ лишь матеріальными благами цивилизаціи, а въ интелектуальномъ смыслѣ принадлежалъ ей вполнѣ.

Лучшимъ доказательствомъ, что онъ былъ человѣкъ настоящаго (Петровскаго), а не прошедшаго, московскаго періода русской исторіи, служитъ его взглядъ на Петра Великаго. Онъ благоговѣйно чтилъ его память, называлъ Прометеемъ, творцомъ и благодѣтелемъ русскаго народа, государемъ, вмѣщающимъ въ себѣ многихъ наилучшихъ государей; говорилъ, что одинъ Петръ «обладалъ тайной выбора людей»; удивлялся его генію «и на ладожскомъ каналѣ, и на полтавскомъ полѣ»; совѣтовалъ иностранцамъ «учиться по-русски для того, чтобы познакомиться съ этимъ великимъ человѣкомъ». Вдобавокъ къ такому взгляду Суворова на преобразователя, а слѣдовательно и на преобразованіе, надлежитъ еще имѣть въ виду, что Суворовъ, преданный военному призванію всецѣло и безраздѣльно, не могъ быть приверженцемъ дореформеннаго періода уже изъ-за одного жалкаго состоянія въ ту эпоху русской военной силы и военнаго искусства.

Что касается до гражданскихъ качествъ Суворова, то будучи

въ этомъ отношеніи сыномъ своего вѣка, онъ все-таки отличался въ хорошую сторону отъ общей характеристики эпохи. То было время искательствъ, низкопоклонства, лести и всякихъ кривыхъ путей, обязательныхъ для всѣхъ въ вѣкъ временщиковъ и фаворитовъ. Но у Суворова все это не было основой его личности, а только внѣшней оболочкой, ибо онъ обладалъ особенностью, вообще у русскихъ людей рѣдкою, а въ ту эпоху и подавно—независимымъ и упругимъ характеромъ. Усвоивъ недостатки своего времени, онъ не пропитался ими до глубины нравственныхъ основъ; сгибалъ наравнѣ съ другими шею, но не гнулъ ни передъ кѣмъ волю; говорилъ Екатеринѣ и Павлу правду, ибо правдолюбіе и моральную стойкость считалъ первымъ долгомъ вѣрноподданнаго и вообще сохранилъ свое *я* до конца. Эти-то характерныя свойства Суворова, въ связи съ его славнымъ побѣднымъ поприщемъ, привлекли къ нему исключительное по своимъ размѣрамъ вниманіе современниковъ и сдѣлали его дорогимъ для потомства.

Въ заключеніе не лишнее будетъ привести коротенькую характеристику Суворова, сдѣланную Ланжерономъ. Она не совсѣмъ вѣрна, но подходитъ къ истинѣ ближе другихъ. По словамъ Ланжерона, «Суворовъ представляетъ собою удивительное сочетаніе ума, чудачества, таланта и причудливости, которое никто не въ состояніи ни точно разграничить, ни вѣрно опредѣлить. Вообще же онъ былъ болѣе ловокъ, чѣмъ глубокомысленъ, болѣе уменъ, чѣмъ свѣдущъ, болѣе отваженъ, чѣмъ разсчетливъ, болѣе счастливъ, чѣмъ искусенъ, а между тѣмъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ эти качества».

Ореолъ, въ которомъ Суворовъ является нынѣ потомству, унаслѣдованъ отъ его современниковъ; только теперь онъ какъ будто сталъ ярче. Но пора исторіи для него тогда еще не наступала, а потому съ реальными элементами его жизни переплеталось и начало фантастическое. Этотъ двойной ореолъ вокругъ имени Суворова продолжалъ жить нѣкоторое время и послѣ его смерти. Говорились разныя про него были, передавались устно историческіе факты, но вмѣстѣ съ ними циркулировали различныя свѣдѣнія,—чистое созданіе фантазіи. Ходила слава, что предъ рожденіемъ его видѣлись на небѣ какіе-то

хвосты, и одинъ юродивый пророчествовалъ, будто родится человѣкъ, нехристямъ страшный; толковали люди, что никогда и никому не будетъ извѣстно мѣсто его рожденія (дѣйствительно съ достовѣрностью неизвѣстно); объясняли, что новорожденному герою дано счастье святымъ перехожимъ или ангеломъ за то, что пріютили этого послѣдняго его родители въ видѣ странника. Попозже, подобныя сказанія еще умножились; стали говорить, что видѣлъ онъ человѣческую душу насквозь, не могъ на него прямо смотрѣть тотъ, у кого не чиста совѣсть; узнавалъ труса по лицу, и дѣлался трусъ храбрецомъ. Господь далъ ему змѣиную мудрость; вѣдалъ онъ Божью планиду, умѣлъ разрушать волшебство и козни діавола именемъ Божіимъ, крестомъ да молитвой; проникалъ замыслы враговъ, зналъ, гдѣ непріятелемъ поставлена засада и въ ночной темнотѣ указывалъ на нее; чуялъ въ безводныхъ мѣстахъ ключи, пушками разгонялъ громовыя тучи; въ бою леталъ надъ нимъ орелъ и садился ему на плечо.

Достойно замѣчанія, что подобные легендарные разсказы нашли себѣ почву нетолько въ народѣ, но и въ высшемъ русскомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые.

Сверхъ того, они ходили не въ одной Россіи, но также въ Турціи, Польшѣ, Швейцаріи. Въ Турціи, на Рымникѣ, являлся къ нему мужъ свѣтлый и зорко оберегалъ его отъ враговъ. Въ Польшѣ задумалъ одинъ злодѣй убить Суворова во время сна и прокрался для этого въ его лагерную палатку, но невидимая сила не допустила, а Суворовъ ему пояснилъ, что его, Суворова, всюду охраняетъ мужъ святой. Въ Италіи Суворовъ не начиналъ сраженія прежде, чѣмъ отойдетъ на небѣ обѣдня, которую ангелы служатъ Господу Богу и которую только онъ одинъ видѣлъ и слышалъ. Въ бою на Треббіи, или подъ Нови, скакалъ съ нимъ на бѣломъ конѣ Божій посланецъ; самъ Суворовъ по ночамъ съ кѣмъ-то разговаривалъ, хотя былъ одинъ и временами днемъ куда-то пропадалъ незамѣтно, а за нимъ слѣдили сотни глазъ. Въ Швейцаріи, какъ и въ Польшѣ, его пытались убить соннаго, но оберегала его вышняя сила. Многіе суевѣрные Граубинденцы смѣшивали съ Суворовымъ горнаго духа Рюцебаля, и не такъ еще давно тамъ жила легенда, будто многіе годы по кончинѣ Суворова, не разъ видѣли его

на высотахъ Сенъ-Готара, верхомъ на сѣрой лошади. Долгое время въ тѣснинахъ и ущельяхъ верхней Рейсы неоднократно появлялась тѣнь сѣдого старика и огневыми глазами осматривала мѣста, обагренныя русской кровью.

Кромѣ этихъ легендъ, народившихся или при жизни Суворова, или вскорѣ по его смерти, сохранялась о немъ память и въ народныхъ пѣсняхъ. Въ русской исторіи есть событія и имена, которыя неизгладимо запечатлѣлись въ народной памяти. Такія живыя страницы заключаютъ въ себѣ только то, что самъ народъ пережилъ, перечувствовалъ или выстрадалъ и только тѣхъ, которые во всемъ этомъ принимали участіе. Суворовъ къ числу такихъ лицъ не принадлежитъ, также какъ и другіе полководцы, за весьма рѣдкими исключеніями, потому что политическія событія и войны въ такомъ только случаѣ воспринимаются народнымъ сознаніемъ и глубоко въ него врѣзываются, когда они затрогиваютъ народные интересы и жизнь, а Суворовскія войны не имѣли такого значенія. При всемъ томъ Суворовъ не былъ совершенно изъятъ изъ числа лицъ, удостоившихся народнаго вниманія. За нимъ, изъ генераловъ новаго времени одинъ только Кутузовъ остался въ народныхъ преданіяхъ, но о немъ упоминается несравненно рѣже и меньше, хотя 1812 годъ былъ для народа гораздо важнѣе и ближе всѣхъ войнъ, веденныхъ Суворовымъ. Причиною такого вниманія народа къ Суворову была необыкновенная цѣльность и оригинальность его личности, крупное дарованіе, выражавшееся въ фактахъ поразительныхъ и внутренняя связь его съ солдатомъ, а слѣдовательно и съ народомъ, изъ котораго солдатъ вышелъ.

Самая большая доля пѣсенъ и легендъ о Суворовѣ пущены въ народъ солдатами и ими же поддерживались и распространялись, особенно пѣсни. Но періодъ обращенія ихъ въ народѣ былъ очень невеликъ; во второй половинѣ нашего столѣтія ихъ оставалось весьма немного, и по всей вѣроятности недалека пора, когда они исчезнутъ совсѣмъ. Къ пѣснямъ и преданіямъ слѣдуетъ отнести еще народныя (лубочныя) картинки, въ которыхъ Суворовъ впрочемъ встрѣчается еще рѣже. Въ нихъ мы находимъ, между прочимъ, портретъ Суворова; есть также изображеніе его вмѣстѣ съ Багратіономъ. Оба они на коняхъ, лицомъ

другъ къ другу, съ подписью, показывающею, что ихъ взаимныя отношенія народу извѣстны, и что Багратіонъ считается преемникомъ и продолжателемъ военной славы Суворова.

Пѣсни, въ которыхъ упоминается Суворовъ, относятся къ Семилѣтней войнѣ, къ обѣимъ Турецкимъ, къ штурму Измаила и Праги, отчасти къ Итальянской кампаніи. Историческихъ фактовъ въ нихъ искать нельзя; тутъ все перепутано, перемѣшано и очень многое просто выдумано. Однако анахронизмы, извращенія и вымыслы имѣютъ одно общее свойство: характеристика Суворова въ нихъ выдержана съ замѣчательнымъ единствомъ. Всюду онъ является любимымъ, избраннымъ героемъ; къ нему не относятъ ни одного темнаго дѣла или сомнительнаго поступка; онъ чистъ ото всего дурного; онъ одинъ ничего не боится и ни передъ чѣмъ не робѣетъ. Пѣсня подмѣтила и особенность Суворовскаго военнаго искусства—предпочтеніе холоднаго оружія огнестрѣльному, что и высказывается при разныхъ случаяхъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ отдаетъ приказаніе:

«Ступай наши на штыкахъ».

Вѣра въ Суворова такъ велика, что бороться съ нимъ представляется дѣломъ, больше чѣмъ рискованнымъ. Поляки говорятъ:

«Лучше скрозь земли пройтить,
«Отъ Суворова уйтить».

Къ Туркамъ дѣлается такое обращеніе:

«Ты, Гассанъ,
«Попадай намъ въ руки самъ
«И не дѣлай тамо споровъ,
«Гдѣ Рымникскій графъ Суворовъ«.

Суворовъ выхваляется за правдивость, за честную службу, за любовь къ солдату:

«Здравствуй, здравствуй графъ Суворовъ,
«Что ты правдою живешь,
«Справедливо насъ солдатъ ведешь.
«Ты военностей не тужишь,
«Радъ хочь въ воду и огонь,
«Ты царицѣ вѣрно служишь».

Приведенные отрывки взяты изъ пѣсенъ несомнѣнно солдатскаго происхожденія; онѣ если и вращались въ народѣ, то не могли пустить въ немъ корня. Другія имѣютъ меньше солдатскаго и больше народнаго оттѣнка.

Екатерина II испугалась угрозъ внезапно поднявшагося на нее Шведскаго короля:

Закричала Государыня громкимъ голосомъ своимъ:
«Охъ вы гой еси, мои слуги, слуги вѣрные мои!
«Вы подите, приведите Суворова-графа ко мнѣ».
Вотъ приходитъ графъ Суворовъ къ Государынѣ самой:
«Ужъ ты гой еси, Государыня, не страшися ничего;
«У насъ есть чѣмъ принять, есть чѣмъ подчивать его».

Пѣсня эта впрочемъ носитъ на себѣ печать дѣланности; менѣе искусственна слѣдующая, замѣчательная еще проводимою въ ней паралелью между тремя полководцами Екатерининскаго времени:

Князь Румянцевъ-генералъ
Много силы потерялъ.
Воръ Потемкинъ-генералъ
Въ своемъ полку не бывалъ,
Всее силу растерялъ:
Кое пропилъ, промоталъ,
Кое въ карты проигралъ.
А Суворовъ-генералъ
Свою силу утверждалъ,
Мелки пушки заряжалъ,
Короля во полонъ бралъ.

Народный оттѣнокъ также осязателенъ въ слѣдующемъ отрывкѣ. Воронъ говоритъ:

Я леталъ, леталъ, полетывалъ,
По бѣлу-свѣту погуливалъ
Вслѣдъ за арміей православною.
Я клевалъ, клевалъ, поклевывалъ
Тѣло вражье, басурманское.
Я видѣлъ диво, диво-дивное,
Диво-дивное, чудо-чудное:
Какъ нашъ батюшка Суворовъ-князь
Съ малой силой соколовъ своихъ,

Разбивалъ полки тму-численны,
Полонилъ пашей и визирей,
Бралъ Измаилъ, крѣпость сильную,
Крѣпость сильную, завѣтную.

Еще виднѣе народная печать въ слѣдующихъ немногихъ строкахъ.

Какъ у насъ было за городомъ, за Бендерой,
Не двѣ тученьки, не двѣ грозныя онѣ выкатались:
Выкаталася сила-армія во чисто поле,
Во чистомъ полѣ въ широкое раздолье.
Выходилъ тутъ самъ-отъ батюшка, графъ Суворовъ,
Камышевой своей тросточкой онъ комендруетъ:
«Становитесь вы, солдатушки, по правому флангу,
«Вы берите, ребята, и не робѣйте,
«Своихъ бѣлыхъ рукъ не жалѣйте».

Тоже самое можно сказать и объ обломкѣ народной пѣсни, въ которомъ поется:

Что не сизый орелъ на лебедушекъ
Напускается изъ-за синихъ тучь:
Напускается орломъ батюшка,
На поганыхъ, на Турковъ-нехристей,
Самъ Суворовъ-свѣтъ батюшка.

Вмѣстѣ съ пѣснями о Суворовѣ, вымираютъ или вымерли и легенды. Преданія о немъ были наиболѣе сосредоточены въ новгородской губерніи, преимущественно въ боровицкомъ уѣздѣ, гдѣ лежитъ село Кончанское, но и тутъ остаются отъ нихъ уже немногіе слѣды. Приведемъ въ заключеніе одну изъ такихъ полународныхъ легендъ.

Въ дремучемъ лѣсу, среди болотъ, лежитъ огромная каменная глыба, съ пещерою внутри; ходъ въ нее изъ-подъ болота. Дурная слава про это мѣсто: тамъ блуждаютъ синіе огоньки, носятся блѣдныя тѣни, слышатся тоскливые, жалобные стоны. Филинъ не пролетаетъ надъ сѣдымъ мшистымъ камнемъ, волкъ на немъ не воетъ; крестьянинъ, невзначай сюда попавшій, обходитъ дикое мѣсто, кладя на себя крестное знаменіе. Всегда здѣсь тихо и мертво; только воронъ каркаетъ по временамъ надъ каменною глыбой, да вьется хищный орелъ, успокоивая клектомъ

своимъ старца, почивающаго неземнымъ сномъ въ пещерѣ, внутри камня. Чрезъ малое отверстіе брежжитъ оттуда тусклый, слабый свѣтъ неугасимой лампады, да доносится глухое замогильное поминовеніе князю, рабу Божію Александру. Въ глубинѣ скалы спитъ самъ дѣдушка, склонивъ сѣдую голову на уступъ камня; давно онъ спитъ и долго спать будетъ. Только тогда, когда покроется Русская земля кровью боевому коню по щиколотку, проснется великій русскій воинъ, выйдетъ изъ своей усыпальницы и избавитъ отечество отъ лютой невзгоды.

ПРИМѢЧАНІЯ И ПОЯСНЕНІЯ.

1. Къ стр. 1. Въ автобіографіи Суворова (прошеніе его въ Московское дворянское депутатское собраніе) происхожденіе рода Суворовыхъ разсказано иначе; родоначальниками названы Наумъ и Суворъ, и выходъ ихъ изъ Швеціи отнесенъ къ 1622 году. Это извѣстіе сомнительно. Изъ справки вотчиннаго департамента видно, что при Петрѣ Великомъ землевладѣльцевъ—Суворовыхъ было очень много; родъ ихъ не могъ такъ размножиться въ 70 или 80 лѣтъ. За годъ до прошенія А. В. Суворова о внесеніи его въ дворянскую родословную книгу московской губерніи, подалъ подобное же прошеніе въ Тверскую дворянскую опеку его близкій родственникъ, бригадиръ А. Ф. Суворовъ, ссылаясь на родословную, имѣющуюся въ московскомъ разрядномъ архивѣ, поданную Наумовыми раньше 1701 года. Эта родословная въ настоящемъ случаѣ и предпочтена, тѣмъ болѣе, что въ ней поимянно обозначено много лицъ, Суворовыхъ, въ восходящемъ порядкѣ.

2. Къ стр. 2. Бо̀льшая часть исторіографовъ Суворова принимаютъ годомъ его рожденія 1729, который былъ обозначенъ и на первой его могильной плитѣ; по другимъ свѣдѣніямъ указанъ годъ 1730, по нѣкоторымъ даже 1727. Но въ одной собственноручной его запискѣ на итальянскомъ языкѣ сказано: „io son nato 1730 il 13 Novembre“; въ письмѣ его вдовы къ племяннику Хвостову о надгробномъ памятникѣ говорится, что мужъ ея родился въ 1730 году; этотъ же годъ значится въ его послужномъ спискѣ, составленномъ въ концѣ 1763 года, когда Суворовъ былъ полковымъ командиромъ и слѣдовательно самъ его провѣрялъ. Не лишнее принять къ соображенію и то, что въ числѣ 136 извѣстныхъ гравированныхъ портретовъ Суворова, о коихъ говоритъ Ровинскій (см. его словарь), хоть только у двухъ обозначены года его рожденія и смерти, но въ этихъ обѣихъ изданіяхъ годомъ рожденія приведенъ 1730. Такимъ образомъ, годомъ рожденія Суворова слѣдуетъ считать 1730 вѣрнѣе, чѣмъ всякій другой.

3. Къ стр. 9. Обозначенныя подъ статьями Суворова буквы С. и А. С. были приняты Новиковымъ за Сумароковъ и Александръ Сумароковъ, а потому эти двѣ статьи и помѣщены въ собраніи сочиненій Сумарокова.

4. Къ стр. 31. «Суздальское учрежденіе», къ несчастью, не сохранилось или, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени не отыскано. Про этотъ документъ, чрезвычайно важный для военной характеристики Суворова, впервые упоминается въ настоящей монографіи (первое изданіе), на основаніи отрывочныхъ свѣдѣній 1770-хъ годовъ.

5. Къ стр. 70. Нѣкоторые утверждаютъ, что Суворовъ заставилъ Французовъ выйти изъ Краковскаго замка тою же подземной трубой для стока нечистотъ, которою они туда вошли. Даже Екатерина II въ одномъ изъ своихъ писемъ 1795 года упоминаетъ про это обстоятельство, хотя по давности нѣсколько его перепутываетъ и вмѣсто Шуази, говоритъ про Дюмурье. Это выдумка, народившаяся впослѣдствіи. Ни по какимъ подземнымъ трубамъ входить не было надобности, а вошли Французы чрезъ отверстія подъ стѣною; стало быть, ихъ обратный вынужденный выходъ по грязнымъ трубамъ могъ имѣть мѣсто лишь въ смыслѣ издѣвательства надъ несчастьемъ. Это вовсе не гармонируетъ съ отказомъ Суворова принять отъ плѣнныхъ офицеровъ даже шпаги. И теперь, и послѣ онъ всегда чтилъ въ лицѣ плѣнныхъ превратность военнаго счастія.

6. Къ стр. 81. Анекдотъ объ отдачѣ Румянцевымъ Суворова подъ судъ за самовольный будто бы поискъ на Туртукай опровергнутъ лишь въ позднѣйшее время и принадлежитъ къ области чистаго вымысла, нетолько ни на чемъ не основаннаго, но противорѣчащаго фактической основѣ.

7. Къ стр. 97. По поводу сраженія при Козлуджи, слѣдуетъ припомнить, что каждое дѣло имѣетъ лицевую и оборотную сторону, и судить о немъ по одной первой нельзя. Въ особенности это приложимо къ войнѣ, гдѣ возбуждены страсти; сильнѣе, чѣмъ когда-либо дѣйствуютъ зависть, честолюбіе, самолюбіе; гдѣ рискуешь очень многимъ, но зато можешь и выиграть очень многое. Тутъ почти каждый обнаруживаетъ, самъ того не замѣчая, и лучшія и худшія свои качества, рѣдко кто сохраняетъ свой нормальный, средній уровень, потому что находится въ положеніи ненормальномъ. Подобныя крайности, преимущественно въ дурную сторону, значительно сглаживаются на лицевой, офиціальной оболочкѣ дѣла, а иногда и вовсе на ней не выступаютъ. Оттого исторія не можетъ ограничиться одними офиціальными данными, ибо тогда въ результатѣ получится не истина, а болѣе или менѣе значительное ея извращеніе. Все это прямо приложимо къ сраженію при Козлуджи, гдѣ изнанка совершенно расходится съ лицомъ и офиціальное изображеніе дѣла прямо противорѣчитъ истинѣ, кромѣ развѣ техническихъ подробностей, да и то не безусловно.

8. Къ стр. 115. Этотъ замѣчательный приказъ въ настоящую книгу не вошелъ (согласно ея плану и цѣли), также какъ и всѣ другія приложенія,

помѣщенныя въ первомъ изданіи „Генералисимуса князя Суворова“. Желающимъ познакомиться съ этими документами надлежитъ обратиться къ первому изданію.

9. Къ стр. 173. Въ первомъ изъ своихъ прошеній о разводѣ (1779), Суворовъ приводитъ нѣкоторыя подробности для доказательства существовавшей незаконной связи между Варварой Ивановной и его двоюроднымъ племянникомъ премьеръ-майоромъ Суворовымъ, ходатайствуетъ о разводѣ его, просителя, съ женой и о разрѣшеніи ему жениться на другой. Во второмъ прошеніи (1784) Суворовъ говоритъ о связи В. И. съ секундъ-майоромъ Сырохневымъ, тоже проситъ развода, но уже не упоминаетъ о разрѣшеніи второго брака.

10. Къ стр. 200. Вотъ одинъ изъ источниковъ, откуда могло зародиться и утвердиться извѣстіе о ненормальномъ состояніи Суворова 27 іюля. Чиновникъ Потемкинской канцеляріи Цебриковъ, въ поденномъ своемъ журналѣ говоритъ, что 27 іюля, послѣ обѣда „разженный крѣпкими напитками генералъ-аншефъ Суворовъ“ выступилъ съ батальономъ по направленію къ стѣнамъ Очаковской крѣпости, безъ всякаго со стороны Турокъ повода. Турки прежде всего выгнали противъ него огромную стаю собакъ, затѣмъ вышли сами за ровъ и хотя были прогнаны, но снова обратились на батальонъ, перебили большую его часть, а остальныхъ отбросили. Послѣ этого успѣха. Турки опять переправились черезъ ровъ и напали на Русскихъ; эти послѣдніе скоро были подкрѣплены новымъ батальономъ, сотнею казаковъ и нѣсколькими эскадронами легкой конницы, но и Турки получили разновременно до 5000 подмоги, такъ что въ концѣ концовъ одолѣли. Нашимъ войскамъ пришлось бы худо, еслибы не подоспѣлъ Репнинъ съ третьимъ батальономъ и кирасирскимъ полкомъ. А Потемкинъ „по человѣколюбивому и сострадательному сердцу, не могъ не пролить потоки слезъ, слыша такія печальныя вѣсти, и когда ему сказано было, что любимый его полкъ кирасирскій поведенъ противъ непріятеля, то онъ: „о Боже мой, вы всѣхъ рады отдать на жертву симъ врагамъ“.

Едва ли требуетъ опроверженія это наивное писаніе, украшенное риторическими цвѣтами дѣтскаго краснорѣчія: оно написано въ тонъ съ Потемкинскимъ взглядомъ на дѣло, и авторъ его старается всѣми силами кадить своему могущественному начальнику.

11. Къ стр. 205. Въ первомъ изданіи было, между прочимъ, сказано, что на кампанію 1789 года Суворовъ не попалъ въ списокъ генералитета дѣйствующей арміи и получилъ въ командованіе дивизію лишь вслѣдствіе своей жалобы Императрицѣ на этотъ пропускъ. Ближайшее знакомство съ предметомъ по первоначальнымъ и дополнительнымъ источникамъ приводитъ къ заключенію, что фактъ этотъ или извращенъ сильнымъ преувеличеніемъ,

или просто выдуманъ, а потому во второмъ изданіи нашей книги не нашелъ себѣ мѣста.

12. Къ стр. 216. Арнаутами назывались Молдаване и Валахи и отчасти люди другихъ племенъ Балканскаго полуострова, добровольно вступавшіе въ русскую службу со своимъ конемъ и вооруженіемъ, за что получали по червонцу въ мѣсяцъ, провіантъ и фуражъ. Они были очень худые солдаты и отчаянные грабители, нимало не щадившіе своихъ соотчичей.

13. Къ стр. 238. Есть свидѣтельство, что диспозиція къ штурму была составлена до засѣданія военнаго совѣта и что ее написалъ Рибасъ. Это весьма возможно и даже вѣроятно. По другому извѣстію, штурмъ долженъ былъ начаться за $^1/_4$ часа до свѣта, во избѣжаніе большого безпорядка отъ ночной темноты, но генералы предпочли ночь въ разсчетѣ, что между Турками подымется большая сумятица, которая должна облегчить успѣшный исходъ штурма.

14. Къ стр. 243. Такъ разсказали этотъ случай одни, другіе же передаютъ его иначе. По словамъ двухъ знатныхъ иностранцевъ, участвовавшихъ въ штурмѣ, Ришелье и Ланжерона, сераскиръ ожидалъ Русскихъ съ пистолетомъ и обнаженной саблей, окруженный музыкантами; музыка играла, какъ бы издѣваясь надъ Русскими. Бастіонъ, гдѣ находился сераскиръ, вмѣщалъ въ себѣ 3—4000 Турокъ, тутъ были и женщины. Когда Русскіе ворвались, то одинъ изъ волонтеровъ, англичанинъ Foł, морской офицеръ, бросился на сераскира, чтобы взять его въ плѣнъ, но сераскиръ выстрѣлилъ изъ пистолета и нанесъ ему смертельную рану. Выстрѣлъ этотъ послужилъ Русскимъ какъ бы сигналомъ; они ринулись на непріятеля съ общимъ грознымъ крикомъ. Турки не оборонялись, отъ чрезмѣрной ли усталости или по своему фатализму, хотя ихъ было тутъ не меньше Русскихъ. Произошло безпощадное побоище, въ которомъ Турки были всѣ перебиты.

15. Къ стр. 243. Распространенъ анекдотъ, будто Суворовъ назначилъ Кутузова комендантомъ Измаила и послалъ ему это сказать въ самый критическій моментъ, когда замѣтилъ въ 6 колоннѣ колебаніе. Это не могло быть потому, что тогда стояла полная ночь, и Суворовъ не могъ видѣть того, что происходило у Кутузова, тѣмъ паче, что находился отъ 6 колонны далеко, Кутузовъ же за подкрѣпленіемъ къ нему не посылалъ и обошелся своими средствами.

16. Къ стр. 248. По всей вѣроятности это письмо Австрійскаго императора дало поводъ нѣкоторымъ писателямъ утверждать, что передъ началомъ боя курьеръ привезъ предписаніе Потемкина, отмѣняющее штурмъ, но Суворовъ, будто бы догадываясь о содержаніи бумаги, не велѣлъ допускать до себя посланнаго раньше взятія крѣпости.

17. Къ стр. 251. Выбитая въ честь Суворова медаль изображала его въ львиной шкурѣ, на подобіе Геркулеса, съ надписью: „побѣдихъ". Кажется медали этой Суворовъ въ своихъ рукахъ не имѣлъ.

18. Къ стр. 315. Польскія показанія значительно уменьшаютъ цифры своихъ потерь въ дѣлахъ подъ Крупчицами и Брестомъ, но они оказываются весьма тенденціозными въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ихъ можно повѣрить, о чемъ и объяснено довольно подробно въ первомъ изданіи этой книги. Относительно же Русскихъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что именно въ 1794 году русскія войска были въ значительномъ некомплектѣ, такъ что президентъ военной коллегіи писалъ въ іюлѣ Румянцеву, что «число войскъ у насъ вездѣ велико на бумагѣ, а въ существѣ едва въ половину есть».

19. Къ стр. 327. Этотъ мастерской тактическій пріемъ остался иностранными критиками Суворова или незамѣченнымъ, или приравненъ къ способу дѣйствій первобытныхъ полудикихъ воителей. Такое же мнѣніе распространено и вообще о дѣйствіяхъ Суворова въ Польшѣ; они прямо называются продуктомъ невѣжества, отрицаніемъ всякихъ правилъ. Въ концѣ книги будетъ изложена характеристика Суворова, гдѣ читатель найдетъ отвѣтъ какъ на это, такъ и на другія подобныя обвиненія, а потому во избѣжаніе повтореній мы проходимъ теперь мимо, дозволяя себѣ только одно замѣчаніе: вотъ примѣръ, какъ различно можно освѣтить одинъ и тотъ же фактъ и до какой степени можетъ доходить путаница понятій.

20. Къ стр. 336. Для правильной оцѣнки положенія Суворова въ эту войну и всѣхъ его дѣйствій, необходимо имѣть въ виду, что польскія войска не походили ни на Турокъ, ни на банды Барской конфедераціи, съ которыми ему приходилось до того времени сражаться. Польскія войска, помимо врожденной имъ храбрости, отличались хорошимъ устройствомъ и обученіемъ, особенно артиллерія. Маневрировали Поляки весьма удовлетворительно, совершенно по европейски; многіе изъ ихъ офицеровъ служили передъ тѣмъ въ европейскихъ арміяхъ; не мало въ польскихъ войскахъ было и офицеровъ изъ иностранцевъ. Правда, въ рядахъ находилось много добровольцевъ, которые понижали общій боевой уровень, но они современемъ дисциплинировались и уже не выдѣлялись изъ массы. Только въ томъ случаѣ, если цѣлыя войсковыя части и отряды составлялись исключительно изъ добровольцевъ, они уступали войскамъ регулярнымъ. Особенность и слабая сторона польской арміи заключалась еще въ «косіонерахъ», или «косиньерахъ», т.-е. вооруженныхъ за недостаткомъ ружей косами, насаженными на длинныя древки, а иногда пиками. Они размѣщались обыкновенно въ заднихъ рядахъ, или составляли отдѣльныя колонны и при извѣстномъ подъемѣ духа, мало чѣмъ уступали въ ручномъ бою войсковымъ частямъ, вооруженнымъ ружьями со штыками, чему и бывали многочисленныя доказательства. Если-же въ

послѣднее время кампаніи 1794 года наступило полное разочарованіе въ косиньерахъ, то это потому, что регулярныхъ войскъ стало слишкомъ мало сравнительно съ ними, да и утратили они (тѣ и другія), вслѣдствіе хода войны, душевную силу, кромѣ рѣдкихъ моментовъ возбужденія.

21. Къ стр. 343. У нѣкоторыхъ исторіографовъ Суворова читаемъ, будто передъ штурмомъ пріѣхалъ къ нему курьеръ отъ прусскаго генерала графа Шверина съ извѣщеніемъ, что Пруссаки не могутъ оказать Русскимъ содѣйствія, будучи заняты другими операціями противъ Поляковъ. Суворовъ отпустилъ будто бы курьера по окончаніи штурма, приказавъ передать Шверину то, что видѣлъ. Едва-ли это извѣстіе заслуживаетъ вниманія. Ни въ частной перепискѣ Суворова, ни въ офиціальныхъ документахъ ничего подобнаго нѣтъ, а сходство приводимаго эпизода съ такимъ же, якобы бывшимъ подъ Измаиломъ, внушаетъ къ нему окончательное недовѣріе, хотя на другой день штурма, Суворовъ дѣйствительно отпускалъ нѣсколькихъ прусскихъ офицеровъ.

22. Къ стр. 353. Утромъ въ русскомъ лагерѣ говорили, будто польскія войска, собираясь уходить изъ города, хотѣли увести съ собою короля и русскихъ плѣнныхъ, но народъ, боясь мщенія русской арміи, возсталъ противъ этого замысла и силою помѣшалъ его исполненію. Такъ доносилъ Суворовъ и въ такомъ видѣ передаютъ этотъ случай многіе его исторіографы. Наше-же изложеніе взято изъ показанія самого Вавржецкаго, находившагося въ это время въ Варшавѣ.

23. Къ стр. 355. Въ разныхъ печатныхъ источникахъ и въ донесеніяхъ Суворова читаемъ, будто первоначальное намѣреніе Поляковъ состояло во вторженіи въ австрійскіе предѣлы, но потомъ, вслѣдствіе настойчиваго преслѣдованія Денисова и Ферзена, планъ этотъ былъ оставленъ и рѣшено идти въ Пруссію. Изъ показаній Вавржецкаго видно, что перваго плана онъ никогда не имѣлъ, а постоянно держался второго. Вавржецкій иногда путаетъ въ своихъ показаніяхъ, потому что дѣлая ихъ, не имѣлъ при себѣ документовъ и забылъ подробности, но къ настоящему случаю это не приложимо.

24. Къ стр. 380. Эта мягкость часто даже обманывала, давая поводъ приписывать многимъ поступкамъ Суворова совсѣмъ другія побужденія. Для примѣра укажемъ на одинъ случай. Въ день въѣзда Суворова въ Варшаву, къ нему явился Игнатій Потоцкій и подалъ записку. Въ запискѣ излагалось, что есть два способа успокоить Польшу — раздѣлить ее между тремя союзными державами, или же дать ей хорошую конституцію. Первое рѣшеніе не умиротворитъ Европу, а второе достигнетъ этой цѣли и вполнѣ совпадаетъ съ интересами Россіи, ибо хотя поддержаніе безпорядка въ Рѣчи Посполитой было принципомъ Петра Великаго, но принципъ этотъ былъ

вѣренъ тогда, а не теперь. Тогда Польша отдѣляла Россію отъ Нѣмцевъ, теперь же Россія съ ними соприкасается. Если Екатерина согласится съ такимъ взглядомъ и допуститъ въ Польшѣ умѣренное монархическое правленіе, то Поляки избрали бы королемъ своимъ того, кого она укажетъ: особенно желателенъ былъ бы одинъ изъ русскихъ царевичей. Такова была записка Потоцкаго. Поляки говорятъ, что она произвела на Суворова глубокое впечатлѣніе; что онъ былъ пораженъ силою политическаго ума Потоцкаго и потому записку его немедленно отправилъ къ Екатеринѣ. Между тѣмъ отсылка записки въ Петербургъ была только поступкомъ, соотвѣтствующимъ всей системѣ дѣйствій Суворова, а Потоцкаго онъ постоянно называлъ въ своей частной перепискѣ *вралемъ*.

25. Къ стр. 386. Анекдотъ о ветчинѣ представляется мало вѣроятнымъ, но приведенъ потому, что по свидѣтельству источника, передавалъ его А. П. Ермоловъ, какъ очевидецъ.

26. Къ стр. 408. Нѣкоторые писатели выставляютъ еще претендентомъ на руку графини Натальи Александровны командира Фанагорійскаго полка, полковника Золотухина, намѣченнаго якобы самимъ Суворовымъ въ женихи дочери. Не существуетъ никакихъ данныхъ въ подтвержденіе этого извѣстія. Золотухинъ пользовался большимъ расположеніемъ Суворова, въ качествѣ образцоваго полкового командира, истиннаго воспитанника Суворовской военной школы, много разъ оказавшаго крупныя отличія, особенно при Рымникѣ и Измаилѣ, но въ числѣ близкихъ, домашнихъ людей Суворова его не видать. Золотухинъ былъ убитъ въ 1792 году, во вторую Польскую войну, т.-е. въ то время, когда между Суворовымъ и Хвостовымъ трактовалось дѣло о женихахъ, но при этомъ онъ не былъ упомянутъ ни разу.

27. Къ стр. 409. Это предположеніе какъ будто опровергается словами письма Екатерины къ Гримму въ апрѣлѣ 1795 года; «Суворовъ пригласилъ къ себѣ Николая Зубова и сказалъ ему: вы человѣкъ порядочный и честный, сдѣлайте мнѣ удовольствіе, женитесь на моей дочери. Зубовъ согласился». Но Екатерина въ своихъ письмахъ къ Гримму не всегда говоритъ строгую правду, увлекаясь остроуміемъ, шутливостью, а также пикантностью сообщаемыхъ слуховъ. Суворовъ не могъ сдѣлать Н. Зубову подобнаго предложенія уже потому, что въ то время они не видѣлись, а увидѣлись чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы. Во всякомъ случаѣ Государыня не была безучастной зрительницей этого дѣла; не даромъ же она прибавляетъ Гримму, что лучшей брачной пары, какъ Н. Зубовъ и Суворова, она никогда не видывала.

28. Къ стр. 410. Существуютъ стихи, которые Суворовъ будто бы написалъ дочери, уговаривая ее не противиться его волѣ, и отвѣтныя строфы

дочери, оправдывающей себя недостаткомъ привязанности къ жениху. Подлинность ихъ болѣе чѣмъ сомнительна. Стихотворное посланіе Суворова помѣчено въ печати 4 октября 1794 года; къ этой порѣ могутъ подойти только двое изъ претендентовъ, Эльмптъ и Зубовъ; остальные были раньше. Письмо не касается Эльмпта потому, что онъ получилъ отказъ раньше; не можетъ оно относиться и къ Зубову, потому что дѣло тогда еще съ нимъ не зарождалось, да и мысль объ этомъ бракѣ вышла не отъ Суворова. Отвѣтъ дочери еще сомнительнѣе; она не стала бы упираться противъ воли отца и Императрицы и стихотворствомъ вообще не занималась; наконецъ въ этихъ приписываемыхъ ей стихахъ видна совсѣмъ не она.

29. Къ стр. 432. Въ настоящей главѣ слѣдовало бы еще изложить съ нѣкоторою обстоятельностью Суворовское обученіе войскъ. Это была любимѣйшая и плодотворнѣйшая отрасль дѣятельности Суворова въ мирное время, всюду гдѣ бы онъ ни находился, но въ Тульчинѣ она пріобрѣла особенное развитіе. Здѣсь, во ожиданіи близкой войны съ Франціей, онъ предался своимъ любимымъ занятіямъ такъ усердно и широко, что они наконецъ были замѣчены и однимъ французскимъ эмигрантомъ записаны, въ благое поученіе русской арміи на послѣдующія времена. Къ этому же времени относится окончательная редакція Суворовскаго военнаго катихизиса, называемаго обыкновенно «Наукой побѣждать», (см. въ первомъ изданіи). Но мы обходимъ этотъ предметъ, какъ спеціальный, согласно съ планомъ настоящей книги, (см. предисловіе), тѣмъ паче, что въ разныхъ ея мѣстахъ упоминается про принципы его военнаго искусства въ мѣрѣ, достаточной для составленія о немъ правильнаго понятія, безъ спеціальныхъ цѣлей.

30. Къ стр. 440. Потомъ, въ продолженіе короткаго царствованія Павла I, роздано крѣпостныхъ еще 65.000. Хотя Екатерина роздала крѣпостныхъ больше, до 400.000 душъ, но зато она царствовала много разъ продолжительнѣе своего сына.

31. Къ стр. 467. Рѣдкое сочиненіе о Суворовѣ не украшено описаніемъ драматической сцены прощанія его съ войсками, на разные лады. Все это выдумано. Суворовъ въ порывѣ увлеченія былъ дѣйствительно способенъ на многое такое, на что другой не осмѣлился бы; но тутъ увлеченія не было, и при выходѣ въ отставку онъ испытывалъ непріятность хроническую, съ которою впродолженіи двухъ мѣсяцевъ можно было свыкнуться. Есть и свидѣтельство противъ сцены прощанія; одинъ изъ его адъютантовъ прямо заявляетъ, что подобнаго прощанія совсѣмъ не было. Мало того, что его не было, а просто и быть не могло. Есть ли въ самомъ дѣлѣ малѣйшая возможность допустить, чтобы Суворовъ, уволенный отъ службы и уже сдавшій команду другому, могъ собрать войска или хоть одинъ полкъ, явиться передъ нимъ и держать рѣчь?

32. Къ стр. 470. Вотъ примѣръ изъ болѣе рѣзкихъ. Во всѣхъ почти сочиненіяхъ о Суворовѣ принятъ на вѣру анекдотъ о присылкѣ къ нему отъ Государя фельдъегеря съ пакетомъ. Это могло случиться или въ Кобринѣ, или въ Тульчинѣ, тотчасъ послѣ отставки Суворова. Пріѣзжаетъ, будто бы, фельдъегерь въ то время, когда отставной фельдмаршалъ находился въ банѣ, и требуетъ, чтобы его допустили немедленно. Суворовъ приказываетъ впустить; фельдъегерь входитъ въ жарко-натопленную баню; Суворовъ, парившійся на полкѣ, спрашиваетъ—на чье имя пакетъ и отъ кого присланъ; фельдъегерь отвѣчаетъ, чго отъ Государя, фельдмаршалу графу Суворову. Суворовъ говоритъ ему, что фельдмаршалъ долженъ находиться при арміи, а онъ, Суворовъ, проживаетъ въ деревнѣ, значитъ конвертъ не къ нему, и онъ его не приметъ. Несмотря на убѣжденія фельдъегеря, Суворовъ остается при своемъ, и фельдъегерь принужденъ уѣхать съ пакетомъ обратно. Все это на правду не похоже. Императоръ Павелъ былъ большой ригористъ на счетъ всякихъ формъ, а потому назвать фельдмаршаломъ того, кто имъ въ дѣйствительности не былъ, онъ никакъ не могъ. Отнятіе отъ Суворова его высокаго званія, притомъ въ недавнее время, за цѣлый рядъ провинностей, тоже противорѣчитъ возможности подобнаго его титулованія Государемъ, не говоря уже про то, что съ точки зрѣнія Павла I, такое именованіе Суворова отъ монаршаго лица было бы равносильно возвращенію ему фельдмаршальскаго званія.

33. Къ стр. 485. Въ письмѣ одной дамы высшаго круга отъ іюня 1796 года читаемъ: „Вижу графиню Зубову при дворѣ ежедневно и очень съ нею сблизилась, потому что она очень добраго сердца и очень глупа.... Я сказала ей—заставьте вашего брата писать каждую почту къ матери; жестоко оставлять несчастную и бѣдную мать въ сторонѣ, вдали отъ дѣтей, которыя совершенно ее забыли. Притомъ она въ такой бѣдности, что едва ли выдержитъ и наложитъ на себя руки; когда ее видѣли въ послѣдній разъ, она была въ самомъ жалкомъ положеніи; а теперь, говорятъ, еще хуже... Зубова на то сказала, что братъ ея пишетъ матери каждую почту, а она, Зубова, отправляетъ эти письма; однако есть обстоятельства, которыя не дозволяютъ ей къ матери писать“.

34. Къ стр. 488. Николевъ несъ службу безвозмездно и пріѣхавъ въ Москву, донесъ генералъ-прокурору, что жилъ въ Кончанскѣ 5 мѣсяцевъ на свой счетъ, по бѣдности съ трудомъ добрался до Москвы, а потому проситъ хоть небольшого награжденія. Еще раньше, въ началѣ января, онъ просилъ о томъ же, говоря, что „своимъ настоящимъ положеніемъ по рвенію къ службѣ Его Императорскаго Величества удовлетворяется сердечно, но находится безъ жалованья“, а потому ходатайствуетъ о снятіи съ его имѣнія секвестра и о денежномъ пособіи. Жизнь его въ селѣ Кончанскомъ была дѣйствительна не легка; жить приходилось въ простой избѣ, питаться чѣмъ

попало, да и доставать все было очень трудно, а Суворовъ конечно ему ни въ чемъ не помогалъ. Но за то служба при Суворовѣ открыла ему карьеру: ему пожаловали 5000 рублей; въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ получилъ три чина; въ томъ же году былъ командированъ въ ярославскую губернію для развѣдокъ о замыслахъ крестьянъ, намѣревавшихся произвести безпорядки; потомъ его послали въ Калугу для разузнаванія о злоупотребленіяхъ губернатора и чиновниковъ, по сдѣланному доносу. Послѣ того, уже въ числѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Николевъ ѣздилъ въ Батуринъ, для собиранія свѣдѣній о Кириллѣ Разумовскомъ, его сынѣ, бывшемъ посланникѣ въ Вѣнѣ и другихъ окружающихъ; въ Москву для того же относительно двухъ Куракиныхъ, Плещеева и княжны Долгоруковой; въ Шкловъ для развѣдыванія о Зоричѣ и проживавшихъ тамъ отставныхъ и исключенныхъ изъ службы; на Донъ для разъясненія и провѣрки анонимной жалобы на двухъ генераловъ Иловайскихъ. Всѣ эти порученія онъ исполнилъ, не выставляя на показъ одну черную сторону и не злоупотребляя своими опасными для другихъ полномочіями. Однако въ одномъ изъ своихъ донесеній онъ говоритъ: „всѣ меня боятся и отъ меня бѣгаютъ“ и проситъ награды. Наконецъ, въ іюнѣ 1800 года онъ, уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, назначенъ новороссійскимъ гражданскимъ губернаторомъ. При Суворовѣ служба Николева послѣ бытности его въ селѣ Кончанскомъ уже не возобновлялась.

35. Къ стр. 517. Въ штабѣ Суворова дѣйствительно состояло одно лицо въ роли наблюдателя, такъ какъ 1 марта состоялось высочайшее повелѣніе о пожалованіи сенатскаго регистратора Алексѣя Евенкова въ коллежскіе секретари, съ назначеніемъ его быть при Суворовѣ. Но если Евенковъ и былъ приставленъ къ Суворову съ цѣлью наблюденія за нимъ и соотвѣтствующихъ донесеній, но представлялъ собою такую ничтожную величину, которая могла быть не принимаема въ разсчетъ. Назначеніе его было, по всей вѣроятности, однимъ изъ многочисленныхъ капризовъ Государя; въ дѣлахъ тайной экспедиціи нѣтъ объ этомъ ничего. Тайная экспедиція была учрежденіемъ небольшимъ, ее составляли въ то время начальникъ Макаровъ, два его секретаря, три чиновника канцеляріи и два для порученій. Въ числѣ этихъ лицъ Евенковъ не значится, ни въ канцелярскихъ, ни для порученій; этими послѣдними были Николевъ и Фуксъ; перваго мы знаемъ, о второмъ будетъ рѣчь впереди.

36. Къ стр. 523. Между прочимъ, Суворову предписывалось направить свои усилія въ Ломбардію и въ страну по лѣвому берегу р. По, ибо достигнутые успѣхи оградятъ тогда южный Тироль отъ непріятеля, освободятъ отъ Французовъ полуденную Италію и дадутъ возможность усилить союзную армію въ Италіи частью тирольскихъ войскъ. Согласно съ этимъ, Суворовъ долженъ былъ отрядить часть войскъ въ Палезину и въ низовья По, для наблюденія за непріятелемъ со стороны Феррары, а съ главными силами

двинуться къ Минчію, перейти ее, овладѣть Пескьерою и потомъ или осадить Мантуу, или блокировать ее, продолжая наступленіе къ рѣкамъ Оліо и Аддѣ. Предположенія свои о дальнѣйшихъ затѣмъ дѣйствіяхъ, Суворовъ обязанъ былъ представить Императору. Наконецъ, чтобы вниманіе его, Суворова, не было отвлекаемо отъ главныхъ военныхъ соображеній заботами о предметахъ побочныхъ, поручено генералу Меласу вести съ гофкригсратомъ переписку о продовольствіи и другихъ потребностяхъ арміи, т.-е. передана въ его вѣдѣніе вся матеріальная часть.

37. Къ стр. 546. Нѣкоторые повѣствуютъ, будто Суворовъ, при въѣздѣ въ Миланъ, подшутилъ надъ Миланцами довольно безцеремонно. А именно, онъ ѣхалъ за встрѣчавшимъ его духовенствомъ, верхомъ, въ сопровожденіи Шателера и двухъ адъютантовъ, а предшествовали духовенству остальные высшіе чины арміи, во главѣ которыхъ находились двое—генералъ Ферстеръ и статскій совѣтникъ Фуксъ въ шитомъ мундирѣ дипломатическаго чиновника. Фуксъ, изображая изъ себя Суворова, любезно раскланивался на обѣ стороны, за что потомъ Суворовъ его и благодарилъ. Все это повѣствованіе вышло изъ сомнительнаго источника. Суворову естественно слѣдовало ѣхать или впереди, или позади всѣхъ, онъ выбралъ послѣднее и взялъ съ собою очень маленькую свиту вовсе не для того, чтобы стушеваться въ процессіи, а скорѣе напротивъ. Понятно также, что народъ встрѣтилъ криками Фукса и Ферстера, какъ первыхъ, не зная кто они, а такъ какъ они сочли долгомъ отвѣчать на привѣтствія, то встрѣчавшіе и были введены въ заблужденіе. Благодарить потомъ Фукса за поклоны Суворовъ не могъ, потому что за отдаленностью не могъ ихъ и видѣть, а въ одномъ изъ его писемъ находимъ намекъ на то, что онъ вовсе не былъ доволенъ происшедшей мистификаціей.

38. Къ стр, 549. По Суворовскому плану предполагалось, не ожидая взятія крѣпостей въ тылу, меньшую часть арміи оставить для ихъ осады, а съ остальною продолжать наступленіе, препятствуя соединенію Макдональда съ Моро. Съ этою цѣлью перейти рѣки Тичино и По, двинуться на Макдональда, разбить его и потомъ обратиться къ Турину, къ арміи Моро. Связь между осадною и дѣйствующею арміями союзниковъ поддерживать двумя отрядами; по взятіи Мантуи и Пескьеры обложить Тортону и овладѣть Генуей при содѣйствіи англійскаго флота. Сѣверную Италію прикрывать со стороны Швейцаріи двумя отрядами тирольской арміи, которые помогаютъ въ тоже время вытѣснить Французовъ съ верховій Рейна и Инна. Командующій тирольскою арміей Бельгардъ двигается въ Граубинденъ, а эрцъгерцогъ Карлъ съ рейнскою арміей направляется между Базелемъ и Констанцемъ въ тылъ Массены. Послѣ этого итальянская и тирольская арміи наступаютъ одною колонной къ Тунскому озеру и Берну, а другою въ верховья Соны и по сѣверному берегу Женевскаго озера.

39. Къ стр. 592. Есть свидѣтельство, будто Суворовъ выразился, что еще такая побѣда, какъ на Треббіи, и Французы будутъ въ Вѣнѣ. Это едва ли правда, такъ какъ потеря Французовъ была гораздо значительнѣе союзной. Суворовъ могъ это сказать подъ какимъ либо мимолетнымъ впечатлѣніемъ, въ видѣ досаднаго слова. Но для вѣрной оцѣнки сужденій Суворова всегда слѣдуетъ принимать въ разсчетъ подвижность и впечатлительность его натуры, иначе нельзя будетъ выбраться изъ массы противорѣчій и въ результатѣ получится весьма невѣрное о немъ представленіе.

40. Къ стр. 594. Въ большомъ ходу анекдотъ, будто въ одинъ изъ тяжелыхъ моментовъ боя (вѣроятно 8 числа), Меласъ прислалъ къ Суворову адъютанта съ вопросомъ — куда отступать, а Суворовъ отвѣчалъ: „въ Піаченцу“, т.-е. не назадъ, а впередъ. Въ дѣйствительности этого не было. До Суворова дошелъ послѣ слухъ, будто Меласъ послалъ ему „цидулку“ о томъ, что въ диспозиціи ничего не упомянуто про пути отступленія; но Суворовъ этой записки не видалъ, значитъ и отвѣта на нее не давалъ.

Другой случай, очень прискорбный, произошелъ въ Піаченцѣ, гдѣ нѣсколько русскихъ офицеровъ обобрали въ госпиталѣ раненаго французскаго генерала Сальма. Получивъ на это жалобу, Суворовъ приказалъ разжаловать виновныхъ въ рядовые, а потомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ наказать палками. Хотя много можно всрѣтить въ иностранныхъ источникахъ лжи о Суворовѣ и Русскихъ, но настоящій случай едва ли принадлежитъ къ злостнымъ вымысламъ, ибо его передаетъ одинъ изъ панегиристовъ Суворова.

41. Къ стр. 607. Разумовскій былъ болѣе космополитъ, чѣмъ русскій. Нельзя сказать, чтобы онъ не любилъ Россію; онъ ее любилъ, но какою-то недоразвитою любовью. Чувство это было платоническое, понятіе отвлеченное. Ему было очень трудно писать по русски, а жить въ Россіи еще труднѣе, почти невозможно; до того онъ свыкся съ западомъ вообще, съ Вѣной въ особенности. Здѣсь родилась его жена; здѣсь черезъ нее онъ породнился съ первыми аристократическими фамиліями Австріи; здѣсь развилась у него страсть къ музыкѣ, и онъ сдѣлался ея любителемъ и знатокомъ. Своею важнѣйшею дипломатическою задачей онъ считалъ сохраненіе, насколько отъ него зависѣло, политическаго положенія Европы и поддержаніе основъ стараго, отжившаго политическаго и общественнаго строя. Считая свой образъ дѣйствій безусловно отвѣчающимъ благу Европы, Разумовскій не замѣчалъ, что Австрія преслѣдуетъ свои собственныя, эгоистическія цѣли, что Тугутъ завладѣлъ имъ совершенно и что онъ, русскій посолъ, часто дѣйствуетъ, хотя и безсознательно, въ прямой ущербъ русскому достоинству.

42. Къ стр. 612. Диспозиція Суворова не сохранилась ни въ документахъ, ни въ литературѣ, но въ ея существованіи усомниться нельзя. Имѣются кромѣ того указанія, что Суворовъ принялъ свое рѣшеніе послѣ военнаго

совѣта—по однимъ, послѣ совѣщанія съ Меласомъ—по другимъ. Послѣднее совсѣмъ не въ духѣ Суворова и не имѣетъ ни повода, ни цѣли; военный же совѣтъ весьма возможенъ, только не съ тѣмъ, чтобы найти въ немъ рѣшеніе, а чтобы перелить въ другихъ свое рѣшеніе, которое безъ сомнѣнія у него уже было.

43. Къ стр. 617. Въ книгѣ г. Орлова «Суворовъ», изложена догадка, что атака Края имѣла значеніе демонстративное, а атака Суворова по направленію на Нови была рѣшительнымъ ударомъ на самый важный пунктъ позиціи. Сообразно съ этою основною мыслью объяснено и все сраженіе при Нови. Догадка г. Орлова очень остроумна, но въ документальномъ смыслѣ бездоказательна, такъ что придать ей историческое значеніе нельзя.

44. Къ стр. 629. Этимъ „выдумщикомъ“ оказался отставной чиновникъ Тодорскій, принимавшій участіе въ печатаніи „мнительно пожалованной звѣзды“ князю Италійскому. За свою провинность Тодорскій былъ выдержанъ мѣсяцъ на гаубтвахтѣ, на хлѣбѣ и водѣ.

45. Къ стр. 652. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Суворовской войны 1799 года, г. Орловъ, старается доказать, что принятый Суворовымъ планъ Швейцарской кампаніи вовсе не заслуживаетъ охужденія. Вопросъ этотъ разработанъ критикой обстоятельно и основательно, что бываетъ не часто, и внимательное изученіе дѣла, а вмѣстѣ съ нимъ и критическихъ изслѣдованій, не дозволяетъ признать попытку г. Орлова достигающею своей цѣли.

46. Къ стр. 660. Многіе иностранные писатели порицаютъ Суворова за его упорныя фронтальныя атаки, для облегченія которыхъ онъ только вечеромъ послалъ обходныя колонны. Обвиненіе это опровергается вышеприведеннымъ изложеніемъ дѣла. Скорѣе можно сказать, что онъ, какъ при Нови, и въ силу тѣхъ же причинъ, былъ слишкомъ нетерпѣливъ; но данныя для этого сужденія имѣются только теперь, когда весь ходъ дѣла ясенъ, а въ то время разсчитать фронтальную атаку одновременно съ фланговою было невозможно по однимъ свойствамъ мѣстности, не говоря про другія препятствія. Атакѣ С Готара могъ бы посодѣйствовать Розенбергъ, но онъ замѣшкался.

47. Къ стр. 666. Переходъ Суворова чрезъ Чортовъ мостъ описанъ историками весьма разнообразно и съ несогласимыми противорѣчіями. Трудно принять за безусловно-вѣрное и изложеніе гр. Милютина, даже объ устройствѣ самого моста, если сопоставить его со свидѣтельствомъ участника и очевидца Толя, находившагося при передовомъ батальонѣ, что какъ видно гр. Милютину было неизвѣстно. Есть и у Толя явныя погрѣшности или недо-

молвки, но онъ не могъ ошибаться, такъ сказать, въ тонѣ самаго дѣла. И хотя въ послѣдніе годы появился новый источникъ, свидѣтельство другого очевидца, Грязева, но этотъ источникъ ничего не разъясняетъ, а только прибавляетъ тумана и путаницы, противорѣча тѣмъ сторонамъ изслѣдованія, которыя имѣютъ за себя несравненно большую степень достовѣрности, чѣмъ повѣствованіе Грязева.

48. Къ стр. 666. Слабая оборона и неполная порча Чортова моста дали нѣкоторымъ поводъ заключать, будто Лекурбъ заманивалъ Суворова въ глубь долины Рейсы, откуда ему не было выхода и гдѣ Русскіе должны были поэтому погибнуть. Эта догадка страдаетъ натянутостью; Лекурбу было вовсе не до грандіозныхъ замысловъ, онъ самъ рисковалъ быть отрѣзаннымъ и окруженнымъ и заботился единственно о томъ, чтобы выйти изъ своего затруднительнаго положенія.

49. Къ стр. 679. Есть еще другой паралельный разсказъ о томъ же военномъ совѣтѣ, именно Грязева, но значительно отличающійся отъ записаннаго «старымъ воиномъ». Оба разсказа вышли изъ одного источника, именно отъ князя Багратіона, но свидѣтельство „стараго воина“ должно быть предпочтено Грязевскому, какъ заслуживающее бо́льшаго довѣрія, въ силу сравнительной характеристики обоихъ авторовъ, изложенной въ отдѣлѣ „Дополнительные источники“.

50. Къ стр. 686. Есть извѣстіе, будто Суворовъ не былъ доволенъ сраженіемъ въ Муттенталѣ и обошелъ Розенберга въ представленіи къ наградамъ, но это свѣдѣніе страдаетъ нелогичностью и не можетъ быть принято раньше подтвержденія его другимъ источникомъ, независимымъ отъ перваго. Гораздо достовѣрнѣе пока другое, утверждающее, что 20 сентября примирило Суворова съ Розенбергомъ и исправило ихъ взаимныя отношенія.

51. Къ стр. 697. Памятникъ этотъ открытъ въ Петербургѣ Императоромъ Александромъ I, въ маѣ 1801 года, при торжественной обстановкѣ. Первоначально онъ стоялъ на Марсовомъ полѣ, а потомъ перенесенъ ближе къ Невѣ, гдѣ и нынѣ находится. По содержанію памятника этого видно, что онъ возведенъ Суворову не за все его боевое поприще, а только за послѣднюю кампанію 1799 года.

52. Къ стр. 707. Достойно вниманія сдѣланное въ этомъ письмѣ къ Колычеву исчисленіе плѣнныхъ: „Пещись объ обмѣнѣ нашихъ плѣнныхъ, коихъ простирается 4 генерала, 150 офицеровъ и до 4500 рядовыхъ; въ семъ числѣ при переходѣ горъ, за неимѣніемъ никакихъ подводъ, оставлено нами до 800, въ Цюрихѣ захвачено 3500, да разномѣстно имъ доставлено 200». Счетъ этотъ конечно относится до всей кампаніи.

53. Къ стр. 714. Копія съ этого портрета тогда же написана самимъ художникомъ Шмидтомъ пастелью (какъ и оригиналъ), для барона Бюлера, дипломатическаго чиновника, состоявшаго въ то время при Суворовѣ, и перешла потомъ къ сыну его, барону Ф. А. Бюлеру, нынѣ умершему.

54. Къ стр. 759. Въ новѣйшее время, въ нѣмецкой литературѣ появилось сочиненіе, тоже принадлежащее къ исключеніямъ въ пользу Суворова. См. «Дополнительные источники: Австрійскій писатель о русскомъ полководцѣ». Кромѣ того, въ самое послѣднее время, именно въ минувшемъ 1899 году, извѣстный ученый, сенаторъ и эксъ-министръ Рамбо прочелъ въ Сенъ-Сирской школѣ нѣсколько лекцій, посвященныхъ Суворову, вовсе не совпадающихъ съ шаблонными французскими взглядами на нашего генералисимуса.

55. Къ стр. 773. Въ интересахъ полноты и безпристрастія скажемъ еще, что по нѣкоторымъ утвержденіямъ, храбрость Суворова исходила изъ винныхъ паровъ. Обвиненіе это слишкомъ нелѣпо и противорѣчитъ каждой страницѣ его исторіи, но все таки и для него можно подыскать основаніе. Имѣется свѣдѣніе, что Суворова въ бою сопровождалъ казакъ, возившій скляницу крѣпкаго пунша, который якобы Суворовъ называлъ лимонадомъ, пилъ его безпрестанно, а потому постоянно находился въ возбужденномъ состояніи. Приводимое свидѣтельство относится до третьей Польской войны, есть единичное, никакимъ другимъ источникомъ не подтверждается, а нѣкоторыми косвенно опровергается.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Главная часть матеріала, вошедшаго въ первое изданіе этой книги, была почерпнута изъ источниковъ или мало-извѣстныхъ, или вовсе неизвѣстныхъ. Такимъ образомъ на долю второго изданія осталось очень немногое, частью пропущенное въ первомъ изданіи, частью появившееся въ свѣтъ послѣ него. Тѣмъ не менѣе дополнительный матеріалъ въ послѣдніе 16 лѣтъ всетаки набрался и внесъ въ частности и подробности нѣкоторыя дополненія и перемѣны, мѣстами довольно замѣтныя. Поэтому признается необходимымъ, слѣдуя плану перваго изданія, указать на тѣ дополнительные источники, которыми авторъ книги пользовался для изданія второго. Они распадаются на двѣ рубрики: рукописные и печатные.

Рукописи.

Автографы и Архивъ Попова, хранящіеся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки, въ Петербургѣ. Отсюда получено впрочемъ немногое.

Письма Суворова, въ домашнемъ архивѣ Е. Е. Новосильцевой. Письма эти были даны на разсмотрѣніе автору книги, благодаря любезному содѣйствію В. В. Стасова. Отсюда почерпнуто также очень немногое.

Печатныя книги и статьи.

А. В. Суворовъ среди преобразователей Екатерининскаго времени, Н. Дубровина, 1886.

Цѣль этой небольшой книжки—доказать, что военныя преобразованія той эпохи вообще, а тактическія въ частности, были подготовлены временемъ и создались совокупными усиліями дѣятелей Екатерининскаго періода, а не одного Суворова. Суворовъ есть не создатель, а выразитель новыхъ формъ и общихъ стремленій; съ именемъ его нѣкоторые ошибочно соединяютъ

понятіе, какъ о создателѣ новаго строя въ русской арміи. Согласно съ этимъ г. Дубровинъ называетъ свою книгу попыткой прослѣдить, что принадлежитъ Суворову, и что другимъ. Слѣдовательно книга г. Дубровина трактуетъ о предметѣ, занимающемъ въ нашей характеристикѣ Суворова мѣсто второстепенное, даже ниже, такъ какъ въ суммѣ элементовъ, изъ которыхъ сложился *побѣдный* Суворовъ, формы строя играютъ роль совершенно-незначительную. Да и вообще, какъ преобразователь внѣшнихъ формъ военнаго дѣла, онъ стоитъ или вровень со своими современниками—Румянцевымъ и Потемкинымъ, или въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ниже ихъ, что не мѣшаетъ ему занимать въ русскихъ военныхъ лѣтописяхъ мѣсто особое, гораздо выше и ихъ, и всѣхъ другихъ. Въ ряду ихъ Суворовъ есть явленіе исключительное по размѣрамъ военнаго дарованія, по оригинальности военнаго искусства и по самобытности своей военной теоріи. Поэтому онъ не можетъ быть названъ ни естественнымъ продуктомъ своего вѣка, ни логическимъ шагомъ предшествовавшей русской военной исторіи. Никакихъ фактическихъ данныхъ къ признанію за нимъ подобнаго „историческаго" происхожденія мы не находимъ.

Книга г. Дубровина, при всемъ своемъ спеціальномъ характерѣ, содержитъ много матеріала и указаній на источники для занимающихся тѣмъ же предметомъ. И хотя наибольшая доля этого матеріала была извѣстна автору настоящей книги раньше, но все таки онъ нашелъ въ почтенномъ трудѣ г. Дубровина нѣсколько новыхъ свѣдѣній, которыми и воспользовался при настоящемъ изданіи.

Суворовъ, разборъ его военныхъ дѣйствій въ Италіи, Орлова, 1892.

Тщательное, добросовѣстное и умѣлое изслѣдованіе, съ частными выводами котораго можно однако согласиться не со всѣми, о чемъ и сдѣланы въ подлежащихъ мѣстахъ нашей книги нѣкоторыя оговорки, или поясненія. Что касается до книги г. Орлова по отношенію собственно къ нашему настоящему, второму изданію, то заимствованія изъ нея немногочисленны и не первостепеннаго значенія.

Воспоминанія Суворовскаго солдата, Д. Масловскаго, 1895.

Эта небольшая книжка не имѣетъ особеннаго значенія. Разсказчикъ помнитъ очень немногое, ибо слова его записаны чрезъ столѣтіе послѣ излагаемыхъ событій или около того, да и кругозоръ „Суворовскаго солдата" поменьше, чѣмъ нѣкоторыхъ другихъ однородныхъ источниковъ той же эпохи (наприм. „Разсказы стараго воина", см. наше первое изданіе, т. 3, стр. 436). Во всякомъ случаѣ книжка эта принадлежитъ къ категоріи матеріала (разсказы очевидцевъ) исчезающаго, даже почти исчезнувшаго къ настоящему времени; матеріаломъ этимъ надо дорожить, тѣмъ паче, что подобные разсказы содержатъ въ себѣ элементъ бытовой, т.-е. самый цѣнный, котораго въ офиціальныхъ архивныхъ документахъ не найти.

Записки Грязева, участника послѣдней Суворовской кампаніи 1799 года. Н. Орлова.

По этимъ запискамъ изложенъ г. Орловымъ походъ Суворова въ Италіи и Швейцаріи, въ пяти статьяхъ, помѣщенныхъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1894 и 1896 годовъ (статьи потомъ изданы отдѣльной книжкой). Грязевъ, будучи оберъ-офицеромъ, т.-е. занимая въ арміи очень скромное положеніе, тѣмъ не менѣе часто говоритъ о себѣ и своихъ подвигахъ, выдвигаетъ себя впередъ, рисуется и повѣствуетъ многое такое, что возбуждаетъ сильное сомнѣніе. Онъ много бы выигралъ, еслибы былъ посдержаннѣе и попроще. Пишетъ онъ кудревато, вѣрнѣе сказать не пишетъ, а сочиняетъ, притомъ довольно неуклюже, вродѣ Фукса (см. первое наше изданіе, 3 т., стр. 441—442), такъ что мѣстами не сразу доберешься до смысла. Все это очень жаль, ибо матеріалъ могъ бы быть богатый; да и въ настоящемъ видѣ его можно признать дорогимъ, хотя количественно онъ довольно ограниченъ, а качественно не всегда достовѣренъ, иногда же и прямо ошибоченъ. Грязевъ уступаетъ наприм. „Старому воину“, который искреннѣе, безъискуственнѣе, наивнѣе, менѣе претенціозенъ и не становится на ходули. При всемъ томъ нельзя не привѣтствовать сохраненіе записокъ Грязева и появленіе ихъ въ печати, какъ современный документъ для исторіи Суворовской кампаніи 1799 года.

Русская армія въ Семилѣтнюю войну, Масловскаго, 1886.

Строевая и полевая служба русскихъ войскъ, его-же, 1883.

Русская армія Екатерины II, его-же (Воен. Сборникъ 1892).

Изъ этихъ трехъ сочиненій, болѣе подходили къ потребностямъ второго изданія нашей книги первое и третье. Во всѣхъ трехъ сочиненіяхъ очень много свѣдѣній совершенно новыхъ, нигдѣ доселѣ не встрѣчавшихся; есть даже цѣлые отдѣлы, составленные изъ данныхъ, впервые увидѣвшихъ свѣтъ. Трудолюбіе, неутомимость и настойчивость автора въ розыскиваніи новыхъ источниковъ замѣчательны, и труды его, являющіеся результатомъ подобныхъ изысканій, достойны полнаго уваженія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его оцѣнка многихъ печатныхъ источниковъ не совсѣмъ вѣрна, и взглядъ на исключительную важность архивнаго матеріала страдаетъ сильною односторонностью. Первостепенное значеніе офиціальнаго архивнаго матеріала никто, конечно, отрицать не станетъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что источники этой категоріи представляютъ обыкновенно лицевую, казовую сторону дѣла, которая зачастую изображаетъ не истину, а прямо-таки ложь. Стоитъ только припомнить сраженіе при Козлуджи, офиціальное изображеніе котораго скрываетъ истину, прячетъ ее, кромѣ развѣ техническихъ подробностей дѣла, да и то условно. И если бы историческая критика руководилась одними офиціальными, архивными документами, пренебрегая данными частнаго значенія, то построенныя на такихъ исключительныхъ условіяхъ историческія произведенія имѣли бы характеръ служебно-офиціальный, такъ сказать казенный, а не научный, потому что

наука строится на изслѣдованіи всестороннемъ. Если къ этимъ соображеніямъ прибавить еще то обстоятельство, что почтенный авторъ трехъ перечисленныхъ книгъ чрезмѣрно увлекается національной идеей въ ущербъ истинѣ, объективно принимаемой, то вѣроятно станетъ понятно, почему мы, пользуясь матеріалами г. Масловскаго, очень осторожно относились къ его конечнымъ выводамъ и приходили нерѣдко къ заключеніямъ, совсѣмъ расходившимся съ его заключеніями.

Русская армія во время кончины Екатерины II, изъ записокъ графа Ланжерона.

Подъ этимъ или подъ подобнымъ заглавіемъ помѣщенъ рядъ статей въ Русской Старинѣ 1895 г., въ Русской Мысли 1896 г. (Брикнеръ) и въ Историческомъ Вѣстникѣ 1895 г. (подъ заглавіемъ князь Потемкинъ). Ланжеронъ, французскій эмигрантъ, прослужившій въ Россіи нѣсколько десятилѣтій, извѣстный генералъ и администраторъ, хорошо зналъ Потемкина, Суворова, Репнина и друг. и былъ близко знакомъ съ предметомъ, который описалъ. Это одинъ изъ компетентнѣйшихъ судей того времени, просвѣщенный, свѣдущій и если не строго безпристрастный, то только въ томъ, что любитъ накладывать слишкомъ густыя краски и проводить черезчуръ темныя тѣни. Его записки напечатаны у насъ (въ переводѣ) не цѣликомъ, а въ довольно отрывочныхъ извлеченіяхъ, но и изъ этого урѣзаннаго матеріала видно, что мемуары Ланжерона займутъ весьма видное мѣсто въ ряду однородныхъ источниковъ. Достоинство ихъ возвышается еще тѣмъ, что Ланжеронъ перечитывалъ свои записки спустя 30 лѣтъ по написаніи и дѣлалъ на нихъ дополнительныя отмѣтки. Нужно еще прибавить, что взгляды Ланжерона на бытъ русской арміи конца прошлаго столѣтія, въ сущности совсѣмъ не открываютъ что нибудь новое, доселѣ неизвѣстное, а только подтверждаютъ, разъясняютъ и усиливаютъ то, что изслѣдователь находитъ въ другихъ наиболѣе надежныхъ источникахъ. Оттого въ новомъ изданіи нашей книги, записки Ланжерона вносятъ очень рѣдко какія либо измѣненія, а почти всегда подтвержденіе того, что уже находилось въ первомъ изданіи.

Австрійскій писатель о русскомъ полководцѣ, Агапѣева.

Подъ этимъ заглавіемъ въ Военномъ Сборникѣ 1898 года, мартъ и апрѣль, помѣщены двѣ статьи о вышедшемъ въ 1896 году въ свѣтъ сочиненіи Geist und Stoff im Kriege, C. von B. K. Книга эта есть изслѣдованіе развитія военнаго искусства въ прошломъ столѣтіи и заключаетъ въ себѣ очень рѣдкое въ иностранныхъ литературахъ опроверженіе существующаго тамъ шаблоннаго взгляда на Суворова. Ограничиваясь свѣдѣніями, изложенными въ статьяхъ Агапѣева, можно сказать, что авторъ этого сочиненія „Духъ и матерія на войнѣ“ отрекается отъ общепринятой оцѣнки военнаго искусства прошлаго столѣтія и признаетъ элементами побѣды не внѣшнія формы чего бы то ни было, а духъ полководца и его войскъ. Къ числу такихъ побѣдныхъ полководцевъ онъ причисляетъ Суворова, ставитъ его въ ряду

другихъ на первый планъ, отрицаетъ въ немъ качества грубаго, дикаго воителя и подчеркиваетъ положеніе, что главнымъ элементомъ его побѣдныхъ свойствъ была его неистощимая боевая энергія.

Анализъ С. В. К. не отличается ни глубиною, ни тонкостью, судя по даннымъ, представляемымъ г. Агапѣевымъ; онъ даже впадаетъ въ крайность, вдаваясь при характеристикѣ Суворова въ апологію „натурализма". Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, повидимому, признаетъ, хотя несовсѣмъ сознательно, *теорію невозможнаго* (см. у насъ стр. 527—533) и приписываетъ ее Суворову. Кромѣ того онъ, въ унисонъ съ русской критикой, винитъ во многомъ Австрійцевъ и такимъ образомъ представляетъ собою явленіе, достойное особеннаго вниманія.

Кромѣ этихъ сочиненій, пришлось пересмотрѣть порядочное количество книгъ, которыя дали или немногое, или ровно ничего, но ознакомиться съ ними представлялось обязательнымъ. Вотъ ихъ перечень.

Семейство Разумовскихъ, Васильчикова, Спб., три тома, 1882.

Записки Императорской Академіи наукъ, Спб., томъ 41, 1882.

Сочиненія Пушкина, ред. Морозова, Спб., 1887. (Изъ записокъ Нащокина).

Исторія Россіи, Соловьева. М., 1868—70, томы 27, 28 и 29.

Исторія Екатерины II, Бильбасова, Спб., 1891, томъ 2.

Присоединеніе Крыма къ Россіи, Н. Дубровина. Спб., 1885—89.

Штурмъ Измаила, Орлова, Спб., 1890.

Исторія паденія Польши, Соловьева, Москва, 1863.

Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, Костомарова, Спб., 1870.

Начало конца Польши, Ильенко и Гейсмана, Спб., 1898, вып. I.

Histoire de la révolution de Pologne en 1794, par un témoin oculaire (Josef Zayączek), Paris, an 5.

Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ, Леера, Спб., 1883—1897, восемь томовъ.

Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ, Спб., 1897, выпуски 1—12.

Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей, Москва, годы 1883—1898.

Русскій Архивъ, Москва, 1883—1898.

Русская Старина, Спб., 1883—1898.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, Спб., томы 39—104.

Историческій Вѣстникъ, Спб., 1883—1898.

Архивъ князя Воронцова, Москва, томы 30—40.

Записки Одесскаго общества исторіи и древностей, Одесса, томы 12—20.

Военный Сборникъ, Спб., 1884—1898 и іюнь 1899.

Архивъ села Михайловскаго, Москва, 1898, т. I.

Архивъ князя Куракина, Спб., 1898, томы 1—6.

Памятная книжка Новгородской губерніи на 1899 годъ. Хронологическій указатель литературы о Суворовѣ, М. Полянскаго.

Суворовъ въ его изображеніяхъ, Козлова, 1899

Все перечисленное составляетъ, въ общемъ итогѣ, значительную массу книгъ, добываніе которыхъ и пользованіе ими представляло бы большія затрудненія для частнаго лица, если бы затрудненія эти не были доведены до минимума любезною помощью и просвѣщеннымъ содѣйствіемъ библіотекаря Императорской Публичной библіотеки В. П. Ламбина.

Къ нашей книгѣ приложены: портретъ (съ подписью — автографомъ) Суворова и на особомъ листкѣ его факсимиле; оба они взяты изъ второго тома перваго изданія, какъ лучшіе. Портретовъ Суворова много, а похожихъ мало. Это потому, что лицо его было чрезвычайно подвижно, такъ что портретъ похожій въ одно время, становился непохожимъ въ другое. Кромѣ того очень многіе его портреты сняты не съ натуры, а по памяти. Въ одной изъ книжекъ Историческаго Вѣстника за 1896 годъ, помѣщенъ снимокъ съ имѣющагося въ Фанагорійскомъ полку портрета, который написанъ въ Италіи, въ 1799 году. Но именно въ этомъ году написано и скопировано очень много Суворовскихъ портретовъ, другъ на друга не похожихъ, не похожихъ и на Суворова, такъ какъ почти всѣ они написаны не съ натуры. Едва-ли портретъ въ Историческомъ Вѣстникѣ принадлежитъ къ лучшимъ; лучшій изъ написанныхъ въ 1799 году, сработанъ Крейцингеромъ не въ Италіи, а въ Вѣнѣ, не во время кампаніи, а до кампаніи. Къ разряду *лучшихъ* Суворовскихъ портретовъ слѣдуетъ отнести также написанные Аткинсономъ, въ Петербургѣ, въ 1796 году (гравиров. Валькеромъ) и Шмидтомъ, въ богемской Прагѣ, въ началѣ 1800 года (гравиров. Уткинымъ); съ этого послѣдняго сдѣлана и наша геліогравюра. Надо только замѣтить, что Шмидтъ написалъ Суворова въ австрійскомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ (бѣломъ), а Уткинъ замѣнилъ этотъ мундиръ русскимъ (чернымъ) и сдѣлалъ еще кое-какія измѣненія.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED